Қазақстан Республикасы
Ғылым және жоғары білім министрлігі

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы
Тарих және этнология институты

ОТАН ТАРИХЫ

2026. Т. 29 (3)
ISSN 1814-6961
E-ISSN 2788-9718





- ТАРИХ
- ЭТНОЛОГИЯ
- АРХЕОЛОГИЯ

ОТАН ТАРИХЫ 2026. Т.29 (3)

ISSN: 1814-6961 (print)
ISSN: 2788-9718 (online)

Отан тарихы
Отечественная история
History of the Homeland

Үш айда бір рет шығатын ғылыми журнал
2026. Т. 29 (3)

РЕДАКЦИЯ

Бас редактор

Қабылдинов Зиябек Ермұханұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас директоры (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Редакциялық алқа

Әбіл Еркін Аманжолұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Қазақстан Республикасы, Астана қ.)

Абдырахманов Толобек Әбілұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, Қырғыз Республикасы Ұлттық ғылым академиясының корреспондент-мүшесі (Қырғыз Республикасы, Бішкек)

Апендиев Тимур Әкімханұлы – PhD докторы, доцент, жетекші ғылыми қызметкер, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Горшенина Светлана Михайловна – PhD, тарих ғылымдарының кандидаты; CNRS Eur'Orbem, UMR 8224, CNRS/ Sorbonne университетінің зерттеу бөлімінің директоры (Франция, Париж)

Исмағұлов Оразақ Исмағұлұлы – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Қазақстан Республикасы Ұлттық музейінің физикалық антропология зертханасының меңгерушісі (Қазақстан Республикасы, Астана қ.)

Шинджи Като – PhD (археология бойынша), Нарадағы мәдени құндылықтардың ұлттық ғылыми-зерттеу институты (Жапония, Нара)

Бирсель Каракоч – Уппсала университетінің түркі тілдерінің профессоры (Швеция, Уппсала қ.)

Мионг Сун-ок – антропология ғылымдарының докторы, қауымдастырылған профессор (Корея, Сеул)

Қозыбаева Махаббат Маликовна – PhD доктор; Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің «Алаш» мәдениет және рухани даму институтының жетекші ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Астана қаласы)

Моррисон Александр – PhD, NewCollege профессоры, Оксфорд (Ұлыбритания, Оксфорд)

Мотузаите-Матузевичюте Гидре – археология ғылымдарының докторы, профессор, Вильнюс университетінің «Биоархеология» ғылыми орталығының жетекшісі (Литва, Вильнюс)

Муминов Әшірбек Құрбанұлы – тарих ғылымдарының докторы, арабтанушы, профессор; ИКҰ (Орталық Азия) ұйымдастыру қызметінің бас директорының кеңесшісі (Түркия, Стамбул)

Нұрсан Әлімбай – тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, Ш.Ш.Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының бас ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Отепова Гүлфира Елубайқызы – тарих ғылымдарының докторы, Ә. Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университетінің профессоры (Қазақстан Республикасы, Павлодар қ.)

Оутрам Алан – археология ғылымдарының докторы, Эксетер университетінің археология және тарих кафедрасының профессоры (Ұлыбритания, Эксетер)

Романова Екатерина Назаровна – Солтүстіктің байырғы халықтарының мәселелері және гуманитарлық зерттеулер институтының этнологиялық зерттеулер орталығының жетекшісі (АН СР(Ы) ХР) (Ресей Федерациясы, Якутск қ.)

Рюосуке Оно – Васеда университетінің тереңдетілген гуманитарлық зерттеулер орталығының доценті (Жапония, Токио)

Сәбитов Жақсылық Мұратұлы – Жошы Ұлысын зерттеу ғылыми институтының директоры, PhD доктор (Қазақстан Республикасы, Астана қаласы)

Томохико Уяма – PhD докторы, Хоккайдо университетінің славян және еуразиялық зерттеулер орталығының профессоры (Жапония, Саппоро)

Финке Питер – PhD докторы, Цюрих университетінің Макс Планк институтының профессоры (Швейцария, Цюрих)

Шотанова Ғалия Айтжанқызы – тарих ғылымдарының кандидаты, Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының жетекші ғылыми қызметкері (Қазақстан Республикасы, Алматы қ.)

Жауапты редактор

Морякова Малика Темирхановна

Жауапты хатшы және редактор

Мырзаходжаев Қуаныш Мәдиұлы

Редакторлар

Абдулина Ақсұңқар Тұрсынқызы
Черниенко Денис Аркадьевич
Досымбетов Нұрлыбек Айдарбекұлы

Техникалық көмек

Зікірбаева Венера Серікқызы

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор

Кабульдинов Зиябек Ермуханович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, генеральный директор Института истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Члены редакционной коллегии

Абиль Еркин Аманжолович – доктор исторических наук, профессор (Республика Казахстан, г. Астана)

Абдырахманов Толобек Абилович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН КР (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Апендиев Тимур Акимханович – PhD, ассоциированный профессор, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Горшенина Светлана Михайловна – доктор PhD, кандидат исторических наук; директор по исследованиям CNRS Eur'Orbem, UMR 8224, CNRS/Университет Сорбонны (Франция, г. Париж)

Исмагулов Оразак Исмагулович – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК, заведующий лабораторией физической антропологии Национального музея РК (Республика Казахстан, Астана)

Като Синдзи (*Shinji Kato*) – PhD (в области археологии), Национальный научно-исследовательский институт культурных ценностей в Наре (Япония, г. Нара)

Бирсель Караоч, профессор тюркских языков, Уппсальский университет (Швеция, г. Уппсала)

Мионг Сун-ок – доктор антропологии, ассоциированный профессор (Корея, г. Сеул)

Козыбаева Махаббат Маликовна – доктор PhD; ведущий научный сотрудник Института культуры и духовного развития «Алаш» Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан, Астана)

Моррисон Александр – PhD, профессор NewCollege, Оксфорд (Великобритания, Оксфорд)

Мотузаите-Матузевичюте Гидре – доктор археологии, профессор, руководитель Научного центра «Биоархеология» Вильнюсского университета, (Литва, г. Вильнюс)

Муминов Аширбек Курбанович – доктор исторических наук, арабист, профессор; консультант Генерального директора по организационной деятельности ОИК (Центральная Азия), (Турция, Стамбул)

Нурсан Алимбай – кандидат исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Отепова Гульфира Елубаевна – доктор исторических наук, профессор Павлодарского педагогического университета им. А.Х. Маргулана (Республика Казахстан, г. Павлодар)

Оутрам Алан – доктор археологических наук, профессор департамента археологии и истории университета Эксетере (Великобритания, г. Эксетер)

Романова Екатерина Назаровна, руководитель Центра этнологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера (ИГИ АН РС(Я)) (Российская Федерация, г. Якутск)

Рюосуке Оно – доцент, Центр перспективных гуманитарных исследований, Университет Васеда (Япония, г. Токио)

Сабитов Жаксылык Муратович – директор Научного института изучения Улуса Джучи, доктор PhD (Республика Казахстан, г. Астана)

Томохико Уяма – PhD, профессор Центра славянско-евразийских исследований университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро)

Финке Петер, доктор PhD, профессор Института Макса Планка, университет Цюриха (Швейцария, г. Цюрих)

Шотанова Галия Айтжановна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ответственный редактор

Морякова Малика Темирхановна

Ответственный секретарь и редактор

Мурзаходжаев Куаныш Мадиевич

Научные редакторы:

Абдулина Аксункар Турсуновна

Черниенко Денис Аркадьевич

Досымбетов Нурлыбек Айдарбекович

Техническое сопровождение

Зикирбаева Венера Сериковна

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief

Kabuldinov Ziyabek Ermukhanovich – Doctor of Historical Sciences Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, general Director of Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Editorial board members

Abil Erkin Amanzholovich – Doctor of Historical Sciences, Professor (Republic of Kazakhstan, Astana)

Abdyrakhmanov Tolobek Abilovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Apendiev Timur Akimkhanovich – PhD, associate professor, leading researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Gorshenina Svetlana Mikhailovna – PhD, Candidate of Historical Sciences; Research Director of CNRS Eur'Orbem, UMR 8224, CNRS/Sorbonne University (France, Paris)

Ismagulov Orazak Ismagulovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan, Head of the Laboratory of Physical Anthropology of the National Museum of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan, Astana)

Shinji Kato – PhD (Archaeology), Nara National Research Institute for Cultural Properties (Japan, Nara)

Birsel Karakoch – Professor of Turkic Languages, Uppsala University (Sweden, Uppsala)

Myong Soon-ok – PhD (Anthropology), Associate Professor (Seoul, Korea)

Kozybaeva Makhabbat Malikovna – PhD; Leading Researcher, Institute of Culture and Spiritual Development «Alash» of the L.N. Gumilyov Eurasian National University (Republic of Kazakhstan, Astana)

Morrison Alexander – PhD, Professor, New College, Oxford (United Kingdom, Oxford)

Motuzaite-Matuzevichute Gidrė – Doctor of Archaeology, Professor, Head of the Scientific Center «Bioarchaeology» of Vilnius University, (Lithuania, Vilnius)

Muminov Ashirbek Kurbanovich – Doctor of Historical Sciences, Arabist, Professor; Consultant to the Director General for Organizational Activities of the OIC (Central Asia), (Turkey, Istanbul)

Nursan Alimbay – Candidate of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Otepova Gulfira Elubayevna – Doctor of Historical Sciences, Professor at the A. Margulan Pavlodar Pedagogical University (Republic of Kazakhstan, Pavlodar)

Outram Alan – Doctor of Archaeological Sciences, Professor of the Department of Archaeology and History, University of Exeter (Great Britain, Exeter)

Romanova Ekaterina Nazarovna – Head of the Center for Ethnological Research, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North (IHR RAS (Yakutia)) (Russian Federation, Yakutsk)

Ryuosuke Ono – Associate Professor, Center for Advanced Humanitarian Studies, Waseda University (Japan, Tokyo)

Sabitov Zhaksylyk Muratovich – Director of the Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi, PhD (Republic of Kazakhstan, Astana)

Tomohiko Uyama – PhD, Professor, Center for Slavic-Eurasian Studies, Hokkaido University (Japan, Sapporo)

Finke Peter – PhD, Professor, Max Planck Institute, University of Zurich (Switzerland, Zurich)

Shotanova Galiya Aitzhanovna – Candidate of historical sciences, leading researcher at the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology (Republic of Kazakhstan, Almaty)

Editor-in-Chief

Moryakova Malika Temirkhanovna

Responsible Secretary and Editor

Murzakhodjaev Kuanysh Madievich

Scientific Editors:

Abdulina Aksunkar Tursunovna

Chernienko Denis Arkadyevich

Dosymbetov Nurlybek Aidarbekovich

Technical support

Zikirbaeva Venera Serikovna

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2025. Vol. 29. Is. 3. Pp. 964–972
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_964-972

HISTORIOGRAPHY OF WRITTEN SOURCES ON THE HISTORY OF KAZAKHSTAN FROM THE 6TH TO THE EARLY 13TH CENTURIES: EVOLUTION OF TRANSLATIONS, TEXTUAL CRITICISM, AND HISTORICAL-GEOGRAPHICAL INTERPRETATION

Dinasheva Lazat [1], Alimbekuly Ali [2], Saparbekova Botagoz [3]*

[1] International University of Tourism and Hospitality
(Turkestan, Rabiga Sultan Begim street 14A, Kazakhstan, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Professor
https://orcid.org/0000-0003-0831-4162. E-mail: Lazat.Dinasheva@iuth.edu.kz

[2] L.N. Gumilyov Eurasian National University
(010008, Astana, Satpayev 2, Republic of Kazakhstan)
PhD student
https://orcid.org/0000-0003-0028-8123. E-mail: Ali.Alimbekuly@gmail.com

[3] M.O. Auezov South Kazakhstan Research University
(160012, Shymkent City, Tauke khan avenue, 5, Republic of Kazakhstan)
Senior Lecturer
https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-1717-7577. E-mail: 1983_botagoz@mail.ru
[*]Corresponding author

© Valikhanov IHE, 2026
© Dinasheva L., Alimbekuly A., Saparbekova B., 2026

Abstract. *Introduction.* The article offers a source-studies-oriented historiographical review of how the history of Kazakhstan from the 6th to the early 13th centuries has been studied through written evidence. Reconstructing Kazakhstan's early and high medieval past relies on a multilingual and multi-genre corpus; thus, scholarly progress has depended on translations, textual criticism, and comparative methods applied to Islamic, Chinese, Old Turkic, and European traditions. *Research objectives and tasks.* The aim and objectives are to identify the major stages in the formation of the source base, to characterise the leading scholarly schools and key authors, and to trace methodological shifts from compilative narratives toward critical work with primary texts. *Methods and materials.* The material includes historiographical works and editions of sources that reflect changing approaches to the study of Turkic tribes and polities located in the territory of present-day Kazakhstan, as well as to historical geography and interregional contacts. The methodological framework combines historiographical analysis, source criticism, comparative method, and historical-geographical interpretation. *Results.* The results demonstrate that the principal scholarly breakthroughs were driven by: (1) the introduction of original Arabic geographical and narrative texts into academic circulation, (2) the systematic use of Chinese dynastic chronicles, (3) the decipherment and

interpretation of Old Turkic runic epigraphy, and (4) the consolidation of rigorous source criticism within academic Oriental studies. *Conclusions.* The conclusion argues that current research requires tighter integration of textology, historical cartography, and interdisciplinary verification, alongside further expansion of translations and improved digital accessibility of the written-source corpus.
Keywords: Kazakhstan; Early Middle Ages; High Middle Ages; written sources; historiography; source studies; Turkic tribes.
Funding. The research was conducted with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of fundamental scientific research under the project «Research of the introduction and spread of Islam to Kazakhstan based on archaeological and written sources» (registration number BR28713129).
For citation: Dinasheva L.G., Alimbekuly A.A., Saparbekova B. Historiography of written sources on the history of Kazakhstan from the 6th to the early 13th centuries: evolution of translations, textual criticism, and historical-geographical interpretation // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 964–972. [in Eng.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_964-972

ҚАЗАҚСТАННЫҢ VI – XIII ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ ТАРИХЫ БОЙЫНША ЖАЗБА ДЕРЕКТЕРДІҢ ТАРИХНАМАСЫ: АУДАРМАЛАР, МӘТІНДІК СЫН ЖӘНЕ ТАРИХИ-ГЕОГРАФИЯЛЫҚ ИНТЕРПРЕТАЦИЯНЫҢ ЭВОЛЮЦИЯСЫ

Динашева Лазат [1], Әлімбекұлы Әли[2], Сапарбекова Ботагоз[3]*

[1] Халықаралық туризм және меймандостық университеті
(Түркістан қ., Рабиға Сұлтан Бегім көш. 14А, Қазақстан Республикасы)
тарих ғылымдарының кандидаты, профессор
https://orcid.org/0000-0003-0831-4162. E-mail: Lazat.Dinasheva@iuth.edu.kz

[2] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
(010008, Қазақстан Республикасы, Астана қ., Сәтпаев көш., 2)
PhD докторант
https://orcid.org/0000-0003-0028-8123. E-mail: Ali.Alimbekuly@gmail.com

[3] М.О. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті
(160012, Шымкент қаласы, Тәуке хан даңғылы, 5, Қазақстан Республикасы)
аға оқытушы
https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-1717-7577. E-mail: 1983_botagoz@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Динашева Л., Әлімбекұлы Ә., Сапарбекова Б., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе*. Мақалада Қазақстанның VI – XIII ғасырдың басындағы тарихын жазба деректер негізінде зерттеудің деректанулық бағдарланған тарихнамалық шолуы ұсынылады. Ерте және дамыған ортағасырлық Қазақстан тарихын қалпына келтіру әртүрлі тілдерде және жанрларда жазылған деректер кешеніне сүйенетіні, сондықтан бұл саладағы ғылымның дамуы аудармаларға, мәтіндік сынға және мұсылман, қытай, көне түркі және еуропалық дәстүр деректерін салыстыру әдістеріне тәуелді болғаны көрсетіледі. *Мақсаты мен міндеті.* Зерттеудің мақсаты мен міндеттері — дереккөздер базасының қалыптасу кезеңдерін айқындау, жетекші ғылыми мектептер мен авторлардың үлесін сипаттау және компилятивтік баяндаулардан бастап бастапқы деректерді сыни талдауға дейінгі әдіснамалық өзгерістерді анықтау. *Әдістер мен материалдар.* Материал ретінде түркі тайпалары мен мемлекеттік құрылымдар (түріктер, түргештер, қарлұқтар, оғыздар, кимектер, қыпшақтар), тарихи география және аймақаралық байланыстар бойынша зерттеу тәсілдерінің эволюциясын көрсететін тарихнамалық еңбектер мен дерек басылымдары алынды. Зерттеу тарихнамалық талдау, деректанулық сын, салыстырмалы-қарастыру және тарихи-географиялық интерпретация әдістерін қолданды. *Нәтижелер.* Нәтижесінде негізгі ғылыми бетбұрыс: (1) араб географиялық және нарративтік деректерін түпнұсқадан ғылыми айналымға енгізу, (2) қытай әулеттік

жылнамалары мәліметтерін жүйелеу, (3) көне түркі руникалық эпиграфикасын оқу және түсіндіру, (4) отандық шығыстануда қалыптасқан қатаң деректанулық сын арқылы қамтамасыз етілгені дәлелденеді. *Қорытынды.* Қазіргі зерттеу күн тәртібі мәтінтану, тарихи картография және пәнаралық верификацияны интеграциялауды, сондай-ақ деректер корпусының аудармаларын кеңейту мен цифрлық қолжетімділігін арттыруды талап ететіні тұжырымдалады

Түйін сөздер: Қазақстан; ерте орта ғасыр; дамыған орта ғасыр; жазба деректер; тарихнама; деректану; түркі тайпалары.

Қаржыландыру. Зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қаржылық қолдауымен «Қазақстанға ислам дінінің енуін және таралуын археологиялық және жазба деректер негізінде зерттеу» іргелі ғылыми зерттеулер жобасы аясында орындалды (тіркеу нөмірі BR28713129).

Дәйексөз үшін: Динашева Л., Әлімбекұлы Ә., Сапарбекова Б. Қазақстанның VI – XIII ғасырдың басындағы тарихы бойынша жазба деректердің тарихнамасы: аудармалар, мәтіндік сын және тарихи-географиялық интерпретацияның эволюциясы // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. Б. 964–972. [ағылш. тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_964-972

ИСТОРИОГРАФИЯ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА VI – НАЧАЛА XIII ВВ.: ЭВОЛЮЦИЯ ПЕРЕВОДОВ, КРИТИКИ ТЕКСТА И ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Динашева Лазат [1], Алимбекулы Али[2], Сапарбекова Ботагоз[3]*

[1] Международный университет туризма и гостеприимства
(Туркестан, ул. Рабиги Султан Бегим 14А, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, профессор
https://orcid.org/0000-0003-0831-4162. E-mail: Lazat.Dinasheva@iuth.edu.kz

[2] Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
(Астана, Сатпаева, 2, Республика Казахстан)
PhD-докторант
https://orcid.org/0000-0003-0028-8123. E-mail: Ali.Alimbekuly@gmail.com

[3] Южно-Казахстанский исследовательский университет им. М.О. Ауэзова
(Шымкент, проспект Тауке хана, 5, Республика Казахстан)
старший преподаватель
https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0003-1717-7577. E-mail: 1983_botagoz@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Динашева Л., Алимбекулы.А., Сапарбекова Б., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье представлен источниковедческо-историографический обзор изучения истории Казахстана VI – начала XIII вв. по письменным источникам. Реконструкция раннего и развитого Средневековья Казахстана опирается на комплекс разноязычных и разножанровых свидетельств, а потому развитие науки в этой области неизбежно зависело от переводов, критики текстов и методик сопоставления данных мусульманской, китайской, древнетюркской и европейской традиций. *Цели и задачи исследования.* Цель и задачи заключаются в выявлении основных этапов формирования источниковой базы, характеристике ведущих научных школ и авторов, а также в определении методологических сдвигов от компилятивных описаний к критическому анализу первоисточников. *Методы и материалы.* Материалом послужили сведения об историографических работах и публикациях источников, отражающих эволюцию подходов к изучению тюркских племен и государственных образований на территории Казахстана, а также к исторической географии и межрегиональным контактам. Методологическая рамка включает историографический анализ, источниковедческую критику, сравнительный метод и историко-географическую интерпретацию. *Результаты.* В результате показано, что ключевой научный перелом обеспечили: (1) введение в

оборот оригинальных арабских географических и нарративных памятников, (2) систематизация данных китайских династийных хроник, (3) расшифровка и интерпретация древнетюркской рунической эпиграфики, (4) формирование строгой источниковедческой критики в отечественном востоковедении. *Выводы.* Обосновано, что современная повестка исследований требует интеграции текстологии, исторической картографии и междисциплинарной верификации данных, а также дальнейшего расширения переводов и цифровой доступности корпуса письменных источников.

Ключевые слова: Казахстан; раннее Средневековье; развитое Средневековье; письменные источники; историография; источниковедение; тюркские племена.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках фундаментальных научных исследований по проекту «Исследование проникновения и распространения ислама в Казахстане на основе археологических и письменных источников» (регистрационный номер BR28713129).

Для цитирования: Динашева Л., Алимбекулы А., Сапарбекова Б. Историография письменных источников по истории Казахстана VI – начала XIII вв.: эволюция переводов, критики текста и историко-географической интерпретации // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 964–972. [на английском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_964-972

Introduction. The reconstruction of the history of Kazakhstan in the sixth and early thirteenth centuries is based on a multilingual and genre–heterogeneous body of written evidence. Information about the early and developed Middle Ages came mainly from external observations – Arabic, Persian, Chinese, ancient Turkic, Byzantine, and Latin sources [Agadzhanov, 1969: 56; Gumilev, 1967: 153]. The fragmentary nature of the messages, their genre heterogeneity, and the multiethnic nature of the author's perspective make it particularly relevant to analyse the evolution of source studies practices: from early compilations and European orientalist publications to critical study of primary sources and interdisciplinary verification of data.

The object of the research is the historiography of the study of early medieval Kazakhstan based on written sources. The subject is the evolution of source-based approaches – translations, publications, criticism, and text comparison – and their impact on the reconstruction of ethnopolitical processes, historical geography, and cultural contacts. The purpose of the work is to identify the main stages of the formation of the corpus of written evidence and to describe the key scientific shifts that have determined the modern research model. To achieve this goal, the following tasks have been set: to trace the early forms of reference to Turkic history in compilatory collections and European orientalism; to characterize the contribution of 19th-century Russian orientalism to the creation of a source base; to show the role of sinology and ancient Turkic epigraphy in expanding empirical material; to reveal the importance of strict criticism of primary sources in Russian Oriental studies; to identify areas of current development – cartography, digitalization and interdisciplinary verification.

The methodological framework of the article combines historiographical analysis, source criticism, comparative method and historical and geographical interpretation. The working hypothesis is that the advancement of research on the history of Kazakhstan in the sixth and early 13th centuries directly correlates with the growth in the quality of source studies: from compiled retellings to critical reading of primary sources and interdisciplinary data verification models.

Materials and Methods. The empirical basis of the article consists of historiographical works, scientific publications, and annotated translations of written monuments used to reconstruct the history of Kazakhstan in the 6th–early 13th centuries. The material is grouped by origin, language, and information specialisation of the sources.

The first group includes narrative chronicles, geographical treatises, and travel descriptions by Arab and Persian authors of the 9th –13th centuries, which record information about Turkic tribes and political entities. Publications of Chinese dynastic chronicles and philological commentaries on them represent the second group. The third is the ancient Turkic runic epigraphy as an autochthonous body of evidence. The fourth is the works of the Western European and Russian schools of Oriental studies, which formed the methods of extracting and interpreting information from texts.

The methodological framework includes historiographical analysis to identify the stages of development of scientific ideas; source criticism to assess the reliability of evidence; a comparative method for "cross-reading" data from different traditions; historical and geographical interpretation in the analysis of

localisations and routes; elements of interdisciplinary verification involving archaeology and numismatics as a means of verifying written messages.

Discussion. The reconstruction of the history of Kazakhstan in the 6th – early 13th centuries based on written sources is based on a multilingual and genre-heterogeneous corpus of texts. The development of scientific knowledge here is largely determined not by the "increase in facts", but by the expansion of the source base, the quality of translations, the level of textual criticism and methods of historical and geographical interpretation. It is advisable to build a literature review according to the logic of changing research "modes": from compiled genealogies and early orientalism to strict source criticism, comparative models and interdisciplinary verification.

The early stage (XVII – the first half of the XVIII centuries) is represented by Turkic genealogical and chronicle works, where information about tribes and dynasties is combined with legendary genealogical schemes. The works of Kadyr Ali-bek Zhalair (1602) and Abulgazi Khan ("Shajarai-Turk", "Shajarai-tarakim") are important not so much for their completeness of factography as for the fixation of ethnonyms, motives of origin and early connections of Turkic groups (Oguzes, Kipchaks, Karluks, Kangls, etc.), as well as the preservation of the "inner" traditions of explaining the status and interactions of steppe communities [Agadzhanov, 1969: 204]. At this level, sources act both as evidence of the past and as instruments of legitimation – genealogical constructions, etymological explanations of ethnonyms, and ideas about the "antiquity" of tribal unions. Later science, while preserving the value of these texts for the study of historical memory, is forced to apply strict genre criticism to them, along with analysis of the author's purpose and the context of creation.

At the same time, in Muslim historiography, the compilation codices consolidated a steady interest in the political history of Central Asia and the adjacent steppe areas. A significant feature of these collections was the inclusion of the steppe in the broad "world-historical" context of the Islamic East: steppe associations were described through their relations with the states of Transoxiana, Khorezm, Iran, as well as through military and trade contacts.

Western European orientalism of the late 17th –18th centuries became an important channel for the initial introduction of information about the Oguzes, Kimeks, and Kipchaks into European scientific circulation. However, the analysis often remained limited to the framework of the "general history of the East". It depended on the availability of the late-compiled Syriac-Egyptian tradition, which complicated critical interpretation. The problem of the early European stage was the weak historical and geographical "binding" of messages: ethnonyms and toponyms were used without a detailed localisation procedure, and information about tribes was often considered as fragments of the foreign political history of Muslim states. The first European publications, despite their importance for the formation of interest in the Turkic world, had a limited impact on the subsequent development of specific subjects of early Medieval Kazakhstan.

A qualitative historiographical turning point is associated with the development of Russian orientalism in the 19th century, when the appeal to the original Arab monuments of the 9th–12th centuries, their publication and translation with scientific commentary created a stable empirical base [Kovalevsky, 1956: 46]. The shift in focus became fundamental: information about the Turkic tribes began to be studied not as secondary elements of a "foreign history", but as an independent subject of source studies, historical, geographical and ethnopolitical analysis. Several methodological innovations characterised this stage. Firstly, the practice of parallel reading by different authors of the same tradition (the circle of Arab geographers) was consolidated, which made it possible to identify stable "information cores" and distinguish them from the author's interpretations. Secondly, the role of commenting increased: translation was accompanied by an explanation of terms, a comparison of handwritten versions, an indication of parallels and clarification of place names. Thirdly, the Russian school gradually began to link written information with material sources (numismatics) and the geography of routes, which strengthened the evidence of reconstructions. The historiography of this period clearly showed a tendency towards the formation of a "source framework" on the problems of settlement, economy, international contacts and the political history of the Turkic associations of Kazakhstan.

In the second half of the 19th and early 20th centuries, the sinological component increased dramatically: the publications of Chinese chronicles and their accompanying historical and philological commentaries opened up the opportunity to reconstruct the political history and international relations of the Turkic khaganates [Gumilev, 1967: 351]. Sinology introduced an important type of data into historiography – more "administrative-diplomatic" and event-chronological, especially significant for the VI –VIII centuries (the period of the khaganates), as well as for the analysis of power structures and foreign policy relations.

At the same time, the ancient Turkic runic epigraphy became the fundamental foundation. Its significance is of a fundamentally different order: runic monuments act as an autochthonous body, recording not only external information about the steppe, but also internal political ideology, the language of power, elements of social structure, ethnonymy, and toponymy of the early Turkic states [Klyashtorny, 2005: 76]. The introduction of runic texts into scientific circulation increased the "cross-checking" of sources: it became possible to compare the data of Chinese chronicles and Muslim reports with the "self-description" of the steppe elite, which made it possible to clarify interpretations and avoid straightforward identifications.

The most significant methodological impetus in the Russian tradition was provided by research focused on the strict requirements of historical criticism of primary sources. As a result, the historiography of Kazakhstan in the sixth and early thirteenth centuries gained a more stable periodisation, and the key sources of the Muslim circle and Turkic epigraphy began to be considered as complementary complexes requiring systematic comparison with historical geography and archaeological data [Klyashtorny and Sultanov, 1992: 124]. This stage is characterised by a reassessment of the role of the source: the text ceases to be "ready evidence" and becomes the object of analysis, taking into account the origin, genre, author's perspective and context of creation. This was manifested in caution when working with ethnonyms (their historical mobility), in attention to routes and locations, as well as in building arguments through a set of independent evidence.

During the Soviet period, the historiographic landscape was characterised by the institutionalisation of source research projects, the development of serial editions of translations and collections of sources, as well as the growing importance of archaeology and numismatics as a means of verifying written evidence [Kumekov, 1972: 467]. A significant change was the expansion of the issue: researchers actively developed issues of ethnopolitical history, economic and cultural types, urban culture and the interaction of nomadic and settled societies. Written sources were increasingly read "in conjunction" with excavation materials and data on medieval cities and trade routes, which enhanced reconstructions in terms of localisation and the region's economic and cultural characteristics. At the same time, certain methodological limitations of the era remained; nevertheless, it was during this period that fundamental arrays of translations and scientific commentaries were accumulated, without which modern historiography would have been impossible.

In the post-Soviet period, interdisciplinary approaches have intensified, and the research agenda has expanded: historical cartography, digital practices of introducing texts into scientific circulation, comparative models of ethnonymy and toponymy analysis have acquired particular importance [Golden, 1992: 245]. From the point of view of source studies, attention to previously underestimated types of written evidence, in particular to cartographic materials, as well as to republications and new translations of key monuments, has become a noticeable trend. This expanded the possibilities of comparative analysis and refinement of localizations, made the "proof" procedure in historical reconstruction more transparent: conclusions are increasingly based on the coordination of data from several traditions (Muslim, Chinese, ancient Turkic) and their verification by archaeological and geographical data.

Thus, the literature review shows that the historiography of written sources on the history of Kazakhstan in the sixth and early 13th centuries develops as a consistent change of research modes: from a compilation description and "history of origin" to criticism of primary sources, to a comparison of traditions and to interdisciplinary verification. It is this evolution of methods that explains why the modern picture of the early medieval history of Kazakhstan is based not on single evidence, but on a coordinated reading of heterogeneous source complexes.

Results. The conducted historiographical and source analysis allows us to identify several interrelated results characterizing the development of the study of the history of Kazakhstan in the sixth and early 13th centuries based on written sources.

1. The logic of historiographical periodization is clarified and its "nodal points" are revealed.

As a result of a comparison of works from different eras, it was found that the development of research was determined not so much by the "accumulation of information" as by the change of source tools and the expansion of the corpus of primary sources. Four stages are conditionally distinguished.

The first stage (XVII – the first half of the XVIII centuries) is characterized by the dominance of the compilation and genealogical tradition (Kadyr Ali-bek Zhalair, Abulgazi Khan, Munejjim Bashi), where information about Turkic tribes and dynasties is presented through genealogical constructions, legendary plots and generalized political narratives. These texts are important as evidence of historical memory and early schemes for explaining the origin and interrelationships of Turkic groups, but require strict criticism of the genre and the author's attitudes.

The second stage (the end of the XVII – XVIII centuries) is associated with the first Western European orientalist publications, which introduced into circulation certain information about the Oguzes, Kimeks, and Kipchaks, as well as with the formation of interest in "oriental antiquities" within the framework of the general history of the East. The result of the analysis of this stage is to fix its methodological limitations: reliance on late compilations and weak binding of messages to specific localizations and chronology reduced the impact of these works on the subsequent development of the issue.

The third stage (19th – early 20th centuries) demonstrates a qualitative change due to the appeal to the original Arabic and Persian sources of the 9th – 12th centuries and publications with scientific commentary. It is at this stage that a stable "framework" of the source base is formed and techniques for parallel reading by different authors are developed, which increases the reliability of reconstructions [Kovalevsky, 1956: 103]. It is shown that the source work here served not as an auxiliary, but as a determining factor in historical constructions.

The fourth stage (mid-20th century – present) is associated with the institutionalization of research, large-scale publications of translations and syntheses, as well as interdisciplinary verification of written data (archaeology, numismatics, historical geography, cartography). The most important result of the stage was that written sources began to be considered as complex "complexes" of traditions, rather than as a single array of facts: Muslim geography and historiography, Chinese chronicles, ancient Turkic epigraphy, and late European descriptions began to be analyzed in a comparative mode [Klyashtorny, Sultanov, 1992: 206; Golden, 1992: 397].

2. Systematized "a package of "written sources" and their research specialization is established.

In the course of the work, it was found that for the history of Kazakhstan in the sixth and early 13th centuries, sources differ not only in language and origin, but also in the type of information that they most reliably record.

a) Muslim geography and narrative monuments (IX – XII centuries) provide the most "dense" information on settlement, routes, trade routes, descriptions of economy, military qualities and social characteristics of tribes, as well as on the political configuration of neighboring states. The result of the analysis is that it was this group of sources that formed the basic data set for the historical and geographical reconstruction of Turkic associations in Kazakhstan, but it requires constant verification of toponyms and terms based on comparable texts and cartographic data.

b) Chinese dynastic chronicles allow reconstructing foreign policy plots, diplomatic contacts, administrative designations, the dynamics of wars and vassal relations. It is revealed that their heuristic value is maximal when working with the early periods (VI – VIII centuries) and when analyzing international relations, but interpretation needs to take into account genre, political optics and translation tradition.

c) The ancient Turkic runic epigraphy acts as an autochthonous body of evidence: it reflects the self-description of power, the ideology of the kaganates, some aspects of social structure, ethnonymy and toponymy. The result of a comparison of historiographical works shows that the introduction of runic texts into scientific circulation created a new "axis of evidence", which made it possible to verify the external messages of the chronicles with the internal discourse of the steppe elite [Klyashtorny, Savinov, 2005: 187].

d) The late compilations and genealogical works (including those of the 17th century) remain important primarily for the study of historical memory and traditions explaining the origin of tribes, but as a factual basis for the VI – XIII centuries. they remain secondary and should be applied to a limited extent.

3. A stable dependence of the quality of reconstruction on the level of source criticism has been revealed.

The results show that scientific breakthroughs in the study of the early and developed Middle Ages of Kazakhstan correlate with an increase in the level of source culture: from the use of retellings and late compilations to work with primary sources, to textual criticism and to the comparison of various traditions.

This pattern manifests itself in three forms: the transition from single quotations to serial involvement of authors of the same tradition (for example, a group of Arab geographers) and the comparison of parallel messages; an increase in the role of historical geography and localization (routes, toponyms, "map" as a means of text verification); the development of caution in ethnic identifications: ethnonyms and tribal names are considered. as mobile categories, depending on the language of the source, the political situation and the author's perspective, which reduces the risk of straightforward "genetic" transfers.

4. Problem fields and "risk zones" in modern research practice are identified.

Based on the analysis of historiography, four most vulnerable areas have been identified. The first is related to the mechanical use of the late compilation tradition without checking against earlier sources and

without taking into account the genre. The second is related to the hyperethnization of terms: the desire to interpret ethnonyms as unchangeable "passports" of tribes over the centuries. The third is due to insufficient cartographic verification of localizations, when toponyms and routes are used outside the comparative procedure. The fourth is with an imbalance of the corpus, when data from one tradition (for example, only Muslim or only Chinese) are applied without cross-reading, which reduces the argumentativeness of the conclusions.

5. The applied results for further work and teaching are formulated.

The results obtained allow us to propose a practical framework for further research: the study of Kazakhstan in the sixth and early thirteenth centuries should be based on a matrix principle, where each plot (ethnopolitical history, settlement, urban culture, international contacts) is compared according to at least two traditions (for example, Muslim geography + runic epigraphy; Chinese chronicles + archaeological data). This framework is also applicable in educational practice, as it allows you to build training modules not according to the list of "events", but according to the types of sources and methods of their criticism: from the question "who wrote and why" to the question "how to compare texts and check localizations".

In general, the results of the study confirm that the historiography of written sources on the history of Kazakhstan in the sixth and early thirteenth centuries is developing as a system in which publication and criticism of the text, historical and geographical interpretation and interdisciplinary verification are key conditions for reliability and scientific novelty [Kovalevsky, 1956: 347; Klyashtorny, Sultanov, 1992: 195; Kumekov, 1972: 268; Golden, 1992: 375].

Conclusion. The goals and methods of research are realized by highlighting the main stages of the development of historiography and describing methodological shifts in working with written sources. The results show that the progress of studying Kazakhstan in the sixth and early thirteenth centuries was due not only to the accumulation of facts, but above all to the development of source culture: translation and publication of texts, criticism of genre and author's attitudes, comparison of traditions and interdisciplinary verification of data.

Conclusions. 1) Early compilations are important as a reflection of historical memory and tradition, but require rigorous criticism. 2) The foundation of the source base was made up of Arab-Persian monuments of the 9th – 13th centuries, introduced into circulation through scientific publications and commentaries. 3) Chinese chronicles and ancient Turkic epigraphy have radically expanded the possibilities of reconstructing ethnopolitical processes and historical geography. 4) The modern perspective is related to the integration of textual criticism, cartography and digital methods of working with the corpus of sources.

The prospects for further work include the preparation of comparative cartographic reconstructions based on written traditions, the expansion of translations and annotated publications, as well as the creation of digital text corpora with the possibility of search analysis of ethnonyms and toponyms. The practical applicability of the results is to improve the teaching methods of medieval history of Kazakhstan and to improve the accuracy of scientific reconstructions used in academic syntheses and reference publications.

Literature

Агаджанов, 1969 – *Агаджанов С.Г.* Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 296 с.

Гаркавец, 2015 – *Гаркавец А.Н.* Codex Cumanicus. Полное издание в 4 томах. Алматы: Баур, 2015. 1348 с.

Гумилев, 1967 – *Гумилев Л.Н.* Древние тюрки. М.: Наука, 1967. 501 с.

Кляшторный, 1964 – *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука, 1964.

Кляшторный, Савинов, 2005 – *Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.* Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 346 с.

Кляшторный, Султанов, 1992 – *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алматы: Рауан, 1992. 374 с.

Ковалевский, 1956 – *Ковалевский А.П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. 347 с.

Кумеков, 1972 – *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков в IX–XI вв. Алма-Ата: Наука, 1972. 695 с.

Нуртазина, 2016 – *Нуртазина Н.Д.* Распространение ислама и формирование казахской мусульманской традиции (VIII – начало XIX вв.). Алматы: Қазақ университеті, 2016. 353 с.

Golden, 1992 – *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p.

Rachewiltz, 2004 – *Rachewiltz I.* de. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2004. 2 vols.

Türkler, 2002 – *Türkler: Ansiklopedi (20 cilt).* Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. 1550 b.

References

Agadzhanov, 1969 – *Agadzhanov S.G*. Ocherki istorii oguzov i turkmen Srednei Azii IX–XIII vv. [Essays on the History of the Oghuz and Turkmens of Central Asia in the 9th–13th Centuries]. Ashgabat: Ylym, 1969. 296 p. [in Russian]

Garkavets, 2015 – *Garkavets A.N.* Codex Cumanicus. Polnoe izdanie v 4 tomakh [Codex Cumanicus: Complete Edition in Four Volumes]. Almaty: Baur, 2015. 1348 p. [in Russian]

Gumilev, 1967 – *Gumilev L.N.* Drevnie tiurki [The Ancient Turks]. Moscow: Nauka, 1967. 501 p. [in Russian]

Kliashtornyi, 1964 – *Kliashtornyi S.G*. Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii [Ancient Turkic Runic Monuments as a Source on the History of Central Asia]. Moscow: Nauka, 1964. [in Russian]

Kliashtornyi, Savinov, 2005 – *Kliashtornyi S.G., Savinov D.G*. Stepnye imperii drevnei Evrazii [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. St. Petersburg: Faculty of Philology, St. Petersburg State University, 2005. 346 p. URL: kronk.spb.ru/library/klashtorny-savinov-2005.htm?utm_source [in Russian]

Kliashtornyi, Sultanov, 1992 – *Kliashtornyi S.G., Sultanov T.I.* Kazakhstan. Letopis trekh tysiacheletii [Kazakhstan: A Chronicle of Three Millennia]. Almaty: Rauan, 1992. 374 p. [in Russian]

Kovalevskii, 1956 – *Kovalevskii A.P*. Kniga Akhmeda ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 gg.: stati, perevody i kommentarii [The Book of Ahmad ibn Fadlan about His Journey to the Volga in 921–922: Articles, Translations and Commentaries]. Kharkiv, 1956. 347 p. [in Russian]

Kumekov, 1972 – *Kumekov B.E*. Gosudarstvo kimakov v IX–XI vv. [The Kimak State in the 9th–11th Centuries]. Alma-Ata: Nauka, 1972. 695 p. [in Russian]

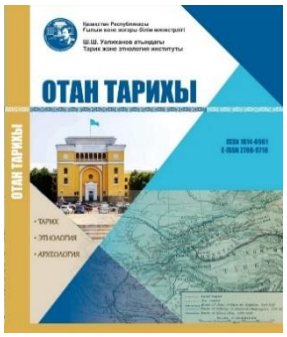
Nurtazina, 2016 – *Nurtazina N.D.* Rasprostranenie islama i formirovanie kazakhskoi musulmanskoi traditsii (VIII – nachalo XIX vv.) [The Spread of Islam and the Formation of the Kazakh Muslim Tradition from the 8th to the Early 19th Century]. Almaty: Qazaq universiteti, 2016. 353 p. [in Russian]

Golden, 1992 – *Golden P.B.* An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p. [in English]

Rachewiltz, 2004 – *Rachewiltz I.* de. The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden; Boston: Brill, 2004. 2 vols. [in English]

Türkler, 2002 – *Türkler: Ansiklopedi* [The Turks: Encyclopaedia]. 20 vols. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. 1550 b. [in Turkish]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 973–984
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР/ МРНТИ/ IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_973-984

ULUS OF JOCHI AND THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA, 1380–1395 FROM VASSALAGE TO ALLIANCE

Dinara Kaisarovna Suleimenova [1], *Otkirbay Mıltıqbayulı Agatay* [2]

[1] Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi
(15 B, Pushkin str. 010008, Astana, Republic of Kazakhstan)
PhD doctoral student, Research Fellow
https://orcid.org/0009-0004-6344-1222. E-mail: Suleimenova911@gmail.com

[2] National Museum of the Republic of Kazakhstan
(54 Tauelsizdik Avenue, Astana, 010000, Republic of Kazakhstan)
PhD, Senior Research Fellow
https://orcid.org/0000-0002-8840-010X. E-mail: agatayotkirbay@gmail.com

©Valikhanov IHE, 2026
©Suleimenova D.K., Agatay O.M., 2026

Abstract. *Introduction* This article examines relations between the Ulus of Jochi and the Grand Duchy of Lithuania in 1380–1395 in their military-political, diplomatic, and legal-fiscal dimensions. *Aim and objectives.* The study aims to identify the mechanisms through which Jochid legitimacy shaped the Grand Duchy's rights over the Ruthenian lands while simultaneously preserving the khan's sovereign prerogatives. *Materials and methods*. The source base comprises materials of the Lithuanian Metrica, including correspondence and embassy books, khanly yarlyks (above all Tokhtamysh's yarlyk to Jogaila of 1393), comparative evidence from Ruthenian princely charters, as well as Western European testimonies and Crimean commercial documentation. *Results***.** It is shown that the crisis of 1380–1382 reflects a shift in Horde supremacy and the necessity of recognizing the new ruling authority; in the 1390s, diplomatic language functioned as a rhetorical-legal code of status embedded in established embassy practice. The 1393 yarlyk is demonstrated to articulate a legal model of delegated governance: Lithuanian administration was combined with the khan's fiscal sovereignty through the collection of "vykhod" and the transfer of payments via envoys, reinforced by provisions safeguarding trade. *In conclusion*. The article's scholarly novelty lies in linking the diplomatic analysis of the yarlyk with the diplomatic memory preserved in the Lithuanian Metrica and in interpreting Vytautas's policy in 1392–1395 as the conversion of Jochid sanction into a tool of internal centralization while retaining elements of Horde sovereignty; the watershed of 1395 is presented as a transition to a phase in which the Grand Duchy became a patron and resource base for Jochid claimants.
Keywords: Ulus of Jochi; Grand Duchy of Lithuania; Tokhtamysh; Vytautas; Jogaila; yarlyk of 1393; Lithuanian Metrica.
Acknowledgements. The article was prepared within the framework of grant funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan "Comprehensive study of the history of the medieval city of Sarayshyk" (IRN AP26103999).

For citation: Suleimenova D.K., Agatay O.M. Ulus of Jochi and the Grand Duchy of Lithuania, in 1380-1395 from vassalage to alliance // Otan Tarihy. 2026. Vol. 29. №29. Pp. 973–984. [in English]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_973-984

ЖОШЫ ҰЛЫСЫ МЕН ЛИТВА ҰЛЫ КНЯЗДІГІНІҢ 1380–1395 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫ: ВАССАЛДЫҚТАН САЯСИ ОДАҚА ДЕЙІН

Динара Кайсаровна Сулейменова[1] Өткірбай Мылтықбайұлы Ағатай[2]

[1] Жошы Ұлысы ғылыми зерттеу институты
(15 Б, Пушкин көш. 010008, Астана қ., Қазақстан Республикасы)
PhD докторант, ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0009-0004-6344-1222. E-mail: Suleimenova911@gmail.com

[2] Қазақстан Республикасының Ұлттық музейі
(Тәуелсіздік даңғылы, 54, 010000, Астана, Қазақстан)
PhD, аға ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0000-0002-8840-010X. E-mail: agatayotkirbay@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Сулейменова Д.К., Ағатай Ө.М., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақалада 1380–1395 жылдар аралығындағы Жошы Ұлысы мен Литва Ұлы княздігі арасындағы қарым-қатынастар әскери-саяси, дипломатиялық және құқықтық-фискалдық қырлар тұрғысынан қарастырылады. Зерттеудің мақсаты – ордалық легитимділіктің Литва Ұлы княздігінің орыс жерлеріне қатысты құқықтарын рәсімдеу тетіктерін және сонымен қатар хан билігінің егемендік құзыреттерінің сақталу жолдарын анықтау. *Материалдар мен әдістер*. Зерттеудің дереккөздік негізін Литва метрикасының материалдары, хат-хабарлар мен елшілік кітаптары, хан жарлықтары (ең алдымен, Тоқтамыстың 1393 жылы Ягайлоға берген жарлығы), Русь князьдерінің грамоталарынан алынған салыстырмалы деректер, сондай-ақ Батыс Еуропа деректері мен Қырымның сауда құжаттары құрады. *Нәтижелер.* 1380–1382 жылдардағы дағдарыс ордалық жоғарғы биліктің ауысуын және жаңа билікті мойындау қажеттігін айқындағаны көрсетілді. 1390-жылдары дипломатиялық тіл мәртебені білдіретін риторикалық-құқықтық код қызметін атқарып, елшілік қатынастар дәстүрінде орныққаны анықталды. 1393 жылғы жарлықтың бөліп басқарудың құқықтық моделін қалыптастырғаны дәлелденді: Литва әкімшілік басқаруы ханның фискалдық егемендігімен ұштасып, бұл байланыс алым-салық («шығыс») төлеу және төлемдерді елшіліктер арқылы жеткізу тетіктері арқылы жүзеге асқан, сондай-ақ сауда кепілдіктерімен толықтырылған. *Қорытынды.* Мақаланың ғылыми жаңалығы жарлыққа жасалған актілік-құқықтық талдауды Литва метрикасында сақталған дипломатиялық жадпен сабақтастыра қарастырудан және Витовттың 1392-1395 жылдардағы саясатын ордалық санкцияны орталықтандыру ресурсына айналдыру үдерісі ретінде түсіндіруден көрінеді. Бұл ретте ордалық егемендіктің жекелеген элементтері сақталған. 1395 жыл межесі билікке үміткерлерге Литва тарапынан саяси қамқорлық көрсету кезеңіне өтудің басталуы ретінде сипатталады.

Түйін сөздер: Жошы Улұсы; Литва Ұлы княздігі; Тоқтамыс; Витовт; Ягайло; 1393 жылғы жарлық; Литва метрикасы; ордалық легитимділік; шығым; дипломатиялық қатынас; фискалдық егемендік; Русь жерлері

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Сарайшық ортағасырлық қалашығы тарихын кешенді зерттеу» тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (ЖТН AP26103999).

Дәйексөз үшін: Сулейменова Д.К., Ағатай Ө.М. Жошы Ұлысы мен Литва Ұлы Княздігінің 1380-1395 жылдардағы қарым-қатынастары: вассалдықтан саяси одаққа дейін // Отан тарихы. 2026. Т. 29. №3. 973–984-бб. [ағылшын]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_973-984

ОТ ВАССАЛИТЕТА К СОЮЗУ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ УЛУСА ДЖУЧИ И ВКЛ (1380-1395 гг.)

Динара Кайсаровна Сулейменова[1], *Уткирбай Мылтыкбайулы Агатай*[2]

[1] Научный институт изучения Улуса Джучи
(д.15Б, ул. Пушкина, 010008, Астана, Республика Казахстан)
Докторант PhD, научный сотрудник
https://orcid.org/0009-0004-6344-1222. E-mail: Suleimenova911@gmail.com

[2] Национальный музей Республики Казахстан
(пр. Тауелсиздик 54, 010000, Астана Республика Казахстан)
PhD, Старший научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0002-8840-010X. E-mail: agatayotkirbay@gmail.com

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Сулейменова Д.К., Агатай У.М., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются взаимоотношения Улуса Джучи и Великого княжества Литовского (ВКЛ) в 1380-1395 гг. в их военно-политическом, дипломатическом и правово-фискальном измерениях. *Цель исследования* состоит в выявлении механизмов, посредством которых ордынская легитимность оформляла права ВКЛ на русские земли и одновременно сохраняла ханские суверенные прерогативы. *Материалы и методы*. Источниковую основу составили материалы Литовской метрики переписка и посольские книги, ханские ярлыки (прежде всего ярлык Токтамыша Ягайло 1393 г.), сопоставительные данные княжеских грамот Руси, а также западноевропейские свидетельства и крымская торговая документация. *Результаты.*Показано, что кризис 1380-1382 гг. фиксирует смену ордынского верховенства и необходимость признания новой власти; в 1390-е гг. дипломатический язык функционировал как риторико-правовой код статуса, закреплённый в традиции посольского общения. Установлено, что ярлык 1393 г. задаёт юридическую модель делегированного управления: литовское администрирование сочетается с ханским фискальным суверенитетом через «выход» и посольскую передачу платежей, дополненные торговыми гарантиями. *Заключение.* Научная новизна статьи заключается в сопряжении актового анализа ярлыка с дипломатической памятью Метрики и в интерпретации политики Витовта 1392-1395 гг. как конверсии ордынской санкции в ресурс централизации при сохранении элементов ордынского суверенитета; рубеж 1395 г. раскрыт как переход к фазе литовского патронажа претендентов.
Ключевые слова: Улус Джучи; Великое княжество Литовское; Токтамыш; Витовт; Ягайло; ярлык 1393 г.; Литовская метрика.
Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Комплексное изучение истории средневекового городища Сарайшык» (ИРН AP26103999).
Для цитирования: Сулейменова Д.К., Агатай У.М. От вассалитета к союзу: трансформация отношений Улуса Джучи и ВКЛ (1380-1395гг.) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 973–984. [на английском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_973-984

Introduction. The issue of relations between the Ulus of Jochi and the Grand Duchy of Lithuania in the period from 1380 to 1395 takes a significant place in the reconstruction of the political geography of Eastern Europe in the late XIV century. Having survived the battle on the Kulikovo field, the power balance in the steppe has been radically changed, creating the new mechanisms of political legitimation, vassalage, and consensual dependency. It is exactly in the defined period when transformation in the contacts from perception of the Lithuanian top leadership depending on the centres of the Jochids' power comes into a stage of their pragmatic realization by means of diplomatic correspondence and redistribution of the rights over the Ruthenian lands. And it gives additional meaning to the problem since the given interval is characterized not just by military clashes but the policy and status language of the representatives and “the Horde's Past” was activated in the political struggle in the region as a means of legitimation. Notably, evidence found in documents and subsequent diplomatic memoires prove that the application of the standards, established by

former Jochids might become the basis for the current policy and a pretext for inheritance of the Jochid sovereign legacy. This article aims to analyse and reveal the nature and dynamics, as well as the political sense of the relationship between Ulus of Jochi and the Grand Duchy of Lithuania from 1380 to 1395 as a complex system of constantly evolving alliances as a phenomenon as they were defined within diplomatic sphere and represented in legal sources. Therefore, the goals of the article include to research the logic of interactions between the Grand Duchy of Lithuania and the Ulus of Jochi in the context of the collapse of Mamai's system of rule (1380–1382), replacement of the Horde supreme authority and its influence on the foreign policy decisions of the Lithuania; to define the essence and implications of diplomatic activities in the 1390s: the meaning of the status principle of brotherhood in inter-state language, role of diplomatic exchange, its prerequisites and legal ground for acknowledgment of Lithuanian authority over the Ruthenian lands; and to examine how the Jochids' legitimation (received in the form of yarlyk grant, diplomatic status formulas and fiscal commitments) turned into one of the important assets of Lithuanian foreign policy (1392-1395), to be used for internal centralization and redistribution of political influence in Ruthenian lands without losing Jochid elements such as tax-tribute system or commercial guarantees and rights of transportation through the lands.

Materials and Methods. The article is based on a combined corpus of materials – documents, administrative sources and narratives – enabling the researchers to define the process of Jochid–Lithuanian interaction in 1380-1395, including events, diplomatic practices and a fiscal-legal regime framework. The Lithuanian Metrica serves as the core corpus of documents dealing with relations between the Grand Duchy of Lithuania and Turkic states including those concerning the Crimea, the Golden Horde and the Nogay Horde. Diplomatic communication, various forms of diplomatic discourse regarding sovereignty rights over Ruthenian lands and diplomatic memory, including the idiom of brotherhood as an element of common state-related communication, all come from such evidence. Khanly yarlyks occupy the central place among charter materials for our study. A prime source remains khanly yarlyk attributed to Tokhtamysh and presented to King Jogaila (provisionally dated 1393), printed according to I.N. Berezin's translation, alongside a number of diplomatic acts toward Vytautas also linked to the legal justification of Lithuanian power over Ruthenian lands in academic sources [Berezin, 1998]. Moreover, our consideration also takes into account other khanly yarlyks for the Russian Church, particularly granted by Meng-Timur, Zhanibeg, Berdibeg and etc., because those documents display Juridical language in the practice of granting immunities or other privilieges, as well as reflect the mechanisms of fulfilment and violation of the obligations within the state. Thus to make sure typologically correct identification of both mechanisms of recognition of the Jochid status of autonomy and explanation of taxation as a mechanism of its assertion, we have used the data of charters issued by Rus' Princes, that include their spiritual testaments and agreements. These documents from Ivana Kalita, Dmitrij Donskoj, Vasilij I, and II serve to define financial and legal dependence without replacement of it with the model relevant for Muscovy [Pochekaev, 2022]. For interpretative work we have made use of a wide range of historiographical studies. In evaluating Jochid yarlyks and descriptions of the Internal social and administrative structure of the Jochids' Ulus we have taken into consideration work of Berezin, Sablukov, Veselevskii [Berezin, 1998; Sablukov, 1881; Veselevskii, 1910]. For an introduction to views on the Horde's legacy in East Europe we have reviewed sources for Solomon Mikhailovich, Solov'ev, Vasilij O. Kljuchevskij, Nikolai I. Kostomarov and others. The Jochid political body and periphery as well are examined based on V.V. Trepavlov's monographical analysis and I.M. Mirgaleev's works, focusing on Tokhtamysh's military and dynastic aspects in the complex of power of the last decade of XIV century [Trepavlov, 2010; Mirgaleev, 2003] The Jochid lines used in for later continuity and specific family issues are described following J.M. Sabitov works [Sabitov, 2009]. The Jochid legal code, the practice of issuing charters yarlyk and Juridical nuances of interaction between the Horde and the Rus' princes are analyzed in publications by R. Yu. Pochekaev as well as M.A. Usmanov devoted to diplomatiics and textological classification of Jochids' grant charters [Pochekaev, 2022; Usmanov, 1979]. The Integration of the Rus' princes into the Horde political system and their perception of the political space of the Horde in written sources has been reviewed through studies by Yu.V. Seleznev [Seleznev, 2013]. For understanding traditional views on Golden Horde history and its further reflection we referred to scholarly output of B.D. Grekov and A. Yu. Jakubovskii [Grekov & Yakubovskii, 1950]. Regional historical perspective as for a southern Russia under the Jochids' rule and influence and by Lithuaniua is illuminated in works by M.S. Grushevski and O.V. Rusina respectively [Hrushevskyi, 1993; Rusina, 2001], E. Gudavicius [Gudavius, 2005]. B. Spuler's comparative review on the Horde states is another major source for this discussion [Spuler, 2016]. Issues of military-political and operational aspects in connection with military

campaign of Tokhtamyshare covered by B. Cherkas's works [Cherkas, 2011]. This integrated approach allows us to see the relationships between Ulus of Jochi and the Grand Duchy of Lithuania from 1380–1395 not just as military events and turnings, but as a process which correlates military clashes and turning of circumstances with juridical means for legitimation like the yarlyks and fiscal commitments, and diplomatic language defining the parties' statuses within an overall continuum of mutual communications.

Discussion. The article covers the relationship between the Grand Duchy of Lithuania and the Ulus of Jochi in 1380–1395, shows that a notion of unbrooken confrontation is mainly a later ideology, in reality in the late 14th century political interactions were much more complicated, there were military clashes, border wars as well as protracted diplomacy and a network of pragmatic agreements. The author prove, that the accession of the southern Ruthenian lands in the Grand Duchy didn't lead to abandoning the Jochid rights over them, and main documents of the late 14th cent. Proclaimed not the renunciation by the Hordes of Ruthenia but a possibility of Lithuanian rule to exist under condition of Jochid authority and taxes to be collected. Tokhtamysh's yarlyk of 1393 is here presented as a formula of delegated power in which khanly administration recognises actual possession and taxation by the Lithuanian administration but retain ultimate authority by demands of vykhod and tax to be delivered by means of envoys, and makes trade conditions necessary for peaceful relationship. Comparison of yarlyk with the texts in later 15th - beginning 16th cent. Lithuanischen Metric allows clarifying some aspects of the rhetoric of "fraternalhood", which should be interpreted as the language of status diplomacy by which a specific political tradition was approved and forms of interaction established, rather than of full equality. And it's also possible to demonstrate how Vytautas started using Jochid legitimacy as a form of domestic politics aiming at increasing power and making relations with Poland more independent. The crucial moment in development of Jochid-Lithuanian relations was 1395 with defeating of Tokhtamysh, when the Grand Duchy turns to the stronghold and tool of Chinggisid princes; support of ex khans becomes the productive mechanism of control over the steppe with eventual yarlyk approval overRuthenian lands. Novelty consists of the study on Jochid-Lithuanian relations not from the opposition of Dependence and Liberation but on model of the shared regime where fiscal suzerainty of Jochids and effective Lithuanian administration had their places. The results based on integration of 1393 yarlyk, diplomacy in Lithuanian Metrica and critical re-evaluation of sources geographically.

Results. Tokhtamysh's consolidation of power in Sarai brought about the end of the Great Trouble and restored the Ulus of Jochi's central position in control over frontier lands and dependent domains. In this new context, Tokhtamysh's punitive expedition of 1380-1381 into Podolia and Kyiv region became viewed as proof of Jochid capacity for military action on territory that had been undergoing gradual absorption byLithuaniandynasties, predominantly Koriatoviches. The narrative conclusion of the raid contained a salient marker of physical conflict and direct confrontation: the killing of Prince Aleksandr Koriatovich in battle against Tatar troops. This detail, which numerous historians emphasize, establishes that the event was not a verbal dispute between opposing claims but a forceful attempt to redress power relations in the region [Cherkas, 2011, p. 168]. Politically, the campaign put a temporary brake on Lithanian advance into territories ruled by the Mongols and signalled a new phase in interactions between the two entities, in which a rehabilitated center of the Jochi Ulus forcefully demonstrated itself to be a effective suzerain capable of bolstering regional subordinates and establishing order over frontier lands. It can therefore be concluded that 1380–1381 should be understood not as a spontaneous raid, but as a calculated geopolitical statement regarding the current nature of power in the Horde. Tokhtamysh deliberately steered out of the post-Mamai chaos and instituted a system of statecraft, wherein acknowledgement of Sarai once again became a precondition for a stably maintained command of southern Ruthenian areas. The seizure of Moscow in 1382 catapulted Tokhtamysh beyond purely internal Rus' dynamics, expanding its reach into all of East Europe. He was elevated from the status of conqueror of Mamai to the khan who reinstated what texts describe as the natural hierarchy between the Horde as ruler and Ruthenian lands subject to its authority. A major outcome of the episode was the establishing of a diplomatic procedure for informing chief regional rulers of their new suzerain and seeking acknowledgement of their allegiance. The records indicate clearly that in 1382 Tokhtamysh personally contacted Jogaila and Dmitrii Donskoi and conveyed information about his accession to the khanate, thereby implicitly demanding obedience to his authority [Aleksandrov, 2011: 101].

Two aspects of this event are analytically significant: First, the act itself – a dispatch of communication by Khan – signifies the Horde's assumption of overall supremacy over Lithuania:jogaila is placed within thesame interlocutory framework as the grand duke of Moscow, as a principal actor to whom confirmation of the new center of power is due.

Second, the act of seeking obedience sets the tone for events to come in the 1390s. The establishment of Lithanian rights to the lands of Ruthenia, negotiation over tribute, and the trade terms imposed by the Horde through theyarlyk can thus be traced to 1382, the point of departure for the newly enthroned ruler; all presuppose a recognition of his power and appropriate subordination. Hence, 1382 represents a pivotal moment for the change of order from «Mamai's patronage and submission» to the need of defining relationship with a reassertive khan ready to employ an imperial power structure. After 1382, the interaction between Grand Duchy and the Horde transitioned from periodic conflict (in 1380s) to a stable and ordered format through the integration of diplomatic formulae, khanly yarlyks and obligations. Not only, it should be taken as sign of relinquishment by the Horde of supreme authority over Ruthenia, but as a reorganization of existing governing structures; whilst Lithuania managed to effectively control and govern large regions, the Horde preserved its hierarchical position and demanded monetary tribute. This interpretation helps to avoid the old dichotomy of 'dependence vs. Liberation' and better describes the reality of late 14th century: while Lithuania succeeded in increasing its effective command and power, the Horde remained in a general status position of the ruling power and continued to receive payment as tax [Gudavicius, 2005: 189].

The linchpin of the diplomatic-legal architecture of the 1390s is Tokhtamysh's yarlyk to Jogaila, a document dated in scholarship conventionally to 1393. The yarlyk stands as a landmark due to its peculiar function as the document to have simultaneously formalized recognition of the de facto administration by the Grand Duchy of some Rus' land and preserved for the khanly authority its own fiscal sovereignty, a claim embodied in the collection ofvykhod from these dependencies. The act's own logic renders the recognition of ownership as the renunciation of rather than the consolidation of khanly sovereignty; indeed, the text sketches out a regime of indirect rule under which the Lithuanian side receives authorization to rule and exact revenues, while the Jochid center validates its ultimate authority by stipulating a schedule of regular payments and stipulating controls over their conveyance. Even before detailing content, one can grasp the yarlyk's underlying principle from the introductiory preamble. For example, the scholarly study that the section on this yarlyk is derived from consistently places 1393 within the backdrop of the 1380–1382 period; for example, this scholarship points out how Rus' writings within the Kulikovo Cycle regard Jogaila's participation in events as one of subordination to the Horde, and after the sack of 1382, how Tokhtamysh communicates news of his enthronement to Jogaila and Dmitrii Donskoi and (most likely) seeks acknowledgment of his paramountship. Why these continuities and continuities? One need not write a full diplomatic history to recognize how the narrative pattern of the sources shows clearly structured vertical interaction in which any shift in supremacy at the very top of the Horde warranted a ritualized notification and acceptance process, before an accord could formally lay out specific rules governing the relationships between those two parties [Berezin, 1998: 140–142].

A particularly significant observation here is the divergence between the diplomatic tone of the Rus' and the less diplomatic, imperative tone of the yarlyk. It matters that it is even at this point possible, given that one most likely does not read yarlyks in original manuscripts, that the text not an independent agreement to form a political or military partnership; this document has within it notice of political events, including internal unrest, as preamble to a prescriptive declaration on issues relating to finance and information management. At this point, the Yarlyk becomes an instrument of rule rather than merely the documentation of diplomacy. At the core of the normative component of the yarlyk is an directive thatvykhod is to be exacted and transmitted: It iskhanly commandthat revenues collected from territories under Us be designated for the collection of an expeditionary force (i.e. An envoy). The wording has broad implications on the positioning of the Grand Duchy within the territories of the Ruthenian lands: First, it suggests that the recognition of Lithuanian sovereignty is contained within the framework of Khanly Rule; therefore, though the territory in question can be under Lithuanian jurisdiction, it remains indebted to the Ulus, and responsibility to pay remains in the form of expeditions organized by Khans.

The nature of this pay implies also that it will not be given by way of voluntary gift, but given in keeping with Horde administrative principles. By specifying the lands involved as having the status of the volosti and also requiring transport through the expeditionaries, it is stated explicitly what would normally only be implied and confirmed indirectly; i.e., those that remain tributary areas are sources of revenues that the formalization is really all about. Yarlyk formulation provides additional insight into the genre of the text. It says ofyarlyk thatbegin with "My words", that this writing, for the reasons listed above, would be delivered "solely to subjects". While such wording will vary with later diplomatically focused language such as "My words brother…" This establishes that theyarlykis a command that issues from the ultimate ruler, assuming the compliance of the subordinate authority with set norms. In others instances, «My words», for

example, refers specifically to how “khan commands toemirs and to all the lands of Rus”, indicating clearly that ouryarlyk to Jogaila can also fit the category of a khanly edict establishing specific rules for behavior and expectations among subservient entities.

From this perspective, the acknowledgment of Lithuanian ownership of the Ruthenian lands might be considered less an expression of surrender than validation of existing patterns of relative strength, whereby the Grand Duchy gains mandate to exercise jurisdiction but with expectation that the mandate involves the obligation to facilitatevykhodcollection and adherence to the khanly command [Usmanov, 1979: 277]. One compares this provision of the yarlyk of 1393 to similar provisions that mandate regular tribute, active participation in khanly wars, responding to summons, and other duties common inYarlyks for tributary rulers. From the standpoint of this project, it should be underscored most strongly, not as a complete catalogue of every demand or duty, but because the yarlyk of 1393 lays out precisely the parameters of financial dependence that is, the component most resiliently evidenced by the document. Finally, in the body of theyarlykl is set out a clause on trade, stating: «same rules for mutual trade of merchants as in previous times»; the yarlyk is also ratified with a “khanly imperial Charter with gold emblem” and is accompanied with precise chronotope and placename specifications-e.g. “The Horde [is on the] Don’. From the viewpoint of a research project, the latter provision should perhaps be viewed not just as an afterthought but a necessary component to a political compromise, given that safe commercial routes encourage relationship stability and enable the payment of tribute, because trade revenues directly support state expenditures. Consequently, one concludes that the Yarlyk of 1393 ties these components together into one, unifying charter: rights of possession, demands relating to tribute collection, and an assurance of communications protocol, rendering the text the prime source-based authority on the state of Jochid-Lithuanian relations in the period being analyzed [Aleksandrov, 2011: 101–102].

When historiographical reconstructions point to a set of lands having been included within the sphere of influence associated with Tokhtamysh's practice of yarlyk practice aimed at the Lithuanian ruler, they do not do so through the inventory method, in its mechanical listing of the subjects. This must rather be interpreted as an administrative-fiscal plan map of khanly control rendered through categorization, so as to serve controlling mechanisms and the ensuring of political allegiance on the periphery. To that extent, the nature of the structure of the list itself should be perceived as an instrument for accessing how, from the perspective of the Horde at the end of the fourteenth-century, the Ruthenian lands might be perceived in three distinct ways: as a tuman; as individual frontier hubs; or as fragmented regional complexes depicted, not as a tuman, but as an enumeration of its towns.

In the established tradition with which we are dealing, the grant of the yarlyk has as its object, then, a particular territorial unit. It comprises the Kiyev, Vladimir and Lutsk tumens, and then the territory of Podol'ia together with specification of its tuman components (Kam'ianets, Bratislav, Sokal'), as well as the tuman of Kursk. Also mentioned is the tuman of Yagol'daev (localized in the territory of former Kiyev volost), that of Smolensk, along with some of the isolated towns: at the Kyiv frontier there is Zvenhorod and Cherkassy, on the Severia land–Putyvl', Novgorod-Sever skiy, Ryl'sk, Briansk, Starodub and, finally, several localities in the Black Sea littoral. Even this summary statement concerning the character of the components of the list may, itself, give us sufficient evidence to surmise not all dependent lands, but selected parts of them, are rendered, according to the particular logic of khanly control [Hrushevskyi, 1993: 147–149].

First, the emphasis placed upon the designation of a part of a territory as a tuman illustrates its primary fiscal-administrative importance in view of which that larger territorial-and tributory- unit served to provide for easier organization of the “vykhod” that would be delivered from there and to the officials acting on behalf of the khan. Consequently, the yarlyk-grant complex has to be viewed as a desire to standardize the channel of procurement of revenues that should be channelled from it by the grand ducal administration, which would, for their part-according to yarlyk provision-send them to the Horde via the envoy that was referred to in the yarlyk.

Secondly, the list's disparity-some parts appear as tumens, while others appear as separate, isolated settlements-illustrates that there was not the same measure of control exerted over all territories. So, the Severia land appears not as tuman, but as a constellation of its constituent towns that, according to its scholarly interpretations, can be explained by the very longstanding fragmented structure of settlement at Severia as the presence of several separate hubs within. This point will further allow our discussion to reach key aspects regarding this aspect of the case and that of khanly control as providing not an ideal administrative layout, but merely an operational view of that region where authority–including revenue-

gathering and strategic–could actually be held. Thus, the list reveals an expression of both grant and administrative governability [Trepavlov, 2015: 168].

Thirdly, the presence within list, not only of large portions of territory, but also of localities functioning as centers of the frontier (such as Zvenyhorod and Cherkassy) demonstrates how the individual centers were employed for controlling the traffic and security on the very borderland separating steppe and forest-steppe, and also serve as territorial border markers and locations where legal issues/disputes over taxes/dues are of utmost significance and likely occurred. In this way, the logic of the yarlyk requirements related to collecting fees would complement any enforcement of trade.

Fourthly, the context of the problem within that as grant complex, demonstrates how, potentially, the yarlyk, or a number of late 14th century yarlyk to the grand duke of Lithuania could have constituted an administrative innovation that, unlike some others, granted entire swathes of territory in place of, or supplementarily to individual land-grants to princes, appanages etc. This also would have provided assistance to Vytautas' own claims to legitimacy and supreme command within his own realm via the sanction provided.

Now, it becomes clearer how precisely the list comes into its own not as peripheral addendum, but as the vital to comprehend political action in the1390's. Explicitly, yarlyk sanction was linked to the series of actions taken by Vytautas to restore order and restructure power within many zones such as volynia, vitesk, novogorod-severia, Kyiv, and Podolia, which were later augmented by smolensk. While the precise chronology of these events would still undoubtedly warrant closer attention, the broadly outlined concordance between the logic of yarlyk legitimisation and a centralised program has an important and self-explanatory utility and becomes a frame of reference in accordance with which those territories that were considered vital to control by the Horde from a perspective of maintaining stability, whether of economic or politico-military significance would contrast with territories on which the grand dukedom was focusing to concentrate power [Rusina, 2001: 145–149].

Finally, the other key dimension for exploring this concept is the negative evidence, of those included in and excluded from the yarlyk (a more or less exhaustive lists of territorial units are being cited to support an argument based on inclusion), which is implicitly offered in study, for here the absence (even as 'separate town) of certain areas, which has historically been demonstrated to fall under grand ducal control or which fell to be a separate land, and which was in the fifteenth-century's fifth century 'a Tatar-driven land' (Tatarshchina) is considered. For instance, not only is their "Tatar-driven" tax contribution from a variety of volosts given as confirmation, but it is even stated as unquestionable the tribute payment and inclusion of some provinces (Verkhov principalities) within a tributary relationship toward khan, which leads us to infer that the prince has likely obtained yarlyk as direct ruler of this land.

So in this specific case the lists accompanying the yarlyks of late 14th century function as representation of some particular combination of logics of both two parties, each of which attempts to maintain a dominant position. In the first, Horde establishes effective collection of taxes-as they had obtained a convenient recipient of their payment, and on the second, Grand Duchy gained power to build up control over this very tax-collection system by reinforcing its political prestige through yarlyk. For this very reason such lists must shed a light on how it all could have been structured with a respect to the specific territorial logic that yarlyk imposed and regulated.

Furthermore the campaign, by which it was ended on the battlefield on the Terek River, is far from merely one more episode in a saga of battle; quite to the contrary, it's been understood as structurally fundamental to how Jochid power interacted with neighborhood domains. At that point of concern the point from a historically and sources-critical standpoint of reliable information must again be underlined. According to the source-critical perspective, it must be underlined as after the clash at Terek center, in which governing authority broke into separate regionally autonomous power concentrations, has resulted into immediate making of western borderlands (with a central region of the Middle Dnieper too) of Ulus of Jochi to zone of competing jurisdictions.

The advancement of Timurid troops on the Jochid territories in after his victorious combat on the Terek, with its subsequent flight of khan, as indicated by documentary sources further solidifying khan-lost-the- battle and undermining the very symbolic foundations of the ruling authority, has brought a structural crisis within the power formation that resulted in disruption of both ability to rule militarily or effectively [Mirgaleev, 2003: 110–112].

It is against this kind of logic, which should be perceived the main plot of this work– Torkhtamish's step towards the western periphery of the steppe (i.e., the zone peripheral with regard to Lithuania and

Ruthenian lands) – after the Terek period of his action. For example, as far as our synopsis shows, the Arab Chroniclers state that Tokhtamysh retired to the lands Urussian, and as for the Persian Chronicler Mu'in al-Din Na'anzi the path was a “Libka” direction, whereas the modern interpretation of these toponomyms generally leads us to believe that the «Urus lands» as well as Libka, lay at the middle of Dniepr...and probably are the most important corridor for the horde's lord searching for a sheltering within the influence of Lithuanian culture [Khrapachevsky, 2003:154, 168, 197].

This conclusion is further supported by evidence concerning the geography of Timurid operations and the movements of Jochid emirs associated with them. Timurid authors record actions in the vicinity of Kyiv, referred to as Mankerman, and localize the holdings of particular Jochid figures in the triangle Kyiv-Uzi (the Dnieper)-Tan (the Don). This points to a real military-political activation of the Dnieper frontier as a zone both of tension and of refuge [Khrapachevsky, 2003: 302–303].

Accordingly, 1395 can be interpreted as the end of the negotiated yarlyk-based phase of Ties centered around the 1393 yarlyk and its fiscal norm, it signaled a transition into another, more patron-client-based arrangement. The 1393 yarlyk established a working system for the exaction of vykhod, functioning through a chain of khanly authority, while the post-Terek relationship of patronage and influence gave Chinggisid challengers the ability to leverage their claims by drawing outside political actors into the process of dynastic struggles. As later sources would demonstrate, Tokhtamysh did not merely seek one opportunity of sanctuary within the Lithuanian and Crimean arenas; he returned to and repeatedly found shelter within both. In May 1396 he was in Lithuania and within a year of his departure was once again expelled from the Crimean peninsula by joint Timur-Qutlug and Edig armies, establishing the importance of the Lithuanian axis as a recurrent survival mechanism and locus of power, indirectly enlisting the Grand Duchy in the processes of dynastic politics [Pilipchuk, 2013: 35].

The consequence of the crisis was a considerable enhancement of centrifugalism, and the politicisation of regional political centres, which, to not uncritical an extent to the khan's headquarters, would develop in other directions. Crimea turned to one of the foci of local autonomy: in it accumulated the power of Tash-Timur, in the eastern periferi a separate Manghit yurt formed around Edige, and in Lower Volga, around Hajji-Tarkhan consolidated Timur-Qutlug – in scholarship such figure is often being associated to Edig's political and military influence. At result after 1395 the political structure of the Ulus of Jochi turned essentially polycentristic: Chinggisid legitimacy was remaining a necessary precondition for supreme authority, nevertheless its practical implementation more and more had depended on political and economic capacity of regional coalitions, coercion, and solid nature of client-elites connections.

At the level of political typification this creates conditions for formation of new situation between Jochid and Lithuanian realms after Tokhtamysh defeat, and his move under support of Vytautas.

In such context the Lithuanian ruler would, with support of the khan, in its own turn, reaffirm the ruler's rights to the Ruthenian lands through issuing yarlyks, and most importantly – this form of partnership and collaboration could apparently be reproduce in the xv century also, thereby it appears as a gradually institutionalised interaction format which was originating as consequence to crisis at the centre of the Horde and forced flight of dynast. I is very significant that allied constellation of Lithuania and Tokhtamysh Tatars is registered even in Timurid discourse, since it is T imur's appeal to Sultan B ayezid I to form a common alliance against the Franks and aga inst Tokhtamysh's Tatars containing this point of vital to our analysis importance [Pilipchuk, 2013: 35–36].

With the loss on Vorskla, however, the previous scenario for cooperation between the Lithuania and Tokhtamysh was clearly invalidated. The military catastrophe eliminated the foundation of the coalition and thus prevented formalisation of existing agreements. Nevertheless, the content of the supposed Vytautas and Tokhtamysh arrangement is still not too transparent.

Considering the general logic of relationships of the end of the 14th century, Tokhtamysh was presumably willing to allow the extent of Lithuania to become larger with respect to some Rus' Principalities with the help of similar system used for integrating north-western and south-western Rus' regions.

The Lithuanians receive management and revenue whilst retaining an obligation to pay tributes toTokhtamysh. Perhaps there was a deal not against Moscow, but with Tver, which was easier to come to a decision regarding all possible complications. There is a possibility that an military component was an element of an alliance of these parties. The Tokhtamysh presumably assured assistance for Lithuanian ruler to campaign against the Teutonic Knights.

Further events give the impression that a conception of alliance against teutons had not died out since the son of Tokhtamysh, Jalal al-Din was in a union on a Lithuanian side at the Grunwald campaign in 1410.

After the lost battlesTokhtamysh finally lost the power on the Horde and had been living hidden out in northern frontiers of the Shibanid ulus in the Western Siberia where Tokhtamysh had got a helping power. His pursuers helped by Tokhtamysh-Qutlug death did not managed to eliminate him successfully and as a result a kind of civil wars was developed anddifferent groupings fought with each other [Mirgaleev, 2003: 145–147].

Against this background, the specific features of fiscal and economic ties become especially visible. The Grand Duchy did not experience the same form of dependence that took shape in northeastern Rus', where Moscow paid a mandatory annual vykhod. Lithuania more often limited itself to upominki, that is, gifts to the khans, which could be regular but were more strongly dependent on the political situation [Trepavlov, 2015: 94–95].

Economic contacts were sustained by trade routes through Crimea and the Dnieper region, linking the Grand Duchy with the East. At the same time, a major component of this economy remained the slave trade: captives from the lands of the Grand Duchy and Rus' brought significant income to the Jochid elite and were channelled through Caffa to Mediterranean markets [Koshechkina, 2020: 25].

At the end of the fifteenth and the beginning of the sixteenth century, the Grand Duchy attempted to build an alliance with the Great Horde against the growing power of Moscow and Crimea. However, the defeat of the Great Horde in 1502, when Khan Sheikh-Ahmad was beaten by the Crimean Khan Mengli-Girei on the Sula River, dealt a heavy blow to Lithuanian policy. Lithuanian chronicles express sympathy for Sheikh-Ahmad and reproach Grand Duke Alexander for failing to assist an ally. The consequences were direct: the disappearance of the Great Horde removed the buffer between Lithuania and Crimea, and already from 1503 the Crimean Tatars began regular devastating raids on the lands of the Grand Duchy [Spuler, 2016: 231].

Thus, for the Grand Principality, Jochi's ulus continued to provide legitimacy externally for its authority in Ruthenian lands and served an important role as a regional equilibrium factor. Its disintegration disrupted the balance of power in Eastern Europe and enforced more defensive politics on the side of Lithuania on steppe.

Conclusion. The given material demonstrates that contacts between Jochi's ulus and the Grand Principality of Lithuania at the end of the fourteenth century weren't sporadic events, but formed a part of a solid system of power relations.

Although in the early 1380s it consisted mostly of clashes and mutual claims, by the 1390s it already assumed a more formalized pattern: Embassies were utilized regularly, norms of conduct and interaction were established, the exchange of yarlyks and obligations to pay formed an important component of interactions. As a result, Lithuania extended real power and direct administration over the Ruthenian lands, whilst a sense of Jochid authority was preserved not by physical force, but in form of an obligation to pay vykhod and through acknowledging the khan's supreme status. The yarlyk of 1393 from Toqtamış demonstrates its essence clearly: Lithuania obtained the rights to run its Ruthenian lands and was yet forbidden to dispute claims to ultimate superiority over them held by the Horde, which in its turn preserved key elements of it in the form of a duty to pay and to deliver vykhod to the agents of the khanly authority and of the right to control adherence to general norms of order in them. The presence of trade articles within this document proves that this system brought also tangible material benefits.

A good example of the actual implementation of the above mentioned system can be provided by Vytautas's deeds of 1392-1395 when he used the support of the acknowledgement of his authority from the Jochid dynasty in order to consolidate his power within the Grand Duchy and decrease autonomy ofappanage princes, as well as to reaffirm his authority to rule the Ruthenian incomes and utilize money thereof for internal policies.

However, the turning point seems to arrive in 1395 when, after defeat of Tokhtamysh, it transformed into a refuge for candidates for the Jochid throne. The Lithuanian side received additional leverage and a tool in matters of controlling steppe politics.

Literature

Александров, 2011 – *Александров М.М.* Великое княжество Литовское и Орда // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика.* 2011. № 19 (114). Вып. 20. С. 99–105.

Греков, Якубовский, 1950 – *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.

Грушевський, 1993 – *Грушевський М.С.* Історія України-Руси. Т. 4: XIV–XVI віки – відносини політичні. Київ: Наукова думка, 1993. 544 с.

Гудавичюс, 2005 – *Гудавичюс Э.* История Литвы. Т. 1: С древнейших времен до 1569 года / Науч. ред. Е.Л. Назарова; пер. Г.И. Ефремова. М.: Фонд им. И.Д. Сытина, Baltrus, 2005. 679 с.

Золотая Орда, 2003 – Золотая Орда в источниках. Т. 1: Арабские и персидские сочинения / Сост., ввод. ст. и коммент. Р.П. Храпачевского. М.: ЦИВОИ, 2003. 448 с.

Кошечкина, 2020 – *Кошечкина Е.А.* Улус Джучи в системе международной торговли на территории Крымского полуострова в XIII–XIV вв. // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность.* 2020. Т. 5. № 2. С. 22–28. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-22-28

Миргалеев, 2003 – *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 163 с.

Пилипчук, 2013 – *Пилипчук Я.В.* Отношения Великого княжества Литовского с татарскими ханствами (конец XIV в. – середина XV в.) // *Научный Татарстан.* 2013. № 2. С. 33–52.

Почекаев, 2022 – *Почекаев Р.Ю.* Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022. 288 с.

Русина, 2001 – *Русина Е.* Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10: Славяне и кочевой мир. М.: Наука, 2001. С. 144–152.

Сабитов, 2009 – *Сабитов Ж.М.* Таварих-и гузида-йи нусрат-нама как источник по генеалогии джучидов // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань: Фэн, 2009. С. 108–116. URL: https://proza.ru/2011/08/02/798

Селезнев, 2013 – *Селезнев Ю.В.* Русские князья в составе правящей элиты Джучиева улуса в XIII–XV вв. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2013. 472 с.

Трепавлов, 2010 – *Трепавлов В.В.* Большая Орда – Тахт эли. Очерк истории. Тула: Гриф и К, 2010. 112 с.

Трепавлов, 2013 – *Трепавлов В.В.* Казахские ханы XVI в. в Литовской метрике // *Отан тарихы.* 2013. № 3 (63). С. 54–61.

Трепавлов, 2015 – *Трепавлов В.В.* Литовская метрика как источник по истории тюркских государств Восточной Европы // *Золотоордынское обозрение.* 2015. № 4. С. 92–106.

Усманов, 1979 – *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. 318 с.

Черкас, 2011 – *Черкас Б.В.* Поход Токтамыша на Киевское княжество в 1380 году // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения: материалы круглого стола, проведенного в рамках Международного Золотоордынского форума (Казань, 29–30 марта 2011 г.) / Отв. ред. и сост. И.М. Миргалеев. Казань: Фолиант, 2011. С. 167–169.

Шпулер, 2016 – *Шпулер Б.* Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Пер. с нем. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. 500 с.

Ярлык Тохтамыша, 1998 – Ярлык Тохтамыша: второе возвращение / Пер. и примеч. И.Н. Березина // *Эхо веков (Гасырлар авазы).* 1998. № 1–2. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1380-1400/Tochtamysch/jarlyk_jagajle.phtml?id=3057

References

Aleksandrov, 2011 – *Aleksandrov M.M.* Velikoe knyazhestvo Litovskoe i Orda [The Grand Duchy of Lithuania and the Horde] // *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika.* 2011. No. 19 (114). Issue 20. Pp. 99–105. [in Russian]

Cherkas, 2011 – *Cherkas B.V.* Pokhod Toktamysha na Kievskoe knyazhestvo v 1380 godu [Tokhtamysh's Campaign against the Principality of Kyiv in 1380] // Voennoe delo Zolotoi Ordy: problemy i perspektivy izucheniya [Military Affairs of the Golden Horde: Problems and Prospects of Study]: proceedings of the round table held within the International Golden Horde Forum (Kazan, March 29–30, 2011) / Ed. and comp. by I.M. Mirgaleev. Kazan: Foliant, 2011. Pp. 167–169. [in Russian]

Grekov, Yakubovskii, 1950 – *Grekov B.D., Yakubovskii A.Yu.* Zolotaya Orda i ee padenie [The Golden Horde and Its Fall]. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1950. 478 p. [in Russian]

Gudavicius, 2005 – *Gudavicius E.* Istoriya Litvy. T. 1: S drevneishikh vremen do 1569 goda [History of Lithuania. Vol. 1: From Ancient Times to 1569] / Scientific ed. E.L. Nazarova; trans. by G.I. Efremov. Moscow: I.D. Sytin Foundation, Baltrus, 2005. 679 p. [in Russian]

Hrushevskyi, 1993 – *Hrushevskyi M.S.* Istoriia Ukrainy-Rusy. T. 4: XIV–XVI viky – vidnosyny politychni [History of Ukraine-Rus'. Vol. 4: The 14th–16th Centuries — Political Relations]. Kyiv: Naukova dumka, 1993. 544 p. [in Ukrainian]

Koshechkina, 2020 – *Koshechkina E.A.* Ulus Dzhuchi v sisteme mezhdunarodnoi torgovli na territorii Krymskogo poluostrova v XIII–XIV vv. [The Ulus of Jochi in the System of International Trade on the Crimean Peninsula in the 13th–14th Centuries] // *Omskii nauchnyi vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'.* 2020. Vol. 5. No. 2. Pp. 22–28. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-2-22-28. [in Russian]

Mirgaleev, 2003 – *Mirgaleev I.M.* Politicheskaya istoriya Zolotoi Ordy perioda pravleniya Toktamysh-khana [Political History of the Golden Horde during the Reign of Khan Tokhtamysh]. Kazan: Alma-Lit, 2003. 163 p. [in Russian]

Pilipchuk, 2013 – *Pilipchuk Ya.V.* Otnosheniya Velikogo knyazhestva Litovskogo s tatarskimi khanstvami (konets XIV v. – seredina XV v.) [Relations of the Grand Duchy of Lithuania with the Tatar Khanates (Late 14th Century – Mid-15th Century)] // *Nauchnyi Tatarstan.* 2013. No. 2. Pp. 33–52. [in Russian]

Pochekaev, 2022 – *Pochekaev R.Yu.* Zolotaya Orda i russkie zemli: yuridicheskie aspekty otnoshenii (ocherki po istorii i antropologii prava) [The Golden Horde and the Rus' Lands: Legal Aspects of Relations (Essays on the History and Anthropology of Law)]: monograph. Barnaul: Altai State University Press, 2022. 288 p. [in Russian]

Rusina, 2001 – *Rusina E.* Yagoldai, Yagoldaevichi, Yagoldaeva «t'ma» [Yagoldai, the Yagoldaevichi, and the Yagoldaev "T'ma"] // Slavyane i ikh sosedi. Vyp. 10: Slavyane i kochevoi mir [Slavs and Their Neighbors. Issue 10: Slavs and the Nomadic World]. Moscow: Nauka, 2001. Pp. 144–152. [in Russian]

Sabitov, 2009 – *Sabitov Zh.M.* Tavarikh-i guzida-ii nusrat-nama kak istochnik po genealogii dzhuchidov [Tavarikh-i Guzida-yi Nusrat-nama as a Source on the Genealogy of the Jochids] // Zolotoordynskaya tsivilizatsiya [Golden Horde Civilization]. Issue 2. Kazan: Fen, 2009. Pp. 108–116. URL: https://proza.ru/2011/08/02/798. [in Russian]

Seleznev, 2013 – *Seleznev Yu.V.* Russkie knyaz'ya v sostave pravyashchei elity Dzhuchieva ulusa v XIII–XV vv. [Rus' Princes within the Ruling Elite of the Jochid Ulus in the 13th–15th Centuries]. Voronezh: Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2013. 472 p. [in Russian]

Spuler, 2016 – *Spuler B.* Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg. [The Golden Horde. The Mongols in Russia, 1223–1502] / Trans. from German and commentary by M.S. Gatin. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2016. 500 p. [in Russian]

Trepavlov, 2010 – *Trepavlov V.V.* Bol'shaya Orda – Takht eli. Ocherk istorii [The Great Horde – Takht Eli. An Essay on History]. Tula: Grif i K, 2010. 112 p. [in Russian]

Trepavlov, 2013 – *Trepavlov V.V.* Kazakhskie khany XVI v. v Litovskoi metrike [Kazakh Khans of the 16th Century in the Lithuanian Metrica] // *Otan tarikhy.* 2013. No. 3 (63). Pp. 54–61. [in Russian]

Trepavlov, 2015 – *Trepavlov V.V.* Litovskaya metrika kak istochnik po istorii tyurkskikh gosudarstv Vostochnoi Evropy [The Lithuanian Metrica as a Source on the History of the Turkic States of Eastern Europe] // *Zolotoordynskoe obozrenie.* 2015. No. 4. Pp. 92–106. (In Russian).

Usmanov, 1979 – *Usmanov M.A.* Zhalovannye akty Dzhuchieva Ulusa XIV–XVI vv. [Charters of Grant of the Jochid Ulus in the 14th–16th Centuries]. Kazan: Kazan University Press, 1979. 318 p. [in Russian]

Yarlyk Tokhtamysha, 1998 – Yarlyk Tokhtamysha: vtoroe vozvrashchenie [Tokhtamysh's Yarlyk: The Second Return] / Trans. and notes by I.N. Berezin // *Ekho vekov (Gasyrlar avazy).* 1998. No. 1–2. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Zolotoord/XIV/1380-1400/Tochtamysch/jarlyk_jagajle.phtml?id=3057. [in Russian]

Zolotaya Orda, 2003 – Zolotaya Orda v istochnikakh. T. 1: Arabskie i persidskie sochineniya [The Golden Horde in Sources. Vol. 1: Arabic and Persian Works] / Comp., introductory study and commentary by R.P. Khrapachevsky. Moscow: TsIVOI, 2003. 448 p. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 985–996
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.00
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_985-996

ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА И ЭПИДЕМИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В КОНЦЕ XIII - НАЧАЛЕ XIV ВВ.

Порсин Артем Александрович

Научный институт изучения Улуса Джучи, Астана, Республика Казахстан
(д. 15Б, Александра Пушкина, 010000 Астана, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук, главный научный сотрудник
https://orcid.org/0009-0008-4517-5265. E-mail: porsinart@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Порсин А.А., 2026

Аннотация. *Введение***.** Статья посвящена анализу климатических и эпидемических процессов в западной части Золотой Орды в конце XIII – начале XIV вв. *Цели и задачи***.** Цель исследования заключается в реконструкции климатических и эпидемических феноменов по данным письменных источников, а также в определении их влияния на политическую и социальную жизнь Улуса Джучи. В качестве основных задач рассматриваются выявление признаков климатического кризиса, анализ сообщений об эпидемиях и эпизоотиях, а также изучение связи между ухудшением природных условий и внутриполитической борьбой в Золотой Орде. *Материалы и методы***.** Исследование основано на анализе русских, арабских, польских, византийских и западноевропейских письменных источников конца XIII – начала XIV вв. В работе рассматриваются сведения Галицко-Волынской, Лаврентьевской и Густынской летописей, трудов Рашид ад-Дина, ал-Макризи, Яна Длугоша и других авторов. *Результаты***.** Установлено, что в 1280–1290-х гг. западная часть Золотой Орды переживала период климатической нестабильности, сопровождавшийся засухами, суровыми зимами, эпизоотиями и вспышками эпидемических заболеваний. Наиболее тяжелые кризисы пришлись на 1280-е гг. и конец 1290-х гг. Предполагается, что часть описанных источниками эпидемий могла быть связана с различными формами чумы, хотя данный вывод носит гипотетический характер. *Заключение.* Сделан вывод о том, что климатические и эпидемические кризисы оказали значительное влияние на экономическое состояние кочевого населения, боеспособность золотоордынского войска и политическую стабильность государства. Ослабление западных регионов способствовало усилению восточных группировок золотоордынской знати и сыграло важную роль в политических процессах, завершившихся приходом к власти Токты и Узбека.

Ключевые слова: Золотая Орда, Венгрия, Польша, Русь, эпидемия, эпизоотия, климат.
Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках проекта грантового финансирования «Исследование влияния природно-климатического и эпидемического факторов на эволюцию государственных институтов и экономического развития Улуса Джучи» (ИРН AP26104055).

Для цитирования: Порсин А.А. Влияние климата и эпидемий на политическую ситуацию в Золотой Орде в конце XIII – начале XIV века // Отан тарихы. 2026. Т. 29. №.3. С. 985–996. [на русском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_985-996

XIII ҒАСЫРДЫҢ СОҢЫ – XIV ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДАҒЫ АЛТЫН ОРДАДАҒЫ САЯСИ ЖАҒДАЙҒА КЛИМАТ ЖӘНЕ ЭПИДЕМИЯЛАРДЫҢ ӘСЕРІ

Артем Александрович Порсин

Жошы ұлысын зерттеу ғылыми институты, Астана, Қазақстан Республикасы
(Александр Пушкин көш., 15Б ғимарат, 010000, Астана, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, бас ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0009-0008-4517-5265. E-mail: porsinart@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Порсин А.А., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақала XIII ғасырдың соңы – XIV ғасырдың басындағы Алтын Орданың батыс бөлігінде орын алған климаттық және эпидемиялық үдерістерді зерттеуге арналған. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты – жазба деректер негізінде климаттық және эпидемиялық үдерістерді реконструкциялау және олардың Жошы Ұлысының саяси әрі әлеуметтік өміріне тигізген ықпалын анықтау. Зерттеудің негізгі міндеттері – климаттық дағдарыстың белгілерін айқындау, эпидемиялар мен эпизоотиялар туралы мәліметтерді талдау, сондай-ақ табиғи жағдайлардың нашарлауы мен Алтын Ордадағы ішкі саяси күрес арасындағы байланысты зерттеу. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеу XIII ғасырдың соңы – XIV ғасырдың басындағы орыс, араб, поляк, византиялық және батысеуропалық жазба деректерді талдауға негізделген. Жұмыста Галицк-Волын, Лаврентьев және Густын жылнамалары, Рашид ад-Дин, әл-Мақризи, Ян Длугош және басқа да авторлардың еңбектеріндегі мәліметтер пайдаланылды. *Нәтижелер.* Зерттеу нәтижесінде 1280–1290 жылдары Алтын Орданың батыс бөлігінде құрғақшылық, қатал қыс, эпизоотиялар мен эпидемиялық аурулардың таралуымен сипатталған климаттық тұрақсыздық кезеңі болғаны анықталды. Дағдарыстың ең ауыр кезеңдері 1280-жылдарға және 1290-жылдардың соңына сәйкес келеді. Жазба деректерде сипатталған эпидемиялардың кейбірі обаның әртүрлі формаларымен байланысты болуы мүмкін деген болжам ұсынылады. Алайда қолда бар мәліметтердің сипатына байланысты бұл тұжырым әзірге гипотеза деңгейінде қалып отыр. *Қорытынды.* Климаттық және эпидемиялық дағдарыстар көшпелі халықтың шаруашылық жағдайына, Алтын Орда әскерінің жауынгерлік қабілетіне және мемлекеттің саяси тұрақтылығына елеулі әсер еткені анықталды. Батыс өңірлерінің әлсіреуі Алтын Орда ақсүйектерінің шығыс топтарының күшеюіне жағдай жасап, нәтижесінде Тоқта мен Өзбектің билікке келуімен аяқталған саяси үдерістердің өрбуіне елеулі ықпал етті.
Түйін сөздер: Алтын Орда, Венгрия, Польша, Ресей, эпидемия, эпизоотия, климат.
Алғыс. Зерттеу Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің «Жошы ұлысының мемлекеттік институттарының эволюциясы мен экономикалық дамуына табиғи-климаттық және эпидемиялық факторлардың әсерін зерттеу» (ЖТН AP26104055) гранттық қаржыландыру жобасы аясында орындалды.
Дәйексөз үшін: Порсин А.А. Климат пен эпидемиялардың XIII ғасырдың соңы – XIV ғасырдың басында Алтын Ордадағы саяси жағдайға әсері // Отан тарихы. 2026. Т. 29. №3. 985–996-бб. [орысш.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_985-996

THE IMPACT OF CLIMATE AND EPIDEMICS ON THE POLITICAL SITUATION IN THE GOLDEN HORDE IN THE LATE 13TH – EARLY 14TH CENTURIES

Artem Aleksandrovich Porsin

Scientific Institute for the Study of the Ulus of Jochi, Astana, Republic of Kazakhstan
(Building 15B, Alexander Pushkin St., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher

https://orcid.org/0009-0008-4517-5265. E-mail: porsinart@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026
© Porsin A.A., 2026

Introduction. The article is devoted to the analysis of climatic and epidemic processes in the western part of the Golden Horde in the late 13th – early 14th centuries. *Objectives.* The aim of the study is to reconstruct climatic and epidemic phenomena based on written sources, as well as to determine their impact on the political and social life of the Ulus of Jochi. The main objectives are to identify signs of a climatic crisis, analyze reports of epidemics and epizootics, and study the relationship between the deterioration of natural conditions and internal political struggle in the Golden Horde. *Materials and methods.* The study is based on the analysis of Russian, Arabic, Polish, Byzantine and Western European written sources of the late 13th – early 14th centuries. The work considers information from the Galicia-Volyn, Laurentian and Gustyn Chronicles, the works of Rashid ad-Din, al-Maqrizi, Jan Dlugosz and other authors. *Results.* It was established that in the 1280–1290s. The western part of the Golden Horde experienced a period of climatic instability, accompanied by droughts, harsh winters, epizootics, and outbreaks of epidemic diseases. The most severe crises occurred in the 1280s and late 1290s. It is suggested that some of the epidemics described in the sources could have been associated with various forms of plague, although this conclusion is hypothetical. *Conclusion.* It is concluded that climatic and epidemic crises had a significant impact on the economic situation of the nomadic population, the combat readiness of the Golden Horde army, and the political stability of the state. The weakening of the western regions contributed to the strengthening of eastern factions of the Golden Horde nobility and played a significant role in the political processes that culminated in the rise to power of Toqta and Uzbek.

Keywords: Golden Horde, Hungary, Poland, Russia, epidemic, epizootic, climate.
Acknowledgement. The research was supported by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of grant funding (project IRN AP26104055 "Study of the influence of natural-climatic and epidemic factors on the evolution of state institutions and economic development of the Ulus of Jochi").
For citation: Porsin A.A. The impact of climate and epidemics on the political situation in the Golden Horde in the late 13th – early 14th centuries // Otan Tarihy. 2026. Vol. 29. №.3. Pp. 985–996. [In Rus.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_985-996

Введение. Результаты палеоклиматологических исследований говорят о том, что средневековый период глобального потепления завершился приблизительно к 1280 г. Ему на смену пришел период похолодания. Анализ донных отложений озера Саки в Крыму показывает, что снижение температуры в этом регионе сопровождалось уменьшением уровня осадков. Климат стал более засушлив [Шамильоглу, 2016: 670–671].

В этой статье рассматриваются две, связанных между собой проблемы. Во-первых, речь идёт о воссоздании картины климатических и эпидемических явлений, происходивших в Улусе Джучи в этот период. Эта реконструкция производится на основе данных письменных источников. Во-вторых, важной проблемой является то, как конкретно климат и эпидемии влияли на политическую и социальную жизнь Золотой Орды. Стоит отметить, что речь в основном пойдёт о событиях в «правом крыле» Улуса Джучи, так как в силу отсутствия источников о климатической и эпидемической ситуации к востоку от Волги сведений практически нет.

Материалы и методы. В работе применены историко-сравнительный, историко-генетический и источниковедческий методы. Основу исследования составляет комплексный анализ письменных источников различного происхождения с сопоставлением содержащихся в них сведений о климатических аномалиях, эпидемиях, эпизоотиях и связанных с ними социально-политических событиях. Сравнение независимых свидетельств позволило реконструировать хронологию кризисных явлений конца XIII – начала XIV в. и определить возможные взаимосвязи между изменениями природно-климатических условий, эпидемическими процессами, состоянием кочевого хозяйства и внутриполитической борьбой в Золотой Орде. При интерпретации сообщений о заболеваниях учитывались особенности средневекового восприятия и описания эпидемий, поэтому ретроспективная идентификация отдельных инфекций рассматривается как гипотетическая.

Согласно данным Воскресенской летописи, в 1278 г. на Руси вспыхнула эпидемия [Воскресенская летопись, 1856: 174]. К сожалению, источник ничего не сообщает о конкретных симптомах заболевания. По сообщению Галицко-Волынской летописи в 1279 г. на Руси, в Польше и в Литве был голод [Ипатьевская летопись, 1908: 600].

Зимой 1284–1285 гг. состоялось вторжение джучидской армии под командованием царевичей Тола-Буги и Ногая в Венгрию. Войско Ногая двигалось с юга на север через Трансильванию. Армия Тола-Буги вторглась в Венгрию с востока через Карпаты. Летописец сообщает о голоде и массовой смертности среди воинов Тола-Буги, во время их возвращения из похода [Ипатьевская летопись, 1908: 607–608]. По данным Рукн ад-Дина Бейбарса большие потери джучидской армии были вызваны холодом и голодом [История Казахстана в арабских источниках, 2005: 96]. Автор «Нидеральтайхских анналов» объяснял отступление армии Тола-Буги плохими погодными условиями (градом, снегом и ливнями) [Monumenta Germaniae Historica, 1861: 414; Хаутала, 2016: 490]. Важным источником по данному вопросу является послание эстергомского пресвитера Бенедикта. Согласно его описанию, воины Ногая нападали прежде всего на людей, неспособных себя защитить (прежде всего крестьян). При этом вооружённые люди от вторжения пострадали мало [Monumenta ecclesiae Strigoniensis, 1874–1999: 419; Хаутала, 2016: 488]. По данным «Рочника Траски» армия Ногая понесла большие потери в результате сопротивления местных жителей, а также из-за голода и какой-то сильной эпидемии [Monumenta Poloniae historica, 1960–1961: 850; Хаутала, 2016: 489].

Ян Длугош, говоря о событиях 1285 г., сначала описывает нашествие на Пруссию неких неизвестных насекомых, напоминавших скорпионов. Их укус был смертелен и убивал человека в течение двух-трёх дней. После этого автор приводит рассказ о вторжении золотоордынского войска в Венгрию, и о том, что нападавшие покинули разорённую страну из-за вспышки смертельной эпидемии [Jana Długosza, 2001: 466–467].

Конечно, мы далеки от мысли о том, что причиной массовой смертности людей в Пруссии были огромные скорпионы. Скорее всего, здесь речь идёт о каком-то эпидемическом заболевании. Его вероятными симптомами были: поражения кожи, визуально напоминающие укус насекомого; летальный исход спустя два или три дня после их появления. Судя по всему, это заболевание местным жителям было неизвестно. Именно поэтому возникло мифологизированное объяснение произошедшего. Для данного исследования важно, что источник датирует одним годом мифологизированное описание эпидемии в Пруссии и вполне реалистичное – в Венгрии.

Есть свидетельства того, что в рамках традиционного мировоззрения эпидемия могла рассматриваться и описываться как сверхъестественное явление. К примеру, вспышка чумы в Полоцке в 1092 г. описывается источником как нападение невидимых существ, поражающих людей язвой. После этого воздействия жертвы погибали о очень короткое время [Лаврентьевская летопись, 1926–1928: 150]. Речь здесь идёт о карбункулярной форме чумы, первичным симптомом которой является круглое болезненное поражение кожи (язва). Интересно, что в той же статье чуть ниже летописец приводит описание этой же эпидемии, лишённое какого-либо сверхъестественного контекста [Лаврентьевская летопись, 1926–1928: 151; Новгородская летопись, 1888: 376, 405; Псковская летопись, 1837: 43].

Зимой 1287–1288 гг. Тола-Буга и Ногай совершили масштабное вторжение в Польшу [Monumenta Poloniae historica, 1960–1961: 715; Хаутала, 2016: 492]. Подробности этого похода подробно описаны в Галицко-Волынской летописи, так как в нём участвовали князья Южной Руси. Согласно источнику, простые люди и князья очень боялись ордынцев. К примеру, у них существовали серьёзные опасения насчёт того, что грабежи, убийства и захваты городов начнутся сразу после воинского смотра на Бужевском поле. Во время продвижения джучидского войска на Польшу, Владимир хотя и не был взят, но население подверглась грабежам.

Для данной темы интересен следующий сюжет. Большая часть войска Тола-Буги выдвинулась в Польшу, но под Владимиром остался отряд, основной задачей которого было откормить коней. В это время среди горожан вспыхнула началась эпидемия [Ипатьевская летопись, 1908: 609]. Члены отряда организовали блокаду города. Жителей, которые пытались выйти за его пределы за продовольствием, они грабили, избивали или убивали. Те же действия предприняли воины Тола-Буги в отношении жителей Львова, когда джучидская армия две недели стояла рядом с городом на обратном пути в Орду [Ипатьевская летопись, 1908: 609–610].

Летописец говорит о нескольких городах, которые были заблокированы золотоордынцами. Их жители пытались спастись и бежать в сельскую местность. Дополнительную сложность для них

создавали сильные морозы. Кочевники раздевали пленных и отправляли их дальше, обрекая тем самым на смерть. Источник прямо указывает на то, что многие спасшиеся и добравшиеся до деревень, там же и умирали. С учётом этого можно заключить, что они бежали именно от эпидемии, а воины Тола-Буги не давали им сделать этого. При описании действий ордынских войск в Польше, летописец фиксирует два важных факта, имеющих значение для данной темы. Во-первых, он указывает на то, что армия Тола-Буги планировала перейти Вислу по льду, но не смогла сделать этого. К тому времени лед на реке ещё не встал. Во-вторых, источник прямо указывает на то, что в том же году в Польше также вспыхнула эпидемия [Ипатьевская летопись, 1908: 609].

Крайне интересное и важное описание событий, связанных с эпидемией в Галицко-Волынском княжестве, сохранила поздняя Густынская летопись. Согласно этому источнику, болезнь стала распространяться из-за действий ордынцев. Представители армии Тола-Буги якобы вырезали сердца у пленников, пропитывали их ядом и бросали в воду. Целью этих манипуляций было отравление источников [Густинская летопись, 2003: 126–127].

В исследовательской литературе достаточно давно было отмечено, что это одна из первых в русских летописях попыток объяснения эпидемического заболевания рациональными причинами. Дело в том, что стандартной причиной для таких явлений считалась Божественная воля. Так как источник связывает распространение эпидемии непосредственно с водой, было высказано предположение о том, что патогеном в данном случае являлась какая-то кишечная инфекция [Васильев, Сегал, 1960: 25].

Судя по всему, источником для этого сообщения Густынской летописи стал уже упоминавшийся выше труд Яна Длугоша. Польский историк также приводит рассказ о татарах, отравлявших водоёмы Галицко-Волынского княжества на обратном пути из Польши. Но его описание более последовательно. Длугош трактует эпидемию, как наказание от Бога за то, что русские христиане принимали участие в войне кочевников против на своих братьев по вере.

В ходе возвращения из набега на Польшу татары очень хотели причинить жителям Руси вред. Но они не могли это сделать открыто, так как на насилие в отношении оседлых подданных существовал запрет со стороны Тола-Буги и Ногая. Поэтому и было принято решение об отравлении водных источников. Татарские воины стали убивать захваченных в ходе вторжения поляков, а колдуны начали врезать им сердца и помещать их в колодцы. После этих действий вспыхнула эпидемия, однако русские поняли смысл происходящего очень поздно, уже когда татары ушли в степь. Только после этого отравленные источники перестали использоваться [Jana Długosza, 2001: 478–479]. Этот рассказ Длугоша явно носит нравоучительный характер. Хотя, вполне возможно, что у него есть какая-то реальная основа.

В следующем году летопись опять фиксирует масштабную эпидемию на Руси и в Польше, а также крупную эпизоотию «в татарах», то есть в Улусе Джучи [Ипатьевская летопись, 1908: 611]. Проблема в том, что на основе имеющихся сообщения нельзя с уверенностью заключить, идёт ли речь о новой вспышке или имело место продолжение прошлогоднего эпидемического процесса.

Источники содержат косвенное указание на то, что в конце 80-х гг. XIII в. эпидемические процессы активно протекали в Крыму. В двух приписках к «Судакскому синоксарю» говорится о событиях, связанных с храмом св. Афанасия в Судаке. В приписке, датируемой 1214 г., о празднике обновления этого храма, который был построен как жертва Богу, для избавления от эпидемии. Вторая приписка, относящаяся к 1289 г., говорит об освящении храма св. Афанасия. Содержание первой приписки ясно указывает на то, что в 1214 г. храм был построен в связи с разразившейся в Судаке эпидемией. Судя по всему, жители города видели прямую связь между исчезновением болезни и его постройкой. В своё время архимандрит Антонин (А.И. Капустин) справедливо отметил, что в приписке от 1289 г. сообщается о повторном освящении храма. Возможно, он был разрушен монголами в 30-е гг. [архимандрит Антонин, 1863: 598–600]. С этим заключением вполне можно согласиться. Однако стоит отметить, что повторное освящение храма в 1289 г. вероятнее всего было связано с очередной крупной вспышкой эпидемии.

События 1291 г., с одной стороны, лишь косвенно касаются данной темы. В то же время, их описание позволяет реконструировать взгляд представителей элиты Улуса Джучи на природу эпидемических заболеваний. В этом году могущественный Джучид Ногай организовал заговор против политических конкурентов будущего хана Токты. В результате Тола-Буга и его сторонники были убиты [Порсин, 2018: 12–54; Порсин, 2018b: 63–74]. Для того чтобы заманить их в ловушку Ногаю пришлось имитировать симптомы какого-то заболевания.

Наиболее ясно произошедшее описано в историческом труде «Джамми ат-таварих» Рашид ад-Дина. Согласно источнику, прибыв к орде царевичей, Ногай, умело разыгрывающий болезнь, стал набирать в рот кровь и отхаркивать ее. Это убедило окружающих в его близкой кончине. Он одновременно связался Токтой, приказав ему готовить войска и с матерью Тола-Буги. В чем конкретно состояла ее позиция, Рашид ад-Дин не сообщает, но, узнав о плохом состоянии Ногая она обратилась к своим сыновьям, требуя от них лично посетить умирающего. Тола-Буга и другие члены коалиции согласились встретиться с ним. На встрече Ногай призывал их к миру и предлагал организовать курултай, в то время как собравшихся членов коалиции окружали люди Токты. После их казни Ногай вернулся обратно на запад [Рашид ад-Дин, 1960: 83–84; Rashiduddin, 1998–1999: 363].

Судя по этому описанию, Ногай имитировал какое-то заболевание, которого кочевники очень боялись. Основным его симптомом было харканье кровью. В то же время, окружающие считали, что оно смертельно. Спланированная встреча была очень важна для Тола-Буги. Ногай прекрасно понимал это, организовывая заговор. Это объясняет то, почему Тола-Буга и его сторонники согласились на встречу – они были абсолютно уверены, что Ногай скоро умрёт. Судя по всему, участники событий считали, что это заболевание развивалось очень быстро и между первыми симптомами и смертью, был небольшой промежуток времени. Также ясно, что заболевание считалось заразным, а потому контакт с заболевшим был крайне нежелателен. По этой причине Тола-Буга и его сторонники покинули свою орду и выехали на встречу к Ногаю. В отчёте Плано Карпини описаны элементы одного из наиболее древних средств борьбы с эпидемиями – карантина, при котором жилище больного закрывается для посещения, и который был распространён у монголов [Путешествия в восточные страны, 1957: 32]. То, что встреча проходила за пределами орды, позволило Токте окружить и захватить своих врагов. Стоит отметить, что, по сообщениям египетских источников, при общении с Ногаем Тола-Буга и его союзники даже не слезли с коней [История Казахстана в арабских источниках, 2005: 98; Узелац, 2015: 193].

Во второй половине – конце 90-х гг. XIII в. в Золотой Орде вновь начинается ухудшение климатических условий. Согласно ал-Макризи, в 1302–1303 гг. в Египет пришли известия о засухе, эпизоотии среди скота и голоде в Улусе Джучи [История Казахстана в арабских источниках, 2005: 308]. В целом ту же ситуацию описывают и русские летописи. Правда они сообщают о несколько более раннем ухудшении ситуации. В 1298 г. фиксируются эпизоотия среди скота, засуха и пожары [Лаврентьевская летопись, 1926–1928: 337].

Эту информацию подтверждает и сообщение Яна Длугоша в котором сообщается о сильной эпизоотии в Польше в том же году [Jana Długosza, 2001: 526–527]. Интерес вызывает сообщение Рашид ад-Дина, согласно которому, зимой 1298–1299 г. армия Токты, выдвинувшаяся против Ногая, не смогла форсировать Днепр, из-за отсутствия ледяного покрова [Рашид ад-Дин, 1960: 85; Rashiduddin, 1998–1999: 364].

Если суммировать все доступные сообщения источников, можно сделать вывод о том, что 1298 г. стал высшей точкой процесса ухудшения климата, который начался еще ранее. В 1296 г. летопись фиксирует сильный пожар в Твери. Вероятно, это может свидетельствовать об усилении засухи [Лаврентьевская летопись, 1926–1928: 337]. Зиму 1296–1297 гг. Джовани Соранцо (венецианский адмирал) с двадцатью пятью судами вынужден был провести в Крыму. Эта зима была очень суровой. Соранцо лишился запасов продовольствия и части своих кораблей [Гейд, 1915: 83–84]. Судя по всему, в дальнейшем климат продолжал остаться неблагоприятным. Летопись фиксирует пожары в Новгороде и Торжке, в 1300 и 1301 гг. соответственно [Приселков, 1950: 349].

К сожалению, сведений климатических и эпидемических феноменах во второй период правления Токты (1301–1313 гг.) еще меньше. В 1309 г. летопись фиксирует эпидемию, эпизоотию и голод на Руси [Воскресенская летопись, 1856: 185].

Обсуждение. Вопрос о воздействии природно-климатических и эпидемических факторов на развитие Золотой Орды получил специальное освещение в историографии сравнительно недавно. Важное значение имеют исследования Ю. Шамильоглу, рассматривавшего климатические изменения в Центральной Евразии и их влияние на Золотую Орду [Шамильоглу, 2016: 670–671]. Проблематика эпидемий и их распространения на территории Улуса Джучи подробно представлена в работе Т.Ф. Хайдарова, посвященной «Черной смерти» в Золотой Орде и сопредельных регионах [Хайдаров, 2018: 186–187]. Для интерпретации сообщений письменных источников об эпидемических заболеваниях существенное значение имеют также исследования К.Г. Васильева и А.Е. Сегала, М.В. Супотницкого и Н.С. Супотницкой [Васильев, Сегал, 1960: 25; Супотницкий, Супотницкая,

2006: 100, 179]. Военно-политический контекст событий конца XIII в., в частности походов ордынских войск в Польшу и Венгрию, подробно исследован Р. Хауталой [Хаутала, 2016: 490]. Вместе с тем взаимосвязь климатических аномалий, эпидемий и эпизоотий с внутриполитическими процессами в Золотой Орде конца XIII – начала XIV в. остается недостаточно изученной, что определяет необходимость комплексного рассмотрения данной проблемы.

Исторические источники очень неравномерно освящают климатическую и эпидемическую ситуацию в Золотой Орде. Благодаря сведениям Галицко-Волынской летописи нам доступно подробное описание 80-х гг. Для второй половине 90-х гг. Мы имеем лишь отдельные краткие упоминания, и единственное сообщение, относящееся к 1309 г. Тем не менее, определенные выводы на этой основе сделать можно.

Ясно, что 1287–1288 гг. характеризовались длительным и засушливым летне-осенним периодом. Сообщение о том, что Висла не замёрзла, в контексте военного похода было включено в текст летописи потому, что ледяной покров для это водоёма в указанный период был нормой.

Ровно ту же ситуацию фиксирует Рашид ад-Дин зимой 1298–1299 гг. Тогда хан Токта не смог пересечь незамерзший Днепр и двинуться на встречу Ногаю. Ал-Макризи, и Лаврентьевская летопись сообщают о серьёзной засухе именно в это время. Это же подтверждают сильные пожары в русских городах. При этом, в то же время, зимой могли происходить аномалии иного характера. Дождь, снег, град и сильные морозы привели к большим потерям в армии Тола-Буги в 1285 г. Зимой 1287–1288 гг. очень резко наступили морозы, так как лед на Висле встал прямо во время похода. Блокада ордынцами городов Галицко-Волынского княжества также происходила сопровождалась сильными холодами. В 1296–1297 г. сильные бури, уничтожили флот адмирала Джовани Соранцо.

Также можно сделать приблизительные выводы об эпидемической ситуации в регионе. Источники позволяют выделить три пиковых этапа распространения эпидемий.

80-е гг. характеризуются крайне высокой смертностью. В это время эпидемии фиксируются сразу в нескольких регионах: Русь, Венгрия, Пруссия, Польша и Крым. При этом источники практически не сообщают о сопутствовавших вспышках эпизоотии среди домашнего скота. К сожалению, о симптоматике этого заболевания имеются только косвенные данные.

Ситуация с переворотом 1291 г. говорит о том, что представители джучидской элиты явно боялись кровохарканья и полагали, что оно является предвестником смерти. Судя по всему, в Пруссии произошла вспышка заболевания, симптомами которого были поражения кожи, внешне напоминающие укус огромного насекомого, а также смерть в течение двух или трех дней. Такая симптоматика сильно напоминает чуму в легочной и карбункульной формах. На ту же мысль наводит и описание египетским источником смерти Менгу-Тимура, которая произошла в 1280 г. По времени она вполне соотносится эпидемией на Руси.

Согласно источнику: «причиною смерти его был нарыв, соскочивший у него в горле. Он (Менгутемир) проколол его и умер» (История Казахстана в арабских источниках, 2005: 79). Под это описание хорошо подходит бубонная чума, в случае, когда бубон является подчелюстным. Об этом же говорит и выбранный метод лечения. Позднее, уже в XIV в., хирургическое вскрытие бубона станет опасным, нередко смертельным, но единственным реальным методом лечения этой болезни. При этом, бубон часто вызывает сильную боль или зуд. Они также подталкивали больных к хирургическому вмешательству [Супотницкий, Супотницкая, 2006: 100, 179].

Важно учитывать, что возможность локальной вспышки чумы в западной части Золотой Орды в 80-е гг. XIII в. вполне допустима. Чума в нормальном севом состоянии – это природно-очаговое заболевание. В последующие столетия в Восточной и Центральной Европе будут действовать сразу несколько чумных очагов.

Второй этап можно датировать второй половиной 90-х гг. Источники описывают близкую картину событий: засуха и сильная эпизоотия. Причём последняя привела к голоду, что подтверждается сообщениями Длугоша. Так как источники не упоминают распространение болезни среди людей, сибирскую язву можно исключить. О третьем периоде есть только одно летописное упоминание в 1309 г. Так как болезнь распространялась и среди животных, и среди людей, в данном случае речь может идти о сибирской язве [Хайдаров, 2018: 186–187].

Результаты. У нас есть возможность представить состояние ордынского войска в период вторжения в Венгрию и Польшу, основываясь на описании, содержащемся в Галицко-Волынской летописи. Благодаря этим данным можно допустить, что в подобном положении оно находилось в иные кризисные периоды.

Походы 1285 и 1287–1288 гг. зачастую преподносятся как «карательные». Но многие сообщения указывают на то, что основанием для военных походов тех лет служил грабеж, поскольку состояние войска было настолько плачевное, что, как и рядовым воинам, так и их предводителям, уж было не важно, кого подвергать нападению. Русские князья отметили это во время смотра на Бужевском поле. Войско Тола-Буги, не сумев удержаться во Владимире, еще до начала совместной военной акции, начало грабить своих «компаньонов».

Вероятно, что в Польше ситуация начала выходить из-под контроля. Тола-Буга с войском двинулся ко Львову, узнав о том, что окрестности Кракова, куда он изначально намеревался направиться, разорены Ногаем. У Львова он простоял две недели, откармливая лошадей и людей. Исходя из летописного указания, что войско не воевало, можно предположить, что ведение активных насильственных действий было под запретом. Длугош также указывал на существование такого запрета. Основная цель, которую преследовали в этой местности кочевники – получение продовольствия и откорм коней. Именно по этой причине во время блокады русских городов монголы устраивали расправу над теми, кто отправлялся «в зажитье» – для добычи провизии. По всей видимости, голод затронул не только кочевников, но и население городов Галицко-Волынского княжества. Вероятно, не только эпидемия вынуждала людей предпринимать попытки бегства из города, но и недостаток продовольствия. Также в описаниях походов приводятся некоторые детали, которые указывают на то, войско кочевников было ослаблено.

Как, например, в послании пресвитера Бенедикта содержится сообщение, в котором говорится, что войска Ногая избегали вооружённые подразделения венгерских войск, предпочитая не вступать с ними в прямые столкновения, а убивали только безоружных. Вторгшийся в это же время в Византию монгольский тумен был разбит в Месембрии. Можно полагать, что он также был подчинён Ногаю. По этой неудавшейся попытке можно судить о состоянии золотоордынской армии и её боеспособности в тот период, поскольку всего лишь за два года до этих событий, Андронику Палеологу пришлось прибегнуть за помощью к сербам, чтобы устранить угрозу в виде войска Ногая, которое насчитывало четыре тысячи воинов, отправленных на помощь к Михаилу VIII Палеологу [Гръцки извори за българската история, 1980: 185].

Это наглядно характеризует уровень боеспособности золотоордынского войска. Всего двумя годами ранее четыре тысячи воинов Ногая под командованием Карабаши, отправленные на помощь Михаилу VIII Палеологу, представляли серьёзную угрозу для его сына Андроника, и для их сдерживания пришлось даже прибегнуть к помощи сербов [Гръцки извори за българската история, 1980: 187–188; Vasary, 2005: 102].

Еще одним важным свидетельством состояния золотоордынского войска и кочевого хозяйства является решение Тула-Буги оставить часть своих людей в окрестностях Владимира, чтобы откормить истощённых лошадей. Именно этот отряд и организовал блокаду города.

Блокаду Владимира и Львова можно объяснить двояко. С одной стороны, она имела очевидную экономическую причину. По крайней мере, в случае Владимира нападениям подвергались люди, выходившие на поиски продовольствия, то есть способные конкурировать с кочевниками за пищевые ресурсы. Однако этого недостаточно для полного объяснения происходившего.

Во-первых, люди, бежавшие от эпидемии, в этом отношении не представляли для монголов угрозы. Во-вторых, вызывает удивление отсутствие сведений о том, что за попавших в руки золотоордынских воинов горожан требовали выкуп или что их уводили в рабство. С экономической точки зрения это было бы значительно выгоднее. В-третьих, сведения Лаврентьевской летописи и Длугоша указывают на существование запрета на открытое насилие против русского населения.

Если в случае Владимира происходившее еще можно объяснить самовольными действиями отставших воинов, то под Львовом находился сам Тула-Буга. Тем не менее выходивших из города людей либо избивали, либо убивали. Практика отпускать их без одежды, по-видимому, свидетельствует о наличии формального строгого запрета непосредственно убивать оседлых подданных. Но каким образом в таком случае объяснить саму блокаду, приводившую к гибели людей?

Возможно, официальной причиной блокады была зафиксированная в обоих городах эпидемия. Это хорошо согласуется как с существованием среди золотоордынской элиты представлений об обязательном карантине, так и с последующим использованием этих представлений Ногаем. Одновременно это подтверждает нашу гипотезу о том, что в 1280-е гг. в западной части Золотой

Орды эпидемически распространялось некое заболевание, симптомы которого к 1287–1288 гг. были уже хорошо знакомы кочевникам.

Очевидно, что климатические и эпидемические явления оказывают влияние на общество. В случае Золотой Орды это воздействие прослеживается достаточно отчетливо. Независимо от того, была ли смерть Менгу-Тимура связана с эпидемией, зафиксированной на Руси в конце 1270-х гг., 1280-е гг. стали для государства Джучидов периодом тяжелого кризиса. Особенно отчетливо этот кризис проявился в вопросе легитимности государственной власти.

Как известно, Менгу-Тимур был первым независимым ханом Золотой Орды. После его смерти занявший престол Туда-Менгу совместно с Ногаем и Коничи отправил Номугана к Хубилаю, сообщив о желании вновь войти в состав единой Монгольской империи. Судя по расширению владений Улуса Джучи в Китае, к 1281 г. результаты этих переговоров выглядели многообещающими. Однако в 1283–1284 гг. Туда-Менгу начинает чеканить монету от своего имени – по крайней мере, датированные монеты с его именем относятся только к этим годам – и отправляет посольство к египетскому султану, сообщая о принятии ислама и прося у халифа и султана знамя для ведения джихада [История Казахстана в арабских источниках, 2005: 80].

Вскоре, однако, Туда-Менгу был свергнут, а к власти пришла коалиция царевичей во главе с Тула-Бугой. По нашему мнению, Тула-Буга не являлся общепризнанным ханом, поскольку не получил согласия Ногая, бывшего в то время старшим представителем рода Джучи. Их сложные переговоры в начале 1290-х гг. в конечном итоге завершились гибелью царевичей и приходом к власти Токты [Порсин, 2018: 12–54].

Походы в Венгрию и Польшу, направленные на поддержание экономического положения кочевого войска, а также неудачная попытка вторжения в Иран в 1290 г., по всей видимости, представляли собой стремление правящей коалиции каким-либо образом укрепить своё положение. Если причины поражения на Кавказе остаются не вполне ясными, то неудача походов в Венгрию и Польшу была обусловлена противоречиями между Ногаем и Тула-Бугой.

Примечательно, что после периода относительного спокойствия в первой половине 1290-х годов засуха, падеж скота и голод 1298 г. совпали с активной фазой конфликта между Токтой и Ногаем. Согласно Рашид ад-Дину, именно в этом году началось их открытое противостояние. Оно сопровождалось кризисом государственной легитимности, ярким проявлением которого стало обращение Ногая к хулагуидскому правителю Газану с просьбой не только оказать помощь, но и принять его в подданство [Рашид ад-Дин, 1960: 83–84; Rashiduddin, 1998–1999: 366].

Мор 1309 г., по-видимому, не сопровождался крупными политическими событиями. Вероятно, это объяснялось отсутствием в тот период в Золотой Орде силы, способной открыто выступить против власти Токты. Альтернативный политический центр на западе был уничтожен, а оставшиеся противники были слишком слабы, чтобы довести внутренние противоречия до уровня открытого конфликта. Вместе с тем мы слишком мало знаем о «море» и голоде того времени и не можем уверенно утверждать, распространились ли они на обширную территорию Золотой Орды или ограничивались русскими княжествами.

Однако, согласно сведениям Бейбарса, в 1309 г. умерли сразу два крупных представителя золотоордынской элиты – сын Токты Илбасар и его брат Бурлык [История Казахстана в арабских источниках, 2005: 111]. Их смерть оказала значительное влияние на последующие события и прежде всего облегчила приход Узбека к власти. Однако невозможно достоверно установить, была ли их гибель связана с эпидемией 1309 г.

Хотя конкретных сведений о климатической и эпидемической ситуации в восточной части Золотой Орды в рассматриваемый период не сохранилось, можно предположить, что положение там было значительно более благоприятным, чем на западе. Каждый из рассмотренных выше кризисов завершался усилением восточных аристократических группировок и опиравшихся на них представителей династии Джучидов.

Уничтожение коалиции царевичей в 1291 г. привело к власти Токту. Его поддержал Биликчи, внук Беркечара, владения которого находились в одном из восточных регионов Золотой Орды. Наиболее влиятельным эмиром Токты был конграт Салджидай-гурген, владевший землями в районе Хорезма и являвшийся для Токты человеком, подобным «отцу и воспитателю» [Рашид ад-Дин, 1960: 84; Rashiduddin, 1998–1999: 366].

Именно конфликт с этим хорезмским конгратом, «распоряжавшимся престолом», стал началом катастрофы для Ногая, являвшегося лидером западной части Улуса Джучи. Приход Узбека к власти в

1313 г. фактически стал переворотом, осуществленным хорезмийцем Кутлуг-Тимуром. Примечательно, что во главе сил, противостоявших Узбеку и Кутлуг-Тимуру, находились бывшие соратники Ногая – Таз и Тунгуз. Таз перешел от Токты к сыновьям Ногая и, возможно, происходил из центральных областей государства. Тунгуз же, по-видимому, был выходцем из западных областей Золотой Орды. О том, что он обладал значительно большим влиянием, чем Таз, и был глубже интегрирован в созданную Ногаем политическую структуру, свидетельствует его положение в орде Джеке: там он являлся «наместником среди старших эмиров царства» [История Казахстана в арабских источниках, 2005: 105].

По-видимому, за борьбой Ногая против Салджидая-гургена, а также за противостоянием Таза и Тунгуза Кутлуг-Тимуру скрывалось значительно более масштабное соперничество между западными и восточными улусами Золотой Орды. В этом противостоянии запад явно потерпел поражение. Одной из важнейших причин этого могли стать неблагоприятные условия, связанные с изменением климата, а также тяжелыми эпидемиями и эпизоотиями.

Заключение. Проведенный анализ письменных источников позволяет заключить, что конец XIII – начало XIV в. являлся для западной части Золотой Орды периодом значительной климатической и эпидемической нестабильности. Наиболее отчетливо кризисные явления проявились в 1280-е гг. и во второй половине 1290-х – начале 1300-х гг. Источники фиксируют засухи, аномально суровые зимы, эпизоотии, голод и вспышки эпидемических заболеваний, затрагивавшие как территорию Улуса Джучи, так и соседние регионы. При этом характер сохранившихся свидетельств не всегда позволяет достоверно определить природу описываемых заболеваний. Предположение о распространении в 1280-е гг. различных форм чумы остается гипотезой и требует дальнейшей проверки.

Особенно чувствительным к природно-климатическим изменениям являлось кочевое хозяйство, непосредственно зависевшее от состояния пастбищ и поголовья скота. Засухи, суровые зимы и эпизоотии приводили к сокращению хозяйственных ресурсов, ухудшению состояния конского поголовья и, как следствие, снижению боеспособности золотоордынских войск. События походов 1285 и 1287–1288 гг. показывают, что недостаток продовольствия и фуража, неблагоприятные погодные условия и эпидемическая обстановка могли непосредственно влиять на ход военных кампаний. Одновременно сведения источников позволяют предполагать существование у монголов определенных представлений о заразности заболеваний и практик ограничения контактов с заболевшими.

Природно-климатические и эпидемические кризисы следует рассматривать не как непосредственную причину политических конфликтов, а как фактор, способный усиливать уже существовавшие социально-экономические и внутриполитические противоречия. Хронологическое совпадение наиболее тяжелых кризисных периодов с обострением борьбы внутри правящей элиты позволяет предположить наличие такой взаимосвязи. Ослабление хозяйственного и военного потенциала западных областей Улуса Джучи могло способствовать изменению соотношения сил между западными и восточными группировками золотоордынской знати.

Литература

Архимандрит Антонин (Капустин А.И.), 1863 – *Заметки XII–XV века*, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. 1863. Т.5. С. 595–628.

Васильев, Сегал, 1960 – *Васильев К.Г., Сегал А.Е.* История эпидемий в России. Москва, 1960. 397 с.

Воскресенская, 1856 – *Воскресенская летопись*. Полное собрание русских летописей. Т. 7. СПб., 1856. 358 с.

Гейд, 1915 – *Гейд В.* История торговли Востока в средние века . Перевод Л.П. Колли. ИТУАК. 1915. (№52). С.137-185.

Гръцки извори, 1980 – *Гръцки извори за българската история*. Т. X. София: Българската академия на науките, 1980. 412 с.

Густинская летопись 2003 – *Густинская летопись*. Полное собрание русских летописей. Т. 40. СПб., 2003. 549 с.

Ипатьевская летопись, 1908 – *Ипатьевская летопись*. Полное собрание русских летописей. Т. 2. СПб., 1908. 638 с.

История Казахстана, 2005 – *История Казахстана в арабских источниках*. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 713 с.

Лаврентьевская летопись, 1926–1928 – *Лаврентьевская летопись*. Полное собрание русских летописей. 2-е изд. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. Т. 1. Вып. 1: Повесть временных лет; Вып. 2: Суздальская летопись. Вып. 3: Приложения. 379 с.

Новгородская летопись, 1888 – *Новгородская летопись* по Синодальному харатейному списку. Полное собрание русских летописей. СПб., Археогр. комисс., 1888. X, 490 с.

Порсин, 2018 – *Порсин А.А.* Заговор Ногая против Тула-Буги в контексте эпидемиологической ситуации в Золотой Орде последней четверти XIII века // Эпидемии и природные катаклизмы в Золотой Орде и на сопредельных территориях (XIII–XVI вв.). Сборник научных статей. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 63–74.

Порсин, 2018 – *Порсин А.А.* История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.

Почекаев, 2010 – *Почекаев Р.Ю.* Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 406 с.

Приселков, 1950 – *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. М., Л., 1950. 518 с.

Псковская летопись, 1837 – Псковская летопись, изданная на иждивении Общества истории и древностей российских при Московском университете М. Погодиным. - Москва : Унив. тип., 1837. 281 с.

Путешествия в восточные страны, 1957 – *Путешествия в восточные страны* Плано Карпини и Рубрука / Редакция, вступительная статья и примечания Н.П. Шастиной. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры. 1957. 272 с.

Рашид ад-Дин, 1960 – *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. Т. II. М.-Л.: Издательство Ака-демии наук СССР, 1960. 214 с.

Супотницкий, Супотницкая, 2006 – *Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С.* Очерки истории чумы: В 2-х кн. М.: Вузовская книга, 2006. 468+696 с.

Узелац, 2015 – *Узелац А.* Под сенком пса: Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015. 321 с.

Хайдаров, 2018 – *Хайдаров Т.Ф.* Эпоха «Черной смерти» в Золотой Орде и прилегающих регионах (конец XIII–первая половина XV вв.). Казань: Институт истории им. Марджани АН РТ, 2018. 304 с.

Хаутала, 2016 – *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: Военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // Золотоордынское обозре-ние. 2016. (№3). С. 485–528.

Шамильоглу, 2016 – *Шамильоглу Ю.* Изменение климата в Центральной Евразии и Золотой Орде // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 665–678.

Allsen, 2001 – *Allsen T.* Sharing out the Empire: Apportioned Lands under the Mongols // Anatoly M. Kazanov et André Wink, éds., Nomads in the Sedentary World, Curzon, 2001. P. 172-190.

Jana Długosza, 1868 – *Jana Długosza* kanonika krakowskiego Dziejów polskich ksiąg dwanaście. T. 3, 1868.

Monumenta ecclesiae Strigoniensis, 1874-1999 – *Monumenta ecclesiae Strigoniensis*. 4 Vols. Strigonii, Budapestini: Typis descripsit Aegydius Horák. Archivum Primatiale. 1874–1999.

Monumenta Germaniae Historica, 1861 – *Monumenta Germaniae Historica*. Scriptores. Vol. XVII. Pertz G.H. Hannover, München. 1861.

Monumenta Poloniae historica, 1960-1961 – *Monumenta Poloniae historica*. Pomniki dziejowe Polski. 6 Vols. Bielowski A. Warszawa: Państwowe Wydawn Naukowe, 1960–1961.

Rashiduddin, 1998–1999 – *Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-Tawarikh* Compendium of Chronicles: a History of the Mongols, v. 1, 2, 3, trans. by Wheeler Thackston, Cambridge, 1998 – 1999. 819 p.

Vasary, 2005 – *Vasary I.* Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Bal-kans, 1185–1365. Cambridge University Press, 2005. 230 p.

References

Allsen, 2001 – *Allsen, T.* (2001). Sharing out the Empire: Apportioned Lands under the Mongols [Sharing out the Empire: Apportioned Lands under the Mongols]. Anatoly M. Kazanov et André Wink, éds., Nomads in the Sedentary World, Curzon. P. 172-190. [in English]

Arkhimandrit Antonin (Kapustin A.I.), 1863 – *Arkhimandrit Antonin* (Kapustin A.I.), (1863). Zametki XII–XV veka, otnosyashchiyesya k krymskomu gorodu Sugdeye (Sudaku), pripisannyye na grecheskom Sinaksare [Notes from the 12th–15th centuries relating to the Crimean city of Sugdeya (Sudak), ascribed to the Greek Synaxarion]. ZOOID. T.5. P. 595–628. [in Russian]

Geyd, 1915 – *Geyd, V.* (1915). Istoriya torgovli Vostoka v sredniye veka [History of Eastern trade in the Middle Ages]. ITUAK. (№52). P.137-185. [in Russian]

Grtski izvori, 1980 – *Grtski izvori za blgarskata istoriya* [Greek sources for Bulgarian history]. (1980). T. X. Sofiya: Blgarskata akademiya na naukite. 412 p. [in Russian]

Gustinskaya letopis, 2003 – *Gustinskaya letopis* (2003). [Gustyn Chronicle]. Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 40. Saint Petersburg. 549 p. [in Russian]

Ipatyevskaya letopis, 1908 – *Ipatyevskaya letopis* (1908). [Hypatian Chronicle]. Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 2. Saint Petersburg. 638 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhstana, 2005 – *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh*. (2005). [Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh]. T. I. Almaty: Dayk-Press, 2005. 713 p. [in Russian]

Jana Długosza, 1868 – *Jana Długosza kanonika krakowskiego* Dziejów polskich ksiąg dwanaście (1868). [Jan Długosz, canon of Krakow, Twelve books of the history of Polish books]. T. 3. 787 p. [in Polish]

Khautala, 2016 – *Khautala, R.* (2016). Ot Batu do Dzhanibeka: Voyennyye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shey i Vengriyey (2) [Ot Batu do Dzhanibeka: Voyennyye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shey i Vengriyey (2)]. Zolotoordynskoye obozreniye. (№3). P. 485–528. [in Russian]

Khaydarov, 2018 – *Khaydarov, T.F.* (2018). Epokha «Chernoy smerti» v Zolotom Orde i prilegayushchikh regionakh (konets XIII – pervaya polovina XV vv.) [The era of the Black Death in the Golden Horde and adjacent regions (late 13th – first half of the 15th centuries)]. Kazan: Institut istorii im. Mardzhani AN RT. 304 p. [in Russian]

Lavrentyevskaya letopis, 1926-1928 – *Lavrentyevskaya letopis* (1926-1928). [Laurentian Chronicle]. Polnoye sobraniye russkikh letopisey. Leningrad: Izd-vo AN SSSR. T. 1. 379 p. [in Russian]

Monumenta ecclesiae Strigoniensis, 1874–1999 – *Monumenta ecclesiae Strigoniensis*, (1874–1999). [Monuments of the church of Strigoniensis]. 4 Vols. Strigonii, Budapestini: Typis descripsit Aegydius Horák. Archivum Primatiale. 656 p. [in Latin]

Monumenta Germaniae Historica, 1861 – *Monumenta Germaniae Historica*. Scriptores, (1861). [Monumenta Germaniae Historica. Scriptores]. Vol. XVII. Pertz G.H. Hannover, München. 577 p. [in Latin]

Monumenta Poloniae historica, 1960–1961 – *Monumenta Poloniae historica* (1960–1961). Pomniki dziejowe Polski [Historical monuments of Poland]. 6 Vols. Warszawa: Państwowe Wydawn Naukowe. 890 p. [in Latin]

Novgorodskaya letopis, 1888 – *Novgorodskaya letopis po Sinodal'nomu* kharateynomu spisku (1888). [Novgorod Chronicle according to the Synodal Charter List]. Polnoye sobraniye russkikh letopisey. Saint Petersburg: Arkheogr. komiss. 490 p. [in Russian]

Pochekayev, 2010 – *Pochekayev, R.Y.* (2010). Tsari Ordynskiye. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy [Tsari Ordynskiye. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy]. Saint Petersburg: Yevraziya. 406 p. [in Russian]

Porsin, 2018 – *Porsin, A.A.* (2018). Istoriya Zolotoy Ordy kontsa XIII – nachala XIV vekov v trude Rukn ad-Dina Beybarsa al-Mansuri «Zubdat al-fikra» [The history of the Golden Horde in the late 13th – early 14th centuries in the work of Rukn ad-Din Baybars al-Mansuri "Zubdat al-fikra"]. Kazan: Institut istorii im. SH. Mardzhani AN RT. 276 p. [in Russian]

Porsin, 2018 – *Porsin, A.A.* (2018). Zagovor Nogaya protiv Tula-Bugi v kontekste epidemiologicheskoy situatsii v Zolotoy Orde posledney chetverti XIII veka [Nogai's conspiracy against Tula-Buga in the context of the epidemiological situation in the Golden Horde in the last quarter of the 13th century]. Epidemii i prirodnyye kataklizmy v Zolotoy Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.). Sbornik nauchnykh statey. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. P. 63–74. [in Russian]

Priselkov, 1950 – *Priselkov, M.D.* (1950). Troitskaya letopis [Trinity Chronicle]. Moskva-Leningrad. 518 p. [in Russian]

Pskovskaya letopis, 1950 – *Pskovskaya letopis*, izdannaya na izhdivenii Obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh pri Moskovskom universitete M. Pogodinym (1950) [The Pskov Chronicle, published by M. Pogodin at the expense of the Society of Russian History and Antiquities at Moscow University]. Moskva: Univ. tip. 281 p. [in Russian]

Puteshestviya v vostochnyye strany, 1957 – *Puteshestviya v vostochnyye strany* Plano Karpini i Rubruka (1957) [Travels to the Eastern Countries of Plano Carpini and Rubruk]. Moskva: Gos. izd-vo geogr. lit-ry. 272 p. [in Russian]

Rashid ad-Din, 1960 – *Rashid ad-Din* (1960). Sbornik letopisey [Collection of Chronicles]. T. II. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR. 214 p. [in Russian]

Rashiduddin, 1998–1999 – *Rashiduddin,* (1998–1999). Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-Tawarikh Compendium of Chronicles: a History of the Mongols [Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-Tawarikh Compendium of Chronicles: a History of the Mongols]. trans. by Wheeler Thackston, Cambridge. 819 p. [in English]

Shamiloglu, 2016 – *Shamiloglu, Y.U.* (2016). Izmenenie klimata v Centralnoj Evrazii i Zolotoj Orde [Izmenenie klimata v Centralnoj Evrazii i Zolotoj Orde]. Zolotaya Orda v mirovoj istorii. Kazan. P. 665–678. [in Russian]

Supotnitskiy, Supotnitskaya, 2006 – *Supotnitskiy M.V., Supotnitskaya N.S.,* (2006). Ocherki istorii chumy [Essays on the History of the Plague]. Moskva: Vuzovskaya kniga. 696 p. [in Russian]

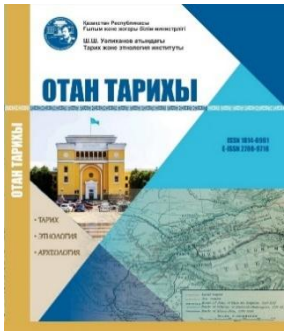
Uzelats, 2015 – *Uzelats, A.* (2015). Pod senkom psa: Tatari i ǰuzhnoslovenske zemnyye u drugoǰ polovini XIII veka [Under the shadow of the dog: Tatars and ǰuzhnoslovenské zemnyye in the second ǰ half of the 13th century]. Beograd: Utopiǰa. 321 p. [in Serbian]

Vasary, 2005 – *Vasary, I.* (2005). Kumany i tatary. Vostochnyye voyska na doosmanskikh balkanakh, 1185–1365 [Cumans and Tatars. Eastern Troops in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365]. Izdatel'stvo Kembridzhskogo universiteta. 230 p. [in English]

Vasilyev, Segal, 1960 – *Vasilyev K.G., Segal A.Ye.,* (1960). Istoriya epidemiy v Rossii. [History of epidemics in Russia]. Moskva. 397 p. [in Russian]

Voskresenskaya letopis, 1856 – *Voskresenskaya letopis* (1856). [Resurrection Chronicle]. Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 7. Saint Petersburg. 358 p. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 997–1010
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



МРНТИ / ҒТАХР / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_997-1010

«КРИЗИС XIV ВЕКА» И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «МАДЖМУ АТ-ТАВАРИХ»)

Дархан Аманжолович Джумагалиев[1], *Жаксылык Муратович Сабитов*[2]

[1] ТОО «Научно-исследовательский центр «Дешт-и Кипчак»»
(зд. 18, ул. Керей, Жанибек хандар, 010016 Астана, Республика Казахстан)
Научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0002-3578-6467. E-mail: darhanbai@mail.ru

[2] Научный институт изучения Улуса Джучи
(ул. Пушкина, 15Б, 010000, Астана, Республика Казахстан)
Директор, доктор PhD
https://orcid.org/0000-0001-7186-156X7. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Джумагалиев Д.А., Сабитов Ж.М., 2026

Аннотация. *Введение.* Кризис XIV–XV веков рассматривается как комплексное евразийское явление, включающее климатические изменения, пандемии и социально-политические изменения, приведшие к переосмыслению механизмов легитимации власти в постмонгольских государствах Центральной Евразии. В этом контексте особое значение приобретает анализ историко-идеологических конструкций, представленных в сочинении «Маджму ат-таварих». *Целью и задачами* являются выявление механизмов политической легитимации, отраженных в «Маджму ат-таварих», посредством анализа генеалогических, религиозных и символических способов обоснования власти, а также определении роли суфийских и исламских элементов в политической идеологии. *Материалы и методы.* Источниковую основу исследования составляют «Маджму ат-таварих», и другие письменные источники по истории улусов Джучи и Чагатая, включая «Тарих-и Рашиди», «Кара таварих», «Зафар-наме». В исследовании применяются методы источниковедческого анализа, сравнительно-исторический и историко-генетические подходы. *Результаты.* В условиях кризиса XIV–XVI веков усиливается значение исламско-суфийских форм легитимации власти. Образы великих правителей прошлого трансформируются в политико-сакральный символ, используемый для обоснования статуса правящих элит. Эпидемии и кризисные процессы способствовали усилению религиозных интерпретаций власти и генеалогических конструкций. *Заключение.* «Маджму ат-таварих» отражает процессы идеологической адаптации постмонгольских обществ, в рамках которых власть легитимируется через сочетание чингизидской традиции, исламской сакральности и суфийских сетей.

Ключевые слова: «черная смерть», кризис, «Маджму ат-таварих», легитимация власти, суфийские тарикаты, Улус Джучи, Могулистан.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках грантового финансирования (ИРН AP26104055 «Исследование влияния природно-климатического и эпидемического факторов на эволюцию государственных институтов и экономического развития Улуса Джучи»).
Для цитирования: Джумагалиев Д.А., Сабитов Ж.М. «Кризис XIV века» и формирование новых механизмов легитимации власти (по материалам «Маджму ат-таварих») // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 997–1010. [на рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_997-1010

«XIV ҒАСЫРДАҒЫ ДАҒДАРЫС» ЖӘНЕ БИЛІКТІ ЛЕГИТИМАЦИЯЛАУДЫҢ ЖАҢА ТЕТІКТЕРІНІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ («МӘЖМУ АТ-ТАУАРИХ» МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ)

Дархан Аманжолұлы Жұмағалиев[1], Жақсылық Мұратұлы Сәбитов[2]

[1] «Дешті-Қыпшақ» ғылыми-зерттеу орталығы
(18 үй, Керей, Жәнібек хандар көш., 010016 Астана, Қазақстан Республикасы)
Ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0000-0002-3578-6467. E-mail: darhanbai@mail.ru

[2] Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты
(15б үй, Пушкин көшесі, 010000 Астана, Қазақстан Республикасы)
Директор, PhD докторы
https://orcid.org/0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Джумагалиев Д.А., Сәбитов Ж.М., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* XIV–XV ғасырлардағы дағдарыс климаттық өзгерістерді, індеттерді және әлеуметтік-саяси өзгерістерді қамтитын кешенді еуразиялық құбылыс ретінде қарастырылады. Бұл үдерістер постмоңғолдық Орталық Еуразия мемлекеттерінде билікті легитимациялау тетіктерінің қайта пайымдалуына алып келді. Осы тұрғыда «Мәжму ат-тауарих» шығармасында ұсынылған тарихи-идеологиялық құрылымдарды талдау ерекше маңызға ие. *Зерттеудің мақсаттары мен міндеттері* «Мәжму ат-тауарих» шығармасында көрініс тапқан саяси билікті легитимациялау тетіктерін билікті негіздеудің генеалогиялық, діни және символдық тәсілдерін талдау арқылы анықтау, сондай-ақ саяси идеологиядағы сопылық және исламдық элементтердің рөлін айқындау. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің деректік негізін «Мәжму ат-тауарих» және Жошы және Шағатай ұлыстары тарихына қатысты басқа да жазба деректер, соның ішінде «Тарих-и Рашиди», «Қара тауарих», «Зафар-наме» құрайды. Зерттеуде деректанулық талдау, салыстырмалы-тарихи және тарихи-генетикалық әдістер қолданылды. *Нәтижелер.* XIV–XVI ғасырлардағы дағдарыс жағдайында билікті легитимациялаудың исламдық-сопылық формаларының маңызы күшейгені анықталды. Өткеннің ұлы билеушілерінің бейнелері саяси-киелі символға айналып, билеуші элитаның мәртебесін негіздеуге пайдаланылды. Эпидемиялар мен дағдарыстық үдерістер билікті діни тұрғыдан түсіндірудің және генеалогиялық құрылымдардың күшеюіне ықпал етті. *Қорытынды.* «Мәжму ат-тауарих» постмоңғолдық қоғамдардағы идеологиялық бейімделу үдерістерін көрсетеді. Бұл үдерістерде билік шыңғыстық дәстүр, исламдық сакралдылық және сопылық желілердің үйлесімі арқылы легитимацияланады.
Түйін сөздер: «қара өлім», дағдарыс, «Мәжму ат-тауарих», биліктің легитимациясы, сопылық тариқаттар, Жошы Ұлысы, Моғолстан
Алғыс. Жұмыс Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қолдауымен гранттық қаржыландыру аясында жүзеге асырылды (ЖТН AP26104055 Жошы Ұлысының мемлекеттік институттарының эволюциясы мен экономикалық дамуына табиғи-климаттық және індет факторларының ықпалын зерттеу).
Дәйексөз үшін: Джумагалиев Д.А., Сәбитов Ж.М. «XIV ғасырдағы дағдарыс» және билікті легитимациялаудың жаңа тетіктерінің қалыптасуы («Мәжму ат-тауарих» материалдары негізінде) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 997–1010-бб. [орысш.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_997-1010

THE "CRISIS OF THE 14th CENTURY" AND THE FORMATION OF NEW MECHANISMS OF POLITICAL LEGITIMACY (BASED ON "MAJMU AL-TAWARIKH")

Darkhan Amanzholovich Jumagaliyev[1], Zhaxylyk Muratovich Sabitov[2]

[1] LLP Research Center Desht-i Kipchak
(18, Kerey, Zhanibek Khandar Str., 0100016, Astana, Republic of Kazakhstan)
Scientific Research Associate
https://orcid.org/0000-0002-3578-6467. E-mail: darhanbai@mail.ru

[2] Research Institute for Jochi Ulus Studies
(15B, Pushkin Str., 010000, Astana, Republic of Kazakhstan)
Director, doctor PhD
https://orcid.org/0000-0001-7186-156X. E-mail: zh.sabitov@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026
© Jumagaliyev D.A., Sabitov Zh.M., 2026

Abstract. *Introduction.* The crisis of the 14th–15th centuries is considered a complex Eurasian phenomenon that included climatic changes, pandemics, and socio-political transformations, which led to a rethinking of mechanisms of political legitimation in the post-Mongol states of Central Eurasia. In this context, particular importance is attached to the analysis of historical and ideological constructs presented in the work "Majmu al-Tawarikh". *The aim and* objectives of the study are to identify the mechanisms of political legitimation reflected in the "Majmuʿ al-Tawarikh" through an analysis of genealogical, religious, and symbolic means of legitimizing authority, as well as to determine the role of Sufi and Islamic elements in political ideology. *Materials and methods.* The source base of the research includes "Majmu al-Tawarikh" and other written sources on the history of the Uluses of Jochi and Chagatai, including "Tarikh-i Rashidi", "Kara Tawarikh", and "Zafar-name". The study employs methods of source analysis, comparative-historical, and historical-genetic approaches. *Results.* It is shown that during the crisis of the 14th–16th centuries, the significance of Islamic-Sufi forms of political legitimation increased. Images of great rulers of the past were transformed into politico-sacral symbols used to justify the status of ruling elites. Epidemics and crisis processes contributed to the strengthening of religious interpretations of power and genealogical constructions. *Conclusions.* "Majmu al-Tawarikh" reflects processes of ideological adaptation in post-Mongol societies, within which political authority is legitimized through a combination of Chinggisid tradition, Islamic sacrality, and Sufi networks.

Keywords: "Black Death", crisis, "Majmu al-Tawarikh", political legitimation, Sufi tariqas, Ulus of Jochi, Moghulistan.

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of grant funding (IRN AP26104055 Research of the influence of natural-climatic and epidemic factors on the evolution of state institutions and economic development of the Jochi Ulus).

For citation: Jumagaliyev D.A., Sabitov Zh.M. The "Crisis of the 14th century" and the Formation of New Mechanisms of Political Legitimacy (Based on "Majmu al-Tawarikh") // Otan Tarikhy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 997–1010. [in Russ.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_997-1010

Введение. Кризис XIV века рассматривается как комплексный и затяжной социально-экономический кризис, первоначально проявившийся в Европе в XIV веке и включавший климатические изменения, эпидемии, известные в историографии как «Черная смерть», и вызванные ими социальные потрясения. Лежащие в его основе факторы и их последствия не ограничивались европейским пространством и неразрывно были связаны с исторической ситуацией в Азии и Африке. Однако долгое время этот кризис XIV века первоначально обсуждался лишь в контексте западной истории [Isahaya, 2022: 185]. Эпидемии, охватившие значительную часть Евразии, оказали влияние не только на демографическую и экономическую ситуацию, но и на характер политической культуры, религиозного сознания и механизмов легитимации власти. В условиях ослабления прежних

имперских структур и кризиса традиционной чингизидской модели правления возрастает роль исламских форм сакрализации власти.

Материалы и методы. Основным материалом исследования является средневековое сочинение «Маджму ат-таварих», рассматриваемое как важный памятник политической и религиозной культуры по истории улусов Джучи и Чагатая. Также для сопоставления и интерпретации содержащихся в сочинении сведений привлекались данные других письменных источников, включая «Тарих-и Рашиди», «Кара таварих», «Зафар-наме», сибирские летописи, а также ойратские исторических сочинения.

Методологическую основу исследования составляет комплекс источниковедческих и историко-сравнительных методов. Источниковедческий анализ позволил выявить особенности формирования содержащихся в «Маджму ат-таварих» исторических сюжетов, определить их идеологическую направленность и степень соответствия другим письменным данным. Сравнительно-исторический метод использован для сопоставления сведений «Маджму ат-таварих» с данными других письменных источников. Историко-генетический метод применен для исследования генезиса и трансформации механизмов политической легитимации, отраженных в «Маджму ат-таварих», включая эволюцию образа Онг-хана. Для анализа механизмов политической легитимации использован метод дискурсивного анализа, позволивший рассмотреть способы конструирования власти через генеалогические, религиозные и сакральные нарративы. Кроме того, применен метод исторической реконструкции, направленный на выявление связи между процессами исламизации, кризисными явлениями XIV–XV веков и изменением представлений о природе верховной власти.

Обсуждение. Содержание «Маджму ат-таварих» показывают о постепенном усилении религиозного компонента в обосновании власти, что особенно заметно в условиях ослабления традиционной улусной системы и династической нестабильности. В этой связи представляет интерес наблюдение Ю. Шамильоглу о том, что в условиях острой конкуренции между чингизидами и не-чингизидами исламское благочестие начинает приобретать значение второго важнейшего элемента политической легитимации наряду с происхождением от Чингиз-хана. Подобная тенденция, по мнению исследователя, особенно заметна на территории Золотой Орды начиная с середины XIV века [Шамильоглу, 2023: 504]. Данное наблюдение во многом соотносится с материалами «Маджму ат-таварих», где политическая власть все чаще связывается не только с династическим правом, но и с религиозной праведностью, сакральным покровительством и духовным авторитетом.

Анализ «Маджму ат-таварих» показывает, что автор последовательно использует различные механизмы символической легитимации власти и происхождения. Особое значение приобретают генеалогические конструкции, сакральные связи и обращение к авторитетным историческим персонажам. В этой связи примечательным представляется наблюдение Т.И. Султанова о том, что «власть, полученная государем непосредственно от Бога, в действительности всегда являлась узурпацией» [Султанов, 2006: 63]. Данное положение подчеркивает необходимость поиска оснований легитимности, способных обеспечить общественное признание власти. Именно в этом контексте может рассматриваться эволюция образа Онг-хана в «Маджму ат-таварих», где исторический персонаж постепенно превращается в символический источник политического престижа и высокого статуса.

Японский историк Е. Исахая отмечает, что кризис XIV века представлял собой комплексное явление, обусловленное сочетанием нескольких факторов, охвативших значительную часть Евразии. Развивая концепцию Брюса Кэмпбелла о «Великом переходе», исследователь рассматривает данный период не только как эпоху упадка, но и как время формирования новых политических и социальных структур. Особое внимание автор обращает на необходимость более активного привлечения материалов из Центральной и Западной Азии, которые по-прежнему остаются своеобразными «белыми пятнами» в исследованиях евразийского кризиса XIV века, а также на важность изучения взаимосвязей между различными регионами Евразии [Isahaya, 2022].

Некоторые исследователи на примере Восточного Туркестана отмечают, что в отдельные исторические периоды активное участие суфийских институтов в политических процессах способствовало усилению религиозного консерватизма, обострению конфессиональных и политических противоречий, а также ослаблению светских институтов власти [Каримова и др., 2025: 374]. Подобные оценки свидетельствуют о необходимости рассматривать роль и влияние суфийских течений в истории региона с учетом конкретных исторических условий и политического контекста.

В этом контексте заметное в «Маджму ат-таварих» усиление исламских и суфийских элементов легитимации может рассматриваться как одно из проявлений процессов адаптации постмонгольских обществ к условиям системного кризиса. Именно в подобных условиях возрастало значение символических механизмов обоснования власти. Исламизация происхождения кыргызских племен и включение их родоначальников в суфийскую традицию отражают стремление автора вписать политическую и этническую историю в новую систему религиозной легитимности.

Вопрос о связи подобных процессов с последствиями чумы XIV века также представляется перспективным. Масштабные эпидемии, сопровождавшиеся демографическим спадом, социальными потрясениями и разрушением привычных политических структур, могли способствовать росту религиозности и усилению интереса к сакральным формам объяснения кризиса. В контексте интерпретации кризисных процессов в постмонгольском пространстве представляет интерес подход М. Грин, предлагающей переосмыслить ряд эпизодов структурного распада на территориях Монгольской империи, которые традиционно описывались преимущественно в политических категориях. Исследователь обращает внимание на такие явления, как нестабильность в Чагатайском ханстве в 1270–1280-х годах, кризис и последующий распад Ильханата в 1330-х годах, а также повторный период дезинтеграции и распад Чагатайского улуса в 1340-х годах [Green, 2020: 1628]. В подобных условиях суфийские сети могли формировать новые механизмы легитимации власти, что проявлялось в ряде исторических случаев политической консолидации через исламизацию правящих элит. Показательным в этом отношении является обращение первого правителя Могулистана Туглук-Тимура в ислам при участии шейха Аршад ад-дина [Дулати, 1999: 38–42; Әбілғазы, 2011: 74–75], показывающее значимость религиозных авторитетов в процессах утверждения новой политической легитимности.

Результаты. В истории человечества выделяют три крупные пандемии чумы, вызванной бактерией *Yersinia pestis* [Шамильоглу, 2023: 495]. Наибольшее значение для событий XIV века имела вторая пандемия, известная как «Черная смерть». Традиционно начало пандемии «Черной смерти» связывалось со вспышками чумы в районе Черного моря в 1346 году. Однако результаты последних палеогенетических исследований захоронений Кара-Джигач и Бурана, расположенных в Чуйской долине близ озера Иссык-Куль на территории современного Кыргызстана, позволяют пересмотреть данную точку зрения. Обнаруженные в этих некрополях следы Yersinia pestis свидетельствуют о том, что одним из наиболее вероятных очагов возникновения второй пандемии чумы был регион Тянь-Шаня, откуда заболевание впоследствии распространилось по торговым путям Евразии [Spyrou et al., 2022: 718–724; Хайдаров, Бейсембаева, 2025: 1288].

Эти данные в определенной степени находят отражение в более ранних письменных источниках. Так, одним из мусульманских авторов XIV века которому исследователи приписывают более детализированное описание распространения чумы, является историк Мухаммад ибн Шакир аль-Кутуби. В своем сочинении «Уюн ат-таварих» он утверждает, что чума пришла из «Туркестана» – «земли неверных», и оттуда распространилось в Баласагун,[1] Кашгар, Ташкентскую область, а также Фергану и прилегающие районы, прежде чем достигнуть Самарканда [Slavin, 2023: 520–521].

Согласно исследованиям, в XIV веке территория Золотой Орды неоднократно подвергалась эпидемическим вспышкам чумы. Наиболее крупные волны заболевания фиксируются в 1346, 1364 и 1396 годах [Schamiloglu, 1993: 450]. Эти эпидемии оказали существенное влияние на демографическую ситуацию, хозяйственную жизнь и политическую стабильность государства, став одним из факторов кризисных процессов, охвативших Золотую Орду во второй половине XIV века. В последующий период в Улусе Джучи под влиянием укреплявшихся исламских традиций происходила трансформация прежних представлений о природе верховной власти. Традиционные мифологемы и символы политической легитимации постепенно переосмысливались в рамках исламской религиозно-политической системы ценностей. В результате культ Чингиз-хана и его сына Джучи был интегрирован в исламскую систему сакрализации и легитимации верховной власти [Хайдаров, Долбин, 2014: 101].

Хотя материалы «Маджму ат-таварих» не содержат прямых сведений о пандемиях, общий характер источника отражает атмосферу политической нестабильности и идеологического переосмысления власти. Особое значение приобретают суфийские сети, институты святых, сакральные генеалогии и фигуры религиозных авторитетов, выступавших посредниками между

[1]Баласагун отождествляется с городищем Бурана в Чуйской долине.

правителем и обществом. Если в ранний период монгольской государственности основой политической легитимности выступало происхождение от Чингиз-хана, то в позднесредневековую эпоху все более заметным становится стремление соединить чингизидскую традицию с исламской сакральностью. Подобная трансформация особенно ярко проявляется в позднесредневековых сочинениях, где политическая власть нередко объясняется через религиозное покровительство, благословение святых и связь правителей с суфийскими кругами.

В этом контексте особый интерес представляет сочинение «Маджму ат-таварих», содержащее важные сведения о политической культуре постмонгольского пространства. Анализ содержащихся в сочинении сюжетов, связанных с сакральными фигурами, религиозным авторитетом и символическим обоснованием власти, позволяет рассматривать данный источник как свидетельство усиления исламско-суфийского компонента политической идеологии.

Важным элементом легитимации в «Маджму ат-таварих» выступают генеалогические конструкции. Происхождение правителей и племенных групп связывается с сакральными персонажами, исламскими авторитетами. Например, в «Маджму ат-таварих» отец Чингиз-хана, Есугей-бахадур (по прозвищу Тугдар-хан), представлен как мюрид суфийского тариката, который, по словам автора, даже выдал свою дочь замуж за имама Али Зарбагыша [Тарыхтардын жыйнагы, 2016: 25, 43; Акеров, 2017: 22, 35]. Очевидно, что представленная в «Маджму ат-таварих» мусульманская биография Есугей-бахадура является результатом сознательной идеологической конструкции, направленной на исламизацию родословной чингизидов и придание их власти религиозной легитимации. Включив Есугея в контекст суфийской традиции, автор стремится показать, что династическая власть потомков Чингиз-хана основывалась не только на праве завоевания, но и обладала духовной санкцией, исходящей от признанных мусульманских авторитетов. Тем самым создается образ правящей династии, органично вписанной в исламскую культурно-религиозную систему [Джумагалиев, Сабитов, 2025: 906].

В позднесредневековой историографической традиции сама идея власти начинает интерпретироваться через категории морального порядка и сакральной легитимности. В этих условиях особое значение приобретают фигуры, связанные с религиозным авторитетом, а также сюжеты, подчеркивающие духовное превосходство и благословение правителя. Это позволяет предположить, что усиление исламского компонента легитимации было связано не только с процессами исламизации, но и с необходимостью поиска новых символических оснований власти в эпоху политического кризиса.

Одним из проявлений данной тенденции стало включение в генеалогические и династические предания персонажей, происходивших из среды потомков мусульманских святых и религиозных деятелей. Так, в сообщении «Маджму ат-таварих» о главе правого крыла кыргызов говорится, что после совета между Актуг-ханом и Сол-ханом, возглавлявшим левое крыло кыргызов, дочь Он-хана была выдана замуж за Саида Наки, потомка имама Али Зарбагыша [Тарыхтардын жыйнагы, 2016: 50–51; Акеров, 2017: 41]. От этого брака родился Мир Джафар, впоследствии ставший шейхом суфийского тариката Ишкийа. Примечательно, что в «Маджму ат-таварих» некоторые исторические деятели Улуса Джучи представлены как последователи тариката Ишкийа. В частности, Токтамыш-хан и Баба Али Хытай представлены как последователи шейхов этого тариката, тогда как эмир Кара-Ходжа описывается потомком шейха Саида Наки [Тарыхтардын жыйнагы, 2016: 51, 80; Акеров, 2017: 42, 64]. Приведенные выше примеры указывают о стремлении автора сочинения включить представителей политической элиты в систему исламских сакральных генеалогий и духовного преемства.

Такие произведения, как «Маджму ат-таварих», имели выраженную политическую направленность и были ориентированы на прославление суфийских шейхов Ферганы, что в свою очередь способствовало укреплению их авторитета и влияния среди кочевых племен [Hatto, 1997: 99]. Можно предположить, что в рассматриваемом случае речь идет прежде всего о стремлении утвердить свое влияние среди кыргызских племен.

В «Маджму ат-таварих» прослеживается тенденция к исламизации исторической памяти, проявляющаяся, в частности, в изображении кыргызов и их родоначальников в качестве мусульман и последователей суфийского тариката Ишкийа. Таким образом мы видим стремление автора включить кыргызские племена в исламский и суфийский контекст. Подобные процессы следует рассматривать в контексте масштабных кризисных явлений, охвативших Евразию в XIV–XV веках. Согласно исследованиям, именно на этот период приходятся наиболее существенные климатические

изменения [Isahaya, 2022: 205]. Эпидемии, демографический спад и политическая дестабилизация способствовали росту религиозности и усилению значения сакральных институтов. В среде кочевников улусов Джучи и Чагатая это выразилось в расширении роли суфийских братств, культе святых и формировании новых механизмов символического обоснования власти.

В условиях распада Чагатайского улуса и кризиса традиционной системы власти, фигуры, связанные с эпохой домонгольской империи, приобретали дополнительное символическое значение. В связи с этим, особый интерес представляет неоднозначное употребление термина «*Он-хан»* в «Маджму ат-таварих». Анализ разделов «Маджму ат-таварих», посвященных Он-хану показывает, что данный термин используется не только как обозначение конкретного исторического лица, например, правителя кереитов Тогрил Онг-хана,[2] но и как более широкая политико-сакральная категория. Использование образа Онг-хана в различных контекстах указывает о трансформации исторической памяти о прежней системе власти и одновременном переосмыслении в условиях исламской политической культуры.

Интересно отметить, что в сочинении «Кара таварих» указывается, что Темучин принял имя «Чингис-хан» после победы над Онг-ханом [Утемиш-хаджи, 2017: 24], а в «Маджму ат-таварих» его имя заменяется на Корхана, правителя каракитаев [Тарыхтардын жыйнагы, 2016: 46; Акеров, 2017: 37]. Такая замена, по нашему мнению, отражает осознанную переработку сюжетной основы в соответствии с идеологическими установками автора «Маджму ат-таварих». В тексте Корхан изображается как враждебный кыргызам правитель, союзник *калмаков* – главных противников кыргызов.

Проблема легитимации власти имела универсальный характер. Свое верховное положение в обществе было необходимо обосновывать способом, понятным его членам [Дробышев, 2018: 133]. Вследствие чего имя Онг-хана не исчезает из повествования полностью, а трансформируется через титул *Он-хан.* В «Маджму ат-таварих» титул *Он-хан* употребляется двояко, и как имя собственное, и в значении *хан правого крыла.* В.А. Ромодин связывал такое употребление с традиционным делением кыргызов на правое и левое крыло [Извлечения, 1963: 31]. К примеру, в тексте упоминается происхождение Ку Огул *Сола,*[3] а также приводятся имена его шестерых сыновей, выступающих эпонимами кыргызских племен [Материалы, 1973: 207].

Эта структура соотносится с тюрко-монгольской традицией военно-административного деления на правое и левое крыло, широко известной в политической организации кочевых обществ. Такой подход позволяет автору «Маджму ат-таварих» интегрировать образ Онг-хана в местную политико-идеологическую систему, сохраняя его значимость, но изменяя функцию. Таким образом, замена имени Онг-хана на Корхана в тексте «Маджму ат-таварих», по-видимому, была сязана с необходимостью интеграции данного персонажа в генеалогическую традицию кыргызов.

Вполне вероятно, что автор «Маджму ат-таварих» стремился подчеркнуть высокий статус эмира Инга-Тюры потомка Актуг Он-хана, связывая их с правым *(он)* крылом кыргызской родоплеменной организации. Подобная авторская стратегия соответствует характерной для средневековой исторической традиции практике легитимации правящих линий посредством включения их предков в символически значимую иерархию власти. В этом контексте обращение к титулу *Он-хан* могло выполнять функцию не только исторической реминисценции, но и средства повышения политического престижа генеалогии Инга-Тюры.

Имя эмира Инга-Тюры впервые фиксируется в источниках в 1387 году, в контексте военных походов эмира Тимура против Могулистана. В «Зафар-наме» сообщается о родстве Инга-Тюры по отцовской линии с эмиром Хаджи-беком из племени аркинут [Йазди, 2008: 124]. Согласно данным хроник, на тот момент Инга-Тюре обладал властью над значительным улусом, способным выставить до двадцати тысяч воинов [Материалы, 1973: 125].

Затяжные внутренние конфликты, слабость или отсутствие устойчивой центральной власти, а также регулярные военные вторжения армии Тимура значительно подрывали возможности политического объединения Могулистана. Ключевым условием консолидации могульских племен являлось восстановление власти законного правителя из чингизидской линии, а именно потомка Чагатая, обладавшего исключительным правом на ханский титул [Kim, 2000: 309]. Ведущие политические фигуры Могулистана, включая эмира дуглатов Худайдада и эмира аркинутов Инга-

[2]Варианты: Ван-хан, Ун-хан, Он-хан.

[3]Т.е. Ку Огула левого крыла.

Тюре, не имели династических прав для занятия ханского престола. Ранее предпринималась попытка со стороны дуглатского эмира Камар ад-дина утвердить собственную власть, однако она оказалась безуспешной. Его правление не смогло обеспечить политическую централизацию Могулистана, поскольку столкнулось с сопротивлением как со стороны других племенных лидеров, так и внутри самих дуглатов.

В сложившейся ситуации как Худайдад, так и Инга-Тюре были заинтересованы в появлении легитимного правителя чингизида, который мог бы выступать символом политического единства. Согласно сведениям «Маджму ат-таварих», Инга-Тюре, будучи зятем чагатаида Хизр-Ходжи, сыграл ключевую роль в его возведении на ханский престол [Акеров, 2017: 68]. Кроме того, в источниках упоминается его обращение к императору династии Мин с просьбой направить в Могулистан представителя чагатаидской династии [Kim, 2000: 292].

Вместе с тем, в труде Мухаммеда Хайдара Дуглата «Тарих-и Рашиди» инициатором возведения Хизр-Ходжи на ханский престол выступает уже эмир Худайдад [Дулати, 1999: 85]. Таким образом перед нами две различные версии историографической интерпретации, что говорит не столько о противоречии фактов, сколько о наличии в Могулистане того времени конкуренции между двумя влиятельными кланами, каждый из которых стремился усилить свои позиции через поддержку собственного претендента на власть. Это противостояние также прослеживается в тексте «Маджму ат-таварих», где описывается конфликт между Инга-Тюре и Камар ад-Дином [Джумагалиев, Аканов, 2023: 1047], и является отражением борьбы за политическое влияние между двумя кланами: аркинутами, связанными с Инга-Тюрой, и дуглатами, поддерживавшими Камар ад-Дина.

В «Маджму ат-таварих» отдельные представители дуглатов, выступающие противниками кыргызов, обозначаются как «калмаки», то есть немусульмане. В противоположность этому в «Тарих-и Рашиди» дуглаты представлены как «хорошие мусульмане», тогда как кыргызы (одно из могульских племен) описываются как «плохие мусульмане». В «Маджму ат-таварих» кыргызы и их родоначальники через представление их как мюридов тариката Ишкийа включаются в число мусульман, тогда как один из лидеров дуглатов Камар ад-дин, несмотря на мусульманское имя, называется «калмаком» [Джумагалиев, Сабитов, 2025: 907]. Как видим, два источника показывают конкуренцию различных моделей религиозно-политической легитимации, в рамках которых конфессиональная принадлежность используется как идеологический инструмент. Таким образом «Маджму ат-таварих» также следует рассматривать как отражение политических амбиций кыргызской знати XVI века, а указанные выше механизмы легитимации соответствовали определенным политическим традициям и институциональным практикам позднего Средневековья.

В то же время в «Маджму ат-таварих» Инга-Тюре представлен как родной дядя золотоордынского правителя Токтамыш-хана [Тарыхтардын жыйнагы, 2016: 55; Акеров, 2017: 45]. Подобная характеристика может говорить либо о неточности в передаче родословных сведений автором сочинения, либо о более поздней идеологической интерпретации. В условиях политической конкуренции с дуглатской знатью подобные генеалогические конструкции могли использоваться как средство легитимации власти и повышения социального престижа Инга-Тюры и его потомков.

Сюжет об Он-хане, представленный в «Маджму ат-таварих», обнаруживает параллели с преданием о происхождении тайбугидов от Он-хана, отождествляемого с кереитским правителем Онг-ханом [Коблова, 2010: 38]. Г.Ф. Миллер в своих трудах приводит предания, согласно которым *«На реке Ишим, которая впадает в Иртыш, жил много лет тому назад один татарский князь или хан ногайского происхождения по имени Он, которому были подчинены не только жившие по Иртышу, Тоболу и Туре татары, но и окрестные вогулы и остяки. Против него восстал один из его подданных, по имени Чинги, лишил своего государя жизни и был признан вместо него ханом всеми татарскими родами той страны. Несовершеннолетний сын убитого хана Тайбуга спасся во время этих волнений»* [Миллер, 1999: 186]. Анализируя эти и другие предания, исследователь приходит к выводу, что Он, также известный как Он-Сом-хан, представлял собой одного из князей, правивших на территории Сибири и являвшихся современниками Чингис-хана [Миллер, 1999: 187].

И.Э. Фишер, опираясь на те же предания, отождествлял Он-хана с «Унк-ханом», то есть с Ван-ханом, известным соперником Чингиз-хана [Фишер, 1774: 93]. А.Х. Лерберг отождествлял Он-хана или Онсома, упоминаемых в сибирских преданиях, с шибанидом Бек-Онди-огланом и полагал, что Он-хан жил во второй половине XIV века [Лерберг, 1819: 57–58]. В другом месте своего исследования он отождествляет фигуру Чингиза, зафиксированного в сибирских преданиях, с мангытским эмиром Едиге, тогда как Он-хан, по его мнению, выступает в качестве союзника

Токтамыша и погибает, сражаясь вместе с ним [Лерберг, 1819: 64]. В.В. Вельяминов-Зернов в своем исследовании отождествлял Он-хана с Шибаном, сыном Джучи. Согласно его интерпретации, фигура Чингиза рассматривается в качестве бека при Шибане и одновременно отца Тайбуги – родоначальника тайбугидской династии [Вельяминов-Зернов, 1864: 392–393].

М.Г. Сафаргалиев, опираясь на данные сибирских летописей, высказал гипотезу о том, что Тайбугиды могли происходить от Орды-Ичена [Сафаргалиев, 1960: 222]. Он рассматривал Тайбугу как несомненно историческую личность, положившую начало династии сибирских князей. Однако, по его мнению, не все упоминаемые в летописях фигуры являлись потомками Тайбуги. Исследователь полагал, что составители сибирских летописей искусственно соединили две династические линии: потомков Тайбуги и сибирских ханов-чингизидов в единую генеалогическую схему [Сафаргалиев, 1960: 222]. Т.А. Акеров высказал предположение о возможности того, что Тайбуга и Инга-Тюре могут быть одним и тем же лицом, приводя в качестве доказательства упоминание Он-хана в их генеалогии [Акеров, Джуманалиев, 2016: 19]. В своих поздних исследованиях он связывает Тайбугу с кланом аялы в Сибири [Акеров, 2022: 61].

Анке фон Кюгельген в своем исследовании отмечает, что «легитимацией посредством ориентации на образец для подражания» следует считать стремление правителей соотнести свою власть с выдающимися событиями и историческими фигурами прошлого. В качестве примера она приводит Тимура и Шахруха, которые целенаправленно ориентировались на образ великих правителей, предшествовавших им, стремясь тем самым перенять часть их авторитета. По ее словам, данный тип легитимации «использовался особенно для тех правителей, генеалогическая легитимация у которых отсутствовала или же была слабой» [Фон Кюгельген, 2004: 55].

Например, в преданиях торгоутских нойонов, зафиксированных в «Шара Туджи», утверждается, что торгоуты ведут свое происхождение от кереитского Онг-хана [Желтая история, 2017: 98]. Анализируя родословные торгоутских правителей, В.П. Санчиров отмечает, что «родословные торгоутских ханов от Онг-хана до Хо-Орлока, жившего в первой половине XVII века, называют недостаточное количество имен или звеньев родословной, чтобы заполнить большой промежуток времени, протяженностью почти в четыре с половиной столетия. Отсюда следует, что Онг-хан из родословной торгоутских князей не может быть историческим кереитским Онг-ханом Тогрилом [Санчиров, 1996: 39].

В другой работе В.П. Санчиров, опираясь на анализ родословных торгоутских князей, представленных в «Илэтхэл шастир», также отмечает, что легенда о происхождении торгоутов от кереитского Онг-хана вряд ли может считаться достоверной [Санчиров, 1990: 66–67]. К аналогичному выводу пришел и историк Г. Лиджай, который, опираясь на данные ойратских и китайских источников, отмечает, что «в общем и целом предок торгоутов Онг-хан и кереитский Онг-хан – это два разных человека, живших в разное время» [Санчиров, 1996: 39].

Согласно «Родословной торгутских ханов и князей», представляющей собой генеалогическую запись ханского рода торгоутов, родоначальником династии торгутских ханов считается Гэрэл-Дара-хан, который был выходцем из Индии. Его потомок по имени Он-тайса, являвшийся современником Чингиз-хана, по преданию получил в жены дочь последнего [Санчиров, 1996: 39–40]. Таким образом, наличие противоречивых сведений в источниках не позволяет однозначно установить происхождение торгоутских правителей, оставляя данный вопрос открытым для дальнейших исследований. Как видим, легенда о происхождении от Онг-хана получила широкое распространение не только среди тюркских, но и среди монгольских народов.

Показательно, что в ряде сюжетов «Маджму ат-таварих» прослеживаются мотивы, аналогичные тем, что зафиксированы в сибирских летописях. Так, в «Есиповской летописи» сообщается, что Тайбуга, сын царя Она, был зятем Чингиз-хана [Сибирские летописи, 1987: 39]. В данном контексте тайбугиды апеллировали к широко распространенной в кочевых обществах политико-родовой традиции легитимации через установление брачных связей [Маслюженко, 2010: 22]. Сходный сюжет содержится и в содержании «Маджму ат-таварих» [Тарыхтардын жыйнагы, 2016: 48; Акеров, 2017: 39]. В обоих случаях важную роль играет конструирование родственных связей с чингизидами, выступавших важным фактором политического престижа и признания. Подобная практика имеет глубокие исторические корни и находит параллели в браке Чингиз-хана с дочерью Чжаха-Гамбу, младшего брата Онг-хана [Сокровенное сказание, 1941: 162].

Вероятно, этот мотив возник в результате политических запросов, если у тайбугидов, в контексте Сибирского юрта, подобные предания служили утверждению их права на власть

[Кузембайулы и др., 2022: 118], то в «Маджму ат-таварих» подобный мотив был использован для возвышения личности Актуг Он-хана, предводителя правого крыла кыргызов и его потомка Инга-Тюре. Не исключено, что рассказы о Тайбуге в сибирских летописях были заимствованы из местных татарских преданий [Солодкин, 2020: 84], в то время как «Маджму ат-таварих» адаптировал подобные элементы в рамках кыргызского исторического нарратива.

В этом отношении показательна генеалогическая традиция, сложившаяся вокруг основателя ногайской правящей династии – беклербека Едиге. В ряде поздних источников его происхождение связывается с суфийским проповедником XIV века Ходжа-Ахмадом Баба-Туклесом, который, в свою очередь, представлен потомком первого праведного халифа Абу Бакра [Трепавлов, 2024: 547]. Такая генеалогическая конструкция обеспечивала ногайской правящей династии политическую легитимацию, основанную на исламском религиозном авторитете.

В одной из своих работ А.В. Парунин также отмечает, что сибирские тайбугиды, воспользовавшись предполагаемым родством с сакральным предком «Золотого рода», стремились, по примеру Ногайской Орды, добиться независимого и равноправного политического статуса. Однако эти стремления завершились неудачей. Несмотря на поражение, созданная ими мифологема о происхождении от сакральной династии оказалась устойчивой и пережила саму династию [Парунин, 2018: 222], продолжая функционировать как важный элемент идеологической легитимации в исторической памяти.

В Улусе Джучи, в состав которого входила и территория Западной Сибири, как и в других улусах Монгольской империи, право на занятие ханского престола принадлежало исключительно представителям «золотого рода», потомкам Чингиз-хана. В XV–XVI веках в Сибирском юрте велась борьба за власть между представителями чингизидской династии шибанидов и бекской династии тайбугидов. В результате противостояния в конце XV века шибанид Ибак-хан был убит, а власть перешла к тайбугидской династии [Тычинских, 2022: 495–496]. Вполне вероятно, что так называемая «тайбугидская легенда», зафиксированная «татарскими летописцами» и впоследствии отразившаяся в сибирских летописях, где происхождение династии тайбугидов возводилось к некоему царю Она, могла сформироваться в контексте узурпации тайбугидами верховной власти в середине XVI века [Тычинских, 2022: 496].

Следует отметить, что сочинение «Маджму ат-таварих» также было создано в первой половине XVI веке, в период, когда кыргызские племена активно соперничали с могулами за контроль над территориями Могулистана. В этом контексте появление описанного исторического нарратива, подчеркивающего древность, легитимность и политическую значимость потомков Актуг Он-хана и Инга-Тюре, представляется не случайным. Вероятно, формирование образа Он-хана как титула правителя правого крыла, его связь с потомками Чингиз-хана, а также мотивы родства с великими правителями прошлого были направлены на идеологическое обоснование легитимности нечингизидских династий [Кузембайулы и др., 2022: 116–117], в данной случае кыргызов, потомков Актуг Он-хана. Такие процессы отражают более широкий механизм конструирования политической легитимности, основанный на переосмыслении прошлого и исторических личностей.

Заключение. Проведённое исследование показывает, что «Маджму ат-таварих» является не только ценным историческим источником, но и памятником политической мысли, отражающим трансформацию механизмов легитимации власти в постмонгольской Центральной Евразии. Анализ сочинения свидетельствует о том, что в условиях кризиса XIV–XV веков, обусловленного сочетанием климатических изменений, пандемий и политической дезинтеграции, традиционная чингизидская модель власти дополнялась новыми способами политического обоснования, основанными на исламских и суфийских представлениях, сакральных генеалогиях и символических образах. Исследование показало, что основными механизмами политической легитимации, представленными в «Маджму ат-таварих», являются генеалогическая, религиозная и символическая модели. В условиях отсутствия чингизидского происхождения именно такие конструкции становились важным средством обоснования и укрепления политической власти. Особую ценность представляет возможность проследить, каким образом историческая память использовалась как инструмент политического конструирования. Образы Онг-хана, Инга-Тюре, Токтамыша и других персонажей показывают сознательную переработку исторических сюжетов в соответствии с идеологическими запросами XVI века. Это позволяет рассматривать памятник не только как источник сведений о прошлом, но и как отражение политических интересов эпохи его создания. Полученные результаты расширяют представления о трансформации политической культуры постмонгольского пространства и роли

исламских, суфийских и генеалогических концепций в формировании новых моделей легитимации власти.

Источники

Акеров, 2017 – *Акеров Т.А.* Маджму ат-Таварих как исторический источник (Полный перевод, анализ и комментарии). Бишкек, 2017. 348 с.

Әбілғазы, 2011 – *Әбілғазы.* Түрік шежіресі. Әдеби жәдігерлер. Жиырма томдық. 12 т. Құраст. Б. Әбілқасымұлы. Алматы, 2011. 496 б.

Дулати, 1999 – *Дулати Мухаммед Хайдар.* Тарих-и Рашиди (Рашидова история): Перевод с персидского языка, 2-е изд. дополненное. Алматы, 1999. 656 с.

Желтая история, 2017 – Желтая история (Шара туджи) / пер. с монгольского, транслитерация, введ. и коммент. А.Д. Цендиной. М.: Наука, 2017. 406 с.

Извлечения, 1963 – Извлечения из «Маджму ат-таварих» / пер. с перс., введ. и коммент. В.А. Ромодина. Л., 1963. 110 с.

Йазди, 2008 – *Йазди Шараф ад-Дин Али.* Зафар-наме (Книга побед амира Тимура) / предисл., пер. со староузб., коммент., указатели и карта А. Ахмедова; ред. Б.И. Кнопов. Ташкент: Sanat, 2008. 486 с.

Материалы, 1973 – Материалы по истории киргизов и Киргизии / отв. ред. В.А. Ромодин. Вып. 1. М.: ГРВЛ, 1973. 280 с.

Сокровенное сказание, 1941 – Сокровенное сказание. Монгольский обыденный изборник. Отв. ред.: акад. А.П. Баранников. Т. 1. М–Л.: Изд-во АН СССР. 1941. 619 с.

Тарыхтардын жыйнагы, 2016 – Тарыхтардын жыйнагы («Мажму ат-таварих») / котор. М. Досболов, О. Сооронов. Бишкек, 2016. 160 б.

Утемиш-хаджи, 2017 – *Утемиш-хаджи.* Кара таварих. Казань, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.

Литература

Акеров, Джуманалиев, 2016 – *Акеров Т.А., Джуманалиев Т.Д.* Кераиты в версии эпоса «Манас», приведенной в книге «Маджму ат-таварих» С. Ахсикенди (XVI) // *Мир Евразии.* 2016. № 1 (32). С. 13–22.

Акеров, 2022 – *Акеров Т.А.* К вопросу о происхождении клана Тайбуга // *Сибирский сборник.* 2022. Вып. 7. С. 48–64.

Вельяминов-Зернов, 1864 – *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Часть вторая. СПб., 1864. 498 с.

Джумагалиев, Аканов, 2023 – *Джумагалиев Д.А., Аканов К.Г.* «Маджму ат-таварих» как источник сведений об исторических деятелях улуса Чагатая и Моголистана // *Oriental Studies.* 2023. Т. 16. № 5. С. 1040–1054.

Джумагалиев, Сабитов, 2025 – *Джумагалиев Д.А., Сабитов Ж.М.* Калмаки в «Маджму ат-таварих»: к характеристике термина и образа // *Oriental Studies.* 2025. Т. 18. № 4. С. 897–912.

Дробышев, 2018 – *Дробышев Ю.И.* Климат и ханы: Роль климатического фактора в политической истории Центральной Азии / Отв. ред. А.Ш. Кадырбаев. М.: ИВ РАН, 2018. 264 с.

Каримова и др., 2025 – *Каримова З.К., Масимова Х.В., Каримова Р.У.* Шығыс Түркістандағы сопылық ағымдар: таралуы, ерекшеліктері және көрші аймақтарға әсері // *Қазақстан шығыстануы.* 2025. Т. 13. № 1. 365–378-бб.

Коблова, 2010 – *Коблова Е.Ю.* Ишимское ханство в источниках и историографии // *Средневековые тюрко-татарские государства.* 2010. № 2. С. 36–40.

Кузембайулы и др., 2022 – *Кузембайулы А., Абиль Е., Алибек Т.* Сибирский улус и казахи: проблемы этнической преемственности и исторической памяти. Костанай: Региональный университет имени А.Байтурсынова, 2022. 256 с.

Лерберг, 1819 – *Лерберг А.Х.* Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. Санктпетербург, 1819. 397 с.

Маслюженко, 2010 – *Маслюженко Д.Н.* Возможности использования сибирских летописей для реконструкции идеологии Сибирского княжества Тайбугидов // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 5 / Под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2010. С. 5–33.

Миллер, 1999 – *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т.1. М.: Вост. лит., 1999. 630 с.

Парунин, 2018 – *Парунин А.В.* Княжеская династия тайбугидов конца XV – середины XVI вв. в современной историографии // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* 2018. № 1. С. 220–226.

Санчиров, 1990 – *Санчиров В.П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 137 с.

Санчиров, 1996 – *Санчиров В.П.* О Происхождении этнонима торгут и народа, носившего это название // Монголо-бурятские этнонимы: Сб. ст. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1996. С. 31–50.

Сафаргалиев, 1960 – *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1960. 279 с.

Солодкин, 2020 – *Солодкин Я.Г.* К определению татарских источников первых русских летописных сочинений о Сибири и «Сибирском взятии» // *Вестник «Альянс-Архео».* 2020. Т. 33. С. 84–109.

Султанов, 2006 – *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006. 446 с.

Трепавлов, 2024 – *Трепавлов В.В.* Неизданные работы / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. М.: Медина, 2024. 840 с.

Тычинских, 2022 – *Тычинских З.А.* Исторические сюжеты в сибирско-татарском дастане «Ильдан и Голдан» // *Научный диалог.* 2022. Т. 11. № 1. С. 488–504.

Фишер, 1774 – *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. Санкт-Петербург: Императорская академия наук, 1774. 631 с.

Фон Кюгельген, 2004 – *Фон Кюгельген А.* Легитимизация среднеазиатской династии Мангитов в произведениях их историков (XVIII-XIX вв.). Алматы: Дайк-Пресс, 2004. 516 с.

Хайдаров, Долбин, 2014 – *Хайдаров Т.Ф., Долбин Д.А.* Вторая пандемия чумы в Золотой Орде и ее последствия // *Золотоордынское обозрение.* 2014. № 4(6). С. 96–112.

Хайдаров, Бейсембаева, 2025 – *Хайдаров Т.Ф., Бейсембаева А.Р.* XIV ғасырдың екінші жартысында Жошы Ұлысында болған індет // Отан тарихы. 2025.Т. 28. № 4. 1284–1292-бб.

Шамильоглу, 2023 – *Шамильоглу Ю.* «Черная смерть» в Золотой Орде: поле для исследований по истории и археологии Казахстана в XIII–XIV веках // *Qazaq Historical Review.* 2023. № 1(4). С. 494–509.

Green, 2020 – *Green M.H.* The Four Black Deaths // *The American Historical Review.* 2020. Vol. 125, Iss. 5. Pp. 1601–1631.

Hatto, 1997 – *Hatto A.T.* Tradition and Change in the Kirghiz Manas. In S. Akiner & N. Sims-Williams (Eds.), Languages and Scripts of Central Asia. London: School of Oriental and African Studies. 1997. Pp. 99–105.

Isahaya, 2022 – *Isahaya Y.* The “Crisis” of the Fourteenth Century in a Eurasian Context. Special Issue // *Historical Journal.* 2022. Vol. 82. №. 2. Pp. 185–212. (諫早 庸一. ユーラシアから考える〈一四世紀の危機〉史苑（第八二巻第二号)

Kim, 2000 – *Kim H.* The Early History of the Moghul Nomads: The Legacy of the Chaghatai Khanate // The Mongol Empire & Its Legacy. Ed. Reuven Amitai-Preiss & David Morgan. Leiden: Brill. 2000. Pp. 290–318.

Schamiloglu, 1993 – *Schamiloglu U.* Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde // *Central Asian Survey.* 1993. № 12(4). Pp. 447–457.

Slavin, 2023 – *Slavin P.* From the Tian Shan to Crimea: Dynamics of Plague Spread during the Early Stages of the Black Death, 1338–46 // *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 2023. Vol. 66. Pp. 513–627.

Spyrou et al., 2022 – *Spyrou M.A., Musralina L., Gnecchi Ruscone G.A., Kocher A., Borbone P., Khartanovich V.I., Buzhilova A., Djansugurova L., Bos K.I., Kühnert D., Haak W., Slavin P., Krause J.* The source of the Black Death in fourteenth-century central Eurasia // *Nature.* 2022. 606 (7915). Pp. 718–724.

Sources

Akerov, 2017 – *Akerov T.A.* Madzhmu at-Tavarih kak istoricheskij istochnik (Polnyj perevod, analiz i kommentarii) [Majmu al-Tawarikh as a Historical Source]. Bishkek, 2017. 348 p. [in Russian]

Äbılğazy, 2011 – *Äbılğazy.* Türık şejıresı [Genealogy of the Turks]. Ädebi jädıgerler. Jiyrma tomdyq. 12 t. Qūrast. B. Äbılqasymūly. Almaty, 2011. 496 p. [in Kazakh]

Dulati, 1999 – *Dulati Muhammed Hajdar.* Tarih-i Rashidi (Rashidova istorija): Perevod s persidskogo jazyka, 2-e izd. dopolnennoe. Almaty, 1999. 656 p. [in Russian]

Izvlechenija, 1963 – *Izvlechenija* iz «Madzhmu at-tavarih» [Extracts from Majmu al-tawarikh] / per. s pers., vved. i komment. V.A. Romodina. L., 1963. 110 p. [in Russian]

Materialy, 1973 – Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Materials on the history of the Kirghiz and Kirghizia] / Ed. by V.A. Romodin. Vyp. 1. M.: GRVL, 1973. 280 p. [in Russian]

Sokrovennoe skazanie, 1941 – *Sokrovennoe skazanie*. Mongol'skij obydennyj izbornik [Secret History]. Ed. by akad. A.P. Barannikov. T. 1. M–L.: Izd-vo AN SSSR. 1941. 619 p. [in Russian]

Yazdi, 2008 – *Yazdi Sharaf ad-Din Ali.* Zafar-name (Kniga pobed amira Timura) / predisl., per. so starouzb., komment., ukazateli i karta A. Ahmedova; red. B.I. Knopov. Tashkent: Sanat, 2008. 486 p. [in Russian]

Zheltaja istorija, 2017 – *Zheltaja istorija* (Shara tudzhi) / per. s mongol'skogo, transliteracija, vved. i komment. A.D. Cendinoj. M.: Nauka, 2017. 406 p. [in Russian]

Taryhtardyn zhyjnagy, 2016 – *Taryhtardyn zhyjnagy* («Mazhmu at-tavarih») / trans. M. Dosbolov, O. Sooronov. Bishkek, 2016. 160 p. [in Kyrgyz]

Utemish-hadzhi, 2017 – *Utemish-hadzhi.* Kara tavarih. Kazan', Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, 2017. 312 p. [in Russian]

References

Akerov, Dzhumanaliev, 2016 – *Akerov T.A., Dzhumanaliev T.D.* Keraity v versii jeposa «Manas», privedennoj v knige «Madzhmu at-tavarih» S. Ahsikendi (XVI) [The Keraites in the Version of the Epic of Manas, Given in the Book of Majmu' at-Tawarikh by S. Akhsikendi (16th Century)]. *Mir Evrazii.* 2016. № 1 [32]. Pp. 13–22. [in Russian]

Akerov, 2022 – *Akerov T.A.* K voprosu o proishozhdenii klana Tajbuga [On the Origin of the Taibuga Clan]. *Sibirskij sbornik.* 2022. Iss. 7. Pp. 48–64. [in Russian]

Drobyshev, 2018 – *Drobyshev Ju.I.* Klimat i hany: Rol' klimaticheskogo faktora v politicheskoj istorii Central'noj Azii [Climate and Khans: The Role of the Climatic Factor in the Political History of Central Asia]. Ed. by A.Sh. Kadyrbaev. M.: IV RAN, 2018. 264 p. [in Russian]

Fisher, 1774 – *Fisher I.Je.* Sibirskaja istorija s samogo otkrytija Sibiri do zavoevanija sej zemli rossijskim oruzhiem [Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian arms]. Sankt-Peterburg: Imperatorskaja akademija nauk, 1774. 631 p. [in Russian]

Fon Kjugel'gen, 2004 – *Fon Kjugel'gen A.* Legitimizacija sredneaziatskoj dinastii Mangitov v proizvedenijah ih istorikov (XVIII-XIX vv.) [Legitimization of the Manghit Dynasty in Central Asia in the Works of Their Historians (18th– 19th Centuries)]. Almaty: Dajk-Press, 2004. 516 p. [in Russian]

Green, 2020 – *Green M.H.* The Four Black Deaths. *The American Historical Review.* 2020. Vol. 125, Iss. 5. Pp. 1601–1631.

Hajdarov, Dolbin, 2014 – *Hajdarov T.F., Dolbin D.A.* Vtoraja pandemija chumy v Zolotoj Orde i ejo posledstvija [The second plague pandemic in the Golden Horde and its consequences]. *Zolotoordynskoe obozrenie.* 2014. № 4[6]. Pp. 96–112. [in Russian]

Haidarov, Beisembaeva, 2025 – *Haidarov T.F., Beisembaeva A.R.* XIV ğasyrdyñ ekınşı jartysynda Joşy Ūlysynda bolğan ındet [The Plague Of XIV Century In The Jochi Ulus] // Otan tarihy. 2025. T. 28. № 4. Pp. 1284–1292. [in Kazakh]

Hatto, 1997 – *Hatto A.T.* Tradition and Change in the Kirghiz Manas. In S. Akiner & N. Sims-Williams (Eds.), Languages and Scripts of Central Asia. London: School of Oriental and African Studies. 1997. Pp. 99–105.

Isahaya, 2022 – *Isahaya Y.* The “Crisis” of the Fourteenth Century in a Eurasian Context. Special Issue // Historical Journal. 2022. Vol. 82. №. 2. Pp. 185–212. (諫早 庸一. ユーラシアから考える〈一四世紀の危機〉史苑（第八二巻第二号) [in Japan]

Jumagaliyev, Akanov, 2023 – *Jumagaliyev D.A., Akanov K.G.* «Madzhmu at-tavarih» kak istochnik svedenij ob istoricheskih dejateljah ulusa Chagataja i Mogolistana [“Majmu' al-tawarikh” as a source of information on the historical figures of the Chagatai and Moghulistan ulus]. *Oriental Studies.* 2023. T. 16. № 5. Pp. 1040–1054. [in Russian]

Jumagaliyev, Sabitov, 2025 – *Jumagaliyev D.A., Sabitov Zh.M.* Kalmaki v «Madzhmu at-tavarih»: k harakteristike termina i obraza [Kalmaks in “Majmu' al-tawarikh”: on the characteristics of the term and image]. *Oriental Studies.* 2025. T. 18. №. 4. Pp. 897–912. [in Russian]

Karimova et al., 2025 – *Karimova Z.K., Masimova H.V., Karimova R.U.* Şyğys Türkıstandağy sopylyq ağymdar: taraluy, erekşelıkterı jäne körşı aimaqtarğa äserı [Sufi Currents In Eastern Turkestan: Spread, Features And Influence On Neighboring Regions] // Qazaqstan şyğystanuy. 2025. T. 13. № 1. Pp. 365–378. [in Kazakh]

Kim, 2000 – *Kim H.* The Early History of the Moghul Nomads: The Legacy of the Chaghatai Khanate. The Mongol Empire & Its Legacy. Ed. Reuven Amitai-Preiss & David Morgan. Leiden: Brill. 2000. Pp. 290–318.

Koblova, 2010 – *Koblova E.Ju.* Ishimskoe hanstvo v istochnikah i istoriografii [The Ishim Khanate in Sources and Historiography]. *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva.* 2010. № 2. Pp. 36–40. [in Russian]

Kuzembajuly et al., 2022 – *Kuzembajuly A., Abil' E., Alibek T.* Sibirskij ulus i kazahi: problemy jetnicheskoj preemstvennosti i istoricheskoj pamjati [The Siberian Ulus and the Kazakhs: Problems of Ethnic Continuity and Historical Memory]. Kostanaj: Regional'nyj universitet imeni A. Bajtursynova, 2022. 256 p. [in Russian]

Lerberg, 1819 – *Lerberg A.H.* Izsledovanija, sluzhashhie k objasneniju drevnej russkoj istorii [Research Serving to Explain Ancient Russian History]. Sanktpeterburg, 1819. 397 p. [in Russian]

Masljuzhenko, 2010 – *Masljuzhenko D.N.* Vozmozhnosti ispol'zovanija sibirskih letopisej dlja rekonstrukcii ideologii Sibirskogo knjazhestva Tajbugidov [Possibilities of Using Siberian Chronicles for Reconstructing the Ideology of the Siberian Principality of the Taibugids]. Istochnikovedcheskie i istoriograficheskie aspekty sibirskoj istorii: Kollektivnaja monografija [Source Studies and Historiographic Aspects of Siberian History: Collective Monograph]. Part. 5. Ed. by Ja.G. Solodkin. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 2010. Pp. 5–33. [in Russian]

Miller, 1999 – *Miller G.F.* Istorija Sibiri [History of Siberia]. T.1. M.: Vost. lit., 1999. 630 p. [in Russian]

Parunin, 2018 – *Parunin A.V.* Knjazheskaja dinastija tajbugidov konca XV – serediny XVI vv. v sovremennoj istoriografii [Princely Dynasty of the Taibugids of the Late 15th – Mid-16th Centuries in Modern Historiography]. *Magistra Vitae: jelektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii.* 2018. № 1. Pp. 220-226. [in Russian]

Safargaliev, 1960 – *Safargaliev M.G.* Raspad Zolotoj Ordy [The Collapse of the Golden Horde]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. 279 p. [in Russian]

Sanchirov, 1990 – *Sanchirov V.P.* «Iljethjel shastir» kak istochnik po istorii ojratov [“Iletkhel Shastir” as a Source on the History of the Oirats]. M.: Nauka, 1990. 137 p. [in Russian]

Sanchirov, 1996 – *Sanchirov V.P.* O Proishozhdenii jetnonima torgut i naroda, nosivshego jeto nazvanie [On the Origin of the Ethnonym Torgut and the People Who Bear This Name]. Mongolo-burjatskie jetnonimy: Sb. st. Ulan-Udje: BNC SO RAN, 1996. Pp. 31–50. [in Russian]

Schamiloglu, 1993 – *Schamiloglu U.* Preliminary Remarks on the Role of Disease in the History of the Golden Horde. *Central Asian Survey.* 1993. № 12[4]. Pp. 447–457.

Shamiloglu, 2023 – *Shamil'oglu Ju.* «Chernaja smert'» v Zolotoj Orde: pole dlja issledovanij po istorii i arheologii Kazahstana v XIII–XIV vekah [“The Black Death” in the Golden Horde: A Field for Research on the History and Archaeology of Kazakhstan in the 13th–14th Centuries]. *Qazaq Historical Review.* 2023. № 1[4]. Pp. 494–509. [in Russian]

Slavin, 2023 – *Slavin P.* From the Tian Shan to Crimea: Dynamics of Plague Spread during the Early Stages of the Black Death, 1338–46. *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 2023. Vol. 66. Pp. 513–627.

Solodkin, 2020 – *Solodkin Ja.G.* K opredeleniju tatarskih istochnikov pervyh russkih letopisnyh sochinenij o Sibiri i «Sibirskom vzjatii» [Towards the identification of Tatar sources of the first Russian chronicles about Siberia and the “Siberian Capture”]. *Vestnik «Al'jans-Arheo».* 2020. T. 33. Pp. 84–109. [in Russian]

Spyrou et al., 2022 – *Spyrou M.A., Musralina L., Gnecchi Ruscone G.A., Kocher A., Borbone P., Khartanovich V.I., Buzhilova A., Djansugurova L., Bos K.I., Kühnert D., Haak W., Slavin P., Krause J.* The source of the Black Death in fourteenth-century central Eurasia. *Nature.* 2022. 606 (7915). Pp. 718–724.

Sultanov, 2006 – *Sultanov T.I.* Chingiz-han i Chingizidy. Sud'ba i vlast' [Genghis Khan and the Genghisids. Fate and power]. M., 2006. 446 p. [in Russian]

Trepavlov, 2024 – *Trepavlov V.V.* Neizdannye raboty [Unpublished works]. In-t ros. istorii Ros. akad. nauk. M.: Medina, 2024. 840 p. [in Russian]

Tychinskih, 2022 – *Tychinskih Z.A.* Istoricheskie sjuzhety v sibirsko-tatarskom dastane «Il'dan i Goldan» [Historical subjects in the Siberian-Tatar poem “Ildan and Goldan”]. *Nauchnyj dialog.* 2022. T. 11. № 1. Pp. 488–504. [in Russian]

Vel'jaminov-Zernov, 1864 – *Vel'jaminov-Zernov V.V.* Issledovanie o kasimovskih carjah i carevichah [Research on the Kasimov Tsars and Tsareviches]. Chast' vtoraja. SPb., 1864. 498 p. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1011–1031
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.81.39
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1011-1031

ХОРЕЗМ, МАВЕРАННАХР И ДЕШТ-И КИПЧАК В АРАБСКИХ РУКОПИСЯХ ВАТИКАНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

Сагыныш Копеновна Амирбекова[1*], *Кастер Саркыткан*[2], *Багдат Даниярович Дюсенов*[3]

[1] Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК
(ул. Курмангазы, 29, 050000, Алматы, Республика Казахстан)
PhD, заместитель директора по общим вопросам
*Автор-корреспондент
https://orcid.org/0000-0001-9746-8387. E-mail: sagynysh.amirbekova@mail.ru

[2] Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК
(ул. Курмангазы, 29, 050000, Алматы, Республика Казахстан)
кандидат географических наук, ассоциированный профессор,
заведущий Центра изучения Китая и Азиатско-Тихоокеанского региона
https://orcid.org/0009-0003-5865-2853. E-mail: kaster012@mail.ru

[3] Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова КН МНВО РК
(ул. Курмангазы, 29, 050000, Алматы, Республика Казахстан)
PhD, заместитель директора по науки
https://orcid.org/0000-0002-4313-1874. E-mail: bagdat75@inbox.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Амирбекова С.К., Саркыткан К., Дюсенов Б.Д., 2026

Аннотация. *Введение.* Арабоязычные рукописи Ватиканской апостольской библиотеки составляют важный комплекс источников по истории, географии и интеллектуальной культуре средневекового Востока. Их изучение позволяет раскрыть особенности накопления, систематизации и передачи знаний, а также уточнить представления арабо-мусульманских авторов о Центральной Азии. *Цель и задачи.* Цель исследования заключается в определении научно-источниковедческого значения арабоязычных манускриптов географического и исторического содержания о территориях Хорезма, Мавереннахра и Дешт-и Кипчак. Для её достижения рассматриваются основные этапы формирования и каталогизации арабского фонда и анализируются содержание и информационный потенциал сочинений ал-Идриси, Йакута ал-Хамави, Абу ал-Фиды и Ибн Арабшаха. *Материалы и методы*. Источниковую основу исследования составили арабские географические и исторические произведения, сведения рукописных и печатных каталогов Ватиканской библиотеки, а также материалы, относящиеся к истории её восточных коллекций. Применялись источниковедческий, историко-сравнительный, текстологический и историко-географический методы. Сопоставление содержащихся в рукописях топонимических, этнографических и политико-географических данных позволило определить их познавательные возможности и особенности авторской интерпретации.

Результаты. Анализ арабских историко-географических рукописей показал, что содержащиеся в них сведения позволяют реконструировать пространственные представления о Центральной Азии. Рассмотренные манускрипты включают данные о географическом положении Хорезма, Мавераннахра и Дешт-и Кипчак. Существенное значение имеют сведения о расселении, миграциях и политических объединениях кимаков, кипчаков, огузов и карлуков, а также об их взаимодействии с оседлым населением городских и земледельческих центров. Сопоставление исторических описаний, топонимических материалов и картографических данных раскрывает особенности передачи географических знаний в арабской рукописной традиции. *Заключение.* Арабоязычные манускрипты Ватиканской библиотеки обладают значительным потенциалом для реконструкции исторической географии и этнокультурных связей средневековой Евразии. Их дальнейшее комплексное изучение способствует уточнению текстовой традиции, происхождения отдельных списков и путей распространения географических знаний.

Ключевые слова: Хорезм, Мавереннахр, арабоязычные манускрипты, историко-географические рукописи, Ватиканская апостольская библиотека.

Благодарность. Статья написана в рамках выполнения проекта программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Ранняя и средневековая история, культура Тюркского мира по новым уникальным материалам Ватикана и стран Западной Европы» (ЖТН: BR24993132).

Для цитирования: Амирбекова С.К., Саркыткан К., Дюсенов Б.Д. Хорезм, Мавераннахр и Дешт-и Кипчак в арабских рукописях Ватиканской апостольской библиотеки // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1011–1031. [на рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1011-1031

ВАТИКАН АПОСТОЛДЫҚ КІТАПХАНАСЫНЫҢ АРАБ ҚОЛЖАЗБАЛАРЫНДАҒЫ ХОРЕЗМ, МАУЕРАННАХР ЖӘНЕ ДӘШТІ ҚЫПШАҚ

Сағыныш Көпенқызы Әмірбекова[1], Қастер Сарқытқан[2], Бағдат Данияруұлы Дүйсенов[3]*

[1] ҚР ҒЖБМ ҒК Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институты
(Құрманғазы, 29 үй, 050000, Алматы, Қазақстан Республикасы)
PhD, бас директордың жалпы мәселелер жөніндегі орынбасары
*Автор-корреспондент
https://orcid.org/0000-0001-9746-8387. E-mail: sagynysh.amirbekova@mail.ru

[2] ҚР ҒЖБМ ҒК Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институты
(Құрманғазы, 29 үй, 050000, Алматы, Қазақстан Республикасы)
География ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор,
Қытай және Азия-Тынық мұхиты аймағын зерттеу орталығының меңгерушісі
https://orcid.org/0009-0003-5865-2853. E-mail: kaster012@mail.ru

[3] ҚР ҒЖБМ ҒК Р.Б. Сулейменов атындағы Шығыстану институты
(Құрманғазы, 29 үй, 050000, Алматы, Қазақстан Республикасы)
PhD, бас директордың ғылым жөніндегі орынбасары
https://orcid.org/0000-0002-4313-1874. E-mail: bagdat75@inbox.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Әмірбекова С.К., Сарқытқан Қ., Дүйсенов Б.Д., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе*. Ватикан апостолдық кітапханасының араб тіліндегі қолжазбалары ортағасырлық Шығыстың тарихы, географиясы және зияткерлік мәдениеті жөніндегі маңызды дереккөздер кешенін құрайды. Оларды зерттеу білімнің жинақталуы, жүйеленуі мен таралу ерекшеліктерін анықтауға, сондай-ақ араб-мұсылман авторларының Орталық Азия туралы түсініктерін нақтылауға мүмкіндік береді. *Мақсаты мен міндеттері*. Зерттеудің мақсаты – Хорезм, Мәуереннахр және Дәшті Қыпшақ аумақтары туралы географиялық және тарихи мазмұндағы араб тіліндегі қолжазбалардың ғылыми-деректанулық маңызын айқындау. Осы мақсатқа жету үшін араб қолжазбалар қорының қалыптасуы

мен каталогталуының негізгі кезеңдері қарастырылып, әл-Идриси, Йақут әл-Хамауи, Әбу әл-Фида және Ибн Арабшах еңбектерінің мазмұны мен ақпараттық әлеуеті талданады. Материалдар мен әдістер. Зерттеудің деректік негізін араб тіліндегі географиялық және тарихи шығармалар, Ватикан кітапханасының қолжазба және баспа каталогтарындағы мәліметтер, сондай-ақ оның шығыс коллекцияларының тарихына қатысты материалдар құрады. Зерттеу барысында деректанулық, тарихи-салыстырмалы, мәтінтанулық және тарихи-географиялық әдістер қолданылды. Қолжазбалардағы топонимиялық, этнографиялық және саяси-географиялық мәліметтерді салыстыру олардың танымдық мүмкіндіктері мен авторлық интерпретация ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді. *Нәтижелер*. Араб тіліндегі тарихи-географиялық қолжазбаларды талдау оларда қамтылған мәліметтердің Орталық Азия жөніндегі кеңістіктік түсініктерді қайта қалпына келтіруге мүмкіндік беретінін көрсетті. Қарастырылған манускрипттерде Хорезм, Мәуереннахр және Дәшті Қыпшақтың географиялық орналасуы туралы деректер берілген. Кимек, қыпшақ, оғыз және қарлұқ тайпаларының қоныстануы, көші-қоны мен саяси бірлестіктері, сондай-ақ олардың қалалық және егіншілік орталықтарының отырықшы халқымен өзара байланыстары туралы мәліметтердің маңызы зор. Тарихи сипаттамаларды, топонимиялық материалдар мен картографиялық деректерді салыстыру араб қолжазба дәстүріндегі географиялық білімнің берілу ерекшеліктерін айқындайды. *Қорытынды*. Ватикан кітапханасының араб тіліндегі манускрипттері ортағасырлық Еуразияның тарихи географиясы мен этномәдени байланыстарын қайта қалпына келтіру үшін елеулі ғылыми әлеуетке ие. Оларды одан әрі кешенді зерттеу мәтіндік дәстүрді, жекелеген қолжазба нұсқаларының шығу тегін және географиялық білімнің таралу жолдарын нақтылауға ықпал етеді.

Түйін сөздер: Хорезм, Мәуереннахр, араб тіліндегі манускрипттер, тарихи-географиялық қолжазбалар, Ватикан апостолдық кітапханасы.

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Ватиканның және Батыс Еуропа елдерінің жаңа құнды материалдары бойынша Түркі әлемінің ерте және ортағасырлық тарихы мен мәдениеті» (BR24993132) тақырыбындағы бағдарламалық-нысаналы гранттық қаржыландыру жобасын іске асыру шеңберінде дайындалды.

Дәйексөз үшін: Әмірбекова С.К., Сарқытқан Қ., Дүйсенов Б.Д. Ватикан апостолдық кітапханасының араб қолжазбаларындағы Хорезм, Мауераннахр және Дәшті Қыпшақ // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1011–1031-бб. [орысш.] DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1011-1031

KHWARAZM, MAWAR 'ANNAHR, AND DASHT-I KIPCHAK IN THE ARABIC MANUSCRIPTS OF THE VATICAN APOSTOLIC LIBRARY

Sagynysh Kopenovna Amirbekova[1], Kaster Sarkytkan[2], Bagdat Daniyarovich Dyussenov[3]*

[1] R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies CS MSHE RK
(29 Kurmangazy St., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD, Deputy Director for General Affairs
*Corresponding Author
https://orcid.org/0000-0001-9746-8387. E-mail: sagynysh.amirbekova@mail.ru

[2] R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies CS MSHE RK
(29 Kurmangazy St., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor,
Head of the Center for the Study of China and the Asia-Pacific Region
https://orcid.org/0009-0003-5865-2853. E-mail: kaster012@mail.ruAg

[3] R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies CS MSHE RK
(29 Kurmangazy St., 050000, Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD, Deputy Director for Science
https://orcid.org/0000-0002-4313-1874. E-mail: bagdat75@inbox.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Amirbekova S.K., Sarkytkan K., Dyussenov B.D., 2026

Abstract. *Introduction*. The Arabic-language manuscripts preserved in the Vatican Apostolic Library constitute an important body of sources on the history, geography, and intellectual culture of the medieval East. Their study makes it possible to identify the distinctive processes through which knowledge was accumulated, systematized, and transmitted, as well as to clarify Arab-Muslim authors' perceptions of Central Asia. *Aim and objectives*. The study aims to determine the scholarly and source-critical significance of Arabic-language manuscripts of geographical and historical content concerning the territories of Khwarazm, Mawarannahr, and Dasht-i Qipchaq. To achieve this aim, the principal stages in the formation and cataloguing of the Arabic manuscript collection are examined, and the content and informational potential of the works of al-Idrisi, Yaqut al-Hamawi, Abu al-Fida, and Ibn Arabshah are analyzed. *Materials and methods*. The source base comprises Arabic geographical and historical works, data from the manuscript and printed catalogues of the Vatican Library, and materials relating to the history of its Oriental collections. Source-critical, historical-comparative, textual, and historical-geographical methods were applied. A comparison of the toponymic, ethnographic, and political-geographical data contained in the manuscripts made it possible to assess their research potential and the distinctive features of their authors' interpretations. Results. The analysis of Arabic historical-geographical manuscripts demonstrates that the information they preserve makes it possible to reconstruct medieval spatial perceptions of Central Asia. The manuscripts under consideration contain data on the geographical position of Khwarazm, Mawarannahr, and Dasht-i Qipchaq. Of particular significance is the information concerning the settlement patterns, migrations, and political associations of the Kimaks, Qipchaqs, Oghuz, and Qarluqs, as well as their interaction with the sedentary populations of urban and agricultural centers. A comparison of historical descriptions, toponymic materials, and cartographic data reveals the distinctive ways in which geographical knowledge was transmitted within the Arabic manuscript tradition. *Conclusion*. The Arabic-language manuscripts of the Vatican Library have considerable potential for reconstructing the historical geography and ethnocultural relations of medieval Eurasia. Their further comprehensive study will contribute to a more precise understanding of the textual tradition, the provenance of individual manuscript copies, and the routes through which geographical knowledge circulated.

Keywords: Khwarazm, Mawarannahr, Arabic-language manuscripts, historical-geographical manuscripts, Vatican Apostolic Library.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the program-targeted funding of the project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan "Early and Medieval History and Culture of the Turkic World Based on New Valuable Materials from the Vatican and Western European Countries" (Grant No. BR24993132).

For citation: Amirbekova S.K., Sarkytkan K., Dyussenov B.D. Khorezm, Maverannahr and Desht-i Kipchak in the Arabic manuscripts of the Vatican Apostolic Library // Otan tarikhy. 2026. Vol. 29. № 3. Pp. 1011–1031. [in Rus.] DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1011-1031

Введение. Арабоязычные рукописи Ватиканской апостольской библиотеки представляют собой значительный комплекс письменных источников, отражающих религиозную, научную и культурную жизнь мусульманского и христианского Востока. В составе фонда хранятся труды по истории, географии, богословию, философии, медицине, астрономии, математике, филологии и литературе. Многие из этих памятников до настоящего времени остаются недостаточно изученными или не введёнными в широкий научный оборот, что определяет актуальность их комплексного источниковедческого исследования. Особую ценность имеют сочинения средневековых арабских географов, историков и путешественников, содержащие сведения о Хорезме, Мавераннахре, Дешт-и Кипчаке и других регионах Центральной Азии. В них представлены данные о городах и населённых пунктах, торговых маршрутах, природных условиях, политических образованиях, этническом составе населения и хозяйственной жизни. Исследование письменных источников позволяет уточнить историческую географию региона и реконструировать процессы культурного взаимодействия между оседлыми и кочевыми обществами.

Материалы и методы. Источниковую основу исследования составили арабоязычные историко-географические рукописи и произведения средневековых авторов, представленные в восточных фондах Ватиканской апостольской библиотеки. Основное внимание уделено сочинениям ал-Идриси «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак», Йакута ал-Хамави «Му'джам ал-булдан», Абу ал-Фиды «Таквим ал-булдан», «Мухтасар тарих ал-башар» и Ибн Арабшаха «Аджаиб ал-макдур фи

наваиб Тимур». Выбор данных произведений обусловлен наличием в них сведений о Хорезме, Мавераннахре, Дешт-и Кипчаке и сопредельных территориях, а также информации о городах, торговых путях, политических границах, природных условиях и этническом составе населения Центральной Азии.

В качестве дополнительных материалов использованы рукописные и печатные каталоги Ватиканской библиотеки, цифровые описания отдельных кодексов и сведения об истории формирования её восточных коллекций. Каталожные материалы позволили рассмотреть происхождение рукописей, особенности их систематизации, тематическую принадлежность и историю поступления в библиотечное собрание. Особое внимание уделено каталогизационной деятельности представителей семьи Ассемани, а также принципам разделения арабоязычных рукописей на христианскую и мусульманскую части.

Историко-сравнительный метод использовался для сопоставления сообщений разных авторов об одних и тех же территориях, народах и населённых пунктах. Сравнивались варианты описания Хорезма, Мавераннахра и Дешт-и Кипчака, сведения о положении городов, направлениях караванных маршрутов, политической принадлежности областей и расселении тюркских племён. Такой подход позволил выявить как устойчивые сведения, воспроизводившиеся в арабской географической традиции, так и расхождения, обусловленные временем создания произведений, кругом источников и авторской интерпретацией.

Текстологический метод применялся при анализе названий произведений, географических наименований, этнонимов и терминов, представленных в различных формах. Особое внимание уделялось вариантам написания топонимов, возникавшим в процессе переписывания и передачи арабских текстов. Учитывалась возможность искажения названий вследствие графического сходства арабских букв, отсутствия диакритических знаков и ошибок переписчиков. Текстологический анализ позволил установить необходимость сопоставления рукописных вариантов с печатными изданиями и каталогами, а также осторожного отождествления средневековых географических названий с современными объектами. Благодаря этому были уточнены подходы к интерпретации топонимов, относящихся к Хорезму, Мавераннахру и степным районам Дешт-и Кипчака.

Историко-географический метод использовался для пространственной интерпретации сведений, содержащихся в текстах и картографических материалах. С его помощью анализировались местоположение городов и поселений, взаимное расположение исторических областей, направления торговых и военных маршрутов, а также природно-географические характеристики отдельных территорий. Сопоставление описаний расстояний, дорог, рек, горных систем и населённых пунктов позволило реконструировать представления арабо-мусульманских авторов о пространственной организации Центральной Азии. Этот метод также способствовал выявлению роли Хорезма и Мавераннахра как центров оседло-земледельческой культуры и важных узлов трансконтинентальной торговли, взаимодействовавших с кочевыми сообществами Дешт-и Кипчака.

Обсуждение. Изучение сведений о Хорезме, Мавераннахре и Дешт-и Кипчаке, содержащихся в арабских рукописях Ватиканской апостольской библиотеки, находится на пересечении нескольких историографических направлений: истории арабской географической литературы, источниковедения средневековой Центральной Азии и научного описания восточных рукописных коллекций Ватикана. Несмотря на значительный объём публикаций по каждому из этих направлений, арабские манускрипты Ватиканской библиотеки редко рассматривались как единый комплекс источников по истории указанных регионов.

Первичное описание восточного фонда Ватикана связано с деятельностью представителей семьи Ассемани. В XIX–XX вв. каталогизация арабских рукописей была продолжена А. Маи, Дж. Леви Делла Вида и Г. Графом. Особое значение имеет каталог Дж. Леви Делла Вида Elenco dei manoscritti arabi islamici della Biblioteca Vaticana (1935), в котором уточнены авторство, содержание и кодикологические характеристики исламских арабских рукописей. Каталожные описания создали необходимую основу для поиска исторических, географических и космографических произведений, содержащих сведения о Центральной Азии.

Одним из первых в европейской науке был исследован географический труд Абуль-Фиды «Таквим ал-булдан» («Упорядочение стран»). В XVIII в. отдельные его части публиковались и переводились Иоганном Якобом Рейске. В XIX в. французские востоковеды Жозеф-Туссен Рено и Уильям Мак-Гакин де Слан подготовили арабский текст произведения на основе парижских и лейденских рукописей. Рено также издал французский перевод «Географии Абуль-Фиды». Эти

публикации ввели в европейскую науку сведения автора о Хорезме, Бухаре, Самарканде, городах Сырдарьи и землях тюркских народов.

Произведение ал-Идриси «Нузхат ал-муштак» стало известно европейским исследователям благодаря французскому переводу Пьера Амеде Жобера, опубликованному в 1836–1840 гг. Сведения ал-Идриси о Центральной Азии и тюркских землях изучались также итальянскими востоковедами Микеле Амари и Челестино Скиапарелли. В XX в. критическое издание арабского текста было осуществлено группой итальянских и международных исследователей в серии Opus Geographicum. Картографическое наследие ал-Идриси рассматривалось Конрадом Миллером, Джеральдом Тиббеттсом и исследователями проекта The History of Cartography. Они показали значение труда ал-Идриси для реконструкции средневековых торговых путей, расположения городов и этнической географии Евразии.

Важнейшим источником по исторической географии является «Муджам ал-булдан» Йакута ал-Хамави. Его многотомное арабское издание было подготовлено немецким востоковедом Фердинандом Вюстенфельдом в 1866–1873 гг. на основе рукописей Берлина, Парижа и Санкт-Петербурга. Шарль Барбье де Мейнар использовал сведения Йакута в исследованиях географии Ирана и сопредельных областей. Европейские учёные обращались к его сообщениям о Хорезме, Самарканде, Бухаре, Мерве, Фарабе, Дженде и других городах. При этом ватиканский список труда Йакута практически не сопоставлялся с рукописями, положенными в основу издания Вюстенфельда.

Исторический труд Ибн Арабшаха «Аджаиб ал-макдур фи наваиб Тимур» начал изучаться в Европе ещё в XVII–XVIII вв. Французский перевод был выполнен Пьером Ватье, а первое европейское издание арабского текста подготовил голландский арабист Самуэль Генрих Мангер в 1767–1772 гг. В 1936 г. Дж. Х. Сандерс опубликовал английский перевод под названием Tamerlane, or Timur the Great Amir. Европейские исследователи использовали сочинение Ибн Арабшаха прежде всего для изучения походов Тимура и истории Мавераннахра. При этом его сообщения требуют критического анализа, поскольку автор отрицательно относился к Тимуру и нередко придавал повествованию риторический характер.

Среди казахстанских исследователей наиболее значительный вклад внёс Б. Е. Кумеков. Он специально исследовал труд ал-Идриси как источник по истории средневекового Казахстана. На основе его сведений учёный изучал территорию расселения кимаков, кыпчаков и огузов, расположение городов, торговые пути и историческую географию Дешт-и Кипчака. Кумеков также привлекал данные Йакута ал-Хамави и Абуль-Фиды при анализе арабских источников по истории Казахстана. С.М. Ахинжанов в монографии «Кыпчаки в истории средневекового Казахстана» использовал сообщения ал-Идриси, Йакута ал-Хамави и Абуль-Фиды для определения расселения кыпчакских племён, их политических объединений и связей с Хорезмом и Мавераннахром. Сведения Ибн Арабшаха изучались и использовались М.Х. Абусеитовой, К.А. Пищулиной и Т.И. Султановым. Они обращались к его сочинению при исследовании походов Тимура, истории Мавераннахра, Могулистана, Восточного Дешт-и Кипчака и взаимоотношений Тимуридов с кочевыми государствами.

Таким образом, в казахстанской историографии труды этих арабских авторов изучались прежде всего как источники по этнополитической истории и исторической географии Казахстана. Наиболее подробно труд ал-Идриси исследован Б. Е. Кумековым. Вместе с тем казахстанские учёные преимущественно пользовались опубликованными изданиями этих сочинений. Специальное текстологическое сопоставление рукописей Абуль-Фиды, ал-Идриси, Йакута ал-Хамави и Ибн Арабшаха, хранящихся в Ватиканской апостольской библиотеке, в казахстанской историографии практически не проводилось.

Результаты. История научного описания восточных рукописей Ватиканской апостольской библиотеки (Biblioteca Apostolica Vaticana) тесно связана с деятельностью выдающихся маронитских востоковедов XVIII века – Джузеппе Симоне Ассемани (Giuseppe Simone Assemani) и Стефана Еводия Ассемани (Stefano Evodio Assemani). По поручению и при покровительстве папы Бенедикта XIV они приступили к систематизации восточного рукописного фонда библиотеки и подготовке его развернутого каталога к публикации. Первым результатом этой масштабной работы стал том с описанием еврейских рукописей, изданный в Риме в 1756 году. Впоследствии были опубликованы два тома, посвященные сирийским манускриптам, которые вышли соответственно в 1758 и 1759 годах. В соответствии с первоначальным замыслом составителей четвертый том предполагалось посвятить описанию арабских рукописей.

Значительный интерес представляет вопрос о происхождении арабских, персидских и тюркских рукописей, связанных с собранием семьи Ассемани. Предположительно, основная часть этих манускриптов происходила из личной коллекции Джузеппе Симоне Ассемани. Вместе с тем современное состояние источниковой базы не позволяет достоверно установить, какие кодексы принадлежали непосредственно ему, а какие были позднее изучены и описаны Стефаном Еводием Ассемани. Вследствие этого реконструкция состава личного собрания представителей семьи Ассемани остается отдельной источниковедческой проблемой.

Прежде всего следует обратить внимание на представителей семьи Ассемани, сыгравших выдающуюся роль в развитии востоковедения в Папской области. Старший Джузеппе Симоне Ассемани известен как автор богословских исследований и церковный деятель, назначенный в 1775 году архиепископом Триполи в Сирии. Он получил широкую известность как исследователь и издатель памятников восточной письменности. Его научная деятельность сочеталась с исполнением высоких церковных обязанностей. Другой представитель семьи – его племянник, также носивший имя Джузеппе Симоне Ассемани, приобрёл широкую известность как префект Ватиканской библиотеки [Tisserant, 1924: 9]. Он занимался богословскими и историческими исследованиями, издательской подготовкой рукописных источников, составлением каталогов, а также изучением восточного церковного права и истории Италии. В преклонном возрасте племянник был возведён в сан архиепископа Тира, продолжая при этом свою научную деятельность в Риме. В 1778 году, достигнув восьмидесятилетнего возраста, он скончался. После его смерти должность префекта Ватиканской библиотеки занял его родственник – Стефан Еводий Ассемани, впоследствии назначенный титулярным архиепископом г. Апамеи. Что касается арабских, персидских и тюркских рукописей, принадлежавших семье Ассемани, то большая их часть, несомненно, происходила из собрания архиепископа Тира Джузеппе Симоне Ассемани. Однако сегодня уже невозможно с полной уверенностью определить, какие именно рукописи находились в его личной собственности, а какие были описаны непосредственно Стефаном Еводием Ассемани.

Кроме того систематизация рукописей опиралась на труды предшественников. В 1686 году библиотекари Авраам Эккелленсис (Abraham Ecchellensis) и Иоанн Матфей Найрон (Ioannes Matthaeus Naironus) подготовили первый опись арабских кодексов («Catalogus codicum manuscriptorum orientalium»), сохранившуюся в рукописном виде. Не смотря на лаконичность (каталог включает всего 187 единиц хранения, из которых 69 относятся к арабо-христианской традиции, а 118 – к мусульманской), кардинал Анджело Май высоко оценивал его историографическое значение [Mai, 1831]. Формирование арабского фонда Ватиканской библиотеки происходило благодаря целенаправленной комплектационной политике Святого Престола. При Папе Клименте XI на Ближний Восток были направлены экспедиции с участием Джузеппе Симоне, Элии и Симона Ассемани, а также Андреа Скандера. Пополнению коллекции способствовали атрибуции путешественников, в частности, Пьетро делла Валле и деятельность ученых таких, как Ф. Найрона и А. Эккелленсиса [Cersoy,1894].

Значительное расширение арабского собрания произошло после смерти Джузеппе Симоне Ассемани в 1768 г., когда библиотека приобрела принадлежавшую ему коллекцию, включавшую в том числе произведения исламской письменной традиции [Asseman, 1978]. Рукописи, поступившие до 1922 г. в результате дарений, завещаний и отдельных приобретений, также образовали смешанный комплекс христианских и исламских текстов. В апреле 1922 г. фонд пополнился собранием исламских рукописей из Йемена, преподнесённым папе римскому архитектором, искусствоведом и сенатором Лукой Бельтрами совместно с его родственниками и друзьями. Эти кодексы являлись уцелевшей частью обширной коллекции, собранной в Сане ломбардским торговцем Джузеппе Капротти. Основная часть его собрания в настоящее время хранится в Амброзианской библиотеке Милана.

К концу XIX в. Ватиканская библиотека располагала обширным собранием восточных рукописей, известным как «Старый фонд» (*Fondo Vecchio*), формирование и изучение которого было тесно связано с деятельностью выдающихся востоковедов предшествующих столетий. Вместе с тем комплектование фонда продолжалось: новые коллекции поступали благодаря миссионерам, дипломатам и исследователям, работавшим на Ближнем Востоке. Особенно существенное пополнение произошло в период понтификата Климента XIII (1758–1769), когда библиотека приобрела собрание Ассемани, включавшее около 180 арабских рукописей. Увеличение объёма фонда сделало простую переработку прежнего каталога недостаточной, вследствие чего Стефан

Евдий Ассемани приступил к подготовке нового, более полного описания коллекции. Первоначально планировалось издать двенадцатитомный труд о восточной письменности: десятый том должен был освещать творчество арабских христианских авторов, а два последующих – арабо-мусульманскую литературу. Однако были опубликованы лишь четыре тома, преимущественно посвящённые сирийским рукописям.

Описание восточных кодексов предполагалось включить в издание братьев Ассемани *Catalogus Bibliothecae Apostolicae Vaticanae codicum manuscriptorum in tres partes distributus*. Три тома вышли в 1756–1759 гг. От четвёртого сохранились 80 страниц с описанием восемнадцати рукописей и части девятнадцатой статьи. В 1780 г. пожар уничтожил почти весь тираж, единственный уцелевший экземпляр позднее переплёл кардинал Анджело Май. Хотя составление арабского каталога нередко приписывали Джузеппе Симоне Ассемани, его основным автором, вероятнее всего, был Стефан Евдий Ассемани. Об этом свидетельствуют характерные для его трудов методика, терминология и стиль [Mai Angelo, 1831]. Утраченные со временем листы позднее кратко восстановил хранитель арабских рукописей Антоний Ассемани.

После смерти братьев каталог остался неопубликованным, а его тетради – разрозненными и незавершёнными. Последующее восполнение лакун разными сотрудниками объясняет содержательную и стилистическую неоднородность отдельных вставок. В 1831 г. Анджело Май опубликовал переработанный каталог в седьмом томе издания *Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus edita*. В подготовленный им *Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Vaticanae* вошли описания арабских, персидских, турецких, эфиопских, коптских, армянских, грузинских, славянских, индийских и китайских рукописей, а также части еврейских и сирийских кодексов, отсутствовавших в каталоге Ассемани [Mai Angelo, 1831]. В рукописной версии каталога многие названия произведений приводились на арабском языке, однако в печатном издании были сохранены преимущественно их латинские переводы. Это объяснялось недостатком арабских шрифтов в Ватиканской типографии, а также трудоёмкостью повторной сверки заголовков с оригинальными рукописями. В данном контексте термин *codices* обозначает именно рукописные книги, а перечисление языков указывает на лингвистический состав ватиканской коллекции.

Особое место среди восточных фондов Ватикана занимает коллекция Климента Иосифа Давида (1829–1890), хорепископа Мосула и впоследствии сиро-католического архиепископа Дамаска. В 1850–1860-х гг. под его руководством в скрипториях Ближнего Востока, преимущественно Месопотамии, проводилось копирование редких сирийских и арабских христианских и мусульманских рукописей. В результате сформировалось собрание из 46 крупноформатных томов (*in-folio*), привезённое Давидом в Рим в 1869 г. и переданное Святому Престолу. Материалы коллекции использовались в трудах самого Давида и восточного прелата Мера Хайята, изданных в Риме в 1870 г.

Важным этапом систематизации арабских рукописей Ватикана стал опубликованный в 1924 г. труд французского востоковеда Эжена Тиссерана (1884–1972), впоследствии кардинала и декана Коллегии кардиналов. Работа вышла отдельным оттиском из пятого тома юбилейного сборника, посвящённого 80-летию бывшего префекта Ватиканской библиотеки Франца Эрале (1845–1934) [Tisserant, 1924]. Составленный Тиссераном краткий инвентарь (*Inventaire sommaire*) обобщил сведения об арабской части фонда Музея Борджиа (*Borgiani Arabi*), переданного Ватиканской апостольской библиотеке в 1902 г.

Инвентарь охватывал сотни христианских и исламских арабских рукописей, включая материалы из собрания архиепископа Климента Иосифа Давида. В описаниях фиксировались библиотечные шифры, объём, датировка, физическое состояние и происхождение кодексов. Труд Тиссерана стал источниковедческой и методологической основой каталога исламских арабских рукописей, подготовленного Джорджо Леви Делла Вида и опубликованного в 1935 г. Каталог *Elenco dei manoscritti arabi islamici della Biblioteca Vaticana: Vaticani, Barberiniani, Borgiani, Rossiani* вышел в серии *Studi e Testi* (т. 67) и стал одним из фундаментальных трудов по арабской археографии и кодикологии XX в. [Levi,1935]. Его подготовка была связана с политическими событиями 1930-х гг.: после отказа принести присягу фашистскому режиму Леви Делла Вида (1886–1967) был лишён профессуры в Римском университете. Ватиканская библиотека под руководством Джованни Меркати и Эжена Тиссерана предоставила учёному возможность продолжить исследования и поручила ему описание арабских манускриптов.

Издания были систематизированы исламские рукописи четырёх основных фондов: *Vaticani Arabi, Barberiniani, Borgiani* и *Rossiani*. Леви Делла Вида отделил их от христианско-арабского корпуса и представил памятники богословского, юридического, философского, естественно-научного и литературного содержания. Описания включали сведения о письме, датировке, пагинации, материале, сохранности, водяных знаках, колофонах и владельческих записях. Сопоставление инципитов, эксплицитов и цепей передачи позволило атрибутировать ряд анонимных текстов и уточнить названия произведений. Отдельное внимание уделялось происхождению рукописей, истории их бытования и вакфным отметкам.

Каталлог 1935 года установил новые стандарты европейской востоковедной каталогизации. Описание каждой рукописи включало характеристику типа письма, датировку, пагинацию, качество бумаги, степень сохранности, а также сведения о водяных знаках и колофонах. На основе сопоставления инципитов, эксплицитов и цепочек передачи знаний (араб. إسناد – isnād). составитель атрибутировал ряд анонимных текстов, уточнил имена авторов и названия произведений. В каталоге также представлены данные о происхождении и истории бытования рукописей, владельческих записях, вакфных печатях (араб. وقف – wakf) и способах их поступления в европейские коллекции [Levi,1965].

Фонд *Rossiani* Ватиканской апостольской библиотеки представляет собой ценное собрание рукописей и печатных изданий, сформированное итальянским библиофилом Джованни Баттиста де Росси (1822–1894). В настоящее время фонд насчитывает около 1200 рукописей и свыше 8000 печатных изданий, включая приблизительно 2500 инкунабул – книг, изданных в XV в., на раннем этапе европейского книгопечатания. Особая ценность восточных кодексов определяется наличием владельческих записей, вакфных отметок, библиотечных и монастырских печатей, переписческих колофонов и других свидетельств их бытования. Эти данные позволяют реконструировать происхождение рукописей, пути их перемещения в европейские собрания и связи с книжными центрами Ближнего Востока.

В отличие от целенаправленно формировавшихся фондов *Borgiani, Barberiniani* и *Vaticani Arabi*, коллекция *Rossiani* отражает личные научные и библиофильские интересы европейского собирателя XIX в. Хотя она не создавалась как специализированное восточное собрание, входящие в неё рукописи служат значимым источником для изучения книжной культуры, передачи знаний и исторических связей между Востоком и Западом.

В соответствии с классификацией Ассемани арабские рукописи Ватиканской библиотеки подразделяются на две основные группы: христианские и мусульманские. В христианской части значительное место занимают книги Ветхого и Нового Заветов. Многочисленные арабские переводы различаются между собой и не всегда совпадают с текстами многоязычных изданий, поскольку были созданы в разные периоды и в различных культурных средах. Эти памятники, нередко снабжённые предисловиями и комментариями, представляют ценный материал для изучения истории библейского текста, состава канона и вариантов чтения. Джузеппе Симоне Ассемани предполагал посвятить арабским переводам Библии пятый том «Восточной библиотеки», однако этот проект не был реализован [Mai, 1831].

Отдельную группу составляют арабоязычные канонические и богословские сочинения, содержащие постановления восточных церковных соборов. Также литургические рукописи различных восточнохристианских традиций: служебники, понтификалы, требники, диаконники, сборники таинств, литургий и анафор. Они содержат чинопоследования богослужений, таинств, освящений, благословений и погребальных обрядов. Сравнительное изучение этих текстов позволяет проследить развитие восточной литургической практики и выявить её связи с западнохристианской традицией. К этой группе примыкают сочинения по церковной дисциплине, посвящённые посту, монашеским обетам, евангельской бедности, безбрачию духовенства и почитанию священных изображений. Значительную часть собрания составляют арабские переводы произведений Отцов Церкви, а также оригинальные труды восточнохристианских авторов. Некоторые из них сохранились только на арабском языке, тогда как их греческие оригиналы были утрачены. Рукописи включают проповеди, послания, катехизические и догматические трактаты, апологии и полемические сочинения. В них отражены споры христианских авторов с представителями ислама и иудаизма, а также внутренние доктринальные разногласия между восточными христианскими общинами.

Мусульманскую часть арабского фонда Ватиканской апостольской библиотеки занимает больше всего списки Корана. Они различаются временем и местом создания, типами письма,

палеографическими особенностями, материалами и художественным оформлением. Некоторые экземпляры представляют собой образцы высокого каллиграфического искусства и содержат орнаментированные заставки, геометрические и растительные узоры, цветные рамки, позолоту, обозначения сур, аятов, делений текста и правил рецитации. Помимо собственно коранического текста, в рукописном собрании представлены тафсиры – толкования Корана, отражающие различные направления мусульманской экзегетики. Их изучение позволяет проследить развитие методов интерпретации священного текста, особенности богословской аргументации и региональные традиции коранической науки.

К кораническому комплексу примыкает значительное число сочинений по исламскому богословию и религиозной практике. В эту группу входят трактаты по вероучению (араб. عقيدة ʿaqīda~, догматике (араб. علم الكلام kalām), основам религии (араб. الدين صولاً usul ad-dīn), правилам совершения обрядов, молитве, посту, паломничеству и другим религиозным обязанностям. Отдельный корпус образуют произведения по фикху (араб. فِقْه) – мусульманской юриспруденции, регулирующей как культовую практику, так и широкий круг общественных отношений. Среди них представлены труды по вопросам брака, наследования, торговли, договоров, земельной собственности, благотворительных учреждений, судопроизводства и правового статуса различных групп населения.

Арабоязычная рукописная традиция не ограничивается религиозно-правовой литературой. Учёные исламского мира внесли существенный вклад в развитие историографии, философии, медицины, математики, астрономии, филологии, лексикографии и географии. В собрании широко представлена арабская поэзия различных жанров. Ряд рукописей содержит авторские диваны, антологии и сборники избранных стихотворений. С поэтическим корпусом тесно связаны труды по риторике, поэтике и искусству красноречия. В них рассматривались принципы стихосложения, метрика, рифма, композиция, художественные фигуры и способы устного исполнения поэтического текста. Особое значение имели дисциплины البلاغة balaga – теория красноречия, العَروض ʿarūd – учение о стихотворных размерах и القافية qafia – наука о рифме. Такие трактаты дают представление о сформировавшейся в средневековой арабской культуре системе литературной критики и позволяют определить эстетические критерии, которыми руководствовались авторы, филологи и составители антологий.

Богатый материал содержится в сочинениях по всеобщей и династической истории, биографике и хронистике. Арабские историки создавали всемирные хроники, истории отдельных государств и городов, биографические словари учёных, правоведов, богословов, поэтов, врачей и государственных деятелей. Биографические сборники особенно важны для реконструкции научных и образовательных связей, поскольку фиксируют имена наставников и учеников, маршруты путешествий, места преподавания и передачи текстов. Благодаря таким данным возможно изучение интеллектуальных сетей, соединявших Багдад, Дамаск, Каир, Мекку, Медину, города Ирана, Мавераннахра и других регионов исламского мира.

Особенно важны для настоящего исследования труды арабо-мусульманских географов, историков и путешественников IX–XIV вв. Они содержат сведения о территориях современной Центральной Азии, включая Мавераннахр, Хорезм и Дешт-и Кипчак. Авторы описывали города, население, языки, религиозные общины, политические образования, хозяйственные занятия и торговые пути региона. В географических произведениях фиксировались расстояния между населёнными пунктами, маршруты караванов, особенности природной среды, рынки, товары и системы налогообложения. Сопоставление этих данных с археологическими, нумизматическими и эпиграфическими материалами позволяет уточнить историческую географию Центральной Азии и её место в системе трансконтинентального обмена.

Арабские географические источники отражают тесные связи Центральной Азии с Ираном, Ближним Востоком, Индией, Китаем и степными регионами Евразии. Мавераннахр представлен в них как один из важных центров городской культуры, торговли и исламской образованности, тогда как Хорезм характеризуется как регион с развитой ирригацией, ремеслом и транзитной торговлей. Сведения о Дешт-и Кипчак позволяют изучать политическую и этническую историю кочевых объединений, а также их отношения с оседлыми государствами. Вместе с тем сообщения средневековых авторов требуют источниковедческой критики, поскольку они могли основываться как на личных наблюдениях, так и на сведениях информаторов или более ранних текстах.

Поступление арабоязычных географических и исторических сочинений в Ватиканскую библиотеку являлось частью длительного процесса формирования её восточных фондов. В XVI–

XVII вв. рукописи приобретались посредством закупок, дипломатических и миссионерских связей, дарений, завещаний и передачи частных собраний. Значительная часть манускриптов происходила из Восточного Средиземноморья, владений Османской империи и других областей Ближнего Востока.

Существенное значение для пополнения ватиканских восточных фондов имела коллекционная деятельность итальянского путешественника Пьетро делла Валле (1586–1652). Во время путешествий 1614–1626 гг. он посетил Османскую империю, Персию и Индию, приобретая рукописи и собирая сведения о языках, религиях и обычаях посещённых стран. После возвращения в Рим привезённые им книги и другие материалы вошли в европейский научный оборот. По наблюдению Э. Росси, ряд восточных рукописей Ватиканской библиотеки связан именно с собранием Пьетро делла Валле [Rossi, 1953]. Вместе с тем происхождение каждого отдельного кодекса должно устанавливаться на основании каталогов, владельческих записей, печатей, колофонов и других признаков его бытования, поскольку далеко не все рукописи фонда могут быть непосредственно отнесены к коллекции путешественника.

Особую ценность имеют арабские историко-географические произведения, содержащие сведения о странах, городах, династиях и народах мусульманского мира. Значительный массив материалов относится к Египту. Арабские авторы описывали его административное устройство, провинции и города, правящие династии, государственные доходы, систему налогообложения, земледелие, ирригацию, природные условия, климат, религиозную жизнь и социальный состав населения. Такие тексты позволяют реконструировать изменения политической и хозяйственной структуры страны в различные периоды – от раннеисламской эпохи до времени мамлюкского и османского господства. Они также содержат данные о Ниле, сельскохозяйственном цикле, торговых центрах, путях сообщения и взаимодействии мусульманских, христианских и иудейских общин.

Особого рассмотрения заслуживают арабоязычные рукописи, содержащие сведения о Мавераннахре и Хорезме. В последние годы рукопись «Таквим ал-булдан» (араб. تقويم البلدان) арабского географа Абу ал-Фиды [Vat. ar. 266] привлекает внимание исследователей истории азиатского востоковедения (см. рис.1.). «Такуим аль-булдан» представляет собой географический труд на арабском языке, книга в твердом темно-синем кожаном переплете, состоящая из двух огромных «*қисм*» قسم (частей), разные по своему значению, первая часть книги начинается с большого «*муқаддама*» مقدمة (введения). В введении автор говорит о планете, об экваторе и семи «климатах», подробно описывая географическое положение каждой из них, говорит о разных регионах мира, описывает их размеры и границы, также приводит описание морей, озер, рек и гор. Очень ценна информация о Абу аль-Фиды о своем видении мира. Например, он твердо утверждает, что три четверти земной поверхности покрыто водой, что в последующем подтвердилось по итогам многих морских экспедиций и в результате научных исследований [Амирбекова и др., 2025].

Книга арабского географа включает в себя информацию не только о географии, но и об историко-культурном наследии, духовной и интеллектуальной жизни средневековых Хорезма и Мавераннахра. При составлении соответствующих разделов автор обращался к сочинениям Ибн Хаукаля и Ибн Саида, а также к трудам «Канон», «Атвал», «ал-Любаб», «ал-Азизи» и «ал-Муштарик» [Коновалова, 2005]. Описанию Хорезма и Мавераннахра посвящены две самостоятельные главы, помещённые в заключительной части произведения. Раздел о Хорезме сравнительно невелик: после краткой характеристики региона приводятся таблицы со сведениями о его городах, в числе которых Гургандж, расположенный вблизи Амударьи, Джурджания, Кас, Хазарасп, Дарган и Фараб. Глава о Мавераннахре значительно объёмнее и охватывает более сорока населённых пунктов, включая Бухару, Самарканд, Исфиджаб, Тараз, Баласагун и Кашгар. Изучение этих материалов способствует реконструкции средневековой географии Казахстана и Центральной Азии, а также исследованию социальной, экономической и культурной истории региона.



Рис. 1. Biblioteca Apostolica Vaticana. Шифр: Vat. ar. 266 – «Таквим ал-булдан» (تقويم البلدان), автор Абуль Фида

«Таквим аль-бульдан» передает важные сведения не только по географии, но и исто-рико-культурным наследием средневекового периода жизни Мавераннахра и Хорезма. Городам и местностям Хорезмы посвящена одна глава, а территории Мавераннахра шесть отдельные главы. Глава о Хорезме очень маленькая описательная часть умещена в одну страницу, далее следуют таблицы с семью городами: главные города Хорезма – Куркандж, находящий у побережья Амударьи, Джурджания, Кас, Хазаросб, Даръан, Фарабр и тд. В главу о Мавераннахре вошли сорок две селений среди них Бухара, Самарканд, Исфиджаб, Тараз, Баласагун, Кашгар и тд. Анализ этих селений создают основу для интерпретации ценных сведений в изучении социальной, экономической и культурной истории о средневековой географии Центрально-Азиатского региона.

Перевод арабского текста о Хорезме и Мавераннахре с оригинального источника очень информативна. Об этих землях кроме Абу аль-Фиды писали многие арабские ученые, такие как Кашканди, ал-Джахиза (IX в.), ал-Балхи (X в.), Ибн Хаукаля (X в.) и ал-Идриси (XIII в.), Тамима ибн Бахра (IX в.), Саллама ат-Тарджумана (IX в.), Абу Дулафа (X в.), а также Джанаха ибн Хакана ал-Кимеки (X-XI вв.), ал-Идриси, Ибн Фадлан (X в.) и сочинение Махмуда ал-Кашгари (XI в.), чьи труды дают возможность обогатить наше представление о географике того периода. Эти арабские исторические и географические сочинения являются наиболее информативным источником сведений по истории и культуре Казахстана IX-XIII вв. [Амирбекова и др., 2026].

В этом контексте манускрипт Абу-л-Фиды выступает ценным свидетельством не только средневековой географии, но и истории центральноазиатского культурного наследия. В настоящее время научная значимость рукописи Абу-л-Фиды определяется несколькими направлениями. Во-первых, она является источником, сохранившим раннюю версию географических сведений о Хорезме и Мавераннахре начала XIV века. Во-вторых, манускрипт позволяет исследовать текстологическую историю исламской географической традиции. В-третьих, её нахождение в ватиканском собрании предоставляет важный материал для изучения истории восприятия и сохранения арабского научного наследия в Европе. Таким образом, рукопись Абу-л-Фиды признаётся исключительным по своей ценности источником не только для изучения текстологической традиции сочинения Абу ал-Фиды, но и для реконструкции исторической географии Центральной Азии [Амирбекова и др., 2026].

Особое значение имеет для средневековой центральноазиатской истории исторический труд Абу-л-Фиды «Мухтасар тарих ал-башар» («Краткая история человечества») представлен в Ватиканской апостольской библиотеке в коллекции *Vaticani Arabici* (см. рис 2). Труд Абу-л-Фиды – это масштабная всеобщая история начиная от древности до первой четверти XIV века под номером

MS Vat. Ar. 269 [Vat. Ar. 269]. В отличие от многих классических авторов, рукописи Абу-л-Фиды попали в европейские собрания довольно рано – европейские гуманисты и ориенталисты XVI–XVII веков проявляли к его историко-географическим трудам огромный интерес. Книга Абу-л-Фиды также известная как «Тарих Абу-л-Фида» содержит существенные и источниковедчески ценные сведения, представленные через описание политического развития Хорезма, Мавераннахра, Дешт-и Кипчака и государств монгольской эпохи. Будучи универсальным историческим хронографом, охватывающим события от доисламской эпохи до 1329 года (729 г. х.), этот труд детально освещает военно-политические, династические и этнокультурные процессы в этих регионах, особенно в периоды Развитого и Позднего Средневековья.

Абу-л-Фида, опираясь на сочинения Ибн ал-Асира, Ибн Халликана и других средневековых историков, систематизирует сведения о мусульманских династиях и важнейших исторических событиях региона. При изложении домонгольского периода Абу-л-Фида рассматривает процессы исламизации Мавераннахра, политическую историю Саманидов, Караханидов и Хорезмшахов-Ануштегинидов, уделяя особое внимание возвышению Хорезма при Атсызе, Ил-Арслане, Текеше и Ала ад-Дине Мухаммаде II, а также их борьбе с Сельджуками, Каракитаями и Гуридами. Значительное внимание автор уделяет монгольскому завоеванию (1219–1221 гг.), подробно описывая падение крупнейших городов региона – Отрара, Бухары, Самарканда, Худжанда и Гурганджа, а также деятельность последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны, чье сопротивление монголам рассматривается как один из ключевых эпизодов истории региона.



Рис. 2. Biblioteca Apostolica Vaticana. Шифр: MS Vat. Ar. 269 – Абу-л-Фиды «Мухтасар тарих ал-башар» («Краткая история человечества»)

Важное место в хронике занимает Дешт-и Кипчак и история Улуса Джучи. Абу-л-Фида характеризует кипчакские племена как основу военной элиты Мамлюкского султаната и приводит сведения о правлении Бату, Берке, Менгу-Тимура, Токты и Узбек-хана. Особое внимание уделяется процессу исламизации Золотой Орды, завершившемуся утверждением ислама в качестве государственной религии при Узбек-хане, а также дипломатическим отношениям Джучидов с Мамлюкским Египтом и их противостоянию с Ильханами [Саркыткан и др., 2026]. Освещая историю Чагатайского улуса, Абу-л-Фида отмечает политическую нестабильность XIII – начала XIV вв., борьбу за контроль над Мавераннахром и постепенное восстановление экономической жизни Самарканда и Бухары, вновь ставших важными центрами международной торговли.

Таким образом, «Мухтасар тарих ал-башар» представляет собой важный исторический источник, позволяющий проследить политическую эволюцию Центральной Азии от эпохи мусульманских династий до монгольского периода. Труд Абу-л-Фиды не только обобщает сведения более ранних арабских и персидских авторов, но и содержит ценные свидетельства о политических

процессах конца XIII – первой трети XIV вв., отражая взаимосвязи Ближнего Востока, Золотой Орды и Чагатайского улуса.

Сочинение арабского историка Ахмеда ибн Арабшаха (1389–1450) «Аджаиб ал-макдур фи наваиб Тимур» (араб. عجائب المقدور في نوائب تيمور – «Чудеса предопределения в превратностях судьбы Тимура»), завершённое около 1435 г., посвящённое личности Амира Тимура и созданной им державе занимает особое место в средневековой историографии [Vat. Ar. 742]. Эта рукопись в коллекции 77 *Codices orient bibliotecae Vaticane* DCCXLII под шифром Vat. Ar. 742, также 984 и 1259 (см.рис.3). Произведение содержит обширный материал по политической, военной и культурной истории Центральной Азии, Ирана, Золотой Орды, Османского государства, Сирии и других регионов, оказавшихся в сфере тимуридской экспансии. Вместе с тем его следует рассматривать не как собственно тимуридскую придворную хронику, а как самостоятельное сочинение представителя арабской историографической традиции, сформировавшего критическую концепцию правления Тимура.

Исторические взгляды Ибн Арабшаха во многом определялись обстоятельствами его биографии. Он родился в Дамаске в 1389 г. и получил начальное образование в одном из крупнейших культурных центров Мамлюкского султаната. В 1401 г., после захвата Дамаска войсками Тимура, двенадцатилетний Ибн Арабшах вместе с членами семьи и другими жителями города был насильственно переселён в Самарканд. Данное событие оказало решающее влияние на последующее формирование его отношения к Тимуру. Проведя годы в столице империи, Ибн Арабшах изучил тюркский и персидский языки, познакомился со структурой государства и вернулся на Ближний Восток, обладая глубоким пониманием внутренней жизни Тимуридской державы. Позднее историк посетил ряд городов Центральной Азии, Восточного Туркестана и сопредельных областей. Накопленный им языковой и культурный опыт позволил использовать сведения, которые были недоступны многим арабским авторам. Благодаря знанию восточных языков Ибн Арабшах мог обращаться не только к арабским сообщениям, но также к персидской и тюркской устной и письменной традиции. Его осведомлённость о политических порядках, придворной среде, военном устройстве и этнокультурном составе государства придаёт труду особую источниковедческую ценность.

После смерти Тимура в 1405 г. Ибн Арабшах покинул Центральную Азию. В последующие годы он путешествовал по мусульманскому Востоку, некоторое время находился при дворе османского султана Мехмеда I, занимался литературной и переводческой деятельностью, а затем вернулся в Дамаск. Последний период его жизни был связан с Каиром, являвшимся ведущим центром арабской учёности мамлюкской эпохи. Таким образом, мировоззрение автора формировалось на пересечении нескольких культурных и политических пространств – арабо-мамлюкского, тюркского, персидского и центральноазиатского. Это обстоятельство отразилось как на содержании его сочинения, так и на способах интерпретации описываемых событий.

«Аджаиб ал-макдур фи наваиб Тимур» существенно отличается от официальных тимуридских хроник. Низам ад-Дин Шами и Шараф ад-Дин Али Йазди в своих версиях «Зафар-наме» стремились представить завоевания Тимура как закономерное проявление его политического величия и законной власти. Их труды создавались в придворной среде и были ориентированы на прославление правителя и его династии. Военные походы Тимура в них нередко изображались как победоносные деяния идеального государя, устанавливающего порядок и справедливость. Ибн Арабшах, напротив, оценивает те же события с позиций населения территорий, подвергшихся завоеванию, разорению и насильственным переселениям. Поэтому его произведение служит важным противовесом официальной тимуридской историографии и позволяет сопоставить различные версии политических и военных событий конца XIV – начала XV в.

Содержание сочинения охватывает происхождение и возвышение Тимура, борьбу за власть в Мавераннахре, формирование его государства, основные направления завоевательных походов, взаимоотношения с соседними правителями, а также обстоятельства смерти завоевателя. Значительное внимание уделяется походам в Хорезм, Иран, Закавказье, Индию, Золотую Орду, Сирию и Малую Азию. Арабшах подробно рассматривает противостояние Тимура с золотоордынским ханом Тохтамышем, военные действия против Османского государства, поражение султана Баязида I в битве при Анкаре в 1402 г., захват Дамаска и отношения Тимура с Мамлюкским султанатом. Эти сообщения представляют интерес для изучения международных отношений и военно-политического пространства Евразии на рубеже XIV–XV вв.



Рис. 3. Biblioteca Apostolica Vaticana. Шифр – Vat. Ar. 742 Ахмад ибн Арабшах. Аджаиб аль-макдур фи наваиб (фи ахбар) Таймур (араб. (عجائب المقدور في نوائب)في أخبار (تيمور

Важное место в произведении занимает описание Самарканда как столицы огромной державы. Ибн Арабшах сообщает о масштабном строительстве, возведении дворцов, мечетей, садов и общественных сооружений, а также о стремлении Тимура превратить город в политический и культурный центр империи. Особое внимание уделено насильственному переселению в Самарканд ремесленников, архитекторов, художников и учёных из покорённых стран. В столицу доставлялись мастера из Ирана, Хорезма, Азербайджана, Индии, Сирии и Малой Азии. Их знания и профессиональные навыки использовались при осуществлении крупных градостроительных проектов. Эти сведения позволяют рассматривать развитие Самарканда не только как результат покровительства Тимура архитектуре и ремёслам, но и как следствие целенаправленного перераспределения человеческих и материальных ресурсов завоёванных территорий.

Произведение содержит также ценные этнографические и биографические материалы. В нём представлены сведения о племенах и народах, входивших в состав Тимуридской державы или находившихся в зоне её политического влияния, об их обычаях, языках, занятиях и военных традициях. Ибн Арабшах приводит характеристики правителей, эмиров, военачальников, богословов и учёных, участвовавших в описываемых событиях. Некоторые сообщения восходят к личным наблюдениям Ибн Арабшаха, другие были получены от современников и очевидцев. Наряду с этим историк использовал письменные источники и устные рассказы, бытовавшие в арабской, персидской и тюркской среде.

Образ Тимура в произведении сложен и внутренне противоречив. С одной стороны, Ибн Арабшах изображает его жестоким завоевателем, ответственным за разрушение городов, массовую гибель населения и опустошение значительной части исламского мира. Автор подчёркивает коварство Тимура, его политическую расчётливость и беспощадность по отношению к противникам. С другой стороны, он не отрицает его выдающихся способностей: сильной воли, стратегического мышления, знания людей, умения организовать управление обширными территориями и поддерживать дисциплину в многоэтничной армии. В результате Тимур предстаёт не как однозначная фигура, а как правитель, в личности которого сочетались разрушительная жестокость и исключительный государственный талант.

В последующей арабо-мусульманской, османской и европейской историографии произведение Ибн Арабшаха оказало значительное влияние на формирование представлений о Тамерлане. Во многом именно через эту традицию в исторической литературе закрепился образ Тимура как

могущественного, умного и вместе с тем беспощадного завоевателя. Таким образом, «Аджаиб ал-макдур» является важнейшим источником не только по истории Центральной Азии и Ближнего Востока конца XIV – начала XV в., но и по истории формирования культурной памяти о Тимуре. Комплексное изучение этого памятника позволяет глубже понять механизмы создания империи, характер взаимодействия центра и покорённых территорий, последствия военных походов и особенности отражения исторической личности в различных историографических традициях.

Манускрипт географического сочинения Абу Абдаллаха ал-Идриси «*Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак*» (араб. نزهة المشتاق في اختراق الآفاق «Радость страстно желающего пересечь горизонты» / «Книга Рожера», 1154 г.) представлено в Ватиканской апостольской библиотеке в коллекции Vaticani Arabici (Арабский фонд Ватикана) под шифром MS Vat. Ar. 325, датировкой около 1300 года. [Vat. Ar. 325]. Труд был завершён в 1154 г. при дворе сицилийского короля Рожера II и стал результатом многолетнего сбора, систематизации и критического сопоставления географических сведений. При его составлении ал-Идриси использовал произведения античных и арабо-мусульманских авторов [Сборник..., 2005], сообщения путешественников, купцов и мореплавателей, а также данные, полученные в результате опроса информаторов.

В основу структуры сочинения положено деление обитаемого мира на семь климатов, каждый из которых подразделяется на десять продольных секций. Соответственно, текст сопровождается семьюдесятью секционными картами, образующими при соединении целостное изображение известного мира. В некоторых сохранившихся списках к ним добавлена круглая карта мира, вследствие чего количество картографических изображений может различаться. Карты ориентированы в соответствии с распространённой в средневековой арабской картографической традиции системой, при которой юг помещён в верхней части изображения, а север – в нижней. Этот принцип необходимо учитывать при интерпретации географических объектов и направлений.

Особое значение труд ал-Идриси имеет для изучения исторической географии Центральной Азии. В нём содержатся сведения о Хорезме, Мавераннахре и степных пространствах Евразии, приводятся названия городов, селений, рек, озёр, горных систем и торговых путей. Автор характеризует природные условия отдельных областей, расстояния между населёнными пунктами, хозяйственные занятия и особенности образа жизни населения. Географические описания дополняются этнографическими и социально-экономическими данными, благодаря чему произведение выходит за рамки обычного картографического свода и приобретает характер универсального страноведческого труда.

Значительный научный интерес представляют сообщения ал-Идриси о тюркских народах евразийских степей, в том числе о кимаках и кипчаках [Арабские, 2010]. Эти сведения позволяют исследовать направления их расселения, особенности политико-географического положения и связи с соседними областями. Вместе с тем содержащиеся в произведении этнонимы и топонимы требуют критического анализа, поскольку автор нередко объединял сведения, относящиеся к разным историческим периодам, а названия отдельных народов и территорий передавались в рукописной традиции в различных графических формах. Для идентификации упомянутых объектов необходимо сопоставлять текст ал-Идриси с произведениями других арабо-персидских географов, а также с данными археологии, нумизматики и исторической топонимики.

Особое место в сочинении занимает описание Хорезма как важного звена в системе трансконтинентальных торговых коммуникаций. Приведённые сведения дают возможность определить положение отдельных городов и поселений, установить направления сухопутных маршрутов, связывавших Хорезм с Мавераннахром, Хорасаном и степными территориями, а также охарактеризовать экономическое значение региона. В этом отношении труд ал-Идриси является ценным источником для реконструкции системы торговых, политических и культурных связей Центральной Азии XII в.

Сохранившиеся рукописные списки «Нузхат ал-муштак» различаются по полноте текста, количеству карт, художественному оформлению и особенностям передачи географических названий. Их сравнительное изучение позволяет проследить историю бытования произведения, выявить изменения, внесённые переписчиками, и установить характер трансформации картографической информации. Особую ценность имеют иллюстрированные кодексы, в которых текстовое описание непосредственно связано с картографическими изображениями. Карты выполняют не только декоративную, но прежде всего информационную функцию, визуально отражая пространственную концепцию ал-Идриси.

Таким образом, «Нузхат ал-муштак фи ихтирак ал-афак» является комплексным источником по исторической географии, картографии, этнографии и экономической истории средневекового мира. Его материалы имеют особую значимость для изучения Хорезма, Мавераннахра и Дешт-и Кипчака, поскольку позволяют уточнить представления средневековых авторов о границах регионов, размещении населённых пунктов, расселении тюркских народов и направлениях торговых путей. Сочетание текстовых описаний и картографического материала делает произведение ал-Идриси одним из важнейших памятников арабоязычной географической традиции XII в.

Ватиканской библиотеке хранятся фрагменты и отдельные тома «Муджам ал-буддан» («Словарь стран» *Mu'jam al-buldan* (араб. معجم البلدان)) Йакут ал-Хамави (1179 – 1229 гг.), зафиксированные ещё в XVIII веке ориенталистом Стефаном Еводием Ассемани под шифром MS Vat. Ar. 312 и MS Vat. Ar. 313, последующий том того же собрания (список XIV–XV веков) (см.рис.4). В каталоге Ассемани (*Bibliothecae Apostolicae Vaticanae codicum manuscriptorum catalogus*) эти списки описаны как части географического компендиума Йакута [Vat. ar. 312]. Эта фундаментальная географическая энциклопедия, которая из-за колоссального объёма оригинала (сочинение в полном виде занимает несколько томов) ватиканская коллекция содержит не единственный «сквозной» фолиант, а отдельные тома и списки из арабского фонда (*Vaticani Arabici*). Йакут лично посетил Мавераннахр и Хорезм незадолго до монгольского вторжения. Его словарь фиксирует наименования, топонимику, историю и состояние городов на пике их домонгольского расцвета.

«Му'джам ал-булдан» занимает значительное место в средневековой арабо-мусульманской научной традиции. Произведение представляет собой обширный энциклопедический свод географических названий, систематизированных в алфавитном порядке. В нём содержатся сведения о странах, городах, селениях, областях, реках, горах и других географических объектах, известных мусульманскому миру в Средние века. При составлении своего труда Йакут ал-Хамави опирался как на произведения предшествующих географов, историков и филологов, так и на сведения, полученные во время собственных путешествий [Халидов, 1985: 75]. Йакут уделял особое внимание правильному написанию и произношению топонимов, объяснению их этимологии и определению географического положения описываемых объектов. Географические данные в сочинении дополняются историческими сообщениями, биографическими сведениями, литературными цитатами, преданиями и описаниями социально-экономической жизни различных регионов.

Особую научную ценность представляют материалы «Му'джам ал-булдан» о Центральной Азии, включая Хорезм, Мавераннахр и сопредельные территории. Йакут описывает крупные культурные и торговые центры региона, в том числе Бухару, Самарканд, Мерв, Ургенч и другие города. Его сообщения содержат данные об административной принадлежности территорий, природных условиях, расстояниях между населёнными пунктами, хозяйственной деятельности населения и развитии научной жизни. Важны также упоминания об учёных, богословах, литераторах и государственных деятелях, происхождение которых было связано с городами Центральной Азии. Они позволяют реконструировать историческую географию региона, уточнить локализацию средневековых городов и населённых пунктов, а также исследовать торговые пути, культурные связи и политические процессы XII–XIII вв. Многие сведения Йакута приобретают исключительное значение в связи с разрушением ряда городов в период монгольских завоеваний.

В структурном отношении «Му'джам ал-булдан» построен по алфавитному принципу, что отличает его от большинства ранних арабских географических сочинений, в которых материал обычно излагался по регионам, климатическим поясам или маршрутам путешествий. Такая организация позволила Йакуту объединить в едином справочно-энциклопедическом труде большое количество топонимов и облегчить поиск сведений о конкретных географических объектах. В начале сочинения Йакут ал-Хамави рассматривает общие вопросы географии: представления о форме и размерах Земли, делении обитаемого мира на климатические пояса, происхождении географических названий и способах определения местоположения населённых пунктов. Значительное внимание автор уделяет лингвистической характеристике топонимов, он приводит варианты написания названий, разъясняет особенности их произношения, устанавливает происхождение отдельных географических терминов и указывает на распространённые ошибки переписчиков. Такой подход придаёт произведению особую ценность для исследований в области исторической топонимики, арабской филологии и текстологии. Во многих статьях географическое описание сопровождается

поэтическими цитатами, преданиями, историческими рассказами и биографическими сведениями о выдающихся уроженцах соответствующей местности.

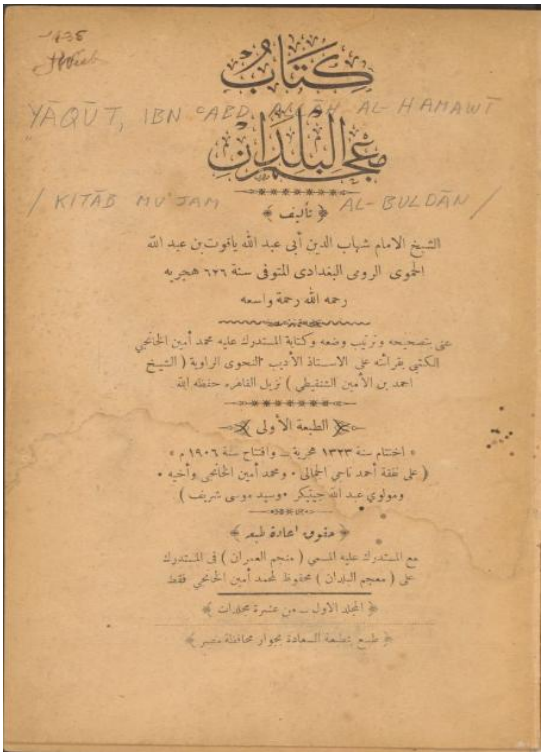


Рис. 4. Biblioteca Apostolica Vaticana. Шифр – MS Vat. Ar. 312 «Муджам ал-буддан» («Словарь стран» (араб. معجم البلدان)) Йакут ал-Хамави (1179–1229 гг.)

Источниковую основу «Му‘джам ал-булдан» составили сочинения античных и средневековых авторов, труды арабо-мусульманских географов, историков и филологов, официальные документы, устные сообщения современников, а также личные наблюдения самого Йакута ал-Хамави [Крачковский, 1957: 390]. Научный метод автора проявляется в стремлении сопоставлять различные свидетельства и отмечать существующие между ними расхождения. Вместе с тем содержание памятника отражает особенности средневековой историко-географической мысли: достоверные сведения в нём иногда сочетаются с легендарными сообщениями и традиционными представлениями эпохи. Поэтому использование материала сочинения требует критического анализа и сопоставления с данными других письменных и археологических источников.

Особую ценность труду придаёт то обстоятельство, что Йакут ал-Хамави был свидетелем политических потрясений начала XIII в. и располагал сведениями о населённых пунктах, подвергшихся разрушению в ходе монгольских завоеваний. В ряде случаев его описания сохранили информацию о городах и культурных центрах, впоследствии утративших прежнее значение или прекративших существование. Благодаря этому «Му‘джам ал-булдан» служит важным источником для реконструкции городской сети, исторической географии и культурного пространства Центральной Азии накануне монгольского нашествия.

Таким образом, труд Йакута ал-Хамави выходит далеко за рамки обычного географического словаря. Он представляет собой комплексную энциклопедию средневекового исламского мира, в которой географические сведения тесно связаны с историей, филологией, литературой, биографикой и этнографией. Изучение «Му‘джам ал-булдан» способствует более глубокому пониманию пространственных представлений средневековых мусульманских учёных и позволяет выявить место Хорезма, Мавераннахра и сопредельных территорий в политических, торговых и интеллектуальных связях Евразии.

Заключение. Таким образом, арабоязычные манускрипты Ватиканской апостольской библиотеки представляют собой значительный источниковый комплекс, отражающий интеллектуальное и культурное наследие средневекового мусульманского мира. Их содержание

охватывает широкий круг дисциплин, включая богословие, право, историю, географию, литературу, философию, филологию, медицину, астрономию и математику. Научная ценность этого собрания определяется не только его тематическим разнообразием, но и сохранностью отдельных рукописных списков, содержащих уникальные текстовые варианты, комментарии, маргиналии и картографические материалы.

Особое значение имеют сочинения арабских географов и путешественников. Их комплексный источниковедческий анализ позволяет реконструировать направления торговых путей, локализовать исчезнувшие города и поселения, уточнить границы средневековых государств и историко-географических областей. Содержащиеся в этих трудах сведения создают основу для изучения этнополитических процессов в Центральной Азии, включая расселение, миграции и трансформацию кипчаков, огузов, карлуков и кимаков. Они также способствуют более глубокому пониманию характера взаимодействия оседло-земледельческих центров Мавераннахра и Хорезма с номадическими сообществами Дешт-и Кипчака.

Исследование ватиканских арабоязычных рукописей имеет важное значение для текстологии, кодикологии, палеографии и истории науки. Сопоставление различных списков позволяет проследить процессы переписывания, редактирования, перевода и распространения знаний на пространстве от Западного Средиземноморья до Центральной и Южной Азии. Каталоги и цифровые коллекции Ватиканской библиотеки расширяют возможности доступа к этим материалам, однако значительная часть фонда по-прежнему требует систематического описания и междисциплинарного изучения. Следовательно, дальнейшее исследование арабоязычных манускриптов способно существенно дополнить представления об исторической географии, этнокультурных связях и интеллектуальной истории средневековой Евразии.

Источники

ВАБ – Ватиканская апостольская библиотека

Литература

Амирбекова и др., 2025 – *Амирбекова С.К. Масимханулы Д. Бегимбаева А.К.* «Мавераннахр и Хорезм в трудах арабских географов: историографический анализ западных исследований» // «Қазақстан шығыстануы» ғылыми журналы. 2025. № 4. Т. 16. С. 22–38. DOI https://doi.org/10.63051/kos.2025.4.22

Амирбекова и др., 2026 – *Амирбекова С.К., Саркыткан К., Дюсенов Б.* Историко-географические сведения о Хорезме и Мавереннахре в книге «Таквим аль-булдан» Абу аль-Фиды: на основе материалов Ватиканской версии // Казахстанское востоковедение. 2026. Т. 18 № 2. С. 118–135. DOI: https://doi.org/10.63051/kos.2026.2.118%20

Арабские, 2010 – Арабские географы и путешественники IX-XII вв. / Вступ.ст.,пер.с араб.,коммент.,тексты и факсимиле Б.Е.Кумеков, Р.Б.Кумекова. Отв.ред. А.К.Муминов. История Казахстана в арабских источниках. Арабские географы и путешественники IX-XIIвв. Т.2. Алматы: Дайк-Пресс, 2010. 328 с.

Коновалова, 2005 – *Коновалова И. Г.* Восточная Европа в арабской географии XII-XIV вв. [Электронный ресурс]: Дис. д-ра ист. наук: 07.00.03.2005. М.: РГБ (Из фондов Российской Государственной Библиотеки) web.archive.org, 2021 – Об Абуль Фиде. URL: https://web.archive.org/web/20060613024309 [Электронный ресурс] Дата обращения 20.09.2021.

Крачковский, 1957 – *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.-Л., 1957. 928 с.

Саркыткан и др., 2026 – *Саркыткан К., Масимханулы Д., Амирбекова С.К.* Географическое наследие Ибн Хаукаля: преемственность арабской картографической (балхи) школы и историко-географический образ Вольго-Каспийского региона // әл-Фараби ат. ҚазҰУ Хабаршысы. Шығыстану сериясы. 2026. Т. 117. № 2. С. 74–86. DOI: https://doi.org/10.26577/JOS202611726

Сборник..., 2005 – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Том 1. Извлечения из арабских сочинний, собранные В.Г.Тизенгаузеном. Подготовка к новому изданию, введение, дополнения и комментарии: Б.Е.Куменова, А.К.Муминова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 711 с.

Халидов, 1985 – *Халидов А.Б.* Арабские рукописи и арабская рукописная традиция / Отв. ред. О.Г. Большаков. М.: Наука ГРВЛ, 1985. 314 с.

Assemani, 1728 – *Assemani J.S.* Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana. Vol. I–IV. Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1719–1728. 2452 p.

Cersoy,1894 – *Cersoy P.* Les manuscrits orientaux de Monseigneur David, au Musée Borgia, de Rome // Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. Bd. 9. Weimar: Verlag von Emil Felber, S. 361–384.)

Levi, 1935 – *Levi Della Vida Giorgio.* Elenco dei manoscritti arabi islamici della Biblioteca Vaticana: Vaticani, Barberiniani, Borgiani, Rossiani. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, (Studi e Testi, 67).

Levi, 1965 – *Levi Della Vida Giorgio*. Secondo elenco dei manoscritti arabi islamici della Biblioteca Vaticana. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, (Studi e Testi, 242).

Mai, 1831 – *Mai Angelo*. *Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus edita ab Angelo Mai. Vol. IV, pars II: Catalogus codicum Bibliothecae Vaticanae Arabicorum, Persicorum, Turcicorum.* Roma. S. 485.

Rossi, 1953 – *Rossi E.* Elenco dei manoscritti turchi della Biblioteca Vaticana. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, 1953. XXII. 415 p.

Tisserant, 1924 – *Tisserant, E. Inventaire sommaire des manuscrits arabes du fonds Borgia à la Bibliothèque Vaticana* // Miscellanea Francesco Ehrle: scritti di storia e paleografia pubblicati sotto gli auspici di S. S. Pio XI in occasione dell'ottantesimo natalizio dell'E.mo Cardinale Francesco Ehrle. Vol. V: Biblioteca ed Archivio Vaticano. Biblioteche diverse. Roma: Biblioteca Apostolica Vaticana. P. 1–34 (Studi e Testi, 41).

Vat. ar. 266 – Vat. ar. 266. *Abu al-Fida*. Takwim al-buldan. // Fond Biblioteca Apostolica Vaticana. Bayrut. Dar Sadr. Bayrut. Dar Kutub al-Ilmiyya. 721 h. 1321. 540 p.

Vat. ar. 269 – Vat. ar. 266. *Abu al-Fida*. Mukhtasar tarikh al-bashar. // Fond Biblioteca Apostolica Vaticana. 729 h. 1329. 1112 p.

Vat. ar. 312 – Vat. ar. 312. Yaqut al-Hamawi. Mu·jam al-buldan.// Fond Biblioteca Apostolica Vaticana. 14th–15th sent. 7 vols. Bayrut. Dar Sadr. 1228. 3522p.

Vat. ar. 325 – Vat. ar. 325. Al-Idrisi. Nuzhat al-mushtag fi ikhtirag al-afag. // Fond Biblioteca Apostolica Vaticana. 2 vols. Bayrut. Alam al-Kutub. 839 h. 1154. 672 p.

Vat. ar. 742 – Vat. ar. 742. Ibn Arabshah Ahmad ibn Muhammad. ʻAja ib al-maqdur fi nawa ib Timur. Manuscript. // Fond Biblioteca Apostolica Vaticana. 14th–15th sent. 7 vols. Bayrut. Muassasat al-Risala.1435. 553 p.

Sources

VAB – Vatikanskaya apostol'skaya biblioteka [Vatican Apostolic Library]

References

Amirbekova i dr., 2025 – *Amirbekova S.K. Masimhanuly D. Begimbaeva A.K.* Maverannahr I Horezm v trudah arabskih geografov: istoriograficheskij analiz zapadnyh issledovanij [Maverannahr and Khorezm in the Works of Arab Geographers: a Historiographical Analysis of Western Research] «Qazaqstan shygystanuy» gylymi zhurnaly. 2025. № 4. T. 16. P. 22–38. DOI https://doi.org/10.63051/kos.2025.4.22

Amirbekova i dr., 2026 – *Amirbekova S.K., Sarkytkan K., Dyusenov B.* Istoriko-geograficheskie svedeniya o Horezme i Maverennahre v knige «Takvim al'-buldan» Abu al'-Fidy: na osnove materialam Vatikanskoj versii [Historical and geographical information about Khorezm and Maverennahr in the book “Takwim al-buldan” by Abu al-Fida: based on materials from the Vatican version]. Kazahstanskoe vostokovedenie. 2026. T. 18 № 2. P.118–135. DOI: https://doi.org/10.63051/kos.2026.2.118%20

Arabskiye, 2010 – Arabskiye geografy i puteshestvenniki IKh-KhII vv. [Arabic Geographers and Travelers of the 9th–12th Centuries]. /Vstup.st.,per.s arab.,komment.,teksty i faksimile B.E.Kumekov, R.B.Kumekova. Otv.red. A.K.Muminov. -Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh. Arabskiye geografy i puteshestvenniki IKh-KhIIvv. T.2. Almaty: Dayk-Press, 2010. 328 s. [in Russian]

Assemani, 1728 – *Assemani J.S.* Bibliotheca Orientalis Clementino-Vaticana [Bibliotheca Orientalis of Clementino-Vaticana]. Vol. I–IV. Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1719–1728. 2452 p.

Cersoy,1894 – *Cersoy P.* Les manuscrits orientaux de Monseigneur David, au Musée Borgia, de Rome [Les manuscrits orientaux de Monseigneur David, au Musée Borgia, de Rome]. // Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete. Bd. 9. Weimar: Verlag von Emil Felber, S. 361–384.)

Khalidov, 1985 – *Khalidov A. B.* Arabskiye rukopisi i arabskaya rukopisnaya traditsiya [Arabic Manuscripts and the Arabic Manuscript Tradition] / Otv. red. O.G. Volchakov. M.: Nauka GRVL, 1985. 314 s. [in Russian]

Konovalova, 2005 – *Konovalova I. G.* Vostochnaya Yevropa v arabskoy geografii XII-XIV vv. [Eastern Europe in Arabic Geography of the 12th–14th Centuries]. [Elektronny resurs]: Dis. d-ra ist. nauk: 07.00.03.-M.: RGB (Iz fondov Rossyskoy Gosudarstvennoy Biblioteki). (in Rus) web.archive.org, 2021 – Ob Abul Fide. https://web.archive.org/web/20060613024309/http://www.renaissance.com.pk/myletfor95.html [Elektronny resurs] Data obrashcheniya 20.09.2021. [in Russian]

Krachkovskij, 1957 – *Krachkovskij I.YU.* Arabskaya geograficheskaya literatura [Arabic Geographical Literature] // Krachkovskij I.YU. Izbrannye sochineniya. M.-L., 1957. S. 390.

Levi, 1935 – *Levi Della Vida Giorgio*. Elenco dei manoscritti arabi islamici della Biblioteca Vaticana: Vaticani, Barberiniani, Borgiani, Rossiani [List of Arabic-Islamic manuscripts in the Vatican Library: Vatican, Barberini, Borgiani, Rossiani]. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, (Studi e Testi, 67).

Levi, 1965 – *Levi Della Vida Giorgio*. Secondo elenco dei manoscritti arabi islamici della Biblioteca Vaticana [Second list of Arabic-Islamic manuscripts in the Vatican Library. Vatican City: Vatican Apostolic Library]. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana, (Studi e Testi, 242).

Mai, 1831 – *Mai Angelo.* Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus edita ab Angelo Mai [Scriptorum veterum nova collectio and Vaticanis codicibus edited by Angelo Mai]. Vol. IV, pars II: Catalogus codicum Bibliothecae Vaticanae Arabicorum, Persicorum, Turcicorum. Roma. S. 485.

Rossi, 1953 – *Rossi E.* Elenco dei manoscritti turchi della Biblioteca Vaticana. Città del Vaticano: Biblioteca Apostolica Vaticana [List of Turkish manuscripts in the Vatican Library]. 1953. XXII. 415 p.

Sarkytkan i dr., 2026 – *Sarkytkan K., Masimhanuly D., Amirbekova S.K.* Geograficheskoe nasledie Ibn Haukalya: preemstvennost' arabskoj kartograficheskoj (balhi) shkoly i istoriko-geograficheskij obraz Vol'go-Kaspijskogo regiona. [Geographical heritage of Ibn Haukal: continuity of the Arab cartographic (Balkhi) school and the historical and geographical image of the Volga-Caspian region]. al Farabi at.QazYU Habarshysy. Shygystanu seriyasy. 2026. Tom 117. № 2. P. 74-86. DOI: https://doi.org/10.26577/JOS202611726

Sbornik... 2005 – Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde]. Tom 1. Izvlecheniya iz arabskikh sochinny, sobrannye V.G.Tizengauzenom. Pod redaktsiyey: B.E.Kumenova, A.K.Muminova. Almaty: Dayk-Press. 711s. [in Russian]

Tisserant, 1924 – *Tisserant E.* Inventaire sommaire des manuscrits arabes du fonds Borgia à la Bibliothèque Vaticana [Inventory of Arabic manuscripts from the Borgia collection at the Vatican Library]. // Miscellanea Francesco Ehrle: scritti di storia e paleografia pubblicati sotto gli auspici di S. S. Pio XI in occasione dell\'ottantesimo natalizio dell\'E.mo Cardinale Francesco Ehrle. Vol. V: Biblioteca ed Archivio Vaticano. Biblioteche diverse. Roma: Biblioteca Apostolica Vaticana. P. 1–34 (Studi e Testi, 41).

Vat. ar. 266 – Vat. ar. 266. Abu al-Fida. Takwim al-buldan [The Ordering of Countries]. Fond Biblioteca Apostolica Vaticana. Bayrut. Dar Sadr. Bayrut. Dar Kutub al-Ilmiyya. 721 h. 1321. 540 r.

Vat. ar. 269 – Vat. ar. 266. Abu al-Fida. Mukhtasar tarikh al-bashar [A Brief History of Mankind]. // Fond Biblioteca Apostolica Vaticana. 729 h. 1329. 1112 r.

Vat. ar. 312 – Vat. ar. 312. Yaqut al-Hamawi. Mu,jam al-buldan [Dictionary of Countries]. Fond Biblioteca Apostolica Vaticana. 14th–15th sent. 7 vols. Bayrut. Dar Sadr. 1228. 3522r.

Vat. ar. 325 – Vat. ar. 325. Al-Idrisi. Nuzhat al-mushtag fi ikhtirag al-afag[Entertainment for the Exhausted from Traveling Through Regions]. Fond Biblioteca Apostolica Vaticana. 2 vols. Bayrut. Alam al-Kutub. 839 h. 1154. 672 r.

Vat. ar. 742 – Vat. ar. 742. Ibn Arabshah Ahmad ibn Muhammad. , Aja ib al-maqdur fi nawa ib Timur [Miracles of Predestination in the Vicissitudes of Timur's Fate]. Manuscript. Fond Biblioteca Apostolica Vaticana. 14th–15th sent. 7 vols. Bayrut. Muassasat al-Risala.1435. 553 p.

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1032–1043
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1032-1043

TOPONYMS IN KAZAKH EPICS: HISTORICAL, TOPONYMIC AND ETHNOCULTURAL ANALYSIS (BASED ON THE POEM "KOBYLANDY BATYR")

Aknur Orazgalievna Koshymova[1], *Mendigul Sagatovna Nogaibaeva*[2]

[1] Al Farabi Kazakh National University
(h.71, al–Farabi str., 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD, acting associate professor
https://orcid.org/0000-0003-3466-2216 E-mail: akosh.kno@gmail.com

[2] Al Farabi Kazakh National University
(h.71, al–Farabi str., 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Science, associate professor
https://orcid.org/0000-0003-4093-1435 E-mail: nmendigul@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Koshymova A.O., Nogaibaeva M.S., 2026

Abstract. *Introduction*. The article considers the place names in the epic poem «Kobylandy batyr» as an important source of information that reveals the historical, geographical, socio-political and ethnocultural content of the epic space. *The main object* of the study is the role of Kyrly Kala, Syrly Kala, Bes Agash, Karaspan and other toponyms found in the epic in shaping the historical space. These epic toponyms are considered not only as artistic and spatial symbols, but also as evidence that preserves historical memory, concepts of ethnic territory, and political power relations. *The relevance of the study* is determined by the diversity of scientific opinions regarding the determination of the historical and geographical location of the cities of Kyrly and Syrly and their significance in explaining the historically multi-layered nature of the epic. *The purpose* of the study is to determine the function of toponyms such as the cities of Kyrly, Syrly, and Bes Agash in epic space and to conduct a comparative analysis of scientific conclusions regarding their historical localization. In accordance with this goal, the *tasks* were set to determine the connection of cities with socio-political and ethnic space, analyze the localization hypotheses of researchers, and compare them with archaeological and historical data. *Research methods:* historical-comparative, historical-toponymic, historical-geographical and spatial analysis methods were used. *Conclusion:* It is not enough to limit the cities of Kyrly and Syrly to one specific object; it is appropriate to consider them as multi-layered spatial markers preserved in the historical memory of the epic.

Keywords: poem «Koybalyndy batyr», place names, toponyms, Kyrly Kala, Syrly Kala, ethnic territory, epic space, Zangar Kala, historical memory.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the grant financing project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan 2024-2026 «Medieval toponymy in the aspect of the formation of the ethnic territory of the Kazakh people» (Registration number №AP23488984).

For citation: Koshymova A.O., Nogaibaeva M.S. Toponyms in Kazakh Epics: Historical, Toponymic and Ethnocultural Analysis (based on the poem “Kobylandy batyr”) // Otan tarikhy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1032–1043. [in Engish]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1032-1043

ҚАЗАҚ ЖЫРЛАРЫНДАҒЫ ЖЕР-СУ АТАУЛАРЫ: ТАРИХИ-ТОПОНИМИКАЛЫҚ ЖӘНЕ ЭТНОМӘДЕНИ ТАЛДАУ («ҚОБЫЛАНДЫ БАТЫР» ЖЫРЫ НЕГІЗІНДЕ)

Акнур Оразгалиевна Кошымова[1], Мендигуль Сагатовна Ногайбаева[2]

[1] әл-Фараби атындағы ҚазҰУ
(71-үй, әл-Фараби даңғылы, 050040, Алматы, Қазақстан Республикасы)
PhD, доцент м.а.
https://orcid.org/0000-0003-3466-2216 E-mail: akosh.kno@gmail.com

[2] әл-Фараби атындағы ҚазҰУ
(71-үй, әл-Фараби даңғылы, 050040, Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
https://orcid.org/0000-0003-4093-1435 E-mail: nmendigul@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Кошымова А.О., Ногайбаева М.С., 2026

Аңдатпа. *Kipicne.* Мақалада «Қобыланды батыр» жырындағы жер-су атаулары эпикалық кеңістіктің тарихи-географиялық, әлеуметтік-саяси және этникалық шекара мазмұнын танытатын маңызды дерек көзі ретінде қарастырылады. *Зерттеудің негізгі нысаны* – эпоста кездесетін Қырлы қала, Сырлы қала, Бес ағаш, Қараспан және басқа да топонимдердің тарихи кеңістікті қалыптастырудағы қызметі. Бұл эпикалық топонимдерді тек көркемдік-кеңістік белгілер ретінде емес, тарихи жадыны, этникалық территория туралы түсініктерді және саяси билік қатынастарын сақтайтын дерек ретінде қарастырылады. *Зерттеудің өзектілігі* Қырлы және Сырлы қалаларының тарихи-географиялық орнын анықтауға қатысты ғылыми пікірлердің әртүрлі болуымен және олардың эпостың тарихи көпқабатты табиғатын түсіндірудегі маңызымен айқындалады. *Зерттеудің мақсаты* – Қырлы, Сырлы қалалары мен Бес ағаш сияқты топонимдердің эпикалық кеңістіктегі қызметін анықтап, олардың тарихи локализациясына қатысты ғылыми тұжырымдарды салыстырмалы талдау. Осы мақсатқа сәйкес қалалардың әлеуметтік-саяси және этникалық кеңістікпен байланысын айқындау, зерттеушілердің локализациялық гипотезаларын саралау және археологиялық-тарихи деректермен салыстыру *міндеттері* қойылды. Зерттеу әдістері: тарихи-салыстырмалы, тарихи-топонимикалық, тарихи-географиялық және кеңістіктік талдау әдістері қолданылды. *Қорытынды:* Қырлы және Сырлы қалаларын бір ғана нақты нысанмен шектеу жеткіліксіз; оларды эпостың тарихи жадында сақталған көпқабатты кеңістіктік маркерлер ретінде қарастыру орынды.

Түйін сөздер: «Қобыланды батыр» жыры, жер-су атаулары, топонимдер, Қырлы қала, Сырлы қала, этникалық территория, эпикалық кеңістік, тарихи жады.

Алғыс айту. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің №AP23488984 «Қазақ халқының этникалық территориясының қалыптасу аспектісіндегі ортағасырлық топонимика» атты ғылыми-зерттеу жобасы аясында дайындалды

Дәйексөз үшін: Кошымова А.О., Ногайбаева М.С. Қазақ жырларындағы жер-су атаулары: тарихи-топонимикалық және этномәдени талдау («Қобыланды батыр» жыры негізінде) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1032–1043-бб. [ағылшын тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1032-1043

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В КАЗАХСКИХ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ: ИСТОРИКО-ТОПОНИМИЧЕСКИЙ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭПОСА «КОБЫЛАНДЫ БАТЫР»)

Акнур Оразгалиевна Кошымова[1], *Мендигуль Сагатовна Ногайбаева*[2]

[1] КазНУ им. Аль-Фараби
(Республика Казахстан, Алматы, аль-Фараби, 71. 050040)
PhD, и.о. доцента
https://orcid.org/0000-0003-3466-2216 e-mail: akosh.kno@gmail.com

[2] КазНУ им. Аль-Фараби
(Республика Казахстан, Алматы, аль-Фараби, 71. 050040)
Кандидат исторических наук, асс.профессор.
https://orcid.org/0000-0003-4093-1435 e-mail: nmendigul@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Кошымова А.О., Ногайбаева М.С., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье географические названия, зафиксированные в эпосе «Кобыланды батыр», рассматриваются как значимый источник, раскрывающий историко-географическое, социально-политическое и этнотерриториальное содержание эпического пространства. *Основным объектом исследования* является роль топонимов, представленных в эпосе (Кырлы кала, Сырлы кала, Бес агаш, Караспан и др.), в конструировании исторического пространства. Данные эпические топонимы рассматриваются не только как художественно-пространственные маркеры, но и как источник, сохраняющий историческую память, представления об этнической территории и отношения политической власти. *Актуальность исследования* определяется разнообразием научных мнений относительно определения историко-географического местоположения городов Кырлы и Сырлы и их значения для объяснения исторически многослойного характера эпоса. *Цель исследования* – определить функции топонимов Кырлы кала, Сырлы кала и Бес агаш в эпическом пространстве и провести сравнительный анализ научных положений, касающихся их исторической локализации. В соответствии с указанной целью поставлены следующие *задачи*: выявить связь городов с социально-политическим и этническим пространством, дифференцировать локализационные гипотезы исследователей и сопоставить их с археологическими и историческими данными. В исследовании использовались следующие *методы*: историко-сравнительный, историко-топонимический, историко-географический и пространственный анализ. *Заключение:* недостаточно ограничивать города Кырлы и Сырлы одним конкретным объектом; более целесообразно рассматривать их как многослойные пространственные маркеры, сохранившиеся в исторической памяти эпоса.

Ключевые слова: эпос «Кобыланды батыр», географические названия, топонимы, Кырлы кала, Сырлы кала, этническая территория, эпическое пространство, историческая память.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан 2024-2026 гг. «Средневековая топонимика в аспекте формирования этнической территории казахского народа» №AP23488984

Для цитирования: Кошымова А.О., Ногайбаева М.С. Географические названия в казахских эпических сказаниях: историко-топонимический и этнокультурный анализ (на материале эпоса «Кобыланды батыр») // Отан тарихы. 2026. Т. 29. №3. С. 1032–1043. [на англ.яз.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1032-1043

Introduction. In recent years, the attitude towards epic texts has changed significantly due to the development of historical toponymy and historical geography. In international historiography, folklore texts have begun to be considered as an important source for reconstructing cultural landscapes, historical memory, and ethnic space. This approach demonstrates the need for a new scientific methodological approach to the study of place names in the Kazakh epic heritage.

In this regard, in our study, we seek to consider the poem «Kobylandy Batyr» among the Kazakh heroic epics as one of the important spiritual sources that has preserved the historical memory, ethnocultural experience, socio-political concepts, and worldview of the people. In an epic text, historical events and figures are not only artistically reinterpreted, but also the features of a specific historical and geographical environment are preserved. From this perspective, the names of places, settlements, mountains, rivers, lakes, and cities can be considered not only additional elements of the epic narrative, but also an important layer of evidence that reveals the people's understanding of historical space. This nature of toponyms indicates the need to study them in conjunction with the issues of historical geography, historical toponymy, archaeology, and ethnic history.

The poem «Kobylandy Batyr» is of particular scientific interest in this regard. The epic has been preserved in oral tradition for centuries, re-sung in each historical period, and supplemented with new historical and political content. B. Abzhet's research examines the development of the poem from archaic epic to heroic epic, the features of its revival during the Deshti-Kipchak, Golden Horde, Nogai era, and the Kazakh Khanate, and shows the interweaving of events and figures from different historical periods in one epic text. The researcher associates this phenomenon with the historical integrity of the epic and the features of historical anachronism [Abzhet, 2024: 59-73].

This is the relevance of the research topic. Until now, the toponyms in the poem "Kobylandy batyr" have been considered mainly from a literary-folklore, historical-etnographic or individual toponymic perspective. However, the study of the names of cities and places in the poem in a unified system with issues of historical geography, archeology, and ethnic territory, especially the comparison of various localization hypotheses within a single methodological framework, has not yet been sufficiently developed as a full-fledged object of research. Similarly, the ability of epic toponyms to identify the historical layers of a poem also requires special analysis.

In this regard, the purpose of the study is to determine the historical, geographical and socio-political content of the names of places and cities in the poem "Kobylandy batyr", to compare scientific opinions regarding the historical localization of the cities of Kyrly and Syrly, and to assess the documentary potential of epic toponyms in the reconstruction of historical space.

To achieve this goal, the study set several tasks: first, to identify the toponyms Kyrly Kala, Syrly Kala, Bes Agash, Karaspan, etc. in the versions of the poem and analyze their function in the text; second, to compare the main conclusions of domestic researchers regarding these names from a historical and methodological perspective; third, to determine the connection of toponyms with ethnic and socio-political space.

Thus, the study of the issue of the cities of Kyrly and Syrly in the epic "Kobylandy Batyr" is not limited to determining the location of a specific city. It allows us to explain the mechanisms of formation of historical space preserved in epic texts, the changing concepts of ethnic territory, and the peculiarities of the accumulation of historical memory of each era into a single heroic plot. Therefore, epic toponyms should not be considered passive geographical signs that represent the past space of a people, but active sources that preserve the multi-layered structure of historical memory, ethnopolitical relations, and cultural space.

Materials and methods. The main material of the research is several text versions of the poem "Kobylany Batyr" published in the "Babalar sozi" series (Mergenbay Zhyrau version, Kazan version, N. Baiganin's version, E. Yeshimov and A. Divaev) (Babalar sozi 2006), domestic scientific works that considered the historical-geographical and toponymic space of the epic, as well as the results of archaeological research in the lower reaches of the Syrdarya River and the Inkaradriya region. The multivariate nature of the epic was considered an important prerequisite for the research methodology, since in different versions the composition of place names, their frequency of use, place in the text, and semantic function may vary.

Thus, the data corpus of the study is formed, on the one hand, by the texts of the poem "Kobylandy batyr" and its scientific publications, and, on the other hand, by the historical-geographical, toponymic and archaeological conclusions presented in the works of A.Kh. Margulan [Margulan, 2007], S. Zholdasbayuly [Zholdasbayuly, 1996], S. Kondybai [Kondybai, 2017], Zh. Artykbev [Artykbayev, 2007] and M. Yeleuov [Yeleuov, 2023].

In addition, the scientific conclusion of the article "Motives common to Turkic people in Kazakh Toponym legends" by G.Tuyakbaev, S. Taiman and Zh Botabaev, published in the journal "Milli Folklor" and indirectly corresponding to this topic, is interesting: a toponym is the only form of a historical event, even if it does not fully describe it, preserved in the collective memory of that event [Tuyakbaev, Taiman,

Botabaev, 2023]. Therefore, we believe that the specific place names described in the poem “Kobylandy batyr” under consideration are a unique work that shows what sigificance they had in the memory of the people who lived in that space.

The study used several complementary methods. First, the historical-comparative method was used. With its help, place names in the epic text were compared with the ethnopolitical and cultural space of different historical periods. This method made it possible to explain the reasons for the simultaneous use of toponyms related to the Kypchak, Oghuz, Nogai and later historical and political layers in the text and to determine the historical multi-layeredness of the epic. The next method, which was the main focus of the research, is the historical-toponymic method. It analyzed the semantic structure of toponyms, the geographical terms and natural features they contain, as well as their function in defining historical space. For example, the name Bes agash (5 trees) was considered from the perspective of the combination of a numerical component and the name of a natural object, and its function as a route guide in the epic text was determined. Similarly, the names Kyrly and Syrly were considered in the context of their use as a “twin city”. Third, an archaeological-comparative method was used. The structural characteristics of the cities in the epic were compared with the topography, fortification systems, and settlement areas of archaeologically studied towns. In this regard, the descriptions of the cities of Kyrly and Syrly in the poem were compared with medieval monuments along the lower reaches of the Syrdarya and the Inkardarya, and the possible correspondence of the Syrlytam and Zangarkala complexes with the epic “twin city” model was considered. The following is a method of historical-geographical and spatial analysis – location of toponyms relative to each other, connection with natural objects, river valleys, ancient channels, mountain and onus systems were taken into account. Among the important research methods, landscape-onomastic analysis, that is, analysis of landforms, water sources, hills, mountains, valleys, and other landscape features, in turn, allowed us to draw certain conclusions. In particular, when analyzing the Mangystau version proposed by S. Kondybay, the possible connection of names such as “iir tau”, “suir tau”, Kotan, Akmaya, Aiyrtuyie in the poem with local natural objects was considered based on this method.

Thus, the methodological basis of the study is based on the interdisciplinary integration of folklore studies, historical toponymy, historical geography, archeology, and spatial analysis methods. These approaches allow us to consider the names of places and bodies in the poem “Kobylandy Batyr” not only as elements of the literary text, but also as important data on the formation of historical space and its preservation in epic memory.

Discussion. The multi-layered nature of the epic also affects its spatial structure. The juxtaposition of ethnopolitical names such as Kypchak, Nogaily, Kyzylbas, Kalmyk, and various historical and geographical objects in the poem indicates that the epic space does not belong to a single historical period. Therefore, it is not enough to mechanically identify the toponyms in the poem “Kobylandy Batyr” with geographical features on modern maps. They must be compared, on the one hand, through the context of their use in the text and their connection with other names, and, on the other hand, with archaeological, historical and geographical data.

This problem is especially evident in the names Kyrly Kala and Syrly Kala found in the poem. In the epic text, these two cities are mentioned together with the concept of “Nogayli's land”, and acquire a political-territorial character through Kazan’s capture of them and subsequent placement of power structures. In this plot, cities are seen not simply as settlements, but as structural elements of a particular ethnopolitical space.

Several directions have been developed in the scientific literature regarding the historical and geographical location of the cities of Kyrly and Syrly. A number of studies link them to the urban culture of the Oghuz-Kipchak era in the lower reaches of the Syrdarya River. In this regard, S. Zholdasbayuly’s conclusions, based on comparing the characteristics of cities with the archaeological and fortification features of medieval cities along the Syr River, are important [Zholdasbayuly, 1996: 104-105].

Later, archaeological research led by M. Eleuov clarified the topography, structure, and chronology of the monuments of Syrlytam and Zangarkala, located between the northern and southern channels of the Inkardarya, and considered the possibility of comparing them with the cities of Kyrly and Syrly in the poem [Ortagasyrlyk Kyshkala, 2023]. This direction is distinguished by its ability to connect the information in the epic text with the archaeological space.

A second direction regarding the localization of cities connects the epic space along the Irtysh. From this perspective, Zh. Artykbayev suggests that the location of the city of Kyrly on the bank of a river, its defensive system, and, in particular, the description associated with Syrly City support the hypothesis that

these settlements were located along the Irtysh. As he notes, “the ettlements known as Syrly City exists on the left bank of the Irtysh, while Kyrly City, according to this description, must have been one of the Oghus cities located along the great Irtysh: ‘One side of the city of Kyrly lies on the water’s edge’. It is possible that the reference is to one of the settlements situated on the right bank of the Irtysh opposite Syrly City, such as Kara City” [Artykbaev, 2017].

The third direction is reflected in the research of S. Kondybay. The scientist connects the plot and toponymic materials related to the Kyrly-Syrly cities with the historical and landscape space of Mangystau, drawing attention to the similarities between local microtoponyms, natural objects, and historical legends. Its methodological distinctiveness lies in his attempt to reconstruct the interrelationship among mountains, valleys, water bodies, and other landscape features surrounding the epic toponym, rather than considering the place-name in isolation. This approach allows us to interpret the epic space through local historical memory and landscape [Kondybay, 2022].

In addition, A. Margulan’s historical and geographical comments on the poem “Kobylandy Batyr” also expand the historiographical scope of this issue. The researcher examined the Kazakh epic heritage in connection with archaeological, historical, and geographical materials. It is impossible not to mention the researcher's opinion that connects the mysterious city, which appears in the plot of “Kobylandy Batyr”, with the medieval Bulgars on the Volga [Margulan, 2007: 351-363].

The diversity of these scholarly opinions does not mean that the problem is unresolved. On the contrary, each of them forms its own methodological approach to reconstructing epic space. S. Kondybai on microtoponyms and landscape features, S. Zoldasbayuly on archaeological and historical-cultural comparison, M. Eleuov on field archeology and spatial data, Zh. Artykbaev on route toponyms, and A. Margulan prioritizes the broad geographical context. From this point of view, it is reasonable to consider their opinions not as “five different places” of the same toponym, but as different methodological models of epic space reconstruction.

Results. Toponyms in the poem “Kobylandy batyr” do not only form the geographical background of epic events. They serve as an important semantic tool that determines the hero's homeland and the external space where he travels, his settlements and migration routes, the relationship between khanate power and community interests, as well as the presentation of the concepts of “own” and “foreign” in the epic model. In this sense, the study of place names in the poem from the perspective of historical toponymy should not be limited to identifying them with points on a modern map. It is necessary to simultaneously consider the social, political, and ethnic context of the toponym in the text.

This issue is directly related to the multi-variant nature of the epic “Kobylandy Batyr”. Research shows that dozens of versions of the poem have survived, and there are differences between them in terms of plot, character system, and historical layers. O. Nurmagambetova’s study “Kazakh heroic epic “Kobylandy batyr”, published in 2003, also examines various versions of the epic and their textual features [Nurmagambetova, 2003]. Therefore, the ethnic and political space in the poem should be interpreted not as a direct reflection of a single historical period, but as a space of epic memory that has been supplemented and reinterpreted in each era.

Karaspan is the main toponymic marker of “one’s” space. One of the most important spatial signs in the poem is Karaspan. Zh. Dauletbekova’s research shows that Kobylandy, having said goodbye to the dense Kypchak people who inhabited the Karaspan mountain, moved in the direction of Atasu, Manashy, Shalkar-kol, Mugalzhar, Zhem and Temir [Dauletbekova, 2013: 80-83].

In this context, it is insufficient to regard the toponym Karaspan merely as a geographical point of reference. In the poem, Karaspan is seen as a place associated with the socio-ethnic community of the hero. That is, we believe that its semantic structure can be conditionally described as: Karaspan – settlement – Kypchak land – nativee environment – “own” space.

“My summer pasture is Kozdykol,
My winter pasture is Karaspan” [Babalar sozi, 2007: 92].

Kozdykol is the name of a lake. It is located in the Aktobe region.

Here, the social content of the toponym is special. Karaspan is not only the hero’s place of birth; it is also the homeland of the “numerous Kipchak” community he leaves behind. Therefore, the hero's expedition is interpreted not only as a journey of an individual hero, but as an action aimed at protecting the security and interests of a certain community. In this sense, Karaspan serves as a spatial marker of ethnic identity in the

poem. The presentation of the ethnonym “Kypchak” and the toponym Karaspan in the same spatial context strengthens the connection of the ethnic community with a specific place.

A. Margulan, in his analysis of the poem “Kobylandy batyr”, expresses his opinion regarding the location of this place as follows: “The Karaspan mountain mentioned in the poem is one of the names of the Karatau mountain, which lies to the south of Shymkent. According to an old story, in poems, instead of Karatau, Karaspan mountain is often mentioned. It has long been known in history that this place, as the poem says, was once a settlement of the Kypchak people (10-16 centuries). Kobylandy also set off from Karaspan mountain to the city of Kazan, and when returning from a campaign, he returned to Karaspan mountain. Although Kobylandy is called “the hero of Tokhtamysh Khan”, the poem does not mention anything about the Horde on the Volga, as in the poem of Edyge. Judging by this, Kobylandy must have been far from the Horde, in the midst of the dense Kypchaks. This can also be seen in the poem” [Margulan 2007: 356-357].

S. Kondybay, in turn, gives a similar opinion: “When researchers consider the toponym “Karaspan” in the poem, they associate it with the toponym of the same name in the Turkestan region. ... Thus, throughout the 18th century and the first quarter of the 18th century, the historical situation when all Kazakhs were concentrated in the Karatau-Turkestan, Tashkent-Jizag, Nurata-Kermine regions is not taken into account. Here, it can be assumed that at the indicated time, the Kypchaks among the Kazakhs lived in the Karaspan region near Turkestan. Only by the middle of the 18th century did they begin to settle in the Torgai-Kostanai region. Therefore, if not in the 18th century, then in the 19th century, a “legendary fact” was formed among the Kypchaks that “they used to live in Karaspan”. The epic tradition incorporated this legendary evidence in the poem “Kobylandy”, and as a result, the concept of “Karaspan - the wintering place of Kobylandy” became an established epic convention” [Kondybay, 2022].

In the 36th volume dedicated to the poem “Kobylandy Batyr”, collected in “Babalar Sozy”, we find information related to this in the special commentary on place names: “Karaspan is a settlement in the Middle Ages. Its current location is located 2 kilometers south of the village of Obruchevka, Ordabasy district, South Kazakhstan region. The Karaspan region was specially studied by N.P. Ostroumov in 1898, and by the South Kazakhstan archaeological expedition in 1948. It was discovered in 1980 by an archaeological expedition team from the former Shymkent Pedagogical Institute”. The settlement is described as follows. And, it is said that “Karatau is a medium and low mountain range in the steppes of Eurasia inhabited by Turkic-speaking peoples. It is called so because there is no snow cover on Karatau in the summer months. The name Karatau is often found in Central Asia, the Southern Urals, etc. in the territory of Turkic-speaking countries (Turkey, Iran, the Caucasus, Crimea, etc.). In Kazakhstan, there is the Karatau Range (in the territory of South Kazakhstan, Zhambyl and Kyzylorda regions), the Karatau Mountains (in Mangystau), and the Ketpen (Uzynkora) Range” [Babalar sozi, 2006 (3): 469].

So, this is the time when Kobylandy was between the Urals and Karatau, around 1430. At this point, Kobylandy was already a seasoned and experienced warrior. Therefore, the other warriors preparing to set out for the city of Kazan come to him first. For example:

There is a country of the Kypchaks,
who live on the Karaspan mountain,
There is a man named Kobylandy.
He will settle on foot,
If he goes, let's take him with us...
He will discuss many things,
At the foot of the Karaspan mountain,
Karaman, who came and settled
With a heavy army...

“Numerous Kipchak” here represents the structure of ethnic space. That is, one of the most obvious indicators of ethnic space in the poem “Kobylandy Batyr” is the ethnonym Kipchak. The text of the Maraba version uses the phrase: “A land of many Kipchaks, a land of many people”. The later part of the poem describes Kobylandy's return to Karaspan Mountain with the spoils of Kazan and the landing of “a land of many Kipchaks, a land of many people” on Lake Azuly. [Babalar sozi, 2006 (2)].

Here, the ethnonym and toponym are interconnected, forming a certain ethno-territorial model: Kipchak – Karaspan – Azuly – settlement – country.

That is, an ethnic community is recognized not only by an abstract name, but also by specific spatial objects. This has an important scientific meaning. In the epic text, ethnic unity and territory are inseparable: the existence of a country is connected with its location in a certain space. Names such as Karaspan and Azuly in this sense become spatial markers of the "Kipchak country". However, the concept of "Kipchak" here cannot be equated with the concept of a unified nation in the modern ethnic sense. The socio-political content of the names "Kypchak", "Nogai", "Kazakh" changed in each of the historical periods in which the epic was formed. Therefore, it is better to consider the ethnic names in the poem as a layering of medieval tribal, political and ethnocultural identities.

Lake Azuly in the poem describes the space of return and political and social stabilization. That is why this lake appears as a special meaningful object in the poem. After liberating the country from the enemy, Kobylandy returned to Karaspan, and many Kipchaks settled on Lake Azuly. The poem describes the reestablishment of the country, which had previously been in the hands of the enemy, and the increase in the wealth of the people [Babalar sozi, 2006(3)].

In this episode, the function of the toponym is special: Azuly – settlement – gathering of the country – social recovery – external stability. Azuly, sometimes also called Azauly. This is how the former nomadic Kipchak tribes called the Sea of Azov [Babalar sozi, 2006(1): 319].

Thus, Lake Azuly becomes a symbolic point of the restoration of ethnic space. Such a construction reflects an important law of epic space: the capture of the enemy is the loss of space, and the victory of the hero is the return of that space to the people.

Therefore, it is not enough to explain the military conflict in the poem "Kobylandy Batyr" as a war between two heroes or two khans. Its ultimate content is the protection of the homeland, social integrity, and spatial independence of the country.

To explain the socio-political function of toponyms in the poem, space can be divided into two large categories: "Own space" – the lands of Karaspan, Azuly, the Kypchaks, the settlements of the country, the hero's birthplace; and "Foreign space" – the space related to Kazan, the city ruled by Alshagyr, settlements in enemy hands, the regions related to the "redheads" in the poem and other opposing forces.

This contrast forms the ethnic border in the poem. But the ethnic border here is not a modern state border. It is a socio-cultural border between "the space that belongs to us" and "the space occupied by an alien force". That is, the main sign of the epic ethnic border is not an administrative line, but the concepts of common settlement, kinship, homeland, political loyalty, and security. This feature also corresponds to the spatial organization of nomadic society. In a nomadic environment, territory is defined by grazing, settlement, migration routes, and zones of political influence rather than by fixed state borders.

The scholar Sh. Ualikhanov, who paid special attention to the epic poems and devoted himself to their comprehensive study, describes them as "an encyclopedic collection of all folk tales, stories and legends, as well as concepts about geography, religion and ritual customs, grouped around the hero" [Valikhanov, 1961: 220-227]. In his research, A. Margulan, in addition to revealing some of the hidden aspects of the hero poems, emphasizes the need to view them as historical documents [Margulan, 1946: 5-81].

The epics of heroes not only mention the names and locations of ancient cities, but also provide information about the lifestyle of the people who inhabited the cities, their ability to raise armies, and the fortification system and internal structure of the cities.

For example, in the poem "Kobylandy Batyr", the strong fortification system of the Kyrly city is described as follows:

He may seek to capture
Kazan's city of Kyrly,
But he cannot take it.
He cannot leap over its six layers of ditches
And enter the city,
Nor can he open the city gate, – he says [Kobylandy batyr, 1986: 47], about the Syrly city:

The city known as Syrly city is "unfortified, with its exterior left completely open", it is said [Kobylandy batyr, 1986: 28]. Therefore, the description of Syrly city in the poem as a place without a wall and open outside, and Kyrly city as a fortress protected by several layers of moats, gates, and military force, indicates the functional difference between the cities. However, based on this information provided in the poem, it is not enough to consider Kyrly city only as a military fortress. The text mentions that "atarman", "shabarman", "beks" gathered there, and the city was also assigned the function of political administration.

Therefore, the Kyrly city is seen in the epic space as a concentrated image of an administrative-political and influential center. Its defense system is perceived as a spatial mechanism that ensures that political function. That is, the city wall and moat are simultaneously a symbol of protection from external enemies and the preservation of the stability of the ruling power.

The fact that the city of Syrly is described as undefended does not mean that its historical significance was low. On the contrary, the fact that the cities of Kyrly and Syrly are mentioned together indicates that they were mutually complementary components of a certain territorial-administrative system. That is, while, as mentioned above, the Kyrly city appears as a concentrated center of defense and power, the Syrly city is likely to be a symbol of an open settlement, communication, or economic space.

They dug a deep trench,
Dug a wide trench,
Without covering their faces,
“Let them think it is the earth,
Go to the bottom of the trench,
Let a hero, fighting,
Loop his weapons” [Kobylandy batyr, 1986: 232].

In the poem, we see that an additional ditch was dug to protect the city, covering its surface and placing weapons at the bottom. The poem mentions that the city gate was strong and that the city was protected by guards [Eleuov 2023: 8-9].

The famous scholar A. Konyratbayev believes that there are 29 versions of the Kobylandy poem, that it originated as a tribal epic and over time turned into a folk poem, and divided the poem into five periods depending on its genre: the Oguz-Peshene, Peshene, Nogai, Kazakh-Uzbek and Dzhungar periods. The story of Kazan in the poem is said to be taken from the period of the collapse of the Peshene-Oguz and Oguz-Kipchak uluses on the Syr River in the 7th-11th centuries [Kobylandy batyr, 1986: 15].

Supporting this opinion of the scientist, according to the results of research conducted by the famous archaeologist M. Eleuov on the cities mentioned in the poem, he connects the cities of Kyrly and Syrly in the Kobylandy poem with the monuments of Syrlytam (11th-12th centuries) and Zangar Kala (10th-11th centuries), located between the northern and southern mouths of the Inkar Darya [Eleuov 2023: 9]. This idea also coincides with the conclusions of archaeologist S. Zholdasbayuly: “The cities and their building systems mentioned in the epic of the 9th-11th centuries, the first period of urban life of the Oghuz-Kipchaks along the Syr Darya, seem to coincide with archaeological research” [Zholdasbayuly 1996: 104-105]. In this regard, following S. Zholdasbayuly's assumption that it was Syrly city and Kyrly city, he conducted reconnaissance work and took aerial photographs of the cities of Syrlytam and Zangar [Eleuov 2023: 9].

In 2021, the University Archaeological Expedition of the Al-Farabi Kazakh National University (led by M. Eleuov) visited Syrlytam and conducted a re-examination. During the study, it was determined that it consisted of large, rounded (up to 250 m in diameter) settlements with a very poorly preserved area of 300*250 m, located in three adjacent latitudes in the middle. “To the west of the settlement, pottery shards and kilns, large settlements and houses, and the remains of various workshops are visible. There are traces of cultivation in the order of the rectangular fields and ridges surrounding this settlement. The city of Zangar is located three kilometers northeast of the city of Sarlytam. Its location has many features that are very similar to the descriptions given in the poem: a rectangular citadel, rounded walls of the settlement reaching 300 m of the citadel, and the location of the city adjacent to the northern wall of the citadel. Here there is a second outer wall, which encloses a large area with irrigated fields and buildings. Therefore, all parts of the Zangar city are located within the first and second fortresses,” he says, indicating that the sites of the cities of Syrly and Kyrly have been found» [Eleuov 2023: 10].

A. Margulan's research on the epic covers a wide range of historical and geographical areas. He emphasized the need to study the epic heritage of the people in conjunction with archaeological, ethnographic, and historical materials. The study of “Kobylandy Batyr” in the work “Ancient Poems and Legends” is an important part of this scientific direction. “...Kobylandy, during the reign of Tokhtamysh (beginning of the 15th century), there were three different Kazan cities, neighboring each other, upstream of the Volga. One of them was the old Bulgar city, which is called “Syrly kala” in the Kobylandy poem, the second was Old Kazan, and the third was the New Kazan city, built in 1435 by the famous khan of the Golden Horde, Ulug Muhammed. After Ulug Muhammed built the New Kazan city, the former Kazan city was called “Old Kazan”. Instead of the Bulgar city, the poem mentions Syrly kala. However, judging by the

words of the poem, it seems that the surroundings of Syrly kala were unwalled and were located on a flat land. This suggests that Old Kazan and Bulgar cities were confused [Margulan 2007: 358-359].

According to the scientist, the Syrly City mentioned in the poem “Kobylandy” is the same Bulgar city. This city has a magnificent architecture, was in contact with Baghdad, and was also subjected to several invasions. The poem "Kobylandy" suggests that the reason why the Bulgar city was called “Syrly” was probably due to its external characteristics. During the last of these invasions, the city's inhabitants fled and took refuge in the Old Kazan city. At the same time, it is claimed that there is also a village called “Bulgar Village” on the site of the present-day Syrly city. This is because the houses of this city are painted with blue and green glaze, and are marked with Arabic letters in white, black, and blue paint. “There were also several domed palaces in the Bulgar capital, painted with various glazes, for example, the Brown Palace, the White Palace, and the Small Mine. All of these were carved and decorated with Arabic script on the inside and outside” [Margulan 2007: 360].

The author expresses his opinion regarding the location of the Kyrly city, saying, “...it is located in the vicinity of the city of Old Kazan. Old Kazan is about forty kilometers from the Volga. It was located above Syrly Kazan, on the Kazan River. The poem also says that the location of this city is a convenient place for war”, and cites the poem's description of the city's surroundings, where the enemy could not move, and where six layers of ditches were dug on one side and water on the other [Margulan 2007: 360].

Zh. Artykbayev's localization approach is based on the reconstruction of epic space through the hero's movement and natural landmarks on his path. The name Bes agash is of particular importance here. This context suggests that Bes agash is not just a plant name, but a spatially orienting micro-toponym related to the city. Artykbayev associates this name with the modern landscape feature of Bes Karagai along the Irtysh. The Bes Agas mentioned in the “Kobylandy Poem” is the ancient name of a grove on the right bank of the Irtysh. The tree, which is now called “lentochnyy bora”, was called Bes Agash, Bes Karagai by the Kazakhs. Later, this name was used to refer to a settlement in the territory of Pavlodar region and a district of East Kazakhstan region. So, we can say that the location of the Oguz-Kipchak city of Syrly and the city of Kyrly is the region opposite Bes Karagay on the left bank of the Irtysh,” says the well-known historian and researcher Zh. Artykbayev in his study [Artykbayev, 2017].

His hypothesis is connected with the description in the poem about the location of the Kyrly city “on one side by the water” and with data on medieval urban culture along the Irtysh. The strength of this approach is that it considers the location of the city not as a static point, but as a route space. That is, toponyms combine the hero's movement direction, water sources, mountains and other landmarks into one system. However, although this correspondence “Bes agash – Bes karagai” is interesting from an etymological and spatial point of view, it is impossible to prove their historical continuity by a single name similarity. Therefore, we consider it as a route-geographic hypothesis.

S. Kondybay connects the issue of the “Syrly (Kyrly) City” with the historical and landscape space of Mangystau. According to him, one of the four corners of Sherkala and Airakty, located in the Iir River to the north of modern Shetpe, may be the Syrly or Kyrly in the poem. The researcher bases this assumption not only on the phonetic similarity of the names, but also by comparing local microtoponyms such as Kumira, Kotan, Akmaya, and Aiyrtuye in the Iir Oy and Akau Range with the names in the poem. At the same time, he compares the characteristics of the mountain formations found in the poem with the actual relief of Mangystau.

Kondybay's methodological peculiarity is that he does not consider the epic toponym in isolation, but rather considers it in conjunction with the entire system of the surrounding natural space. This approach allows us to identify a possible connection between microtoponyms preserved in the memory of the local population and the epic text. However, this model also has its limitations. For example, phonetic approximations such as “Sherkala – Shyrkla – Syrly Kala” do not in themselves prove the continuity of the historical name. Similarly, landscape similarity can only be additional evidence for historical identification.

So, based on the above analysis, we have presented the results (Table 1), based on the main methods followed by each researcher, the sources of data used, and the proposed spatial location.

Table 1 – Determining the location of toponyms by methods

Researcher	Main approach	Main source	Recommended space
S. Kondybai	Landscape-microtoponymic	Local names, legends, relief	Mangystau
S. Zholdasbayuly	Archaeological-	Urban planning, fortification	Lower Syrdarya

	typological		
M. Eleuov	Field archeology, spatial analysis	Topography of the settlement, chronology	Inkardarya
Zh. Artykbayev	Route-toponymic	Five trees, water, natural landmarks	Irtysh
A. Margulan	Historical-geographical	Epic, historical space, urban culture	Volga-Desht-Kypchak route

Compared to the existing materials, the evidence base for the lower Syr Darya-Inkar Darya route at the present stage appears to be more systematic. The main reason for this is that this model, in addition to the similarity of names, also considers the chronology, topography, and urban structure of archaeological sites. Therefore, considering S. Zholdasbayuly's historical and archaeological direction in conjunction with M. Eleuov's research can be considered one of the most promising options.

Thus, the life of Kobylandy, which forms the basis of the epic narrative, also comes to an end the hands of a vengeful enemy. According to the narrative, he is killed by Er Kosai during the conflict between Kadirberdi and Edige, as Kosai sseks to avenge his grandfather. According to local oral tradition, the Kobylandy memorial complex (burial site) is located along the Kobda River in the present-day Aktobe region, approximately forty kilometers from the Ilek River. In addition, there is a station called “Kobylandy” on the main road from Orenburg to Mangystau. Kobylandy emerged as a historical figure during a period when the political condition of the state had seriously deteriorated and external attacks had intensified. To defend the city of Kazakn, one of the prominent cities of the Ulus, Kobylandy batyr set out from Mount Karaspan (Karatau).

Conclusion. The historical localization of the cities of Kyrly and Syrly is not a matter of identifying a single geographical point, but rather a matter of reconstructing the spatial memory of the poem “Kobylandy Batyr” re-formed in each historical period. Although the lower Syr Darya-Inkar Darya route seems to be the most plausible in terms of the set of archaeological and chronological correspondences among current data, the hypotheses of the Irtysh-Bes Agash and Mangystau-Sherkala routes are also valuable models that explain other historical layers of the epic space. Therefore, it is more scientifically justified to consider the names Kyrly and Syrly not as definitively identifying them with a single city, but as multi-layered spatial markers that accumulate the historical and geographical experience of each era in the epic text. The thing to consider here is that a particular name may have historically originated in a specific place, but in the epic tradition it may have moved to another space and taken on a new historical meaning. Similarly, the poet may have incorporated geographical names of the era in which he lived into a well-known plot structure. Hence, the important issue in studying names like “Kyrly kala” and “Syrly kala” is not simply to determine where they are located, but rather to explain what historical and geographical meaning they have in epic memory.

From the issues discussed above, we can see that there are still several versions of the location of these cities. This situation is one of the white pages of history. The information provided in written sources and medieval maps should be studied in comparison with historical monuments that have survived to this day. This is because one of the issues that lags behind and is understudied in the study of toponymic names in Kazakh historiography is the insufficient use of information from folk oral literature.

However, as we can see from the study, since oral literature samples contain several layers of history, determining the exact location of even a single place name found in them poses a number of difficulties. However, there is an opportunity to find solutions to these problems through the integrated use of interdisciplinary research methods, in particular, historical-toponymic, archaeological, historical-geographical, and spatial analysis methods. Such studies not only clarify the historical location of a particular toponym, but also open the way to identifying previously unknown historical and geographical connections, and to generating new data and scientific conclusions.

Literature

Артықбаев, 2007 – *Артықбаев Ж.* Сырлы қала – оғыз тарихының бір жұмбағы (Ертістің үлкен білі саласы Аксу өзенінің бойында болған қала туралы) / Ж.О. Артықбаев // *Алаш.* 2007. № 1. 62-67 б

Артықбаев, 2017 – *Артықбаев Ж.* Қара қыпшақ Қобыланды қай заманның қаһарманы? // URL: https://e-history.kz/kz/news/show/391 [дата обращ.: 17.06.2026]

Әбжет, 2024 – *Әбжет Б.* «Қобыланды батыр» жырындағы дәуір белестері // *Turkologia.* №2(118), 2024. 59-73 бб.

Бабалар сөзі, 2026 (1) – *Бабалар сөзі:* Жүзтомдық. Астана: «Фолиант», 2006. Т.38: Батырлар жыры. 2006. 336 б.

Бабалар сөзі, 2026 (2) – *Бабалар сөзі:* Жүзтомдық. Астана: «Фолиант», 2006. Т.35: Батырлар жыры. 2006. 392 б.

Бабалар сөзі. 2026 (3) – *Бабалар сөзі.* Жүзтомдық. Астана: «Фолиант», 2006. Т.36: Батырлар жыры. 2006. 480 б.

Валиханов, 1961– *Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений.* В пяти томах. Алма-Ата, 1961. Т.1. 428 с.

Дәулетбекова, 2013 – *Дәулетбекова Ж.С.* Эпостық жырлардағы топонимдер: аңыз бен ақиқат. *ҚазҰУ Хабаршысы. Филология сериясы.* №3(143). 2013. 80-83 бб.

Жолдасбайұлы, 1996 – *Жолдасбайұлы С. Жетісу тарихы. (XYI-XYIII гг.).* Тарихи және полеоэтнологиялық зерттеу. Алматы: Қазақ университеті, 1996. – 300 б.

Қобыланды батыр, 1986 – *Қобыланды батыр* // Қазақ халық әдебиеті: Көп томдық. – Т.1. Батырлар жыры / Құраст., алғы сөзін, түсініктерін жазған О. Нұрмағанбетов. Алматы: Жазушы, 1986. 15-256 бб.

Қондыбай, 2022 – *Қондыбай С.* Қобыланды батырдың үш ғұмыры // *Otuken. Қазақ мәдениет, музыка және мифология туралы сайт.* // URL: https://otuken.kz/қobylandy-batyrdyң-ysh-ғұmyry/?utm_source=chatgpt.com [дата обращ.: 17.06.2026]

Марғұлан, 2023 – *Марғұлан Ә.Х. Шығармалары.* Алматы: «Алатау» баспасы, 2007. – III том. 488 б.

Нурмагамбетова – *Нурмагамбетова О. «Казахский героический эпос «Кобыланды батыр».* Алматы: «Дешті Қыпшақ» баспа үйі, 2003. 477 б.

Ортағасырлық Қышқала, 2023 – *Ортағасырлық Қышқала (Баршынкент)* / М.Елеуов, Д.Талеев, С.Есен, А.Молдахмет, Ы.Құрманиязов, Г.Амиргалина. Алматы: Қазақ университеті, 2023. 192 б.

Tuyakbaev, Taiman, Botabaev, 2023 – *Tuyakbaev G., Taiman S., Botabayev Zh.* Motives common to Turkic people in Kazakh Toponymic Legends // *Milli Folklor.* 2023, Yil 35, Cilit 18. Sayi 138. S. 144-153.

References

Artykbayev, 2007 – *Artykbayev Zh.* Syrly Kala – Ogyz tarihynyng bır zhumbagy (Ertıstıng ulken bır salasy Aksu ozenınıng boiynda bolgan kala turaly) [The mysterious city is a mystery of Oghuz history (about the city that once existed on the Aksu River, a large tributary of the Irtysh)] / Zh.O. Artykbayev // *Alash.* 2007. No. 1. P. 62-67. [In Kazakh]

Artykbaev, 2017 – *Artykbaev Zh.* Kara kypshak Kobylandy kai zamannyng kaharmany? [The Black Kipchak Kobylandy is a hero of which era?]. https://e-history.kz/kz/news/show/391 [date of return: 17.06.2026] [In Kazakh]

Abzhet, 2024 – *Abzhet B.* «Kobylandy batyr» zhyryndagy dauır belesterı [Milestones of the era in the poem "Kobylandy batyr"]. *Turkologia.* №2(118), 2024. pp. 59-73. [In Kazakh]

Babalar sozı, 2006 (1) – *Babalar sozı* [*Words of the Ancestors*]: Zhuztomdyk. Astana: «Foliant», 2006. T.38: Batyrlar zhyry. 2006. 336 p. [In Kazakh]

Babalar sozı, 2006 (2) – *Babalar sozı* [*Words of the Ancestors*]: Zhuztomdyk. Astana: «Foliant», 2006. T.35: Batyrlar zhyry. 2006. 392 p. [In Kazakh]

Babalar sozı, 2006 (3) – *Babalar sozı* [*Words of the Ancestors*]: Zhuztomdyk. Astana: «Foliant», 2006. T.36: Batyrlar zhyry. 2006. 480 p. [In Kazakh]

Valikhanov, 1961 – *Valikhanov Ch. Ch. Collection of essays. In five volumes* [Sobranie sochineni. V piati tomah]. Alma-Ata, 1961. Volume 1. 428 p. [In Russian]

Dauletbekova, 2013 – *Dauletbekova Zh.S.* Epostyk zhyrlardagy toponimder: angyz ben akikat. KazUU Habarshysy. Filologia seriasy. [Toponyms in epic poems: legend and truth]. *Bulletin of the Kazakh National University. Philology series.* No. 3(143). 2013. – pp. 80-83. [In Kazakh]

Zholdasbayuly, 1996 – *Zholdasbayuly S. Jetısu tarihy. (XVI-XVIII gg.). Tarihi zhane poleoetnologialyk zertteu.* [History of Semirechye. (XVII-XVIII centuries.). Historical and paleoethnological research]. Almaty: Kazakh University, 1996. – 300 p. [In Kazakh]

Kobylandy Batyr, 1986 – *Kobylandy Batyr* [Kazakh Folk Literature: Multi-volume]. Kazak halyk adebietı: Kop tomdyk. T.1. Batyrlar jyry / Kurast., algy sozın, tusınıkterın zhazğan O. Nurmaganbetov. Almaty: Zhazushy, 1986. pp. 15-256. [In Kazakh]

Kondybai, 2022 – *Kondybai S.* Kobylandy batyrdyng ush gumyry [The three lives of the hero Kobylandy]. Otuken. Kazak madeniet, muzyka zhane mifologia turaly sait. // https://otuken.kz/robylandy-batyrdyң-ysh-ғumyry/?utm_source=chatgpt.com [access date: 17.06.2026] [In Kazakh]

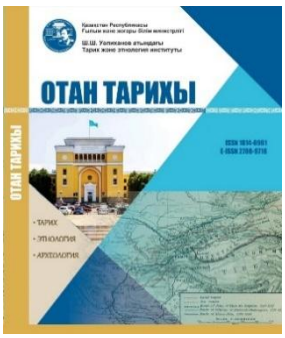
Margulan, 2023 – *Margulan A.Kh. Shygarmalary* [Works]. Almaty: «Alatau» publishing house, 2007. Volume III. 488 p. [In Kazakh]

Nurmagambetova – *Nurmagambetova O. «Kazahski geroicheski epos «Kobylandy batyr».* [The Kazakh heroic epic "Kobylandy Batyr"] Almaty: «Deştı Qypşaq» baspa üiı, 2003. 477 b. [In Russian]

Ortagasyrlyk Kyshkala, 2023 – *Ortagasyrlyk Kyshkala (Barshynkent)* [Medieval Kyshkala (Barshinkent)] / M.Eleuov, D.Taleev, S.Esen, A.Moldakhmet, Y.Kurmaniyazov, G.Amirgalina. Almaty: Kazakh University, 2023. 192 p. [In Kazakh]

Tuyakbaev, Taiman, Botabaev, 2023 – *Tuyakbaev G., Taiman S., Botabayev Zh.* Motives common to Turkic people in Kazakh Toponymic Legends // *Milli Folklor.* 2023, Yil 35, Cilit 18. Sayi 138. S. 144-153. [In English]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1044-1062
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.81.37
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1044-1062

CENTRAL ASIA THROUGH THE LENS OF AN INDIAN TRAVELER: PEOPLE, CUSTOMS, AND TOPONYMY

Galiya Amzeevna Kambarbekova

Al-Farabi Kazakh National University
(71 Al-Farabi Ave., 050040, Almaty, Kazakhstan)
PhD, Associate Professor-Researcher
https://orcid.org/0000-0002-4959-1548 E-mail: qazigurt2016@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026
© Kambarbekova G., 2026

Abstract. *Introduction*. The article examines the work of the Indian traveler Mir Izzatullah “Masir-i Bukhara” based on the original source. The Indian traveler’s travelogue to Central Asia was written in Persian. Mir Izzatullah was a representative of the local people who worked for the British East India Company. He went on a trip to Central Asia at the request of William Moorcroft (1767-1825) a representative of the British East India Trading Company. The work contains valuable information about the local people of Central Asia and their lives, geographical names and distance names encountered along the way, and household items. *Research objectives and tasks*. The purpose of the research work is to study the toponyms in Mir Izzatullah’s work and identify the toponyms found in the Turkic language among them and analyze them by dividing them into groups. To identify the terms and job titles in the Turkic language that were used in the Central Asia, Kashgar, and Turfan regions during the travelingyears of Mir Izzatullah and to present them in the table with their definitions. The objectives of the research work are to present the original version of more than a hundred Turkic toponyms identified during the study in the table, along with their definitions. To analyze the information identified in the traveler's notes regarding the life and the standard of living in Central Asia, compare it with other historical datesand share the results. *Methods and materials*. Since the study worked with the original manuscript, this study usedthe methods of textual, thematic, and documentary analysis. In order to identify and study the main thematic issues in the travelogue, a discourse analysis was conducted to compare the original text of the work "Masir-i Bukhara" with its translations in English and Russian. The article used the method of content analysis to quantitatively and qualitatively systematize the main concepts, toponyms, or ethnographic characteristics frequently found in the travelogue. In addition, interdisciplinary methods were used along with the historical-anthropological method. The manuscript of the "Masir-i Bukhara" preserved in the National Library of France (Supplement Persan 1346) was used as the main material for the research. *Results*. The article uses textual, thematic and content analysis methods to access previously little-considered information in the travelogue of the Indian traveler Mir Izzatullah. In particular, a comprehensive analysis of the words yool, qulash, talqān, tübut, which have been overlooked by researchers, was conducted, and the fact that these words are still in use in the Kazakh language was clarified through examples. The abundance of Turkic toponyms in the work and

the fact that most of them have been preserved in their original form despite various political situations indicate the stability of Turkic toponyms and that they have not gone out of use despite going through difficult times. *Conclusions*. The article identifies and makes a complete list of all Turkic toponyms in the work of the Indian traveler. The Turkic toponyms are divided into topics according to the routes traveled by the Indian traveler, and the results are presented in a table with their original versions and definitions. Mir Izzatullah's information about Turkmen, Uzbek and Kazakh horses is studied in a comparative manner from the perspective of historical events. Among them, comprehensive information was provided about the Karabair horse, which is a horse widespread in Central Asia.
Keywords: Mir Izzatulla, Central Asia, India, Kashgar, Kokand, Bukhara, travelogues, Kazakh horse.
For citation: Kambarbekova G.A. Central Asia through the Lens of an Indian Traveler: People, Customs, and Toponymy // Otan tarikhy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1044–1062. [in English]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1044-1062

ҮНДІ САЯХАТШЫСЫНЫҢ КӨЗҚАРАСЫНДАҒЫ ОРТАЛЫҚ АЗИЯ: ХАЛЫҚ, ӘДЕТ-ҒҰРЫПТАР ЖӘНЕ ТОПОНИМИКА

Галия Әмзеқызы Камбарбекова

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
(Әл-Фараби даңғылы, 71, 050040, Алматы, Қазақстан)
Филология ғылымдарының кандидаты, доцент-зерттеуші
https://orcid.org/0000-0002-4959-1548 E-mail: qazigurt2016@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Қамбарбекова Ғ.Ә., 2026

Андатпа. *Кіріспе.* Мақалада үнділік саяхатшы Мир Иззатулланың “Масир-и Бухоро” шығармасы түпнұсқа дереккөзге сүйене отырып қарастырылды. Үнділік саяхатшының Орталық Азияға жасаған сапарнамасы парсы тілінде жазылған. Мир Иззатулла Британ Ост-Индия компаниясына жұмыс істеген жергілікті халықтың өкілі. Орталық Азия сапарына Британ Ост-Индия сауда-саттық компаниясының өкілі Уильям Муркрофтың (1767-1825) тапсырысымен барады. Шығармада Орталық Азия халқы мен оның тұрмысы, жол бойы кездестірген географиялық атаулар мен қашықтық атаулары және тұрмыстық заттарға қатысты құнды мәліметтер қамтылады. *Мақсаты мен міндеті.* Зерттеу жұмысының мақсаты Мир Иззатулланың шығармасындағы топонимдерді зерттеу мен олардың ішіндегі түркі тілінде кездесетін топонимдерді анықтау және оларды топтарға бөліп талдау. Мир Иззатулла саяхаттаған жылдары Орталық Азия, Қашғар, Турфан аймағында қолданыста болған түркі тіліндегі терминдер мен лауазым атауларын анықтау және оны түсініктерімен таблица түрінде ұсыну. Зерттеу жұмысының міндеттері зерттеу барысында анықталған жүзден астам түркі тіліндегі топонимдерді таблица түрінде түпнұсқа варианты мен оның түсініктерін қоса ұсыну. Саяхатшының жазбасындағы Орталық Азия халқының тұрмысы мен тіршілігіне қатысты анықталған мәліметтерді саралап, оны басқа да тарихи деректермен салыстырып, оның нәтижесімен бөлісу. *Әдістер мен материалдар*. Зерттеуде қолжазбаның түпнұсқасымен жұмыс істегендіктен осы зерттеуде мәтіндік, тақырыптық және құжаттық талдаулар әдісі қамтылды. Саяхатнамадағы негізгі тақырыптық мәселелерді анықтау және зерттеу үшін «Масир-и Бухоро» шығармасының түпнұсқа мәтінін осы шығарманың ағылшын және орыс тілдеріндегі аудармаларымен салыстыру мақсатында дискурстық талдау жүргізілді. Мақалада саяхатнамада жиі кездесетін негізгі ұғымдарды, топонимдерді немесе этнографиялық сипаттамаларды сандық және сапалық тұрғыдан жүйелеу үшін контент-анализ әдісі қолданылды. Сонымен қатар, тарихи-антропологиялық әдіспен бірге пәнаралық әдістерге жүгінді. Зерттеу жұмысының басты материалы ретінде “Масир-и Бухоро” шығармасының Франция Ұлттық кітапханасында сақталған қолжазба нұсқасы (Supplement Persan 1346) басшылыққа алынды. *Нәтижелер.* Мақалада мәтіндік, тақырыптық және контент-анализ әдістерін қолдана отырып үнділік саяхатшы Мир Иззатулланың сапарнамасындағы бұрындары аз қарастырылған мәліметтерге қол жеткізілді. Атап айтқанда зерттеушілер назарынан тыс қалып қойған *йол*, *құлаш*, *талқан*, *түбіт* сөздеріне жан-жақты талдау жасалды және бұл сөздердің әлі күнге дейін қазақ тілінде қолданыста

бар екендігі мысалдар арқылы нақтыланды. Шығармада түркі тіліндегі топонимдердің мол кездесетіндігі мен түрлі саяси жағдайларға қарамастан көпшілігінің әлі сол қалпында сақталғандығы түркі тіліндегі топонимдердің орнықтылығын әрі қилы заманды басынан кешірсе де қолданыстан шықпағандығын көрсетеді. *Қорытынды.* Мақалада үнді саяхатшысының шығармасындағы түркі тіліндегі топонимдердің барлығы анықталып, толық тізімі жасалды. Түркі тіліндегі топонимдер үнді саяхатшысы жүріп өткен маршруттарға сай тақырыптарға бөлініп оның нәтижелері таблицада түпнұсқа нұсқасы және түсініктерімен бірге ұсынылды. Мир Иззатулланың түркмен, өзбек және қазақ жылқылары жөнінде берген мәліметтері тарихи оқиғалар тұрғысынан салыстыра отырып зерделенді. Соның ішінде қарабаиыр жылқысының Орталық Азиға кең тараған жылқы екендігі туралы жан-жақты мәліметтер берілді.

Кілт сөздер: Мир Иззатулла, Орталық Азия, Үндістан, Қашқар, Қоқан, Бұхара, саяхат жазбалары, қазақ жылқысы.

Дәйексөз үшін: Қамбарбекова Ғ.Ә.Үнді саяхатшысының көзқарасындағы Орталық Азия: халық, әдет-ғұрыптар және топонимика // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1044–1062-бб. [ағылшын тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1044-1062

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ГЛАЗАМИ ИНДИЙСКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА: НАРОДЫ, ОБЫЧАИ И ТОПОНИМИКА

Галия Амзеевна Камбарбекова

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(проспект аль-Фараби 71, 050040, Алматы, Казахстан)
кандидат филологических наук, иранист, доцент-исследователь
https://orcid.org/0000-0002-4959-1548 E-mail:qazigurt2016@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Камбарбекова Г.А., 2026

Аннотация. *Введение*. В статье рассматривается труд индийского путешественника Мир Иззатуллы «Масир-и Бухоро» на основе первоисточника. Путевые заметки индийского путешественника по Центральной Азии написаны на персидском языке. Мир Иззатулла — представитель местного населения, работавший на Британскую Ост-Индскую компанию. Он отправился в путешествие по Центральной Азии по просьбе Уильяма Муркрофта (1767–1825), представителя Британской Ост-Индской торговой компании. Труд содержит ценную информацию о народах Центральной Азии и их жизни, географических и географических названиях, встречавшихся по пути, а также об предметах домашнего обихода. *Цели и задачи исследования.* Целью исследовательской работы является изучение топонимов в труде Мир Иззатуллы, выявление среди них топонимов на тюркском языке и их анализ путем разделения на группы. Целью исследования было выявление терминов и названий профессий на тюркском языке, использовавшихся в Центральной Азии, Кашгаре и Турфане в годы путешествий Мира Иззатуллы, и представление их в виде таблицы с определениями. Также ставились задачи: представить в виде таблицы и определений оригинальные версии более ста выявленных в ходе исследования тюркских топонимов; проанализировать информацию, найденную в путевых заметках о жизни и быте населения Центральной Азии, сравнить её с другими историческими данными и представить результаты. *Методы и материалы.* Поскольку исследование проводилось с использованием оригинального рукописного текста, были применены методы текстового, тематического и документального анализа. Для выявления и изучения основных тематических вопросов в путевых заметках был проведен дискурсивный анализ, сравнивающий оригинальный текст произведения «Масир-и Бухоро» с его переводами на английский и русский языки. В статье использован метод контент-анализ для количественной и качественной систематизации основных понятий, топонимов и этнографических характеристик, часто встречающихся в путевых заметках. Кроме того, применялись междисциплинарные методы наряду с историко-антропологическим методом. В качестве основного материала для исследования использована рукопись «Масир-и Бухоро», хранящаяся в Национальной библиотеке Франции

(Supplement Persan 1346). *Результаты.* В статье с помощью текстового, тематического и контент-анализа получены ранее малоизученные сведения из путевых заметок индийского путешественника Мира Иззатуллы. В частности, проведен всесторонний анализ слов yool, qulash, talqān, tübut, которые ранее не были изучены исследователями, и на примерах подтверждено, что эти слова до сих пор используются в казахском языке. Обилие тюркских топонимов в произведении и тот факт, что большинство из них сохранились в первоначальном виде, несмотря на различные политические ситуации, свидетельствуют о стабильности тюркских топонимов и о том, что они не вышли из употребления, несмотря на трудные времена. *Выводы.* В статье выявлены и составлен полный список всех тюркских топонимов в труде индийского путешественника. Тюркские топонимы разделены по темам в соответствии с маршрутами путешествий индийского путешественника, а результаты представлены в таблице с оригинальными вариантами и определениями. Сведения Мир Иззатуллы о туркменских, узбекских и казахских лошадях изучена в сравнительном порядке с точки зрения исторических событий. Среди них представлена исчерпывающая информация о карабайрской лошади, широко распространённой в Центральной Азии.

Ключевые слова: Мир Иззатулла, Центральная Азия, Индия, Кашгар, Коканд, Бухара, путевые заметки, казахская лошадь.

Для цитирования: Камбарбекова Г.А. Центральная Азия глазами индийского путешественника: народы, обычаи и топонимика // Отан тарихы. 2026. Т. 29. №3. С. 1044–1062. [на англ. яз.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1044-1062

Introduction. Mir Izzatullah's account of his journey to Central Asia, titled "Masir-i Bokhara", chronicles an expedition that took place between 27 Rajab 1227 and Dhul Hijjah 1228 (corresponding to August 5, 1812 – December 16, 1813). The journey was initiated by William Moorcroft, a representative of the British East India Company. Moorcroft, remarkably the first Englishman to receive a veterinary degree in France, possessed a profound professional interest in thoroughbred horses. His research for superior equine breeds initially led him to India, where he visited several cities. Upon learning that Bokhara hosted a world-renowned market for the finest thoroughbreds, he resolved to reach the city [Steinigeweg, 1991: 183–185].

Unable to travel to Bokhara immediately, Moorcroft dispatched Mir Izzatullah, an Indian Muslim, to survey the region and gather information on local horse breeds. Izzatullah was instructed to maintain a detailed record of his observations, particularly regardIing the distances between settlements and the condition of the roads. The successful completion of this mission is documented in the work "Masir-i Bokhara". In this manuscript, the author provides comprehensive data on settlement names, topographical distances, the socio-economic conditions of the local people, water sources, fuel supplies, property ownership, languages, religions, and administrative systems.

Mir Izzatullah's travelogue is particularly valuable for its broad geographical scope, covering a route that passed through major hubs such as Atok, Kashmir, Tibet, Yarkand, Kashgar, Kokand, Khujand, Samarkand, Bokhara, Kholm, Bamiyan, and Kabul. According to modern geographical maps, his journey crossed contemporary India, China, Uzbekistan, Tajikistan, Afghanistan, and Pakistan. Navigating such vast distances was a formidable undertaking, especially given that Central Asia and East Turkestan were landlocked regions, isolated from open seas yet strategically significant to many foreign powers. Mir Izzatullah remains a notable figure for reaching Central Asia via Kashmir and Kashgar well before many European explorers.

While several scholarly works have been dedicated to "Masir-i Bokhara" [Иззет-Улла, 1956 Каландарова, 1995; Szuppe, 1996; Мейер, Бризак, 2006; Мавлонов и др., 2017; Isakov, Jobborov, 2022; Суйнова, Дюсембекова, 2022; Kumar, 2023; Abdurahmanov, 2023; Kholikulov, 2024], a significant number of researchers have relied on translations rather than the original manuscript. The purpose of this research is to introduce new insights by working directly with the original text of "Masir-i Bokhara". This article analyzes geographical names, terminology related to distance, equine nomenclature, and other concepts that define the lifestyle and worldview of the local population.

Accordingly, the study addresses the following objectives: 1) identifying and defining Turkic loanwords used in Mir Izzatullah's work; 2) explaining the Turkic origin of specific toponyms and their cultural significance among local Turkic peoples; 3) analyzing definitions related to horse breeds, including Kazakh horses.

Materials and methods. The methodology of this study encompasses textual, thematic, and documentary analyses of the original manuscript, supplemented by a diachronic approach. Furthermore, a

discourse analysis is conducted to compare the original “Masir-i Bokhara” with its English and Russian translations to identify and examine key thematic issues. The article used the method of content analysis to quantitatively and qualitatively systematize the main concepts, toponyms, or ethnographic characteristics frequently found in the travelogue. In addition, interdisciplinary methods were used along with the historical-anthropological ropological method. The manuscript of the "Masir-i Bukhara” preserved inthe National Library of France (Supplement Persan 1346) was used as the main material for the research.

Discussion. Biographical details regarding Mir Izzatullah remain scarce. Available records indicate that he originated from a Muslim family in India and served the British Empire. The inclusion of the title “Sayyid” (Syud) in the preface of the English translation suggests that his lineage traces back to Indian Sayyids [Izzut-Oollah, 1872]. Mir Izzatullah’s work, written in Persian, follows the traditional travelogue style typical of Eastern authors of that period [Abdurahmanov, 2023: 60].

Three primary manuscripts of his work, Masir-i Bokhara, are known to exist. One is housed in the National Library of France (BNF) [Blochet, 1906: 377], while the other two are located in Great Britain—specifically at the Bodleian Library in Oxford and the British Library in London [Rieu, 1879; Ethe, 1889]. Maria Szuppe, who researched the manuscript of “Masir-i Bokhara” notes that the variations between these three copies are minimal [Szuppe, 1996: 93]. For the purpose of this study, we referred to the Paris version, held at the Bibliothèque Nationale de France under the reference Supplement Persan 1346.

The “Masir-i Bokhara” was included into the National Library of France (BNF) through the collection of Charles Henri Auguste Schefer (1820–1898). A prominent French orientalist, philologist, and historian, Schefer served as a professor of Persian and worked as a translator for the French embassy in Istanbul. Following his diplomatic service, he led the French Institute of Oriental Languages and Civilizations (INALCO) from 1867 until his death. In 1898, the BNF obtained Schefer’s comprehensive collection, which comprised 13,000 volumes and 941 manuscripts. This collection included 276 manuscripts in Arabic, 276 in Persian, and 239 in Turkic languages [Blochet, 1909: III-V]. Among the Persian manuscripts is Mir Izzatullah’s account of his journey to Bokhara.

The work was first translated into French by the scholar Amédée Jaubert (1779–1847) and published in Magasin Asiatique in 1826 [Jaubert, 1826]. Subsequently, an English translation by Captain Henderson was released in 1872 [Izzut-Oollah, 1872: 100]. In 1956, Yu.P. Sokolov published a Russian translation by comparing the existing English and French versions [Иззет-Улла, 1956]. However, the Russian edition is incomplete, covering only the section from Kashgar to Kokand. Most recently, in 2023, A. La’lzad translated Henderson’s English version back into Persian [La’lzad, 2023: 136]. Notably, there is a marked variation between this modern Persian translation and the original manuscript.

French scholar E. Blochet notes in his catalogue of Persian manuscripts that Mir Izzatullah served as W. Moorcroft’s secretary and translator until his death in Kabul in 1824 [Blochet, 1906: 377]. Given the historical context, Moorcroft’s choice of a Persian-speaking Muslim secretary was highly pragmatic. For centuries, Persian had been the court language of the Indian subcontinent, used for all official correspondence and protocols. Although its influence began to decrease with the introduction of English, it remained vital for regional diplomacy and travel.

Izzatullah’s travelogue demonstrates that Persian was a strategic necessity for any journey toward Kashgar and Central Asia. In major urban centers such as Samarkand, Kokand, and Yarkand, Persian functioned as the primary lingua franca for communicating with local populations prior to reaching Bokhara. Furthermore, “Masir-i Bokhara” reveals that Izzatullah was likely multilingual; his detailed explanations of Turkic toponyms, household items, and cuisine suggest that he possessed a functional command of Turkic languages alongside his mastery of Persian.

Results. *Turkic terminology in the “Masir-i Bokhara”.* Throughout his travels, Mir Izzatullah recorded the meanings of Turkic terms, including toponyms and local products. A notable example is his discussion of the name “Tibet” while describing the region of Leh: “In the local language, the ruler is called Laddagh (لداغ). The Kashmiri people refer to the ruler as Botan (بتن), while the people themselves are called But (بُوت). In Persian and Turkic, this country is called Tübat (تبت). This is because tübat (or tübit) is the Turkic word for a woolen shawl. Since the finest quality shawls originate here, the ruler is also referred to as Tübat” [Izzatullah, 1813: 10].

In Turkic languages, specifically Kazakh, tübit refers to the exceptionally fine, soft, and warm undercoat of animals like sheep, goats, or camels, used as a premium raw material in textiles (e.g., a tübit scarf). The Explanatory Dictionary of the Kazakh Language confirms this definition, noting its secondary figurative use to describe soft, newly grown facial hair [Кеңесбаев, 1961: 379].

While the pronunciation of tübit is phonetically similar to "Tibet", the etymology of the latter may also be traced to the Old Turkic word töpü, meaning "peak" or "height" [Кеңесбаев, 1961: 365]. This aligns with the country's high-altitude geography. Cognates such as the Kazakh "töbe" and the broader Turkic teppe or täppe similarly signify "hill" or "advantage", consistent with Tibet's reputation as a mountainous highland.

In his account of Tibet, Mir Izzatullah identifies the staple food of the local population as talqān (تلقان), which he compares to "sattu" [Izzatullah, 1813: 20-21]. This unsweetened dish often incorporates meat or is prepared as harira, a thick, nutritious soup.[4] While harira is best known today as a cornerstone of North African cuisine and a symbolic dish for breaking the fast during Ramadan, Izzatullah's observations highlight its regional variations in Central Asia.

The English translation of Izzatullah's work provides talqān as "suttoo" – parched grain reduced to meal and made into a paste [Izzut-Oollah, 1872: 11]. However, the original manuscript specifically uses the vowelized form sattu (سَتّو). Of particular interest is the term talqān itself, a traditional food made from parched and ground wheat or barley. This word remains central to the Kazakh language and culinary heritage, serving as a staple for various Turkic nomadic cultures due to its long shelf life and ease of preparation.

The historical depth of this term is confirmed in Mahmud Kashgari's 11th-century dictionary, Dīwān Lughāt al-Turk, where talqān is noted as a word that has retained its meaning since the Old Turkic era [Қашқари, 1997: 499]. Kashgari describes it as an ideal "road food" for nomadic life. Variations of talqān (or dalgan) are found across Altai, Khakass, Bashkir, Kyrgyz, and Tuvan cuisines. Ethnographer S.I. Wainstein further notes its significance among nomads, especially tuvans describing how guests were traditionally served wooden cups of talqān topped with thick milk foam [Вайнштейн, 1991: 125].

Following his description of talqān, Mir Izzatullah notes that the populations of Kashmir and Tibet consist of both Sunni and Shia Muslims. He mentions a mosque that has stood since the reign of Ibrahim Khan, a Timurid Sultan. During that era, Tibet was conquered by the Kalmyks, prompting the local population to seek aid from the Mughal Emperor in India. Afterwards, the Khan expelled the Kalmyks and installed a Raja in their stead, after which the people embraced Islam and pledged their submission.

Izzatullah observes that Raja Mahmud Khan remained content as long as Kashmir did not interfere with Tibet. This peace was primarily economic; the shawl trade relied heavily on this route, and any conflict would have disrupted shawl production for several years. Furthermore, Izzatullah states the Tibetan language bears similarities to both Turkic and Kashmiri [Izzatullah, 1813: 27]. Given that his primary interactions were likely with the Muslims residing in Tibet, it is probable that this perceived linguistic connection was based on the specific dialects or Persian-Turkic loanwords used by those communities.

Another Turkic word that has attracted special attention in the "Masir-i Bokhara" is the word for smell, eesh/ees (ایش). On the way from Leh to Yarkand, Mir Izzatullah describes each village one by one. While the word for smell is Turkic, in Persian it is boo (بو). Usually, a person falls ill from a foul smell; both humans and animals, especially horses, can be affected.

The "smell disease" (ees) is located at a manzil (waystation) ten and a half hours northwest of the Mandliq region. This place is situated on the right side of a frozen spring, to the left of the Shayok region. Firewood is abundant there, but grass is very limited, and the road through the gorge is covered in stones and gravel [Izzatullah, 1813: 14].

It is worth noting that "smell disease" is used in the modern Kazakh language in exactly the same sense. To this day, Kazakhs use this term to describe the condition that causes shortness of breath due to a lack of oxygen when climbing high mountains. The scientific term for this condition is hypoxia, also known as mountain sickness, which typically occurs at altitudes above 2,000 meters. In Persian, the term used is hypoxia (هیپوکسی), derived from English, as the word boo (بو) refers only to the literal smell and not the name of the disease itself.

An fascinating detail in Mir Izzatullah's "Masir-i Bokhara" is the use of the word "yool" (یول - road). At the request of William Moorcroft, Izzatullah precise annotation his routes and the distances between settlements from Attock to Kashmir, Tibet, Kashgar, and beyond. To indicate these distances, he engaged several terms of measurement: manzil (station), sa'at (hour), kurwah (distance), and yool (distance).

[4] Harira is a traditional thick and nutritious soup typical of North African cuisine (mainly Morocco and Algeria). It is known for its rich taste and medicinal properties. It is also written that harira is not only a food but also a symbol of the month of Ramadan. https://www.nationalgeographic.com/culture/article/to-break-the-ramadan-fast-in-morocco-start-with-soup

While manzil refers to a station or a day's journey and sa'at is a standard measure of time, Izzatullah also uses kurwah (كروه), which equals roughly 1.5 farsakhs (about two kilometers). However, the most frequent term used throughout the book to denote distance is the Turkic word "yool". Rather than its literal modern meaning of "road", Izzatullah uses it as a specific unit of length.

In his notes on Kashgar, he explains: "Kashgar is a famous city located 30 yools away. A yool is a Turkic word meaning a straight road (absolute way). Some define a yool as 360 qulash. A qulash (قولاچ) is the distance between the fingertips of two outstretched arms (approximately 150–180 cm), equivalent to two gyaz (گز - roughly 80–90 cm each). According to Izzatullah, an average daily station (manzil) consists of about 70 to 80 yools [Izzatullah, 1813: 70].

These terms, yool and qulash, remain part of the modern Kazakh language, where qulash is still defined as the span of outstretched arms [Кеңесбаев, 1961: 87]. Based on these measurements—where one yool equals 360 qulash (approx. 540–648 meters) – we can calculate the pace of the caravan. By multiplying a yool by the 70–80 units that make up a manzil, it appears Izzatullah's caravan traveled an average of 39 to 43 kilometers per day, occasionally reaching up to 45 kilometers.

Information regarding horses in "Masir-i Bokhara". One of the primary tasks assigned to Mir Izzatullah by William Moorcroft was to visit the horse bazaars of Bokhara and collect detailed information on thoroughbred horses. Starting from the section titled "Stations from Kashgar to Kokand", Izzatullah provides valuable insights into the Kazakh, Kyrgyz, and Uzbek peoples, as well as the regional horse trade.

The original text states: "Qashgar (قاشقار), also known as Kashgar (كاشكار), is a renowned city with defensive walls made of mud. The city features four gates; the Friday market is held within the city walls, while the horse market is located outside. A great number of horses are brought to this market, most of which are of Kyrgyz or Kazakh breeds. These horses are of excellent stock, with prices ranging from twenty tenge to one yanboo (ينبو)" [Izzatullah, 1813: 72]. A yanboo (or yamboo) was a boat-shaped silver ingot weighing approximately 1.87 kg, commonly used in trade between Central Asia and China (Davidovich, 1983: 114). In Kazakh tradition, this term has been preserved as a measure of precious metal and serves as the linguistic root for the national game "jamby atu" (silver ingot shooting) [Жәнібеков, 2001: 477].

This account provides insight into the scale of the Kyrgyz and Kazakh horse trade at the Kashgar market. In the text, the word "aygaz" (ايغَز) likely refers to a stallion; the spelling suggests an extra dot was mistakenly added, as the correct Turkic term for an uncastrated male horse is "aygyr". It is also worth noting a discrepancy in Captain Henderson's 1872 English translation. In the preceding passage, Henderson transliterates "Kyrgyz" as "Kurghuree" and confuses the word "Kazakh" with "Cossack". He also describes the horses as "geldings", whereas the original context suggests they were breeding animals: "A large number of horses, principally of the Kurghuree and Cossack breeds, all geldings, are brought for sale; the price of these animals varies from 20 tengas to 1 yamboo" [Izzut-Oollah, 1872, 1872: 45]. Despite this, Henderson correctly uses the spelling "Kirghiz" in other parts of the travelogue [Izzut-Oollah, 1872: 48].

The Indian traveler describes Margilan as follows: "Margilan is a major city in the Fergana region, also known as Murgalan. It is home to the tomb of the legendary King Eskander, also known as Alexander the Great. It is a pleasant city with polite inhabitants, ruled by the son of the Emir of Kokand. Silk is produced here in large quantities, as well as the wool used for shawls, which is called kurk (كُرک) in Persian and tübit (تُبت) in Turkic. While shawls are woven here, their quality is inferior to those from Kashmir" [Izzatullah, 1813: 81]. Mir Izzatullah had previously noted the origins of the word tübit.

Following arrival in the capital of Bokhara, Mir Izzatullah visited the horse market and provided the following details regarding local breeds: "A horse market is held in Bokhara four times a week—on Saturdays, Mondays, and Tuesdays. Generally, affordable horses are brought to the market, purchased by middlemen for ten to fifteen tilla (طلا – gold coins). Mares are less common, and their price can reach twenty thousand tilla, depending on market demand. While fifty to sixty horses are typically brought to market, only five to fifteen are usually sold. Kazakh horses are superior in staying power and capable of traveling long distances. Generally, mares are kept for breeding, while males are sold. These horses are found in Miankal, near the city of Sanbar, before being brought to Bukhara for sale. Turkmen horses, on the other hand, are prized for their beauty and speed, though they are said to lack the hardiness of the Karabair breed. These horses arrive from two directions: the Jeyhun River and Merv. Currently, however, Turkmen horses are rare. The Kazakh horse is described as stout, short, and a pacer (yorga – يورغه), yet it is small and sensitive to heat. Despite Bokhara's cold winters, these horses are difficult to maintain during the summer. While once numerous in Yarkand and Kashgar, few Kazakh horses reach Bokhara now. This decline is due to a multi-year famine in the Kazakh lands caused by a shortage of grass and grain, which led to the death of many

animals; the survivors were often consumed out of necessity. Additionally, the Kazakh camel has two humps and thick wool, but like the horses, it does not tolerate heat well, though it remains a reliable pack animal" (Izzatullah, 1813: 94-95). It is necessary to clarify several points provided by Mir Izzatulla, beginning with the "Kazakh horse", specifically the Karabair breed (Karabahir –قره بهير). Considerable information exists regarding the Karabair, a adaptable breed common across Central Asia and valued for its genetic and economic significance. While many researchers identify Uzbekistan as its primary homeland, the breed is also traditionally raised in regions of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Tajikistan. According to Nurmatov and Hafizov (2024), the Karabair emerged from crossbreeding local Central Asian Argimaks with Mongolian, Turkmen, and Arabian horses. Early comprehensive studies, such as Bakhmetyev (1870), note that the first generation – sired by an Argimak and a Kazakh mare – resembled the Argimak, while the different Karabair phenotype appeared by the third generation. Known for its endurance and suitability for both long distances and agricultural work, the Karabair is described by Mir Izzatulla as a short, hardy pacer that struggles with extreme heat. This suggests the breed's historical range extended beyond Uzbekistan and Tajikistan into the colder Eurasian steppes, as its sensitivity to the heat of Bokhara indicates an adaptation to more temperate climates.

In his descriptions of the Kazakh Karabair, Mir Izzatullah also evaluates the world-renowned Turkmen horse. While acknowledging its physical beauty, elegance, and speed, he concludes that it lacks the endurance of the Karabair. The Turkmen horse, derived from the Akhal-Teke breed, is often prized for its elegant and noble qualities rather than domestic functionality. However, Izzatullah provides specific insights into its performance in combat: "In Kholm, Turkmen horses are brought in from surrounding areas, and while military men praise them for field battles, they are fragile and unsuitable for mountainous or rocky terrain. Conversely, the Karabair (Karabahir) horses of Shahrisabz are excellent for both riding and military use; they are hardy and sure-footed in the mountains".

Izzatullah also notes the scarcity of quality breeding stock in the Kholm markets. High-quality mares are rarely sold unless for an exorbitant price or by an undisciplined seller; typically, only those with defects are brought to market. Prices in Kholm are significantly lower than in India, where a horse might cost 400 rupees. Wholesale purchases are generally made from the local Uzbeks, whom Izzatullah notes are willing to travel long distances for modest profit [Izzatullah, 1813: 156-158].

An analysis of Mir Izzatullah's accounts suggests that while Turkmen horses were suitable for field battles, there is little evidence of their use in sustained wars, long-distance campaigns, or varied climates. This indicates that the Turkmen horse was primarily an elite animal, prized for its aesthetic beauty and use on special occasions. This distinction between Turkmen and Uzbek horses is also noted by M. Szuppe (1996) in her description of Central Asian equine culture during Izzatullah's era. Similarly, Alexander Burnes, another traveler to Bokhara, offers further insights into the Turkmen breed, noting that they were treated with the affection shown to a child and rarely sold. Burnes also provides a contrasting description of the Kazakh horse: "In Bokhara there are many Kuzzak horses, a sturdy and little animal, with a shaggy coat and a very long mane and tail, much and deservedly admired. They are brought from the deserts between Bokhara and Russia" [Burnes, 1834: 277]. It is clear that Burnes's "Kuzzak" refers to the Kazakh horse, as Izzatullah and other contemporaries frequently documented the sale of Karabair-Kazakh horses in the Bokhara bazaars. Furthermore, historical records from this period often show a common linguistic confusion between "Kazakh" and "Cossack".

In his accounts of the Kazakh horse, Mir Izzatullah provides evidence of high mortality and injury rates among these animals during his travels through Central Asia in 1812–1813. By analyzing his records alongside data regarding livestock losses in the Dasht-i Qipchaq (Kipchak Steppe), we can link these occurrences to major political significant disruptions of the era. Most notably, the Kokand Khanate forcefully expanded into the region, launching frequent raids that resulted in significant plunder and loss of life for the Kazakh people. This expansion intensified under Omar Khan (r. 1810–1822), who led several campaigns into the steppe, beginning in the spring of 1812 [Бабаджанов, 2010]. These systematic invasions, which led to the capture of Tashkent and Turkestan, imposed a heavy tax load and a cycle of looting on the local population. Consequently, the Kazakhs suffered devastating losses in human life, livestock, and essential horse populations [Лебедев, 1940].

The second major political event involves Napoleon Bonaparte's 1812 invasion of Russia. In response to the invasion, the Russian Tsar issued a manifesto calling for the nation's defense. This appeal reached Kazakh auls (villages) by autumn through the Governor of Orenburg, G.S. Volkonsky. Translated into Tatar

for distribution among Muslim populations, the call for aid resulted in the Inner Horde sending 47,200 horses to the Russian effort between 1804 and 1815.

Remarkably, Mir Izzatullah learned of the Napoleonic Wars from a judge in Samarkand. According to the judge, “Francis” (Napoleon) intended to conquer Russia before advancing toward Turkestan and India. The hypothesized route involved traveling to Haji Tarkhan (Astrakhan), then sailing to Ming Qishlak (“A thousand villages”) within a week. From there, the Aral Sea could be reached in ten days, with another ten days to Urgench, and finally a ten-day overland journey to Bokhara. Mir Izzatullah concluded that if Napoleon were to reach the region, the local populations would be unable to resist due to their lack of unity and centralized leadership [Izzatullah, 1813]. This geopolitical pressure added to the Kazakhs' hardships; already suffering from years of raids by the Kokand Khanate, the additional burden of providing financial aid and over 47,000 horses to Russia deeply strained the people.

The third factor was the devastating weather event of 1796, known in Kazakh history as the “Aq-taban” (A year of mass starvation of livestock) or the “Year of the Rabbit” disaster. This natural catastrophe coincided with the political crisis surrounding the uprising led by Syrym Datuly (1753–1802), a prominent leader of the Junior Zhuz who resisted Russian imperial expansion. We find evidence of the disaster’s severity in a letter from Gubeidulla Fetkhullin to the Orenburg Military Governor, S.E. Vyazmitin, describing the catastrophic loss of life and livestock caused by the extreme winter (Lebedev, 1940). The socio-economic recovery was slow, and various sources document years of lingering poverty following the livestock plague of 1796.

Mir Izzatullah traveled through Central Asia during this period of hardship and witnessed the consequence. While he observed the Kazakh horse in the Bokhara markets, his brief accounts of animals dying from disease hint at a much larger crisis. His writings suggest that the Kazakh horse population was being decimated by a combination of plague, systemic poverty, warfare, and heavy taxation. It is likely that he gathered this information through multiple accounts from locals he encountered in the markets and along his journey.

A comparative analysis of Mir Izzatullah’s records demonstrates his commitment to historical accuracy. His detailed observations on the Central Asian horse reveal a scrupulous who carefully documented both firsthand sightings and oral accounts.

The horse has historically held a central role in the lives of the peoples across Central Asia and Eurasia, a fact supported by an abundance of ancient petroglyphs and stone steles. These carvings, such as those found at the Tanbaly Archaeological Landscape near Almaty, provide vital evidence of the “horse cult” and the varying cultural perspectives on the animal throughout Eurasian history. Furthermore, the region’s harsh, continental climate shaped the physical evolution of these horses, resulting in a breed characterized by endurance, short legs, and a large, elongated head. Descriptions of this distinct phenotype date back to the Saka era. Archaeological evidence from the 8th-century BC Arzhan kurgan (Arzhaan), discovered in the 1970s, includes the remains of 162 horses. The skeletal remains and contemporary artistic depictions confirm that these ancient Central Asian horses possessed the large-headed features noted in later historical periods [Нестеров, 1990].

The results of morphometric analysis show that the horses buried in the Arzhan mound had a shoulder height of 144 cm. that is, the horses belong to the medium and below-medium height groups [Боковенко и др., 2020: 229]. Comparing the various factors listed above, we come to the conclusion that Mir Izzatullah's definition of the primitive horse can be a common characteristic of most horses found in the Central Asian region.

Turkic Toponyms in “Masir-i Bokhara”. Among the most captivating elements of Mir Izzatullah’s “Masir-i Bokhara” is the presence of Turkic toponyms. To explore this topic, we identified over one hundred toponyms of Turkic origin along the author’s route. These toponyms, terms, and titles are presented in the following list, preserving the original nomenclature used in the travelogue. The table categorizes these names by route, covering the parts from Leh to Yarkand, Yarkand to Kashgar, the settlements between Beijing and Kashgar (as identified by Molla Nazar), and the reaches from Kashgar to Kokand, Samarkand, Bokhara, and Kholm. Each entry is organized to include the Turkic name, its Kazakh equivalent, the original spelling, and its etymological meaning. Analysis shows that these historical names remain highly recognizable to modern Kazakhs and other Turkic-speaking populations across Central Asia and Eurasia. While minor linguistic variations exist across the Turkic world, this study primarily uses Kazakh versions due to their close proximity to the original historical forms.

Table 1. Toponyms from Leh to Yarkand in Turkic language

№	Name in Turkic	Modern Kazakh equivalent	Original writing (Arabic script)	Meaning and additional information
1	Yar tüba	Jar-tbe	یارتوبی	The hill above the cliff
2	Sarig ot	Sari ot	سارغ اوت	Yellow grass pasture, grassy land
3	Qizil tag	Qizil tau	قزلتاغ	The mountain is called Red Mountain because of the color of its rock
4	Chadur tash	Chadur tas	چادر تاش	A rock resembling a roof, a cliff
5	Aq tag	Aq tau	اق تاغ	A high mountain, pass in the Karakorum Range
6	Bagh-e Khadji Mohammed	Khaji Mohammed baghi	باغ خواجه محمد	A place with a Kyrgyz village
7	Yangi dovan	Zhana asu	ینغی دوان	Yangi - new, dovan - crossing, pass
8	Qulan öldy	Qulan öldi	لان اولدی قو	The station after Yangi Dovan
9	Tizaklik	Tezekti	تیزک لک	The place where the Kargaly River flows
10	Chiqliq	Shiqti	چقلق	A crossing or a rising point on a road
11	Aq masjid	Aq meshit	آق مسجد	Another name is Ak Masi. A place where there is practically no mosque
12	Urtang	Ortang	اورتنک	Station, a place where guards live
13	Kükyar	Kökjar	کوکیار	Village at the foot of the mountain
14	Tuqay	Toqay	توقایی	Toqay is grove. A place near the village of Kargalyk
15	Qargaliq	Qarghali	قرغالیق	A place with many black crows. It had madrasas and an administration
16	Yarkend	Jarkent	یارکند	The city has four gates: Altyn, Haniqaq, Muqra, and Kabyk Atqan.
17	Yangi Hisar	Yangi Hisar	ینغی حصار	The name of the fortress. The Arabic word Hisar means fortress. Among the toponyms there are names that are half Persian or Arabic, and the other half Turkic.

Table 2. Toponyms from Yarkand to Kashgarin in Turkic language

№	Name in Turkic	Modern Kazakh equivalent	Original writing (Arabic script)	Meaning and additional information
1	Qarauyl jash	Qarauyl jas	ول جاشقرا	Guard post, place with guard
2	Kök Rabat	Kök Rabat	کوک رباط	Blue caravanserai or fortress
3	Tübliq	Tübki	توبلوق	Main, primary settlement
4	Yangi Hisar	Jana Hisar	حصاریانگی	New Fortress (now the city of Yangishar)
5	Khan ariq daryasi	Khan ariq özeni	اریق خان	Major water system and river on the way to Kashgar
6	Kashgar	Kashgar	کاشغر	The largest historical city in southern Xinjiang

Table 3. Toponyms from Beijing to Kashgar, recorded by Molla Nazar

№	Name in Turkic	Modern Kazakh equivalent	Original writing (Arabic script)	Meaning and additional information
1	Turfan	Turpan	فانطر	A large oasis-city at the beginning of the road
2	Bugan	Bugan	بوغان	Settlements near Turpan
3	Aigyr bulaq	Aigyr bulaq	ایغر بولاق	A spring with abundant water and a roaring stream
4	Kumush-aqma	Kumis-aqpa	آقماکموش	A place with flowing water that shines like silver
5	Ushaq tal	Oshaq tal / Usaq tal	اوشاق تال	A place where small willows grow
6	Qara shahar	Qara shahar	شهرقرا	Historically important city (present-day Yangtze)
7	Qarasu	Qarasu	سوقرا	A place with fresh water coming from underground
8	Yangi Hisar	Jana Hisar	ینگی حصار	Roadside fort
9	Charchi	Sharshi	چرچی	Literally meaning "four-cornered" or square
10	Qamush türa	Qamys töre	قموش توره	A tower or post in a reedy land
11	Kücha	Köshe / Kösher	کوچه	Old Town (now Kucha)
12	Qyzil	Qyzyl	قزل	It is so named because of the color of its mountains and soil

13	Sayram	Sayram	سیرام	A historical village between Kucha and Aksu
14	Un bash	On bas	اون باش	Ten-house or land under the control of a ten-man
15	Baq ariq	Baq ariq	اریق بَاق	Garden irrigation ditch (translated into English as Buk-a-reek)
16	Qara yulgan	Qara jolgin	یولغانقرا	Toponym related to the nature of the road
17	Aqsu	Aqsu	آقسو	Toponym related to the nature of the road
18	Yangi Ariq	Jana Ariq	اریق یانگی	A village with a water canal
19	Otuz kima	Otuz keme	اوتوز کیمه	A place where you can cross a reedy river by boat
20	Qingiraq	Qiniraq	قنگراق	Confined, narrow place or tool name
21	Kökchul	Kökshöl	کوکچول	Local toponym, desert land
22	Barchuq	Barchiq	بارچوق	Historical site in the present-day Maralbasy region
23	Qushköpruk	Qos köpir	کـقوشکپرو	Crossing with two bridges
24	Aq chekel	Aq shagal	آق چقل	Land with light soil or rock, land with limestone
25	Yangi-Abad	Jana-Abad	یانگی اباد	Newly settled, green land
26	Kashgar	Kashgar	کاشغر	The final point of the trip

Table 4. Toponyms from Kashgar to Kokand and from Kokand to Samarkand in Turkic language

№	Name in Turkic	Modern Kazakh equivalent	Original writing (Arabic script)	Meaning and additional information
1	Gülbag	Güldi baq	گلباغ	A place where Chinese leaders meet
2	Kuchek andijan	Kishi Andijan	کچک اندجان	Small Andijan settlement
3	Kunne Qarauyl	Köne Qarauyl	کهنه قراول	Old guard post
4	Qanchigliq	Qanjigaliq	قنچغلک	Historical toponym
5	Qyzyl üy	Qyzyl üy	قزل اوئی	There are Kyrgyz villages (in Russian translation - it is written as Kzyl aul)
6	Shorbulaq qorgashim	Shorbulaq qorgasin	شوربولاق قورغشم	Mir Izzatullah wrote in Turkic that lead is surb (سرب), and spring is cheshmeh (چشمه)
7	Shorbulaq	Shorbulaq Molla	ق ملا چپبولاشور	Road crossing, turn

	Molla chap	chap		
8	Oq salur	Oq salar	اوق سالور	Historical toponym
9	Shorbulaq yasa kechuk	Shorbulaq jasa keshu	شور بولاق یسا کچک	Yasa — together (to live together), kecuk — a path to walk together (to pass)
10	Yasa kechuk	Jasa keshu	کچکـیسا	Part of path
11	Sar qamush	Sari qamis	سَر قَموش	Name given due to the presence of reeds
12	Semiz khatun	Semiz khatyn	سِمیز خاتون	Local toponym
13	Naqare chaldi	Naqare shaldi, dabyl qaqti	نقاره چالدی	Local toponym
14	Yangin	Jangin	ینغین	The area where the Kyrgyz villages are located is translated into Russian as Engin. It is a place with a lot of wood, probably for firewood
15	Tuqay bashi	Togay basi	توقای باشی	The beginning of the grove
16	Küksy	Köksu	کوکسو	Water source or river
17	Archalik	Arshali (jer)	ارچلک	A place with many juniper trees
18	Yaman qiz	Jaman qiz	یمن قز	Kyrgyz village
19	Mazar gönbad	Mazar Kümbez	مزار گنبد	Kyrgyz village
20	Chugirchiq	Shygyrchyq	چوقچوغیر	Pass or mountain pass
21	Zir tappe	Zir töbe	زیر تپه	Kyrgyz village
22	Osh	Osh	ش‌او	Ancient city
23	Aruana	Aruana	اروانه	A place with a Kyrgyz village, aruana is the name of the one-humped camel
24	Ming tappe	Ming töbe	تپه منگ	The pastures of the Turkic and Kipchak communities
25	Qishlaqi kopruk	Köpir qistagi	قشلاق کپروک	Local toponym
26	Aq beik	Aq bek / Aq Biyk	اق بیک	Local toponym
27	Qara qitay	Qara qitay	قرا خطای	Historical ethnic name
28	Quqan	Qoqan	قوقان	Central city
29	Bish Ariq	Bes Ariq	بیش اریق	Local toponym
30	Shah-Berdi	Shah-Berdi	شاه بردی	Local toponym
31	Khojent	Khojent	خوجند	City on the Syr Darya River

32	Aq teppe	Aq töbe	اق تپه	Local toponym
33	Aqsu	Aqsu	آق سو	Local toponym
34	Ur teppe	Ura teppe	اور تپه	Local toponym
35	Quduq	Quduq	قُدُق	In Turkic, it is called a well (قُدُق), and in Persian, it is called a choh (هشا)
36	Yilan oti	Jilan oty	یلان اوتی	A place with a lot of snakes, especially in August
37	Yangi Qurgan	Jana Qurgan	قورغن یانگی	Local toponym
38	Bulaq Molla chap	Molla Chap Bulagi	ق ملا چپبولا	Local toponym
39	Khoshk köpruk	Qurgaq köpir	خشک کپروک	Local toponym, dry bridge
40	Samarqand	Samarqand	سمرقند	Central city

Table 5. Toponyms from Samarkand to Bokhara, from Bokhara to Kholm and Kabul in Turkic language

№	Name in Turkic	Modern Kazakh equivalent	Original writing (Arabic script)	Meaning and additional information
1	Ashiq Ata	Gashiq ata	عاشق اتا	Located on the ancient caravan route between Samarkand and Bokhara
2	Qarasu	Qarasu	قرا سو	A settlement near Kattakorgan between Samarkand and Bukhara. A well-watered stop along the way where caravans rested their horses.
3	Katta Qurgan	Katta Qurgan	کته قورغان	In Uzbek: Kattaqo‘rg‘on is a city in the Samarkand Region of Uzbekistan, located in the valley of the Zarafshan River (translated into English as Kutuh koorman)
4	Iranji	Iranji/ Yerenji	ایرنجی	This station is found after Kattakorgan, on the way to Bokhara (translated into English as Airap khee)
5	Bokhara	Bokhara	بخارا	Central city
6	Rabat Qarauyl	Rabat Qarauyl	رباط قراول	A Rabat built as a guard post
7	Qara tappe	Qara töbe	قرا تپه	A guard post or fortified hill along the historic caravan route from Bokhara to Kholm (Afghanistan)
8	Qiz qudyq	Qiz Quduq	قز قودوق	Located in the desert region between Bokhara and

				the Amu Darya
9	Chulbur	Sholbura, Shol - desert, bura - camel	چول بور	Historical and geographical object. An important checkpoint in the Kyzylkum desert on the road from Bokhara to Kholm (Afghanistan).
10	Shurquduq	Shurqudyq/ Sorqudyq	شور قودوق	Located in the southeastern part of the Kyzylkum Desert, it was a strategic water source for caravans from Bokhara to rest their horses before reaching the Amu Darya. It was named after the taste of its water (shor - bitter, salty well).
11	YangiAriq	Zhana ariq	ینگی اریق	Name of the settlement and river
12	Aq saray	Aq saray	آق سرای	Name of the village and river
13	Qundyz	Qundyz	قندوز	City name
14	Talqan	Talqan	تالقان	Name of the river branch
15	Qush Uluch	Құс ұлыс	قوش اولوچ	Bird habitat, village name
16	Tash Qurgan	Tasqurgan	تاش قورغان	The name of the city, one in Kholm, the other in Qunduz/Kunduz
17	Aibek	Aibek	ایبک	Елді мекен
18	Qal'e Mink Bigi	Qale Ming-Begi	قلعه منک بیکی	Name of the fortress
19	Aq Rabat	Aq Rabat	آق رباط	Name of the settlement
20	Kabul	Kabul	کابل	Central city

Table 6. Posts and terms in Turkic language

Terms and posts in Turkic	Terms and posts in Kazakh	Original writing (Arabic script)	Meaning and explanation
Aq saqal	Aq saqal	آق سقال (White beard)	Local governor, administrator (written as Aksukal in the English translation)
Tenge|tanga	Tenge, Jamby	تنکه|تنگه ی‌نبو	Monetary unit, silver bullion
Qara tagli Aq tagli	Qara tauly, Aq tauly	آق تاغلیق قرا تاغلیق	Two political-religious groups of lords in the Yarkent region
Ming bashi Yuz bashi	Minbasy, juzbasy	مینک باشی یوز باشی	Military and administrative officials (Chiliarch, Centurion)

The Kazakh spelling and pronunciation of the toponyms presented in these tables closely mirror the Turkic originals, with many being identical. While these geographic names share a common linguistic root across various Turkic languages, this study focuses specifically on those of Turkic origin, which constitute the vast majority of the names along Mir Izzatullah's route.

It is important to note that Mir Izzatullah did not travel to Beijing personally; rather, he recorded data provided by individuals such as Molla Nazar Kashgari (referred to as “Moollah Nuzur” in English translations) and the Governor of Kashgar, Sekunderbek Wang. While most of these toponyms (Table 1) remain preserved in the collective memory and historical records of Turkic peoples, several have been replaced by different names on modern official administrative maps of China.

Studying these tables highlights the vital importance of working with original source texts. In various translations of “Masir-i Bokhara”, many concepts related to the Turkic lifestyle and worldview were inaccurately conveyed, leading to errors in both spelling and pronunciation. Mir Izzatullah likely possessed some knowledge of the Turkic language, as he employed Arabic vowelization (harakat) to ensure the names were recorded as accurately as possible. Despite his efforts, English and French translations frequently contain errors. Furthermore, the Russian translation by Yu.A. Sokolov is not only incomplete—covering only the section from Kashgar to Kokand—but was also translated from English and French secondary sources rather than the original Persian. Sokolov himself noted that neither European version was based on a complete manuscript [Иззет-Улла, 1956]. This study includes examples of these errors in the tables to illustrate how linguistic limitations in European and Russian translations often result in the misspelling of Turkic toponyms and personal names.

Conclusion. Our research into Mir Izzatullah’s “Masir-i Bokhara” yields several key findings. First, we clarified the meanings of the ancient Turkic distance markers qulash and yool (يول). While Izzatullah effectively integrated Turkic terms alongside Arabic and Persian ones, previous translations often failed to convey the specific meaning of yool.

Second, our analysis of the terms tübut, tibet, talqān, and ees demonstrates their continuous use from antiquity to the present. Notably, talqān remains a staple national dish for all Turkic peoples, including Kazakhs and Tuvans. Such enduring terms serve as linguistic evidence of shared cultural heritage across generations.

Third, we compiled a comprehensive table of the Turkic toponyms found in the text, providing their original forms, Kazakh equivalents, and etymologies. We observed that while most places were named after natural landscapes or environmental conditions, others—such as Semiz Khatun (Fat Woman), Jaman Kyz (Bad Lady), and Otiz Keme (Thirty Ships)—reflect unique historical events. Because every toponym carries its own narrative, determining their origins offers a vital pathway to identifying significant historical episodes. Consequently, the further study of each toponym on this list remains a priority for historical and linguistic research.

The toponyms in “Masir-i Bokhara” reflect the natural features of the landscape, including mountains, water bodies, rivers, and settlements. These Turkic names serve as vital indicators of historical environmental conditions. For instance, names such as Qara Tobe (Black Hill), Aqsu (White Water), and Tasqurgan (Stone Fortress) provide specific details about the local geography, such as the composition of hills, the clarity of springs, and the nature of mountain passes. Based on these characteristics, the Turkic toponyms can be categorized into several groups:

Oronyms (Mountains and Hills): Examples include Qyzyl Tau (Red Mountain), Aq Tau (White Mountain), and various “tepe” or “tappe” formations such as Yar Tappe (Cliff Hill), Myng Tappe (Thousand Hills), and Ura Teppe (Hollow Hill).

Fortifications and Settlements: This group includes Zhana Qurgan (New Fortress), Katta Qurgan (Big Fortress), and Tas Qurgan (Stone Fortress). The term Yangi Hisar (New Fortress) appears twice; notably, while Hisar is of non-Turkic origin, it is extensively used across Turkic cultures.

Hydronyms (Water, Rivers, and Canals): This category features Baq Aryq (Garden Canal), Koksu (Blue Water), and Aigyr Bulaq (Stallion Spring). Many names indicate water quality, such as the saline Shorbulaq (Salty Spring) and Shorquduq (Salty Well), or aesthetic qualities like Kumush Aqma (Silver Flow). Interestingly, some toponyms recur in different regions; for example, Yangi Aryq is found in both Kashgar and near Bokhara.

Zoonyms (Toponyms related to animals): This category includes Qulan Uldi (The Onager Died), Qargaly (Place of Crows), Aigyr Bulaq (Stallion Spring), Qus Ulush (Bird’s Portion/Place), Zhilan Oty (Snake Land/Grass), and Qunduz (Beaver).

By conducting a diachronic analysis of the Turkic toponyms given in the table, it was determined that the toponyms written by Mir Izzatullah correspond to the names on today's maps and have been preserved to this day. However, some toponyms located in today's China have been preserved in the people's memory, but their names on official maps have changed. Some of the toponyms in Mir Izzatullah's travelogue related to

today's Central Asia have also changed. Although the names of large cities, settlements, rivers and stations have been preserved, the names of small villages, canals, ditches, wells, crossings and passes have changed. It is known that many toponyms changed during the Soviet Union. However, after the collapse of the Soviet Union, some historical and geographical names were returned. From the point of view of restoring historical and geographical names, the study of Mir Izzatullah's work "Masir-i Bokhara" becomes increasingly important.

This study reveals that "Masir-i Bokhara" remains little-studied, with few studies utilizing the original Persian text. This is largely due to the sheer depth of Izzatullah's ethnolinguistic data regarding Kazakhs, Kyrgyz, Uzbeks, and Kalmyks. Because this material is so enormous, we intend to explore its historical, ethnographic, and linguistic dimensions in subsequent papers. There is a clear need for a full translation of "Masir-i Bokhara" into Russian and Kazakh, accompanied by rigorous scientific commentary. Given the abundance of Turkic toponyms and cultural nuances, such a translation must be conducted by scholars proficient in both Persian and Turkic languages.

Furthermore, this study comprehensively examined Izzatullah's data on purebred horses—specifically Kazakh, Uzbek, Kyrgyz, and Turkmen breeds. The findings confirm that the Kazakh, Kyrgyz, and Uzbek horses belong to an ancient, hardy lineage recognized across Central Asia and Eurasia for centuries. We also analyzed market prices and the historical context of the mass decline of the Kazakh horse following the 1796 famine. Izzatullah's journey (1812–1813) occurred during a period of global political disruption, and his ability to reflect these events provides a novel perspective through which to view the era.

Ultimately, "Masir-i Bokhara" is more than a travelogue; it is a cultural crossroads between India and Turkestan. It records a critical moment – the "last breath" before colonization—when Central Asia's ethnic and toponymic landscape began to change. Izzatullah's synthesis of Turkic meaning within Persian form allows us to reconstruct a "living" 19th-century geographical map of Central Asia.

Sources

Izzatullah, 1812-1813 – *Izzatullah Mir.* Masir-i Bokhara. National Library of France, Supplement Persan 1349.

Literature

Бабаджанов, 2010 – *Бабаджанов Б.* Кокандское ханство: власть, политика, религия. Токио; Ташкент: Янги нашр. – С. 141-143.

Бахметьев, 1870 – *Бахметьев Н.* Сведения о коннозаводстве Туркестанского края. Журнал коннозаводства. 1870. № 1. С. 1-16. № 11. С. 35-42.

Боковенко и др., 2020 – *Боковенко Н.А., Пластеева Н.А., Тишкин А.А.* Лошади из кургана Аржан-1: результаты археологических исследований и морфометрический анализ сохранившейся остеологической коллекции. Поволжская археология. №3(33). С. 229. https://doi.org/10.24852/pa2020.3.33.219.232

Вайнштейн, 1991 – *Вайнштейн С.* Мир кочевников Центральной Азии. Москва: Наука. С. 125.

Давидович, 1983 – *Давидович Е.* История денежного обращения средневековой Средней Азии (медные монеты XV – первой четверти XVI в. в Мавераннахре). Москва: Наука. - С. 114.

Жәнібеков, 2001 – *Жәнібеков Ө.* Жамбы. Қазақстан: Ұлттық энциклопедия том. 3. Алматы: Қазақ энциклопедиясы. 2001. 477 б.

Иззет-Улла, 1956 – Иззет-Улла М. Путешествие Мир Иззет-Уллы в Кокандское ханство в 1812 г. Сводный текст по англ. и франц. Переводам / Пер. и примеч. Ю.А. Соколова // Труды САГУ. Историч. науки. Вып. 78.

Каландарова, 1995 – *Каландарова М.* Геополитика Англии в Центральной Азии в 20-30- годы XIX в.: (По материалам экспедиции А. Бернса в Бухару в 1831 г.): автореферат дис. кандидата исторических наук: 07.00.03 / Ин-т востоковедения. Москва. 19 с.: ил. РГБ ОД, 9 95-2/1307-х

Каландарова, 2024 – *Каландарова М.* Восток на Востоке. Индийцы в Бухаре // *Библиотека Узбекистана*. С. 54-61. https://biblio.uz/m/articles/view/ВОСТОК-НА-ВОСТОКЕ-ИНДИЙЦЫ-В-БУХАРЕ

Кеңесбаев, 1961 – *Кеңесбаев І.* Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі (1961) Т. II. (Қ-Я) Жалпы редакциясын басқарған І. К. Кеңесбаев; құраст.: Ш. Ахметова; Қазақ ССР Ғылым академиясы, Тіл білімі ин-ты. Алматы: Ғылым. – 379 б.

Қашқари, 1997 – *Қашқари Махмуд.* Түрік тілінің сөздігі (Диуани лұғат ат-түрк). Т. І. Қазақ тіліне аударған, алғы сөзі мен ғылыми түсініктерін жазған А. Егеубай. Алматы: Хант. 499 б.

Лебедев, 1940 – *Лебедев В.* Материалы по истории Казахской ССР (1785-1828 гг.) (1940). Академия наук СССР, Институт истории. Ответственный редактор В. И. Лебедев; ведущий редактор Б. А. Вадецкий. Москва; Ленинград: Издательство АН СССР. С. 30-31; С. 186-187.

Мавлонов и др., 2017 – *Мавлонов, У., Каримов, Я., Артыков, Х.* Место Амударьинских переправ в коммуникационной системе Центральной Азии // *The Newman In Foreign Policy* №38(82). С. 54-58.

Мейер, Бризак, 2006 – *Мейер К.Э., Бризак Ш.Б.* Турнир теней: большая игра и гонка за империю в Центральной Азии. Н.Ю.: Бейсик букс. – XXXX, 648 с.

Нестеров, 1990 – *Нестеров С.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука. С. 15–17.

Нурматов, Хафизов, 2024 – *Нурматов, А., Хафизов, И.* Карабаирская порода лошадей – «Золотой фонд» Узбекистана. Журнал Ошского государственного университета. Сельское хозяйство: агрономия, ветеринария и зоотехника, 3(2), 212-218. https://doi.org/10.52754/16948696_2024_2(7)_23

Суйнова, Дюсембекова, 2022 – *Суйнова А. Т., Дюсембекова Ж.К.* Деятельность английских агентов в Средней Азии в первой половине XIX века в контексте русско-английского соперничества // Journal of History. 105(№2). С. 183–194. https://doi.org/10.26577/JH.2022.v105.i2.018

Тарих – История Казахстана - школьникам. (б. г.). Казахи в Отечественной войне 1812 г. tarih-begalinka.kz

Abdurahmanov, 2023 – *Abdurahmonov Z.* Diplomatic Relations of the Khanate of Kokand with China and the Countries of the Muslim East // International Journal of Integrated Education. Volume 6, Issue 11|Nov. 2023. P. 60.

Blochet, 1905-1934 – *Blochet E*. Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque nationale, Paris, E. Leroux, Réunion des Bibliothèques nationales. 1905-1934. P. 377.

Blochet, 1909 – *Blochet E.* Catalogue de la collection de manuscrits orientaux (arabes, persan et turcs) formee par Charles Schefer et aquise par l'etat. Publie par E. Blochet. Paris: Ernest Leroux. 1909. P. III-V.

Burnes, 1834 – *Burnes A.* Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia (Vol. 2). 1934. John Murray. archive.org

Isakov, Jobborov, 2022 – *Isakov M., Jobborov Z.* Mir Izzatullo's journey to Central Asia as an important foreign source on the Kokand Khanate // *Central Asian journal of Arts and design*. Vol 3, issue 6. 2022. www.cajad.centralasianstudies.org

Izzut-Oollah, 1872 – *Izzut-Oollah M*. Travels in Central Asia by Meer Izzut-Oollah in the years 1812-13. Translated by Captain Henderson, attached to the Foreign Office of the Government of India. Calcutta: Printed at the foreign department press, Council House Street. 1972. (Preface by author).

Jaubert, 1826 – *Jaubert A*. Voyage de Mir Izzet-Ullah dans l'Asie Centrale, en 1812. Paris, *Magasin asiatique* 1826. T.1-2.

Kholikulov, 2024 – *Kholikulov A*. The geopolitical situation in the middle of the XVIII – early XIX century and the place of the Bokhara Emirate in it // *Society and innovations.* Issue – 5 № 3. 2024. P. 15-26. DOI:https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol5-iss3-pp15-26

Kumar, 2023 – *Kumar S*. To Bokhara and back: Mohan Lal's travel in Central Asia (1831-1834) // *Proceedings of the South Indian History Congress 41*. 2023. http://journal.southindianhistorycongress.org/show_articles

La'lzad, 2023 – *La'lzad Abd al-Khaliq*. Safar-nameh Meer Izzatullah dar Asiya-ye Markazi (1812-1813). Translated into Persian by Abd al-Khaliq La'lzad. London. 2023. 136 p.

Rieu, 1879-1895 – *Rieu C*. Catalogue of Persian Manuscripts in the British Museum (1879-1895). Vol. I-IV. London: Gilbert and Rivington (see: Or. 2009, Or. 2769).

Sachau, Ethe, 1889-1954 – Sachau E., Ethe H. Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library. Vol. I, Part I. Oxford, Clarendon Press. 1889-1954. (See: Or. 745).

Steinigeweg, 1991 – *Steinigeweg W*. William Moorcroft (1767-1825). Veterinarian, explorer in Asia and spy? DTW. Deutsche tierarztliche Wochenschrift, 98 (5). 1991. P. 183–185.

Szuppe, 1996 – *Szuppe M.* «En quête de chevaux turkmènes: le journal de voyage de Mîr 'Izzatullâh de Delhi à Boukhara en 1812-1813», Cahiers d'Asie centrale [En ligne], 1/27. 1996. P. 93; P. 96. *http://journals.openedition.org/asiecentrale/425 (In Fr)*

Sources

Izzatullah, 1812-1813 – *Izzatullah Mir*. Masir-i Bokhara. National Library of France, Supplement Persan 1349. [in Persian]

References

Abdurahmanov, 2023 – *Abdurahmonov Z.* Diplomatic Relations of the Khanate of Kokand with China and the Countries of the Muslim East // *International Journal of Integrated Education*. Volume 6, Issue 11|Nov. 2023. P. 60.

Bakhmetyev, 1870 – *Bakhmetyev N*. Information about the stud farm of the Turkestan region // *Journal of construction works*. 1870. No.1. P. 1-16. No. 11. P. 35-42. [in Russian]

Babadzhanov, 2010 – *Babadzhanov B.* Kokand Khanate: power, politics, religion. Tokyo; Tashkent: Yangi nashr. 2010. P. 141-143. [in Russian]

Blochet, 1905-1934 – *Blochet E.* Catalogue des manuscrits persans de la Bibliothèque nationale, Paris, E. Leroux, Réunion des Bibliothèques nationales. 1905-1934. P. 377. [in French]

Blochet, 1909 – *Blochet E.* Catalogue de la collection de manuscrits orientaux (arabes, persan et turcs) formee par Charles Schefer et aquise par l'etat. Publie par E.Blochet. Paris: Ernest Leroux. 1909. P. III-V. [in French]

Bokovenko i dr., 2020 – *Bokovenko N.A., Plasteeva N.A., Tishkin A.A.* Horses from the Arzhan-1 burial mound: results of archaeological research and morphometric analysis of the preserved osteological collection // *Volga Region Archaeology*. No. 3 (33). 2020. P. 229; 220. https://doi.org/10.24852/pa2020.3.33.219.232 [in Russian]

Burnes, 1834 – *Burnes A.* Travels into Bokhara; being the account of a journey from India to Cabool, Tartary and Persia (Vol. 2). 1934. John Murray. archive.org

Davidovich, 1983 – *Davidovich Y.* History of money circulation in medieval Middle Asia (copper coins of the XV – first quarter of the XVI century in Maverannakhre). Moscow: Nauka, 1983. P. 114. [in Russian]

Kenesbayev, 1961 – *Kenesbayev I.* Explanatory Dictionary of the Kazakh Language. T. II. (K-Ya) General editor I. K. Kenesbayev; comp.: Sh. Akhmetova; Academy of Sciences of the Kazakh SSR, Institute of Linguistics. Almaty: Nauka. 1961. P. 87; P. 379. [in Kazakh]

Isakov, Jobborov, 2022 – *Isakov M., Jobborov Z.* Mir Izzatullo's journey to Central Asia as an important foreign source on the Kokand Khanate // *Central Asian journal of Arts and design*. Vol 3, issue 6. 2022. www.cajad.centralasianstudies.org

Izzut-Oollah, 1872 – *Izzut-Oollah M.* Travels in Central Asia by Meer Izzut-Oollah in the years 1812-13. Translated by Captain Henderson, attached to the Foreign Office of the Government of India. Calcutta: Printed at the foreign department press, Council House Street. 1972. (Preface by author).

Jaubert, 1826 – *Jaubert A*. Voyage de Mir Izzet-Ullah dans l'Asie Centrale, en 1812. Paris, *Magasin asiatique 1826*. T.1-2. [in French]

Kholikulov, 2024 – *Kholikulov A*. The geopolitical situation in the middle of the XVIII – early XIX century and the place of the Bokhara Emirate in it // *Society and innovations*. Issue – 5 № 3. 2024. P. 15-26. DOI:https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol5-iss3-pp15-26 [in Uzbek]

Kalandarova, 2024 – *Kalandarova M.* Vostok na Vostoke. Indians in Bokhara // Library of Uzbekistan. 2024. P. 54-61. https://biblio.uz/m/articles/view/VOSTOK-NA-VOSTOKE-INDIYTSY-V-BUKHARE [in Russian]

Kalandarova, 1995 – *Kalandarova M.* Geopolitics of England in Central Asia in the 20-30s of the XIX century.: (Based on the materials of A. Burns' expedition to Bukhara in 1831): *abstract dis. candidate of historical sciences: 07.00.03* / Institute of Oriental Studies. Moscow. 1995. C. 19 il. RGB OD, 9 95-2/1307-x [in Russian]

Kumar, 2023 – *Kumar S.* To Bokhara and back: Mohan Lal's travel in Central Asia (1831-1834) // Proceedings of the South Indian History Congress 41. 2023. http://journal.southindianhistorycongress.org/show_articles

La'lzad, 2023 – *La'lzad Abd al-Khaliq.* Safar-nameh Meer Izzatullah dar Asiya-ye Markazi (1812-1813). Translated into Persian by Abd al-Khaliq La'lzad. London. 2023. 136 p. [in Persian]

Lebedev, 1940 – *Lebedev V*. Materials on the history of the Kazakh SSR (1785-1828) (1940). Academy of Sciences of the USSR, Institute of History. Responsible editor V. I. Lebedev; chef editor B. A. Wadetsky. Moscow; Leningrad: Izdatelstvo AN USSR. 1940. P. 30-31; P. 186-187. [in Russian]

Mawlonov i dr., 2017 – *Mawlonov U., Karimov Ya., Artykov Kh*. The location of Amu Darya crossings in the communication system of Central Asia // *The Newman In Foreign Policy* №38(82). 2017. P. 54-58. [in Russian]

Meyer, Brysac, 2006 – *Meyer K.E., Brysac Sh.B.* Tournament of shadows: The Great Game and the race for empire in Central Asia. N.Y: Basic Books, 2006. XXXX, 648 p.

Izzet-Ullah, 1956 – *Izzet-Ullah M*. Journey of Mir Izzet-Ullah to Kokand Khanate in 1812. Summary text from English and French. Translation and comments by Yu.A. Sokolov // SAGU publications. Historical Sciences. Issue 78. 1956. [in Russian]

Nurmatov, Hafizov, 2024 – *Nurmatov A., Hafizov I.* The karabair horse breed is the "golden fund" of Uzbekistan // Journal of Osh State University. Agriculture: Agranomy, Veterinary and Zootekhnics. 2(7). C. 212-218. https://doi.org/10.52754/16948696_2024_2(7)_23 [in Russian]

Nesterov, 1990 – *Nesterov S.* The horse in the cults of Turkic-speaking tribes of Central Asia in the Middle Ages. Novosibirsk: Nauka, 1990. P. 15-17. [in Russian]

Qashkari, 1997 – *Qashkari Mahmoud*. Dictionary of the Turkic Language (Diwani Lugat at-Türk). Vol. I. Translated into Kazakh, with a preface and scientific comments by A. Egeubay. Almaty: Khant, 1997. P. 499. [in Kazakh]

Rieu, 1879-1895 – *Rieu Ch.* Catalogue of Persian Manuscripts in the British Museum (1879-1895). Vol. I-IV. London: Gilbert and Rivington (see: Or. 2009, Or. 2769).

Sachau, Ethe, 1889-1954 – *Sachau E., Ethe H.* Catalogue of the Persian, Turkish, Hindustani and Pushtu Manuscripts in the Bodleian Library. Vol. I, Part I. Oxford, Clarendon Press. 1889-1954. (See: Or. 745).

Steinigeweg, 1991 – *Steinigeweg W.* William Moorcroft (1767-1825). Veterinarian, explorer in Asia and spy? DTW. Deutsche tierarztliche Wochenschrift, 98 (5). 1991. P. 183–185.

Suinova, Dyusembekova, 2022 – *Suinova A.T., Dyusembekova Zh.K.* Activities of English agents in central Asia in the First Half of the XIX century in the Context of Russian-English Rivalry // *Journal of History*, 105 (№2). P. 183–194. https://doi.org/10.26577/JH.2022.v105.i2.018 [in Russian]

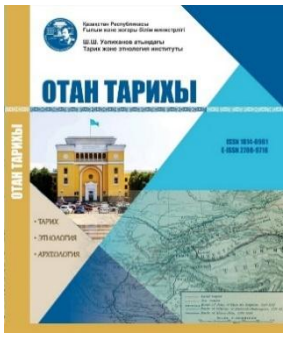
Szuppe, 1996 – *Szuppe M*. «En quête de chevaux turkmènes: le journal de voyage de Mîr 'Izzatullâh de Delhi à Boukhara en 1812-1813», *Cahiers d'Asie centrale* [En ligne], 1/27. 1996. P. 93; P. 96. http://journals.openedition.org/asiecentrale/425 [in French]

History – *History of Kazakhstan - my schoolgirl.* (p. g.). Kazakhs in the Patriotic War of 1812. tarih-begalinka.kz [in Russian]

Wainstein, 1991 – *Weinstein S.* World of nomads of Central Asia. Moscow: Nauka. 1991. P. 125. [in Russian]

Janibekov, 2001 – *Janibekov O.* Zhamby. *Kazakhstan: National Encyclopedia* Vol. 3. Almaty: Kazakh Encyclopedia. 2001. P. 477. [in Kazakh]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since
1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1063–1078
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1063-1078

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАНА АБИЛМАМБЕТА В ОЦЕНКАХ ИСТОРИОГРАФИИ

Анар Советхановна Тылахметова[1], *Ирина Борисовна Черниенко*[2*]

[1] Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
научный сотрудник
PhD-докторант Казахского национального педагогического университета имени Абая
(Алматы, Республика Казахстан),
https://orcid.org/0009-0005-0286-0260 E-mail: anora_1986@mail.ru

[2] Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
https://orcid.org/0009-0004-6779-149X E-mail: irina.chernienko@gmail.com
[*]Автор-корреспондент

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Тылахметова А.С., Черниенко И.Б., 2026

Аннотация. *Введение.* Личность и деятельность хана Абилмамбета занимают важное место в истории Казахского ханства середины XVIII в. Однако в историографии он долгое время оставался в тени более известных современников – Абулхаира и Абылая. Несмотря на почти тридцатилетнее правление и участие в ключевых политических событиях эпохи, его государственная деятельность редко становилась предметом специального исследования. В связи с этим актуальным является изучение научных представлений о государственной деятельности Абилмамбета и определение степени разработанности данной проблемы. *Цели и задачи.* Цель статьи заключается в анализе отечественной и зарубежной историографии, посвященной государственной деятельности Абилмамбета. Для достижения поставленной цели рассмотрены основные этапы изучения проблемы, выявлены особенности интерпретации деятельности хана в различные периоды развития исторической науки и проанализированы существующие оценки его роли в политической истории Казахского ханства. *Материалы и методы.* Материалами исследования стали работы отечественных и зарубежных исследователей XVIII–XXI вв. Для анализа историографических подходов применялись историографический, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. *Результаты.* В ходе исследования установлено, что дореволюционные и советские авторы рассматривали Абилмамбета преимущественно в контексте российско-казахских отношений и деятельности других правителей. Существенное расширение представлений о его политической роли произошло в современной историографии благодаря привлечению новых архивных и китайских источников. Современные исследователи все чаще рассматривают Абилмамбета как самостоятельного политического деятеля, участвовавшего в выработке внешнеполитического курса

Казахского ханства и сохранении устойчивости ханской власти в условиях давления со стороны России, Джунгарии и Цинской империи. *Заключение.* Сделан вывод о том, что современная историография постепенно переосмысливает роль Абилмамбета в истории Казахского ханства. Вместе с тем его внутренняя политика и механизмы осуществления ханской власти остаются недостаточно изученными и требуют дальнейшего исследования.

Ключевые слова: Абилмамбет хан, Казахское ханство, Средний жуз, историография, внешняя политика, ханская власть, дипломатия XVIII века.

Благодарность. Статья выполнена в рамках реализации проекта программно-целевого финансирования КН МНВО РК «Междисциплинарное исследование региональных аспектов истории Казахстана (на основе новых архивных материалов и фольклорных произведений)» (ИРН BR28512385).

Для цитирования: Тылахметова А.С., Черниенко И.Б. Государственная деятельность хана Абилмамбета в оценках историографии // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1063–1078. [на рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1063-1078

ТАРИХНАМАДАҒЫ ӘБІЛМӘМБЕТ ХАННЫҢ МЕМЛЕКЕТТІК ҚЫЗМЕТІНЕ БЕРІЛГЕН БАҒАЛАР

Анар Советханқызы Тылахметова[1], Ирина Борисовна Черниенко[2]*

[1] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(Шевченко көш., 28, 050010, Алматы қ., Қазақстан Республикасы)
ғылыми қызметкер
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің PhD докторанты
(Алматы қ., Қазақстан Республикасы)
https://orcid.org/0009-0005-0286-0260 E-mail: anora_1986@mail.ru

[2] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(Шевченко көш., 28, 050010, Алматы қ., Қазақстан Республикасы)
тарих ғылымдарының кандидаты, доцент, аға ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0009-0004-6779-149X E-mail: irina.chernienko@gmail.com
[*]Корреспондент-автор

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Тылахметова А.С., Черниенко И.Б., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* XVIII ғасырдың ортасындағы Қазақ хандығының саяси даму тарихындағы Әбілмәмбет ханның тұлғасы мен мемлекеттік қызметінің алатын орны ерекше. Алайда тарихнамалық талдауларда оның саяси қайраткерлігі ұзақ уақыт бойы өз заманының көрнекті танымал тұлғалары – Әбілқайыр мен Абылай ханның көлеңкесінде қалып келген еді. Отыз жылға жуық хандық билік құрғанына қарамастан, оның мемлекеттік қызметі арнайы ғылыми зерттеулердің басты нысанына айнала алған жоқ. Осыған байланысты Әбілмәмбет ханның мемлекеттік қызметіне қатысты ғылыми еңбектерді талдау және тарихнамалық тұрғыдан зерттелу деңгейін айқындау өзекті мәселе болып табылады. *Мақсаты мен міндеттері.* Мақаланың мақсаты – Әбілмәмбет ханның мемлекеттік қызметіне арналған отандық және шетелдік ғылыми еңбектерді тарихнамалық тұрғыдан талдау. Аталған мақсатқа жету үшін зерттелу мәселесінің негізгі бағыттары қарастырылып, тарих ғылымының әртүрлі даму кезеңдеріндегі ханның мемлекеттік қызметін интерпретациялау ерекшеліктері анықталып, сонымен қатар оның Қазақ хандығының саяси тарихындағы орны мен рөліне қатысты қалыптасқан ғылыми бағаларға талдау жасалды. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеу материалдары ретінде XVIII–XXI ғасырлардағы отандық және шетелдік зерттеушілердің еңбектері пайдаланылды. Тарихнамалық тұжырымдамаларды талдау үшін тарихнамалық, салыстырмалы-тарихи және мәселелік-хронологиялық әдістер қолданылды. *Нәтижелер.* Зерттеу нәтижесінде революцияға дейінгі және кеңестік кезең авторларының Әбілмәмбет ханды негізінен орыс–қазақ қатынастары және басқа да билеушілердің қызметі аясында қарастырғаны анықталды. Оның саяси

рөлі туралы ғылыми көзқарастардың артуы, қазіргі тарихнамадағы жаңа архивтік деректер мен қытай дереккөздерінің ғылыми айналымға енгізілуінің нәтижесінде жан-жақты жүзеге асырылуда. Қазіргі зерттеушілер Әбілмәмбетті Қазақ хандығының сыртқы саяси бағытын айқындауға қатысқан және Ресей, Жоңғария мен Цин империясының қысымы жағдайында хандық биліктің тұрақтылығын сақтаған дербес саяси тұлға ретінде жиі қарастыруда. *Қорытынды.* Зерттеу нәтижесіндегі қорытындыға келсек, қазіргі тарихнамалық зерттеулерде Әбілмәмбеттің Қазақ хандығы тарихындағы рөлін біртіндеп жаңаша пайымдаулармен толықтырып келе жатқандығы анықталады. Сонымен қатар, оның ішкі саясаты мен хандық билікті жүзеге асырудағы тетіктері толыққанды зерттелмегендіктен, аталған мәселе әлі де қосымша ғылыми саралау мен талдауларды қажет етеді.

Түйін сөздер: Әбілмәмбет хан, Қазақ хандығы, Орта жүз, тарихнама, сыртқы саясат, хандық билік, XVIII ғасыр дипломатиясы.

Алғыс. Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің «Қазақстан тарихының аймақтық аспектілерін пәнаралық зерттеу (жаңа мұрағат материалдары мен фольклорлық шығармалар негізінде)» (№ BR28512385) жобасын іске асыру шеңберінде орындалды.

Дәйексөз үшін: Тылахметова А.С., Черниенко И.Б. Әбілмәмбет ханның мемлекеттік қызметі тарихнамалық бағаларда // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1063–1078-бб. [орысш.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1063-1078

THE STATE ACTIVITY OF KHAN ABILMAMBET IN HISTORIOGRAPHICAL ASSESSMENTS

Anar S. Tylahmetova[1], Irina B. Chernienko[2]*

[1] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Researcher
PhD Student, Abai Kazakh National Pedagogical University
(Almaty, Republic of Kazakhstan)
https://orcid.org/0009-0005-0286-0260 E-mail: anora_1986@mail.ru

[2] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher
https://orcid.org/0009-0004-6779-149X E-mail: irina.chernienko@gmail.com
[*]Corresponding Author

© Valikhanov IHE, 2026
© Tylahmetova A.S., Chernienko I.B., 2026

Abstract. *Introduction.* The personality and political activity of Khan Abilmambet occupy an important place in the history of the Kazakh Khanate in the mid-eighteenth century. However, in historiography he remained for a long time in the shadow of his more prominent contemporaries–Ablai Khan and Abulkhair Khan. Despite his nearly thirty-year reign and participation in key political events of the period, his state activity has rarely been the subject of specialized research. In this regard, the study of scholarly interpretations of Abilmambet's political role and the degree of elaboration of this problem remains relevant. *Objectives and tasks.* The aim of the article is to analyze both domestic and foreign historiography devoted to the state activity of Abilmambet. To achieve this goal, the main stages of the study of the problem are considered, the features of interpreting the khan's activity in different periods of historical scholarship are identified, and existing assessments of his role in the political history of the Kazakh Khanate are analyzed. *Materials and Methods.* The research materials consisted of the works of domestic and foreign scholars published from the eighteenth to the twenty-first centuries. Historiographical, comparative-historical, and problem-chronological methods were employed to analyze historiographical approaches. *Results.* The study shows that pre-revolutionary and Soviet scholars primarily examined Abilmambet in the context of Russian–Kazakh relations and the activities of other rulers. A significant expansion of understanding of his political role occurred in modern historiography due to the involvement of new archival materials and Chinese

sources. Contemporary researchers increasingly regard Abilmambet as an independent political actor who participated in shaping the foreign policy course of the Kazakh Khanate and maintaining the stability of khan authority under pressure from Russia, the Dzungar Khanate, and the Qing Empire. *Conclusion.* It is concluded that modern historiography is gradually re-evaluating Abilmambet's role in the history of the Kazakh Khanate. At the same time, his internal policies and mechanisms of governance remain insufficiently studied and require further research.

Keywords: Khan Abilmambet, Kazakh Khanate, Middle Zhuz, historiography, foreign policy, khan authority, eighteenth-century diplomacy.

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of the project of program-targeted financing of the CS MSHE RK «Interdisciplinary study of regional aspects of Kazakhstan's history (based on new archival materials and folklore works)» (ИРН BR28512385).

For citation: Tylahmetova A.S., Chernienko I.B. The State Activity of Khan Abilmambet in Historiographical Assessments // Otan tarikhy. 2026. Vol. 29. No. 3. Pp. 1063–1078. [in Russ.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1063-1078

Введение. Середина XVIII в. стала одним из наиболее сложных и вместе с тем определяющих периодов в истории Казахского ханства. Последствия джунгарских вторжений, изменение баланса сил в Центральной Азии, расширение влияния Российской и Цинской империй поставили перед казахскими правителями задачу сохранения политической устойчивости и территориальной целостности степи. В этих условиях важную роль сыграл хан Среднего жуза Абилмамбет (1734–1769), чье правление пришлось на период глубоких внешнеполитических и внутриполитических преобразований. Именно в годы его ханства происходили восстановление политических институтов после джунгарского нашествия, выстраивание отношений с крупнейшими державами региона и постепенное возвышение султана Абылая.

Несмотря на это, личность и государственная деятельность Абилмамбета долгое время оставались вне научного интереса. В исторической литературе основное внимание традиционно уделялось Абулхаиру и Абылаю, тогда как Абилмамбет чаще рассматривался лишь как участник отдельных событий или как фигура, находившаяся в тени более известных современников. В результате до настоящего времени отсутствует единое представление о месте и роли Абилмамбета в политической системе Казахского ханства середины XVIII в., а оценки его личности и деятельности нередко остаются противоречивыми.

Актуальность исследования определяется необходимостью обобщения и анализа накопленного историографического материала, посвященного государственной деятельности Абилмамбета. За последние десятилетия значительно расширилась источниковая база исследований благодаря введению в научный оборот новых российских, казахстанских и китайских документов. Это привело к пересмотру ряда устоявшихся оценок и появлению новых подходов к изучению деятельности хана. Вместе с тем существующие работы различаются не только по выводам, но и по пониманию характера власти Абилмамбета, его взаимоотношений с Абулхаиром и Абылаем, а также его роли в международных отношениях Центральной Евразии. В этой связи анализ развития научных представлений об Абилмамбете позволяет не только определить степень изученности проблемы, но и выявить перспективные направления дальнейших исследований.

Объектом исследования является историография Казахского ханства XVIII в., связанная с изучением деятельности хана Абилмамбета. Предметом выступают научные представления о государственной деятельности Абилмамбета, отраженные в трудах отечественных и зарубежных исследователей XVIII – начала XXI в. Цель исследования заключается в выявлении основных направлений, особенностей и результатов изучения государственной деятельности Абилмамбета в исторической науке, а также в определении существующих дискуссионных вопросов и исследовательских перспектив.

Научная новизна заключается в комплексном рассмотрении отечественной и зарубежной историографии, посвященной государственной деятельности Абилмамбета. В отличие от большинства существующих работ, в которых отдельные оценки ученых приводятся фрагментарно, данное исследование позволяет проследить эволюцию научных представлений о хане на протяжении более двух столетий, определить основные тенденции развития историографии и выявить вопросы, требующие дальнейшего изучения.

Научное значение исследования состоит в систематизации и критическом осмыслении существующих историографических подходов к изучению деятельности Абилмамбета. Полученные результаты позволяют уточнить степень разработанности проблемы, определить наиболее дискуссионные вопросы и создать основу для дальнейшего изучения политической истории Казахского ханства XVIII в.

Материалы и методы исследования. Исследование основано на анализе научной литературы, посвященной политической истории Казахского ханства XVIII в. и деятельности хана Абилмамбета. Материальную основу работы составили труды дореволюционных, советских, современных отечественных и зарубежных исследователей, опубликованные с XVIII в. по настоящее время. Всего проанализировано более сорока научных работ различного характера, включая монографии, статьи, историко-этнографические описания и обобщающие исследования по истории Казахстана и Центральной Азии.

В ходе работы авторами статьи был сформирован корпус научной литературы по теме и проведена его систематизация по хронологическому и проблемному принципам, осуществлен анализ взглядов исследователей на ключевые вопросы государственной деятельности Абилмамбета, проведено сопоставление научных концепций различных историографических периодов и определены основные направления, а также существующие дискуссионные вопросы.

Исследование исходит из гипотезы о том, что сложившееся в значительной части историографии представление об Абилмамбете как о второстепенной политической фигуре сформировалось под влиянием устойчивой традиции рассматривать историю Среднего жуза через призму деятельности Абылая. Предполагается, что привлечение и сопоставление широкого круга научных работ позволяет точнее определить роль Абилмамбета в политической истории Казахского ханства середины XVIII в. и проследить эволюцию научных представлений о его деятельности.

Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности и системности, предполагающие рассмотрение научных концепций в контексте времени их возникновения и развития. В работе использованы специальные методы историографического исследования. Историко-генетический метод позволил проследить формирование и развитие научных представлений о деятельности Абилмамбета. Историко-сравнительный метод применялся для сопоставления оценок различных исследователей и выявления сходств и различий в их интерпретациях. Проблемно-хронологический метод дал возможность рассмотреть основные направления изучения внутренней и внешней политики хана в рамках отдельных этапов развития исторической науки. Метод историографического анализа использовался для определения степени изученности проблемы, выявления исследовательских лакун и оценки вклада отдельных авторов в разработку темы.

Обсуждение. История Казахского ханства XVIII в. относится к числу наиболее активно разрабатываемых направлений современной отечественной исторической науки. Различные аспекты политического развития ханства, его взаимоотношений с Россией, Джунгарией и Цинской империей, а также деятельность отдельных правителей нашли отражение в трудах И.В. Ерофеевой [Ерофеева, 1997; Ерофеева, 2007], К.Ш. Хафизовой [Хафизова, 2007; Хафизова, 2019], М.Х. Абусеитовой [Абусеитова, 2020], Н.А. Атыгаева [Атығаев, 2015], Т.И. Султанова [Султанов, 2006], А.К. Муктара и Е.Б. Сыдыкова [Мұқтар, Сыдықов, 2015], М.Б. Кожи [Кожа, 2021], Р. Д. Темиргалиева [Темиргалиев, 2019] и других исследователей. Интерес также представляет новая коллективная монография под редакцией Ж.М. Сабитова, посвященная истории Казахского ханства во второй половине XV – первой половине XVIII в. [История, 2025]. Однако на фоне устойчивого интереса к фигурам Абулхаира и особенно Абылая хан Абилмамбет долгое время оставался в тени своих более известных современников.

Несмотря на почти тридцатилетнее пребывание на ханском престоле и участие в ключевых политических событиях середины XVIII в., его государственная деятельность редко становилась предметом специального исследования и обычно рассматривалась лишь в контексте истории российско-казахских отношений, возвышения Абылая или внешнеполитической истории Казахского ханства. В результате в научной литературе сложился неоднозначный образ Абилмамбета, оценки которого существенно различаются в зависимости от используемой источниковой базы и исследовательских подходов.

Первые сведения о деятельности хана содержатся в трудах современников и непосредственных участников событий XVIII в. Наиболее ценными среди них являются работы П.И. Рычкова, который

зафиксировал обстоятельства принесения присяги в Оренбурге в 1740 г. и особенности взаимоотношений казахских правителей [Рычков, 1887; 1896]. Более поздние сочинения И.Г. Андреева, Г.И. Спасского, А.И. Левшина и Н.И. Красовского расширили круг сведений о генеалогии хана, его политических контактах и ключевых этапах биографии [Андреев, 2007; Спасский, 2011; Левшин, 1996; Материалы, 1868]. Вместе с тем для большинства работ дореволюционного периода характерно рассмотрение Абилмамбета через призму отношений Казахской степи с Российской империей, и он нередко оказывался в тени более ярких политических фигур, прежде всего Абулхаира и Абылая. Схожий подход прослеживается и в трудах Ч.Ч. Валиханова и Г.Н. Потанина [Валиханов, 1984; 1985а; 1985б; 1985в; Потанин, 2006].

В советской историографии интерес к фигуре Абилмамбета сохранялся преимущественно в рамках изучения проблемы присоединения Казахстана к России. Наиболее показательны в этом отношении работы Н.Г. Аполловой, В.Я. Басина, Р.Б. Сулейменова и В.А. Моисеева [Аполлова, 1948; Басин, 1971; Сулейменов, Моисеев, 1988]. Если Н.Г. Аполлова интерпретировала политическую деятельность Абилмамбета в соответствии с концепцией исторической закономерности вхождения Казахстана в состав Российской империи, то более поздние исследования позволили представить его участником сложной дипломатической борьбы между Россией, Джунгарией и Цинской империей. Однако даже в этих работах хан не стал самостоятельным объектом анализа, а его внутренняя политика практически не изучалась.

Наиболее заметные изменения произошли в отечественной историографии после обретения Казахстаном независимости. Принципиальное значение имели исследования И.В. Ерофеевой, которая ввела в научный оборот значительный комплекс архивных материалов и реконструировала основные этапы политической биографии Абилмамбета, его отношения с Абулхаиром [Ерофеева, 1997; 2001; 2007]. Важным результатом исследований И.В. Ерофеевой стало преодоление упрощенных представлений о противостоянии отдельных правителей и рассмотрение их деятельности в контексте политических процессов Казахской степи.

Существенный вклад в изучение внешнеполитической деятельности Абилмамбета внесли работы К.Ш. Хафизовой, основанные на широком привлечении китайских источников [Хафизова, 2007; 2019; Хафизова, Моисеев, 2020]. Исследователь показала, что дипломатическая деятельность Абилмамбета была направлена на сохранение политической самостоятельности Казахского ханства в условиях соперничества крупнейших держав.

Значительное внимание личности Абилмамбета уделили также Ж.О. Артыкбаев, К. Абуев, Б. Карибаев, А.К. Ахметов, А.К. Муктар и Е.Б. Садыков [Артыкбаев, 2001; Абуев, 2006; Кәрібаев, 2012; Мұқтар, Сыдықов, 2015; Ахметов, 2020]. Несмотря на различия в оценках, для этих авторов характерно стремление рассматривать Абилмамбета не как второстепенную фигуру на фоне Абылая, а как самостоятельного правителя, обладавшего собственной политической программой и значительным авторитетом среди казахской знати.

В зарубежной историографии вопросы, связанные с деятельностью Абилмамбета, чаще всего рассматриваются в контексте международных отношений Центральной Евразии и колониальной политики Российской империи. Если М.Б. Олкотт продолжает традицию, в которой Абилмамбет остается в тени Абылая [Olcott, 1987], то М. Ходарковский и особенно Дж. Нода предлагают более сложную интерпретацию его деятельности [Khodarkovsky, 2002; Noda, 2016]. В работах Дж. Ноды Абилмамбет предстает одним из ключевых участников региональной дипломатии, а его отношения с Россией, Джунгарией и Цинской империей рассматриваются как элементы продуманной стратегии политического выживания и сохранения автономии Среднего жуза.

Результаты. История государственной деятельности хана Абилмамбета остается одной из наименее изученных тем в казахстанской исторической науке. Исследовательское внимание традиционно сосредоточивалось на фигурах Абулхаира, Нуралы и Абылая, тогда как деятельность Абилмамбета рассматривалась преимущественно в связи с отдельными событиями, прежде всего принесением присяги в Оренбурге в 1740 г.

Историография имперского периода (XVIII–XIX вв.). Одними из первых свидетельств, позволяющих реконструировать деятельность правителя Среднего жуза Абилмамбета, являются дневниковые записи, путевые заметки и обобщающие труды путешественников и чиновников, направлявшихся в Казахскую степь по поручению царской администрации. Собранные ими материалы впоследствии легли в основу исторических исследований, формировавших представления о народе, населяющем обширные территории степи. Ранние труды русских исследователей XVIII–

XIX вв. содержат описания политических реалий, в которых действовал Абилмамбет хан. Они фиксировали сведения, полученные в ходе непосредственных контактов с казахской знатью, и хотя подход авторов носил имперский характер, их труды представляют важный источник по отношению к ханской власти и внешнеполитическим ориентирам Среднего жуза.

Современником хана Абилмамбета был русский чиновник, путешественник и ученый Петр Иванович Рычков, с 1734 г. на протяжении длительного времени служивший в Оренбургской канцелярии и являвшийся непосредственным свидетелем многих событий. Избранный в 1759 г. членом-корреспондентом Академии наук, он оставил значительное научное наследие, среди которого особое место занимают «История Оренбургская» [Рычков, 1896], впервые опубликованная в 1759 г., и «Топография Оренбургской губернии» 1762 г. [Рычков, 1887].

«История Оренбургская» охватывает события 1730–1750-х гг. В ней подробно описаны обстоятельства августа 1740 г., когда хан Абилмамбет и султан Абылай принесли присягу на верность российскому престолу [Рычков, 1896: 51–54]. Точная хронология событий и приведенные автором речи участников позволяют детально представить саму процедуру принесения присяги.

Наблюдения П.И. Рычкова дают возможность составить представление не только о политической деятельности Абилмамбета, но и о его личных качествах, а также взаимоотношениях с другими ханами и султанами, в том числе с Абулхаиром. По словам автора, Абилмамбет, «имея тихий и покойный нрав» [Рычков, 1887: 109] и часто отправляясь «по закону своему для богомолья» в Туркестан [Рычков, 1896: 81], предпочитал избегать открытых конфликтов.

Труды И.Г. Андреева и Г.И. Спасского, созданные в конце XVIII – первой четверти XIX в., представляют значительную ценность для изучения истории и этнографии казахского народа [Андреев, 2007; Спасский, 2011]. В них содержатся отдельные сведения о происхождении Абилмамбета и его потомках. Вместе с тем ряд приведенных авторами данных, в частности записи о времени принесения присяги в Оренбурге, содержит неточности, вследствие чего сообщения И.Г. Андреева требуют дополнительной проверки по другим источникам.

Еще одной заметной фигурой в исторической науке XIX в. является А.И. Левшин. Его фундаментальный труд 1832 г., посвященный географии, истории и этнографии казахского народа, включает сведения о важнейших событиях в жизни Абилмамбета. Опираясь на материалы Министерства иностранных дел и Оренбургской пограничной комиссии, исследователь осветил принятие ханом российского подданства, его отношения с Абулхаиром, отправку сына в аманаты в Джунгарию, пребывание в Туркестане и другие эпизоды его биографии [Левшин, 1996: 198–212].

В 1860-х гг. офицерами Генерального штаба осуществлялся сбор географических и статистических сведений по областям Российской империи, впоследствии публиковавшихся отдельными томами. В 1868 г. был издан том «Область сибирских киргизов», подготовленный подполковником Красовским [Материалы, 1868]. В «Историческом введении» составитель отмечал, что использовал преимущественно уже опубликованные материалы, в том числе труды А.И. Левшина. При этом он специально оговаривал, что представленное исследование является скорее историей взаимоотношений России со степью, нежели историей самого казахского народа [Материалы, 1868: 1–2].

Несмотря на зависимость от предшествующей литературы, исторический очерк Красовского отличается стремлением к критическому осмыслению приводимых сведений. Автор дал характеристику правителям Среднего жуза – хану Абилмамбету и султану Абылаю [Материалы, 1868: 83–84, 86]. Анализируя предложения, сделанные им князем Урусовым, Н.И. Красовский пришел к выводу, что слабость российской власти на сибирской линии и недостаточное понимание местной ситуации новым оренбургским начальством убедили «киргизов Средней орды в том, что заступничества им следует искать не у русских, а действительно у джунгар» [Материалы, 1868: 83–84].

Фигура Абилмамбета нашла отражение и в работах Ч.Ч. Валиханова «Исторические предания о батырах XVIII в.», «О Баян-Аульском округе», «Аблай» и др. Хан упоминался главным образом в связи с деятельностью султана Абылая, приходившегося ему, по сведениям ученого, двоюродным братом. Их связывали тесные военно-политические отношения. Рассматривая историю казахско-русских отношений, Ч.Ч. Валиханов отмечал, что вслед за ханами Младшего жуза Абулхаиром и Самеке хан Абулмамбет и султан Аблай подтвердили присягу на подданство России, однако впоследствии «по невежеству и упрямству своих родовичей» были склоняемы к действиям, противоречившим интересам российского правительства, и вынудили оное упразднить владетелей

орды». Несколько раз исследователь обращался и к участию Абилмамбета в казахско-китайских отношениях конца 1750-х – начала 1760-х гг. Он указывал, что хан вместе с Абылаем принимал цинских послов и направлял собственных представителей, в том числе одного из сыновей, в Пекин. В изложении Валиханова встречаются отдельные фактологические неточности, в частности различные варианты написания имени хана Среднего жуза (Абулмамбет, Абулмамет, Абульмамет, Абдульмамет), однако в целом автор верно определил его место в важнейших политических событиях эпохи [Валиханов, 1984: 217; 1985а: 309; 1985б: 136, 323; 1985в: 111, 114, 116].

В контексте казахско-джунгарских отношений о хане Абилмамбете также писал Г.Н. Потанин, отмечавший, что российские власти особенно интересовали планы казахских правителей относительно сохранения российского подданства или перехода под джунгарское владычество [Потанин, 2006: 350].

Таким образом, дореволюционная историография не оставила специальных исследований, посвященных Абилмамбету. Сведения о нем содержатся главным образом в трудах, рассматривавших историю российско-казахских отношений или деятельность более известных политических деятелей XVIII в. Тем не менее именно в этих работах были зафиксированы первые оценки личности и политического курса хана.

Характерно, что большинство авторов XVIII–XIX вв. рассматривали Абилмамбета через призму сопоставления с Абылаем и, как правило, отдавали предпочтение последнему. Между тем Абилмамбет занимал важное место в политической системе Казахского ханства. В условиях давления со стороны России, Джунгарии и Цинской империи он стремился сохранить устойчивость Среднего жуза, сочетая дипломатическую гибкость с поддержанием внутреннего порядка.

Советская историография. Советский этап изучения проблемы характеризовался смещением исследовательских акцентов. В условиях господства концепции добровольного и прогрессивного присоединения Казахстана к России институт ханской власти рассматривался преимущественно через призму внешнеполитических процессов, тогда как внутренние механизмы функционирования ханства оставались в стороне от научного интереса.

В монографии Н.Г. Аполловой, опубликованной в 1948 г., подробно проанализированы социально-экономические, внутриполитические и внешнеполитические предпосылки принятия ханом Младшего жуза Абулхаиром российского подданства в 1731 г. Рассматривая политическую ситуацию 1730-х гг. в Казахской степи, автор обращает внимание на острые противоречия, существовавшие между Абулхаиром и влиятельными представителями Среднего жуза – Батыром, Абилмамбетом и Бараком [Аполлова, 1948: 136–139]. Впоследствии, уже став ханом, Абилмамбет возлагал на Абулхаира ответственность за раскол в среде казахской знати [Аполлова, 1948: 140].

Стремясь обосновать историческую закономерность вхождения Казахстана в состав Российской империи, Н.Г. Аполлова характеризовала Абилмамбета как слабого политического и военного деятеля, не обладавшего качествами лидера. По ее мнению, неспособность противостоять джунгарскому давлению привела к тому, что в 1740-х гг. у хана сформировалась «джунгарская ориентация», сопровождавшаяся в дальнейшем враждебным отношением к России [Аполлова, 1948: 218, 225]. Однако подобная интерпретация во многом определялась идеологическими установками своего времени и не находит однозначного подтверждения в источниках.

Иной подход к проблеме присоединения Казахстана к России был предложен В.Я. Басиным [Басин, 1971]. Хотя фигура Абилмамбета не занимает центрального места в его исследовании, автор уделил внимание его участию в дипломатических контактах Среднего жуза с Российской империей. В отличие от предшествующей историографической традиции, В.Я. Басин приводит свидетельства, указывающие на заинтересованность хана в развитии отношений с Россией. В частности, отмечается его интерес к международному положению империи и ее военным успехам [Басин, 1971: 154–155].

Исследователь также обращает внимание на положение Абилмамбета в политической системе Среднего жуза. Несмотря на возросшее влияние султана Абылая в 1750–1760-х гг., попытка российских властей возвести его на ханский престол в 1760 г. не увенчалась успехом. Этот эпизод, по мнению В.Я. Басина, свидетельствовал о том, что «подавляющее большинство казахов Среднего жуза признает своим ханом Абулмамбета» [Басин, 1971: 221]. Хотя хан значительную часть времени находился в Туркестане, он регулярно приезжал в Степь для решения тех или иных вопросов внешней или внутренней политики.

В монографии Р.Б. Сулейменова и В.А. Моисеева, посвященной деятельности Абылая, рассмотрены причины, побудившие Абилмамбета и Абылая принять российское подданство. К ним

авторы относили стремление укрепить собственные политические позиции, противодействовать влиянию Абулхаира, расширить торговые связи с Россией, обеспечить безопасность степи от набегов волжских калмыков, башкир, яицких и сибирских казаков. Существенное значение, по мнению исследователей, имела и джунгарская угроза, которая заставляла правителей Среднего жуза искать поддержку сильного союзника [Сулейменов, Моисеев, 1988: 30].

Значительное внимание в работе уделено отношениям Среднего жуза с Джунгарией, Цинской империей и антицинским союзом мусульманских правителей Центральной Азии [Сулейменов, Моисеев, 1988: 33–34, 69–72, 80, 104–105]. В.А. Моисеев отмечал, что в 1740-х гг. наибольшие контакты с Джунгарией были не у хана Абилмамбета, а у султанов Абылая и Барака [Моисеев, 1991: 186]. Анализ этих сюжетов позволяет более полно представить внешнеполитическую деятельность Абилмамбета и понять обстоятельства, в которых принимались важнейшие решения казахских правителей середины XVIII в.

Таким образом, в советской историографии Абилмамбет не стал объектом самостоятельного исследования. Тем не менее работы этого периода существенно расширили представления о его участии в международных отношениях и политических процессах 1740–1760-х гг. Вместе с тем деятельность хана продолжала рассматриваться преимущественно в контексте российско-казахских отношений и истории правления Абылая.

Современная отечественная историография. Кардинальный поворот в изучении личности Абилмамбета произошел в отечественной исторической науке в 1990–2000-х гг. Отказ от прежних идеологических схем, расширение источниковой базы и введение в научный оборот новых архивных материалов позволили исследователям обратиться к фигуре хана как к самостоятельному объекту изучения.

Наибольший вклад в разработку данной темы внесла И.В. Ерофеева. Ею были систематизированы сведения по генеалогии казахских чингизидов, введены в научный оборот ранее неизвестные источники и реконструированы основные этапы политической биографии Абилмамбета [Ерофеева, 1997: 78, 113; 2001: 41–42, 115]. Особое внимание исследователь уделила взаимоотношениям Абилмамбета и Абулхаира. Их соперничество рассматривается как противостояние двух влиятельных чингизидских линий, каждая из которых обладала собственными основаниями для претензий на общеказахское лидерство. Если Абулхаир стремился укрепить свое положение благодаря военным успехам и политическому влиянию в Младшем жузе, то Абилмамбет опирался на принадлежность к старшей ветви потомков Тауке-хана и поддержку значительной части знати Среднего жуза [Ерофеева, 2007: 118–119, 157–158, 252].

При этом И.В. Ерофеева не сводит отношения двух правителей к постоянной конфронтации. В условиях джунгарской угрозы они были вынуждены учитывать общие интересы казахского общества и периодически координировать свои действия, хотя придерживались различных взглядов на пути решения джунгарской проблемы [Ерофеева, 2007: 190, 326, 336–338]. По мере усиления позиций Абилмамбета в Среднем жузе и углубления расхождений во внешнеполитической ориентации противоречия между ними нарастали. Исследователь подчеркивает, что подобная ситуация отвечала интересам российской администрации, не заинтересованной в формировании единой сильной власти в Казахской степи и стремившейся сохранять зависимость казахских правителей от российской поддержки [Ерофеева, 2007: 190, 338].

Значительный вклад в изучение внешней политики Казахского ханства внесла К.Ш. Хафизова. В ее работах дипломатические контакты казахских правителей с Цинской империей рассматриваются на широкой источниковой основе, включающей китайские материалы. Исследователь отмечает, что первоначально внимание Цинов было сосредоточено на влиятельном султане Абылае, однако впоследствии дипломатические отношения были установлены и с ханом Среднего жуза Абилмамбетом [Хафизова, Моисеев, 2020: 31]. В интерпретации К.Ш. Хафизовой Абилмамбет предстает опытным дипломатом, способным способность поддерживать устойчивые отношения с Цинами при сохранении маневренности в отношении России и джунгарских правителей [Хафизова, 2007: 51–52].

Дальнейшее развитие эта концепция получила в монографии «Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках». По мнению К.Ш. Хафизовой, политика Абилмамбета была направлена на сохранение самостоятельности казахских земель посредством переговоров, союзов и дипломатического маневрирования между более могущественными соседями. Отношения с Россией рассматриваются ею не как свидетельство политической зависимости, а как один из инструментов

внешней политики. В этой связи подтверждение подданства, обмен посольствами и обращения к российским властям интерпретируются прежде всего как элементы дипломатической стратегии, позволявшие казахским правителям отстаивать собственные интересы. Соответственно, российско-казахские отношения середины XVIII в. предстают не как односторонний процесс распространения имперского влияния, а как результат сложного взаимодействия и постоянных переговоров сторон [Хафизова, 2019: 42–48].

Особое внимание исследователь уделяет отношениям Абилмамбета с Джунгарией и Цинской империей. Его внешнеполитический курс трактуется как последовательное стремление обеспечить безопасность казахских кочевий и сохранить возможности для самостоятельных действий казахской элиты. В этой связи Абилмамбет рассматривается как один из тех правителей, которым удалось поддерживать устойчивость ханской власти в условиях постоянного внешнего давления [Хафизова, 2019: 50]. Существенным вкладом К.Ш. Хафизовой стало также уточнение даты смерти хана: на основании китайских документов исследователь доказала, что он умер не позднее ноября 1769 г. [Хафизова, 2019: 58–59].

Отношения хана Абилмамбета с соседними народами и государствами получили освещение в работах Г.Б. Избасаровой, А.Ш. Махаевой, Б. Еженханулы. В исследовании казахско-башкирских отношений в XVIII в. Г.Б. Избасарова отмечает, что в 1737 г. хан Абилмамбет пришел на помощь восставшим башкирам, отправив им 1000 воинов и приняв их семьи на своих землях и отказавшись передать царским властям их предводителей [Избасарова, 2008: 144–145]. В трудах А.Ш. Махаевой личность Абилмамбета представлена в разрезе казахско-кыргызских отношений в 1760-е гг. Автор отмечает, что в эти годы Абилмамбет принимал все важные политические решения после обсуждения их с султаном Абылаем [Махаева, 2007: 39; 2022: 43]. Б. Еженханулы, анализируя казахско-цинские отношения в 1750–1760-е гг., показывает, что от имени хана Абилмамбета в Цинскую империю неоднократно направлялись посольства, но Абылай проявлял большую самостоятельность в принятии решений [Еженханұлы, 2025: 10, 129–130].

Несколько иной образ Абилмамбета представлен в работах Ж. Касымбаева. Исследователь характеризует его как слабого и недостаточно решительного правителя, уступавшего по своим личным качествам и политическому влиянию Бараку и Абылаю [Касымбаев, 1999: 24, 30–31, 71]. При этом принесение присяги в 1740 г., по мнению автора, не привело к внутренней консолидации казахских ханств [Касымбаев, 1999: 28].

Противоположной позиции придерживается Ж.О. Артыкбаев. Он отмечает, что с 1730-х гг. Абилмамбет занимал одно из ведущих мест внутриполитических и международных отношениях Казахской степи, а в период его правления сформировались основные принципы внешнеполитического курса, которые впоследствии развивал Абылай-хан [Артыкбаев, 2001: 141–142]. В интерпретации исследователя Абилмамбет выступает правителем переходной эпохи, удерживавшим власть благодаря сочетанию дипломатических методов и личного авторитета.

К. Абуев и Н. Атыгаев рассматривают в своих работах Абилмамбета прежде всего в контексте его взаимоотношений с Абылаем [Абуев, 2006: 100-101; Атығаев, 2015: 372–373]. Подчеркивая законность ханской власти Абилмамбета, К. Абуев отмечает постепенное усиление влияния Абылая, который постепенно сосредоточил в своих руках военное руководство и приобрел наибольший авторитет среди казахской знати. Вместе с тем их отношения трактуются не как соперничество, а как своеобразное распределение политических функций, при котором Абилмамбет сохранял формальный ханский статус и династическую легитимность, а Абылай сосредоточивал в своих руках военное руководство и дипломатическую деятельность. Абилмамбет изображается как умеренный и достаточно осторожный правитель, сумевший распознать способности молодого султана и фактически способствовавший его продвижению на ведущие позиции в степной политике [Абуев, 2006: 100–101]. Поэтому смерть Абилмамбета становится важным рубежом, после которого лидерство Абылая получает окончательное оформление и признание на общеказахском и международном уровне [Абуев, 2006: 101]. По мнению исследователя, именно такая модель взаимодействия обеспечила политическую устойчивость Среднего жуза в середине XVIII в.

Сходную оценку высказывает З.Е. Кабульдинов. Комментируя отказ Абылая в 1759 г. принять предложение российских властей сместить законного старшего хана Абилмамбета и занять его место, он отмечает, что подобный шаг мог привести к разрушению единства казахского общества [Кабульдинов, 2023: 231].

Специальные исследования, посвященные непосредственно Абилмамбету, появляются лишь в 2010-х гг. Б. Карибаев рассматривает его как одного из ключевых правителей Казахского ханства середины XVIII в., подчеркивая его вклад в сохранение политической стабильности и преемственности ханской власти. По мнению исследователя, роль Абилмамбета долгое время оставалась в тени более яркого образа Абылая. Между тем, став ханом Среднего жуза, Абилмамбет расширил сферу своего политического влияния и начал активно участвовать в отношениях с Россией, башкирами, калмыками и Джунгарией [Кәрібаев, 2012: 12]. Именно при нем были созданы политические условия для возвышения Абылая и укрепления позиций Среднего жуза.

Развернутую реконструкцию биографии Абилмамбета представил А.К. Ахметов. Рассматривая его в рамках династической истории торе, исследователь акцентирует внимание на происхождении хана от Тауке-хана и связанных с этим правах на верховную власть, которая, будучи легитимной, вместе с тем зависела от баланса сил внутри знати и султанских групп XVIII в. В его интерпретации значение Абилмамбета определяется не столько личными качествами, сколько функцией «носителя династической законности», обеспечивавшего символическое единство ханской власти на фоне усилившихся сепаратистских настроений XVIII в. [Ахметов, 2020: 10–30].

А.К. Муктар и Е.Б. Садыков относят Абилмамбета к числу наиболее значимых казахских ханов середины XVIII в., чье правление пришлось на период острого внешнеполитического противостояния и внутренних перемен в степи. Авторы подчеркивают его высокий авторитет среди знати, обусловленный как происхождением от Тауке-хана, так и значительным опытом во внешней политике, что позволяло ему претендовать на положение верховного правителя после смерти Абулхаира [Мұқтар, Сыдықов, 2015: 243]. В центре их внимания находится деятельность хана по сохранению единства казахских земель и укреплению ханской власти в условиях постоянного давления со стороны соседних государств. Особое значение исследователи придают его роли в разгроме Джунгарии, восстановлении контроля над Туркестаном и укреплении международного положения Казахского ханства [Мұқтар, Сыдықов, 2015: 253]. Характеризуя отношения Абилмамбета и Абылая, авторы отмечают, что первый сохранял ханский титул и династическую легитимность, оставаясь главой государства, тогда как второй постепенно сосредоточивал в своих руках реальные рычаги политического влияния. Подобное распределение функций рассматривается ими как характерная особенность политической системы Казахского ханства середины XVIII в., а правление Абулмамбета – как важный этап в истории казахской государственности и последующего возвышения Абылая. Абилмамбет «был первым и последним ханом среди казахских ханов, передавшим власть достойному человеку при жизни» [Мұқтар, Сыдықов, 2015: 253].

В публикациях Н.Н. Майлановой Абилмамбет предстает как правитель, действовавший в условиях сложного внешнеполитического окружения, и вынужденный постоянно маневрировать между интересами России, Джунгарии и Цинской империи и выстраивать гибкую дипломатическую политику, позволявшую удерживать относительную стабильность в Среднем жузе [Maimanova, 2024: 151–158]. Исследователь отмечает, что после переезда хана в Туркестан усилилась роль султанов, прежде всего Абылая, что привело к частичной передаче им ряда управленческих функций. При этом Абилмамбет сохранял статус легитимного носителя верховной власти и выступал важным фактором сохранения политического единства Среднего жуза [Maimanova, 2024: 166].

Отечественными учеными в 2010-х гг. был представлен ряд газетных публикаций, в которых личность этого недооцененного хана получила широкое освещение [Мұқтар, 2012; Зиманов, 2012; Омарбеков, 2015 и др.]. Таким образом, современная отечественная историография существенно расширила представления о личности и политической деятельности Абилмамбета. Если в ранних работах он чаще воспринимался как второстепенная фигура на фоне Абылая, то исследования последних десятилетий показывают его самостоятельным политическим деятелем, сыгравшим важную роль в сохранении устойчивости ханской власти, развитии дипломатических отношений и адаптации Казахского ханства к меняющейся международной обстановке середины XVIII в.

Зарубежная историография. В зарубежной историографии отсутствуют специальные исследования, посвященные хану Абилмамбету. Тем не менее его деятельность получила отражение в работах по истории Казахского ханства, российской экспансии в степи и международным отношениям Центральной Евразии XVIII в. Для большинства зарубежных авторов характерен интерес прежде всего к внешнеполитическим аспектам его деятельности. В их интерпретации Абилмамбет предстает осторожным и прагматичным правителем, действовавшим в условиях сложного взаимодействия России, Джунгарии и Цинской империи.

В фундаментальном исследовании истории казахского народа М.Б. Олкотт значительное внимание уделено раннему периоду российско-казахских отношений и постепенному включению Казахской степи в сферу влияния Российской империи. Рассматривая политическую ситуацию в Среднем жузе, исследователь упоминает хана Абул Мухаммада (Абилмамбета), сменившего после смерти Самеке ханский престол. Вместе с тем в ее интерпретации Абилмамбет остается фигурой второго плана, разделявшей власть с султаном Абылаем на протяжении двух десятилетий. По мнению М.Б. Олкотт, уже во время переговоров с российскими властями в августе 1740 г. ведущую роль играл Абылай, а после переезда Абилмамбета в Туркестан в 1744 г. значительная часть управления Средним жузом фактически сосредоточилась в руках султана [Olcott, 1987: 40].

Несколько иной подход представлен в работах М. Ходарковского. Исследуя процесс создания российской колониальной империи и ее отношения с кочевыми народами – наследниками Золотой Орды, автор рассматривает Абилмамбета в контексте сопротивления усилению российского влияния в степном регионе. Хотя хан не является центральной фигурой исследования, он характеризуется как один из первых противников расширения российского контроля над Казахской степью. В этой связи М. Ходарковский обращает внимание на его контакты с Джунгарией, рассматривая их как попытку сохранить политическую самостоятельность Среднего жуза в условиях растущего давления со стороны России [Khodarkovsky, 2002: 164].

В рамках башкирско-казахских отношений личность Абилмамбета получила в работе российского исследователя С.У. Таймасова. В частности, ученый называет причины поворота политики хана в сторону Джунгарии: с одной стороны, Россия не оказывала обещанной поддержки, а с другой стороны – Галдан Цэрен отдавал Абилмамбету Туркестан с окрестными городами [Таймасов, 2009: 255]. В дальнейшем именно Туркестан, а не только соперничество династий, по мнению С.У. Таймасова, стал «яблоком раздора» между ханами Абулхаиром и Абилмамбетом [Таймасов, 2009: 267].

Наиболее развернутую оценку политической деятельности Абилмамбета предложил японский исследователь Дж. Нода. В отличие от авторов, рассматривавших его преимущественно через призму отношений с Абылаем, Дж. Нода анализирует положение хана в более широком контексте международных отношений Центральной Евразии середины XVIII в. В центре его внимания находятся связи казахских правителей с Российской и Цинской империями, а также их отношения с Джунгарским ханством. Исследователь отмечает, что после принесения присяги России в 1740 г. Абилмамбет, Абылай и другие представители Среднего жуза фактически оказались в сфере политического влияния Джунгарии [Noda, 2016: 62].

Особое значение Дж. Нода придает периоду после разгрома Джунгарского ханства. По его мнению, Абилмамбет стремился сохранить политическую автономию Среднего жуза посредством поддержания отношений одновременно с Россией и Цинской империей. В этой связи исследователь подчеркивает, что Абылай, выступавший в переговорах с Цинами от имени казахов, действовал не как хан Среднего жуза, а как представитель законного хана Абилмамбета [Noda, 2016: 157]. Признание власти Цинской империи и поддержание контактов с российской администрацией трактуются им не как проявление политической зависимости, а как элементы гибкой дипломатической стратегии, направленной на обеспечение безопасности кочевий и сохранение пространства для самостоятельного политического маневра.

Таким образом, несмотря на отсутствие специальных исследований, посвященных Абилмамбету, зарубежная историография внесла существенный вклад в осмысление его внешнеполитической деятельности. Если для М.Б. Олкотт он остается во многом фигурой, находящейся в тени Абылая, то М. Ходарковский акцентирует внимание на его стремлении сохранить независимость Среднего жуза, а С.У. Таймасов и Дж. Нода рассматривают его как одного из ключевых участников международных отношений Центральной Евразии середины XVIII в. В отличие от значительной части отечественной историографии, зарубежные исследователи сосредоточены прежде всего на дипломатической активности Абилмамбета и его роли в системе межгосударственных отношений региона.

Заключение. Таким образом, несколькими поколениями ученых проделана значительная работа по изучению личности и государственной деятельности хана Абилмамбета. За два столетия его образ в научной литературе претерпел заметную эволюцию. Если авторы XVIII–XIX вв. оставили преимущественно фрагментарные сведения о его деятельности, рассматривая его главным образом в контексте российско-казахских отношений или через сопоставление с более яркими политическими

фигурами эпохи, то советская историография сохранила этот подход, дополнив его идеологически обусловленными оценками. В результате Абилмамбет чаще воспринимался как второстепенный участник политических процессов, уступавший по масштабу личности Абылаю и не игравший самостоятельной роли в судьбах Казахского ханства.

Ситуация существенно изменилась в современной историографии. Благодаря расширению источниковой базы, привлечению архивных материалов России, Казахстана и Китая, а также отказу от прежних концептуальных схем исследователи получили возможность по-новому оценить место Абилмамбета в политической истории XVIII в. В работах последних десятилетий он предстает не только легитимным ханом Среднего жуза, но и одним из ключевых участников дипломатических процессов в Центральной Евразии.

Вместе с тем проведенный обзор позволяет выделить несколько исследовательских подходов. Первый связан с традицией рассматривать Абилмамбета через призму личности Абылая, вследствие чего его деятельность зачастую оценивается как менее значительная. Второй акцентирует внимание на его статусе законного хана и носителя династической легитимности, обеспечивавшего преемственность верховной власти в условиях политической нестабильности. Третий подход рассматривает Абилмамбета прежде всего как опытного дипломата, сумевшего адаптировать внешнюю политику Казахского ханства к изменяющейся международной обстановке середины XVIII в. Характерно, что именно последние два направления получили наибольшее развитие в современных исследованиях.

Несмотря на заметный прогресс, личность и деятельность Абилмамбета по-прежнему остаются изученными неравномерно. Основное внимание исследователей сосредоточено на его внешней политике, отношениях с Абулхаиром и Абылаем, а также дипломатических контактах с Россией и Цинской империей. Значительно меньше изучены механизмы осуществления ханской власти в Среднем жузе, взаимоотношения Абилмамбета с султанами и биями, особенности его внутриполитического курса, вопросы управления южными регионами и Туркестаном после его переселения туда. Недостаточно исследована и его роль в сохранении политического единства казахских земель в условиях ослабления традиционных общеказахских институтов. Назрела острая необходимость в цельной монографии или диссертационном исследовании.

Дальнейшее изучение деятельности Абилмамбета требует не только расширения круга используемых источников, прежде всего цинских, центральноазиатских и российских архивных материалов, но и отхода от сложившейся историографической традиции рассматривать его исключительно в связи с Абылаем. Анализ показывает, что Абилмамбет являлся самостоятельным политическим деятелем, чье почти тридцатилетнее пребывание на ханском престоле пришлось на один из наиболее сложных периодов истории Казахского ханства. Именно при нем происходила адаптация политической системы степи к новым международным условиям после джунгарского нашествия, формировались основы дипломатического курса, позволившего казахским правителям сохранить относительную самостоятельность между крупнейшими державами региона.

Именно эти направления представляются наиболее перспективными для дальнейших исследований. Их разработка позволит точнее определить место Абилмамбета в политической истории Казахского ханства и глубже понять механизмы функционирования ханской власти в условиях глубоких геополитических изменений середины XVIII в.

Литература

Абуев, 2006 – *Абуев К.* Хан Абылай и его время. Астана: Елорда, 2006. 304 с.

Абусеитова, 2020 – *Абусеитова М.Х.* Казахское ханство. 2-е изд., перераб. и доп. Алматы: Шығыс пен Батыс, 2020. 352 с.

Андреев, 2007 – *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков. 2-е изд., доп. Т. 26. Астана: Алтын кітап, 2007. 210 с.

Аполлова, 1948 – *Апполова Н.Г.* Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР, 1948. 254 с.

Артыкбаев, 2001 – *Артыкбаев Ж.О.* Материалы к истории правящего дома казахов. Алматы: Ғылым, 2001. 204 с.

Атығаев, 2015 – *Атығаев Н.Ә.* Қазақ хандығы тарих толқынында. Очерктер. Алматы: Елтаным баспасы, 2015. 384 б.

Ахметов, 2020 – Ахметов А.Қ. Әбілмәмбет хан әулеті. Хан-сұлтандар шежіресі: Зерттеу. Көптомдық II-т. Нұр-Сұлтан: «Алашорда» Қоғамдық қоры, 2020. 400 б.

Басин, 1971 – *Басин В.Я.* Россия и казахские ханства в XVI–XVIII веках. Алма-Ата: Наука, 1971. 274 с.

Валиханов, 1984 – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. Алма-Ата: Глав. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1984. 432 с.

Валиханов, 1985а – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. Алма-Ата: Глав. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1985. 416 с.

Валиханов, 1985б – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. Алма-Ата: Глав. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1985. 416 с.

Валиханов, 1985в – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Глав. ред. Каз. сов. энциклопедии, 1985. 461 с.

Еженханұлы, 2025 – *Еженханұлы Б.* Абылай хан дәуіріндегі Қазақ-Цин қарым-қатынастары. Алматы: TURAN, 2025. 696 б.

Ерофеева, 1997 – *Ерофеева И.В.* Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX в. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана: проблемы и перспективы исследования. Алматы: Фонд-Сорос Казахстан, 1997. С. 46-144.

Ерофеева, 2001 – *Ерофеева И.В.* Символы казахской государственности (позднее средневековье и новое время). Алматы: Аркаим, 2001. 152 с.

Ерофеева, 2007 – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е, испр. и доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.

Зиманов, 2012 – *Зиманов М.* Абульмамбет и казахский раскол 1723–1726 гг. // Свобода слова. 2012. № 12 (356). 5 апреля.

Избасарова, 2008 – *Избасарова Г.Б.* XVIII ғасырдағы қазақ-башқұрт ара қатынастарындағы саяси және этникалық үдерістер. Ақтөбе: ПринтА, 2008. 232 б.

История, 2025 – *История* Казахского ханства во второй половине XV – первой половине XVIII вв. Астана: НИИ Улуса Джучи, 2025. 748 с.

Кабульдинов, 2023 – *Кабульдинов З.Е.* Абылай хан и Россия / Монография. Алматы: Мадияр, 2023. 296 с.

Касымбаев, 1999 – *Касымбаев Ж.* Государственные деятели казахских ханств (XVIII век). Алматы: Білім, 1999. 246 с.

Кәрібаев, 2012 – *Кәрібаев Б.* Әбілмәмбет хан // *Яссауи әлемі*. 2012. № 3–4. 3–30-б.

Кожа, 2021 – *Кожа М.Б.* О захоронениях казахской элиты в ханаке Ходжа Ахмеда Ясави // Марғұлан оқулары–2021: халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары. 2-т. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2021. С. 97–107.

Левшин, 1996 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под общ. ред. академика М.К. Козыбаева. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

Материалы, 1868 – *Материалы* для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч.1. Составил Генерального штаба подполковник Красовский. Санкт-Петербург: Тип. Траншеля, Ритгера и Шнейдера, 1868. 429 с.

Махаева, 2007 – *Махаева А.Ш.* Қазақ-қырғыз саяси байланыстарының тарихы (XVIII ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың бас кезі). Монография. Алматы: Ценные бумаги, 2007. 357 б.

Махаева, 2022 – *Махаева А.Ш.* Казак-кыргыз тарыхынан (XVIII кылымдын башы) / Казак. которг. Э. Турганбаев. 2-бас. Бишкек: Принт-экспресс, 2022. 400 б.

Моисеев, 1991 – *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII-XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.

Мұқтар, 2012 – *Мұқтар Ә.* Әбілмәмбет хан туралы жаңа пайым // *Егемен Қазақстан.* 2012. № 752/753. 15 қараша.

Мұқтар, Сыдықов, 2015 – *Мұқтар Ә.Қ., Сыдықов Е.Б.* XVII – XIX ғасырлардағы Қазақ хандығы. Алматы: Мерекенің баспалар үйі, Mereke baspasy, 2015. 688 б.

Омарбеков, 2015 – *Омарбеков Т.* Әбілмәмбет хан // *Ана тілі.* 2015. № 24. 18-24 маусым.

Потанин, 2006 – *Потанин Г.Н.* Наши сношения с джунгарскими владельцами // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VII. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 600 с.

Рычков, 1887 – *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии: сочин. П.И. Рычкова 1762 года. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1887. 405 с.

Рычков, 1896 – *Рычков П.И.* История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Тип.-лит. И.И. Евфимовского-Мировицкого, 1896. 93 с.

Спасский, 2011 – *Спасский Г.И.* Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // История Казахстана в документах и материалах: Альманах. Вып. 1. Алматы: Издательство LEM, 2011. С. 12–71.

Сулейменов, Моисеев, 1988 – *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). Алма-Ата: Наука, 1988. 144 с.

Султанов, 2006 – *Султанов Т. И.* Поднятые на белой кошме. Ханы казахских степей. Астана: Астана Даму-21, 2006. 256 с.

Таймасов, 2009 – *Таймасов С.У.* Башкирско-казахские отношения в XVIII веке. М.: Наука, 2009. 341 с.

Темиргалиев, 2019 – *Темиргалиев Р.* Казахи и Россия. Алматы: Аспандау, 2019. 402 с.

Хафизова, 2007 – *Хафизова К. Ш.* Казахская стратегия Цинской империи. Алматы: Таймас, 2007. 104 с.

Хафизова, 2019 – *Хафизова К.Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.

Хафизова, Моисеев, 2020 – *Хафизова К.Ш., Моисеев В.А.* Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв. 2-е изд., испр. и доп. Нур-Султан: Ин-т истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2020. 344 с.

Khodarkovsky, 2002 – *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 336 p.

Maimanova, 2024 – *Maimanova N.* Moving of Abilmambet khan to Turkestan and changes in the government of the country (1744–1769) // *Bulletin WKU*. 2024. № 2 (94). С. 149–168.

Noda, 2016 – *Noda J.* The Kazakh khanates between the Russian and Qing empires: central Eurasian international relations during the eighteenth and nineteenth centuries. Leiden, Boston: Brill, 2016. 370 p.

Olcott, 1987 – *Olcott M.B.* The Kazakhs. Stanford: Hoover Institution Press, 1987. 380 p.

References

Abuev, 2006 – *Abuev K.* Khan Abylai i ego vremya [Khan Abylai and His Time]. Astana: Elorda, 2006. 304 p. [in Russian]

Abuseitova, 2020 – *Abuseitova M.Kh.* Kazakskoe khanstvo [The Kazakh Khanate]. 2nd ed., revised and enlarged. Almaty: Shygys pen Batys, 2020. 352 p. [in Russian]

Akhmetov, 2020 – *Akhmetov A.Q.* Abilmambet khan auleti. Khan-sultandar shezhiresi: Zertteu. II t. [The Dynasty of Khan Abilmambet. Genealogy of Khans and Sultans: Research. Vol. II]. Nur-Sultan: Alashorda Public Foundation, 2020. 400 p. [in Kazakh]

Andreev, 2007 – Andreev I.G. Opisanie Srednei ordy kirgiz-kaisakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks]. 2nd ed., enlarged. Astana: Altyn kitap, 2007. 210 p. [in Russian]

Apollova, 1948 – *Apollova N.G.* Prisoedinenie Kazakhstana k Rossii v 30-kh godakh XVIII veka [The Incorporation of Kazakhstan into Russia in the 1730s]. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1948. 254 p. [in Russian]

Artykbaev, 2001 – *Artykbaev Zh.O.* Materialy k istorii pravyashchego doma kazakhov [Materials on the History of the Kazakh Ruling House]. Almaty: Gylym, 2001. 204 p. [in Russian]

Atygaev, 2015 – *Atygaev N.A.* Kazak khandygy tarikh tolkynynda. Ocherkter [The Kazakh Khanate in the Flow of History. Essays]. Almaty: Eltanym baspasy, 2015. 384 p. [in Kazakh]

Basin, 1971 – *Basin V.Ya.* Rossiya i kazakhskie khanstva v XVI–XVIII vekakh [Russia and the Kazakh Khanates in the 16th–18th Centuries]. Alma-Ata: Nauka, 1971. 274 p. [in Russian]

Erofeeva, 1997 – *Erofeeva I.V.* Kazakhskie khany i khanskie dinastii v XVIII – seredine XIX v. [Kazakh Khans and Khan Dynasties in the 18th – Mid-19th Century]. Kul'tura i istoriya Tsentral'noi Azii i Kazakhstana: problemy i perspektivy issledovaniya. Almaty: Soros-Kazakhstan Foundation, 1997. Pp. 46–144. [in Russian]

Erofeeva, 2001 – *Erofeeva I.V.* Simvoly kazakhskoi gosudarstvennosti (pozdnee srednevekov'e i novoe vremya) [Symbols of Kazakh Statehood (Late Medieval and Modern Period)]. Almaty: Arkaim, 2001. 152 p. [in Russian]

Erofeeva, 2007 – *Erofeeva I.V.* Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: Commander, Ruler, Politician]. 3rd ed., revised and enlarged. Almaty: Daik-Press, 2007. 456 p. [in Russian]

Ezhenkhanuly, 2025 – *Ezhenkhanuly B.* Abylai khan dauirindegi Kazak–Qin qarim-qatynastary [Kazakh–Qing Relations in the Era of Khan Abylai]. Almaty: TURAN, 2025. 696 p. [in Kazakh]

Istoriya, 2025 – *Istoriya* Kazakhskogo khanstva vo vtoroi polovine XV – pervoi polovine XVIII vv. [History of the Kazakh Khanate in the Second Half of the 15th – First Half of the 18th Centuries]. Astana: Ulus of Jochi Research Institute, 2025. 748 p. [in Russian]

Izbasarova, 2008 – *Izbasarova G.B.* XVIII gasyrdagy kazak–bashkurt arakatynastaryndagy sayasi zhane etnikalyk uderister [Political and Ethnic Processes in Kazakh–Bashkir Relations in the 18th Century]. Aktobe: PrintA, 2008. 232 p. [in Kazakh]

Kabuldinov, 2023 – *Kabuldinov Z.E.* Abylai khan i Rossiya [Khan Abylai and Russia]. Almaty: Madiyar, 2023. 296 p. [in Russian]

Karybaev, 2012 – *Karybaev B.* Abilmambet khan. *Yassaui alemi*. 2012. No. 3–4. [in Kazakh]

Kasymbaev, 1999 – *Kasymbaev Zh.* Gosudarstvennye deyateli kazakhskikh khanstv (XVIII vek) [Statesmen of the Kazakh Khanates (18th Century)]. Almaty: Bilim, 1999. 246 p. [in Russian]

Khafizova, 2007 – *Khafizova K.Sh.* Kazakhskaya strategiya Tsin'skoi imperii [The Kazakh Strategy of the Qing Empire]. Almaty: Taimas, 2007. 104 p. [in Russian]

Khafizova, 2019 – *Khafizova K.Sh.* Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII–XIX vekakh [Steppe Rulers and Their Diplomacy in the 18th–19th Centuries]. Nur-Sultan: KISI, 2019. 476 p. [in Russian]

Khafizova, Moiseev, 2020 – *Khafizova K.Sh., Moiseev V.A.* Tsin'skaya imperiya i kazakhskie khanstva [The Qing Empire and the Kazakh Khanates]. Nur-Sultan: Institute of History and Ethnology, 2020. 344 p. [in Russian]

Khodarkovsky, 2002 – *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 336 p.

Koja, 2021 – *Koja M.B.* O zahoroneniyah kazakhskoi elity v hanake Hodzha Ahmeda Yasavi [On the Burials of the Kazakh Elite in the Mausoleum of Khoja Ahmed Yasawi]. Margulan Readings–2021. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology, 2021. Pp. 97–107. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin A.I.* Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei [Description of the Kirghiz-Kazakh or Kirghiz-Kaisak Hordes and Steppes]. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. [in Russian]

Mahaeva, 2007 – *Mahaeva A.Sh.* Kazak–kyrgyz sayasi baylanystarynyn tarihy (XVIII gasyrdyn ekinshi zhartysy – XX gasyrdyn bas kezı) [History of Kazakh–Kyrgyz Political Relations (Late 18th – Early 20th Century)]. Almaty: Tsenye bumagi, 2007. 357 p. [in Kazakh]

Mahaeva, 2022 – *Mahaeva A.Sh.* Kazak–kyrgyz tarihynan (XVIII gasyrdyn basy) [From Kazakh–Kyrgyz History (Early 18th Century)]. Bishkek: Print-Express, 2022. 400 p. [in Kazakh]

Maimanova, 2024 – *Maimanova N.* Moving of Abilmambet khan to Turkestan and changes in the government of the country (1744–1769) // *Bulletin WKU.* 2024. № 2 (94). С. 149–168.

Materialy, 1868 – *Materialy* dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye ofitserami General'nogo shtaba. Oblast' sibirskikh kirgizov [Materials for Geography and Statistics of Russia, Collected by Officers of the General Staff. Region of the Siberian Kirghiz]. St. Petersburg: Tip. Transhelia, Ritgera i Shneidera, 1868. 429 p. [in Russian]

Moiseev, 1991 – *Moiseev V.A.* Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII–XVIII vv.) [The Dzungar Khanate and the Kazakhs (17th–18th Centuries)]. Alma-Ata: Gylym, 1991. 238 p. [in Russian]

Mukhtar, 2012 – *Mukhtar A.* Abilmambet khan turaly zhana payym [New Reflections on Khan Abilmambet]. *Egemen Kazakhstan.* 2012. № 752/753. 15 қараша [in Kazakh]

Mukhtar, Sydykov, 2015 – *Mukhtar A.K., Sydykov E.B.* XVII–XIX gasyrlar dagy Kazak khanstygy [The Kazakh Khanate in the 17th–19th Centuries]. Almaty: Mereke baspasy, 2015. 688 p. [in Kazakh]

Noda, 2016 – *Noda J.* The Kazakh khanates between the Russian and Qing empires: central Eurasian international relations during the eighteenth and nineteenth centuries. Leiden, Boston: Brill, 2016. 370 p.

Olcott, 1987 – *Olcott M.B.* The Kazakhs. Stanford: Hoover Institution Press, 1987. 380 p.

Omarbekov, 2015 – *Omarbekov T.* Abilmambet khan. *Ana tili.* 2015. № 24. 18-24 маусым [in Kazakh]

Potanin, 2006 – *Potanin G.N.* Nashi snosheniya s dzhungarskimi vladel'tsami [Our Relations with the Dzungar Rulers]. In: Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vv. Vol. 7. Almaty: Daik-Press, 2006. 600 p. [in Russian]

Rychkov, 1887 – *Rychkov P.I.* Topografiya Orenburgskoi gubernii [Topography of the Orenburg Province]. Orenburg: Tip. B. Breslina, 1887. 405 p. [in Russian]

Rychkov, 1896 – *Rychkov P.I.* Istoriya Orenburgskaya (1730–1750) [Orenburg History (1730–1750)]. Orenburg: Tip.-lit. I.I. Evfimovskogo-Mirovitskogo, 1896. 93 p. [in Russian]

Spassky, 2011 – *Spassky G.I.* Kirgiz-kaisaki Bol'shoi, Srednei i Maloi ordy [Kirghiz-Kaisaks of the Great, Middle and Little Hordes]. Istoriya Kazakhstana v dokumentakh i materialakh. Vol. 1. Almaty: LEM, 2011. Pp. 12–71. [in Russian]

Suleimenov, Moiseev, 1988 – *Suleimenov R.B., Moiseev V.A.* Iz istorii Kazakhstana XVIII veka [From the History of Kazakhstan in the 18th Century]. Alma-Ata: Nauka, 1988. 144 p. [in Russian]

Sultanov, 2006 – *Sultanov T.I.* Podnyatye na beloi koshme. Khany kazakhskikh stepei [Raised on the White Felt: Khans of the Kazakh Steppes]. Astana: Astana Damu-21, 2006. 256 p. [in Russian]

Taimasov, 2009 – *Taimasov S.U.* Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII veke [Bashkir–Kazakh Relations in the 18th Century]. Moscow: Nauka, 2009. 341 p. [in Russian]

Temirgaliev, 2019 – *Temirgaliev R.* Kazakhi i Rossiya [The Kazakhs and Russia]. Almaty: Aspandau, 2019. 402 p. [in Russian]

Valikhanov, 1984 – *Valikhanov Ch.Ch.* Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 1 [Collected Works in Five Volumes. Vol. 1]. Alma-Ata: Main Editorial Board of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1984. 432 p. [in Russian]

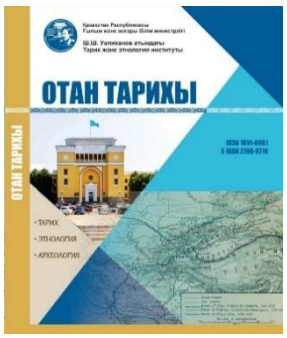
Valikhanov, 1985a – *Valikhanov Ch.Ch.* Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 2 [Collected Works in Five Volumes. Vol. 2]. Alma-Ata: Main Editorial Board of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985. 416 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985b – *Valikhanov Ch.Ch.* Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 3 [Collected Works in Five Volumes. Vol. 3]. Alma-Ata: Main Editorial Board of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985. 416 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985v – *Valikhanov Ch.Ch.* Sobranie sochinenii v pyati tomakh. T. 4 [Collected Works in Five Volumes. Vol. 4]. Alma-Ata: Main Editorial Board of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985. 461 p. [in Russian]

Zimanov, 2012 – *Zimanov M.* Abulmambet i kazakhskij raskol 1723–1726 gg. [Abulmambet and the Kazakh Split of 1723–1726]. *Svoboda slova.* 2012. №. 12 (356). [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1079–1091
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / RSTI 03.09.31
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1079-1091

KAZAKH–DZUNGAR RELATIONS IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Gulnur A. Abenova[1], Botabek B. Tokishkadirov[2], Arafat M. Mamyrbekov[3]*

[1] Shakarim University
(20A, Glinka Str., 071412 Semey, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
https://orcid.org/0000-0001-7845-182x. E-mail: ab.gulnur@mail.ru
*Corresponding author

[2] Shakarim University
(20A, Glinka Str., 071412 Semey, Republic of Kazakhstan)
Master of Humanities
https://orcid.org/0000-0001-7402-1590. E-mail: botabek87@mail.ru

[3] University of Calgary
(2500, University Dr. N.W., T2N 1N4, Calgary, Canada)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Ph.D. Candidate,
Department of Anthropology and Archaeology
https://orcid.org/0000-0002-3454-8563. E-mail: arafat_kz@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Abenova G.A., Tokishkadirov B.B., Mamyrbekov A.M., 2026

Annotation. *Introduction.* Historians have long approached Kazakh–Dzungar relations mainly through warfare and its political consequences. The broadening source base and the appearance of new research perspectives have gradually altered this emphasis, making it necessary to reconsider how the subject has developed in recent historiography. *Purpose and objectives.* This article examines the principal interpretations found in Kazakhstani and international scholarship and identifies the questions that have attracted the greatest attention. It also considers how changes in sources and methodology have affected historians' understanding of relations between the two khanates. *Materials and methods.* The analysis draws on historical studies of Kazakh–Dzungar relations in the seventeenth and eighteenth centuries. The works were grouped according to their main interpretative concerns and compared in their treatment of conflict, diplomacy and regional politics. Historiographical, comparative-historical and problem-chronological methods were used to trace both continuities and differences among the approaches. *Results.* The comparison shows that military confrontation remains a major theme, but no longer provides the only framework for explaining the relationship. Recent studies give greater attention to diplomatic negotiations, dynastic connections, amanatship, trade, prisoner exchanges and periods of temporary accommodation. They also place the two khanates within a broader political setting shaped by the Kalmyk Khanate and the Russian and Qing Empires. Important disagreements remain, particularly over whether the confrontation should be

understood as a continuous struggle or as a changing sequence of warfare, negotiation and compromise. *Conclusion.* Modern historiography has therefore moved towards a more complex interpretation of Kazakh–Dzungar relations. Further research should examine social, economic and cultural contacts as closely as it has studied military campaigns and high-level diplomacy.
Keywords: Kazakh-Dzungar relations, historiography, Kazakh Khanate, Russian Empire, Dzungar Khanate, Central Asia, international relations, diplomacy.
Acknowledgments. This article was prepared as part of the grant research project AP23488522, «New pages from the history of Kazakh-Dzungarian relations: second half of the XVII – 50s of the XVIII century», funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.
For citation: Abenova G.A., Tokishkadirov B.B., Mamyrbekov A.M. Kazakh–dzungar relations in modern historiography // Otan tarihy. 2026 Vol. 29. No. 3. Pp. 1079–1091. (In Eng.). DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1079-1091

ҚАЗІРГІ ТАРИХНАМАДАҒЫ ҚАЗАҚ-ЖОҢҒАР ҚАТЫНАСТАРЫ

Гульнур Атымтаевна Абенова[1], Ботабек Бейбитбекович Токишкадиров[2], Арафат Мажитович Мамырбеков[3]*

[1]«Шәкәрім университет» КеаҚ
(20А үй, Глинка көш., 011412 Семей, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
https://orcid.org/0000-0001-7845-182X. E-mail: ab.gulnur@mail.ru
*Автор-корреспондент.

[2]«Шәкәрім университет» КеаҚ
(20А үй, Глинка көш., 011412 Семей, Қазақстан Республикасы)
Педагогикалық ғылымдарының магистрі
https://orcid.org/0000-0001-7402-1590. E-mail: botabek87@mail.ru

[3]Калгари университеті
(2500 үй, University Dr. N.W. T2N 1N4, Калгари, Канада)
Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор,
Калгари университетінің Антропология және археология кафедрасының Ph.D кандидаты
https://orcid.org/0000-0002-3454-8563. E-mail: arafat_kz@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Абенова Г.А., Токишкадиров Б.Б., Мамырбеков А.М 2026

Аңдатпа. *Kipicne.* Мақалада қазақ-жоңғар қатынастарының қазіргі заманғы тарихнамасының дамуы қарастырылады. Бұл тақырып қазіргі тарих ғылымында маңызды орын алады. Соңғы онжылдықтарда дереккөз базасы едәуір кеңейіп, проблеманы зерттеудің жаңа әдіснамалық тәсілдері қалыптасты, бұл қалыптасқан тарихнамалық тұжырымдамаларды қайта қарауды қажет етті. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты-қазақ-жоңғар қатынастарын зерттеудің негізгі тәсілдерін жүйелеу, оларды ғылыми түсіндірудің ерекшеліктерін анықтау. Негізгі міндеттер-зерттеу тәсілдеріндегі өзгерістерді анықтау, мәселенің ең дамыған аспектілерін сипаттау және оны әрі қарай зерттеудің негізгі тенденцияларын белгілеу. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің қайнар көзін отандық және шетелдік тарихшылардың қазақ-жоңғар қатынастарына арналған еңбектері құрады. Әдіснамалық негіз тарихшылдық, объективтілік және жүйелілік принциптерінен құралды. Зерттеудің негізгі әдістері-тарихнамалық талдау, салыстырмалы тарихи, проблемалық-хронологиялық әдіс, жіктеу әдісі. Осы әдістерді кешенді қолдану қазіргі тарихнаманың дамуының негізгі тенденцияларын байқауға, оның әдіснамалық эволюциясының ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді. *Нәтижелер* Қазіргі тарихнама қазақ-жоңғар қатынастары проблематикасының кеңеюімен және қарулы қарама-қайшылықты басым зерттеуден екі хандық арасындағы байланыстардың әртүрлі нысандарын кешенді

қарауға көшумен сипатталатыны анықталды. Қақтығыстардың себептері мен салдарымен қатар дипломатиялық қатынастар, династияаралық байланыстар, сауда-экономикалық және мәдени байланыстар зерттеледі. Жаңа мұрағаттық құжаттарды тарту қалыптасқан тарихи дәстүрді нақтылауға ықпал ететіні көрсетілген. *Қорытынды.* Жүргізілген зерттеу тарихнамалық тәсілдерге жүгіну қазақ-жоңғар қатынастары туралы ғылыми көзқарастардың эволюциясын бақылауға, тарихи оқиғаларды түсіндіруге дереккөздік база мен әдіснаманың әсерін анықтауға, сондай-ақ одан әрі зерттеудің перспективалық бағыттарын белгілеуге мүмкіндік беретінін растайды. Тарихнамалық талдау жинақталған ғылыми тәжірибені объективті бағалауға ықпал етеді және кең Орталық Азия контекстінде қазақ және Жоңғар хандықтарының өзара қарым-қатынастарының тарихын одан әрі әзірлеу үшін әдіснамалық негіз қалыптастырады.

Түйін сөздер: қазақ-жоңғар қатынастары, тарихнама, Қазақ хандығы, Ресей империясы, Жоңғар хандығы, Орталық Азия, халықаралық қатынастар, дипломатия.

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің қаржылай қолдауымен AP23488522 «Қазақ-жоңғар қатынастары тарихының жаңа беттері: XVII ғасырдың екінші жартысы – XVIII ғасырдың 50-жж.» гранттық қаржыландыру жобасы аясында дайындалды.

Дәйексөз үшін: Абенова Г.А., Токишкадиров Б.Б., Мамырбеков А.М. Қазіргі тарихнамадағы қазақ-жоңғар қатынастары // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1079–1091-бб. [ағылшын тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1079-1091

КАЗАХСКО-ДЖУНГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Гульнур Атымтаевна Абенова[1], Ботабек Бейбитбекович Токишкадиров[2], Арафат Мажитович Мамырбеков[3]*

[1] НАО «Шәкәрім университет»
(д. 20А, ул. Глинки, 011412 Семей, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор
https://orcid.org/0000-0001-7845-182X. E-mail: ab.gulnur@mail.ru
*Автор-корреспондент

[2] НАО «Шәкәрім университет»
(д. 20А, ул. Глинки, 011412 Семей, Республика Казахстан)
Магистр гуманитарных наук
https://orcid.org/0000-0001-7402-1590. E-mail: botabek87@mail.ru

[3] Университет Калгари
(д. 2500, ул. University Dr. N.W. T2N 1N4, Калгари, Канада)
Кандидат исторических наук, ассоциированный профессор,
Ph.D-кандидат кафедры антропологии и археологии Университета Калгари.
https://orcid.org/0000-0002-3454-8563. E-mail: arafat_kz@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Абенова Г.А., Токишкадиров Б.Б., Мамырбеков А.М., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается развитие современной историографии казахско-джунгарских отношений. Данная тема занимает важное место в современной исторической науке. За последние десятилетия значительно расширилась источниковая база и сформировались новые методологические подходы к изучению проблемы, что обусловило необходимость переосмысления сложившихся историографических концепций. *Цель и задачи.* Цель исследования заключается в систематизации основных подходов к изучению казахско-джунгарских отношений, выявлении особенностей их научной интерпретации. Основными задачами является определение изменений в исследовательских подходах, характеристика наиболее разработанных аспектов проблемы и установление основных тенденций ее дальнейшего изучения. *Материалы и методы.* Источниковую

базу исследования составили труды отечественных и зарубежных историков, посвященные казахско-джунгарским отношениям. Методологическую основу составили принципы историзма, объективности и системности. Основные методы исследования – историографический анализ, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический метод, метод классификации. Комплексное использование указанных методов позволило проследить основные тенденции развития современной историографии, выявить особенности ее методологической эволюции. *Результаты.* Установлено, что современная историография характеризуется расширением проблематики казахско-джунгарских отношений и переходом от преимущественного изучения вооруженного противостояния к комплексному рассмотрению различных форм контактов между двумя ханствами. Наряду с причинами и последствиями конфликтов исследуются дипломатические отношения, междинастические связи, торгово-экономические и культурные контакты. Показано, что привлечение новых архивных документов способствует уточнению сложившейся исторической традиции. *Заключение.* Проведенное исследование подтверждает, что обращение к историографическим подходам позволяет проследить эволюцию научных взглядов о казахско-джунгарских отношениях, выявить влияние источниковой базы и методологии на интерпретацию исторических событий, а также обозначить перспективные направления дальнейших исследований. Историографический анализ способствует объективной оценке накопленного научного опыта и формирует методологическую основу для последующей разработки истории взаимоотношений Казахского и Джунгарского ханств в широком центральноазиатском контексте.

Ключевые слова: казахско-джунгарские отношения, историография, Казахское ханство, Российская империя, Джунгарское ханство, Центральная Азия, международные отношения, дипломатия.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования «Новые страницы из истории казахско-джунгарских отношений: во второй половине XVII – 50–х гг. XVIII вв.» (ИРН AP23488522) при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования РК.

Для цитирования: Абенова Г.А., Токишкадиров Б.Б., Мамырбеков А.М. Казахско-джунгарские отношения в современной историографии // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1079–1091. [на англ.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1079-1091

Introduction. Relations between the Kazakh and Dzungar Khanates have occupied an important place in the historiography of seventeenth- and eighteenth-century Central Asia. For much of the twentieth century, scholars approached the subject chiefly through military campaigns, territorial disputes and the political consequences of Dzungar expansion. The growth of the available source base in recent decades has made this framework increasingly difficult to maintain without qualification. Kazakh oral traditions, Eastern chronicles, Russian archival records and newly published materials have brought other forms of contact into clearer view and prompted historians to revisit earlier interpretations.

Military confrontation remains essential to the subject, particularly because of the scale of the invasions and their consequences for Kazakh society. It did not, however, define every stage of the relationship. Warfare alternated with diplomatic missions, negotiations, temporary agreements, trade and prisoner exchanges. Relations between the two khanates were also affected by internal political divisions and by the involvement of the Kalmyk Khanate and the Russian and Qing Empires. The historiographical problem is therefore not whether conflict or cooperation was more important, but how historians have explained their coexistence within a changing regional order.

This article examines recent scholarship according to its principal interpretative approaches rather than the dates on which individual studies appeared. It considers how researchers have explained the causes and continuity of the confrontation, the place of diplomacy and the influence of external powers. Particular attention is given to the points on which their interpretations differ and to aspects of Kazakh–Dzungar relations that remain insufficiently studied.

Materials and methods. The material for this article consists of works by Kazakhstani and foreign historians on relations between the Kazakh and Dzungar Khanates in the seventeenth and eighteenth centuries. The publications were selected to represent the main directions in the historiography. They include studies of warfare, diplomacy, state formation and the place of the two khanates in Central Asian politics. Works that introduced new sources or influenced later interpretations were examined more closely.

The analysis began by identifying the main question addressed in each publication and the evidence used by its author. The works were then compared in terms of how they explained Dzungar expansion, the

duration of the conflict and the role of diplomacy. This comparison also made it possible to see which interpretations continued ideas developed during the Soviet period and which were offered a different reading of the relationship.

Historiographical analysis was combined with comparative-historical and problem-chronological methods. The first was used to examine changes in scholarly interpretation, while the second helped trace how particular questions developed across different periods of research. The publications were finally grouped by their main subject rather than discussed only in order of publication. This organization makes clear which aspects of Kazakh–Dzungar relations have received sustained attention, and which remain less thoroughly studied.

Discussion. Results. The reviewed literature can be divided into several broad lines of interpretation. The first traces changes in the historiography itself, particularly the movement from Soviet accounts centred on military confrontation towards studies based on a wider range of sources and questions. Other works examine the relationship through state formation, regional politics, diplomacy and forms of non-military contact. These approaches overlap, but they differ in the weight they assign to warfare, political institutions and external powers.

R.B. Suleimenov provides one of the earliest systematic assessments of Soviet scholarship on the subject [Suleimenov, 1983]. His study shows that historians paid most attention to Dzungar expansion, major battles, the activities of Kazakh khans and the effect of the conflict on Kazakhstan's relations with Russia. Diplomatic and commercial contacts between the two khanates remained at the margins of this literature. Since Suleimenov was writing in the early 1980s, his article mainly records the state of the field at that time and does not attempt a fundamental revision of its assumptions.

A broader historical survey appears in the works of S.A. Edilkhanova [Edilkhanova, 2005, 2026]. She examines pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet scholarship together with the different bodies of evidence on which these traditions relied. Eastern chronicles, shezhire, historical narratives and Kazakh oral traditions provide material on diplomatic contacts, peace agreements and contemporary perceptions of Dzungar expansion. Their inclusion enlarges a source base previously dominated by official written records and makes it possible to reconsider conclusions formed within Soviet historiography.

V.A. Moiseev identifies a related change in the work of Kazakhstani historians [Moiseev, 1993, 2001]. He notes their growing tendency to treat the Kazakh Khanate as an independent actor in international politics and to draw more extensively on Kazakh, Chinese and other Eastern materials. D.G. Kukeev, in turn, approaches the historiography through Dzungaria's foreign relations and its position in the international system of Central Asia [Kukeev, 2011]. Together, these studies show that the reassessment of Kazakh–Dzungar relations involved both a wider source base and a shift away from interpretations limited to bilateral warfare.

Several historians examine Kazakh–Dzungar relations within the wider social, economic, political and international context of Kazakhstan and Central Asia. M.K. Kozybayev, for example, sees the conflict as more than a series of separate military events, arguing that it played a decisive role in preserving Kazakh statehood and strengthening social ties under external pressure. His emphasis on the ethnic and political development of the Kazakh Khanate and the formation of national statehood places the survival and consolidation of the state at the centre of his interpretation [Kozybayev, 2006].

According to Kozybayev, the Kazakh Khanate's stability depended on forms of political integration that had developed within nomadic society, while the Dzungar threat encouraged greater unity among the Kazakhs. Where Soviet historiography tends to describe these wars mainly as a struggle between feudal powers, he places the defense of Kazakh independence and historical continuity at the centre of his interpretation.

Kozybayev also examines how the Dzungar threat shaped the Kazakh Khanate's foreign policy in the eighteenth century. He interprets the Kazakh rulers' decision to accept Russian protection as a measure forced by difficult military and political conditions, including pressure from the Dzungar Khanate, the Volga Kalmyks, the Central Asian states and the Qing Empire.

The wider Central Asian context is also important to this interpretation of the Kazakh–Dzungar conflict. Changes in the regional balance of power help explain why the confrontation intensified. Another methodological contribution is the criticism of Soviet interpretations and the call to use Eastern written sources together with Russian archival records and oral historical accounts. Yet Kazakh–Dzungar relations were not a separate focus of Kozybayev's research. His main concerns were the development of Kazakh

statehood and the methodological foundations of national historiography. His contribution thus lies in linking the conflict to these broader questions, an approach that influenced later Kazakhstani scholarship.

V.Z. Galiyev [2007, 2013] traces the confrontation from the second half of the seventeenth century to the early eighteenth century, linking its development to internal changes in the Kazakh Khanate and the expansionist aims of Dzungaria. His periodization distinguishes the emergence of the conflict in the second half of the seventeenth century from the events of 1698–1712, which he presents as the immediate lead-up to the wider Kazakh struggle against Dzungar aggression.

Galiyev connects the Kazakh Khanate's internal development with its response to growing Dzungar pressure, while also considering how territory shaped relations between the two states. Using written sources, archival records, maps, archaeological findings, place names, historical and ethnographic expedition materials, and oral accounts, he reconstructs settlement areas, routes of expansion, battle sites and conditions along the border. His treatment of Ablaykit, Kyzylkent, "Sem Palat", the Kent fortress and other sites as parts of Dzungaria's military and strategic infrastructure extends this spatial analysis beyond the location of battles to the places that supported its military presence.

The reconstruction of military events presents the fighting from the second half of the seventeenth century to the early eighteenth century as a continuous struggle across large parts of Central, Northern and Northeastern Kazakhstan. Alongside diplomatic contacts and the wider international situation, the study considers Dzungaria's relations with the Qing Empire, Russia, the Volga Kalmyks and the Yenisei Kyrgyz, placing the course of the conflict within regional politics rather than explaining it through Kazakh–Dzungar relations alone.

Kabuldinov et al. [Kabuldinov et al., 2025] interpret Kazakh–Dzungar relations as a long-term process that helped reshape the balance of power in Central Asia. Contacts between the two khanates became more sustained during this period, making their relationship an important factor in regional politics. The study connects internal developments in the Dzungar Khanate with the nature of its contacts with the Kazakh Khanate. Central to this explanation is the link between political centralization and expansion. The authors argue that a stronger military and administrative system enabled the Oirat state to extend its influence and territory through sustained expansion. In this interpretation, the confrontation grew out of Dzungaria's increasingly centralized political structure, rather than simply comprising a series of separate conflicts.

The study argues that the Oirat state had a more developed and effective system of government, supported by a larger administrative apparatus and greater material and human resources. These advantages strengthened its military and political organization, allowing it to mobilize forces quickly, sustain lengthy campaigns and respond flexibly to changes in international affairs. By tracing the main stages of the Kazakh–Dzungar confrontation, the authors conclude that Dzungaria had become a leading nomadic power by the end of the seventeenth century, capable of imposing its will on neighbouring states. They also identify an ideological dimension to its expansion, arguing that attempts to impose religious commitments favorable to the state on conquered populations formed an integral part of this strategy.

Toraygyrov [Toraygyrov, 2025] places Kazakh–Dzungar relations within the political developments of Central Asia in the 1720s. While some studies treat the war as a bilateral conflict, this account considers the Kazakh, Dzungar and Kalmyk khanates as parts of a single political system.

The events following the Dzungar invasion of 1723 ("Aktaban Shubyryndy, Alkakol Sulama") are presented as a turning point in both the Kazakh–Dzungar conflict and international relations in Central Asia. The invasion changed the foreign-policy priorities of Kazakh rulers and encouraged them to seek new alliances.

The Kazakh Khanate's policies were shaped both by resistance to Dzungar expansion and by relations with the Kalmyk Khanate, the Russian Empire and other regional powers, placing Kazakh–Dzungar relations within a wider redistribution of power across Central Eurasia.

The study explains Dzungar military successes through the strength of the Dzungar army and political divisions within the Kazakh Khanate, which hindered coordination among the zhuzes. External pressure thus had a dual effect in this account: it exposed the difficulties of organising a common defense while also encouraging the zhuzes to unite their forces.

The Kalmyk Khanate's influence adds another dimension to this account of Kazakh–Dzungar relations. The need to maintain security on several fronts limited the Kazakh Khanate's foreign-policy options and shaped its dealings with Dzungaria, showing how pressures elsewhere affected the relationship between the two states.

In his monograph, Zlatkin [Zlatkin,1983] links the conflict to political developments across Central Asia. He identifies competition for pasturelands in Zhetysu, Eastern Kazakhstan and the upper Irtysh, together with the growing strength of Dzungaria and weakening unity within the Kazakh Khanate, as its main causes. In this account, warfare served Dzungaria's wider pursuit of control over strategic territories and trade routes, connecting competition for land with the expansion of state power. Relations between the Kazakhs and Oirats are described as initially peaceful for an extended period, with regular armed clashes beginning in the second third of the sixteenth century and the conflict intensifying after the formation of the Dzungar Khanate.

Despite the intellectual constraints of the Soviet period, Zlatkin's introduction of a wide range of Eastern sources into scholarly use laid a foundation for later research, giving his work lasting value for the study of the conflict's causes, character and consequences.

Other scholars place greater emphasis on diplomacy and interstate relations, explaining Kazakh–Dzungar interactions through the geopolitical interests of both khanates.

V.A. Moiseev develops this perspective in his studies of Kazakh–Dzungar relations [Moiseev, 1991, 1998, 2000]. He explains the confrontation as an outcome of competition for dominance in Central Asia, linking this rivalry to control over grazing territories, trade routes and strategically important areas.

Moiseev places Dzungar expansion within a broader effort by the Dzungar Khanate to extend its regional influence; it was not a policy directed solely against the Kazakh Khanate. Yet he does not portray relations between the two states as an uninterrupted war. Armed clashes gave way at different moments to negotiations, peace agreements, diplomatic missions and short-lived political or military alliances. Their relationship therefore changed with circumstances rather than following a single course.

The growing involvement of the Russian and Qing Empires further altered the setting in which the two khanates pursued their interests. Shifts in the Central Asian balance of power shaped the foreign policies of both sides. Moiseev also connects periods of heightened conflict to divisions within the Kazakh Khanate, which limited its ability to coordinate resistance to Dzungar expansion. In his interpretation, Kazakh–Dzungar relations combined warfare with diplomacy, temporary accommodation and responses to pressure from other regional powers.

Moiseev also compares recent interpretations with pre-revolutionary and Soviet scholarship [Moiseev, 2000]. Some of his conclusions remain debatable, but the value of his work lies in its wider frame of analysis. It situates the Kazakh–Dzungar confrontation within the international politics of Central Asia and draws attention to connections that earlier studies often treated separately.

A.Sh. Kadyrbayev examines the relations of the Dzungar and Kalmyk Khanates with the Kazakhs, Nogais and Turkmens, placing them within the wider military and political history of Central Asia [Kadyrbayev, 2015]. He traces the growth of Dzungar power, its administrative organization and the gradual escalation of conflict with the Kazakh Khanate. The study follows this development from the first diplomatic contacts of the early seventeenth century to the large-scale military campaigns of the first half of the eighteenth century. Dzungar policy is presented as a sustained expansion into Kazakh territory. Kadyrbayev argues that the political unity maintained under Tauke Khan enabled the Kazakh Khanate to resist more effectively. After Tauke's death, however, internal fragmentation weakened its defenses. The early Dzungar victories of 1723, associated with the catastrophe remembered as Aqtaban Shubyryndy, are attributed to centralized command, superior military organization, artillery and the element of surprise. The invasion brought severe demographic, economic and political consequences for the Kazakh Khanate.

Kadyrbayev also discusses the joint mobilization of the three zhuzes, the role of Abulkhair Khan and the Kazakh batyrs, and the significance of the Bulanty and Anyrakai battles in organising resistance. Yet disagreements among the Kazakh khans prevented them from eliminating the Dzungar threat entirely. Another important aspect of the study is its attention to Russia's place in the regional political setting. According to Kadyrbayev, the westward movement of Kazakh communities following the Dzungar invasion complicated their relations with both the Kalmyk Khanate and the Russian Empire. The need to protect the western frontier consequently became one of the factors that reshaped the foreign policy of the Kazakh rulers.

The Kazakh–Dzungar confrontation, in this account, had consequences extending well beyond the battlefield. It affected the political structure of the Kazakh Khanate, altered the regional system of international relations and contributed to the subsequent expansion of Russian influence in the steppe. Kadyrbayev further observes that cultural contacts and forms of mutual integration gradually intensified after the fall of the Dzungar Khanate brought the period of armed confrontation to an end.

V.T. Tepkeev adopts a similarly broad geopolitical perspective [Tepkeev, 2025]. His analysis extends beyond relations between the Kazakh and Dzungar Khanates to include the Kalmyk Khanate and the regional policies pursued by the Russian and Qing Empires.

A central question in Tepkeev's study concerns the conditions that made the Dzungar invasion of 1723 possible. He attributes it not only to Dzungaria's expansionist ambitions but also to a favorable military and political situation. By this point, the Dzungar Khanate had secured its eastern frontier, while divisions among the Kazakh zhuzes had weakened their ability to mount a coordinated defense. Changes in the regional balance of power further contributed to the invasion. Tepkeev thus presents the confrontation as an international conflict in which the Kalmyk Khanate influenced both the distribution of military resources and diplomatic calculations.

Tepkeev also considers how Kazakh rulers responded to this pressure. Alongside armed resistance, they turned to diplomacy and sought assistance from Russia, the Kalmyk Khanate and other regional powers. The conflict consequently emerges as part of a triangular relationship among the Dzungars, Kazakhs and Kalmyks. This perspective clarifies how shifting political ties shaped events during the first quarter of the eighteenth century.

O.N. Boldyreva examines Kazakh–Dzungar relations alongside the developing political and legal ties that both khanates established with the Russian state during the first half of the eighteenth century. Her analysis centres on diplomacy, the institution of allegiance and the foreign policies of the steppe states [Boldyreva, 2014].

Boldyreva challenges the assumption that allegiance necessarily amounted to permanent political submission. She interprets it instead as a diplomatic means of seeking allies and strengthening security. Increasing Dzungar pressure encouraged closer contact between the Kazakh Khanate and Russia, although the decision to accept Russian allegiance reflected a combination of internal circumstances and external threats. Relations with Russia also occupied an important place in Dzungar foreign policy.

A key part of Boldyreva's study compares the diplomatic strategies pursued by the Kazakh and Dzungar Khanates. Diplomatic correspondence, imperial charters and other official records show that allegiance had no single or fixed meaning in the eighteenth century. Its terms depended on the immediate political situation, while the parties involved did not always understand their obligations in the same way. This reading moves the discussion beyond warfare and reveals the negotiated character of relations between the steppe states and Russia.

K.Sh. Khafizova approaches Kazakh–Dzungar relations primarily through diplomacy [Khafizova, 2019]. Her monograph examines diplomatic missions, negotiation practices and the political culture of the steppe states. Diplomatic contact, she argues, continued even during periods of intense warfare. Envoys still travelled between the two sides, negotiations were held, prisoners exchanged, migration routes coordinated and border disputes addressed. These practices were not separate from the military conflict but formed part of the same interstate relationship. Khafizova's work therefore offers a broader account of how the two khanates managed both confrontation and temporary accommodation.

Khafizova also places these relations within the wider international politics of the eighteenth century. The interests and interventions of the Russian and Qing Empires repeatedly altered the balance of power around the two khanates. Diplomatic manoeuvring was therefore not secondary to military strength; it was one of the principal means through which Kazakh and Dzungar rulers responded to a changing regional order.

I.V. Erofeeva develops this diplomatic and international perspective in several of her studies [Erofeeva, 1990, 2006, 2007]. She argues that Galdan Tseren's policy was aimed less at destroying the Kazakh Khanate through military force than at bringing Kazakh rulers into political dependence. Military pressure and diplomatic negotiations were used together in pursuit of this objective.

Erofeeva presents relations between the Kazakhs and Dzungars as a complex field of political, economic and cultural interaction. Warfare formed only one part of this history. Periods of conflict also included peace negotiations, trade, prisoner exchanges and contact between communities on both sides. On this basis, she challenges the familiar image of the two peoples locked in a continuous struggle, arguing that it was shaped to a significant degree by Soviet historiography.

Erofeeva argues that the conflict must also be examined in relation to the internal development of both khanates. Their political institutions, social organization and economic systems shaped not only their military capacities but also the interests they pursued. Competition over pastures, strategic routes and regional influence therefore cannot be separated from the way Kazakh and Dzungar societies were organized. From

this perspective, Dzungar expansion was not simply a succession of military campaigns. It was also connected to the consolidation of Oirat statehood and to changes in the balance of power across Central Asia.

Her studies place the confrontation within an international setting that included the Russian Empire, Qing China and the states of Central Asia. Their policies influenced the choices available to both the Kazakh and Dzungar rulers. Erofeeva also maintains that the prolonged conflict encouraged greater political coordination within Kazakh society and contributed to the strengthening of its institutions. Taken together, her works present Kazakh–Dzungar relations as a changing and multidimensional relationship rather than a history defined by warfare alone.

Kabuldinov, Chernienko and Berkinbayev reconsider the institution of amanatship as a form of diplomatic practice rather than simply a sign of political submission [Kabuldinov et al., 2024]. Their study focuses on Sultan Abulfais's stay at the court of Galdan Tseren and his part in securing Abylai's release from Dzungar captivity. It also follows his subsequent military and diplomatic activities during the collapse of the Dzungar Khanate and the establishment of relations with the Qing Empire. In this account, sending a sultan as an amanat helped preserve a temporary settlement and kept negotiations open. Such arrangements arose from immediate political pressures and could be used to protect Kazakh communities, strengthen security and avert further hostilities. Amanatship thus appears not merely as evidence of vassal dependence but as a flexible instrument of steppe diplomacy.

E.M. Toraygyrov likewise treats Kazakh–Dzungar relations as a combination of military, diplomatic, dynastic and commercial ties [Toraygyrov, 2024]. Periods of peaceful coexistence, he argues, were as important as episodes of warfare in shaping the political situation of eighteenth-century Central Asia. His study reconstructs diplomatic missions and negotiations between Kazakh khans and Galdan Tseren, as well as the exchange of prisoners. Particular attention is given to amanatship. Toraygyrov interprets this institution not only as a guarantee that agreements would be observed but also as a practical means of maintaining stability and preventing renewed hostilities.

Toraygyrov also draws attention to marriages between members of the Kazakh and Dzungar ruling elites. Such unions could reinforce political agreements, lend legitimacy to alliances and create more durable ties between the two sides. Trade formed another channel of contact. Commercial exchange tended to expand during periods of political stability, creating practical economic interests that existed alongside continuing political rivalry.

Taken together, the works of Kazakhstani and foreign historians show that Kazakh–Dzungar relations encompassed political rivalry, armed conflict, diplomacy, economic exchange and cultural contact. The use of a broader range of sources has made it possible to examine these forms of interaction within their regional setting rather than as separate developments. Interdisciplinary approaches have widened the field further, although military and political history still receives considerably more attention than social, economic and cultural relations. This imbalance points to areas in which the historiography remains incomplete and where further research is needed.

Read together, these works show that the field has changed not only in scope but also in the questions it asks. Historians are no longer concerned solely with the causes and consequences of warfare; they are also reconsidering what should count as part of Kazakh–Dzungar relations. Earlier studies were largely organized around wars, invasions, major battles and the political consequences of Dzungar expansion. This emphasis was understandable, given the scale of the violence and its place in Kazakh historical memory. Yet it also encouraged a linear narrative in which relations between the two khanates appeared to move continuously towards confrontation. Recent scholarship has complicated this interpretation. Military conflict remains central, but it is increasingly examined alongside diplomacy, trade, dynastic ties, the movement of envoys, prisoner exchanges and temporary agreements.

The newer literature is far from uniform. Its clearest disagreement concerns whether the conflict was continuous or interrupted by substantial periods of negotiation and accommodation. Galiev describes the struggle as a prolonged and largely continuous process extending across broad territories. Moiseev, Khafizova and Erofeeva, by contrast, question the idea of uninterrupted warfare. Their studies draw attention to periods in which armed clashes subsided and relations were managed through negotiation, compromise or the exchange of diplomatic missions. The difference is partly conceptual. If the history of the relationship is reconstructed primarily through military campaigns, continuity becomes its defining feature. When diplomatic correspondence and other forms of contact are included, a less uniform pattern emerges. Kazakh–Dzungar relations then appear as a sequence of confrontations, negotiations and provisional settlements rather than as a single continuous war.

Historians also differ in their explanations of what drove Dzungar expansion. Several studies explain it as a consequence of the military and administrative consolidation of the Dzungar Khanate. Linking expansion to state formation makes sense of campaigns that might otherwise appear unrelated. The explanation becomes less convincing, however, when Kazakh political action is reduced to a series of defensive responses. The works considered here show that Kazakh rulers did not merely respond to events imposed upon them. They sought allies, negotiated with neighbouring powers, coordinated resistance and adjusted their policies as the regional situation changed. Their actions were constrained by internal divisions and pressure on several frontiers, but those constraints did not eliminate political initiative.

The bilateral model becomes harder to sustain once Kalmyk, Russian and Qing actions are brought into the analysis. Tepkeev and other researchers demonstrate that the distribution of military resources, the search for alliances and the timing of campaigns cannot be understood by examining the Kazakh and Dzungar Khanates in isolation. Relations between them formed part of a shifting regional order. Pressure in one direction could alter policy in another: conflict with Dzungaria affected Kazakh relations with the Kalmyks and Russia, while developments along the Dzungar–Qing frontier influenced Dzungar military priorities. The growing attention to these connections has moved the discussion from a national narrative of invasion and resistance towards a history of competing political strategies in Central Eurasia.

Research on allegiance and amanatship raises a different problem: diplomatic terms did not carry a single, stable meaning. Boldyreva's work shows that allegiance cannot always be read as an unambiguous transfer of sovereignty. Its meaning depends on the circumstances in which it was offered, accepted and recorded. Likewise, the research on Sultan Abulfais suggests that amanatship was not merely evidence of submission. It could serve as a means of preserving negotiations, securing the release of captives or preventing renewed conflict. These interpretations are valuable because they restore uncertainty to diplomatic practices whose meanings were not fixed in advance. They also reveal a discrepancy between the language of official documents and the political expectations of the participants. Terms that appeared to establish hierarchy could be used by steppe rulers in more provisional and strategic ways.

Yet the field has not developed evenly. Although many historians call for a comprehensive approach, warfare and elite diplomacy remain much better documented than trade, everyday cross-border contact or cultural exchange. The social groups involved in these less visible forms of interaction also receive far less attention than rulers, sultans, military leaders and envoys. The field has therefore broadened conceptually faster than it has developed empirically. Claims about peaceful coexistence and cultural exchange still require closer evidence of where such contacts occurred, who participated in them and how they changed over time.

The vocabulary used in this literature also needs closer scrutiny. Terms such as "geopolitical interests," "balance of power" and "expansion" often conceal differences among periods, places and political actors. The interests of a khan, a group of sultans and communities seeking access to pasture were not necessarily identical. Nor did Russian or Qing involvement remain constant throughout the seventeenth and eighteenth centuries. Future research should therefore connect regional explanations more closely to particular decisions, locations and bodies of evidence. Comparison of Kazakh oral traditions with Russian, Qing and Central Asian written records may also reveal where later historiographical interpretations have imposed greater coherence on events than contemporary actors themselves possessed.

Few recent historians now describe Kazakh–Dzungar relations simply as a succession of wars. The main advance in the field lies in recognizing that warfare and diplomacy did not operate separately. Violence altered the conditions under which negotiations took place, while diplomacy influenced the timing, direction and possible termination of military action. Kazakh–Dzungar relations are therefore better understood as a changing political relationship shaped by internal struggles within both khanates and by developments across the wider region. This interpretation preserves the importance of military conflict without reducing more than a century of interaction to an uninterrupted sequence of invasions and battles.

Conclusion. The works examined in this article show that Kazakh–Dzungar relations cannot be explained only through military confrontation. Wars and invasions had serious consequences for the Kazakh Khanate, and for this reason they remain central to the historiography. Relations between the two states, however, did not end whenever military activity stopped. Negotiations continued, envoys were exchanged, prisoners were released, and temporary agreements were reached. Amanatship, dynastic marriages and trade also connected the two sides during certain periods.

Historians do not agree on every aspect of this history. Galiev describes the confrontation as a long and continuous struggle, whereas Moiseev, Khafizova and Erofeeva draw attention to the intervals between

military campaigns and to the role of diplomacy. Another important result of recent research is the inclusion of the Kalmyk Khanate and the Russian and Qing Empires in the analysis. Their actions influenced the decisions of Kazakh and Dzungar rulers and often changed the regional balance of power.

The source base has become wider, but its different parts have not been studied equally. Military campaigns and official diplomacy are described in considerable detail, while trade, cultural exchange and everyday contact between communities remain less clear. Future research should pay closer attention to these areas and compare Kazakh oral materials with Russian, Qing and other written sources. Such work may provide a more balanced understanding of both conflict and cooperation in the history of the two khanates.

Literature

Kabuldinov, 2025 – *Kabuldinov Z.E., Beisembayeva A.R., Mussabalina G.T.* Kazakh–Dzungar confrontation in the 1630s–1680s // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 6. Pp. 1588-1604. URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/1520/1268

Болдырева, 2014 – *Болдырева О.Н.* О проблеме взаимоотношения Джунгарского и Казахского ханств и об их подданстве российскому государству // Вестник Томского государственного университета. 2014. No 379. С. 112–114.

Галиев, 2007 – *Галиев В.З.* Противостояние Казахского и Джунгарского ханств во второй половине XVII века // Отан тарихы. 2007. № 1 (37). С. 2–13.

Галиев, 2013 – *Галиев В.З.* Усиление борьбы казахского народа против джунгарской агрессии в начале XVIII в. // Отан тарихы. 2013. №1 (61). С. 11–26.

Едилханова, 2005 – *Едилханова С.А.* Казахско–джунгарские взаимоотношения в XVII–XVIII веках (Некоторые историографические аспекты проблемы). Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 162 с.

Едилханова, 2026 – *Едилханова С.А.* Историография по истории казахско-джунгарских взаимоотношений: восточные хроники и казахские устные источники// Нововедения современного научного развития в эпоху глобализации: проблемы и решения. Vol. 4 No. 2 (2026). С. 35–40. URL: https://uzresearchers.com/index.php/NSNR/article/view/1523/6696

Ерофеева, 1990 – *Ерофеева И.В.* Русско-джунгарские отношения в 40-х гг. XVII в. и Казахстан (Посольство К. Миллера) // Из истории международных отношений в Центральной Азии (средние века и новое время). Алма-Ата, 1990. С. 43– 46.

Ерофеева, 2006 – *Ерофеева И.В.* История казахско-джунгарских отношений XVII – середины XVIII в. с позиции междисциплинарного подхода: к постановке проблемы // Актуальные проблемы Центральной Азии и Китая: история и современность. Сб. науч. ст. памяти Б. П. Гуревича. Барнаул: Азбука, 2006. С. 53–110.

Ерофеева, 2007 – *Ерофеева И.В.* Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е исправленное и дополненное. Алматы: Дайк–Пресс, 2007. 456 с.

Златкин, 1983 – *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. М.: Наука, 1983. 331 с.

Кабульдинов, 2024 – *Кабульдинов З.Е, Черниенко Д.А., Беркинбаев О*. Аманатство Султана Абулфеиса и его роль в казахско-джунгарских отношениях середины XVIII века // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2024. Т. 11. № 4. С. 781-795. URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/1210/1098

Кадырбаев, 2015 – *Кадырбаев А.Ш.* К истории взаимоотношений Калмыков Поволжья и ойратов Джунгарии с ногайцами, туркменами и казахами в XVII–XVIII вв. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 2. С. 13–22.

Козыбаев, 2006 – *Козыбаев М.К.* Проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Казахстана. Избранные труды. Алматы: Ғылым, 2006. 272 с.

Кукеев, 2011 – *Кукеев Д.Г.* Внешнеполитические связи Джунгарии: историографический аспект // Монголоведение. 2011. № 5(1). С. 18–26.

Моисеев, 1991 – *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Ғылым, 1991. 238 с.

Моисеев, 1993 – *Моисеев В. А.* Политика России в Казахстане в освещении новейшей казахской историографии и публицистики // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. М., 1993. С. 30–39.

Моисеев, 1998 – *Моисеев В. А.* Россия и Джунгарское ханство в XVIII в. (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. 175 с.

Моисеев, 2000 – *Моисеев В. А.* Джунгаро-казахские отношения в XVII–XVIII веках и политика России // Вестник Евразии. 2000. Вып. №2. С. 22–43.

Моисеев, 2001 – *Моисеев В.А.* Русско-казахские и казахско-джунгарские отношения в XVII–XVIII вв. в освещении современной казахской историографии // Россия – Казахстан: современные мифы и историческая реальность. Сб. науч. и публиц. ст. Барнаул, 2001. 172 с.

Сулейменов, 1983 – *Сулейменов Р.Б.* Внешнеполитические связи Казахстана XVI–XVIII вв. в советской историографии // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1983. С. 8-34.

Тепкеев В.Т., 2025 – *Тепкеев В.Т.* Джунгарско-казахско-калмыцкие отношения в «Годы великого бедствия». Oriental Studies. 2025. Vol. 18. Is. 6 . С. 1202-1213.

Торайгыров, 2024 – *Торайгыров Е.М.* Казахско-джунгарские дипломатические, династийные и торговые отношения // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» 2024. Т. 11. № 1. С. 202–217. URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/1087/1022

Торайгыров, 2025 – *Торайгыров Е.М., Жаркен А.М.* Казахско-джунгарские и казахско-калмыцкие отношения в 20-е г. XVIII века // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. №5. С. 1287–1298. URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/1471/1245

Хафизова, 2019 – *Хафизова К.Ш.* Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. 476 с.

References

Boldyreva, 2014 – *Boldyreva O.N.* O probleme vzaimootnosheniya Dzhungarskogo i Kazakhskogo khanstv i ob ikh poddanstve rossiiskomu gosudarstvu [On the Problem of Relations between the Dzungar and Kazakh Khanates and Their Allegiance to the Russian State]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. No. 379. Pp. 112–114. [in Russian]

Edilkhanova, 2005 – *Edilkhanova S.A.* Kazakhsko-dzhungarskie vzaimootnosheniya v XVII–XVIII vekakh (Nekotorye istoriograficheskie aspekty problemy) [Kazakh–Dzungar Relations in the XVII–XVIII Centuries (Some Historiographical Aspects of the Problem)]. Almaty: Daik-Press, 2005. 162 p. [in Russian]

Edilkhanova, 2026 – *Edilkhanova S.A.* Istoriografiya po istorii kazakhsko-dzhungarskikh vzaimootnoshenii: vostochnye khroniki i kazakhskie ustnye istochniki [Historiography of the History of Kazakh–Dzungar Relations: Eastern Chronicles and Kazakh Oral Sources]. Novovedeniya sovremennogo nauchnogo razvitiya v epokhu globalizatsii: problemy i resheniya. 2026. Vol. 4. No. 2. Pp. 35–40. URL: https://uzresearchers.com/index.php/NSNR/article/view/1523/6696 [in Russian]

Erofeeva, 1990 – *Erofeeva I.V.* Russko-dzhungarskie otnosheniya v 40-kh gg. XVII v. i Kazakhstan (Posol'stvo K. Millera) [Russian–Dzungar Relations in the 1640s and Kazakhstan (K. Miller's Embassy)]. Iz istorii mezhdunarodnykh otnoshenii v Tsentral'noi Azii (srednie veka i novoe vremya) [From the History of International Relations in Central Asia (Middle Ages and Modern Times)]. Alma-Ata, 1990. Pp. 43–46. [in Russian]

Erofeeva, 2006 – *Erofeeva I.V.* Istoriya kazakhsko-dzhungarskikh otnoshenii XVII – serediny XVIII v. s pozitsii mezhdistsiplinarnogo podkhoda: k postanovke problemy [The History of Kazakh–Dzungar Relations from the XVII to the Mid-XVIII Century from the Perspective of an Interdisciplinary Approach: Towards Formulating the Problem]. Aktual'nye problemy Tsentral'noi Azii i Kitaya: istoriya i sovremennost'. Sb. nauch. st. pamyati B.P. Gurevicha [Current Problems of Central Asia and China: History and the Present. Collection of Scholarly Articles in Memory of B.P. Gurevich]. Barnaul: Azbuka, 2006. Pp. 53–110. [in Russian]

Erofeeva, 2007 – *Erofeeva I.V.* Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: Commander, Ruler, Politician]. 3rd ed., revised and supplemented. Almaty: Daik-Press, 2007. 456 p. [in Russian]

Galiyev, 2007 – *Galiyev V.Z.* Protivostoyanie Kazakhskogo i Dzhungarskogo khanstv vo vtoroi polovine XVII veka [The Confrontation between the Kazakh and Dzungar Khanates in the Second Half of the XVII Century]. Отан tarikhy. 2007. No. 1 (37). Pp. 2–13. [in Russian]

Galiyev, 2013 – *Galiyev V.Z.* Usilenie bor'by kazakhskogo naroda protiv dzhungarskoi agressii v nachale XVIII v. [The Intensification of the Kazakh People's Struggle against Dzungar Aggression in the Early XVIII Century]. Отан tarikhy. 2013. No. 1 (61). Pp. 11–26. [in Russian]

Kabuldinov, 2024 – *Kabuldinov Z.E., Chernienko D.A., Berkinbaev O.* Amanatstvo Sultana Abulfeisa i ego rol' v kazakhsko-dzhungarskikh otnosheniyakh serediny XVIII veka [Sultan Abulfais's Amanatship and Its Role in Kazakh–Dzungar Relations in the Mid-XVIII Century]. Elektronnyi nauchnyi zhurnal «edu.e-history.kz». 2024. Vol. 11. No. 4. Pp. 781–795. [in Russian] URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/1210/1098

Kabuldinov, 2025 – *Kabuldinov Z.E., Beisembayeva A.R., Mussabalina G.T.* Kazakh–Dzungar confrontation in the 1630s–1680s. Asian Journal «Steppe Panorama». 2025. Vol. 12. No. 6. Pp. 1588–1604. URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/1520/1268

Kadyrbaev, 2015 – *Kadyrbaev A.Sh.* K istorii vzaimootnoshenii kalmykov Povolzh'ya i oiratov Dzhungarii s nogaitsami, turkmenami i kazakhami v XVII–XVIII vv. [On the History of Relations between the Volga Kalmyks and the Oirats of Dzungaria with the Nogais, Turkmens, and Kazakhs in the XVII–XVIII Centuries]. Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN. 2015. No. 2. Pp. 13–22. [in Russian]

Khafizova, 2019 – *Khafizova K.Sh.* Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII–XIX vekakh [Steppe Rulers and Their Diplomacy in the XVIII–XIX Centuries]. Monografiya. Nur-Sultan: KISI pri Prezidente RK, 2019. 476 p. [in Russian]

Kozybaev, 2006 – *Kozybaev M.K.* Problemy metodologii, istoriografii i istochnikovedeniya istorii Kazakhstana. Izbrannye trudy [Problems of Methodology, Historiography, and Source Studies of the History of Kazakhstan. Selected Works]. Almaty: Gylym, 2006. 272 p. [in Russian]

Kukeev, 2011 – *Kukeev D.G.* Vneshnepoliticheskie svyazi Dzhungarii: istoriograficheskii aspekt [Foreign Policy Relations of Dzungaria: A Historiographical Aspect]. Mongolovedenie. 2011. Vol. 5. No. 1. Pp. 18–26. [in Russian]

Moiseev, 1991 – *Moiseev V.A.* Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII–XVIII vv.) [The Dzungar Khanate and the Kazakhs (XVII–XVIII Centuries)]. Alma-Ata: Gylym, 1991. 238 p. [in Russian]

Moiseev, 1993 – *Moiseev V.A.* Politika Rossii v Kazakhstane v osveshchenii noveishei kazakhskoi istoriografii i publitsistiki [Russian Policy in Kazakhstan in Recent Kazakh Historiography and Journalism]. Rossiya i Vostok: problemy vzaimodeistviya. Ch. 1 [Russia and the East: Problems of Interaction. Part 1]. Moscow, 1993. Pp. 30–39. [in Russian]

Moiseev, 1998 – *Moiseev V.A.* Rossiya i Dzhungarskoe khanstvo v XVIII v. (Ocherk vneshnepoliticheskikh otnoshenii) [Russia and the Dzungar Khanate in the XVIII Century (An Outline of Foreign Policy Relations)]. Barnaul: Izd-vo AGU, 1998. 175 p. [in Russian]

Moiseev, 2000 – *Moiseev V.A.* Dzhungaro-kazakhskie otnosheniya v XVII–XVIII vekakh i politika Rossii [Dzungar–Kazakh Relations in the XVII–XVIII Centuries and Russian Policy]. Vestnik Evrazii. 2000. No. 2. Pp. 22–43. [in Russian]

Moiseev, 2001 – *Moiseev V.A.* Russko-kazakhskie i kazakhsko-dzhungarskie otnosheniya v XVII–XVIII vv. v osveshchenii sovremennoi kazakhskoi istoriografii [Russian–Kazakh and Kazakh–Dzungar Relations in the XVII–XVIII Centuries in Contemporary Kazakh Historiography]. Rossiya – Kazakhstan: sovremennye mify i istoricheskaya real'nost'. Sb. nauch. i publits. st. [Russia – Kazakhstan: Contemporary Myths and Historical Reality. Collection of Scholarly and Journalistic Articles]. Barnaul, 2001. 172 p. [in Russian]

Suleimenov, 1983 – *Suleimenov R.B.* Vneshnepoliticheskie svyazi Kazakhstana XVI–XVIII vv. v sovetskoi istoriografii [Foreign Policy Relations of Kazakhstan in the XVI–XVIII Centuries in Soviet Historiography]. Kazakhstan, Srednyaya i Tsentral'naya Aziya v XVI–XVIII vv. [Kazakhstan, Central and Central Asia in the XVI–XVIII Centuries]. Alma-Ata: Nauka, 1983. Pp. 8–34. [in Russian]

Tepkeev, 2025 – *Tepkeev V.T.* Dzhungarsko-kazakhsko-kalmytskie otnosheniya v «Gody velikogo bedstviya» [Dzungar–Kazakh–Kalmyk Relations during the “Years of the Great Disaster”]. Oriental Studies. 2025. Vol. 18. No. 6. Pp. 1202–1213. [in Russian]

Toraygyrov, 2024 – *Toraygyrov E.M.* Kazakhsko-dzhungarskie diplomaticheskie, dinastiinye i torgovye otnosheniya [Kazakh–Dzungar Diplomatic, Dynastic, and Trade Relations]. Elektronnyi nauchnyi zhurnal «edu.e-history.kz». 2024. Vol. 11. No. 1. Pp. 202–217. [in Russian] URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/1087/1022

Toraygyrov, 2025 – *Toraygyrov E.M., Zharken A.M.* Kazakhsko-dzhungarskie i kazakhsko-kalmytskie otnosheniya v 20-e g. XVIII veka [Kazakh–Dzungar and Kazakh–Kalmyk Relations in the 1720s]. Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 5. Pp. 1287–1298. [in Russian] URL: https://ajspiie.com/index.php/history/article/view/1471/1245

Zlatkin, 1983 – *Zlatkin I.Ya.* Istoriya Dzhungarskogo khanstva [History of the Dzungar Khanate]. Moscow: Nauka, 1983. 331 p. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1092–1103
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР/ МРНТИ/ IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1092-1103

KAZAKH-DZUNGAR RELATIONS FROM THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY TO THE 1750S: THE SOURCE BASE OF THE RESEARCH

Akmaral Beisembayeva

Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Leading Researcher
https://orcid.org/ 0000-0002-3599-9091. E-mail: read_and_read@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Beisembayeva A.R., 2026

Abstract: *Introduction.* Kazakh-Dzungar relations from the second half of the XVII century to the 1750s were one of the important processes in the history of Central Asia. Military clashes, periods of peaceful relations, and the struggle for territories and nomadic lands took place against the background of changes in the political situation in the region and the growing geopolitical interests of neighboring states. *Purpose and objectives.* The purpose of the article is to study the source base of Kazakh-Dzungar relations from the second half of the XVII century to the 1750s, to identify the main groups of historical sources and the information contained in them. *Materials and methods.* The source base of the study consisted of Kazakh oral historical materials, Russian diplomatic and epistolary documents, Turkic-language and Persian-language works, official chronicles, and historical and geographical works of the Qing Empire. The study included archival documents, published collections of documents and materials, manuscript sources, shezhire, historical legends and zhyrs, official chronicles of the Qing Empire, historical-geographical and military-historical works, as well as works by authors of the XVII–XIX centuries. The methodological basis of the study consisted of the principles of historicism, objectivity, and systematicity, as well as historical-comparative, historical-genetic, and source study methods. *Results.* Russian documents contain information on the political situation in the steppe, the activities of Kazakh and Dzungar rulers, embassies, military campaigns, and the situation in the border territories. The Kazakh oral historical tradition has preserved important information on the Kazakh-Dzungar wars, individual events, khans, sultans, biys, and batyrs. Turkic-language and Persian-language works contain fragmentary information on historical events in Southern Kazakhstan and Central Asia, Dzungar campaigns, the situation of Kazakh nomadic lands, and the balance of political forces. A large amount of information is contained in the written sources of the Qing Empire. They reflect the internal events of the Dzungar Khanate, the military actions of the Kazakhs, and, after the fall of Dzungaria, land and diplomatic issues between the Kazakhs and the Qing Empire. *Conclusion.* The information contained in Russian, Kazakh, Turkic-language, Persian-language, and Qing materials in some cases complements each other, while in others it reflects the same events differently. A significant amount of material has been preserved in Chinese and Manchu documents, some of which still requires further study and comparison with other sources.

Keywords: Kazakh–Dzungar relations, Kazakh Khanate, Dzungar Khanate, source base, historical sources, Qing archives, Russian archival materials, Central Asia.
Acknowledgement: The article was prepared within the framework of the grant-funded project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, titled «New pages from the history of Kazakh-Dzungarian relations: second half of the XVII – 50s of the XVIII century» IRN AP23488522.
For citation: Beisembayeva A.R. Kazakh-Dzungar relations from the second half of the XVII century to the 1750s: the source base of the research // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 1092–1103. [in English] DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1092-1103

XVII ҒАСЫРДЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫ МЕН XVIII ҒАСЫРДЫҢ 50-ЖЫЛДАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ-ЖОҢҒАР ҚАТЫНАСТАРЫ: ЗЕРТТЕУДІҢ ДЕРЕКТІК НЕГІЗІ

Ақмарал Рашидқызы Бейсембаева

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы)
Жетекші ғылыми қызметкері
https://orcid.org/0000-0002-3599-9091. E-mail: read_and_read@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Бейсембаева А.Р., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* XVII ғасырдың екінші жартысы – XVIII ғасырдың 50-жылдарындағы қазақ-жоңғар қатынастары Орталық Азия тарихындағы маңызды үдерістердің бірі болды. Әскери қақтығыстар, бейбіт қатынастар кезеңдері, жерлер мен көшіп-қону аймақтары үшін күрес өңірдегі саяси жағдайдың өзгеруі және көршілес мемлекеттердің геосаяси мүдделерінің күшеюі аясында жүрді. *Мақсаты мен міндеттері.* Мақаланың мақсаты – XVII ғасырдың екінші жартысы – XVIII ғасырдың 50-жылдарындағы қазақ-жоңғар қатынастарының деректік базасын зерттеу, тарихи деректердің негізгі топтарын және олардағы мәліметтерді анықтау. *Материалдар мен әдістер.* Жұмыстың деректік базасын қазақтың ауызша тарихи материалдары, орыс дипломатиялық және эпистолярлық құжаттары, түркітілдес және парсытілдес шығармалар, Цин империясының ресми жылнамалары мен тарихи-географиялық еңбектері құрады. Зерттеуде архив құжаттары, жарияланған құжаттар мен материалдар жинақтары, қолжазба деректер, шежірелер, тарихи аңыздар мен жырлар, Цин империясының ресми жылнамалары, тарихи-географиялық және әскери-тарихи еңбектер, сондай-ақ XVII–XIX ғасырлар авторларының еңбектері пайдаланылды. Жұмыстың әдіснамалық негізін тарихилық, объективтілік және жүйелілік қағидаттары, тарихи-салыстырмалы, тарихи-генетикалық және деректанулық әдістер құрады. *Нәтижелер.* Орыс құжаттарында даладағы саяси жағдай, қазақ және жоңғар билеушілерінің қызметі, елшіліктер, әскери жорықтар және шекаралық аумақтардың жағдайы туралы мәліметтер бар. Қазақтың ауызша тарихи дәстүрінде қазақ-жоңғар соғыстары, жекелеген оқиғалар, хандар, сұлтандар, билер мен батырлар туралы маңызды мәліметтер сақталған. Түркітілдес және парсытілдес шығармаларда Оңтүстік Қазақстан мен Орта Азиядағы тарихи оқиғалар, жоңғар жорықтары, қазақ көшіп-қону аймақтарының жағдайы және саяси күштердің арақатынасы туралы үзік мәліметтер кездеседі. Цин империясының жазба деректерінде көп көлемде мәліметтер сақталған. Оларда Жоңғар хандығындағы ішкі оқиғалар, қазақтардың әскери қимылдары, ал Жоңғария құлағаннан кейін қазақтар мен Цин империясы арасындағы жер және дипломатиялық мәселелер көрініс тапқан. *Қорытынды.* Орыс, қазақ, түркітілдес, парсытілдес және циндік материалдардағы мәліметтер кейбір жағдайларда бірін-бірі толықтырса, басқа жағдайларда бір оқиғаларды әртүрлі көрсетеді. Қытай және маньчжур құжаттарында елеулі материалдар сақталған, олардың бір бөлігі әлі де әрі қарай зерттеуді және басқа деректермен салыстыруды қажет етеді.
Кілт сөздер: қазақ-жоңғар қатынастары, Қазақ хандығы, Жоңғар хандығы, деректік база, ауызша тарихи деректер, жазба деректер, Цин мұрағаттары, орыс мұрағат материалдары, Орталық Азия.
Алғыс айту: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің гранттық қаржыландыру жобасы аясында дайындалған «Қазақ-жоңғар қатынастары тарихының жаңа беттері: XVII ғасырдың екінші жартысы – XVIII ғасырдың 50-жж.» (ИРН AP23488522).

Дәйексөз үшін: Бейсембаева А.Р. XVII ғасырдың екінші жартысы мен XVIII ғасырдың 50-жылдарындағы қазақ-жоңғар қатынастары: зерттеудің деректік негізі // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1092–1103-бб. [ағылшын тілінде.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1092-1103

КАЗАХСКО-ДЖУНГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – 50-Х ГГ. XVIII ВВ.: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Акмарал Рашидкызы Бейсембаева

Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Ведущий научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0002-3599-9091. E-mail: read_and_read@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Бейсембаева А.Р., 2026

Аннотация. *Введение.* Казахско-джунгарские отношения второй половины XVII – 50-х гг. XVIII вв. являлись одним из важных процессов в истории Центральной Азии. Военные столкновения, периоды мирных взаимоотношений, борьба за территории и кочевья происходили на фоне изменения политической ситуации в регионе и усиления геополитических интересов соседних государств. *Цель и задачи.* Целью статьи является исследование источниковой базы казахско-джунгарских отношений во второй половине XVII – 50-х гг. XVIII вв., выявление основных групп исторических источников и содержащихся в них сведений. *Материалы и методы.* Источниковой базой работы послужили казахские устные исторические материалы, русские дипломатические и эпистолярные документы, тюркоязычные и персоязычные сочинения, официальные хроники и историко-географические труды Цинской империи. В исследовании были приведены архивные документы, опубликованные сборники документов и материалов, рукописные источники, шежире, исторические предания и жыры, официальные хроники Цинской империи, историко-географические и военно-исторические сочинения, а так же труды авторов XVII–XIX вв. Методологическую основу работы составили принципы историзма, объективности и системности, историко-сравнительный, историко-генетический и источниковедческий методы. *Результаты.* Русские документы содержат сведения о политической ситуации в степи, деятельности казахских и джунгарских правителей, посольствах, военных кампаниях и положении приграничных территорий. Казахская устная историческая традиция сохранила важные сведения о казахско-джунгарских войнах, отдельных событиях, ханах, султанах, биях и батырах. Тюркоязычные и персоязычные сочинения содержат фрагментарные сведения об исторических событиях в Южном Казахстане и Средней Азии, джунгарских походах, положении казахских кочевий и расстановке политических сил. Большой объем сведений содержится в письменных источниках Цинской империи. В них отражены внутренние события Джунгарского ханства, военные действия казахов, а после падения Джунгарии – земельные и дипломатические вопросы между казахами и Цинской империей. *Заключение.* Сведения русских, казахских, тюркоязычных, персоязычных и цинских материалов в отдельных случаях дополняют друг друга, в других – по-разному отображают одни и те же события. Значительный материал сохранился в китайских и маньчжурских документах, часть которого еще требует дальнейшего изучения и сопоставления с другими источниками.

Ключевые слова: казахско-джунгарские отношения, Казахское ханство, Джунгарское ханство, источниковая база, устно-исторические материалы, письменные источники, цинские архивы, русские архивные материалы, Центральная Азия.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Новые страницы из истории казахско-джунгарских отношений: во второй половине XVII – 50-х гг. XVIII вв.» ИРН AP23488522.

Для цитирования: Бейсембаева А.Р. Казахско-джунгарские отношения во второй половине XVII – 50-х гг. XVIII вв.: источниковая база исследования // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1092–1103. [на английском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1092-1103

Introduction. Kazakh-Dzungar relations from the second half of the XVII century to the 1750s occupy an important place in the history of Central Asia. The Kazakh-Dzungar wars, brief periods of peace, and the complex and multifaceted relations between the Kazakh and Dzungar khanates had a significant impact on the geopolitics of the region, the international relations of nomadic states and their sedentary neighbors, and changes in foreign policy directions. The study of Kazakh-Dzungar relations is one of the important areas of research in domestic and foreign historical scholarship.

The source base of the study comprises a large body of sources in Russian, Chinese, Old Kazakh, Persian, and other languages. These historical sources differ both in their origin and in the nature of the information they contain. The historical sources presented in this study also have their own specific features in reflecting information and political processes. The authors of these sources lived in the societies of their own time, with their own norms, culture, and perceptions, which influenced the way reality was represented in historical materials. The richness and linguistic diversity of the historical sources allow researchers to cross-check and compare the information obtained, which helps to analyze the sources objectively and critically, while taking into account the ideological and cultural features of each individual document.

A considerable number of documents and specialized studies have been published in domestic and foreign historiography. However, there are practically no comprehensive works that include sources in different languages and focus specifically on Kazakh-Dzungar relations. The study of the source base of Kazakh-Dzungar relations from the second half of the XVII century to the 1750s remains relevant today. Of particular interest is the introduction of new materials from Chinese archives into broader scholarly circulation, as well as the comparison of the information obtained with Russian, Kazakh, and Persian sources. This will significantly expand the source base for further research.

The purpose of this article is to analyze the source base on the history of Kazakh-Dzungar relations from the second half of the XVII century to the 1750s, to classify certain groups of historical sources, and to determine their significance for reconstructing the history of Kazakh-Dzungar relations and the geopolitical situation in the region.

Methods and Methodology. The source base of the study consists of Kazakh oral historical sources, written sources in Persian, official Chinese chronicles from the Qing period, as well as Russian epistolary and diplomatic sources of the XVII–XVIII centuries. In the course of this study, the author used published collections of documents, archival materials, historical and geographical works, and sources of personal origin containing information related to the history of Kazakh-Dzungar relations.

The methodological basis of the study was formed by the principles of historicism, objectivity, and systematic analysis. The study employed historical-typological, historical-comparative, historical-genetic, and source-critical methods. The historical-comparative method made it possible to compare information from different groups of sources and to identify the specific features of how the same events were reflected in Russian, Qing, Turkic-language, and Persian-language traditions. The historical-genetic method was used to examine the causes, key stages of development, and dynamics of Kazakh-Dzungar relations. Source-critical analysis made it possible to determine the origin of the sources, the context of their creation, and the degree of reliability of the information they contain.

Findings. An important place among the sources on the history of Kazakh-Dzungar relations is occupied by the Kazakh oral historical tradition. Historical legends, shezhire, epic works, and historical songs (zhyr) have preserved to the present day the people's memory of the struggle of the Kazakhs against the Dzungars, the deeds of khans, sultans, and batyrs, as well as key events of the XVII–XVIII centuries that became part of the historical memory of the Kazakh people. A significant body of information on the history of Kazakh-Dzungar relations has been preserved in historical legends about Tauke Khan, Ablai, the biys Tole, Kazybek, and Aiteke, and the batyrs Kabanbai, Bogenbai, Zhanibek, Malaisary, Bayan, Raiymbek, and others. These materials, transmitted orally, were later recorded by collectors of Kazakh folklore and published in specialized editions. The significance of the steppe oral historical tradition as a specific form of preserving the people's memory was brought into scholarly focus and substantiated in the works of V. P. Yudin [Yudin, 1992]. V. P. Yudin regarded the oral historiography of the steppe as an independent type of historical source characteristic of the nomads of Dasht-i Qipchaq [Yudin, 1992: 65]. A large amount of material from oral historical sources was recorded and published in the works of Ch. Ch. Valikhanov [Valikhanov, 1985], V. V. Radlov [Radlov, 1870], G. N. Potanin [Potanin, 1881], A. A. Divaev [Divaev, 1941], and N. A. Aristov [Aristov, 1895]. Owing to this, part of the oral historical sources was preserved and later introduced into scholarly circulation by researchers of subsequent periods.

An interesting group of sources in terms of their content consists of historical legends and heroic epics devoted to the events that took place during the Kazakh-Dzungar wars. Among this group are such legends as «The Legend of Ablai», the works «Sabalak» and «The Story of Ablai Khan», as well as the historical poems «Olzhabai Batyr», «Er Zhanibek», «Bogenbai Batyr», and many others [Valikhanov, 1985]. These works contain rich information about military campaigns, clashes with the Dzungars, and the life and state activities of Kazakh khans, sultans, and batyrs, transmitted and preserved through the oral historical tradition.

This group also includes the poem «Tarikhnama» by Shady-Tore Zhangiruly [MSF CSL RSE Gylym Ordasy. Folder 888. Notebook 2–3. L. 179–421], which contains records concerning the era of Ablai Khan, written down in later periods after the historical events themselves. The poem «Tarikhnama» reflects individual events from the life of Ablai Khan, the period of his rule, information about military campaigns and his associates, as well as diplomatic relations with other states.

Interesting information is contained in the poetry of the zhyrau of the XVIII century, primarily in the works of Bukhar Zhyrau, which reflected the political events of the era of Ablai Khan [Shafigi, 2015: 3–9; Magauin, 1989: 91–94]. A large body of Kazakh folklore materials was published in the multi-volume edition «Babalar sozi». This edition includes historical legends of the XVII–XVIII centuries about Ablai, Kabanbai, Bogenbai, Zhanibek, Malaisary, and many other historical figures [Babalar sozi, 2012a; Babalar sozi, 2012b].

Genealogical information contained in the shezhire, presented in the works of K. Khalid «Tauarikh Khamsa» [Khalid, 2014], Sh. Kudaiberdyuly «Genealogy of the Turks, Kazakhs and Khans» [Qudaiberdiuly, 1991], M. Zh. Kopeiuly «Genealogy of the Kazakhs» [Kopeev, 1993], N. Naushabayuly «Manzumat Kazakiya» [Naushabai, 1903], and many others, is of lasting importance for the study of the political and military elite of the Kazakh Khanate. Kazakh shezhire contain important, often irreplaceable and unique information about the origins of Kazakh clans and tribes, the genealogy of the Chinggisids and their relationships, the clan and tribal composition of the zhuzes, and also preserve the memory of nomads about individual historical events in the steppe region.

A separate group of historical sources consists of Russian documents and materials. A large number of documents on the history of Kazakh-Dzungar relations are preserved in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. First of all, these are materials from Fund 113 «Dzungar Affairs» and Fund 122 «Kirghiz-Kaisak Affairs». Fund 1 of the Historical Archive of the Omsk Region contains materials on journeys to the Dzungar nomadic territories, on Khong Tayiji Galdan Tseren and the Kazakhs, as well as many other documents [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 4, 7, 8, 10.].

The Russian State Archive of Ancient Acts preserves the file «On Dzungar, Kirghiz-Kaisak and Mongol Communications», concerning Kazakh-Dzungar relations [RGADA. F. 248. Op. 113. D. 1607]. Some Russian documents were published in the collection «Russian-Dzungar Relations (late XVII century – 1760s): Documents and Extracts» [Russko-dzhungarskie otnosheniya, 2006], «Kazakh-Russian Relations in the XVI–XVIII Centuries» [Kazakhsko-russkie otnosheniya, 1961], «The Epistolary Heritage of the Kazakh Ruling Elite, 1675–1821» [Epistolyarnoe nasledie, 2014] and the series «The History of Kazakhstan in Russian Sources of the XVI–XX Centuries» [IKRI, 2005; IKRI, 2006; IKRI, 2007a; IKRI, 2007b]. A separate source is the journal of the Russian embassy of I. S. Unkovskii to the Dzungar Khanate in 1722–1724 [Unkovskii, 1887].

It is important to note the great significance of written Turkic-language sources on the history of Central Asia in the XVII–XVIII centuries for the study of Kazakh-Dzungar relations. A special place among Turkic-language sources is occupied by the work «Islam-name» (نامه اسلام), authored by Molla Abd al-Alim, also known under the pseudonym Shair Akhun [Muginov, 1962: 22]. «Islam-name» was written in the middle of the XVIII century in the Chagatai language. Two manuscript copies have survived and are preserved in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. The source contains information on the history of East Turkestan and is of considerable interest for studying the political situation in Central Asia during the crisis and subsequent collapse of the Dzungar Khanate [Zlatkin, 1983: 293–295]. Of significant interest are also Molla Abd al-Alim's accounts of the internal struggle among the Dzungar nobility after the death of Galdan Tseren, the change of supreme power in Dzungaria [Moiseev, 1991: 179], as well as the relations of Dzungar rulers with Kazakh khans and sultans. Molla Abd al-Alim reported that Dawachi and Amursana fled to the Kazakh steppes and were under the protection of Ablai Khan.

Some Persian sources contain information about the Kazakh-Dzungar wars. For example, Persian-language works by Bukharan authors describe events that took place at the beginning of the XVIII century in

the steppe and in the territories adjacent to the Central Asian possessions. Of particular importance is information about Dzungar campaigns in Southern Kazakhstan, the capture of cities, and the situation of the Kazakhs during this period. It should be noted that in Persian-language sources the Dzungars are often referred to as Kalmyks. For example, the work «Firdaws al-Iqbal» contains information about the Kazakhs at the beginning of the XVIII century. In particular, when active Kalmyk raids on the territory of the Kazakh zhuzes began in 1706, the Kazakhs were forced to migrate: the Junior Zhuz moved westward towards Khiva and northward to the valleys of the Yaik and Emba rivers, while the Middle Zhuz moved towards Samarkand and Bukhara [Munis va Ogahiy, 2010]. Information about such Kalmyk invasions of Dasht-i Qipchaq was also reflected in the work of Muhammad Husayn, «Makhazin al-Taqwa» [Makhazin al-Taqwa. Manuscript of the Institute of Oriental Studies named after Abu Rayhan Beruni of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. No. 2773. Fol. 102a–108a].

The work of Mir Muhammad Amin Bukhari, «Ubaydulla-name», contains information concerning the situation of the Kazakhs and Karakalpaks, Kalmyk attacks, the devastation of Kazakh nomadic territories, and the taking of captives. This information appears in accounts devoted to the reign of the Bukharan Khan Ubaydulla II at the beginning of the XVIII century and relates to the period when the theatre of Kazakh-Dzungar military conflicts extended beyond the territory of the Kazakh Khanate and covered part of the neighbouring Central Asian possessions [Bukhari, 1957: 35–36].

In his work «Tuhfat al-Khani» (or «Tarikh-i Rahim-Khan»), Muhammad Wafa Karminagi recorded interesting information on the Kazakh-Dzungar wars, particularly concerning the events of 1723. The author describes the Dzungar invasion of Southern Kazakhstan and Central Asia, the capture of such cities as Tashkent, Sairam, and Turkestan, and other events. Muhammad Wafa Karminagi also provides some information on the retaliatory actions of the Kazakhs and the population of Tashkent against the Dzungar troops [Tuhfat al-Khani: 158a–161a; Karminagī, 2013].

One of the Persian-language sources concerning Kazakh-Dzungar relations is «Tarikh-i Qipchaq-Khani» by Khojamquli-bek Balkhi [Khurshut, 1982]. This historical source is valuable because it was written in the first half of the XVIII century and reflects information relevant to that period on the balance of political forces in Central Asia, including the Kazakh-Dzungar military confrontation. In «Tarikh-i Qipchaq-Khani», Khojamquli-bek Balkhi addresses the Kazakh-Dzungar wars during the reign of Tsewang Rabtan, as well as the situation in Tashkent, Sairam, and the neighbouring territories at that time [Atygaev, 2012; Khurshut, 1982].

It should also be noted that some information concerning an earlier period of Kazakh-Dzungar relations is presented in the XVII-century work of Mahmud ibn Wali, «Bahr al-Asrar fi Manaqib al-Akhyar». This work contains materials on the situation of Kazakh nomadic territories in the XVII century and some of the earliest information on the Kazakh-Oirat confrontation [Bahr al-asrar, 1969].

An important group of sources on the history of Kazakh-Dzungar relations consists of written materials of the Qing Empire. Some of these documents were published in the multi-volume collection «Materials on Xinjiang from the "Qing Shilu"» (新疆民族研究所编：《清实录新疆资料辑录》). It includes materials from the «Veritable Records» (《清实录》) of the emperors of the Qing dynasty. The «Veritable Records» of the Qing emperors contain rich information on events that took place in Central Asia. Of particular interest are the «Veritable Records of the Reign of Gaozong» (《清高宗实录》 – Qing Gaozong shilu), which record events in the Dzungar Khanate, the first contacts with the Kazakhs, and some information on the course of Kazakh-Dzungar relations and the roles of Ablai, Dawachi, Amursana, and other influential figures of that period.

For example, in juan 543, after the defeat of Dzungaria, the Qing emperor conducted negotiations with the Kazakh Khan Ablai "哈萨克汗阿布赍" on establishing new neighbouring relations and the extradition of Amursana, a representative of the Dzungar nobility. Juan 548 contains information on the first embassy between Ablai and the Qing Empire and on the land issue raised after the liquidation of the Dzungar Khanate [Qing Gaozong shilu, 548 juan, 1978: 9–10]. Juan 777 contains reports by General Agui (阿桂) stating that after the fall of the Dzungar Khanate, the number of Kazakhs coming to Ili (the Ili region) for trade had significantly decreased. Following the report, the emperor ordered that rules be developed under which the inhabitants of Xinjiang could travel to the Kazakh nomadic territories for trade, as well as other measures [Qing Gaozong shilu, 777 juan, 1978: 8]. Information on the location of Kazakh lands is also mentioned in He Qiutao's work «Shuofang beicheng», «Description of the Submission of the Kazakhs» (《哈萨克内属述略》) [He Qiutao, 1987].

The collection «Imperially Approved Plans for the Pacification of the Dzungars» (《钦定平定准噶尔方略》 – *Qinding Pingding Zhunge'er fanglüe*), compiled on the basis of Qing documents, contains some information on Kazakh-Dzungar relations. The collection includes materials on the Qing Empire's campaign against the Dzungar Khanate and reports on Kazakh military actions during this period. For example, in juan 12 of the main section of the collection, military clashes between the Kazakhs and Dzungars are mentioned: «**哈**萨克先与准噶尔互相搆衅» – «the Kazakhs had previously been in mutual conflict with the Dzungars»; during the advance of the Qing troops, Dawachi was fighting against the Kazakhs [Qinding Pingding Zhunge'er fanglüe, Zhengbian, 12 juan, 1771].

Juan 15 contains important information on the gathering of Kazakh troops in 1755 for an attack on Dzungaria: «闻知哈萨克聚**兵**抢掠准噶尔». This information was reported to the Qing commander Bandi (**班第**) by Dahatai (**达哈泰**), who had previously been held captive by the Kazakhs and had escaped back to the Qing. According to him, the Kazakhs said about Dawachi: «**达瓦**齐与我等积成仇隙，断不令其统辖准噶尔» – «Hostility has accumulated between Dawachi and us; [we] will certainly not allow him to rule Dzungaria». He further informed the commander that news had been received of the approach of about 50,000 Kazakh warriors – «**哈**萨克约有兵五万前来之信». At the same time, the Kazakhs stated that if Amursana became Khong Tayiji instead of Dawachi, they would not send troops against him and would maintain peaceful relations with him [Qinding Pingding Zhunge'er fanglüe, Zhengbian, 15 juan, 1771].

After the liquidation of the Dzungar Khanate, the Qing emperor demanded that the Kazakh rulers Abulmambet, Ablai, and Abulfeiz should not cross the former borders in Tarbagatai and Ili or occupy these lands without authorization, and should also prevent mutual attacks and plundering with neighbouring peoples while maintaining peaceful relations [Qinding Pingding Zhunge'er fanglüe, Xubian, 3 juan, 1771].

The same events were also reflected in another Qing historical source, the «Imperially Commissioned Historical and Geographical Description of the Western Regions» (《钦定皇舆西域图志》 – *Qinding Huangyu Xiyu tuzhi*). One section of this work was devoted to the Kazakhs and described the territories of their nomadic migrations, their proximity to Dzungaria and the Russian Empire, information on khan authority and the sultans, customs and economy, way of life, and relations with the Dzungars. The source also preserves Ablai's words addressed to the Qing official Shundena (顺德纳, Shundena) concerning the division of the Kazakhs into three zhuzes: «**我哈**萨克之有三玉兹， 如准噶尔之有四卫拉特也» – «We Kazakhs have three zhuzes, just as the Dzungars have four Oirats» (《钦定皇舆西域图志》. **卷四十四**. **右部哈**萨克).

The description of the Western Regions also states that during the internal struggle among the Dzungar nobility, Ablai repeatedly launched attacks on Dzungaria: «**其汗阿布**赉初乘达瓦齐乱，数侵扰准噶尔» [Qinding Huangyu Xiyu tuzhi, 1782].

The historical events of the middle of the XVIII century were reflected in Wei Yuan's work «Records of the Sacred Military Campaigns» [Wei Yuan. Shengwu ji, 1842]. This work contains separate sections devoted to the wars of the Qing Empire against the Dzungar Khanate. For example, Wei Yuan wrote about Amursana: «**乾隆二十年二月**， **准噶**尔平， 阿睦尔撒纳旋叛， 明年， 走哈萨克， 诱煽其汗阿布赉» – in 1755, after the defeat of Dzungaria, Amursana rebelled, and in the following year he went to the Kazakhs and attempted to win Ablai over to his side [Wei Yuan. Shengwu ji, 4 juan, 1842].

The «Imperially Commissioned Brief Account of Xinjiang» (《钦定新疆识略》) contains information on the former lands of the Dzungar Khanate and the situation of the population after its liquidation. The source states that part of the Oirat population, after the defeat of the Dzungar Khanate, remained among the Kazakhs and Kyrgyz and later came under the authority of the Qing Empire: «**有自准噶**尔既灭，于乾隆二十五年以后，陆续招抚，并由哈萨克、布鲁特投出者» [Song Yun deng. Qinding Xinjiang shilüe. – 1821. – 7 juan].

Among the later works concerning Kazakh-Dzungar relations is Xu Song's geographical work «Records of the Waterways of the Western Regions». From 1812, the author stayed in Ili, travelled through Xinjiang, and collected information on rivers, lakes, routes of communication, and settlements. Xu Song described Lake Balkhash and recorded information on Zaisan and other territories connected with Kazakh nomadic lands and the former possessions of the Dzungar Khanate [Xu Song, 1823]. In compiling his work, Xu Song relied on Chinese writings and other materials of the XVIII century.

A major contribution to the identification of Chinese sources on the history of Kazakhstan was made by K. Sh. Khafizova, V. A. Moiseev, B. Ezhenkhanuly [Khafizova, 1989; Ezhenkhanuly, 2009: 6], Jin Noda,

and Takahiro Onuma [Noda, Onuma, 2010]. These scholars translated and studied Qing sources and epistolary documents of Kazakh khans and sultans related to the historical processes of the XVIII century, the liquidation of the Dzungar Khanate, and the establishment of relations between the Kazakhs and the Qing Empire [Kabuldinov, Beisembaeva, 2025: 1030].

Jin Noda and Takahiro Onuma worked with Manchu archival documents of the Qing Empire in their research, some of which they published with authentic translations. Manchu documents are of considerable importance for the study of Kazakh-Dzungar relations. A large number of such documents are preserved in the First Historical Archives of China. Some Manchu documents were published in the multi-volume collection 《清代新疆满文档案汇编》 (*Qingdai Xinjiang Manwen dang'an huibian*), consisting of 283 volumes [Qingdai Xinjiang Manwen dang'an huibian, 2012]. The publication contains information on the military events of that period, diplomatic contacts, Dzungar rulers, and the policy of the Qing Empire in Central Asia. Later, some Manchu documents were translated into Chinese and published under the editorship of Wu Yuanfeng and Li Sheng in 《清代新疆满文档案汉译汇编》 (*Qingdai Xinjiang Manwen dang'an Hanyi huibian*) [Wu Yuanfeng, Li Sheng, 2020–2023].

Conclusion. Information from Russian, Kazakh, Turkic-language, Persian-language, and Qing sources in some cases complements one another, while in other cases the same events are presented differently. A considerable body of material has been preserved in Chinese and Manchu documents, some of which still requires further study and comparison with other sources.

The analysis conducted makes it possible to better understand which historical materials can be used to reconstruct Kazakh-Dzungar relations and how objective they are. The source base includes diverse historical sources covering key aspects of the military, economic, diplomatic, and social relations of the Kazakhs with the Dzungars and neighbouring states. These materials provide valuable information for a deeper understanding of the political situation in Central Asia in the XVIII century and the role of the Kazakh-Dzungar wars in the historical processes of this period.

Источники

ИАОО – Исторический архив Омской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4, 7, 8, 10.

Махазин ат-таква – Махазин ат-таква. Рукопись Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан. № 2773. 409 л.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 113. Д. 1607.

РФ ЦНБ РГП Ғылым ордасы – Рукописный фонд Центральной научной библиотеки Республиканского государственного предприятия «Ғылым ордасы». Папка 888. Тетрадь 2–3. Л. 179–421.

Тухфат ал-хани – Тухфат ал-хани. Рукопись Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии наук Республики Узбекистан. № 16. 366 л.

Литература

Аристов, 1985 – *Аристов Н. А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. Санкт-Петербург: Тип. С.Н. Худекова, 1895. 96 с.

Атыгаев, 2012 – *Атыгаев Н. А.* «Тарих-и Кипчак-хани» как источник по истории казахов XVI – начала XVIII веков // Известия Национального центра источниковедения и историографии. 2012. № 3. С. 45–55.

Бабалар сөзі, 2012а – *Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т. 86: Тарихи аңыздар.* Астана: Фолиант, 2012. 448 б.

Бабалар сөзі, 2012б – *Бабалар сөзі: Жүзтомдық. Т. 87: Тарихи аңыздар.* Астана: Фолиант, 2012. 432 б.

Бахр ал-асрар, 1969 – *Бахр ал-асрар фи манакиб ал-ахйяр* // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Мингулов, К.А. Пищулина, В.П. Юдин. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 320–368.

Бухари, 1957 – *Мир Мухаммад Амин-и Бухари.* Убайдулла-наме / пер. А.А. Семенова. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 326 с. С. 35–36.

Валиханов, 1985 – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Алматы: Наука, 1985. Т. 2. 461 с.

Диваев, 1941 – *Диваев А. А.* Шежире // Центральная научная библиотека РГП «Ғылым ордасы» Комитета науки МОН РК. – Рукописный фонд. № 1289. 1941.

Еженханұлы, 2009 – Еженханұлы Б. Қазақ хандығы мен Цин патшалығының сауда қатынастары туралы Қытай мұрағат құжаттары. I т. Алматы: Дайк-Пресс, 2009. 210 б.

Златкин, 1983 – *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства, 1635–1758. М.: Наука, 1983. 332 с.

ИКРИ, 2005 – *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков.* В 10 т. Т. 3 / сост. И. В. Ерофеева. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.

ИКРИ, 2006 – *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков.* В 10 т. Т. 8 / отв. ред. Б.Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 716 с.

ИКРИ, 2007а – *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков.* В 10 т. Т. 5 / сост. И.В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 620 с.

ИКРИ, 2007б – *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков.* В 10 т. Т. 6 / сост. И.В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 516 с.

Кабульдинов, Бейсембаева, 2025 – *Кабульдинов З. Е., Бейсембаева А. Р.* История Казахстана XVIII – начала XX века в современной японской историографии // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Т. 12. № 4. – С. 1028–1038. С. 1030.

Казахско-русские отношения, 1961 – *Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. (1771–1867): сборник документов и материалов.* Алма-Ата: Наука, 1961. 741 с.

Көпеев, 1993 – *Көпеев М. Ж.* Қазақ шежіресі. Алматы: Жалын, 1993. 76 б.

Құдайбердіұлы, 1991 – *Құдайбердіұлы Ш.* Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі. Алматы: Қазақстан Сана, 1991. 80 б.

Мағауин, 1989 – *Мағауин М.* Бес ғасыр жыралайды: 2 томдық / Құраст. М. Мағауин, М. Байділдаев. Т. 1. Алматы: Жазушы, 1989. 384 б.

Моисеев, 1991 – *Моисеев В. А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). – Алма-Ата: Ғылым, 1991. 238 с.

Мугинов, 1962 – *Мугинов А. М.* Описание уйгурских рукописей Института народов Азии. М.: Изд-во вост. лит., 1962. 207 с.

Мунис ва Огаҳий, 2010 – *Мунис ва Огаҳий.* Фирдавс ул-иқбол. – Тошкент: Янги аср авлоди, 2010. 520 б.

Наушабай, 1903 – *Наушабай Н.* Манзумат Қазақия. Қазан: Каримовтар, 1903. 32 б.

Потанин, 1881 – *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. СПб.: Типография В. Безобразова и Комп., 1881. Вып. 1. С. 7–8.

Радлов, 1870 – *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. III. Киргизские наречия. СПб., 1870. 712 с.

Русско-джунгарские отношения, 2006 – *Русско-джунгарские отношения (конец XVII – 60-е гг. XVIII вв.): документы и извлечения* / сост. В. А. Моисеев, И. А. Ноздрина, Р. А. Кушнерик. Барнаул: Азбука, 2006. 359 с.

Унковский, 1887 – *Унковский И. С.* Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы / документы изд. с предисл. и примеч. Н. И. Веселовского. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1887. 276 с.

Халид, 2014 – *Халид Құрбанғали.* Тауарих Хамса (Бес тарих). Астана: Prosper Print, 2014. 286 б.

Хафизова, 1989 – *Хафизова К. Ш., Моисеев В. А.* Цинская империя и Казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая треть XIX в.: в 2-х частях. Алма-Ата: Наука, 1989.

Хуршут, 1982 – *Хуршут Э. У.* «Тарих-и Кипчак-хани» – важный исторический источник по истории Средней Азии и Северного Афганистана XVI–XVII вв. Ташкент, 1982. 277 с.

Шафиғи, 2015 – *Шафиғи М.* Қазақ жазбаларындағы хандар шежіресі / Кіріспе, түркі-шағатай тілінен қазіргі әріптерге түсірген, факсимилесін, көрсеткіштерін дайындағандар М. Шафиғи, С. Саттарұлы, Г.М. Абикова; бас ред. Ә.Қ. Муминов; ред. Қ.Е. Қаймақбаева. Алматы: Ғылым ордасы, 2015. 310 б.

Эпистолярное наследие, 2014 – *Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 гг. Сборник исторических документов. В 2 т. Т. 1: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг.* / сост. и отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: АО АБДИ Компани, 2014. 696 с.

Юдин, 1992 – Юдин В. П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тукатимуридов в Казахских степях в XIV в. (К проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // *Утемиш-хаджи. Чингиз-наме*. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 57–75.

He Qiutao, 1987 – *He Qiutao.* Shuofang beicheng. Taibei, 1987. 6 juan.

Karminagī, 2013 – *Karminagī M. Q. W.* Tuḥfat al-Khānī or Tārīkh-i Raḥīm Khānī / Muḥammad Qāḍī Wafā Karminagī; bi-kūshish, taṣḥīḥ va tawḍīḥāt-i Manṣūr Ṣifatgul, bā hamkārī-yi Nobuaki Kondo. – Tōkyō: Mū’assasa-yi Muṭāli‘āt-i Zabānhā va Farhanghā-yi Āsiyā va Āfrīqā, 2013. 535 p.

Noda, Onuma, 2010 – *Noda J., Onuma T.* A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo: Department of Islamic Area Studies, University of Tokyo, 2010. 176 p.

Qinding Huangyu Xiyu tuzhi, 1782 – *Qinding Huangyu Xiyu tuzhi* (Высочайше утвержденное историко-географическое описание Западного края) / Fu Heng deng bian. 1782. 44 juan.

Qinding Pingding Zhunge’er fanglüe, 1771 – *Qinding Pingding Zhunge’er fanglüe. Qianbian, zhengbian, xubian* (Высочайше утвержденные планы умиротворения джунгар. Предварительные записи. Основные записи. Продолжение записей) / Fu Heng. 1771. 171 juan.

Qing Gaozong shilu, 548 juan, 1978 – *Qing Gaozong shilu (Правдивые записи периода правления Гаоцзуна).* – 548 juan. – di 9–10 ye // Xinjiang minzu yanjiusuo. Qing shi lu Xinjiang ziliao jilu (Собрание исторических материалов по Синьцзяну из «Цин шилу»). Wulumuqi, 1978. di 4 ce. gong 2073 ye. – di 1621 ye.

Qing Gaozong shilu, 777 juan, 1978 – *Qing Gaozong shilu (Правдивые записи периода правления Гаоцзуна).* – 777 juan. – di 8 ye // Qing shi lu Xinjiang ziliao jilu (Собрание исторических материалов по Синьцзяну из «Цин шилу»). Wulumuqi, 1978. – di 5 ce. – gong 2621 ye. – di 2555 ye.

Qingdai Xinjiang Manwen dang'an huibian, 2012 – *Qingdai Xinjiang Manwen dang'an huibian (《清代新疆满文档案汇编》).* – Guilin: Guangxi Shifan Daxue Chubanshe, 2012. 283 ce.

Song Yun deng, 1821 – *Song Yun deng.* Qinding Xinjiang shilüe. 1821. 7 juan.

Wei Yuan. Shengwu ji, 1842 – *Wei Yuan. Shengwu ji (Записки о священных военных походах).* 1842. – 14 juan.

Wu Yuanfeng, Li Sheng, 2020–2023 – *Wu Yuanfeng, Li Sheng (eds.).* Qingdai Xinjiang Manwen dang'an Hanyi huibian (《清代新疆满文档案汉译汇编》). Guilin: Guangxi Shifan Daxue Chubanshe, 2020–2023. – 30 ce.

Xu Song, 1823 – *Xu Song.* Xiyu shuidao ji (Записи о водных путях Западного края). 1823. 5 juan.

Sources

IAOO – Historical Archive of Omsk Oblast. F. 1. Op. 1. D. 4, 7, 8, 10.

Makhazin al-Taqwa – Makhazin al-Taqwa. Manuscript of the Abu Rayhan Beruni Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. No. 2773. 409 fols.

MSF CSL RSE Gylym Ordasy – Manuscript Fund of the Central Scientific Library of the Republican State Enterprise Gylym Ordasy. Folder 888. Notebook 2–3. L. 179–421.

RGADA – Russian State Archive of Ancient Acts. F. 248. Op. 113. D. 1607.

Tuhfat al-Khani – Tuhfat al-Khani. Manuscript of the Abu Rayhan Beruni Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. No. 16. 366 fols.

References

Aristov, 1895 – *Aristov N. A.* Opyt vyyasneniya etnicheskogo sostava kirgiz-kazakhov Bol'shoi Ordy i karakirgizov na osnovanii rodoslovnykh skazanii i svedenii o sushchestvuyushchikh rodovykh deleniyakh i o rodovykh tamgakh, a takzhe istoricheskikh dannykh i nachinayushchikhsya antropologicheskikh issledovanii [An Attempt to Determine the Ethnic Composition of the Kirghiz-Kazakhs of the Great Horde and the Kara-Kirghiz on the Basis of Genealogical Traditions, Information on Tribal Divisions and Tribal Tamgas, as well as Historical Data and Early Anthropological Studies]. St. Petersburg: Tip. S. N. Khudekova, 1895. 96 p. [in Russian]

Atygaev, 2012 – *Atygaev N. A.* «Tarikh-i Qipchaq-khani» kak istochnik po istorii kazakhov XVI – nachala XVIII vekov [«Tarikh-i Qipchaq-khani» as a Source on the History of the Kazakhs from the XVI to the Early XVIII Century] // Izvestiya Natsional'nogo tsentra istochnikovedeniya i istoriografii [Bulletin of the National Center for Source Studies and Historiography]. 2012. No. 3. P. 45–55. [in Russian]

Babalar sozi, 2012a – *Babalar sozi: Zhuztomdyq. T. 86: Tarikhi anyzdar* [Words of the Ancestors: One Hundred Volumes. Vol. 86: Historical Legends]. Astana: Foliant, 2012. 448 p. [in Kazakh]

Babalar sozi, 2012b – *Babalar sozi: Zhuztomdyq. T. 87: Tarikhi anyzdar* [Words of the Ancestors: One Hundred Volumes. Vol. 87: Historical Legends]. Astana: Foliant, 2012. 432 p. [in Kazakh]

Bahr al-asrar, 1969 – *Bahr al-asrar fi manaqib al-akhyar* [The Sea of Secrets Concerning the Virtues of the Righteous] // Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochinenii) [Materials on the History of the Kazakh Khanates of the XV–XVIII Centuries (Extracts from Persian and Turkic Works)] / comp. by S. K. Ibragimov, N. N. Mingulov, K. A. Pishchulina, V. P. Yudin. Alma-Ata: Nauka, 1969. P. 320–368. [in Russian]

Bukhari, 1957 – *Mir Muhammad Amin-i Bukhari.* Ubaidulla-name [The Ubaydulla-nama] / trans. by A.A. Semenov. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR, 1957. 326 p. P. 35–36. [in Russian]

Divaev, 1941 – *Divaev A. A.* Shezhire [Genealogy] // Central Scientific Library of the RSE «Gylym Ordasy» of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan. Manuscript Collection. No. 1289. 1941. [in Kazakh]

Epistolyarnoe nasledie, 2014 – *Epistolyarnoe nasledie kazakhskoi pravyashchei elity 1675–1821 gg. Sbornik istoricheskikh dokumentov. V 2 t. T. 1: Pis'ma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg.* [Epistolary Heritage of the Kazakh Ruling Elite, 1675–1821. Collection of Historical Documents. In 2 vols. Vol. 1: Letters of Kazakh Rulers, 1675–1780] / comp. and ed. by I. V. Erofeeva. Almaty: ABDI Company JSC, 2014. 696 p. [in Russian]

Ezhenkhanuly, 2009 – *Ezhenkhanuly B.* Qazaq khandygy men Tsin patshalygynyn sauda qatynastary turaly Qytai muragat quzhattary [Chinese Archival Documents on Trade Relations between the Kazakh Khanate and the Qing Empire]. Vol. I. Almaty: Daik-Press, 2009. 210 p. [in Kazakh]

He Qiutao, 1987 – *He Qiutao.* Shuofang beicheng [Supplementary Compilation on the Northern Frontier]. Taibei, 1987. 6 juan. [in Chinese]

IKRI, 2005 – *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian Sources of the XVI–XX Centuries]. In 10 vols. Vol. 3 / comp. by I. V. Erofeeva. Almaty: Daik-Press, 2005. 484 p. [in Russian]

IKRI, 2006 – *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian Sources of the XVI–XX Centuries]. In 10 vols. Vol. 8 / ed. by B. T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2006. 716 p. [in Russian]

IKRI, 2007a – *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian Sources of the XVI–XX Centuries]. In 10 vols. Vol. 5 / comp. by I. V. Erofeeva, B. T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2007. 620 p. [in Russian]

IKRI, 2007b – *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian Sources of the XVI–XX Centuries]. In 10 vols. Vol. 6 / comp. by I. V. Erofeeva, B. T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2007. 516 p. [in Russian]

Kabuldinov, Beisembaeva, 2025 – *Kabuldinov Z. E., Beisembaeva A. R.* Istoriya Kazakhstana XVIII – nachala XX veka v sovremennoi yaponskoi istoriografii [The History of Kazakhstan from the XVIII to the Early XX Century in Contemporary Japanese Historiography] // Asian Journal “Steppe Panorama”. 2025. Vol. 12. No. 4. P. 1028–1038. P. 1030. [in Russian]

Karminagī, 2013 – *Karminagī M. Q. W.* Tuḥfat al-Khānī or Tārīkh-i Raḥīm Khānī [The Khan’s Gift, or the History of Rahim Khan] / edited, corrected and annotated by Manṣūr Ṣifatgul, in collaboration with Nobuaki Kondo. Tokyo: Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa, 2013. 535 p. [in Persian]

Kazakhsko-russkie otnosheniya, 1961 – *Kazakhsko-russkie otnosheniya v XVIII–XIX vv. (1771–1867): sbornik dokumentov i materialov* [Kazakh-Russian relations in the XVIII–XIX centuries (1771–1867): Collection of Documents and Materials]. Alma-Ata: Nauka, 1961. 741 p. [in Russian]

Khafizova, 1989 – *Khafizova K. Sh., Moiseev V. A.* Tsinskaya imperiya i Kazakhskie khanstva. Vtoraya polovina XVIII – pervaya tret' XIX v. [The Qing Empire and the Kazakh Khanates. The Second Half of the XVIII – First Third of the XIX Century]. In 2 parts. Alma-Ata: Nauka, 1989. [in Russian]

Khalid, 2014 – *Khalid Qurbangali.* Tauarikh Khamsa (Bes tarikh) [Tawarikh-i Khamsa (Five Histories)]. Astana: Prosper Print, 2014. 286 p. [in Kazakh]

Khurshut, 1982 – *Khurshut E. U.* «Tarikh-i Kipchak-khani» – vazhnyi istoricheskii istochnik po istorii Srednei Azii i Severnogo Afganistana XVI–XVII vv. [«Tarikh-i Kipchak-khani» – an Important Historical Source on the History of Central Asia and Northern Afghanistan in the XVI–XVII Centuries]. Tashkent, 1982. 277 p. [in Russian]

Kopeev, 1993 – *Kopeev M. Zh.* Qazaq shezhiresi [Kazakh Genealogy]. Almaty: Zhalyn, 1993. 76 p. [in Kazakh]

Magauin, 1989 – *Magauin M.* Bes gasyr zhyralaidy: 2 tomdyq [Five Centuries Sing: in 2 Volumes] / Comp. by M. Magauin, M. Baidildaev. Vol. 1. Almaty: Zhazushy, 1989. 384 p. [in Kazakh]

Moiseev, 1991 – *Moiseev V.A.* Dzhungarskoe khanstvo i kazakhi (XVII–XVIII vv.) [The Dzungar Khanate and the Kazakhs (XVII–XVIII Centuries)]. Alma-Ata: Gylym, 1991. 238 p. [in Russian]

Muginov, 1962 – *Muginov A.M.* Opisanie uigurskikh rukopisei Instituta narodov Azii [Description of Uyghur Manuscripts of the Institute of the Peoples of Asia]. Moscow: Izd-vo vost. lit., 1962. 207 p. [in Russian]

Munis va Ogahiy, 2010 – *Munis va Ogahiy.* Firdavs ul-iqbol [The Garden of Felicity]. Tashkent: Yangi asr avlodi, 2010. 520 p. [in Uzbek]

Naushabai, 1903 – *Naushabai N.* Manzumat Qazaqiya [Manzumat Qazaqiya]. Kazan: Karimovtar, 1903. 32 p. [in Kazakh]

Noda, Onuma, 2010 – *Noda J., Onuma T.* A Collection of Documents from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. Tokyo: Department of Islamic Area Studies, University of Tokyo, 2010. 176 p. [in English]

Potanin, 1881 – *Potanin G. N.* Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii [Essays on Northwestern Mongolia]. St. Petersburg: Tipografiya V. Bezobrazova i Komp., 1881. Issue 1. P. 7–8. [in Russian]

Qinding Huangyu Xiyu tuzhi, 1782 – *Qinding Huangyu Xiyu tuzhi* [Imperially Commissioned Historical and Geographical Description of the Western Regions] / compiled by Fu Heng et al. 1782. 44 juan. [in Chinese]

Qinding Pingding Zhunge’er fanglüe, 1771 – *Qinding Pingding Zhunge’er fanglüe. Qianbian, zhengbian, xubian* [Imperially Commissioned Plans for the Pacification of the Dzungars. Preliminary Records, Main Records, and Continuation] / Fu Heng. 1771. 171 juan. [in Chinese]

Qing Gaozong shilu, 548 juan, 1978 – *Qing Gaozong shilu* [Veritable Records of the Gaozong Reign]. 548 juan. Di 9–10 ye // Xinjiang minzu yanjiusuo. Qing shi lu Xinjiang ziliao jilu [Collection of Historical Materials on Xinjiang from the «Qing Shilu»]. Wulumuqi, 1978. Di 4 ce. Gong 2073 ye. Di 1621 ye. [in Chinese]

Qing Gaozong shilu, 777 juan, 1978 – *Qing Gaozong shilu* [Veritable Records of the Gaozong Reign]. 777 juan. Di 8 ye // Qing shi lu Xinjiang ziliao jilu [Collection of Historical Materials on Xinjiang from the «Qing Shilu»]. Wulumuqi, 1978. Di 5 ce. Gong 2621 ye. Di 2555 ye. [in Chinese]

Qingdai Xinjiang Manwen dang'an huibian, 2012 – *Qingdai Xinjiang Manwen dang'an huibian (《清代新疆满文档案汇编》)* [Collection of Qing-Dynasty Manchu-Language Archival Documents on Xinjiang]. Guilin: Guangxi Shifan Daxue Chubanshe, 2012. 283 ce. [in Manchu and Chinese]

Qudaiberdiuly, 1991 – *Qudaiberdiuly Sh.* Turik, qyrgyz-qazaq ham khandar shezhiresi [Genealogy of the Turks, Kyrgyz-Kazakhs and Khans]. Almaty: Qazaqstan Sana, 1991. 80 p. [in Kazakh]

Radlov, 1870 – *Radlov V. V.* Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoi Sibiri i Dzungarskoi stepi. Ch. III. Kirgizskie narechiya [Samples of Folk Literature of the Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungarian Steppe. Part III. Kirghiz Dialects]. St. Petersburg, 1870. 712 p. [in Russian]

Russko-dzhungarskie otnosheniya, 2006 – *Russko-dzhungarskie otnosheniya (konets XVII – 60-e gg. XVIII vv.): dokumenty i izvlecheniya* [Russian-Dzungar Relations (Late XVII Century – 1760s): Documents and Extracts] / comp. by V. A. Moiseev, I. A. Nozdrina, R. A. Kushnerik. Barnaul: Azbuka, 2006. 359 p. [in Russian]

Shafigi, 2015 – *Shafigi M.* Qazaq zhazbalaryndagy khandar shezhiresi [Genealogies of Khans in Kazakh Written Sources]. Almaty: Gylym Ordasy, 2015. 310 p. [in Kazakh]

Song Yun deng, 1821 – *Song Yun deng.* Qinding Xinjiang shilüe [Imperially Commissioned Concise Account of Xinjiang]. 1821. 7 juan. [in Chinese]

Unkovskii, 1887 – *Unkovskii I. S.* Posol'stvo k zyungarskomu khun-taidzhi Tsevan Rabtanu kapitana ot artillerii Ivana Unkovskogo i putevoi zhurnal ego za 1722–1724 gody [The Embassy of Artillery Captain Ivan Unkovskii to the Dzungar Khong Tayiji Tsewang Rabtan and His Travel Journal for 1722–1724] / documents published with a preface and notes by N. I. Veselovskii. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma, 1887. 276 p. [in Russian]

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov Ch. Ch.* Sobranie sochinenii v pyati tomakh [Collected Works in Five Volumes]. Vol. 2. Almaty: Nauka, 1985. 461 p. [in Russian]

Wei Yuan. Shengwu ji, 1842 – *Wei Yuan. Shengwu ji* [Records of the Sacred Military Campaigns]. 1842. 14 juan. [in Chinese]

Wu Yuanfeng, Li Sheng, 2020–2023 – *Wu Yuanfeng, Li Sheng (eds.).* Qingdai Xinjiang Manwen dang'an Hanyi huibian (《清代新疆满文档案汉译汇编》) [Collection of Chinese Translations of Qing-Dynasty Manchu-Language Archival Documents on Xinjiang]. Guilin: Guangxi Shifan Daxue Chubanshe, 2020–2023. 30 ce. [in Chinese]

Xu Song, 1823 – *Xu Song.* Xiyu shuidao ji [Records of the Waterways of the Western Regions]. 1823. 5 juan. [in Chinese]

Yudin, 1992 – Yudin V. P. Perekhod vlasti k plemennym biyam i neizvestnoi dinastii Tukatimuridov v Kazakhskikh stepyakh v XIV v. (K probleme vostochnykh pis'mennykh istochnikov, stepnoi ustnoi istoriografii i predystorii Kazakhskogo khanstva) [The Transfer of Power to Tribal Biys and an Unknown Dynasty of Tukatimurids in the Kazakh Steppes in the XIV Century (On the Problem of Eastern Written Sources, Steppe Oral Historiography, and the Prehistory of the Kazakh Khanate)] // *Utemish-khadzhi. Chingiz-name*. – Alma-Ata: Gylym, 1992. – P. 57–75. [in Russian]

Zlatkin, 1983 – *Zlatkin I. Ya.* Istoriya Dzhungarskogo khanstva, 1635–1758 [History of the Dzungar Khanate, 1635–1758]. Moscow: Nauka, 1983. 332 p. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since
1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1104–1116
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1104-1116

UPRISINGS OF THE KAZAKHS OF THE JUNIOR ZHUZ AGAINST THE ABOLITION OF THE AUTHORITY OF SULTAN-RULERS

Yerbol Anuarbekovich Galimov[1], Ziyabek Yermukhanovich Kabuldinov[2]

[1] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko str., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan)
Researcher
https://orcid.org/0000-0002-1139-4389. E-mail: erbol090@gmail.com

[2] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko str., Almaty, 050010, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Professor, Director General
https://orcid.org/0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia@rambler.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Galimov Ye.A., Kabuldinov Z.Ye., 2026

Abstract. *Introduction.* The administrative and territorial reforms introduced by the Russian Empire in the late 1860s marked a critical turning point in the colonization of the Kazakh Steppe. The rapid dismantling of traditional local governance, combined with social restructuring, caused deep discontent among the nomadic population, leading to powerful anti-colonial uprisings. *Goals and objectives.* This study aims to comprehensively analyze the causes, course, and socio-political consequences of the 1868–1870 revolts in Western Kazakhstan, specifically focusing on the Ural, Turgay, and Mangystau regions, as well as the reactions of different social strata to imperial integration policies. *Materials and methods.* The source base of this study relies on a comprehensive range of archival materials and published collections of official documents, supplemented by historical literature on the region's colonization. Methodologically, the paper utilizes the comparative-historical method and critical source analysis. This approach allows for a rigorous examination of imperial administrative strategies, the verification of official reports against local realities, and an objective assessment of the internal dynamics within nomadic society. *Results.* The study reveals that the reforms of 1868 destroyed the established balance of power, sparking spontaneous protests due to a comprehensive transformation across various aspects of nomadic life. Furthermore, imperial policy caused a sharp confrontation within the Kazakh elite, pitting the traditional aristocracy (the Chingisids) against the newly formed bureaucracy represented by the *volost biys. Conclusion.* Although the uprisings were brutally suppressed by regular troops, forcing thousands of families to migrate, they demonstrated to the imperial government the necessity of considering the sentiments of different segments of the Kazakh Steppe population and exercising caution in reforming to avoid unrest, and also left a deep mark on historical memory. These events demonstrated the limits of forced imperial integration and finalized the military-civil structure of colonial rule in the region.

Keywords: Kazakh Steppe, administrative reforms, anti-colonial uprisings, Junior Zhuz, imperial colonization, regional governance.
Acknowledgements. The article was published under the scientific project funded by the grant program «Zhas Galym 2025-2027» of the CS MSHE RK, entitled «*The Institutionalization of the Junior Zhuz in the context of the administrative policy of the Russian Empire (1820s-1860s)*» (IRN – AP25796597).
For citation: Galimov Ye.A., Kabuldinov Z.Ye. Uprising of the Kazakhs of the Junior Zhuz against the abolition of the authority of sultan-rulers // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1104–1116. [In Eng.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1104-1116

КІШІ ЖҮЗ ҚАЗАҚТАРЫНЫҢ БИЛЕУШІ СҰЛТАНДАР БИЛІГІНІҢ ЖОЙЫЛУЫНА ҚАРСЫ КӨТЕРІЛІСТЕРІ

Ербол Ануарбекұлы Галимов[1], Зиябек Ермұханұлы Қабылдинов[2]

[1] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(Алматы қ., Шевченко көш., 28, 050010, Қазақстан Республикасы)
Ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0000-0002-1139-4389. E-mail: erbol090@gmail.com

[2] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(Алматы қ., Шевченко көш., 28, 050010, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының докторы, профессор, бас директор
https://orcid.org/0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia@rambler.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Галимов Е.А., Қабылдинов З.Е., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Ресей империясының 1860-шы жылдардың соңындағы әкімшілік-аумақтық реформалары Қазақ даласын отарлау үдерісіндегі бетбұрысты кезең болды. Дәстүрлі басқару институттарын жедел жою және әлеуметтік өзгерістер көшпелі халықтың наразылығын тудырып, ауқымды антиотарлық көтерілістерге әкелді. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты – Батыс Қазақстандағы (Орал, Торғай және Маңғыстау облыстары) 1868–1870 жылдардағы көтерілістердің себептерін, барысын және әлеуметтік-саяси салдарларын кешенді түрде талдау, сондай-ақ, көшпелі қоғамның түрлі әлеуметтік топтарының империялық интеграциялық саясатқа реакциясын зерттеу. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің деректік негізін аймақты отарлау мәселелеріне қатысты тарихи әдебиеттермен толықтырылған мұрағаттық материалдар кешені мен ресми құжаттардың жарияланған жинақтары құрайды. Жұмыстың әдістемелік негізін салыстырмалы-тарихи әдіс пен дереккөздерді сыни талдау құрайды. Бұл тәсіл империяның әкімшілік стратегияларын егжей-тегжейлі зерделеуге, ресми есептерді Қазақ даласындағы шынайы жағдаймен салыстыруға және көшпелі қоғамның ішкі динамикасын объективті бағалауға мүмкіндік береді. *Нәтижелер.* Зерттеу көрсеткендей, 1868 жылғы реформа бұрынғы күштер тепе-теңдігін бұзып, көшпелілердің дәстүрлі өмір салтының кешенді түрде өзгеруі салдарынан жаппай наразылық тудырды. Империялық саясат қазақ элитасы ішінде жіктеліс тудырып, дәстүрлі ақсүйектерді жаңадан пайда болған болыс билерімен қақтығыстырды. *Қорытынды.* Көтерілістер тұрақты әскермен қатаң түрде тұншықтырылып басылғанына және мыңдаған отбасылар көшіп кетуге мәжбүр болғанына қарамастан, империялық үкіметке жаңа толқуларды болдырмау үшін Қазақ халқының түрлі топтарының көңіл-күйін ескеру және реформалар жүргізуде сақ болу қажеттілігін көрсетті. Сонымен қатар, халықтың тарихи жадында терең із қалдырды. Бұл оқиғалар мәжбүрлі империялық интеграцияның шегін айқындап, аймақтағы отаршылдық басқарудың әскери-азаматтық құрылымын біржола қалыптастырды.
Түйін сөздер: Қазақ даласы, әкімшілік реформалар, отарлауға қарсы көтерілістер, Кіші жүз, империялық отарлау саясаты, аймақтық басқару.
Алғыс. Мақала ҚР ҒЖБМ ҒК «Жас ғалым 2025-2027» гранттық қаржыландыру бағдарламасы аясындағы «Ресей империясының әкімшілік саясаты жағдайындағы Кіші жүздің

институционализациясы (XIX ғ. 20-60 жж.)» ғылыми жобасы аясында дайындалған. ИРН – AP25796597.
Дәйеккөз үшін: Галимов Е.А., Қабылдинов З.Е. Кіші жүз қазақтарының билеуші сұлтандар билігінің жойылуына қарсы көтерілісі // Отан тарихы. 2026. Т. 29. No 3. 1104–1116-бб. [Ағыл.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1104-1116

ВОССТАНИЯ КАЗАХОВ МЛАДШЕГО ЖУЗА ПРОТИВ ОТМЕНЫ ВЛАСТИ СУЛТАНОВ-ПРАВИТЕЛЕЙ

Ербол Ануарбекович Галимов[1], Зиябек Ермуханович Кабульдинов[2]

[1] Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(г. Алматы, ул. Шевченко, 28, 050010, Республика Казахстан)
Научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0002-1139-4389. E-mail: erbol090@gmail.com

[2] Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(г. Алматы, ул. Шевченко, 28, 050010, Республика Казахстан)
Доктор исторических наук, профессор, генеральный директор
https://orcid.org/0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia@rambler.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Галимов Е.А., Кабульдинов З.Е., 2026

Аннотация. *Введение.* Административно-территориальные реформы Российской империи конца 60-х годов XIX века стали переломным моментом в процессе колонизации Казахской степи. Форсированная ликвидация традиционных институтов управления в сочетании с социальной перестройкой вызвала глубокое недовольство кочевого населения, что привело к мощным антиколониальным выступлениям. *Цели и задачи.* Целью данного исследования является комплексный анализ причин, хода и социально-политических последствий восстаний 1868–1870 годов в Западном Казахстане (в Уральской, Тургайской и Мангыстауской областях), а также изучение реакции различных социальных слоев кочевого общества на интеграционную политику империи. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составляет комплекс архивных материалов и опубликованных сборников официальных документов, дополненный исторической литературой по вопросам колонизации края. Методологическую основу работы образуют сравнительно-исторический метод и критический анализ источников. Данный подход позволяет детально изучить административные стратегии империи, сопоставить официальные отчеты с реальной обстановкой в Степи и объективно оценить внутреннюю динамику кочевого общества. *Результаты.* Исследование показало, что реформы 1868 года разрушили прежний баланс сил, спровоцировав стихийный протест из-за комплексной трансформации традиционного уклада жизни кочевников. Имперская политика вызвала острое противостояние внутри казахской элиты, столкнув традиционную аристократию (чингизидов) с новоявленной бюрократией в лице волостных биев. *Заключение.* Несмотря на то, что восстания были жестоко подавлены регулярными войсками, а тысячи семей были вынуждены откочевать, они показали имперскому правительству необходимость учета настроений разных слоев населения Казахской степи и проявления осторожности в реформировании во избежание беспорядков, а также оставили глубокий след в исторической памяти. Эти события продемонстрировали пределы принудительной имперской интеграции и окончательно оформили военно-гражданскую структуру колониального управления в регионе.

Ключевые слова: Казахская степь, административные реформы, антиколониальные восстания, Младший жуз, имперская колонизация, региональное управление.
Благодарность. Статья опубликована в рамках проекта грантового финансирования КН МНВО РК Жас ғалым 2025-2027 на тему «Институционализация Младшего жуза в контексте административной политики Российской империи (20-60 гг. XIX в.)». ИРН – AP25796597.

Для цитирования: Галимов Е.А., Кабульдинов З.Е. Восстания казахов Младшего жуза против отмены власти султанов-правителей // Отан тарихы. 2026. Т. 29. No 3. С. 1104–1116. [на англ.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1104-1116

Introduction. By the mid-1860s, the Russian Empire actively began to abolish the power of sultan-rulers in the Junior Zhuz and senior sultans in the Middle Zhuz. From the metropole's position, the reforms of 1822 and 1824 and subsequent changes were gradually losing their relevance. Although the tsarist government abolished khan's authority, imperial advancement deep into the steppe areas, especially in the Junior Zhuz, remained very weak. Moreover, while the Middle Zhuz had some elements of an elective system (specifically regarding senior sultans), the territory of the Junior Zhuz lacked any such signs of imperial administration. Peasant and Cossack settlements were also nearly nonexistent there. Therefore, from the imperial viewpoint, there was no unified legislative framework and centralized management over the Kazakhs of the Junior and Middle Zhuzes.

The remaining local authority – such as the sultan-rulers in the Junior Zhuz – partially acted as an obstacle to active military colonization and economic development of the region. From the viewpoint of the tsarist government, leaving Kazakh representatives as the main administrators in the Junior and Middle Zhuzes was highly undesirable. As imperial officials noted at the time: «Subordinating the Russian population located in the Steppe to a Kirghiz would be extremely inconvenient» [Traditsionnoe kazakhskoe obshestvo..., 2014: 81].

By the mid-1860s, the lands of Southern and Southeastern Kazakhstan had already entered the Russian Empire through military actions and diplomatic means. Consequently, the imperial borders moved more than a thousand kilometers south from the banks of the Ural and Irtysh rivers [Traditsionnoe kazakhskoe obshestvo..., 2014: 64]. It was necessary to take legislative measures for administrative subordination and active economic consolidation of the newly incorporated regions. The government needed to unify the structure of regional governance by making it as close as possible to the practice used in the internal provinces of the empire. Russia's developing industry increasingly needed cheap sources of raw materials and product markets, and this was almost impossible to achieve without final control over the Steppe. A need arose to introduce a single system of taxation and justice in all territories inhabited by Kazakhs. Furthermore, after the abolition of serfdom in 1861, the empire needed an organized framework to resettle significant masses of landless peasants from the European part of Russia eastward.

Another reason for introducing the new administrative system was the need to legally regulate and secure land ownership rights, forms of land use, and mechanisms for acquiring land by various social classes, primarily by the Kazakhs themselves. Members of the Steppe Commission noted this in 1867, stating: «The rights of the Kirghiz to the land under their pastures are not positively defined by our legislation» [TsGA RK. F. 4. Op. 1. D. 490. L. 38.].

Therefore, due to a number of reasons, an urgent need arose for the government to carry out new administrative-territorial and socioeconomic reforms. Members of the Steppe Commission, led by Chairman F.K. Girs, captured their essence in 1865: «The Kirghiz Steppe of the Orenburg and Siberian departments are governed by two systems that differ from each other. The consequences of such a management system are the impossibility of real control by the Russian authorities over the officials from the Horde members, and insufficient integration with Russians inside the Steppe» [TsGA RK. F. 4. Op. 1. D. 490. L. 10.].

Materials and Methods. This research draws upon an extensive array of primary archival materials and published collections of official documents, alongside existing historiographical works detailing the colonial integration of the region under study. To build a much wider academic and theoretical perspective, this research systematically incorporates the important works of Western scholars who analyze the Russian imperial frontier policies and Central Asian historical processes. Specifically, this study builds upon the institutional administration concepts discussed by Martha Brill Olcott in her detailed research on the historical development of the Kazakh nation. It also utilizes the borderland integration and resistance theories analyzed by Edward Allworth. Integrating these Western academic viewpoints helps to connect local steppe resistance movements with broader global scientific debates on comparative imperial strategies, showing that the Kazakh uprisings were part of a larger regional response to modern colonial centralization. From a methodological standpoint, the study implements a comparative-historical framework combined with rigorous textual criticism of primary sources. Utilizing this dual approach makes it possible to scrutinize tsarist administrative schemes over time, evaluate bureaucratic reporting by contrasting it with local socioeconomic conditions, and achieve an unbiased understanding of the internal processes shifting within

nomadic communities. To ensure complete analytical transparency, this study cross-references the official correspondence of regional military governors, the internal journals of the Steppe Commission, and legislative imperial statutes from the 1860s. The comparative-historical framework enables an objective evaluation of how institutional integration varied between the Middle and Junior Zhuzes, shedding light on elite division and nomadic agency under imperial expansion.

Results. *The Inception of the Steppe Commission.* Preparations for the reforms began in February 1865. This is confirmed by a report sent on June 4, 1865, by the Minister of War, Adjutant General D.A. Milyutin, to Emperor Alexander II about the upcoming work in the Kazakh Steppe: «On the second day of February of this year, Your Imperial Majesty deigned to supreme approve the journal of the special committee that discussed the question of the organization of Asiatic Russia and the Orenburg region» [RGIA. F. 1291. Op. 82. D. 5a. L. 36.].

To study the region in detail and prepare a draft regulation on its management, the authorities established the Steppe Commission on June 5, 1865, from among Russian officials and military officers. The Kazakh nobility, including the sultan-rulers, were practically not involved in its development. The commission included representatives from the Ministry of Internal Affairs and the Ministry of War, as well as high-ranking officials from Omsk and Orenburg: Actual State Councilor F.K. Girs, Orenburg Military Governor L.F. Balliuzek, Colonel A.K. Geins, Major General K.K. Gutkovsky, Colonel A.P. Protsenko, Colonel L.L. Meier, and Collegiate Assessor N.I. Galdinsky. The commission had to carefully investigate the socioeconomic situation in the Steppe, the traditions and customs of the Kazakh people, the previous order of management, and so on. The authorities even envisaged studying the possibility of introducing the Orthodox faith among the Steppe nomads, that began to actively spread in the territory of the Junior Zhuz [RGIA. F. 1291. Op. 82. D. 5a. L. 40.].

During 1865-1866, much of the research of the Steppe was already conducted, and the draft of the new regulation was submitted to the State Council for approval. However, its adoption was delayed because of some disagreements. In particular, A.I. Levshin – a prominent statesman and researcher of that time – argued for preserving the power of the sultan class and the clan-based governance of the Kazakhs [Istoriya Kazakhskoi SSR..., 1957: 385]. In this regard, on August 23, 1868, L.F. Balliuzek, head of the Regional Administration of the Orenburg Kazakhs, wrote to Orenburg Governor-General N.A. Kryzhanovsky about the need to approve the developed document: «Two months ago, I received information that the review of the draft for the new regulation on Steppe governance was postponed until September. Levshin does not know the Steppe, although forty years ago he wrote a good book on the Kirghiz-Kazakh Horde» [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 8239. L. 557-557 ob.]. Ultimately, the Special Committee approved the reform project [Istoriya Kazakhskoi SSR..., 1979: 226].

An Overview of the Reforms Abolishing the Power of Sultan-Rulers in the Junior Zhuz. On October 21, 1868, Emperor Alexander II signed the draft «Provisional Regulations on the Administration of the Turgay, Ural, Akmolinsk, and Semipalatinsk Regions» [Struktury upravleniya kazakhami Zapadnoi Sibiri..., 2025: 446-449], which introduced a new administrative order in the Steppe. Regional leaders began to explain the New Regulations to the population. Thus, in January 1869, N.A. Kryzhanovsky, the Governor-General of the Orenburg Province, made an announcement about the introduction of the new management system in the Steppe: «Henceforth, all Kirghiz, wherever they live, must be governed by identical laws. Instead of Kirghiz sultan-rulers, Russian district chiefs (uiezd heads) are appointed. The Kirghiz remain exempt from military conscription» [RGIA. F. 1291. Op. 82. D. 5a. L. 299-300.].

The new order of management was expected to take effect only in May 1869. For this purpose, Russian officials went into the Steppe with letters written in the Kazakh and Russian languages to give a detailed explanation of the reasons for the new order. The sultan-rulers removed from power were not left without attention – the government rewarded them with military ranks and lifelong pensions. In accordance with the document, two Governor-Generalships were formed: the Orenburg and the West Siberian. Each of them had two regions: the Ural and Turgay regions in the Orenburg Governor-Generalship, and the Akmolinsk and Semipalatinsk regions in the West Siberian [Natsional′no-osvoboditel′noe dvizhenie v Kazakhstane..., 2020: 415]. At the same time, the Orenburg Governor-Generalship, centered in the city of Orenburg, reported administratively to the Ministry of Foreign Affairs. The former Inner Horde became part of the Astrakhan Province, Mangystau was transferred to the management of the Caucasus Military District [Istoriya Kazakhskoi SSR..., 1979: 227], and later it was included in the Transcaspian Region [Akimbekov, 2018: 396].

The Governor-Generalships consisted of regions, regions consisted of uiezds, uiezds consisted of volosts, and volosts consisted of administrative auls. Compared to the internal provinces of Russia, the administrative management in the Steppe under the new reform had a more military character rather than a civil one. This circumstance was bound to cause protests in the future from the Kazakhs of the Junior Zhuz. Until that time, they had nearly seen no Russian officials in the deep areas of the Steppe, which could not be said about the Kazakhs of the Middle Zhuz, where the construction of imperial military fortifications (like Kokshetau and Karkaralinsk) began in 1824.

The innovations of 1868, which caused protests in the Turgay and Ural regions, also affected taxation. A single tax was introduced across the entire territory of Kazakhstan – the kibitka tax – levied annually in cash from each kibitka. For instance, Kazakhs of the Orenburg Governor-Generalship paid 3 rubles [Syzdykova, 2005: 150], while those of the Turkestan Governor-Generalship paid 2 rubles and 75 kopecks. The state imposed a double fine for concealing the real amount of livestock. The families of the late Khan of the Junior Zhuz, Shirghazi Aishuakov, as well as sultans Baimukhamed Aishuakov, Akhmed Dzhanturin, and Araslan Dzhanturin, were exempted from paying the kibitka tax and some other obligations. This exemption also extended to the families of those Kazakhs who died in 1844 at the hands of the detachments of Khan Kenesary Kasymov [Istoriya Kazakhskoi SSR..., 1979: 230]. In the future, this situation would split the rebel camp, starting a separation between the Chingisids and the commoners.

The establishment of new duties and taxes led to a decline in the material condition of the local population. Large sums were spent annually on the maintenance of volost rulers, aul elders, and couriers. For various infrastructure needs – the repair, construction, and maintenance of roads, bridges, mosques, schools, and hospitals – an additional tax called «qara shyghyn» was intended. These new financial burdens and regional duties quickly led to a deep structural crisis in the traditional economic life of the nomads. Because the colonial administration demanded all taxes strictly in cash form, Kazakh families were forced to quickly sell a large part of their cattle to Russian and Tatar merchants at very low prices. This artificial economic pressure completely broke the historical, well-balanced seasonal migration routes. Many poor households lost too much livestock to pay the taxes and could no longer participate in the long-distance movement between winter and summer pastures. As a result, these families became tied to small, overcrowded regional lands, which caused local land degradation, high cattle mortality during winter, and severe poverty among ordinary nomads who were cut off from their traditional ecosystem.

The Kazakh population was obliged to perform a number of other duties. They had to maintain local government offices, keep bridges and causeways in repair along numerous postal routes, provide their yurts to house Russian officials sent to the Steppe, and supply them with horses and other necessary equipment.

The court of biys was preserved, but it included a specific classification: individual biys, volost assemblies of biys, and extraordinary assemblies of biys, which could be called only on the initiative of regional governors. These courts resolved civil disputes among Kazakhs. Cases valued up to 100 rubles were decided by the biys finally, but rulings over 100 rubles could be appealed at the assembly of biys. Institutions operating on the basis of Russian laws appeared: volost courts, district courts, military-judicial commissions, regional administrations, and the Governing Senate [RGIA. F. 1291. Op. 84. D. 18. L. 3-3 ob.]. Kazakhs could appeal the decisions of the biy courts in Russian district courts, which dealt a serious blow to the activities of the former. The state transferred the largest criminal cases to military courts: treason, resistance to authority, the murder of officials, attacks on state transport and mail, and so on. Cases related to murder, robbery, assaults on trade caravans, and arson were examined under the general laws of the Russian Empire. Official misconduct and civil suits over 2000 rubles were considered in regional administrations. District courts reviewed cases with claims up to 2000 rubles that were not related to long-term imprisonment [Istoriya Kazakhskoi SSR..., 1957: 389]. All these changes became known to the nomads and led to uprisings in the future.

Henceforth, only four to eight biys could be elected in each volost for a three-year term. The elections took place with the mandatory presence of the Russian district chief or his assistant [Martin, 2012: 109-110]. This directly contradicted the ancient laws of the Steppe. Biy courts could not issue sentences with corporal punishment or the death penalty. The volost ruler put sentences into execution, and prisons were created in district centers [Istoriya Kazakhskoi SSR..., 1957: 389]. Documents show that the majority of cases considered by volost biys were related to horse theft [Istoriya Kazakhskoi SSR..., 1957: 115]. Merchants and traders could also apply to biy courts for cases with Kazakhs, and Kazakhs were allowed and even encouraged to apply to Russian district courts too.

The religious affairs of the Kazakhs were removed from the jurisdiction of the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and transferred directly to the control of local district and regional authorities in the Ural and Turgay regions [RGIA. F. 1291. Op. 82. D. 10. L. 7-7 ob.]. Only military governors could appoint or dismiss them from office [Traditsionnoe kazakhskoe obshestvo..., 2014: 344]. The Governor-General personally gave permission for the construction of mosques [Dobrosmyslov, 1902: 452-453]. In general, control over religious life belonged to the powers of the Ministry of Internal Affairs [RGIA. F. 821. Op. 8. D. 602. L. 112-112 ob.]. The same situation developed in relation to other peoples of Central Asia [Mukhamedov, 2016: 112]. It is known that Kazakhs previously often applied to higher authorities with requests to open a separate Spiritual Directorate [RGIA. F. 821. Op. 8. D. 602. L. 100 ob.] and appoint their own mufti [RGIA. F. 821. Op. 8. D. 602. L. 103.], but these efforts were unsuccessful.

In each volost, Kazakhs could elect only one mullah from their community. Therefore, in the subsequent period, many unauthorized mullahs and imams often appeared in many auls, not officially approved by the authorities. The Statute prohibited unauthorized construction of mosques and religious schools (madrasas), as well as waqf and fundraising for the maintenance of mosques and mullahs. Afterwards, such restrictive measures led to the fact that Kazakhs opened schools and mosques without permission. Sometimes this was done with the aim to prevent peasant settlers from entering Kazakh lands [RGIA. F. 821. Op. 133. D. 500. L. 184 ob.]. Under the new regulation, Kazakh communities did not have the right to force a fellow tribesman to contribute money for the maintenance of mosques if he did not want to. The prosecution of cases involving the murder of newly baptized Kazakhs was considered by military courts [Istoriya Kazakhskoi SSR..., 1957: 393]. The imperial government viewed the Hajj as harmful to state interests because of possible influence on domestic Muslims from Turkey [RGIA. F. 821. Op. 133. D. 458. L. 93-93 ob.]. In addition, the Steppe Commission, not without reason, thought about converting the Kazakhs to the Orthodox faith. Thus, during the period from 1855 to 1860, missionaries in the territory of the Junior Zhuz managed to convert 127 people to Orthodoxy [Vosstanie 1869 goda v Zapadnom Kazakhstane..., 2025: 20].

An active process of assembling the new administrative staff began to implement the new Regulation [Natsional′no-osvoboditel′noe dvizhenie kazakhskogo naroda..., 2019: 144]. However, the liquidation of the sultan-rulers' power and the introduction of the Reform were predominantly colonial in nature. They caused disagreement among the local population and often led to social unrest, especially in the Ural and Turgay regions.

The Outbreak and Course of the Uprising in Western Kazakhstan. The Kazakhs met the tsarist reforms in the Ural and Turgay regions with open dissatisfaction. An anti-government movement was brewing. The uprising arose spontaneously and lasted from December 1868 to October 1869. Obviously, it had a pronounced anti-colonial character.

Prominent clan leaders and, partly, sultans who were losing their power stood at the head of the uprising. Consequently, Kazakhs did not receive the government commissions. As contemporary records state: «The crowd made demands to the commission, stating that it did not want the new regulation, did not want to have Russian chiefs, but desired to leave management, as before, through the sultans and the old tax. The persuasion of the commission members had no success. The Kirghiz not only did not listen to the exhortations, but also did not allow any of the persons sent by the Commission to reach the main leader of the movement, Mullah Ikhlas Dosov, openly declaring to the envoys that they would defend the old order with weapons in hand. Day by day, the unrest begins to spread. The Kirghiz begin to move from words to actions – numerous detachments are formed. In the Ural region, such bands were met almost everywhere, and in the Turgay region – along the Ilek and Khobda rivers. The bands continuously communicate with one another, intending to act identically in all places where the movement appeared, and, furthermore, they try to attract the distant Kirghiz who nomadize near the Aral Sea and on the Ustyurt Plateau. Ural Governor Verevkin, convinced that it was impossible to introduce the new regulation by peaceful means, asked the Governor-General to take measures to suppress the unrest by military force. However, at first he received a refusal, because the regional commander had not yet lost hope of introducing the regulation without resorting to extraordinary and harsh measures. On the other hand, the Governor-General at that moment did not have sufficient military resources, plus it was the time of the spring mud season, which was completely unfavorable for troop movements. In addition to all this, there was nowhere to get transport resources, because they could be given in sufficient numbers only by the same Kirghiz. An official sent to hire camels and drivers in the Bukei Horde could not achieve a sufficient result, because the local Kirghiz, sympathizing with their trans-Ural kinsmen, avoided the attractive offers of the official and, to get rid of the authorities,

donated 400 camels. But drivers could not be found for any money. The Ural Cossacks also donated 70 camels and several zholomeikas (light tents)» [Dobrosmyslov, 1902: 461-464].

The actions of the rebels began with disobedience to the authorities, and a little later the people began to actively arm themselves. The insurgents stated that they did not want the introduction of the new regulation and did not want to have Russian chiefs, demanding a return to the old sultan system. To pacify the disgruntled nomads, the government used former sultan-rulers M. Tyaukin, M. Baimukhamedov, and A. Seidalin. However, the people did not listen to them, because they were completely discredited in the eyes of the common people. Then the authorities turned to representatives of the Muslim clergy of the Ufa Province, who also remained unheard. Rumors spread actively among the population that the new order would lead to the adoption of Christianity, military service, and an increase in taxes.

Printed versions of the new Regulation were almost absent, and the representatives of the commission sent to the Steppe could not clearly explain the essence of the innovations. The unrest that started in the Ural region gradually moved to the neighboring Turgay province. A Kazakh detachment numbering 600-700 men rode through the auls, calling for disobedience to the authorities and refusal to accept the reforms. Attempts to calm the Kazakhs by peaceful methods did not lead to the desired results. In May 1869, punitive detachments totaling 1700 troops with heavy artillery were sent into the Ural Steppe. All these circumstances led to a military clash between the Kazakh population and government detachments.

By December 1868, special commissions were formed to establish the new volosts in different areas of the former three parts of the Junior Zhuz. These commissions included some biys and sultans loyal to tsarism. In the Ural and Iletsk districts, five volosts were opened practically without pain by February 1869 [TsGA RK. F. I-25. Op. 1. D. 319. L. 21-22, 27-32, 35-37.]. There were also some representatives of local Kazakhs who sent «letters of gratitude» for the introduction of the new order. Thus, on February 26, 1869, one such appeal appeared from the Kazakhs of the Nikolaevsk district to Emperor Alexander II, expressing gratitude for the introduction of the new administration in the Steppe [Vosstanie 1869 goda v Zapadnom Kazakhstane..., 2025: 73].

At the same time, rumors began to spread rapidly in the area of the Bolshaya Khobda River that under the new regulation, Kazakhs would be converted to Christianity, recruits would be drafted into the army from them, and their ancestral lands would be taken away. As it later turned out, these actions were mainly backed by representatives of the sultan class, who under the new regulation were equal to commoners. In particular, some of the first to oppose the innovations were the sons of the late Sultan Aryngazy (who died in 1833 in Kaluga) [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 8320. L. 18.], Sultan Kanaly Arystanuly, the highly influential Major General Mukhamedzhan Baimukhamedov [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 8239. L. 1.], and Sultan Shangerei Bokeev (a descendant of Zhangir Khan) [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 8239. L. 90-93.].

The tsarist government had well-founded fears regarding the former sultan-rulers, such as M. Baimukhamedov and A. Seidalin. In relations with them, tsarism resorted to measures such as promising them positions under the new conditions and even threats [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 8239. L. 12-14.]. Therefore, some sultans had to stand on the side of the imperial government, although they experienced strong pressure from the rebels. Thus, on March 17, 1869, the rebels gave a strict ulimatum to Sultan Mukhammed-Kazyy Aryngaziev, asking him not to help the Russian military detachment and threatening to kill him otherwise [Vosstanie 1869 goda v Zapadnom Kazakhstane..., 2025: 90].

Leaders of individual clans, influential biys, and elders also began to oppose the new order, gathering hundreds and thousands of dissatisfied people around them. Thus, in early January 1869, the famous biy Munaitpas Botenbekuly called a large council at his winter quarters in the Beskopa tract near the Bolshaya Khobda River, where hundreds of Kazakhs from all over the area arrived [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 8273. L. 2.]. The meeting discussed the question of further actions, and based on its results, a clear decision was made to oppose the new order and, to begin with, to go to the southern regions, near the Zhem (Emba) River and further to Ustyurt.

After the council organized by the influential ishan Ykylas Dosuly, the unrest began to intensify, primarily due to fears of the local population being converted to Christianity [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 8273. L. 3.]. Armed groups of Kazakhs up to 700 men began to appear to defend their faith [Zhetpisbai, 2025: 83], armed resistance to the new order began, and armed people surrounded the arriving officials. Major General N.A. Verevkin, the Military Governor of the Ural region, received reports that the Kete and Zhylkyshy Tabyn clans of the Junior Zhuz, numbering about 5000 households across the Ural and Turgay provinces, stood against the new government [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 8239. L. 5, 16.]. The same situation

developed in the territory of the Iletsk, Kalmykovsk, and Guryev districts, and soon the representatives of the commission were forced to return to Orenburg [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 8320. L. 20.].

On January 16, 1869, an appeal appeared from the Acting Military Governor of the Ural region, N.A. Verevkin, to the insurgents with a call to stop opposition, but it brought no results [Vosstanie 1869 goda v Zapadnom Kazakhstane..., 2025: 38].

Discussion. The 1868 innovations caused deep disruption because, compared to the internal provinces of European Russia, the new administrative apparatus in the Steppe relied far more heavily on military rather than civil authority. The core catalyst for the popular anger was the comprehensive transformation across various aspects of nomadic life. The socio-political landscape highlights that this was a deliberate institutional structural conflict. The sudden demotion of the hereditary elite to the rank of common bureaucrats shattered the historical hierarchy, turning structural displacement into armed mobilizations.

Military Engagements. The rushed and poorly prepared implementation of the New Statute quickly provoked open popular unrest, which rapidly escalated into an armed struggle. The Kazakh uprising erupted along the Bolshaya Khobda and Ilek rivers – the natural border separating the Ural and Turgay oblasts – before sweeping south toward the Zhem River, the Ustyurt Plateau, and as far as Khiva. The Ural Region emerged as one of the primary hotbeds of resistance. On May 6, 1869, near Lake Dzhaman-Sai, an insurgent force of 20000 Kazakhs ambushed and besieged a detachment led by von Stempel. The siege lasted for seven days, forcing von Stempel to retreat to the frontier line after losing all his forage and provisions. A second detachment, commanded by Yurkovsky, similarly sustained losses and retreated toward the Orenburg border line.

By early June 1869, the unrest in the Ural Region reached its zenith. The fury of ordinary nomads was directed not only at imperial troops but also at factions of the indigenous nobility who had acquiesced to the New Statute. The rebels targeted the auls of these loyalists first. Between March and June 1869, insurgent detachments, totaling roughly 3000 warriors, executed over forty raids against the auls of biys, sultans, volost rulers, and starshinas.

The sheer scale of the uprising across the Turgay and Ural regions alarmed both local administrators and the central government in St. Petersburg. To crush the rebellion, the imperial center dispatched massive punitive forces mobilized from St. Petersburg, Moscow, Kharkov, and Kazan. The total strength of these punitive troops reached approximately 5000 men.

Amidst these mass demonstrations, a profound social polarization occurred, pitting the traditional sultan class against the influential clan biys who had accepted positions as volost rulers and assistants to district chiefs. This alignment reflected a calculated strategy by the colonial authorities to permanently dismantle the historical hegemony of the Chingisid aristocracy by empowering a new bureaucratic elite. One of the principal ideologues of the uprising was Sultan Syzdyk, a son of Khan Kenesary. On September 20, 1869, Sultan Syzdyk Kenesarin dispatched a letter to the batyrs and biys of the Aday clan, urgently rallying them to coordinate their operations against the implementation of the New Statute [Natsional′no-osvoboditel′noe dvizhenie kazakhskogo naroda..., 2019: 149]. Fearing for their lives and property, the newly appointed volost rulers frequently petitioned the regional administration for permission to retreat, along with their extended families, behind the safety of the Frontier Line [Vosstanie 1869 goda v Zapadnom Kazakhstane..., 2025: 106].

By early 1869, the insurrection had engulfed the entirety of western Kazakhstan. Insurgent detachments launched raids against Cossack settlements along the New Line, targeting the Novoiletskii outpost and Burannaya stanitsa. Furthermore, the rebels did not confine their hostilities to the auls that had explicitly endorsed the New Statute; they also aggressively raided communities that refused to join the ranks of the rebellion.

The Suppression of the Uprising. To crush the insurrection, the imperial government deployed regular military forces. The primary army formations began advancing into the Steppe in May 1869. Specifically, authorities dispatched several military columns into the Ural and Turgay regions under the command of F.K. Stempel, N.A. Verevkin, Yu.A. von Borch, and P.I. Krutorozhin. Armed with dozens of artillery pieces, these government forces totaled over 3000 soldiers, confronting an insurgent force that had swelled to 20000 men.

Faced with the overwhelming pressure of well-trained imperial troops, the rebels were forced to retreat and, in many instances, disband. By early July 1869, Kazakh leaders began sending emissaries to General N.A. Verevkin, signaling their readiness to accept the Provisional Statute [RGVIA. F. 846. Op. 16. D. 6826. L. 20.]. The tsarist government offered conditional clemency, promising to pardon rebels who abandoned

the uprising and returned from the southern regions. Rather than facing immediate courts-martial, these returning nomads were referred to special commissions of inquiry for adjudication [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 8239. L. 407-408.].

Archival estimates indicate that over 20000 families migrated to the southern regions during the conflict, though the majority eventually returned. Due to the sheer scale of these forced displacements, the 1869 struggle embedded itself deeply into collective memory, where it became known as «El Aua» (The Mass Migration of the People), while the year itself was dubbed «Aua Zhyl» (The Year of Migration).

The fates of the uprising's leaders varied tragically. Ykylas Dosuly, one of the primary architects of the rebellion, was forced to flee to the Ottoman Empire. Berkin Ospanuly migrated with his auls to Tajik lands and eventually onward to Afghanistan. Seil Turkebaiuly from the Ural Region and several of his close associates perished in imperial prisons. Meanwhile, Kanaly Arystanuly, who had been sentenced in absentia to fifteen years of penal servitude, managed to secure a full imperial pardon after providing critical assistance to Russian forces during the Khivan Campaign of 1873 [Karataev, 2006: 49].

Khiva's Attempted Intervention in the Uprising. As soon as rumors of the steppe unrest reached Khiva, the khanate began actively instigating the Kazakhs to expand the rebellion. In early January 1869, a delegation from the Shekty and Tabyn clans – spearheaded by prominent biys and batyrs Zhanibek Barakuly, Aldash Baiganauly, Azbergen Munaitpasuly, and Nazar Esetuly, the son of Eset Kotibaruly – arrived at the court of the Khivan khan to formally request military assistance. In response, looking to counter the escalating military and political pressure from the tsarist government along the Khivan-Kazakh frontier, the Khivan khan mobilized a 6000-man army in April 1869 [Sereda, 1891: 80-81]. This force, composed of Turkmens, Karakalpaks, Sarts, and Uzbeks, deployed near the borders of Khiva and the Kazakh lands. That same month, this Khivan expeditionary detachment, equipped with four artillery pieces, appeared in the Shoshkakol locality. The geopolitical objectives of the Khivan expedition were threefold: first, to dismantle the imperial steppe fortifications; second, to absorb the Kazakhs into Khivan vassalage; and third, to assess the zakat (Islamic tax) to be levied upon them. The Khivans brought substantial funds and numerous robes of honor (khalats) to co-opt local clan rulers. However, they failed to secure enthusiastic support among the broader Kazakh population. After remaining stationed near the Emba post for nearly a month, the detachment was forced to retreat back into Khivan territory.

Historically, the Khivan domains had served as a strategic rear area for insurgencies within the Junior Zhuz. By late 1869, approximately 7000 Kazakh households crossed into Khivan territory and swore allegiance to the khan. The Khivan khan accommodated these insurgents, allocating lands and distributing gifts, titles, and military ranks, while exempting the refugees from all taxes. Sultan Syzdyk Kenesarin, who commanded a joint force of 7000 Khivans and Turkmens, actively patronized the newly arrived Kazakhs. These migrant communities began returning to their native lands only in the spring of 1870. A decisive factor prompting the insurgents' repatriation was a calculated move by the Orenburg administration, which proclaimed an official amnesty for those who returned voluntarily, while threatening to permanently redistribute the lands of holdouts to loyalist clans faithful to the tsar.

Khiva's geopolitical maneuvers were further neutralized by direct diplomatic pressure from the Governor-General of Turkestan, K.P. von Kaufmann. On August 12, 1869, he dispatched a stern warning letter to the Khivan Khan, Muhammad Rahim, urging him to maintain peaceful relations with Russia and immediately cease all support for the rebellious Kazakhs [Vosstanie 1869 goda v Zapadnom Kazakhstane..., 2025: 159].

The Mangystau Uprising. The implementation of the New Statute severely exacerbated agrarian and land grievances among the Aday clan on the Mangyshlak Peninsula. On March 15, 1870, the Mangyshlak bailiff (pristav), Lieutenant Colonel Rukin, accompanied by a detachment of thirty-eight Cossacks and four artillery pieces, marched toward the Kurup tract to intercept migrating auls. Rukin traveled alongside several influential, pro-imperial clan rulers; however, his military foray into the Steppe served as the immediate catalyst for a full-scale rebellion. In the Buzachi region, under the leadership of Dosan Tazhiuly and Isa Tlenbaiuly, approximately 200 armed Kazakh warriors mobilized. In the ensuing clash, the insurgents completely decimated Rukin's detachment. The wounded lieutenant colonel subsequently committed suicide. This initial victory galvanized the insurgents, causing the rebellion to rapidly engulf the entire peninsula. Kazakh workers at the local fisheries in the settlement near Fort Aleksandrovsky and the Nikolaevskaya stanitsa abandoned their labor en masse and began seizing boats. Utilizing the vessels captured in Sarytau Bay, the Kazakh workers formed an impromptu flotilla, which later participated in the siege of Fort Aleksandrovsky. This maritime operational strategy became a complete tactical and psychological surprise

for the Russian imperial military command, which had historical experience fighting nomadic groups only in the open steppe spaces. By using these captured merchant and fishing boats, the local Kazakh rebels effectively stopped the fort's main sea supply lines and completely blocked imperial logistics for several weeks. This grassroots naval mobilization allowed the insurgents to control near-shore movement and stop the arrival of military orders. The situation became so critical that the regional colonial authorities could not rely on land troops alone and had to urgently send heavily armed warships from the Caspian military fleet to break the naval blockade and suppress the revolt on the peninsula.

The number of active insurgents soon swelled to 10000 men. In April 1870, they launched coordinated assaults on Fort Aleksandrovsky and the Nikolaevskaya stanitsa. Although the rebels managed to burn down the lighthouses near the fort and destroy the Nizhnee fortification, heavy imperial artillery fire ultimately forced them to retreat. This surge of unrest triggered acute alarm not only among local colonial administrators but also within the central government in St. Petersburg.

The rebellion coincided with a period of significantly heightened British geopolitical influence in neighboring Iran. Preparing for an impending military campaign against the Khivan Khanate, the tsarist government had been concentrating troops near Krasnovodsk. The outbreak of the Mangystau uprising effectively placed a volatile center of resistance squarely in the rear of these imperial forces. Consequently, St. Petersburg tasked the Viceroy of the Caucasus with suppressing the rebellion. In late May, massive military reinforcements were sealifted from the Caucasus to Mangystau. Despite the fierce and self-sacrificing resistance of the Aday Kazakhs, the uprising was brutally crushed, as tsarist troops relentlessly hunted down the remaining insurgents across the peninsula.

Causes of Defeat and Consequences of the Uprising. Ultimately, a combination of poor organization, fragmented spontaneity, and strategic discord among individual leaders doomed the insurgency to failure. As seen in previous uprisings, inconsistent tactical operations and the betrayal of several starshinas, who had only temporarily aligned with the movement, facilitated a relatively rapid pacification by imperial forces. The resistance remained fundamentally localized. The Kazakh population proved unable to present a unified front, as a significant faction of the tribal aristocracy withheld support from the rebels. By this juncture, the tsarist regime had already effectively encircled Kazakhstan on all sides with an extensive network of military fortifications.

The imperial response to the insurgents was unyielding and punitive. Authorities systematically exiled those who opposed the innovations beyond the borders of the Steppe. Archival data illustrates the compounding scale of these expulsions: in the 1880s, approximately 500 individuals were deported from the Turgay Region only, a figure that surged to nearly 3000 by the 1890s. The imminent threat of state retribution forced the rebel leaders and their remaining adherents to migrate into the domains of the Khivan Khanate. However, even this flight offered partial refuge; many of these expatriates were subsequently apprehended and sentenced to long-term penal servitude (katorga).

Conclusion. To sum up, despite the brutal suppression of the insurgencies by regular military detachments and the subsequent migration of thousands of households, the resistance left an enduring imprint on collective memory. These events forced the tsarist administration to realize that it had to evaluate the mood of various social strata across the Kazakh Steppe, showing that colonial authorities needed to approach institutional transformations with greater caution to prevent further volatility. Ultimately, the resistance exposed the structural boundaries of forced imperial integration and firmly established the joint military-civil apparatus of colonial administration in the region.

Sources

TsGA RK – Tsentral'nyi Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]

RGIA – Rossiiskii Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]

OGAOO – Ob'edinennyi Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region]

RGVIA – Rossiiskii Gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archive]

Literature

Акимбеков, 2018 – Акимбеков С. Казахстан в Российской империи. Алматы: Институт азиатских исследований, 2018. 562 с.

Восстание 1869 года в Западном Казахстане..., 2025 – Восстание 1869 года в Западном Казахстане. Сборник документов / Сост.: Н.Ы. Жетписбай (гл. ред.), М.Р. Сатенова (отв.), Р.Е. Оразов, Г.А. Шотанова, М.Т. Морякова. Алматы: «Принт плюс», 2025. 408 с.

Добросмыслов, 1902 – Добросмыслов А.И. Тургайская область, Исторический очерк. Тверь: Типо-литография Н.М. Радионова, 1902. 524 с.

Жетпісбай, 2025 – Жетпісбай Н.Ы. Қобда өңірінің тарихы. 2 том. Алматы, 2025. 512 б.

История Казахской ССР..., 1957 – История Казахской ССР. Т. 1. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1957. 609 с.

История Казахской ССР..., 1979 – История Казахской ССР (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 3. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979. 544 с.

Каратаев, 2006 – Каратаев Б.Б. Обзор материалов из истории колонизации Казахского края в связи с восстанием казахов Оренбургского края в 1869 году и в начале 1870 годов / сост. Б.С. Абенова, под общ. ред. Г.Ж. Нурышева. Алматы, 2006. 318 с.

Мартин, 2012 – Мартин В. Закон и обычай в степи. Казахи Среднего жуза и российский колониализм в XIX веке. Алматы: Центр оперативной печати КазАТиСО, 2012. 282 с.

Мухамедов, 2016 – Мухамедов Ш.Б. Некоторые аспекты изучения истории Центральной Азии. Ташкент: АН РУ, 2016. 216 с.

Национально-освободительное движение в Казахстане..., 2020 – Национально-освободительное движение в Казахстане в XIX – начале XX вв. Сборник документов. Алматы: «Литера-М», 2020. 544 с.

Национально-освободительное движение казахского народа..., 2019 – Национально-освободительное движение казахского народа в конце XVIII – начале XX веков. Сборник документов / Сост.: Сатенова М.Р., Оразов Р.Е., Жетписбай Н.Ы., Жылысбаева М.Г. Алматы: «Литера-М», 2019. 640 с.

Середа, 1891 – Середа Н.А. Из истории волнений в Оренбургском крае // Русская мысль. Книга 10 (октябрь). М., 1891. С. 78–82.

Структуры управления казахами Западной Сибири..., 2025 – Структуры управления казахами Западной Сибири (конец XVIII в. – XIX в.). Сборник документов / Сост.: Б.С. Абенова и др. Алматы: Нұрлы Әлем, 2025. 552 с.

Сыздыкова, 2005 – Сыздыкова Е.С. Российские военные и Казахстан: Вопросы социально-политической истории Казахстана XVIII–XIX вв. в трудах офицеров Генерального штаба России. М.: Изд-во «Известия» Управления делами Президента Российской Федерации, 2005. 246 с.

Традиционное казахское общество..., 2014 – Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Монография / Ю.А. Лысенко, И.В. Анисимова, Е.В. Тарасова, М.В. Стурова; отв. ред. Ю.А. Лысенко. Барнаул: Азбука, 2014. 272 с.

References

Akimbekov, 2018 – Akimbekov S. Kazakhstan v Rossiiskoi imperii. [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty: Institut aziatskih issledovanii, 2018. 562 p. [in Russian]

Dobrosmyslov, 1902 – Dobrosmyslov A.I. Turgaiskaia oblast′, Istoricheskii ocherk. [The Turgai Region: A historical sketch]. Tver′: Tipo-litografiya N.M. Radionova, 1902. 524 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhskoi SSR..., 1957 – Istoriya Kazakhskoi SSR. T. 1. [History of the Kazakh SSR. Vol. 1.]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1957. 609 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhskoi SSR..., 1979 – Istoriya Kazakhskoi SSR (s drevneishih vremen do nashih dnei). V pyati tomah. T. 3. [History of the Kazakh SSR (from ancient times to the present day). In five volumes. Vol. 3.]. Alma-Ata: «Nauka» KazSSR, 1979. 544 p. [in Russian]

Karataev, 2006 – Karataev B.B. Obzor materialov iz istorii kolonizatsii Kazakhskogo kraya v svyazi s vosstaniem kazakhov Orenburgskogo kraya v 1869 godu i v nachale 1870 godov. [Review of materials on the history of the colonization of the Kazakh region in connection with the Kazakh uprising in the Orenburg region in 1869 and the early 1870s]. Sost. B.S. Abenova, pod obsh. red. G.Zh. Nurysheva. Almaty, 2006. 318 p. [in Russian]

Martin, 2012 – Martin V. Zakon i obychai v stepi. Kazakhi Srednego zhuza i rossiiskii kolonializm v XIX veke. [Law and Custom in the Steppe: The Kazakhs of the Middle Zhuz and Russian colonialism in the XIX century]. Almaty: Tsentr operativnoi pechati KazATiSO, 2012. 282 p. [in Russian]

Mukhamedov, 2016 – Mukhamedov Sh.B. Nekotorye aspekty izucheniya istorii Tsentral′noi Azii. [Some aspects of the study of the history of Central Asia]. Tashkent: AN RU, 2016. 216 p. [in Russian]

Natsional′no-osvoboditel′noe dvizhenie kazakhskogo naroda..., 2019 – Natsional′no-osvoboditel′noe dvizhenie kazakhskogo naroda v kontse XVIII – nachale XX vekov. Sbornik dokumentov. [The National liberation movement of the Kazakh people from the late XVIII to the early XX century. Collection of documents]. Sost.: Satenova M.R., Orazov R.E., Zhetpisbai N.Y., Zhylysbaeva M.G. Almaty: «Litera-M», 2019. 640 p. [in Russian]

Natsional′no-osvoboditel′noe dvizhenie v Kazakhstane..., 2020 – Natsional′no-osvoboditel′noe dvizhenie v Kazakhstane v XIX – nachale XX vv. Sbornik dokumentov. [The National liberation movement in Kazakhstan in the XIX and early XX centuries. Collection of documents]. Almaty: «Litera-M», 2020. 544 p. [in Russian]

Sereda, 1891 – Sereda N.A. Iz istorii volnenii v Orenburgskom krae. [From the history of unrest in the Orenburg region]. Russkaya mysl′. Kniga 10 (oktyabr′). M., 1891. P. 78–82. [in Russian]

Struktury upravleniya kazakhami Zapadnoi Sibiri..., 2025 – Struktury upravleniya kazakhami Zapadnoi Sibiri (konets XVIII v. – XIX v.). Sbornik dokumentov. [Administrative structures for the governance of the Kazakhs of Western Siberia (late XVIII –XIX centuries). Collection of documents]. Sost.: B.S. Abenova i dr. Almaty: Nurly Alem, 2025. 552 p. [in Russian]

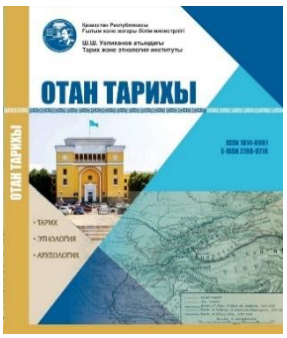
Syzdykova, 2005 – Syzdykova E.S. Rossiiskie voennye i Kazakhstan: Voprosy sotsial′no-politicheskoi istorii Kazakhstana XVIII–XIX vv. v trudah ofitserov General′nogo shtaba Rossii. [Russian military officers and Kazakhstan: issues in the social and political history of Kazakhstan in the XVIII and XIX centuries in the works of officers of the Russian General Staff]. M.: Izd-vo «Izvestiya» Upravleniya delami Prezidenta Rossiiskoi Federatsii, 2005. 246 p. [in Russian]

Traditsionnoe kazakhskoe obshestvo..., 2014 – Traditsionnoe kazakhskoe obshestvo v natsional′noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual′nye osnovy i mehanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). Monografiya. [Traditional Kazakh society in the national policy of the Russian Empire: conceptual foundations and mechanisms of implementation (XIX – early XX centuries). Monograph]. Yu.A. Lysenko, I.V. Anisimova, E.V. Tarasova, M.V. Sturova; otv. red. Yu.A. Lysenko. Barnaul: Azbuka, 2014. 272 p. [in Russian]

Vosstanie 1869 goda v Zapadnom Kazakhstane..., 2025 – Vosstanie 1869 goda v Zapadnom Kazakhstane. Sbornik dokumentov. [The 1869 uprising in Western Kazakhstan. Collection of documents]. Sost.: N.Y. Zhetpisbai (gl. red.), M.R. Satenova (otv.), R.E. Orazov, G.A. Shotanova, M.T. Moriakova. Almaty: «Print plyus», 2025. 408 p. [in Russian]

Zhetpisbai, 2025 – Zhetpisbai N.Y. Qobda onirinin tarihy. T. 2. [History of the Kobda Region. Vol. 2]. Almaty, 2025. 512 p. [in Kazakh]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since
1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1117–1130
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1117-1130

THE KAZAKH POPULATION AND THE MILITARY-ADMINISTRATIVE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE RIGHT BANK OF THE IRTYSH RIVER (SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY TO THE EARLY XIX CENTURY)

Yerzhan Muratovich Toraigyrov [1]

[1] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko St., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of historical sciences
https://orcid.org/0000–0002–3586–5691 E-mail: toranet2013@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026
© Toraigyrov Ye.M., 2026

Abstract. *Introduction.* This article examines the military-administrative policy of the Russian Empire in the Irtysh region during the second half of the XVIII and the early XIX centuries. It analyzes the principal stages in the formation of the imperial frontier administration, the factors that shaped changes in government policy, and the interaction between the imperial authorities and the Kazakh political elite amid the changing military-political situation in Central Asia. The relevance of the study lies in the need for a comprehensive analysis of the mechanisms through which the Irtysh Region was incorporated into the administrative structure of the Russian empire, as well as the factors that influenced imperial policy toward traditional nomadic land use and frontier migrations. *Purpose and Objectives*. The purpose of the article is to examine the evolution of the Russian empire's military-administrative policy in the Irtysh region and to identify the factors that determined changes in the imperial authorities' approach to the use of this territory by the Kazakh population. To achieve this aim, the following objectives were established: to characterize the main stages in the formation of the military-administrative system in the Irtysh region; to trace the transition from the prohibition on Kazakh resettlement to the right bank of the Irtysh to their regulated admission and permanent settlement there; to identify the military-political, foreign-policy, and administrative factors that contributed to the transformation of imperial policy; and to determine the role of interaction between the Russian administration and the Kazakh political elite in regulating cross-border migration and land use. *Materials and Methods.* The study is based on documents from the Historical Archive of Omsk Oblast, the Russian State Archive of Ancient Acts, the Russian State Historical Archive, and the United State Archive of Orenburg Oblast, as well as published legislative sources and scholarly literature. The research applies the principles of historicism and objectivity together with the historical-genetic, historical-comparative, and problem-chronological methods. *Results.* The findings demonstrate that the initial policy of prohibiting Kazakh crossings to the right bank of the Irtysh gradually evolved into a system of regulated access and subsequently into a policy of permanent settlement for Kazakh communities loyal to the Russian empire. These changes resulted from a combination of military-political, geopolitical, and administrative factors, including the destruction of the Dzungar khanate, the transformation of Russia's strategic priorities, and the imperial government's efforts to secure the frontier through the integration of part of the Kazakh population into the

imperial administrative system. The study concludes that this policy became one of the principal instruments of the Empire's colonial expansion in the Irtysh region and laid the groundwork for the administrative reforms of the first quarter of the XIX century.

Keywords: Russian empire, Irtysh region, Kazakhs, Middle zhuz, military-administrative policy, Siberian military line, frontier policy, colonization, Ablai khan.

Acknowledgments. The article was carried out within the framework of the implementation of the grant funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «Management structures of the Kazakhs of Western Siberia: the end of the XVIII–XIX centuries» (IRN AP23489137).

For citation: Toraigyrov E.M. The Kazakh population and the military-administrative policy of the Russian empire on the right bank of the Irtysh river (second half of the XVIII century to the early XIX century). Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1117–1130. [in English]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1117-1130

ЕРТІСТІҢ ОҢ ЖАҒАЛАУЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛҚЫ ЖӘНЕ РЕСЕЙ ИМПЕРИЯСЫНЫҢ ӘСКЕРИ-ӘКІМШІЛІК САЯСАТЫ (XVIII ҒАСЫРДЫҢ ЕКІНШІ ЖАРТЫСЫ – XIX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫ)

Ержан Мұратұлы Торайғыров [1]

[1] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(Шевченко көшесі, 28, 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты
https://orcid.org/0000–0002–3586–5691 E–mail: toranet2013@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Торайғыров Е.М., 2026

Аңдатпа. *Kipicne.* Мақала XVIII ғасырдың екінші жартысы мен XIX ғасырдың басындағы Ертіс өңіріндегі Ресей империясының әскери-әкімшілік саясатын зерттеуге арналған. Онда шекаралық өңірді басқару жүйесінің қалыптасу кезеңдері, үкімет саясатының өзгеру себептері және Орталық Азиядағы әскери-саяси ахуалдың өзгеруі жағдайындағы империялық әкімшілік пен қазақ саяси элитасының өзара қарым-қатынасының ерекшеліктері қарастырылады. Зерттеудің өзектілігі Ертіс өңірінің Ресей империясының әкімшілік кеңістігіне енгізілу тетіктерін кешенді зерделеу, сондай-ақ дәстүрлі көшпелі жер пайдалану мен шекаралық көші-қонға қатысты мемлекеттік саясаттың өзгеруіне ықпал еткен факторларды анықтау қажеттілігімен айқындалады. *Мақсаты мен міндеттері.* Мақаланың мақсаты Ертіс өңіріндегі Ресей империясының әскери-әкімшілік саясатының эволюциясын талдау және қазақ халқының осы аумақты пайдалануына қатысты ресми ұстанымның өзгеруіне ықпал еткен факторларды анықтау болып табылады. Қойылған мақсатқа қол жеткізу үшін мынадай міндеттер айқындалды: Ертіс өңірінде әскери-әкімшілік жүйенің қалыптасуының негізгі кезеңдерін сипаттау; қазақтардың Ертістің оң жағалауына қоныс аударуына тыйым салудан оларды реттелген тәртіппен өткізуге және тұрақты қоныстандыруға көшу үдерісін зерделеу; империялық саясаттың өзгеруіне ықпал еткен әскери-саяси, сыртқы саяси және әкімшілік факторларды анықтау; шекаралық көші-қон мен жер пайдалануды реттеудегі Ресей әкімшілігі мен қазақ саяси элитасы арасындағы өзара іс-қимылдың рөлін айқындау. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеу Омбы облысының тарихи архиві, Ресей мемлекеттік көне актілер архиві, Ресей мемлекеттік тарихи архиві және Орынбор облысының біріккен мемлекеттік архивінің құжаттарына, сондай-ақ жарияланған заңнамалық актілер мен ғылыми әдебиеттерге негізделген. Зерттеуде тарихилық және объективтілік қағидаттары, тарихи-генетикалық, тарихи-салыстырмалы және проблемалық-хронологиялық әдістер қолданылды. *Нәтижелері.* Зерттеу нәтижесінде қазақтардың Ертістің оң жағалауына өтуіне толық тыйым салу саясатының біртіндеп реттелетін көшу жүйесіне, кейін Ресей империясына адал қазақ қауымдарын тұрақты орналастыру саясатына ұласқаны анықталды. Бұл өзгерістер Жоңғар хандығының жойылуы, Ресей империясының стратегиялық мүдделерінің өзгеруі және шекаралық өңірдің тұрақтылығын қамтамасыз ету мақсатында қазақ қоғамының бір бөлігін империялық басқару жүйесіне енгізуге ұмтылыс сияқты әскери-саяси, сыртқы саяси және әкімшілік факторлардың ықпалымен жүзеге асқаны көрсетілді. Зерттеу нәтижелері аталған саясаттың Ертіс өңірін отарлық

тұрғыдан игерудің және XIX ғасырдың алғашқы ширегіндегі әкімшілік реформаларды жүзеге асырудың маңызды тетіктерінің бірі болғанын дәлелдейді.
Түйін сөздер: Ресей империясы, Ертіс өңірі, қазақтар, Орта жүз, әскери-әкімшілік саясат, Сібір шебі, шекаралық саясат, отарлау, Абылай хан.
Алғыс білдіру. Мақала ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Батыс Сібір қазақтарын басқару құрылымдары: XVIII ғ. соңы – XIX ғ.» (ЖТН AP23489137) гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында дайындалды.
Дәйексөз үшін: Торайғыров Е.М. Ертістің оң жағалауындағы қазақ халқы және Ресей империясының әскери-әкімшілік саясаты (XVIII ғасырдың екінші жартысы – XIX ғасырдың басы) // *Отан тарихы.* 2026. Т. 29. № 3. 1117–1130-бб. [ағылшын тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1117-1130

КАЗАХСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ВОЕННО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ИРТЫША (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – НАЧАЛО XIX В.)

Торайгыров Ержан Муратович[1]

[1] Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(28, ул. Шевченко, 050010, Алматы, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук
https://orcid.org/0000–0002–3586–5691 E–mail: toranet2013@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Торайгыров Е.М., 2026

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию военно-административной политики Российской империи в Прииртышье во второй половине XVIII - начале XIX в. Рассматриваются основные этапы формирования системы управления приграничным регионом, причины трансформации правительственной политики и особенности взаимодействия имперской администрации с казахской политической элитой в условиях изменения военно-политической ситуации в Центральной Азии. Актуальность исследования определяется необходимостью комплексного изучения механизмов включения Прииртышья в административное пространство Российской империи, а также выявления факторов, определивших изменение государственной политики в отношении традиционного кочевого землепользования и приграничных миграций. *Цель и задачи.* Целью статьи является анализ эволюции военно-административной политики Российской империи в Прииртышье и выявление факторов, обусловивших изменение подходов российских властей к использованию территории Прииртышья казахским населением. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: охарактеризовать основные этапы формирования военно-административной системы в Прииртышье; проследить переход от запрета казахам переселяться на правый берег Иртыша к их регулируемому допуску и постоянному расселению; выявить военно-политические, внешнеполитические и административные факторы трансформации имперской политики; определить роль взаимодействия российской администрации с казахской политической элитой в регулировании приграничных миграций и землепользования. *Материалы и методы*. Исследование основано на документах Исторического архива Омской области, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива и Объединенного государственного архива Оренбургской области, а также опубликованных законодательных актах и научной литературе. Использованы принципы историзма и объективности, историко-генетический, историко-сравнительный и проблемно-хронологический методы. *Результаты.* В результате исследования установлено, что первоначальная политика полного запрета переходов казахов на правый берег Иртыша постепенно сменилась системой регулируемого допуска, а затем политикой постоянного расселения лояльных Российской империи казахских родов. Показано, что изменения были обусловлены совокупностью военно-политических, внешнеполитических и административных факторов, включая ликвидацию Джунгарского ханства, изменение стратегических интересов Российской империи и стремление обеспечить стабильность

приграничного региона посредством интеграции части казахского населения в имперскую систему управления. Сделан вывод, что данная политика стала одним из важнейших инструментов колониального освоения Прииртышья и подготовки последующих административных преобразований первой четверти XIX в.

Ключевые слова: Российская империя, Прииртышье, казахи, Средний жуз, военно-административная политика, Сибирская линия, приграничная политика, колонизация, Абылай хан.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Структуры управления казахами Западной Сибири: конец XVIII в. – XIX век» (ИРН AP23489137).

Для цитирования: Торайгыров Е.М. Казахское население и военно-административная политика Российской империи на правобережье Иртыша (вторая половина XVIII – начало XIX в.) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1117–1130. [на англ.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1117-1130

Introduction. The military-administrative policy of the Russian empire in the territory of the Middle zhuz during the second half of the XVIII and the early XIX centuries remains one of the principal areas of research into the history of Kazakh-Russian relations. The right bank of the Irtysh river constituted the most complex frontier zone, where the construction of the Siberian military line was accompanied by transformations in the traditional nomadic migration system, the redistribution of pasturelands, and the emergence of new forms of interaction between the imperial administration and the Kazakh population.

Both Kazakhstani and international scholarship have examined in considerable detail the construction of the Irtysh Line, the colonization of Northeastern Kazakhstan, the administrative reforms of the Russian empire, and its policy toward the Kazakh steppe. However, the practical implementation of military-administrative policy along specific sections of the frontier line has received substantially less attention, particularly its impact on traditional nomadic migration routes, the evolution of the Russian government's approach to the use of the right bank of the Irtysh, and the reasons for the transition from a policy of complete prohibition to one of regulated access for the Kazakh population to the inner side of the military line. Addressing these issues requires an examination of the records of the local military administration, which make it possible to reconstruct developments through the analysis of specific administrative decisions.

The purpose of this article is to examine the military-administrative policy of the Russian empire on the right bank of the Irtysh during the second half of the XVIII and the early XIX centuries and to identify the factors that shaped changes in the imperial authorities' approach to the use of this territory by the Kazakh population.

To achieve this objective, the study pursues several specific tasks. These include tracing the formation of the Russian empire's military-administrative system on the right bank of the Irtysh; analyzing the actions undertaken by the Kazakh population to preserve their traditional nomadic migration patterns and regain access to the pasturelands on the right bank of the Irtysh; identifying the factors behind the transformation of Russian government policy from restrictive measures to regulated access for Kazakhs to the inner side of the frontier line; and determining the relationship between the military-political situation in the region and the administrative decisions adopted by the Russian authorities.

The scholarly novelty of this study lies in its comprehensive analysis of archival materials documenting the implementation of the Russian empire's military-administrative policy on the right bank of the Irtysh. The archival documents introduced into scholarly circulation and systematically analyzed make it possible to trace changes in the policy of the frontier administration toward the Kazakh population, establish the sequence of administrative decisions concerning the use of the right bank of the Irtysh, and clarify the specific features of interaction between the imperial authorities and the Kazakh political elite amid the changing military-political situation in Central Asia.

Materials and methods. The source base of this study consists primarily of unpublished documents preserved in the Historical Archive of Omsk Oblast, the Russian State Archive of Ancient Acts, the Russian State Historical Archive, and the United State Archive of Orenburg Oblast. Of particular significance are the administrative records of the Siberian frontier administration, including reports submitted by commanders of fortresses and outposts, directives issued by the senior military command, correspondence between local and central administrative authorities, imperial decrees, and departmental regulations. These materials make it possible to trace the practical implementation of the Russian empire's military-administrative policy on the right bank of the Irtysh, reconstruct the circumstances surrounding the crossings of the frontier line by the Kazakh population,

and identify changes in the approaches adopted by the Russian authorities to the regulation of nomadic migrations.

The archival evidence has been examined in conjunction with published legislative acts of the Russian empire, documentary collections, and the works of pre-revolutionary, Soviet, and contemporary scholars. This comparative approach has made it possible to refine the chronology of events, verify information contained in archival documents, and examine the processes under study within their broader historical context.

The methodological framework of the study is based on the principles of historicism and scholarly objectivity. The analysis of the sources employs the historical-genetic, historical-comparative, and problem-chronological methods.

Discussion. In pre-revolutionary literature, the development of the Irtysh region was examined primarily in connection with the construction of the Irtysh fortified line, the activities of the frontier administration, and the history of the Siberian Cossack host. These issues were addressed in the works of I. F. Babkov and G. E. Katanaev [Babkov, 1912; Katanaev, 1908]. Information on the economy, land use, and settlement patterns of the Kazakhs in Semipalatinsk Oblast is presented in the works of N. Ya. Konshin [Konshin, 1901]. Pre-revolutionary authors accumulated a substantial body of factual material; however, many of them were associated with the military administration or the Cossack milieu. Consequently, land relations were often examined from the perspective of the interests of the Siberian Cossack host, while the position of the Kazakh population remained largely in the background.

In Soviet historiography, the subject was studied mainly in the context of Kazakhstan's incorporation into Russia, administrative reforms, and the economic development of the region. N. G. Apollova examined the settlement of the Irtysh region and the formation of its land-use system [Apollova, 1976]. The administrative, political, and demographic consequences of the incorporation of the Kazakh steppe into the Russian empire were considered in the works of E. B. Bekmakhanov and N. E. Bekmakhanova [Bekmakhanov, 1992; Bekmakhanova, 1980]. At the same time, the procedure governing Kazakh crossings to the right bank of the Irtysh and the involvement of the local military administration in regulating this process were not studied as separate issues.

Contemporary historiography focuses primarily on the military-cossack colonization of Kazakhstan, the history of the Siberian Cossack host, and the formation of the Irtysh ten-verst zone. The role of the Cossacks in the expansion of the Russian empire into the steppe regions is examined in the works of M. Zh. Abdirov [Abdirov, 1994; Abdirov, 1997]. S. M. Andreev studied the organization and principal stages in the development of the Siberian Cossack Host, while S. V. Shevchenko examined its relations with the Kazakhs of the Middle zhuz in the eighteenth and early nineteenth centuries [Andreev, 2007b; Shevchenko, 1997]. I. V. Anisimova investigated Russian policy towards the Kazakh population in the second half of the eighteenth century, as well as the formation of the Kazakh population of the Altai District [Anisimova, 2003; Anisimova, 2004]. The settlement of Kazakhs in Tobolsk and Tomsk governorates was studied by Z. E. Kabuldinov [Kabuldinov, 2001].

Thus, the historiography provides relatively detailed coverage of the construction of the Irtysh fortified line, military-cossack colonization, the administrative organization of the region, and land use in the Irtysh area. However, the shift from prohibiting Kazakhs from moving to the right bank of the Irtysh to their regulated admission and subsequent permanent settlement has been examined only in certain respects. The relationship between the decisions of the imperial authorities, the military and political situation in Central Asia, and the actions of the Kazakh political elite also remains insufficiently explored. This article therefore considers Kazakh resettlement not only as a consequence of government policy but also as a process in which Kazakh sultans and clan communities played a significant role.

Results. The construction in 1716-1720 and the subsequent strengthening of the Siberian military line in the 40s of the XVIII century meant the completion of the military-Cossack colonization of North-Eastern Kazakhstan and at the same time marked the beginning of the administrative registration of this territory [Toraigyrov et al., 2025: 560]. The right bank of the Irtysh was included in the Siberian province, created in 1710. In November 1724, the Siberian province was divided into three provinces – Tobolsk, Yenisei and Irkutsk. The Tobolsk province, in turn, was divided into districts. Thus, the Omsk and Zhelezinsk fortresses were part of the Tara district. In the 1730s-1740s, the Yamyshev, Semipalatinsk and Ust-Kamenogorsk fortresses were not initially subordinate to Tara, but already in the 1750s all five Upper Irtysh fortifications were included in the number of cities and fortresses assigned to the Tobolsk province. This was also pointed out by V. Tatishchev, noting their belonging to the Siberian province [Nurbaev, 2009: 89].

These processes unfolded against the background of the aggravation of Kazakh-Dzungarian and Kazakh-Chinese relations. As noted in one source, "the Kalmyks of the left bank of the Irtysh began to migrate to the south, forced to do so by the increasingly unfolding hostile clashes there with China on the one hand, and with the Cossack Horde on the other." [IAOO. F. 366. Op. 1. D. 331. L. 13].

The acuteness and urgency of resolving the land and pasture problem forced Sultan Abylai and his inner circle to deliberately aggravate relations with the Siberian administration. Under these conditions, a consistent attempt was made to return the Kazakh communities to the traditional nomadic territories of the right bank of the Irtysh, which had become inaccessible due to the formation of the Irtysh military line. It is important to emphasize that this confrontation was not a spontaneous phenomenon, but was part of a well-thought-out strategy aimed at preserving mobility as the main resource of nomadic society in the conditions of the shrinking buffer space between the Russian Empire and the Dzungarian Khanate. The information received from the Russian military officials makes it possible to reconstruct the dynamics of these processes in detail. For example, in the report of the commander in the Semiyarsk outpost S. Sobolev to the commander of the Lutsk regiment in the Yamyshev fortress, Colonel K.E. Debong dated November 24, 1754, it was reported that a large number of herds above and below the Semiyarsk outpost crossed to the right side of the Irtysh [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 222]. This document is notable not only for the recording of the very fact of the transition, but also for its scale: it was not about individual herds, but about the movement of entire villages with yurts and household belongings. The report also shows that the herds were escorted by 100, about 200 armed people, and the repeated expulsions of Cossack detachments to suppress the crossings across the Irtysh were unsuccessful. At the same time, it turns out that the Kazakhs "were ordered to cross over to their local side by Ablai-Saltan" [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 222]. This fact is fundamental: it removes the version of spontaneous actions of individual elders and points to the centralized leadership on the part of Abylai, who by the mid-1750s already had considerable authority among many families of the Middle Zhuz.

The Kazakhs were well aware of the lack of Russian military forces on the Irtysh line [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 222-223 ob.]. Therefore, the cattle were driven unhindered in the area of the Semiyarsk outpost (below the Lebyazhensky outpost), including the territory from Grachevsk to the Podspuznnaya stanitsa (34 versts from the Lebyazhensky outpost). In this regard, S. Sobolev recognized the impossibility of driving the herds to the left bank due to the active resistance of the armed Kazakhs and a limited military contingent on the Irtysh line, and also asked Colonel K.E. Debong to send an additional 100 or 200 people [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 222-223]. In turn, on November 27, 1754, Colonel K.E. Debong reported to the commander of the troops on the Siberian lines, Brigadier I.I. Kraft, about the dangerous approach of the Kazakhs to the Irtysh line and about the small number of teams in case of need for armed resistance [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 221].

The Kazakh sultans not only allowed communities to cross the Irtysh, but also reacted very harshly to attempts to prevent the use of the rich Irtysh meadows. This is evidenced by the report of the commander in the Koryakov outpost, Captain von Traunberch, to Colonel K.E. Debong dated November 28, 1754, about the arrival of 60 armed Kazakhs of the Sultanmamet Sultan's department, the foreman of the Kipchak ulus, with a demand to immediately release Kulebak, the son of the Kazakh batyr Kuleke, captured near one of the outposts [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 253-254]. The Russian side replied that the Kazakh was captured because there were Kazakh cattle on the right bank, accompanied by this herdsman. The circumstances of the capture of Kulebaki were well described by the well-known researcher A.I. Dobrosmyslov: "The commanders sent to remove them were again resisted by the Kyrgyz. Thus, the son of batyr Kulyak and his comrades entered into a fight with the Cossacks and dragoons, and the latter were beaten "with the breaking of many heads and mutilation." But when the command opened fire, the Kyrgyz withdrew beyond the Irtysh. In other places of the line, there were still several thousand Kyrgyz, and it was not easy to drive them away. Soon, however, it was possible to detain the son of batyr Kulyak on the line, who was punished by order of Neplyuev..." [Dobrosmyslov, 1900: 123-124].

The prisoner was kept in the Yamyshev fortress, but it was promised that this herdsman would soon be released. The authorities feared an aggravation of the situation, believing that Sultan Abylai was behind the actions of Sultanmamet's subjects. This episode is important for understanding that both sides sought to save face and avoid a major war, but at the same time acted from a position of strength. Sultanmamet's ultimatum demands, supported by a demonstration of an armed detachment, actually equalized his status with the commanders of Russian outposts in the negotiation process, which was atypical for the imperial hierarchy.

Officers of other fortresses also reported on the armed resistance and unauthorized nomadism of the Kazakhs on the right bank of the Irtysh [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 259-260]. There were more cases of unauthorized passage of Kazakhs to the right bank of the Irtysh. This is clearly seen from the report of Captain A. Pantsyrev to Colonel K.E. Debong dated November 30, 1754 about the impossibility of driving away many

Kazakh herds that had crossed between the village of Chernoye and the Dolonsky outpost without an increase in troops [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 287].

Soon the military reported that they were unable to evict the Kazakhs with herds from the right bank of the Irtysh, and that whole battles were taking place. For example, on November 29, 1754, Captain G. Kartashov reported to Colonel K.E. Debong that up to 300 horses had been found between the Peshchanskaya stanitsa and the Chernoretsk outpost. In this regard, Cavalry Sergeant Posevyev was sent from the village of Peshchanaya with a detachment of 33 people to round up the Kazakh herds. Numerous herds with twenty or more accompanying Kazakhs were found about 25 versts from the Chernoretsk outpost. An attempt to oust the nomads met with serious resistance, since another 50 people arrived from the steppe side of the Irtysh, who surrounded and beat Posevyev's team [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 278].

Such mass crossings of the Kazakhs across the Irtysh clearly exhausted the military on the line, as reported by Posevyev: "And even the sovereign's horses are all about such a clean ride and the herding of them, the Kirgis-Kaisak herds, are very exhausted" [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 278-280].

In connection with the aggravation of the situation, the leadership of Western Siberia decided to take measures to reduce the conflict in the region. On December 18, 1754, Brigadiers I.I. Kraft and Y.S. Pavlutsky reported on the reports sent from Colonel K.E. Debong on the migrations of Kazakhs with herds to the right bank of the Irtysh and on armed clashes between the military and them: "Ordered to drive herds to the left bank in every possible way, while treating the Kyrgyz-Kaisaks kindly, and not to be the first to start fights; peasants are temporarily forbidden to go to the fields on the Irtysh line" [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 262].

The fears of the tsarist authorities had serious grounds. Therefore, in connection with the previous cases of armed clashes, on January 31, 1755, a decree of the Military Collegium, signed by Empress Elizabeth Petrovna and addressed to the Orenburg governor I.I. Neplyuev, was issued on the prevention of the Kazakhs on the right bank of the Irtysh and on their expulsion from the right bank to the steppe side [IAOO. F. 3. Op. 1. D. 37. L. 24-25].

On March 6, 1755, a new imperial decree was issued by the Collegium of Foreign Affairs to the commander of the troops on the Siberian lines, Brigadier I.I. Kraft, to prevent the Kazakhs from migrating to the right side of the Irtysh, as well as to demand instructions on this matter from the Orenburg governor I.I. Neplyuev [IAOO. F. 3. Op. 1. D. 37. L. 29-30].

Despite the forcible ousting of the Kazakhs from the right bank of the Irtysh, the situation repeated itself in the summer of 1755, when Sultanmamet with the subordinate Kazakhs "from Yamyshev, up to the Semipalatinsk fortress, from across the Irtysh River, crossed over to the Russian side with wagons, and a considerable number of Kyrgyz with wagons and cattle and back did not leave, committed thefts and entered into battle with the troops when attempts were made to remove them" [Sbornik uzakoneniy…, 1898: 43].

In the meantime, new royal prohibitive decrees appeared one after another, and first of all they concerned Sultanmamet and his subjects, who roamed from the Omsk to the Semipalatinsk fortresses. Thus, by the decree of August 21, 1755, Brigadier I.I. Kraft was charged with preventing the Kazakhs from migrating to the right side of the Irtysh as much as possible, due to the fact that Abylai Sultan together with his army, having made a successful campaign against the Dzungars, according to rumors, was going to attack the border fortresses [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 139-140].

In 1755, the final stage of the Sino-Dzungarian wars began, which ended with the defeat of the Dzungarian Khanate. Kazakh detachments under the leadership of Sultan Abylai also participated in the hostilities, which achieved a number of successes. Some of the campaigns were carried out under the command of his relatives, including Sultanmamet [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 41. L. 11].

The Collegium of Foreign Affairs of the Russian Empire in a statement of October 23, 1755 assumed that the Kazakhs could then threaten Russia as well [Sbornik uzakoneniy…, 1898: 48]. This is an important geopolitical shift: before the defeat of the Dzungars, Russia considered the Kazakhs as a buffer, after that as a potential enemy capable of challenging the imperial borders.

A well-known researcher of the history of Kazakhstan, a prominent figure in the Alash movement, Koshke Kemengerov, wrote about the events of that period, including military conflicts: "In 1755, Kuleke Batyr, having crossed to the right bank of the Irtysh, got into a fight with the Russian Cossacks. Among them were those whose heads were smashed and their eyes gouged out. The collegium instructed the Kazakh elders to sort out this conflict. This fact indicates that the government was afraid of the Kazakhs and could not curb them" [Kemengeruly, 2015: 27]. K. Kemengerov's interpretation is important because it proceeds from the Kazakh national historiography and directly links the military successes of the Kazakhs with the change in the policy of the empire – from pressure by force to attempts to shift responsibility to the local elites.

On November 11, 1755, the Military Collegium issued a decree to the Orenburg Governor I.I. Neplyuev on the transfer of the Olonets Dragoon Regiment from the Ishim Line to the Irtysh Line, and from that to the Ishim Line – of the Siberian Garrison Regiment [IAOO. F. 1. Op. 1. D. 35. L. 387]. Judging by the sources, the Military Collegium was aware of the difficult situation on the border after the defeat of the Dzungars: "The Middle Horde repelled with victory the attack of the Mongol (Dzungar – Author) troops, and therefore there was a danger to the Russian fortresses and outposts from the attack of the Kyrgyz" [Sbornik uzakoneniy…, 1898: 52].

The destruction of Dzungaria served as a pretext for the mass return of the Kazakh population to the right bank of the Irtysh and at the same time created a probable threat to the Russian and Cossack population. By the 60s of the XVIII century, the influx of the Kazakh population to the regions of the Irtysh region increased significantly. Their efforts to regain the extensive pasturelands of the Upper Irtysh directly conflicted with the interests of the Russian military administration. Consequently, the frontier command and the Cossack population undertook considerable efforts to prevent the Kazakhs from establishing a permanent presence on the rich meadows of the Irtysh region [Katanaev, 1904: 4-5].

Russia again needed to strengthen its military presence in the Middle Zhuz. If in 1755 there were 5 fortresses, 9 outposts, 23 stanzas and 35 lighthouses on the Irtysh line, a total of 72 strongholds, then at the beginning of 1762 their number increased to 81 [Losunov, Levochkina, 2022: 16].

On September 22, 1761, the project of the commander of the Siberian lines, Major-General von Weimarn, appeared [Basin, 1971: 203]. At the same time, in accordance with the project, it was planned to build houses for the noble elders, in particular Sultan Ablai and batyr Kulsara, and covered sheds for small cattle and the best horses on this occasion. The author of the project hoped that in this case the Kazakhs would be so accustomed to "a better life" that in winter in severe frosts they would be forced to stay in their houses and "refrain from stealing". Consequently, the project, for all its "benevolence", was designed to use the Kazakhs' settlement in the interests of the empire, because in this case, being in a completely hopeless situation, they would be forced to carry out any orders of the Russian administration. Thus, Weimarn's project, although it provided for a "soft course" towards the Kazakhs, reflected the interests of the general line of the Russian government to strengthen its influence in Kazakhstan.

On March 21, 1762, the Collegium of Foreign Affairs recommended the Siberian Governor F. Soymonov to do everything necessary to avoid a "tough course" towards the Kazakhs of the Middle Zhuz and Sultan Ablai, in particular, and, if possible, "better caress" them. These recommendations were approved by the Governing Senate on May 14, 1762. [Basin, 1971: 203-204].

In 1763, Lieutenant-General I.I. Springer was appointed commander of all Siberian lines. With his appointment, the attitude towards the Kazakh population changed dramatically. I.I. Springer chose the Omsk fortress as his place of residence. In 1765, he increased the number of troops on the Irtysh line to 3000 people. In 1765-1777, the Ust-Kamenogorsk, Yamyshev, Omsk and Semipalatinsk fortresses were alternately moved to new places and rebuilt according to the latest fortification science. At the end of the 1760s, it became obvious that there would be no direct military conflict with China over the Dzungarian inheritance in the near future.

In order to prevent the Kazakhs from reaching the right bank of the Irtysh River, Lieutenant General I.I. Springer issued an instruction dated December 31, 1765 for the commandants of the fortresses, in which it was recommended not to allow the Kazakhs with their cattle "closer than 10, and at least 5 versts" to the Irtysh fortresses [IAOO. F. 67. Op. 1. D. 3. L. 533]. On the inner side of the Irtysh line, the same 40-verst strip was established, forbidden for Russian peasants [Abdirov, 2023: 76].

Further, as V.A. Ostafyev notes, "in 98 fortresses at that time the population was limited to only 7578 souls. Considering this number of troops insufficient, in 1770 General Springer enlisted in the Cossacks 2 thousand people of "unimportant" criminals, soldiers' children, 138 Cossacks from the party of Zheleznyak and Chewing Gum and Polish confederates..." [Ostaf'ev, 1897: 7].

By the decree of Empress Catherine II of September 2, 1770, the Orenburg governor and the command on the Siberian lines were ordered to discuss the possibility of admitting the Kazakhs to the inner side of the border line in winter "in order to avoid various difficulties" [Sbornik uzakoneniy…, 1898: 118].

In accordance with these measures, on June 16, 1771, the State Collegium of Foreign Affairs ordered the command of the Siberian lines "to allow the Kyrgyz to cross the Irtysh River with horse herds to the Russian side." But on the condition that they were not located near unfortified settlements and roads, especially the Kolyvano-Voskresensky factories. It was allowed to let the Kazakhs go to the "residential side" no further than 25 versts, under the supervision of Cossack teams and with a strict warning to the sultans and elders about ensuring order. For comparison, the Kazakhs of the Junior Zhuz were allowed to

temporarily migrate with cattle to the inner side for the winter only in 1783. [OGAOO. F. 6. Op. 10. D. 1769. L. 17 ob.].

It should be noted that such measures were applied only to that part of the Kazakhs who showed loyalty. Military engineer I. G. Andreev, who served on the Irtysh line, wrote about it as follows: "In this fortress (Zhelezinskaya - author) ... by order of the commander of the generals on the Siberian lines, as a sign of satisfaction to the Kyrgyz noble saltans and benevolent and sworn foremen wandering in the vicinity of the Irtysh River, it was allowed to be caressed on the Russian side..." [Andreev, 2007a: 138].

In subsequent years, attempts at unauthorized crossings became a little less and mostly without armed clashes. The Kazakhs tried to use other ways to penetrate the "residential side", for example, through the construction of their houses on the right bank of the Irtysh or on the left bank in the zone of the forbidden "ten-verst strip". At least in this way, they tried to find themselves on the land of their ancestors, which was gradually going to the Russian Empire.

After the resolution of 1771, the Kazakhs rushed en masse to the inner side of the border line, including the right bank of the Irtysh. Thus, according to statistical data, in the period from 1774 to 1785, only in the area between the Yamyshev and Zhelezinskaya fortresses, 1,030,600 horses with 5,279 herdsmen were allowed to wander for winter camps (on average, there were 85,364 heads of horses with 435 herdsmen per year) [Andreev, 2007a: 139]. Such a situation developed along the entire Siberian border line - Irtysh and Novoishim. For example, at the distance of the Semipalatinsk fortress to the inner side in 1783, 14000 horses were allowed to go to the inner side, in 1784. – 8000, respectively, with 54 and 40 herdsmen [Andreev, 2007a: 117]. The Kazakhs passed through the line represented such groups of clans and tribes of the Middle Zhuz as Atygai, Buranaiman, Uak, Karakesek, Kipchak, Kanzhigaly and Kerey, etc. [Andreev, 2007a: 138-139]. In particular, in winter, on the right bank of the IrtyshA there were Basentiinovtsy, subordinate to the famous Sultan Urus Sultanmametov.

Often, the border administration, in order to actively invite the Kazakhs, allocated considerable sums of money "for the interpretation and treating" of the Kazakh sultans and elders. For example, in Omsk, about 1000 rubles were provided annually for this purpose, in the Peter and Paul Fortress – 200, in the Ustkamenogorsk – 100, in the Yamyshev – 75, in the Semipalatinsk – 75, in the Presnogorkovskaya – 50, in the Zhelezinsk – 50, Biysk – 50 [Andreev, 2007a: 150]. At the same time, it should be noted that there were much fewer such permits on the Novoishimskaya line than on the Irtysh line. At the distance from the Zhelezinskaya to the Omsk fortress, the passes began earlier in time, but the number of horses and herdsmen allowed to pass was much smaller, and in some years there were no passes at all [Andreev, 2007a: 148]. This circumstance can be explained, firstly, by the proximity of Omsk with the presence of a significant number of military contingents, and secondly, by the dissatisfaction of the border leadership with the incessant raids of the Kazakhs on the Novoishim line.

Numerous petitions of the Kazakhs, changes in the socio-political situation in the region forced the tsarist government to radically change its attitude to the desire of the Kazakhs to move to the "residential", previously forbidden land. Firstly, after the death of Abylai, the Kazakhs on the inner side no longer posed a serious threat to Russia. Secondly, the participation of the Kazakhs in the uprising of Yemelyan Pugachev and Syrym Datuly on the territory of the adjacent Junior Zhuz showed that it was impossible to ignore the interests of the nomads, especially those who had long lived near the border, and with whom the border authorities had developed quite tolerant relations [Valikhanov, 1961: 429]. Moreover, they really had a serious intention to roam on their ancestral ancestral lands. Thirdly, Russia could not but take into account the diplomatic efforts of Chinese emissaries to "lure" the Kazakhs to their side, who promised the khans and sultans titles, gifts and lands for nomadism.

At the same time, the Russian Empire continued to carry out administrative reforms in Western Siberia. According to the reform of 1775, three vicegerencies were formed in Siberia, divided into regions and districts. Territorially, they coincided with the former provinces created at the beginning of the century by the decree of Peter I, but the southern part of Western Siberia was separated into a separate Kolyvan region. In connection with the further colonization of the Kazakh lands in the south of Western Siberia, by the decree of the tsarist government of January 19, 1782, new districts were created as part of the Kolyvan region: Semipalatinsk, Barnaul and Biysk. They included part of the territory of North-Eastern Kazakhstan [Nurbaev, 2009: 89-90]. In the 80s of the XVIII century, there were 5 fortresses, 12 outposts, 20 stations and 1 village on the Irtysh line. With the increase in the number of troops on the Irtysh, the need for lighthouses disappeared. In total, there were 38 settlements on the line [Losunov, Levochkina, 2022: 16-17].

A kind of prologue to the mass transition to the inner side of the Siberian lines was the decree of Catherine II in 1782 on the abolition of the ban on the passage of Kazakh cattle for the winter to the inner borders of Russia.

That is, the long-term efforts of the Kazakh sultans and elders began to bring results. Further delay in this matter could play a negative role in Russian-Kazakh relations and, for example, reduce the flow of loyal subjects. Commander of the Separate Siberian Corps, Lieutenant General N. G. Ogarev "On the resettlement of the Kyrgyz-Kaisaks from the distant steppes to the interior of Russia" of July 15, 1788, the resettled Kazakhs had to be "not very close to each other". In addition, the Siberian governor was given the right to issue grain and money salaries to worthy elders at his discretion [Polnoe sobranie…, 1830a: 1086]. In this process, the leadership of the Siberian lines, "bearing in mind the surplus of land on the right bank of the Irtysh from the deserted Kalmyk generations, did not interfere with this and even invited the nomads through the Kyrgyz elders" [Rusanov, 1862: 1].

On July 25, 1798, the Imperial Decree "On Giving Asylum to Sultans and Elders with Their Wagons Coming from the Middle Kyrgyz-Kaisak Horde and Entering Russian Citizenship" was issued, which confirmed the intention to accept Kazakhs for "eternal nomadism" [Polnoe sobranie…, 1830b: 310-311]. The effectiveness of the decree is evidenced, for example, by the report of the commander of the troops on the Siberian lines, Major-General N.I. Lavrov addressed to Emperor Alexander I dated March 17, 1806, which spoke about the admission of Kazakhs into the Russian borders for eternal migration between the Ust-Kamenogorsk and Omsk fortresses consisting of 4 elders, 943 men, 836 women, a total of 1783 people, and of them adult males were sworn to the Russian oath [RGADA. F. 822. Op. 1. D. 16. L. 2.]. On October 7, 1799, a decree was issued "On the non-collection of duties on the property of Kyrgyz citizens wishing to become Russian subjects" and moving to live across the border line to the territory of the inner districts of Siberia [Polnoe sobranie…, 1830b: 806].

In the 80-90s of the XVIII century, the practice was preserved when the use of free lands for nomadic settlements was not allowed to everyone, but only to "those who were tested of them in loyalty" [Kasymbaev, 1986: 79]. From the end of the XVIII century to the end of the 20s of the XIX century, more than 12000 wagons migrated to the inner side [Levshin, 1996: 278]. In 1799 alone, about 15 thousand Kazakh families from the Middle Zhuz moved to the right bank of the Irtysh [Kasymbaev, 1986: 59-60].

By placing the Kazakhs between the line and the peasant settlements, the government and the Siberian administration tried to solve the political problem of creating a kind of cordon, staffed by loyal sultans, elders and batyrs who had switched to "eternal nomadism". The government hoped in this way to ensure the security of the border line, to stop raids on Cossack and peasant settlements by the nomads of the steppe. For the same purpose, Kazakh sultans and elders were appointed to the posts of remote chiefs, and baptized Kazakhs who signed up for the Cossacks, along with line Cossacks, were given shower land plots [Apollova, 1976: 152].

In the course of the new administrative division of Siberia in late 1796 – early 1797, the vicegerencies and regions were abolished. The territory of the abolished Kolyvan vicegerency became part of the Tobolsk province, while the Semipalatinsk and Biysk districts were preserved. In 1803, all Siberia was united within the framework of a single governor-general with a residence in Tobolsk. On August 6, 1804, the Tomsk province separated from the Tobolsk province; the territory of the abolished Biysk district included the territory of the abolished Semipalatinsk district with the Irtysh fortresses: Bukhtarma, Ust-Kamenogorsk, Semipalatinsk, Yamyshev and Zhelezinsk. The lands of Northern Kazakhstan along the Tobol and Ishim rivers were included in the Kurgan, Ishim and Omsk districts of the Tobolsk province [Nurbaev, 2009: 90].

For example, in 1808 all those who wished to switch to a settled way of life were allowed to settle in peasant villages, as a rule, consisting of Muslims. At the same time, they were exempt from all taxes and services for 10 years. In the same year, the question of attracting impoverished Kazakhs to agriculture on the inner side of the Siberian lines was raised. For these purposes, the government was asked to provide 146 thousand rubles in assignations [Pamyatnaya knizhka…, 1913: 234]. However, measures aimed at transferring the Kazakhs to a settled way of life did not lead to the expected results. In 1812, the Governor-General of Western Siberia I.B. Pestel discovered that the Kazakhs migrated to the Siberian borders mainly for winter cattle hunting, and in the summer they went to the steppes, while they were not engaged in agriculture [Pamyatnaya knizhka…, 1913: 235].

Thus, in the first period after the official admission of the Kazakhs to the right bank of the Irtysh a, there were also recorded reverse migrations that occurred for various reasons. Firstly, among those who moved to the inner side there were many tribal groups that were afraid of finally losing their independence; secondly, such movements in the eyes of the steppe dwellers were perceived as a kind of evidence of the restoration of the former cycles of nomadism. The number of Kyrgyz-Kaisaks of both sexes who settled within our borders in eternal Russian citizenship on the Siberian lines", compiled by the inspector of the Siberian Inspectorate, Lieutenant-General G. I. Glazenap on March 11, 1812, it is indicated that from 1788 to

1808, that is, for 20 years, 4012 people went beyond the line to stay on a permanent basis, and from 1808 to 1812, that is, for the next 4 years – already 5794 [RGIA. F. 1291. Op. 81. D. 29. L. 25].

In the 20s of the XIX century, only in four internal districts – Omsk, Petropavlovsk, Semipalatinsk and Ust-Kamenogorsk – 76802 Kazakhs lived [Bekmakhanova, 1980: 160].

From the end of the 18th century, it was planned to introduce a colonial system of government in the Kazakh steppe and finally turn the Kazakh lands into an integral part of the Russian Empire. All these projects were repeatedly discussed at the highest state level - in the Asian Department in St. Petersburg, where the task was to abolish the basis of the Kazakh statehood – the Khan's power.

Soon there was an opportunity for a new offensive on the steppe and the final liquidation of the Khan's power: in 1817, Khan Bokei died, and two years later - Khan Uali.

Relying on the loyal part of the sultans, the tsarist government decided to create a new system of administration in the Middle Zhuz, based on the "Charter of the Siberian Kyrgyz" and as close as possible to the all-Russian administrative standards [Nurbaev, 2009: 92].

By the very beginning of the introduction of the "Charter on the Siberian Kyrgyz", the restriction of the places of nomadism of the Kazakhs began. In 1821, it was prescribed to allocate strictly defined lands to loyal Kazakhs no further than 30 versts from the border line, at the same time, not "touching the lands belonging to the peasants, Cossacks and Kolyvano-Voskresensky factories" [Pamyatnaya knizhka…, 1913: 238]. At the same time, the distance between the nomadic camps of the Kazakhs and the "state villages" should not be less than 40 versts. Thus, two tasks were solved: to prevent the Kazakhs from escaping the control of the linear Cossacks and not to infringe on the land interests of the resettled peasantry, the Cossacks and the Cabinet (an institution that was in charge of the personal property of the imperial family. – Author). These circumstances testify to the colonial nature of land policy in the Siberian region.

Conclusion. The evidence examined in this study shows that Russian military-administrative policy on the right bank of the Irtysh changed considerably between the mid-eighteenth and early nineteenth centuries. The establishment of the Siberian military line and the extension of imperial administration into the region did not proceed without resistance. Kazakh communities continued to seek access to pastures on the right bank, and the available evidence indicates that these movements were often coordinated rather than spontaneous. Sultan Ablai and his associates, particularly Sultanmamet, played an important role in these efforts. Their actions were closely connected with the need to regain access to traditional grazing lands and to preserve established patterns of nomadic mobility.

During the 1750s, the Russian authorities relied mainly on prohibitions and military measures to prevent Kazakhs from crossing the Irtysh. In practice, however, these measures proved difficult to enforce. The scale of the crossings, the resistance encountered by frontier detachments, and the limited military forces available along the Irtysh Line gradually forced the authorities to reconsider their approach. Seasonal migration to the right bank, initially prohibited, was eventually permitted under regulated conditions.

The destruction of the Dzungar Khanate was an important turning point in this process. It altered the political balance in the region and changed the strategic significance of the Kazakh steppe for Russia. With Dzungaria no longer serving as a major regional power, Russian officials increasingly viewed the Kazakhs not simply as a population situated between two competing powers, but also as a factor that had to be taken into account in securing the imperial frontier. This helps explain why greater administrative control was combined with a more flexible approach to Kazakh migration.

The change in policy did not mean that the imperial authorities had abandoned their broader objectives in the region. Rather, regulation gradually replaced direct prohibition as the principal means of control. The government sought to use Kazakh sultans, clan leaders, and batyrs who were considered loyal to the empire as intermediaries in maintaining stability along the frontier. The decrees of Catherine II issued in 1770, 1782, and 1788, followed by the decree of Paul I in 1798, reflected successive stages in this process. Seasonal access to pasturelands was gradually supplemented by permission for permanent nomadic settlement within the imperial frontier and by the admission of Kazakh communities into Russian subjecthood.

These measures also had lasting consequences for the population of the right bank of the Irtysh. By the early nineteenth century, large numbers of Kazakh households had settled or resumed their migrations there. Yet the restoration of access to these lands took place within a new political and administrative framework. Kazakh communities regained the use of important pasturelands, but increasingly under regulations imposed by the imperial authorities.

The developments examined in this article therefore reveal two closely connected processes. Kazakh communities, their sultans, and clan leaders actively sought to preserve access to traditional lands and

patterns of mobility, while the Russian administration gradually incorporated these movements into its own system of frontier management. By the early nineteenth century, this system had become an important instrument of imperial control. The Charter on the Siberian Kirgiz of 1822 and the subsequent abolition of khan authority brought this process to a new stage, placing the Middle Zhuz more directly within the imperial administrative structure. Thus, the transformation of land use on the right bank of the Irtysh was not simply the result of unilateral imperial expansion. It developed through prolonged confrontation, negotiation, adaptation, and, ultimately, the growing subordination of Kazakh land use to the administrative and colonization policies of the Russian Empire.

Sources

IAOO – Istoricheskiy Arkhiv Omskoy Oblasti [Historical Archive of Omsk Oblast]
OGAOO – Obyedinennyy Gosudarstvennyy Arkhiv Orenburgskoy Oblasti [United State Archive of Orenburg Oblast]
RGADA – Rossiyskiy Gosudarstvennyy Arkhiv Drevnikh Aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]
RGIA – Rossiyskiy Gosudarstvennyy Istoricheskiy Arkhiv [Russian State Historical Archive]

Literature

Абдиров, 1994 – *Абдиров М.Ж.* История казачества Казахстана. Алматы: Казахстан, 1994. 160 с.

Абдиров, 1997 – *Абдиров М.Ж.* Военно–казачья колонизация Казахстана (конец XVI – начало XX вв.): опыт историко–эволюционного анализа: дис. ... д–ра ист. наук. Алматы, 1997. 555 с.

Абдиров, 2023 – *Абдиров М.Ж.* Из истории военно–казачьей колонизации Казахстана (XVI – начало XX вв.). Избранные труды. Т. 1. Алматы: ИП «Радуга», 2023. 272 с.

Андреев, 2007а – *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз–кайсаков. Астана: Алтын кітап, 2007. 210 с.

Андреев, 2007б – *Андреев С.М.* Сибирское казачье войско как социально–территориальная система: организация и основные этапы развития (1808–1917 гг.): автореф. дис. ... д–ра ист. наук. Кемерово, 2007. 40 с.

Анисимова, 2003 – *Анисимова И.В.* Политика России в решении «казахского вопроса» во второй половине XVIII века // *Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда.* Барнаул, 2003. С. 54–62.

Анисимова, 2004 – *Анисимова И.В.* История формирования казахской диаспоры Алтайского (горного) округа: вторая половина XVIII – начало XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 225 с.

Аполлова, 1976 – *Аполлова Н.Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX вв. М.: Наука, 1976. 371 с.

Бабков, 1912 – *Бабков И.Ф.* Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859–1875 гг.: разграничение с Западным Китаем в 1869 г. СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1912. 576 с.

Басин, 1971 – *Басин В.Я.* Россия и Казахские ханства в XVI–XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма–Ата: Наука, 1971. 273 с.

Бекмаханов, 1992 – *Бекмаханов Е.Б.* Казахстан в 20–40–е годы XIX века. Алма–Ата: Қазақ университеті, 1992. 400 с.

Бекмаханова, 1980 – *Бекмаханова Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60–е годы XIX в. М.: Наука, 1980. 279 с.

Валиханов, 1961 – *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. Алма–Ата: Издательство АН КазССР, 1961. 777 с.

Добросмыслов, 1900 – *Добросмыслов А.И.* Тургайская область. Исторический очерк. Известия Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Оренбург: Типография Ф.Б. Сачкова, 1900. Вып. 15. 524 с.

Кабульдинов, 2001 – *Кабульдинов З.Е.* Казахи Тобольской и Томской губерний во второй половине XVIII – начале XX в.: историко–демографический аспект. Павлодар, 2001. 293 с.

Касымбаев, 1986 – *Касымбаев Ж.К.* Под надежную защиту России. Алма–Ата: Казахстан, 1986. 136 с.

Катанаев, 1904 – *Катанаев Г.Е.* Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904. 202 с.

Катанаев, 1908 – *Катанаев Г.Е.* Краткий исторический обзор службы Сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 г. СПб.: Военная типография, 1908. 69 с.

Кеменгерулы, 2015 – *Кеменгерулы К.* Қазақ тарихынан. Астана: Л.Н. Гумилев атындағы типографиясы, 2015. 324 б.

Коншин, 1901 – *Коншин Н.Я.* Очерки экономического быта киргиз Семипалатинской области. Памятная книжка Семипалатинской области на 1901 год. Семипалатинск: Типография Семипалатинского областного правления, 1901. 183 с.

Левшин, 1996 – *Левшин А.И.* Описание киргиз–казачьих, или киргиз–кайсацких, орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.

Лосунов, Левочкина, 2022 – *Лосунов А.М., Левочкина Н.А.* Сибирская пограничная (казачья) линия: прошлое, настоящее, будущее (440-летию Сибирского казачьего войска посвящается). Омск: Амфора, 2022. 64 с.

Нурбаев, 2009 – *Нурбаев К.Ж.* Колонизация Казахстана (историко–географический аспект: XVIII – первая половина XIX века). Павлодар: ПГПИ, 2009. 188 с.

Остафьев, 1897 – *Остафьев В.А.* Землевладение и земледелие Сибирского казачьего войска: доклад В.А. Остафьева, читанный в заседании 3–го отделения Вольного экономического общества 4 октября 1897 г. СПб.: Типография В. Демакова, 1897. 44 с.

Памятная книжка..., 1913 – *Памятная книжка г. Омска и Акмолинской области на 1913 год.* Омск: Акмолинская областная типография, 1913. 532 с.

Полное собрание..., 1830а – *Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXII. 1784–1788.* СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. 1168 с.

Полное собрание..., 1830б – *Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. XXV. 1798–1799.* СПб.: Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830. 932 с.

Раздыков, 2005 – *Раздыков С.З.* Казахи Правобережья Иртыша в XVIII – первой половине XIX в. (социоэкономическая система): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 28 с.

Русанов, 1862 – *Русанов И.* О положении киргиз–кайсаков, перешедших в XVIII столетии в пределы Томской губернии // *Томские губернские ведомости. 1862. № 32–33.*

Сборник узаконений..., 1898 – *Сборник узаконений о киргизах степных областей. 1730–1898* / сост. И.И. Крафт. Оренбург: Типо–литография П.Н. Жаринова, 1898. 870 с.

Торайгыров и др. 2025 – *Торайгыров Е.М., Абенова Б.С., Абенов Д.К.* Стратегия расширения Российской империи на примере Иртышской военной линии // *Bylye Gody*. 2025. 20(2): 548–566. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1748766472.pdf DOI: 10.13187/bg.2025.2.548

Шевченко, 1997 – *Шевченко С.В.* Сибирское линейное казачье войско и казахи Среднего жуза в XVIII – начале XIX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1997. 35 с.

References

Abdirov, 1994 – *Abdirov M.Zh.* Istoriya kazachestva Kazakhstana [History of the Cossacks of Kazakhstan]. Almaty: Kazakhstan, 1994. 160 p. [in Russian]

Abdirov, 1997 – *Abdirov M.Zh.* Voenno–kazach'ya kolonizatsiya Kazakhstana (konets XVI – nachalo XX vv.): opyt istoriko–evolyutsionnogo analiza [Military–Cossack Colonization of Kazakhstan (Late XVI – Early XX Centuries): An Historical and Evolutionary Analysis]. Dis. d–ra ist. nauk. Almaty, 1997. 555 p. [in Russian]

Abdirov, 2023 – *Abdirov M.Zh.* Iz istorii voenno–kazach'ey kolonizatsii Kazakhstana (XVI – nachalo XX vv.). Izbrannye trudy. T. 1 [From the History of the Military–Cossack Colonization of Kazakhstan (XVI – Early XX Centuries). Selected Works. Vol. 1]. Almaty: IP «Raduga», 2023. 272 p. [in Russian]

Andreev, 2007a – *Andreev I.G.* Opisanie Sredney ordy kirgiz–kaysakov [Description of the Middle Horde of the Kirghiz–Kaisaks]. Astana: Altyn kitap, 2007. 210 p. [in Russian]

Andreev, 2007b – *Andreev S.M.* Sibirskoe kazach'e voysko kak sotsial'no–territorial'naya sistema: organizatsiya i osnovnye etapy razvitiya (1808–1917 gg.) [The Siberian Cossack Host as a Socio–Territorial System: Organization and Main Stages of Development (1808–1917)]. Avtoref. dis. d–ra ist. nauk. Kemerovo, 2007. 40 p. [in Russian]

Anisimova, 2003 – *Anisimova I.V.* Politika Rossii v reshenii «kazakhskogo voprosa» vo vtoroy polovine XVIII veka [Russian Policy in Addressing the "Kazakh Question" in the Second Half of the XVIII Century]. Tsentral'naya Aziya i Sibir'. Pervye nauchnye chteniya pamyati E.M. Zalkinda [Central Asia and Siberia. The First Scientific Readings in Memory of E.M. Zalkind]. Barnaul, 2003. Pp. 54–62. [in Russian]

Anisimova, 2004 – *Anisimova I.V.* Istoriya formirovaniya kazakhskoy diaspory Altayskogo (gornogo) okruga: vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v. [The History of the Formation of the Kazakh Diaspora in the Altai Mining District: The Second Half of the XVIII – Early XX Century]. Dis. kand. ist. nauk. Barnaul, 2004. 225 p. [in Russian]

Apollova, 1976 – *Apollova N.G.* Khozyaystvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoy polovine XIX vv. [Economic Development of the Irtysh Region in the Late XVI – First Half of the XIX Centuries]. Moscow: Nauka, 1976. 371 p. [in Russian]

Babkov, 1912 – *Babkov I.F.* Vospominaniya o moey sluzhbe v Zapadnoy Sibiri. 1859–1875 gg.: razgranichenie s Zapadnym Kitaem v 1869 g. [Memoirs of My Service in Western Siberia, 1859–1875: The Demarcation with Western China in 1869]. Saint Petersburg: Tipografiya V.F. Kirshbauma, 1912. 576 p. [in Russian]

Basin, 1971 – *Basin V.Ya.* Rossiya i Kazakhskie khanstva v XVI–XVIII vv. (Kazakhstan v sisteme vneshney politiki Rossiyskoy imperii) [Russia and the Kazakh Khanates in the XVI–XVIII Centuries (Kazakhstan in the System of Foreign Policy of the Russian Empire)]. Alma–Ata: Nauka, 1971. 273 p. [in Russian]

Bekmakhanov, 1992 – *Bekmakhanov E.B.* Kazakhstan v 20–40–e gody XIX veka [Kazakhstan in the 1820s–1840s]. Alma–Ata: Qazaq universiteti, 1992. 400 p. [in Russian]

Bekmakhanova, 1980 – *Bekmakhanova N.E.* Formirovanie mnogonatsional'nogo naseleniya Kazakhstana i Severnoy Kirgizii. Poslednyaya chetvert' XVIII – 60–e gody XIX v. [Formation of the Multiethnic Population of

Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan. The Last Quarter of the XVIII Century – the 1860s]. Moscow: Nauka, 1980. 279 p. [in Russian]

Dobrosmyslov, 1900 – *Dobrosmyslov A.I.* Turgayskaya oblast'. Istoricheskiy ocherk [Turgai Region. A Historical Essay]. Izvestiya Orenburgskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Orenburg: Tipografiya F.B. Sachkova, 1900. Iss. 15. 524 p. [in Russian]

Kabuldinov, 2001 – *Kabuldinov Z.E.* Kazakhi Tobol'skoy i Tomskoy guberniy vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX v.: istoriko–demograficheskiy aspekt [The Kazakhs of Tobolsk and Tomsk Governorates in the Second Half of the XVIII – Early XX Century: A Historical and Demographic Aspect]. Pavlodar, 2001. 293 p. [in Russian]

Kasymbaev, 1986 – *Kasymbaev Zh.K.* Pod nadezhnuyu zashchitu Rossii [Under the Reliable Protection of Russia]. Alma–Ata: Kazakhstan, 1986. 136 p. [in Russian]

Katanaev, 1904 – *Katanaev G.E.* Kirgizskiy vopros v Sibirskom kazach'em voyske [The Kirghiz Question in the Siberian Cossack Host]. Omsk, 1904. 202 p. [in Russian]

Katanaev, 1908 – *Katanaev G.E.* Kratkiy istoricheskiy obzor sluzhby Sibirskogo kazach'ego voyska s 1582 po 1908 g. [A Brief Historical Overview of the Service of the Siberian Cossack Host from 1582 to 1908]. Saint Petersburg: Voennaya tipografiya, 1908. 69 p. [in Russian]

Kemengeruly, 2015 – *Kemengeruly Q.* Qazaq tarihynan [From the History of the Kazakhs]. Astana: L.N. Gumilev atyndagy tipografijasy, 2015. 324 p. [in Kazakh]

Konshin, 1901 – *Konshin N.Ya.* Ocherki ekonomicheskogo byta kirgiz Semipalatinskoy oblasti [Essays on the Economic Life of the Kirghiz of Semipalatinsk Region]. Pamyatnaya knizhka Semipalatinskoy oblasti na 1901 god [Memorial Book of Semipalatinsk Region for 1901]. Semipalatinsk: Tipografiya Semipalatinskogo oblastnogo pravleniya, 1901. 183 p. [in Russian]

Levshin, 1996 – *Levshin A.I.* Opisanie kirgiz–kazach'ikh, ili kirgiz–kaysatskikh, ord i stepey [Description of the Kirghiz–Cossack, or Kirghiz–Kaisak, Hordes and Steppes]. Almaty: Sanat, 1996. 656 p. [in Russian]

Losunov, Levochkina, 2022 – *Losunov A.M., Levochkina N.A.* Sibirskaya pogranichnaya (kazach'ya) liniya: proshloe, nastoyashchee, budushchee (440–letiyu Sibirskogo kazach'ego voyska posvyashchaetsya) [The Siberian Frontier (Cossack) Line: Past, Present and Future (Dedicated to the 440th Anniversary of the Siberian Cossack Host)]. Omsk: Amfora, 2022. 64 p. [in Russian]

Nurbaev, 2009 – *Nurbaev K.Zh.* Kolonizatsiya Kazakhstana (istoriko–geograficheskiy aspekt: XVIII – pervaya polovina XIX veka) [Colonization of Kazakhstan (Historical and Geographical Aspect: XVIII – First Half of the XIX Century)]. Pavlodar: PGPI, 2009. 188 p. [in Russian]

Ostaf'ev, 1897 – *Ostaf'ev V.A.* Zemlevladenie i zemledelie Sibirskogo kazach'ego voyska: (Dokl. V.A. Ostaf'eva, chit. v zasedanii 3 Otd–niya V.E. o–va 4 okt. 1897 g.) [Landownership and Agriculture of the Siberian Cossack Host (Report Delivered at the Meeting of the 3rd Department of the Free Economic Society on October 4, 1897)]. Saint Petersburg: Tip. V. Demakova, 1897. 44 p. [in Russian]

Pamyatnaya knizhka…, 1913 – *Pamyatnaya knizhka g. Omska i Akmolinskoy oblasti na 1913 god* [Memorial Book of the City of Omsk and Akmolinsk Region for 1913]. Omsk: Akmolinskaya oblastnaya tipografiya, 1913. 532 p. [in Russian]

Polnoe sobranie…, 1830a – *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii.* Sobr. 1. T. XXII. 1784–1788 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXII. 1784–1788]. Saint Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1830. 1168 p. [in Russian]

Polnoe sobranie…, 1830b – *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii.* Sobr. 1. T. XXV. 1798–1799 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. Vol. XXV. 1798–1799]. Saint Petersburg: Tip. II Otd. Sobstv. E.I.V. Kantselyarii, 1830. 932 p. [in Russian]

Razdykov, 2005 – *Razdykov S.Z.* Kazakhi Pravoberezh'ya Irtysha v XVIII – pervoy polovine XIX v. (sotsioekonomicheskaya sistema) [The Kazakhs of the Right Bank of the Irtysh in the XVIII – First Half of the XIX Century (Socio–Economic System)]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Tomsk, 2005. 28 p. [in Russian]

Rusanov, 1862 – *Rusanov I.* O polozhenii kirgiz–kaysakov, pereshedshikh v XVIII stoletii v predely Tomskoy gubernii [On the Situation of the Kirghiz–Kaisaks Who Moved into the Tomsk Province in the XVIII Century]. Tomskie gubernskie vedomosti. 1862. № 32–33. [in Russian]

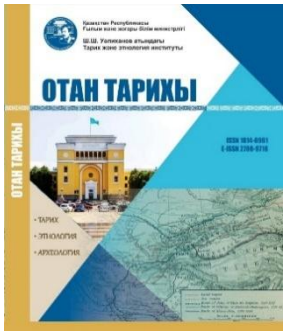
Sbornik uzakoneniy…, 1898 – *Sbornik uzakoneniy o kirgizakh stepnykh oblastey. 1730–1898* [Collection of Legislative Acts on the Kirghiz of the Steppe Regions, 1730–1898]. Comp. I.I. Kraft. Orenburg: Tipo–lit. P.N. Zharinova, 1898. 870 p. [in Russian]

Shevchenko, 1997 – *Shevchenko S.V.* Sibirskoe lineynoe kazach'e voysko i kazakhi Srednego zhuza v XVIII – nachale XIX vv. [The Siberian Line Cossack Host and the Kazakhs of the Middle Zhuz in the XVIII – Early XIX Centuries]. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Ekaterinburg, 1997. 35 p. [in Russian]

Toraigyrov et al., 2025 – *Toraigyrov Y.M., Abenova B.S., Abenov D.K.* The Strategy of the Russian Empire's Expansion: the Case of the Irtysh Military Line. *Bylye Gody.* 2025. Vol. 20. № 2. Pp. 548–566. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1748766472.pdf DOI: 10.13187/bg.2025.2.548

Valikhanov, 1961 – *Valikhanov Ch.Ch.* Sobranie sochineniy: v 5 t. T. 1 [Collected Works: In 5 Volumes. Vol. 1]. Alma–Ata: Izd–vo AN KazSSR, 1961. 777 p. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1131–1142
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.01.09
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1131-1142

ШОҚАН УӘЛИХАНОВ ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ ҚАЗАҚТАР МЕН ОРТА АЗИЯ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ XIX ҒАСЫРДАҒЫ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫ

Жұлдыз Мусақызы Төлебаева[1], *Айсулу Мәтқасымқызы Хайрулдаева*[2*]

[1] SDU University (Абылай хан көшесі 1/1, Қаскелең, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының докторы, профессор
https://orcid.org/ 0000-0002-4284-0871. E-mail: tulibay@gmail.com

[2] SDU University (Абылай хан көшесі 1/1, Қаскелең, Қазақстан Республикасы) постдокторант
Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университеті
(Достық даңғылы 13, Алматы, Қазақстан Республикасы)
Магистр, аға оқытушы
https://orcid.org/0000-0002-3303-7569 E-mail: aisulu01.01.81@gmail.com
[*] Корреспондент автор

©Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
©Тулибаева Ж.М., Хайрулдаева А.М., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақалада қазақтың біртуар ұлы, саяхатшы, этнограф, Ш.Ш.Уәлиханов еңбектеріндегі XIX ғасырдағы қазақтар мен ортазиялық елдердің қарым-қатынастарын зерттеу. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері.* Мақаланың мақсаты қазақтар мен ортазиялық елдердің қарым-қатынастары туралы жазылған Шоқан Уәлиханов еңбектеріне тарихнамалық және дискурсивтік тұрғыдан жүйелі шолу жасау болып табылады. Мақаланың міндеті – зерттеуші еңбегіндегі ортазиялық елдерге қатысты мәліметтерді саралау. *Материалдар мен әдістер.* Мақаланың материалдық негізін Ш.Ш.Уәлихановтың Орта Азия елдеріне байланысты еңбектері құрады. Зерттеушінің еңбектерін талдауда сыни іріктеу, талдау, салыстыру сияқты әдістер қолданылды. *Нәтижелері.* Зерттеу барысында Ш.Ш.Уәлихановтың қазақтар мен ортазиялық елдер арасындағы сауда, мәдени, саяси байланыстарын қарастырғаны көрінеді. Сауда жасаудағы негізгі тауар түрлері туралы қызықты деректер алуға болады. Оңтүстік өңір қазақтарының ортаазиялық елдермен қарым-қатынастарындағы ұстанымдарына байланысты топтарға бөлгенін байқаймыз. Жалпы ортаазиялық елдер туралы, олардың өзара қарым-қатынастары туралы көптеген өзі көрген немесе сенімді дереккөздерден алынған құнды мәліметтерді еңбектерінде жазып қалдырған. *Қорытынды.* Ш.Ш.Уәлиханов еңбектері XIX ғасырдағы қазақтар, ортазиялық елдер, олардың арасындағы қарым-қатынастарының ерекшеліктерін түсіндіруге мүмкіндік беретін деректік және тарихнамалық құндылығы жоғары тарихи мұра екендігіне көз жеткізуге болады.

Түйін сөздер: Ш.Ш.Уәлиханов, ортаазиялық елдер, Қоқан хандығы, тарихнамалық дерек, тариханамалық шолу

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің «XIX ғ.–XX ғасыр басындағы қоқандық қолжазба деректердегі Қазақстан тарихы»

тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (жеке тіркеу нөмірі – AP26101025)
Дәйексөз үшін: Тулибаева Ж.М., Хайрулдаева А.М. Шоқан Уәлиханов еңбектеріндегі қазақтар мен Орта Азия халықтарының XIX ғасырдағы қарым-қатынастары // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1131–1142-бб. [Қазақша] DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1131-1142

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КАЗАХОВ С НАРОДАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XIX ВЕКЕ В ТРУДАХ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

*Жулдыз Мусаевна Тулибаева[1], Айсулу Маткасымовна Хайрулдаева[2]**

[1] SDU University (ул. Абылай хана 1/1, Каскелен, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор
https://orcid.org/ 0000-0002-4284-0871. E-mail: tulibay@gmail.com

[2] SDU University (ул. Абылай хана 1/1, Каскелен, Республика Казахстан) постдокторант
Казахский национальный педагогический университет имени Абая
(проспект Достык 13, Алматы, Республика Казахстан)
Магистр, старший преподаватель
https://orcid.org/0000-0002-3303-7569 E-mail: aisulu01.01.81@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
©Тулибаева Ж.М., Хайрулдаева А.М., 2026

Аннотация. *Введение*. В статье исследуются взаимоотношения казахов с народами Центральной Азии в XIX веке, отраженные в трудах выдающегося представителя казахского народа, путешественника и этнографа Ч.Ч. Валиханова. *Цель и задачи исследования.* Цель статьи – представить систематический обзор трудов Чокана Валиханова, посвященных взаимоотношениям казахов со странами Центральной Азии, рассматриваемых как с историографической, так и с дискурсивной точек зрения. Задача статьи – проанализировать информацию о странах Центральной Азии, содержащуюся в работе исследователя. *Материалы и методы.* Основными материалами при работе над статьей послужили труды Ч.Ч. Валиханова, посвященные странам Центральной Азии. При анализе работ исследователя применялись такие методы, как критический отбор, анализ и сравнение. *Результаты.* Проведенное исследование показывает, что Ч.Ч. Валиханов изучал торговые, культурные и политические связи между казахами и странами Центральной Азии. Представлены интересные данные об основных товарах, находившихся во взаимном торговом обороте. Показано, что казахи Южного региона разделены на группы в зависимости от их позиции по вопросу отношений со странами Центральной Азии. В своих трудах он приводит множество ценных подробностей о странах Центральной Азии и их взаимоотношениях, которые он либо наблюдал лично, либо получил из надежных источников. *Вывод.* Труды Ч.Ч. Валиханова безусловно представляют собой значимое историческое наследие, имеющее источниковую и историографическую ценность, позволяющее получить представление о казахском народе и народах Центральной Азии XIX века, а также об особенностях их взаимоотношений.

Ключевые слова: Валиханов Ч.Ч., центральноазиатские страны, Кокандское ханство, историографический источник, историографический обзор
Благодарность: Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «История Казахстана в кокандских рукописных источниках XIX – начала XX века» (ИРН AP26101025).
Для цитирования: Тулибаева Ж.М., Хайрулдаева А.М. Взаимоотношения казахов с народами Центральной Азии в XIX веке в трудах Чокана Валиханова // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1131–1142. [на казахском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1131-1142

RELATIONS BETWEEN THE KAZAKHS AND PEOPLES OF CENTRAL ASIA IN THE 19TH CENTURY IN THE WORKS OF CHOKAN VALIKHANOV

*Zhuldyz Musaevna Tulibayeva[1], Aisulu Khairuldayeva[2]**

[1] SDU University (st. Abylai Khan 1/1, city of Kaskelen, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Professor
https://orcid.org/ 0000-0002-4284-0871. E-mail: tulibay@gmail.com

[2] SDU University (st. Abylai Khan 1/1, city of Kaskelen, Republic of Kazakhstan)
Postdoctoral researcher
Abai Kazakh national pedagogical university (Dostyk Ave., 13, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Master, senior lectuer
https://orcid.org/0000-0002-3303-7569. E-mail: aisulu01.01.81@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026
© Tulibayeva Zh.M., Khairuldayeva A.M. 2026

Annotation. *Introduction.* The article researches the relations between Kazakhs and the peoples of Central Asia in the 19th century, as reflected in the works of the prominent representative of the Kazakh people, traveler, and ethnographer Ch.Ch. Valikhanov. The purpose of the article is to present a systematic review of the works of Chokan Valikhanov dedicated to the relations of Kazakhs with the countries of Central Asia, examined from both historiographical and discursive perspectives. The objective of the article is to analyze the information about the countries of Central Asia in the researcher's work. *Materials and methods.* The primary materials used in writing the article were the works of Ch.Ch. Valikhanov dedicated to the countries of Central Asia. In the analysis of the researcher's works, methods such as critical selection, analysis, and comparison were applied. *Results.* The research shows that Ch.Ch. Valikhanov studied the trade, cultural, and political ties between Kazakhs and the countries of Central Asia. Interesting data regarding the main goods in trade circulation are presented. It is shown that the Kazakhs of the Southern region were divided into groups depending on their stance on relations with Central Asian countries. In his works, he provides a multitude of valuable details about the countries of Central Asia and their relations, which he either observed personally or obtained from reliable sources. *Conclusion.* The works of Ch.Ch. Valikhanov undoubtedly represent a significant historical legacy that holds both source and historiographical value, providing insight into the Kazakh people and the peoples of Central Asia in the 19th century, as well as the specific features of their relations.

Keywords: Ch.Ch. Valikhanov, Central Asian countries, Kokand Khanate, historiographical source, historiographical review.
Acknowledgement: This article was prepared within the framework of grant funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan «The History of Kazakhstan in Kokand Manuscript sources from the XIX – early XX century» (Registration Number: AP26101025).
For citation: Tulibayeva Zh.M., Khairuldayeva A.M. Relations between the kazakhs and peoples of Central Asia in the XXth Century in the works of Chokan Valikhanov// Otan tarihy. Vol. 29. No 3. Pp. 1131–1142. [in Kazakh]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1131-1142

Кіріспе. XVIII ғ. – XIX ғ. бірінші жартысындағы Қазақстан мен Хиуа, Қоқан хандықтары және Бұхара әмірлігі сияқты ортазиялық мемлекеттер арасындағы қарым-қатынастардың дамуы күрделі сипатқа ие болған тарихи кезең. Себебі, Қазақ даласының кейбір аймақтары Ресей патшалығының отарлау саясатының құрсауына әлі толықтай іліне қоймаған болса, ал саяси даму тарихында орталықтанған мемлекеттік даму сатысына аяқ басқан ортазиялық елдердің сыртқы саяси ұстанымдарының қазақтарға қатысты өзгеріске ұшырау кезеңі еді. Дегенмен, Азияның орталық бөлігінде орналасқан қазақ даласы мен ортаазиялық елдердің арасындағы қарым-қатынастары тарихи, мәдени, шаруашылық факторларға қатысты үнемі жалғасып, жанданып, дамып отырды. Бірақ, қазақтар мен ортазиялық елдердің қарым-қатынастарының аталған кезеңдегі тарихы қазіргі уақытқа дейін аз зерттелген күйінде қалып отыр.

Шоқан Уәлиханов XIX ғасырдың артына мол ғылыми мұра қалдырып кеткен біртуар ғалымдарының саңлақтары қатарына кіреді. Ш.Уәлихановтың өмірі, жалпы шығармашылығы, оған замандастары берген баға, сол кезеңдегі орыс зерттеушілерінің жылы көзқарастары туралы белгілі шоқантанушы ғалым К.Әбуевтың монографиясында терең талданады [Абуев, 2016].

Шоқан Уәлиханов шығыс авторларының шығармаларын пайдаланып қазақ тарихын зерттеушілердің алғашқыларының бірі болып саналады. Ол көптеген түрлі деректерді ғылыми айналымға енгізді: Омбы облыстық архивінен жинаған мұрағат құжаттары, Қашғардан алып келген және қазақ даласынан табылған шығыс авторларының қолжазбалары, қазақтардың өз өткен тарихы туралы ауызша жеткен әңгімелер мен аңыздар, эпиграфикалық материалдар. Оның сол кездегі ғылым үшін беймәлім елдерге: Жетісуға, Қырғызстанға, Шығыс Түркістанға саяхаттарының күнделіктері – түркі халықтарының тарихы және мәдениеті бойынша еңбектері мен зерттеулері орыс және әлемдік ғылымда жоғары бағаланды және қазіргі уақытқа дейін өзінің ғылыми маңыздылығын жоғалтқан жоқ. Шоқан Уәлиханов еңбектері – XIX ғасырдағы қазақтар мен ортазиялық қатынастарды тарихи реконструкциялау тұрғысынан бірегей дереккөз болып табылады. Оның ғылыми мұрасы тек этнографиялық немесе географиялық зерттеу ғана емес, саяси-мәдениеттанулық шолу, кеңістік пен билік қатынастарын бейнелейтін тарихи-мәдени карта іспеттес. Уәлиханов өзінің саяхаттары туралы жазбалары мен есебінде Қоқан, Хиуа, Бұхара хандықтары туралы құнды мәліметтер қалдырған. Бұл мәліметтер сол дәуірдің ішкі әлеуметтік құрылымы, билік легитимациясы, діни риторикасы мен сыртқы қатынастары туралы кешенді көзқарастар жиынтығы. Мақалада Шоқан Уәлихановтың ортаазиялық елдер мен қазақтардың арасындағы саяси, мәдени, сауда, шаруашылық қарым-қатынастары туралы жазған еңбектері қарастырылып, зерттеледі.

Материалдар мен әдістер. Зерттеудің негізгі деректік базасын Ш.Уәлихановтың қазақтар мен Орта Азия халықтарының саяси, әлеуметтік-экономикалық және мәдени байланыстарына қатысты еңбектері құрайды. Атап айтқанда, зерттеу барысында ғалымның «Қырғыздар туралы жазбалар», «Ыстық көл сапарының күнделігі», «Алтышар немесе Қытай провинциясы Нан лу (Кіші Бұхария) алты шығыстық қалаларының 1858-1859 жылдардағы жағдайы туралы», «Жоңғар очерктері», «Қашғар сапарын ұйымдастыру туралы жазбалар», «Қоқан хандығы туралы жазбалар» еңбектері пайдаланылды.

Зерттеудің маңызды деректік негіздерінің бірі – Ш.Уәлихановтың ғылыми мұрасының академиялық басылымдары. Оның еңбектері 1961-1972 жылдары академик Әлкей Марғұланның редакциялауымен жарық көрген бес томдық орыс тіліндегі жинақта жүйеленді. Сонымен қатар, 2010 жылы «Мәдени мұра» бағдарламасы аясында Көшім Есмағамбетовтың редакциялауымен Ш.Уәлихановтың көп томдық жинағы қазақ тілінде жарияланды. Мақаланы жазуда осы аталған басылымдардағы мәтіндер салыстырылып, түпнұсқалық мазмұнды дәл сақтау қағидаты басшылыққа алынды.

Зерттеу материалдарын толықтыру мақсатында XIX ғасырдың бірінші жартысындағы қазақтар мен ортазиялық хандықтар тарихына қатысты жарияланған деректік жинақтар, Ресей империясының әкімшілік-статистикалық материалдары, саяхатшылар мен шығыстанушылардың еңбектері, сонымен қатар, Ш.Уәлихановтың ғылыми мұрасын зерттеген отандық тарихшылардың еңбектері пайдаланылды. Бұл материалдар Уәлиханов еңбектеріндегі мәліметтерді сол кезеңнің тарихи-саяси жағдайымен байланыстыра қарауға мүмкіндік береді.

Зерттеу барысында деректанулық сын, проблемалық-хронологиялық әдіс, контент талдау әдістері қолданылды. Деректанулық сын әдісі Ш.Уәлиханов еңбектеріндегі мәліметтердің пайда болу жағдайын, автордың бақылау мүмкіндігін және баяндаудың ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік береді. Проблемалық-хронологиялық әдіс қазақтардың ортазиялық хандықтармен саяси, экономикалық, сауда, әлеуметтік және мәдени байланыстары туралы мәліметтерді тарихи кезеңдер мен жекелеген мәселелер бойынша жүйелеуге пайдаланылды. Контент талдау элементтері қазақтар мен ортаазиялық халықтар арасындағы байланыстарды елдеріне, сипатына қарай топтастыруға мүмкіндік берді.

Талқылаулар мен нәтижелер. Ш.Уәлихановтың пікірі бойынша, көшпелі халықтарды зерттеу үшін олардың аңыздарының, эпостарының, ауызша хикаяларының, әндерінің маңызы ерекше. Өз еңбектерінде Ш.Уәлиханов әртүрлі деректерден алынған мәліметтерді қайта тексере және салыстыра отырып пайдалануға тырысты. [Сулейменов, 1985: 107].

Шоқан Шыңғысұлы Орталық Азия халықтарының тарихын зерттеуге өте ауқымды үлес қосты. Шоқан Уәлиханов Қоқан хандығының саяси тарихын, мемлекеттік құрылымын, оның көршілес

елдермен сауда және саяи байланыстарын зерттеді. Ол Орталық Азияны мекендеген түрлі халықтардың өміріне, тұрмыс пен салттарына айрықша көңіл бөлді. Бұл туралы ғалымның «Қырғыздар туралы жазбалар», «Ыстық көл сапарының күнделігі», «Алтышар немесе Қытай провинциясы Нан лу (Кіші Бұхария) алты шығыстық қалаларының 1858-1859 жылдардағы жағдайы туралы», «Жоңғар очерктері», «Қашғар сапарын ұйымдастыру туралы жазбалар», «Қоқан хандығы туралы жазбалар» және басқа еңбектерінде аса бай мәліметтер қамтылған. Шоқан Уәлиханов қазақтардың тікелей көршісі болған Орта Азия хандықтарының тарихы мен сол кезеңдегі жағдайын зерттеуге көп көңіл бөлген. Ол бұл мемлекеттердің саяси құрылысы мен экономикасын зерттеуге баса назар аударды, өйткені Оңтүстік Қазақстан халықтарының едәуір бөлігі өздерін XIX ғасырдың басында жаулап алған Орта Азия хандықтарының езгісінде болатын [Дулатова, 1976: 48].

Аталған шығармаларының арасында «Қоқан хандығы туралы жазбалары» ерекшеленеді [Валиханов, 1985а]. Еңбекте Қоқан хандығындағы басқару құрылысы, әскери, әкімшілік, этникалық құрылымы, орналасуы туралы айтылады. Шоқанның зерттеуінше, Қоқан хандығының құрамында қазақ тайпалары өмір сүрген. Хандыққа бағынатын қазақтарды екі топқа бөлген: Қоқанның толық билігіндегілер және оның билігін мойындайтындар. «Біріншілері - Ташкент маңында көшіп жүретін Ұлы жүздің шанышқылы руы болған, әскерде қызмет етеді, әскери, азаматтық лауазымдарды иеленеді Ташкент билеушісі әскерінің негізін құраған Екіншілері зекет төлейді және қажет жағдайда қосалқы әскер беруге міндетті. Қоқаннан ерекше әскери шенді – датха лауазымын иеленетіндер, қазақтар осылар [Валиханов, 1985а: 315].

Шоқан қазақ-қоқан қатынастарының XVIII ғасырда сол кездегі халықаралық жағдайға байланысты күрделі болғандығын көрсетті. «1756 жылы қытай әскері қазақ даласына аяқ басқан кезде орта жүзде Абылай хан өзін бодыханның вассалы деп мойынап, княздық құрметке ие болды. ... Қоқан билеушісі Эрдене би (Одона) 1758 жылы қытайлықтардың растауы бойынша ол да бодыханның қолдауын мойындаған [Валиханов, 1985а: 323]. Қытайлықтардың Самарқанға барғылары келетіндігі туралы хабарлама жасағаннан осы кезде Ташкентті басып алған қоқан билеушісі Эрдене – батыр Ходжент билеушісі Фазыл бимен бірге монғолдық дуранилер тайпасының басшысы Ахмет шахқа хат жазып, одан көмек сұрады. Көктемде ауғандар келіп, Қоқан мен Ташкенттің арасына тұрды. Пекинге елші жіберіп, Жаркент пен Қашғарды қожаларға қайтаруды талап етті» деген баяндауынан қазақ, қытай, ортаазиялық хандықтар арасындағы қатынастарға ауған елі тәрізді мемлекеттердің араласқандығына көз жеткізуге болады. Дегенмен Шоқанның мәліметтерінше, осындай күрделі жағдайда ауғандар мұсылмандарды қытайлықтарға қарсы қоюға тырысты. Қазақтар мен қырғыздарға хат жазып, соларды және өзбектерді Құлжаға сауда жасауға бармауға үгіттеді. Осы кезде ходжа билеушісі Фазыл би Абылайды кеңес беру үшін көмекке шақырды [Валиханов, 1985а: 323]. Ш. Уәлиханов Орталық Азияның бір бөлігін Кіші Бұхара деп сипаттаған. 1859 жылы өзі қоқан көпесі ретінде Қашғар қаласына барған. Қаладағы оқиғаларды көзімен көрген Шоқан Қоқан хандығымен сауданың қайта жандағанын, қоқандық елшінің Қашғарда бір айдан астам уақыт бойы тұрғаны, бұхар және қоқан керуендерінің бос қалған керуен сарайларды толтырып жатқаны туралы жазды. Қашғарға Шоқан бастаған керуеннің келуі үлкен шу тудырған [Валиханов, 1985а: 327]. Әртүрлі елдердің түрлі тайпаларының саудагерлерімен танысу Шоқанға көрші елдердің көптеген маршруттары туралы, этнографиялық, статистикалық, сауда жөнінде мәліметтер алуға мүмкіндік тудырған. Қашғардағы сапарын сәтті бастаған Шоқан елдер арасындағы қарым-қатынас жөнінде біраз ақпарат алғанын жасырмаған. Осы турасында ол «Үнемі көпестердің ортасында болудың, керуен сарайда тұрудың арқасында ортазиялық саудамен, әсіресе Қашғардағы керуендік сауданың тауарларымен, ортазиялық көпестермен, көпестік ұғымдармен және экономикалық ойларымен жақын танысуға жол ашты», – деп жазды [Валиханов, 1985а: 335]. Шоқанның сапар барысында жинақтаған материалдары, соның ішінде Орта Азия хандықтары туралы мәліметтерінің шынайылығы жоғары, себебі өзі жазғандай, «сапар барысында жиналған ақпарат, біріншіден, менің жеке бақылауларымнан, екіншіден, сенімділікке лайық адамдардан алынған және басқа куәліктермен расталған ақпарат пен материалдардан, ең соңында, саудагерлерден, лауазымды тұлғалардан, жергілікті тұрғындардан алынған жазбаша дереккөздер, ресми құжаттар мен кітаптар» болып табылады [Валиханов, 1985а: 335]. Жинақтаған материалдары бойынша Шоқан өзінің жазбаларын дайындаған. Жазбаларымен бірге сол замандағы түсірілімдер, топографиялық істе сақтаулы материалдардың негізінде Орталық Азияның картасын сызған. Осындай құнды мәліметтерді жинақтауды ол Қашғарға келмей тұрып жоспарлаған. Өзінің «Қашғар сапарын ұйымдастыру туралы жазбалары» атты шағын еңбегінде Шығыс Түркістан, Қоқандағы жағдай

туралы егжей-тегжейлі ақпарат жинау тапсырылғаны, өлкені жақсы білетін қашғарлықтардан, соның ішінде Сарыкөл тумасы Сарымсақтан көп мәлімет алғанын жазған [Валиханов, 1985b: 7]. Қашғарға сапарында жазбаларын дайындап, тың түсірілімдер мен топографиялық істерде сақтаулы бай материалдар бойынша Орта Азияның картасын сызды [Валиханов, 1985b: 7-13]. Шоқан Орталық Азия тарихы бойынша орта ғасырлық деректер қатарында Дешті-Қыпшақпен, Орта Азия және Шығыс Түркістанмен сауда жүргізген көпестерге жолбасшы ретінде жасалған итальяндық карталарды қарастырды. Франциск және Доминик Пиличанидің (1367) картасы, Каталон картасы (1375), венециандық Фра Мауро (1459) картасының мәліметтерін жазба деректермен салыстырды [Есмағамбетов, 2010].

Ш.Уәлиханов еңбектерінде Орталық Азияның Ресеймен және Шығыс Түркістанмен сауда-экономикалық, саяси және мәдени байланыстары туралы маңызды мәліметтер бар. «Ортазиялық хандықтар: Хиуа, Бұхара, Қоқан және олардың Ресеймен қарым-қатынастары» деген еңбегінде үш хандықтың қысқаша тарихымен бірге өзара сауда байланыстары сипатталады [Валиханов, 1985c]. Шоқан аталған хандықтардың Ресеймен сауда-саттығын жай ғана баяндауды мақсат етпеген, ол осы қарым-қатынастардың қазақ даласына әсеріне баса назар аударған. Даланың тыныштығы мен халқының жағдайына алаңдаған бір туар азаматтың «Сырдария мен Балқаштың арғы жағындағы иеліктеріміздегі тыныштық, бір жағынан империяның Сібір мен Орынбор шекарасындағы сауда-саттық қызметінің дамуы бір жағынан Ресейдің Түркістан мемлекеттерімен достық қарым-қатынасына байланысты» деген сөздерінің мәні мен маңызы өте зор [Валиханов, 1985c: 181]. Себебі сауда байланыстары тек экономиканы дамытуға игі әсер етіп қоймайды, сонымен қатар елдер арасындағы қарым-қатынастарды нығайтады, бейбіт өмір сүрудің алғашарттарын қалыптастырады. XIX ғасырдың бірінші жартысындағы Орта Азияның қалалары мен ауылдары, яғни қышлақтары көршілес елдердің коммерциялық қызметін дамытудағы үлкен база іспеттес болғаны тарихтан белгілі. Бұл - ортазиялық мемлекеттердің ұтымды тұстарының бірі. Сол себепті Орта Азияға Ресейдің ғана емес Ұлыбританияның мүдделі болғаны мәлім.

«Ортаазиялық хандықтармен сауданы дамыту үшін Амудария мен Сырдарияда кемелердің қозғалысына қауіпсіз ахуал туғызу керек» [Валиханов, 1985c: 182] деген Шоқанның пікірі дүние жүзінде арзан сауданың теңіз жолдары арқылы іске асырылатындығын дәйектей түседі. Аталған ортазиялық хандықтармен Ресей арасындағы оңтүстік және оңтүстік-шығысқа қарай транзиттік сауданы дамыту үшін Шоқанның пікірінше, осы елдерде тұрақты немесе уақытша агенттер болу керек. Олар кедендік иеліктердің және құрметті адамдардың Ресей империясына деген сенімін арттырып қана қоймай болашақтағы әрекеттер, орыс көпестерінің мүддесін қорғау үшін жағымды мәліметтерді жеткізіп тұрар еді [Валиханов, 1985c: 182].

Қазақтар мен өзбектер арасындағы сауданы да назардан тыс қалдырмаған зерттеуші «Бұхарлық және қоқандық саудагерлер біздің тауарларды өндірілетін жерінен тікелей сатып алады, сол себепті көпестеріміз Бұхарға, Хиуа мен Қоқанға сирек баратын болды», – деп жазды. Дегенмен қазақтардың өзбектердің кейбір тауарларына зәрулігі байқалады. Осы зәрулікті жою үшін қазақ даласында егіншілікті дамыту қажет. Қазіргі уақытта ұнды Бұхара мен Хиуадан сатып алуға мәжбүр. Сейіт-Мұхамед ханның билігі кезіндегі тақ үшін күрес, алауыздықтар астық бағасын көтеріп жіберген. 4 теңге (күміс ақшамен 80 тиын) тұратын бір пұт астықтың бағасы 20 теңгеге (күміс ақшамен 4 рубль) жеткен [Валиханов Ч.Ч. Среднеазиатские, 1985: 192]. Сонымен қатар Шоқанның пайымынша, Ортазиялық елдермен сауданы дамытуда керуендердің және саудагерлердің қауіпсіздігін қамтамасыз ету қажет [Валиханов, 1985c: 182-183].

Шоқанның мұрасында архив құжаттары да сақталған. Сондай құжаттар тарихи оқиғалардың шынайылығына көз жеткізеді. Қоқан хандығы мен қазақтардың арасындағы сауда байланыстары архив деректерінен де көрініс тапқан. Сондай құжаттардың бірі - 1828 жылы 1 қыркүйекте Қарқаралы округына қоқан ханы Сейіт-Мұхамед-Әлидің екі елшісі Батыс Сібір генерал-губернаторының атына жазылған хат. Хатпен бірге екі елші: Тұрсын қожа және Хожа Құрбан келген. Хатта осыдан бұрынғы уақыттарда Қоқан хандығымен ешбір тонаусыз, жәбірсіз, бейбіт, қауіпсіз қарым-қатынастардың орын алғандығы айтылды. Ендігі жерде осы аумаққа келген саудагерлерден қазақтардың кедендерде керуендерді тонап, мал мен мүліктерін тартып алатындығы және көпестердің кедейленіп қалатындығы, тартып алынған тауарлардың иелеріне қайтарылмай отырғандығы туралы қауесет жеткен. Орыс үкіметінің жергілікті билеушілерінен қазақтардың осындай әрекеттерін тоқтатып, тәртіп орнатып, екі халықтың арасындағы сауданы тыныш әрі байсалды етуді сұраған. Қоқан хандығына Ташкент иелігіне тиесілі Бес-Қазлық (Биш-Казлык) жерінде бекініс салынғаны, Қараталда

орманның қырқылғаны жөнінде қауесет жетті. Хан хатта генерал-губернатордың айтылғандарды біліп, арнайы елшілерді жіберіп отырғандығын ашып жазған [Валиханов, 1985d: 266]. Батыс Сібір генерал-губернаторы ел арасындағы сауданы реттеу мақсатында Қоқан ханы мен елшілеріне тарту-таралғы ретінде қымбат матаның түр түрін сыйға тартқан.

Ш.Уәлиханов ортазиялық хандықтардың Шығыс Түркістанмен сауда байланыстарын «1858-1859 жылдардағы Алтышар жағдайы, немесе Нан Лу (Кіші Бұхара) қытай провинциясының тұрақты алты шығыс қалалары туралы» еңбегінде арнайы зерттеген. Еңбекте өте қызықты, құнды мәліметтер келтіріледі. Мәселен, еңбектің қоқандық шенеуніктер мен саудагерлерді сипаттайтын тұсы тартымды. «Қоқандықтар өздерінің сырт келбетіне және этикетіне айтарлықтай назар аудармайды, өздеріне берілетін сыйлықтарға жіті мән береді. ... олар бейбітшілік уақыттарда қытайлық тарту-таралғылар мен алымдарды пайдаланады. Көтеріліс кезінде жұртты тонап, қожалардан сыйлықтар алады. Қытай және бұратана билеушілерін үнемі қорқынышта ұстайды. Сондықтан да жергілікті тұрғындар қоқандықтарды ұнатпайды, «ұры» деген сөзді жиі айтады...» [Валиханов, О состоянии Алтышара, 2010a: 190] деген сипаттауынан Кіші Бұхардағы қоқандықтардың беделін көруге болады. Шоқан қоқандықтарға қатысты қазақтарды жіктеген. «Қоқанға қатысты қазақтарды қоқандықтардың боданы және олардың билігін мойындайтындар деп екіге бөлуге болады: алғашқылары өзбектермен бірдей құқықты пайдаланады, әскерде қызмет етеді, әскери және азаматтық шендерді иеленеді. Екіншілері зекет төлейді, қажет жа ғдайда әскерге қол жинап беруге міндетті» [Валиханов, 2010a: 191] деген сипаттауы айтылғанды толық дәлелдейді.

Бұл фактілер Шығыс Түркістанның қалаларындағы негізінен қолөнермен, саудамен айналысатын шетелдіктердің құрамына, сондай-ақ, осы елдегі қалалардағы ортазиялық сауданы қамтиды. «...Саны және маңызы бойынша бірінші орынға қоқандықтар, сосын бұқаралықтар ие, содан кейін бадахшандықтар, кашмирліктер және балтилер тұр. Соңғы аталған үш халық негізінен Еркенд пен Хотанда тұрады. Бұдан өзге көптеген ауғандар (кабулдықтар мен логандар), еврейлер (бұқаралықтар), үндістер, парсылар, ширвандықтар және татарлар. Бадахшандықтар, кашмирліктер және балтилардан басқа өз ақсақалдары бар барлық шетелдіктер қытайларға «Аньцзи-джан» (әндіжандықтар) деген атпен белгілі және келісімге сай қоқандық ақсақалға бағынатын, қашғарда тұратындар резидент және консул құқығына ие» [Валиханов, 2010a: 160-162].

Ғалымның ортазиялық және қашғарлық сауданың басты тауары туралы мәліметтері де маңызды. Ол келтірген мағлұматтар бойынша Шығыс Түркістандағы ортазиялық сауданың басты тауарларын алтын дүрия, қара көк бояулар, жібек маталар, мал, темекі және ортазиялық қолөнердің басқа да бұйымдары құраған, Шығыс Түркістаннан шәй, мақта, жібек, кілемдер, киіз, фарфор ыдыс және күміс алып шыққан [Валиханов, 2010a: 199]. Орта Азиядан шыққан көпестердің ол жерде батысеуропалық тауарлармен де сауда жасағанын айта кетуіміз керек: ашық қызыл және ал қызыл түсті швейцарлық, француз және ағылшын сиса маталары, ағылшын және американдық мақтадан жасалған биязы маталар, ағылшын мақта қызыл кашемирі, ақ муслин және т.б. [Валиханов, 2010a: 207].

Шоқанның шай саудасын сипаттауы зерттеушілер үшін маңызды әрі терең талдауды қажет етеді. Ғалым шайдың сорттарын, тасымалдауын және сатылуын егжей-тегжейлі баяндаған. «Гучэндегі транзиттік алым әкелінген шайды үш сортқа бөледі. Бірінші сорт: бай-хао, сянь-пянь, у-и, чжулянь, даэча, пур-ча, бұл сортының 100 джины (граммы) үшін күміс ақшамен шаққанда 1 лан (сол кездегі ақшаның атауы) кеден салығы алынады. Екінші сорт шайдан бір ланның жартысынан астамы, ал үшінші сорттан үштен бір бөлігі алынады» [Валиханов, 2010a: 207] дегені Шығыс Түркістан нарығында шай саудасының ауқымы мен салмағын аңғартады. Шоқанның зерттеуінше шай түйелерге тиеліп, тасылған. Шай сақтайтын қойма Ақсу қаласы болған. Одан Қашғар мен Жаркенттке әкелінген. Ортаазиялықтар шайды Жаркенттен алтын мен күміс ақшаға сатып алған. 1832 жылы Жаркенттен Бұхарға 950 жылқыға тиелген шай қаптары немесе 200 мың фунт (пұт) шай әкелінген. Бұхарға жеткенде оның бір пұт үшін бағасы 50 тильге (алтын ақшамен) жеткен. Қоқаннан әкелінген тауарларды бұратаналар жергілікті ақшаға айырбастап, сатқан. Содан кейін оны күміске немесе алтынға айырбастаған. Қоқан мен Қытай арасындағы араздыққа байланысты қоқандықтарға шай анағұрлым аз жеткізілген [Валиханов, 2010a: 205].

Ортазиялық көпестер Шығыс Түркістандағы орыс саудасында да делдалдық жасаған. Ш.Уәлиханов «Орыс тауарлары Қашғарға Қоқан және Құлжа арқылы жетеді» – деп айғақтады [Валиханов, 2010a: 206]. Қашғарға орыс мануфактураларының келесі бұйымдарын апаратын болған: шұға, сиса маталар, сәлдеге арналған жұмсақ муслиндер, жібек маталар, дүрия, барқыт, айналар,

бұрыш, қалампыр, мүсәтір, сынап, қызыл түсті минерал, түрлі металдар (темір, мыс, қалайы) және металдан жасалған бұйымдар (самауырындар, шайнектер, тарелкалар, қазандар, жайпақ табақтар, шамдалдар, құлыптар) және т.б. Шоқан «Қашқар саудасынан түсетін бүкіл пайда қоқандықтардың қолында», – деп жазды [Валиханов, 2010a: 208-213].

Қоқандықтармен қатар қазақтар бұхарлықтармен де сауда-саттықты жасаған. Бұхарлықтар саудасының үлкен бір бөлігі Жаркентте жүргізілген [Валиханов, 2010b: 188]. Жаркенттен ортаазиялық базарларға аң терілері тасылған. Әсіресе екі түрлі түлкі терісі: қара түлкі және қараған. Жақсы түлкі терісі 2 немесе 2,5 алтын, суыр – 2, қасқыр – 1 алтын тұрған. Көбінесе Бұхар мен Қоқаннан әкелінген ақ қозы терісі сатылған [Валиханов, 2010a: 212]. Қазақ даласынан тыс жерлерге сатылған тауарлармен салыстырмалы түрде қарастырса, Жаркенттен 1819 жылы 10 005, 1824 жылы 28 16 рубльді құрайтын тауар әкетілген. Қазақ даласының өзінен 1814-1824 жылдар аралығында көршілес орыс елді мекендеріне 200 мың рубльге тең тауар сатылған. Осыны Бұхара мен Қоқаннан әкелінген тауарлармен салыстырса, 1814 жылы 270, Қоқаннан 50 түйеге артылған тауар керуендері келген. Жыл сайын олардың саны артып отырған. Мәселен, 1815 жылы 653, 1816 жылы Бұхара мен Қоқаннан 7161 түйе тауар әкелінген [Валиханов, 2010b: 254]. Бұл мәліметтерді Шоқан Батыс Сібір Бас басқармасының істерінен, соның ішіндегі кедендегі жазбалардан алған. Петропавл кеденіндегі жазбалар бойынша 1825 жылы 24 наурызда ортаазиялық хандықтардан жібек, жартылай жібек, мақта маталары, иірілген және мақта қағазы, кептірілген жемістер, қозы елтірісі, жібек құрт тұқымы жеткізілсе, қазақ даласынан оларға қозы елтірісі, жүн, ешкі түбіті, тірі малдың әр түрі жіберілген [Валиханов, 2010b: 255].

Шоқан Шыңғысұлының «Қырғыздар туралы жазбасында» және «Көшпелі қырғыздар туралы» деген еңбегінде Ыстық көл өлкесінің табиғаты, жануарлар, өсімдіктер әлемімен қатар тұрғындарының шаруашылығы, саудасы және айырбас саудасы баяндалған. Шоқанның бақылауынша, жабайы қырғыздардың (дикокаменные киргизы) саудасы және айырбасы ауылдарында жүреді. Олар Орта Азияның үздік сауда пункттеріне – Қашғарға, Ошқа, Қоқан мен Ташкентке жақын орналасса да Құлжаға немесе Қашғарға, Ташкентке жылқыларымен бірге тауар жібермейді. Мұнда Ресейден, Қашғардан және Орта Азиядан жаз немесе қыс айларында келеді. Қашғардан түрлі мақта маталары, тимпи деп аталатын жолақты мақта матадан тігілген шапандар, мақта матадан тігіліп, сары, қоңыр, қара түстерге боялған кеудешелер, машура дейтін жолағы бар парча және т.б. тауарлар келеді. Олар қойға тиімді айырбасталып отырған. Жаркенттік тимпи матасынан тігілген шапан 4 қойға айырбасталды. Даба деп аталатын матаның (ақ түсті жұмсақ мата) бір көйлекке жететін кездемесі 2 қойға сатылады. Қойдың орташа құны – 8 теңге. Жаркентте екі шапанды 20 еңгеге сатып алуға болады. Төрт қойға айырбастағаннан анағұрлым төмен. Осы тауар Қашғарда 1 теңге тұрады [Валиханов, 1985f: 33]. Мұның өзі тауар әкеленетін жерінен ұзаған сайын әрі айырбасқа түскенде қымбат сатылған дегенді білдіреді. Саудагерлер заттарын қарызға да беретін болған. Егер саудагер бір затын күзде қозыға сатқан болса, көктемде ол қойға айналған. Қашғар, татар саудагерлері қырғыздарды қажетті тауарлармен және күнделікті тұрмысқа керекті заттармен қамтамасыз ете отырып, үлкен пайда табады. Ал қырғыздар қолдарында бар заттарын өздері сатпайды, оларды татар саудагерлері сатып береді. Ортаазиялық жібек маталарды мұнда манаптың әйелдері болмаса ешкім сатып алмайды [Валиханов, 1985f: 34].

Ғалым Орта Азия мен Шығыс Түркістан арасындағы саяси қарым-қатынастарға көп көңіл бөлді. Ол келтірген материалдардан Шығыс Түркістанға қатысты Қоқан хандығының да, Циньдік Қытайдың да саясаты жақсы байқалады. Оны Шоқанның мына бір пайымынан көруге болады: «...Қоқанға ауқымды артықшылықтар бере отырып, боғдыхан үкіметі олардан қожаларды бақылауды және оларға ғазауат (қасиетті соғыс) жасауға мүмкіндік бермеуді талап етеді» [Валиханов, 1985b: 184]. Бұндай уағдаластыққа 1831 жылы қол жеткізілген және екі жақ тараптың да мүдделерінен келіп келісілген: Қоқан үкіметі Цинь империясының өктемдігін тым болмаса Шығыс Түркістан шегінде ұстап тұруға, ал Циньдік Қытай – Орталық Азияның барлық жағынан маңызды аймағын қандай болсын амалдармен өз қолында алып қалуға тырысты.

Ш.Уәлихановтың еңбектерінде, сондай-ақ, Орта Азия мемлекеттерінің Ресеймен саяси, сауда байланыстары туралы маңызды мағлұматтар бар. Біз оларды зерттеушінің «Кіші кеңесші Рафаиловқа жолсерік болған татарлар Абдрашитов пен Сейфуллиннің Тибеттен қайтып оралғаны туралы ісі» (бұқаралық көпестер Загур (Зухур) Зарипов және Мұса ханның Петербургқа арнауы және және ташкенттік көпес Мансұр молда Мамасейтовтың Кашғарға, одан әрі Тибетке жіберу үшін Семейде керуенді жинауы туралы айтылады), «1830 ж. Қашғардағы қоқандықтардың Қытаймен соғысы

туралы мәліметтер» (1830 жылы күзде Қоқан ханының Мұхаммед Әли хан басшылығымен Ресейге елшілік жібергендігі туралы айтылады), «Қоқан елшілігі туралы» (Ақмола мен Петропавлға қоқан елшілігінің келгендігі туралы айтылады), «Қашғар сапарын ұйымдастыру туралы жазбалары» (әндіжандықтардың Семейдегі саудасы туралы мәліметтер берілген) және басқа да мақалаларынан таба аламыз [Валиханов, 1985а: 316, 352].

Ортазиялық хандықтардың ішкі жағдайына Ш.Уәлиханов арнайы тоқталмайды. Дегенмен де оның еңбектерінде бұл мемлекеттердің ішкі саясаты, тұрғындарының шаруашылығы, тұрмыс жағдайы жөнінде айтылып кетеді. Мысалы, ғалым Қоқан хандығының Шерәлі (1258/1842-1261/1845), Худиярдың бірінші билеуі (1261/1845-1275/1858) және Малла-хан (1275/1858-1278/1862) кезіндегі саяси жағдайын қысқа, бірақ нақты баяндайды және феодалдар арасындағы күрес пен және әулеттік талас-тартысты зерттеуге айрықша көңіл бөліп, осы мемлекеттіі саяси құрылымына тоқталып, 1856 жылдан кейінгі бұқар-қоқан қатынастарына тоқталады. Сондай-ақ, қырғыздардың ауыр жағдайы және олардың Мұхаммед Әли хан кезіндегі (1821-1842), нақтырақ айтсақ, оның билігінің бірінші жартысындағы Қоқан хандығына бағыныштылығы туралы айтылады. Осылай дей тұра, оған «қоқандықтардың билігі (қырғыздар арасындағы) тек ерекше саясатпен және жұмсақтықпен қолданып отырғандығын» анықтаудың сәті түсті. Өз билігін қолдану үшін жақсы фамилиялардан оның аманттары бар, билігін ру басылар арасында сый-сияпаттар мен айдап салулар және араздықтар арқылы ұстап отыр» [Валиханов, 2010а: 38]. Ш.Уәлихановтың Қоқан хандығына қызығушылығын сондай-ақ, оның «Қоқан билеушілерінің генеалогиялық кестесі» және басқа еңбектерінде келтірілген Қашғардан Ошқа, Қоқан мен Ташкентке көптеген көлік бағдарларының белгіленуі дәлелдейді [Валиханов, 2010а: 205-209].

Шоқан Шыңғысұлының пайымдауынша әрі зерттеуінше Қазақтардың қырғыздармен қарым-қатынасы XIV ғасырдан бастап XVIII ғасырға дейін достық және бейбіт сипатта болды. Қазақтар мен қырғыздардың одағының құрметіне әрі есте қалдыру мақсатында Есім хан Ташкентте мұнара тұрғызды. Тәуке хан, Есімнің немересі қырғыздарды олардың биі Тиес арқылы басқарды. Жоңғарлар Ілеге басып кіре бастаған кезде екі халық бірігіп, қалмақтарды Шелек пен Шарыннан қуып тастады.

Абылай ханның әртүрлі жылдары қырғыздардың ұлыстарына шабуыл жасауы халық аңыздарынан орын алды. Абылай солту және саяқ руларын Қарабалта-Сұқұлық шатқалында талқандап, солты батыры Жайылды өлтірді. Әсіресе жабайы қырғыздардың тағдыры шешілген Абылайдың 1770 жылғы жорығы ерекше есте қалды. Бұл шайқас Жайылдың қырғыны деп аталады. Қырғыздар Абылай кезінде көптеген жеңілістерге ұшырады. Барақ сұлтан (Көкжал) да шабуыл жасап, қарсылық көрсетпеген қырғыздардың Қошқар -Ата моласын қорлады. Осыған кектеген қырғыздар әрі Барақтың қатыгездігіне қарсы қол жинап, түнде оған шабуыл жасады. Барақ, қарсылық көрсете алмай әскери тұрағын тастап, қашты. Қырғыздар оны Ілеге дейін қуды. Абылай арғын, найман және үйсіндерден қол жинап, Барақтың жеңілісін үшін кек алды [Валиханов, 2014: 77].

Жастығына қарамастан Шоқан қазақ халқының тұрмысын, әдет-ғұрыптарын, рухани және материалдық мәдениетінің ерекшеліктерін, төл тарихын жақсы білген. Мұнымен шектелмей ортаазиялық халықтардың өткені мен өзі өмір сүрген кезеңде орын алған оқиғаларды білген. Біліп қана қоймай, оларға талдау жасап, салыстырып, өз пайымдарын жазып отырған. Шоқан Ыстық көл аймағындағы сапары кезінде қырғыздар туралы көптеген материалдар, халық жадында сақталған мұраны жинақтады. Тарихшы, зерттеушілерге мәлім, ол халық аузынан қырғыздың атақты «Манас» жырын жазып алды.

Қазақтардың ортаазиялық хандықтармен қарым-қатынастарында Шоқан рухани байланыстарға назар аударды. Өзінің «Көшпелі қырғыздар (қазақтар) туралы» деп аталатын еңбегінде даланың татардан шыққан жартылай сауатты молдалар мен Орта Азиядан келген, өздерін атақты әулие санайтын, фанат адамдарға толып кеткеніне нали отырып жазған. Олардың мұсылмандар арасында үгіт жүргізіп, дінге соқыр сеніммен қарауға итермелегенін көзімен көрген. Шоқанның хабарлауынша, осындай үгіт Баянауыл, Қарқаралы округтарына тарала бастаған. «Мұнда жергілікті билеушілердің қолдауымен Бұхар мен Қоқаннан көптеген ишан, қожалар тұрады. Жыл сайын олардың бірі кетіп, бірі келіп жатады» [Валиханов, 2014: 118] деген ақпараты осының дәлелі. Дегенмен екінші жағынан Шоқан Шыңғысұлы ортаазиялық иеліктермен рухани байланыстардың жағымды нәтиже беретінін де жоққа шығармады. Мұндай байланыстар Шоқанның пікірінше, қазақ баласына шағатай тіліндегі романдарды, повестерді, поэмаларды, және ертегілерді оқуға мүмкіндік береді. Алайда солардың арасында ұрпаққа зиян келтіретіндері де бар [Валиханов, 2018: 120]. Сол себепті пайдалы

кітаптармен қатар зиян келтіретін, баланы дұрыс жолдан адастыратын шығармаларды оқуға тиым салу қажеттілігін де еске салған.

Шоқан Уәлихановтың еңбектері, әсіресе Орталық Азия халықтары туралы этнографиялық деректерге де бай. Солай бола тұра, оны қандай да болсын халықтың тек тайпалық құрамы ғана емес, олардың орналасуы да қызықтырады.Мысалы, «түркістандық өзбектер, олардың рулық жіктелісінен көрінетіндей тайпа одақтарынан тұрады, бірақ одақтары қазақтардың одақтарымен салыстырғанда ауқымды» [Валиханов, 1985е: 154]. Шоқан Уәлихановтың бұл мәліметтері, әсіресе түркі рулары мен тайпаларының жіктелісі туралы көрсететін мағлұматтары зерттеушілер түркі халықтарының этникалық тарихын және олардың қарым-қатынастарын жазуда аса пайдалы болды.

Шу өзенінің жоғарғы жағынан Ташкентке дейінгі жолдың жартысын Ұлы жүздің Жалайыр және Дулат тайпаларының иелігінде екендігін және олардың аздаған Қоқан хандығына бағынатындығы туралы жаза келе, қоқандықтардың аздаған бекіністері ғана барын және қазақтардан зекет жинайтыны туралы мағлұмат береді [Валиханов, 2014: 193].

Ғалым, тарихшы, саяхатшы, этнограф өзінің қысқа өмірінде Орта Азия мен Қазақстан халықтарының тарихына, географиясы мен этнографиясына, шаруашылығына, саудасына, рухани байланыстарына арналған бірқатар еңбектерді жазып үлгерді. Шоқан Шыңғысұлы Уәлихановтың Қазақстанның ортаазиялық хандықтармен қарым-қатынастарға байланысты іргелі еңбектерінің, мақалаларың, жазбаларының ғылыми маңызы зор. Шоқанның бірнеше шығыс және еуропалық тілдерді білуі дереккөздерді оқумен қатар құнды материалдарды жинақтауға мүмкіндік берді. Дереккөздерді жинаумен қатар оларды талдап, пікір танытты. Өзінің көзімен көргендері, оқығандары, зерттегендері негізінде қазақтардың ортаазиялық хандықтармен қарым-қатынастарына шынайы баға берді. Орын алған оқиғаларды сипаттаумен бірге мәселелердің түйін шешуге байланысты көзқарастарын танытты.

Қорытынды. Шоқанның «Жоңғар очерктері», «Қоқан хандығы туралы жазбалары» сияқты еңбектері отарлық дискурс шеңберінде ғана емес, сонымен қатар мәдениетаралық интерпретация тұрғысынан жазылған. Шоқан еңбектерінің құндылығы олардың деректік дәлдігінен ғана емес, аналитикалық тереңдігінен және ғылыми бейтараптығынан көрінеді. Ол жазып отырған объектісін – қазақ даласындағы билік құрылымы мен көрші хандықтардың саясатымен қатар – мәдени құрылым ретінде де пайымдайды. Шоқан еңбектері – отандық тарихнамада тек дерек көзі ғана емес, сонымен бірге теориялық-әдіснамалық үлгі де болып табылады. Оның еңбектерінде аймақ халықтарының мәдениетаралық байланыстары этностық айырмашылық емесе, тарихи сабақтастық пен өркениеттік бірліктің көрінісі ретінде сипатталады.

Ш.Уәлихановтың мұрасы – отандық тарихнама үшін әдіснамалық бағыт, деректанулық негіз және өркениеттік ойлау мектебі ретінде айрықша құндылыққа ие. Оның еңбектеріндегі тарихи-мәдени интуиция және құрылымдық талдау қабілеті – бүгінгі тарихи реконструкция үдерісінде де өзектілігін жойған жоқ. Уәлиханов ұсынған тұжырымдар қазіргі тарихнамалық ізденістерде, әсіресе мәдениетаралық кеңістік, ұжымдық жад және билік дискурсы мәселелерін зерттеуде жаңа интерпретациялық көкжиектер ашады

Зерттеуші еңбектерін қазақтың шежірелік және ауызша дереккөздерімен салыстыра талдау – тарихи танымның әдіснамалық кеңістігін кеңейтетін маңызды бағыт. Оның этнографиялық және тарихи жазбалары көбінесе сол кезеңдегі шежірелік мәліметтермен үндес келеді, алайда оларды ұсыну формасы және интерпретациялау тұрғысынан елеулі ерекшеліктер байқалады. Бұл салыстыру шеңберінде Уәлиханов – дәстүрлі ауызша жад формаларын қағаз бетіне көшіру әрекетін жасаған алғашқы зерттеуші ретінде көрінеді. Ол шежіре мен эпикалық мәтіндерді жай «халықтық аңыз» деп емес, тарихи оқиғалардың мәдени-менталдық кодталған нұсқасы ретінде қарастырды.Мысалы, қазақ шежірелерінде Қоқан, Бұқар, Хиуа хандары туралы мәліметтер көбіне руаралық қатынастар, туыстық байланыс немесе жаугершілік тұрғысынан беріледі. Бұл мәліметтер тарихи оқиғаларды тек сипаттап қоймай, этникалық иерархияны және саяси легитимацияны да негіздейтін рәміздік құрылымдарға ие. Уәлиханов осы деректерді жинап қана қоймай, оларды салыстырмалы-тарихи әдіспен саралап, жазба және ресми дереккөздермен түйістіре білді.

Қазақ қоғамының тарихи жадын зерттеуде ауызша тарих пен шежірелік мұра тек қосымша дерек емес, толыққанды танымдық кеңістік ретінде қарастырылуы тиіс. Олар оқиғаларды сипттаудан бұрын, сол оқиғаларға тарихи-мәдени мән беретін механизмдердің өзін көрсетеді. Бұл деректерді тек шындықтың көрінісі ретінде емес, тарихты ұғынудың мәдени формасы ретінде қарастыру – қазіргі

гуманитарлық ғылымдардың басты методологиялық ұстанымдарының бірі. Шоқан Уәлиханов осы бағыттың негізін қалаған тұлға ретінде қазақ-ортаазиялық қарым-қатынастарды пайымдаудың деректанулық та, аналитикалық та үлгісін ұсынды. Ол дәстүрлі ауызша деректерге сыни, бірақ құрметпен қарап, оларды тарихи-философиялық интерпретацияның обьектісіне айналдырды. Уәлихановтың көзқарасы – дәстүр мен ғылымның, мәдениет пен рационалдықтың тоғысқан тұсы. Сонмен қатар эпикалық, шежірелік және ауызша жад формалары – ресми жазбалар мен архивтік құжаттармен қатар қолданылуы тиіс баламалы дерекқор. Олар тарихи реконструкцияның тек мазмұндық емес, мағыналық және құрылымдық деңгейін толықтырады. Сондықтан да, қазіргі тарихнамада Уәлиханов мұрасын осы дерекқорлармен интеграциялау – тарихи пайымның тереңдігін арттырудың маңызды жолы болып қала береді.

Әдебиеттер

Абуев, 2016 – *Абуев К.К.* Чокан Валиханов и его современники: (монография). Кокшетау, 2016. 386 с.

Валиханов, 1985a – *Валиханов Ч. Ч.* Записка о Кокандском ханстве // Собрание сочинений в пяти томах / Ч. Ч. Валиханов. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 314–324.

Валиханов, 1985b – *Валиханов Ч.Ч.* Записки об организации поездки в Кашгар // Собрание сочинений в пяти томах / Ч. Ч. Валиханов. Т. 3. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 7–13.

Валиханов, 1985c – *Валиханов Ч.Ч.* Среднеазиатские ханства: Хива, Бухара и Коканд и отношение их с России // Собрание сочинений в пяти томах / Ч. Ч. Валиханов. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 181–183.

Валиханов, 1985d – *Валиханов Ч.Ч.* Среднеазиатские ханства: Хива, Бухара и Коканд и отношение их с России // Собрание сочинений в пяти томах / Ч. Ч. Валиханов. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 266–277.

Валиханов, 2010a – *Валиханов Ч.Ч.* О состоянии Алтышара или шести постоянных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии) в 1858–1859 годах // Собрание сочинений : в 5 т. / Ч. Ч. Валиханов. Т. 3. Алматы: Алатау, 2010. С. 97–218.

Валиханов, 2010b – *Валиханов Ч.Ч.* Черновой материал о торговле России с Западным Китаем и Средней Азией в первой четверти XIX в. // Собрание сочинений. В 5 т. / Ч. Ч. Валиханов. Т. 2. Алматы: Алатау, 2010. – С. 253–257.

Валиханов, 1985e – *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах // Собрание сочинений : в 5 т. / Ч. Ч. Валиханов. Т. 2. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 7–82.

Валиханов, 2014 – *Валиханов Ч.* О кочевых киргизах // Собрание сочинений / Ч. Валиханов. Т. 4. Алматы: Изд-во «Алатау», 2014. С. 126–131.

Дулатова, 1976 – *Дулатова Д.* Шоқан – тарихшы. Алматы: Қазақстан, 1976. 69 б.

Есмағамбетов, 2010 – *Есмағамбетов К.* Шоқан дүниетанымы: бұрынғы ұғымға жаңа көзқарас// [Электронды ресурс]. – URL: https://abai.kz/post/6193 12.12.2010. Қаралған күні 13.10. 2023.

Сулейменов, 1985 – *Сулейменов Р.Б., Моисеев В.А.* Чокан Валиханов – востоковед. Алма-Ата : Наука, 1985. 111 с.

References

Abuev, 2016 – *Abuev K.K.* Chokan Valikhanov i ego sovremenniki: monografiya [Chokan Valikhanov and his contemporaries: Monograph]. Kokshetau. 386 p. [in Russian]

Dulatova, 1976 – *Dulatova D. Shoqan – tarikshy* [Shokan – historian]. Almaty: Kazakhstan, 69 p. [in Kazakh]

Esmagambetov, 2010 – *Esmağambetov K. hoqan dunietanymy: buryngy ugymga zhana kozqaras* [Shokan's worldview: A new perspective on a former concept]. *Abai.kz*. Available at: https://abai.kz/post/6193 (accessed October 13, 2023). [in Russian]

Valikhanov, 1985a – *Valikhanov Ch.Ch.* Zapiska o Kokandskom khanstve [Notes on the Kokand Khanate]. Ch.Ch. Valikhanov, Sobranie sochinenii: v 5 t. [Collected works: In 5 vols.]. Vol. 3. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii, Pp. 314–324. [in Russian]

Valikhanov, 1985b – *Valikhanov Ch.Ch. Zapiski ob organizatsii poezdki v Kashgar* [Notes on the organization of the journey to Kashgar]. // Ch.Ch. Valikhanov, Sobranie sochinenii: v 5 t. [Collected works: In 5 vols.]. Vol. 3. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii, pp. 7–13. [In Russian].

Valikhanov, 1985c – *Valikhanov Ch.Ch.* Sredneaziatskie hanstva: Hiva, Buhara i Kokand i otnoşenie ih s Rosii [The Central Asian Khanates: Khiva, Bukhara, and Kokand and Their Relations with Russia] // Ch.Ch. Valikhanov, Sobranie sochinenii: v 5 t. [Collected works: In 5 vols.]. T. 4. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii, 1985. p. 181–183. [in Russian]

Valikhanov, 1985d – *Valikhanov Ch.Ch.* Diplomaticheskie i torgovye otnoşenia Rosii so sredneaziatskimi hanstvami v pervoi polovine XIX v. [Diplomatic and Trade Relations of Russia with the Central Asian Khanates in the

First Half of the Nineteenth Century] // Sobranie sochineniy v pyati tomakh / Ch. Ch. Valikhanov. T. 4. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoy entsiklopedii, 1985. p. 266–277. [in Russian]

Valikhanov, 2010a – *Valikhanov Ch.Ch.* O sostoianii Altyşara ili şesti postoiannyh gorodov Kitaiskoi provinsii Nan-Lu (Maloi Buharii) v 1858-1859 godah [On the Condition of Altyshar, or the Six Eastern Cities of the Chinese Province of Nan-Lu (Little Bukharia) in 1858–1859] // Collected Works. Vol. 3. Almaty: Izd-vo «Alatau», 2010. Pp. 97–218. [in Russian]

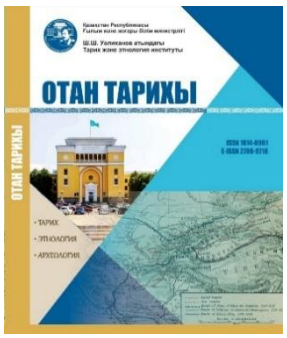
Valikhanov, 2010b – *Valikhanov Ch.Ch.* Chernovoi material o torgovle Rosii s Zapadnym Kitaem i Srednei Aziei v pervoi chetverti XIX v. [Draft Materials on Russia's Trade with Western China and Central Asia in the First Quarter of the Nineteenth Century] // Collected Works. Vol. 2. Almaty: Alatau, 2010. Pp. 253–257. [in Russian]

Valikhanov, 1985f – *Valikhanov Ch.Ch.* Zapiski o kirgizah. [Notes on the Kyrgyz] // Collected Works in Five Volumes. Vol. 2. Alma-Ata: Main Editorial Board of the Kazakh Soviet Encyclopedia, 1985. Pp. 7–82. [in Russian]

Valikhanov, 2014 – *Valikhanov Ch.* O kochevyh kirgizah [On the Nomadic Kyrgyz] // Collected Works. Vol. 4. 3rd ed. Ch. Ch. Valikhanov. Almaty: Alatau, 2014. Pp. 126–131. [in Russian]

Suleimenov, 1985 – *Suleimenov R.B., Moiseev V.A.* Chokan Valikhanov – vostokoved [Chokan Valikhanov – Orientalist]. Alma-Ata: Nauka, 111 p. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1143–1155
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 21.15.47
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1143-1155

ҚАЗАҚ АҒАРТУШЫЛЫҚ ӘДЕБИЕТІНДЕГІ ШАҒАТАЙ ЖАЗБА ДӘСТҮРІНІҢ ДІНИ ТЕРМИНДЕРІ (ЗӘКӘРИЯ БИН ЕРҒАЛИ ӘЛ-АХМӘДИ ӘЛ-БӨКЕЙИДІҢ «МҰХТАСАР ИЛМ-И ХАЛ» ЕҢБЕГІ НЕГІЗІНДЕ)

Құрманбек Қасымқан[1], Қайполла Қайрат[2], Нұржанбек Нұрсана[3]*

[1] Қазақстан мұсылмандары діни басқармасы Ислам ғылыми-зерттеу институты
(Пушкин көш., 16/1, 050016 Алматы, Қазақстан Республикасы)
ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0009-0008-0072-1832 E-mail: qqasymhan@gmail.com

[2] Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Шығыстану факультеті
(әл-Фараби даңғ., 71, 050040 Алматы, Қазақстан Республикасы), PhD докторант
Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті,
Еуразия ғылыми-зерттеу институты (Мәметова көш., 48, 050004 Алматы, Қазақстан Республикасы),
ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0009-0003-4638-7677 E-mail: qayrekeqay@gmail.com, k.kaipolla@ayu.edu.kz
*Автор-корреспондент

[3]ҚР ҒЖБМ ҒК «Ғылым ордасы» РМК
(Шевченко көш., 28, 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0009-0000-2777-6616 E-mail: nurjanbek.nursana@gmail.com

©Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТЭИ, 2026
©Қасымқан Қ., Қайполла Қ., Нұржанбек Н., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақалада XX ғасырдың басында қазақ мұсылман қоғамына арналған діни-ағартушылық әдебиеттердің бірі – 1911 жылы Қазанда жарық көрген Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің «Мұхтасар илм-и хал» еңбегі мәтінтанулық, деректанулық және тарихи-лингвистикалық тұрғыдан зерттеледі. Еңбек классикалық шағатай тілінің қатаң нормасымен шектелмейтін, шағатай жазба дәстүріне негізделген, татар баспа тілі мен қазақтың жергілікті лексикалық элементтері аралас ортақ түркілік жазба тілдің үлгісі ретінде қарастырылады. Зерттеу барысында дін, миллет, шариғат, иғтиқад, мәзһаб, сондай-ақ намаз уақыттарын білдіретін ایرته (irte), اویله (öylä), ایکندی (ikindi), آقشام (aqšam), جاصی/ یاستو (yastu / jası) тәрізді атаулардың семантикалық ауқымы мен діни-ағартушылық қызметі талданады. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты – «Мұхтасар илм-и хал» мәтініндегі діни терминдердің құрылымдық-семантикалық ерекшеліктерін анықтап, олардың қазақ мұсылман қауымына бейімделу тетігін көрсету. Осы мақсатта түпнұсқа терминдер бірізді транслитерацияланып, қазіргі қазақша баламаларымен салыстырылады; классикалық исламдық ұғымдар әл-Журжани, ат-Тафтазани және әл-Ғазали еңбектеріндегі

анықтамалармен, ал түркілік уақыт атаулары Махмұт Қашқари, Клаусон және А. Зенгин деректерімен салыстырылады. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің негізгі дереккөзі ретінде Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің 1911 жылы Қазанда жарық көрген «Мұхтасар илм-и хал» еңбегінің түпнұсқа мәтіні алынды. Діни терминдердің семантикалық ерекшеліктері мен тарихи сабақтастығын анықтауда мәтінтанулық, деректанулық және салыстырмалы-тарихи талдау әдістері қолданылды. *Нәтижелер.* Талдау мәтіндегі діни терминологияның арабша ұғымдарды механикалық аудару арқылы емес, ортақ түркілік жазба дәстүр мен жергілікті уақыт межелеу атауларын ұштастыру арқылы түсіндірілгенін көрсетті. «Нану» мен «істеу» жіктеуінің мақасид аш-шариға теориясымен байланысы мәтіндік тәуелділік ретінде емес, салыстырмалы-герменевтикалық интерпретация ретінде шектелді. Намаз уақыттарына қатысты терминдердің тарихи формалары мен семантикалық қызметі жүйеленіп, салыстырмалы кестеде берілді. *Қорытынды.* «Мұхтасар илм-и хал» XX ғасыр басындағы қазақ діни-ағартушылық ортасында исламдық ұғымдардың түркілік жазба дәстүр және жергілікті тілдік таным арқылы игерілуін көрсететін маңызды баспа дереккөз болып табылады. Зерттеу шағатайлық, татарлық және қазақтық тілдік қабаттардың өзара ықпалын нақты терминологиялық материал негізінде айқындайды.

Түйін сөздер: діни терминология, қазақ ағартушылары, Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің, ʿИлм-и Ḥал, иман, шариғат, исламдық білім.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің қолдауымен «Қазақстанның қолжазба мұрасы: реестрлеу, реставрациялау, ғылыми каталогтау, цифрландыру және кешенді кодикологиялық зерттеу» тақырыбындағы бағдарламалық-мақсатты қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (ЖТН BR28712621).

Дәйексөз үшін: Қасымқан Қ., Қайрат Қ., Нұржанбек Н. Қазақ ағартушыларының еңбектеріндегі шағатай тіліндегі діни терминдер (Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің «Мұхтасар илм-и хал» еңбегі негізінде) // Отан тарихы. 2026.Т. 29. № 3. 1143–1155-бб. [Қазақша]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1143-1155

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТЕРМИНЫ ЧАГАТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ В КАЗАХСКОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА ОСНОВЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАКАРИИ БИН ЕРГАЛИ АЛЬ-АХМАДИ АЛЬ-БУКЕИ «МУХТАСАР ʿИЛМ-И ḤАЛ»)

Курманбек Касымхан[1], Қайполла Қайрат[2], Нұржанбек Нұрсана[3]*

[1] Исламский научно-исследовательский институт Духовного управления мусульман Казахстана
(ул. Пушкина, 16/1, 050016 Алматы, Республика Казахстан)
научный сотрудник
https://orcid.org/0009-0008-0072-1832 E-mail: qqasymhan@gmail.com

[2] Казахский национальный университет имени аль-Фараби, факультет востоковедения
(пр. аль-Фараби, 71, 050040 Алматы, Республика Казахстан),
PhD докторант
Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави,
Евразийский научно-исследовательский институт
(ул. Маметовой, 48, 050004 Алматы, Республика Казахстан)
научный сотрудник
https://orcid.org/0009-0003-4638-7677 E-mail: qayrekeqay@gmail.com, k.kaipolla@ayu.edu.kz
* Автор-корреспондент

[3] РГП «Ғылым ордасы» Комитета науки Министерства науки и высшего образования РК
(ул. Шевченко, 28, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
научный сотрудник.
https://orcid.org/0009-0000-2777-6616 E-mail: nurjanbek.nursana@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Қасымқан Қ., Қайполла Қ., Нұржанбек Н., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье с текстологической, источниковедческой и историко-лингвистической точек зрения рассматривается религиозно-просветительский труд Закирии бин Ибрагима «Мухтасар ʿИлм-и Ḥал», изданный в Казани в 1911 г. для казахской мусульманской аудитории. Язык произведения определяется не как строгая норма классического чагатайского языка, а как общетюркская письменная традиция на чагатайской основе, включающая элементы татарского печатного языка и местной казахской лексики. Анализируются понятия дин, миллет, шариат, и‘тикад, мазхаб, а также тюркские названия времени молитв: ایرته (irte), اویله (öylä), ایکندی (ikindi), آقشام (aqšam), یاستو (yastu / jası)/جاصی. *Цель и задачи*. Цель работы – выявить структурно-семантические особенности религиозной терминологии «Мухтасар ʿИлм-и Ḥал» и показать механизмы ее адаптации к языковому сознанию казахской мусульманской аудитории. Оригинальные формы терминов унифицируются, транслитерируются и сопоставляются с современными казахскими эквивалентами; классические исламские понятия сравниваются с определениями ал-Джурджани, ат-Тафтазани и ал-Газали, а тюркские названия времени – с материалами Махмуда Кашгари, Клаусона и А. Зенгин. *Материалы и методы.* Основным источником исследования послужил оригинальный текст труда Закирии бин Ергали аль-Ахмади аль-Букейи «Мухтасар ʿИлм-и Ḥал», изданного в Казани в 1911 году. Для выявления семантических особенностей и исторической преемственности религиозных терминов применялись текстологический, источниковедческий и сравнительно-исторический методы анализа. *Результаты.* Установлено, что терминологическая система произведения формировалась не посредством механического перевода арабской лексики, а через сочетание общетюркской письменной традиции и понятных местной аудитории названий времени. Связь категорий «верить» и «делать» с теорией макасид аш-шари‘а рассматривается исключительно как сравнительно-герменевтическая интерпретация, а не как доказательство прямой текстовой зависимости. Исторические формы, современные эквиваленты и семантические функции основных терминов систематизированы в сравнительной таблице. *Выводы.* «Мухтасар ʿИлм-и Ḥал» является важным печатным источником для изучения передачи исламских понятий посредством тюркской письменной традиции и местного языкового сознания в казахской религиозно-просветительской среде начала XX века. Исследование на конкретном терминологическом материале выявляет взаимодействие чагатайского, татарского и казахского языковых слоев.

Ключевые слова: религиозная терминология, казахские просветители, Закирия бин Ибрахим, «Мухтасар ʿИлм-и Ḥал», иман, шариат, исламское образование.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации проекта программно-целевого финансирования при поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Рукописное наследие Казахстана: регистрация, реставрация, научная каталогизация, оцифровка и комплексное кодикологическое исследование» (ИРН BR28712621).

Для цитирования: Касымхан К., Кайрат К., Нұржанбек Н., Религиозные термины чагатайской письменной традиции в трудах казахских просветителей (на основе произведения Закарии бин Ергали аль-Ахмади аль-Букеи «Мухтасар ʿИлм-и Ḥал») // Отан тарихы. Т. 29. № 3. С. 1143–1155. [на казахском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1143-1155

RELIGIOUS TERMS OF THE CHAGATAI WRITTEN TRADITION IN KAZAKH ENLIGHTENMENT LITERATURE (BASED ON ZAKARIYĀ BIN ERGHĀLĪ AL-AḤMADĪ AL-BŪKAYĪ'S "MUKHTAṢAR ʿILM-I ḤĀL")

Kurmanbek Kasymkhan[1], Kairat Kaipolla[2], Nursana Nurzhanbek[3]*

[1]Islamic Research Institute of the Spiritual Administration of Muslims of Kazakhstan
(16/1 Pushkin St., 050016 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Researcher
https://orcid.org/0009-0008-0072-1832 E-mail: qqasymhan@gmail.com

[2]Al-Farabi Kazakh National University, Faculty of Oriental Studies
(71 Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD student Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University, Eurasian Research Institute
(48 Mametova St., 050004 Almaty, Republic of Kazakhstan)

Researcher
https://orcid.org/0009-0003-4638-7677 E-mail: qayrekeqay@gmail.com ,k.kaipolla@ayu.edu.kz
* Corresponding author

[3]RSE "Gylym Ordasy", Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the RK
(28 Shevchenko St., Almaty 050010, Republic of Kazakhstan)
Researcher
https://orcid.org/0009-0000-2777-6616 E-mail: nurjanbek.nursana@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026
© Kasymkhan K., Kaipolla K., Nurzhanbek N., 2026

Abstract. *Introduction.* This article examines Zakariya bin Ibrahim's Mukhtaṣar ʿIlm-i Ḥāl, a religious-educational work printed in Kazan in 1911 for a Kazakh Muslim readership, from textual, source-critical, and historical-linguistic perspectives. Rather than treating its language as a strict continuation of classical Chagatai, the study describes it as a common Turkic written idiom based on the Chagatai written tradition and containing features of Tatar print language and local Kazakh vocabulary. The analysis focuses on the concepts dīn, millat, sharīʿa, iʿtiqād, and madhhab, as well as the Turkic names of prayer times ایرته (irte), اویله (öylä), ایکندی (ikindi), آقشام (aqšam), and یاستو / جاصی (yastu / jası). *Aim and objectives.* The study aims to identify the structural and semantic features of the religious terminology of Mukhtaṣar ʿIlm-i Ḥāl and to explain how it was adapted for Kazakh Muslim readers. Original Arabic-script forms are standardized, transliterated, and compared with modern Kazakh equivalents; classical Islamic concepts are discussed comparatively with definitions in al-Jurjānī, al-Taftāzānī, and al-Ghazālī, while Turkic time terms are compared with evidence from Maḥmūd al-Kāshgharī, Clauson, and Aslı Zengin. *Materials and methods.* The primary source of the study was the original text of Zakariyā bin Erghālī al-Aḥmadī al-Būkayī's *Mukhtaṣar ʿIlm-i Ḥāl*, published in Kazan in 1911. Textual, source-critical, and comparative-historical methods were applied to identify the semantic features and historical continuity of the religious terminology. *Results.* The analysis shows that the work does not simply translate Arabic religious vocabulary mechanically; rather, it combines the common Turkic written tradition with familiar local concepts of time. The relationship between the categories "to believe" and "to do" and maqāṣid al-sharīʿa is explicitly treated as a comparative-hermeneutic interpretation rather than evidence of direct textual dependence. The historical forms, modern equivalents, and semantic functions of the principal terms are systematized in a comparative table. *Conclusion.* Mukhtaṣar ʿIlm-i Ḥāl is an important printed source for understanding how Islamic concepts were transmitted through the Turkic written tradition and local linguistic consciousness in early twentieth-century Kazakh religious education. The study demonstrates the interaction of Chagatai, Tatar, and Kazakh linguistic layers through concrete terminological evidence.

Keywords: religious terminology, Kazakh Enlightenment thinkers, Zakariyā bin Erghālī al-Aḥmadī al-Būkayī's, ʿIlm-i Ḥāl, faith (īmān), sharīʿa, Islamic education.
Acknowledgements: This article was prepared within the framework of the program-targeted funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, entitled "The Manuscript Heritage of Kazakhstan: Registration, Restoration, Scientific Cataloguing, Digitization, and Comprehensive Codicological Research" (IRN BR28712621).
For citation: Kasymkhan K., Kaipolla K., Nurzhanbek N. Analysis of Religious Terminology in the Works of Kazakh Enlightenment Thinkers (Based on Zakariyā bin Erghālī al-Aḥmadī al-Būkayī's "Mukhtaṣar ʿIlm-i Ḥāl") // Otan tarihy. Vol. 29. No. 3. Pp. 1143–1155. [in Kazakh]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1143-1155

Кіріспе. XX ғасырдың басында қазақ қоғамында діни-ағартушылық әдебиет маңызды рөл атқарды. Сол дәуірде қазақ мұсылман қоғамының рухани дамуы мен білімін жетілдіруге арналған түрлі еңбектер жарық көрді. Осындай еңбектердің ішінде Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің 1911 жылы Қазанда басылған «Мұхтасар илм-и хал» шығармасы ерекше мәнге ие. Бұл еңбек қазақ оқырманына арналған діни-ағартушылық бағыттағы маңызды дерек көзі болып, сол кездегі діни білім мен ағартушылық тәжірибені көрсетеді.

Бұл мақалада «шағатай тілі» атауы классикалық XV–XVI ғасырлардағы әдеби шағатай тілінің қатаң нормасын білдіретін тар мағынада емес, Қазан баспа ортасында XX ғасырдың басына дейін

жалғасқан ортақ түркілік жазба дәстүрді сипаттайтын шартты тарихи-лингвистикалық атау ретінде қолданылады. Зерттеліп отырған мәтінде шағатай жазба дәстүріне тән морфологиялық және лексикалық белгілермен қатар татар жазба тілі мен қазақтың жергілікті лексикалық қабаты қатар ұшырасады. Сондықтан «Мұхтасар илм-и хал» тілін шағатайлық негізі бар, қазақ-татар элементтері араласқан түркі жазба тілі ретінде сипаттау ғылыми тұрғыдан неғұрлым дәл. Осы мақаладағы «шағатай тіліндегі терминдер» тіркесі осы кең тарихи жазба дәстүр мағынасында қолданылады.

«Мұхтасар илм-и хал» еңбегіндегі діни терминология қазақ қоғамында діни-танымдық қызмет атқарған, негізгі ұғымдардың – иман, ислам, шариғат, парыз, уәжіп, сүннет, ораза, намаз сияқты терминдердің мәнін ашуға мүмкіндік береді. Бұл жұмыс тек сөздік сипаттағы талдау емес, ол қазақ ағартушыларының діни ойлау жүйесін, терминдердің қолданылу аясын және олардың халық арасындағы түсінікті қалыптастырудағы рөлін көрсетуге бағытталған.

Зерттеу барысында мәтіннің құрылымдық, тілдік және семантикалық ерекшеліктері қарастырылады, сондай-ақ қазақ ағартушыларының діни білім беру тәжірибесі мен тарихи контексті ескеріледі. Осы тұрғыдан алғанда, зерттеу қазақ мұсылман қоғамының діни сана мен білімін қалыптастыруда шағатай тіліндегі діни терминологияның ықпалын анықтауға мүмкіндік береді.

Сонымен қатар, еңбекті жүйелі талдау қазақ ағартушылық дәстүр мен исламдық білім беру арасындағы сабақтастықты айқындауға мүмкіндік береді. Шағатай тіліндегі терминдер мен олардың қазақ тіліндегі аудармасы арқылы сол дәуірдің діни түсінігі мен ағартушылық әдістері көрінеді. Бұл тәсіл діни-ағартушылық әдебиетті тарихи, деректанулық және тілдік аспектілер бойынша жан-жақты зерттеуге мүмкіндік береді.

Ақырында, зерттеу қазақ діни-ағартушылық әдебиетінің маңызын айқындаумен қатар, ұлттық діни сана мен мәдени мұраның тарихи негіздерін түсінуге де септігін тигізеді. Мұндай талдау қазақ қоғамында исламдық білімнің қалыптасуы, діни терминологияның ғылыми тұрғыдан зерттелуі және мәдени мұра ретінде сақталуының мәнін көрсетеді.

Материалдар мен әдістер. Зерттеудің негізгі дереккөзі ретінде Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің 1911 жылы Қазанда жарық көрген «Мұхтасар илм-и хал» еңбегі алынды. Еңбек XX ғасыр басындағы қазақ мұсылман қоғамында қолданылған діни терминдер мен ұғымдарды қамтитын маңызды жазба дерек болып табылады. Зерттеу барысында басылымның түпнұсқа мәтіні негізге алынып, ондағы діни терминдердің мағынасы, мәтіндік қолданысы және қазақ тіліндегі баламалары қарастырылды. Негізгі зерттеу нысаны ретінде иман, ислам, шариғат, парыз, уәжіп, сүннет, ораза, намаз және басқа да діни ұғымдар алынды.

Зерттеу мәтінтанулық, деректанулық және салыстырмалы-тарихи талдау әдістеріне негізделді. Мәтінтанулық талдау арқылы еңбектегі діни терминдер анықталып, олардың семантикалық ерекшеліктері мен контекстік қолданысы сараланды. Шағатай жазба дәстүріндегі терминдердің қазіргі қазақ тіліндегі баламалары анықталып, олардың мағыналық сабақтастығы қарастырылды.

Салыстырмалы талдау барысында «Мұхтасар илм-и хал» мәтініндегі діни ұғымдар қазақ ағартушыларының еңбектерінде кездесетін терминдермен салыстырылып, олардың ортақ және ерекшеленетін белгілері айқындалды. Бұл әдіс діни терминологияның тарихи қалыптасуы мен қазақ мұсылмандық жазба дәстүріндегі даму ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік берді.

Деректанулық талдау еңбектің тарихи және діни мазмұнын, терминдердің сол кезеңдегі қазақ қоғамындағы қолданысын және діни-ағартушылық қызметін анықтауға бағытталды. Сонымен қатар терминдердің мәтіндегі қолданыс жиілігі мен қызметі сандық және сапалық тұрғыдан қарастырылды. Осы әдістердің кешенді қолданылуы «Мұхтасар илм-и хал» еңбегінің XX ғасыр басындағы қазақ діни-ағартушылық ойы мен діни терминологиясын зерттеудегі деректік маңызын айқындауға мүмкіндік береді.

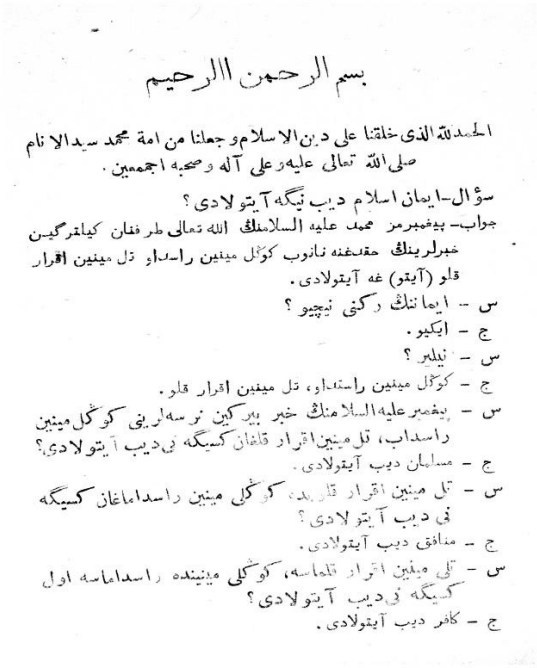
Талқылау. Зерттеліп отырған мәтіннің тілдік табиғатын анықтауда оны бір ғана ұлттық әдеби тілдің шеңберіне енгізу жеткіліксіз. XX ғасыр басындағы Қазан басылымдары ортақ түркілік жазба дәстүр, татар баспа тілі және қазақтың жергілікті лексикалық қолданыстары тоғысқан кеңістікте қалыптасты. «Мұхтасар илм-и хал» мәтініндегі араб-парсы діни терминдерімен қатар ирте, өйлә, екінді, ақшам, ясту тәрізді түркілік уақыт атауларының қолданылуы осы аралас сипатты көрсетеді. Сондықтан мақалада «шағатай» атауы тарихи жазба дәстүрді білдіретін кең мағынада қолданылып, нақты тілдік материал шағатайлық, татарлық және қазақтық қабаттардың өзара ықпалы тұрғысынан талданады. Бұл ұстаным терминдердің этимологиясын ғана емес, олардың қазақ мұсылман қауымына бейімделу қызметін да ажыратуға мүмкіндік береді.

Нәтижелер. XX ғасырдың басы қазақ қоғамы үшін діни-ағартушылық ойдың жаңа кезеңге аяқ басқан дәуірі болды. Осы кезеңде Қазан, Орынбор, Уфа баспаларында жарық көрген илм-и хәл түріндегі оқулықтар қазақ мұсылмандарының діни сауатын арттыруда маңызды рөл атқарды. Солардың қатарында 1911 жылы Қазан қаласында басылып шыққан Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің «Мұхтасар илм-и хал» атты еңбегі ерекше мәнге ие. Бұл еңбек – ханафи мәзһабы мен әһлү сүннет уәл-жамағат сенімін негіз ете отырып, қарапайым халыққа иман мен ғибадат ілімін түсінікті тілмен жеткізуді мақсат еткен діни-ағартушылық туынды.

Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің 1911 жылы Қазан қаласында жарық көрген «Мұхтасар илм-и хал» еңбегі құрылымдық жағынан сұрақ-жауап (катехизистік) әдіспен жазылған. Бұл әдіс сол кезеңдегі медреселік оқыту дәстүріне тән болып, діни білімді қарапайым халыққа, әсіресе жас шәкірттерге жүйелі әрі түсінікті түрде қазақи стилде жеткізуді мақсат еткен.

Еңбекте қолданылған сұрақ-жауап формасы діни терминдерді жаттап қана қоюға емес, олардың мағынасын саналы түрде ұғынуға бағытталған. Мәселен, кітаптың алғашқы бөлімінде **дін (دين)**, **миллет (ملت)** және **шариғат (شريعة)** атауларын тілдік тұрғыда қысқа, бірақ мазмұны терең, классикалық ислам ғылымына сай анықтамалармен берілген. Бұл анықтамалар исламдық дүниетанымдағы сенім мен амалдың арақатынасын нақты ажыратуға мүмкіндік береді.

Сұрау және жауап түрінде берілген Дін және миллет ұғымдары (دين و ملت) деген тақырыппен беріліп, шығарма мәтінінде бұл ұғым былай анықталады:



بسم الرحمن الرحيم

الحمد لله الذى خلقنا على دين الاسلام و جعلنا من امة محمد سيد الانام
صلى الله تعالى عليه و على آله و صحبه اجمعين .

سؤال-ايمان اسلام ديب نيگه آيتو لادى ؟
جواب- پيغمبرمز محمد عليه السلام نك الله تعالى طرفدان كيلتركان
خبرلرينك حقدغنه نانوب كوڭل مينين راسداو تل مينين اقرار
قلو (آيتو) غه آيتولادى .
س - ايمانك ركنى نيچيو ؟
ج - ايكيو .
س - نيلر ؟
ج - كوڭل مينين راستداو ، تل مينين اقرار قلو .
س - پيغمبر عليه السلام نك خبر بيركين نرسه لرينى كوڭل مينين
راسداب ، تل مينين اقرار قلغان كسيگه نى ديب آيتولادى ؟
ج - مسلمان ديب آيتولادى .
س - تل مينين اقرار قلمايده كوڭلى مينين راسداماغان كسيگه
نى ديب آيتولادى ؟
ج - منافق ديب آيتولادى .
س - تلى مينين اقرار قلماسه ، كوڭلى مينينده راسداماسه اول
كسيگه نى ديب آيتولادى ؟
ج - كافر ديب آيتولادى .

Сурет 1. «№1401 қорап », 3-бет

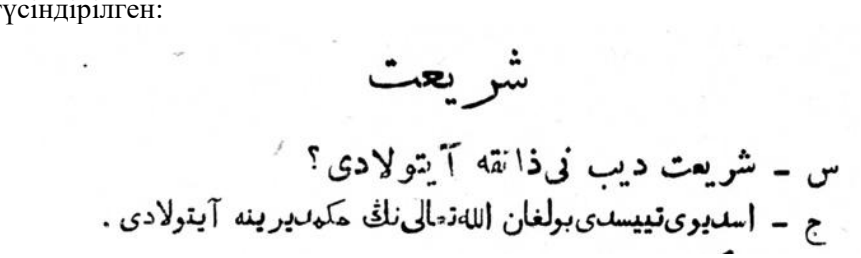
Бұл жердегі мәтіндегі «نانوى تييسدى» («нану тийиси») тіркесі дін мен миллет ұғымдарының назарий (теориялық) деңгейде, яғни сенімге қатысты үкімдерді білдіретінін көрсетеді. Ал шариғат ұғымы амалий деңгейде іске асатын, іс-әрекет жүйесін қамтиды. Демек, бұл тіркес ақыл таразысынан өткен танымдық, сенімдік, ақидаға қонымды деңгей мағынасын білдіреді. Ал қазіргі тілмен анықтама берер болсақ: Дін және миллет ұғымдарының арақатынасын классикалық ислам терминологиясы аясында қарастырғанда, әл-Журжанидің *Kitāb al-Taʿrīfāt* («Анықтамалар кітабы») еңбегіндегі тұжырым ерекше назар аудартады. Ол дінді: «الدين وضع إلهي يدعو أصحاب العقول إلى قبول ما هو عند الرسول», яғни Әл-Журжани дінді «ақыл иелерін Пайғамбар жеткізген ақиқатты қабылдауға шақыратын иләһи жүйе» деп анықтайды [al-Jurjānī, 1938: 294]. Сонымен бірге әл-Журжани дін, миллет және мәзһабтың мәндік негізі ортақ болғанымен, олардың атаулары қолданылу қырына қарай ерекшеленетінін көрсетеді: шариғат бағыну тұрғысынан *дін*, адамдарды біріктіру тұрғысынан *миллет*, ал оған жүгіну тұрғысынан *мәзһаб* деп аталады [al-Jurjānī, 1938: 294]. Әл-Журжанидің бұл анықтамасы сіз талдап отырған «Мұхтасар илм-и хал» мәтініндегі дін – миллет – шариғат – мәзһаб ұғымдарының өзара мағыналық байланысын түсіндіруге теориялық негіз береді.

Саʿд әд-Дин ат-Тафтазани *Sharḥ al-ʿAqāʾid al-Nasafiyya* еңбегінде ислам сенімінің негізгі мәселелерін жүйелі кәламдық тұрғыдан талдайды. Осы еңбектің мазмұндық жүйесі сенімге қатысты мәселелердің исламдық білім құрылымындағы негізгі орнын көрсетеді. Сондықтан «Мұхтасар илм-и хал» мәтініндегі діннің сенімдік мазмұнын ақидамен байланыстыруды матуриди-ханафи ғылыми дәстүрімен сабақтастықта қарастыруға болады [al-Taftāzānī, 2017: 55]. Бұл сабақтастық Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің ат-Тафтазани еңбегіне тікелей сүйенгенін білдірмейді; ол зерттеу аясында жүргізілген салыстырмалы-теологиялық талдау нәтижесінде анықталған мазмұндық параллель ретінде қарастырылады.

Ал миллет ұғымы Құранда көбіне *«милләт Ибраһим»* (Ибраһимнің жолы) тіркесі арқылы ортақ сенім жүйесін ұстанушылардың қауымдық бірлігін білдіреді. Қазақ даласында бұл термин XX ғасырға дейін діни қауым, үмбет мағынасында қолданылған.

Демек, дәстүрлі таным аясында дін ұғымы иләһи негізге сүйенген, теориялық-назариялық жүйені білдірсе, миллет ұғымы сол діни дүниетанымға табан тіреген қауымдық-әлеуметтік құрылымды, рухани тұтастықты қамтамасыз ететін берік қоғамдық негізді сипаттайтын терминологиялық жұп ретінде қалыптасқанын осы шығарманың стилінен көруге болады.

Сонымен қатар сұрақ-жауап үлгісінде берілген шариғат (شريعة) ұғымы шығарма мәтінінде мынадай түрде түсіндірілген:


شريعت

س - شريعت ديب نى ذاتقه آيتولادى؟

ج - اسديوى تييسدى بولغان الله تعالى نك حكمدرينه آيتولادى .

Сурет 2. «№1401 қорап », 3- бет

Қазақ тілінде бұл тұжырым:

Сұрақ: Шариғат деп не затқа айтылады?

Жауап: Істеу тиісті болған Алла Тағаланың үкімдеріне айтылады, – деп берілген.

Яғни, мұндағы «اسديو تييسدى» (*«icmeyi muic»*) тіркесі шариғаттың теориялық-назариялық жүйе аясында бекітілгенін, әрі оның қауымдық-әлеуметтік іс-әрекеттерге тікелей бағытталғанын білдіреді. Бұл ұғым адам баласының амалдарына, тәжірибесіне және күнделікті өміріне қатысты орындауға міндетті деп танылған Алла Тағаланың үкімдер жүйесін сипаттайды.

Осы анықтама шариғатты діни-құқықтық норма ретінде айқындап, оның жеке тұлғаның іс-әрекеті мен қоғамдық өмірді реттеудегі міндеттеуші, нормативтік сипатын қарапайым әрі ұғынықты тілмен жеткізеді.

Шариғат ұғымы шығармада сенімнің практикалық жүзеге асуымен байланыстырылады. Автор оны «істеу тиісті» деген тіркес арқылы сипаттап, адамның орындауға тиіс діни міндеттерінің жиынтығы ретінде түсіндіреді. Мұндай жіктеу ислам құқық теориясындағы адамның іс-әрекетіне қатысты шариғи үкімдерді зерттеу дәстүрімен мазмұндық сабақтастық танытады. Әл-Ғазалидің *al-Mustaṣfā min ʿIlm al-Uṣūl* еңбегінде шариғи үкім адамның іс-әрекетімен байланыста қарастырылып, «үкім – шариғат үндеуінің міндетті тұлғалардың іс-әрекеттеріне қатысты болуы» (*al-ḥukm ʿindanā ʿibāratun ʿan khiṭāb al-sharʿ idhā taʿallaqa bi-afʿāl al-mukallafīn*) деп анықталады [al-Ghazālī, 1993: 45]. Осы тұрғыдан алғанда, «Мұхтасар илм-и хал» еңбегіндегі шариғат анықтамасы классикалық ханафи–матуриди дәстүрге мазмұндық тұрғыдан сабақтас болып, дін (дин), миллет және шариғат ұғымдары исламдық ілім жүйесі тұрғысынан өзара өзектес, бірақ қызметтік тұрғыдан сараланған базалық категориялары ретінде ұсынылады. Автор бұл ұғымдарды өзара алмастырылатын түсініктер ретінде емес, ислам ойындағы сенім (اعتقاد) мен (عمل) категорияларының арақатынасын айқындау үшін методологиялық тұрғыдан жүйелі түрде қолданады.

Еңбектегі мәтіндік деректерге сүйенсек, «дин» және «миллет» ұғымдарының семантикалық аясы ең алдымен ақидамен тікелей байланыста екенін көруге болады. Сондай-ақ классикалық калам әдебиетінде дін көбіне адамның жүрегімен қабылдап, ақылымен тиянақтайтын иләһи ақиқаттар жүйесі ретінде айқындалтындығын еске алсақ бұл шығармада автор дінді ақида ғылымының негізгі зерттеу объектісі ретінде көрсетеді. Ал миллет сол ақидалық сенімнің әлеуметтік және тарихи қауымдастықпен байланысқан формасы ретінде көрсете білген. Бұл ұстаным әл-Журжани, ат-

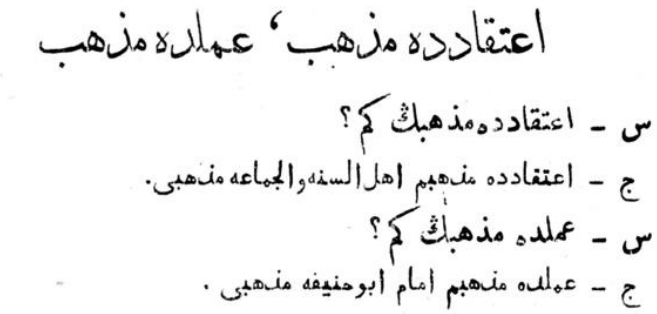
Тафтазани және әл-Ғазали сынды классикалық ғалымдардың анықтамаларымен мен Абай, Мәшһүр Жүсіп Көпейұлы сынды ойшылдардың руханиятымен толық үйлеседі. Ал шариғат ұғымын шығармада сенімнің практикалық өлшемі ретінде ерекшеленіп «істеу тиісті» (اسدو تییسدی) деген тіркес арқылы сипаттай отырып, оны орындауға міндеттелген діни-құқықтық үкімдер жүйесі ретінде түсіндіреді. Бұл анықтама шариғаттың тек теориялық қағидалар жиынтығы емес, нақты амалдар мен әрекеттерге бағытталған рухани жүйе екенін көрсетеді.

Осылайша, «Мұхтасар илм-и хал» еңбегінде ұсынылған дін–миллет және шариғат арасындағы ұғымдық жіктеу әһлі сүннет уәл-жамағадағы иман – ислам дихотомиясының нақты көрінісі ретінде бағаланады. Мұнда иман, дін және миллет категориялары арқылы сенімдік негізді қалыптастырса, шариғат арқылы сол сенімнің амалдық өрісін реттейді. Бұл үлгі сенім мен амалды бір-бірінен ажыратпай, біртұтас жүйе ретінде ұсынуымен ерекшеленеді.

Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің «Мұхтасар илм-и хал» еңбегінде қолданылған «нану тийиси» (نانوی تییسدی) және «істеу тиісті» (اسدو تییسدی) тіркестері сенімдік және амалдық өлшемдерді өзара сабақтастықта ұғындыруға мүмкіндік береді. Бұл жіктеуді мақасид аш-шариға теориясымен тікелей тарихи ықпал немесе автордың саналы түрде қолданған теориясы ретінде көрсетуге мәтіннің өзінде жеткілікті дәлел жоқ. Дегенмен салыстырмалы-герменевтикалық тұрғыдан «нану» мен «істеу» категорияларының арақатынасын шариғаттың сенім мен амалды үйлестіретін мақсаттық құрылымымен мазмұндық сабақтастықта қарастыруға болады. Сондықтан мақасидпен байланыс осы зерттеудегі авторлық салыстырмалы интерпретация ретінде ұсынылады.

Осы салыстырмалы интерпретация шеңберінде «нану» категориясын дінді сақтау (ḥifẓ al-dīn) және сенімдік тұтастықпен, ал «істеу» категориясын адамның амалдық өмірін реттейтін шариғи нормалармен байланыстыра талдауға болады. Мұндай салыстыру «Мұхтасар илм-и хал» мәтінінің өзіндік терминологиялық құрылымын кейін қалыптасқан теориялық үлгіге телу емес, сенім мен амалдың функционалдық арақатынасын түсіндіруге арналған аналитикалық тәсіл болып табылады.

Дін, миллет және шариғат ұғымдарынан кейін автор (**اعتقاددە مذهب، عملدە مذهب**) Сенімде (ақидада) мәзһаб, амал-тәжірибеде мәзһаб деген тақырыппен шығарма мәтінін былай анықтайды:


اعتقاددە مذهب، عملدە مذهب

س - اعتقاددە مذهبك كم؟

ج - اعتقاددە مذهبم اهل السنه والجماعه مذهبى.

س - عملدە مذهبك كم؟

ج - عملدە مذهبم امام ابوحنيفه مذهبى.

Сурет 3. «№1401 қорап », 3-бет

Сұрақ: Иғтиқадде (Сенімде) мәзһабың кім?

Жауап: Иғтиқадде (Сенімде) мәзһабым – Әһлі сүннет уәл-жамағат мәзһабы. Яғни, сенім мен амал арасындағы шариғат үкімдері мен діни нормалардың түпкі мақсатын толық түсіндіргеннен кейін, сол мақсатқа жетуде ұстану міндетті болған «اعتقاددە مذهب» қағидасы сенім саласында ұстанылатын мәзһабты айқындап береді. Бұл ұғым мәтінде Әһлі сүннет уәл-жамағат негізінде анықталады. Аталған тұжырым исламдық калам дәстүрінде сенімнің теориялық-назариялық жүйеге жататынын көрсетеді.

Сондай-ақ автордың «нану тийиси» (*نانوی تییسدی*) тіркесіне мағыналық тұрғыдан сабақтас келетін «اعتقاددە مذهب» ұғымы адамның сенім жүйесінде сеніп қана қоймай, қалай және қандай жолмен сенуі керектігін анықтайтын нұсқаулық қызметін атқарады. Бұл қағида адамның жүрегі мен ақылы арқылы қалыптасқан нұрлы сенім жүйесінің белгілі бір әдіснамалық бағдармен дамуын көздейді. Яғни сенім – ішкі дүниелік қабылдау, иләһи ақиқаттарды растау және дүниетанымдық бағдар қалыптастыру үдерісі ретінде көлденең көк аттыға еру емес, нақты діни-ғылыми дәстүр мен танымдық жол болып қалыптасқан Әһлі сүннет уәл-жамағат аясында жүзеге асатынын аңғартады.

Әһлі сүннет уәл-жамағат аясындағы бұл сенімдік жүйе матуриди кәлам дәстүрімен сабақтас. Матуриди ақидасында ақыл мен нақылды үйлесімді қолдану, сенімді дәлелдік тұрғыдан негіздеу

маңызды орын алады. Осы тұрғыдан алғанда, «اعتقاددە مذهب» ұғымы жай конфессиялық таңдау ғана емес, адамның сенімдік бағдарын айқындайтын теориялық ұстаным ретінде ұсынылады.

Демек, «Мұхтасар илм-и хал» мәтінінде ақида саласында әһлі сүннет уәл-жамағат (матуриди) сенім жүйесін ұстану – дін мен миллет ұғымдарының сенімдік мазмұнын айқындап, кейінгі амалдық-құқықтық жүйе болып табылатын шариғаттың дұрыс түсінілуіне методологиялық негіз қалайды. Бұл тәсіл сенім мен амалды бір-бірінен ажыратпай, бірақ әрқайсысын өз ғылыми саласына сай жүйелейтін классикалық ханафи–матуриди дүниетанымының айқын көрінісі болып табылады.

Ғибадатқа және намаз уақыттарына қатысты терминдер

«Мұхтасар илм-и хал» еңбегінде ғибадатқа қатысты терминдер жүйесі сұрақ-жауап үлгісінде, жергілікті халықтың тілдік санасына бейімделе отырып берілген. Соның ішінде намазға қатысты бөлімде бес уақыт намаздың атаулары былайша көрсетіледі:

صلوة - نماز

س - بر کونده نیچه نماز فرض ؟
ج - بر کونده بیس وقت نماز اوقو فرض .
س - نمازدك فرضدغنه دلیل نی ؟
ج - «اقیموا الصلوة» دیگین آیت
س - بیس وقت نمازدك آتداری نی ؟

Сурет 4. «№1401 қорап », 15-бет

ج - ایرته نمازی، اویله (بیسن) نمازی ، ایکندی نمازی آقشام نمازی، یاستو (جاصی) نمازی.

Сурет 5. «№1401 қорап », 3-бет

Бұл атаулар тек тұрмыстық қолданыс емес, мазмұндық тұрғыдан классикалық арабша фикh терминдерінің мағыналық баламасы болып табылады. Оларды жеке-жеке талдау қазақ даласындағы ислам терминологиясының қалыптасу тетігін айқын көрсетеді.

Демек, намазға қатысты бөлімде бес уақыт намаздың атаулары ایرته «ирте», اویله «өйлә», ایکندی «екінді», آقشام «ақшам», جاصی/ یاستو «ясту / жасы» тұлғаларымен беріліп, сол кезеңдегі жергілікті халықтың түсінігіне жақын, күнделікті қолданыста орныққан нұсқалар ретінде ұсынылған. Терминологиялық тұрғыдан араб тіліндегі түпнұсқа атаулар қолданылмағанымен, олардың уақыттық және шариғи мазмұны сақталған. «نمازی ایرته» (irte namāzı) тіркесіндегі ایرته (irte) сөзі «таңертең», «таң алдындағы мезгіл» мағынасын білдіреді. Бұл лексема түркі тілдерінің тарихи лексикалық қорында ертеден қолданылған мезгіл атауларының бірі. Клаусон erte сөзінің бастапқы мағынасын «ерте таң» (the early morning) деп көрсетіп, оның кейінгі кезеңдерде «ертең» және «бұрын, ертеректе» тәрізді мағыналарда да жұмсалғанын атап өтеді [Clauson, 1972: 202–203]. «Мұхтасар илм-и хал» мәтініндегі ایرته формасы осы тарихи-семантикалық негізбен сабақтасып, таңғы мезгілді, нақты контексте таң намазының уақытын білдіреді.

اویله (öylä / öyle) атауы түркі тілдерінің тарихи лексикалық қабатында күннің орта тұсын білдіретін мезгіл атауларымен сабақтас. Махмұт Қашқаридың Dīwān Lughāt al-Turk еңбегінде أُيْلا (öyle) сөзі اَلظُّهْرُ بِالْغُزِّيَّةِ деп түсіндіріліп, оғыз тілінде «түскі уақыт, күн ортасы» мағынасында қолданылғаны көрсетіледі [Kaşgarlı Mahmud, 1985: I, 113]. А. Зенгин Қарахан дәуірі мәтіндеріндегі уақыт атауларын салыстырмалы тұрғыдан қарастыра отырып, Dīwān Lughāt al-Turk-тегі öyle тұлғасының «оғыз тіліндегі түскі мезгіл (öğle vakti)» мағынасын білдіретінін атап көрсетеді; сонымен қатар Қашқари шығыл тілінде осы ұғымның kün ortu тұлғасымен берілгенін көрсеткенін айтады [Zengin, 2022: 1250; Ercilasun, Akkoyunlu, 2018: 55, 62]. Зенгин келтірген деректер бойынша, kün ortu тіркесі Irk Bitig және Türkische Turfan Texte VII тәрізді көне түркі жазба ескерткіштерінде де «түскі мезгіл» мағынасында жұмсалған [Zengin, 2022: 1250–1251; Clauson, 1972: 204]. Осы тарихи деректер кейінгі түркі тілдеріндегі öylä, öyle, öğle тұлғаларының көне түркілік уақыт атаулары жүйесімен сабақтастығын көрсетеді.

Осы тұрғыдан «Мұхтасар илм-и хал» мәтініндегі اویله (*öylä*) формасын кездейсоқ жергілікті қолданыс емес, түркі жазба дәстүрінде ертеден орныққан күн ортасы атауының кейінгі тарихи жалғасы ретінде қарастыруға болады. Зерттеліп отырған мәтінде бұл лексема жалпы мезгіл атауынан діни-терминологиялық қызметке ауысып, نمازی (بیسن) اویله (*öylä [besin] namāzı*) тіркесінде бесін намазының уақытын білдіреді. Оның уақыттық мазмұны күннің меридианнан ауып, зәуалдан кейінгі мезгілдің басталуымен байланысты және осы тұрғыдан араб тіліндегі صلاة الظهر (*ṣalāt al-ẓuhr*) атауының түркілік функционалдық баламасы қызметін атқарады. Араб тіліндегі الظهر (*al-ẓuhr*) атауы да күннің орта тұсындағы айқын уақыт межесімен байланысты. Сондықтан мәтіндегі اویله формасының қолданылуы арабша діни терминнің сөзбе-сөз аудармасы емес, оның уақыттық-семантикалық мазмұнын түркілік мезгіл атауы арқылы жеткізудің бір үлгісі ретінде бағалануы тиіс.

Бұл семантикалық сабақтастық қазақ тіліндегі «бесін» атауынан да байқалады. Қазақтың дәстүрлі уақыт межелеу жүйесінде «бесін» күннің түстен ауып, еңкейе бастаған кезеңімен байланысты мезгіл атауы ретінде қалыптасып, исламдық қолданыста zuhr намазының атауына айналған. Осылайша, «Мұхтасар илм-и хал» мәтініндегі نمازی (بیسن) اویلهтіркесі діни уақыт пен дәстүрлі түркілік уақыт межелеу жүйесінің өзара тоғысуын көрсетеді. Мұнда шариғатта белгіленген ғибадат мезгілі жергілікті тілдік ортаға дайын арабша атауды механикалық түрде көшіру арқылы емес, халыққа бұрыннан таныс уақыт атаулары арқылы түсіндірілген. Бұл құбылыс исламдық терминологияның жергілікті тілдік-мәдени ортаға бейімделу тетігін айқындап, діни ұғымдардың түркі-қазақ дүниетанымындағы дәстүрлі уақыт межелеу жүйесімен семантикалық тұрғыдан ұштасқанын көрсетеді.

ایکندی (*ikindi / ekindi*) лексемасы да Қашқари сөздігінде тікелей тіркелген. *Dīwān Lughāt al-Turk*-те бұл сөз әрі «екінші», әрі арнайы түрде «екінді намазы» мағынасында кездеседі. Клаусон *ekkinti* тұлғасын *ekki* «екі» сан есімінің көне реттік формасымен байланыстырып, оның бастапқы «екінші» мағынасынан «күннің екінші жартысы», кейін «екінді намазы» деген уақыттық-діни мағынаға маманданғанын көрсетеді [Clauson, 1972: 111]. Демек, «Мұхтасар илм-и хал» мәтініндегі ایکندی атауы көне түркілік лексикалық сабақтастықты сақтаған діни-уақыттық термин болып табылады.

آقشام (*aqšam / axšam*) сөзі де Қашқарида тікелей кездесіп, «ақшам, күннің бататын мезгілі» деп түсіндіріледі. Клаусон *axšam* лексемасын ықтимал соғды тілінен енген сөз ретінде қарастырып, оның «evening» мағынасын көрсетеді [Clauson, 1972: 96]. Сондықтан «Мұхтасар илм-и хал»-дағы آقشام формасын Қарахан дәуірінен бастап куәландырылған тарихи уақыт атауының кейінгі түркі жазба дәстүріндегі жалғасы ретінде бағалауға болады. Осы арқылы исламдық терминнің ұлттық уақыттық таным жүйесіне толық интеграцияланғаны айқын аңғарылады.

ياستو /جاصی (yastu / jası) формасы «Мұхтасар илм-и хал» мәтінінде түнгі ғибадат мезгілін, яғни құптан намазының уақытын білдіретін түркілік атау ретінде қолданылған. Бұл атаудың тарихи-семантикалық негізін түркі жазба дәстүріндегі «жатар уақыт, жататын мезгіл» ұғымымен сабақтастыра қарастыруға болады. Махмұт Қашқаридың Dīvānu Lugāti't-Türk еңбегінде yatğašık uğrı тіркесі «жатар уақыт, құптан уақыты» (yatsı vakti) мағынасында тіркелген [Ercilasun, Akkoyunlu, 2018: 372]. А. Зенгин Қарахан дәуіріндегі уақыт атауларын талдай отырып, yatgaşık ugrı қолданысының Dīvānu Lugāti't-Türk мәтінінде ғана кездесетінін және «құптан уақыты» мағынасын білдіретінін атап көрсетеді [Zengin, 2022: 1253]. Бұл дерек кейінгі түркі тілдеріндегі yastu / yatsı тәрізді тұлғалардың «жатар уақыт» семантикасымен тарихи сабақтастығын салыстырмалы тұрғыдан қарастыруға мүмкіндік береді.

Осы тұрғыдан «Мұхтасар илм-и хал» мәтініндегі جاصی/ یاستو тұлғасын «қараңғылық», «тыныштық» немесе «түнгі байсалдылық» ұғымдарымен тікелей байланыстырудан гөрі, адамдардың жататын мезгілін білдіретін тарихи түркілік уақыт атауының діни-терминологиялық қызметке ауысқан формасы ретінде түсіндіру ғылыми тұрғыдан негіздірек. Мәтінде бұл атау араб тіліндегі صلاة العشاء (ṣalāt al-ʿishāʾ) терминінің сөзбе-сөз аудармасы емес, оның уақыттық мазмұнын түркілік мезгіл атауы арқылы жеткізетін функционалдық балама ретінде қызмет етеді. Демек, جاصی/ یاستو қолданысы исламдық ғибадат уақытының жергілікті түркілік уақыт межелеу жүйесі арқылы терминденуінің бір көрінісі болып табылады.

Осы тұрғыда ясту намазы атауы шариғи уақыт межесін жергілікті түркілік мезгіл атауы арқылы түсіндірудің үлгісі ретінде көрінеді. Бұл қолданыс исламдық терминологияның жергілікті мәдени-тілдік ортаға бейімделу үдерісін көрсетеді.

Қорыта айтқанда терминологиялық талдау көрсеткендей, «Мұхтасар илм-и хал» еңбегінде бес уақыт намаз атаулары араб тіліндегі классикалық фикh терминдерінен қол үзбей, бірақ тікелей

аударма жасамай, мағыналық балама, уақыттық сәйкестік және халықтық тілдік бейімдеу тәсілдері арқылы берілген. Бұл тәсіл ханафи фиқһына тән әдіснамамен мазмұндық тұрғыдан үйлеседі және шариғат үкімдерін жергілікті мәдени-әлеуметтанымдық һәм тілдік ортаға сәтті енгізудің үлгісі ретінде бағаланады (кесте 1).

Демек, намаз атауларының қазақы нұсқада берілуі ислам ілімінің мазмұнын өзгерту емес, керісінше оның мәнін сақтай отырып, халықтық санада орнықтыруға бағытталған ғылыми-педагогикалық қадам болып табылады. Бұл құбылыс қазақ даласындағы дәстүрлі ислам терминологиясының қалыптасуында «Мұхтасар илм-и хал» еңбегінің маңызды рөл атқарғанын айқын көрсетеді.

XX ғасырдың басында жарық көрген Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің «Мұхтасар илм-и хал» еңбегі қазақ мұсылман қоғамындағы діни-ағартушылық әдебиеттің қалыптасу үрдісін айқындайтын маңызды дереккөз болып табылады. Бұл еңбек классикалық ислам ғылымдарында орныққан ақида мен фиқһқа тән ұғымдық-терминологиялық жүйеге сүйеніп, иман, дін, миллет, шариғат секілді негізгі діни категорияларды әһлі сүннет уәл-жамағат, нақтырақ айтқанда ханафи–матуриди дәстүр аясында жүйелі түрде түсіндіреді.

Еңбектегі діни терминдер қазақ-түркі оқырманының тілдік және танымдық деңгейіне бейімделіп, классикалық арабша ұғымдар түркі-шағатайлық тілдік үлгі арқылы берілген. Сонымен қатар, сұрақ-жауап формасының қолданылуы мәтінге айқын дидактикалық сипат беріп, діни білімді жеңіл әрі жүйелі түрде меңгеруге мүмкіндік жасайды. Бұл тәсіл дінді теориялық тұрғыда ғана емес, практикалық-амалдық деңгейде ұғындыруды көздейді.

«Мұхтасар илм-и хал» еңбегінде дін, миллет және шариғат ұғымдары өзара сабақтастықта, бірақ қызметтік тұрғыдан жіктеліп ұсынылады. Дін мен миллет сенімдік негізді, яғни имани дүниетанымды қалыптастыратын ұғымдар ретінде қарастырылса, шариғат сол сенімнің амалдық-құқықтық өрісін реттейтін жүйе ретінде түсіндіріледі. Бұл үлгі иман мен амалды бір-бірінен ажыратпай, бірақ әрқайсысының ғылыми саласын айқындауымен ханафи–матуриди дүниетанымына тән методологиялық ұстанымды көрсетеді.

Осы тұрғыдан алғанда, «Мұхтасар илм-и хал» XX ғасыр басындағы қазақ ағартушылық ойында діни терминологияны тұрақтандырған, исламдық ұғымдарды ұлттық таныммен ұштастырған әрі сенім мен амалдың тұтастығын көрсеткен маңызды ғылыми-діни еңбек ретінде бағаланады.

Кесте – 1. Негізгі терминдердің салыстырмалы кестесі (авторлар құрастырған)

Мәтіндегі семантикалық қызметі	Қазіргі қазақша балама	Транслитерация	Түпнұсқа
Сенімге қатысты иләһи қағидалар жүйесі	дін	dīn	دين
Ортақ сенім негізіндегі қауымдық бірлік	миллет / діни қауым	millat	ملت
Амалға қатысты діни-құқықтық үкімдер жүйесі	шариғат	sharīʿa	شريعة
Ақидалық ұстаным, сенімдік бағдар	иғтиқад / сенім	iʿtiqād	اعتقاد
Сенімдік не амалдық ұстанымның әдіснамалық жолы	мәзһаб	madhhab	مذهب
Таңғы мезгіл; мәтінде таң намазының уақыттық атауы	ерте / таң	irte	ايرته
Күн ортасы, түскі мезгіл; мәтінде бесін намазының уақыттық атауы	өйлә / бесін	öylä / öyle	اويله
Түстен кейінгі мезгіл; мәтінде екінді намазының уақыттық атауы	екінді	ikindi / ekindi	ايكندى
Кешкі мезгіл, күн батқаннан кейінгі уақыт; мәтінде ақшам намазының атауы	ақшам	aqšam / axšam	آقشام
Жатар уақыт, түнгі мезгіл; діни қолданыста құптан намазының уақыты	ясту / жасы / құптан	yastu / jası	ياستو / جاصى

Қорытынды. Зерттеу барысында Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің 1911 жылы Қазан қаласында жарық көрген «Мұхтасар илм-и хал» еңбегіндегі діни терминологияның лексика-семантикалық ерекшеліктері, мәтіндік қызметі және қазақ мұсылмандық ортасындағы қолданыстық

сипаты кешенді түрде талданды. Зерттеу нәтижелері аталған еңбектің XX ғасыр басындағы қазақ даласындағы діни-ағартушылық әдебиеттің тілдік табиғатын, исламдық ұғымдардың түркілік жазба дәстүр арқылы берілу ерекшеліктерін және олардың жергілікті тілдік ортаға бейімделу үдерісін танытатын маңызды баспа дереккөздердің бірі екенін көрсетті.

Мәтінтанулық және салыстырмалы талдау нәтижесінде еңбектің тілін классикалық шағатай тілінің тікелей әрі біртекті жалғасы ретінде сипаттаудан гөрі, шағатай жазба дәстүріне негізделген, татар баспа тілінің элементтері мен қазақтың жергілікті лексикалық қабаты тоғысқан ортақ түркілік жазба тілдің көрінісі ретінде қарастыру ғылыми тұрғыдан неғұрлым негізді екені айқындалды. Мұндай тілдік сипат XX ғасыр басындағы қазақ мұсылмандық жазба мәдениетінде бірнеше тілдік қабаттың қатар қызмет еткенін және діни білімді жеткізуде бұрыннан қалыптасқан ортақ түркілік жазба дәстүрдің әлеуеті сақталғанын аңғартады.

Зерттеу барысында мәтіндегі дін, миллет, шариғат, иғтиқад, мәзһаб тәрізді негізгі діни ұғымдардың семантикалық және қызметтік арақатынасы нақтыланды. Аталған терминдердің мәтінде бірінің орнына бірі қолданылатын мағыналас атаулар емес, исламдық дүниетанымның өзара сабақтас, бірақ мазмұндық қызметі жағынан ерекшеленетін ұғымдық категориялары екені анықталды. Дін сенімге қатысты иләһи қағидалардың тұтас жүйесін, миллет ортақ сенім негізіндегі қауымдық бірлікті, шариғат діни-амалдық және құқықтық үкімдер жүйесін, иғтиқад сенімдік ұстанымды, ал мәзһаб сенімдік немесе амалдық мәселелерді түсіндіру мен жүзеге асырудың қалыптасқан әдіснамалық жолын білдіретіні мәтіндік қолданыстар негізінде жүйеленді. Осы тұрғыдан еңбек исламдық терминологияның түркі тілдік ортасында тек аударылып қана қоймай, белгілі бір ұғымдық жүйе шеңберінде қызмет еткенін көрсетеді.

Зерттеудің маңызды нәтижелерінің бірі – намаз уақыттарын білдіретін тарихи түркілік мезгіл атауларының семантикалық қызметінің айқындалуы. Мәтінде кездесетін ایرته (irte), اویله (öylä), ایکندی (ikindi), آقشام (aqšam), جاصی / یاستو (yastu / jası) тәрізді лексемалар күннің табиғи мезгілдерін атаумен ғана шектелмей, исламдық ғибадат уақыттарын жергілікті түркілік уақыт межелеу жүйесі арқылы түсіндіруге қызмет еткен. Олардың түпнұсқа графикалық формалары, транслитерациясы, қазіргі қазақ тіліндегі баламалары және мәтін ішіндегі семантикалық қызметі салыстырылып, бірізді жүйеге түсірілді. Бұл деректер исламдық ғибадат терминологиясының жергілікті тілдік қор негізінде игерілу тетіктерін және тарихи түркілік уақыт атауларының діни семантикаға ие болу үдерісін нақтылауға мүмкіндік береді.

Сонымен қатар еңбекте байқалатын «нану» және «істеу» категориялары сенім мен амалдың өзара байланысын білдіретін мәтіндік құрылым ретінде қарастырылды. Оларды кейінгі исламдық құқықтық-философиялық жүйелермен, соның ішінде мақасид аш-шариға теориясымен байланыстыруда тарихи ықпал немесе тікелей генетикалық сабақтастық туралы тұжырым жасалмайды. Зерттеуде мұндай салыстыру мәтіннің ішкі логикасын ашуға мүмкіндік беретін салыстырмалы-герменевтикалық интерпретация деңгейінде ғана қолданылды. Бұл әдіс тарихи деректің өзіндік контекстін сақтай отырып, ондағы сенім мен амал арақатынасының концептуалдық мазмұнын түсіндіруге мүмкіндік береді.

Жүргізілген талдау «Мұхтасар илм-и хал» еңбегіндегі діни лексиканың екі өзара сабақтас үдерісті танытатынын көрсетті. Бір жағынан, араб-исламдық терминдер өздерінің негізгі ұғымдық мазмұнын сақтап, дәстүрлі діни білім жүйесін жеткізудің құралы ретінде қызмет етсе, екінші жағынан, олардың мазмұны тарихи түркілік және жергілікті лексикалық бірліктер арқылы түсіндіріліп, қазақ оқырманының тілдік-мәдени ортасына бейімделген. Осы үдеріс исламдық білімнің жергіліктенуін терминдерді қарапайым аудару құбылысы ретінде емес, діни ұғымдардың тілдік және мәдени тұрғыдан игерілуі ретінде қарастыру қажеттігін көрсетеді.

Осылайша, Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейидің «Мұхтасар илм-и хал» еңбегі XX ғасыр басындағы қазақ мұсылмандық ортасында классикалық исламдық ұғымдар, ортақ түркілік жазба дәстүр және жергілікті қазақ лексикасы өзара тоғысқанын көрсететін құнды тарихи-лингвистикалық әрі діни-деректанулық мұра болып табылады. Еңбектегі терминологиялық жүйе сол кезеңдегі діни білімнің қандай тілдік құралдар арқылы түсіндірілгенін, исламдық ұғымдардың түркілік дүниетанымдық және тілдік кеңістікке қалай бейімделгенін пайымдауға мүмкіндік береді. Сондықтан бұл басылымды тек діни-ағартушылық мәтін ретінде ғана емес, қазақ мұсылмандық терминологиясының қалыптасу тарихын, ортақ түркілік жазба тілдің кейінгі қызметін және исламдық білімнің жергілікті тілдік ортада игерілу механизмдерін танытатын дереккөз ретінде бағалауға болады.

Зерттеу нәтижелері алдағы уақытта XX ғасыр басындағы өзге де ғылымхал, ақида, фиқһ және діни-ағартушылық басылымдарды салыстырмалы түрде зерттеуге, олардың терминологиялық қорын жүйелеуге және қазақ тіліндегі исламдық ұғымдардың тарихи даму желісін анықтауға негіз болады. Осы бағыттағы кешенді зерттеулер араб-парсы исламдық терминологиясы, шағатай жазба дәстүрі, татар баспа тілі және қазақтың төл лексикалық қабаты арасындағы сабақтастық пен өзара ықпалдастықты тереңірек айқындауға мүмкіндік береді.

Әдебиеттер

Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейи, 1911 – *Зәкәрия бин Ерғали әл-Ахмәди әл-Бөкейи.* Мұхтасар илм-и хал. Қазан, 1911. № 1401 қорап.

Қашқарлық Махмұд, 1985 – *Қашғарлы Махмұд.* Диуану лұғат ат-түрік тәржімесі / ауд. Бесим Аталай. I т. Анкара: Түрік тілі қоғамы баспасы, 1985. 530 б.

Ержиласун, Аққоюнлу, 2018 – *Қашғарлы Махмұд.* Диуану лұғат ат-түрік: кіріспе–мәтін–аударма–түсініктемелер–көрсеткіш / дайынд. Ахмет Б. Ержиласун, Зият Аққоюнлу. 3-бас. Анкара: Түрік тілі қоғамы баспасы, 2018. 996 б.

Зенгин, 2022 – *Зенгин А.* Қарахан түркі тілі мәтіндеріндегі уақыт өлшемдері/бірліктері // Коркмаз Ф. (ред.). *IX Халықаралық түркология конгресінің баяндамалар жинағы.* Ыстанбұл: Ыстанбұл университеті баспасы, 2022. 1245–1266-бб. DOI: 10.26650/PB/AA10AA14.2023.001.083.

Клаусон, 1972 – *Клаусон Дж.* XIII ғасырға дейінгі түркі тілінің этимологиялық сөздігі. Оксфорд: Кларендон Пресс, 1972. XLVIII + 989 б.

әл-Журжани, 1938 – *әл-Журжани Әли ибн Мұхаммед.* Китаб ат-тағрифат. Каир: Мұстафа әл-Баби әл-Халаби баспасы, 1357/1938.

әт-Тафтазани, 2017 – *әт-Тафтазани Сағд әд-Дин Масғуд ибн Омар.* Шарх әл-Ақаид ән-Насафия уа бихамишиһи Фараид әл-Қалаид фи тахриж ахадис әл-Ақаид / ред. Әли Камал. 1-бас. Бейрут: Дар Ихия әт-Турас әл-Араби, 2017. 178 б.

әл-Ғазали, 1993 – *әл-Ғазали Әбу Хамид Мұхаммед ибн Мұхаммед.* Әл-Мустасфа фи илм әл-усул / ред. Мұхаммед Абд әс-Салам Абд әш-Шафи. 1-бас. Бейрут: Дар әл-Кутуб әл-Илмия, 1413/1993. 392 б.

References

Zakariyā bin Erghālī al-Aḥmadī al-Būkayī, 1911 – *Zakariyā bin Erghālī al-Aḥmadī al-Būkayī. Mukhtaṣar ʿIlm-i Ḥāl* [A Concise Manual of Religious Knowledge]. Kazan, 1911. Box No. 1401. [in Turkic, Arabic script].

Kaşgarlı Mahmud, 1985 – *Kaşgarlı Mahmud. Divanü Lûgat-it-Türk Tercümesi* [Translation of Dīwān Lughāt al-Turk]. Trans. Besim Atalay. Vol. I. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 1985. 530 p. [in Turkish].

Ercilasun, Akkoyunlu, 2018 – *Kâşgarlı Mahmud. Dîvânu Lugâti't-Türk: Giriş–Metin–Çeviri–Notlar–Dizin* [Dīwān Lughāt al-Turk: Introduction–Text–Translation–Notes–Index]. Eds. Ahmet B. Ercilasun, Ziyat Akkoyunlu. 3rd ed. Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları, 2018. 996 p. [in Turkish].

Zengin, 2022 – *Zengin A.* Karahanlı Türkçesi Metinlerinde Zaman Ölçüleri/Birimleri [Measures and Units of Time in Karakhanid Turkic Texts]. In: Korkmaz F. (Ed.). *9. Milletlerarası Türkoloji Kongresi Bildiriler Kitabı*. Istanbul: Istanbul University Press, 2022. Pp. 1245–1266. DOI: 10.26650/PB/AA10AA14.2023.001.083. [in Turkish].

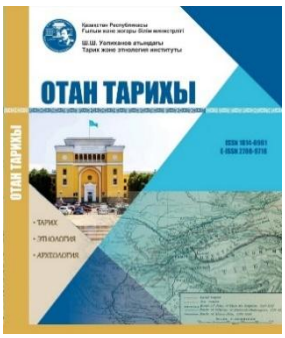
Clauson, 1972 – *Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. XLVIII + 989 p. [in English].

al-Jurjānī, 1938 – *al-Jurjānī, ʿAlī ibn Muḥammad. Kitāb al-Taʿrīfāt* [Book of Definitions]. Cairo: Maṭbaʿat Muṣṭafā al-Bābī al-Ḥalabī, 1357/1938. [in Arabic].

al-Taftāzānī, 2017 – *al-Taftāzānī, Saʿd al-Dīn Masʿūd ibn ʿUmar. Sharḥ al-ʿAqāʾid al-Nasafiyya wa-bihāmishihi Farāʾid al-Qalāʾid fī Takhrīj Aḥādīth al-ʿAqāʾid* [Commentary on al-Nasafī's Creed, with *Farāʾid al-Qalāʾid fī Takhrīj Aḥādīth al-ʿAqāʾid* in the Margins]. Ed. ʿAlī Kamāl. 1st ed. Beirut: Dār Iḥyāʾ al-Turāth al-ʿArabī, 2017. 178 p. [in Arabic].

al-Ghazālī, 1993 – *al-Ghazālī, Abū Ḥāmid Muḥammad ibn Muḥammad. Al-Mustaṣfā fī ʿIlm al-Uṣūl* [The Quintessence of Legal Theory]. Ed. Muḥammad ʿAbd al-Salām ʿAbd al-Shāfī. 1st ed. Beirut: Dār al-Kutub al-ʿIlmiyya, 1413/1993. 392 p. [in Arabic].

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1156–1172
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР/МРНТИ/IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1156-1172

ТОРГОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ПРОЦЕССАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Гульжан Мырзамухамбетовна Ахметова[1]

[1]Восточно-Казахстанский университет имени С. Аманжолова
(улица 30-гвардейской дивизии, 34, 070020 Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана
https://orcid.org/0009-0000-8652-331X. E-mail: gulzh.akhm@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Ахметова Г.М., 2026

Аннотация. *Введение.* На рубеже XIX–XX вв. торговля в Северо-Восточном Казахстане занимала всё более заметное место в хозяйственной жизни региона и постепенно превращалась в важный элемент экономических преобразований степного приграничья. Развитие коммерческой деятельности создавало пространство активного взаимодействия купцов, посредников, местного населения и административных структур, способствуя укреплению хозяйственных связей региона с сопредельными территориями. *Цель и задачи исследования.* Цель статьи заключается в исследовании торгового предпринимательства Северо-Восточного Казахстана как одного из факторов экономической модернизации приграничного региона. В работе рассматриваются структура торгового населения, формы организации коммерческой деятельности, особенности государственного регулирования, а также роль торговых домов, кредитных товариществ и транспортных предприятий в развитии межрегионального товарообмена. *Материалы и методы.* Источниковую основу исследования составили материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан и Исторического архива Омской области, промысловая статистика, нормативно-правовые акты Российской империи и материалы Первой всеобщей переписи населения 1897 года. *Результаты.* Проведённое исследование показало, что торговое сообщество отличалось многоэтничным и социально неоднородным характером. В торговой деятельности участвовали купцы, мещане, казахские и татарские торговцы, посредники, кооперативные объединения и кредитные организации. Расширение коммерческой деятельности сопровождалось развитием биржевой торговли, кредитных товариществ, транспортных предприятий и кооперативных организаций, обеспечивавших движение товаров, финансовое посредничество и устойчивые связи между локальными и внешними рынками. Одновременно распространялись новые формы бухгалтерского учёта, финансовой дисциплины и предпринимательской практики, отражавшие постепенное усложнение хозяйственной жизни региона. *Заключение.* Торговое предпринимательство являлось важной частью экономического развития и способствовало укреплению экономических

связей, развитию транспортной и финансовой инфраструктуры, а также формированию регионального рынка в условиях модернизации на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: торговое предпринимательство, экономическая модернизация, приграничная торговля, купечество.

Для цитирования: Ахметова Г.М. Торговое предпринимательство в процессах экономической модернизации Северо-Восточного Казахстана (конец XIX – начало XX века) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1156–1172. [на рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1156-1172

СОЛТҮСТІК-ШЫҒЫС ҚАЗАҚСТАННЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ЖАҢҒЫРУ ҮДЕРІСТЕРІНДЕГІ САУДА КӘСІПКЕРЛІГІ (XIX ҒАСЫРДЫҢ СОҢЫ – XX ҒАСЫРДЫҢ БАСЫ)

Гүлжан Мырзамұхамбетқызы Ахметова[1]

[1]С.Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан университеті
(30-гвардиялық дивизия көшесі, 34, 070020, Өскемен, Қазақстан Республикасы)
тарих ғылымдарының кандидаты, Қазақстан тарихы кафедрасының қауымдастырылған профессоры
https://orcid.org/0009-0000-8652-331X. E-mail: gulzh.akhm@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Ахметова Г.М., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* XIX–XX ғасырлар тоғысында Солтүстік-Шығыс Қазақстандағы сауда аймақтың шаруашылық өмірінде барған сайын маңызды орын алып, дала шекаралық өңірінің экономикалық өзгерістерінің негізгі элементтерінің біріне айналды. Коммерциялық қызметтің дамуы көпестердің, делдалдардың, жергілікті халық пен әкімшілік құрылымдардың өзара ықпалдасу кеңістігін қалыптастырып, өңірдің көршілес аумақтармен шаруашылық байланыстарының нығаюына ықпал етті. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері.* Мақаланың мақсаты – Солтүстік-Шығыс Қазақстандағы сауда кәсіпкерлігін шекаралық өңірді экономикалық жаңғыртудың маңызды факторларының бірі ретінде зерттеу. Зерттеуде саудамен айналысқан халықтың құрылымы, коммерциялық қызметті ұйымдастыру формалары, мемлекеттік реттеу ерекшеліктері, сондай-ақ сауда үйлерінің, несиелік серіктестіктер мен көлік кәсіпорындарының өңіраралық тауар алмасуды дамытудағы рөлі қарастырылады. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің дереккөздік негізін Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік архивінің және Омбы облысының тарихи архивінің материалдары, кәсіпшілік статистикасы, Ресей империясының нормативтік-құқықтық актілері мен 1897 жылғы Бірінші жалпы халық санағының материалдары құрады. *Нәтижелері.* Зерттеу нәтижесінде кәсіпкерлік ортаның көпэтносты және әлеуметтік жағынан әркелкі сипатта болғаны анықталды. Сауда қызметіне көпестер, қазақ және татар саудагерлері, делдалдар, кооперативтік бірлестіктер мен несиелік ұйымдар қатысты. Коммерциялық қызметтің кеңеюі биржалық сауданың, несиелік серіктестіктердің, көлік кәсіпорындарының және кооперативтік ұйымдардың дамуымен қатар жүрді. Олар тауар қозғалысын, қаржылық делдалдықты және жергілікті әрі сыртқы нарықтар арасындағы тұрақты байланыстарды қамтамасыз етті. Сонымен қатар бухгалтерлік есептің жаңа түрлері, қаржылық тәртіп және кәсіпкерлік тәжірибе кеңінен таралып, өңірдің шаруашылық өмірінің біртіндеп күрделене түскенін көрсетті. *Қорытынды.* Сауда кәсіпкерлігі экономикалық дамудың маңызды құрамдас бөлігіне айналып, шаруашылық байланыстардың нығаюына, көлік және қаржы инфрақұрылымының дамуына, сондай-ақ XIX–XX ғасырлар тоғысындағы жаңғыру жағдайында өңірлік нарықтың қалыптасуына ықпал етті

Түйін сөздер: сауда кәсіпкерлігі; экономикалық жаңғырту; шекаралық сауда; көпестік.

Дәйексөз үшін: Ахметова Г.М. Солтүстік-Шығыс Қазақстанның экономикалық жаңғыру үдерістеріндегі сауда кәсіпкерлігі (XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың басы) // Отан тарихы, 2026. Т. 29. № 3. 1156–1172-бб. [орысш.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1156-1172

TRADE ENTREPRENEURSHIP IN THE PROCESSES OF ECONOMIC MODERNIZATION OF NORTHEASTERN KAZAKHSTAN (LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Gulzhan M. Akhmetova[1]

[1] S. Amanzholov East Kazakhstan University
(34, 30th Guards Division Street, 070020, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History of Kazakhstan
https://orcid.org/0009-0000-8652-331X. E-mail: gulzh.akhm@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© G.M. Akhmetova, 2026

Abstract. *Introduction.* At the turn of the nineteenth and twentieth centuries, trade in North-Eastern Kazakhstan became an increasingly significant component of the regional economy and gradually evolved into an important driver of economic transformation across the steppe frontier. Commercial activity created a space in which merchants, intermediaries, local communities, and imperial administrative institutions interacted, contributing to the integration of the region into wider interregional exchange networks. *Purpose and Objectives.* The article aims to examine trade entrepreneurship in North-Eastern Kazakhstan as a factor of economic modernization in a frontier region of the Russian Empire. Particular attention is paid to the structure of the trading population, forms of commercial organization, state regulation, and the activities of trading houses, credit associations, cooperative institutions, and transport enterprises. *Materials and Methods*. The study is based on materials from the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan and the Historical Archive of the Omsk Region, commercial statistics, legal documents of the Russian Empire, and the materials of the First General Census of 1897. *Results.* The research demonstrates that the entrepreneurial environment of North-Eastern Kazakhstan was multiethnic and socially diverse. The expansion of commercial activity was accompanied by the development of exchange trade, credit partnerships, transport infrastructure, and cooperative organizations that facilitated commodity circulation and strengthened connections between local and external markets. These processes also encouraged the spread of accounting practices, financial discipline, and new forms of entrepreneurial culture. *Conclusion.* Trade entrepreneurship became an important component of the economic development of North-Eastern Kazakhstan and contributed to the strengthening of regional economic ties, the expansion of transport and financial infrastructure, and the formation of an integrated regional market during the modernization of the steppe frontier.

Keywords: trade entrepreneurship; economic modernization; cross-border trade; merchant class.
For citation: Akhmetova G.M. Trade Entrepreneurship in the Processes of Economic Modernization of Northeastern Kazakhstan (Late 19th – Early 20th Century) // Otan Tarikhy. 2026. Vol. 29. No. 3. Pp. 1156–1172. [in Rus.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1156-1172

Введение. Изучение экономической модернизации Казахстана на рубеже XIX–XX вв. тесно связано с анализом развития торгового предпринимательства, которое играло важную роль в формировании регионального рынка, расширении товарно-денежных отношений и укреплении хозяйственных связей степных территорий с общеимперской экономикой. В условиях переселенческого движения, развития транспортной инфраструктуры и активизации товарообмена торговый капитал постепенно превращался в один из значимых факторов социально-экономических преобразований. Он оказывал влияние не только на экономическую сферу, но и на социальную структуру населения, деятельность городского самоуправления и распространение новых форм экономической активности.

На рубеже XIX–XX вв. Северо-Восточный Казахстан представлял собой одно из наиболее динамично развивавшихся приграничных пространств Российской империи, где пересекались интересы государства, торгового капитала и локальных экономических сообществ. Географическое положение региона способствовало активному вовлечению его в трансграничные торговые связи, развитию ярмарочной торговли, транспортных коммуникаций, кредитных институтов и кооперативного движения. Именно здесь особенно отчётливо проявлялись процессы включения

степной экономики в общеимперский рынок, где традиционный хозяйственный уклад сочетался с формирующимися капиталистическими практиками обмена.

Развитие торговли оказывало влияние не только на хозяйственную сферу, но и на социальную структуру степного общества. Расширение товарообмена способствовало росту городских центров, усилению социальной мобильности населения, вовлечению казахского населения в денежные формы хозяйства и формированию новых моделей экономического поведения. Одновременно торговая инфраструктура становилась одним из инструментов административного и хозяйственного включения степных областей в общеимперское пространство. В этом отношении торговое предпринимательство следует рассматривать не только как экономическое явление, но и как важный элемент исторической трансформации приграничного региона.

В исторической науке проблемы торгово-экономического развития Казахстана рассматриваются преимущественно в контексте колониальной политики Российской империи, трансформации кочевого хозяйства, переселенческих процессов и становления местных рынков [Аполлова, 1976; Касымбаев, 1990; Абилов, 2009а; Абилов, 2009б; Мамытова, 2014]. Значительное внимание исследователей уделялось вопросам развития ярмарочной, караванной и стационарной торговли, функционированию купеческого капитала, формированию национального предпринимательства и развитию торговой инфраструктуры. Вместе с тем существующие исследования в основном сосредоточены либо на деятельности купеческого сословия, либо на отдельных аспектах торгово-экономического развития отдельных территорий. Недостаточно изучены социальный и этнический состав предпринимательской среды, модели регулирования торговли, структура торговых предприятий и роль негильдейских групп населения в коммерческой деятельности. Слабо исследованными остаются также вопросы взаимодействия предпринимательского сообщества с государственными институтами и развития коммерческой инфраструктуры.

В современной зарубежной историографии приграничные регионы Российской империи всё чаще рассматриваются как пространства интенсивного экономического взаимодействия и институциональных изменений, где торговля выступала не только формой экономической деятельности, но и важным инструментом преобразования периферийных территорий. В данном контексте Северо-Восточный Казахстан может рассматриваться как типичное приграничное пространство Евразии, в котором взаимодействовали традиционные формы хозяйства, колониальная администрация и формирующиеся капиталистические элементы обмена. Выявленные процессы были характерны и для других приграничных регионов Российской империи – Сибири, Средней Азии и российско-китайских торговых зон.

Предпринимательская среда отличалась высокой степенью мобильности и адаптивности к изменяющимся экономическим условиям. В конце XIX – начале XX вв. деловые круги Северо-Восточного Казахстана включали не только представителей гильдейского купечества, но и мещан, крестьян, казаков, татарских и казахских торговцев, задействованных в различных формах мелкой, семейной, сезонной, развозной и разносной торговли. Такая социальная и этническая неоднородность предпринимательского слоя отражала специфику приграничного района и указывала на постепенное ослабление сословных ограничений в сфере товарообмена.

Важным направлением исследования является анализ развития новых форм регулирования торговли и самоорганизации предпринимательской среды. Распространение системы промысловых свидетельств, деятельность торговых депутатов, развитие бухгалтерской отчётности, создание кооперативов, кредитных товариществ и бирж отражали постепенный переход от традиционных форм обмена к более сложным моделям коммерческой организации. В этом отношении торговую сферу следует рассматривать не только как экономическую категорию, но и как важное направление институционального развития, посредством которого степные территории включались в единую хозяйственную систему империи.

Целью настоящего исследования является количественный и качественный анализ торгового предпринимательства Северо-Восточного Казахстана на рубеже XIX–XX веков. Для достижения поставленной цели определены следующие задачи: выявить численность и структуру торговых предприятий; проанализировать социальный и этнический состав предпринимателей; исследовать основные направления коммерческой деятельности; определить особенности регулирования торговли, роль кооперативных, кредитных и транспортных организаций в развитии регионального рынка.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении торгового предпринимательства как многоуровневой системы экономических, социальных и институциональных отношений. В отличие от большинства предшествующих исследований, в статье анализируется широкий круг участников коммерческой деятельности, включая представителей различных социальных и этнических групп. Кроме того, исследование системно рассматривает взаимосвязь торгового предпринимательства с развитием коммерческой инфраструктуры, хозяйственной трансформацией приграничья и включением Северо-Восточного Казахстана в общеимперское экономическое пространство.

Материалы и методы исследования. Источниковую базу исследования составляют архивные, статистические и нормативно-правовые материалы, отражающие развитие торгового предпринимательства Северо-Восточного Казахстана на рубеже XIX–XX вв. Использование разнородных источников позволило комплексно исследовать структуру торгового сектора, способы его регулирования и особенности предпринимательской среды региона.

Основной массив источников представлен документами Центрального государственного архива Республики Казахстан [фонды 15, 64, 342] и Исторического архива Омской области [фонды 36, 38, 78, 199]. В исследовании использованы материалы податных инспекций, торговых управлений, промысловые свидетельства, ведомости торговых заведений, отчёты торговых депутатов, ревизионная и бухгалтерская документация. Данные материалы позволили реконструировать структуру торгового предпринимательства, определить особенности государственного регулирования торговли и проследить взаимодействие предпринимательского сообщества с административными институтами. Также в документах содержатся сведения о деятельности транспортных, кредитных и торгово-промышленных организаций, развитии биржевой торговли и кооперативного движения.

Особое значение имеют материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. по Акмолинской и Семипалатинской областям [Первая… Акмолинская область, 1904; Первая… Семипалатинская область, 1905], а также обзоры областей. Они позволили определить численность торгового населения, выявить социальный и этнический состав предпринимательской среды, проследить территориальные особенности распределения торговой активности и степень вовлеченности населения в рыночные отношения.

Отдельную группу источников составляют нормативно-правовые акты Российской империи, регулирующие систему промыслового налогообложения, торговую деятельность и бухгалтерскую отчётность [Положение, 1902]. Их анализ позволил определить правовые инструменты функционирования торговли и особенности государственного контроля над коммерческой сферой.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий методы экономической и социальной истории, региональных исследований и сравнительно-исторического анализа. Теоретически исследование опирается на концепции приграничной экономики и модернизации приграничных территорий, рассматривающие периферийные районы как пространства интенсивного экономического взаимодействия и институциональных изменений.

В рамках данного исследования экономическая модернизация рассматривается не только как рост торговых оборотов или расширение рыночных связей, но и как процесс постепенного усложнения хозяйственной структуры региона, сопровождавшийся развитием коммерческой инфраструктуры, распространением финансовых инструментов, изменением форм предпринимательской деятельности и усилением межрегионального товарообмена. Приграничные территории понимаются как пространства интенсивного взаимодействия различных хозяйственных систем, социальных групп и административных практик, где экономические изменения происходили особенно динамично. В этом контексте развитие торговли в Северо-Восточном Казахстане рассматривается как часть более широких процессов хозяйственной интеграции и институциональных преобразований в степных областях Российской империи.

В работе использованы количественные и качественные методы анализа. Количественный анализ применялся при обработке статистических данных, материалов переписи населения и промысловых ведомостей. Это позволило реконструировать структуру торгового сектора, определить территориальное распределение предприятий, их разрядную структуру и степень концентрации капитала. Качественный анализ архивных документов был направлен на изучение социальной структуры предпринимательской среды, форм организации торговли и особенностей коммерческой культуры местности.

Сравнительно-исторический метод использован при сопоставлении торгового развития Акмолинской и Семипалатинской областей, а также различных форм предпринимательской деятельности. Такой подход позволил рассмотреть Северо-Восточный Казахстан как многоэтничный приграничный регион, включённый в систему трансграничных торговых коммуникаций.

Обсуждение. Историография торгово-экономического развития Казахстана второй половины XIX – начала XX вв. формировалась под влиянием изменений методологических подходов в исторической науке и трансформации взглядов на место степных областей в системе общеимперских и евразийских экономических связей. Несмотря на значительную роль торговли в процессах социально-экономического развития Казахстана, проблематика предпринимательской деятельности длительное время оставалась изученной фрагментарно. В центре исследовательского внимания, как правило, находились вопросы имперской политики, аграрного переселения, трансформации кочевого хозяйства и формирования товарно-денежных отношений, тогда как коммерческий слой рассматривался преимущественно через деятельность купеческого сословия.

В развитии отечественной историографии можно выделить несколько исследовательских направлений, различающихся как тематикой, так и подходами к интерпретации экономических процессов. Ранняя советская историография рассматривала торгово-экономическое развитие Казахстана преимущественно в рамках марксистской концепции проникновения капиталистических отношений в колониальные окраины Российской империи. Для исследователей 1920–1930-х гг. торговля выступала, прежде всего, способом экономического подчинения степи и разрушения традиционного хозяйственного уклада. В работах подчёркивались зависимость казахского хозяйства от торгово-ростовщического капитала, усиление социальной дифференциации и превращение степи в рынок сырья и сферу приложения российского капитала [Тогжанов, 1934; Галузо, 1929]. Вместе с тем уже в этот период были поставлены вопросы, связанные с развитием товарно-денежных отношений и вовлечением населения в рыночную систему.

В 1950–1980-х гг. советская историография значительно расширила источниковую базу исследований. В трудах исследователей были изучены ярмарки, торгово-ростовщический капитал, развитие внутреннего рынка и формирование торговых центров [Сундетов, 1968; Рожкова, 1949; Аполлова, 1976]. Однако большинство исследований продолжало рассматривать торговлю преимущественно как производное имперской политики. В значительно меньшей степени изучались предпринимательские практики, факторы регулирования торговли и роль негильдейских групп населения в развитии рынка.

Особое место в отечественной историографии занимают труды Ж. Касымбаева, посвящённые истории городов и торговли Северо-Восточного Казахстана [Касымбаев, 1990; 1996; 1998]. Исследователь обратил внимание на значение ярмарочной торговли, караванных маршрутов и городских центров в формировании регионального рынка. Вместе с тем исследования Ж. Касымбаева были сосредоточены преимущественно на купеческом сословии и крупных торговых центрах, тогда как архивные материалы показывают значительно более сложную структуру предпринимательской среды, включавшей представителей различных социальных и этнических групп.

Значительный вклад в переосмысление торгово-экономических процессов внесли исследования И. Ерофеевой, рассматривавшей торговлю как механизм включения Казахстана в полиэтническое пространство империи [Обменные…, 1990]. Автор акцентировала внимание на зависимом положении степных областей, показала сложный характер взаимодействия между государством, торговым капиталом и локальными хозяйственными сообществами. Особое значение имеет её вывод о роли посредников, маклеров и торговых агентов в условиях ранней коммерциализации степной экономики. Такой подход сближает отечественную историографию с современными международными исследованиями торговых сетей и посреднических экономических практик, рассматривающими посреднические группы как важный элемент развития приграничных территорий.

В постсоветский период произошёл существенный пересмотр методологических подходов к изучению экономической истории Казахстана. Освобождение исторической науки от идеологических ограничений способствовало расширению исследовательской проблематики, активному привлечению архивных материалов и развитию региональных исследований. Современные исследователи уделяют внимание торговым сетям, предпринимательским практикам, численности торговцев, факторам регулирования торговли и формированию предпринимательской среды [Игибаев, 1995; Джаниева, 2007; Абилов, 2009а; Абилов, 2009б; Тулеуова, 2012; Мамытова, 2014;

Ахметова, 2026]. Важное место в изучении истории предпринимательства занимает К.Ж. Абилов, проанализировавший развитие стационарной торговли, деятельность торговых домов и особенности формирования национальной буржуазии в дореволюционном Казахстане [Абилов, 2009а; Абилов, 2009б]. Его работы существенно расширили представления о роли предпринимательства в модернизационных процессах конца XIX – начала XX вв.

Исследования, посвящённые Семипалатинской, Семиреченской, Сырдарьинской и другим областям Казахстана, позволили выявить неоднородность экономического развития степных территорий, зависимость торговой активности от транспортной инфраструктуры, степень включенности отдельных местностей в международные торговые связи [Жакупбекова, 1993; Бисембаева, 2020; Атантаева и др., 2024; Шотанова, Ужкенов, 2024; Кожақұлы, 2025]. Однако большинство работ остаётся локализованным в рамках отдельных областей, что затрудняет формирование целостной картины становления единого рынка Казахстана. В результате сравнительный анализ торгово-предпринимательских процессов между регионами до сих пор недостаточно разработан.

Дискуссионным остаётся и вопрос о степени вовлеченности казахского населения в предпринимательскую деятельность. В советской историографии преобладал тезис о слабости национального торгового капитала и доминировании русских и татарских купцов. Между тем современные исследования, а также анализ материалов переписи 1897 г. и промысловой статистики показывают значительно более сложную картину. Казахское население активно участвовало в караванной, ярмарочной и посреднической торговле, а в ряде районов, особенно в Семипалатинской области, доля казахских торговцев была значительно выше, чем предполагалось ранее. Это позволяет говорить не о пассивной адаптации к рыночной системе, а о формировании собственных моделей предпринимательской активности в условиях модернизации приграничья.

Современная зарубежная историография рассматривает Центральную Азию и казахскую степь в более широком контексте исследований приграничных территорий, капиталистической трансформации периферийных регионов и экономической интеграции окраин Российской империи. В работах исследователей Казахстан анализируется как пространство сложного взаимодействия между имперской администрацией, локальными элитами и трансграничными торговыми связями [Pierce, 1960; Morrison, 2021].

Особенно значимым является подход, рассматривающий колониальное управление как систему взаимодействия имперских институтов и местных посреднических групп [Campbell, 2017]. Такая интерпретация позволяет по-новому оценить роль казахских торговцев, толмачей, маклеров и приказчиков, выступавших не только объектами государственной политики, но и активными участниками формирования торгово-административной инфраструктуры территорий.

Важное место в современной международной историографии занимают исследования истории экономики, в которых предпринимательство рассматривается как фактор структурных изменений, влияющий на трансформацию рынков, технологий и социальных институтов [Jones, Wadhwani, 2006]. Использование данных подходов позволяет выйти за рамки традиционной схемы «колониальная зависимость – сырьевая периферия» и рассматривать коммерческую деятельность как самостоятельное направление экономического развития. С этой точки зрения развитие торговых домов, бирж, кредитных товариществ, бухгалтерской отчётности и транспортной инфраструктуры являлось частью процессов институционального усложнения экономики.

Вместе с тем анализ отечественной и зарубежной историографии показывает наличие ряда концептуальных пробелов. Большинство исследований сосредоточено либо на купеческом сословии, либо на ярмарочной торговле, тогда как менее изученными остаются количественная структура предпринимательства, инструменты административного и фискального контроля, деятельность торговых депутатов и роль негильдейских форм коммерческой активности.

Таким образом, современная историография торгово-экономического развития Казахстана постепенно переходит от преимущественно описательных моделей к формированию концептуально выстроенных интерпретаций хозяйственного развития степного региона. В настоящем исследовании предпринимательская деятельность Северо-Восточного Казахстана рассматривается не только как следствие имперской политики или элемент экономической системы, но и как многоуровневая совокупность социальных, институциональных и экономических отношений, обеспечивавшая включение приграничья в общеимперское и евразийское хозяйственное пространство.

Результаты исследования. Количественные параметры и социальная структура торгового предпринимательства. Анализ торгового населения Северо-Восточного Казахстана показывает, что на рубеже XIX–XX вв. предпринимательская среда уже выходила за рамки узкой сословной группы гильдейского купечества и постепенно превращалась в сложную систему экономических отношений. Материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., промысловая статистика и архивные документы свидетельствуют о том, что в торгово-коммерческую деятельность были вовлечены различные сословия. Такая структура отражала специфику приграничья, где обменные процессы развивались на пересечении традиционных хозяйственных практик, переселенческой экономики и общеимперского рынка.

В этом отношении коммерческая сфера отличалась от классической модели городской купеческой торговли центральных губерний Российской империи. В областях Казахстана торговая деятельность сохраняла высокую степень социальной мобильности и организационной гибкости. Предпринимательский сектор сочетал элементы семейного хозяйства, посреднических практик, сезонного обмена и ранних рыночных форм предпринимательства. Поэтому анализ предпринимательской среды требует выхода за пределы формально-сословной классификации купечества и обращения к более широкому кругу участников торгово-экономических отношений.

В материалах переписи 1897 г. было зафиксировано 65 видов занятий, из которых в ходе ретроспективного анализа были выделены категории, связанные с торгово-предпринимательской деятельностью. Критериями отнесения к данной сфере являлись получение дохода от коммерческих операций, участие в кредитно-финансовой деятельности, посреднические функции, оказание транспортных и торговых услуг, а также торговля различными категориями товаров. Такой подход позволяет рассматривать предпринимательство не только как юридически оформленную купеческую деятельность, но и как более широкую систему торгово-посреднических связей, объединявших различные формы обмена и хозяйственного взаимодействия.

Согласно данным переписи, общая численность населения Северо-Восточного Казахстана составляла 1 367 198 человек, из которых 39 633 были заняты в торгово-коммерческой сфере. В территориальном разрезе 55,6 % торгового населения приходилось на Акмолинскую область и 44,4 % – на Семипалатинскую [посчитано автором: Первая… Акмолинская область, 1904; Первая… Семипалатинская область, 1905]. Такое распределение указывает на высокую степень вовлеченности изучаемых районов в процессы товарообмена и формирование локальных рынков. Одновременно различия между областями отражали различную интенсивность экономического развития, связанную с транспортной инфраструктурой, переселенческим движением, уровнем урбанизации и приграничным положением отдельных территорий.

Особое значение имеет показатель численности самостоятельных предпринимателей. По материалам переписи их количество составляло 11 929 человек, или 0,87 % общей численности населения двух областей. Несмотря на сравнительно небольшую долю, данный показатель указывает на постепенное формирование самостоятельного предпринимательского слоя в условиях преимущественно аграрно-скотоводческой экономики. Торговое предпринимательство ещё не приобрело массового характера, однако уже выполняло важную посредническую функцию между традиционным хозяйством, городским рынком и общеимперской системой экономических связей.

Не менее показательной является структура самого торгового населения. Лишь 33,5 % лиц, занятых в торговле, осуществляли коммерческие операции самостоятельно, тогда как основную часть составляли члены семей предпринимателей. Данное соотношение отражает сохранение семейно-хозяйственной модели организации торговли, при которой предпринимательская деятельность ещё не была полностью отделена от домашнего труда. В данном случае торговля функционировала не только как экономическая модель, но и как форма семейной адаптации к изменяющимся рыночным условиям.

Социально-демографическая структура предпринимательской среды также отражала особенности Северо-Восточного Казахстана. Среди самостоятельных предпринимателей мужчины составляли 76,8 %, тогда как женщины и дети до 15 лет преимущественно выполняли вспомогательные функции. Вместе с тем их участие в торговле показывает, что рыночная инфраструктура постепенно охватывала различные категории населения и формировала новые модели распределения труда внутри семьи.

Полученные результаты в целом коррелируют с выводами Н. В. Алексеенко, согласно которым в конце XIX в. в среднем на 1000 жителей Казахстана приходилось 28 человек, занятых в торговле

[Алексеенко, 1981: 76]. Вместе с тем региональный анализ показывает, что торговая активность распределялась крайне неравномерно и зависела от уровня урбанизации, транспортной доступности, хозяйственной специализации и этнического состава населения. Следовательно, торговую сферу следует рассматривать как один из важнейших способов включения областей в систему торговых коммуникаций.

Этническая структура торгового предпринимательства и трансграничные коммерческие связи. В отличие от внутренних губерний Российской империи, где торговая деятельность чаще сохраняла относительно устойчивую сословно-этническую структуру, в приграничных районах Казахстана торговая инфраструктура формировалась в условиях интенсивного взаимодействия различных этнических и социальных групп. Торговля в данном случае выступала не только способом экономического обмена, но и важным пространством межэтнического взаимодействия и посредничества.

Участие казахского населения в торговле сопровождалось постепенным изменением социальной структуры степного общества. Расширение торговой деятельности усиливало значение посреднических групп, способствовало появлению новых источников дохода и повышало роль мобильных форм хозяйственной активности. В условиях роста межрегионального товарообмена торговля становилась одним из каналов адаптации части казахского населения к меняющимся экономическим условиям и новым формам хозяйственных отношений.

Согласно материалам переписи 1897 г., в целом по Северо-Восточному Казахстану наиболее активной группой в сфере торговли являлось русское население, составлявшее 50,9 % всех занятых в коммерческой деятельности. Доля казахов достигала 25,8 %, татар – 16,8 %, евреев – 1,9 %, представители других этнических групп составляли 4,6 % [посчитано автором: Первая… Акмолинская область, 1904; Первая… Семипалатинская область, 1905]. Однако данные показатели не отражают всей сложности местной структуры торгового предпринимательства. Более детальный анализ показывает существенные различия между Акмолинской и Семипалатинской областями.

В Акмолинской области доминирующее положение занимали русские предприниматели, составлявшие 61,8 % торгового населения. Далее следовали татары – 15,7 %, казахи – 14,1 %, евреи – 2,8 % и представители других этнических групп – 5,6 %. Выявленная структура отражала специфику северных переселенческих районов, тесно связанных с Западной Сибирью и железнодорожными коммуникациями. Именно здесь наиболее активно развивались городская торговля, хлебный рынок, транспортное посредничество, которые были связаны с активизацией переселенческого движения.

В Семипалатинской области ситуация была иной. Среди занятых в торговле доминировали казахи – 42,5 %, тогда как доля русских составляла 35,5 %, татар – 18,3 %, сартов – 2,2 %. Данное различие имеет принципиальное значение для понимания особенностей экономического развития областей. Высокая доля казахского населения в торговле указывает на активное участие коренных жителей в процессах товарообмена, чем это традиционно отражалось в советской историографии. В данном случае казахское население выступало не только объектом проникновения торгового капитала, но и самостоятельным участником трансграничного обмена.

Такая специфика была непосредственно связана с географическим положением Семипалатинской области, являвшейся важным узлом караванных маршрутов, связывавших степные районы с Центральной Азией и приграничными территориями Китая. Именно приграничная торговля обеспечила формирование многоэтничной предпринимательской среды, в которой коммерческие связи нередко оказывались важнее сословных и конфессиональных различий.

Данные подтверждают активное участие казахских торговцев не только в локальной ярмарочной торговле, но и в более сложных формах международного обмена. Так, в 1884 г. Семипалатинским областным правлением было выдано 57 торговых билетов для торговли в Синьцзяне, в 1885 г. – 28 билетов. Караванные маршруты связывали регион с Чугучаком, Кульджой, Кобдо, Улясутаем и Манасом [Галиев, 2003: 23]. В 1891 г. через таможни Семипалатинской области было вывезено товаров на сумму 221 766 рублей, причём часть караванов принадлежала казахским торговцам. Эти материалы позволяют констатировать постепенное формирование собственных предпринимательских стратегий казахов в условиях расширения трансграничного рынка.

Особенно важно, что участие казахских торговцев не ограничивалось исключительно посредническими функциями. В опубликованных списках купцов Семипалатинской области за 1904 г. зафиксированы представители казахского, русского и татарского предпринимательства [Касымбаев, 1996: 61]. Это показывает формирование устойчивой многоэтничной коммерческой

среды, где торговля становилась практическим фактором социального взаимодействия различных групп населения.

В более широком сравнительном контексте подобные формы посреднической и трансграничной торговли были характерны и для других приграничных районов Евразии. Торговля выступала важным элементом включения периферийных территорий в систему межрегионального рынка, а посреднические группы играли значительную роль в развитии устойчивых торговых связей. Таким образом, этническая структура торгового предпринимательства отражала не только демографические особенности областей, но и более глубокие процессы экономического развития степного пространства.

Разрядная структура торговли и концентрация капитала. Анализ промысловой статистики показывает постепенное расширение торгово-предпринимательской деятельности. Рост количества торговых свидетельств отражал не только увеличение числа торговых заведений, но и развитие товарно-денежных отношений, расширение межтерриториального обмена и усиление хозяйственных связей.

Согласно статистическим данным, в 1893–1897 гг. в Северо-Восточном Казахстане было выдано 9 742 свидетельства на право осуществления торговой деятельности, из которых 61 % приходился на Акмолинскую область и 39 % – на Семипалатинскую [Подсчитано по: ЦГА РК, ф. 15, оп. 1, д. 1372, л. 36, 37; ЦГА РК, ф. 369, оп. 1, д. 8, л. 24, 25]. Выявленная динамика указывает на расширение коммерческой активности и вовлечении различных социальных групп в торговые отношения. Одновременно увеличение числа торговых свидетельств отражало усиление административного контроля над торговлей и распространение более организованных форм регулирования коммерческой деятельности.

Однако количественное преобладание торговых заведений в Акмолинской области не означало доминирования крупного капитала. Напротив, сравнительный анализ показывает более сложную структуру регионального рынка. В Семипалатинской области количество свидетельств первой гильдии было в 2,5 раза выше, чем в Акмолинской. Это указывает на более высокую степень концентрации капитала и более заметное присутствие крупных предпринимательских структур.

Такая специфика объяснялась экономическим положением Семипалатинской области. В отличие от преимущественно переселенческой Акмолинской области, где преобладала массовая мелкая торговля, Семипалатинск являлся важным центром караванной торговли. Здесь концентрировались крупные торговые дома, склады, транспортные конторы и посреднические структуры, связанные с торговлей сопредельными территориями. Именно приграничные обменные операции создавали условия для накопления капитала и развития устойчивых торговых связей.

Между тем по данным за 1912 г. в Семипалатинской области было выдано 50 свидетельств первого разряда, 783 – второго, 1 402 – третьего, 954 – четвёртого и 287 – пятого [Обзор, 1912: 41]. Эти показатели позволяют определить реальную структуру местного рынка. Основу торгового предпринимательства составляли предприятия третьего, четвёртого и пятого разрядов, то есть мелкая и средняя торговля, ориентированная преимущественно на локальные рынки, ярмарки, уездные центры и повседневный спрос населения.

Количественное преобладание мелких торговых заведений не исключало процессов концентрации капитала. Немногочисленные предприятия высших разрядов контролировали наиболее прибыльные направления коммерческой деятельности, включая оптовую торговлю, экспорт сельскохозяйственной продукции, посреднические операции, складское хозяйство и транспортировку товаров. Следовательно, массовая мелкая торговля сочеталась с ограниченным числом крупных предпринимательских структур, связанных с межрегиональным товарооборотом.

Разрядная структура торговли показывает двойственный характер экономического развития областей. С одной стороны, местный рынок сохранял черты традиционной экономики, где преобладали мелкие мобильные формы торговли, тесно связанные с ярмарочным обменом и семейным предпринимательством. С другой стороны, в крупнейших городских центрах происходило формирование элементов более сложной коммерческой инфраструктуры – торговых домов, складских комплексов, кредитных учреждений и транспортных организаций.

В отличие от индустриальных районов европейской части Российской империи, где капиталистическая концентрация была связана, прежде всего, с фабричным производством и банковским сектором, в Казахстане модернизация носила преимущественно торгово-посреднический характер. Основными инструментами накопления капитала выступали торговый сектор,

транспортировка товаров, кредитные операции и контроль над потоками сельскохозяйственной продукции и сырья.

Государственное регулирование и институционализация торговли. Одним из важнейших результатов исследования является выявление возрастающей роли государства в регулировании торгового предпринимательства. Развитие торговли сопровождалось не только расширением предпринимательской активности, но и формированием механизмов административного, налогового и правового контроля над рынком.

С конца XIX в. налоговая политика Российской империи в отношении торговли приобретала всё более дифференцированный характер. Закон о государственном промысловом налоге предусматривал систему льгот и освобождений в зависимости от характера продукции и формы торговли. В 1899 г. Министерством финансов был утверждён перечень видов торговли, освобождённых от налогообложения, включая продажу сельскохозяйственной продукции, простонародной одежды, кустарных изделий и печатной продукции [Положение, 1902: 428]. Льготы распространялись также на потребительские общества с капиталом менее 10 тыс. рублей, ярмарочную и развозную торговлю, временные базары и мелочные предприятия низших разрядов [Положение, 1902: 340].

Такая политика отражала стремление государства не только усилить контроль над торговлей, но и адаптировать систему налогообложения к особенностям местной экономики, где значительная часть коммерческой деятельности сохраняла сезонный и семейно-хозяйственный характер. В результате государственное регулирование носило двойственный характер: с одной стороны, усиливался административный контроль, с другой – сохранялись условия для функционирования мелкой торговли и локального обмена.

Усиление административного контроля над торговлей являлось частью более широкой политики интеграции степных областей в хозяйственную систему Российской империи. Распространение налогового учёта, промысловых свидетельств и механизмов финансовой отчётности отражало постепенное внедрение единых административных практик, изменявших характер хозяйственной жизни приграничного региона. В этих условиях торговая сфера становилась пространством взаимодействия местных предпринимательских групп и имперских институтов управления.

Важным элементом регулирования торговли являлся институт торговых депутатов. Они избирались городскими думами из числа местных предпринимателей и выполняли функции контроля за соблюдением правил торговли, взаимодействовали с податными инспекторами и участвовали в проверках торговых заведений [ЦГА РК, ф. 342, оп. 1, д. 573, л. 98, 134–160]. По материалам установлено, что в Усть-Каменогорске, Кокчетаве, Павлодаре, Петропавловске, Семипалатинске и Омске действовали торговые депутаты и кандидаты, представлявшие различные социальные группы. Всего по девяти городам Акмолинской и Семипалатинской областей было зафиксировано 23 действующих торговых депутата и 20 кандидатов.

Значение данного института выходило за рамки административного надзора. Торговые депутаты выступали посредниками между предпринимательским сообществом и государством, обеспечивая взаимодействие локального рынка с системой имперского управления. Через них предприниматели получали возможность участия в городской коммерческой жизни, а государство – инструменты контроля и сбора информации о состоянии торговли.

Не менее важным направлением развития торговли являлось распространение бухгалтерской регламентации. Представители первого разряда были обязаны вести восемь видов учётных книг, включая кассовую, товарную и расчётную документацию [ЦГА РК, ф. 342, оп. 1, д. 551, л. 1, 3]. Для мелочной торговли предусматривался упрощённый вариант отчётности. Распространение бухгалтерских практик показывает постепенный переход торговли от неформальной модели расчёта к более организованной системе коммерческого управления, основанной на финансовой дисциплине и отчётности.

Вместе с тем проверки 1912 г. фиксировали многочисленные нарушения: совместное хранение различных групп товаров, отсутствие складского оборудования, неучтённые запасы и несоблюдение санитарных требований [ИАОО, ф. 36, оп. 1, д. 5, л. 36, 48]. Это показывает, что внедрение новых способов регулирования далеко не всегда сопровождалось их полноценным освоением предпринимательской средой. Между нормативными требованиями и повседневной практикой сохранялся значительный разрыв.

Развитие системы налогообложения, торгового представительства и бухгалтерского контроля отражало постепенный переход от локальных форм обмена к более организованной модели торговой деятельности. Именно через данные факторы обменные операции становились важным инструментом экономической интеграции и социальной трансформации областей.

Торговые дома, биржи и формирование коммерческой инфраструктуры. Несмотря на сравнительно небольшое число крупных торговых домов, именно они играли важную роль в концентрации капитала, расширении межтерриториального обмена и формировании коммерческой инфраструктуры. В отличие от мелкой ярмарочной торговли, ориентированной преимущественно на локальный рынок, крупные торговые структуры объединяли закупку сырья, его переработку, транспортировку и реализацию продукции.

Деятельность крупнейших торговых домов концентрировалась главным образом в городах, где пересекались административные, транспортные и финансовые потоки. Особенно заметно данные процессы проявлялись в Семипалатинске. В городе действовала контора по закупке пшеницы купца первой гильдии И. И. Игнатова, владевшего филиалами, мельницами и пристанями. Торговлей железными и скобяными товарами занимался П. И. Матягин, кожевенными изделиями – предприниматель Увалий Бестаев, мануфактурой и чаем – А. В. Москвин, азиатскими товарами и бакалеей – Мир Мажит Иноятов и другие [ЦГА РК, ф. 342, оп. 1, д. 551, л. 11]. Подобная специализация указывает на постепенное усложнение местного рынка и рост товарной дифференциации.

Существенным этапом развития коммерческой инфраструктуры стало создание товарных бирж. В 1908 г. был утверждён устав Петропавловской биржи, а в 1910 г. – уставы Сибирского общества пароходства, промышленности и торговли и Семипалатинской биржи [ЦГА РК, ф. 64, оп. 1, д. 3798, л. 5]. Создание бирж отражало переход от преимущественно традиционных форм торговли к более организованной системе обмена.

Статистические данные за 1909 г. показывают высокий уровень экономической активности Семипалатинска. Товарооборот города достигал 26 710 180 рублей, грузооборот – 8 972 949 пудов, а годовой оборот пяти банков составлял 598 тыс. рублей [ИАОО, ф. 199, оп. 1, д. 3, л. 28]. В городе функционировало 1 227 торгово-промышленных заведений, две нотариальные конторы и шесть транспортных организаций. Такие показатели позволяют рассматривать Семипалатинск как один из крупнейших торговых центров Степного края.

Развитие бирж, банков, нотариальных контор и транспортных обществ свидетельствовало о постепенном усложнении местного рынка. Рынок всё больше зависел от кредитных операций, договорных отношений, транспортной логистики и финансового сопровождения.

Основными направлениями торговли являлись операции с сельскохозяйственной продукцией, мануфактурными товарами, чаем, сахаром, кожевенными изделиями, лесом, маслом, зерном и сельскохозяйственными машинами. По объёмам оборотов в 1912 г. лидировали склады сельскохозяйственных орудий, универсальные магазины, мелочные лавки, маслозакупочные конторы и лесные склады [ЦГА РК, ф. 342, оп. 1, д. 91, л. 34].

Особенно показательной была продажа сельскохозяйственной техники, отражавшая развитие переселенческого земледелия и распространение новых форм хозяйствования. Владельцы складов использовали каталоги, рекламу, кредитные программы и специальные предложения для переселенцев, что показывает распространение новых коммерческих практик и элементов рыночного маркетинга [ИАОО, ф. 78, оп. 1, д. 183, л. 13].

Развитие торговли техникой сопровождалось усложнением транспортной инфраструктуры. В Акмолинске функционировали отделения транспортных контор, включая акционерное общество «Герард и Гей», товарищество «Братья Каменские Ф. и Г.» и «Российское транспортное и страховое общество» [ЦГА РК, ф. 15, оп. 1, д. 1594, л. 57]. Это показывает, что исследуемый сектор всё больше зависел от логистики, кредитования и страхования.

Значительное место занимал торг продукцией сельского хозяйства. Предприятие Эмиля Гольма специализировалось на продаже муки, сноповязалок и другой техники [ЦГА РК, ф. 342, оп. 1, д. 87, л. 12]. Особенно интенсивно развивалась продажа масла, находившаяся под контролем датских, английских и немецких фирм. Данные процессы указывают на расширение внешнеторговых связей региона и рост экспорта сельскохозяйственной продукции.

Особое значение имела хлеботорговля, развитие которой сопровождалось концентрацией капитала и распространением акционерных форм предпринимательства. Крупнейшими структурами

являлись общество «Семён Плещеев сын и К°» и торговый дом «Адриана Кубрина и семейства» [Касымбаев, 1998: 38]. Акционерные предприятия концентрировали закупку зерна, переработку и реализацию муки, связывая аграрные районы Северо-Восточного Казахстана с другими рынками.

Вместе с тем современники фиксировали признаки монополизации рынка. Крупные мукомольные объединения, не имея серьёзной конкуренции, самостоятельно устанавливали цены на зерно и муку, реализуя продукцию по завышенной стоимости в Омске, Петропавловске и Тюмени [Касымбаев, 1990: 61]. Это показывает, что развитие торговли сопровождалось не только расширением рынка, но и усилением зависимости мелких производителей от посреднического капитала. Укрепление транспортной инфраструктуры, кредитной системы и акционерных форм предпринимательства сочеталось с усилением концентрации капитала и ограничением конкуренции.

Первые кооперативы появились в Семипалатинске в 1903 г., а к 1913 г. в Казахстане насчитывалось уже 208 кооперативов, из которых 23 действовали в Семипалатинской и 97 – в Акмолинской области [ИАОО, ф. 78, оп. 1, д. 18, л. 17-21]. Кооперативные организации функционировали в большинстве казачьих станиц и значительной части волостей региона. Особенно активно кооперативное движение развивалось в 1910–1912 гг., когда начали открываться кредитные товарищества, сельскохозяйственные склады, потребительские общества и артельные лавки.

Кооперативы расширяли доступ населения к товарам, технике и кредиту, одновременно снижая зависимость мелких производителей от посредников и крупных торговых домов. Они организовывали поставку оборудования, принимали заказы крестьян и оформляли продажу техники в кредит под векселя. Компания «Зингер» распространяла швейные машины через агентскую сеть, а датская фирма «Сибирская» реализовывала сепараторы компаний «Лаваль» и «Парфакт» [ИАОО, ф. 199, оп. 1, д. 3, л. 28]. Всего в двух областях действовало свыше 100 торговых кооперативов в форме артельных лавок и потребительских обществ.

Важную роль в распространении новых коммерческих практик играли специализированные выставки. В 1911 г. состоялась первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка [ИАОО, ф. 38, оп. 1, д. 1, л. 6, 7], способствовавшая укреплению связей между производителями, торговцами и кредитными организациями.

Особое значение имело развитие транспортных предприятий, обеспечивавших связь Северо-Восточного Казахстана с Сибирью, Центральной Азией и приграничными районами Китая. Среди крупнейших структур выделялись Западно-Сибирское пароходное торговое товарищество, товарищество «Гутермахер Н. А. и К°», Русско-китайское акционерное общество пароходства и торговли и общество «Любимов И. и К°» [ЦГА РК, ф. 342, оп. 1, д. 793, л. 45]. Развитие транспортной инфраструктуры обеспечило расширение товарооборота и укрепление экономических связей.

Динамика торговой активности в годы Первой мировой войны показывает высокую зависимость предпринимательства региона от общеимперской экономической ситуации. Военные события, нарушение транспортных коммуникаций, рост цен и снижение платёжеспособного спроса привели к дестабилизации местного рынка и сокращению торговой активности.

По данным Омской казённой палаты, в 1914 г. было выдано 11 516 торговых свидетельств на сумму 247 238 рублей, тогда как в 1915 г. – только 7 633 свидетельства на сумму 200 817 рублей 50 копеек [ИАОО, ф. 87, оп. 1, д. 15, л. 22]. Сокращение количества свидетельств отражало кризис торговых связей, особенно затронувший торговлю, зависевшую от транспортных и посреднических операций.

Сравнительный анализ данных 1918 г. показывает дальнейшее сокращение числа торговых заведений в условиях политической нестабильности и разрушения единого экономического пространства. Вместе с тем сохранялась устойчивая структура рынка: предприятия высших разрядов концентрировались в городах, тогда как в уездах преобладала мелкая торговля. Более половины заведений относились к третьему разряду, 21,4 % – ко второму и 17,8 % – к четвёртому [ЦГА РК, ф. 342, оп. 1, д. 793, л. 68].

Такое распределение показывает, что именно мелкая и средняя торговля оказалась наиболее устойчивой формой предпринимательства в кризисных условиях. В отличие от крупных коммерческих структур, зависимых от крупного товарооборота и кредитных операций, мелкие предприятия легче адаптировались к локальным изменениям рынка.

Несмотря на развитие бирж, банков, транспортных обществ и кредитных товариществ, значительная часть торговли продолжала опираться на традиционные формы хозяйственной практики – семейное предпринимательство, локальные кредитные связи и ярмарочный обмен.

Именно сочетание новых коммерческих институтов с традиционными формами экономического взаимодействия обеспечивало относительную устойчивость местного рынка в условиях кризиса.

Заключение. Проведённое исследование показывает, что торговое предпринимательство являлось одним из важных факторов экономического развития Северо-Восточного Казахстана. Развитие торговли сопровождалось расширением товарообмена, укреплением хозяйственных связей и постепенным усложнением коммерческой инфраструктуры.

Особенностью Северо-Восточного Казахстана было его приграничное положение и активное участие в торговых связях с Сибирью, Центральной Азией и западными районами Китая. Это обеспечило условия для распространения сложных форм предпринимательства, включая торговые дома, биржи, кредитные товарищества, транспортные общества. В отличие от других областей Степного края, регион развивался как важный узел межрегионального товарообмена.

Исследование показало, что предпринимательская среда Северо-Восточного Казахстана отличалась многоэтничностью и социальной неоднородностью. Особенно важным является установленный факт активного участия казахского населения в приграничной и караванной торговле, что позволяет пересмотреть традиционное представление о роли коренного населения в развитии рыночных отношений.

Установлено, что развитие торговли сопровождалось распространением кредитной системы, бухгалтерской отчётности и биржевой торговли. Вместе с тем модернизационные процессы носили противоречивый характер: новые формы торговой организации сочетались с традиционными практиками хозяйствования.

В более широком сравнительном контексте опыт Северо-Восточного Казахстана отражал общие закономерности развития приграничья Российской империи конца XIX – начала XX вв., где торговое предпринимательство выступало посредником между локальными хозяйственными практиками и системой общеимперского рынка. Таким образом, торговая сфера стала важным фактором экономической интеграции и одним из условий экономической модернизации региона.

Перспективы дальнейших исследований связаны с более глубоким изучением трансграничных торговых связей Казахстана с Китаем и Центральной Азией, роли казахских посреднических групп в системе российско-китайской торговли. Особый научный интерес представляет исследование повседневных коммерческих практик и влияния предпринимательской деятельности на трансформацию социальной структуры степного общества.

Источники

ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан

ИАОО – Исторический архив Омской области

Литература

Абилов, 2009а – *Абилов К.Ж.* К вопросу о развитии постоянной (стационарной) торговли в дореволюционном Казахстане (конец XIX – начало XX века) // *Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право*. 2009. № 2 (54). С. 125–131.

Абилов, 2009б – *Абилов К.Ж.* Некоторые особенности становления национальной буржуазии в дореволюционном Казахстане (конец XIX – начало XX века) // Вестник Карагандинского университета. Серия История. Философия. Право. 2009. № 2 (54). С. 132–137.

Алексеенко, 1981 – *Алексеенко Н. В.* Население дореволюционного Казахстана (Численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата: Наука, 1981. 110 с.

Аполлова, 1976 – *Аполлова Н. Г.* Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX века. М.: Наука, 1976. 371 с.

Atantayeva et al., 2024 – *Atantayeva B., Sairanbekova U., Karimov M.* Historical Analysis of Entrepreneurial Activity in the Second Half of the XIX to the Early XX Century (Using the Example of Eastern Kazakhstan) // Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies. 2024. Vol. 147. No. 2. Pp. 33–56. DOI: 10.32523/2616-7255-2024-147-2-33-56.

Ахметова, 2026 – *Ахметова Г.* М. Торгово-экономическое развитие Казахстана в XIX – начале XX века: отечественная и зарубежная историография // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 1. С. 142–160. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_1_142-160.

Бисембаева, 2020 – *Бисембаева Л. А.* Тауар-ақша қатынастары жағдайындағы Жетісу қазақтары (XIX ғасырдың II жартысы – XX ғасырдың басы) // Asian Journal «Steppe Panorama». 2020. Т. 4(24). 100–109 бб.

Галиев, 2003 – *Галиев В. В.* Казахстан в системе российско-китайских торгово-экономических отношений в Синьцзяне (конец XIX – начало XX в.). Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, 2003. 189 с.

Галузо, 1929 – *Галузо П. Г.* Туркестан – колония. М., 1929. 143 с.

Джаниева, 2007 – *Джаниева Р. М.* Социально-экономическое и культурное развитие уездных городов Степного края в конце XIX – начале XX вв. Дисс. … канд. истор. наук. Омск, 2007. 153 с.

Ерофеева, 1990 – *Ерофеева И. В.* Характер торговли и формирование купеческого сословия в городах Северо-Восточного Казахстана XIX века // Обменные операции в городах Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 114–132.

Жакупбекова, 1993 – *Жакупбекова Д. Т.* Торгово-промышленное предпринимательство в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков (На материалах Уральской и Тургайской областей): дис. … канд. истор. наук. Алматы, 1993. 160 с.

Jones, Wadhwani, 2006 – *Jones G., Wadhwani R.* Entrepreneurship and Business History: Renewing the Research Agenda. Boston: Harvard Business School, 2006. 45 p.

Игибаев, 1995 – *Игибаев С. К.* Население Семипалатинской области конца XIX века (по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи) // Социально-политические и демографические аспекты развития Казахстана. Алма-Ата, 1995. С. 9–18.

Campbell, 2017 – *Campbell I.* Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917. Ithaca: Cornell University Press, 2017. 312 p.

Касымбаев, 1990 – *Касымбаев Ж. К.* Города Восточного Казахстана в 1861–1917 гг. (социально-экономический аспект). Алма-Ата: Ғылым, 1990. 184 с.

Касымбаев, 1996 – *Касымбаев Ж. К.* Казахстан–Китай: караванная торговля в XIX – начале XX вв. Алматы: Өлке, 1996. 206 с.

Касымбаев, 1998 – *Касымбаев Ж. К.* История города Семипалатинска (1718–1917 гг.). Алматы, 1998. 274 с.

Қожақұлы, Асқар, 2025 – *Қожақұлы Ө., Асқар А. XIX ғ. II жартысы мен XX ғ. бас кезіндегі Сырдария облысындағы сауда мен өнеркәсіптің дамуы // Отан тарихы*. 2025. № 28 (3). 881–894 бб.

Мамытова, 2014 – *Мамытова С. Н.* История предпринимательства в Казахстане во второй половине XIX – начале XX веков. Алматы: Эверо, 2014. 324 с.

Morrison, 2021 – *Morrison A.* The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 641 p.

Обзор, 1912 – *Обзор Семипалатинской области за 1912 год*. Семипалатинск, 1912. 141 с.

Первая перепись, 1904 – *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г*. Акмолинская область. Т. X. СПб., 1904. 135 с.

Первая перепись, 1905 – *Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г*. Семипалатинская область. Т. XIV. СПб., 1905. 148 с.

Pierce, 1960 – *Pierce R.* Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley: University of California Press, 1960. 359 p.

Положение, 1902 – *Положение о государственном промысловом налоге*, дополненное всеми указаниями и распоряжениями правительства и разъяснённое решениями Правительствующего Сената и циркулярами Министерства финансов / сост. Н. Хлебников, И. Пекарский. СПб., 1902. 855 с.

Рожкова, 1949 – *Рожкова М. К.* Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй половине XIX века и русская буржуазия. М.–Л., 1949. 416 с.

Сундетов, 1968 – *Сундетов С.* Торговля в Казахстане в начале XX века // Казахстан в канун Октября. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 220–240.

Тогжанов, 1934 – *Тогжанов Г.* Казахский колониальный аул. М., 1934. 120 с.

Тулеуова, 2012 – *Тулеуова Б. Т.* Адаптация казахского общества Центрального Казахстана к рыночным условиям во второй половине XIX – начале XX веков. Караганда, 2012. 193 с.

Шотанова, Ужкенов, 2024 – *Шотанова Г. А., Ужкенов Е. М.* Западный Казахстан в XIX веке: торговля как инструмент региональной колонизации // Отан тарихы. 2024. № 27 (3). С. 801–813.

Sources

CSA RK – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Kazakhstan [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]

IAOO – Istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [Historical Archive of the Omsk Region]

References

Abilov, 2009a – *Abilov K.Zh.* K voprosu o razvitii postoyannoi (statsionarnoi) torgovli v dorevolyutsionnom Kazakhstane (konets XIX – nachalo XX veka) [On the development of permanent (stationary) trade in pre-

revolutionary Kazakhstan (late 19th – early 20th century)]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Istoriya. Filosofiya. Pravo*. 2009. No. 2 (54). Pp. 125–131 [in Russian]

Abilov, 2009b – *Abilov K.Zh.* Nekotorye osobennosti stanovleniya natsional'noi burzhuazii v dorevolyutsionnom Kazakhstane (konets XIX – nachalo XX veka) [Some features of the formation of the national bourgeoisie in pre-revolutionary Kazakhstan (late 19th – early 20th century)]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Istoriya. Filosofiya. Pravo*. 2009. No. 2 (54). Pp. 132–137 [in Russian]

Alekseenko, 1981 – *Alekseenko N.V.* Naselenie dorevolyutsionnogo Kazakhstana (chislennost', razmeshchenie, sostav, 1870–1914 gg.) [The population of pre-revolutionary Kazakhstan: number, distribution and composition, 1870–1914]. Alma-Ata: Nauka, 1981. 110 p. [in Russian]

Apollova, 1976 – *Apollova N.G.* Khozyaistvennoe osvoenie Priirtysh'ya v kontse XVI – pervoi polovine XIX veka [Economic development of the Irtysh region in the late XVI – first half of the XIX century]. Moscow: Nauka, 1976. 371 p. [in Russian]

Atantayeva et al., 2024 – *Atantayeva B., Sairanbekova U., Karimov M.* Historical Analysis of Entrepreneurial Activity in the Second Half of the XIX to the Early XX Century (Using the Example of Eastern Kazakhstan). *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religious Studies.* 2024. Vol. 147. No. 2. Pp. 33–56. DOI: 10.32523/2616-7255-2024-147-2-33-56.

Ahmetova, 2026 – *Ahmetova G.M.* Torgovo-ekonomicheskoe razvitie Kazakhstana v XIX – nachale XX veka: otechestvennaya i zarubezhnaya istoriografiya [Trade and economic development of Kazakhstan in the XIX – early XX century: domestic and foreign historiography]. *Otan Tarihy*. 2026. Vol. 29. No. 1. Pp. 142–160. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_1_142-160 [in Russian]

Bisembaeva, 2020 – *Bisembaeva L.A.* Tauar-aqsha qatynastary zhagdayyndagy Zhetysu qazaqtary (XIX gasyrdyn II zhartysy – XX gasyrdyn basy) [Zhetysu Kazakhs in the context of commodity-money relations, second half of the XIX – early XX century]. *Asian Journal "Steppe Panorama"*. 2020. Vol. 4 (24). Pp. 100–109 [in Kazakh]

Galiev, 2003 – *Galiev V.V.* Kazakhstan v sisteme rossiisko-kitaiskikh torgovo-ekonomicheskikh otnoshenii v Sin'tszyane (konets XIX – nachalo XX v.) [Kazakhstan in the system of Russian-Chinese trade and economic relations in Xinjiang, late XIX – early XX century]. Almaty: Institut istorii i etnologii im. Ch.Ch. Valikhanova, 2003. 189 p. [in Russian]

Galuzo, 1929 – *Galuzo P.G.* Turkestan – kolonija [Turkestan is a colony]. Moscow, 1929. 143 p. [in Russian]

Djanieva, 2007 – *Djanieva R.M.* Sotsial'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie uezdnykh gorodov Stepnogo kraya v kontse XIX – nachale XX vv. [Socio-economic and cultural development of district towns of the Steppe region in the late XIX – early XX centuries]. Diss. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2007. 153 p. [in Russian]

Erofeeva, 1990 – *Erofeeva I.V.* Kharakter torgovli i formirovanie kupecheskogo sosloviya v gorodakh Severo-Vostochnogo Kazakhstana XIX veka [The nature of trade and formation of the merchant class in the cities of North-Eastern Kazakhstan in the XIX century]. *Obmennye operatsii v gorodakh Sibiri perioda feodalizma*. Novosibirsk, 1990. Pp. 114–132 [in Russian]

Jakupbekova, 1993 – *Jakupbekova D.* Torgovo-promyshlennoe predprinimatel'stvo v Kazakhstane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov (na materialakh Ural'skoi i Turgaiskoi oblastei) [Commercial and industrial entrepreneurship in Kazakhstan in the second half of the XIX – early XX centuries, based on materials from the Uralsk and Turgay regions]. Dis. ... kand. ist. nauk. Almaty, 1993. 160 p. [in Russian]

Jones, Wadhwani, 2006 – *Jones G., Wadhwani R.* Entrepreneurship and Business History: Renewing the Research Agenda. Boston: Harvard Business School, 2006. 45 p.

Igibaev, 1995 – *Igibaev S.K.* Naselenie Semipalatinskoi oblasti kontsa XIX veka (po dannym Pervoi vseobshchei perepisi naseleniya Rossiiskoi imperii*)* [The population of the Semipalatinsk region at the end of the XIX century according to the First General Census of the Russian Empire]. *Sotsial'no-politicheskie i demograficheskie aspekty razvitiya Kazakhstana*. Alma-Ata, 1995. Pp. 9–18 [in Russian]

Campbell, 2017 – *Campbell I.* Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917. Ithaca: Cornell University Press, 2017. 312 p.

Kasymbaev, 1990 – *Kasymbaev Zh.K.* Goroda Vostochnogo Kazakhstana v 1861–1917 gg. (sotsial'no-ekonomicheskii aspekt) [Cities of East Kazakhstan in 1861–1917, socio-economic aspect]. Alma-Ata: Gylym, 1990. 184 p. [in Russian]

Kasymbaev, 1996 – *Kasymbaev Zh.K.* Kazakhstan–Kitai: karavannaya torgovlya v XIX – nachale XX vv. [Kazakhstan–China: caravan trade in the XIX – early XX centuries]. Almaty: Olke, 1996. 206 p. [in Russian]

Kasymbaev, 1998 – *Kasymbaev Zh.K.* Istoriya goroda Semipalatinska (1718–1917 gg.) [History of the city of Semipalatinsk, 1718–1917]. Almaty, 1998. 274 p. [in Russian]

Qojaquly, Asqar, 2025 – *Qojaquly O., Asqar A.* XIX g. II jartysy men XX g. bas kezindegi Syrdariya oblysyndagy sauda men onerkasiptin damuy [Development of trade and industry in Syrdariya region in the second half of the XIX century and the beginning of the XX century]. *Otan Tarihy*. 2025. No. 28 (3). Pp. 881–894 [in Kazakh]

Mamytova, 2014 – *Mamytova S.N.* Istoriya predprinimatel'stva v Kazakhstane vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [History of entrepreneurship in Kazakhstan in the second half of the XIX – early XX centuries]. Almaty: Evero, 2014. 324 p. [in Russian]

Morrison, 2021 – *Morrison A.* The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 641 p.

Obzor, 1912 – *Obzor* Semipalatinskoj oblasti za 1912 god [Overview of the Semipalatinsk region in 1912]. Semipalatinsk, 1912. 141 p. [in Russian]

Pervaya perepis', 1904 – *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Akmolinskaya oblast'. T. X* [The First General Census of the Russian Empire in 1897. Akmola region. Vol. X]. Saint Petersburg, 1904. 135 p. [in Russian]

Pervaya perepis', 1905 – *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiiskoi imperii 1897 g. Semipalatinskaya oblast'. T. XIV* [The First General Census of the Russian Empire in 1897. Semipalatinsk region. Vol. XIV]. Saint Petersburg, 1905. 148 p. [in Russian]

Pierce, 1960 – *Pierce R*. Russian Central Asia, 1867–1917: A Study in Colonial Rule. Berkeley: University of California Press, 1960. 359 p.

Polozhenie, 1902 – *Polozhenie o gosudarstvennom promyslovom naloge, dopolnennoe vsemi ukazaniyami i rasporyazheniyami pravitel'stva i raz"yasnennoe resheniyami Pravitel'stvuyushchego Senata i tsirkulyarami Ministerstva finansov* [Regulation on the State Trade Tax, supplemented by all government instructions and orders and clarified by decisions of the Governing Senate and circulars of the Ministry of Finance]. Comp. by N. Khlebnikov, I. Pekarskii. Saint Petersburg, 1902. 855 p. [in Russian]

Rozhkova, 1949 – *Rozhkova M.K.* Ekonomicheskaya politika tsarskogo pravitel'stva na Srednem Vostoke vo vtoroi polovine XIX veka i russkaya burzhuaziya [The economic policy of the tsarist government in the Middle East in the second half of the XIX century and the Russian bourgeoisie]. Moscow–Leningrad, 1949. 416 p. [in Russian]

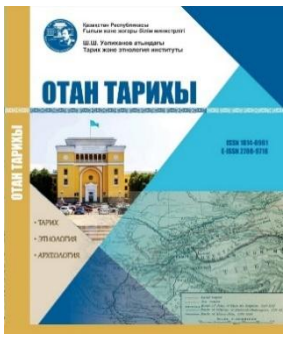
Sundetov, 1968 – *Sundetov S.* Torgovlya v Kazakhstane v nachale XX veka [Trade in Kazakhstan at the beginning of the XX century]. Kazakhstan v kanun Oktyabrya. Alma-Ata: Nauka, 1968. Pp. 220–240 [in Russian]

Togzhanov, 1934 – *Togzhanov G.* Kazahskij kolonial'nyj aul [Kazakh colonial village]. Moscow, 1934. 120 p. [in Russian]

Tuleuova, 2012 – *Tuleuova B.T.* Adaptatsiya kazakhskogo obshchestva Tsentral'nogo Kazakhstana k rynochnym usloviyam vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vekov [Adaptation of Kazakh society of Central Kazakhstan to market conditions in the second half of the XIX – early XX centuries]. Karaganda, 2012. 193 p. [in Russian]

Shotanova, Uzhkenov, 2024 – *Shotanova G.A., Uzhkenov E.M.* Zapadnyi Kazakhstan v XIX veke: torgovlya kak instrument regional'noi kolonizatsii [Western Kazakhstan in the XIX century: trade as a tool of regional colonization]. *Otan Tarihy*. 2024. No. 27 (3). Pp. 801–813 [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1173–1194
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.61
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1173-1194

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЖЕТЫСУСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI В. (ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ)

Денис Аркадьевич Черниенко[1], *Асхат Жунисович Тойбаев*[2]

[1] Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0002-1205-0473. E-mail: d.tarihshy@gmail.com

[2] Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
магистр социальных наук, младший научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0002-9688-5856. E-mail: askhat19@list.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Черниенко Д.А., Тойбаев А.Ж. 2026

Аннотация. *Введение*. Жетысуская область образована в мае 2022 г. в процессе совершенствования административно-территориального устройства Казахстана по инициативе Главы государства К.-Ж.К. Токаева, в том числе в связи с необходимостью улучшения ситуации в сфере демографии. Восточная часть региона Жетысу имеет богатую, насыщенную и динамичную историю формирования многонационального населения. Одними из очевидных особенностей края, которые осложняют, но вместе с тем и повышают актуальность его изучения, являются периодические изменения административного статуса, производившиеся в Российской империи, КазССР и в независимом Казахстане. Возвращение области самостоятельного статуса послужит усилению внимания к ее комплексному изучению, в том числе в рамках исторических наук. *Цель статьи* – на основе материалов переписей населения показать общую динамику этнодемографических изменений, происходивших на территории современной Жетысуской области с конца XIX в. до настоящего времени. *Материалы и методы*. Показана динамика формирования этнической структуры области на материалах переписей населения 1897–2021 гг. в контексте общественно-политических и социально-экономических процессов, происходивших на разных этапах истории. Поскольку для функционирования административно-территориальных образований на изучаемой территории характерно частое изменение и несовпадение границ, то в ряде случаев расчеты производились по более мелким единицам – уездам, волостям, районам. Сравнительный анализ относительно сопоставимых территорий позволяет в целом составить картину и основные тенденции этнодемографических трансформаций. *Обсуждение.* Новизна статьи определяется тем, что при наличии ряда работ по истории отдельных народов Жетысуской области общий анализ этнодемографической динамики и основных этапов формирования многонационального состава

населения не предпринимался. *Результаты*. Включение Жетысу в структуру Российской империи, а затем СССР обусловило активные колонизационные процессы и как следствие прибытие новых этнических групп. Переписи населения зафиксировали происходившие изменения и основные направления этнодемографической эволюции. *Выводы*. Этнодемографические процессы в Жетысуской области за последние полтора столетия характеризуются такими чертами, как превращение казахского населения в этническое меньшинство и возвращение к статусу главного этнического компонента, интернационализация, замедленная урбанизация, наличие особенностей территориального размещения, постепенное изменение этнической структуры. К настоящему времени этнические группы восточной части Жетысу изучены неравномерно, необходимы дальнейшие комплексные исследования, посвященные истории и культуре отдельных этносов.
Ключевые слова: история, миграции, Жетысуская область, перепись населения, регион, урбанизация, этнодемографические процессы, этническая структура, этносы, Южный Казахстан.
Благодарность. Статья выполнена в рамках реализации проекта КН МНВО РК «Междисциплинарное исследование региональных аспектов истории Казахстана (на основе новых архивных материалов и фольклорных произведений)» (ИРН BR28512385).
Для цитирования: Черниенко Д.А., Тойбаев А.Ж. Этнодемографические процессы в Жетысуской области в конце XIX – XXI в. (по данным переписей населения) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1173–1194. [на рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1173-1194

XIX–XXI ҒАСЫРДЫҢ СОҢЫНДАҒЫ ЖЕТІСУ ОБЛЫСЫНДАҒЫ ЭТНОДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ПРОЦЕСТЕР (ХАЛЫҚ САНАҚ МӘЛІМЕТТЕРІ БОЙЫНША)

Денис Аркадьевич Черниенко[1], Асхат Жүнісұлы Тойбаев[2]

[1] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы)
тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0000-0002-1205-0473 E-mail: d.tarihshy@gmail.com

[2] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(Шевченко көш., 28, 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы)
әлеуметтік ғылымдар магистрі, кіші ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0000-0002-9688-5856 E-mail: askhat19@list.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Черниенко Д.А., Тойбаев А.Ж. 2026

Аңдатпа. *Кіріспе*. Жетісу облысы 2022 жылдың мамыр айында Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаевтың бастамасымен Қазақстанның әкімшілік-аумақтық құрылымын жетілдіру үдерісі аясында, ішінара демографиялық жағдайды жақсарту қажеттілігіне байланысты құрылды. Жетісу өңірінің шығыс бөлігі көп ұлтты халықтың дамуының бай, жарқын және қарқынды тарихына ие. Өлкенің зерттелуін күрделендіретін, бірақ өзектілігін арттыратын айқын сипаттамалардың бірі – Ресей империясында, КСРО-да және тәуелсіз Қазақстанда болған әкімшілік мәртебенің кезеңді түрде өзгеруі. Дербес облыстың мәртебесін қайтару оны кешенді зерделеуге, оның ішінде тарих ғылымдары шеңберінде назар аударуды күшейтуге қызмет етеді. *Мақаланың мақсаты* – халық санағы деректеріне сүйене отырып, қазіргі Жетісу өлкесінің аумағында 19 ғасырдың аяғынан бастап бүгінгі күнге дейін болған этнодемографиялық өзгерістердің жалпы динамикасын көрсету. *Материалдар мен тәсілдер*. Аймақтың этникалық құрылымының қалыптасу динамикасы 1897–2021 жылдардағы халық санағының деректері арқылы тарихтың әртүрлі кезеңдерінде болып жатқан қоғамдық-саяси және әлеуметтік-экономикалық процестер контекстінде суреттелген. Зерттелетін аумақтағы әкімшілік-аумақтық құрылымдардың жұмыс істеуі шекаралардың жиі өзгеруімен және бұрмалануымен сипатталатындықтан, кейбір жағдайларда кішігірім бірліктер – уездер, болыстар және округтер бойынша есептеулер жүргізілді. Салыстырмалы аумақтарды салыстырмалы талдау этнодемографиялық қайта құрулардың жалпы көрінісі мен негізгі тенденцияларын көруге мүмкіндік

береді. *Талқылау*. Бұл мақаланың жаңалығы Жетісу өлкесіндегі жекелеген халықтардың тарихына қатысты бірнеше зерттеулер болғанымен, этнодемографиялық динамикаға және халықтың көпұлтты құрамының қалыптасуының негізгі кезеңдеріне жалпы талдау жүргізілмегендігінде. *Нәтижелер*. Жетісудың Ресей империясының, одан кейін КСРО-ның құрамына енуі белсенді отарлау процестеріне, соның салдарынан жаңа этникалық топтардың келуіне әкелді. Халық санақтарында болып жатқан өзгерістер мен этнодемографиялық эволюцияның негізгі бағыттары жазылды. *Қорытындылар*. Жетісу өңіріндегі соңғы бір жарым ғасырдағы этнодемографиялық процестер қазақ халқының этникалық азшылыққа айналуы және негізгі этникалық құрамдас статусына қайта оралуы, интернационалдану, урбанизацияның баяу жүруі, аумақтық таралу ерекшеліктерінің болуы, этникалық құрылымның бірте-бірте өзгеруі сияқты ерекшеліктермен сипатталады. Бүгінгі күнге дейін шығыс Жетісудың этностары біркелкі зерттелмегендіктен, жекелеген этностардың тарихы мен мәдениетіне қатысты одан әрі жан-жақты зерттеулер қажет.

Түйін сөздер: тарихы, көші-қоны, Жетісу облысы, халық санағы, өлке, урбанизация, этнодемографиялық процестер, этникалық құрылым, этникалық топтар, Оңтүстік Қазақстан.

Алғыс. Мақала ҚР ҒЖБМ Ғылым комитетінің «Қазақстан тарихының аймақтық аспектілерін пәнаралық зерттеу (жаңа мұрағат материалдары мен фольклорлық шығармалар негізінде)» (ЖТН BR28512385) жобасын іске асыру шеңберінде орындалды.

Дәйексөз үшін: Черниенко Д.А., Тойбаев А.Ж. XIX–XXI ғасырдың соңындағы Жетісу облысындағы этнодемографиялық процестер (халық санақ мәліметтері бойынша) // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1173–1194-бб. [орысш.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1173-1194

ETHNODEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE ZHETYSU REGION FROM THE LATE 19TH TO THE 21ST CENTURY (BASED ON CENSUS DATA)

Denis A. Chernienko[1], Askhat Zh. Toibayev[2]

[1] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher
https://orcid.org/0000-0002-1205-0473 E-mail: d.tarihshy@gmail.com

[2] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28 Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Master of Social Sciences, Junior Researcher
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-9688-5856 E-mail: askhat19@list.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Chernienko D.A., Toibayev A.Zh. 2026

Abstract. *Introduction*. The Zhetysu Region was established in May 2022 as part of the process of improving Kazakhstan's administrative-territorial structure, at the initiative of Head of State K.-Zh.K. Tokayev, in part due to the need to address demographic challenges. The eastern part of the Zhetysu region has a rich, eventful, and dynamic history of the formation of its multi-ethnic population. Among the region's most obvious characteristics – which complicate, yet at the same time heighten the relevance of its study – are the periodic changes in its administrative status that took place during the Russian Empire, the Kazakh SSR, and in independent Kazakhstan. The restoration of the region's status as a separate administrative unit will serve to draw greater attention to its comprehensive study, including within the field of historical sciences. *The purpose of this article* is to use census data to illustrate the general dynamics of ethno-demographic changes that have occurred in the territory of the modern Zhetysu Region from the late 19th century to the present. *Materials and methods*. This study traces the evolution of the region's ethnic composition based on data from the 1897–2021 censuses, within the context of the socio-political and socio-economic processes that unfolded at various stages of history. Since the functioning of administrative-territorial units in the studied territory is characterized by frequent changes and discrepancies in boundaries, in some cases calculations were performed using smaller units – counties, volosts, and districts.

A comparative analysis of relatively comparable territories allows for the overall formation of a picture and identification of the main trends in ethno-demographic transformations. *Discussion*. The novelty of this article lies in the fact that, despite the existence of a number of works on the history of individual peoples of the Zhetysu Region, a comprehensive analysis of ethno-demographic dynamics and the main stages in the formation of the region's multi-ethnic population has not been undertaken. *Results*. The incorporation of Zhetysu into the Russian Empire and later the USSR led to active colonization processes and, consequently, the arrival of new ethnic groups. Census data documented these changes and the main trends in ethno-demographic evolution. *Conclusions*. Ethnodemographic processes in the Zhetysu region over the past century and a half are characterized by such features as the transformation of the Kazakh population into an ethnic minority and its return to the status of the main ethnic component, internationalization, slow urbanization, specific patterns of territorial distribution, and a gradual change in the ethnic structure. To date, the ethnic groups of the eastern part of Zhetysu have been studied unevenly; further comprehensive research on the history and culture of individual ethnic groups is needed.

Keywords: history, migration, Zhetysu Region, census, region, urbanization, ethno-demographic processes, ethnic composition, ethnic groups, Southern Kazakhstan.

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of the implementation of the grant project CS MSHE RK «Interdisciplinary study of regional aspects of Kazakhstan's history (based on new archival materials and folklore works)» (IRN BR28512385).

For citation: Chernienko D.A., Toibayev A.Zh. Ethnodemographic processes in the Zhetysu region from the late 19th to the 21st century (based on census data) // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. № 3. Pp. 1173–1194. [in Rus.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1173-1194

Введение. В послании народу «Новый Казахстан: путь обновления и модернизации» от 16 марта 2022 г. во время совместного заседания палат парламента Президент РК К.-Ж.К. Токаев выступил с инициативой совершенствования административно-территориального устройства страны. В частности, было обращено внимание на объективные проблемы функционирования Алматинской агломерации, когда жители области в основном проживают в пригородах Алматы, а из Талдыкоргана непросто решать проблемы удаленных частей большой по площади области, возникают логистические сложности преодоления значительных расстояний. С учетом этих и других обстоятельств Глава государства предложил разделить область на Алматинскую и Жетысускую с административным центром последней в г. Талдыкоргане. По мнению президента, такой шаг придаст мощный импульс дальнейшему развитию данного региона и исправит ситуацию в сфере демографии и качества жизни. 4 мая 2022 г. был подписан соответствующий указ о создании Жетысуской области путем выделения из состава Алматинской области Аксуского, Алакольского, Ескельдинского, Каратальского, Кербулакского, Коксуского, Панфиловского, Саркандского районов, городов Талдыкоргана и Текели.

Административная история восточной части обширного историко-географического региона Жетысу достаточно сложна – эти земли последовательно входили в состав Семиреченской области в Российской империи, Джетысуйской губернии и Алма-Атинской области в советский довоенный период, в 1944–1997 гг. существовала Талды-Курганская область как самостоятельная административная единица, которая затем вновь стала частью более крупной Алматинской области. Произошедшее повышение статуса региона закономерно приведет к усилению внимания к его комплексному изучению, в том числе в рамках исторических наук.

Актуальность исследования определяется тем, что данный субрегион в Юго-Восточном Казахстане обладает ярко выраженной историко-этнографической спецификой как древний центр формирования и активного взаимодействия тюркских и монгольских племен, исторически контактная зона между восточной частью Степи, Восточным Туркестаном и Средней Азией. В дальнейшем уникальные и благоприятные для различных видов хозяйственной деятельности ландшафтные и природно-климатические условия прежде всего с высоким сельскохозяйственным потенциалом (горные хребты, равнины, реки, озера, степная зона) сделали Жетысу и его восточную часть одним из центров колонизации, обусловили привлекательность для государственной переселенческой политики в рамках Российской империи и трудовой миграции периода СССР. Важную роль в формировании этнической структуры регионы сыграли депортации 1930-х гг. (корейцы, немцы, поляки, чеченцы, ингуши, курды, турки и другие) и эвакуация в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, большое влияние на этническую картину оказывало

географическое соседство с Китаем, что предопределило наличие миграционных потоков казахов, уйгуров, дунган. Поэтому на протяжении более полутора столетий здесь поступательно формировалось сложное по своей структуре многонациональное население, которое является чрезвычайно интересным объектом этнологических исследований и в настоящее время сохраняет немало «белых пятен». Цель статьи – на основе материалов переписей населения показать общую динамику этнодемографических изменений, происходивших на территории современной Жетысуской области с конца XIX в. до настоящего времени.

Материалы и методы. Исследование опирается на статистические данные переписей населения, которые проводились в Российской империи (1897), СССР (1920–1989), Республике Казахстан (1999–2021), а также данные текущей (оперативной) государственной статистики, которые дают сведения о национальном составе и территориальном размещении населения Казахстана и его регионов. Безусловно, переписи населения, организованные в различных исторических условиях и с разными задачами, имели свои особенности как в методологии, так и в самой практике проведения и даже обработке статистических массивов, и, как результат, обладают различной степенью полноты и достоверности. Различия в данных для рубежа XIX–XX вв. связаны еще и со сложностью учета кочевого населения (разные методики и источники информации). По этой причине общепризнанным в научной литературе является тезис о том, что переписи не могут считаться безупречными источниками информации. Принимая во внимание особенности такого специфического вида исторических источников, известные недостатки, тем не менее, в своей совокупности они дают представление о содержании, темпах и последствиях этнодемографических изменений, позволяют проследить общую тенденцию формирования населения изучаемого региона по национальному составу.

Главной методологической трудностью является «мерцающий» характер функционирования административных образований на изучаемой территории, а именно частое изменение границ и несовпадение современных контуров воссозданной в 2022 г. Жетысуской области с административными границами в предшествующие исторические периоды. Для того, чтобы минимизировать указанные расхождения (полностью избежать этого невозможно) и там, где привлекаемые источники позволяют это сделать, во внимание принимались данные по более мелким территориальным единицам – уездам, волостям и районам. Такой подход – сравнительный анализ, проведенный на относительно сопоставимых территориях – позволяет в целом представить общую картину и основные тенденции этнодемографических изменений в изучаемой области. В исследовании используются метод анализа статистических данных, сравнительный метод, метод интерпретации.

Обсуждение. В научной литературе история региона Жетысу рассматривается главным образом в контексте переселенческой политики колониального периода. Основной акцент в исследованиях поэтому смещен на период конца XIX – начала или первой четверти XX в. Этот период представлен солидным корпусом источников по хозяйственному освоению края, миграционным процессам и вызывает наибольший интерес исследователей. Среди обобщающих трудов по вопросам этнической истории и демографии следует отметить монографию Н.Е. Бекмахановой, посвященную формированию многонационального населения Казахстана в последней четверти XVIII – 60-е гг. XIX в., в которой показаны динамика численности, расселение и национальный состав, в том числе на материалах Семиреченской области [Бекмаханова, 1980]. В книге Н.В. Алексеенко развернуто проанализированы численность, размещение и национальный состав населения Казахстана в следующий временной период 1870–1917 гг. Автор приводит материалы переписи 1897 г., а также свои расчеты, выполненные по другим источникам – данным Переселенческого управления и обзорам областей. Проводится сравнение с данными на 1907, 1914 гг., что показывает динамику происходивших изменений [Алексеенко, 1981]. Ф.Н. Базанова проследила процесс формирования и развития структуры населения Казахской СССР с точки зрения национального аспекта [Базанова, 1987]. В исследовании А.Н. Алексеенко, Ж.С. Аубакировой освещаются тенденции и особенности этнодемографического развития середины XX – начала XXI в., представлено видение демографического районирования Казахстана. Издание вышло до образования Жетысуской области и дает общую методологию для встраивания нового региона в представленные разработки [Алексеенко, Аубакирова, 2019]. В последующем исследовании указанных авторов освещена демографическая история казахского этноса с конца XIX в. до настоящего времени, выявлены региональные особенности и основные этапы демографической истории казахов.

Анализируемые материалы в том числе содержат сведения по Талды-Курганской области, приведены данные переписей населения 1959–1989 гг. [Казахи в контексте, 2020]. Значительным вкладом в этнологическое изучение региона Жетысу является монография А.Т. Абдулиной, в которой на основе анализа национальных переписей и данных текущей статистики показаны в том числе этнодемографические процессы в Жетысу на рубеже советского периода и эпохи независимости с применением метода ретроспекции (особенности расселения казахов, динамика этнического состава, миграционных процессов) на примерах Алма-Атинской и Талды-Курганской областей [Абдулина, 2024].

В новейшей историографии ряд работ посвящен анализу демографической ситуации в различные исторические периоды в укрупненном регионе Южного Казахстана, важной частью которого является Жетысу. Так, Э.С. Сауран, Б.Р. Найманбаев обращаются к изучению этнической структуры населения данного региона в 1991–2020 гг. [Сауран, Найманбаев, 2022]; Ш.А. Торгаутова, Г.Д. Сугирбаева, Ж. Буяр анализируют динамику формирования и развития полиэтнического состава Южного Казахстана в дореволюционный период и до середины 1920-х гг. [Торгаутова, Сугирбаева, Буяр, 2025]; Т.А. Апендиев, Ж. Асылбекова рассматривают основные итоги переписей населения 1926 и 1939 гг. и процессы, происходившие на указанной территории в межпереписной период [Апендиев, Асылбекова, 2023].

Группа исследований посвящена этнокультурным особенностям отдельных этносов. Безусловно, наиболее проработанной является история казахов Жетысу. В этом отношении необходимо отметить специальное историко-этнографическое исследование Н.К. Байгабатовой о казахах региона на рубеже XIX–XX вв., в том числе автор устанавливает состав и расселение казахских племен, приводит сведения по географии и численности расселения [Байгабатова, 2023]. В других публикациях Н.К. Байгабатова рассматривала влияние миграционных процессов в XIX – начале XX в. на этническую структуру населения Семиреченской области [Baigabatova, Toibayev, Iskakova, 2022]; изучала географические условия родорасселения, жизнедеятельности казахского этноса и изменения численности казахов Жетысу на рубеже XIX–XX вв. [Байгабатова, 2024].

По истории славянского населения Жетысуской области специальных исследований к настоящему времени нет. Наибольший вклад в развитие историко-этнографической славистики Казахстана внес Н.В. Алексеенко. В ряде трудов автор обращался к изучению роли казачьих войск и крестьянской колонизации в формировании населения Семиреченской области [Алексеенко, 2000], анализировал динамику численности славянского населения, в том числе на материалах советского периода, однако Талды-Курганскую область отдельно не выделял, учитывая ее в составе Алма-Атинской области [Алексеенко, 2009]. С.С. Лукашова показала особенности формирования восточнославянских диаспор в Семиречье, прежде всего выходцами из украинских земель, особое внимание уделено характеристике первой волны заселения в 60–80-е гг. XIX в. [Лукашова, 2015]. К этой группе примыкает публикация М.В. Колосовской о белорусах-переселенцах в Туркестанском генерал-губернаторстве на материалах Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей во второй половине XIX в., определены причины и основные этапы переселенческого движения, сформирован статистический образ белоруса-переселенца [Колосовская, 2023].

В статье Е.Ю. Рахматулиной анализируется динамика численности уйгурской диаспоры в Казахстане от возникновения первых уйгурских поселений в долине р. Или в 1881 г. до начала XXI в., в том числе с привлечением данных по Талды-Курганской области, выявлены этнодемографические особенности уйгурского этноса в Казахстане [Рахматулина, 2017]. Историю и культуру дунган в регионе Жетысу длительное время изучал ученый из Кыргызстана М.Я. Сушанло [Сушанло, 1959; Сушанло, 1971]. Б.Ж. Атантаева исследовала историю переселения уйгуров и дунган [Атантаева, 2007], А.И. Кудайбергенова – динамику численности дунган в Казахстане в 1897–2007 гг. [Құдайбергенова, 2007]. Е.К. Джиеналиев обращается к изучению процессов и типов адаптации корейцев в Казахстане в конце XIX – XX в., в качестве примеров приводятся некоторые факты из истории корейцев Талды-Курганской области [Джиеналиев, 2022]. Краткая историческая справка о появлении татар в Жетысу представлена в книге Х.Х. Боранбаева о деятельности татарского этнокультурного центра [Боранбаев, 2011]. В статьях А.Б. Кали с опорой на статистические данные отмечен вклад татар в экономическое развития Семиречья в конце XIX – начале XX в., приводятся некоторые данные об участии татар в торговле, в том числе на ярмарках [Kali, 2023]; в другой работе прослежена история заселения татарами Семиречья во второй половине XIX в., приводится статистика поуездного расселения [Kali, 2024]. В историографии присутствует и опыт изучения

мордовского этноса в части плотности и особенностей территориального размещения по областям Казахстана во второй половине XX – начале XXI в. с учетом Талды-Курганской области [Логинова, Носонов, Шурр, 2015: 71].

Из работ общего характера можно отметить труды Г.А. Капековой, в которых представлены особенности этнической структуры Семиреченской области в конце XIX – начале XX в., обусловленные хозяйственной деятельностью населявших ее народов [Капекова, 2003; Капекова, 2006]. Межэтническое разделение труда в Семиреченской области по данным переписи 1897 г. рассматривает В.П. Зиновьев, отмечая преобладание тех или иных видов хозяйственной деятельности у различных этносов (казахов, русских, украинцев, уйгуров, дунган, татар, евреев и др.) [Зиновьев, 2023].

Таким образом, обзор существующей историографии показывает, что этнодемографическому развитию Жетысуской области в научной литературе уделено недостаточное внимание, скорее всего, в силу частой изменчивости административных границ и объективных трудностей статистических расчетов, когда регион оказывался «скрыт» в составе более крупных территориальных единиц – Семиречья (в историко-географическом смысле), Семиреченской области, Алма-Атинской и Алматинской областей. Жетысуская область заслуживает более пристального внимания в исторической науке Казахстана. На сегодня корпус публикаций пока не столь велик, и можно заметить, что, во-первых, присутствует явный хронологический уклон в сторону XIX – начала XX в., во-вторых, объективно более глубоко изучена история казахского этноса в регионе, в-третьих, именно в последнее время (2010–2020-е гг.) начинают появляться отдельные публикации, посвященные различным аспектам истории и демографического развития других этнических групп на территории современной Жетысуской области. Поэтому актуальным является проведение обобщающего обзора этнодемографических тенденций, представленного в настоящей статье, что может стать промежуточным этапом к активизации последующих региональных исследований.

Результаты. Семиреченская область как административная единица Российской империи была учреждена в составе Туркестанского генерал-губернаторства в 1867 г. Областное правление официально открыто в марте 1868 г. Область делилась на шесть уездов: Верненский, Джаркентский, Копальский, Лепсинский (до 1893 г. – Сергиопольский), Пишпекский, Пржевальский. К границам современной Жетысуской области наиболее близка территория большей части Джаркентского, Копальского и Лепсинского (северная часть ныне входит в состав Абайской области) уездов, занимавших северную и северо-восточную часть Семиреченской области площадью более 160 тыс. квадратных верст. С давних времен земли Южного и Восточного Прибалхашья были заселены казахскими племенами и являются исторической территорией формирования казахского этноса. К концу XIX в. характер их размещения имел следующий вид: население Копальского уезда в основном принадлежало к родовым подразделениям племен жалаир и канлы (канглы) Старшего жуза, а также род матай племени найман Среднего жуза; в Джаркентском уезде расселялись племена албан и суан Старшего жуза; в Лепсинском уезде – преимущественно родовые группы племени найман и незначительное число хозяйств племени керей Среднего жуза [Востров, Муканов, 1968: 117–118, 131, 135; Муканов, 1991: 31–32; Байгабатова, 2023: 82–83, 94–96]. На характер расселения родоплеменных групп влияли как географические условия, так и военно-хозяйственная колонизация Жетысу в течение большей части XIX – начале XX в. [Байгабатова, 2023: 98–103].

При почти полном преобладании казахского населения с середины XIX в. (а в ряде случаев и с 1830-х гг.) постепенно, поэтапно и волнообразно начался приток отдельных групп славянского (преимущественно русского) населения, которые составляли основу служилых людей в возводимых военных укреплениях и стали основной движущей силой по колонизации Заилийского края [Абдулина, 2024: 377]. Еще с середины 1840-х гг. российское правительство различными методами принуждения и поощрения побуждало сибирских казаков переселяться в Семиречье, и за 20 последующих лет удалось переселить почти 15 тыс. человек. С 1867 г., после создания Семиреченской области, приток переселенцев из Сибири и Европейской части Российской империи усилился. Область стала одним из лидеров (после Акмолинской) по темпам заселения. Особую роль в колонизации края сыграло Семиреченское казачье войско. Так, если в 1870 г. его численность составляла 17111 человек, то в 1897 г. уже 33757, а в 1914 г. – 54350 [Алексеенко, 2000: 12].

К середине 1860-х гг. население Алатавского округа (охватывал и часть современной Жетысуской области), открытого в 1856 г., насчитывало 164926 человек, из них 114962 казаха (69,7%) и более 50 тыс. кыргызов (30,3%). В дальнейшем происходил процесс административного

зачисления в состав округа новых групп кочевников, и к моменту создания Семиреченской области доля казахов выросла до 80,9%. При этом постепенно происходило формирование многонационального населения восточной части Области сибирских казахов. Процесс поэтапного крестьянского переселения в казахскую степь начался с введением окружной системы в 1820–1830-х гг. и военно-казачьего освоения края с середины 1840-х гг., прежде всего за счет принудительного переселения сибирских казаков. В 1850-х гг. продолжалось строительство новых российских укреплений в Семиреченском и Заилийском крае, с 1857 г. здесь было разрешено селиться всем желающим.

В результате за 1830–1860-е гг. численность русского крестьянства в Области сибирских казахов увеличилась в 17 раз [Бекмаханова, 1980: 172–178]. Конечно, в южной части области, в том числе в Жетысу, приток переселенцев не имел таких масштабов. Но здесь значительные последствия для этнодемографической картины края имело создание в 1867 г. Семиреченского казачьего войска. К концу 1860-х гг. в казачьих поселениях проживало уже около 15 тыс. человек. За период 1870–1900 гг. численный состав Семиреченского казачьего войска вырос почти в два раза – на 91,6% [Алексеенко, 1981: 64]. Состав служилого казачества сам по себе был многонациональным (с преобладанием русского компонента). В целом в Области сибирских казахов среди неказахского (инонационального) населения проживали русские, украинцы, поляки, евреи, узбеки, татары, калмыки и др. В последней трети XIX в. поток внешних переселенцев стал нарастать, что явилось результатом отмены крепостного права в 1861 г. и последовавшего расселения по империи значительного числа малоземельного крестьянства из европейской части России. По утвержденным в 1869 г. «Правилам устройства новоселов», переселенцам устанавливались существенные льготы и привилегии, например, наделение удобными участками, освобождение от налогов, получение ссуд и др. Уже к 1882 г. у кочевников Семиреченской области (казахов и кыргызов) было изъято более 160 тыс. десятин земли [Мийманбаева, 2018: 67].

Важным событием в этнической истории региона стало переселение в Жетысу значительной группы уйгуров и дунган в 1881–1884 гг., после подписания российско-китайского договора о государственной границе. Многие уйгуры и дунгане стремились избежать преследования китайских властей за участие в восстаниях мусульманского населения 1860-х – 1870-х гг. Всего из Илийского края (Кульджинский район) в Жетысу прибыло около 50 тыс. уйгуров и около 5 тыс. дунган, разместившихся преимущественно на левом берегу Или, образуя почти моноэтничные поселения, так называемые «таранчинские» волости [Рахматулина, 2017: 593]. Немалая часть переселенцев осела в Джаркентском уезде на выделенных российским правительством участках, в том числе в г. Джаркенте – самом крупном поселении в русской части Илийского края, который стал резиденцией управления джаркентских таранчинской и дунганской волостей и в результате в 1882 г. получил статус уездного города [Құдайбергенова, 2007: 35; Атантаева, 2007: 44]. В дальнейшем за десятилетие 1897–1907 гг. численность уйгуров и дунган увеличивалась и составила 68 687 и 24 162 человек соответственно [Алексеенко, 1981: 64].

С середины 1860-х гг., после создания Степной комиссии, начался новый этап притока в Жетысу восточнославянского населения. В Семиреченскую область устремились главным образом жители Центрального Черноземья, Украины и Средней Волги, доля которых составила 66,2% [Алексеенко, 1981: 67]. Процесс заселения в 1860–1880-е гг. носил еще преимущественно стихийный, «низовой» характер, государственные органы принимали в нем пока еще слабое участие, в это время процент вернувшихся на прежние места был минимален (по сравнению с последующими этапами колонизации) [Лукашова, 2015: 28–29]. Общий приток переселенцев оказался настолько велик, что в 1889 и 1895 гг. власти пытались законодательно приостановить и даже официально запретить прибытие новых поселенцев в Семиреченскую область, но это не остановило стихийного переселения. Например, число неустроенных самовольно прибывших крестьян увеличилось с 10 тыс. в 1902 г. до 65 тыс. в 1910 г. [Цыряпкина, 2013: 49]. В результате такого мощного миграционного движения к концу XIX в. произошли изменения и в характере размещения местного казахского населения.

По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в Джаркентском, Копальском и Лепсинском уездах проживало 439 886 человек, или 44,5% от общей численности населения области (в издании итогов переписи 1905 г. имеются незначительные расхождения в некоторых статистических показателях между распределением численности народностей по уездам и по области в целом) [Первая всеобщая перепись населения, 1905: 52–53]. В соответствии с принятой на тот

момент методологией переписи, когда национальная принадлежность определялась по родному языку и фиксировались носители определенных «наречий», в Семиреченской области всего оказались учтены представители 39 «народностей» (казахи и киргизы по языковому принципу не разделялись и обозначались как «киргиз-кайсаки»): казахи – 80,46%, русские – 7,78%, таранчи (уйгуры) – 5,67%, украинцы – 1,88%, «сарты» – 1,51%, дунгане (в материалах переписи «китайцы») – 1,4%, татары – 0,85% и др. Здесь была зафиксирована самая высокая плотность населения среди всех областей Казахстана.

Для трех рассматриваемых уездов этническая картина несколько отличалась от ситуации в целом по области. Во-первых, этнический ландшафт был более компактным и состоял из 28 народностей. Во-вторых, соотношение этносов выглядело иначе, например, здесь была выше доля казахского населения (82,7% / 363 696 человек), уйгуров (6,8% / 30 113), украинцев (2,3% / 10 310), татар (1,1% / 4763), ниже – русских (5,9% / 26 151), дунган (0,6% / 2573), «сартов» (0,3% / 1621; данный термин применялся в переписи 1897 г. к отдельным группам оседлого населения Средней Азии (преимущественно узбеки, таджики, персы, независимо от их этнического происхождения, в последующих переписях сарты как самостоятельная этническая группа больше не выделялись). В-третьих, наблюдались отличия в характере территориального расселения по уездам. Так, 156 107 казахов (42,9%) проживали в Лепсинском уезде, 125 861 (34,6%) – в Копальском, 81 728 (22,5%) – в Джаркентском; большая часть русских проживала в Лепсинском уезде (54,6%, в Копальском и Джаркентском – 23,7% и 21,7% соответственно); украинцы – также в Лепсинском уезде (75,9%, в Копальском – 23,2%); уйгуры (99,9%) и дунгане (99,6%) компактно проживали в Джаркентском уезде (87,5% дунган уезда – в г. Джаркенте). Кроме того, в Джаркентском уезде проживала большая часть сартов (63,2%), таджиков; в Копальском – марийцев; в Лепсинском – калмыков. Относительно равномерно по указанным уездам были расселены татары, евреи. Перепись 1897 г. зафиксировала на территории трех изучаемых уездов также немногочисленные группы поляков, башкир, узбеков, немцев, лезгин, финнов, коми-зырян, латышей, греков, туркмен, узбеков и кураминцев, монголов, по одному представителю белорусов, словенцев, персов, индусов, арабов.

На момент переписи, в конце XIX в., подавляющее большинство населения Семиреченской области (93,6%) проживало в сельской местности, в городах — 6,4%. В трех рассматриваемых уездах доля городского населения были еще ниже – 5,8%. В то же время по отдельным административным единицам ситуация была неравномерная: если в Лепсинском уезде доля горожан составляла всего 1,8%, в Копальском – 4,5%, то в Джаркентском – 13,1%. Среди относительно крупных этносов наиболее высокие показатели урбанизации наблюдались у дунган (87,2%, практически все проживали в г. Джаркент), сартов (55,8%, при этом 81,9% сартов-горожан также проживали в Джаркенте), татар (47,3%, большая часть – в Копале и Лепсинске), русских (29,4%, из них почти половина – в Джаркенте), уйгуры (29%, почти все в Джаркенте), украинцы (6,7%, большинство украинцев-горожан проживали в Лепсинске). Среди казахов в указанных уездах доля городского населения составляла 0,7%, или 2722 человека, при этом 76,2% из них (2073) проживали в Копале.

К концу XIX в. в Семиреченской области уже сложилось межэтническое разделение труда, что нашло отражение в материалах переписи 1897 г. Так, кочевое скотоводство являлось главным видом хозяйственной деятельности казахов (при этом все большее развитие получало и земледелие); земледелием преимущественно занимались уйгуры, дунгане, русские, украинцы и другие выходцы из Европейской России; татары, сарты, поляки и евреи занимались в основном ремеслом, торговлей, транспортом и услугами [Зиновьев, 2023: 133–134].

Рассматривая итоги переписи населения 1897 г., необходимо принять во внимание, что в пределы современной области Жетысу в то время входила и небольшая юго-восточная часть Каркаралинского уезда Семипалатинской области. Этническая ситуация в данном уезде была почти однородной – 99,8% его населения составляли казахи. Перепись зафиксировала и проживание здесь (без учета г. Каркаралинска) немногочисленных представителей других этносов: русских, татар, мордвы, узбеков, поляков.

В первом – начале второго десятилетия XX в. заселение края крестьянами-переселенцами, преимущественно славянских этносов, приобрело еще больший размах, и с 1905 г. область вновь оказалась закрыта для мигрантов. Помимо активного миграционного движения показатели естественного прироста также были высокими, в результате доля русских в целом по области выросла более чем в два раза. Наиболее русифицированным в результате переселения являлся Лепсинский уезд в силу большей площади наличия удобных для земледелия угодий. В 1906 г. в

Семиреченской области был открыт Переселенческий район. В 1909–1910 гг. сначала в данном уезде, а затем в других уездах Семиреченской области под руководством ученого-экономиста и статистика П.П. Румянцева проводились «естественно-исторические и хозяйственно-статистические обследования» с целью выявления «излишков земель» у местного кочевого населения для последующего перераспределения в «фонд русской колонизации края». В результате в Лепсинском, Копальском и Джаркентском уездах к дальнейшему изъятию для колонизации предлагалось 3,4 млн «свободных» десятин [Трегубов, 1910: 42]. Продолжение политики массового отчуждения земли у казахов нанесло значительный урон кочевому и полукочевому хозяйству и привело к существенному изменению этнической структуры региона.

На период 1909–1912 гг. в связи со столыпинской аграрной реформой пришлась наиболее активная фаза миграции, в эти годы в Семиречье прибыли 72,6% от общего числа переселенцев с 1897 г. по 1916 г. При этом доля казахов выросла в 1,07 раза, а славянского компонента – более чем в 2,5 раза, был также заметен численный рост уйгурского и татарского населения [Капекова, 2006: 98]. Татары в восточной части Жетысу проживали большей частью в Лепсинском (в преимущественно славянском окружении, более привычном в другим регионах империи) и Копальском уездах, занимались в основном торговлей, в том числе ярмарочной, а также пчеловодством [Kali, 2023; Kali, 2024: 119]. Как следует из отчетов чиновников, наблюдавших за переселенческим делом, Россия, «настоятельно» заселяя край русскими и другими новыми жителями из европейской части империи, исходила не только из хозяйственных, но и геополитических задач, учитывая, что вся восточная часть Жетысу соприкасается с Китаем [История области Жетысу, 2025: 86]. К 1914 г. доля казахского населения в целом в Семиреченской области сократилась с 80,4% до 60,5% (кыргызы – 5,1%), что было связано со значительным увеличением доли русского населения, главным образом в результате миграционного движения, – до 23,5% [Алексеенко, 1981: 84–85].

В конце XIX – начале XX в. нараставшее колонизационное движение привело к изменению традиционного естественно-исторического расселения казахов Жетысу, значительным социально-экономическим, политическим, культурным, этнодемографическим трансформациям, повышению конфликтности как между коренным и пришлым населением, так и между казахскими родоплеменными группами, которые лишались наиболее плодородных земель, пастбищ, путей кочевок, объемы угодий для ведения хозяйства сократились, часть родов была вынуждена осваивать полупустынные и пустынные районы региона [Байгабатова, 2024: 151–152]. Полиэтничный состав населения Жетысу в это время формировался не на основе исторически сложившихся здесь этнических групп, а в результате интенсивных миграционных процессов, обусловленных военно-хозяйственной политикой Российской империи [Baigabatova, Toibayev, Iskakova, 2022: 160–161].

В межпереписной период 1897–1926 гг. на численность и характер размещения населения в Жетысу, как и во всем Казахстане, определяющее влияние оказали последствия массовой колонизации в крае, Первая мировая война, восстание 1916 г., Гражданской войны, голода начала 1920-х гг., что вызвало явление массового беженства [Казахи в контексте, 2020: 220–224]. Так, в годы Гражданской войны из Джаркентского уезда откочевало значительное число казахов, а также часть уйгуров [Востров, Муканов, 1968: 139]. С другой стороны, продолжался приток новых переселенцев из числа восточнославянских этносов. Органы советской власти в 1920-е г. даже предпринимали попытки ограничить размах миграционного движения и временно закрыть область [Абдулина, 2024: 386–387]. Все это привело к тому, что количественно и структурно состав населения в регионе претерпел заметные изменения.

В ходе проведенных советским правительством послереволюционных административно-территориальных преобразований и национальных размежеваний Семиреченская область 30 апреля 1918 г. стала частью Туркестанской АССР и 22 октября 1922 г. получила название Джетысуйская. В октябре 1924 г. произошло ее разделение на Джетысуйскую губернию Киргизской (Казахской) АССР (северная часть) со столицей в г. Алма-Ате и Кара-Киргизскую автономную область непосредственно в составе РСФСР (южная часть) со столицей в г. Пишпеке. В административном отношении Джетысуйская губерния делилась на четыре уезда: Алма-Атинский, Джаркентский, Лепсинский, Талды-Курганский (до 1924 г. – Копальский). Три последних необходимо принять во внимание для анализа этнической ситуации. Хотя следует оговориться, что административные границы между Алма-Атинским, Джаркентским и Талды-Курганским уездами Джетысуйской губернии и современными Алматинской и Жетысуской областями не совпадали. В частности, территории Актогайской, Баянкольской, Беркетменской, Интефакской, Тускульской волостей Джаркенского

уезда и Южно-Балхашская волость, а также некоторые части западных волостей (Балгалинская, Кучуковская, Тулумбетовская, Или-Балхашская) Талды-Курганского уезда ныне входят в пределы современной Алматинской области; а Аягузская, Маканчинская, Урджарская волости Лепсинского уезда – в пределы современной Абайской области. Тем не менее, общую этническую картину региона представить возможно. Для этого в составе Джаркентского уезда необходимо учитывать г. Джаркент, Баскунчакскую, Конур-Уленскую, Усекскую, Хоргосскую волости; в составе Лепсинского уезда – г. Лепсинск, Коктерекскую, Лепсинскую, Саркандскую, Уч.-Аральскую, Уч.-Тентскую, Черкасскую волости; в составе Талды-Курганского уезда – г. Копал, Акичкинскую, Аксуйскую, Балгалинскую, Горно-Джелаирскую, Ескильдинскую, Или-Балхашскую, Каратальскую, Копальскую, Кугалинскую, Кучуковскую, Луговскую, Троицкую, Тулумбетовскую волости.

Перепись 1926 г. помимо родного языка учитывала уже национальную принадлежность граждан. Согласно переписи, в целом в Джетысуйской губернии проживало 887 845 тыс. человек (из них граждан СССР – 886 697). Этническая структура губернии имела следующий вид: казахи – 563 093 человек (63,5%), русские – 143 970 (16,2%), украинцы – 88 882 (10%), татары – 9852 (1,1%), белорусы – 1134 (0,1%), узбеки – 3444 (0,4%), уйгуры – 62 252 (7%), другие – 15 218 (1,7%). Доля сельского населения составляла 93%, городского – 7% [Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1928: 25–28]. Всего в пределах губернии проживали представители уже как минимум 49 этносов.

На территории, близкой к границам современной области Жетысу (с учетом указанных выше несовпадений административных границ по волостям), ситуация выглядела несколько иначе. Численность населения изучаемой территории составляла 374 536 человек, в том числе в пределах Талды-Курганского уезда – 183 183, Лепсинского – 141 689, Джаркентского – 49 664. Десять наиболее многочисленных этносов находились в таком соотношении: казахи – 64,3% населения (240 895 человек), русские – 16,9% (63 476), украинцы – 12,1% (45 442), уйгуры (с учетом отмеченных переписью таранчей и кашгарцев) – 3,9% (14 608), татары – 1,5% (5670), дунгане – 0,3% (1134), узбеки – 0,2% (1001), белорусы – 0,1% (533), мордва – 0,1% (471), кыргызы – 192 человека. Остальные этносы были представлены немногочисленными группами в несколько человек или десятков человек [Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1928: 25–28].

Большая часть казахов (59,4%) проживала в Талды-Курганском уезде, 29,5% – в Лепсинском, 11,1% – в Джаркентском; и во всех трех уездах казахи составляли больше половины населения: в Талды-Курганском уезде – 78,1%, в Джаркентском – 54,2%, в Лепсинском – 50,1%. В 10 волостях доля казахов превышала 80% общей численности их населения – Балгалинская (99,8%), Тулумбетовская (99,6%), Или-Балхашская (99,5%), Горно-Джелаирская (99,1%), Коктерекская (97,8%), Аксуйская (95,6%), Конур-Уленская (93%), Баскунчакская (88%), Копальская (83,2%), Усекская (82,7%).

Две трети русского населения (60,5%) проживало в Лепсинском уезде. В трех городах (Джаркент, Лепсинск, Копал) и двух волостях (Лепсинская, Луговская) численность русских была выше, чем казахов; в пяти волостях она превышала 5 тыс. человек (Уч.-Тентская, Саркандская, Черкасская, Ескильдинская, Лепсинская). В Лепсинском уезде размещались также две трети украинцев (62,8%), причем в четырех волостях (Конур-Уленская, Уч.-Тентская, Кугалинская, Троицкая) их численность была выше, чем у русских, и в четырех волостях превышала 5 тыс. человек (Уч.-Тентская (34,1% населения волости), Черкасская, Ескильдинская, Саркандская). Таким образом, с учетом небольших групп белорусов именно в указанных четырех волостях, а также в Троицкой и Луговской, доля славянского населения являлась наивысшей. Почти все уйгуры (14 535 человек, или 95,9%) проживали в Джаркентском уезде, главным образом в Хоргосской волости (8278) и г. Джаркенте (5731, или 51,4% населения города); сельское татарское (1034) и сельское узбекское (364) население было наиболее представительным в Ескильдинской волости; группы мордвы численностью свыше 100 человек приживали в Луговской, Саркандской, Уч.-Тентской волостях.

Доля городского населения в рассматриваемом регионе в целом составляла 4,5%. Наиболее высокий уровень урбанизации демонстрировали дунгане – 90,4% из них проживали в Джаркенте, татары – 39,3%, уйгуры – 39,2%, кыргызы – 30,7%, узбеки – 26,6%. Среди славянских народов доля городских жителей была значительно ниже: белорусы – 9,4%, русские – 8,1%, украинцы – 2,2%, среди казахов горожане составляли всего 0,5%.

В целом хорошо видны этнические особенности территориального размещения – казахи значительно преобладали в западных, северных и южных волостях, доля славянских этносов была

наиболее высокой в восточной и центральной частях региона, уйгуры и дунгане – в южной части (Джаркент и его округа).

Прямые сравнения с переписью 1897 г. затруднены по причине несовпадения административных границ изучаемого ареала, но общие тенденции можно увидеть. Во-первых, вследствие активных миграционных процессов дореволюционного и раннего советского периодов, голода 1920–1921 гг. и уменьшения темпов естественного прироста произошло существенное снижение удельного веса казахов и повышение удельного веса восточнославянских этносов. Во-вторых, в целом несколько расширился этнический состав населения региона, при этом соотношение сельского и городского населения принципиально не изменилось, прежде всего по причине широкого крестьянского переселенческого движения славянских этносов и слабых темпов урбанизации казахов-кочевников.

Джетысуйская губерния существовала до января 1928 г., когда она была ликвидирована в связи с проведением районирования Казакской АССР и разделена между Семипалатинским и Алма-Атинским округами (в свою очередь существовали в 1928–1930 гг.). В том же году упразднен Лепсинский уезд (Лепсинск утратил статус города в 1936 г.). 10 марта 1932 г. была образована Алма-Атинская область Казахской АССР. На момент переписи, проводившейся в январе 1939 г., в состав области входили 20 районов, из них 11 районов в наибольшей степени соответствуют границам современной Жетысуской области – Аксуйский, Алакульский, Андреевский, Бурлю-Тюбинский, Джаркентский, Каратальский, Кугалинский, Октябрьский, Саркандский, Талды-Курганский. В указанных границах проведены нижеследующие статистические подсчеты.

На этнодемографическую ситуацию второй половины 1920-х – 1930-х гг. существенно влияли такие факторы, как экономическая политика (форсированные коллективизация и индустриализация), принудительные переселения, репрессии, голод, трудовая миграция из других частей СССР, прежде всего из РСФСР и Украины. Эти процессы происходили на фоне снижения рождаемости, роста смертности и уменьшения воспроизводства населения.

Перепись 1939 г. в определенной мере отразила последствия указанных процессов – общая численность населения в указанном регионе составила 317 078 человек. Соотношение основных этнических групп приняло следующий вид: русские – 44,2% (140 328 человек), казахи – 34,6% (109 980), украинцы – 7,9% (25 117), корейцы – 5,3% (16 946), уйгуры – 2,1% (6701), татары – 1,5% (4979), немцы – 1,2% (3895), белорусы – 0,4% (1408), поляки – 0,2% (792), азербайджанцы – 0,2% (662), дунгане – 0,1% (323), прочие – 2,4% (7724) [Всесоюзная перепись населения 1939]. Сокращение численности казахов происходило по причине затяжного демографического кризиса, который в 1930-е гг. был связан с массовым голодом и политическими репрессиями [Казахи в контексте, 2020: 224–226]. Демографические потери, с одной стороны, и возросший приток иноэтничной рабочей силы в рамках трудовой миграции, с другой, привели к тому, что доля казахов составляла более половины только в трех районах из 11 – Аксуйском (73,6%), Октябрьском (52,5%), Алакульском (51,8%). В то же время доля русских превышала половину населения в четырех районах – Дзержинском (82,5%), Андреевском (58,8%), Саркандском (57,4%), Талды-Курганском (55,8%), и только в одном – Аксуйском – составляла менее трети (20,9%). Заметную долю в населении региона занимали украинцы, проживавшие во всех районах и имевшие наибольшую долю и численность в Кугалинском (19,2%), Саркандском (18,5%), Талды-Курганском (7,2%), Каратальском (5,6%).

В результате политики массовых депортаций, начавшейся в 1937 г., четвертым по численности этносом стали корейцы, представленные во всех административных единицах рассматриваемой территории. Алма-Атинская область являлась один из центров вселения. Так, в 1938 г. в Каратальском районе поселили 3000 корейских семей, и было образовано 15 национальных рисовых колхозов, каждому колхозному хозяйству выделялся земельный надел [Джиеналиев, 2022: 47]. При этом 92,6% (15 702 человека) проживали в Каратальском районе, где они численно уступали лишь русским и казахам; 5,2% (884) – в Бурлю-Тюбинском. Схожий характер расселения наблюдался и среди уйгуров, из которых 88,8% (5954 человек) проживали в Джаркентском районе, в том числе 3121 человек в самом г. Джаркенте. Татарское население было относительно равномерно распределено по всем отмеченным районам. Наибольшая доля немцев приходилась на Талды-Курганский (2055 человек, или 52,7% всего немецкого населения региона), Кугалинский (23,1%), Каратальский (15,9%) районы. Белорусы наиболее компактно проживали в тех районах, где была высока доля других восточнославянских народов – русских и украинцев – в Каратальском и Кугалинском. Перепись 1939 г. зафиксировала проживание отдельных локальных групп поляков в

Талды-Курганском и Каратальском; азербайджанцев – в Дзержинском, дунган – в Джаркентском районах.

К моменту переписи 1939 г. в регионе оставался лишь один населенный пункт в статусе города – Джаркент – с численностью населения 11 322 человека (3,6% населения), из них почти половину составляли русские – 46,9%, уйгуры – 27,6%, казахи – 12,1%, украинцы – 4,4%, татары – 3,8%, дунгане – 2,8%.

Таким образом, за межпереписной период второй половины 1920-х – 1930-х гг. можно отметить следующие основные изменения в этнодемографической картине изучаемого региона: 1) происходило сокращение общей численности населения; 2) существенную трансформацию претерпела этническая структура – в целом значительно сокращались численность и доля казахов при увеличении численности и доли восточнославянских народов, прежде всего русских, в результате доля славянского населения превысила половину (52,7%); 3) по отдельным этносам ситуация была различной: снизились численность и соответственно доля казахов, украинцев, уйгуров, татар, дунган, выросли статистические показатели русских, белорусов; 4) появились новые для региона и статистически представительные группы корейцев, немцев, поляков, азербайджанцев; 5) с утратой статуса городов Копалом в 1921 г. и Лепсинском в 1936 г. происходил процесс деурбанизации.

Между переписями 1939 г. и 1959 г. продолжались административно-территориальные трансформации. На заключительном этапе Великой Отечественной войны в СССР назрела необходимость изменения системы управления, в том числе ее оптимизации в географически обширных районах. Казахстан это затронуло в той степени, что в 1944 г. путем разукрупнения Северо-Казахстанской и Алма-Атинской областей были созданы две новые области – Кокчетавская и Талды-Курганская соответственно. При этом и по площади, и по численности населения новая Талды-Курганская область немного превосходила Алма-Атинскую (без учета г. Алма-Аты). В составе области было три города – получивший такой статус административный центр Талды-Курган (с 1921 г. – село, 41 418 человек), Панфилов (до 1942 г. – Джаркент, 12 434), Текели (город с 1952 г., 30 046) [Итоги Всесоюзной переписи населения 1959, 1962: 16]. В этой связи следует заметить, что в целом численность населения КазССР в 1950-е гг. росла большей частью за счет горожан, но для Талды-Курганской области эта тенденция пока проявлялась в меньше степени – здесь доля горожан (17,5%) была меньше общереспубликанской в 2,5 раза.

В годы войны Казахстан принял почти пятую часть эвакуированных из западных частей СССР, представителей разных национальностей, но в большинстве своем они вернулись назад [Базанова, 1987: 87, 92]. Демографическая ситуация в более длительный межпереписной период имела две противоположные тенденции – 1940-е гг. значительные людские потери в войне, 1950-е гг. – общий рост численности населения. Для казахского этноса кризисное состояние, начавшееся в довоенный период, сохранялось, но уже не в такой острой форме. Главной тенденцией осталось сокращение удельной доли казахского этноса в составе населения республики при общем росте численности и превращение казахов в этническое меньшинство. Минимальные показатели в этом отношении были зафиксированы именно в конце 1950-х гг. Основная причина такой ситуации заключалась в значительной миграции в Казахстан представителей европейских этнических групп (прежде всего русских) из других регионов СССР, преимущественно из РСФСР, в рамках политики ускоренного развития сельского хозяйства и промышленности. Но в Южном Казахстане не было такого существенного разрыва в соотношении численности и доли казахов и русских [Казахи в контексте, 2020: 248–254].

По итогам переписи 1959 г. численность населения Талды-Курганской области составляла 480 413 тыс. человек, из них казахи – 156 988 (32,7%, для сравнения: в целом по Казахстану – 30%, по Южному Казахстану – 37,4%), русские – 221 696 (46,1%, в целом по Казахстану – 42,7%, по Южному Казахстану – 36,5%), украинцы – 15 910 (3,3%, в целом по Казахстану – 8%, по Южному Казахстану – 4,2%), татары – 8184 (1,7%), белорусы – 1305 (0,3%), узбеки – 684 (0,1%), прочие этносы – 75 646 (15,89%) [История Казахстана, 2000: 590–591]. Как видно, здесь проявились указанные выше тенденции – непропорциональная динамика численности и доли казахского и русского населения по сравнению с данными 1939 г. Доля русских была выше только в Алма-Ате (73,4%) и четырех областях – Восточно-Казахстанской (70,9%), Северо-Казахстанской (64,3%), Джезказганской (47,4%), Карагандинской (47,3%). При этом доля прочих этносов в 1939 г. и 1959 г. оставалась фактически неизменной – 21,1% и 21,2%. Талды-Курганская область в 1950-е гг. продолжала формироваться как многонациональный регион – здесь проживали статистически крупные этнические группы как

относительных «старожилов» – уйгуров, украинцев, татар, так и депортированных народов – немцев, корейцев, чеченцев и др. Например, в Каратальском районе только в одном 1948 г. 21 корейцу было присвоено звание Герой Социалистического труда [Джиеналиев, 2022: 48].

В июне 1959 г. Талды-Курганская область была упразднена, а в декабре 1967 г. вновь воссоздана из северной части Алма-Атинской области на тех же территориях, но в другом административном делении (8 районов). К концу советского периода в составе области было шесть городов, в том числе два города областного подчинения (Талды-Курган, Текели), а также Панфилов, Сарканд, Ушарал, Уштобе, и 11 районов.

Последующие переписи населения 1970, 1979, 1989 гг. отразили демографические и этнические процессы, тенденции и закономерности, которые в целом отмечались в Казахстане в 1960–1980-е гг.: поступательный рост численности населения за счет активной миграции (особенно до начала 1970-х гг., после чего начинается миграционный отток, прежде всего европейских этносов) и стабильного естественного прироста, высокие темпы урбанизации, интернационализация населения. У казахов высокие темпы роста численности были связаны с процессами воспроизводства («демографическим взрывом» 1950–1960-х гг., особенно в Южном Казахстане), у русских с продолжением активного миграционного движения в 1960-е гг. в связи с потребностями народного хозяйства. При этом славянское население концентрировалось в основном в городах (Талды-Курган и др.). В результате в Талды-Курганской области по сравнению с 1959 г. значительно выросла общая численность населения (с 480,4 тыс. до 606,3 тыс.), прежде всего за счет казахов (с 157,0 тыс. до 251,8 тыс.) и в значительно меньшей степени за счет русских (с 221,7 тыс. до 249,4 тыс.) и других этносов (с 101,7 тыс. до 108,3 тыс.). Во второй половине XX в. наблюдалось существенное расширение этнического разнообразия: по переписям 1970 и 1979 гг. в области проживали представители более 90 этносов, 1989 г. – более 100.

В дальнейшем темпы роста населения в Казахстане замедлились вследствие значительного снижения темпов естественного прироста и миграции. Под влияние этих факторов попали все этнические группы. В то же время началась ускоренная урбанизация, особенно набравшая обороты в 1980-е гг., что также оказалось характерно для всех этносов. В городской среде такие показатели, как рождаемость и детность, начали снижаться. Урбанизация явилась результатом интенсификации внутриреспубликанской миграции из села в город, особенно среди молодежи. Так, по данным 1970 г., в Талды-Курганской области число прибывших из РСФСР и Украины составляло 2913 человек, а из Казахской ССР – 9438, а число мигрантов в города превысило число прибывших в сельскую местность на 4385 человек [Абдулина, 2024: 390].

Одновременно с этим с 1970-х гг. сальдо межреспубликанской миграции для Казахстана стало отрицательным, приток новой рабочей силы из других частей СССР практически прекратился. Тем не менее, к 1989 г. казахи стали самым многочисленным этносом в республике с наиболее высокими темпами роста численности в Южном Казахстане, где также быстрее росла и численность других этносов. Отмеченные тенденции хорошо видны на материалах переписей [табл. 1].

Таблица 1. Численность и этнический состав населения Талды-Курганской области по данным переписей населения 1970, 1979, 1989 гг. (человек) [Переписи населения]

Год учета / Этносы	1970		1979		1989	
	численность	%	численность	%	численность	%
Все население	610 046	100	662 799	100	716 076	100
Казахи	251 835	41,3	305 283	46,1	360 453	50,3
Русские	249 474	40,9	246 523	37,2	235 338	32,8
Немцы	34 721	5,7	35 661	5,4	35 329	4,9
Уйгуры	21 493	3,5	24 791	3,7	30 469	4,2
Корейцы	12 514	2,0	12 215	1,8	13 581	1,9
Украинцы	12 717	2,1	11 237	1,7	12 186	1,7
Татары	9500	1,5	9733	1,4	10 032	1,4
Чеченцы	4443	0,7	4657	0,7	4865	0,7
Другие	13 349	2,3	12 699	2,0	13 823	2,1

В издании «История Казахстана: народы и культуры» приведены данные переписей с более поздней поправкой на пересчет показателей численности отдельных этносов, которые незначительно отличаются, но не изменяют картину общего соотношения по удельному весу [История Казахстана, 2000: 480, 493, 512, 523, 541, 544].

Как видно, к 1989 г. удельный вес казахов в структуре населения превысил 50%, а русских составлял около трети. Относительно стабильную численность сохраняли немцы и украинцы, что в целом может быть связано со «взрывом этничности» (укреплением этнического самосознания), характерным для конца 1980-х – начала 1990-х гг. (Абдулина, 2024: 391). Численность уйгуров, корейцев, татар, чеченцев к 1989 г. незначительно выросла. Уйгуры исторически занимали заметное место в этнической структуре Талды-Курганской области. За межпереписной период 1959–1970 гг. их численность в Казахстане в целом увеличилась в два раза, что связано с массовой реэмиграцией из Китая. К 1989 г. Талды-Курганская область являлась третьим в КазССР регионом компактного проживания уйгуров (16,4%) после Алма-Атинской области (56%) и г. Алматы (22,1%) [Рахматулина, 2017: 594–595]. В 1960-е гг. продолжался рост численности корейцев, которых переселяли для освоения сельскохозяйственных земель в том числе в Жетысу. Например, значительное внимание начало уделяться промышленному рисоводству в Каратальском и Балхашском районах [Энциклопедия, 2017: 11]. В дальнейшем – в 1970–1980-е гг. – численность корейцев здесь оставалась относительно стабильной.

В период 1959–1989 гг. процесс урбанизации носил поступательный и необратимый характер: в 1970 г. доля городского населения составляла 38,9%, сельского – 61,1%, в 1979 г. – 39,2% и 60,8%, в 1989 г. – 44,9% и 55,1%. Как видно данный процесс в области ускорился особенно в 1980-е гг., важным фактором являлся отток жителей из сел в города. К концу советского времени урбанизация в той или иной мере затронула все этносы: наиболее высокая доля городского населения была у азербайджанцев, греков (более 80%), украинцев, белорусов, мордвы (более 70%), русских, дунган, китайцев, немцев, татар, корейцев, узбеков (более 60%), поляков (более 50%); наименьшие показатели урбанизации у курдов (10,4%), чеченцев (21,5%), казахов (24,6%), уйгуров (43%).

Анализ статистики 1970–1989 гг. позволяет выделить несколько моделей этнодемографической динамики среди наиболее многочисленных народов региона:

1) увеличение как абсолютных (численность), так и относительных (доля в населении) показателей – казахи, уйгуры, азербайджанцы, курды;

2) незначительное увеличение абсолютных показателей при сохранении относительно стабильной доли – татары, чеченцы, дунгане;

3) снижение в разной степени как абсолютных, так и относительных показателей – русские, украинцы, белорусы, узбеки, мордва, китайцы (при росте доли горожан);

4) незначительные колебания численности при стабильных относительных показателях – корейцы, греки, поляки.

Таким образом, к концу советского периода под влиянием социально-экономических и демографических процессов и тенденций этнокультурная и этноязыковая структура Талды-Курганской области существенно расширилась и усложнилась. Четко проявился главный тренд на поступательное увеличение численности и доли казахского населения, что в полной мере соответствовало общим закономерностям этнодемографического развития в Казахстане в целом и в южном регионе. Численность и удельный вес восточнославянских этносов неуклонно снижались, как и европейского населения в целом (в тот период пока за исключением немцев), прежде всего за счет начинавшегося отъезда из Казахстана, и эта тенденция особенно усилилась на рубеже 1980–1990-х гг.

На эпоху независимого Казахстана приходится новый этап – формирование суверенной демографической системы, постепенно освобождающейся от инерции советского вектора развития и функционирующей на автохтонной основе, когда демографический ритм государства определяют казахи, вышедшие из состояния этнического меньшинства [Алексеенко, Аубакирова, Жанбосинова, 2019: 1383]. В 1990-е гг. начинает разрушаться «европеизированная» демографическая система, в основе которой лежали мощные миграционные притоки предыдущих десятилетий. Фиксируется миграционный отток европейских этносов (русские, украинцы, белорусы, немцы и др.), тенденции депопуляции в результате превышения смертности над рождаемостью, временное сокращение общей численности населения Казахстана при увеличении удельного веса казахов. В 2000-е гг. проявились позитивные тенденции – эмиграционный поток сократился, сальдо внешней миграции стало положительным, значительно активизировалась внутренняя миграция, увеличились показатели

рождаемости и естественного прироста, казахи заняли доминирующее положение в этнодемографической структуре государства, в то же время замедлились темпы сокращения численности других этносов. В настоящее время происходящие демографические процессы определяются в большей степени внутренними факторами, чем внешним миграционным воздействием [Казахи в контексте, 2020: 291–292, 305–306, 320]. В Южном Казахстане указанные выше процессы имеют свою выраженную региональную специфику – здесь наблюдается высокий удельный вес казахского населения, высокие темпы его роста при относительно небольшой численности европейских этносов с высокими показателями демографических потерь. Тем не менее, Южный Казахстан сохраняет свое этническое многообразие, сформировавшееся в предшествующие периоды [Казахи в контексте, 2020: 300–301, 316–317, 335].

В мае 1993 г. названия г. Талды-Курган и Талды-Курганской области на русском языке постановлением Президиума Верховного Совета Казахстана изменены соответственно на Талдыкорган и Талдыкорганская область. В апреле 1997 г. в рамках проводимой административно-территориальной реформы и в целях «оптимизации административно-территориального устройства Республики Казахстан» (уменьшение числа дотационных областей) указом Президента РК область была упразднена, и ее территория полностью включена в состав Алматинской области.

К этому времени тенденции этнодемографического развития, проявившиеся в предыдущий межпереписной период, сохранились. Так, например, к 1995 г., еще до упразднения Талды-Курганской области, численность казахов здесь составила 415 874 человек (по сравнению с 1989 г. – 115,4%), русских – 199 906 (84,9%), немцев – 12 604 (35,6%), татар – 10 418 (103,8%), украинцев – 8869 (72,8%), азербайджанцев – 1628 (110%), узбеков – 1311 (104%), белорусов – 1308 (72,3%) [История Казахстана, 2000: 428–544].

Как видно, численность казахов и других тюркских этносов региона продолжала разными темпами увеличиваться, русских и других славянских народов – сокращаться (украинцев и белорусов почти на треть), прежде всего за счет миграции и процесса «демографического перехода» 4-го этапа с резким снижением рождаемости. Наиболее значительные демографические потери в области понес немецкий этнос (в 2,8 раза) в результате массового отъезда на историческую родину в ФРГ и отчасти в другие регионы бывшего СССР; численность украинцев и белорусов сократилась почти на треть. При этом в механическом движении населения преобладала межобластная и межрайонная миграции, на которые в совокупности в Талды-Курганской области приходилось 79,8% всех прибывших [Абдулина, 2024: 391]. К 1990 г. среди прибывших в города по Казахстану в целом удельный вес казахов достиг 46%, восточнославянского населения – 44%, но в Талды-Курганской области это соотношении составляло 43% и 48,6% соответственно [Абдулина, 2024: 392]. Причина активизации внутренней миграции заключалась в разрушении советской колхозно-совхозной системы, упадке сел, ухудшении материального положения сельского населения, стремлении повысить качество жизни в городах.

Согласно переписи населения 2021 г., этническая структура Жетысуской области имела следующий вид: казахи – 527 075 человек (76,1%), русские – 82 887 (11,9%), уйгуры – 43 606 (6,3%), корейцы – 9628 (1,4%), татары – 7006 (1%), немцы – 4900 (0,7%), украинцы – 3142 (0,4%), чеченцы – 3079 (0,4%); еще четыре этноса имели численность более 1 тыс. человек – курды (1998), азербайджанцы (1783), узбеки (1185), дунгане (1182) [Рассчитано по: Итоги Национальной переписи населения 2021 г.]. С точки зрения территориального размещения значительная часть казахов проживала в Талдыкоргане (23,3%), а также в Панфиловском (16,2%) и Алакольском (12,2%) районах; русские – в Талдыкоргане (34,4%), Текели (11,3%), Алакольском и Ескельдинском районах; уйгуры – преимущественно в Панфиловском районе (93,1%); корейцы – в Талдыкоргане (46,5%) и Каратальском районе (26,3%); татары – в Талдыкоргане (36,8%), Текели, Ескельдинском, Алакольском районах; немцы – в Талдыкоргане (39,9%), Текели, Ескельдинском районе; украинцы – в Талдыкоргане (37%), Текели, Кербулакском районе; чеченцы – в Кербулакском (26,5%) и Каратальском районах, Талдыкоргане; курды – в Каратальском районе (93,4%); азербайджанцы – в Коксуском районе (70%); узбеки – в Талдыкоргане и Панфиловском районе; дунгане – в Панфиловском районе (80%).

Как видно, Талдыкорган является ключевым центром притяжения представителей разных этносов (в городе проживали 23,8% населения области, или 54,1% всех городских жителей), и наличие относительно крупного областного центра во многом определяет географию расселения. По данным переписи 2021 г., доля городского населения в границах нынешней области составляла

44,1%, что, тем не менее, было существенно ниже, чем в целом по Казахстану (61,2%). У казахов удельный вес городского населения (жители 6 городов – Талдыкорган, Текели, Ушарал, Уштобе, Жаркент, Сарканд) – 39%, из них 59,7% проживали в Талдыкоргане. Среди наиболее многочисленных этносов области высокие показатели урбанизации наблюдаются у дунган (74,3%; 87,5% горожан проживали в Жаркенте), корейцев (66,6%; Талдыкорган – 69,8%), русских (62,5; Талдыкорган – 54,9%), украинцев (62%; Талдыкорган – 59,7%), уйгуров (61,6%; Жаркент – 95,4%), узбеков (60,2%), татар (60,1%; Талдыкорган – 61,1%), немцев (59,8%; Талдыкорган – 66,7%); невысокий уровень урбанизации зафиксирован у курдов (13,7%), азербайджанцев (19,35%), чеченцев (30,5%) [Рассчитано по: Итоги Национальной переписи населения 2021 г.].

Материалы текущей статистики подтверждают наблюдаемые тенденции. Так, по состоянию на начало 2025 г., численность населения Жетысуской области составила 694 325 человек, в том числе казахи – 529 726 (76,3%), русские – 81 310 (11,7%), уйгуры – 44 849 (6,5%), корейцы – 9317 (1,3%), татары – 6845, немцы – 4800, чеченцы – 3078, украинцы – 2978, курды – 2101, азербайджанцы – 1841, узбеки – 1380, дунгане – 1163. Всего более 50 этносов представляют этнокультурное многообразие региона, сохраняются указанные выше особенности территориального размещения, продолжается увеличение численности казахов, уйгуров, узбеков, дунган, азербайджанцев, курдов; негативная демографическая динамика характерна для русских, корейцев, татар, немцев, украинцев и др. [Численность населения РК на начало 2025 г.].

В настоящее время казахи являются основой этнической структуры области – по удельному весу казахов в составе населения (76,3%) Жетысуская область занимает девятое место среди 20 административных образований страны, данный показатель превышает средний по Казахстану (71,5%). Удельный вес русского населения составляет 11,6% (11 место среди регионов Казахстана, ниже среднего показателя в 14,3%). В Жетысуской области проживают 14,6% всех уйгуров Казахстана – третье место после Алматы (40,3%) и Алматинской области (39,5%); 8,6% чеченцев (пятое место); 8,5% калмыков (четвертое место); 7,6% корейцев (пятое место), 6,1% китайцев (пятое место). По доле уйгуров (6,5%) и корейцев (1,3%) по отношению ко всему населению области область занимает второе место после Алматинской (7,6%) и г. Алматы (1,7%) соответственно [Численность населения РК на начало 2026 г.]. Увеличение доли казахов в составе населения области приводит к увеличению показателей владения казахским языком другими этносами, что снижает конфликтный потенциал. Так, социологическое исследование языковой ситуации в Жетысуской области, проведенное в 2025 г., показало, что наиболее распространенным языком общения является казахский (57%), казахский и русский (24%), русский (10%), язык своей национальности (4%). При этом свободно говорят, читают и пишут на казахском 59% респондентов, понимают и могут объясняться 33%. В целом языковая ситуация в области характеризуется стабильностью, бесконфликтностью, тенденцией усиления роли казахского языка [Результаты, 2025: 6–8, 52].

Выводы. Таким образом, Жетысуская область исторически являлась одним из регионов формирования казахского этноса. В течение XIX в. этническая ситуация начинает постепенно и поэтапно изменяться в результате включения этой территории в структуру Российской империи, что запустило активные колонизационные процессы и как следствие прибытие новых этнических групп. Уже к концу XIX в. население региона становится многонациональным при сохранении казахского большинства. В течение первой половины XX в. тенденция интернационализации и превращения казахов в этническое меньшинство набирала обороты, достигнув пиковых значений к середине столетия. В целом этнодемографическое развитие Жетысу соответствовало тем процессам, которые происходили в Казахстане в целом и прежде всего в Южном Казахстане, но со своей субрегиональной спецификой по темпам и составу участников. В настоящее время казахи составляют три четверти населения области и большей частью это сельские жители (61%). Демографический потенциал русских позволяет сохранять второе место по численности, и среди них преимущественно горожане (62,5%). И в целом неказахское население Жетысуской области располагается в городах, некоторые из них являются центрами компактного проживания, как, например, Жаркент для уйгуров и дунган, Талдыкорган для корейцев. Вместе с тем, уровень урбанизации в Жетысуской области один из самых низких в Казахстане (46% на начало 2026 г., в РК – 63,9%) и сохраняется с незначительными колебаниями с конца 1980-х гг. Среди наиболее многочисленных этносов только у уйгуров, узбеков и дунган он выше, чем в среднем по Казахстану для соответствующего этноса. С течением времени этническая структура региона претерпела заметные изменения – имевшие ранее

высокие доли в составе населения украинцы, немцы уступили статистические позиции уйгурам, корейцам, татарам, чеченцам.

Перспективы этнодемографических процессов во многом будут определяться состоянием социально-экономической сферы и привлекательностью региона. После обретения статуса самостоятельной области в 2023–2026 гг. наблюдается некоторое сокращение численности казахского населения (-1,6%) при сохранении относительно стабильного удельного веса (76,2–76,3%). В то же время увеличивается численность и удельный вес ряда других этносов (уйгуры, курды, узбеки, кыргызы, таджики и др.). Указанные процессы происходят на фоне сохраняющегося сокращения общей численности населения области (-1,6%, миграционный отток превышает естественный прирост) и незначительных темпов урбанизации за счет притока населения в областной центр (из всех административных образований за последние пять лет только Талдыкорган демонстрирует положительное сальдо миграций).

На сегодня история этнических групп восточной части Жетысу изучена неравномерно, необходимы дальнейшие исследования, посвященные региональным особенностям формирования населения, социального самочувствия и культурного наследия этносов на территории этого чрезвычайно интересного с этнографической точки зрения региона.

Литература

Абдулина, 2024 – *Абдулина А.Т.* Этносоциология Казахстана и сельское население Жетысу: на изломе советской эпохи и становления независимости. Алматы: Мадияр, 2024. 584 с.

Алексеенко, Аубакирова, 2019 – *Алексеенко А.Н., Аубакирова Ж.С.* Этнодемографические процессы в Казахстане. Алматы: Эверо, 2019. 180 с.

Алексеенко, Аубакирова, Жанбосинова, 2019 – *Алексеенко А.Н., Аубакирова Ж.С., Жанбосинова А.С.* Этнодемографические эволюции и становление суверенной демографической системы в Казахстане // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 4. С. 1368–1385.

Алексеенко, 2000 – *Алексеенко В.* Этапы и источники формирования славянского населения Казахстана в XVIII – начале XX в. // Вестник Евразии. 2000. № 2. С. 5–21.

Алексеенко, 1981 – *Алексеенко Н.В.* Население дореволюционного Казахстана численность, размещение, состав, 1870–1917 гг.). Алма-Ата: Наука, 1981. 112 с.

Алексеенко, 2009 – *Алексеенко Н.В., Алексеенко В.Н.* Славянское население Казахстана XVIII–XX вв.: историко-демографическое исследование. Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2009. 131 с.

Апендиев, Асылбекова, 2023 – *Апендиев Т.А., Асылбекова Ж. М-А.* Основные итоги всесоюзной переписи населения Юга Казахстана (1926–1939 гг.) в архивных материалах // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2023. Т. 142. №. 1. С. 8–25.

Атантаева, 2007 – *Атантаева Б.Ж.* Переселение уйгуров и дунган на территорию Казахстана во второй половине XIX в.: причины и последствия // Отан тарихы. 2007. № 2. С. 42–49.

Базанова, 1987 – *Базанова Ф.Н.* Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР: Национальный аспект. Алма-Ата: Казахстан, 1987. 152 с.

Байгабатова, 2023 – *Байгабатова Н.К.* Казахи Жетысу на рубеже XIX–XX веков (историко-этнографическое исследование). Алматы: Қазақ университеті, 2023. 254 с.

Байгабатова, 2024 – *Байгабатова Н.К.* Этногеография и численность казахов Жетысу в конце XIX – начале XX века // Qazaq Historical Review. 2024. Т. 2. № 2. С. 134–156.

Бекмаханова, 1980 – *Бекмаханова Н.Е.* Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. М.: Наука, 1980. 284 с.

Боранбаев, 2011 – *Боранбаев Х.Х.* В созвездии народов Жетысу. Алматы: Тоганай Т, 2011. 150 с.

Востров, Муканов, 1968 – *Востров В.В., Муканов М.С.* Родоплеменной состав и расселение казахов (конец XIX – начало XX в.). Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1968. 256 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 г., 1928 – Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VIII. Казакская АССР, Киргизская АССР. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М.: ЦСУ СССР, 1928. 256 с.

Всесоюзная перепись населения 1939 г. – Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел союзных республик СССР // Demoscope.ru. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39_ra.php?reg=1206

Джиеналиев, 2022 – *Джиеналиев Е.К.* Процессы адаптации корейцев в Казахстане в конце XIX–XX вв. // Этнополитика. 2022. № 3–4. С. 35–52.

Зиновьев, 2023 – *Зиновьев В.П.* Межэтническое разделение труда в Семиреченской области по данным переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 130–135.

История Казахстана, 2000 – История Казахстана: народы и культуры / Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. Алматы: Дайк-Пресс, 2000. 608 с.

История области Жетысу, 2025 – История области Жетысу: сборник архивных документов и материалов. Т. 8. / Сост.: Торайгыров Е.М., Мухатова О.Х. Алматы: Нур, 2025. 400 с.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г., 1962 – Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. Казахская ССР / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. М.: Госстатиздат, 1962. 202 с.

Итоги Национальной переписи населения 2021 г. – Итоги Национальной переписи населения 2021 года // Бюро национальной статистики РК. URL: https://stat.gov.kz/ru/national/2021/

Казахи в контексте, 2020 – Казахи в контексте демографической истории в рамках программы «Рухани жаңғыру» / Ж.С. Аубакирова, А.Н. Алексеенко. Нур-Султан: Шаңырақ-Медиа, 2020. 200 с.

Капекова, 2003 – *Капекова Г.А.* Семиречье в первой трети XX века: социально-экономическая и общественная история. Алматы: Гылым, 2003. 230 с.

Капекова, 2006 – *Капекова Г.А.* Хозяйственные традиции и этноструктура народонаселения Семиреченской области // Доклады НАН РК. 2006. № 5. С. 96–102.

Колосовская, 2023 – *Колосовская М.В.* Белорусы-переселенцы в Туркестанском генерал-губернаторстве (Семиреченская и Сыр-Дарьинская области) во второй половине XIX в. // 79-я научная конференция БГУ: материалы конференции (Минск, 10–21 мая 2022 г.). Ч. 3. Минск: БГУ, 2023. С. 114–118.

Құдайбергенова, 2007 – *Құдайбергенова А.И.* Қазақстандағы дүнгендер: саны мен құрамының динамикасы (1897–2007 жж.) // Отан тарихы. 2007. № 2. С. 32–41.

Логинова, Носонов, Шурр, 2015 – *Логинова Н.Н., Носонов А.М., Шурр А.В.* Плотность и размещение мордовского этноса по областям Республики Казахстан во второй половине XX – начале XXI в. // Финно–угорский мир. 2015. № 2. С. 67–76.

Лукашова, 2015 – *Лукашова С.С.* Особенности формирования восточнославянских диаспор в Семиречье в 60–80-х гг. XIX в. // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 25–31.

Мийманбаева, 2018 – *Мийманбаева Ф.Н.* Из истории организации переселенческого дела в Семиреченской области в начале XX века // Вестник ГСГУ. 2018. № 1 (29). С. 65–76.

Муканов, 1991 – *Муканов М.С.* Этническая территория казахов в XVIII – начале XX веков. Алма-Ата: Казахстан, 1991. 64 с.

Первая всеобщая перепись населения, 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. LXXXV. Семиреченская область. СПб.: Тип. т-ва «Народная польза», 1905. 150 с.

Переписи населения – Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств // Demoscope.ru. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Рахматулина, 2017 – *Рахматулина Е.Ю.* Динамика численности уйгурской диаспоры в Казахстане // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы VI международной научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 13–15 февраля 2017 года). Ч. 1. Нижневартовск: НГУ, 2017. С. 593–597.

Результаты, 2025 – Результаты социолого-аналитического исследования языковой ситуации в области Жетісу // Gov.kz. Управление внутренней политики области Жетісу. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/zhetysu-comdev/documents/details/937500?lang=ru

Сауран, Найманбаев, 2022 – *Сауран Э.С., Найманбаев Б.Р.* Этническая структура населения Южного Казахстана в 1991–2020 гг. // Sciences of Europe. 2022. № 87. С. 32–37.

Сушанло, 1959 – *Сушанло М.Я.* Дунгане Семиречья: Дооктябрьский период (исторический очерк). Фрунзе: АН КиргССР, 1959. 104 с.

Сушанло, 1971 – *Сушанло М.Я.* Дунгане (историко-этнографический очерк). Фрунзе: Илим, 1971. 305 с.

Торгаутова, Сугирбаева, Буяр, 2025 – *Торгаутова Ш.А, Сугирбаева Г.Д., Буяр Ж.* Динамика формирования и развития полиэтнического состава Южного Казахстана в дореволюционный период по 1924 год // Отан тарихы. 2025. Т. 28. № 3. С. 946–964.

Трегубов, 1910 – *Трегубов А.Л.* Переселенческое дело в Семипалатинской и Семиреченской областях. СПб., 1910. 78 с.

Цыряпкина, 2013 – *Цыряпкина Ю.Н.* Семиреченская область в переселенческой политике российского царизма в конце XIX – начале XX в. // Известия Национальной Академии Наук Республики Казахстан: серия общественных и гуманитарных наук. 2013. № 2 (288). С. 47–53.

Численность населения РК на начало 2025 г. – Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам (на начало 2025 г.) // Бюро национальной статистики Казахстана. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/

Численность населения РК на начало 2026 г. – Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам (на начало 2026 г.) // Бюро национальной статистики. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281565/

Энциклопедия, 2017 – Энциклопедия корейцев Казахстана. Алматы: КАХАК, 2017. 768 с.

Baigabatova, Toibayev, Iskakova, 2022 – *Baigabatova N.K., Toibayev A.Zh., Iskakova G.M.* Migration processes in Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries and their impact on the ethnic structure of the population (on the case of Semirechensk region) // Voprosy Istorii. 2022. T. 10 (2). Pp. 150–163.

Kali, 2023 – *Kali A.B.* The contribution of the Tatars to the economic development Zhetysu in the late of 19th and early 20th centuries // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 2023. Т. 4. № 79. URL: https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/1483

Kali, 2024 – *Kali A.B.* From the history of the Tatar settlement to Zhetysu in the second half of the XIX century // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2024. Т. 11. № 1. С. 111–123.

References

Abdulina, 2024 – *Abdulina A.T.* Etnosotsiologiya Kazakhstana i selskoe naselenie Zhetysu: na izlome sovetskoi epokhi i stanovleniya nezavisimosti [Ethnosociology of Kazakhstan and the rural population of Zhetysu: at the turning point of the soviet era and the formation of independence]. Almaty: Madiyar, 2024. 584 p. [in Russian]

Alekseenko, 1981 – *Alekseenko N.V.* Naselenie dorevolyutsionnogo Kazakhstana: chislennost, razmeshchenie, sostav, 1870–1917 gg. [Population of pre-revolutionary Kazakhstan: size, distribution and composition, 1870–1917]. Alma-Ata: Nauka, 1981. 112 p. [in Russian]

Alekseenko, 2000 – *Alekseenko V.* Etapy i istochniki formirovaniya slavyanskogo naseleniya Kazakhstana v XVIII – nachale XX v. [Stages and sources of the formation of the slavic population of kazakhstan in the 18th and early 20th centuries]. *Vestnik Evrazii*. 2000. No. 2. Pp. 5–21. [in Russian]

Alekseenko, 2009 – *Alekseenko N.V., Alekseenko V.N.* Slavyanskoe naselenie Kazakhstana XVIII–XX vv.: istoriko-demograficheskoe issledovanie [The Slavic population of Kazakhstan in the 18th – 20th centuries: a historical and demographic study]. Ust-Kamenogorsk: Media-Alyans, 2009. 131 p. [in Russian]

Alekseenko, Aubakirova, 2019 – *Alekseenko A.N., Aubakirova Zh.S.* Etnodemograficheskie protsessy v Kazakhstane [Ethnodemographic processes in Kazakhstan]. Almaty: Evero, 2019. 180 p. [in Russian]

Alekseenko, Aubakirova, Zhanbosinova, 2019 – *Alekseenko A.N., Aubakirova Zh.S., Zhanbosinova A.S.* Etnodemograficheskie evolyutsii i stanovlenie suverennoi demograficheskoi sistemy v Kazakhstane [Ethnodemographic evolution and the formation of a sovereign demographic system in Kazakhstan]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 2019. Vol. 64. No. 4. Pp. 1368–1385. [in Russian]

Apendiev, Asylbekova, 2023 – *Apendiev T.A., Asylbekova Zh.M.-A.* Osnovnye itogi vsesoyuznoi perepisi naseleniya Yuga Kazakhstana (1926–1939 gg.) v arkhivnykh materialakh [Main results of the all-union population censuses of Southern Kazakhstan (1926–1939) in archival materials]. *Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Historical Sciences. Philosophy. Religion Series*. 2023. Vol. 142. No. 1. Pp. 8–25. [in Russian]

Atantaeva, 2007 – *Atantaeva B.Zh.* Pereselenie uigurov i dungan na territoriyu Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX v.: prichiny i posledstviya [Migration of Uyghurs and Dungans to the territory of Kazakhstan in the second half of the 19th century: causes and consequences]. *Otan Tarihy*. 2007. No. 2. Pp. 42–49. [in Russian]

Baigabatova, 2023 – *Baigabatova N.K.* Kazakhi Zhetysu na rubezhe XIX–XX vekov (istoriko-etnograficheskoe issledovanie) [The Kazakhs of Zhetysu at the turn of the 19th and 20th centuries (a historical and ethnographic study)]. Almaty: Qazaq universiteti, 2023. 254 p. [in Russian]

Baigabatova, 2024 – *Baigabatova N.K.* Etnogeografiya i chislennost kazakhov Zhetysu v kontse XIX – nachale XX veka [Ethnogeography and the population size of the Kazakhs of Zhetysu in the late 19th and early 20th centuries]. *Qazaq Historical Review*. 2024. Vol. 2. No. 2. Pp. 134–156. [in Russian]

Baigabatova, Toibayev, Iskakova, 2022 – *Baigabatova N.K., Toibayev A.Zh., Iskakova G.M.* Migration processes in Kazakhstan in the 19th – early 20th centuries and their impact on the ethnic structure of the population (on the case of Semirechensk region) // *Voprosy Istorii*. 2022. T. 10 (2). Pp. 150–163.

Bazanova, 1987 – *Bazanova F.N.* Formirovanie i razvitie struktury naseleniya Kazakhskoi SSR: natsionalnyi aspekt [Formation and development of the population structure of the Kazakh SSR: the national aspect]. Alma-Ata: Kazakhstan, 1987. 152 p. [in Russian]

Bekmakhanova, 1980 – *Bekmakhanova N.E.* Formirovanie mnogonatsionalnogo naseleniya Kazakhstana i Severnoi Kirgizii. Poslednyaya chetvert XVIII – 60-e gody XIX v. [Formation of the multiethnic population of Kazakhstan and Northern Kyrgyzstan: the last quarter of the 18th century to the 1860s]. Moscow: Nauka, 1980. 284 p. [in Russian]

Boranbaev, 2011 – *Boranbaev Kh.Kh.* V sozvezdii narodov Zhetysu [In the constellation of the peoples of Zhetysu]. Almaty: Toganai T, 2011. 150 p. [in Russian]

Chislennost naseleniya RK na nachalo 2025 g. – Chislennost naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdelnym etnosam (na nachalo 2025 g.) [Population of the Republic of Kazakhstan by selected ethnic groups (as of the beginning of 2025)]. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281562/

Chislennost naseleniya RK na nachalo 2026 g. – Chislennost naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdelnym etnosam (na nachalo 2026 g.) [Population of the Republic of Kazakhstan by selected ethnic groups (as of the beginning of 2026)]. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/social-statistics/demography/publications/281565/

Dzhienaliev, 2022 – *Dzhienaliev E.K.* Protsessy adaptatsii koreitsev v Kazakhstane v kontse XIX–XX vv. [Adaptation processes of Koreans in Kazakhstan in the late 19th and 20th centuries]. *Etnopolitika*. 2022. No. 3–4. Pp. 35–52. [in Russian]

Entsiklopediya, 2017 – Entsiklopediya koreitsev Kazakhstana [Encyclopedia of Koreans in Kazakhstan]. Almaty: KAKHAK, 2017. 768 p. [in Russian]

Istoriya Kazakhstana, 2000 – Istoriya Kazakhstana: narody i kultury [History of Kazakhstan: peoples and cultures]. Ed. by Masanov N.E., Abylkhozhin Zh.B., Erofeeva I.V., Alekseenko A.N., Baratova G.S. Almaty: Daik-Press, 2000. 608 p. [in Russian]

Istoriya oblasti Zhetysu, 2025 – Istoriya oblasti Zhetysu: sbornik arkhivnykh dokumentov i materialov. Vol. 8 [History of Zhetysu region: collection of archival documents and materials. Vol. 8]. Comp. by Toraigyrov E.M., Mukhatova O.Kh. Almaty: Nur, 2025. 400 p. [in Russian]

Itogi Natsionalnoi perepisi naseleniya 2021 g. – Itogi Natsionalnoi perepisi naseleniya 2021 goda [Results of the 2021 National population census]. Bureau of National Statistics of the Republic of Kazakhstan. URL: https://stat.gov.kz/ru/national/2021/

Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 g., 1962 – Itogi Vsesoyuznoi perepisi naseleniya 1959 goda. Kazakhskaya SSR [Results of the 1959 All-Union population census. Kazakh SSR]. Moscow: Gosstatizdat, 1962. 202 p. [in Russian]

Kali, 2023 – *Kali A.B.* The contribution of the Tatars to the economic development Zhetysu in the late of 19th and early 20th centuries // *Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки*. 2023. Т. 4. № 79. URL: https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/1483

Kali, 2024 – *Kali A.B.* From the history of the Tatar settlement to Zhetysu in the second half of the XIX century // *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»*. 2024. Т. 11. № 1. С. 111–123.

Kapekova, 2003 – *Kapekova G.A.* Semireche v pervoi treti XX veka: sotsialno-ekonomicheskaya i obshchestvennaya istoriya [Semirechye in the first third of the 20th century: socio-economic and social history]. Almaty: Gylym, 2003. 230 p. [in Russian]

Kapekova, 2006 – *Kapekova G.A.* Khozyaistvennye traditsii i etnostruktura narodonaseleniya Semirechenskoi oblasti [Economic traditions and the ethnic structure of the population of Semirechye region]. *Reports of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*. 2006. No. 5. Pp. 96–102. [in Russian]

Kazakhi v kontekste, 2020 – Kazakhi v kontekste demograficheskoi istorii v ramkakh programmy «Rukhani zhangyru» [The Kazakhs in the context of demographic history within the framework of the «Rukhani Zhangyru» program]. Aubakirova Zh.S., Alekseenko A.N. Nur-Sultan: Shanyraq-Media, 2020. 200 p. [in Russian]

Kolosovskaya, 2023 – *Kolosovskaya M.V.* Belorusy-pereselentsy v Turkestanskom general-gubernatorstve (Semirechenskaya i Syr-Darinskaya oblasti) vo vtoroi polovine XIX v. [The Belarusian settlers in the Turkestan governor-generalship (Semirechye and Syr-Darya regions) in the second half of the 19th century]. In: *79th Scientific Conference of Belarusian State University: Conference Proceedings* (Minsk, May 10–21, 2022). Part 3. Minsk: Belarusian State University, 2023. Pp. 114–118. [in Russian]

Loginova, Nosonov, Shurr, 2015 – *Loginova N.N., Nosonov A.M., Shurr A.V.* Plotnost i razmeshchenie mordovskogo etnosa po oblastyam Respubliki Kazakhstan vo vtoroi polovine XX – nachale XXI v. [Density and distribution of the Mordvin ethnic group across the regions of the Republic of Kazakhstan in the second half of the 20th and early 21th centuries]. *Finno-Ugric World*. 2015. No. 2. Pp. 67–76. [in Russian]

Lukashova, 2015 – *Lukashova S.S.* Osobennosti formirovaniya vostochnoslavyanskikh diaspor v Semireche v 60–80-kh gg. XIX v. [Specific features of the formation of east slavic diasporas in Semirechye in the 1860s–1880s]. *Slavic Almanac*. 2015. No. 1–2. Pp. 25–31. [in Russian]

Miimanbaeva, 2018 – *Miimanbaeva F.N.* Iz istorii organizatsii pereselencheskogo dela v Semirechenskoi oblasti v nachale XX veka [From the history of the organization of the resettlement administration in Semirechye region in the early 20th century]. *Bulletin of GSGU*. 2018. No. 1(29). Pp. 65–76. [in Russian]

Mukanov, 1991 – *Mukanov M.S.* Etnicheskaya territoriya kazakhov v XVIII – nachale XX vekov [Ethnic territory of the Kazakhs in the 18th and early 20th centuries]. Alma-Ata: Kazakhstan, 1991. 64 p. [in Russian]

Perepisi naseleniya – Perepisi naseleniya Rossiiskoi Imperii, SSSR, 15 novykh nezavisimykh gosudarstv [Population censuses of the Russian Empire, the USSR, and 15 newly independent states]. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya, 1905 – Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiiskoi imperii, 1897 g. LXXXV. Semirechenskaya oblast [First general census of the Russian Empire, 1897. LXXXV. Semirechye region]. St. Petersburg: Tipografiya tovarishchestva Narodnaya polza, 1905. 150 p. [in Russian]

Qudaibergenova, 2007 – *Qudaibergenova A.I.* Qazaqstandagy dungender: sany men quramynyng dinamikasy (1897–2007 zzh.) [The Dungans in Kazakhstan: dynamics of population size and composition (1897–2007)]. *Otan Tarihy*. 2007. No. 2. Pp. 32–41. [in Kazakh]

Rakhmatulina, 2017 – *Rakhmatulina E.Yu.* Dinamika chislennosti uigurskoi diaspory v Kazakhstane [Dynamics of the Uyghur diaspora population in Kazakhstan]. In: *Culture, Science, Education: Problems and Prospects.*

Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference (Nizhnevartovsk, February 13–15, 2017). Part 1. Nizhnevartovsk: NSU, 2017. Pp. 593–597. [in Russian]

Rezultaty, 2025 – Rezultaty sotsiologo-analiticheskogo issledovaniya yazykovoi situatsii v oblasti Zhetisu [Results of the sociological and analytical study of the language situation in Zhetisu region]. Department of internal policy of Zhetisu region. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/zhetysu-comdev/documents/details/937500?lang=ru

Sauran, Naimanbaev, 2022 – *Sauran E.S., Naimanbaev B.R.* Etnicheskaya struktura naseleniya Yuzhnogo Kazakhstana v 1991–2020 gg. [Ethnic structure of the population of Southern Kazakhstan in 1991–2020]. *Sciences of Europe*. 2022. No. 87. Pp. 32–37. [in Russian]

Sushanlo, 1959 – *Sushanlo M.Ya.* Dungane Semirechya: Dooktyabrskii period (istoricheskii ocherk) [The Dungans of Semirechye: the pre-revolutionary period (a historical essay)]. Frunze: Academy of Sciences of the Kirghiz SSR, 1959. 104 p. [in Russian]

Sushanlo, 1971 – *Sushanlo M.Ya.* Dungane (istoriko-etnograficheskii ocherk) [The Dungans: a historical and ethnographic essay]. Frunze: Ilim, 1971. 305 p. [in Russian]

Torgautova, Sugirbaeva, Buyar, 2025 – *Torgautova Sh.A., Sugirbaeva G.D., Buyar Zh.* Dinamika formirovaniya i razvitiya polietnicheskogo sostava Yuzhnogo Kazakhstana v dorevolyutsionnyi period po 1924 god [Dynamics of the formation and development of the multiethnic composition of Southern Kazakhstan from the pre-revolutionary period to 1924]. *Otan Tarihy*. 2025. Vol. 28. No. 3. Pp. 946–964. [in Russian]

Tregubov, 1910 – *Tregubov A.L.* Pereselencheskoe delo v Semipalatinskoi i Semirechenskoi oblastyakh [Resettlement affairs in Semipalatinsk and Semirechye regions]. St. Petersburg, 1910. 78 p. [in Russian]

Tsyryapkina, 2013 – *Tsyryapkina Yu.N.* Semirechenskaya oblast v pereselencheskoi politike rossiiskogo tsarizma v kontse XIX – nachale XX v. [Semirechye region in the resettlement policy of the Russian Empire in the late 19th and early 20th centuries]. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social Sciences and Humanities*. 2013. No. 2(288). Pp. 47–53. [in Russian]

Vostrov, Mukanov, 1968 – *Vostrov V.V., Mukanov M.S.* Rodoplemennoi sostav i rasselenie kazakhov (konets XIX – nachalo XX v.) [Tribal composition and settlement of the Kazakhs (late 19th – early 20th century)]. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1968. 256 p. [in Russian]

Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 g., 1928 – Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1926 goda. Vol. VIII. Kazakskaya ASSR, Kirgizskaya ASSR. Otdel I. Narodnost, rodnoi yazyk, vozrast, gramotnost [All-Union population census of 1926. Vol. VIII. Kazakh ASSR, Kirghiz ASSR. Part I. Ethnicity, Native Language, Age, Literacy]. Moscow: TsSU SSSR, 1928. 256 p. [in Russian]

Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 g. – Vsesoyuznaya perepis naseleniya 1939 goda. Natsionalnyi sostav naseleniya raionov, gorodov i krupnykh sel soyuznykh respublik SSSR [All-Union population census of 1939. Ethnic composition of the population of districts, cities and large rural settlements of the union republics of the USSR]. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_39_ra.php?reg=1206

Zinovev, 2023 – *Zinovev V.P.* Mezhetnicheskoe razdelenie truda v Semirechenskoi oblasti po dannym perepisi 1897 g. [Interethnic division of labor in Semirechye region according to the 1897 census]. *Tomsk State University Journal*. 2023. No. 492. Pp. 130–135. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1195–1212
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1195-1212

ЖЕТІСУ ОБЛЫСЫНДАҒЫ 1916 ЖЫЛҒЫ КӨТЕРІЛІСТІҢ КЕЙБІР ҚЫРЛАРЫ

Рашид Ешенұлы Оразов [1], Шамек Баянұлы Тілеубаев [2], Арайлым Нұрболатқызы Қоңқабаева [3]*

[1]Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050000 Алматы, Қазақстан)
гуманитарлық ғылымдар магистрі, аға ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0000-0002-5473-2050. E-mail: r.o.e@mail.ru

[2]Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Бас директордың ғылыми жұмыстар жөніндегі орынбасары, тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
https://orcid.org/0000-0002-9659-1006. E-mail: Shamek_09@mail.ru

[3]Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
аға ғылыми қызметкер, PhD докторант
https://orcid.org/0000-0001-5543-1172. E-mail: konkabayeva.arailym@gmail.com
*Автор-корреспондент

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Оразов Р., Тілеубаев Ш., Қоңқабаева А., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақалада 1916 жылы Жетісу облысында болған көтерілістің шығу себептері, сонымен қатар осы өлкеден майданның тыл жұмыстарына шақырылғандардың саны қарастырылады. Сондай-ақ мақалада облыс губернаторы мен Жаркент уезі басшыларының Жәменке Мәмбетұлы мен Ұзақ Саурықұлын Қарқара өңіріндегі көтерілісті ұйымдастырушылар деп тану туралы жарлықтары мен осы тұлғаларға қатысты қабылданған шешім туралы архив құжаттарындағы деректерге талдау жасалды. Мақалада Жаркент уезіндегі қазақтардың жазалаушы әскердің әрекетіне төтеп бере алмай, Қытайға босып кетуге мәжбүр болған халықтың тарихи тағдыры архив деректері келтірілген. Авторлар архив құжаттарындағы фактілерге сүйене отырып, өз көзқарастары мен тұжырымдарын келтіреді. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты мен міндеттері архив және естелік деректерге сүйене отырып, көтерілістің алғы шарттарын, себеп-салдарын, қозғаушы күштері мен аймақтық ерекшеліктерін талдау болып табылады. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің әдіс-тәсілдері ретінде ғылыми зерттеулер жүргізуде басшылыққа алынатын: кешенділік, тарихи-салыстырмалық және жүйелеу мен өркениеттілік, жаңашылдық әдістері қолданылды. *Нәтижелер.* Зерттеу нәтижесінде архив деректері негізінде Жетісу облысындағы 1916 жылғы көтерілістің себептері мен аймақтық ерекшеліктері, Қарқара өңіріндегі көтерілісті ұйымдастырудағы Жәменке Мәмбетұлы мен Ұзақ Саурықұлының рөлі, сондай-ақ жазалаушы әскер әрекеттерінің салдарынан

Жаркент уезі қазақтарының Қытайға босып кету жағдайлары сараланды. *Қорытынды.* Зерттеу 1916 жылғы Жетісу көтерілісінің барысы мен салдарын архив және естелік деректер негізінде кешенді қарастыруға мүмкіндік береді. Көтеріліс пен оны басып-жаншу әрекеттері өңір халқының тағдырына ауыр зардап әкеліп, қазақтардың бір бөлігінің Қытайға босып кетуіне себеп болғаны айқындалды.
Түйін сөздер: 1916 жыл, көтеріліс, Жетісу, әскери губернатор, пристав, отарлау, тергеу, босқындар.
Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Жетісу облысындағы 1916 жылғы көтеріліс: мәселені архив құжаттары мен айтылған тарих деректері негізінде қайта қорыту» тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында дайындалды (ЖТН AP26103741).
Дәйексөз үшін: Оразов Р.Е., Тлеубаев Ш.Б., Қоңқабаева А.Н. Жетісу облысындағы 1916 жылғы көтерілістің кейбір аспектілері // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1195–1212-бб. [қазақ тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1195-1212

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОССТАНИИ 1916 ГОДА В СЕМИРЕЧЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

*Рашид Ешенұлы Оразов[1], Шамек Баянұлы Тілеубаев[2], Арайлым Нұрболатқызы Қоңқабаева[3]**

[1] Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(ул. Шевченко, 28, 050000, Алматы, Республика Казахстан)
магистр гуманитарных наук, старший научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0002-5473-2050, E-mail: r.o.e@mail.ru

[2] Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(ул. Шевченко, 28, 050010, Алматы, Республика Казахстан)
заместитель Генерального директора по научной работе,
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор
https://orcid.org/0000-0002-9659-1006, E-mail: Shamek_09@mail.ru

[3] Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(ул. Шевченко, 28, 050010, Алматы, Республика Казахстан)
старший научный сотрудник, докторант PhD
https://orcid.org/0000-0001-5543-1172, E-mail: konkabayeva.arailym@gmail.com
*Автор-корреспондент

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Оразов Р., Тілеубаев Ш., Қоңқабаева А., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются причины восстания 1916 года в Семиреченской области, а также численность населения региона, призванного на тыловые работы фронта. На основе архивных документов анализируются распоряжения губернатора области и руководства Джаркентского уезда о признании Жаменке Мамбетуулы и Узака Саурыкулы организаторами восстания в Каркаринском регионе, а также решения, принятые в отношении этих лиц. В статье на основе архивных источников рассматривается историческая судьба казахского населения Джаркентского уезда, которое, не имея возможности противостоять действиям карательных войск, было вынуждено бежать в Китай. Опираясь на факты, содержащиеся в архивных документах, авторы представляют собственные взгляды и выводы. *Цель и задачи.* Цель и задачи исследования заключаются в анализе предпосылок, причин и последствий восстания, его движущих сил и региональных особенностей на основе архивных источников и материалов воспоминаний. *Материалы и методы.* В исследовании применялись принципы комплексности, историко-сравнительный и системный методы, а также цивилизационный и инновационный подходы. *Результаты.* В результате исследования на основе архивных источников проанализированы причины и региональные особенности восстания 1916 года в Семиреченской области, роль Жаменке Мамбетуулы и Узака Саурыкулы в организации восстания в Каркаринском регионе, а также обстоятельства бегства казахского населения Джаркентского уезда в Китай вследствие действий

карательных войск. *Заключение.* Исследование позволяет комплексно рассмотреть ход и последствия восстания 1916 года в Семиречье на основе архивных источников и материалов воспоминаний. Установлено, что восстание и действия по его подавлению имели тяжелые последствия для населения региона и стали причиной бегства части казахского населения в Китай.
Ключевые слова: 1916 год, восстание, Семиречье, военный губернатор, пристав, колонизация, расследование, беженцы.
Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на тему «Восстание 1916 года в Жетысуской области: переосмысление проблемы на основе архивных документов и устных исторических свидетельств» (ИРН AP26103741).
Для цитирования: Оразов Р.Е., Тлеубаев Ш.Б., Конкабаева А.Н. Некоторые аспекты восстании 1916 года в Семиреченской области // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. – С. 1195–1212. [На казахском языке]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1195-1212

SOME ASPECTS OF THE 1916 UPRISING IN THE SEMIRECHESK REGION

Rashid Yeshenuly Orazov[1], Shamek Bayanuly Tleubayev[2], Arailym Nurbolatkyzy Konkabayeva[3]*

[1] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28 Shevchenko St., 050000 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Master of Humanities, Senior Research Fellow.
https://orcid.org/0000-0002-5473-2050, E-mail: r.o.e@mail.ru

[2] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28 Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Deputy Director General for Research, Candidate of Historical Sciences.
https://orcid.org/0000-0002-9659-1006, E-mail: Shamek_09@mail.ru

[3] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28 Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Senior Research Fellow, PhD Doctoral Student
https://orcid.org/0000-0001-5543-1172, E-mail: konkabayeva.arailym@gmail.com
*Corresponding author

© Valikhanov IHE, 2026
© Orazov R., Tleubayev Sh., Konkabayeva A., 2026

Abstract: *Introduction.* The article examines the causes of the 1916 uprising in the Semirechye Region, as well as the number of people from the region conscripted for rear labor on the front. Drawing on archival documents, the article analyzes the orders issued by the regional governor and the authorities of the Jarkent Uyezd identifying Zhamenke Mambetuly and Uzak Saurykuly as organizers of the uprising in the Karkara area, as well as the decisions made regarding these individuals. Based on archival sources, the article also examines the historical fate of the Kazakh population of the Jarkent Uyezd, who, unable to withstand the actions of the punitive forces, were forced to flee to China. Drawing on facts contained in archival documents, the authors present their own interpretations and conclusions. *Aim and Objectives.* The aim and objectives of the study are to analyze the preconditions, causes and consequences of the uprising, its driving forces, and regional characteristics on the basis of archival sources and memoir materials. *Materials and Methods.* The study employs the principle of a comprehensive approach, historical-comparative and systematic methods, as well as civilizational and innovative approaches. *Results.* Based on archival sources, the study analyzes the causes and regional characteristics of the 1916 uprising in the Semirechye Region, the roles of Zhamenke Mambetuly and Uzak Saurykuly in organizing the uprising in the Karkara area, as well as the circumstances surrounding the flight of the Kazakh population of the Jarkent Uyezd to China as a result of the actions of punitive forces. *Conclusion.* The study provides a comprehensive examination of the course and consequences of the 1916 uprising in Semirechye based on archival sources and memoir materials. It

establishes that the uprising and the measures taken to suppress it had severe consequences for the population of the region and led part of the Kazakh population to flee to China.
Keywords: Uprising of 1916, Semirechye, uprising, military governor, bailiff, olonization, refugees
Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the grant-funded project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan entitled “The 1916 Uprising in the Zhetysu Region: Reconsidering the Issue Based on Archival Documents and Oral Historical Accounts” (IRN AP26103741).
For citation: Orazov R.Ye., Tleubayev Sh.B., Konkabayeva A.N. Some aspects of the 1916 uprising in the Semirechesk region // Otan Tarihy. 2026. Vol. 29. No. 3. – Pp. 1195–1212. [In Kazakh]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1195-1212

Кіріспе. Қазақ тарихында айрықша орын алатын ұлт-азаттық көтерілістер аз емес. Соның бірі де болса бірегейі 1916 жылғы көтеріліс. Ресей империясы болмаса, Совет өкіметі тұсындағы бас көтерулердің қай-қайсысы да отарлаудың әбден шырқау шегіне жеткенінде ғана халықтың қолдарына қару алғандығы бәрімізге белгілі. Қай көтеріліс те отарлық жүйенің езгісі мен отаршылдардың зорлық-зомбылықтарынан туындап отырғаны көзі қарақты көпшілікке аян. Мұндай жайт біз тоқталғалы отырған 1916 жылғы көтеріліске де тән. 1916 жылғы Орта Азия мен Қазақстандағы көтеріліс мәселесі түрлі көзқарастар мен пікірлер төңірегінде жазылған бай тарихнамасымен ерекшеленеді.

Материалдар мен әдістер. Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік архивінде [ҚР ОМА] 1916 жылы көтеріліске қатысты әскери-губернатор мен уез бастықтарының рапорттары, көтерілістің барысы мен тыңшылардың берген мәліметтері, сондай-ақ оқиғаларға қатысушыларды тергеу мен соттауға қатысты материалдары бар бірқатар істер сақталған. Сонымен қатар, Кеген-Қарқара өңіріндегі көтеріліске қатысушылардың айыптау ісіне қатысты материалдар Алматы қаласындағы ҚР ОМА-дегі №109-қордың 1-тізбесінің 35-ісінде «Нарынқол қазақтары мен басқа болыстардың тыл жұмыстарына жұмылдыруына қарсы көтеріліс ісі» деп аталатын құжат кеңінен пайдаланылды. Бұл архив ісі көлемі жағынан 252 парақтан тұрады.

Талқылау. Ресей империясының отарлау саясаты мен оған қарсы болған көтерілістер тарихы мен тарихнамасы ауқымды зерттеулерді қамтыған, дегенімен мақала барысында оның маңызды дегендеріне ғана тоқталуды жөн көрдік. Әрине зерттеушілер арасында бұл мәселелерге қатысты түрлі пікірталастар мен түрлі көзқарастар орын алған.

Аталған тақырыпты зерттеу оқиғалар орын алған кезден басталады, бірақ дереккөздерге әртүрлі кезеңдегі идеологиялық, т.б. шектеулерден, жергілікті оқиғалардың жеткіліксіз зерттелуі оның деңгейінің біркелкі еместігін көрсетті. Отарлаушы үкіметтің шенеуніктерінің пікірлері ресми құжаттарда, рапорттарында, есептері мен жазбаларында көрініс тапқан. Олар 1916 жылғы оқиғаларды өздерінің отарлық саясаты негізінде кездейсоқ болған құбылыс деп қарастырады. Сонымен бірге, олардың пікірінше 1916 жылғы көтеріліс Ресейге жау кейбір шет мемлекеттердің тыңшыларының, яғни, Түркия, Германия, Қытай сияқты мемлекеттерінің арандатушылығы деп көрсетіледі. Ал советтік тарихнамада 1916 жылғы көтеріліс ең алдымен маркстік-лениндік идеология тұрғысынан қарастырылып, таптық күрес пен отаршылдыққа қарсы болды деген тұжырымды алға тартты. Негізгі назар әлеуметтік-экономикалық себептерге, соның ішінде жергілікті халықты қанау мен жер мәселесіне байланысты қақтығыстарға аударылды.

1916 жылғы көтерілісті әр жылдары зерттеген Г.И. Бройдо [Бройдо, 1924], И. Чеканинский [Чеканинский, 1926], Т. Рысқұлов [Рысқұлов, 1927], П. Галузо [Галузо, 1932], С.Д. Асфендияров [Асфендияров, 1936], П.А. Ковалев [Ковалев, 1957], Х. Турсунов [Турсунов, 1962] және басқалар. Г.И.Бройдо өзінің «Материалы к истории восстания киргиз в 1916 году» атты еңбегінде «...көтеріліс жоғарғы патша әкімшілігінің арандатуымен қазақтарды жойып, жерін тазарту арқылы үкіметтің отарлауын одан ары жалғастыру үшін жасалған әрекет...» - деп бағалайды. Чеканинский көтерілістің шығуы себептеріне, сипатына, салдарына жан-жақты ашып көрсетіп, онда көтерілістің әлеуметтік экономикалық, саяси, рухани мәселелеріне мүмкіндігінше тоқталуға тырысқанын байқатады. Т. Рысқұлов: «...16 жылғы оқиғалар кей жерлерде шиеленіскен сипат алып, жергілікті халықтың ашу-ызасы оқиғаға кінәлілерге ғана емес, өлкеге қоныстандырылған шаруа бұқарасына да қарсы бағытталды» -деп көрсетеді.

1940 – 1960 жылдары да 1916 жылғы көтеріліс мәселесі назардан тыс қалған жоқ. Орта Азия мен Қазақстандағы көтерілістің тарихын зерттеуде біршама жұмыстар атқарылды. Олардың қатарына

Б.Сүлейменов [Сүлейменов, 1948], О. Кулиев пен А. Якуниннің [Кулиев, Якунин, 1953], Т. Елеуов [Елеуов, 1960] еңбектері арналды. Бұл зерттеушілердің барлығы да 1916 жылғы оқиғалардың зерттелу шеңберін кеңейтіп, өзіндік үлес қосты. Аталған еңбектерде авторлар көтерілістің тарихын советтік идеология аясында ғана қарастырып, талдаулар жасады.

Совет одағы ыдыраганнан кейін 1916 жылғы көтерілісті жаңа әдіснамалық және идеологиялық тұрғыдан қайта қарау бағытында зерттеу жұмыстары басталды. Қазақстанда ұлттық бірегейлікті қалыптастырудағы оқиғалардың маңызын көрсететін еңбектер пайда болды.

Нәтижелер. XIX ғасырдың 60-шы жылдары Қазақ даласын отарлауды аяқтаған патшалық Ресей енді қазақ қоғамының ішкі өміріндегі бұрынғы табиғи үрдістерді өзгертіп, оның есесіне империялық басқарудың жаңа жүйесін енгізуді одан әрі дамыта түсті. Бұл жалпы отар халықтардың өміріне тән табиғи үдеріс болатын. Отарлық саяси билік өлкедегі ұлттық ұйысу үдерістерді тежеп, керісінше рулық-жүздік алауыздықтың орныға түсуіне мүдделігін арттырды, ал отарлаушы аппарат болса жергілікті халықты ортағасырлық надандық құрсауында неғұрлым ұзағырақ ұстауға күш салды. XX ғасыр басында Жетісу өңіріндегі жергілікті халықтың әлеуметтік-экономикалық, қоғамдық-саяси өміріндегі қайшылықтар күннен-күнге тереңдеп, отаршыл жүйеге деген наразылығы күшейе түсті. Қалыптасқан бұл жағдайлар 1916 жылы Жетісу облысындағы қазақ және қырғыз халықтарын отарлық билікке қарсы бас көтеруіне алып келді. Халықтың отарлық жүйеге қарсы шығуының бірнеше себептері болды.

Біріншіден, Әндіжан көтерілісінен кейін патша өкіметі өлкедегі әскери полициялық тәртіптің басты тірегі санаған орыс шаруаларын қаруландыруды қолға алды. Орыс шаруаларын қаруландыру мәселесін алғаш көтерген Сырдария облысының әскери-губернаторы Гродеков болатын. 1891 жылы 15 қыркүйекте әскери министрге жолдаған ұсынысында орыс шаруаларын қаруландыру арқылы өлкедегі әскердің санын қысқартуға болатынын айтып, мұндай қаруландыру нәтижесінде «әрбір орыс қонысы әскери батальонға пара-пар келеді» деген пікірін білдірген [ҚР ОМА. Қ. 64. Т. 1. І. 5587. Б. 12]. Гродековтың орыс қоныс аударушыларын қаруландыру туралы ұсынысы орталық билік орындарында пікірталас туғызған еді. Пікірталас барысында үкімет тарапынан таратылған қаруды орыс шаруалары қалай қолданады, қаруланған шаруалар үкіметке қауіп төндірмей ме деген мәселе де талқыланады. Осыған қарамастан қоныс аударушыларды қаруландыру туралы ұсыныс қолдау табады. «Орыс қоныстарын қаруландыру туралы» заң жобасы 1891 жылы 29 қарашада Министрлер кеңесінде қабылданып, патша тарапынан бекітілді. Мұның артынша қоныс аударушыларға таратылып берілген қаруды айырбастауға, сыйға тартуға және «бұратаналарға» сатуға қатаң тыйым салынған арнайы «Ереже» қабылданды. «Ережеге» сәйкес қару алған әрбір қоныс аударушы үкімет өкіліне «мен бұл қаруды түземдіктерге сатпаймын. Жай да бермеймін» деп қолхат беруге тиіс болды [Галузо, 1926: 5]. 1898 жылы Сырдария облысындағы орыс қоныстарына 1134 винтовка, Жетісу облысына 3000 винтовка таратылды. Жетісу облысында таратылған винтовканың 1000-ы казактардың, 2000-ы орыс шаруаларының үлесіне тиді [ҚР ОМА. Қ. 41. Т. 1. І. 252. Б. 340]. Түркістан өлкесіндегі орыс қоныстарын қаруландыру ісі бұдан кейінгі кезеңде де жалғасын тапты. 1911 жылы 26 қаңтарда Жетісу облыстық әскери губернаторы уезд басшыларына құпия түрде нұсқау хат жолдап, онда орыс қоныстарындағы әрбір 8 үйге бір винтовкадан келетіндей етіп қару таратуды қолға алуды талап еткен болатын. Осы кезде уезд басшыларының қарауындағы қоймаларда 7257 винтовка, 412 089 оқ-дәрі сақталып тұрған еді. Оның ішінде Верный уезінде 2223, Қапал уезінде 441, Лепсі уезінде 1161, Жаркент уезінде 119 винтовка болды [ӨР ҰА. Қ. 1. Т. 1. І. 17654. Б. 58]. Жетісу облысы әскери губернаторы жоғарыда айтылған нұсқау хатында уезд басшыларына қаруды таратып болған соң, орыс қоныстарындағы шаруалардан қарулы жасақтар құруды да ұйымдастыруды тапсырған еді. Әскери-губернатордың нұсқауы бойынша мұндай қарулы жасақтың міндетіне қоныстардағы тәртіпті сақтау, төңіректегі қазақ-қырғыздардың көңіл-күйін қадағалау, бүлік бола қалған жағдайда қоныстарды қорғап, бүлікшілдерге тосқауыл қою жүктелді. 1914-1915 жылдары Бірінші дүниежүзілік соғыстың майдандарында қарудың жетіспеуіне байланысты кезінде Түркістан өлкесінде орыс қоныстарында таратылып берілген қаруды жиып алу мәселесі көтерілген болатын. Алайда жергілікті билік орындарының өтініш білдіруіне байланысты Түркістан өлкесіндегі орыс қоныстарынан қару жиналып алынбайтын болды.

Бұл жөнінде Әскери министрлік жергілікті билік орындарының өтініштерін ескере отырып, Министрлер кеңесі төрағасы атына жолдаған қатынас хатында: «Таратылып берілген қарулардың кейбір түрлері соғыс майдандарына аса қажет емес. Ресейдің азиялық бөлігіндегі кейбір аудандар үшін саяси мәнге ие. Сондықтан Түркістан өлкесіндегі орыс шаруаларына таратылып берілген

қаруларды жинастырып алудың қажеттігі жоқ деп санаймын» – деп жазды [Сапаргалиев, 1966: 73]. Отарлық билік орындары орыс қоныс аударушыларын қаруландырумен қатар жергілікті халықтарды қарусыздандыру саясатын да жүргізеді. 1891 жылы 27 қарашада Түркістан генерал-губернаторы жергілікті халықтарға оқпен атылатын қару ұстауға тыйым салған бұйрыққа қол қойды. Осы бұйрық негізінде облыстық және уездік әкімшілік жанынан жергілікті халықтың қолынан оқпен атылатын қаруды жинастырып алу үшін арнайы топ құрылды. Мақсат жергілікті халықты қарусыздандыра отырып, оның отарлық билік орындарына қарсылық көрсету мүмкіндігін барынша әлсірете түсу еді. Отарлық биліктің өлкеде жүргізген осындай саясатының нәтижесінде қаруланған орыстар жоғары билікке сүйеніп, қазақтардың жайылым жерлерін, суларын тартып алып отырды. Мұндай келеңсіз жағдайлар өлкеде ұлтаралық қақтығыстың шиеленісуіне әсер етті.

Екіншіден, 1916 жылғы көтерілістің шығуының ең басты себептерінің бірі Жетісудағы жер мәселесі. Аталған мәселе 1916 жылдың қарсаңында тіптен шиеленіскен болатын. 1891 жылғы Ақмола, Семей, Жетісу, Орал және Торғай облыстарын басқару туралы Ереженің 119 бабы бойынша, яғни «көшпенділер қоныстанған жерлер және сол жерлерге тиесілі нәрселер, сондай-ақ ормандар да мемлекет меншігі ретінде мойындалады», - деп бекітілді. Осылайша отаршыл жүйе ғасырлар бойғы қазақтардың ата-қоныстарын мемлекет меншігі, яғни, Ресей империясының меншігі деп жариялады. Ал, осы Ереженің 120-бабында «Көшпелілер қоныстанған жер, олардың дәстүрі мен осы ереже баптары негізінде көшпелілердің мерзімсіз қоғамдық пайдалануында қалдырылады», – деп халықтың өз жерін өзіне «қайыр» етіп бергендей көрсетеді. Көшпелілер үшін артық болуы мүмкін жерлер мемлекеттік Мүлік министрлігінің құзырына өтеді [Қойгелдиев, 2008: 50-51]. Қазақтың шұрайлы жерлерінің барлығын орыс қоныс аударушыларына беріп, қазақты шөлейтті, таулы аймақтарға ығыстырып шығарды. Бұл отарлаудың анық шегіне жеткен түрі еді.

Патша әкімшілігінің қоныс аудару саясаты бойынша XIX ғасырдың екінші жартысында Түркістан өлкесінің генерал-губернаторы К.П. Кауфман және Жетісу облысының әскери губернаторы Г.А. Колпаковский казачествомен отарлаудан гөрі переселен шаруалармен отарлау тиімдірек деп есептеді. 1890-жылдардың басындағы Россиядағы болған ашаршылықтан кейін Жетісуға өз еркімен қоныс аударушы орыс шаруалардың қарқыны күшейе түсті. Жетісуды шаруалармен отарлау да басқаша сипатқа ие болды. Алғашқы жоспарды «артығымен» орындағаннан кейін, енді жоспардан «тыс» келген шаруаларды орналастыру патша әкімшілігіне біраз қиындықтар тудырды. Осыдан кейін патша әкімшілігі өлкеден басы артық жер іздей бастады. Ал оған дейін 1896 жылы Жетісуға «өз бетімен келуші» орыс шаруалары үшін жол жабылды, бірақ бұл шаралардан кейін де Жетісуға «өз бетімен келуші» орыс шаруаларының толқыны тоқтамады. 1896 жылдан 1909 жылға дейін Жетісу облысына тағы да 17 911 орыс шаруа өз бетімен келді. 1910-1914 жылдар аралығында 47 610 шаруа, барлығы 65 521 орыс шаруасы қоныс аударды [Галузо, 1965: 205]. Бірінші дүниежүзілік соғыс қарсаңында қазақтардан 45 млн. десятина жер тартып алынып, ол жерлерде 941 қоныстанушылар поселкелері құрылды. Қазақтар арасында қоныс аударып келген шаруларға жалданып жұмыс істейтін батрак-малайлар көбейе бастады.

Үшіншіден, 1914 жылы Ресейдің қатысуымен басталған Бірінші дүниежүзілік соғыс ішкі Ресей халқының да, шет аймақтардағы «бұратана» халықтың да жағдайына қатты әсер еткені белгілі. Шаруашылық күйзеліп, егіс көлемі азайып, оның өнімі күрт төмендеді, мал саны кеміді. Соғыс қисапсыз көп шикізатты, азық-түлікті, малды, тағы сол сияқты материалдық игілікті қажет етті. Өлкеде жергілікті өнімдер арзан бағада саудаланып, сырттан тасымалданатын өнім қымбаттап, халықтың шаруашылығы күйзеліп, әл-ауқаты нашарлады. Сырттан келетін тауарлардың бағасы өте қымбат болған. Империалистік соғыс жылдарында өлкеде экономикалық күйзеліспен қатар халықтарды саяси езу де күшейе түсті. Соғыстың алғашқы күндері-ақ патша үкіметі өлкеде «төтенше жағдай» енгізді. Далалық генерал-губернатордың ерекше қаулысымен Сібір темір жолының бойында «жиналыс, ереуіл, жұмыстан бас тартуға байланысты әскери жағдай» енгізілді. Патшаға қарсы шығып ереуіл жасауға және оған шақыруға, жалпы патша әкімшілігінің қызметкерлеріне қарсы шыққан кінәлілер өлім жазасына кесілетін болды. 1914 жылы әскери министрдің арнайы жарлығымен Дала генерал-губернаторына ерекше құқықтар беріліп, басылымдарға әскери цензура қойылды [Турсынбаев, 1967: 25]. Соғыстың алғашқы үш жылында Түркістан өлкесінен үлкен мөлшерде мақта мен мақта майы, 474 мың балық, 299 мың пұт сабын, 70 мың жылқы, 13 мыңға жуық түйе, 38 пұт мың шаршы кез киіз, 441 киіз үй алынды. Уақыт өткен сайын халықты майданға байланысты тонау, қанау саясаты күшейе түсті. Халықтың әлауқаты күннен-күнге нашарлай берді.

Мұндай жағдай әрине, Жетісудың жергілікті халқына да тән. 1914 жылы Жетісу облысынан 34 миллион сомның мал және мал өнімдері жөнелтілді [Қазақстан тарихы, 2002: 628].

Төртіншіден, 1916 жылғы көтерілістің басталуына түрткі болған Ресей патшасы II Николайдың 1916 жылғы 25 маусымдағы Орталық Азия, Қазақстан және Сібірдегі «бұратана» халықтардың 19 пен 43 жас аралығындағы ер азаматтарын майданның қара жұмысына шақыру туралы жарлығы еді.

1916 жылғы көтеріліс тарихынан құнды еңбек жазып қалдырған Тұрар Рысқұлов оның шығу себептеріне қатысты: «....Түркістанның жергілікті халқын патшалық отаршылдық өктемдікке қарсы көтеріліске итермелеген ең басты себептердің әлдеқайда елеулі негіздері бар еді. Бұл негіздер патша өкіметі өзі билеп-төстеген 50 жыл ішінде Түркістанды отаршылдық қанауы салдарынан орын алған терең экономикалық, саяси қайшылықтарында жатқан еді. Сондықтан, әбден шыдамы таусылған жергілікті халықтың жан төзгісіз езгіге жаппай қарсы шығудан басқа амалы қалмады» - деп жазады [Рысқұлов, 1927: 273].

1916 жылы көтеріліс кезінде Жетісу облысындағы оқиғалардың куәгері болған, осында біраз жылдар сот саласында қызмет жасаған Г.И. Бройдо 1916 жылдың 3 қыркүйегінде Ташкент сот палатасының прокурорына көтерілістің шығу себептерін талдай келе берген жауабында: «...көтеріліс барлық отарлық билік орындарының арандату жұмыстарының нәтижесінде туындады, отарлық билік орындары көтерілісте қазақ - қырғыз халқын қырып-жойып және үкіметтің жерді босату үшін одан әрі отарлау әрекеттеріне бағытталды» - деген ойын айтқан болатын [Бройдо, 1925: 111].

Патша әкімшілігінің көтерілістің шығатынынан алдын-ала хабардар болғанын және оны біле тұра алдын-алуға еш әрекет жасамағаны Жетісу облысының әскери губернаторы генерал Фольбаумның көтеріліс басып жаншылғаннан кейін Түркістан генерал-губернаторына жіберген мәлімдемесінен де көруге болады: «...ашық көтеріліске алып келетіндей халық бұқарасының негізгі көңіл-күйі ретінде, қазақтардың риза еместігі бұрыннан-ақ байқалды...» [Красный архив, 1926: 68]. Осындай «көңіл-күйді» біле тұрғанымен көтерілісті болдырмау мақсатында алдын-алмай, керісінше оны одан әрі шиеленістіре түскен. Осы мақсатта Ташкенттегі жоғары басшылықтан көмекке қосымша әскер сұрап, ал өңірдегі бар әскерді көтеріліс шыға қалған жағдайда тез арада басатындай етіп орналастыруға тырысқан.

Ә. Бөкейханов пен Шестаковтың бірлескен мақаласында: «патша үшін орыстың ақсүйегі, төресі үшін қазақ, қырғыз бір тамшы қанын да қиғысы келмейді, жерін алған, өзін соғысқа айдаған патшаны иттің етінен қазақ-қырғыз жек көреді, бүйтіп қор болғанша өзінің жағасынан алып өлейік» [Қаһарлы 1916, 1998: 17] - дейді.

Түркістан өлкесінен майданға қара жұмысқа 250 мың, Дала өлкесінен 230 мың адам алынады деп жоспарланды [Ковалев, 1957: 14]. Түркістан генерал-губернаторлығына қарасты 5 облысқа 250 мың адам былай бөлінді. Сырдария облысынан - 87 мың, Самарқанд облысынан - 38 мың, Ферғана облысынан - 50 мың, Закаспий облысынан - 15 мың, Жетісу облысынан - 60 мың адам алынады деп белгіленді. Оны уездерге бөлгенде Верный уезінен - 11580, Қапал уезінен - 9940, Лепсі уезінен - 8530, Жаркент уезінен - 9070, Пржевал уезінен - 9350, Пішпек уезінен – 11530 [ҚР ОМА. Қ. 44. Т. 1. І. 20068. Б. 35]. Кейіннен бұл сан 250 мыңнан 200 мыңға қысқартылды. Сырдария облысынан майданға алынатын адамдар саны 60 мың, Жетісу облысынан алынатын адамдар саны 43 мыңға түсірілді. Осы санды Жетісу облысындағы уездерге шаққанда төмендегідей болады:

Кесте 1 – Жетісу облысының уездерінен тыл жұмыстарына алынатын адамдар саны [ҚР ОМА. Қ. 44. Т. 1. І. 20068. Б. 173].

уездер	қазақтар	тараншылар (ұйғырлар)	дүнгендер	Сарт-қалмақтар	сарттар	барлығы
Верный уезі	7120	1800	-	-	80	9000
Қапал уезі	7480	-	-	-	20	7500
Лепсі уезі	6000	-	-	-	-	6000
Жаркент уезі	4260	1600	100	-	40	6000
Пржевал уезі	6140	-	150	100	110	6500
Пішпек	7500	-	350	-	150	8000

уезі						
Барлығы	38 500	3 400	600	100	400	43 000

25 маусымда жарлық шыққаннан кейін, шілде айының басында Қазақстанның барлық аймақтарында жергілікті халықтың стихиялы наразылықтары басталып, тыл жұмысына «адам бермейміз» деген көтерілісшілер жергілікті патша әкімшіліктерінің кеңселері мен үйлерін өртеп, тізімдерді жояды. Осылайша, олар тыл жұмыстарына адам алудан құтыламыз деп ойлайды. Стихиялы көтеріліс бірте-бірте ұйымдасқан сипат алып, аяғы қарулы күреске ұласып, ұлттық және саяси азаттықты ұран етіп көтереді, оның негізгі ірі ошақтары Торғай мен Жетісу облыстары еді. Жетісудағы ірі көтерілістер осы кезде Жаркент уезінің Нарынқол-Шарын учаскесіне қарасты Меркі, Шілік болыстарында, Қарқара жайлауында, Верный уезіндегі Асы жайлауы мен Қызылбөрік, Сөгеті, Қорам, Ұзынағаш, Ботбай, Шығыс және Батыс Қастек, Ырғайты, Тайторы, Жайылмас болыстарында, Лепсі және Қапал уездерінің кейбір болыстарында (Мақаншы, Садыр, Мәмбет-Қысқаш, т.б.) орын алды. 1916 жылғы көтеріліс кезінде қазақтар дәстүрлі хандық билікті жаңғыртты, патшалық басқару жүйесін жоюға ұмтылды. Хан сайлауда демократиялық принцип сақталынды, яғни хан сайланар кісінің ақсүйектілігі емес, жеке кісілік, қол бастаушылық қасиеттері ескерілді. Санасында дәстүрлі билік туралы ұғым сақталған, таза көшпелілік дамыған аудандарда көтерілістің негізгі ұйымдастырушы күші ру басылары мен хандар болды. Жетісу жерінде де хан болып сайланғандардың, көтерілісті басқарғандардың басым бөліге атақты билердің, батырлардың, төрелердің ұрпақтары еді. Олардың қатарында Қапал уезінің Қоғалыға жақын маңдағы Майтөбе деген жерінде өткен жиында бес Жалайыр болыстығының қазақтары хан сайлаған Тезек төре Нұралыұлының баласы – Құдиярхан Тезековта бар [ҚР ОМА. Қ. 44. Т. 1. І. 20072. Б. 9]. Сондай-ақ, Ұлы жүздің Жаныс руының биі, бұрын болыс болған Бекболат Әшекеев, Албан тайпасынан Ұзақ Саурықов, Кеген болыстығының биі болған Жайшыбек Бектенов, Тазабек батыр Пұсырмановтың ұрпақтары – Тезек Тазабеков, Әубәкір Солтанбеков, Тазабектің немересі Жақыпберді Тазабеков, т.б. болды. 1916 жылғы көтерілісшілер желбіреткен тулар, байрақтар ата-бабалардың күрес жолын жалғастырудың да белгісі еді. Сондықтан да 1916 жылғы көтерілісте қазақтардың әр руы өз туын көтеріп шыққан. Деректерде Жетісу облысындағы көтеріліс ошақтары «Ботбай көтерілісі», «Албан көтерілісі», «Тайторы көтерілісі» және т.б. атаулармен кездеседі.

1916 жылы Жетісу облысында болған қазақ қауымының ұлт-азаттық қозғалысының ірі ошақтарының бірі – Кеген-Қарқара өңіріндегі көтеріліс. Оған негізінен Албан тайпасының рулары қатысты. Жаз айларында Қарқара жайлауында Албан рулары сығылыса қоныстанып отыратын. 1916 жылы 2 шілдеде Қарқара жәрмеңкесінің орталық алаңында пристав Подварков патшаның жарлығын жұрт алдында мәлімдеп, бес күн ішінде мобилизацияға жататын жігіттердің тізімін өткізуге болыстарға әмір береді. Бұл сұмдық хабар барлық ауылдарға лезде таралып кетті. Жаппай тізім жасала бастаған кезде халық майданға барып қырылғанша, одан да қолға қару алып көтеріліске шығуға ниет білдірді. 1916 жылы 6 шілдеде Ақбейіт тауының шығыс етегінде 16 болысқа қарасты тұрғындардың алқа тобы бас қосқан мәслихаты болды. Онда патша жарлығына байланысты мәселе талқыланды. Жиналғандар майданның қара жұмысына жігіттер жібермейміз, оған жіберілуге дайындалған адамдардың тізімін жою керек деген шешім қабылдайды. Бұл мәслихатта кейінірек көтеріліс басшыларының бірі болған Жәмеңке Мәмбетов «Бала өлгенше кәрі өлсін, патшаның жарлығын орындамаймыз» деп сөйледі. Оны Ұ. Саурықов, С. Қанаев, Қ. Шорманов қостап, Ж. Құдайбергенов, К. Әділбеков, Н. Ыстыбаев, Қ. Шотаманов қуаттаған топ өздерінің патша жарлығына қарсы пікірлерін білдірді. Жәмеңкенің ұйымдастырушылық дарыны 1916 жылғы ұлт-азаттық қозғалыс тұсында айқын байқалады. Патша үкіметінің 1916 жылы 25 маусымдағы жарлығына орай, туындаған жағдайға байланысты Нарынқол-Шарын өңіріндегі Албан руының беделді ел басшылары «Қабан Қарағай» жайлауындағы Ұзақ батырдың ауылында бас қосып, кеңес құрады. Ұзақ батыр ата салтына орай жиынға әдейі арнап, ту боз бие шалады. Жәмеңке тоғыз құнан қой сояды. Жаркент уезінің Нарынқол-Шарын учаскесінің 4 бөлімі сотының ереуілге байланысты қылмысты іс қозғау туралы 1916 жылы 26 тамыздағы №820 қаулысында: «Мәжілісте Иванов болысының беделді адамы Жәмеңке Мәмбетов бірінші болып сөз алып, адам бермейік деген үгітті ортаға салды. Оның бұл пікірін Құрман болысының беделді адамы Ұзақ Саурықов, Байқұлақ Ұлтараков, Тұрлығожа Жансеркин, Бекдайыр Солтанқұлов, Диқанбай Жанпейісов, Қазыбек Шорманов, Жанпейіс Отыншин, Әбубәкір Байсүгіров, Жаңабай Құдайбергенов, Айтбай Дәркембаев, Әбубәкір Сұлтанбеков қолдап шыға келді. Жері шалғайда жатқан Шілік болысының басшысы

Серікбай Қанаев жиынға үлгеріп келе алмағаны айтылып, оның бала бермелік», - деп жазылған хаты жарияланады. «Уәде бұзғанның Құдай үйін бұзады» деуші еді атам қазақ, патша уәдесінен тайды, оған да бір зауал болар», - деп қапаланған Жәмеңке: «Берсек бала өледі, бермесек кәрі өледі, жас боздақтарды көгендеген қозыдай етіп, ажал оғына тірідей жібергенше, азат соғысына аттанамыз, бірде-бір бала бермейміз. Кір жуып, кіндік кескен жерімізде отырып, жас боздақтардың өмірін қорғаймыз», - деп ұран салып, атқа қонып азаттық туын көтереді [ҚР ОМА. Қ. 109. Т. 1. І. 35. Б. 78–91]. Жәмеңкенің осы «Берсек – бала өледі, бермесек – кәрі өледі. Бала өлгенше кәрі өлсін!» деп айтқан бір ауыз аталы сөзі қалың елдің арасына тез тарап, қанатты сөзге айналады.

Осы мәжілістен кейін халық бұқарасы патша үкіметінің билік орындарына бағынудан бас тартты. 11 шілде күні Қарқара жәрмеңкесінде жиналған халықтың алдында Жәмеңке Нарынқол-Шарын бөлімшесінің бастығы Подворковке қазақ халқы ресми түрде патша жарлығын орындамайтынын мәлімдейді. Жәмеңкеге Ұзақ Саурықов, Жанабай Құдайбергенов, т.б. ұлт-азаттық қозғалысы ұйымдастырушылар қолдау көрсетті. 22 шілде күні бөлімше бастығы Подворков Жәмеңке мен Ұзақты 10 күннен кейін 11 шілдедегі жиынға қатысып, белсенділік көрсеткен бір топ адамды тұтқынға алып, Пржевальск түрмесіне айдатады. Түрмеге түскеннен кейін, Пржевальскі уезінің бастығы, полковник Иванов олардан патша жарлығын орындауды талап етеді. Жамеңке бастаған қозғалыс жетекшілері бұл шарттан бас тартады.

Нарынқол – Шарын, Текес бойындағы қазақтың Албан рулары мен қырғыздың Бұғы руы бірлесе қимылдады. Қарқара жәрмеңкесі көтерілістің ошағына айналып, майданға бала бермейміз деген халық пен патша әскерлерінің арасындағы қақтығыс орын алды. Архив деректері бойынша 1916 жылғы көтеріліс кезінде Қарқара жәрмеңкесінде 504 дүнгершек (лавка) тауарымен және қазыналық құрылыстар жанып кетті. Шығын сомасы жарты миллион сомды құрады [ҚР ОМА. Қ. 44. Т. 1. І. 20070. Б. 142-143]. Қазақтар мен қырғыздардың көтерілісі табыстарға да жетті. 12 тамызда көтерілісшілер Қарқара жәрмеңкесіне шабуылдап, бірнеше орыс селоларын басып алады. Бүкіл Нарынқол – Шарын өңірін өз қарауларына алған қазақтар Пржевальскіге баратын жолға да бақылау орнатады.

Дегенменде, көтерілісшілер күші басым отаршыл жүйенің жазалаушы әскерінің тегеурініне төтей алмай шегініс беріп, кейінірек көршілес жатқан Қытай аумағына босып кетуге мәжбүр болды. Ал жәрмеңке орны көпке дейін қаңырап бос тұрды.

Өңірдегі халықтың патша жарлығына наразылық көрсетіп жатқаны жөнінде Пржевальскі уезі бастығының Жетісу облысы әскери губернаторына 1916 жылы 11 шілдесінде жолдаған телеграммасында: «Жаркент уезінің Құрман болысының сот бойынша құқынан айырылған қазағы Ұзақ Саурықов ақ боз бие сойып, реквизицияға жұмыскер бермеу жөнінде үгіт жүргізген. Сондай мақсатпен Верный уезіне өз пікірлестерін жіберген. Ұзақты дереу қамауға алу жөнінде талап қоямын. Ұзақты күтпеген жерде ұстау керек, бұл істі маған жүктеуді сұраймын, әйтпесе оны тартып әкетуі мүмкін» [ҚР ОМА. Қ. 427. Т. 1. І. 136. Б. 8], - делінген.

1916 жылы 12 шілдеде Жаркент уезі бастығы подполковник Ступиннің Жетісу облысының әскери губернаторына жолдаған № 278 телеграммасында: «Нарынқол-Шарын учаскесі бастығының айтуынша мыңдаған адам майданның тыл жұмыстарына бала бермейміз, соңғы деміміз біткенше деп қарсылық көрсетуде. Болыстар кеңсесін ашып жасалған тізімдерді жоюда. Сондықтан қаладан әскер шығаруға үкім беріңіз» деген мазмұнда болды [ҚР ОМА. Қ. 44. Т. 1. І. 20076. Б. 9]. Шілденің 19-ы күні Подварковтың атына әскери губернатор Фольбаумнан телеграмма келіп түседі. Онда «бұратаналарды» Патша ағзамның үкіміне қарсы көтеріп дүрбелеңге салған және үкіметке қарсы үгіт жүргізген беделді адамдарды қарулы күш қолданып, тез арада қамауға алып, оларды айдап дереу Пржевальск қаласына жеткізуді тапсырады [ҚР ОМА. Қ. 44. Т. 1. І. 20076. Б. 63]. Осы бұйрықты қалт жібермей орындауға тырысқан Подварков шілденің 20-сы күні өзіне бағынышты болыстардың күдікті деп танылған беделді адамдарды Жәмеңке мен Ұзақтың ауылына «шұғыл әңгіме бар, кеңесеміз» деген сылтаумен Қарқараға шақырып алу үшін қасына 5-6 солдат қосып шабармандарын жұмсайды. Солдаттар мен шабармандарға Жәмеңке мен Ұзақты күштеп болса да бөлімше бастығының алдына алып келу міндетін жүктеледі. Архив деректеріндегі мәліметтер бойынша бірінші болып көтерілістің 3 басшысы Жәмеңке Мәмбетов, Ұзақ Саурықов, Әубәкір Сұлтанбеков 22 шілде күні қамауға алынады.

1916 жылы 5 тамыз күні Қылмыстық істер ережесінің 403-бабына сәйкес айыпкер Ұзақ Саурықовты жауапқа тарту кезіндегі Пржевальскі уезі 3-ші учаскесінің аймақтық судьясына берген жауабы мынадай: Ұзақ Саурықов 65-те. Жетісу облысы, Жаркент уезі, Құрман болысының бірінші

ауылының қазағы. Діні мұсылман. Сауатты. Отбасылы 7 баласы бар. Айналысатын кәсібі мал шаруашылығы. 18 жыл бұрын істі болып Верный түрмесінде отырған.

«Мен өзімді 1916 жылы 10 шілде де Жаркент уезіне қарасты Қабан-Қарағайда өз ауылымда өткен көп адам жиналған баталасу кезінде Патша Ағзамның 1916 жылғы 25 маусымдағы қорғаныс құрлыстарын, армия тылындағы әскери байланыс жүйелерін салу үшін қара жұмысқа адам алу туралы Жарлығына қарсы шыққаныма, Патша ағзамның жарлығының орындалуына жол бермеу үшін қарсы ереуілге шақырғаныма айыптымын деп есептемеймін. Сол жылдың 11 шілдесінде револьвермен, қамшымен қаруланған мыңға тарта адам Қарқараға жиналып, сол уездің Нарынқол-Шарын учаскесінің бастығы Подварковқа: «Адам бермейміз. Кімде кім келіссе өлтіреміз» деген кезде солардың ішінде едім. Подварковтың Әмірші Иемнің жарлығын орындау жөніндегі нұсқауына: «Сөз қысқа, адам бермейміз» деп айғайлап, Қарқарадағы Иванов, Кеген, Байынқол және Құрман болысының кеңселеріне қарай ағылды. Аталған болыстардың хатшылары – Гудзелевенконы, Головатенковты, Достоваловты, Комаровты және Грибановскийді күшпен қорқытып, олар жасаған шақырылуға тиісті адамдардың тізімін тартып алып, жойып жіберді. Оның үстіне Жоғары Мәртебелінің жарлығын орындамаңдар, адам бермеңдер деп алғаш ой салған Жәмеңке Мәмбетовтың сөзін қызу қуаттап, қолдадым. Яғни, Қылмыстық Істер Ережесінің 13, 263 және 266-баптары бойынша қаралатын қылмысты жасадым.

Ал, ақтайтын айғақ ретінде айтар бір ауыз сөзім: ешқандай қарулы ереуілге қатысқаным жоқ. Ештеңе де білмеймін. Жауабымды маған оқыды және аударды [ҚР ОМА. Қ. 109. Т. 1. І. 35. Б. 147-149].

Жәмеңке Мәмбетов өзінен бастап тұқымдары тоғыз сайлау, яғни 27 жыл болыстық тізгінін қолдан шығармағанын архив деректері айғақтайды. Жәмеңкенің ұйымдастырушылық дарыны 1916 жылы ұлт-азаттық қозғалыс тұсында айқын байқалады. Патша үкіметінің 1916 жылы 25 маусымдағы жарлығына орай, туындаған жағдайға байланысты Нарынқол-Шарын өңіріндегі Албан руының беделді ел басшылары «Қабан Қарағай» жайлауындағы Ұзақ батырдың ауылында бас қосып, кеңес құрады. Ұзақ батыр ата салтына орай жиынға әдейі арнап, ту боз бие шалады. Жәмеңке тоғыз құнан қой сояды. Жаркент уезінің Нарынқол-Шарын 4 бөлімше сотының ереуілге байланысты қылмысты іс қозғау туралы 1916 жылғы 26 тамыздағы № 1820 қаулысында: «Мәжілісте Иванов болысының беделді адамы Жәмеңке Мәмбетов бірінші болып сөз алып, адам бермейік деген үгітті ортаға салды... Егерде оған қарамайтын болса қарулы қарсылық көрсету керек деді. Оны қостап, өздерінің де адам бермейтінін, қарулы қарсылық жасайтынын өзгелерге сендіре – Иванов болысынан Шойбек Мәмбетов, сол болыстан Байқұлақ Ұлдарбеков, Айт болысынан – Тұрлықожа Жансеркин, сол болыстан Бекдайыр Сұлтанқұлов, Алжан болысынан – Диқамбай Жампейісов, Байынқол болысынан – Қазыбек Шорманов, Әділбек болысынан – Жампейіс Отыншин, Құрман Әділбеков, Кеген болысынан - Әбдіқайым Байсүгіров, Қоңырбөрік болысынан – Жаңабай Құдайбергенов, Қожмамбет болысынан – Айтбай Дәркембаев сөз сөйледі. Кеңеске Байынқол болысынан Құдиярбек Шотаманов, Иванов болысынан Меркебай Тайтелов, Жалмамбет Қарашев, Құрман болысынан Тұңғатар Саурықов, Құнпия Тұңғатаров, Сыбанқұл Арғынов, Кеген болысынан Біләл Разақов, Жайшыбек Бектенов, Торыайғыр болысынан Бектен Бұрышбаев, Айт болысынан Жаңғараш Жаңабаев, Алжан болысынан Нүке Ыстыбаев, Кеген болысынан Әбдіқалық Байсүгіров, Иванов болысынан Сақал Мұраталин, Байынқол болысынан Сабаншы Жантасов, Кеген болысынан Қисыбай Дәркембаев, Әбділда Сұраншин, Құрман болысынан Кәрібоз Қаңтаров, Хасен Топиев, Әділбек болысынан Сары Жөргекбаев, Құрман болысынан Сұлтанәлі Кекілов, Иванов болысынан Дуанбек Албанбаев, Мерке болысынан Дони Сүгірбеков қатысты »-деп көрсеткен [ҚР ОМА. Қ. 109. Т. 1. І. 35. Б. 50-52].

Жәмеңке Мәмбетовты Пржевальскі уезінің 3-ші учаскелік судьясы тергеген еді. 1916 жылы 5-ші тамыз күнгі тергеу хаттамасында «Жәмеңке Мәмбетов – жасы 78-де. Жетісу облысы, Жаркент уезі, Иванов болысының бірінші ауылының қазағы. Діні мұсылман. Отбасылы, 5 баласы бар. Айналысатын кәсібі мал шаруашылығы. Бұрын сотталмаған» деген мәліметтер толтырылған. Ол көтеріліске қатысты тергеу барысында Пржевальскі уезінің 3-ші учаскелік судьясына былай деп жауап береді: «Мен өзімді 1916 жылы 10 шілде де Жаркент уезіне қарасты Қабан-Қарағайда Ұзақ Саурықовтың ауылында өткен көп адам жиналған баталасу кезінде Патша Ағзамның 1916 жылғы 25 маусымдағы қорғаныс құрлыстарын, армия тылындағы әскери байланыс жүйелерін салу үшін қара жұмысқа адам алу туралы Жарлығына қарсы шыққаныма, Патша ағзамның жарлығының орындалуына жол бермеу үшін қарсы ереуілге шақырғаныма айыптымын деп есептемеймін. Сол жылдың 11 шілдесінде револьвермен, қамшымен қаруланған мыңға тарта адам Қарқараға жиналып,

сол уездің Нарынқол-Шарын учаскесінің бастығы Подварковқа: «Адам бермейміз. Кімде кім келіссе өлтіреміз» деген кезде солардың ішінде едім. Подварковтың Әмірші Иемнің жарлығын орындау жөніндегі нұсқауына: «Сөз қысқа, адам бермейміз» деп айғайлап, Қарқарадағы Иванов, Кеген, Байынқол және Құрман болысының кеңселеріне қарай ағылды. Аталған болыстардың хатшылары – Гудзелевенконы, Головатенковты, Достоваловты, Комаровты және Грибановскийді күшпен қорқытып, олар жасаған шақырылуға тиісті адамдардың тізімін тартып алып, жойып жіберді.

Ал, ақтайтын айғақ ретінде айтар бір ауыз сөзім: ешқандай қарулы ереуілге қатысқаным жоқ. Естеңе де білмеймін. Жауабымды маған оқыды және аударды. Жауапты аударған Айтбаев [ҚР ОМА. Қ. 109. Т. 1. І. 35. Б. 146-147]. Судьяға берген жауабында Жәмеңке Мәмбетов өзін айыптымын деп санамаған. Тергеу 5-ші тамыз күні жүргізілген. Тергеуде алдап та, арбап та, қинап та, қорқытып та әртүрлі тәсіл қолданғанымен ешбір нәтиже шығара алмаған соң, не істеу керектігін сұрап Верныйға хабарласады. Ол жақтан мынадай нұсқау келеді: «Жәмеңкені ашық жазаласаң бүкіл Албан түгелдей көтерілске ашық шығып кетуі мүмкін, сондықтан оған жасырын у беріп өлтіру керек. Бір екі күннен кейін түрмені бұзып қашты деген сөз таратып, сол жерде түгелдей ату керек». Бұл нұсқау айтқандай орындалады. 6-шы тамызда Жәмеңкеге у беріледі. 7-ші тамызда Пржевальскі түрмесінің бастығы Хромых, Верный өлкелік соты прокурорының атына №735 жеделхат (телеграмма) жолдайды. Аталған жеделхатта: «Сіздің құзырыңызға Пржевальскі түрмесінде жатқан Жаркент уезіне қарасты Иванов болысының қазағы Жәмеңке Мәмбетовтың бүгін абақтыда өлгенін хабарлаймын. Ол 1916 жылы 5-ші тамызда Пржевальскі уезінің 3-ші бөлімшесі сотының шешімі бойынша және Жаркент уезінің 4-ші бөлімшесінің сотының ұсынуымен Қылмыстық Істер Ережесінің 268 және 266-бабымен айыпталып, түрмеге қамалған болатын. Дәрігер Левин мырза: Мәмбетовтың жүрегі алжыған кәрілігі мен жұлын жүйесінің тозуына байланысты тоқтап қалған деп шешті» [ҚР ОМА. Қ. 109. Т. 1. І. 35. Б. 237]. Бұл дәрігер Левиннің отарлық жүйенің қылмысын жасыру үшін қолдан жасаған қорытындысы еді. Ал болған жағдайды көзімен көрген Әубәкір Сұлтанбековтың естелігінде: «Судьяның тергеуінен кейін бізді қайтып алты солдат айдап, абақтыға жапты. Артынан іле-шала «мына дәріні Жәмеңкенің ауруынан емденуге судья жіберді» - деп құмырамен бір орыс дәрі әкелді. Мен: «Жәке, ішпеңіз, бұл у» дедім. Ұзақ батыр: «Әзір бізге қастық қылмайды, домбытып жүр ғой» деді. Жәмеңке де жанына батып отырған ауруға әлгі дәріні біраздан соң ішкісі келді де, ішті. Ішті де дөңбекшіп, талаурап барып, екіндіде Жәмеңке өліп кетті. Жәмеңкені өзіміз конвоймен жүріп, мұсылман қорымына апарып қойдық», - деп айтады [Жансүгіров, 2001: 72.]. Жәмеңке Мәмбетовтың денесі Пржевальскідегі мұсылмандар зиратына қойылған. Жәмеңке өлер алдында бір-екі күн бұрын түс көріп, серіктеріне былай деген екен: «Мен түс көрдім, бәріміз намазға тұрыппыз, алдарыңда мен жеке имам, артымда сендер қатар тұрсыңдар, жеке бір адам тұр». Естіген серіктерінің бірі түсті былай жорыған екен: «Бұл жақсы түс, алдымен сіз, соңынан біз түгел босанады екенбіз, бір адам жеке қалуы мүмкін». Жәмеңке тұрып: «Олай емес, түсті дұрыс жори алмадыңдар, алдымен мені жеке, артымнан қалғандарыңды өлтіреді, бір адам тірі қалады» деген екен.

12-ші тамызда Пржевальск түрмесіндегі қазақ, қырғыздар және басқа мұсылмандар көтерілді. Пржевальск түрмесіне Кеген-Қарқара өңіріндегі көтерілістің жетекшілері Ж. Мәмбетов, Ұ. Саурықов, Ж. Бектенов жабылған болатын. Пржевальскінің түрмесінің терезесінен олардың «Албан, Бұғының балалары, солдат бермеңдер! Біз Албан мен Бұғы үшін құрбан болуға даярмыз» деп айқайлағанын естігендер де болған [Махаева, 2007: 287].

Отарлық жүйе жендеттері 12 тамыз күні Пржевальскі түрмесінде қамауда жатқан 59 адамның барлығы ешқандай соттың үкімінсіз терезеден атады. Архив құжаттарына қарасақ, сол түрменің бастығы Хромыхтың 31 тамызда оқиға өткен соң жиырма күннен кейін Верный округтік сотының прокурорына берген рапортынан байқаймыз. Онда «12 тамыз күні Қарақол түрмесінде жатқан адамдар қашуға әрекет жасады. Сондықтан біз оларды атуға мәжбүр болдық» дейді [ҚР ОМА. Қ. 44. Т. 1. І. 19071. Б. 1-2]. Ал, осы түрмеде атудан төрт адам Әбубәкір Сұлтанбаев, Тұрлығожа Жансеркин, Біләл Разақов, Жайшыбек Бектенев аман шығады. 1926 жылы Әубәкір Сұлтанбеков осы көтеріліс туралы мәлімет береді. Сонда ату түн ортасында жүргізілгені мәлім болды. Ал, билік өзінің қылмысын жасыру үшін мұны күндіз болған оқиға деп көрсеткен. Әбубәкірдің естелігінде бұл түнгі сағат екі мен үштің аралығында болған деп көрсетеді. Мұздай қаруланған түрме күзетшілері абақтының кішкентай терезесін ашып қойып, ешқандай ескертусіз атуды бастаған. Түрменің есігін бұзып шыққандардың арасында Ұзақ батыр да болған. Бірақ, сыртқы дуалдан секіретін кезде тыста азаматтық киімде тағы да қаруланған орыстар алдыларынан шығады. Сол жерде Ұзақ аяғынан жарақаттанады. Ұзақ өзінің жүре алмайтынын білгеннен кейін: «маған қарамаңдар, аман-есен елге

жетіңдер, халыққа басшылық жасаңдар» деп басқаларға аманат айтады. Ұзақты сол түні басқалары таныс ұйғырдың үйіне апарып, ақша беріп, жасырып кеткен. Алайда, өкінішке орай, жаңағы ұйғыр ертесі күні жазалаушы әскерге Ұзақ Саурықовты ұстап береді. Сол жерде Ұзақты да атып тастаған. Ұзақ батырдың денесін бір топ адам Кеген ауылына жақын жердегі бабаларының қорымы жатқан Түменбай есімімен аталатын бұлақ басындағы зиратқа жерлеген.

1916 жылғы Қарқара өңіріндегі көтеріліске белсене қатынасқан тұлға Жазылбек Серібаев. Оның көтеріліс туралы 1936 жылы 17 мамырда жазған естелігінде: «Қайдағы бір қиырдағы герман соғысы басталғаннан кейін қалың бұқараға алым-салық үстемеледі. Заттай да, ақшалай да алды. 1915 жылы қыста әскерге жәрдем деп түтін басына бірден байпақ жидырып алды. Әскерге қойма ақша қоясыздар деп, болыс басына мың сомнан ақша жидырып алды. Ағашты жерге тұяқты мал оттатпайсыңдар деп, тұяқ басына 25 тиыннан ақша жидырып алды.

16-жылы сәуір, мамыр айларында Герман фронтындағы әскерге керек деп киізі жаңа, ағашы жаңа, болыс басына тоғыздан үй салып, болыстар арқылы Жалаңашқа жеткіздіртіп алды. Осы жылы егін айдап болған соң ел Қарқараға, Ақбейіт жайлауына отырған соң Қарқара жәрмеңкесі арқылы әскерге ат алушы комиссия төрелер келіп, пристав арқылы барлық болыстарға бұйырып, албан руының барлық жылқыларын Қарқараға айдатып алып, «кездеп» ат, айғыр, бие демей, кезге толғанын алдына 150, артына 100 сомнан ақша беріп, ол аттарды болыс басынан лаушы жігіттер алып, тиісті жеріне айдатып тұрды.

Сол июнь айларында 19 бен 43 жас аралығындағы азаматтар еріксіз соғысқа алынатын болды деп болыс-болыстың песірлері... тізім жасап жатыр деген сөз ел арасына бұрқ ете түсті. Сол уақыттағы Нарынқол, Қырғызсай учаскесін билеп тұрған ұлықтың аты ойда жоқ, көпшілік «Ақжелке» деуші еді. «Ақжелке ұлық» деуінің мәнісі шапкесінің артында желкесін жауып жүретін ақ шүперегі бар еді.

25 маусымда барлық болыстарға ұлық бұйрық жазған. «Барлық албанның инабатты кәрия және мансапдар адамдары кеңесіп жауабын беріңіздер» деген бұйрығы бойынша 25-маусымда барлық албан бастаушы адамдарымен Қарқара жәрмеңкесінің күншығыс тарабындағы ереуіл төбеге жиналысты.

Бастаушы адамдар мына төмендегілер: Айт елінің болысының қоластынан бірінші Тұрлықожа Жансеркеұлы, екінші Солтанқұлұлы. Тұзкөл болысынан, бірінші – Сана Төбеұлы, екінші – Ұзақ Саурықұлы, үшінші – Кәрібоз Қаңтарұлы, төртінші – Сыбанқұл Арғынұлы. Байынқол болысынан: Қазыбек Шорманұлы, екінші – Құдиярбек Шотаманұлы. Иванов болысынан: Жәменке Мәмбетұлы. Алжан болысынан: Нүке Ыстыбайұлы, екінші – Біләл Разақұлы.

Кеген болысынан: Әбдіқалық Байсүгірұлы, екінші – Жайшыбек Бектенұлы, үшінші – Құрман Әділбекұлы, төртінші – Жанпейіс Отыншыұлы, бесінші – Тұрбек Әбікенұлы. Меркі болысынан: Әубәкір Солтанбекұлы, Досжан Тұрысбекұлы, Оразай Қожагелдіұлы, Бектен Боранбайұлы.

Шілік елінен: Серікбай Қанайұлы. Қоңырбөрік болысынан: Жаңабай Құдайбергенұлы, Молдаш Қонақбайұлы, Сарыбас Арыстанұлы, Алмабек Сәрсенбекұлы, Әмір Тайбағарұлы. Қожмамбет елінен: Айтбай Дәркембайұлы, Мергенбай Ерденеұлы. Бөдетіден: Тұрғынбай Айманбетұлы. Сарытоғайдан: Сауранбай Беренұлы, Иса Бірімтайұлы болып осылар бастатқан үш мың шамалы адамдар бас қосып, кеңес қылысты. Сол мәжілісте барлық болыстар да болды.

Бірінші болып жиылған көпшілікке болыс Рақымбай Солтанқұлұлы сөз бастады. Ұлық болыстарға бұйырған еді... Бүгінгі күні албан руының барлық бастықтары мен қара бұқараларының басын қосып, патшаның сұраған адамдары жөнінде жауап бересіздер деген еді. Бұған көпшілік «не айтасыздар» деді. Ұзақ Саурықұлы жауап айтты, «біз бала бере алмаймыз» деп және «сен не дейсің, сен не дейсің?» деп жоғарыдағы аты аталған басшылардан сұрағанда, «бере алмаймыз» деп шу ете түсті. Сонда болыстар «Осы сөздеріңізді ұлыққа өздеріңіз жүріп айтыңыздар» деді. Басшылар: «бұған көпшілік тұтас бармасын, үш – төрт кісі өкіл жіберелік, ұлыққа солар айтып келсін» десті.

Сол жерде исі албан болып Серікбай Қанайұлы, Құдиярбек Шотаманұлы тағы екі кісі қосып төртеуін жіберді. Ұлық не айтар екен, естиміз деп үш – төрт жүз шамасындағы кісі қоса жүріп, Қарқара жәрмеңкесіндегі ұлықтың кеңсесіне келісті. «Ақжелке» кеңсесінен шыға келді. Қасында бір жас жігіт бар. Прокурордың тауарышы *(товарищ – авт.)* десті. Қасында арықтау қара жігіт тілмашы бар. Көпшілік жіберген өкілдер аттарынан түсіп, бөріктерін қолдарына алып, ұлықтың алдарына барысты. Олардың артынан атты-жаяулы, бірсыпыра көттіктеп өгіз мінген шалдар да бар, барлығы кимелесіп барып тұрысты. Сол жерде «Ақжелке»: «Көпшілік не кеңес қылдыңыздар? Патшаның сұраған рабочиын беретін болдыңыздар ма» – деді. Серікбай Қанайұлы жауап айтты.

– Біздер ақпатшаға қарағалы елу-елу бес жыл шамасында болған екен.

Содан бері патша бізге оқу-өнер үйретпеді. Не тыныштық күнде әскер алып, әскери білім үйретпеді. Қараңғы, білімсіз болдық. Бала бере алмаймыз, – деді. «Ақжелке» айтты:

– Ақмақ болмаңыздар, айға шықсаңыз да құтылмайсыздар. Қатын баланың обалына қалмаңыздар, – деді. Сол уақытта әлгі прокурордың тауаршышы елді айбындыру үшін бүкеңдеп тұрған елді суретке тартып жатқан еді. Сол жерде тұрған атты-жаяулармен өгізділер де ұлықтың сөзіне ерегісе тепеңдеп, тегіс қозғалысып «олай болса бермейміз, не қылсаң оғыл» деп шу е те түсті де, алды-алдына тарасып кетті. Ертесіне әскер келеді деп Қарқараға отыздай үй тіктірді. Екі-үш күн шамасында жаркенттен жүз шамалы әскер келіп түсті. Сонымен қатар Қарақолдан Кравченко деген ұлық келді. Албанның басты кісілерімен ақылдасамыз деп стражник, болыстар арқылы: Жәменке Мәмбетұлы, Қазыбек Шормануұлы, Құдиярбек Шотаманұлы, Тұрлықожа Жансеркеұлы, Бекдайыр Солтанқұлұлы, Сана Төпеұлы, Кәрібоз Қаңтаруұлы, Сыбанқұл Арғынұлы, Ұзақ Саурықұлы, Нөке Ыстыбайұлы, Біләл Разақұлы, Құрман Әділбекұлы, Жанпейіс Отыншыұлы, Жайшыбек Бектенұлы, Әбубәкір Солтанбекұлы, Жаңабай Құдайбергенұлдарын Қарқара жәрмеңкесіндегі кеңсесіне шақырып алып, Кравченко ұлық оларды өзі ертіп келіп, албанның енді қалған бірнеше басшыларын тағы шақырып алды.

Әбдіқалық Байсүгіруұлы, Серікбай Қанайұлы, Алдаберген Қойшыбекұлдарын Қарқара жәрмеңкесіндегі қамақ үйіне қамап қойды...

Аз күннен кейін Қарақол абақтысында Жәменке Мәмбетұлы қаза болды десті. Оның артынан екі күннен кейін Қарақол түрмесіндегі албанның барлық басты адамдарын есігі берік абақтының терезесінен атып қырып тастапты.

Қарқара қамақ үйіндегі: Байсүгіруұлы, Қанайұлы, Қойшыбекұлдарын Жәркентке айдап бара батып Ақшоқының Қайқысындағы жазыққа, жол үстіне атып тастапты. Бұл сұмдық хабарлар мен патша үкіметінің бұндай тәртіпсіздігін естіген соң Қарқара өлкесіндегі қара бұқара көпшілік Тезек Тазабекұлы сияқты кісілердің бастауымен жәрмеңке басындағы патша әскеріне қарсы көтеріліс жасайды. Көтеріліс құралдары: айбалта, сойыл, найза, біраздаған салаба мылтық, бердеңке.

Ал патша әскерінің құралдары сай. Алыстан атып көтерілісшілерді жақын шеніне жолатпайды. Кравченко қала-қалаға әскер жіберіп хабарландырып, Нарынқол учаскесіндегі поселке орыстарымен бірге тұс келген қазақтарды қыра бастайды. Өздері Қарақолға қарай үркеді. Ал Таушелектен бері қарайғы албан руы қытай шегіне қарай үрікті. Бірақ Нарынқол, Сүмбе шекараларына барғанда қытай әскері үріккен елді қытай шегіне өткізбей тоқтатты. Бұл аралықта Қарақол түрмесіне қамап атты деген 16 кісіден Тұрлықожа Жансеркеұлы, Жайшыбек Бектенұлы, Әубәкір Солтанбекұлы, Біләл Разақұлы қазадан аман үйлеріне келді. Қайқыда атылды дегендерден Қойшыбекұлы үйіне аман келді.

Нарынқол шегінде қамалып жатқан албанның үстіне Қарақол оязынан қырғыз бұғы руы үркіп келіп қосылды. Албан, бұғының басшылары бас қосып, қытай шегінің қалмақ, қытай бастықтары дарынлояларына (мырзалары) тарту-таралғымен барып сөйлесті. Дарынлоялар: «екі патша тату, сендерге өтуге жол бере алмаймыз. Ұлықтарың келіп мәселені өздері шешеді» - деді, үріккен ел екі ай шамасында Нарынқол, Сүмбе шекарасында тау арасында ас-сусыз қатын-бала зар илеп жылап, қамалып жатты. Сол аралықта Иманбек Төтеұлы, Айтбай Дәркембайұлы деген адамдар Жәркент оязы – Стефанға барады. Елдің хал-жайын айтады.

Губернатор Фольбаумнан телеграмма келді. «Текес, Шалкөде өлкесіне карантин оқ атылды. Бейбітшілік қалаушылар Қалжат учаскесінің жеріне он бес күнен қалмай көшіп түссін» дейді. Ол телеграмма бұйрығын айтбай Дәркембайұлы Нарынқол, Сүмбе шегіндегі албанға алып келіп көрсетеді. Бейбітшілік қалаушылар Қалжат учаскесіне көшті. Ал қаламаушылар қозғалмай отыра берді.

Бірнеше күнен кейін үш-төрт жүз әскері және әскер басшыларымен Кравченко келді. Албан, бұғының бірнеше көтерілісшілері Құрқақпақтың аузы, Текес суының жағасында патша әскеріне қарсы атыс салады. Әскер зеңберекті күпілдеткен соң көтерілісшілер шен-маңайына бара алмайды. Күн кеш кіріп, түн болған соң Кравченко әскері Қақпаққа келіп қонады. Қолында жабдығы жоқ албан, бұғы қатын-бала мүліктерімен түнде жасырынып қашып, шекараға барады. Алдарынан қытай әскері тосып, өткізбейді. Үріккен ел таң атқанша ат үстінде болды. Таң атқан соң Кравченко әскерімен Қақпақтан шығып, зеңберекті күпілдетіп Нарынқолға келеді. Қазақ-қырғыздан көп адам шығын болады. Зеңбіректің жалындаған оғын көрген соң қытай әскерін тыңдамай, албан, бұғы қытай шекарасынан өте шығады. Үріккен ел жолшыбай қалмаққа мал-мүліктерін аяусыз талатып болады. Ол жылы қытай жерін қыстап шығып, 1917 жылы май айында судан шыққан салындай болып,

Байынқол елінен орта есеппен есептегенде 10 000 қой, 4 000 жылқы, 3000 сиыр, 80 000 сомдық үйлерден айырылып, қара қонысқа қайтып келдік. Бұл жерге келген соң поселкенің орыстары жағынан: «өткен жылғы қалаймақанда қазақ бар малымызды талап алып, үйлерімізді өртеп кетті» деген жартылай жала әңгімелер қозғалып, сол үшін Жаркенттен өкіметті жақтайтын өкілдер келді. Сонымен бес-алты поселкенің орыстарымен амалсыздың күнінен бітім жасасып, исі албан ортасынан жинап, түтін басына: екі ат, екі бұзаулы сиыр, он қойдан бітім беріп, ең сорлыққа жеткен келісім жасастық.

1916 жылғы қалаймақаннан бұрынғы елдің тұрмысын айтсақ: бай, орта, кедей болды. Алды мың қой, бес-алты жүз жылқы, ортасы 100 жылқы, 200 қой. Кедей бір жылқы, бір сиыр, осындай халде болған. 1916 жылындағы 19 бен 45 жас арасындағы «мобилизован» деген тізімді песірлер ұлық пен болыстардан басқа кісіге көрсеткен жоқ, есебін білмейміз. Патша сұраған жұмыс әскеріне албан елінен ешкім барған жоқ. Сол уақыттағы сот тілмашы Әубәкір Жүнісұлы ұйғыр жұмыскерлеріне бас болып барып келген [ҚР ОМА. Қ. 427. Т. 1. І. 154. Б. 1-5].

Осы көтеріліс жөнінде 1885 жылы туылған Додабай Сәрсенбіұлының естелігінде: «1916 жыл 25 маусым болуы керек, бұл жайлы патшаның хабары болды. Старшын басына 70-тен бала бересің деген. Біз сонда старшыннан сұрадық: Қай жастағы адамнан алады деп. Старшын айтты: 19 бен 43 жастың арасы, патшаның бұйрығы осы деп. Мен сонда нақ 31 жастамын. Өзім туа жалғызбын. Менің жасым тізімге тура келген екен. Старшын, менің жайымды өздерің білесіңдер, жалғызбын, қайтемін? – дедім. Жалғыз болмақ түгіл, жарым болсаңда, саған бола патша жарлығы бұзылмайды деді.

Бұл кезде өзіміздің еліміздің болысы Сәлім Әтейбекұлы дейтін жігіт еді. Бір қайраны болама деп Сәлім болысты іздеп, атқа міндім. Іздеп жүріп болысты тауып жолықтым. «Қарақ, патша жарлығы екі болмайды. Егер жасың ілінсе барасың. Бірақ бала түгел жиналсын. Егер толықтанса, сенің старшының да бала, оны кейінен көрерміз», – деп жауап берді. Сонда Мәмбетұлы Жәмеңке деген атақты адамымыз болатын. Бұл адамның жетім-жесірге аздап қайраны тиетін адам еді. Енді осы кісіні іздедім. Салып отырып, Жәмеңке батырды іздеп ауылына барсам. Жәмеңке үйінде жоқ екен. Бала-шағасынан Жәкең қайда? – деп сұрап едім, - Ұзақ батырдың ауылына барамын, - деп атқа мінді деді. Мұнан шығып Ұзақ ауылына барсам бүгін осында қонды. Жаңа ғана Ұзақ, Жәмеңке т.б. бір қатар жақсылар жәрмеңкеге кетті деді. Бұлардың артынан жүріп отырып жәрмеңкеге келсем, Жәрмеңкенің бас жағында Албанның өңкей жақсы, басшы адамдары жиналып жатыр екен. Мен де жиналыстың шетіне келіп, сыртта тұрғанымда «патшаға бала береміз бе, жоқ па?» деп кеңесіп жатыр екен. Сонда Айт елінің болысы Рақымбай Солтанқұлұлы: «Жиналған көп, патшаға бала бермей шыдай алмаймыз, беруіміз керек» - деді. Сонда Сұлтанбекұлы Әубәкір: - Былшылдаған қызталақ, бәдіректің басын кес, сенің тиындап беретін банкің емеспіз, бала бермейміз, - деп Рақымбайға тұра ұмтылды. Рақымбай қашып, ұлыққа қарай жөнелді. Сонда тұрып, Тұрлықожа Жансеркеұлы: Анау оңбаған Сарыала бүлдіретін болды. Енді ұлық келеді. Ұлыққа кім, қалай деп жауап береді? Соны ақылдасайық, деді көпке. Жәмеңке тұрып: Атасы Тазабек казак - орысқа қарамаймын – деп жанжал шығарған. Соның баласы Әубәкір берсін-деді. Әубәкір тұрып: Жоқ, Жәке, жауапты Ұзақ батыр берсін. Бұған жұрт не дейсіңдер? деп көпке қарап еді, жұрт дұрыс, Ұзақ батыр берсін, Ұзақ батыр берсін, - деп шу ете түсті. Көп ұзамай қасында Рақымбай және ұлықтар: (ақ желке), прокурордың орынбасары, поштаның бастығы, бір сыпыра адамдар топқа келді. Бұлар сонда ат үстінде тұрып: ал Ұзақ, Жәмеңке батыр, бала беремісің, жоқ бермеймісің? Бір жауабыңды бер, - деді. Сонда бұларға көп ішінен шығып Ұзақ батыр, жауап береді.

Осы ел сендерге 1864 жылы қарады. Сонда патшаның уәдесі бар еді. Қазақтан солдат алмаймын және алымды аз аламын. Жылына 1 сом 20 тиын ғана рамат аламын- деді. Онан кейін жерді тартып алып, орысқа әпердіңдер деді Ұзақ.

Ұзақ, ол сөзіңді қой, қысқасы бала беремісің, жоқ па? – деді ұлық. Сонда Ұзақ батыр: «Әй, ұлық, осы алған балаларға не істетпексің», - деді. Ұлық: «балалар солдаттың окобын қазады. Басқа соғысқа кірмейді» - деді. Ұзақтың қаны қайнап кетсе керек, жұлып алғандай, орнынан ұшып тұрып: «Сен, оны айтып тұрған ұлық, былшылдапсың, хан әділетінен тайса, қара болады. Тым болмаса қолына жабдық бермей күрзінің аузына тығамын дегенің әділетіңнен тайғаның емес пе? Мұны айтқан ұлық, былшылдапсың», – деп дауысын қатты шығарып, үш рет, үдемеүдеме боқтап жібергені. Бұдан басқа жан адамнан сөз шықпады. Ұлықтар үндемеді.

Жүріп кетті. Сол жерде 2 стражник тұрып қалды. Ұлықтың үйіне баруы мұң екен 4 стражник топқа жетіп келді де: «Ұзақ, Жәмеңке екеуің жүресің» – деді. Сонда, Ұзақ орнынан тұрып: «Бізге не қыласың? Бармаймын, не қылмақсың?», – деді. Сонымен жақсылар енді жиналысымыз ертең

жәрмеңкенің аяқ жағында болсын десіп тарасып кетті. Сол күні қалай қолға түсірді екен, Ұзақ пен Жәмеңкені кешке жақын ұлық қамап қойыпты. Ертесі жұрт жәрмеңкенің аяғындағы сазға жиналды. Онда Әубәкір Тазабекұлы: «Ұзақ пен Жәмеңке қамалды деп өңкей жас баланы көгенге тізіп бере алмаймыз. Бұларды бергенше, біз құрбандық боламыз». Жұрт «дұрыс айтады, Әуекең» деп шу ете түсті. Осы сөзге мақұлдасты. Бала берілмес болды. Айналасы 3 күн ішінде Ұзақ, Жәмеңке ішінде Әубәкір бастаған 12 адамды ұстап қамап, Қарақолға айдап кетті. Қалған бірқатар адамды Жәрмеңкеге қамады.

Жұрт тарасты. Мен ауылға келдім. Екі арада 21 күн болды. Бір күні «Қарақолдағы 12 адамды атты» деген хабар келді. Сонан Нарынқолдың аяғында Ұзақ батырдың ауылы Ноғай Толағайда еді. Сол ауылда бір қатар Текес болысындағы Албандар жиналып бас қосады деп жұрт жиналып барды. Барғандармен Сұлтанәлі Саурық батырдың баласы сөйлесті. Сұлтанәлінің ауылында 4 түрік жатыр екен. Бұл түріктердің қайдан келгенін білмедік. Бұлар жабдықты адамдар. Сонда түріктер былай деді: «Сендер жұрттық қылып, жиналып әскер тізіңдер. Біз басқарайық. Казак-орыспен атысалық, осыған қалай дейсіңдер?» - деді. Жұрт мақұлдасып 1000 кісі жинап бермек болды. Барлық жабдықтың санын алғанда 500 шамасы болды. Мұнда жарамды мылтық пестон, бір қатарында бердеңке, қалған 500 адамда айбалта, ешкінің құйрығынан шашақтаған найза. Осы құралдармен қаруландырып, 1000 адамды әскер тізбек болып, сол күні уәделесті. Бірақ үш күнге дейін ешкім жиналмады. Біздің ауылдың адамы жиналып, 3 күннен кейін бардық. Сол күні болыстарға хабар келді. «Қырғыз сайдан ұлық Кравченко 2000 адаммен Саржазға келіпті. Ел қашпасын, бәрі бір Қытайға барғанымен алдырамыз деп келе жатыр» деген хабар елге жетті. Сонымен «келер жаудың алдынан барамыз, кім жүреді?», – деп түріктер айтып еді, ешкім ілеспеді. Бірақ мен ішіндемін, 25 адам, 2 түрік ішімізде, Қақпаққа қарай жүрдік. Қақпақ ауылына барсақ, Төтенің аузынан шаң бұрық ете түсті. Түріктер дүрбімен қарады да «бәрі де орыс екен, алдынан баралық» - деп, алдынан бардық. Барған жеріміз жайсыз болғандықтан қайта жүріп, Қақпақтың басындағы шатқа барып тұрғанда әскердің алды Қақпақ селосына келді. Енді оқ аталық деді түрік. Мақұл, - деп мылтық аттық. Екі түрік бізден бөлек отырып атты. Сонда 2 түрік атқанда 2 кісі, 2 ат өлді. Әскер шоғырланып, жиналып алып, бізге қарай күрзі (зеңбірек) атқанда қасымыздағы бір жолдасым – Жөндібай деген жігітке зеңбіректің оғынан шашыраған тас келіп тиіп, бір қабырғасын сындырған екен. Байқадық, әскер көп, әліміз келмес, енді қайталық деп айттық. Жазыққа түсу қайда, таумен жүріп отырып, бір жерге келсек, Көкбел деген жерге қалың қырғыздар келіп түнеген екен. Бұлардың үстіне жаңағы әскердің бір бөлігі келіп тұрып, несін айтасың, тарсылдақтың астына алып жатыр екен. Біздің шамамыз келмейтін болған соң, өз жайымызға бас қорғап жүріп кеттік. Қайтып, Нарынқолдағы ауылға қарай жүріп келе жатқанымызда түн болды. Бір кезде аяқ астынан мылтық тарс ете қалды. Быт-шыт болдық. Біз үш кісі бөлек кеттік. Қалғандарымыздың қайда екенін білмедік.

Жүріп отырып Нарынқолдың бас жағында Бозтөбе деген жерге келсек, ел бұзыла көшкен. Біздің ауыл бұл елден бөлініп, Сүмбе шекарасына кетіпті. Бұлар көшіп Нарынқол шекарасынан өтпек болып, алды Ақбұлақ, арты Сары Қапталда отыр екен. Біздің алдымыз шекараға таяп қалыпты. Енді «есің бар да, еліңді тап» - деп Бозтөбеден шығып Нарынқолдың тоғайын жабындап келе жатыр едік, тау ішінен мылтық тарс ете түсті. Біз байқамаппыз, Қызылұш деген шоқыда казак-орыстар күрзісін орнатып, Нарынқолдың бас жағындағы көшкен елге атып жатыр екен. Солардың жүрген адамы екен. Әлгі мылтық атылған жерде қасымдағы жолдасым Іңкәрбай Нұрабай дейтін жігіт аттан ұшып кетті. Сонымен екі жігіт тоғай арасымен қашып отырып, ауылға бардық. Ауыл Бурылдың жағасында екен. Ол жер осы күнгі Есекартқан ауылының жері болады. Біз де намаздыгер шамасында бардық. Сол күні жиналып отырған ел 7 мың түтін екен. Көшіп Қалмақ жеріне өттік. Сонда Текес суының бер жағы Алманың жары деген жерге 3 күн қамап, Қытай елден аласасын алып, Текес суынан 7 мың түтін 3 күн шұбырып өттік. Суға кеткен қатын-бала судың бетін сең қылды, мал онан көп. Қысқасы қырғынның әкесі осы жерде болды. Қытай жерінде Кілеңнің тоғайы деген тоғайдан орын берді. Бұл тоғайдың айналасы бас аяғы бір шақырым. Жеті мың түтін малымызбен осы тоғайда қамауда қалдық. Қар жауды. Мал да қырылды. Сол, сол екен, ел тозды, бытырап быт-шыт болды. Өзіміз бір қатар ел Үшмыс деген жерге бардық. Осы жыл көктемі болды. 1917 жылы Қытай елді жинап, қайта айдады. Барлығы 4 мың шамалы түтін болды. Ел аш, тамақ жоқ. Мал жоқ. Шекарадан өткенде, баяғы қырғын қырғын емес, қырғынның әкесі енді болды» - деп 1916 жылғы көтеріліс барысын және қазақтардың Қытайға босу себептерін баяндайды [ҚР ОМА. Қ. 427. Т. 1. І. 168. Б. 1-5].

Алынған нәтижелер. Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік архивінен алынған материалдарын талдау негізінде 1916 жылғы Қарқара өңіріндегі көтеріліске қатысушыларды тергеу

мен қуғындаудың негізгі қырлары анықталды. Зерттеудің негізгі нәтижесі Ресей империясының отаршылдық билігіне қарсы көтерілістерді басу үшін қолданған процессуалдық механизмдерін егжей-тегжейлі қайта құру болды. Өңірдегі көтерілістің шығуына негіз болған ешқандайда шетелдік агентураның үгіт-насихат қызметі емес. Патшалық биліктің жергілікті халықтардың құқын аяқ асты еткен тойымсыз, ашқарақ саясаты болғандығы жан-жақты негізделеді. Көтерілістің ұлтаралық қақтығысқа ұласқандығы, оның мұндай мазмұн алуы патшалық биліктің қарапайым халықтарды өзара қарсы қою саясатының салдары екендігі құжаттар негізінде көрсетілді. Көтеріліске қатысушы куәгерлердің естеліктері негізінде Қытай аумағына босқан қазақтардың тағдыры да талданды.

Қорытынды. Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік архивінің материалдарына сүйене отырып, Ресей патшасы Николай II-шінің 1916 жылғы 25 маусымдағы майдан тылындағы жұмыстарға орыс емес халықтарды реквизициялау туралы Жарлығы түрткі болған, бірақ оған дейін алғышарттары қалыптасқан көтерілісті тез және аяусыз басу үшін отаршыл жүйе чиновниктерінің қолданыстағы заңдарды қалай пайдаланғанын көреміз. Әуелде 1916 жылғы 25 маусымдағы патша Жарлығы қазақ ауылдарында үлкен дүрбелең туғызса, ал артынан ол ауқымды көтеріліске ұласып кетті. Майданның тыл жұмыстарына бала бермеуді көтерген Ж. Мәметов, Ұ. Саурықов, Ж. Бектенов және т.б. Пржевальскідегі түрмеге қамалды. Көтерілісші халық жазалаушы әскердің тегеуіріне шыдамай Қытай аумағына босып кеткен болатын. Жетісу облысының Жаркент уезінен майданның тыл жұмыстарына қазақтардан ешкім барған жоқ деуге болады. Уезге қарасты тараншы болыстықтарынан майданның қара жұмыстарына алынғандарға сотта тілмаштық қызмет атқарып жүрген Әубәкір Жүнісұлы басшы болып барып қайтқан. Патша өкімет орындары қудалаған 300 мыңнан аса қазақтар мен қырғыздар немесе Жетісудың байырғы тұрғындарының төрттен бірі Қытайға ауа көшіп кетуге мәжбүр болды. XX ғасыр басында отарлық езгіге қарсы бағытталған Жетісу облысындағы 1916 жылғы көтеріліс жеңіліспен аяқталды. Патшаның жазалаушы әскері көтерілісшілерді аяусыз басып-жаншыды, түрмеге жапты, дарға да асты, бірақ тәуелсіздікке ұмтылған ұлттық рухын жоя алмады.

Дереккөздер

ҚР ОМА –Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік архиві
ӨРҰА – Өзбекстан Республикасының Ұлттық архиві

Әдебиеттер

Асфендияров, 1936 – *Асфендияров С.* Национально-освободительное восстание 1916 года в Казахстане. Алма-Ата–Москва: Казахское Краевое Издательство, 1936. 264 с.

Бройдо, 1925 – *Бройдо Г.И.* Восстание киргиз в 1916 г. [Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сент. 1916 г.]. Москва: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 28 с.

Галузо, 1926 – *Галузо П.Г.* Вооружение русских переселенцев в Средней Азии [Исторический очерк]. Ташкент: Издательство Средне-Азиатского Коммунистического Университета им. В.И. Ленина, 1926. 90 с.

Галузо, 1932 – *Галузо П., Божко Ф.* Восстание 1916 года в Средней Азии. Сборник статей. Москва–Ташкент: СА ОГИЗ, 1932. 97 с.

Галузо, 1965 – *Галузо П.Г.* Аграрные отношения на Юге Казахстана 1867–1914 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 347 с.

Жансүгіров, 2001 – *Жансүгіров І.* Жетісу (1730–1916). Алматы: Ценные бумаги, 2001. 180 с.

Ковалев, 1957 – *Ковалев П.А.* Тыловые рабочие Туркестана в годы Первой мировой войны. Ташкент: Госиздательство УзССР, 1957. 187 с.

Красный архив..., 1926 – *Красный архив: Донесение Военного губернатора Семиреченской области генерала Фольбаума Туркестанскому генерал-губернатору А.Н. Куропаткину в конце 1916 года* // Красный архив. Москва–Ленинград: Государственное издательство РСФСР, 1926. Т. 3 (16). С. 68–75.

Қазақстан тарихы, 2002 – *Қазақстан тарихы. Көне заманнан бүгінге дейін.* Бес томдық. III т. Алматы: «Атамұра», 2002. 768 с.

Қаһарлы 1916 жыл, 1998 – *Қаһарлы 1916 жыл.* Құжаттар мен материалдар жинағы – Грозный 1916 год. Сб. док. и матер. В 2 т. Редакторы: Асанова С.А., Ижанов З. и др. Алматы, 1998. 247 с.

Қойгелдиев, 2008 – *Қойгелдиев М.* Алаш қозғалысы. Алматы: Мектеп, 2008. 480 с.

Материалы..., 1955 – *Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период*. Ташкент: АН УзССР, 1955. 560 с.

Махаева, 2007 – *Махаева А.Ш.* Қазақ-қырғыз саяси байланыстарының тарихы (XVIII ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың бас кезі). Алматы: Ценные бумаги, 2007. 357 с.

Рыскулов, 1927 – *Рыскулов Т.* Восстание туземцев в Средней Азии в 1916 году. Кзыл-Орда: Гос. изд-во КССР, 1927. 128 с.

Сапаргалиев, 1966 – *Сапаргалиев Г.* Карательная политика царизма в Казахстане. 1905–1917 гг. Алма-Ата: «Наука», 1966. 374 с.

Сулейменов, 1948 – *Сулейменов Б.* Основные вопросы истории восстания 1916 года в Казахстане // Известия АН КазССР. Серия историческая. 1948. № 49. С. 6–10.

Турсунбаев, 1967 – *Турсунбаев А.Б.* Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата: Казахстан, 1967. 481 с.

Турсунов, 1962 – *Турсунов Х.* Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1962. 428 с.

Якунин, 1953 – *Якунин А.Ф., Кулиев О.К.* Восстание 1916 года в Средней Азии // Вопросы истории. 1953. № 3. С. 33–49.

Sources

QR OMA – Qazaqstan Respublikasynyng Ortalyq Memlekettik arkhivi [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]

ORUA – Ozbekstan Respublikasynyn Ulttyk arkhivi [National Archive of the Republic of Uzbekistan]

References

Asfendijarov, 1936 – *Asfendijarov S.* Nacional'no-osvoboditel'noe vosstanie 1916 goda v Kazahstane [National liberation uprising of 1916 in Kazakhstan]. Alma-Ata–Moskva: Kazahstanskoe Kraevoe Izdatel'stvo, 1936. 264 p. [in Russian].

Brojdo, 1925 – *Brojdo G.I.* Vosstanie kirgiz v 1916 g. (Moe pokazanie prokuroru Tashkentskoj sudebnoj palaty, dannoe 3-go sent. 1916 g.) [The uprising of the Kirghiz in 1916 (My testimony to the prosecutor of the Tashkent Court of Justice, given on September 3, 1916)]. Moskva.: Nauchnaja associacija vostokovedenija pri CIK SSSR., 1925. 28 p. [in Russian].

Galuzo, 1926 – *Galuzo P.G.*Vooruzhenie russkih pereselencev v Srednej Azii (Istoricheskij ocherk). [Arming of Russian settlers in Central Asia (Historical essay)]. Tashkent: Izdatelstvo Sr.-Az. Kom. Un-ta im V.I. Lenina, 1926. 90 p. [in Russian].

Galuzo, 1932 – *Galuzo P., Bozhko F.* Vosstanie 1916 goda v Srednej Azii. Sbornik statej [The uprising of 1916 in Central Asia. Collection of articles]. Moskva–Tashkent: SAOGIZ, 1932. 97 p. [in Russian].

Galuzo, 1965 – *Galuzo P.G.* Agrarnye otnoshenija na Juge Kazahstana 1867-1914 gg. [Agrarian relations on the judge of Kazakhstan 1867-1914]. Alma-Ata: Nauka, 1965. 347 p. [In Russ].

Koigeldiev, 2008 – *Koigeldiev M.* Alash kozgalysy. [Alash Movement] Almaty: Mektep, 2008. 480 p. [In Kazakh].

Kovalev, 1957 – *Kovalev P.A.* Tylovye rabochie Turkestana v gody pervoj mirovoj vojny. [Rear workers of Turkestan during the First World War]. Tashkent: Gosizdatelstvo Uz SSR, 1957. 187 p. [in Russian].

Krasnyj arhiv..., 1926 – *Krasnyj arhiv: Donesenie Voennogo gubernatora Semirechenskoj oblasti generala Fol'bauma Turkestanskomu general-gubernatoru A.N. Kuropatkinu v konce 1916 goda* // Krasnyj arhiv. [Report of the Military Governor of the Semirechye region, General Folbaum, to the Turkestan Governor-General A.N. Kuropatkin at the end of 1916. In Red Archive]. Moscow – Leningrad: state publishing house of the RSFSR, 1926. Vol. 3 [16]. Pp. 68-75. [in Russian].

Mahaeva, 2007 – *Mahaeva A.Sh.* Kazak-kyrgyz sayasi bajlanystarynyn tarikhy (XVIII gasyrdyn ekinshi zhartysy – XX gasyrdyn bas kezi) [History of Kazakh – Kyrgyz political relations (second half of the XVIII-early XX centuries)]. Almaty: Tsennye bumagi, 2007. 357 p. [In Kazakh].

Materialy…, 1955 – *Materialy nauchnoj sessii, posvjashhennoj istorii Srednej Azii i Kazahstana v dooktjabr'skij period* [Materials of the scientific session dedicated to the history of Central Asia and Kazakhstan in the pre-October period]. Tashkent: AN UzSSR, 1955. 560 p. [in Russian].

Qaharly, 1916 – *Qaharly 1916 lyl.* Qyjattar men materialdar jinagy – Groznyj 1916 god. Sb.dok. i mater. [The terrible year of 1916. Collection of documents and materials]. 2 v. Editors: Asanova S.A., Izhanov Z. & el. Almaty, 1998. 247 p. [in Russian, in Kazakh].

Qazaqstan tarıhy, 2002 – *Qazaqstan tarıhy.* Kone zamannan buginge deiingi. Bes tomdyq. III t. [The history of Kazakhstan from ancient times to the present day]. Almaty: «Atamura», 2002. 768 p. [in Kazakh].

Ryskulov, 1927 – *Ryskulov T.* Vosstanie tuzemcev v Srednej Azii v 1916 godu [Native uprising in Central Asia in 1916]. Kzyl-Orda: Gos. izd-vo KSSR, 1927. 128 p. [in Russian].

Sapargaliev, 1966 – *Sapargaliev G.* Karatel'naya politika carizma v Kazahstane. 1905-1917 gg. [Repressive Policy of Tsarism in Kazakhstanю 1905-1917] Alma-Ata: «Nauka», 1966. 374 p. [in Russian].

Suleimenov, 1948 – *Suleimenov B.* Osnovnye voprosy istorii vosstaniya 1916 goda v Kazakhstane [Main Issues of the History of the 1916 Uprising in Kazakhstan] // Izvestiya AN KazSSR. Seriya istoricheskaya. 1948. №. 49. Pp. 6–10. [in Russian].

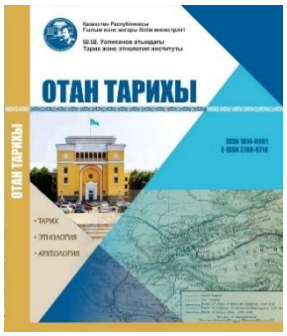
Tursynbaev, 1967 – *Tursynbaev A.B.* Kazahskij aul v treh revoljucijah. [Kazakh village in three revolutions]. Alma-Ata: Kazahstan, 1967. 481 p. [in Russian].

Tursynov, 1962 – *Tursynov Kh.* Vosstanie 1916 goda v Sredney Azii i Kazakhstane [The 1916 Uprising in Central Asia and Kazakhstan]. Tashkent, 1962. 428 p. [in Russian].

Yakunin, 1953 – *Yakunin A.F., Kuliev O.K.* Vosstanie 1916 goda v Srednej Azii [Uprising of 1916 in Central Asia] // Voprosy istorii. 1953. № 3. Pp. 33–49. [in Russian].

Zhansugirov, 2001 – *Zhansugirov I.* Zhetisu (1730-1916) [Zhetysu (1730-1916)]. Almaty: Tsennye bumagi, 2001. 180 p. [In Kazakh].

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1213–1227
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1213-1227

THE IDEA OF NATIONAL REVIVAL IN THE WORKS OF THE ALASH FIGURES: A HISTORICAL ANALYSIS

Gaukhar Satybaldinovna Abdrakhmanova[1], Tengesh Serikbaevna Kalenova[2], Zhanibek Zeinollauly Tuleubayev[3]

[1] L.N. Gumilyov Eurasian National University
(Satpayev St., 2, 010008, Astana, Kazakhstan)
National Congress of Historians
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
https://orcid.org/0000-0001-7648-8063, E-mail: Gauhar-abdrahmanova@mail.ru

[2] L.N. Gumilyov Eurasian National University
(Satpayev St., 2, 010008, Astana, Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
the author for correspondence
https://orcid.org/0000-0002-4767-5537. E-mail: kalenovats@mail.ru

[3] L.N. Gumilyov Eurasian National University
(Pushkin Str., 11, 010000, Astana, Kazakhstan)
National Congress of Historians
Master of history, Research Fellow of the Center «Medieval Source Studies»,
L.N. Gumilyov Eurasian National University
https://orcid.org/0009-0006-1865-7125. E-mail: janiko86@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Abdrakhmanova G.S., Kalenova T.S., Tuleubayev Zh.Z., 2026

Abstract. *Introduction.* The article explores the issue of national revival in the literary legacy of the early 20th-century Kazakh intelligentsia, focusing on the works of Zhusupbek Aimautov as a case study. Zhusupbek Aimautov is one of the outstanding representatives of Kazakh literature who deeply comprehended the ideas of national revival and social justice, which he comprehensively reflected in his works. *The aim and objectives of the research.* The study undertakes an analysis of Aimautov's key literary works, including Kartkozha, Akbilek, and the novella Kunikey's Guilt, which address social inequality, the processes of national consciousness formation, and issues related to the preservation of national identity. Additionally, the article examines the author's conclusions as articulated in his journalistic writings concerning the fate of the nation. *Materials and methods.* The study's methodology was based on an integrated approach combining historical-literary and ideological-artistic analysis, enabling the exploration of how national consciousness is reflected in the works of Zhusupbek Aimautov within the socio-political context of the early twentieth century. The research material consisted of prose works – the novels

«Kartkozha» and «Akbilek», the novella «Kunikei's Guilt», the author's dramatic works, as well as literary studies, scholarly works, and archival documents, which ensured an interdisciplinary analysis of the national question in Zh. Aimautov's oeuvre. *Results.* Findings indicate that Zhusipbek Aimautov's oeuvre significantly contributes to a profound artistic and ideological elucidation of the national question in early XX century Kazakh society. His literary heritage holds an important place in shaping the national idea, as well as in preserving historical memory and the spiritual legacy of Kazakh literature. *In conclusion*, the journalistic writings of Zhusupbek Aimautov also offer valuable reflections on the fate of the nation. Through his works, which artistically portray the historical era, Zh. Aimautov emphasizes the significance of developing national consciousness and spiritual renewal, while consistently advancing the concept of national identity.

Keywords: Beginning of XX century, Kazakh intelligence, intellectual history, literature, Zhusipbek Aimautov, national question, Soviet power, national consciousness.

Acknowledgments. The article was prepared within the framework of the grant funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan "Comprehensive interdisciplinary study of the intellectual history of XX – first quarter of XXI centuries based on the analysis of the works of Kazakh historians and writers" (IRN: BR28713085).

For citation: Abdrakhmanova G.S., Kalenova T.S., Tuleubayev Zh.Z. The idea of national revival in the works of the Alash figures: a historical analysis // Otan tarikhy. 2026. Vol. 29. No. 3. Pp. 1213–1227. [in Eng.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1213-1227

АЛАШ ҚАЙРАТКЕРЛЕРІНІҢ ШЫҒАРМАЛАРЫНДАҒЫ ҰЛТТЫҚ ЖАҢҒЫРУ ИДЕЯСЫ: ТАРИХИ ТАЛДАУ

Гаухар Сатыбалдиновна Абдрахманова[1], Тенгеш Серикбаевна Каленова[2], Жәнібек Зейноллаұлы Төлеубаев[3]

[1] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
(Сәтбаев көш., 2-үй, 010008, Астана, Қазақстан)
Тарихшылардың Ұлттық конгресі
тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
https://orcid.org/0000-0001-7648-8063. E-mail: Gauhar-abdrahmanova@mail.ru

[2] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
(Сәтбаев көш., 2-үй, 010008, Астана, Қазақстан)
тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор,
хат алмасуға жауапты автор
https://orcid.org/0000-0002-4767-5537. E-mail: kalenovats@mail.ru

[3] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті Тарихшылардың Ұлттық конгресі
(Пушкин көш., 11, 010008, Астана, Қазақстан)
тарих магистрі, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
«Ортағасырлық деректану» орталығының ғылыми қызметкері,
https://orcid.org/0009-0006-1865-7125. E-mail: janiko86@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Абдрахманова Г.С., Каленова Т.С., Төлеубаев Ж.З., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақалада Алаш зиялыларының әдеби мұрасындағы рухани жаңғыру мәселесі Жүсіпбек Аймауытов шығармашылығы аясында қарастырылады. Жүсіпбек Аймауытов – ұлттық жаңғыру идеясы мен әлеуметтік әділеттілік мәселелерін көркемдік тұрғыдан терең меңгеріп, оларды әдеби шығармаларында жан-жақты бейнелеген қазақ әдебиетінің көрнекті өкілдерінің бірі. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері.* Мақалада Жүсіпбек Аймауытовтың «Қартқожа», «Ақбілек», «Күнікейдің жазығы» сияқты көркем шығармалары талданып, онда бейнеленген әлеуметтік теңсіздік, ұлттық сананың қалыптасуы және ұлттық болмысты сақтау мәселелері сараланады. Сонымен қатар,

жазушының публицистикалық еңбектеріндегі ұлт тағдырына қатысты тұжырымдарына да назар аударылады. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің әдістемелік негізі ретінде тарихи-әдеби және идеологиялық-шығармашылық талдауды қамтитын кешенді тәсіл қолданылды, ол Жүсіпбек Аймаутовтың шығармаларында XX ғасырдың басындағы әлеуметтік-саяси жағдайларда ұлттық сананың көрінісін айқындауға мүмкіндік берді. Зерттеу материалы ретінде проза туындылары – «Картқожа» және «Ақбілек» романдары, «Күнікейдің жазығы» повесі, жазушының драматургиясы, сондай-ақ әдебиеттану зерттеулері, ғылыми еңбектер мен архивтік құжаттар пайдаланылды, бұл Ж. Аймаутовтың шығармашылығындағы ұлттық мәселе проблемаларын талдауға жағдай жасады. *Нәтижелері.* Мақалада Жүсіпбек Аймауытов шығармашылығының XX ғасыр басындағы қазақ қоғамындағы ұлт мәселесін көркемдік және идеялық тұрғыдан терең ашуға мүмкіндік беретінін көрсетті. Жазушының әдеби және публицистикалық мұрасы қазақ әдебиетінде ұлттық идеяны тұжырымдауда, тарихи жады мен рухани мұраны сақтауда маңызды орын алатыны зерттелді. *Қорытынды.* Жүсіпбек Аймауытовтың публицистикалық еңбектерінде де ұлт тағдырына қатысты маңызды тұжырымдар мен көзқарастар көрініс табады. Ж. Аймауытов өз шығармаларында тарихи кезеңді көркем тілмен сипаттай отырып, ұлттық сананың қалыптасуы мен рухани жаңғырудың маңыздылығын ашып көрсетеді және ұлттық бірегейлік идеясын алға тартады.

Түйін сөздер: XX ғасырдың басы, қазақ зиялылары, зияткерлік тарих, әдебиет, Жүсіпбек Аймауытов, ұлт мәселесі, кеңестік билік, ұлттық сана.

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасының Ғылым және жоғары білім министрлігі «XX-XXI ғасырдың алғашқы ширегіндегі зияткерлік тарихты қазақ тарихшылары мен әдебиетшілерінің еңбектері арқылы кешенді пәнаралық зерттеу» бағдарламасы шеңберінде дайындалды (ЖТН: BR28713085).

Дәйексөз үшін: Абдрахманова Г.С., Каленова Т.С., Төлеубаев Ж.З. Алаш қайраткерлерінің шығармаларындағы ұлттық жаңғыру идеясы: тарихи талдау // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1213–1227. [на рус.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1213-1227

ИДЕЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЕЙ ДВИЖЕНИЯ АЛАШ: ИСТОРИЧЕКИЙ АНАЛИЗ

Гаухар Сатыбалдиновна Абдрахманова[1], Тенгеш Серикбаевна Каленова [2], Жанибек Зейнолла-улы Тулеубаев [3]

[1] Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
(ул. Сатпаева, д. 2, 010008, Астана, Казахстан)
Национальный Конгресс историков
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор
https://orcid.org/0000-0001-7648-8063. E-mail: Gauhar-abdrahmanova@mail.ru

[2] Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
(ул. Сатпаева, д. 2, 010008, Астана, Казахстан)
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор
автор-корреспондент
https://orcid.org/0000-0002-4767-5537. E-mail: kalenovats@mail.ru

[3] Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Национальный Конгресс историков
(ул. Пушкина, 11, 010008, Астана, Казахстан)
магистр истории, Центра «Средневековое источниковедение»
Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева,
https://orcid.org/0009-0006-1865-7125. E-mail: janiko86@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Абдрахманова Г.С., Каленова Т.С., Тулеубаев Ж.З., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается проблема национального возрождения в литературном наследии казахской интеллигенции начала XX века на примере творчества Жусупбека Аймауытова. Жусупбек Аймауытов — один из выдающихся представителей казахской литературы, глубоко осмысливший идеи национального возрождения и социальной справедливости, которые он всесторонне отразил в своих произведениях. *Цели и задачи исследования.* В статье анализируются такие художественные произведения Аймауытова, как «Картқожа», «Ақбілек» и повесть «Күнікейдің жазығы», в которых анализируются проблемы социального неравенства, процессы формирования национального сознания и вопросы сохранения национальной идентичности. Также особое внимание уделяется выводам автора, изложенным в его публицистических трудах, посвящённых проблематике судьбы нации. *Материалы и методы.* Методологической основой исследования стал комплексный подход, включающий историко-литературный и идеологическо-художественный анализ, который позволил выявить отражение национального сознания в произведениях Жусупбека Аймауытова в условиях социально-политической ситуации начала XX века. В качестве исследовательского материала использовались прозаические произведения – романы «Картқожа» и «Ақбілек», повесть «Күнікейдің жазығы», драматургия автора, а также литературоведческие исследования, научные труды и архивные документы, что обеспечило междисциплинарный анализ проблематики национального вопроса в творчестве Ж. Аймауытова. *Результаты.* исследования подтверждают, что творчество Жусупбека Аймаутова способствует глубокому раскрытию национального вопроса в казахском обществе начала XX века с художественной и идейной точек зрения. Литературное и публицистическое наследие писателя занимает важное место в формировании национальной идеи, сохранении исторической памяти и духовного наследия казахской литературы. *Заключение.* В публицистических трудах Жусупбека Аймауытова также находят отражение важные выводы и взгляды, касающиеся судьбы нации. Ж. Аймауытов в своих произведениях, описывая историческую эпоху художественным языком, раскрывает значимость формирования национального самосознания и духовного возрождения, а также продвигает идею национальной идентичности.

Ключевые слова: начало XX века, казахская интеллигенция, интеллектуальная история, литература, Жусупбек Аймауытов, национальный вопрос, советская власть, национальное сознание.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Комплексное междисциплинарное исследование интеллектуальной истории XX – первой четверти XXI вв. на основе анализа произведений казахстанских историков и литераторов» (ИРН: BR28713085).

Для цитирования: Абдрахманова Г.С., Каленова Т.С., Тулеубаев Ж.З. Идея национального возрождения в произведениях деятелей Алаш: исторический анализ // Отан тарихы. 2026. 2026. Т. 29. № 3. 1213–1227-бб. [ағылш.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1213-1227

Introduction. At the beginning of XX century, which brought fundamental changes to Kazakh society, the Alash intelligence encountered the challenge: to liberate the Kazakh people from political and spiritual slavery. This is the main reason for the active participation of Alash people in state and public affairs in that historical period.

In the early XXs some well-known figures of the National democratic intelligence held responsible positions in the public administration system of Kazakhstan and the Turkestan ASSR. For example, A. Baitursynov was the people's Commissar of education of the Kazakh ASSR, M. Auezov was in a responsible position in the Central Executive Committee of the Republic. A significant group of former Alash movement activists held responsible positions in the Kazakh ASSR and Turkestan ASSR at the Republican, provincial and county levels [Nurpeisov, 1998:10].

During this period, the national intelligentsia that became involved in public administration clearly understood that serving Alash was only possible through educating the younger generation, contributing to the Kazakh press, and publishing their works. Therefore, through their writings, they sought to awaken the national consciousness of the Kazakh people. And this was contrary to the class ideology of the Bolsheviks. For this reason, the name and works of Alash people from the influence of the Communist Party were forgotten for a long time. The works of Zhusipbek Aimautov, one of the brightest representatives of the Alash intelligence, have also been unknown to the public for many years. Only in 1989, after the decision of the Commission of the Central Committee of the Communist Party of Kazakhstan on the study of resolutions adopted in the 30-40s and early 50s on the issues of literature and art on the vindication of the creative heritage of A. Baitursynov, Zh. Aimautov, M. Dulatov, M. Zhumabayev, Sh. Kudaiberdiev [Socialist

Kazakhstan, 1989: 2], the work of the figure began to be evaluated to the extent to which it belongs. Aimautov's works were considered one-sided, only in the context of communist ideology. And the idea of nationalism in his works was not clearly revealed. The opportunity to evaluate the creative activities of Zh. Aimautov, who spent all his life in the struggle for the liberation of the nation, without distortion, is available only on the day when our Republic gained sovereignty.

In recent years, authors are mainly limited to literary criticism and analysis of in works written about the work of Zh.Aimautov, [Baigaliyev, 1991: 269; Kirabaev, 1993: 224; Tazhibayev, 1993: 400; Sagynbekovich, 1997: 222]. However, the reflection of the idea of independence, nationalism principles and national consciousness, national destiny has not been sufficiently considered as a specific object of study and n the writer's works.

Zhusupbek Aimautov's socio-political views are closely interwined with his artistic works. The writer's viewpoint that “Being a nationalist is not a matter of humanity, but of the time” [Aimautov, 1927] reflects the need to protect national interests shaped by the historical and social situation of Kazakh society during that period. This idea demonstrates that Aimautov interpreted nationalism not as a narrow political ideology, but as a historical necessity aimed at preserving the spiritual integrity of the people, cultural values, language and national identity.

Aimautov's novels "Kartkozha" and "Akbilek" and journalistic works widely depict the fate of the Kazakh people in colonial oppression, the awakening of national consciousness, the influence of education and culture on the development of the nation. Through the life path of his characters, the author not only describes the process of national renewal, social inequality and spiritual depression, but also seeks a way out of them in national unity and enlightenment. Therefore, the idea of nationalism in his works is seen as a social and spiritual phenomenon that serves the future of the people rather than the interests of the individual.

In this regard, it is important to study the work of Zh. Aimautov not only from a literary and artistic perspective, but also in the context of the formation and development of the national idea.

This allows us to more deeply reveal the essence of the concept of nationalism in the writer's legacy, its place in the historical development of Kazakh society and the evolution of national consciousness.

Materials and methods. The methodological basis of this study is the analysis of the manifestation of national consciousness through the differentiation of fiction from a historical, ideological and artistic point of view. It is known that one of the most important tasks of Kazakh literature at the beginning of XX century was to raise the fate of the nation, strengthen spiritual independence and national unity. In this regard, when analyzing the problem of nationality in the works of Zhusipbek Aimautov, there is a need to rely on comprehensive research methods in national literary studies and the humanities.

The historical and literary method made it possible to analyze the works of Zhusupbek Aimautov in conjunction with the political and social situation of that era. Through this approach, the ideological origins of the writer in addressing the problem of nationality and its significance in the historical context are revealed.

Method of ideological and artistic analysis. The artistic embodiment of the national idea in the writer's works, the socio-psychological nature of the characters, the artistic structure and stylistic features were systematically considered.

The prose works of Zhusupbek Aimautov were examined and analyzed, including the novel *“Kartkozha”*– in terms of its depiction of the development of national consciousness among Kazakh youth and the dissemination of enlightenment ideas – and the novel *“Akbilek”*, which was considered from the perspective of colonial policy, national oppression, gender inequality, and its artistic interpretation of the concept of national unity; the story “Kunikei plain”reflecting the process of social distancing in society and the collapse of national values. In addition, the writer's plays, as well as scientific works related to the ideas of Alash movement figures, literary studies, archival documents were used as sources.

Discussion. The Alash intelligence, despite the class ideology in the Soviet era, in their works intended to form national consciousness in the Kazakh people. In the novel “Kartkozha”, published by the Kazakh state publishing house in 1926, Zh. Aimautov raises the question of the nation, vividly reflecting the life of the Kazakh people during the beginning of the national liberation movement in 1916, the February, October revolutions of 1917 and the Civil War.

The 1916 uprising represented a continuation of the long-standing struggle of Eastern peoples against colonial policies [Kozybaev, 1994:8]. It is well known that the immediate cause of this uprising was the decree issued by the Tsarist government on June 25, 1916, which mandated the conscription of Kazakh civilians for rear labor at the front.

The events of 1916, although ending in defeat, demonstrated the rising national consciousness of the Kazakh people [Kenzhebayev, 1994:117]. This is precisely revealed by Zh. Aimautov in the novel "Kartkozha" by showing the evolution of the main character in adulthood. He gives in the novel how Kartkozha accepted the release of the June decree of the Tsarist government of 1916 through his internal monologue [Aimautov, 1989:87].

In this novel, Zh.Aimautov describes the national liberation uprising of 1916 from all sides. For example, they said that the Kazakh military, which were formed spontaneously in 1916, did not have cohesion. And the only reason for this is the partial division of the guys in the squad into clans [Aimautov, 1989: 63-64]. In fact, at this time, the unity of the nation did not exist not only among the squad guys, but also among the population as a whole. Aimautov makes this clear in the chapter of the novel "If there is God".

In fact, the formation of Kartkozha's worldview is presented in conjunction with the process of growing national consciousness in this novel. Initially, he was thinking only about his own difficult life, however he started thinking about the fate of the people and the future of the country. The change in his attitude to public events also indicated the spiritual evolution of the Kazakh people on the path to national awakening. From this point of view, the image of Kartkozha is a symbolic reflection of the renewal not only of a certain individual, but of the entire nation.

Zh. Aimautov glorified the spirit of the Kazakh people's struggle against colonial oppression and emphasized the importance of national unity by describing the events of the uprising. According to the writer, people will achieve freedom, if they first get rid of tribalism and discord and unite around common national interests. Therefore, the theme of the 1916 uprising in the novel "Kartkozha" is not limited to the narration of a historical event, but also serves as an artistic means of propagating the idea of national consciousness and nationalism. In this work, the issues of national interest, the fate of the country, and the unity of the people are deeply revealed through the actions of the characters and public events, and the author's vision aimed at modernizing Kazakh society is clearly visible.

Results. Zh. Aimautov's novel "Kartkozha" reflects the realities of the life of the Kazakh society during the uprising of 1916. In the chapter of the novel "Zhansau", he described how the Kazakh military were not ready for an armed uprising, the guys from the village of Kartkozha with primitive weapons. For this reason, during the events of 1916, the Alash intelligence called for a refusal to rebel, saying that the armed resistance of ordinary people who protested against the royal decree would only end in bloodshed, since there was no equal strength. However, the uprising of 1916 awakened national consciousness in the Kazakh people, opened the way for them to unite in the name of common interests and fight against colonialism.

Zh. Aimautov in his novel "Kartkozha" showed that since September 15, 1916, when Kazakh men aged 19-31 began to work at the front, they, who were previously completely unaware of this, also inflicted physical injuries on themselves so as not to go to the Front Work.

Work at the front, a foreign land, a foreign country and a new environment had become a school of life for the guys. In a short period of time, the guys were hot and their political awareness grew [Koigeldiev, 1995: 205]. Zh. Aimautov said that in the novel, Kartkozha's growth in front work, that is, on the one hand, he saw that all these miracles, such as a steamer, train, car, aeroplane, come only through reading and science, and on the other hand, his interaction with other nationalities, especially the Russian guy Andrei, who had spent about 5 years in exile in the Kazakhs, explained that the life of both the Kazakh and the muzhik and the worker will not improve until the fall of the Tsarist government, instilled in Kartkozha a sense of thinking about the interests of the people in general more than his own head.

The fact is that after the February Revolution, the vast majority of Kazakhs who were recruited to work on the battle did not return to their villages as naive people, unaware of political problems. Although they did not understand the socio-political changes taking place in Russia, they returned to the country if they had the desire and desire to understand [Nurpeisov, 1995:114].

Zh. Aimautov reflects the changes that entered Kazakh society after the February Revolution in the novel, linking it with the evolution of old age. He revealed here the evidence that both the bolsheviks and the White army, which were in power in those turbulent times of Kazakh life, brought only suffering to the Kazakh people. In the middle of the civil war, they were captured by the White Army of Kartkozha, built in Kazakh villages, and sent to them by the lauster (guide-AVT.) indicates exactly where it happened. "A scream is a uigai run. In the arms-felt-carpet, to make-in the hands. Ring, haircut, russification, laughter... a cart, a cannon, a machine gun, a feed, a machine gun, and a horse. In the middle of the night, a young girl

was sitting on a horse, holding a beautiful Kazakh girl in a rocking chair. The girl's eyes twinkled. Wretched, sacrificed to the Black Power! What happened to the time?" [Aimautov, 1989: 120]. At the same time, the essence of the issue raised by Aimautov is to show the situation in Kazakhstan during the Civil War, the violence against the Kazakh nation.

Aimautov in his novel "Kartkozha" emphasized the issues of conducting "grain requisitioning" on the Kazakh land in the recent period of the establishment of the Soviet government, in other words, the acquisition of rich cattle in the government treasury, the resettlement of the Kazakhs from it. In the chapter of the novel "In the country" J. Aimauytov, on behalf of the government, said that groups traveling to harvest livestock came to Kazakh villages and forcibly took livestock not only from rich cattle, but also from ordinary people, and in the next chapter, "After the downpour" the Kazakh population, deprived of livestock, did not master cultivation, or a mass sedentary lifestyle that does not possess the necessary tools for this, emphasizes the wrongness.

Under Soviet rule, "nomadic farming" was considered not only a form of "old way of life" but also a remnant of "still old". As it was, no one doubted the correctness of the need for its urgent destruction [Abylkhozhin, 1991: 23].

Zh. Aimautov in this novel "Kartkozha" loves Kazakhs and his country...If the Kazakh and Russian fight, the Russian wants to pretend to be violence. However, he does not forget the good he saw in Russia, and the Russian also wants to be held by the liver. Andrey, the Polydubians want to sacrifice how many Kazakhs" [Aimauytov zh., 1989:142], thus he put forward the issue of interethnic relations. In fact, the main character in this novel by Zh. Aimautov is a man who was in the life of Karatkozha. Writer Z. Akishev "How did our schools form?" Kartkozha writes about the teaching of Toganbayev [Akishev, 1991:74].

In his novel "Kartkozha" Zh.Aimautov aimed to reveal the realities of the life of the Kazakh people during the socio-political, socio-economic, spiritual and cultural changes that took place in Kazakhstan at the beginning of XX century. This has achieved its goal. It is because the novel "Kartkozha" clearly shows that the uprising of 1916 brought together the Kazakh people on the path of national freedom, regardless of the clan, class, from which it was partially formed, and the double revolution, from which the final establishment of the Soviet government in Kazakhstan, led to fundamental changes in the way of life and spiritual life of the Kazakh people.

These aspects of this work of Zh. Aimautov, written on the basis of historical reality, have remained unspoken to this day [Rakhymzhan K.A., Akhmetov S.I., Dinasheva L.S., Abdrakhmanova G.S., 2022: 301]. At the first congress of cultural workers in 1935, the well-known literary writer M. Karataev in his novel "Kartkozha" Zh. Aimautov distorted the uprising of 1916 not as a revolutionary event from a bourgeois-nationalist point of view, but simply as a rebellion, as well as the language of writing this novel by Zh. Aimautov was used by Soviet writers of that time, for example, in the new revolutionary Kazakh language is not like Musrepov's [CSA RK. F. 81.K. 3. C. 1086. P.48].

And when this novel by Zh. Aimautov was published, S. Sadvakasov evaluated highly that "This novel "Kartkozha" by Zhusupbek in terms of language and artistry, it surpasses all the works of other writers" [Sadvakasov, 1927].

The famous translator and writer G. Belger, in his article "Zh.Aimauytov's stylistic features"wrote that in Aimauytov's prose, completely unfamiliar, ignorant Kazakh words and phrases that I could not meet in my hands. For example: dukt, deer, sogym, saldaman, kyrylai no matter how much they say, I am a German, I do not know anything (I can ask)... how reasonable is it that all these words fall out of the funds of the modern Kazakh literary language?" asked the question [Belger, 1990], thus he emphasizes the richness of the language of Aimautov's works.

No one can deny that the Alash intelligence made a significant contribution to the formation of Kazakh literature. After all, the rich heritage left by them is the only proof of this. One of them is the novel "Akbilek" by Zh. Aimautov. This novel is a work that has not yet been published as a separate book. It is published in several issues of the magazine "Equality of women" in 1927, 1928. For the first time, the book was published in 1989 by the writer publishing house with a preface by academician S. Kirabaev. It was a collection of Zh. Aimautov's works in the first volume.

In the novel "Akbilek" Zh.Aimautov raises the issue of women's equality, as well as the issue of nationality. In this novel, she not only limited female happiness to the personal happiness of the main character Akbilek, but, on the contrary, through Akbilek, he aimed to show the political situation in Kazakhstan since the October Revolution, the socio-economic situation of the people, as well as to promote the issue of national freedom.

It is known that during the Civil War, some of the white troops defeated by the bolsheviks tried to flee to China. On the way, they attacked Kazakh villages, plundered the property of the people and killed themselves. This situation in Kazakh society has greatly affected the life of the local country. This is the question that Zh. Aimautov was able to reveal very clearly in the novel "Akbilek". This is evidenced by the fact that he began the novel by showing that the remnants of the white army, which was stationed in the Altai Mountains in order to cross China, destroyed the village of Mamyrbay (Akbilek's father), shot Akbilek's mother and took him to prison. It also follows from this novel by Zh. Aimautov that at that turbulent time in history, two opposing forces (bolsheviks and whites). In the middle, it is clear that the Kazakh people were only an innocent victim. In the novel, "Russian" is summarized as a national figure. In the meantime, Aimautov aimed to clearly emphasize to the reader that it is the Russian colonial empire that oppresses the Kazakh nation. And it is clear that this is due to the idea of nationalism. It is because nationalism is Kazakhism, and as academician M. Kozybayev noted, "Love for one's nation, patriotism" [Kozybayev, 2000].

Aimautov expresses that such a great power as Russia looked at the Kazakh country only in response, through the thought of one of the main characters of the novel, a Russian officer:"Cattle smashed property, killed my man, took my daughter, a mischievous man sees us, the Kazakhs punish. When our tsar started the war (World War I -auth.), defending our homeland, we went to war. It is necessary to repent in Kazakh, as in Russian, with a wide range of people" [Aimautov, 1989: 153]. However, Aimautov further suggests that the Russian officer's patriotic feelings for his native country, his exile from his homeland, were forced by the change of times. This suggests that he viewed nationalism not as a blind feeling, but as a common feature inherent in the universal.

The writer R. Tokhtarov said that in the novel "Akbilek" you can see an ecyclopedia of human characters, [Tokhtarov, 1994]. Indeed, in the novel "Akbilek" Aimautov revealed his own character traits of each character. Especially in the novel, he was able to honestly describe the inner feelings of a person. For example, after returning to the village of Akbilek, Zh. Aimautov accurately conveys to the reader the inner feelings of the trampled Kazakh girl and his loved ones: "Sad Akbilek! Who will if it is not you?.. You lost your beautiful mother!.. Your conscience is shed, your humanity is destroyed" [Aimautov, 1989:202]. Thus, Aimautov shows the suffering of the humiliated Kazakh girl. But he does not blame the fate of Akbilek, who fell into such a state at the end of the novel, as usual, for example, in M. Dulatov's "Unfortunate Zhamal", S. Kobeev's "Thick Maly", S. Toraigyrov's "Kamar Sulu", on the contrary, the political change in society affected the entire life of the Kazakh girl, who became a victim of modern life, despite the difficult changes in her life, overcoming all difficulties and making her an educated and conscious citizen.

In conclusion, in the novel *"Akbilek"*, Zhusupbek Aimautov presents the national question through the lens of class division within Soviet ideology, linking the destiny of an entire people with the turbulent historical period in Kazakh society that brought profound changes to its way of life. The author also places strong emphasis on the theme of humanity, which is reflected in Akbilek's eventual reunion with her son Alexander, born of a different nationality. In his works, Aimautov not only portrays the historical past and everyday life of the Kazakh people, but also explores human psychology and addresses the pressing social issues of his time.

Zh. Aimautov raised the issue of nationalism along with the issue of women's equality in his novel "Akbilek". He did not limit women's happiness only to the personal happiness of the main character – Akbilek, but, on the contrary, through Akbilek he aimed to show the political situation in Kazakhstan after the October Revolution, the socio-economic situation of the people, as well as to raise the issue of national freedom. The events of the novel coincide with a difficult historical period of Kazakh society. The civil war, the conflict between the Whites and the Reds, the struggle for power, internal instability and spiritual crisis brought great changes to the life of the people. These historical circumstances are beautifully depicted through the fate of the characters in the work. The difficult events experienced by Akbilek had a symbolic character, hinting at the fate of the Kazakh people of that period. The hero's life path, full of humiliation and suffering, is intertwined with the state of the nation, which suffered from colonial oppression and political instability.

Through Akbilek's image, the writer shows the struggle of not only the Kazakh woman, but also the entire nation for renewal. Akbilek, despite various difficulties, did not collapse spiritually, but strived to gain knowledge and adapt to a new life. Her perseverance and zest for life demonstrated the strength of the national spirit of the Kazakh people. From this point of view, Akbilek's image is seen as an artistic embodiment of the revival of national consciousness.

At the same time, the novel widely depicted the struggle between the old and the new in Kazakh society, the contradiction between the traditional worldview and new social relations. Zh. Aimauytov emphasized the importance of education and culture as one of the main conditions for national development. Akbilek's pursuit of knowledge and involvement in public life expressed not only the idea of women's equality, but also the need to embark on the path of civilized development of the nation. According to the author, achieving national freedom was not limited only to political independence, it was closely related to the spiritual revival of the people, cultural growth and the formation of national consciousness. Thus, the issue of nationality in the novel "Akbilek" was deeply revealed through the fate of women. The writer, connecting the life path of an individual with the fate of the nation, concluded that the future of Kazakh society should be based on national unity, education, spiritual renewal, and the idea of freedom. Therefore, the novel was appreciated not only as a work that touches on the theme of women's equality, but also as a work of art that raises issues of national consciousness and national freedom.

Zh. Aimautov was a psychologist and a writer. His works educate human behavior. Zh. Aimautov once said that the words that describe the character of the Kazakh people, reveal their secrets, show their eyes, grieve the state of the country and lead to good things began since Abai. Before Abai, there was no mirror that described the behavior of the Kazakhs" [Aimautov, 1918]. And among the last poets and writers of Abay, Zh. Aimautov, who openly spoke about the shortcomings of the behavior of the Kazakh people. After all, Aimautov, who passed the Abai school, in his works connected the life of the Kazakh people with social and historical conditions, focused on the psychology and way of life of the people, and also sharply criticized the shortcomings of its customs. We can clearly see this in his story "The Plain of Kunikei", published in the magazine "New literature" in issues No. 7, 8, 9 in 1928 and No. 2, 3 in 1929.

To this day, the central theme of this story is often identified as women's inequality. However, in reality, Zhusupbek Aimautov, in addition to depicting the lifestyle of the Kazakh people before the October Revolution, also raises the issue of human morality by revealing national character traits and focusing on the fate of the Kazakh woman.

S. Sadvakasov noted that we must be grateful for the fact that they left valuable works that reflect the realities of life and the goals and ideals of man [Sadvakasov, 1927].

Zh. Aimautov in the story "Kunikey plain" describes the life of the Kazakh people at the beginning of XX century. He shows this in the story with the course of narration of the fate of Kunikei. In the meantime, it is very necessary to tell about the plain of Kunikei, which became the main basis for the writing of this story. After all, among literary scientists studying the literary heritage of Zh. Aimautov, there are different opinions on this issue. For example, the researcher-scientist R. Sagynbekov points out that Kunikei plain which was escaped by the whole country is the union of her beloved Baiman with contempt for her husband hoof [Sagynbekovich, 1997:222], and academician S. Kirabaev points out that another reason for Kunikei's loneliness is the abandonment of her husband Baiman after the absence of a child [Aimautov, 1989:14].

Zh. Aimautov in his work "Kunikei Plain" shows the way of life, traditions and customs of the Kazakh people in the past, such as moving, youth parties, courtship and bridesmaids, etc.

In general, Zh.Aimautov in this story considers the problem of human morality in the unity of purity of soul and body. That is why in the story he shows the shortcomings of human behavior and life side by side against the background of the realities of life. In the story "Kunikei Plain" Aimautov clearly describes the life of the Kazakh village, in which the degradation of human morality depends mainly on the character traits of a person and his upbringing throughout his life.

The author of the book R. Nurgaliyev claimed that the story "Kunikei Plain" should be regarded as a noble realistic work that reflected the former life of the Kazakh nomadic village in the form of a goose [Nurgaliyev, 1989: 83-92] and we want to say that this work of Zh. Aimautov primarily reveals the peculiarities of Kazakh behavior, the psychology of the nation. Aimautov's conclusion of this story with the success of Kunikei with Baiman does not mean, as many literary critics say, the accession of Kunikei to Baiman. Concluding the story in this way, Aimautov sought to show sincere feelings, love between two young people. And the reason why researchers disagree about the end of this story is most likely related to the development of the story: Youth, adult environment, marital status, common life path. In our opinion, "Kunikei Plain" is its easy gait. And Zh. Aimautov in the story shows that the reason for his appearance on this path was the upbringing of his family and his familiarization with unequal hooves. In Zh. Aimautov's story "Kunikei Plain", the problem of the Kazakh woman is considered by the ratio of society and man, that is, the importance of secondary education in human life.

It is not enough to consider Zhusupbek Aimauytov's story “Kunikey’s fault” only as a work about the fate of a woman. The story also reflects the social situation of the Kazakh nation, spiritual development, and national consciousness through the difficulties of a Kazakh woman. The writer criticized the shortcomings of Kazakh society, linking the fate of an individual with the fate of the nation. The story also reflected the problems of ignorance, poverty, and social inequality in Kazakh society. These phenomena are described as factors that hinder the development of the nation. The writer believed that in order to join the ranks of civilized countries, people must turn to education, culture, and respect for human rights.

The fate of Kunikey’s fate is also perceived as a symbol of the state of the Kazakh nation at that time to some extent. His desire for freedom symbolizes the people's desire for renewal, and the difficulties in his life symbolize the obstacles to the development of the nation. Therefore, the drama of an individual in the work becomes a reflection of a social problem at the national level.

In conclusion, in the story “Kunikey’s fault” the issue of the nation was revealed through the issues of women's equality, family upbringing, old customs and traditions and the renewal of national consciousness. Zhusupbek Aimauytov, describing the fate of the Kazakh woman, demonstrated that the future of the nation is closely connected with the condition of women, the cultural level of society and respect for human freedom. In this way, the work rose to the level of a socio-psychological work that reflects the fate of not only Kunikeidin, but also the entire Kazakh society.

In his works Zh.Aimautov preached not the class idea of a totalitarian system, but the idea of nationalism. The nation's intellectuals mainly followed this idea in their works published in XXs. And this was contrary to the party and class principles of Soviet ideology. Therefore, the Communist Party, which also prevailed in the field of literature and art, banned the use of the works of Alash figures. For example, in 1930, the committee for press and literature under the people's Commissariat of Education “History of literature” by M. Auezov [CSA RK. F. 81. S. 1. C.102A.P.320] finds the research work “A work promoted by petty-bourgeois thoughts that form an anti-proletarian attitude to literature” and issues a special resolution to eliminate its source by sending it to waste paper [CSA RK.F. 81. K. 2. C.25.p.11]. Thus, the Bolsheviks, who disregarded the spiritual heritage and traditions of so-called “non-native” peoples such as the Kazakhs, regarded the works of the Alash intelligentsia as ideologically “unsuitable.” In contrast, the Alash intellectuals aimed to achieve independence, liberate their people from colonial oppression, and build a civilized society based on the advancements of science and culture. After all, the ideal of the Alash intelligentce to serve in the interests of the entire people contrasted with the class ideology. The Bolsheviks rejected the idea that the traditions, customs, mentality, and way of life of peoples cannot be changed overnight. Having come to power through destruction, Mirzhakip Dulatov, one of the most prominent representatives of the Alash movement, argued that the most respectful vision of social harmony is a society in which neither the rich nor the poor exist, emphasizing the idea of equal and friendly coexistence among all members of society [Dulatov, 1917, № 248].

The works of Zh. Aimautov, which served to revive the people spiritually, that is, to awaken their consciousness, were also included in the category of works written in the context of the “bourgeois nationalist” approach. For example, G. Tugzhanov in his work “Problems of literature and criticism”, published in 1926, Zh. Aimautov in such significant works as “Kartkozha”, “Akbilek”, “Kunikey plain” shows that the life of the Kazakh people before the October Revolution was written not through the eyes of a “communist”, but through the eyes of “populism, nationalism” [Tugzhanov, 1926: 141], and today it is a well-known literary scientist, Professor T. Tugzhanov. Kakishev stated that the novels and dramatic works of Zhusupbek Aimautov “Kartkozha”, “Akbilek” reveal the ideological value of Aimautov's works [Kakishev, 1990], telling that in the era of the formation of our literature they were genuine, advanced examples of the traditions of realism.

In his dramatic works, Zhusupbek Aimautov primarily addressed issues of nationality. He emphasized that drama reflects the life and everyday experiences of contemporary people, encompassing all aspects of thought and consciousness, as well as both strengths and weaknesses. In this sense, he regarded drama as a true mirror of its time and of life itself [Aimautov, 1922].

For the first time, Zh.Aimautov raises the problem of women in the play “Rabiga”, which was staged in 1917 at a literary evening organized by Kazakh students in Semipalatinsk, and in the comedy “Sylan kyz”, written in the early 1920s. The main theme of the play “Rabiga” is female inequality, and the story is the desire of a 19 – year – old Kazakh girl for equality. Aimautov in this play aims to awaken the minds of Kazakh women, and thus encourage them to seek liberation by telling about the fact that Rabika is sold to

cattle and is a resource for a person who is not his equal (55 years old). We can see this in the dialogue that took place in the play between Isaac (a 25-year-old boy) and Rabi [Aimautov, 1997:7].

Aimautov encourages the Kazakh woman to make a conscious attempt to gain freedom. And in the comedy "Slender girl" he puts the problem of a woman from a different angle. The content of the story of this play is based on the description of the family of the rich daughter Batima, revealing her behavior, psychology, and strongly criticizes the frivolity of the woman's character. Aimautov explains in the play that Batima is light-minded, because of her ignorance. Therefore, he agitates the people here on the path of education, art and science.

Aimautov's next dramatic work, which raises the problem of human morality, is the play "Careerists". This is a two-curtain drama. Approximately, this play, written in the period from 1916 to 1917, originally appeared as a three-act play under the name "Zhebir volost". In January 1919, the Semipalatinsk school children's newspaper "Zhas Azamat", which began to be published in Petropavlovsk, was staged at a party organized by the aid of needy Kazakh students. And in 1925, this play was published in Moscow as a separate booklet. The theater researcher B. Kundakbayev wrote that in terms of the acuteness of the problem raised, artistic ideas and content, dramaturgical architectonics "Careerists" Zh. Aimautov's work is a high point" [Kundakbayev, 1990: 30].

Basically, Zh. Aimautov in this play raises the problem of humanity, highlighting the shortcomings of Kazakh behavior, such as careerism and bribery. The main characters of the play are Muslim (a relative of the volost), Kulyunda (a wife of the volost), Kaskirbay volost. The story of the play revolves around Muslim embarking on a dishonest path for the sake of a career. Sabit Mukanov, in his work "Kazakh literature of XX century", when referring to the biography of Aimautov, mentions that the main characters in this play "Careerists" are people from his own life: "Narrators: a corrupt volost named Kaskirbay Ospan in the play "Careerists" (Aimautov's brother) would say. It is worth noting that the Kazakh language is very similar to the Kazakh language, and the Kazakh language is very similar to the Kazakh language.). But Musilim was close to Kaskirbay's flock, and instead of killing the Kaskirbay, he was a volost. There was no volost. And was there Ospan's second wife? How was Zhusupbek with her? We do not know about it" [Mukanov, 2012: 419]. Zh. Aimautov in the play "Careerists" shows the degradation of human morality in the name of career, bribery, on the example of the actions of Muslim, Suleiman, Aubakir. This issue is mainly raised in Zh. Aimauytov's works written on the basis of national unity and integrity. In the plays "Kanapia and Sharbanu","El Kurgan", "Sherniyaz", he puts forward the problem of the nation by showing the realities of the life of the people based on the political events that took place in Kazakh society at the beginning of the last century. The first version of his 4-act drama "Kanapia and Sharbanu" was staged in 1923 in Ust-Kamenogorsk at a party dedicated to the Red Army Week, which at that time cost a net profit of one million rubles.

"The 16th year was a historical burden for the Kazakh people" Zh. Aimautov said. According to the decree of the Tsarist government on June 25, the Kazakh people were exiled to the war front-to black work. The Kazakh shanyrak swayed. The Kazakh steppe cries with blood [Aimauytov, 1923, January 25]. This is the main theme of the play "Kanapia and Sharbanu" by Zh. Aimautov, the events of 1916. He started this play with a story about the crisis of the people during the recruitment of black workers from the Kazakhs to the front. The struggle of Kanapiya and Sharbanu for freedom is taken as the basis of the story of the play. Aimautov in the play accurately and vividly describes the realities of Kazakh life at that time. In a critical article published in 1926 in the newspaper "Enbekshi Kazakh" under the pseudonym "Taikeltir", the author focused in detail on Zh. Aimautov's play "Kanapiya and Sharbanu" concludes the story of 1916 [Enbekshi Kazakh, 1926, December 2].

In general, Zh.Aimautov adhered to the idea of nationalism, not class, when he reflected in his works the changes that the Soviet government brought to the life of the Kazakh people. From this idea follows the main theme of his 1-act play "El Kurgan", directed by Zh. Aimautov, dedicated to the five-year anniversary of the Kazakh Autonomous Republic in Kyzylorda in 1925. The most important thing is that Aimautov in the play "El Kurgan" clearly revealed the realities of the life of the Kazakh people during the Civil War. He gives his most important thoughts through one of the main characters in the play. "The Reds took the whole of Russia against themselves. The horses that fled to Siberia are ture-chasing and occupy big cities every day. The horse army is worn out like melting snow, and the soldier is fleeing, unable to stand the tremors of the Red Army... But not just leaving. It is destroying, demanding, destroying the vast Kazakh steppes, destroying the country in its path" [Aimautov, 2002:83]. Aimautov noted the political situation on the Kazakh land during the civil war. For this reason, Zh.Aimautov in this play raises the question of the need to

create an army to protect the Kazakh people in the era of both the revolution and the revolution. It seems that aimautov is talking about the creation of the Red Army in this dramatic work. However, in the meantime, the question is about creating a national army. He reveals the reason for this in the play as follows: "...the Kazakh people, unarmed, carefree, weak country, can be trampled under the feet of the army (White Guard and Cossack Army) and disappear. Do you want to sit quietly in your house, so that you can get what you want, and the rest will remain? Is it good to die, plunder? Is it good to survive?" [Aimautov, 2002: 83-85] calls on the citizens of the country to protect their people. In scenes 6, 7, 8 of Aimautov's play, he was able to accurately reveal the violence of the Cossack-Russian army against the Kazakh people during the Civil War. A white married woman became a ritual for the uncircumcised. The light of the Quran was captured without ablution. It is not for nothing that we are talking about pork" [Aimautov, 2002: 92]. Zh. Aimautov notes the suffering of the Kazakh people, and the story of the last play continues with the fact that the nation, which did not tolerate such humiliation, put its head to death and killed the soldiers of the White Army.

Saken Seifullin published in 1928 in issues 3, 4 of the magazine "New literature" "What is El Kurgan?". Aimautov criticizes that this play combines the rich and working people in the country and also evaluates the ideological and content aspects of this play mainly from the point of view of Soviet ideology. In reality, Zhusupbek Aimautov's play *"El Kurgan"* is a dramatic work that depicts the political realities of Kazakh society in the early twentieth century, a turbulent period in the nation's history.

In 1930, the main committee for the production of the people's Commissariat of Education Zh. Aimautov's play "Sherniyaz", which was published as a separate book in Semipalatinsk in 1926, was ideologically and politically unsuitable for staging on the stage of the Soviet theater [CSA RK. F. 81. K. 2. C.25. P. 42]. During this period, the Alash intelligence was persecuted as "Enemies of the people". So, the reason for the ban on the stage of the play "Sherniyaz" by the successor of the ideology of Alash Zh.Aimautov, which accurately reflects the suffering that befell the Kazakh people during the Civil War, is clear. This play by aimautov at the time of the opening of the Kazakh state theater (1926), according to the results of the competition announced by the people's Commissariat of Education, won the second place among 32 plays. The play is written in verse. The play highlights the consequences of the Civil War, which complicated the political situation in Kazakhstan and seriously aggravated the life of the local population.

In summary, it was then that the class principle prevailed in literature and art that Aimautov, who wrote a work of such content, is distinguished by his freedom of thought and courage.

"We will create a real theater of the nation. But he must be too cynical... European culture has made our throats stretch, what are you doing? If we do not imitate, where do we get the name "theater"? What Kazakh grandfather created the theater?" [Aimautov,1926] wrote Zh. Aimauytov. Perhaps for this reason, he was engaged in the translation of several works from Russian drama into Kazakh. For example, he translated the plays of A.S. Pushkin "The stone guest', "The Miser Knight". The first translation was published in Tashkent in 1927 by the Kunshygys publishing house as a separate booklet. And the subsequent 3-curtain translation was also released this year as a separate booklet and was also staged at the Kazakh theater.

Zhusupbek Aimauytov when studying Zhusupbek's work paid special attention to the reflection of the national idea in his works. In particular, in the novels "Kartkozha", "Akbilek" and the story "Kunikey's fault", the dramatic works "Nation's defender", "Sherniyaz, Kanapiya and Sharbanu" the issues of national destiny, the future of the country, freedom and spiritual renewal were widely reflected. These works, reflecting the political and social situation of Kazakh society at the beginning of XX century, served to awaken the national consciousness of the people.

The national idea in Zh. Aimauytov's works is recognized primarily by showing the historical destiny of the people, their spiritual essence and their aspiration for a free life. The hero Alash glorifies that the future of the nation is in the hands of educated, conscious citizens who responsibly approach the fate of the country. His characters put the needs and aspirations of the people above their personal interests. Through this, the writer closely links the national interest and the fate of the individual.

The novel "Kartkozha" described the difficult life of the Kazakh people before and after the revolution, the consequences of colonial oppression, and the social inequality of the people. One of the main ideas in the novel is the need for education and enlightenment to change the fate of the people. The national idea was presented in connection with the fate of women in the novel "Akbilek". Akbilek's image symbolizes the efforts of Kazakh society to renew, survive and strive forward, despite historical upheavals. The novel considers the issue of women's equality as an integral part of national revival.

In his plays, Zh. Aimautov put the ideas of national unity, national consciousness, justice and freedom at the forefront. Through the conflicts between the characters, social contradictions in society and the issues of protecting national interests were raised.

In general, the national idea in Zhusupbek Aimautov's works is not limited only to the concept of political independence. It includes such important values as the spiritual freedom of the people, the preservation of national culture, the pursuit of knowledge and science, and the formation of historical consciousness. Therefore, the artistic heritage of Zhusupbek Aimautov is not only an artistic example of the national idea in Kazakh literature, but also a spiritual phenomenon that contributed to the nation's self-awareness, preservation of historical memory and a confident look to the future. His works are still valued today as an important literary heritage that glorifies national values and strengthens national consciousness.

Conclusion. Kazakh literature at the beginning of XX century is an artistic chronicle of the most important period, which spoke about the fate of the nation and the future of the country. The Kazakh intelligence of this era, including Zhusipbek Aimautov, viewed literature as a means of uniting the nation and awakening the spirit. The problem of the nation in the writer's works is closely related to historical reality, represented by deep ideological and artistic content.

In the course of the study, the methods of artistic expression of such problems as national consciousness, the consequences of colonial oppression, social inequality, spiritual revival in the works of Zhusipbek Aimautov "Kartkozha", "Akbilek", "Kunikey Plain" were analyzed. In addition, the writer's journalistic works showed that he is a clear reflection of his views on the preservation of national identity, appeal to enlightenment and social justice.

The consequences of colonial oppression are seen in these works not only as a historical backdrop, but also as a direct cause of human psychological distress and social inequality. The injustice of the power system in society, the lack of protection for vulnerable groups, the weakening of national values - all this is transformed into concrete artistic details through the fate of the characters.

The idea of spiritual renewal is realized in Zh. Aimautov's works through knowledge, consciousness, and moral responsibility. His characters often awaken through difficult experiences and turn to new values. This is a reflection of the enlightened concept of the figure. That is, national renewal is interpreted not as a change coming from the outside, but as a process that begins with the internal spiritual evolution of a person. Zh. Aimautov's works became a complex artistic and ideological model that explains the historical development of the nation through the fate of an individual. In this model, national consciousness, colonial experience, social inequality, and spiritual renewal are seen as four main concepts that are interconnected. In conclusion, Zhusupbek Aimautov's work is a phenomenon that deeply revealed the national idea in Kazakh literature on an artistic and scientific level. Therefore, Zhusipbek Aimautov's work is a unique phenomenon that has managed to raise the problem of the nation not only at the artistic level, but also from a deep socio-philosophical point of view. His works reflect the national interest, the responsibility of the individual to the nation and the continuity of historical consciousness. Thus, the works of Zhusupbek Aimautov scientifically reveal the early twentieth-century Kazakh intelligentsia's struggle to revive national spirit, as well as the artistic representation of the country's political and social realities. This study helps to gain a deeper understanding of the role and significance of Kazakh literature in the history of the nation.

Әдебиеттер

Абылхожин, 1991 – *Абылхожин Ж.Б.* Традиционная структура Казахстана. Алма-Ата: Ғылым, 1991. 238 б.

Аймауытов, 1927 – *Аймауытов Ж.* Көркем әдебиет туралы // Еңбекші қазақ. 1927. 8–9 тамыз.

Аймауытов, 1989 – *Аймауытов Ж.* Шығармалары: *романдар, повесть, әңгімелер, пьесалар*.Алматы: Жазушы, 1989. 558 б.

Аймауытов, 1922 – *Аймауытов Ж.* Театр кітабы туралы. *Қазақ тілі*.1922. 22-қаңтар.

Аймауытов, 1997 – *Аймауытов Ж.* 5 томдық шығармалар жинағы. Т 3. Алматы: Ғылым, 1997. 237-б.

Аймауытов, 2005 – *Аймауытов Ж.* Бес томдық шығармалар жинағы: повесть, әңгімелер, аудармалар. Т. 3. Алматы: Алаш, 2005. 304-б.

Аймауытов,1926 – *Аймауытов Ж.* Театр кітаптарын қалай көбейтеміз? *Еңбекші қазақ.*1926. 3 қаңтар.

Аймауытов, 1918 – *Аймауытов Ж.* Абайдан соңғы ақындар. *Абай.* 1918. № 5.

Аймауытов, 1923 – *Аймауытов Ж.* Мағжанның ақындығы туралы. *Лениншіл жас.* 1923. 25-қаңтар.

Ақышев, 1991 – *Ақышев З.* Біздің мектептер қалай қалыптасты? *Қазақстан мектебі.* 1991. № 12. 74-б.

Байғалиев, 1991– *Байғалиев Б. Қайта оралған қаламгер: Жүсіпбек Аймауытов* // Зауал: мақалалар, естеліктер. Алматы: Жазушы, 1991. 269 б.

Қирабаев, 1993– *Қирабаев С. Ж.Аймауытов* (өмірі мен шығармашылығы). Алматы: Ана тілі, 1993. 224 б.

Тәжібаев, 1993.– *Тәжібаев Ә. Жүсіпбек Аймауытов. Есімдегілер.* Алматы: Жазушы, 1993. 400 б.

Сағынбекұлы, 1997.– *Сағынбекұлы Р. Жүсіпбек (Жүсіпбек Аймауытұлының өмірі мен қаламгерлік қызметі).* Алматы: Санат, 1997. 222-б.

Бельгер,1990 – *Бельгер Г.* Ж. Аймауытов айшықтары (Ж. Аймауытовтың бір томдығын оқығанда). *Қазақ әдебиеті.* 1990. 30 наурыз.

Дулатов, 1917 – *Дулатов М.* Мемлекет ісі. *Қазақ.* 1917. №248.

Еңбекші қазақ, 1926 – *Еңбекші қазақ.* 1926. 2 желтоқсан.

Rakhymzhan K.A., Akhmetov S.I., Dinasheva L.S., Abdrakhmanova G.S., 2022 – *Karlygash A. Rakhymzhan, Serimzhan I. Akhmetov, Lazzat S. Dinasheva, Gaukhar S. Abdrakhmanova.* The Great Pilgrimage of Muslims of the Turkestan Region: The Attitude Tsarist Administration to Religion // Bylye Gody. 2022. № 17(1) Pp. 298-308.DOI: 10.13187/bg.2022.1.298

Кәкішев, 1990 – *Кәкішев Т.* Әр дарынның өз орны бар. *Қазақ әдебиеті.* 1990. 2-наурыз.

Кенжебаев, 1994 – *Кенжебаев Н.Т.* Национально-освободительное движение 1916 года в Казахстане (методология, историография, источниковедение). Сб. ст. Вып. II. Алматы: НАН РК, 1994. 120 с.

Козыбаев, 2000 – *Козыбаев М.* Отечественная история XX века: мифы и реальность . *Казахстанская правда.* 2000. 24 мая.

Козыбаев, 1994 – *Козыбаев М.* Еще раз о проблемах истории национально-освободительного движения революции 1916 г. в Казахстане // Казахстан в начале XX века: методология, историография, источниковедение. Сб. ст. Вып. II.-Алматы: НАН РК,1994. 120 с.

Қойгелдиев, 1995 – *Қойгелдиев М.* Алаш қозғалысы. Алматы: Санат, 1995. 368 б.

Құндақбаев, 1990 – *Құндақбаев Б.* Жүсіпбек Аймауытов және театр өнері. Ж. Аймауытов. Шернияз. Алматы: Өнер, 1990. 336 б.

Мұқанов, 2012 – *Мұқанов С. XX ғасырдағы қазақ әдебиеті: ұлтшылдық, байшылдық дәуірі.* Т. 7. Алматы: Әдебиет Әлемі, 2012. 420 б.

Нұрғалиев, 1989 – *Нұрғалиев Р.* Алыптар қайта оралғанда. Сегіз қырлы, бір сырлы дарын: (романшы, драматург, ақын, аудармашы, зерттеуші Ж. Аймауытовтың өмірі мен творчествосы). Қазақстан коммунисі. 1989. №6. 83-92-бб.

Нұрпейісов, 1998 – *Нұрпейісов К.* Қазақ интеллигенциясының әміршіл-әкімшіл жүйеге ғылым мен мәдениет саласындағы қарсылығы (20-30 жылдар мысалында). *Столичное обозрение.* 1998. 2 маусым. Б.10.

Нұрпейісов, 1995 – *Нұрпейісов К. Алаш һәм Алашорда*. Алматы: Ататек, 1995. 256 б.

Социалистік Қазақстан, 1989 – *Социалистік Қазақстан*.1989. 9 желтоқсан

Сағынбекұлы, 1997 – *Сағынбекұлы Р. Жүсіпбек*. Алматы: Санат, 1997. 222 б.

Сәдуақасов, 1927 – *Сәдуақасов С.* Әдебиет туралы сөз // Еңбекші қазақ. 1927. 15–16 қаңтар.

Тоғжанов, 1926 – *Тоғжанов Ғ.* Әдебиет және сын мәселелері. Қызылорда: Қазмембас, 1926. 191 б.

Тоқтаров, 1994 – *Тоқтаров Р.* Жасын тағдыр жарқылы // Қазақстан жаршысы. 1994. 7-маусым.

Sources

CSA RK – Central State Archive of the Republic of Kazakhstan

Enbekshi Kazakh. Newspaper (1926, 1927)

References

Abylhojin, 1991 – *Abylhojin J.B.* Tradisionnaia struktura Kazahstana [Traditional structure of Kazakhstan]. Alma-Ata: Ğylym, 1991. 238 p. [in Russian]

Aimauytov, 1927 – *Aimauytov J.* Körkem ädebiet turaly [About fiction]. *Eñbekşı qazaq.* 1927.8-9 tamyz. [in Kazakh]

Aimauytov, 1989 – *Aimauytov J.* Şyğarmalary: romandar, poves, äñgımeler, pesalar [Works: novels, short stories, short stories, plays]. Almaty: Jazuşy, 1989. 558 p. [in Kazakh]

Aimauytov, 1922 – *Aimauytov J.* Teatr kıtaby turaly [About the theater book]. *Qazaq tılı.* 1922. 22-qañtar. [in Kazakh]

Aimauytov, 1997 – *Aimauytov J.* 5 tomdyq şyğarmalar jinağy [5-volume collection of works]. T. 3. Almaty: Ğylym, 1997. 237 p. [in Kazakh]

Aimauytov, 2005 – *Aimauytov J.* Bes tomdyq şyğarmalar jinağy: poves, äñgımeler, audarmalar [A five-volume collection of works: short stories, stories, translations]. T. 3.Almaty: Alaş, 2005.304 p. [in Kazakh]

Aimauytov, 1926 – *Aimauytov J.* Teatr kıtaptaryn qalai köbeitemız? [How do we increase theater books?]. *Eñbekşı qazaq.*1926.3 qañtar. [in Kazakh]

Aimauytov, 1918 – *Aimauytov J.* Abaidan soñğy aqyndar [The last poets after Abai]. *Abai.* 1918. №5. [in Kazakh]

Aimauytov, 1923 – *Aimauytov J.* Mağjannyñ aqyndyğy turaly [About Magzhan's poetry]. *Leninşıl jas.* 1923. 25-qañtar. [in Kazakh]

Aqyşev, 1991 – *Aqyşev Z.* Bızdıñ mektepter qalai qalyptasty? [How were our schools formed?]. *Qazaqstan mektebı.* 1991. № 12. P. 74 [in Kazakh]

Baiğaliev, 1991; Qirabaev, 1993; Täjıbaev, 1993; Sağynbekūly, 1997 – *Baiğaliev B. Qaita oralğan qalamger: Jüsıpbek Aimauytov* [Returning writer: Zhusupbek Aimauytov] // Zaual: maqalalar, estelıkter.Almaty: Jazuşy, 1991. 269 p.;

Qirabaev S. J. *Aimauytov (ömırı men şyğarmaşylyğy)* [Zh. Aimauytov (life and work)]. Almaty: Ana tılı, 1993.224 p. [in Kazakh]

Täjıbaev Ä. Jüsıpbek Aimauytov. Esımdegıler [Zhusupbek Aimautov. Namesakes]. Almaty: Jazuşy, 1993. 400 p. [in Kazakh]

Sağynbekūly R. Jüsıpbek (Jüsıpbek Aimauytūlynyñ ömırı men qalamgerlık qyzmetı) [Zhusupbek (The life and literary work of Zhusupbek Aimauytuly)]. Almaty: Sanat, 1997. 222 p. [in Kazakh]

Belger, 1990 – *Belger G.* J. Aimauytov aişyqtary (J. Aimauytovtyñ bır tomdyğyn oqyğanda) [Figures of speech by Aimautov (while reading the volume by J. Aimauytov)]. *Qazaq ädebietı.* 1990. 30 nauryz. [in Kazakh]

Dulatov, 1917 – *Dulatov M.* Memleket ısı [State affairs]. *Qazaq.* 1917. № 248. [in Kazakh]

Eñbekşı qazaq, 1926 – *Eñbekşı qazaq*. 1926. 2 jeltoqsan. [in Kazakh]

Rakhymzhan K.A., Akhmetov S.I., Dinasheva L.S., Abdrakhmanova G.S., 2022 – *Karlygash A. Rakhymzhan, Serimzhan I. Akhmetov, Lazzat S. Dinasheva, Gaukhar S. Abdrakhmanova.* The Great Pilgrimage of Muslims of the Turkestan Region: the Attitude Tsarist Administration to Religion // Bylye Gody. 2022. № 17(1). Pp. 298–308.DOI: 10.13187/bg.2022.1.298

Käkışev, 1990 – *Käkışev T.* Är darynnyñ öz orny bar [Every talent has its place]. *Qazaq ädebietı.* 1990. 2-nauryz. [in Kazakh]

Kenjebaev,1994 – *Kenjebaev N.T. Nasionälno-osvoboditelnoe dvijenie 1916 goda v Kazahstane (metodologia, istoriografia, istochnikovedenie)* [National liberation movement of 1916 in Kazakhstan (methodology, historiography, source studies)]. Sb. st. Vyp. II.- Almaty: NAN RK, 1994. 120 p. [in Russian]

Kozybaev, 2000 – *Kozybaev M.* Otechestvennaia istoria 20 veka: mify i reälnöst [National history of the XX century: myth and reality]. *Kazahstanskaia pravda.* 2000. 24 maia. [in Russian]

Kozybaev, 1994 – *Kozybaev M. Eşe raz o problemah istorii nasionälno-osvoboditelnogo dvijenia revolüsii 1916 g. v Kazahstane* [Again, the problems of the history of the revolution of the national liberation movement in 1916. in Kazakhstan] // Kazahstan v nachale 20 veka: metodologia, istoriografia, istochnikovedenie. Sb. st. Vyp. II.- Almaty: NAN RK, 1994. 120 p. [in Russian]

Qoigeldiev, 1995 – *Qoigeldiev M. Alaş qozğalysy* [Alash movement]. Almaty: «Sanat», 1995. 368 p. [in Kazakh]

Qūndaqbaev, 1990 – *Qūndaqbaev B. Jüsıpbek Aimauytov jäne teatr önerı* [Zhusupbek Aimautov and theater art] // J. Aimauytov. Şerniaz. Almaty: Öner, 1990. 336 p. [in Kazakh]

Mūqanov, 2012 – *Mūqanov S.* 20 ğasyrdağy qazaq ädebietı: ūltşyldyq, baişyldyq däuırı [Kazakh literature in the 20th century: the era of nationalism and affluence]. T.7. Almaty: «Ädebiet Älemı», 2012. 420 p. [in Kazakh]

Nūrğaliev, 1989 – *Nūrğaliev R.* Alyptar qaita oralğanda. Segız qyrly, bır syrly daryn: (romanşy, dramaturg, aqyn, audarmaşy, zertteuşı J. Aimauytovtyñ ömırı men tvorchestvosy) [When the Giants Return. A Man of Versatile Talent: (The Life and Work of Zh. Aimauytov, Prose Writer, Playwright, Poet, Translator, and Researcher)]. *Qazaqstan komunisı.*1989. № 6. Pp.83-92. [in Kazakh]

Nūrpeiısov, 1998 – *Nūrpeiısov K.* Qazaq inteligensiasynyñ ämırşıl-äkımşıl jüiege ğylym men mädeniet salasyndağy qarsylyğy (20-30 jyldar mysalynda) [The opposition of the Kazakh intelligentsia to the authoritarian-administrative system in the sphere of science and culture (based on the example of the 1920-1930s)]. *Stolichnoe obozrenie*.1998. 2 mausym. P. 10. [in Kazakh]

Nūrpeiısov, 1995 – *Nūrpeiısov K.* Alaş häm Alaşorda [Alash and Alashorda]. Almaty: «Atatek», 1995. 256 p. [in Kazakh]

Sosialistık Qazaqstan,1989 – *Sosialistık Qazaqstan*. 1989. 9 jeltoqsan [in Kazakh]

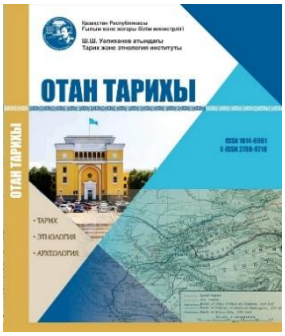
Sağynbekūly, 1997 – Sağynbekūly R. *Jüsıpbek* [Zhusipbek]. Almaty: Sanat, 1997. 222 p. [in Kazakh]

Säduaqasov, 1927 – *Säduaqasov S.* Ädebiet turaly söz [A word about literature*]. Eñbekşı qazaq.* 1927. 15–16 qañtar. [in Kazakh]

Toğjanov, 1926 – *Toğjanov Ğ. Ädebiet jäne syn mäseleleri* [Literature and problems of criticism]. Qyzylorda: Qazmembas, 1926. 191 p. [in Kazakh]

Toqtarov, 1994 – *Toqtarov R.* Jasyn tağdyr jarqyly [The light of destiny illuminates my life]. *Qazaqstan jarşysy.* 1994. 7-mausym. [in Kazakh].

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1228–1240
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1228-1240

ЧЕХИЯ МЕН СЛОВАКИЯ ДЕРЕККӨЗДЕРІНДЕГІ ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ БЕЙНЕСІ: МӘДЕНИЕТ, ҰЛТ ЗИЯЛЫЛАРЫ ЖӘНЕ АЛАШ ОРДА

Сұлтан Хан Аққұлұлы Жүсіп[1], Халил Борисович Маслов[2]

[1]Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
(2-үй, Сәтбаев көш., 10000, Астана, Қазақстан)
PhD доктор, «Алаш» мәдениет және рухани даму институтының директоры
https://orcid.org/0009-0007-9524-636X. E-mail: prahacz2002@gmail.com

[2] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
(2-үй, Сәтбаев көш., 10000, Астана, Қазақстан)
PhD доктор, қауымдастырылған профессор,
«Алаш» мәдениет және рухани даму институтының жетекші ғылыми қызметкері
https://orcid.org/0000-0003-2027-0078. E-mail: khalil.maslov@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Жүсіп С.А., Маслов Х.Б., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Бұл мақалада Қазақстан, Чехия және Словакия архивтері мен кітапханаларынан табылған жаңа тарихи құжаттар талданып, ғылыми тұрғыдан сараланады. Олардың қатарында Қазақстан Республикасы Ұлттық қауіпсіздік комитетінің Арнайы архиві, Ресей Федерациясы Федералдық қауіпсіздік қызметінің Орталық архиві, Жапония Сыртқы істер министрлігінің архиві материалдары, қарастырылып отырған кезең оқиғаларына тікелей қатысушылардың естеліктері, сондай-ақ соңғы жылдары ғылыми айналымға енгізілген XX ғасыр басындағы қазақ және шетелдік (француз) мерзімді баспасөз материалдары бар. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты – Бірінші дүниежүзілік соғыс жылдарында Қазақ өлкесі аумағында болған чех және словак әскери тұтқындарының тарихын зерттеу, сондай-ақ Азамат соғысы кезеңіндегі Чехословак корпусы мен Алаш Орда үкіметі арасындағы өзара қатынастарды талдау. Зерттеудің негізгі міндеттері жаңа тарихи дерекқөздерді анықтау, Чехословак легионы мен Алаш Орда үкіметі арасындағы өзара іс-қимылдың сипатын қайта құрастыру, сондай-ақ бұл байланыстардың 1918-1920 жылдардағы әскери-саяси үдерістердегі рөлін айқындау болып табылады. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің деректік негізін Қазақстан, Ресей, Чехия, Словакия және Жапония архивтерінің құжаттары, XX ғасыр басындағы мерзімді баспасөз материалдары, оқиғаларға қатысушылардың мемуарлық куәліктері құрайды. Зерттеу барысында тарихи-салыстырмалы, тарихи-генетикалық, проблемалық-хронологиялық және деректанулық әдістер қолданылды. *Нәтижелері.* Зерттеу нәтижесінде Ресей империясының далалық облыстарында болған чех және словак әскери тұтқындарының едәуір бөлігі жергілікті қазақ халқымен тығыз қарым-қатынаста болғаны анықталды. Чехословак корпусы құрылғаннан кейін және 1918 жылғы мамырда Кеңес өкіметіне қарсы көтеріліс бастаған соң, корпус пен Алаш Орда үкіметі арасында одақтастық сипаттағы қатынастар қалыптасқаны көрсетілді.

Чехословак легионы казак әскери құрамаларымен, башқұрт және алашордалық әскери бөлімдермен бірлесіп, Орал, Еділ бойы, Сібір және Қиыр Шығыс өңірлерін, сондай-ақ Алаш Республикасының Ақмола, Семей және Орал облыстарын Кеңес билігінен азат етуге қатысты. Сонымен қатар 2025 жылы Чехия мен Словакия архивтерінен табылған жаңа құжаттар негізінде Чехословак корпусы мен Алаш Орда үкіметі арасындағы әскери-саяси ынтымақтастықты дәлелдейтін тың деректер анықталды. *Қорытынды.* Зерттеу нәтижелері Азамат соғысы кезеңінде Алаш Орда үкіметі мен Чехословак корпусы арасында тұрақты саяси және әскери-техникалық байланыстар болғанын растайды. Ғылыми айналымға енгізілген жаңа архивтік материалдар Алаш Орданың халықаралық байланыстары мен бұрынғы Ресей империясы аумағындағы антибольшевиктік қозғалысқа қатысуы туралы түсініктерді едәуір толықтырады. Алынған нәтижелер XX ғасыр басындағы қазақ-чехословак қатынастарын және Алаш Орданың Азамат соғысы кезеңіндегі халықаралық саяси үдерістердегі орнын одан әрі зерттеуге негіз қалайды.

Түйін сөздер: Қазақ даласы, қазақтар, көшпелі халық, чехословак соғыс тұтқындары, қазақ мәдениеті мен тұрмысы, Алаш Орда үкіметі, чехословак корпусы, шех легионерлері, келіссөз, әскери-техникалық көмек, бәлшебектерге қарсы бірлескен соғыс.

Алғыс. Мақала ҚР Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитетінің қаржылық қолдауымен БНҚ «Қазақстанның тарихы мен географиясына қатысты жаңа деректер: талдау, аударма және ғылыми айналымға енгізу» жобасы аясында дайындалды (ЖТН BR28713777).

Дәйексөз үшін: Жүсіп С.А., Маслов Х.Б. Чехия мен Словакия дереккөздеріндегі қазақ халқының бейнесі: мәдениет, ұлт зиялылары және Алаш Орда // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1228–1240-бб. [Қаз.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1228-1240

ОБРАЗ КАЗАХСКОГО НАРОДА В ЧЕШСКИХ И СЛОВАЦКИХ ИСТОЧНИКАХ: КУЛЬТУРА, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И АЛАШ ОРДА

Султан Хан Аккулулы Жусип[1], Халил Борисович Маслов[2]

[1]Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
(д. 2, ул. Сатпаева, 10000 Астана, Казахстан)
PhD, директор Института культуры и духовного развития «Алаш»
https://orcid.org/0009-0007-9524-636X. E-mail: prahacz2002@gmail.com

[2]Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
(д. 2, ул. Сатпаева, 10000 Астана, Казахстан)
PhD, ассоциированный профессор, ведущий научный сотрудник
Института культуры и духовного развития «Алаш»
https://orcid.org/0000-0003-2027-0078. E-mail: khalil.maslov@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Жусип С.А., Маслов Х.Б., 2026

Аннотация. *Введение.* В настоящей статье рассматриваются и анализируются новые исторические документы из архивов и библиотек Казахстана, Чехии и Словакии, в том числе материалы Специального архива КНБ Республики Казахстан, Центрального архива ФСБ Российской Федерации, Архива Министерства иностранных дел Японии, воспоминания непосредственных участников событий рассматриваемого периода, а также публикации казахской и зарубежной (французской) печати начала XX века, введённые в научный оборот в последние годы. *Цель и задачи.* Целью исследования является изучение пребывания чешских и словацких военнопленных на территории Казахского края в годы Первой мировой войны, а также анализ взаимоотношений Чехословацкого корпуса и правительства Алаш Орды в период Гражданской войны. В число задач входит выявление новых исторических источников, реконструкция характера взаимодействия между Чехословацким легионом и правительством Алаш Орды, а также определение роли этих контактов в военно-политических процессах 1918-1920 гг. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составили архивные документы Казахстана, России, Чехии, Словакии и Японии, материалы

периодической печати начала XX века, мемуарные свидетельства участников событий. В работе использованы историко-сравнительный, историко-генетический, проблемно-хронологический и источниковедческий методы исследования. *Результаты.* Установлено, что значительная часть чешских и словацких военнопленных, находившихся в степных областях Российской империи, поддерживала тесные контакты с местным казахским населением. Показано, что после формирования Чехословацкого корпуса и начала его выступления против Советской власти в мае 1918 г. между корпусом и правительством Алаш Орды сложились союзнические отношения. Чехословацкий легион, совместно с казачьими формированиями, башкирскими и алашординскими военными подразделениями, участвовал в освобождении от Советской власти территорий Урала, Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, а также Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областей Республики Алаш. Выявлены новые документальные свидетельства о военно-политическом сотрудничестве между Чехословацким корпусом и правительством Алаш Орды, обнаруженные в архивах Чехии и Словакии в 2025 году. *Выводы.* Исследование подтверждает наличие устойчивых политических и военно-технических связей между правительством Алаш Орды и Чехословацким корпусом в период Гражданской войны. Введённые в научный оборот новые архивные материалы существенно расширяют представления о международных связях Алаш Орды и её участии в антибольшевистском движении на территории бывшей Российской империи. Полученные результаты создают основу для дальнейшего изучения казахско-чехословацких отношений начала XX века и роли Алаш Орды в международных политических процессах периода Гражданской войны.

Ключевые слова: Казахская степь, казахи, кочевники, чехословацкие военнопленные, культура и быт казахов, Правительство Алаш Орда, чехословацкий корпус, чешские легионеры, переговоры Алаш Орды и чехословацкого корпуса, военнотехническая помощь, совместная война против большевиков.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках реализации ПЦФ BR28713777 «Новые источники по истории и географии Казахстана: анализ, перевод и ввод в научный оборот».

Для цитирования: Жусип С.А., Маслов Х.Б. Образ казахского народа в чешских и словацких источниках: культура, национальная интеллигенция и Алаш Орда // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1228–1240. [на каз.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1228-1240

THE IMAGE OF THE KAZAKH PEOPLE IN CZECH AND SLOVAK SOURCES: CULTURE, NATIONAL INTELLECTUALS, AND THE ALASH ORDA

Sultan Khan Zhussip[1], Khalil Maslov[2]

[1] L.N. Gumilyov Eurasian National University
(2, Satpayev St., 10000 Astana, Kazakhstan)
PhD, Director of the «Alash» Institute of Culture and Spiritual Development
https://orcid.org/0009-0007-9524-636X. E-mail: prahacz2002@gmail.com

[2] L.N. Gumilyov Eurasian National University
(2, Satpayev St., 10000 Astana, Kazakhstan)
PhD, Associate Professor, Leading Researcher at the «Alash» Institute of Culture and Spiritual Development
https://orcid.org/0000-0003-2027-0078. E-mail: khalil.maslov@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Zhussip S.A., Maslov Kh.B., 2026

Annotation. *Introduction.* This article examines and analyzes newly discovered historical documents from archives and libraries of Kazakhstan, the Czech Republic, and Slovakia. These include materials from the Special Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan, the Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation, the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of Japan, memoirs of direct participants in the events under consideration, as well as publications from Kazakh and foreign (French) periodicals of the early twentieth century that have recently been introduced into

scholarly circulation. *Purpose and Objectives.* The purpose of this study is to investigate the presence of Czech and Slovak prisoners of war in the Kazakh Steppe during the First World War and to analyze the relations between the Czechoslovak Corps and the Alash Orda Government during the Russian Civil War. The objectives include identifying new historical sources, reconstructing the nature of interactions between the Czechoslovak Legion and the Alash Orda Government, and determining the role of these contacts in the military and political processes of 1918-1920. *Materials and Methods.* The source base of the study consists of archival documents from Kazakhstan, Russia, the Czech Republic, Slovakia, and Japan, periodical publications from the early twentieth century, and memoir accounts of participants in the events. The research employs comparative-historical, historical-genetic, problem-chronological, and source-critical methods. *Results.* The study establishes that a considerable number of Czech and Slovak prisoners of war who were held in the steppe regions of the Russian Empire maintained close contacts with the local Kazakh population. It is demonstrated that following the formation of the Czechoslovak Corps and the beginning of its uprising against Soviet power in May 1918, allied relations emerged between the Corps and the Alash Orda Government. Together with Cossack military formations, Bashkir units, and Alash military detachments, the Czechoslovak Legion participated in liberating the Urals, the Volga region, Siberia, the Far East, and the Akmola, Semipalatinsk, and Ural regions of the Alash Republic from Soviet control. New documentary evidence discovered in the archives of the Czech Republic and Slovakia in 2025 has revealed previously unknown aspects of military and political cooperation between the Czechoslovak Corps and the Alash Orda Government. *Conclusions.* The findings confirm the existence of stable political and military-technical relations between the Alash Orda Government and the Czechoslovak Corps during the Civil War. The newly introduced archival materials significantly expand current understanding of the international connections of Alash Orda and its participation in the anti-Bolshevik movement across the territory of the former Russian Empire. The results provide a foundation for further research into Kazakh – Czechoslovak relations in the early twentieth century and the role of Alash Orda in the international political processes of the Civil War period.

Keywords: Kazakh steppe, Kazakhs, nomads, Czechoslovak prisoners of war, Kazakh culture and way of life, Government of Alash Horde, Czechoslovak corps, Czech legionnaires, negotiations between Alash Horde and Czechoslovak corps, military technical assistance, joint war against the Bolsheviks.

Acknowledgment. The article was prepared with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of the Program-Targeted Funding project PTF BR28713777 «*New sources on the history and geography of Kazakhstan: analysis, translation, and introduction into scholarly circulation*».

For citation: Zhussip S.A., Maslov Kh.B. The Image of the Kazakh People in Czech and Slovak Sources: Culture, National Intellectuals, and the Alash Orda // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. №3. Pp. 1228–1240. [In Kaz.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1228-1240

Кіріспе. Бірінші дүниежүзілік соғыс жылдарында Ресей империясы армиясының тұтқынында болған чех пен словак офицерлері мен жауынгерлерінің едәуір бөлігі қазақ облыстарында тұрғаны және Алаш Орда үкіметінің Чехословак корпусымен арадағы қарым-қатынасы осы күнге дейін ғылыми тұрғыдан зерттелген емес. Оның себебі: бұл тақырыпқа қатысты мәліметтер Қазақстаның санаулы дерек көзінде кездесетін. Екіншіден, XX ғасыр басындағы қазақ баспасөзінің материалдар көбіне төте жазу негізінде жарық көріп, қазақ газеттерінің материалдары түгел қазіргі жазу үлгісіне аударылып басылып шыққанша зерттеушілер оларды оқи алмай келді. Бірақ баспасөз материалдарында Алаш Орда мен Чехословак легионының қарым-қатынасы, өзара келіссөзі, бір-біріне әскери-техникалық көмек бергені жайында еш дерек жоқ.

Екінші дереккөзі – ҚР ҰҚК мұрағатындағы (архивіндегі) құпиясыздандырылған тергеу-сот материалдары. Бірақ бұл құжаттардан да осы тақырыпқа қатысты тың дерек табылмады. Мысалы Семей облыстық земство басқармасының төрағасы болған Райымжан Мәрсектің (Мәрсеков) НКВД тергеушісіне 1938 жылдың сәуір-тамыз айларында берген жауабында Алаш Орда мен Чехословак корпусының байланысын айналып өтіп, Владивосток қаласында Чехословакия консулымен кездескенін ғана мойындайды [ҚР ҰҚК АМА. Қ.9. Т.1. Іс.305. П.193.]. Алаш Орда Ұлттық Кеңесінің (үкіметінің) ресми басылымы болған «Сарыарқа» газетінің 1918 жылғы сандарында Алаш Орданың чехословак әскерімен бірлесіп Кеңес әскеріне тойтарыс беріп, қандай облыс, өлке және қаланы бәлшебектерден азат еткені, корпустың бас қолбасшысы болып француз генералы тағайындалғаны және тағы басқа мәліметтер берілген [Сарыарқа газеті, 2023: 808]. Башқұрт үкіметінің мүшесі болған

Ахмет Заки Уәлидовтың естеліктерінен Чехословак корпусының тарихы және оның Башқұрт үкіметімен арадағы қарым-қатынасы сипатталады [Тоган, 1994: 204]. Чехия мен Словакиядан табылған тың тарихи деректер қазақ халқы мен чех легионерлерінің қарым-қатынасының және Алаш Орда мен Чехословак корпусы арасындағы байланыстың тарихын кеңірек ашады.

Материалдар мен әдістеме. Бұл мақаланың негізгі зерттеу нысанасы Чехия мен Словакияда соңғы жылдары ғылыми айналымға енгізілген Чехословак корпусы легионерлерінің естеліктері, күнделіктері, мақалалары мен фотоматериалдары болды. Зерттеу барысында барлығы 19 тарихи дереккөзге талдау жасалды. Оның ішінде бұрын жарияланбаған немесе ғылыми айналымда аз пайдаланылған чех және словак легионерінің естелігі мен күнделігі, 6 архивтік құжат (ҚР ҰҚК Арнайы мемлекеттік архивінің құпиясыздандырылған тергеу-сот материалдары, сондай-ақ өзге де архив қорларының құжаттары) және 1918 жылғы «Қазақ» пен «Сарыарқа» газеттерінің жарияланымдар кешені қарастырылды.

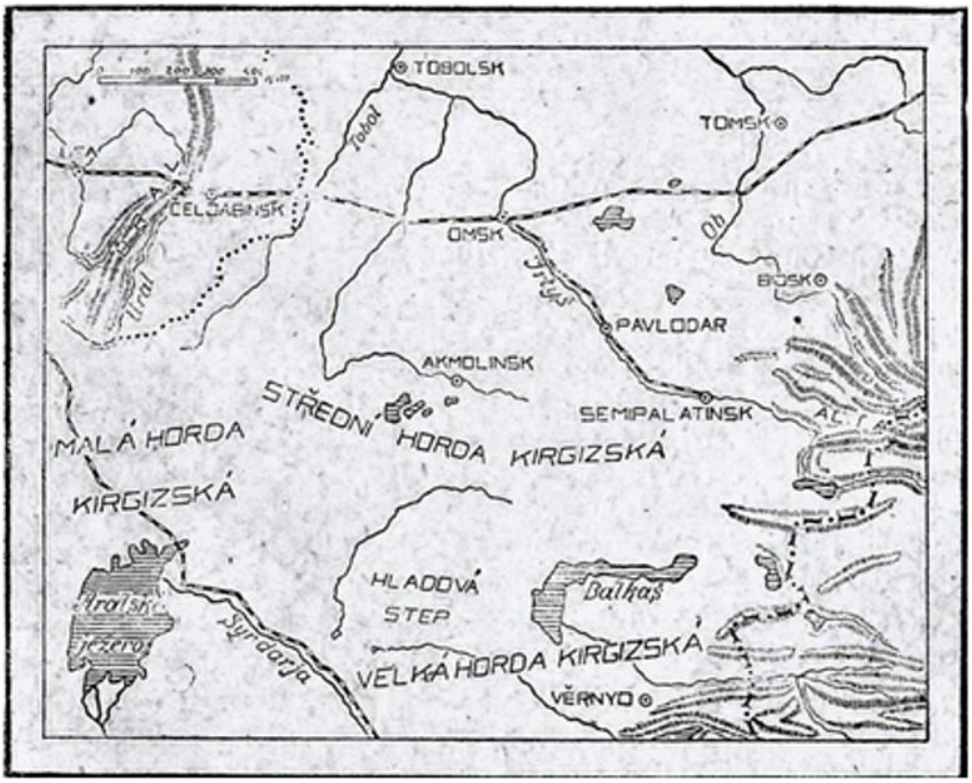
Дереккөздерді іріктеу бірнеше критерий негізінде жүзеге асырылды: біріншіден, құжаттың 1917-1920 жылдардағы Алаш Орда, Чехословак корпусы және Башқұрт автономиясының өзара қарым-қатынасына тікелей қатыстылығы; екіншіден, автордың оқиғалардың тікелей куәгері немесе қатысушысы болуы; үшіншіден, құжаттың түпнұсқалығы мен ғылыми сенімділігі; төртіншіден, бұрын ғылыми айналымға енгізілу деңгейі және зерттеу жаңалығын қамтамасыз ету мүмкіндігі.

Салыстырмалы-тарихи талдау барысында Франтишек Шип, Павел Финк, Индржих Дворжак және басқа да легионерлердің естеліктерінде баяндалған оқиғалар А.З. Уәлидовтың мемуарлық еңбектерімен, Алаш Орда үкіметінің ресми басылымдары – «Қазақ» және «Сарыарқа» газеттеріндегі жарияланымдармен, сондай-ақ ҚР ҰҚК Арнайы мемлекеттік архивіндегі құпиясыздандырылған тергеу-сот материалдарымен өзара салыстырылды. Мұндай салыстыру оқиғалардың хронологиясын, қатысушылар құрамын, келіссөздердің мазмұнын және әскери-саяси ынтымақтастыққа қатысты мәліметтердің сәйкестігін тексеруге мүмкіндік берді.

Зерттеуде тарихи-салыстырмалы, деректанулық сын, тарихи-сараптамалық талдау және дереккөздерді интерпретациялау әдістері кешенді түрде қолданылды. Әрбір дереккөздің шығу тегі, авторлығы, жазылу уақыты, мақсат-міндеті және ақпараттық құндылығы бағаланып, әртүрлі сипаттағы деректерді өзара верификациялау қағидаты сақталды. Осындай кешенді әдіснамалық тәсіл XX ғасыр басындағы Алаш Орда үкіметінің қызметін жаңа тарихи деректер негізінде неғұрлым толық әрі объективті қайта зерделеуге мүмкіндік береді.

Талдау. Осы мақалада зерттеліп, талданатын тың тарихи мәліметтерді 1914-1918 жылдары Ресей империясы армиясының әскери тұтқыны ретінде Қазақ даласында жүріп, 1918 жылы Сібірде Чехословак корпусына қабылданған Индржих Дворжактың (Jindřich Dvořák) «Қазақ ортасында» («U Kazachů») атты естелік кітабы [Dvorak, 1921: 70], чех легионері Франтишек Шиптің «Біздің Сібір армиямыздың экономикасы туралы бірнеше тарау» [Šíp, 1921, Sv.1: 87], Павел Финктің «Ақ адмирал. Қазақтар мен шехтар» [Fink, 1921: 70], Эмиль Досталдың «Әулие Вацлав – Ресейдегі чехословак қарсылығының қамқоршысы: шетелдік қарсылық архивінің құжаттары» [Dostal, 1921: 69], Антонин Беднарждың «Қарсылық жолы (Чехословак легионы қалай күн көрді және қайда ұмтылды). II бөлім» [Díl, 1927: 354-357] атты естеліктер мен мәдени-этнографиялық зерттеулер, күнделіктер мен эсселер құрайды. Бұл жаңа дереккөздерінен Алаш Орда үкіметі мен Чехословак корпусының одақтық байланысы мен Кеңес өкіметіне қарсы бірлескен соғысы ғана емес, 1917 жылғы Ақпан төңкерісі мен оған дейінгі қазақ халқының тыныс-тіршілігі туралы осы уақытқа дейін ғылыми айналымда болмаған беймәлім әрі маңызды тарихи мәліметтер табылады. Мысалға И. Дворжак «Қазақ ортасында» атты естелік кітабында Ресейдегі патшалық билікті құлатқан 1917 жылғы Ақпан төңкерісіне дейін оның отарлығында болған қазақ халқының әлеуметтік-экономикалық ахуалын, ұлттық салт-дәстүрін, жалпы мәдениетінің ерекшелігі мен ұлттық құндылықтарын ешбір бояусыз анық бейнелейді. «Алаш» партиясы мен Алаш Орда үкіметінің Оған шығармада берілген кең-байтақ қазақ өлкесінің Кіші, Ұлы және Орта жүздердің дәстүрлі жерлері географиялық картасы [сур. 1], Бурабай көлі [сур. 2], қазақ ауылы [сур. 3], қазақтар мен легионерлердің бірге түскен [сур. 4], қазақтың қонақжай дастарханы және т.б. 19 фотосуретінен көз жеткіземіз [Дворжак, 2026].

Чех жазушысы, журналист Павел Финк 1914 жылдың тұтқынға түсіп, Чехословак корпусына легионер болып қабылданған 1917 жылға дейін Орал мен Сібірде қазақпен жақын араласып тұрған. Легионның Сібірде шығып тұрған «Чехословак күнделігі» газетінің редакциясында қызмет еткен. Чехословак легионымен бірге 1920 жылы тамызда туған еліне оралған соң, 1921 жылы Чехияда «Қазақтар және шехтар» атты күнделігін кітапша етіп шығарды [Fink, 1921].



Сур. 1 – Кіші, Орта және Ұлы жүздердің дәстүрлі жерлері географиялық картасы (И. Дворжактың «Қазақ арасында» кітабынан)



Сур. 2 – Бурабай көлі (И. Дворжактың «Қазақ арасында» кітабынан)



Сур. 3 – Қазақ ауылы (И. Дворжактың «Қазақ арасында» кітабынан)



Сур. 4 – Қазақтар мен чехословактар (И. Дворжактың «Қазақ арасында» кітабынан)

«Қазақтар – ең сүйкімді халық»

«Шехтар» – тағдырдың жазуымен Сібір даласына айдап әкелген бізді, чехословактарды, қазақтар осылай атайтын», – деп бастайды өз күнделігін П. Финк. Оның мәлімдеуінше, бәлшебектерге жеңісті соққы берілген кезде қазақ арасында чехтар жайында «саны 700 мыңға жуық қарулы сарбаз; бәрі ұзын бойлы, көрікті, кавказдықтар секілді басынан аяғына дейін қару асынған; олардың отаны Сібірдің арғы бетінде жатқан жұмбақ ел; өздерінің тыңшылары арқылы бәлшебектердің Сібірде жасаған зорлық-зомбылығын біліп, жапондармен бірге Сібірге келіп, бәлшебекке соққы беріп аз уақытта қуып шықты» деген аңыз шыққан [Fink, 1921: 54]. «Сарыарқа» газеті «Бұлар... (чехословактар. – Авт.) 100-700 мың болатын», – деп бұл аңызды жартылай растады [Сарыарқа, 2023: 428]. Бұл аңыз, П. Финктің пікірінше, чехословак армиясының небір таңқаларлық ру-тайпадан құралған елдің өміріне қаншалықты терең кіргенінің құнды және қызық дәлелі болды. Сонымен бірге ол чехословактардың бір мұхиттан екінші мұхитқа дейінгі қиын-қыстау жолында ұшыратқан халықтар мен тайпалардың ішінен ең сүйкімдісі – қазақтар деп санайды [Fink, 1921: 59].

Қазақтар – Орта Азияның ең үлкен көшпелі халқы

П. Финктің өзі де қазақтың кең-байтақ даласын, оның флорасы мен фаунасын, ауасы мен самал желін, Ұлы дала қазағының тұрмыс-тіршілігін, салт-дәстүрін, мәдениетін көшпелі мал шаруашылығын, киіз үйінің ішкі жасауын, ашық мінезін, дене бітімін, ұлттық киім-кешегіне дейін зор сағынышпен сүреттейді. «Қазақтың арасында өткізген сәттерім тұтқындағы бейшара кезімнің ең жылы алданышы болды. Ол ұзақ уақыт еске алатын боламын, білемін..» деп жазады күнделік авторы.

Қазақтар, чех легионерінің пікірінше, Орта Азияның ең үлкен көшпелі халқы. Тянь-Шань тауының солтүстік етегіндегі халықты чехтар «қырғыз» деп біледі. Ал Жайық пен Ертістің төменгі

ағысын мекендеген «қырғыз» тайпаларының бәрі түгел қазақ аталады. Осы жерде ескерте кету керек: орыс әдебиеті мен ресми құжаттарында 1925 жылға дейін қазақ «қырғыз», ал қырғыз – «қара-қырғыз» немесе «жабайы тас қырғыз» деп жазылды [Бөкейхан, 2018: 8 т.: 279]. Қазақ пен қырғыздың тіл, киім, салт-дәстүр, жалпы тұрмыс-тіршілігінде айырмашылығы шамалы. Үлкен айырмашылық тек санында – қырғыз 300 мыңға жуық болса, қазақ – 3 млн-нан асады [Fink, 1921: 61].

Әрине, қазақ арасына әскери тұтқын болып келген П. Финктің 9 облыс, 1 гүберне және Закаспий облысы мен Алтай гүбернесінің бірнеше оязын мекендеген қазақ халқының дәл санын білуі мүмкін емес. Ресей империясындағы 1897 жылғы халық санағына сәйкес, көшпелі тіршілігіне байланысты санаққа толық іліндеген қазақтың саны 4,084 млн болса, 1914 жылғы Бірінші дүниежүзілік соғыстың қарсаңында – 6,47 млн болатын [Еңбекші қазақ, 1924].

Қазақ – нағыз дала сұңқары

Чех легионері П. Финк қазақтың дене бітімі, бет-жүзі, күш-қуаты, ат құлағында ойнаған ептілігін, жаздың ыстығы мен желін, қыстың қақаған аязы мен боранын, аштық пен шөлін оңай төзетінін сипаттай келіп, оның «дала қасқыры» деген атымен келіспей, шапшаңдығы мен көзінің қырағылығына сай «*нағыз дала сұңқары*» деп атаған әділ болады деп мәлімдейді [Fink, 1921].

Келесі чех легионері Антонин Беднарж «Семейде» атты шағын естелігінде аталған қалада орыспен қатар қазақ және татармен де жиі араласқанын жазады. Қазақтар оған кедейлеу көрінген. Себебі олар көбіне қара жұмысқа жалданатын не жолаушы тасушы болып істейтін. Өзен (Ертіс) жағалауындағы үлкен жүк кемесіне қайықпен жүзіп келіп, бұрынғыша қолымен жүк тиеп жатқан жұмысшылар тобы автордың есінде қалыпты. Жұмысшы қазақтар Сібір өзендеріндегі аралдарда әсіресе жаз бойы ашық аспан астында еш көрпе-төсексіз түнеп, ішкен тамағы тым жұпыны – қара нан мен шай болыпты.

А. Беднарж қазақтың кедейшілікке душар болуының себебін жақсы біледі. Оның пікірінше, қазақтың кең-байтақ даласы өзінің туған баласын (қазаұты) да асырай алмайтын халге жеткен. Ал оның себебі: орыс, украин, латыш, неміс, эстон және тағы басқа жат халықтар егін-жайға дала алқаптарын қайта-қайта тартып алып жатыр, нәтижесінде дала жері үнемі тарылып келеді.

Естелігі соңында автор қазақтың өте қонақжай, қызметшіл халық екенін [сур. 5], Семейде қазақтарға жиі қонақта атынын, әсіресе жазды олардың қымызын сүйсініп ішетінін жазады. Өзара саясат жайында сөз бола қалса, қазақтар үнемі Түркиядан бастап бүкіл мұсылман әлемін қолдайтын болған [Díl, 1927: 354-357].



Сур. 5 – Чехословактар қазақ үйінде қонақта (И. Дворжактың «Қазақ арасында» кітабынан)

Чехия мен Словакияның тың дереккөздерінде Әлихан Бөкейхан бастаған Алаш Орда үкіметі мен оның мүшелері, Чехословак әскерінің Челябинскідегі съезіне Алаш Орда өкілдерінің қатысқаны, екі жақтың Омбы мен Уфа қалаларында өткізген екіжақты келіссөзі және Алаш армиясы мен

Чехословак корпусының бірлесіп, Омбы, Самар және т.б. қалаларды бәлшебектерден азат еткен осыған дейін ғылыми айналымда зерттелмеген жаңа деректер табылды.

Нәтиже. Чехословак корпусы (ЧСК) Бірінші дүниежүзілік соғыс жылдарында Ресей армиясының құрамында негізінен Ресей империясы аумағында тұрған чех пен словактардан және Аустрия-Мажарстан империясының армиясы құрамында соғысып, Германия мен Аустрия-Мажарстанға қарсы Антанта блогы жағында соғысуды қалаған чех пен словак әскери тұтқындарынан 1914 жылы жасақталған ұлттық әскери құрама болды. Аустрия-Мажарстан империясы армиясының қатарында соғысып жүріп, патшалық Ресей армиясының тұтқынындағы чех пен словактардың едәуір бөлігі Дала облыстарында тұрып, қазақ халқымен жақын араласқан. 1917 жылдың қыркүйегінде түмен (дивизия) мен бір бригададан құрылған дербес ЧСК жасақталды [Zhussip, Nurpeisov, 2025: 1097]. 1918 жылдың қаңтарында ресми түрде француз армиясының құрамдас бөлігі деп жарияланып, француз армиясына бағынды. Легионерлер корпусы құрылған сәтінен 1918 жылдың көктеміне дейін Украина жерінде тұрды. Оларды Ресейден Францияға жөнелтетін ең төте жолы Архангельскі мен Мурманскіден теңіз арқылы болатын. Наурыз айының соңында Кеңес өкіметі мен Ресейдегі Чехословак ұлттық кеңесі (ЧСҰК) және ЧСК легионерлерді еш бөгетсіз Пензадан Владивостокқа қарай аттандыру туралы өзара келісімге келді. 1918 жылдың басында шамамен 35 мыңдай жауынгері бар ЧСК Ресей аумағында 4 топқа, басқа дерекке сәйкес, 6 топқа бөлініп шашырап тұрды [Новиков, 2018: 98]. Олардың бір тобы Сібірдің Омбы қаласынан Ново-Николаев (қазіргі Новосібір. – Авт.) пен Марийнскіге дейін бытырай орналасқан болса, тағы бір тобы Оралда Челябинскі қаласы ауданында, корпустың 14 мыңдай жауынгері бар ең ірі тобы Владивосток қаласына жетіп үлгерген.

Осы кезде Кеңес өкіметі ЧСК-мен арадағы наурыз келісімін бұзып, чехословак эшелондарын Владивостокқа қарай өткізбеуге бұрық берген. «Сарыарқа» газетінің хабарлауынша, өзіне қарсы чехословактың 40 мыңдық әскерін батыс майданға салу жоспарын білген Германия Кеңес өкіметінен ол легионды түгел қарусыздандырып, таратып жіберуді талап еткен [Сарыарқа, 1918. № 45: 1]. 16-20 мамырда Челябинскіде болып өткен чехословак әскерилерінің съезі бәлшебек өкіметімен байланысты бұзу, қару-жарақты бермеу және Владивостокқа өз бетінше қозғала беру туралы қаулы қабылдады. Чехословак легионерлері съезд сайланған «Уақытша атқару комитетіне ғана бағынамыз» деп шешті.

Алаш Орда үкіметінің чехословак легионымен арадағы байланысы осы кезден басталған. Кеңес өкіметіне қарсы көтеріліске шыққан ЧСК аз уақыттың ішінде Оралдың Челябі, Златоуст, Уфа, Орынбор, Еділдің (Поволжье) екі жағындағы Самара, Пенза, Кузнецк, Сызрань қалаларын, Донды, Сібірдің Алаш территориясы деп жарияланған Қызылжар (Петропавл), Қорған (Курган) қалаларын азат етіп, Омбыға жол ашқан; Алаш әскерімен бірге Торғай облысын (Қостанай, Тройцк), Ақмола, Семейді бәлшебектен азат еткен [Сарыарқа, 1918. № 45: 1].

Бұрынғы чехословак легионері Индржих Дворжак өзінің «Қазақ ортасында» кітабында қазақ өкілдерімен, яғни Алаш Орда үкіметі мүшелерімен, ресми байланысы Омбы қаласында басталғанын жазады. Бұл байланыс легион үшін өте маңызды болған. Себебі чехословак әскері бәлшебектерге қарсы соғыста қару-жарақ пен жылқыға аса мұқтаж болған [Дворжак, 2026: 91]. Легионер Франтишек Шип бұл мұқтаждықты растап, чехословак легионы Украинадан шыққан кезде әрбір эшелонға 1-2 жұп қана жылқы қалып, қалғанын Курск-Орел-Воронеж жолында кеңес өкіметіне тапсыруға тура келген. Сібірде бәлшебектерге қарсы соғыс басталғанда барлаушы атты жасақтар мен полктар, зеңбіректерді тасымалдау, әскерді қамтамасыз ету және т.б. үшін жылқыға деген зор сұраныс сезілген [Šíp, 1921]. Атты әскері болған бәлшебектердің чехословак корпусы алдында үлкен басымдығы болып, олар легионның тылына терең бойлап кіріп, жеке әскери бөлімдерге соққы беріп, шегіну жолдарын кесіп отырған. Демек Омбыда жай чехословак-қазақ байланысы емес, чехословак корпусы мен Алаш Орда арасындағы тұңғыш келіссөздердің бірі деуге толық негіз бар. Оған чехословак корпусының жоғарғы қолбасшылығынан кімдер қатысқаны беймәлім, кіші офицерлерден поручик (аға лейтенант) Индржих Дворжак пен 40-50 мыңдық легионды қаржылай қамтамасыз етуге жауаптфы офицер Франтишек Шиптің болғаны олардың өз естеліктерінен анықтады. Ал Алаш Орда жағынан үкімет төрағасы (премьер-министр) Әлихан Бөкейхан, үкімет мүшелері Айдархан Тұрлыбай (Турлубаев) мен Уәлитхан Танаш (Танашев, Таначев) және патша армиясының бұрынғы капитаны қатысқан, тегі қазақ [Дворжак, 2026: 91]. Ол капитан Хамит Тоқтамыс (Тохтамышев) болды деуге дәлел бар. Бірінші дәлелі: Омбыдағы кездесуден кейін капитан Тоқтамыс - Алаш Орда үкіметі құрамында құрылатын, қорғаныс министрлігінің құзыры мен міндеттері жүктелген Әскери Кеңестің меңгерушісі, қазіргі тілмен айтқанда қазақтың тұңғыш қорғаныс министрі қызметіне тағайындалды [Бөкейхан, 2018. 10 т.: 457]. Екінші дәлел: чехословак әскерилерінің Челябинскідегі съезіне құрметті

қонақ ретінде Әлихан Бөкейхан бастаған Алаш Орда өкілдері қатысып, бірінші Алаш атты полкының қолбасшысы Хамит Тоқтамыс Алаш Орда атынан құттықтап сөз сөйлеген.

Тағы бір чех легионері Эмиль Достал шетелдіктердің Ресейдегі чехословак легионерлерін 1918 жылы Әулие Вацлав күні мерекесімен құттықтауларының жинағын кітапша етіп басып шығарда. Жинақта Алаш Орда үкіметінің мүшесі, Түркістан мұхтариатының (Қоқан аутономиясы, 1917-1918 жж.) бұрынғы сыртқы істер министрі әрі оның соңғы Премьер-Министрі болған Мұстафа Шоқайдың да құттықтаған жеделхаты да берілген. Бірақ ол чехословак легионерлерін Бүкілресейлік Құрылтай жиналысы мүшелерінің Бүкілресейлік съезінің Төралқасы мен Кеңсесі атынан Әулие Вацлав күні ұлттық мерекесімен құттықтайды. Құжатта ол чехословактарды «бауырларым» деп атаған: «Тарих чехословак бауырларымыздың зор еңбегін әділ мойындады: олар Ресейді демократия мұратына сүйеніп азат етіп, қайта жаңғыру жолында орасан зор құрбандыққа барды. Жасасын біздің чехослдовак бауырларымыз! Құрылтай жиналысы мүшелерінің Бүкілресейлік съезі төрағасының көмекшісі Шоқай» [Dostal, 1929: 69].

И. Дворжак өз кітабында Ә. Бөкейханды «Алаш үкіметінің төрағасы, білікті заңгер» деп, А. Тұрлыбай мен У. Танашты мамандықтарын атамай «осы үкіметтің мүшелері, Петербург университетін бітірген» деп таныстырады [Дворжак, 2026: 88]. Тарихи фактыға сүйенсек, Ә.Н. Бөкейханның мамандығы заңгер емес, С.-Петербордың Орман институтын II дәрежелі ормантанушы-ғалым мамандығы бойынша 1894 жылы бітірді [СПб ОМТА. Қ.994. Т.4. Іс.910. П.33]. Расталмаған тағы бір дерекке сәйкес, ол 1893 жылы С.-Петербор императорлық университетінің заң факультетінің курсын экстерн түрінде тапсырған [Мәкенбаев, Садуақасов, 1992]. А. Тұрлыбай 1902 жылы С.-Петербор университетінің заң факультетін, У. Танаш та – заңгер мамандығы бойынша Қазан университетін 1912 жылы бітірді.

Ф. Шиптің естелігіне қарағанда, Омбыдағы келіссөзде тараптар жылқы мәселесі бойынша келісімге келе алмаған, немесе басқа мәселелер талдануы мүмкін. Бірақ И. Дворжак Омбы кездесуінің барысында Алаш Орда төрағасы Ә. Бөкейханның өз халқының отарлық езгісінде бастан кешкен қайғы-қасіретін чехословак халқының көрген азабымен салыстырып, қазақ даласының тәуелсіздігін аңсайтынын айтқанын есіне алып, одан ерекше әсер алғанын жазады. Ә. Бөкейхан бұл әңгімесін кейін «Сарыарқа» газетіндегі «Саяси әңгіме» атты тізбекті мақаласының бірінде келтіріп, халқын тәуелсіздікке жету жолында чехословактан үлгі алуға шақырды: «*Мына бізді, орысты өткен жаз көпшілден (бәлшебектен. – Авт.) құтқарған Шехословак ерлік көрсеткен азамат жігіттің арқасында жұрт болып отыр: Шехословак 400 жыл көрші елдің ноқтасында жүрген... Ойлан, Алаш! Ұғын, қазақ! Аутономия алу оңай емес, аз күнде жарыққа шықпайды, болмай қоймайды*» [Сарыарқа, 2023: 560].

Кезекті келіссөз Уфа қаласында болып, ол нәтижелі болған. Омбыдағы келіссөзге де қатысқан Ф. Шип Уфада Алаш Орда үкіметінің төрағасы Әлихан Бөкейханмен чехословак әскеріне көмекке 2000 жылқы алуға келісімге қол жеткізгенін мәлімдейді. Келісімге Уфадағы мұсылман басқармасының ғимаратында қол қойылған. Легионға 2000 жылқы Семей облысынан (естелікте «аймақ» делінген. – Авт.) жеткізілген. «*Алаш Орда одан басқа көмек бере алмады, себебі өзі еріктілердің 2 атты полкын жасақтап жатты*», – дейді легионер Франтишек Шип [Šíp, 1921].

Назар аударатын бір маңызды мәселе: Аутономиялы Башқұрт үкіметінің бұрынғы мүшесі Ахмет-Зәки Уәлидовтың (шетелге кеткен соң Зәки Уәлиди Тоган деп өзгертті. – Авт.) мәлімдеуінше, башқұрт әскерінің құрамалары тек ЧСК берген қару-жарақпен ғана қаруланған [Тоган, 1994: 243]. Қазақтың тұрақты ұлттық қарулы күштерін – Алаш армиясын құру барысында Алаш Орда үкіметі қару-жарақ, жалпы әскери-техникалық жабдықтарға аса тапшы болды. Алаш Орда төрағасы (премьер-министр) Әлихан Бөкейхан НКВД тергеушісіне берген жауабында атты казактар мен Бірінші дүниежүзілік соғыстан қайтқан орыс мұжық-жауынгерлерінен сатып алған; 1918 жылы Ахмет Байтұрсынұлы мен Міржақып Дулатты қару сатып алу үшін Қытайдың Құлжа қаласына жөнелткенін мәлімдеді [РФ ФҚҚ ОА. Қ. Р-34862: 29]. Ал 1919 жылы Райымжан Мәрсек Алаш Орда атынан Жапония үкіметіне берген құзырхатында (петиция) Алаш Орда, Түркістан және Башқұрстан 40-50 мың сарбазды жұмылдыра алса, олар бәлшебектерді өз жерлерінен қуып шыға алады. Алаш Орда үшін 150-200 мың сарбазды армия қатарына алу қиын емес, бірақ негізгі мәселе – қару-жарақ пен оқ-дәрінің жоқтығы деп мәлімдеді [JACAR. B03051221900: 28]. Қару-жарақка осындай тапшылыққа қарамастан, Алаш Орда үкіметі ЧСК-ға 2000 жылқы мен қару-жарақ түрінде көмек берді.

Чехо-словак корпусының бәлшебектерге қарсы Алаш және атты казак әскерлерімен бірлесіп соғысқаны Франция дереккөздерінен де табылды. Мысалы, «Le Temps» газеті 1918 жылдың маусымында Чехо-словак корпусының «Алаш» және атты казак әскерлерімен бірлесіп Омбы қаласын азат етіп, бәлшебектің қызыл армиясына зор шығын келтіргенін [Le Temps, 1918], ал «La Croix des Alpes et de Provence» басылымы легионерлер қазақтар мен казақтардың қолдауымен Омбыға қоса Транссібір теміржолы бойындағы маңызды теміржол бекетінің бірі – Самара қаласын басып алғанын және Сібірді Ресейден бөліп тастағанын хабарлады [La Croix des Alpes et de Provence, 1918].

Осылай чехословак корпусы 1918 жылдың мамыр айында Кеңес өкіметімен байланысын күрт үзіп, Қиыр Шығыс, Трансібір теміржолы бойын, Сібірді, Орал, Еділ-Жайық (Поволжье) өңірін түгел бәлшебек кеңестерінен азат етіп, заңды (легитимді) және беделді орталық биліксіз қалған Ресейде Бүкілресейлік антибәлшебектік КомУч, Уфа директориясы үкіметтерінің құрылуына және 1917 жылы желтоқсан айында II Жалпы қазақ-қырғыз құрылтайының қаусымен ресми түрде болашақ Ресей федерациясының аутономиясы (субъектісі) ретінде құрылған, бірақ де-факто егеменді Алаш, Башқұрт үкіметтерінің өз міндеттерін атқаруға кірісуіне жағдай жасады [Нурпеисов, Жүсіп, 2021: 17]. Оны Алаш Орда Кеңесінің төрағасы Әлихан Бөкейхан Алаш Орданың облыстық және ояздық бөлімдеріне 11 маусымда (ескі күнтізбе) жолдаған жеделхаты растайды. Құжатта «*Екінші қазақ-қырғыз сиезінің қаулысы бойынша 11-24-інші июнде Алаш Орда Алаш қаласында іске кірісті. Сібір һәм Башқұртстан аутономияларымен ынтымағы бар. Алаш Орданың облосной һәм уездни советтерін құруыңыз жөн... Жергілікті Алаш Орда сәбеттері уақытша қазақ халқының саяси һәм мәдени істерін қарай тұрады*» делінген. Жеделхатта, сондай-ақ, 1917-1918 жылдардың салығын жинауды, «Алаш» әскеріне жауынгер шақырып, әскери бөлімдер жасақтауға бұйрық берді [Қазақ, 1918: №61(262): 1].

1918 жылдың соңына қарай чехословак легионы Ақтар қозғалысы жағында бәлшебектерге соғыс қимылдарынан бас тартып, оның бөлімдері Сібірдегі Транссібір магистралінің бойына шоғырланды. Бірінші дүниежүзілік соғыстың Антанта жеңісімен аяқталғаны және 28 қазанда Чехословакияның тәуелсіздік алғаны туралы хабар легионерлерді отанына оралуға асықтырды. Чехословакияның әскер министрі Милан Штефаник 1918 жылдың желтоқсанында Ресейдегі Чехо-словак корпусының барлық бөліміне өз шептерін майданды тастап, өз шептерін Ақтар қозғалысының әскеріне тапсыруға бұйрық берді. Осы кезде чехословак легионерлері 72,5 мыңнан асқан еді.

Чехословак легионымен одақтас Алаш Орда үкіметі М. Штефаниктің осы бұйрығынан кейін енді Чехословакияның өзімен саяси ынтымақтасу мақсатында чехословак консулымен кездесуге 1918 жылдың желтоқсанында өзінің өкілі Райымжан Мәрсекті (Раимджан Марсеков) Владивостокқа аттандырды. Осы кезде Р. Мәрсек – Алаш Орданың Семей облыстың кеңесінің мүшесі әрі Семей облыстық земство басқармасының төрағасы болды.

Владивостокқа 1919 жылдың қаңтарында жеткен ол алдымен чехословак үкіметінің Қиыр Шығыстағы сенімді өкілі (консул) Вацлаф Гирсамен кездесіп, келіссөз жүргізді. Р. Мәрсек консулға қазақ пен бүкіл Сібір халқы Ресейдің бұрынғы патшалық билігін қайта орнатуды көздейтін адмирал Колчактың үкіметін қолдамайтынын мәлімдеп, ондай үкіметке көмек көрсетпеуге шақырды. Одан бөлек Алаш Республикасы мен оның түркітілдес жақын одақтастары Түркістан мен Башқұртстанның де-факто мемлекеттігі мен тәуелсіздігін мойындау мәселесін көтерген болуы ықтимал. Себебі чехословак консулынан кейін АҚШ пен Жапонияның дипломатиялық өкілдерімен келіссөзінде Р. Мәрсек дәл осылай Алаш Орда мен оның одақтастарының тәуелсіздігін мойындауды және Париждегі бейбіт конференцияға жиналған алып мемлекеттердің де мойындауына дипломатиялық ықпал етуді өтінген болатын [JACAR. B03051221900: 26-30.]. Консул В. Гирса Алаш Орда үкіметінің өкілі Р. Мәрсекті жылы қабылдап, оның барлық өтінішін чехословак үкіметіне жеткізуге уәде берген [ҚР ҰҚК АММ. Қ.9. Т.1. Іс.305. П.193].

1919 жылдың 1 ақпанында атауы «Ресейдегі Чехословак армиясы» (ЧСА) деп өзгерген чехословак легионы Үркіттен (Иркутск) Владивостокқа дейінгі сапары барысында Алаш Орда үкіметіне тағы бір жақсы көмек берді. Бәлшебектің соққысынан өзінің әскери штабы мен кеңсесін және Ресейдің алтын қорын алып Омбыдан Үркітке қашқан адмирал Колчакты чехословак армиясы қамауға алды. 15 қаңтарда ЧСА басшылығы А. Колчакты Үркітті басып алған эсерлер мен меншебектердің «Политцентр» ұйымының қолына берді. 7 ақпанда адмирал Колчак атылды. Осы күні ЧСА мен бәлшебектің Қызыл армиясы өзара бітім туралы келісімге қол қойып, легионерлердің Қиыр Шығысқа жетіп, отанына оралуына жол ашылды.

Қорытынды. Чехословак корпусының Кеңес өкіметіне қарсы 1918 жылдың мамыр айында басталған көтерілісі тарих ғылымы тұрғысынан зерттеліп, талданып, лайықты бағасын алған емес. Бірақ чехословак көтерілісі Ресейдің өзі үшін де және әсіресе оның бұрынғы отар ұлттары мен халықтары және облыстары үшін де өте маңызды болды. Себебі, біріншіден, 1917 жылдың 25 қазанында (7 қараша) бәлшебек партиясы қарулы бүлікпен Бүкілресейлік Уақытша үкіметті құлатып, Ресейдің орталық билігін басып алғаннан кейін, екіншіден – 1918 жылдың 6(19) қаңтарында Ресейдің жалпы халық сайлаған соңғы заңды (легитимді) билігі – Бүкілресейлік Құрылтай жиналысын қантөгіспен қуып таратқан күнінен бастап сол жылдың мамыр айына дейінгі 7 ай бойы Ресейдің демократияшыл күштері бірігіп, бәлшебектерге қарсы ешқандай қарулы қарсылық көрсете алмады. Бәлшебектердің заңсыз әрі қылмысты диктатурасына бірінші болып ойсырата соққы берген ЧСК болды. Аз уақыттың ішінде ЧСК бөлімдері Қиыр Шығыс пен Сібірді және Орал мен Еділ-Жайық (Поволжье) өңірін бәлшебектерден азат етті. Соның нәтижесінде ғана 1918 жылдың маусым айында алғашқы антибәлшебектік үкімет мәртебесіне дәмеленген Бүкілресейлік Құрылтай жиналысы мүшелерінің комитеті, Сібір аутономиясы құрылып, 1917 жылы құрылған Алаш Орда, Башқұрт сынды ұлттық үкіметтердің іске кірісуіне жағдай жасап берді.

Дереккөздер

ҚР ҰҚК АМА – Қазақстан Республикасы Ұлттық қауіпсіздік комитетінің Арнайы мемлекеттік архиві
СПб ОМТА – Санкт-Петербург Орталық мемлекеттік тарихи архиві
РФ ФҚҚ ОА – Ресей Федерациясының Федералдық қауіпсіздік қызметінің Орталық архиві
JACAR – Жапон Азия тарихи құжаттар орталығы

Sources

QR UQK AMA – Qazaqstan Respublikasy Ulttyq Qauipsizdik Komitetiniń Arnaıy Memlekettik Arhivi [Special State Archive of the National Security Committee of the Republic of Kazakhstan].

SPb OMTA – Sankt-Peterburg Ortalyq memlekettik tarihy arhivi [Central State Historical Archive of Saint Petersburg]

RF FQQ OA – Resei Federatsiasynyń Federaldyq Qauipsizdik Qyzmetiniń Ortalyq Arhivi [Central Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation].

JACAR – Japon Aziia Tarihy Qujattar Ortalyǵy [Japan Center for Asian Historical Records]

Әдебиеттер

Díl, 1927 – *Díl Antonin Bědnař.* Cestami odboje (Jak žily a kudy táhly čs. legie). II. 1927.

Dostal, 1921 – *Dostal Emil.* Svatý Václav patronem čsl. odboje na Rusi: dokumenty ze zahraničních odbojových spisů. Praha: knihovna «Života», 1921. 69 c.

Dvorak, 1921 – *Dvorak Jindrich.*U Kazachů – Praha: Česká grafická Unie, 1921. 70 stránek.

Fink, 1921 – *Fink Pavel.* Bílý admirál. Kirgizy a Šichy, 1921.

La Croix des Alpes et de Provence, 1918 – *La Croix des Alpes et de Provence*, 1918. 30 juin.

Le Temps, 1918 – *Le Temps,* 1918 жыл, 22 маусым («Le Temps («Лё Тан») француздардың күнделікті республикалық газеті, 1861-1942 жж. бастапқыда либералды басылым, кейін Франция сыртқы істер министрлігінің ресми басылымы ретінде шығып тұрды).

Šíp, 1921 – *Šíp František.* Několik kapitol o hospodářství naší sibiřské armády. Roč. IV. Naše revoluce, 1921. Sv.1. 87 s.

Zhussip, Nurpeisov, 2025 – *Zhussip S.A., Nurpeisov E.K., Maslov Kh.B.* Alash Orda's sovereign Foreign policy: negotiations with the Czechoslovak Delegation (1918-1920) // Otan tarihy. 2025. Vol. 28. №4. Pp. 1091-1106. [In Eng.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_4_1091-1106

Бөкейхан, 2018 – *Бөкейхан Ә.* Шығармалары – Сочинения. 10 т. / Әлихан Бөкейхан. Толықт. Үшінші басылым. Астана: «Алашорда» ҚҚ, 2018. 618 б.

Бөкейхан, 2018 – *Бөкейхан Ә.* Шығармалары – Сочинения. 8 т. / Әлихан Бөкейхан. Толықт. Үшінші басылым. Астана: «Алашорда» ҚҚ, 2018. 600 б.

Дворжак, 2026 – *Дворжак Индржих.* Қазақтар арасында. Алматы: «Баянжүрек» баспасы, 2026. 96 б.

Еңбекші қазақ, 1924 – *Еңбекші қазақ*, 1924. 28 қазан.

Қазақ, 1918 – *Қазақ.* 1918. 30.06. № 61 (262).

Мәкенбаев Қ., Садуақасов Қ., 1992 – *Мәкенбаев Қ., Садуақасов Қ.* Әлімхан Ермеков. Жезқазған, 1992. 25 б.

Новиков, 2018 – *Новиков, П.А.* Бои в Восточной Сибири в мае-августе 1918 г. // Белая Сибирь. Коллективная монография к 100-летию сражений Гражданской войны. Иркутск. 2018. 98 с.

Нурпеисов, Жүсіп, 2021 – *Нурпеисов Е.К., Жүсіп С.А*. Республика Алаш: де-юре и де-факто // Право и государство. 2021. № 3 (92). Сс. 6-25.

Сарыарқа, 1918 – *Сарыарқа*. 1918. 04.07. №45.

Сарыарқа, 2023 – *Сарыарқа, 1917-1919* /«Сарыарқа» газеті. 1917-1919 жж./ Құраст. Ғ. Әнес, Т. Замзаева, А. Мырзағали. Алматы: «Алашорда» ҚҚ, 2023. 808 б.

Тоган, 1994 – *Тоган Заки Валиди*. Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Кн. I. Уфа: «Кітап», 1994. 204 с.

References

Díl, 1927 – *Díl Antonin Bědnař.* Cestami odboje (Jak žily a kudy táhly čs. legie). II. 1927. [in Czech]

Dostal, 1921 – *Dostal Emil.* Svatý Václav patronem čsl. odboje na Rusi: dokumenty ze zahraničních odbojových spisů. Praha: knihovna «Života», 1921. 69 c. [in Czech]

Dvorak, 1921 – *Dvorak Jindrich.*U Kazachů – Praha: Česká grafická Unie, 1921. 70 stránek. [in Czech]

Fink, 1921 – *Fink Pavel.* Bílý admirál. Kirgizy a Šichy, 1921. [in Czech]

La Croix des Alpes et de Provence, 1918 – *La Croix des Alpes et de Provence*, 1918. 30 Juin.

Le Temps, 1918 – *Le Temps,* 22 June 1918 (Frantsuzdardyń kyndelikti respïkalıq gazeti, 1861-1942 jj. bastapqıda liberaldy basylym, keyin Frantsïya syrtqy ister mïnïstrliginiń resmï basylymy retinde shyǵyp turdy [French daily republican newspaper published from 1861 to 1942. Initially a liberal publication, it later served as the semi-official newspaper of the French Ministry of Foreign Affairs]. [in French]

Šíp, 1921 – *Šíp František.* Několik kapitol o hospodářství naší sibiřské armády. Roč. IV. Naše revoluce, 1921. Sv.1. S. 87. [in Czech]

Zhussip, Nurpeisov, 2025 – *Zhussip S.A., Nurpeisov E.K., Maslov Kh.B.* Alash Orda's sovereign Foreign policy: negotiations with the Czechoslovak Delegation (1918-1920) // Otan tarihy. 2025. Vol. 28. №4. Pp. 1091-1106. [In Eng.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_4_1091-1106.

Bokeikhan, 2018 – *Bokeikhan A.* Shygarmalary – Sochineniya [Works – Collected Works]. Vol. 10. Astana: Alashorda Foundation, 2018. 618 p. [in Kazakh]

Bokeikhan, 2018 – *Bokeikhan A.* Shygarmalary – Sochineniya [Works – Collected Works]. Vol. 8. Astana: Alashorda Foundation, 2018. 600 p. [in Kazakh]

Dvorak, 2026 – *Dvorak J.* Qazaqtar Arasynda [Among the Kazakhs]. Almaty: Bayanzhurek Publishing House, 2026. 96 p. [in Kazakh]

Eńbekshi qazaq, 1924 – *Eńbekshi qazaq*. 1924. 28 qazan. [in Kazakh]

Qazaq, 1918 – *Qazaq*. 1918. 30.06. No. 61 (262). [in Kazakh]

Makenbaev, Saduakasov, 1992 – *Makenbaev, Q., Saduakasov, Q.* Alimkhan Yermekov [Alimkhan Yermekov]. Zhezkazgan, 1992. 25 p. [in Kazakh]

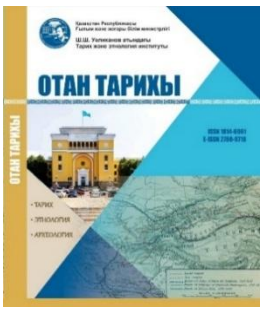
Nurpeisov, Jusip, 2021 – *Nurpeisov, E.K., Zhusip, S.A.* Respublika Alash: de-jure i de-fakto [The Alash Republic: De Jure and De Facto]. // Pravo i gosudarstvo, 2021, №3 (92), S. 6-25. [in Russian]

Saryarqa, 1917 – *Saryarqa*. 1918. 04.07. №45. [in Kazakh]

Saryarqa, 2023 – *Saryarqa, 1917–1919* [Saryarqa, 1917–1919] /Comp. by G. Anes, T. Zamzaeva, A. Myrzagali. Almaty: Alashorda Foundation, 2023. 808 p. [in Kazakh]

Togan, 1994 – *Togan, Z.V.* Vospominaniya. Bor'ba narodov Turkestana i drugikh vostochnykh musul'man-tyurkov za natsional'noe bytie i sokhranenie kul'tury [Memoirs. The Struggle of the Peoples of Turkestan and Other Eastern Muslim Turks for National Existence and the Preservation of Culture]. Book I. Ufa: Kitap, 1994. 204 p. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2025. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1241–1253
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20.
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1241-1253

ХХ ҒАСЫР БАСЫНДА ҚАЗАҚ ӨЛКЕСІНДЕГІ БІЛІМ БЕРУДІҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ, ЖАҢАША ТЕНДЕНЦИЯ, ОҚЫТУ ЖҮЙЕСІНДЕГІ МӘСЕЛЕЛЕР

Сулейменова Гүлжанат Жалеловна [1], Оразаева Жазира Жарасқызы[2], Аликулова Нұрлыгүл Сапаққызы[3]*

[1] Қ. Жубанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті
(34-үй, Әлия Молдағұлова даңғылы, 030012 Ақтөбе, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты
https://orcid. org/0009-0001-3760-2254 E-mail: nagashibaevaz@gmail.com

[2] Қ. Жубанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті
(34-үй, Әлия Молдағұлова даңғылы, 030012 Ақтөбе, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты
https://orcid. org/ 0009-0009-8199-0803, E-mail: zh.orazaeva@mail.ru

[3] Қ. Жубанов атындағы Ақтөбе өңірлік университеті
(34-үй, Әлия Молдағұлова даңғылы, 030012 Ақтөбе, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты
https://orcid. org/0009-0004-9700-8101, E-mail: Nur.AS_74@mail.ru
*Автор-корреспондент

© Ш.Ш.Уәлиханов ат. ТЭИ, 2026
© Сулейменова Г.Ж., Оразаева Ж.Ж., Аликулова Н.С., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақалада 1917 жылға дейінгі Ресей империясындағы білім беру жүйесінің қалыптасуы мен эволюциясының негізгі кезеңдері қарастырылады. Білім беру саясатының ерекшеліктері, оқу орындарының құрылымы, діни және әлеуметтік факторлардың білімге қол жеткізуге әсері қамтылған. XVIII–XIX ғасырлардағы реформалардың XX ғасырдағы білім беруді модернизациялаудың алғышарттарын қалыптастырудағы рөлі талданып, «трансформация» мен «тенденция» ұғымдары теориялық негіз ретінде алына отырып, негізгі бөлімде революцияға дейінгі Қазақстан аумағында білім беру жүйесінің қалыптасуы мен дамуы интеграциялық тұрғыда қарастырылады; дәстүрлі оқыту нысандары, исламдық институттардың ықпалы, қазақ зиялыларының (алашордалықтардың) реформалық қызметі және отаршыл әкімшіліктің зайырлы білім беруді енгізу саясаты кешенді түрде талданады. *Мақсаты мен міндеттері.* 1917 жылға дейінгі Ресей империясы құрамындағы Қазақстан аумағында білім беру жүйесінің қалыптасуы мен эволюциясын тарихи-теориялық тұрғыдан кешенді талдау, дәстүрлі (исламдық), зайырлы және отарлық білім беру модельдерінің өзара ықпалдасу тетіктерін анықтау, сондай-ақ осы үдерістердің ұлттық білім беру жүйесінің қалыптасуына тигізген әсерін ғылыми тұрғыдан негіздеу. *Зерттеу әдістері.* Зерттеу барысында тарихи дереккөздердің кең ауқымы пайдаланылды: мұрағаттық құжаттар, ресми

статистикалық материалдар, патшалық Ресей кезеңіндегі заңнамалық актілер, ағартушылық сипаттағы еңбектер, қазақ зиялыларының публицистикалық мұралары, сондай-ақ отандық және шетелдік тарихшылардың ғылыми зерттеулері қаралды. Әдіснамалық негізін тарихи-салыстырмалы талдау, құрылымдық-жүйелік әдіс, деректанулық сараптама, тарихи-логикалық талдау, проблемалық-хронологиялық тәсілдер құрады. *Зерттеу нәтижелері.* Қазақстан аумағындағы білім беру жүйесі көпдеңгейлі және қайшылықты сипатта дамып, дәстүрлі исламдық білім беру рухани-этикалық құндылықтарды сақтағанымен, әдістемелік тұрғыдан консервативті модель ретінде қалыптасты, ал зайырлы білім беру институттары отарлық саясатпен сабақтас болса да, қазақ қоғамына ғылыми білімге қол жеткізу, кәсіби даярлық пен әлеуметтік мобильділік мүмкіндігін ашты. *Қорытынды.* Зерттеу нәтижелері революцияға дейінгі кезеңдегі білім беру жүйесінің дамуы Қазақстандағы ұлттық білім беру моделінің тарихи негізін қалыптастырғанын көрсетеді. Бұл кезең дәстүрлі діни білім беру формаларынан институционалдық, жүйеленген, зайырлы білім беру құрылымына өтудің өтпелі сатысы болды. Білім беру трансформациясы қазақ қоғамының мәдени жаңғыруының, ұлттық сананың оянуының және интеллектуалдық әлеуеттің қалыптасуының маңызды алғышартына айналды. Бұл үдеріс кейінгі кеңестік және тәуелсіз Қазақстан кезеңіндегі білім беру жүйесінің дамуына тікелей ықпал еткен тарихи-өркениеттік негіз ретінде бағаланады.

Түйін сөздер: білім беру, саясат, модернизациялау, Алаш, медресе, мектеп

Алғыс. Мұрағаттық құжаттар, ресми статистикалық материалдар, патшалық Ресей кезеңіндегі заңнамалық актілер, ағартушылық сипаттағы еңбектер, қазақ зиялыларының публицистикалық мұралары, сондай-ақ отандық және шетелдік тарихшылардың ғылыми зерттеулер негізінде.

Дәйексөз үшін: Сулейменова Г.Ж., Оразаева Ж.Ж., Аликулова Н.С. XX ғасыр басында қазақ өлкесіндегі білім берудің трансформациясы, жаңаша тенденция, оқыту жүйесіндегі мәселелер // Отан тарихы, 2026, Т.29. №.3. 1228–1253-бб. [қазақша]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1228-1253

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КАЗАХСКОМ КРАЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА, НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ

Сулейменова Гульжанат Жалеловна[1], Оразаева Жазира Жарасовна[2], Аликулова Нурлыгуль Сапаковна[3]*

[1] Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова
(д. 34, проспект Алии Молдагуловой, 030012 Актобе, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук
https://orcid.org/0009-0001-3760-2254 E-mail: nagashibaevaz@gmail.com

[2] Актюбинский региональный университет им. Жубанова
(д. 34, проспект Алии Молдагуловой, 030012 Актобе, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук
https://orcid.org/0009-0009-8199-0803, E-mail: zh.orazaeva@mail.ru

[3] Актюбинский региональный университет имени К. Жубанова
(д. 34, проспект Алии Молдагуловой, 030012 Актобе, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук
https://orcid.org/0009-0004-9700-8101, E-mail: Nur.AS_74@mail.ru
*Автор-корреспондент

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Сулейменова Г.Ж., Оразаева Ж.Ж., Аликулова Н.С., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются основные этапы формирования и эволюции системы образования в Российской империи до 1917 года. Анализируются особенности образовательной политики, структура учебных заведений, влияние религиозных и социальных факторов на доступ к образованию. Рассматривается роль реформ XVIII–XIX веков в формировании предпосылок модернизации образования в XX веке. С опорой на понятия «трансформация» и

«тенденция» как теоретические категории, в основной части статьи с интеграционной позиции исследуются особенности формирования и развития системы образования на территории Казахстана в дореволюционный период; комплексно анализируются традиционные формы обучения, влияние исламских институтов, реформаторская деятельность казахской интеллигенции (алашординцев), а также политика колониальной администрации по внедрению светского образования. *Цель и задачи.* Комплексный историко-теоретический анализ формирования и эволюции системы образования на территории Казахстана в составе Российской империи до 1917 года, выявление механизмов взаимодействия традиционной (исламской), светской и колониальной образовательных моделей, а также научное обоснование их влияния на формирование национальной системы образования. *Методы исследования.* В исследовании использован широкий круг исторических источников: архивные документы, официальные статистические материалы, законодательные акты периода Российской империи, труды просветительского характера, публицистическое наследие казахской интеллигенции, а также научные исследования отечественных и зарубежных историков. Методологическую основу составили историко-сравнительный анализ, структурно-системный метод, источниковедческая экспертиза, историко-логический анализ, проблемно-хронологический подход. *Результаты исследоваания.* Система образования на территории Казахстана развивалась как многоуровневая и внутренне противоречивая структура: традиционное исламское образование, сохраняя духовно-нравственные ценности, сформировалось как методологически консервативная модель, тогда как светские образовательные институты, будучи связаны с колониальной политикой, одновременно открыли для казахского общества доступ к научным знаниям, профессиональной подготовке и возможностям социальной мобильности. *Вывод.* Результаты исследования показывают, что развитие системы образования в дореволюционный период сформировало исторические основы национальной образовательной модели Казахстана. Данный этап стал переходной фазой от традиционных религиозных форм обучения к институционализированной, систематизированной светкой образовательной структуре. Образовательная трансформация стала важнейшей предпосылкой культурной модернизации казахского общества, пробуждения национального самосознания и формирования интеллектуального потенциала. Этот процесс оценивается как историко-цивилизационный фундамент, оказавший прямое влияние на развитие системы образования в советский и постсоветский периоды в Казахстане.

Ключевые слова: образование, политика, модернизация, Алаш, медресе, школа.

Благодарность. Архивные документы, официальные статистические материалы, законодательные акты периода Российской империи, труды просветительского характера, публицистическое наследие казахской интеллигенции, а также научные исследования отечественных и зарубежных историков.

Для цитирования: Сулейменова Г.Ж., Оразаева Ж.Ж., Аликулова Н.С. Трансформация образования в казахском крае в начале xx века, новые тенденции, проблемы в системе обучения // Отан тарихы. 2026. Т. 29. №.3. С. 1228–1253. [на казахском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1228-1253

TRANSFORMATION OF EDUCATION IN THE KAZAKH REGION AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY, NEW TRENDS, AND PROBLEMS IN THE EDUCATIONAL SYSTEM

Suleimenova Gulzhanat Zhalelovna[1], Orazaeva Zhazira Zharasovna[2], Alikulova Nurlygul Sapakovna[3]*

[1] K. Zhubanov Aktobe Regional University
(34, Aliya Moldagulova Avenue, Aktobe, 030012, Republic of Kazakhstan)
Candidate of historical sciences
https://orcid.org/0009-0001-3760-2254, E-mail: nagashibaevaz@gmail.com

[2] K. Zhubanov Aktobe Regional University
(34, Aliya Moldagulova Avenue, Aktobe, 030012, Republic of Kazakhstan)
Candidate of historical sciences
https://orcid.org/0009-0009-8199-0803, E-mail: zh.orazaeva@mail.ru

[3] K. Zhubanov Aktobe Regional University
(34, Aliya Moldagulova Avenue, 030012 Aktobe, Republic of Kazakhstan)

Candidate of historical sciences
https://orcid.org/ 0009-0004-9700-8101, E-mail: Nur. AS_74@mail.ru
*Correspondent author

© Valikhanov IHE, 2026
© Suleimenova G.Zh., Orazaeva Zh.Zh., Alikulova N.S., 2026

Abstract. *Introduction.* The article examines the main stages in the formation and evolution of the education system in the Russian Empire prior to 1917. It analyzes the characteristics of educational policy, the structure of educational institutions, and the influence of religious and social factors on access to education. Special attention is given to the role of the reforms of the 18th–19th centuries in creating the prerequisites for the modernization of education in the 20th century. Using the concepts of *"transformation"* and *"tendency"* as theoretical foundations, the main part of the article adopts an integrative approach to the study of the formation and development of the education system in the territory of Kazakhstan during the pre-revolutionary period. Traditional forms of education, the influence of Islamic institutions, the reformist activities of the Kazakh intelligentsia (Alash movement representatives), and the policies of the colonial administration aimed at introducing secular education are comprehensively analyzed. *Purpose and objectives*. The purpose of the study is to conduct a comprehensive historical and theoretical analysis of the formation and evolution of the education system in the territory of Kazakhstan as part of the Russian Empire before 1917, to identify the mechanisms of interaction between traditional (Islamic), secular, and colonial educational models, and to scientifically substantiate their influence on the formation of the national education system. *Research methods*. The study is based on a wide range of historical sources, including archival documents, official statistical materials, legislative acts of the Russian Empire period, works of a просветительский (enlightenment) character, the publicistic heritage of the Kazakh intelligentsia, as well as scholarly research by domestic and foreign historians. The methodological framework includes historical-comparative analysis, structural-systemic methods, source criticism, historical-logical analysis, and the problem-chronological approach. *The results of the study*. The education system in the territory of Kazakhstan developed as a multi-level and internally contradictory structure. Traditional Islamic education, while preserving spiritual and moral values, was formed as a methodologically conservative model. At the same time, secular educational institutions, although closely connected with colonial policy, opened access for Kazakh society to scientific knowledge, professional training, and opportunities for social mobility. *Conclusion:* The results of the study demonstrate that the development of the education system in the pre-revolutionary period formed the historical foundations of Kazakhstan's national educational model. This stage represented a transitional phase from traditional religious forms of education to an institutionalized, systematized, secular educational structure. Educational transformation became a key prerequisite for the cultural modernization of Kazakh society, the awakening of national consciousness, and the formation of intellectual potential. This process is assessed as a historical and civilizational foundation that had a direct influence on the development of the education system in Soviet and post-Soviet Kazakhstan.
Key words: education, politics, modernization, Alash, madrasa, school
Acknowledgment. Including archival documents, official statistical materials, legislative acts of the Russian Empire period, works of a просветительский (enlightenment) character, the publicistic heritage of the Kazakh intelligentsia, as well as scholarly research by domestic and foreign historians.
For citation: Suleimenova G.Zh., Orazaeva Zh.Zh., Alikulova N.S. Transformation of education in the kazakh region at the beginning of the 20th century, new trends, and problems in the educational system // Otan Tarihy. 2026. Vol. 29. №.3. Pp. 1228–1253. [in Kazakh]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1228-1253

Кіріспе. Революцияға дейін Ресейдегі білім беру жүйесінің дамуы ішкі әлеуметтік-экономикалық өзгерістерге, сондай-ақ еуропалық ағартушылық идеялардың әсеріне де байланысты күрделі және көп қырлы процесс болды. XX ғасырдың басына дейін білім беру шектеулі және шіркеуге бағытталған болып, кейінгі жаңа өзгерістер ескі білім жүйесінің қоғам алдында қол жетімділігі мен мазмұнын анықтады.

1917 жылға дейін қазақ жерінде білім беру мәселесі, алғашқы білім ошақтары құрылып оның кең ауқымда таралуы, қазақ жастарының қаріп танып, сауат ашуы – тарих сызығында күрделі әрі көпқырлы процесс ретінде қалыптасты. Бұл кезеңдегі оқу-ағарту ісі халықтың әлеуметтік

жағдайымен, отарлық билік жүргізген саясатпен және жергілікті халықтың ұлттық ерекшеліктерімен тығыз байланысты болды. XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басында қазақ даласында білім беру жүйесі жаңа даму сатысына өтті.

Атап айтқандай білім беру ісінің дамуы қазақ жерінде байырғы оқытудың дәстүрлі нысандарына жаңаша түр беріп, діни-исламдық бағыт Ресей метрополиясында оң өзгеріс тапты. Батыстық үлгідегі білім беру саласы бірте-бірте еніп, қоғам әр түрлі сыртқы фактордың әсерін сезіне бастады. Бір жағынан, білім беру Ресей империясының құрамындағы қазақ халқының мәдени және саяси интеграциясының құралы болса, екінші жағынан бұл процесске дифференциациялық жауап ретінде білім беру ісі қазақ қоғамында – ұлттық сананы қалыптастыру факторы болғанын дәлелдеп көрсетуге болады. XIX ғасыр мен XX ғасырдың басы Қазақ өлкесінің әлеуметтік-мәдени өмірінде түбегейлі өзгерістер алған сондай-ақ империяның нақты қазақ жерін отарлауда позициясын ашық көрсеткен өзгерістер кезеңі болды. Дәстүрлі қоғамнан жаңа қоғамдық қатынастарға өту, Ресей империясының отарлық саясатының күшеюі, сондай-ақ әлемдік өркениеттегі жаңашылдықтар қазақ білім беру жүйесінің бағыт-бағдарына тікелей ықпал етті. Империялық саясаттың сыртқы деструктивті әсері қазақ зиялыларының тарапынан ішкі консолидация мен өзіндік бірегейлікті қорғаудың қуатты тетігін іске қосты.

Осы кезеңде ғасырлар бойы негізгі оқу орны болып келген діни бағыттағы медреселер біртіндеп жаңаша үлгідегі зайырлы мектептермен алмасып, халық арасында сауаттылықты арттыру, ғылыми білімге қол жеткізу, ұлттық жаңғыру идеяларын тарату үрдісі күшейді.

Алайда бұл трансформация тек оң өзгерістерден құралған жоқ. Білім беру құрылымының қалыптасуында бірқатар күрделі мәселелер туындады: оқу бағдарламаларының бірізді болмауы, діни және зайырлы білімнің арақатынасы, мұғалімдер даярлығының жеткіліксіздігі, ауылдық жерлердегі оқу орындарының жетіспеуі, оқу тілінің таңдалуы және отарлық әкімшіліктің білім саясаты арасындағы қайшылықтар. Медреседен жаңа үлгідегі мектепке өтудегі қиындықтар қоғамның ішкі реакциясын, дәстүр мен жаңашылдық арасындағы тартысты айқын көрсетті.

Сондықтан XX ғасыр басындағы қазақ білім жүйесінің эволюциясын зерттеу – ұлттық ой-сананың жаңғыруын, жаңа интеллектуалдық орта қалыптасуын және қоғамдағы әлеуметтік өзгерістерді түсінудің маңызды кілті. Осы кезеңдегі жаңа тенденциялар, оқыту әдістерінің жаңаруы және олармен бірге келген проблемаларды талдау қазақ мектебінің кейінгі дамуын айқындауға мүмкіндік береді.

Материалдар мен әдістер. Зерттеу 1917 жылға дейінгі Ресей империясындағы Қазақстан аумағындағы білім беру жүйесінің қалыптасуы мен эволюциясын Comparative Historical Analysis әдісін қолдана отырып кешенді талдайды. Дәстүрлі исламдық білім жүйесі рухани-этикалық құндылықтарды сақтағанымен консервативті сипатта болса, зайырлы мектептер отарлық саясатпен сабақтас бола тұра ғылыми білімге, кәсіби даярлыққа және әлеуметтік мобильділікке жол ашты. Алашордалық зиялылар ұлттық білім идеясының қалыптасуына, ана тілінде оқыту мен ұлттық педагогиканың теориялық негізделуіне ықпал етсе, джадидизм қозғалысы білім мазмұнын жаңарту, түсіндірмелі-аналитикалық әдісті енгізу және зайырлы пәндерді дамыту арқылы реформаторлық бағытты айқындады. Зерттеу білім беру жүйесінің геосаяси, әлеуметтік-экономикалық және этноконфессиялық факторларға тәуелді дамығанын көрсетіп, бұл үдерістің ұлттық мектеп пен интеллигенция қалыптасуының, мәдени жаңғырудың және ұлттық сананың оянуының алғышарты болғанын дәлелдейді. Революцияға дейінгі кезең білім беру трансформациясының тарихи негізін қалыптастырып, кейінгі кеңестік және тәуелсіз Қазақстандағы реформалар үшін маңызды серпін берді, осылайша білім беру тек педагогикалық процесс емес, қоғамдағы мәдени, әлеуметтік және интеллектуалдық өзгерістерді анықтайтын стратегиялық институт ретінде бағаланады.

Талқылау. Ислам діні қазақ жеріне таралғаннан бері міндетті түрде медреселер салынғаны белгілі. Сондай-ақ, медреселер қоғамға қызмет ететін адал және өз ісіне берілген азаматты тәрбилеуге көңіл бөлінетін білім ортасы болып табылды және ол жерде шәкірттер мәдени-ғылыми және араб-парсы әлемінің діни ілімдері оқытылды. «Медресе» – сөзі араб тілінен аударғанда «дараса» – «сабақ, дәріс алу, оқу»дегенді білдіреді. Кең мағынада «медресе» сөзі мұсылман әлемінде орта және жоғарғы білім беретін оқу орындары есебінде қабылданған. Медреселердің барлығы дінді оқытудан басқа гуманитарлық ғылымдар мен медицинаға, жаратылыстану, тіл ғылымдарын оқытқан [Ережепова, 2025: 71]. Әр түрлі өлкеде білім беру ісі мен оқыту процессін ахун, молда секілді арнайы институттар ұйымдастырып отырды. Білім алатын қазақ жастары сызу, жазу, есептеу сынды керек дағдыларды мешіт жанындағы мектептерде меңгерді. Осы дәстүрлі жүйенің мазмұны мен

құрылымын бағалау барысында XIX ғасырда өмір сүрген орыс этнографы, тарихшы және экономист Павел Иванович Небольсин білім беру шектеулерін атап көрсетіп, қазақ жеріндегі татар молдаларының шала сауатты және арнайы білім беру, халық ағартушылық ісі діни медреселермен шектеліп қалғанын көрсетеді. «Мен оның (қазақтардың) Ішкі Ордада ашқан мектебінде болған жоқпын. Бірақ Петербургте сол мектепті ашқан адаммен жақсы таныс болғандықтан, ол мектепте басты пән – Құран және Исламдық діни ілімдердің түрлі күрделі мәселелері оқытылды, бұл қарапайым сауат ашу емес екенін болжай аламын. Бұдан қателеспейтінім анық» деп өз еңбегінде көрсетеді. «Бірақ діни мектепте рухани құндылықтар, гуманистік идеялар кейінгі кеңестік кезеңде қазақ халқының жаңа бейнесін, толеранттылық ұстанымның алғышартын қалыптастырды» деп атайды [Небольсин және т.б., 1860]. Автордың мәселені кең ауқымда қарауы алдымен Ресей империясына қазақ жеріндегі білім беру ісін дін тар шеңберде, оқыту жүйесі қоғамда тежегіш ретінде жұмыс жасайтынын алға тартып, империялық экспансияның тек экономикалық қана емес, идеологиялық тұрғыдан да жүзеге асуын мақсат етті. Өткір сыннан кейін, әлеуметтік-мәдени мәселенің астарын аша түседі. Қазақ қоғамы діни мектептерді рухани қалқанға айналдырып, ұлттық бірегейлік пен толеранттылықты сақтаған, бұл қазақ халқының жеңіске жеткен саяси артықшылығы деп айтады. Қазақ тарихы бойынша орыс деректемелеріне сипаттама берген тарих ғылымдарының докторы профессор Мұхатова О.Х.: «...қазақтардың мінез-құлқын, салт-санасын, әлеуметтік құрылымын, дәстүрлі басқаруын, т.б. зерттеуге ынталанған орыс саяхатшылары мен зерттеушілерінің жазбалары империяның өзіне бағынышты халқын жан-жақты білуге жол ашты» – деп көрсетеді [Мұхатова, 2011:19]. Зерттеушінің бұл тұжырымы білім жүйесі мен халықтың интеллектуалдық дамуына жасанды тосқауыл қоюды көздегенін байқатады.

Дәстүрлі жүйенің құрылымы мен мазмұны көшпелі қазақ қоғамындағы оқыту тәжірибесінің шектеулі, бірақ мәдени және діни құндылықтарды беруде маңызды рөл атқарғанын көрсетеді. Петр I реформаларына дейін Ресейдегі білім беру жүйесі негізінен шіркеулік сипатта болды. Негізгі оқу орындары сауаттылыққа, дін негіздеріне және шіркеу әніне үйретілген монастырь мектептері болды. Тренинг тек діни қызметкерлерге және ішінара жоғарғы таптың өкілдеріне қол жетімді болды. Дүниелік білім іс жүзінде болмады, ал халықтың сауаттылығы өте төмен болып қалды. «Қазақ халқының жаңа басқару жүйесі мен ережелер енгізілуіне байланысты көзқарасын сол кездегі архив материалдары мен қазақтардың өз пікірлері арқылы байқауға болады. Мысалы, бір құжатта жаңа тәртіптердің халық тарапынан бірауыздан қолдау таппағаны көрсетілген.

Кейбір қазақ ақсүйектері жаңа әкімшілік шаралар олардың дәстүрлі құқықтары мен ықпалын шектейтінін айтып, наразылық білдірген [АОМА, 1248-қ., 1-т., 43-іс, 5-п.].

Дәстүрлі білім беру жүйесінің құрылымдық ерекшеліктері мен оның мәдени-рухани рөлін талдағаннан кейін, Ресей империясында орын алған алғашқы зайырлы мектептер мен білім беру реформаларының құрылымдық және институционалдық контекстіне көшу логикалық жалғама ретінде көрінеді. Петр I батыс еуропалық үлгідегі елді модернизациялауға ұмтылып, алғашқы зайырлы мектептерді құруға бастамашы болды. 1701 жылы навигациялық мектеп ашылды, содан кейін артиллерия, инженерлік және медициналық мектептер. Бұл оқу орындары негізінен армия мен Әскери-теңіз күштеріне мамандар даярлауға арналған. Сонымен бірге мемлекеттік жаңғырту құралы ретінде білім туралы түсінік қалыптаса бастады.

Ресей Ғылым академиясының құрылуы (1724) жоғары білім беруді дамытудағы маңызды кезең болды. Ғасырдың ортасында гимназиялар мен университеттер жұмыс істей бастады, олардың ішіндегі ең маңыздысы Мәскеу университеті болды (1755). Екатерина II Петр I-нің білім беру саясатын жалғастырып, халықтық мектептер құруға және бірыңғай оқыту бағдарламаларын жасауға баса назар аударды. Алайда, білімге қол жетімділік әлі де шектеулі тектік шеңберде қалды. Петр I бастамасымен батыс еуропалық үлгідегі білім беру жүйесін құру, мемлекеттік жаңғырту құралы ретінде білімді пайдалану және XVIII–XIX ғасырдағы мектеп реформаларының дамуын тарихи тұрғыда сипаттайды.

XIX ғасыр білім беру желісін жүйелеу мен кеңейту, орталықтандыру және құрылымдау бойынша күш-жігермен ерекшеленді. 1804 жылы төрт сатылы жүйені енгізген «оқу орындарының жарғысы» қабылданды: приход мектебі, уездік мектеп, гимназия және университет. 1864 жылы бастауыш білім беруді дамытуға бағытталған мектеп реформасы жүргізілді. 1860 жылдары земстволардың құрылуымен шаруалар арасында сауаттылықты таратуда маңызды рөл атқарған земство мектептері дамыды. Осындай оң нәтижелерге қарамастан XX ғасырдың басында Ресей империясының білім беру жүйесі қайшылықты болып қала берді: бір жағынан мектептер мен

оқушылар санының өсуі байқалды, екінші жағынан, мүліктік және мүліктік шектеулер сақталды. 1905–1911 жылдардағы халық ағарту министрлері бастаған реформалар бастауыш білім беруді кеңейтуге және оқу үдерісіне мемлекеттік бақылауды күшейтуге бағытталған. Алайда, ауылдық жерлерде сауаттылықтың төмен деңгейі және мектептердің жетіспеушілігі 1917 жылғы революцияға дейін шешілмеген мәселелер болып қала берді. Бұл тұрғыдан қарағанда, дәстүрлі білім беру формалары мен зайырлы мектептердің дамуы бір-бірін толықтырмай, керісінше, әлеуметтік, саяси және экономикалық контекстке байланысты қайшылықты жүйе қалыптастырды; нәтижесінде қазақ қоғамында білімге қолжетімділік әлі де шектеулі болып, жаңа оқу институттарына ауысу процесі тек XIX ғасырдың басында ғана белсенді сипат ала бастады. «Білімді, бірақ әдепсіздікке жол бермейтіндей етіп тәрбие беру керек. Өзге адамдарға зиян тигізбестен, тек өз туыстары мен олармен байланысты мәселелерге көңіл бөлу қажет. Тәртіп пен жұмыстарды орындауда сақтық танытып, патшаның нұсқауларына бағыну керек» деп қазақтың зиялы тұлғаларын сарайға жөнелту үшін оларды сауатты деңгейде дайындау қажет деген шешім шығарады [АОМА, 1248-қ., 1-т., 2-іс, 4-5 пп.].

Зерттеудің басында атап өткендей Ресей империясына дейін қазақ жерінде білімді ауызша беруге негізделген дәстүрлі оқыту формалары басым болды. Білім берудің негізгі институттары медреселер мен мектептер болғандықтан онда грамота негіздері, араб тілі, Құран, шариғат және классикалық ислам философиясының элементтері оқытылды. Оқыту кеңістігі негізінен элиталық сипатта болып, дәстүрлі тәртіппен рулық қауымдардың балаларына, діни қызметке және болашақ билер мен қоғам көшбасшыларына бағытталған. Қазақ хандығы Ресей империясының құрамына қосылып (XVIII–XIX ғғ.) орыс зайырлы білім беру жүйесінің элементтерін біртіндеп енгізу басталды. Алғашқы қазақ зайырлы мектептері XIX ғасырдың бірінші жартысында, әсіресе әкімшілік орталықтарда пайда болды. Алғашқы мекемелердің бірі Орынбордағы АЗИЯ мектебі болды (1789 жылы құрылған), далада жұмыс істеу үшін аудармашылар мен әкімшілік кадрлар дайындады. 1850 жылдары орыс-қазақ мектептерінің белсенді ашылуы басталды, олардың міндеті қазақ балаларын орыс тіліне оқыту және империяға адал мамандарды даярлау болды. Алайда, оқыту мәдени ерекшеліктерді ескерусіз жүргізілді, бұл халық арасында белгілі бір иеліктен шығаруды тудырды. Исламдық білім XIX ғасырдың соңына дейін ауылдық жерлерде басым болды. XIX ғасырдың екінші жартысында Қазақстан аумағында көптеген медреселер жұмыс істеді. Ауыл молдалары мен медреселер халықты ағартуда, білімді таратуда және ұлттық сананың қалыптасуында ел тарихында маңызды рөл атқарды [Жұматай, Сайлаубаева, 2025: 1000–1001]. Бұл оқу орындарының негізгі миссиясы ағартушылықты дамыту болды. Медреселер тек діни ғана емес, сонымен бірге интеллектуалды дамудың орталықтары болды. Діни-медреселерде ең алғашқы көптілді білім берудің негізі қалыптасты. Пәнді оқыту процесінде әдебиеттер мен еңбектерді пайдалану қазіргі таңдағы бір оқулық деңгейінде шектеліп қалмады. Күрделі оқыту жүйесі өлке де ғылым мен инновациялық жобаларды дамытуды жеделдетті.

XX ғасырдың 20 жылдары қазақ жерінде 2140 мектеп ашылып онда 140 мыңға жуық бала білім алды. Бұл кезең қазақстандықтардың білім алу жүйесінің дамуында тарихи кезеңге айналды. 1918 жылы «Бірыңғай еңбек мектебі туралы декларация» және «Бірыңғай еңбек мектебі туралы ереже» құжаттары қабылданып, оларда кеңестік білім беру жүйесінің негізгі принциптері жарияланды. Олар: тегін білім беру, ұлдар мен қыздарды бірге оқыту, оқу бағдарламаларынан діни пәндерді алып тастау, жазалаудың барлық түрлерін жою және мектептегі өзін-өзі басқару жүйесі болды. Барлық мектептер екі сатыға бөлінді:Бірінші саты – 8–13 жас аралығындағы балаларға арналған. Екінші саты – 13–17 жас аралығындағы балаларға арналған. Осы уақытта барлық өңірлерде медреселерді, мектептерді және орыс-қазақ мектептерін кеңестік мектептерге айналдыру (қайта құру) жұмыстары жаппай жүргізілді [Стожко, 2022: 531]. Кейін 1925 жылы мектептерде 5 баллдық бағалау шкаласы мен біріңғай аттестат үлгісі енгізілді. XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басында қазақ зайырлы зиялыларының ортасы қалыптасып, олардың өкілдері Ресей оқу орындарында білім алды. Алашордалықтардың қызметі империялық әкімшіліктің қарсылығына қарамастан, Қазақстанның білім беру тарихындағы маңызды кезең болды. Ұлт зиялылары кеңес өкіметіне адал қызмет етіп, ағарту саласына зор үлестерін қосты. Олар оқулықтар, оқу құралдарын, өзге де білім алуға қажетті әдебиеттерді дайындады. Оқушылар А. Байтұрсыновтың, М. Дулатовтың, Ж. Аймауытовтың (Аймауытов, 1998), М. Жұмабаевтың (Жұмабаев, 1992), Т. Шонановтың, Е. Омаровтың, Х. Досмұхамедовтың, Қ. Кемеңгеровтың, С. Қожановтың, Е. Ермековтің, Б. Майлиннің оқулықтарын пайдаланды [Мұхатова, Қаипбаева, 1993: 62]. Ахмет Байтұрсынов қазақ әліпбиінің орфографиялық реформасын жасап, грамматика мен әдебиет бойынша қазақ тіліндегі алғашқы оқулықтарды жасады.

Мыржақып Дулатов – жазушы, публицист, ағартушылық сипаттағы педагогикалық жұмыстар мен әдеби шығармалардың авторы. Ұлттық білім беруді, әйелдердің білім алу қажеттілігін, сауатсыздық пен патриархалдылыққа қарсы күресті насихаттады. Әлихан Бөкейханов – «Алаш» партиясының көшбасшысы, ұлттық мектепке құқықты қоса алғанда, қазақ халқының мәдени дербестікке құқығын қорғаған экономист, саясаткер. Оның идеялары болашақта ұлттық білім беру тұжырымдамасының қалыптасуына әсер етті.

Жүсіпбек Аймауытов Ақпан төңкерісінен кейін: «Халықтың надандығы себеп болды. Қара халық көзі жұмулы болып, ас бергенді «мырза» деп, мал шашқанның соңына ерді де отырды. Кешегі көптеген қиянатты бүгін тойса ұмыту, өз пайдасын, келешегін болжамау – қазақтың ой-көзінің тарлығынан, надандығынан» деп ұлт мәселесінде даулы мақала жазды [Алдабергенов, 2016: 206]. Бұл тұжырым Аймауытовтың мақалаларында көрініс тапқан ұлттық білім беруді жетілдіру қажеттілігі мен халықты ағарту идеясына тікелей байланысты, сондай-ақ оның ойынша, сауатсыздыққа қарсы күрес ұлттық бірегейлікті сақтау мен мәдени дербестікті нығайту үшін маңызды. Ол халықтың өз мүддесін болжау және қорғау қабілетінің әлсіздігін, қоғамдық іс-әрекетке белсенді қатыспауын ескертіп, сонымен бірге ұлттық сана мен білімнің жетіспеушілігі елдің дамуына кедергі келтіретінін дәлелдеді. Жүсіпбек Аймауытов өз қоғамында әйел теңдігін және әйелдердің білім алу мәселесін көтерген көп тұлғалардың бірі ретінде тарихта қалды. Алаш қайраткерлерінің ағартушылық мұрасы отарлық қысымға қарамастан, қазақ қоғамын оятуға бағытталған рухани төңкеріс болды. XIX ғасырдың екінші жартысында әйелдердің білім беру қозғалысы күшейе түсті. Әйелдер гимназиялары мен курстары, соның ішінде жоғары әйелдер курстары (Санкт-Петербургтегі Бестужев курстары) ашылды. Кәсіптік білім беру ісі алға басып, қолөнер мектептері, техникалық мектептер сондай-ақ өнеркәсіп үшін мамандар даярлауға бағытталған нақты мектептер қолға алынды. Бұл зерттеу бөлімінде қанау, әлеуметтік теңсіздік, жергілікті халықтың қысымы және артта қалуы негізгі назарға алынды.

XIX ғасырдың соңына дейін әйелдердің білім беру процесіне қатысуы өте шектеулі болды. Алайда, XX ғасырдың басында Бүкілресейлік ағартушылық тенденциялардың әсерінен қалаларда алғашқы әйелдер мұсылмандары мен зайырлы мектептері пайда болды [Жылқыбайұлы және т.б., 2026: 116–117]. Олардың қызметі әйелдің қоғамдағы жаңа рөлін қалыптастыруға және архаикалық патриархалдық идеяларды жоюға бағытталған. Осы тұста Назипа Құлжанова әйелдер арасындағы ағартушылықтың алдыңғы қатарында тұрды: ол қыздарды білім алуға шақырып қана қоймай, олардың мәдени және әлеуметтік дамуына тікелей ықпал етті. Оның еңбектері қазақ әйелдерінің кәсіби маман болып қалыптасуына жол ашты, ал публицистикалық мақалалары қоғамдағы әйел бейнесін түбегейлі өзгертуге қызмет етті. Құлжанова ұлттық педагогиканы жаңа деңгейге көтеріп, қазақ қыздарына тең мүмкіндік берудің символына айналды. Әйелдердің білім алу мүмкіндіктерінің шектеулі болуына қарамастан, XIX ғасыр соңынан бастап ағартушылық үдерістердің ықпалымен алғашқы әйелдер мектептері пайда болып, бұл қазақ қоғамындағы жалпы білім беру дамуы мен әлеуметтік өзгерістер мәселесін қарастыруға негіз қалады.

Ал білім беру мекемелерінің инфрақұрылымы мен нысандарын зерттеу нәтижесінде анықталғандай, XIX–XX ғасыр тоғысында қазақ өлкесінде білім беру инфрақұрылымы көпқабатты және әртүрлі сипатта дамығаны байқалды: дәстүрлі бастауыш мұсылман мектептері мен медреселер діни және мәдени-рухани білімнің негізін қалыптастырса, орыс-жергілікті мектептер мен гимназиялар зайырлы және кәсіби даярлықты енгізді, ал педагогикалық сыныптар мен училищелер оқу процесіне мамандар даярлау арқылы тікелей ықпал етті. Мұндай көпдеңгейлі жүйе қазақ қоғамындағы білімге қолжетімділіктің кеңеюіне, ұлттық кадрларды даярлауға және әйелдердің әлеуметтік рөлін арттыруға мүмкіндік берді, сонымен қатар дәстүрлі және жаңа білім беру модельдері арасындағы интеграциялық байланыстарды қалыптастырды. Дәстүрлі бастауыш мұсылман мектептерінің оқу бағдарламасына мыналар кірді: құран мәтінін араб тілінде жаттау; әліпбиді («әліппе»), каллиграфияны зерттеу, бастапқы діни догмалар, ислам құқығының негіздері (фикх), сирек – арифметика немесе ана тілінің элементтері оқытылды. Оқыту мәтіннің мағынасын түсіндірмей, механикалық жаттау әдісімен жүргізілді. Көбінесе мектепті бітірген балалар Құранды оқи алады, бірақ мазмұнын түсінбейді.

Мешіттер алғашқыда құлшылық үйі, келісімшарт жасасатын орын, жиын өткізетін мекеме, ілім үйренетін орталық қызметтерін атқарса, уақыт өте келе арнайы бастауыш білім беретін діни ошақтар ретінде пайда бола бастады. Исламдық діни білім беру жүйесінің тізбегіндегі бұл сатысы мактабтар(мектептер) мен медреселердің алатын оны ерекше. Мектеп – бұл бастауыш үлгідегі оқу

орны, мұнда балалардың сауатын ашып, құранды жатқа оқытатын болған. Оны аяқтағаннан кейін балалар медреселерге оқуын жалғастыруға баратын болған. Бірақ мектепке дейін де білім алатын орын болған, ол – Куттаб деп аталады. Араб тілін оқытып, Құранды жаттататын. Медресе – бұл мұсылмандық құқықтың білгірі, рухани дамыған, діни-адамгершілік негізде тәрбиеленген тұлғаны даярлайтын орта және жоғары оқу орны болып есептелінді [Мурзаходжаев, 2025: 45]. Білім 3–5 жыл немесе одан да көп уақытқа созылды. Көптеген медреселерге Бұхара мен Хивадағы оқытушылар мен оқулықтар, келген орталықтар әсер етті. Дәстүрлі исламдық білім беру жүйесінің күрделілігі мен ұзақтығына қарамастан, Ресей империясы қазақ балаларына зайырлы білім беру арқылы отарлық саясатын жүргізуге бағытталған өзге оқу түрлерін енгізді. Оңтүстік көршілес мемлекеттің 461 қор мұрағатында: «Бұл мемлекет пен халық өз саясатының негізінде, бақыты мен дамуында мұсылмандарды өлтіру мен жоюды негізге алады. Мұсылмандардың сыйынатын қасиетті орындарын талқандаудан орыстар зор ләззат алатын. Ешқашан да ешбір христиан мемлекеттері мен халықтары мұсылмандарды дәл осы орыстар сияқты езгіге салып, қинаған емес. Мұсылман мемлекеттері мен дінінің өмір сүруін өз дамуларының кедергісі санаған орыстар, әрбір ыңғайлы сәтте мұсылмандар жүрегіне жара салып, оған үнемі тұз сеуіп отырды» [Рустемов, Шашаева, 2021: 66–67 бб]. Келтірілген дереккөздер мен тарихи мәтінді талдау XIX ғасырдағы Қазақ даласындағы білім беру жүйесі мен діни ахуалдың трансшекаралық сипатта болғанын айғақтайды. Бір жағынан, қазақ қоғамындағы дәстүрлі исламдық ағарту ісі Бұхара мен Хива секілді Орталық Азияның ірі рухани орталықтарының интеллектуалдық әрі доктриналық ықпалында болды. Екінші жағынан, Ресей империясы бұл аймақтық рухани интеграцияны өзінің геосаяси мүдделеріне төнген тікелей қауіп ретінде қабылдап, оған қарсы балама ретінде зайырлы (орыс-қазақ) мектептер жүйесін енгізді. Бұл қадам патша үкіметінің халықты заманауи біліммен қамтамасыз етуге деген ұмтылысынан гөрі, жергілікті тұрғындарды империялық құқықтық-әкімшілік кеңістікке мәдени тұрғыдан сіңіру (ассимиляциялау) мен өңірдегі ислам факторларын әлсіретуді көздеген прагматикалық отарлық стратегиясының көрінісі еді.

Діни білімнің қайшылықтарына байланысты қазақ жерінде жергілікті орыс мектептер Ресей империясының Халық Ағарту министрлігінің Жарлығымен құрылды. Оқыту аралас болды: пәндердің бір бөлігі орыс тілінде, бір бөлігі қазақ тілінде оқытылды. Бағдарламаға мыналар кірді: орыс тілінде оқу және жазу, арифметика, география, тарих негіздері, құдай заңы (православиелік катехизм, бірақ көбінесе ресми), қарапайым табиғаттану. Мұндай мектептер қазақтарды отаршылдық жүйеге кіріктіру құралы ретінде қызмет етті, сонымен қатар базалық зайырлы сауаттылық берді. Отарлық әкімшілік үшін бұл оқу орындары жергілікті халықты басқару жүйесіне бейімдеудің маңызды тетігі болды. Аталған мектептерде алынған бастапқы білім қазақ жастарына төменгі әкімшілік қызметтерге, аудармашылыққа және шаруашылық салаларына тартылуға мүмкіндік берді. Сонымен қатар, дәстүрлі діни оқумен қатар зайырлы пәндердің енгізілуі қазақ қоғамында жаңа білім беру үлгілерінің қалыптасуына әсер етті. Осы үдеріс XIX ғасырдың екінші жартысында кәсіби және салалық бағыттағы оқу орындарының ашылуына алғышарт жасады. XIX ғасырдың екінші жартысында Қазақстан аумағында арнайы мамандырылған ауыл шаруашылық мектептер болды. Төменгі ауыл шаруашылық оқу орындары өз міндетіне қарай мынандай топтарға жіктелді: 1. төменгі училищелер, 2. I-санаттағы төменгі мектептер, 3. II-санаттағы мектептер, 4. Тәжірибе мектептері және 5. халықтық ауыл шаруашылық мектептер [Рахымқұлов, 2014: 122]. Бұл мектептер бір жағынан жергілікті халықты империялық басқару жүйесіне бейімдеуді, орыс тілін және православиелік құндылықтарды тарату арқылы отарлық ықпалды күшейтуді мақсат етсе, екінші жағынан қазақ қоғамына зайырлы білімнің бастапқы негіздерін енгізді.

XX ғасырдың басында қазақ ағартушылығы ұлттық сананы жаңғыртып, ағарту ісін саяси күреспен ұштастырған тарихи құбылыс ретінде қалыптасты. Ресей империясының отарлық саясаты қазақ қоғамындағы ұлттық ағарту мен саяси ойдың дамуын шектеуге бағытталды. Осы жағдайда баспа еркіндігі қазақ зиялылары үшін Ресей империясының отарлық саясатына қарсы рухани-саяси күрестің негізгі құралына айналды. Ұлттық баспасөз қоғамдық пікір қалыптастырып, қазақ қоғамын ұлттық бірлік пен мемлекеттілік идеясына жұмылдырған шешуші фактор болды. «Қазақ» газеті (1913–1918) – Алаш-Орданың бас баспа органы, онда білім, Тіл, Педагогика және мәдениет мәселелері көтерілді. Ал «Айқап» (1911–1915) – білім беруді жаңғырту, теңдік және әлеуметтену идеяларын белсенді насихаттаған алғашқы қазақ қоғамдық-саяси және әдеби журналы болды.

XX ғасырдың басындағы қазақ қоғамының интеллектуалдық ізденістері мен ұлттық бірегейлікті сақтау тетіктері мерзімді баспасөз беттерінде көрініс тапты. Атап айтқанда, Алаш

қозғалысының басты тұғырнамасына айналған «Қазақ» (1913–1918) газеті ағартушылық, ана тілі, лингвистика және ұлттық педагогика мәселелерін жүйелі түрде күн тәртібіне қойды. Ал тұңғыш қоғамдық-саяси әрі әдеби басылым – «Айқап» (1911–1915) журналы білім беру жүйесін модернизациялау, гендерлік теңдік және әлеуметтену идеяларының негізгі диспут алаңына айналды. Аталған қос басылым дәстүрлі құндылықтар мен жаңғыру үрдістерін синтездеу (біріктіру) арқылы қазақ ағартушылығының концептуалды жаңа идеологиясын қалыптастыруда іргелі рөл атқарды. Бұған Академик Мәмбет Қойгелдиев: «қазақ ағартушылығы өзінің табиғи ұлттық негізінде бар болғаны 20 жылға жетер-жетпес мерзімге созылды. Мұндай қысқа ғұмырды бірде-бір бүгінгі еуропалық ұлт басынан кешірген емес. 1905 жылдан белсенді саяси және ағартушылық қызметке көшкен қазақ зиялылары 1906 жылдан басталған қуғын-сүргінді басынан кешіре отырып, 1911–1913 жылдары «Айқап» және «Қазақ» сияқты жалпұлттық басылымдардың тұрақты шығып тұруына жол қойып, қысқа мерзім ішінде ұлт-азаттық күрес идеологиясын қалыптастырып үлгерді» деп баға береді [Қойгелдиев, 2015: 15].

Революцияға дейінгі білім беру мұрасының маңызы ретінде ұлттық педагогикалық ойды қалыптастыру, мәдени және саяси жаңғыру факторы ретінде білім берудің маңыздылығын түсіну, автономия, тіл мен мәдениетті дамыту үшін күресте шешуші рөл атқарған қазақ зиялыларының бірінші буынының пайда болуы, білім берудегі кеңестік реформаларға негіз дайындау-сауатсыздықты жою, жаппай мектепте оқыту, 1920–1930 жылдары қазақ мектептері мен жоғары оқу орындарын құру кезеңі іргетасын қалады.

Нәтижелер. Революцияға дейінгі қазақ жерінде білім берудің дамуы дәстүрлі, исламдық және зайырлы жүйелердің көп деңгейлі өзара іс-қимылымен сипатталды. Отаршылдыққа тәуелділік жағдайында қазақ халқы өзін-өзі тәрбиелеуге, ағартушылық қозғалысты қалыптастыруға және мәдени бірегейлікті сақтауға ұмтылды. Объективті шектеулер мен орыстандыру саясатына қарамастан, дәл осы кезеңде қазақ қоғамының болашақ ұлттық мектебі мен зияткерлік әлеуетінің негізі қаланды. Осы кезеңде білім беру жүйесі Қазақстанның әртүрлі аймақтарында біркелкі дамымаған, бұл географиялық орналасуына, урбанизация дәрежесіне, Ресей әкімшілігінің орталықтарына жақындығына, сондай-ақ халықтың этноконфессиялық құрылымына байланысты болды.

Зерттеу кезеңі феодалдық-шіркеу моделінен зайырлы мемлекеттік жүйеге көшуді білдіреді. Шектеулі және жылжымайтын мүліктің жабылуына қарамастан, дәл осы кезеңде қазіргі білім беру құрылымының негізі қаланды. Білім беру әлеуметтік даму факторы ретінде барған сайын танылды, бұл Кеңес дәуіріндегі білім беру реформалары үшін маңызды серпін болды.

Революцияға дейінгі кезеңде (XVIII – XX ғасырдың басы) қазақтарға білім берудің дамуы бірқатар ерекшеліктерімен сипатталды. Бұл сауатсыздықты жою науқаны арқылы жүзеге асты. XX ғасырдың 20-шы және 30-шы жылдары іске асырылған Қазақстандағы сауатсыздықты жою II-ші Дүниежүзілік соғысқа дейін жалғасты. Науқанды іске асыру барысына бұқара халық көп тартылды. Олар тек оқушылар ретінде емес, сонымен қатар мұғалімдер мен ұйымдастырушылар ретінде де қатысты. Бұл тәжіребеден өткен кеңес азаматтарының көпшілігі тек оқу мен жазу дағдыларын ғана емес, сонымен бірге кеңестік қоғамға ену үшін қажет дүниетанымды да игерді [Әбікей және т.б., 2022: 177–178 бб].

Бұл кезең білім берудің ауызша, көшпелі дәстүрінен мектептер, оқулықтар, мұғалімдер, бағдарламалар және тіпті идеологиялар жүйесін қамтитын институттандырылған білімге өтпелі буын болды, XX ғасырда қазақ қоғамының одан әрі трансформациялануына жол ашты, зияткерлік капиталды қалыптастырды, онсыз кеңестік және посткеңестік кезеңдерде ауқымды реформаларды іске асыру мүмкін болмас еді. Зерттеу көрсеткендей, Қазақстан аумағындағы дәстүрлі білім беру жүйесі медреселер мен діни мектептерге негізделіп, араб әліпбиі арқылы діни ілімдер мен бастапқы гуманитарлық білімді қамтыды, көшпелі қоғамда жеке ұстаздан білім алу кең тарап, қазіргі таңда жаңа білім беру процесінде жалғасын тауып келеді. XX ғасырдың басында Ресей империясының отарлық саясаты зайырлы мектептерді енгізіп, базалық сауаттылық, орыс тілі, арифметика, табиғаттану және тарих негіздерін үйретті, бұл білім алудың жаңа жолдарын ашып, әлеуметтік мобильділікті қамтамасыз етті. Қазақ ағартушылары мен Алаш қайраткерлері ұлттық педагогика, ана тілінде оқыту және мәдени дербестік қағидаларын дамытып, әйелдердің білім алу мүмкіндігін кеңейтті және патриархалдылыққа, надандыққа қарсы күресті насихаттады. Осындай үйлесім мен трансформация қазақ білім беру жүйесінің жаңа формаға көшуін, халықтың білім алу кескінін

өзгертуін, мәдени жаңғыру мен ұлттық сана оянуын қамтамасыз етті, тарихи тұрғыдан ұлттық білім беру моделінің, интеллектуалдық әлеуеттің және әлеуметтік өзгерістердің нақты негізін қалдырды.

Қорытынды. Революцияға дейінгі кезеңдегі Қазақстан аумағындағы білім беру жүйесінің эволюциясы қазақ қоғамының ішкі әлеуметтік, мәдени өзгерістерін және сыртқы, әсіресе Ресей империясының отарлық саясатының ықпалын көрсететін күрделі, көпқырлы тарихи процесс ретінде қарастырылды. XX ғасырдың басына дейін білім негізінен дәстүрлі, исламдық оқыту формалары арқылы берілді: медреселер мен діни мектептер жеке тұлғаны тәрбиелеуде шектеулі болса да маңызды рөл атқарды, рухани-этикалық құндылықтарды сақтау, тілдік нормаларды беру, ислам философиясы мен хадистерді оқыту арқылы интеллектуалдық капитал қалыптастырудың ұзақмерзімді механизмін қамтамасыз етті. Бұл жүйе консервативті сипатқа ие болып, мазмұны мен әдістемесінде өзгерістерге шектеулі болды, алайда көшпелі қазақ қоғамының әлеуметтік құрылымына икемделген, ұлттық мәдени дәстүрлердің тірегі ретінде қызмет етті.

Қазақ Хандығының Ресей империясына қосылуы зайырлы, орыс тіліндегі білім берудің енгізілуін бастады. Орыс-жергілікті мектептер, бастауыш мектептер мен гимназиялар мәдени интеграция және отаршылдық бақылау құралы ретінде жұмыс істесе де, қазақ қоғамына ғылыми, кәсіби және әкімшілік мамандықтарға қол жеткізуге мүмкіндік берді. XIX ғасырдың аяғы мен XX ғасырдың басында Алаш қайраткерлерінің және ұлттық ағартушылардың қызметі білім беру континуумында ұлттық педагогикалық тұжырымдаманы қалыптастыруға, ана тілінде оқытуды, мәдени дербестік пен теңдік қағидаларын теориялық және практикалық деңгейде бекітуге бағытталды. Жәдидшілдіктің ағартушылық және реформаторлық мазмұнына тоқталатын болсақ, реформалар білім беру мекемелері мен ағарту ісін ғана емес, сонымен қатар ұлттық сананың қалыптасуы, саяси өмір және рухани мәдениет саласын да қамтыды [Мурзаходжаев, 2025: 5].

Отарлық әкімшілік енгізген зайырлы мектептер мен гимназиялар мемлекеттік идеологиямен сабақтас болғанымен, олар қазақ қоғамында білім беру ландшафтында институционалдық әртараптанудың жаңа формаларын қалыптастырып, әлеуметтік мобилділік пен кәсіби дайындығы жоғары кадрларды даярлауға жол ашты. Әйелдер білімін насихаттаушылардың еңбегі қоғамдық құрылымдағы патриархалдық кедергілерді жеңуге, мәдени және әлеуметтік жаңғыруға үлес қосты, ұлттық педагогика мен тең мүмкіндіктер идеясын бекітті.

Ғылыми тұрғыдан алғанда, бұл кезеңді білім беру жүйесінің институционалдық әртараптануы мен мазмұндық жаңғыруының бастау кезеңі ретінде бағалауға болады. Сонымен қатар, отарлық білім беру саясатының екіжақты сипаты – бір жағынан бақылау құралы, екінші жағынан әлеуметтік мобильділіктің арнасы болуы – қазіргі постколониалдық зерттеулер аясында қайта пайымдауды талап етеді. Қазақстандағы білім беру реформаларын түсіндіруде және ұлттық білім беру моделін жетілдіруде маңызды методологиялық негіз ретінде қарастырады. Яғни, өткеннің білім беру тәжірибесі бүгінгі күні тек тарихи мұра ғана емес, сонымен қатар заманауи педагогикалық стратегияларды қалыптастыруда бағыт-бағдар беретін маңызды ғылыми ресурс болып табылады.

Түптеп келгенде, дәстүрлі және модернизацияланған білім беру жүйелерінің өзара ықпалдасуы қазақ қоғамында интеллектуалдық әлеуеттің кеңеюіне, ұлттық сана мен мәдени бірегейліктің қалыптасуына айрықша ықпал етті. Революцияға дейінгі кезең болашақ Қазақстандағы білім беру жүйесінің институционалдық, педагогикалық және идеологиялық іргетасын қалап, XX ғасырдағы кеңестік және тәуелсіз кезеңдегі білім берудің дамуына сенімді алғышарттар жасады. Бұл үдеріс білім беру тарихында қайталанбас феномен ретінде, әлеуметтік трансформация мен мәдени жаңғырудың бірегей үлгісі ретінде бағаланады.

Дереккөздер

АОМА –Ақтөбе облысының мемлекеттік архиві

Sources

CSA RK – State Archive of Aktobe Region

Әдебиеттер

Алдабергенов, 2016 – *Алдабергенов Қ.* Қазақтың отарлану тарихы. Алматы: «Эверо» баспасы, 2016. 319 б.

Әбікей, Қайыпбаева, Оспанова, 2022 – *Әбікей А.М., Қайыпбаева А.Т., Оспанова Р.Р.* Қазақстандағы сауатсыздықты жою науқанының жүзеге асырылуы // Отан тарихы, 2022. №2 (98). 169–180 бб.

Ережепова, 2025 – *Ережепова Р.Г.* XIX ғасырдың соңы – XX ғасырдың басындағы Маңғыстаудағы мешіт-медреселер (мұрағат деректері негізінде) // Yessenov Science Journal, 2025. №2 (51). 70–80 бб.

Жұматай, Сайлаубаева, 2025 – *Жұматай С., Сайлаубаева А.* Ахмет Риза медресесінің Семей өңірінің ағартушылық қызметіндегі рөлі // Отан тарихы, 2025. №28 (4). 1000–1008 бб.

Жылқыбайұлы, Тұрысбек, Серикова, 2026 – *Ж. Жылқыбайұлы, Р.С. Тұрысбек, А.Ж. Серикова.* XX ғасыр басындағы қазақ баспасөзіндегі әдеби дискурстың институционалдану үдерісі // Ш. Уәлиханов атындағы Көкшетау университетінің хабаршысы. Филология сериясы, 2026. №1. 110–125 бб.

Қойгелдиев, 2015 – *Қойгелдиев М.* Тарих күрес алаңы: мақалалар, сұхбаттар. Алматы: Дәстүр, 2015. 390 б.

Мурзаходжаев, 2025 – *Мурзаходжаев К.М.* XIX ғ. аяғы – XX ғ. басында Қазақстандағы джадидтердің мәдени-ағартушылық қызметі: дисс. ... (PhD) доктор. – Алматы, 2025. 161 б.

Мұхатова, 2011 – *Мұхатова О.Х.* Қазақстан тарихы бойынша орыс деректеріне сипаттама // ҚазҰУ Хабаршысы, Тарих сериясы. Алматы. 2011. №4 (63). 19–25 бб.

Мұхатова, Қаипбаева, 2022 – *Мұхатова О., Қаипбаева А.* 1920-30 жж. білім жүйесінің тарихи деректері // ҚазҰУ Хабаршысы, Тарих сериясы. Алматы. 2022. №3 (106). 53–65 бб.

Небольсин, Железнов, Плотников, 1860 – *Небольсин П.* Путешествующие киргизы; *Железнов И.* Киргизомания; *Плотников Л.* По поводу статьи: Путешествующие киргизы / Современная летопись Русского вестника. Т.29-30. М., 1860. 264 с.

Рахымқұлов, 2014 – *Рахымқұлов Д.* XIX ғасырдың екінші жартысы-XX ғасырдың басындағы Қазақстан: кәсіптік білім беру жүйесі тарихынан // Отан тарихы, 2014. №4 (68) 122–141 бб.

Рустемов, Шашаева, 2021 – *Рустемов С. К., Шашаева М.Ә.* Түркістан өлкесінде мұсылмандықтың таралуын бақылауға алу // Отан тарихы, 2021. №1 (93). 63–73 бб.

Стожко, 2022 – Стожко *К.П.* Кеңестік өркениет дамуының тарихи тәжірибесі / *К.П. Стожконың* жалпы ред. басқаруымен. Екатеринбург: УМЦ-УПИ баспасы, 2022. 578 б.

References

Aldabergenov, 2016 – *Aldabergenov K.* Kazaktyn otarlanu tarihy [The History of the Colonization of the Kazakhs]. Almaty: Evero Publishing House, 2016. 319 p. [in Kazakh]

Abikey, Kaipbayeva, Ospanova, 2022 – *Abikey A.M., Kaipbayeva A.T., Ospanova R.R.* Kazakstandagy sauatsyzdykty zhoju naukanynyn zhyzege asyryluy [The Implementation of the Campaign to Eliminate Illiteracy in Kazakhstan] // Otan Tarihy, 2022. No. 2 (98). pp. 169–180. [in Kazakh]

Yerezhepova, 2025 – *Yerezhepova R.G.* XIX gasyrdyn sony – XX gasyrdyn basyndagy Mangystaudagy meshit-medreseler [Mosques and Madrasas in Mangystau in the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on Archival Materials)] // Yessenov Science Journal, 2025. No. 2 (51). p. 70–80. [in Kazakh]

Zhymatay, Saylaubayeva, 2025 – *Zhymatay S., Saylaubayeva A.* Ahmet Riza medresesinin Semej onirinin agartushylyk kyzmetindegi roli [The Role of the Akhmet Riza Madrasa in the Educational Activities of the Semey Region] // Otan Tarihy, 2025. No. 28 (4). pp. 1000–1008. [in Kazakh]

Zhylkybayuly, Turysbek, Serikova, 2026 – *Zh. Zhylkybayuly, R.S. Turysbek, A.Zh. Serikova.* XX gasyr basyndagy kazak baspasozindegi adebi diskurstyn institucionaldanu yderisi [The Process of Institutionalization of Literary Discourse in the Kazakh Press at the Beginning of the 20th Century] // Bulletin of Sh. Ualikhanov Kokshetau University. Philological Series, 2026. No. 1. pp. 110–125. [in Kazakh]

Koigeldiyev, 2015 – *Koigeldiyev M.* Tarih kures alany: makalalar, suhbattar [History as a Battlefield: Articles and Interviews]. Almaty: Dastur, 2015. 390 p. [in Kazakh]

Murzakhodzhaev, 2025 – *Murzakhodzhaev K.M.* XIX g. ajagy – XX ғ. basynda Kazakstandagy dzhadidterdin madeni-agartushylyk kyzmeti [Cultural and Educational Activities of the Jadids in Kazakhstan in the Late 19th – Early 20th Centuries]: PhD dissertation. Almaty, 2025. 161 p. [in Kazakh]

Mukhatova, 2011 – *Mukhatova O.Kh.* Kazakstan tarihy bojynsha orys derekterine sipattama [Description of Russian Sources on the History of Kazakhstan] // Bulletin of KazNU. Historical Series. Almaty, 2011. No. 4 (63). Pp. 19–25. [in Kazakh]

Mukhatova, Kaipbayeva, 2022 – *Mukhatova O., Kaipbayeva A.* 1920-30 zhzh. bilim zhyjesinin tarihi derekteri [Historical Sources on the Education System of the 1920s–1930s] // Bulletin of KazNU. Historical Series. Almaty, 2022. No. 3 (106). pp. 53–65. [in Kazakh]

Nebolsin, Zheleznov, Plotnikov, 1860 – *Nebolsin P., Zheleznov I., Plotnikov L.* Travelling Kirghiz; Kirghizomania; Po povodu stat'i: Puteshestvujushhie kirgizy [Regarding the Article: Travelling Kirghiz] // Sovremennaya Letopis of Russky Vestnik. Vols. 29–30. Moscow, 1860. 264 p. [in Russian]

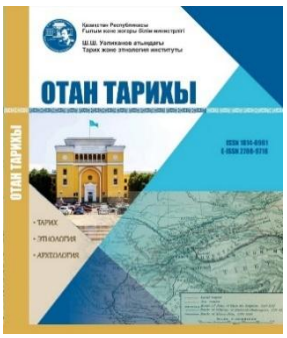
Rakhymkulov, 2014 – *Rakhymkulov D.* XIX gasyrdyn ekinshi zhartysy-XX gasyrdyn basyndagy Kazakstan: kasiptik bilim beru zhyjesi tarihynan [Kazakhstan in the Second Half of the 19th – Early 20th

Centuries: From the History of the Vocational Education System] // Otan Tarihy, 2014. No. 4 (68). pp. 122–141. [in Kazakh]

Rustemov, Shashayeva, 2021 – *Rustemov S.K., Shashayeva M.A.* Turkistan olkesinde musylmandyktyn taraluyn bakylauga alu [The Establishment of Control over the Spread of Islam in the Turkestan Region] // Otan Tarihy, 2021. No. 1 (93). 213 p. Pp. 63–73. [in Kazakh]

Stozhko, 2022 – Kenestik orkeniet damuynyn tarihi tazhiribesi [*The Historical Experience of the Development of Soviet Civilization]* / edited by K.P. Stozhko. Yekaterinburg: UMC-UPI Publishing House, 2022. 578 p. [in Kazakh]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1254–1267
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР/ МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1254-1267

1918–1936 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЙЛАУ ҚҰҚЫҒЫНАН АЙЫРУ САЯСАТЫ: ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕР, ӨҢІРЛІК ПРАКТИКА ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК САЛДАРЛАР

Байсалдина Гульназым Жарасовна[1], Қозыбаева Махаббат Мәлікқызы[2]*

[1] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
(2-үй, Сәтбаев көш., 10000, Астана, Қазақстан)
докторант
https://orcid.org/0009-0007-2674-092X. E-mail: baisaldinag@mail.ru

[2] Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті
(2-үй, Сәтбаев көш., 10000, Астана, Қазақстан)
PhD, қауымдастырылған профессор,
«Алаш» мәдениет және рухани даму институтының жетекші ғылыми қызметкері
https://orcid.org/0000-0002-7223-2439. E-mail: kozybayeva.m@mail.ru
*Автор-корреспондент

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Байсалдина Г.Ж.., Қозыбаева М.М., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақала 1918–1936 жылдардағы Қазақстандағы «сайлау құқығынан айыру саясатын», оның құқықтық негіздерін, өңірлік деңгейде іске асыру ерекшеліктерін және халықтың әлеуметтік жағдайы мен күнделікті өміріне ықпалын зерттеуге арналған. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері.* Мақаланың мақсаты мен міндеттері 1918-1936 жылдардағы Қазақстандағы сайлау құқығынан айыру саясатының құқықтық негіздерін, өңірлік практикасы мен әлеуметтік салдарын талдау, сондай-ақ оның халықтың әртүрлі санаттарының саяси және әлеуметтік жағдайына әсерін анықтау болып табылады. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеу материалдары Кеңес мемлекетінің нормативтік-құқықтық актілері, Астана қаласының мемлекеттік архивінің және Қостанай облысының мемлекеттік архивінің құжаттары, сондай-ақ жарияланған тарихи дереккөздер мен ғылыми әдебиеттер болды. Мақалада 1918–1936 жылдардағы Қазақстандағы «сайлау құқығынан айыру» саясатының құқықтық негіздері, өңірлік практикасы және әлеуметтік салдарын талдауға мүмкіндік берген тарихи-салыстырмалы, тарихи-жүйелік, құрылымдық, статистикалық, хронологиялық және микротарихи зерттеу әдістері пайдаланылды. *Нәтижелер.* Зерттеу нәтижелері 1918–1936 жылдардағы Қазақстандағы «сайлау құқығынан айыру» саясаты Кеңес мемлекетінің таптық саясатын іске асырудың маңызды құралы болып табылатынын және конституциялық және нормативтік-құқықтық актілерде бекітілгенін көрсетті. Архив материалдары азаматтарды саяси құқықтарынан негізсіз айыру жағдайларын қоса алғанда, осы практиканың өңірлік деңгейде кеңінен қолданылғанын куәландырады. «Сайлау құқығынан айырылған» мәртебесі сайлау процесінен шығарылып қана қоймай, сонымен қатар кәсіби қызметке, қоғамдық жағдайға және отбасы мүшелеріне әсер ететін

елеулі әлеуметтік шектеулерге әкелетіні анықталды. 1936 жылғы КСРО Конституциясы бұл санатты ресми түрде жойғанына қарамастан, оның әлеуметтік салдары ұзақ уақыт бойы сақталды. *Қорытынды.* Зерттеу нәтижесінде 1918-1936 жылдардағы Қазақстандағы «сайлау құқығынан айыру» саясаты халықтың жекелеген топтарын қоғамдық өмірден аластатуға бағытталған және ерте кеңестік репрессиялық тәжірибелердің бір түріне айналған саяси және әлеуметтік бақылау тетігі болып табылатыны анықталды.

Түйін сөздер: сайлау құқығынан айыру, айырылғандар, кеңестік сайлау жүйесі, сайлау құқығы, Кеңес өкіметі, таптық саясат, саяси қуғын-сүргін, әлеуметтік кемсітушілік, құқықтық шектеулер, аймақтық тәжірибе.

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің гранттық қаржыландыру жобасын іске асыру шеңберінде дайындалды: «1920-шы жылдардың басында – 1930-шы жылдардың бірінші жартысында Қазақстан қоғамының әлеуметтік құрылымы мен күнделікті өміріндегі «айырылғандар»: әлеуметтік-құқықтық мәртебе және бейімделу мәселелері» (тіркеу нөмірі: AP26195559).

Дәйексөз үшін: Байсалдина Г.Ж., Козыбаева М.М. 1918–1936 жылдардағы Қазақстандағы сайлау құқығынан айыру саясаты: құқықтық негіздер, өңірлік практика және әлеуметтік салдарлар // Отан тарихы. 2026. Т. 29. No 3. 1254–1267-бб. [қазақша]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1254-1267

ПОЛИТИКА ЛИШЕНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В КАЗАХСТАНЕ В 1918–1936 ГГ.: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Байсалдина Гульназым Жарасовна[1], Козыбаева Махаббат Маликовна[2]*

[1] Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
(д. 2, ул. Сатпаева, 10000 Астана, Казахстан)
докторант
https://orcid.org/0009-0007-2674-092X, E-mail:baisaldinag@mail.ru

[2] Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева
(д. 2, ул. Сатпаева, 10000 Астана, Казахстан)
PhD, ассоциированный профессор, ведущий научный сотрудник
Института культуры и духовного развития "Алаш"
https://orcid.org/0000-0002-7223-2439. E-mail: kozybayeva.m@mail.ru
*Автор-корреспондент

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Байсалдина Г.Ж, Козыбаева М.М., 2026

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию политики лишения избирательных прав в Казахстане в 1918–1936 гг., её правовых оснований, особенностей реализации на региональном уровне и влияния на социальное положение и повседневную жизнь населения. *Цель и задачи исследования.* Цель и задачи статьи заключаются в анализе правовых основ, региональной практики и социальных последствий политики лишения избирательных прав в Казахстане в 1918–1936 гг., а также в выявлении её влияния на политическое и социальное положение различных категорий населения. *Материалы и методы.* Материалами исследования послужили нормативно-правовые акты советского государства, архивные документы Государственного архива города Астаны и Государственного архива Костанайской области, а также опубликованные исторические источники и научная литература. В работе использованы историко-сравнительный, историко-системный, структурный, статистический, хронологический и микроисторический методы исследования, позволившие проанализировать правовые основы, региональную практику и социальные последствия политики лишения избирательных прав в Казахстане в 1918–1936 гг. *Результаты.* Результаты исследования показали, что политика лишения избирательных прав в Казахстане в 1918–1936 гг. являлась важным инструментом реализации классовой политики советского государства и была закреплена в конституционных и нормативно-правовых актах. Архивные материалы свидетельствуют

о широком применении данной практики на региональном уровне, включая случаи необоснованного лишения граждан политических прав. Установлено, что статус «лишенца» влек за собой не только исключение из избирательного процесса, но и существенные социальные ограничения, затрагивавшие профессиональную деятельность, общественное положение и членов семьи. Несмотря на формальную отмену данной категории Конституцией СССР 1936 г., её социальные последствия сохранялись ещё длительное время. *Вывод.* В результате исследования установлено, что политика лишения избирательных прав в Казахстане в 1918–1936 гг. являлась механизмом политического и социального контроля, направленным на исключение отдельных групп населения из общественной жизни и ставшим одной из форм ранних советских репрессивных практик.

Ключевые слова: лишение избирательных прав, лишенцы, советская избирательная система, избирательное право, советская власть, классовая политика, политические репрессии, социальная дискриминация, правовые ограничения, региональная практика.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Лишенцы» в социальной структуре и повседневной жизни общества Казахстана в начале 1920-х – первой половине 1930-х годов: социально-правовой статус и проблемы адаптации» (ИРН: AP26195559).

Для цитирования: Байсалдина Г.Ж., Козыбаева М.М. Политика лишения избирательных прав в Казахстане в 1918–1936 гг.: правовые основы, региональная практика и социальные последствия // Отан тарихы. 2026. Т. 29. No 3. С. 1254–1267. [на казахском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1254-1267

DISENFRANCHISEMENT POLICY IN KAZAKHSTAN, 1918–1936: LEGAL FRAMEWORK, REGIONAL PRACTICE, AND SOCIAL CONSEQUENCES

Baisaldina Gulnazym Zharasovna [1], Kozybayeva Makhabbat Malikovna[2]*

[1] L.N. Gumilyov Eurasian National University
(2, Satpayev St., 10000 Astana, Kazakhstan)
doctoral student
https://orcid.org/0009-0007-2674-092X E-mail:baisaldinag@mail.ru

[2]L.N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpayev St., 10000 Astana, Kazakhstan)
PhD, Associate Professor, Leading researcher at the Institute of Culture and Spiritual Development "Alash"
https://orcid.org/0000-0002-7223-2439 E-mail: kozybayeva.m@mail.ru
*Corresponding author

© Valikhanov IHE, 2026
© Baisaldina G.Zh, Kozybayeva M.M., 2026

Abstract. *Introduction.* This article examines the policy of disenfranchisement in Kazakhstan from 1918 to 1936, its legal basis, implementation at the regional level, and its impact on the social status and everyday life of the population. *Purpose and Objectives of the Study.* The purpose and objectives of this article are to analyze the legal basis, regional practices, and social consequences of the policy of disenfranchisement in Kazakhstan from 1918 to 1936, as well as to identify its impact on the political and social status of various categories of the population. *Materials and Methods.* The study draws on regulatory and legal acts of the Soviet state, archival documents from the State Archives of Astana and the State Archives of Kostanay Region, as well as published historical sources and scientific literature. The study utilizes historical-comparative, historical-systemic, structural, statistical, chronological, and microhistorical research methods to analyze the legal foundations, regional practices, and social consequences of the disenfranchisement policy in Kazakhstan from 1918 to 1936. *Results.* The study demonstrated that the disenfranchisement policy in Kazakhstan from 1918 to 1936 was an important instrument for implementing the class policy of the Soviet state and was enshrined in constitutional and regulatory legal acts. Archival materials indicate the widespread use of this practice at the regional level, including cases of unjustified deprivation of citizens' political rights. It was established that the status of "disenfranchised" entailed not only exclusion from the

electoral process but also significant social restrictions affecting professional activity, social status, and family members. Despite the formal abolition of this category by the 1936 USSR Constitution, its social consequences persisted for a long time. *Conclusion*. The study found that the policy of disenfranchisement in Kazakhstan from 1918 to 1936 was a mechanism of political and social control aimed at excluding certain groups of the population from public life and became one of the forms of early Soviet repressive practices.
Keywords: disenfranchisement, disenfranchised persons, Soviet electoral system, electoral law, Soviet power, class politics, political repression, social discrimination, legal restrictions, regional practice.
Acknowledgements. The article was carried out as part of the implementation of the project «the deprived» in the social structure and everyday life of Kazakhstan's society in the early 1920s and the first half of the 1930s: problems of social and legal status and adaptation» (№ IRN AP26195559).
For citation: Baisaldina G.Zh., Kozybayeva M.M. Disenfranchisement policy in Kazakhstan, 1918–1936: legal framework, regional practice, and social consequences // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1254–1267. [in Kazakh] DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1254-1267

Кіріспе. Кеңес билігі орнағаннан кейін, басқа да нормативті-құқықтық актілермен бірге Қазақстанда жаңа сайлау жүйесі қалыптаса бастады.

«Сайлау құқығынан айырылғандар» категориясының пайда болуы 1918 жылдың 10 шілдесіндегі РКФСР Конституциясынан бастау алды. Конституцияның төртінші тарауындағы «белсенді және белсенді емес сайлау құқығы» туралы ережелер кейіннен сайлау жүйесі саласындағы қатынастарды реттейтін РКФСР және ҚАКСР мемлекеттік органдарының нормативтік актілерін қабылдау үшін құқықтық негізге айналды.

1918 жылғы РСФСР Конституциясының 64 бабы 18 жасқа толған азаматтарға олардың діни сенімі, ұлты, отырықшылық жағдайына қарамастан сайлау құқығын жариялады. Одан әрі бұл ережені нақтылау үшін «белсенді және белсенді емес» сайлау құқығын пайдаланатындар санатына мыналар: а) «өмірде өндіріс және қоғамдық пайдалы еңбекпен табыс табатындар, олар үшін өндірістік еңбекті қамтамасыз ететіндер, үй шаруасымен айналысатындар, жұмысшы және қызметкерлердің барлық категориядағы өнеркәсіп, ауыл шаруашылығы саудасы және басқа да табыс табу мақсатында жалдамалы еңбекті қолданбайтын шаруалар мен казак егіншілер; ә) кеңес әскері мен флотының солдаттары» заңды түрде жатқызылды [Конституция РСФСР, 1918].

1920 жылы азамат соғысы аяқталғаннан кейін сайлау жүйесін және басқа да мәселелерді реттейтін заңдар мен басқа да құқықтық актілер кең ауқымда қолданыла бастады.

Сонымен бірге, РКФСР Конституциясы тапқа және дінге қатысына байланысты азаматтардың «сайлау құқығына» біршама шектеулер қойды. Азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» - кеңестік кезеңдегі еңбектерде теориялық мәні мен құқықтық шеңбері толық ашылмаған тақырыптардың бірі.

Кеңестік кезеңде сайлау құқығынан айыру, ең алдымен, елдің саяси бағытына ықпал ете алатын капиталистік элементтерді қоғамдық және саяси құрылымдардан ығыстырудың бір тәсілі ретінде қарастырылды. Осыған орай, сол кездегі тарихшылар еңбектерінде «сайлау құқығынан айырылғандармен» байланысты іс-шараларды ұйымдастырудың мәселелері көбірек қарастырылды.

Азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» тақырыбы кеңестік идеология шеңберінде, орталықтың ұстанған саясатына сәйкес жүргізілді. «Сайлау құқығынан айырылғандарға» қатысты деректер мен архив материалдары соңғы жылдары ғана ашылды. Кеңестік тарихнамада Қазақстанның әрбір аймағында жүргізілген «сайлау құқығынан айыру» шараларының ерекшеліктері терең, әрі мазмұнды қарастырылмады. Сонымен қатар, бұған дейін жазылған еңбектерде сайлау құқығынан айырылған азаматтардың өмір сүру құқығының жағдайлары, статустары өзгергеннен кейінгі өмірлері туралы еңбектер жоқ.

Азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» - кеңестік кезеңдегі еңбектерде теориялық мәні мен құқықтық шеңбері толық ашылмаған тақырыптардың бірі. Кеңестік тарихнамада «сайлау құқығынан айырылғандар» мәселесін зерттеу бойынша ұстанымдар большевиктер көсемі В. Лениннің пікіріне негізделді. В. Лениннің пікірінше, бұл билікке қарсы бағытталған қанаушылардың қарсылығына байланысты қолданылған мәжбүрлі шара. В. Ленин бұрынғы үстем тап өкілдерінің еңбекші халықпен тең дәрежеде азаматтық құқықтарға ие болуын мүмкін емес деп санады [Декреты Советской власти, 1959]. Көріп отырғанымыздай, азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» тақырыбы кеңестік идеология шеңберінде, орталықтың ұстанған саясатына сәйкес жүргізілді. Кеңестік тарихнамада Қазақстанның әрбір аймағында жүргізілген «сайлау құқығынан айыру» шараларының ерекшеліктері терең, әрі мазмұнды қарастырылмады.

Материалдар мен әдістер. Зерттеудің дереккөздік базасының негізін Қазақстандағы «сайлау құқығынан айыру» институтының қалыптасуы мен дамуын айқындаған кеңестік кезеңдегі нормативтік-құқықтық актілер құрайды. Оларға 1918 жылғы РСФСР Конституциясы кіреді, ол таптық сайлау құқығы принципін және саяси құқықтармен шектелген азаматтардың санаттарын, сондай-ақ кеңестік сайлау жүйесінің таптық шектеулерден ресми жалпыға бірдей сайлау құқығына дейінгі эволюциясын көрсететін 1924 және 1936 жылдардағы КСРО Конституциясын енгізді. Зерттеудің эмпирикалық базасын Қазақстан аумағында осы саясатты қолданудың өңірлік тәжірибесін көрсететін мұрағаттық құжаттар құрайды. Жұмыста сайлау комиссияларының хаттамалары, сайлау құқығынан айырылған азаматтардың тізімдері, халықтың шағымдары мен өтініштері, сондай-ақ олардың мәртебесін қайта қарау жөніндегі құжаттар қамтылған Астана қаласы Мемлекеттік архивінің материалдары (№ 250, 241, 244 қорлар) пайдаланылды. Уездік және округтік билік органдары деңгейінде сайлау саясатын іске асыру ерекшеліктерін байқауға мүмкіндік беретін Қостанай облысының мемлекеттік архивінің (№73 қор) материалдары қосымша тартылды. Нормативтік актілер мен өңірлік мұрағат көздерін кешенді пайдалану 1918-1936 жылдары Қазақстан жағдайында сайлау құқығынан айыру саясатының құқықтық негіздерін де, оның практикалық іске асырылуы мен әлеуметтік салдарын да талдауға мүмкіндік береді.

Зерттеудің әдіснамалық негізі 1918-1936 жылдардағы Қазақстандағы «сайлау құқығынан айыру» саясатын кеңестік саяси-құқықтық жүйе контекстіндегі оның қалыптасу, даму және трансформация динамикасында қарауға мүмкіндік беретін тарихизм мен объективтілік қағидаттары болып табылады. Жұмыста әртүрлі кезеңдердің (1918, 1924, 1936 жж.) нормативтік актілерін салыстыруға және сайлау құқықтарын құқықтық реттеудегі өзгерістерді анықтауға мүмкіндік беретін тарихи-салыстырмалы әдіс қолданылды; конституциялық нормалар мен ведомстволық нұсқаулықтардың мазмұнын зерттеуге бағытталған тарихи-құқықтық талдау; сондай-ақ, Кеңес мемлекетінің саяси бақылау жүйесіндегі «сайлау құқығынан айырылғандар» институтының рөлі қарастырылған құрылымдық-функционалдық әдіс. Аймақтық тәжірибені талдау үшін жергілікті билік деңгейінде құқықтардан айыру тетіктерінің пайда болуы мен эволюциясын бақылауға мүмкіндік беретін тарихи-генетикалық әдіс қолданылды. Архив материалдарымен жұмыс істеу кезінде азаматтардың хаттамаларының, тізімдері мен шағымдарының дұрыстығын тексеруді қамтамасыз ететін дереккөздерді талдау және көздерді сынау әдістері қолданылды. Сонымен қатар, дауыс беру құқығынан айырылған адамдардың саны мен әлеуметтік құрамы туралы деректерді өңдеу үшін статистикалық әдіс, сондай-ақ осы саясаттың халықтың күнделікті өміріне әсерін анықтауға мүмкіндік беретін архивтік практикадан жекелеген жағдайларды қарау кезінде микрохирургиялық тәсілдің элементтері қолданылды.

АҚМА-ның № 250 қоры бойынша 42 іс, ал № 244 қоры бойынша 80 іс зерттеліп, олардың негізінде 1922–1924 жылдар аралығында Ақмола облысында 500-ден астам азаматтың сайлау құқығынан заңсыз айырылғаны анықталды. Осы сандық көрсеткіштерді өңдеу және «лишенцы» санатының әлеуметтік құрамын жіктеу мақсатында статистикалық әдіс пайдаланылды. № 244 қор құжаттарының 90 пайызы шағатай қаріпімен жазылғандықтан, жұмыста палеографиялық және мәтіндік талдау әдістері қолданылды. Бұл қор материалдары негізінде Атбасар уезі ауылдарында 1927 жылы жүзден астам адамның өз құқықтарын қорғап жазған арыздары микротарихи талдау (case study) әдісі аясында қарастырылды. Бұл билік пен бұқара арасындағы байланысты жекелеген адамдар мен ауылдар деңгейінде көруге мүмкіндік берді. Зерттеу барысында тарихи үрдістерді салыстыру (мысалы, 1922 ж. тамызындағы Асан-Қайғы ауданы мен 1923 ж. Александровск ауданындағы сайлау науқандары) арқылы құжаттарды жүйелеу және хронологиялық шеңберде жіктеу жұмыстары жүзеге асырылды. Орталық биліктің заңнамалық актілері мен аймақтық архив құжаттарының өзара байланысын, сайлау науқанының тұтас бір жүйе ретіндегі қызметін ашу үшін тарихи-жүйелілік әдіс басшылыққа алынды. Қолданылған әдістердің бұл жиынтығы зерттеу тақырыбын эмпирикалық мәліметтер тұрғысынан жан-жақты негіздеуге және кеңестік сайлау жүйесінің аймақтық ерекшеліктерін объективті тұрғыдан ашуға мүмкіндік берді.

Талқылау. Қазақстандық тарихнамада азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» мәселесі әлі де болса жеткілікті зерттелмеді. Аймақтар бойынша деректер толық жүйеленбеген, сайлау комиссияларының нақты шешімдері мен азаматтарға қатысты шағымдары талданбаған. «Сайлау құқығынан айырылғандарға» қатысты деректер мен архив материалдары соңғы жылдары ғана ашылды. Қазіргі ресейлік тарихнамада аталған тақырып кеңінен зерттелуде. Кеңестер Одағы құлағаннан кейін, көптеген жаңа еңбектер мен құжаттық материалдар жарық көрді. Мәселен,

Кеңестер Одағы тұсында 1920–1980 жылдар аралығында советтік зерттеушілер азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» мәселесін зерттеді. Алғашқылардың бірі М. Владимирский еңбегінде 1920 жылы елде азамат соғысы аяқталып, кеңестік билік органдары жүйеленіп, ауылдық кеңестер мен атқару комитеттерінің құрылғандығы туралы жазды [Владимирский, 1920: 147]. Зерттеуші С.М. Бродович сол жылдары азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» мәселесін егжей-тегжейлі қарастырды, кеңестік сайлау жүйесі- жалпыға бірдей тең сайлау жүйесі емес, керісінше пролетариат диктатурасының құралы екенін ашық жазды [Бродович, 1925: 27]. Зерттеуші Я. Яковлев еңбегінде сол кезеңдегі сайлау процессі тек рәсім емес, таптық соғыстың майданы деп жазды [Яковлев, 1991: 11]. Сонымен қатар автор сайлау бюллетені үшін күрестің қалай жүргендігі, селодағы «сайлау құқығынан айырылған» азаматтардың алғашқы тізімдерін келтірді. «Сайлау құқығынан айырылғандар»- кеңестік қоғам үшін нақты жау деп жазды. Бұл еңбекте азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» уақытша ғана шара емес екендігін баяндады. Автор «сайлау құқығынан айырылған» азаматтар санаттарын егжей-тегжейлі зерттеді, «сайлау құқығынан айырылған» азаматтардың балаларына ерекше тоқталды. Өкінішке орай, кеңестік кезеңде жоғарыда көрсетілген авторлардың еңбектері шындық болып саналды, 1960–1980 жылдары зерттеушілер жоғарыда жазылған еңбектерді 1920-1930 жылдар аралығындағы «бұқараның жоғары саяси белсенділігінің» көрсеткіші деп қорытынды жасады. 1918–1936 жылдары азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» қанаушы топтардың қарсылығына төтеп беру үшін жүргізілген уақытша шара деп жазды. «Хрущев жылымығы» жылдары жазылған Л.Ф. Морозов еңбегінде «сайлау құқығынан айырылған» азаматтар тек саясат құрбаны емес, сонымен қатар экономикалық реформалардың құрбаны деп жазды [Морозов, 1972: 280]. Дегенмен, Л.Ф. Морозов еңбегі бұған дейін талданған М. Владимирский, С.М. Бродович, Я. Яковлев еңбектерімен салыстырғанда, кеңестік кезеңде адам тағдырының еленбеуі нормаға енді деп жазды. А.И. Лепешкин еңбегінде мынадай формуланы еңгізеді: 1936 жылға дейін азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» пролетариатттың буржуазиядан асып түсуі үшін жасалған демократиялық қадам, яғни елдегі жұмысшылар үшін демократияның жоғары көрінісі [Лепешкин, 1966: 576]. Бұл кітап кеңестік кезеңде негізгі идеологиялық кітаптардың біріне айналды, 70-ші жылдардағы тарихшылар А.И. Лепешкинге сілтеме жасауға міндеттелді, себебі азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» «уақытша қаһармандық шара» деп жазды. Зерттеуші И.Я. Трифонов еңбегі азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» мәселесін зерттегенде өте маңызды, себебі автор кітабында ұлттық аудандарда, әсіресе Қазақстандағы рулық байланыстар, қоғамды таптық межелеуде қиындық туғызғанын жазды [Трифонов, 1969: 48]. Қорытындылай келе, жоғарыда келтірген зерттеулер азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» бұл демократияны бұзу емес, керісінше пролетариат диктатурасының заңды құралы болды, «сайлау құқығынан айырылғандар» саяси оқшауланууы қажет деп сендірді.

1990 жылдардан бастап Ресей тарихшылары азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» мәселесін кеңестер тұрғысынан жасалған жүйелі түрдегі кемсітушілік деп жазды. Зерттеуші Т.И. Славко сол кезеңде «сайлау құқығынан айырылған» азаматтардың Оралға жер аударылуы (көбінесе Қазақстаннан байлардың айдалуы туралы) кейіннен азаматтардың «сайлау құқығынан айырылған» деген статустың адамдардың жеке бас тағдырына әсерін жазды [Славко, 1999: 456]. Зерттеуші Е.В. Байда өз еңбегінде Орал архивтеріне сүйене отырып, 1920 жылдары азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» фактілері жай ғана шектеу емес, азаматтың білім алу мүмкіндігінен, күнделікті азық-түлік сатып алу құқығынан айыру деп жазды [Байда, 1996: 85]. Зерттеуші С.А. Красильников еңбегінде «мемлекеттік маргинализм» ұғымын енгізіп, азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» оларды жай ғана қоғамдық өмірден алыстату емес, кеңес мемлекетінің мақсатты түрде маргиналды топтарды құру мүддесі деп жазды [Красильников, 1998: 91]. Т.И. Славко мен Е.В. Байда Орал өңіріндегі азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» мәселесін микротарих әдісімен зерттесе, ал Красильников тұңғыш рет бүкіл Ресейдегі «сайлау құқығынан айырылған» азаматтардың өмірбаяндарын өзгертіп, кейде тіпті жасырын өмір сүруге мәжбүр болғанын жазды. Зерттеуші М.С. Саламатова еңбегінде азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» сатылы кемсітушілік деп анықтады. Өз зерттеуінде автор «сайлау құқығынан айыру» азаматтарды әлеуметтік, экономикалық құқықтардан түбегейлі айыру деп жазды Автор өз зерттеуінде азаматтарды «сайлау құқығынан айыруды» үш кезеңге бөліп қарастыруды ұсынды. Олар: 1924-1926 жылдар аралығы «жандану кезеңі», екінші кезең 1927–1929 жылдар аралығы құдалауды күшейту, үшінші кезең 1930-1936 жылдар аралығы «сайлау құқығынан айырылған» азаматтардың қоғамнан шеттетілу кезеңі деп бөлді. М.С. Саламатова зерттеуінде жергілікті сайлау комиссиялары «сайлау құқығынан айырылғандар» категориясына жатпайтындарға

да құқықтық тұрғыдан шектеулер жасағанын жазды [Саламатова 2016: 338]. Қорытындылай келе, 1990-шы жылдардың басында Ресей зерттеушілері 1920–1930 жылдары «сайлау құқығынан айырылғандар» тақырыбын жаңаша көзқараспен қайта қарастырды. Зерттеушілер «сайлау құқығынан айырылғандардың» күнделікті өмірі микротарих әдісі арқылы зерттеді.

«Сайлау құқығынан айырылғандар» тақырыбын зерттеген кеңестік Қазақстан тарихшыларға тоқталсақ, олар бұл тақырыпты көбінесе екі тарихи оқиғалармен байланыстырды. Біріншісі, 1920–1930 жылдары «ауылды кеңестендіру» және байларды «сайлау құқығынан айыру» мәселесін жазып, кейінен зерттеушілердің өздері де қуғын-сүргінге ұшырады. Екінші бір топ авторлар, 1950–1980 жылдары «сайлау құқығынан айырылғандар» мәселесін жазғандар. Олар азаматтарды «сайлау құқығынан айыруды» байларды тап ретінде жою контексінде зерттеп, азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» аштыққа алып келді деп жазды. Азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» жергілікті сайлау комиссияларының шектен шығулары, кейіннен үлкен әлеуметтік зардаптарға әкелгенін жазды. Мысалы Г.Ф. Дахшлейгер еңбегіне тоқталсақ, автор қазақ қоғамындағы жартылай феодалдарды «сайлау құқығынан айыру» прогрессивті шешім деп жазды Автордың пікірінше, қазақ ауылының «капитализмнен» аттап, бірден «социализмге» қадам жасауы үшін жасалды. Сол себепті азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» бұл қуғын-сүргін емес деп жазды. Г.Ф. Дахшлейгер «байлар» прогресске кедергі элемент, яғни ауылды патриархалдық тәуелділікте ұстады деп жазды. Дахшлейгер еңбектерінде «сайлау құқығынан айырылғандар» олар- өз руластарына малды жалға беру немесе жалға алғандар жалдамалы еңбекті пайдалану деді, яғни автор қазақтардың рулық құрылымын толық зерттеп, қазақ қоғамын батрак, кедей, орташа және бай деп бөлді[Дахшлейгер, 1965: 536]. Алайда мұндай интерпретация қазақ қоғамының әлеуметтік құрылымының күрделілігін толық ашпайды және «сайлау құқығынан айыруды» тек прогрессивті шара ретінде көрсету тарихи шындықты біржақты түсіндіруге әкеледі. Сонымен қатар «бай», «орташа», «кедей» сияқты жіктеулердің шартты сипатта болғаны және олардың жергілікті әлеуметтік қатынастарды толық бейнелей алмайтыны да атап өтіледі. Осылайша, Г.Ф. Дахшлейгер еңбектері кеңестік кезеңдегі ресми дискурс ретінде маңызды болғанымен, қазіргі тарихнамада қайта зерттеуді талап етеді. Г.Ф. Дахшлейгер мен К.Н. Нурпеисов қазақтардың рулық қатынастары туралы көптеген материалдар жинады, және ол материалдар өте құнды [Дахшлейгер, Нурпеисов, 1985: 247].

Қайта құру және посткеңестік кезеңдегі Қазақстан тарихшылары азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» мәселесін зерттеді. Олардың ішінде М.Қ. Қозыбаев, Қ.С. Алдажұманов, Ж.Б. Абылхожин еңбектері тақырыпты толық зерттеу үшін маңызды [Қозыбаев, Алдажуманов т.б., 1992]. Ж.Б. Абылхожин 1991 жылы жарық көрген еңбегінде қазақ ауылы дамымай артта қалған элемент емес, керісінше өзін-өзі қамтамасыз ете алатын әлеуметтік-экономикалық жүйе деп жазды. Қазақ ауылындағы байларды «сайлау құқығынан айыру», ауылдың шаруашылық-әкімшілік жүйесіне жасалған қиянат деп жазды. Автор 1920–1930 жылдары кеңестер тарапынан жүргізілген малды жаппай тартып алу, азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» қазақ қоғамы үшін жасалған «антропологиялық катастрофа» деп қорытынды жасады. Ж.Б. Абылхожиннің бұл тұжырымы кеңестік «артта қалушылық» дискурсына қарсы бағытталған посткеңестік кезеңдегі жаңа методологиялық көзқарасты көрсетеді. Яғни, бұл көзқарас Г.Ф. Дахшлейгер сияқты беделді кеңестік тарихшылардың қазақ қоғамын «феодалдық артта қалған құрылым» ретінде сипаттауымен қарама-қайшы келіп тұр. Осы тұрғыдан алғанда, қазақ ауылына қатысты кеңестік саясатты тек «даму» немесе «артта қалушылық» категорияларымен түсіндіру жеткіліксіз, ол күрделі әлеуметтік-саяси трансформация ретінде қарастырылуы тиіс. Г.Ф. Дахшлейгер еңбектерінде «байларды» жою прогресс деп жазса, Ж.Б. Абылхожин қазақ қоғамындағы «байларды» жою мен оларды «сайлау құқығынан айыру» мемлекет тарапынан жасалған деструктивті саясат құралдарының бірі деп жазды [Абылхожин, 1991: 288].

Тәуелсіздіктің алғашқы жылдарында жарыққа шыққан М.Қ. Қозыбаев Қ.С. Алдажұманов, Ж.Б. Әбілхожин [Қозыбаев, Алдажұманов т.б., 1992: 208] атты ұжымдық еңбекте азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» мемлекеттің өз халқына жасаған террордың бір түрі деп сипаттады. «Байлар» мен «жартылай феодалдарды» «сайлау құқығынан айыру», кейіннен мал-мүлкін тәркілеуге алып келді. Осының барлығы жергілікті шала белсенділердің «таптық күрес» жоспарын орындау үшін «сайлау құқығынан айырылғандар» тізіміне тіпті бірең-сараң малы бар шаруаларды қосып жіберу фактілері болғанын жазды.

Соңғы жылдары аталған тақырып белсенді түрде зерттеле бастады. Оның себебі, 2020 жылғы 24 қарашада ҚР Президенті Қ. Тоқаевтың Жарлығымен «Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық

ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия» құрылды. Бұл комиссия XX ғасырдың 20–50 жылдарындағы саяси қуғын-сүргін құрбандарын ақтау үшін кешенді әрі жүйелі жұмыс жүргізді.

Комиссияның қызметін жүргізу үшін жобалық кеңселер құрылды. Бұл жобалық кеңселерге зерттеушілер, ғалымдар мен мемлекеттік органдардың өкілдері кірді. «Саяси қуғын-сүргін» тарихына қатысты Мемлекеттік комиссия құрамына 425 ғалым мен зерттеушілер, оның ішінде аймақтардан 260-тан астам маман тартылды. Олар еліміздің 60-тан астам

Нәтижесінде, еліміздің 60-тан астам архивінде ауқымды ізденістер жүргізіліп, бүгінгі таңда 2,6 миллионнан астам материал құпиялықтан шығарылды.

Бүгінгі күні «сайлау құқығынан айырылғандар» туралы бірнеше қазақстандық тарихшы ғалымдар түрлі зерттеу жұмыстарын жүргізіп жүр. Солардың ішінде зерттеуші С.К. Тулбасиева зерттеуінде 1926 жылғы сайлау нұсқаулығының Қазақстандағы іске асуын талдады. Автор «сайлау құқығынан айыру» саясатын кеңестік құқық жүйесін қолданудың репрессивтік тетігі және тоталитарлық тәжірибенің құқықтық бейнесі деп бағалады [Тулбасиева, 2023]. Зертеушілер М.М. Қозыбаева мен А. Кайыпбаева бірлескен еңбектерінде Қазақстандағы 1920–1930 жылдары «азаматтарды сайлау құқығынан айыру» тәжірибесін құқықтық және әлеуметтік тұрғыда талдап, оның қоғамдағы салдарын анықтау мәселесін жазды[Қозыбаева, Қайыпбаева, 2025: 411–423]. Авторлар бұл құбылысты Кеңес өкіметінің таптық және идеологиялық саясатымен тығыз байланыстырып, азаматтарды «сайлау құқығынан айыру» – азаматтарды саяси өмірден аластату әдісі деп қорытындылап отыр.

Нәтижелер. 1918 жылдың 10 шілдесіндегі РКФСР Конституциясы тек заң емес, таптық күрестің инструкциясы болды. Конституцияның IV тарауындағы «белсенді және белсенді емес сайлау құқығы» ережесі кейіннен сайлау жүйесі саласындағы қатынастарды реттейтін РКФСР және ҚазақКСР мемлекеттік органдарының нормативтік актілерін қабылдау үшін құқықтық негізге айналды. 1918 жылғы РСФСР Конституциясының 64 бабында 18 жасқа толған азаматтарға олардың діни сенімі, ұлтына жағдайына қарамастан «сайлау құқығы» берілді. Одан әрі бұл ережені нақтылау үшін «белсенді және белсенді емес» сайлау құқығын пайдаланатындар санаты енгізілді: а) өнеркәсіп, зауыт-фабрика жұмысшылары, көлік, құрылыс саласындағы жұмысшылар, өз еңбегімен күн көретін кедей және орта шаруалар, үй шаруасындағы адамдар (мысалы, жұмысшының әйелі); ә) кеңес әскері мен флотының солдаттары жатқызылды [Конституция РСФСР, 1918].

Сонымен бірге, РКФСР Конституциясы адамдардың таптық ерекшеліктері және дініне байланысты «сайлау құқығына» біршама шектеулер қойды. Конституцияның 65-бапына сәйкес, жұмыс жасамайтын, тек жеке меншіктегі пайда көзінен күн көретін тұлғаларды саяси өмірге қатысу мен «сайлау құқығынан айырды». «Сайлау құқығы» берілмегендерге жатты: жалдамалы еңбекті пайдаланушылар; жеке саудамен айналысушылар; дін қызметкерлері және монахтар; бұрынғы полиция қызметкерлері және патша әскерилері; капиталдан пайда табушылар; және ар-намысқа нұқсан келтіретін қылмыс жасағандар [Конституция РСФСР, 1918]. Осылайша, Конституцияның екі бабы бір-бірене қарама-қайшы екенін көреміз. РКФСР Конституциясында азаматтардың «сайлау құқығын» шектелді, бірақ, РКФСР Ұлттар ісі бойынша Халық комиссариатының бастамашыл топтары жиналысына қатысқандарға революциялық қаралауды азайтқанмен, екінші жағынан Автономиялық Республика Конституциясы негізінде Қазақстанның сайлау жүйесін қалыптастырудың негізі әзірленді. Онда «сайлау құқығынан айырылғандар» тізбесі РКФСР Конституциясының 64 бабына сәйкестендірілді. Съезд қаулыларының бірінде «қанаушыларды билікке көндірудің немесе олардың айырықша құқықтарын қайтарғысы келетін әрекеттерімен күрестің сапалы уақытша шара екендігі, оларды саяси құқығынан айыру және қандай да бір еркіндігін шектеу қажеттілігі ретінде жүргізілгендігі» көрсетілді. Партия уақытша шараларды жою үшін де, оларды азайтуға және толықтай жоюға ұмтылды [Зиманов, т.б. 1981].

1919 жылдың 29 сәуірінде Кеңестердің бүкілқазақ съезін шақыруға дайындық бойынша РСФСР Ұлттар Халық комиссаритатының бастамашы тобының жиналысы сайлау мәселесі туралы түбегейлі түрде «таптық» бағыттағы «бұрынғы басқарма басшылары, ауыл старшиналары, халық судьялары, бұрынғы қоныстандыру басшыларының облыстық, уездік полиция басқармасының хатшылары, болыстық старшиналар, селолық старосталар, болыстық соттар мен А. Керенский уақытша үкіметінің милиция шенділері, облыстық және болыстық земство басқармасының төрағалары мен барлық мүшелері, кулактар, саудагерлер, өсімқорлар, есі кемтарлар, Кеңес өкіметінің тергеуінде және соттың бақылауында жүргендердің, пайдакүнемдік сипаттағы: алаяқтық, мүлік жысқыру, парақорлық, адам

өлтіру, контрреволюциялық үкімет шенділерінің қылмыстары үшін сотталғандардың «сайлауға және сайлануға» құқығы жоқ деп тұжырымдады [Образование СССР, 1949: 175–177].

Сонымен қатар, 1919 жылдың 20 желтоқсанына дейін әртүрлі «үкімет» ұйымдары (облыстық земствовалық басқармалар мен Алашорда) ұйымдастыруға қатысушылар мен Кеңес өкіметіне қарсы күрескен және күресуші әскер құрамы мүшелері арасындағы Кеңес өкіметін мойындаған тұлғаларға рақымшылық жариялады. Олардың қылмыстары таза саяси сипатта болғандықтан, қабылданған рақымшылыққа сәйкес олар сайлау құқығынан айырылмайды деп шешті.

Қазақ даласын басқару үшін құрылған Қазақ революциялық комитетінің (әрі қарай – Қазревком) алғашқы құрылған күннен бастап, сайлау жүйесінің элементтерін жасаумен, ауылдық Кеңестер депутаттарының жұмысын ұйымдастырып, ондағы сайлау мәселесімен айналысты. Сайлаушылардың ауылдағы съездері мүмкіндігінше халықтың ең кедей бөлігі орналасқан ауыл орталықтарында өткізілу қажеттігі жөніндегі нұсқаулық жасалды. Қазревком қаулысында «шенеуніктер арасында патшалық өкімет кезіндегі басшылар мен оған қызмет еткендердің барлығы сайлау құқығынан айырылатыны, Далалық Жарғының 70 бабы бойынша губернатор тағайындаған билеушілер және сол саясатты белсенді жүргізген патшалық тәртіптің шенеуніктері, сонымен қатар кеңестік лауазымға пара беріп сайланғандар сайлау құқығынан айырылатындығы» айтылды. Қазревкомның шешімімен еңбекші халықтың сайлау құқығы жөніндегі пікірталастардан кейін молдалардың сайлау құқығы бекітілді.

Азамат соғысы аяқталғаннан кейін сайлау жүйесін және басқа да мәселелерді реттейтін заңдар мен басқа да құқықтық актілер кең ауқымда қолданыла бастады. Қорыта келгенде, кеңестік кезеңде «сайлау құқығынан айыру», ең алдымен, елдің саяси бағытына ықпал ете алатын капиталистік элементтерді қоғамдық және саяси құрылымдардан ығыстырудың бір тәсілі ретінде қарастырды.

1920 жылдың 3 ақпаны Қазревком қазақтардың сайлау құқығы туралы мәселені қарады. Осы мәселе бойынша қабылданған қаулы, РКФСР Конституциясының «белсенді және белсенді емес сайлау құқығы» тарауын түсіндіру актіне айналды.

Қазревком жұмысын талдай келе, заңгер-ғалым Зиманов былай көрсетті: «Қазревком Кеңес өкіметіне оң көзқарастағы қазақ зиялыларының бір бөлігін жергілікті жерлерде кеңестерді нығайту үшін өзіне тарту жұмысын бастады [Зиманов, 2009: 456.].

1920-1936 жылдары ҚазақАКСР-і РСФСР құрамында болды. 1920 жылдың 30 сәуірінде РКП(б) Орталық Комитеті Қазақстан РКП(б) Облыстық бюросын құрды, оның құрамына С.С. Пестовский, А. Әйтиев, А. Әлібеков, С. Арғыншиев, А. Мұрзағалиев, А. Авдеев, Ә. Жангелдин кірді. Оларға Бүкілқырғыз (Бүкілқазақ) съезіне сайлау бойынша жүргізілетін барлық жұмысқа жетекшілік ету тапсырмасы берілді. Осылайша, тез арада Өлкелік революциялық органдар тарапынан облыстық, уездік, болыстық басқармалар мен Кеңестердің атқару комитеттеріне әйелдер мен ерлер арасындағы орыстың оқу орындарынан ең кем дегенде 2 кластық училищеден және мұсылман медресесінен білім алғандарды, болыстық курстар мен ауылдық мектептерді бітірген және жалпы орыс мектептерінде білім алғандар жөнінде олардың жасы көрсетілген, оқу орындары анықталған тізімдерді жасау туралы нұсқау берілді. Бұның барлығы 1920 жылы 6 қазанда ҚазКСР Кеңестерінің Құрылтай жиналысында қабылданған Қырғыз (Қазақ) АКСР Еңбекшілер құқығының Декларациясында ескерілмеді.

Осылайша, әлеуметтік тегі немесе еңбекке қатысы адамның саяси құқығын айыруға негіз болды. «Сайлау құқығынан айырылғандар» деген категория заңдастырылып, таптық теңсіздіктің құқықтық тетігі қалыптасқан кез еді.

Зерттеудің деректік негізін айқындау үшін архив қорларын қарастырдым. 1922 жылғы 6 тамызда Ақмола губерниясы, Акмола уезінің болыстық кеңесінің №1 ауылындағы отырыстың хаттамасында РСФСР Конституциясына және КСРО бойынша «сайлау туралы ережеге» сәйкес ауылдық кеңесті таңдау отырысын жүргізді. Конституцияның 64 бабына сәйкес және «сайлау туралы ережеге» сәйкес сайлауға құқығы барлардың жалпы саны 244 адам деп бекітілді. Сайлауға 125 адам қатысты. Конституцияның 65 бабына сәйкес 6 адам сайлаудан шеттетілді. Әлеуметтік-экономикалық құрылымдағы сайлау құқығынан айырылғандардың құрамында белгілі бір ерекшеліктер байқалады (Кесте).

Кесте. Сайлау құқығынан айырылған» адамдардың тізімі [АҚМА. 244 қор, 2-т, 7-іс, 25-п.]

№	Тегі, аты-жөні	Жасы	Мүліктік жағдайы	Кәсібі	Сайлаудан шеттетудің себебі
1	Жүсіпов Макау	35	Кедей	Молда	дін өкілі
2	Ақбаров Абдулқадыр	23	Кедей	Муазин	қоңырау беруші
3	Сейпенов Құрманб.	36	Кедей	Молда	дін өкілі
4	Жемінтаев Рахым	67	Бай	мал баққан	жалдамалы жұмысшыны пайдаланған
5	Батыров Қазым	62	орташа	мал баққан	монах
6	Андекин Джамал	54	кедей	мал баққан	монах

Жоғарыда көрсетілген хаттама мен кестеден көретініміз, «сайлау құқығынан айырылған» азаматтар Кеңес өкіметінің алғашқы жылдарынан-ақ қоғамдық өмірден шеттету, кейін тіпті репрессиялық шараларға алып келуін көреміз.

1923 жылғы 26 қыркүйекте өткен Ақмола уездік атқару комитетінің, Александровск болысындағы қызыл армия, жұмысшы және шаруа кеңестерін сайлау № 1 хаттамасынан үзінді. Сайлауға 32 адам қатысқан, 1918 жылғы РСФСР Конституциясына сәйкес «сайлау құқығынан айырылғандар» 11 адам Тізімдегі «сайлау құқығынан айырылған» азаматтарды олардың мүліктік жағдайы, яғни жері, мал санын, қоғамдық жағдайын, «сайлау құқығынан айыру» себебін, уақыты мен «сайлау құқығынан айырған» органдарға дейін жазған. Мысалы Александровск болысының тұрғыны Емельянов Евгений 29 жаста, партияға тіркелмеген, кедей, 1918 жылға дейін Колчак әскерінде қызмет еткен, бұрын сайлауға қатыспаған. Александровск болысының тұрғыны Сибранов Илья 30 жаста, партияға тіркелмеген, кедей, 1918 жылға дейін Колчак әскерінде қызмет еткен, бұрын сайлауға қатыспаған [АҚМА, 244-қ., 1-т., 2-іс, 25-п.].

Тағы бір мысал, 1923 жылғы 19 қазандағы Ақмола облысы Эркеншилинский болысындағы сайлау комиссиясының хаттамасында Эркеншилинский ауданының № ауылының тұрғыны Лилия Базилеваның ол туралы жалған ақпарат таратылып, оны ресми түрде негізсіз сайлау құқығынан айырғаны туралы айтылады [АҚМА, 250-қ., 2-т., 2-іс, 8-п.]. Дәл осындай ақпараттар архивте жетерлік.

1928 жылы басталған Қостанай аудандық сайлау комиссиясы отырыстарының хаттамалары және Қостанай округы кеңестердің қайта сайлау науқанының барысы туралы есептерін қарадым. Онда 1928 жылға дейін Қостанай округы бойынша «сайлау құқығынан айырылған» азаматтар саны 1927 жылғы сайлаумен салыстырғанда азайған, бірақ жекелеген аудандарда «сайлау құқығынан айырылғандар» саны көбейген. Өткен сайлауда «сайлау құқығынан айырылғандар» саны 500 адам болса, 1928 жылы қайта сайлауға 27 ауылдық кеңес бойынша тағы 34 азамат «сайлау құқығынан айырылған». «Сайлау құқығынан дұрыс айыру» жағдайлары негізінен 14 баптың «а» жалдамалы еңбек қолданатын еңбек шаруашылығын айқындау бөлігінде дұрыс түсіндірмеу және нұсқаулықтың 18-бабын сақталмауы орын алды. Мысалы Қостанай облысы Аман-Қарағай ауданында екі дін өкілі «сайлау құқығын» қайта беруді сұрап бірнеше рет өтініш жазды. Өтініште дін өкілдері бұрынғыдай сабақ беруді тоқтаттық деп жазды. Дегенмен аудандық сайлау комиссиясы мен селолық сайлау комиссиялары жоғарыда айтылған дін өкілдерінің өтінішін шындыққа жанаспайды деп шешті. Олар сол қалпы өздерінің діни салттарын орындап, ақша алып жүр деп жазды. Дәл сол жылы Урицкий ауданының Весело-Подольский селосының священнигі аймақтық сайлау комиссиясына оны «сайлау құқығынан» заңсыз айырды деп өтініш жазды. Священник өз өтінішінде 1918–1919 жылдары қызыл армия қатарында қызмет атқарғанын жазды. Қазіргі уақытта священник өзін алып-сатар қатарына немесе жалдамалы еңбекті пайдаланушылар қатарына жатпайтынын жазды. Священник 1925 жылдан бастап Қарабалық ауданының діни ұйымдарында священник болып жүргенін және кеңестердің «дін бостандығы» туралы жарғысына сәйкес, өзіне «сайлау құқығын» беруді сұрады. Бұл дерек Қарабылқ аудандық сайлау комиссиясының есебінен [ҚОМА 73-қ., 2-т., 1-іс, 30-п.].

Азаматтарды тек «сайлау құқығынан айыру» ғана емес, сонымен қатар қоғамнан оқшаулау әрекеті байқалып отыр. Дегенменен, «сайлау құқығынан айырылғандар» деген статуспен бірнеше жыл өмір сүріп, кейін «сайлау құқығын» қайтару туралы құжаттар да архив қорларында кездеседі.

1926 жылдың қараша айында Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитеті (әрі қарай - БОАК) пен Халық Комиссарлар Кеңесі (әрі қарай – ХКК) «Қалалық және ауылдық кеңестерді сайлау және кеңестер съездерін шақыру туралы Нұсқаулықтың» бекітілуі «сайлау құқығынан айырудың» практикалық жүзеге асуы еді. Құжаттың басты ерекшелігі – «сайлау құқығынан айырылған» азаматтардың тізімін айқын анықтап, оның көлемін кеңейтуінде еді. Бұл нұсқаулықта келесі санаттағы адамдар сайлауға қатыса алмайтын болды: жалдамалы еңбектен пайда табушылар (қожайындар, бай шаруалар, саудагерлер); сауда, делдалдық және жеке капиталмен айналысатындар, барлық дін өкілдері (молдалар, поптар, монахтар т.б.); бұрынғы полицейлер, патша офицерлері және олардың отбасы мүшелері; кулактар, бұрынғы меншік иелері және ірі мал иелері; саяси немесе экономикалық тұрғыда мемлекетке қарсы әрекет еткен тұлғалар. Нұсқаулықта ерекше атап көрсетілген тұжырым: «сайлауға және сайлануға» тек Кеңес өкіметін нақты қолдайтын азаматтар қатысуға құқылы». Осылайша, нұсқаулық еңбек ұстанымдарын формалды ұстанғанымен, іс жүзінде азаматтарды әлеуметтік және діни белгілерге қарай саяси өмірден шеттетудің заңды құралына айналды.

1926 жылғы нұсқаулық Қазақ АКСР Орталық сайлау комиссиясының шешімімен жергілікті сайлау органдарына жолданды. Сайлаушылар тізімін жасақтау кезінде әр ауыл мен уезде арнайы комиссиялар құрып, «сенімсіз азаматтарды анықтау» жолымен тізімнен шығаруды жүргізді.

Мәселен, архив деректері бойынша 1926–1927 жылдар аралығында бір ғана Ақмола губерниясында жергілікті тұрғындардың 10%-ын сайлау тізімінен алынып тасталынды. «Сайлау құқығынан айырылғандарға» тоқымашылық, саудамен айналысу, діни уағыз айту сияқты кәсіп түрлерімен айналысуға тыйым салынды [АҚМА, 244-қ., 1-т., 2-іс, 3-п.].

Осылайша, нұсқаулықтың құқықтық салдары азаматтардың саяси және еңбек бостандығын шектеді. «Сайлау құқығынан айырылған» статусы азаматтарға қолданылған біржола саяси құқықсыздандыру шарасының сипатын иемденді. Яғни жүйелі және ұзақ мерзімге бағытталған құқықтық жазалау нысанына ұласты. Тізімге енген азаматтардың отбасы мүшелері де автоматты түрде енгізілді (мысалы, дін қызметкерінің баласы сайлауға қатыса алмады). Осылайша, саяси жауапкершілікті жеке тұлғамен шектемей, оны әлеуметтік деңгейге дейін кеңейтті, нәтижесінде «сайлау құқығынан айырылған» деп танылған отбасы толықтай қоғамнан шеттетілді.

1931–1932 жылдар аралығында «Каруголь» кәсіпорындарында, «Степняк» алтын өнеркәсібінде, «Ақжал» совхоздарында өздерінің үлгілі жұмыстарымен, партия мен өкіметтің еңбек тәртібі мен еңбек өнімділігін көтеру жөніндегі іс – шараларына берілгендіктерін көрсетіп, өздері жұмысшылар ретінде үлгі болды. Сондай-ақ кенттердегі қоғамдық-мәдени-бұқаралық жұмыстарға белсенді қатыса отырып, ұйымның сеніміне лайық деп РСФСР-дің 1934 жылғы қайта сайлаудың сайлау нұсқаулығының 41-бабы және КСРО ОАК-нің 27 қыркүйек 1934 жылғы қаулысы негізінде сайлау құқығында арнайы қоныс аударушыларды, Қарағанды облысының Трудпоселок цветметзолото № 2 «Степняк» «сайлау құқығынан айырылған» 105 арнайы қоныс аударушының да өтініші қайта қаралды. Қарағанды аудандық комендатурасының 433 арнайы қоныс аударушыларының «сайлау құқығынан айырылғандар» ісі қайта қаралды. Осокаров аудандық комендатурасынның 200 арнайы қоныс аударушысының өтініші қайта қаралды. Ақмола аудандық комендатурасының 10 арнайы қоныс аударушыларының өтініші қайта қаралды [АҚМА 27-қ., 2- т. 2-іс, 36-п.].

1934 жылы Қазақстанда КСРО Ішкі істер халық комиссариаты және Қазақ АКСР ОАК «сайлау құқығын қалпына келтіру» жөніндегі қаулы қабылдап, еңбек тәртібінде үлгілі тұлғаларға құқықтарын қайтаруға рұқсат берілді [АҚМА 250-қ., 2-т., 2-іс, 81-п.]. Алайда бұл процесс ішінара болды және саяси науқан сипатын жоймады. Азамат соғысының аяқталуы және контрреволюциялық күштердің ұйымдасқан қарсы тұру мүмкіндіктерін жою нәтижесінде Кеңес өкіметінің толықтай билік басына келуі, сайлау жүйесін ырықтандыруды қамтамасыз етті. 1936 жылғы 5 желтоқсанда қабылданған Кеңес Конституциясы «жалпыға бірдей, тең және тікелей сайлау құқығын» жариялады. Сол 123-бапта: «КСРО-ның барлық азаматтары, жынысына, ұлтына, сеніміне және әлеуметтік тегіне қарамастан, тең құқыққа ие» деп жазылды. Осы құжатпен «сайлау құқығынан айырылған» ұғымы құқықтық айналымнан алынып тасталды. Алайда, бұрынғы «сайлау құқығынан айырылғандардың» балалары мен туыстары әлі ұзақ жылдар бойы партияға немесе жоғары оқу орындарына қабылдануда саяси шектеулерге ұшырап отырған [Кукушкин, Чистяков, 1987: 285-287].

Сайлау құқығын шектеу тек есі кемтарлар үшін, сол сияқты сайлау құқығынан айырылған сот арқылы жаза кесілгендерге қойылды. Кейіннен, таптық белгілері бойынша кемсіту нормалары өзгертіліп, алғаш рет жылпыхалықтық, тең және жасырын дауыс беру арқылы төте сайлау құқығы көрініс тапты.

Қорытынды. Жүргізілген зерттеу 1920–1930 жылдардың бірінші жартысында Қазақстанда жүзеге асырылған «сайлау құқығынан айыру» саясатының кеңестік құқықтық жүйенің шеңберінде қалыптасқанымен, іс жүзінде саяси және әлеуметтік бақылаудың әмбебап тетігіне айналғанын дәлелдейді. 1918–1936 жылдар аралығындағы «сайлау құқығынан айыру» саясаты Кеңестік құқық тарихында қуғын-сүргіннің алды болды. Ол социалистік идеологияның «еңбек-құқықтың негізі» деген ұстанымына сүйенсе де, шын мәнінде, саяси өмірге қатысу мүмкіндігін әлеуметтік тегіне қарай шектеудің заңды формасына айналды. Оған дәлел жоғарыда аръив қорларынан көрсеткен деректер.

1926 жылғы нұсқаулық арқылы бұл саясат құқықтық институт ретінде бекітіліп, кеңестік қоғамды «тазарту» және бақылау құралы қызметін атқарды. 1936 жылғы Конституцияда бұл норма ресми жойылғанымен, оның әлеуметтік зардаптары ұзақ сақталып, қоғамда қорқыныш пен тәуелділік психологиясын орнатты. Зерттеудің тәжірибелік және ғылыми құндылығы- архив қорларында көп жылдар бойы жатқан істер қайта қаралды. Өйткені билік «сайлау құқығынан айырумен» қатар жүретін шектеулер тізімін қоғамдық өмірдің әртүрлі салаларында қосымша шектеулермен кеңейтіп отырды. Сондықтан, «сайлау құқығынан айырылғандарды» Сталин дәуіріндегі жаппай саяси қуғын-сүргіннің құрбандары деп санауға болады. Зерттеудің нәтижелері тарихи әділдікті қалпына келтіру және кінәсіз адамдардың есімдерін ақтауға көмектеседі.

Дереккөздер

АҚМА – Астана қаласының мемлекеттік архиві

ҚОМА – Қостанай облысының мемлекеттік архиві

Әдебиеттер

Абылхожин, 1991 – *Абылхожин Ж.Б.* Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). Алма-Ата: Ғылым, 1991. 288 с.

Байда, 1997 – *Байда Е.В.* Социальный портрет лишенного избирательных прав за занятие торговлей // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. 85 с.

Бродович, 1925 – *Бродович С.М.* Советское избирательное право. Ленинград: Государственное издательство, 1925, 27 с.

Владимирский, 1919 – *Владимирский М.* Организация советской власти на местах. М.: Госиздат, 1919. 147 с.

Гурвич, 1960 – *Гурвич Г.С.* Основы советской Конституции. М.: Госиздат, 1960. Издание 4-ое, 162 с.

Дахшлейгер, 1965 – *Дахшлейгер Г.Ф.* Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). Алма-Ата: Наука, 1965. 536 с.

Дахшлейгер, Нурпеисов, 1985 – *Дахшлейгер Г.Ф., Нурпеисов К.Н.* История крестьянства Советского Казахстана. Алматы: Наука. 1985, 247 с.

Декреты Советской власти, 1959 – Декреты Советской власти. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 2. 588 с.

Зиманов и др. – *Зиманов С.З., Даулетова С.О., Исмагулов М.Ш.* Казахский отдел Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. Алма-Ата: Наука КазССР, 1981. 193 с.

Зиманов, 2009 – *Зиманов С.З.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Алматы: Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009. 455 с.

Конституция РСФСР, 1918. – Конституция РСФСР, 1918. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1918. № 51. Ст. 582. С. 20–22.

Красильников, 1998 – *Красильников С.А.* На изломах социальной структуры. Маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917–1930-е гг.). Новосибирск: НГУ, 1998. 91 с.

Кукушкин, Чистяков, 1987 – *Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И.* Очерк истории Советской Конституции. М., Политиздат, 1987. 362 с.

Қозыбаев, т.б., 1992 – *Қозыбаев М.Қ., Алдажуманов Қ.С., Әбілхожин Ж.Б.* Қазақстандағы күшпен коллективтендіру: қорлық пен зорлық. Алматы: ТЭИ, 1992. 208 б.

Қозыбаева, Қаипбаева, 2025 – *Қозыбаева М.М., Қаипбаева А.Т.* Political Repressions and Marginalized People in the Cities of Kazakhstan in the 1920s–1930s: Legal Status and Problems of Adaptation of Disenfranchised

People // Asian Journal «Steppe Panorama». 2025. Vol. 11. No. 2. P. 411–423. DOI: 10.51943/2710–3994_2024_38_2_411-423.

Лепешкин, 1966 – *Лепешкин А.И.* Советы – власть трудящихся. 1917–1936 гг. М.: Юридическая литература, 1966. 576 с.

Морозов, 1972 – *Морозов Л.Ф.* Вытеснение капиталистических элементов города в 1926–1929 гг. в СССР. М.: Наука, 1972. 280 с.

Образование СССР, 1949. – Образование СССР. Сборник документов. 1917–1924. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 472 с.

Саламатова, 2016 – *Саламатова М. С.* Выборы в Советской России: законодательство и практика реализации (1918–1936 гг.). Новосибирск: НГУЭУ, 2016. 338 с.

Славко, 1999 – *Славко Т.И.* ГУЛАГ: его строители, обитатели и герои / под ред. И.В. Добровольского. Франкфурт-на-Майне, Москва, 1999. 456 с.

Трифонов, 1964- *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в начале нэпа (1921–1922 гг.) Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1964. 311 с.

Тулбасиева, 2023 – *Тулбасиева С.К.* Лишение избирательных прав в Казахстане 1920–30-х гг. XX века (на примере города Алма-Ата) // Genesis: исторические исследования. 2023. № 3. С. 27–47. DOI:10.25136/2409-868X.2023.3.37630. URL: https://nbpublish.com/ library_read_article. php?id=37630.

Яковлев, 1991 – *Яковлев Я.А.* Классовая борьба в деревне в связи с перевыборами в Советы // *Известия ЦК КПСС*. 1991. № 3. С. 11–21.

Sources

QOMA – Qostanay oblysynyn memlekettik arhivi [State Archive of Qostanai Region]

AQMA – Astana qalasynyn memlekettik arhivi [State Archive of Astana Region]

References

Abylkhozhin, 1991 – *Abylkhozhin J.B.* Tradicionnaia struktura Kazakhstana Socialno-ekonomicheskie aspekty funkcionirovaniya i transformaciyi [The traditional structure of Kazakhstan. Socio-economic aspects of functioning and transformation (1920-1930)]. Almaty: Gylym. 1991. 208 p. [in Russian]

Baida, 1996 – *Baida E.V.* Socialnyj portret lishennogo izbiratelnyh prav za zanyatie torgovlej // Istoriya repressiina Urale: ideologiya, politika, praktika (1917 – 1980-e gg.) [Social portrait of a person disenfranchised for engaging in trade // The history of repression in the Urals: ideology, politics, practice (1917 – 1980s)]. Ekaterinburg: Izd-vo UlGU. 256 p. [in Russian]

Brodovich, 1925 – *Brodovich S.M.* Sovetskoe izbiratelnoe pravo [Soviet electoral law] Leningrad: Yuridicheskaya literature, 1925, 27 p. [in Russian]

Dahshleiger, 1965 – Dahshdeiger G.F. Socialno-ekonomicheskie preobrazovaniya v aule i derevne Kazahstana (1921–1929gg.) [Socio-economic transformations in the village and village of Kazakhstan (1921-1929)]. Almaty: Nauka. 1965, p. 536. [in Russian]

Dahshleiger, Nurpeisov, 1985 – *Dahshleiger G.F., Nurpeisov K.N.* Istoriya krestyanstva Sovetskogo Kazahstana [The history of the peasantry of Soviet Kazakhstan]. Almaty: Nauka. 1985, T.1, p. 247. [in Russian]

Dekrety Sovetskoy vlasti,1959 – Dekrety Sovetskoy vlasti. [Decrees of the Soviet Power]. M.: Gospolitizdat, 1959, t. 2, 588 p.

Gurvich, 1960 – *Gurvich G.S.* Osnovy sovetskoi Konstitucii [Fundamentals of the Soviet Constitution]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1960. 4-e izd. 162 p. [in Russian]

Konstituciya RSFSR, 1918. – Konstituciya RSFSR, 1918. Konstituciya [The Constitution of the RSFSR, 1918] (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki, prinyataya V Vserossijskim s"ezdom Sovetov 10 iyulya 1918 g. // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo Pravitel'stva RSFSR. 1918. № 51. St. 582. Pp. 20–22 [in Russian].

Konstitutsiia SSSR, 1936 – Konstitutsiia (Osnovnoi Zakon) Soiuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik, utverzhdennaia Chrezvychainym VIII s'ezdom Sovetov SSSR 5 dekabria 1936 g. [Constitution of the USSR] Politizdat 1987. 285 p. [in Russian].

Kozybayeva, Kaipbaeva, 2025 – *Kozybaeva M., Kaipbaeva A.* Political repressions and marginalized people in the cities of Kazakhstan in the 1920s-1930s: legal status and problems of adaptation of disenfranchised people. Asian Journal «Steppe Panorama». 2025, № 11 (2). Pp. 411–423. https://doi.org/10.51943/2710-3994_2024_38_2_411-423. [in English]

Krasilnikov, 1998 – *Krasilnikov S.A.* Na izlomah socialnoi struktury. Marginaly v poslerevolyucionnom rossiskom obshestve (1917–1930-e gg.) [On the fractures of the social structure. Marginals in post-revolutionary Russian society (1917–1930ss)]. Novosibirsk: NGU. 1998. 91 p. [in Russian].

Lepeshkin, 1966 – *Lepeshkin A.I.* Sovety – vlast trudyashihsya 1917–1936 gg. [The Soviets were the power of the working people from 1917 to 1936]. M.: Yuridicheskaya literatura. 1966. 576 p. [in Russian]

Morozov, 1972 – *Morozov L.F.* Vytesnenie kapitalisticheskih elementov goroda v 1926 -1929 gg. v SSSR [The displacement of the capitalist elements of the city in 1926–1929 in the USSR]. M.: Nauka, 1972. 280 p. [in Russian]

Obrazovanie SSSR, 1949. – Obrazovanie SSSR. Sbornik dokumentov. 1917–1924. [Obrazovanie SSSR. Sbornik dokumentov. 1917–1924]. M.– L.: Izd-vo AN SSSR, 1949. 472 p.

Qozybaev, t.b., 1992 – *Qozybayev M.Қ., Aldazhumanov K.S., Abilhozhin Zh.B.* Kazakstandagi kushpen kollektivtendiru: korlyk pen zorlyk [Collectivization by force in Kazakhstan: humiliation and violence] Almaty: TEI. 1992. 208 p. [in Kazakh].

Salamatova, 2016 – *Salamatova M.S.* Vybory v Sovetskoj Rossii: zakonodatelstvo i praktika realizacii (1918–1936 gg.) [Elections in Soviet Russia: legislation and implementation practice (1918-1936)]. Novosibirsk. NGUEU. 2016. 338 p. [in Russian].

Slavko, 1999 – *Slavko T.I.* GULAG: ego stroiteli, obitateli i geroi. Frankfurt-na-Majne [GULAG: its builders, inhabitants and heroes. Frankfurt am Main] Moskva: 1999. 456 p.

Tulbasieva, 2023 – *Tulbasieva S.K.* Lishenie izbiratelnyh prav v Kazahstane 1920-30-h gg. HH veka (na primere goroda Alma-Ata) // Genesis: istoricheskie issledovaniya [Disenfranchisement in Kazakhstan in the 1920s and 30s of the twentieth century (on the example of the city of Alma Ata)] // Genesis: Historical research. 2023, № 3. Pp. 1–12. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.3.37630 EDN: BGITQM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37630. [in Russian]

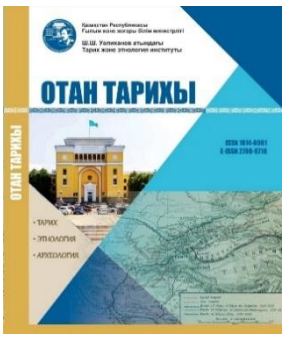
Vladimirski, 1919 – *Vladimirski M.* Organizaciya sovetskoj vlasti na mestah [The organization of Soviet power on the ground]. M.: Gosizdat, 1919. 147 p. [in Russian].

Yakovlev, 1991 – *Yakovlev Ya.* Klassovaya borba v derevne v svyazi s perevyborami v Sovety [The class struggle in the countryside in connection with the re-election to the Soviets]. Moskva: Izvestia CPSU. 1991. №3. [in Russian]

Zimanov, 2009 – *Zimanov S.Z.* Poln. Sbor.soch. v 10 tomah [Full. Collected works in 10 volumes]. Almaty: ZAN Media Corporation, 2009. T. 3. 455 p. [in Russian]

Zimanov, dr, 1981 – *Zimanov S.Z., Dauletova S.O., Ismagulov M.Sh.* Kazahski otdel narodnogo komissariata po delam nacionalnostei RSFSR [Kazakh Department of the People's Commissariat for Nationalities of the RSFSR]. Almaty: Nauka Kazakhskoy SSR, 1981. 193 p. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1268–1280
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР/ МРНТИ / IRSTI 03.81.99
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1268-1280

HISTORICAL FIGURES IN RURAL STREET NAMES OF NORTHERN KAZAKHSTAN: FROM SOVIET TO NATIONAL PANTHEON

Alikhan Shakenov

Institute for the Study of the Ulus of Jochi (Astana, Kazakhstan)
Senior researcher
https://orcid.org/0009-0009-7575-6412 e-mail: alikhan.shakenov@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026
© Shakenov A., 2026

Abstract. *Introduction.* Street renaming in post-Soviet states is usually read as a tool of national resymbolisation. Kazakh scholarship, though, rarely leaves the capitals and describes the process from the state's point of view. *The aim of the study* is to shift attention to the rural level and to the ethnically mixed north of the country, examining whose names appear on rural streets in four regions (Akmola, Kostanay, Pavlodar and North Kazakhstan oblasts) from 2008 to 2025. *Materials and methods.* The material is a database of 2987 street renamings in villages, auls, settlements and district towns, compiled from official normative legal acts. *Results.* Personal names turned out to be the largest category of new names: 39,8%, or 1188 renamings referring to 373 people. In the replaced layer this category was the smallest (21,1%). The two pantheons barely overlap. Lenin, who led the old layer with 159 streets, gives way to the educators Ybyrai Altynsarin (68) and Abai (67). The share of ideological names stays almost the same, but their content changes completely. Within one legal procedure the regions act differently. Akmola oblast gathers the fullest national pantheon. There was no single nationwide wave; the regions went through the active phase in different years. *Conclusion.* We read all this as resymbolisation of space, not depoliticisation. The rural street is a place where state symbolic policy meets local memory.

Keywords: nation building, collective memory, local communities, national identity.
Acknowledgements. This research paper has been funded by Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan within the framework of project «The influence of local collective memory on the development of local communities» (IRN AP26104221).
For citation: Shakenov A. Historical figures in rural street names of Northern Kazakhstan: from Soviet to national pantheon // Otan tarikhy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1268–1280. [in English]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1268-1280

СОЛТҮСТІК ҚАЗАҚСТАННЫҢ АУЫЛДЫҚ КӨШЕ АТАУЛАРЫНДАҒЫ ТАРИХИ ТҰЛҒАЛАР: КЕҢЕСТІК ПАНТЕОННАН ҰЛТТЫҚ ПАНТЕОНҒА

Әлихан Шәкенов

Жошы Ұлысын зерделеу ғылыми институты (Астана, Қазақстан)
Аға ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0009-0009-7575-6412 e-mail: alikhan.shakenov@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Шәкенов Ә., 2026

Андатпа. *Кіріспе.* Посткеңестік мемлекеттердегі көшелердің атауын өзгерту әдетте ұлттық қайта символдандыру құралы ретінде қарастырылады. Қазақстандық зерттеулер бұл процесті негізінен астаналар мысалында және мемлекет тұрғысынан сипаттайды. *Зерттеудің мақсаты* – назарды елдің ауылдық деңгейіне және этникалық құрамы аралас солтүстігіне аудару, Солтүстік Қазақстанның төрт облысында (Ақмола, Қостанай, Павлодар және Солтүстік Қазақстан облыстары) 2008-2025 жылдары ауылдық көшелерге кімнің есімдері берілгенін талдау. *Материалдар мен әдістер.* Негізге ресми нормативтік құқықтық актілер бойынша жиналған, ауылдардағы, кенттердегі және аудандық маңызы бар қалалардағы 2987 қайта атаудың тізілімі алынды. *Нәтижелер.* Жалқы есімдер жаңа атаулардың ең үлкен санаты болып шықты: 39,8%, яғни 373 адамға сілтейтін 1188 атау. Бұрынғы атауларда бұл санат, керісінше, ең аз (21,1%) болды. Екі пантеон бір-бірімен дерлік сәйкес келмейді. Ескі қабатта 159 көшеге есімі берілген Ленин ағартушылар Ыбырай Алтынсарин (68) мен Абайға (67) орын береді. Идеологиялық атаулардың үлесі бұрынғы деңгейде сақталғанымен, олардың мазмұны толық өзгерді. Бір құқықтық рәсім аясында өңірлер өздерін әртүрлі ұстайды. Ақмола облысы барынша толық ұлттық пантеон жинайды. Қайта атаудың бірыңғай республикалық толқыны болған жоқ, өңірлер белсенді кезеңнен әр жылдары өтті. *Қорытынды.* Мұның бәрін біз кеңістікті деполитизациялау емес, оны ұлттық тұрғыда қайта символдандыру деп қарастырамыз. Ауыл көшесі мемлекеттік символдық саясат жергілікті жадпен кездесетін орынға айналады.
Түйінді сөздер: ұлттық құрылыс, ұжымдық жады, жергілікті қауымдастықтар, ұлттық бірегейлік.
Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Жергілікті ұжымдық жадының жергілікті қауымдастықтың дамуына әсері» (ЖТН AP26104221) тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында дайындалды.
Дәйексөз үшін: Шәкенов Ә. Солтүстік Қазақстанның ауылдық көше атауларындағы тарихи тұлғалар: кеңестік пантеоннан ұлттық пантеонға // Отан тарихы. 2026. Т. 29. No 3. 1268–1280-бб. [ағылшын тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1268-1280

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЛИЧНОСТИ В НАЗВАНИЯХ СЕЛЬСКИХ УЛИЦ СЕВЕРНОГО КАЗАХСТАНА: ОТ СОВЕТСКОГО ПАНТЕОНА К НАЦИОНАЛЬНОМУ

Алихан Шакенов

Научный институт изучения Улуса Джучи (Астана, Казахстан)
Старший научный сотрудник
https://orcid.org/0009-0009-7575-6412 e-mail: alikhan.shakenov@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Шакенов А., 2026

Аннотация. *Введение.* Переименование улиц в постсоветских государствах обычно рассматривают как инструмент национальной ресимволизации. Казахстанские исследования при этом почти не выходят за пределы столиц и описывают процесс с точки зрения государства. *Цель исследования* заключается в смещении внимания на сельский уровень и на этнически смешанный север страны, а

также в анализе того, чьими именами называют сельские улицы в четырех областях Северного Казахстана (Акмолинской, Костанайской, Павлодарской и Северо-Казахстанской) за 2008-2025 годы. *Материалы и методы.* Основой послужил реестр из 2987 переименований в селах, аулах, поселках и городах районного значения, собранный по официальным нормативным правовым актам. *Результаты.* Имена собственные оказались самой крупной категорией новых названий: 39,8%, или 1188 переименований, отсылающих к 373 лицам. В прежних названиях эта категория была, наоборот, самой малочисленной (21,1%). Два пантеона почти не совпадают. Ленин, чьим именем в старом пласте названо 159 улиц, уступает первенство просветителям Ыбыраю Алтынсарину (68) и Абаю (67). Доля идеологических названий держится почти на прежнем уровне, хотя их содержание сменилось целиком. Внутри одной правовой процедуры регионы ведут себя по-разному. Акмолинская область собирает наиболее полный национальный пантеон. Единой общереспубликанской волны переименований не было, регионы проходили активную фазу в разные годы. *Заключение.* Все это мы читаем как ресимволизацию пространства, а не как его деполитизацию. Сельская улица оказывается местом, где государственная символическая политика встречается с локальной памятью.

Ключевые слова: нациостроительство, коллективная память, местные сообщества, национальная идентичность.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Влияние локальной коллективной памяти на развитие местных сообществ» (ИРН AP26104221).

Для цитирования: Шакенов А. Исторические личности в названиях сельских улиц Северного Казахстана: от советского пантеона к национальному // Отан тарихы. 2026. Т. 29. №3. С. 1268–1280. [на англ. яз.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1268-1280

Introduction. Street renaming is a visible form of symbolic politics. Through it the state and local communities decide which people get remembered in everyday life. A street name hangs on a plaque, goes into addresses, directions and official records, and so returns to a person day after day. Names of real people, anthroponyms, are the most telling here. Unlike neutral or abstractly ideological names, they say directly whom a society counts as its heroes.

This paper looks at the people behind the new rural street names in four regions of northern Kazakhstan. We do not count renamings or semantic types for their own sake. We ask which people appear in the new names, how the choice varies by region and what the regions have in common. The rural level was chosen on purpose. Cities have been studied many times. Villages, auls and settlements have almost always stayed on the margins. Yet it is here that symbolic policy comes closest to local memory: to the names of fellow villagers, local front-line soldiers and district figures who rarely enter the national pantheon. Comparing four oblasts shows where a common frame dictates the choice of names and where local circumstance does.

Literature Review. Since the critical turn in this field [Azaryahu, 2011], street naming has been read as a field of symbolic commemoration. The official past gets written into daily routine until it looks natural. This is explained through banal nationalism [Kashfi, 2023]. The urban text still stays open to contestation [Vlahova-Angelova, 2023: 397]. A further reading approaches renaming through the psychoanalysis of identification [Chandrashekar, 2024].

Regime change is the best-documented trigger. The list covers revolutionary Iran [Kashfi, 2023], republican Turkey [Dalgıç, Yıldırım Okta, 2023], post-socialist Romania [Rusu, 2021, 2024; Creţan, Matthews, 2016], post-Dayton Bosnia [Robinson, Pobrić, 2006], post-genocide Rwanda [Amini Ngabonziza, Rosendal, 2025], post-Franco Spain [Ruipérez Núñez, Dinas, 2023] and the four successive administrations of Gaza [Helles, Moser, Carkner, 2024]. War works as a related catalyst behind the Ukrainian campaigns [Gnatiuk, Pisotska, Polhun, Zapototska, 2023; Zymovets, 2025; Vira, 2024]. Renaming can also run bottom-up [Shields, 2023; Alderman, Inwood, Stack, 2024]. In a consolidated democracy it may follow local ideology rather than the will of residents [Ruipérez Núñez, Dinas, 2023].

Who gets to name the streets is itself an open question. In some cases the authority moves between administrative levels [Rusu, 2024; Ochman, 2025]. In others it goes through commissions [Robinson, Pobrić, 2006; Helles, Moser, Carkner, 2024]. It can also sink into clientelist ties, and then no coherent programme comes out at all [Fauve, 2015: 391–392].

Outcomes vary widely. The range starts with total erasure [Amini Ngabonziza, Rosendal, 2025; Dalgıç, Yıldırım Okta, 2023]. Erasure can also be selective. Almaty kept non-political Russian names [Kaşikçi, 2019: 1352], while Astana even expanded its list of Soviet figures linked to Kazakhstan [Zhiyenbayev, Sabitov, Aitbayev, 2025]. The range ends with near-zero change in Sofia [Vlahova-Angelova, 2023: 405]. Substitution within one category has also been found [Zymovets, 2025]. Deliberate neutralisation is another recurring outcome [Rusu, 2021; Vira, 2024; Ruipérez Núñez, Dinas, 2023]. This logic has been extended to relocated monuments [Harrison, 2012].

A new name on paper does not mean people accept it. Researchers explain the pushback differently. Some see hidden ideology behind it [Creţan, Matthews, 2016]. Others find a mix of distrust, cost and habit that cannot be pulled apart [Ochman, 2025]. Sometimes it is quiet everyday resistance [Amini Ngabonziza, Rosendal, 2025]. Sometimes just inertia with no politics in it [Gnatiuk, Pisotska, Polhun, Zapototska, 2023]. By method the studies fall into two camps. One builds quantitative models [Rusu, 2021, 2024; Tiwari, Ambinakudige, 2022]. The other asks people how they live with the names [Fauve, 2015; Ochman, 2025; Shields, 2023]. Surveys remain a rarity [Rees, Webb Williams, 2017].

Writing on Kazakhstan is plentiful, yet the authors disagree about the basics. A study of Almaty finds the Soviet layer surviving [Kaşikçi, 2019: 1355–1356]. A study of Astana finds the nation writing its own biography into the city [Bekus, Medeuova, 2017: 14–16]. It has been argued that the map turned Kazakh without any conflict [Zhiyenbayev, Sabitov, Aitbayev, 2025]. Others doubt there was ever a plan behind it [Fauve, 2015: 394]. Nearby stand studies of language policy [Pitina, 2018], supra-ethnic identity [Rees, Webb Williams, 2017], sacred geography [Tsyrempilov, Bigozhin, Zhumabayev, 2021] and demographic change [Campos, Kuzeyev, 2007]. The trouble is that nearly all of this describes two capitals. Nobody has explained why the regions behave differently [Pitina, 2018; cf. Rusu, 2021, 2024]. Nobody has looked at the Russian-speaking north. The sources are documents and nothing else, and decommunisation is not told apart from derussification. We fill this gap. Our material is the rural toponymy of four northern oblasts and the full body of official acts for 2008-2025.

Materials and Methods. The material is a register of street renamings in four regions (Akmola, Kostanay, Pavlodar and North Kazakhstan), 3219 entries for 2008-2025. From this array we took the rural subset. A record entered the analysis if it named a settlement type (village, aul, settlement or station) or if the column "town of district significance" was filled. We excluded only renamings in cities of oblast significance and in the oblast centres. Villages subordinated to urban akimats stayed in: they belong to the rural level. After selection, 2987 renamings remained.

The unit of count is a single renaming: one line of the register, backed by a separate legal act. We sorted the names into three semantic categories: personal, ideological and neutral. This article deals with the first. Spellings were reduced to a single form in advance, otherwise one person would split into several entries. Ybyrai Altynsarin and Ybyraia Altynsarina, Dinmukhamed Qonaev and Dinmukhamed Kunaev, Lenina, Lenin and V. Lenina each stand for one person. Within the personal category we set apart groups for the analysis: figures of culture and scholarship, Alash and national movement figures, khans and sultans, batyrs, biis, participants of the Great Patriotic War, state and public figures, local and other persons, Russian and Slavic names.

The limitations should be named at once. The data are spread unevenly across oblasts and years. This reflects how complete the available acts are, not the real intensity of the process. So we compare oblasts by shares, not absolute figures, and treat the findings for Kostanay oblast, with its small sample, as preliminary. Sorting names and assigning people to groups involves some interpretation. To keep the result reproducible, we followed fixed rules. One more caveat: an old name is what stood on the sign at the moment of renaming. So it is more precise to speak of names replaced in 2008-2025 than of Soviet names.

Data source. The empirical base consists of official normative legal acts on the renaming and naming of parts of settlements: decrees of akimats, decisions of city, district and rural maslikhats and of akims of rural districts, adopted under the Law of the Republic of Kazakhstan "On the Administrative-Territorial Structure of the Republic of Kazakhstan". Each change of name in the array refers to a distinct act, duly published and entered in the state register of normative legal acts kept at the Institute for Legislation and Legal Information under the Ministry of Justice. So the information has juridical weight. It reflects not intentions or discussions but legally binding decisions, each with a date of entry into force, an issuing authority and an old and a new designation. A few examples. An act of the Government of the Republic of Kazakhstan of 22.05.1998 No. 466 marked the anniversary of the writer Khamit Ergaliev. A resolution of a joint meeting of the maslikhat and akimat of Shymkent of 21.12.2006 fixed three kinds of operations

(naming newly created parts, naming streets without names, changing official names). Resolutions of the akim of the village of Talap in 2024-2025 replaced Shkolnaya, Michurina and Molodezhnaya with Täuelsizdik, Bulanty and Zhibek zholy. A resolution of the akim of Karaotkel selo, Tselinograd district, of 18.09.2025 gave a street the name of Kappas Kerkeev. The common legal form of these acts, with obligatory marking of the previous and current name, the settlement's status and its administrative subordination, made the documents structurally uniform and allowed the data from the four oblasts to be merged into one database.

Categories of names. All street names, both replaced and assigned, fall into three semantic categories. Personal names are formed from the name, surname or sobriquet of a specific person, in any form or spelling: pure anthroponyms (Abai, Lenina, Ybyrai Altynsarin), names with initials and in the genitive (V. I. Lenin, imeni Kirova), and names that include a title or rank inseparable from the person (Bogenbai batyr, Tole bi, Abylai khan). Ideological names point to a political ideology, state symbolism, party institutions or slogans, and to specific historical dates, anniversaries or campaigns of the era: Sovetskaya, Kommunisticheskaya, Komsomolskaya, Oktyabrskaya, Tselinnaya, 50 let Oktyabrya in the replaced layer; Tauelsizdik (Independence), Dostyq (Friendship), Birlik (Unity), Beibitshilik (Peace), Zheltoqsan, 25 let Nezavisimosti in the assigned one. The defining trait of this category is the tie to a political institution, an idea or a landmark date. Neutral names are everyday, geographic, natural, economic and descriptive names with no ideological or personal charge: Shkolnaya, Stepnaya, Naberezhnaya, Vostochnaya, Elevatornaya, Sadovaya, plus numbered designations (No. 1, No. 14) and abstract well-wishing names (Bolashaq, Zhastar, Koktem). Assignment to categories followed the canonical spelling of the name. Borderline cases between ideological and neutral (Mira, Molodezhnaya, Yubileynaya) were resolved in favour of the neutral category by a rule fixed in advance.

Discussion. The results reach beyond the narrow task of describing the rural toponymy of four oblasts. They allow something to be said about the very nature of renaming as symbolic politics in post-Soviet Kazakhstan.

The chief thing this material shows is that renaming streets does not remove ideology from public space but replaces it with another. Two independent observations lead to this. First, the share of ideological names in the old and new layers is almost the same, 23,1% against 28,9%, while the content has changed. Soviet slogans and anniversaries have given way to words of independence, unity and peace. Second, the pantheon changed completely, yet its role stayed the same. The street still honours the "right" heroes; only the set of heroes has become the opposite one.

This fits the familiar view of odonymy: through the names of streets the state inscribes its version of history into everyday life. In such a logic renaming is not an abandonment of symbolism but its recoding. The Kazakhstani case confirms what is visible among the neighbours too. Dismantling the Soviet layer does not "zero out" the map but fills it with new national content. What disappears is exactly the unmarked anonymous stratum of common and numbered designations, whereas the symbolic designations expand.

The sharp tilt towards names (nearly half the new names are personal) and the very choice of figures show that rural toponymy works as a channel for assembling national identity. The new pantheon builds a coherent genealogy of the nation: from the pre-modern past (khans, batyrs, biis) through the figures of the early-twentieth-century revival (Alash) and the classics of culture to the war heroes read in a new way. It is telling that the Alash figures, a stratum of memory rehabilitated relatively recently, hold a prominent place in the new layer. This means that toponymic policy quickly absorbs the renewing national narrative.

Who ended up at the top matters too. Not rulers and not warriors, but educators, Altynsarin and Abai. National self-definition thereby shifts from the military-political tradition to the cultural and educational one. In this the Kazakhstani case differs from models where the new toponymy is built above all on military or state-heroic symbolism.

One of the most substantive observations is the stable difference among the oblasts under one and the same procedure. Renaming is framed by the common norms of the law on administrative-territorial structure, but it is decided locally, by akimats and maslikhats. Hence the room for local specificity that the data display well. The four oblasts follow four models: Akmola the "canonical", fullest one; Pavlodar the military-heroic; North Kazakhstan the maximally personalised, resting on fellow countrymen; Kostanay the local-polyethnic.

North Kazakhstan oblast is especially interesting. National figures and local natives (that same Magzhan Zhumabaev) stand there in one layer. This means that toponymic nation-building runs not only "top down", relaying the common canon, but also "bottom up", fixing local memory. The largest group of the personal layer, local and other persons, confirms it. Commemorating a fellow countryman is an independent

and weighty motive, not a residual column. So the village street is an arena where national politics meets communities and their memories.

The yearly dynamics complete the picture. There is no single wave; the oblasts split into "early" and "late". For all the uniformity of norms, the process ran in a decentralised way, at a tempo set locally. In this rural renaming differs from one-off centralised campaigns. It is closer to a slow process launched from below, stretched across a decade and a half and, by the close of observation, still unfinished.

The conclusions have their limitations. The data are uneven across oblasts and years, which again speaks of the completeness of the acts rather than the real intensity. Hence we compare oblasts by shares, and the findings for Kostanay oblast remain preliminary. Sorting names into three categories and people into groups involves some interpretation. To keep the result reproducible, we followed fixed rules. Finally, only four northern oblasts are covered. Whether these models hold in other parts of the country, above all in the south and west with their different ethnic composition and history, remains an open question.

Results. General architecture of the 2-layer. Personal names lead among the new names. They cover 1188 of the 2987 renamings, or 39,8%. Neutral names had 937 streets (31,4%), ideological ones 862 (28,9%). The replaced layer looked different. There neutral names came first with 1601 (55,8% of 2870), ideological ones gave 664 (23,1%), personal ones only 605 (21,1%). Another 117 streets had no name at all and got one for the first time.

Table 1 – Structure of the Two Layers of Street Names by Semantic Category

Category	Old names	Percentage	New names	Percentage
Personal names	605	21,1	1188	39,8
Ideology	664	23,1	862	28,9
Neutral	1601	55,8	937	31,4
Unnamed (assignment)	117	-	-	-

Note: The table brings together old and new names across the three categories. The key shift is immediate: personal names were the smallest group (21,1%) and became the largest (39,8%), while the share of ideological names barely changed and neutral names fell markedly. The 117 previously unnamed streets are shown separately.

The two layers were analysed separately. All spelling variants of one person were reduced to a single form. Case forms, Russian and Kazakh scripts, full and short versions of a name (Ybyrai Altynsarin / Ybyraia Altynsarina / Y. Altynsarina; Lenina / Lenin / V. Lenina / Vladimir Lenin) were counted as mentions of one person. The new personal layer refers to 373 distinct persons, the old one to 127.

Table 2 – Annual Number of Street Renamings by Oblast, 2008–2025

Year	Akmola	Kostanai	Pavlodar	North Kazakhstan	Total
2008	47	–	–	2	49
2009	378	5	4	–	387
2010	116	6	32	8	162
2011	–	–	–	1	1
2012	–	–	1	–	1
2014	1	2	1	–	4
2015	11	13	12	2	38
2016	55	–	29	1	85
2017	313	3	134	2	452
2018	539	78	125	23	765
2019	80	9	65	11	165
2020	28	2	128	2	160
2021	2	–	–	85	87

2022	84	3	22	100	209
2023	100	9	130	111	350
2024	56	–	13	1	70
2025	1	1	–	–	2

Note: The table shows the distribution of renamings by year across the four oblasts. The peak falls on 2018 (765); together with 2017 it accounts for over 40% of the whole array. The oblasts passed through the active phase at different times — Akmola in 2009 and 2017–2018, North Kazakhstan only in 2021–2023. Years with single records (2011, 2012, 2014) reflect gaps in the data, not a halt in the process.

The oblasts peak in different years. Akmola in 2018 (539), Kostanay also in 2018 (78), Pavlodar in 2017 (134), North Kazakhstan in 2023 (111). What all four share is a late start. Before 2015 mass renamings are almost absent; the sole exception is the Akmola surge of 2009, 378 renamings with hardly any participation from the neighbours. The process unfolds from 2016-2017 and nowhere ends by the close of the period. In 2023-2024 renaming continues in every oblast.

The chief difference between the oblasts is when the active phase came. By this trait they split into two models. Akmola and Pavlodar are “early”: their wave fell on 2017-2020. Akmola in fact has two peaks, an early one in 2009 and the main one in 2017-2018, after which activity subsides. Pavlodar held a high tempo longer, from 2017 to 2023. North Kazakhstan is “late”: almost nothing before 2020 (no more than 23 renamings a year), while 85% of its array falls on 2021-2023, when the neighbours were already easing off. Kostanay, with its small volume, gave a single notable surge in 2018 (78 of 131), at the common peak. So there was no single nationwide wave. Akmola travelled the road first and finished earliest, Pavlodar stretched it across the whole period, and North Kazakhstan joined in several years late.

Table 3 – Replaced Personal Names (Old Layer): Figures and Their Distribution by Oblast

Figure	Akmola	Kostanai	Pavlodar	North Kazakhstan	Total
Lenin	61	17	43	38	159
Kirov	18	1	11	11	41
Karl Marx	12	1	3	12	28
Kalinin	6	3	4	8	21
Chapaev	10	2	1	8	21
Gagarin	10	–	6	3	19
Kuibyshev	6	1	3	5	15
Frunze	6	1	5	–	12
Thelmann	7	–	3	1	11
Engels	5	1	2	2	10
Dzerzhinsky	2	–	4	4	10
Gorky	6	–	2	2	10
Titov	5	–	3	–	8
Abai	6	1	–	1	8
Chkalov	6	–	–	1	7
Voroshilov	3	–	1	3	7
Budyonny	2	1	1	3	7
Komarov	3	1	3	–	7
Krupskaya	3	–	1	3	7
Sverdlov	4	1	–	1	6
Pushkin	6	–	–	–	6
Pugachov	3	–	1	2	6
Ostrovsky	5	–	–	–	5
Uritsky	3	–	–	2	5
Michurin	4	–	–	1	5

Note: The table gathers the historical figures whose names streets bore before renaming. The list is almost entirely Soviet: Lenin leads with 159 streets (a quarter of all replaced names), followed by party figures, Marxist theorists, soldiers and cosmonauts, and Lenin ranks first in all four oblasts. The only Kazakh name near the top, Abai, stands merely fourteenth.

Table 4 – Assigned Personal Names (New Layer): Figures and Their Distribution by Oblast

Figure	**Akmola**	**Kostanai**	**Pavlodar**	**North Kazakhstan**	**Total**
Ybyrai Altynsarin	54	1	10	3	68
Abai	37	4	5	21	67
Aliya Moldagulova	19	–	14	11	44
Bauyrzhan Momyshuly	15	1	11	4	31
Shoqan Ualikhanov	14	–	3	13	30
Saken Seifullin	25	–	2	1	28
Mukhtar Auezov	20	–	5	3	28
Abylai khan	16	–	3	8	27
Manshuk Mämetova	15	–	9	3	27
Akhmet Baitursynuly	17	–	7	1	25
Zhambyl	13	–	3	8	24
Kenesary	19	–	1	4	24
Dinmukhamed Qonaev	15	1	3	4	23
Alikhan Bokeikhan	18	–	3	2	23
Magzhan Zhumabaev	10	–	–	11	21
Qanysh Satbaev	11	–	9	–	20
Aqan seri	11	–	–	6	17
Bogenbai batyr	10	–	6	–	16
Qazybek bi	11	–	3	2	16
Tole bi	12	–	1	–	13
Raqymzhan Qoshqarbaev	9	–	1	3	13
Qabanbai batyr	9	–	3	–	12
Baluan Sholaq	11	1	–	–	12
Sabit Muqanov	5	–	–	6	11
Zhumabek Tashenev	7	–	3	1	11
Qazhymuqan	8	–	3	–	11
Al-Farabi	9	–	1	1	11
Qurmangazy	8	–	1	1	10
Talgat Bigeldinov	7	–	1	2	10
Shamshi Qaldayaqov	6	–	2	2	10

Note: The table shows the figures whose names streets bear after renaming. At the top are the educators Ybyrai Altynsarin (68) and Abai (67), followed by writers and scholars, batyrs and biis, war heroes and Alash figures. The regional anchoring is clear — Altynsarin is almost entirely Akmola-based, while the local native Magzhan Zhumabaev is concentrated in North Kazakhstan oblast. Russian and Slavic names appear only occasionally.

Regional profiles. Akmola oblast produced the largest array: 1811 renamings. Here the old layer was mostly neutral. Of 1696 names (a further 115 streets had no name at all), neutral ones accounted for 1084, that is 63,9%, ideological ones for 344 (20,3%), personal ones for 268 (15,8%). Lenin came first with 61 streets, then Kirov (18) and Karl Marx (12). In the new layer personal names move ahead with 690 (38,1%), then neutral (618, 34,1%) and ideological (503, 27,8%). The personal list is led by Ybyrai Altynsarin: 54 streets, three quarters of all his streets across the four oblasts are here. Then Abai (37), Saken Seifullin (25), Mukhtar Auezov (20). The oblast's pantheon is the fullest and most "canonical": from educators and Alash figures (Bokeikhan 18, Baitursynuly 17) to khans (Kenesary 19) and biis (Tole bi 12, Qazybek bi 11).

Kostanay oblast produced the fewest: 131 renamings. The three categories are spread more evenly here than anywhere else. In the old layer ideological names were slightly ahead (48, or 36,6%), followed by neutral (44, 33,6%) and personal (39, 29,8%). First, as everywhere, was Lenin (17). In the new layer ideological names keep the lead (50, 38,2%), then personal (44, 33,6%) and neutral (37, 28.2%). The personal list is scattered and almost without a core. Only Abai occurs more than three times (4); the rest appear once or twice. This oblast has the highest share of local and Slavic names and the weakest reliance on the national Kazakh pantheon. Khans, biis and Alash figures are nearly absent. The sample is small, so these figures show a direction rather than an exact structure.

Pavlodar oblast is the middle case by volume: 696 renamings. In the old layer (695 names) the majority was neutral with 386 (55,5%), personal names gave 161 (23,2%), ideology 148 (21,3%). Lenin is represented especially densely: 43 streets, the second result after Akmola oblast. In the new layer the three categories almost level out: ideological 241 (34,6%), personal 240 (34,5%), neutral 215 (30,9%). The personal list leans towards the military and traditional line. It is led by Aliya Moldagulova (14) and Bauyrzhan Momyshuly (11), with Qanysh Satbaev (9), Manshuk Mametova (9) and Bogenbai batyr (6) prominent. Batyrs and war heroes are stronger here than in the other oblasts.

North Kazakhstan oblast gave 349 renamings. It is the most personalised in both layers. Already in the old layer (348 names) personal names were ahead with 137 (39,4%), ideology gave 124 (35,6%), neutral names only 87 (25,0%). Besides Lenin (38), there is an unusual amount of Karl Marx (12) and Kalinin (8). In the new layer personalisation is the highest in the sample: personal names 214 (61,3%), while ideological and neutral ones are almost equal and less than a third as large (68 and 67). The list is marked by fellow countrymen and rulers: Abai (21), Shoqan Ualikhanov (13), Magzhan Zhumabaev (a native of this region, 11), Abylai khan (8), Zhambyl (8), Säbit Muqanov (6). National figures and local natives stand here side by side, in one row.

Renaming the same street twice within the period was rare. Six such chains were found in the whole array. Three are in Akmola oblast, two in Pavlodar, one in Kostanay. In North Kazakhstan there were none. In the village of Novorybinka, Akkol district, Parkovaya Street was renamed Tselinnaya (2010) and then Tyng igerushiler (2023). In the village of Ornek in the same district, Tsentralnaya Street became Mektep and, in the same year 2009, the street of Dauletbai Akhmetzhanov. In Atbasar district, Zavodskaya Street was renamed after Ivan Diachenko and then Yntymaq, both operations in 2010. In the village of Amangeldy, Kostanay oblast, Abaya Street received the name of Syrbai Maulenov (2020) but was renamed the same year to Abai Qunanbaev, in effect returned to the same figure in a fuller form of the name. In Pavlodar oblast, Klubnaya Street in the village of Mamait Omarov went from Klubnaya to Aktogai (2010) and then to Rashat Bekzhanov (2017), while in the village of Pavlodarskoe Torgovaya Street was renamed Qasym Qazhy and then Isabek Ishan (both in 2023). Half the chains fit into a single calendar year, which looks less like a new cycle than an adjustment of a decision just taken. And in all six cases the final name turned out to be Kazakh, either a figure's name or a national-symbolic term.

Data analysis. From the figures of the previous section one can move to their interpretation. The material shows several stable regularities. They appear at different levels: in the ratio of the old and new layers, in the make-up of the personal stratum, in the dynamics by year, and in the differences among the oblasts.

Comparing the two layers reveals the main shift at once. Formerly neutral names prevailed (55,8%), and personal names were the smallest category (21,1%). Now personal names have come first (39,8%), and the share of neutral ones has fallen almost by half (31,4%). In essence the very principle of naming has changed. A Soviet rural street described the terrain and the economy: Stepnaya, Shkolnaya, Naberezhnaya, numbers. A new street above all bears someone's name. Personalisation here is not a side effect but the core of the whole process. Nearly every second street becomes a personal one.

The share of ideological names, by contrast, has hardly changed: 23,1% against 28,9%. This matters. Renaming does not remove politics from space; it turns it in another direction. Ideology does not leave, another ideology takes its place. What contracts is the neutral, "nameless" layer, and the space it frees is taken by names and symbols.

If the personal layers are examined apart, it becomes clear that the old and new names barely coincide. These are two different pantheons. The old is led by Lenin, with 159 streets and a quarter of all replaced names, and is built entirely on the Soviet hierarchy: party and state figures (Kirov, Kalinin, Kuibyshev, Sverdlov), theorists of Marxism (Marx, Engels), soldiers and heroes (Chapaev, Frunze, Budyonny), cosmonauts (Gagarin, Titov, Komarov), Russian classics (Pushkin, Gorky). Kazakh names here can be counted on the fingers, and the first of them, Abai, stands only fourteenth with eight streets.

The new layer is led by educators, Altynsarin (68) and Abai (67), and its core is made up of figures of national culture and history: writers and scholars, Alash figures, khans, batyrs and biis, war heroes now read anew. Russian names, so numerous in the old layer, all but vanish in the new. The pantheon, then, was not adjusted but changed wholesale. The Soviet-Russian hierarchy gave way to the Kazakh one. And the fact that the ideological share held steady while its content changed completely, with the Soviet slogans (Oktyabrskaya, Komsomolskaya, Tselinnaya) gone and Tauelsizdik, Dostyq and Birlik in their place, proves once more that space was not depoliticised but recoded.

The yearly dynamics refute the idea of a single nationwide campaign. True, 2017-2018 hold more than 40% of the array, but the oblasts pass through the active phase at different times and fall into two models. The "early" ones, Akmola and Pavlodar, unfold the process in 2017-2020, and Akmola has an earlier surge in 2009 as well. The "late" one, North Kazakhstan, is almost dormant before 2020, and 85% of its renamings fall on 2021-2023, when the neighbours were already slowing.

This asynchrony is telling. Renaming rested on the uniform standards of legislation but ran in a decentralised way. Its pace was set at the local level, not by a single republican timeline. The earlier note about missing values applies here too. The dips of 2011-2014 and the drop in 2024-2025 are not actual pauses, so the interpretation of trends should rest on the shares of active periods rather than on the raw numbers of boundary years.

The differences among the oblasts are stable, and unequal data volume alone cannot explain them. They add up to four models.

Akmola oblast follows the "canonical" model. The pantheon is full and balanced and contains everything from educators and Alash figures to khans and biis. Proximity to the capital, it seems, nudges it to keep to the national template.

Pavlodar oblast leans towards the military and traditional line. War heroes (Moldagulova, Momyshuly, Mametova) and batyrs are more prominent here than elsewhere. But its three categories in the new layer have almost levelled out, with ideology even slightly ahead, which makes it the least personalised of the large oblasts.

North Kazakhstan oblast is the most personalised of all: personal names 61,3%, more than three times the ideological or the neutral ones. Its distinctive feature is that the national and the local meet closely. Beside Abai and Ualikhanov, at the top stands the local native Magzhan Zhumabaev, and the line of rulers is notably strengthened (Abylai khan). Tellingly, the old layer here was also more personalised than elsewhere (39,4%). So renaming moved from a "personal" toponymy to a "personal" one again; only the pantheon changed.

Kostanay oblast stands apart. Its volume is the smallest, yet its share of local and Slavic names is the highest and its reliance on the national Kazakh canon the weakest. Khans, biis and Alash figures are almost absent. But caution is needed here. The sample is small (44 new and 39 old personal names), the striking shares rest on single mentions, and they show a tendency rather than a stable structure.

On the whole the data describe the renaming of rural streets as a national resymbolisation of space rather than its depoliticisation. The semantic frame is common. The Soviet-Russian layer of names and ideology is displaced by the Kazakh national one, but each oblast fills the frame in its own way, and in time the process ran out of step. Repeated renamings are rare: six cases in the whole array, half of them an adjustment within a single year. Decisions, then, were mostly final, and in disputed cases the choice inclined every time towards Kazakh national names.

Conclusion. We analysed 2987 street renamings in the settlements of four oblasts of Northern Kazakhstan for 2008-2025. The results lead to several conclusions.

The renaming of rural streets is a national resymbolisation of space, not its depoliticisation. The Soviet-Russian layer of names and ideology is replaced, step by step, by the Kazakh national one, but the symbolic saturation of space itself goes nowhere. The share of ideological names holds at its former level, though their content has changed completely. What recedes above all is the neutral, nameless layer.

The main strategy of the new toponymy is personalisation. Personal names have become the largest category of new names (39,8%), though earlier they were the smallest (21,1%). The old and new pantheons barely overlap. The place of Lenin, who led the former layer by a wide margin, is taken by the educators Altynsarin and Abai. The new pantheon adds up to a coherent genealogy of the nation, from khans, batyrs and biis through Alash figures and the classics of culture to war heroes, and in it the cultural-educational line clearly outweighs the military-political one.

Under a single procedure the oblasts behave differently. Akmola keeps to the fullest, "canonical" model, Pavlodar to the military-heroic, North Kazakhstan to the maximally personalised one resting on fellow countrymen, Kostanay to the local-polyethnic. The notable share of local and district figures shows that rural toponymy fixes not only national but also local memory.

In time the process ran out of step. There was no single wave. The oblasts passed through the active phase in different years. Decentralised in tempo and unfinished by the close of the period, in its result it nonetheless remained mostly final. Repeated renamings are single instances, and in disputed cases the choice fell each time on Kazakh national names.

Further research may proceed along several lines: applying the results to other regions of Kazakhstan, contrasting rural toponymy with urban, exploring the link between the local variants identified and the ethno-cultural background and collective memory of a given region. Another task will be to trace how residents take up these new names in everyday speech.

Literature

Alderman, Inwood, Stack, 2024 – *Alderman D.H., Inwood J., Stack K.* Taking a longer historical view of America's renaming moment: The role of Black onomastic activism within the Student Nonviolent Coordinating Committee (SNCC) // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Article 704. DOI: 10.1057/s41599-024-03182-3

Amini Ngabonziza, Rosendal, 2025 – *Amini Ngabonziza J. de D., Rosendal T.* Power dynamics of post-genocide street renaming in urban Rwanda — the territorial demarcation between the past and the present // *Cogent Arts & Humanities*. 2025. Vol. 12. No. 1. Article 2587874. DOI: 10.1080/23311983.2025.2587874

Azaryahu, 2011 – *Azaryahu M.* The critical turn and beyond: The case of commemorative street naming // *ACME: An International Journal for Critical Geographies*. 2011. Vol. 10. No. 1. Pp. 28–33.

Bekus, Medeuova, 2017 – *Bekus N., Medeuova K.* Re-interpreting national ideology in the contemporary urban space of Astana // *Urbanities*. 2017. Vol. 7. No. 2. Pp. 10–21.

Campos, Kuzeyev, 2007 – *Campos N.F., Kuzeyev V.S.* On the dynamics of ethnic fractionalization // *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. No. 3. Pp. 620–639.

Chandrashekar, 2024 – *Chandrashekar K.* National identification: A psychoanalytic understanding of the role of renaming of streets and cities in India // *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2024. Vol. 29. Pp. 588–603.

Creţan, Matthews, 2016 – *Creţan R., Matthews P.W.* Popular responses to city-text changes: Street naming and the politics of practicality in a post-socialist martyr city // *Area*. 2016. Vol. 48. No. 1. Pp. 92–102.

Dalgıç, Yıldırım Okta, 2023 – *Dalgıç E.N., Yıldırım Okta B.* Changing the identity of a place by changing street names: The process of renaming the streets of Üsküdar between 1927–1934 // *ITU A|Z*. 2023. Vol. 20. No. 1. Pp. 181–197.

Fauve, 2015 – *Fauve A.* A tale of two statues in Astana: The fuzzy process of nationalistic city making // *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43. No. 3. Pp. 383–398. DOI: 10.1080/00905992.2014.981745

Gnatiuk, Pisotska, Polhun, Zapototska, 2023 – *Gnatiuk O., Pisotska K., Polhun V., Zapototska V.* Public inertia towards the new toponymic landscapes in Vinnytsia, Ukraine // *Journal of the Bulgarian Geographical Society*. 2023. Vol. 49. Pp. 53–68. DOI: 10.3897/jbgs.e113331

Harrison, 2012 – *Harrison F.W.* Reviving heritage in post-Soviet Eastern Europe: A visual approach to national identity // *Totem: The University of Western Ontario Journal of Anthropology*. 2012. Vol. 20. No. 1. Article 3.

Helles, Moser, Carkner, 2024 – *Helles A.S., Moser S., Carkner C.* The politics of toponyms in Gaza, from the Egyptian Administration to Hamas rule // *GeoJournal*. 2024. Vol. 89. Article 113. DOI: 10.1007/s10708-024-11107-5

Kashfi, 2023 – *Kashfi E.* The politics of street names: Reconstructing Iran's collective identity // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2023. Vol. 23. No. 2. Pp. 122–143. DOI: 10.1111/sena.12393

Kaşikçi, 2019 – *Kaşikçi M.V.* The Soviet and the post-Soviet: Street names and national discourse in Almaty // *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. No. 8. Pp. 1345–1366.

Ochman, 2025 – *Ochman E.* Public responses to the renaming of commemorative street names in post-communist Poland: Daily lives, experiences of change and sense of place // *Contemporary European History*. 2025. Vol. 34. No. 3. Pp. 447–465. DOI: 10.1017/S0960777324000328

Rees, Webb Williams, 2017 – *Rees K.M., Webb Williams N.* Explaining Kazakhstani identity: Supraethnic identity, ethnicity, language, and citizenship // *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45. No. 5. Pp. 815–839. DOI: 10.1080/00905992.2017.1288204

Robinson, Pobrić, 2006 – *Robinson G.M., Pobrić A.* Nationalism and identity in post-Dayton Accords: Bosnia-Hercegovina // *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2006. Vol. 97. No. 3. Pp. 237–252. DOI: 10.1111/j.1467-9663.2006.00517.x

Ruipérez Núñez, Dinas, 2023 – *Ruipérez Núñez A., Dinas E.* Mean streets: Power, ideology and the politics of memory // *Political Geography*. 2023. Vol. 103. Article 102840.

Rusu, 2021 – *Rusu M.S.* Sequencing toponymic change: A quantitative longitudinal analysis of street renaming in Sibiu, Romania // *PLOS ONE*. 2021. Vol. 16. No. 5. Article e0251558. DOI: 10.1371/journal.pone.0251558

Rusu, 2024 – *Rusu M.S.* Modeling toponymic change: A multilevel analysis of street renaming in postsocialist Romania // *Annals of the American Association of Geographers*. 2024. Vol. 114. No. 3. Pp. 591–609. DOI: 10.1080/24694452.2023.2292805

Shields, 2023 – *Shields R.* 'Rename the streets': The challenges of decolonizing toponymy in Toronto, Canada // *Ukrainian Historical Review*. 2023. Vol. 2. Pp. 139–153. DOI: 10.47632/2786-717X-2023-2-139-153

Tiwari, Ambinakudige, 2022 – *Tiwari S., Ambinakudige S.* Streetscapes and stereotyping: Streets named after Martin Luther King, Jr., and the geographies of racial identity // *GeoJournal*. 2022. Vol. 87. No. 2. Pp. 921–934. DOI: 10.1007/s10708-020-10291-4

Tsyrempilov, Bigozhin, Zhumabayev, 2021 – *Tsyrempilov N., Bigozhin U., Zhumabayev B.* A nation's holy land: Kazakhstan's large-scale national project to map its sacred geography // *Nationalities Papers*. 2021. Pp. 1–18. DOI: 10.1017/nps.2021.22

Vira, 2024 – *Vira O.* Beyond coordinates: Exploring street naming practices in contemporary Ukraine // *Colloquia Humanistica*. 2024. No. 13. Article 3190. DOI: 10.11649/ch.3190

Vlahova-Angelova, 2023 – *Vlahova-Angelova M.* Contemporary urban toponymy of the city of Sofia as a battlefield between pro-Russian and anti-Russian views // In O. Felecan & A. Bugheșiu (Eds.), Proceedings of ICONN 6. 2023. Pp. 395–409. DOI: 10.30816/ICONN6/2023/31

Zhiyenbayev, Sabitov, Aitbayev, 2025 – *Zhiyenbayev M., Sabitov Z., Aitbayev D.* Depoliticizing national identity formation in Kazakhstan: Street re-/naming in Astana as a pragmatic reinterpretation of the Soviet past // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2025. Advance online publication. DOI: 10.1007/s10767-025-09541-5

Zymovets, 2025 – *Zymovets H.* Creating a new Ukrainian identity: Renaming campaign in the capital city of Kyiv during the ongoing Russo-Ukrainian war // *Onoma*. 2025. Vol. 60. Pp. 157–178. DOI: 10.34158/ONOMA.60/2025/9

Питина, 2018 – *Питина С.А.* Особенности переименования топонимов в России, Казахстане и на Украине в контексте языковой политики // *Знак: проблемное поле медиаобразования*. 2018. № 4 (30). С. 74–82.

References

Alderman, Inwood, Stack, 2024 – *Alderman D.H., Inwood J., Stack K.* Taking a longer historical view of America's renaming moment: The role of Black onomastic activism within the Student Nonviolent Coordinating Committee (SNCC). *Humanities and Social Sciences Communications*. 2024. Vol. 11. Article 704. DOI: 10.1057/s41599-024-03182-3

Amini Ngabonziza, Rosendal, 2025 – *Amini Ngabonziza J. de D., Rosendal T.* Power dynamics of post-genocide street renaming in urban Rwanda — the territorial demarcation between the past and the present. *Cogent Arts & Humanities*. 2025. Vol. 12. No. 1. Article 2587874. DOI: 10.1080/23311983.2025.2587874

Azaryahu, 2011 – *Azaryahu M.* The critical turn and beyond: The case of commemorative street naming. *ACME: An International Journal for Critical Geographies*. 2011. Vol. 10. No. 1. Pp. 28–33.

Bekus, Medeuova, 2017 – *Bekus N., Medeuova K.* Re-interpreting national ideology in the contemporary urban space of Astana. *Urbanities*. 2017. Vol. 7. No. 2. Pp. 10–21.

Campos, Kuzeyev, 2007 – *Campos N.F., Kuzeyev V.S.* On the dynamics of ethnic fractionalization. *American Journal of Political Science*. 2007. Vol. 51. No. 3. Pp. 620–639.

Chandrashekar, 2024 – *Chandrashekar K.* National identification: A psychoanalytic understanding of the role of renaming of streets and cities in India. *Psychoanalysis, Culture & Society*. 2024. Vol. 29. Pp. 588–603.

Creţan, Matthews, 2016 – *Creţan R., Matthews P.W.* Popular responses to city-text changes: Street naming and the politics of practicality in a post-socialist martyr city. *Area*. 2016. Vol. 48. No. 1. Pp. 92–102.

Dalgıç, Yıldırım Okta, 2023 – *Dalgıç E.N., Yıldırım Okta B.* Changing the identity of a place by changing street names: The process of renaming the streets of Üsküdar between 1927–1934. *ITU A|Z*. 2023. Vol. 20. No. 1. Pp. 181–197.

Fauve, 2015 – *Fauve A.* A tale of two statues in Astana: The fuzzy process of nationalistic city making. *Nationalities Papers*. 2015. Vol. 43. No. 3. Pp. 383–398. DOI: 10.1080/00905992.2014.981745

Gnatiuk, Pisotska, Polhun, Zapototska, 2023 – *Gnatiuk O., Pisotska K., Polhun V., Zapototska V.* Public inertia towards the new toponymic landscapes in Vinnytsia, Ukraine. *Journal of the Bulgarian Geographical Society*. 2023. Vol. 49. Pp. 53–68. DOI: 10.3897/jbgs.e113331

Harrison, 2012 – *Harrison F.W.* Reviving heritage in post-Soviet Eastern Europe: A visual approach to national identity. *Totem: The University of Western Ontario Journal of Anthropology*. 2012. Vol. 20. No. 1. Article 3.

Helles, Moser, Carkner, 2024 – *Helles A.S., Moser S., Carkner C.* The politics of toponyms in Gaza, from the Egyptian Administration to Hamas rule. *GeoJournal*. 2024. Vol. 89. Article 113. DOI: 10.1007/s10708-024-11107-5

Kashfi, 2023 – *Kashfi E.* The politics of street names: Reconstructing Iran's collective identity. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2023. Vol. 23. No. 2. Pp. 122–143. DOI: 10.1111/sena.12393

Kaşikçi, 2019 – *Kaşikçi M.V.* The Soviet and the post-Soviet: Street names and national discourse in Almaty. *Europe-Asia Studies*. 2019. Vol. 71. No. 8. Pp. 1345–1366.

Ochman, 2025 – *Ochman E.* Public responses to the renaming of commemorative street names in post-communist Poland: Daily lives, experiences of change and sense of place. *Contemporary European History*. 2025. Vol. 34. No. 3. Pp. 447–465. DOI: 10.1017/S0960777324000328

Pitina, 2018 – *Pitina S.A.* Osobennosti pereimenovaniya toponimov v Rossii, Kazakhstane i na Ukraine v kontekste yazykovoi politiki [Features of toponym renaming in Russia, Kazakhstan and Ukraine in the context of language policy]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 2018. No. 4(30). Pp. 74–82. [in Russian]

Rees, Webb Williams, 2017 – *Rees K.M., Webb Williams N.* Explaining Kazakhstani identity: Supraethnic identity, ethnicity, language, and citizenship. *Nationalities Papers*. 2017. Vol. 45. No. 5. Pp. 815–839. DOI: 10.1080/00905992.2017.1288204

Robinson, Pobrić, 2006 – *Robinson G.M., Pobrić A.* Nationalism and identity in post-Dayton Accords: Bosnia-Hercegovina. *Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie*. 2006. Vol. 97. No. 3. Pp. 237–252. DOI: 10.1111/j.1467-9663.2006.00517.x

Ruipérez Núñez, Dinas, 2023 – *Ruipérez Núñez A., Dinas E.* Mean streets: Power, ideology and the politics of memory. *Political Geography*. 2023. Vol. 103. Article 102840.

Rusu, 2021 – *Rusu M.S.* Sequencing toponymic change: A quantitative longitudinal analysis of street renaming in Sibiu, Romania. *PLOS ONE*. 2021. Vol. 16. No. 5. Article e0251558. DOI: 10.1371/journal.pone.0251558

Rusu, 2024 – *Rusu M.S.* Modeling toponymic change: A multilevel analysis of street renaming in postsocialist Romania. *Annals of the American Association of Geographers*. 2024. Vol. 114. No. 3. Pp. 591–609. DOI: 10.1080/24694452.2023.2292805

Shields, 2023 – *Shields R.* 'Rename the streets': The challenges of decolonizing toponymy in Toronto, Canada. *Ukrainian Historical Review*. 2023. Vol. 2. Pp. 139–153. DOI: 10.47632/2786-717X-2023-2-139-153

Tiwari, Ambinakudige, 2022 – *Tiwari S., Ambinakudige S.* Streetscapes and stereotyping: Streets named after Martin Luther King, Jr., and the geographies of racial identity. *GeoJournal*. 2022. Vol. 87. No. 2. Pp. 921–934. DOI: 10.1007/s10708-020-10291-4

Tsyrempilov, Bigozhin, Zhumabayev, 2021 – *Tsyrempilov N., Bigozhin U., Zhumabayev B.* A nation's holy land: Kazakhstan's large-scale national project to map its sacred geography. *Nationalities Papers*. 2021. Pp. 1–18. DOI: 10.1017/nps.2021.22

Vira, 2024 – *Vira O.* Beyond coordinates: Exploring street naming practices in contemporary Ukraine. *Colloquia Humanistica*. 2024. No. 13. Article 3190. DOI: 10.11649/ch.3190

Vlahova-Angelova, 2023 – *Vlahova-Angelova M.* Contemporary urban toponymy of the city of Sofia as a battlefield between pro-Russian and anti-Russian views. In O. Felecan & A. Bugheșiu (Eds.), Proceedings of ICONN 6. 2023. Pp. 395–409. DOI: 10.30816/ICONN6/2023/31

Zhiyenbayev, Sabitov, Aitbayev, 2025 – *Zhiyenbayev M., Sabitov Z., Aitbayev D.* Depoliticizing national identity formation in Kazakhstan: Street re-/naming in Astana as a pragmatic reinterpretation of the Soviet past. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2025. Advance online publication. DOI: 10.1007/s10767-025-09541-5

Zymovets, 2025 – *Zymovets H.* Creating a new Ukrainian identity: Renaming campaign in the capital city of Kyiv during the ongoing Russo-Ukrainian war. *Onoma*. 2025. Vol. 60. Pp. 157–178. DOI: 10.34158/ONOMA.60/2025/9

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1281-1300
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1281-1300

1925–1933-ЖЫЛДАРДАҒЫ «КІШІ ҚАЗАН» НАУҚАНДАРЫНЫҢ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ШЫҒЫС ӨҢІРЛЕРІНДЕ ЖҮРГІЗІЛУ ТАРИХЫ: АРХИВТІК ДЕРЕККӨЗДЕРГЕ ШОЛУ

Алия Тоймахановна Сулейменова

Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институтының Астана қ. Филиалы
(11/5 үй, Қабанбай батыр көшесі, 010017, Астана, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0000-0002-9782-4553 E-mail: suleimenova1972@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Сулейменова А.Т., 2026

Андатпа. *Кіріспе.* «Кіші Қазан» науқандарының Шығыс Қазақстанда жүргізілуі тарихына қатысты дереккөздер ретінде Абай облысының мемлекеттік архивінің қорларына шолу жасалды. Сонымен қатар халықаралық, республикалық архивтік қорлар негізінде дайындалған құжатты жинақтардағы еліміздің шығыс өңіріндегі «Кіші Қазан» науқанына қатысты құжаттар негізге алынды. *Зерттеудің мақсаттары мен міндеттері.* Қазақстанның шығыс аумағында жүргізілген «Кіші Қазан» революциялық доктринасының алғышарттары мен барысын зерттеу. Голощекиндік биліктің атқарушы, заң шығарушы, жазалаушы органдары мен жергілікті тұрғындардың қарым-қатынасын анықтау. Қазақ ауылдарын «жат элементтерден», «ойы мен ниеті бөтендерден» тазалау, сайлауға қатысу және дауыс беру құқықтарынан айыру механизмін архив деректері негізінде көрсету. Семей өңіріндегі байлар мен жартылай феодалдардың мал-мүлкін тәркілеу, түрлі алым-салықтр жинау барысында орын алған асыру сілтеушіліктерді Мәскеу тарапынан тексерудің барысын зерделеу. Зерттеушілер назарынан тыс қалып келген облыстық, республикалық архивтердің деректерін ғылыми айналымға енгізу. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеу жұмысында жалпы тарихи әдістер – тарихи талдау, тарихи салыстырмалы талдау және жинақтау әдістері қолданылды. Аталған әдістерді қолдану барысында салыстырмалы талдау және ғылыми әдістердің барысын талдау, сипаттама жасау және түсініктер беру тәсілдері арқылы көрсетілді. *Нәтижелер.* Зерттеу жұмысында Абай облысының мемлекеттік архивіндегі Семей округтік Бақылау комиссиясы мен Жұмысшы-Шаруа инспекциясының, Семей округтік прокурорының және т. б. архивтік қорларындағы «Кіші Қазан» доктринасына қатысты құжаттар алғаш рет жарыққа шығарылды. Кеңестік билік органдарының әлеуметтік-экономикалық, қоғамдық-саяси науқандарды жүзеге асыруы жайлы баяндалды. Аталған үдерістің мәжбүрлеу, күштеу негізінде жүргізілгендігін деректер мен зерттеу еңбектер көрсетеді. Сталиндік-голощекиндік билік қазақ даласындағы ғасырлар бойы қалыптасқан құрылымды түбегейлі өзгертуді қолға алды. Алға қойған мақсаттарына қол жеткізді. Архив деректері 1925–1933-жылдардағы саяси дағдарыстар мен партия саясатының бетбұрыстары кезеңінде тәртіптік бақылауды күшейте отырып, күштеу, мәжбүрлеу, бұлтартпау шараларын жан-жақты жүргізгендігі айқындалды. Сонымен қатар облыстық, республикалық мемлекеттік архивтер мен архив құжаттары жарияланған жинақтардың деректері большевиктік биліктің бақылаушы органдарының жергілікті халық пен билік

арасындағы коммуникацияны қамтамасыз етудегі рөлін көрсетеді. Тәркілеу, жер аудару, ұжымдастыру, қазақ ауылын отырықшыландыру (седентаризация), сайлау құқығынан айыру және т. б. мәжбүрлеу науқандарымен қатар астық, мақта, жүн, ет дайындау, өзін-өзі салық, алымдар жинау сияқты науқандарының асқан қатігездікпен жүзеге асырылуы жайлы баяндалады. Жергілікті орындардағы науқандарды жүзеге асыру барысында билік органдары қабылдаған қарарларда «артта қалған», «көшпелі өмір сүрген», «байлардың ықпалында жүрген» қазақ халқын ояту қажеттігі тұрақты түрде айтылып тұрды. «Сәдуақасов айтқан «жуас байлар» көрінбейді» деп келеке етті. *Қорытындылар.* Қазақстанның шығыс аумағындағы «Кіші Қазан» революциялық доктринасы негізінде жүргізілген науқандар большевиктік биліктің қуғындау шараларының құрамдас бөлігі ретінде жүзеге асырылды.

Кілт сөздер: «Кіші Қазан» науқаны, отырықшыландыру, астық дайындау, дауыс беру құқығынан айыру, Жұмысшы-Шаруа инспекциясы, өзін-өзі салық салу, қуғын-сүргіндер.

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін құрбандарының негізгі базалық санаттары мен кіші санаттарын іргелі зерттеу және оларды толық ақтау процестері» (ЖТН BR24993057) тақырыбындағы бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру жобасын жүзеге асыру бойынша дайындалды.

Дәйексөз үшін: Сулейменова А. 1925–1933-жылдардағы «Кіші Қазан» науқандарының Қазақстанның шығыс өңірлерінде жүргізілу тарихы: архивтік дереккөздерге шолу // Отан тарихы. 2026. Т. №3. 1281–1300-бб. [қазақша]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1281-1300

ИСТОРИЯ КАМПАНИИ «МАЛЫЙ ОКТЯБРЬ» В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ КАЗАХСТАНА В 1925–1933 ГОДАХ: ОБЗОР АРХИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Алия Тоймахановна Сулейменова

Филиал Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова в Астане
(д. 11/5, ул. Кабанбай батыра, 010017, Астана, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0002-9782-4553. E-mail: suleimenova1972@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Сулейменова А.Т., 2026

Аннотация. *Введение.* В качестве источников, связанных с историей кампаний «Малый Октябрь» в восточном регионе Казахстане, был проведен обзор фондов государственного архива области Абай. Кроме того, в качестве основы были взяты документы, относящиеся к кампании «Малый Октябрь» в восточном регионе нашей страны, из сборников документов, подготовленных на основе международных и республиканских архивных фондов. *Цели и задачи исследования.* Изучить предпосылки и ход революционной доктрины «Малый Октябрь», проводившейся на восточной территории Казахстана. Определить взаимоотношения между исполнительной, законодательной и карательной ветвями власти Голощекина и местным населением. Продемонстрировать механизм чистки казахстанских село от «чуждых элементов», «лиц с инакомыслями и намерениями», лишения права участвовать в выборах и голосовать на основе архивных данных. Изучить ход расследования Москвой злоупотреблений, имевших место при конфискации имущества богатых и полуфеодалов в Семипалатинской области. *Цель* – представить в научном сообществе данные из региональных и республиканских архивов, которые до сих пор оставались незамеченными исследователями. *Материалы и методы*. В исследовательской работе использовались общеисторические методы – исторический анализ, историко-сравнительный анализ и обобщение. В процессе применения этих методов ход сравнительного анализа и научных методов был продемонстрирован посредством методов анализа, описания и интерпретации. *Результаты*. Впервые в исследовательской работе были опубликованы документы, относящиеся к доктрине «Малый Октябрь», из архивных фондов Семипалатинской окружной контрольной комиссии и Рабоче-Крестьянской инспекции, Семипалатинской окружной прокуратуры и др. Государственного архива области Абай. Описана реализация социально-экономических и социально-политических кампаний советскими властями. Данные и результаты исследований показывают, что этот процесс осуществлялся на основе

принуждения и давления. Сталинистско-Голощекинская власть предприняли радикальные изменения в многовековой структуре казахской степи. Им удалось достичь своих целей. Архивные данные свидетельствуют о том, что во время политических кризисов и поворотных моментов партийной политики 1925–1933 годов широко применялись меры принуждения, давления и сдерживания, усиливался дисциплинарный контроль. Кроме того, данные опубликованных собраний региональных и республиканских государственных архивов и архивных документов указывают на роль надзорных органов большевистского правительства в обеспечении связи между местным населением и властями. Наряду с кампаниями по конфискации, перераспределению земель, коллективизации, оседлому образу жизни казахских село, лишению права голоса и т. д., с большой жестокостью проводились кампании по производству зерна, хлопка, шерсти, мяса, самообложению и сбору повинностей. В ходе проведения кампаний на местных территориях в принятых властями постановлениях постоянно упоминалась необходимость пробуждения казахского народа, который был «отсталым», «вел кочевой образ жизни» и «находился под влиянием богатых». «Те самые благородные богачи, о которых говорил Садуакасов, невидимы», – насмехался он. *Выводы*. Кампании, проводившиеся на основе революционной доктрины «Малый Октябрь» на восточных территориях Казахстана, осуществлялись как составная часть репрессивных мер большевистского правительства.

Ключевые слова: кампания «Малый Октябрь», оседание, мясозаготовки, лишение избирательных прав, Рабоче-крестьянская инспекция, самоналогообложение, репрессии.

Благодарности. Статья подготовлена в соответствии с календарным планом проекта программно-целевого финансирования «Фундаментальное изучение основных категорий и подкатегорий жертв политических репрессий в Казахстане и процессов их полного оправдания» (ИРН BR24993057) Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Для цитирования: Сулейменова А. История кампании «Малый Октябрь» в восточных регионах Казахстана в 1925–1933 годах: обзор архивных источников // История Отечества. 2026. Т. 29. № 3. С. 1281–1300. [на казахс.] DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1281-1300

HISTORY OF THE «LITTLE OCTOBER» CAMPAIGN IN THE EASTERN REGIONS OF KAZAKHSTAN IN 1925–1933: A REVIEW OF ARCHIVAL SOURCES

Aliya T. Suleimenova

Astana branch of the Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(11/5 Kabanbai Batyr str., 010017, Astana, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher
https://orcid.org/0000-0002-9782-4553 E-mail: suleimenova1972@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Suleimenova A.T., 2026

Abstract. *Introduction.* A review of the collections of the state archive of the Abai region was conducted as sources related to the history of the «Little October» campaigns in eastern Kazakhstan. In addition, documents related to the «Little October» campaign in the eastern region of our country, from document collections prepared on the basis of international and national archival collections, were used as a basis. *Goals and objectives of the study*. To study the preconditions and course of the revolutionary doctrine of «Little October», carried out in the eastern territory of Kazakhstan. To determine the relationship between the executive, legislative and punitive branches of power of Goloshchekin and the local population. To demonstrate the mechanism of cleansing Kazakhstani villages from «foreign elements», «persons with alien thoughts and intentions», deprivation of the right to participate in elections and vote, based on archival data. To study the progress of Moscow's investigation into abuses that occurred during the confiscation of the property of the rich and semi-feudal in the Semipalatinsk region. The goal is to present data from regional and national archives to the scientific community, which have so far remained unnoticed by researchers. *Materials and Methods.* The research utilized general historical methods–historical analysis, historical-comparative analysis, and generalization. The application of these methods demonstrated the application of

comparative analysis and scientific methods through analysis, description, and interpretation. *Results.* This research study, for the first time, published documents related to the «Little October» doctrine from the archival collections of the Semipalatinsk District Control Commission and the Workers' and Peasants' Inspectorate, the Semipalatinsk District Prosecutor's Office, and other resources, including the State Archives of the Abay Region. The implementation of socio-economic and socio-political campaigns by the Soviet authorities is described. The data and research findings demonstrate that this process was carried out through coercion and pressure. The Stalinist-Goloshchekin authorities undertook radical changes to the centuries-old structure of the Kazakh steppe. They succeeded in achieving their goals. Archival evidence indicates that during the political crises and turning points in party politics between 1925 and 1933, measures of coercion, pressure, and restraint were widely used, and disciplinary control was strengthened. Furthermore, published collections of regional and national state archives and archival documents indicate the role of the Bolshevik government's oversight bodies in maintaining communication between the local population and the authorities. Along with campaigns of confiscation, land redistribution, collectivization, sedentarization of Kazakh villages, deprivation of voting rights, and so on, campaigns for grain, cotton, wool, and meat production, self-taxation, and the collection of dues were carried out with great brutality. Throughout these campaigns in local areas, government decrees constantly mentioned the need to awaken the Kazakh people, who were «backward», «led a nomadic lifestyle,» and «under the influence of the rich.» «These same noble rich people Saduakasov spoke of are invisible," he mocked. *Conclusions.* Campaigns conducted on the basis of the revolutionary «Little October» doctrine in the eastern territories of Kazakhstan were carried out as part of the Bolshevik government's repressive measures.

Keywords: «Little October» campaign, settlement, meat procurements, disenfranchisement, Workers' and Peasants' Inspectorate, self-taxation, repression**.**

Acknowledgments. This article was prepared in accordance with the plan for the implementation of the fundamental research project «Fundamental Study of the Main Categories and Subcategories of Victims of Political Repression in Kazakhstan and the Processes of Their Complete Justification» of the Scientific Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan.

For citation: Suleimenova A. «History of the «Little October» campaign in the Eastern regions of Kazakhstan in 1925–1933: a review of archival sources // History of the Fatherland. 2026. Vol. № 3. – Pp. 1281–1300. [Kazakh]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1281-1300

Кіріспе. 1925–1933-жылдар аралығында жүргізілген Кіші Қазан доктринасының Қазақстан аумақтарында жүзеге асырылуы туралы деректер фрагментарлы түрде жарияланып келеді. Әр бағыттар бойынша ішінара зерттеулер жүргізілген. Тұтас бір өңірдегі науқандар фундаментальды түрде зерттеу нысанына толыққанды айнала қойған жоқ.

Қазақстандағы «Кіші Қазан» ұғымын қолдануымыздың себебі: Қазақстан Республикасының саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия мүшелері эмпирикалық деректерді молынан жинады. Комиссия қорытындысында аталған деректерге сүйене отырып, тарихымыздың осы күрделі кезеңін талдау барысында оны «Қазақстандағы Кіші Қазан» деп атау дұрыс деген қорытынды жасалды. Себебі, күшпен жүргізілген «кеңестендіру» үдерісі тек ауылды қамтып қоймай, бүкіл Қазақстан халқының, соның ішінде қалалық тұрғындардың да өмірін толық қайта құруға бағытталған нақты революциялық мақсаттарды көздеді және жерді қайта бөлумен ғана шектелген жоқ. Мемлекеттік комиссия аталған бағдарлама тек Қазақстанда жүзеге асырылды және нақты бүкіл қазақ халқына бағытталды деген қорытынды жасады.

Мемлекеттік комиссия мүшелерінің еліміздің мемлекеттік және арнаулы мемлекеттік архивтерінде жүргізген зерттеу жұмыстарының нәтижесінде шаруаларға қатысты жүзеге асырылған қуғындау шараларын төмендегідей түрлері мен нысандары айқындалды.

Мәжбүрлеу науқандары: ұжымдастыру, қазақ ауылын отырықшыландыру (седентаризация); Дайындау науқандары: а) астық дайындау; ә) мақта дайындау; б) жүн дайындау; в) ет дайындау.

Міндетті алымдар мен салықтар: 1. Бірыңғай ауылшаруашылық салығы; 2. Біржолғы салық; 3. Ауылшаруашылығы салығы; 4. Өзін-өзі салық салу[1*]; 5. Табыс салығы; 6. Жеке шаруа қожалықтарына біржолғы салық; 7. Жеке меншік қожалықтардың жылқыларына біржолғы салық.

[1*] Өзін-өзі салық салу (самооблажение) – жергілікті халықтан қоғамдық немесе мемлекеттік қажеттілікке арнап қосымша салық жинау жүйесі. 1930-жылдардағы Қазақстан тарихында «өзін-өзі салық салу» (самообложение) деген ұғым қолданылды. Бұл – халықтан мемлекет қажеттілігі үшін қосымша қаржы немесе

Салықтық емес төлемдер: 1. «Ерікті – мәжбүрлі» тәртіппен таратылатын мемлекеттік заемдар облигациялары, Трактороралық акциялары және басқалары үшін міндетті жалақылық сақтандыру; 2. Шаруашылық және мәдени құрылыстың қажеттіліктеріне біржолғы алым (мәдени алым); 3. Ауыл орындаушысы болу құқығынан айырылған адамдардан ақшалай алым; 4. Шаруа және ұжымдық шаруашылықтарды міндетті жалақылық сақтандыру; 5. Мемлекеттік қарыздар; 6. Тыл милициясына қабылданған азаматтардан алынатын «арнайы» әскери салық; 7. Жеке тұлғалар үшін міндетті және «ерікті» төлемдер; 8. Бірыңғай балық аулау жинағы; 9. Билет ақысы; 10. Гарнц алымы[2*] [Саяси қуғын-сүргін құрбандары ... 13-т., 2022: 20, 21].

Зерттеу тақырыбының мақсаты. Абай облысының мемлекеттік архиві құжаттарын Қазақстанның шығыс өңіріндегі Кіші Қазан революциялық доктринасының жүзеге асырылуының дереккөзі ретінде қарастыру. Облыстық, республикалық архив деректерінің негізінде 1925–1933 жылдар аралығында большевиктік эмиссар Ф. Голощекин басшылығымен жүзеге асырылған әлеуметтік-экономикалық, саяси науқанның архив деректерінде көрінісін талқылау.

Материалдар мен әдістер. Зерттеудің деректік негіздерін Қазақстанның шығыс өңіріндегі 1925–1933 жылдары жүргізілген жаппай ұжымдастыру, байлардың мал-мүлкін тәркілеу және оларды жер аудару, дауыс беру, сайлауға қатысу құқықтарынан айыру, қоғамды «жат элменттер» мен «бөгде көзқарастардағы жандардан» тазалау және т. б. қатысты ауқымы кең архивтік және жарияланған құжаттар құрайды. Негізгі дереккөздер ретінде Абай облысының мемлекеттік архивінде сақталған Шығыс Қазақстан округтік Бақылау комиссиясы–Жұмысшы-Шаруа инспекциясы, Семей округтік прокуроры және т. б. архивтік қорлары алынды. Сонымен қатар «Трагедия казахского аула», «Трагедия советской деревни», «Неизвестные страницы истории Семпалатинского Прииртышья» (1920–1930 гг.). және т. б. архивік құжаттар жинақтарындағы Қазақстанның шығыс өңіріне қатысты деректер зерделенді. Зерттеу аясына алынған құжаттар Семей, Өскемен, Бесқарағай, Күршім, Зайсан және т. б. шығыс өңірлерде жүргізілген жаппай ұжымдастыру, байлардың мал-мүлкін тәркілеу және оларды жер аудару, дауыс беру, сайлауға қатысу құқықтарынан айыру, қоғамды жат элменттер мен бөгде көзқарастардағы жандардан тазалау барысындағы ұйымдастырушылық, орындаушылық тетіктерді және қуғындау шараларының көлемін айқындауға мүмкіндік береді.

Зерттеу жұмысында жалпы тарихи әдістер – тарихи талдау, тарихи салыстырмалы талдау және жинақтау әдістері қолданылды. Бұл әдістерді қолдану барысында салыстырмалы талдау және ғылыми әдістердің барысын талдау, сипаттама жасау және түсініктер беру тәсілдері арқылы көрсетілді.

Талқылау. 1920–1930 жылдардағы елімізде жүргізілген әлеуметтік-экономикалық және қоғамдық саяси науқандардың жүргізілу тарихы отандық және шетелдік тарихнамада кеңінен қарастырылып келеді. «Кіші Қазан» тақырыбы кеңестік кезең жылдары мен тәуелсіздік тұсында тарихшылар, философтар, филологтар, экономистер және т. б. сала ғалымдарының еңбектерінде түрлі бағыттар бойынша зерттелді. Аталған еңбектерде күштеп ұжымдастыру, сайлау және дауыс беру құқығынан айыру, партиялық тазалаулар, байлардың мүлкін тәркілеу және оларды жер аудару, алым-салықтар салу, күштеп өндіріп алу және т. б. күштеу, мәжбүрлеу шаралары жайлы баяндалады. Қазақстанның шығыс өңірінде жүргізілген Кіші Қазан революциялық доктринасының тарихына қатысты зерттеу еңбектердің бірқатары фрагментарлы түрде дайындалған. 1925–1933 жылдары жүргізілген әлеуметтік, экономикалық, саяси науқандар жайлы кешенді түрде дайындалған зерттеу еңбектер санаулы ғана. Архивтік құжаттарды іздеп тауып, оларды тақырып аясында зерделеу орын алған оқиғаларды объективті түрде бағалауға көмектеседі.

Неміс зерттеушісі Р. Киндлер: «Коммунисты для реализации своих притязаний использовали разные формы интервенционного господства. Когда приходило время платить налоги и сборы, требовалось определить структуру местной власти или обострялись конфликты из-за плодородных земель между различными группами населения, они и их местные посредники находили дорогу в

өнім жинау тәсілі. Көбіне ауыл тұрғындары ақша, мал, астық тапсыруға міндеттелді.1930-жылдары ауыл шаруаларын колхоз құруға, мемлекетке астық пен мал өткізуге мәжбүрледі. Сонымен бірге «өзін-өзі салық салу» енгізіліп, халықтан қосымша қаражат жиналды. Бұл шаралар қазақ ауылдарының тұрмысына ауыр әсер етті.

[2*] Гарнц алымы («гарнец» сөзінен) – ұнтақтау үшін төлем ретінде тапсырылған астықтың белгілі бір бөлігін диірмен иесінің пайдасына аудару.

кочевые аулы. Эти визиты имели целью не только сборы налогов или выполнение каких-то других задач; функция посетителей состояла и в том, чтобы лишний раз напомнить казахм об их статусе подданных советского государства» деп көрсетті. Биліктің адамы келген кезде жергілікті халықтың ерікті, еріксіз түрде мемлекетпен қатынасқа түскендігін айтып өтеді. Большевиктік биліктің интервенциялық яғни күштеу, мәжбүрлеу шараларын жүргізу тәртібін шетелдік зерттеушілердің еңбектеріне сүйене отырып баяндайды [Киндлер, 2017: 40].

Қазақ ауылының қасіретіне қатысты архивтік құжаттарды жүйелеп жариялаған еңбектердің қатарында «Трагедия казахского аула» атты екі томдық жинағының деректерін атап өту қажет. Аталған жинақтың екі томында да Семей өңіріне қарасты аудан, ауылдардың деректері берілген.

Семейлік тарихшылар мен архившілердің бірлесіп дайындаған құжаттар жинағы өңірдегі 1920–1930-жылдардағы тарихына қатысты деректерді жүйелейді [Неизвестные страницы истории …, 2000]. Семей, Алматы архившілері дайындаған құжаттар жинағында қазақтардың шетелге мәжбүрлі эмиграциясы, күштеп ұжымдастыру, Қазақстан аумағына өзге ұлт өкілдерінің күштеп жер аударылуы және т. б. Қазақстан тарихының қаралы беттеріне қатысты деректерді жинастырды. Сол кезде әлі де болса зерттеушілердің қолына түсе бермейтін құпиялылық құрсауындағы құжаттарды іздеп тапты. Ертіс жағалауындағы экономикалық, әлеуметтік және саяси дамуының кезеңін: 1921 жылғы ашыққандарға көмек көрсету, таптық жат элементтерді жою, көшпелі тұрғындардың өңір аумағынан ауа көшуі, қазақ ауылын ұжымдастыру және т. б. сияқты сәттерді көрсетті.

«Тарих ақтаңдақтары» саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау» жобасы аясында құрастырылған «1928 жылғы Декрет: тәркіленген тағдырлар» кітабына «Шығыс Қазақстан облысы Қазіргі заман тарихын құжаттандыру орталығы КММ» мен «ҚР Мәдениет және спорт министрлігі «Орталық мемлекеттік архиві» РММ» алынған тәркілеу науқанына ұшыраған адамдар жайлы ақпарат енген [«1928 жылғы Декрет, 2021].

Шығыс өңірдегі «Кіші Қазан» доктринасының жүзеге асырылуы жайлы жергілікті ғалымдардың еңбегінде таратылып баяндалады. Қ.Қ. Байсарина, Б.Токишкадыров, А.М. Мамырбековтердің «Голощекиннің «Кіші Қазан саясаты» және жайылымдық-шабындық жерлерді қайта бөлу науқаны» атты мақаласында XX ғасырдың 20-30 жж. қазақтардың дәстүрлі мал шаруашылығының күйреу үрдісі, қазақ ауылындағы түбегейлі өзгерістер, кедейлену, ашаршылық, жалпы айтқанда қазақ елінің әлеуметтік-экономикалық және саяси тарихына өзінің айтарлықтай зардабын әкелген «Кіші Қазан» саясаты жайында баяндалады. «Кіші Қазанның» басталуы 1925 жылы Ф.И. Голощекиннің БК(б)П Қазақ өлкелік комитетінің бірінші хатшылығына тағайындалуынан басталды. Қазақ ауылында социалистік өзгерістерді жүзеге асыруға бағытталған саясат, «Қоныс аударушылар ауылындағы азаматтық татулық және қазақ ауылындағы азаматтық соғыс» ұранымен жүзеге асты. Авторлар ұжымы Голощекиннің негізі жоқ социализмнің утопиялық мақсаттарына жету үшін қолданылған зорлық, қысым көрсету әдістері арқылы жүзеге асқан «Кіші Қазан» саясатының адам факторын аяққа таптағандығын келтіре отырып, сол әділетсіздікті дәлелдер арқылы ашып көрсетуге тырысқан. XX ғасырдың 20-30-жылдарында Қазақстанда кеңестік тоталитарлық жүйе жүргізген «Кіші Қазан» саясатының, байларды тәркілеу, шаруаларды күштеп ұжымдастыру сияқты төтенше саяси-шаруашылықтық науқандарына архив құжаттары мен отандық және шет елдік ғалымдардың ғылыми еңбектері негізінде талдау жасалған. Қазақ ауылдарын кеңестендіру, Егістік-шабындық жерлерді қайта бөлу, Бай шаруашылықтарын тәркілеу бағыттарында жүргізілген саясаттың нәтижелері анықталған [Байсарина, Токишкадыров, Мамырбеков. 2023].

Байсарина Қ.Қ., Токешкадиров Б., Бақытжанова А.Б. «Шығыс Қазақстанда ауқатты шаруа қожалықтарын тәркілеу және оның тарихи салдары» атты мақалада өңірдегі әлеуметтік-саяси революцияның бір тармағы жайлы деректерге шолу жасалады [Байсарина, Токешкадиров, Бақытжанова, 2022: 26–43].

Қазақстанда ауқатты шаруа қожалықтарын тәркілеу және жеке меншігінен айыру науқанының іске асырылуы және оның тарихи салдары тақырыбы, отандық тарих ғылымында белгілі дәрежеде зерттеліп келетін мәселелердің бірі. Алайда әміршіл-әкімшіл жүйе жағдайында оған көлеңке түсіретін тарихи еңбектердің бәрі, тіптен ол объективті ақиқат болса да, жарыққа шықпауы, ғылыми тұрғыдан зерттелмеуі тиіс болды. Мақалада дәстүрлі қазақ қауымының тірегі – қазақ байларының тарихи тағдыры, тәркіленген ауқатты шаруалар отбасыларын жер аудару және олардың қилы тағдыры сипатталған.

Зерттеу жұмысының мақсаты – бұрын толық айналымға түспеген тарихи деректерге сүйеніп, тоталитарлық жүйенің қалыптасу кезінде қазақ шаруаларының көрген қасіреттерін объективті зерттеу.

Зерттеуде Қазақстандағы күштеп ұжымдастырудағы биліктің негізгі ролі көрсетілген, және де осы мәселеге қатысты жаңа шешімдердің қазақ халқына әсері баяндалып өтеді. Зерттеу жұмысының теориялық және методологиялық негізі тарихи жағдайдың күрделілігіне және әртүрлілігі мен қарама-қайшылықтарына қарамастан жан-жақты ұстанған шынайылық принципі болып табылады.

Нәтижелер. Қазіргі заманғы отандық және шетелдік тарихнамада Кеңестер Одағының жүргізген сыртқы саясатының салдарынан елде ашаршылық, жетіспеушілік орын алғандығы жайлы кеңінен баяндалады. Жаңа экономикалық саясатты тоқтатып, елдің даму бағытында ішкі ресурстарды барынша сарқа пайдалану бағыты қолға алынды. Ішкі ресурстар қатарына елдің қолындағы мал-мүлік, артық азық-түлік жатқызылды. Тұрғындардың резерв қорындағы мүлікті мемлекет пайдасына «контрактация жасау» тәжірибеге енгізілді. «Халық бұл ауыр кезеңді сипаттау үшін өте әсерлі бір тіркес қолданған: «Орақ пен балға – өлім мен сорға» [Қара, 2025: 15].

Неміс зерттушісі Р. Киндлер: «Қазақстанның партия билігінің басшысын қазақтардың мүддесі үшін күресуші деп айтуға болмайды. Ол халықтың қажеттіліктері жайын ойлаған жоқ. Оның көздегені даладағы билікті жүргізу үшін большевиктік талапты жүзеге асыру еді» деп көрсетеді. Сонымен қатар: «... Кеңестер Одағының түрлі аймақтарында мәдени революция мен ұжымдастыруды жүзеге асыру міндетін Сталиннің рақымына іліккен коммунистер ғана жүргізе алды» [Киндлер, 2017: 104].

Қазақстандағы байлардың мүлкін 1928 жылы тәркілеу, 1930–1931 жылдардағы күштеп ұжымдастыру мен байларды жою нәтижесінде орын алған ауа көшушілер мен жаппай көтерілістер, халықты жаппай отырықшылыққа мәжбүрлі түрде көшіру сияқты әлеуметтік-экономикалық реформаларды жүргізу волюнтаристік тұрғыда жүзеге асырылғандықтан ашаршылыққа ұшырағандығын тарихшылар атап көрсетеді. Қазақ ауылының аталған кезеңдегі қасіреті жайындағы дереккөздерді топтастырған жинақ қазақ этносының 40 пайыздан астамынан айырылуына жұт, мәжбүрлі миграция, ашаршылықтан қырылуды 1930-жылдардың басындағы гуманитарлық апат қатарына қосады. Жинақтың алғашқы томында Қазақ АКСР-інің 1920 жылдардағы жағдайы, 1928 жылғы экономикалық және саяси науқандар, өңірлердің жағдайы, тәркілеу мәселесіне қатысты құжаттар топтастырылған [Трагедия казахского аула. Т.1.].

Дәстүрлі қазақ ауылының астаң-кестеңін шығарған күштеп ұжымдастыру, байларды жою, отырықшылану үдерістері жайлы деректер «Трагедия казахского аула» кітабының екінші томына жинақталған. Барынша қатігез, әкімшілік қатаң шаралар арқылы жүзеге асырылған бұл қайта құрулар жаппай жүргізілген астық, ет дайындау науқандарымен астарласа отырып, Қазақстандағы ашаршылықтың өршуіне, аштан қырылу оқиғаларының ұлғаюына әкеліп соқтырды. Мемлекеттің саясаты тұрғындардың ауа көшуіне, қарулы қақтығысқа түсуіне, олардың БМБСБ (ОГПУ) құрған арнаулы отрядтарының күшімен тойтарылған көтерілістерге шығуы жайындағы деректер мемлекеттің жазалушы-қуғындау саясатын әшкерелейді [Трагедия казахского аула. Т.2.].

1920–1930 жылдардағы халық көтерілістері мен наразылықтары, бас көтерулері жайында тарихшы-ғалым Т. Омарбековтың еңбектерінде Қазақстанның шығыс өңіріндегі 1931 жылғы ахуал жан-жақты көрсетіледі. «Халық наразылықтары: ауқымы, салдарлары және күшпен басылуы» жайлы баяндалады. Абралы дүрбелеңі, Шыңғыстау наразылығы, Шұбартау шаруаларының бас көтеруі, Абралы, Шыңғыстау, Шұбартау көтерілістерін ұйымдастырушылар туралы аңыз түрінде ғалым архив деректерін кеңінен ғылыми айналымға енгізді [Омарбеков, 1997].

1925 жылы қазақ даласына сапар шеккен неміс ғалымы Отто Шиллер Қазақстан мен Батыс Сібірдегі мал шаруашылығының 1932 жылғы жағдайы жайында баяндаған. Ол алдыңғы сапарында кездестірген Семей өңіріндегі бір ғана фермасындағы малдың 1932 жылы бірін де көре алмаған. Оның пікірінше миллион қазақ өздері көшпелі болғандықтан малсыз бір күнде тұра алмас еді деген пікірін келтіреді [Киндлер, 2017: 156]. Бас аяғы 5-6 жылдың ішінде қазақ даласы мыңғырған малдан айырылып, өздері жер бетінен жойылудың аз-ақ алдында тұрды

Қорыта келе, қарастырылған құжатты жинақтарды, ғылыми-зерттеу мақалаларын талдау көрсеткендей, Қазақстанның шығыс өңіріндегі «Кіші Қазан» науқандарының саясаты өзінің сан-салалы, көпқырлы және күрделілігін көрсетті. Тарихнамада аталған кезеңдегі үдерістер «қазақ даласына Қазан революциясын жүргізу», «ауылды кеңестендіру», «жат ағымдармен күресе отырып»,

«өлкені бөгде ой иелерінен тазалау» ұранымен жүргізілді, ғасырлар бойы қалыптасқан көшпелі қазақ қоғамын бір бесжылдық ауқымында қайта қалыптастыру жоспарланды деп бағаланды.

1928 жылы өткізілген Қазақстан Өлкелік комитетінің VI партия конференциясында «артта қалған» Қазақстан КСРО-ның индустрияландыру бағдарламасын қамтамасыз ететін шикізат базасы ретінде ғана қатыса алады және қатысуы тиіс деп атап өтілді. Тау-кен өндірісіне қажетті маңызды қоры бар өлке ретінде және жүн, тері, мақта, кендір және т. б. өнімдерді орталық игілігіне тапсыруы тиіс болды.

БК (б)П Қазақсстан өлкелік комитетінің V партия конференциясында жасалған талдау негізінде Қазақстанның халық шаруашылығының негізгі стержені халқының 75 пайызы айналысатын мал шаруашылығы, валдық өнімнің 50 пайызын береді. Мал шаруашылығындағы Қазақстанның жүргізіп отырған жұмысына төмен баға берілді: шаруашылықты ескірген, мәдениетсіз нысанда жүргізу, табындарды дамытудағы стихиялылық, жыл он екі ай бойы жайып бағу, жұт пен жұқпалы аурулардан жиі жиі малдың қырылып қалуы және т. б. ауылдардың (5-7 лашықтан 1 шаруашылық ауыл) шағын көлемде орналасуы, қоғамдық қатынастардың әлсіздігі (рулық, феодалдық, тауарлық қатынастардың аралас түрде болуы) деп ғасырлар бойы қалыптасқан қазақ қоғамына теріс қорытындылар жасалды [Резолюции VI Всеказакской ... 1928]. Шұғыл түрде құрылымды өзгерту мақсаты қойылып, ол қарқынды түрде жүзеге асырылды.

Асыра сілтеу, солақай басшылық негізінде адамның ақылына сыймайтын талаптар қойыла бастады. Астық дайындау және малды кең көлемде реквизициялауды қысқа мерзімде жүргізу қазақтарды шығынға ұшыратты. Қазақстанның барлық облыстарында ең алғаш рет 1928 жылы Семей губерниясында сынақтан өткізілген малшы-көшпелілерден астық пен тұқым талап етуге қайта оралды. Қолында астығы жоқ малшы өзіндегі бар малын сатып астық сатып алуға мәжбүр болды. Жоспарды орындай алмағандар қуғынға ұшырады [Киндлер, 2017: 149].

Шығыс Қазақстан аумағында жүргізілген салық салу науқанының барысын төмендегі құжат айқындап береді. Жергілікті билік өкілдері жоғарыдан келіп түскен директиваны орындау барысында асыра сілтеушілікке жол берген.

Мақаншы болыстық атқару комитеті мен БК(б)П болыстық ұясының бұрынғы уәкілі 1928 жылы 17 сәуірде жазған арызында Қазақ АКСР ОАК уәкілі Жамановтың заңсыз әрекеттері туралы баяндайды. «Екпінді салық науқаны кезінде ол Барлық ауылы бойынша уәкілеттілік жасаған. Оның соңынан бір тәуліктен кейін келген ОАК уәкілі Жаманов екі жерде азаматтардың жиналыстарын өткізді. Үш күннің ішінде Өзін-өзі салық салуды жинау және шаруа заемының облигацияларын таратып, салықтың барлық түрінің жетіспеушілігін толтыруы тиіс деген талап қойды. Жаманов егер үш күннің ішінде аталған жұмыстар бітпесе мүліктерін тәркілейтіндігін айтып қорқытты. Тұрғындар ақшаларын жинақтап алуға қосымша уақыт беруін сұрағанымен, Жаманов оған назар аудармады. Егер 100 пайыз салықты жинап бермесе ауыл уәкілінің өзін де қамауға алып, Лепсіге жіберілетіндігін айтқан. Нәтижесінде тұрғындар тарапынан наразылық өршіп, ауқаттылардың 80 үй шаруашылығы шетелге қашып кетті, малдары мен қойларын айдап алып кетті. Менің ойымша Жаманов тұрғындарға дұрыс әрекет жасамады, сондықтан азаматтар шетелге қашып кетті. Осы мәселені дұрыстап қарап, ақ-қарасын ажыратуды» сұрайды [Трагедия казахского аула. Т.1, 2013: 210].

Семей губкомының басшысы Беккердің іс-әрекеті жайлы Р. Киндлер Қазақстан, Ресейдің архив деректеріне сүйене отырып көрсетеді. Семейдегі жоғары лауазымды функционерлер қазақтарға тым ұзақ уақыт аяушылықпен қарап келдік деген ұстанымда болды. Беккер: «Олар орыстардан тіпті де «жақсы» емес, олардың қолындағы артық азықты тәркілеу керек» деп айтты. Реквизиция астық дайындау жоспарын орындау және кландар мен шаруа қоғамдарының басшыларын жою сияқты екі жақты мақсатты көздеді. Көшпенділерден астық талап ету қаншалықты заңдылық екеніне ешкім де бас қатырғысы келмеді. Қазақтарға астықты сатып алып оны даайындау пункттеріне өткізу, сөйтіп дайындау бойынша есептесуден басқа жол қалмады [Киндлер, 2017: 112].

Елдің қолындағы мал-мүлікке салық салу науқанының барысы туралы деректер де көптеген заңсыздықтардың бетін ашып береді. Семей губерниясының тұрғындары Әлкамунов, Ченгожин, Нураков және Нуракова және т. б. (барлығы 26 адам қол қойған) бір топ адамның Сталиннің атына жолданған жеделхаты жергілікті биліктің заңсыз әрекеттері жайында баяндайды. «... көктайғақ пен жұттың кесірінен малдың жұтқа ұшырағанына қарамастан жергілікті билік бізді өз малымызды су тегінге сатқызып, біздің жалғыз ғана күн көрісімізден айырды». Малды жасырғаны үшін соттау процестерінің толқыны басталып кетті. «Қылмыстық кодекстің 62, 169 баптары бойынша жасанды айыптаулар құрастырып, жергілікті билік органдары озбырлыққа жол берді. Халық соттары барлық

малды тәркілеу туралы заңға қайшы үкімдер шығарды, ал шаруалардың кассациялық арыздарын губерниялық соттар назарға алмады. Халық соттарының үкімдері шұғыл түрде орындалды. Мал толығымен тартып алынды. Қазір біздің отбасыларымыз кедейленді. Губком мен губатком газеттерде бізден тәркіленген малды тарату туралы қаулыларды жариялап жіберді» деп жазады [Трагедия казахского аула. Т.1., 2013: 237].

1928 жылдың көктемінде Мәскеудегі партия басшылығы Семей губерниясына А.С. Киселевтың басшылығымен жағдайды зерттеу үшін комиссия жібереді. Комиссия өңірдегі жұмыстың барысын қарай келе, Беккерді қызметтен алуды ұсынады. Нәтижесінде Беккер Мәскеуге БОАК жиналысына шақыртылады. «Беккерді тек қана нәтиже қызықтырды, ол қандай жолдармен келеді, бұл жөнінде ойланған да жоқ. Міне, бұл Мәскеуден жіберілген функционерлердің айқын бет-бейнесі. Жергілікті халықтың жағдайына ешкім де бас қатырмады» [Киндлер, 2017: 118].

Толассыз ағылған арыз-шағымдар негізінде Қазақ АКСР ОАК 1928 жылы 25 шілдеде «БОАК Төралқасының Семей губерниясында Қылмыстық Кодекстің 629 б. қолдану тәртібінде тәркілеудің Семей губерниясында жаппай қолданылуы мәселесіне орай қаулысы туралы» шешім шығарды. Бұл шешімде Ақаев, Ақпаев және Шорманов сияқты ірі байлар мен жартылай феодалдарға қатысты сот және әкімшілік органдарының барлық іс-шараларын (бас бостандығынан айыру, тәркілеу) анықтау, тұрғындардың ауқатты элементтеріне қатысты үкімдердің орындалуын тоқтату, оларды қамаудан босату және республиканың жоғары сот органдары жан-жақты қарап шешкенге дейін мал мүлкін иелеріне қайтаруы туралы қарар қабылданды. Ақмола және Ақтөбе губерниясында да осыған ұқсас жағдайлар болғандықтан Осы шешімді басшылыққа алу ұсынылды [Трагедия казахского аула. Т.1, 2013: 235].

«Семей губерниясындағы партия директивалары мен кеңестік заңдардың бұзылуы туралы» мәселе күн тәртібіне 1928 жылы тамызда қойылмағанда Қазақстан билігі аталған шешімді қабылдауы да белгісіз еді. Беккер жүргізген қуғын-сүргіндер науқанынан құрбан болғандар санын нақтылау мүмкін емес, бірақ тергеу комиссиясы кемінде зәбір көрген 40 мың адам туралы атап өтеді. 1928 жылы ақпанда Семейге жасаған сапарында Ф. Голощекин жергілікті басшылық құраммен кездесу өткізіп, экспроприация мәселесін талқылаған соң Беккер өзіне берілген міндетті құлшына орындауға кірісті [Киндлер, 2017: 113]

Қарқаралы округтік БКП(б) комитетінің жауапты хатшысы Сұлтанғалиевтің округтің қазақ аудандары бойынша инспекциялық сапар нәтижелері туралы жасаған 1928 жылғы 4 қыркүйектегі баяндамасы да қазақ ауылдарындағы мүшкіл жағдайды көрсетеді, малын жасырған байларға айыппұл салып қана қоймай, олардың мүлкін тікелей тәркілеген.

Өзін-өзі салық салу түрін төлей алмаған шаруалар малын арзан бағаға сатуға мәжбүр болды. «Кедей шаруашылық сот салған айыппұлды, өзін-өзі салық салуды төлеген соң, түгі де қалмаған (мысалы, Абыралы ауданының №2, 3 және 5 ауылдары)». Ауылдық кеңес төрағасы мен хатшысы осы шаруашылық малын жасырып отыр деп сырттай болжам жасап, шаруашылық тізімдерін жасайды (әдетте 30–40 немесе одан да көп шаруашылық). Осы тізімді алған сот дұрыс, бұрыстығын тексеріп жатпастан, кейбір шаруашылықтардың экономикалық жағдайына қарамастан, барлығына бір ғана «айып пұл салынсын» деген бұйрық шығарады [Трагедия казахского аула. Т.1, 2013: 248].

Аудандық атқару комитеттерінің мәліметтері бойынша Абыралы ауданында мал басы ең көп төмендеген өңір қатарында. Аудан халқы көшпелі. Бұл кездейсоқ емес, егістікке жарамды жер аз ғана. Шаруашылықтардың көпшілігінде қысқы жем-шөп қоры жоқ.

«... жергілікті жерлердегі ауылшаруашылық кооперациясы өндірістік қызметті дамытуға қатысты бірде-бір жұмыс атқармады».

«... жеке өзін-өзі салық салуға жататын адамдардың тізімі барлық жиналыстарда жарияланды және осы жиналыстарда түсіндіріп болғаннан кейін кейбір орта шаруалардың енгізілгенін көрсетті (тіпті аты-жөндерін атап көрсетті). Сонымен қатар Берікқарадағы № 7 және Абыралыдағы № 1, 2 ауылдардағы екі жиналыста мүліктік жағдайы әртүрлі шаруашылықтар жеке салық салуға жататын тізімге енгізілмеді» [Трагедия казахского аула. Т.1, 2013: 250]. Құжатта көрсетілгендей ауылдардың, шаруашылықтардың жағдайы толығымен зерттелмеген. Ауыл тұрғындарының мал басы саны толық есепке алынбаған. Жағдайлары бірдей шаруаларға әртүрлі салық салынған.

«Жалпы қорытынды. Орта шаруа қысым көріп, қорқытылып отыр, сондықтан олар билікке, әсіресе жергілікті билікке сенімсіздік танытуда. Жиналыстарда орташалар туралы сұрақтар өте көп. Кедейлер әлі де болса кеңес билігіне үміт артуда, бірақ олардың үміті ақталып отырған жоқ.

Кедейлер «қазына бізге қарап тұрған жоқ», «Үкімет кедейге әлі де болса мойын бұрып қараған жоқ» деп ашығын айтуда».

«... Жаппай басқару, жеке тұлғаның өзіне-өзі қамқорлық жасауға жеткіліксіз көңіл бөлу – орта тапқа ішінара әсер етеді. Жалпы қорытынды осындай [Трагедия казахского аула. Т.1, 2013: 251].

Семей губерниясындағы жаппай заң бұзушылық туралы БК(б)П Қазақ өлкелік комитетіне жолдаған баяндау жазбасында РКФСР Жоғарғы Сотының Қазақ бөлімінің төрағасы Бекбатыров малды тәркілеу барысындағы өрескелдіктер туралы баяндайды.

«БК(б)П губкомдарына партия комитеттері мен жергілікті жерлерге бара жатқан уәкілдерге бірқатар директивалар берілген:

1. Қандай жағдай болмасын байлар мен ықпалды тұлғаларға міндетті тәркілеуге ұшырайтындай етіп сот істері рәсімделуі тиіс.
2. Осы тұлғаларға қатысты қуғындау шараларын күшейту керек.
3. Істерді рәсімдеу мен оларды қарау тәртібін жеңілдету қажет.
4. Үкімдер дереу орындалуы тиіс.
5. «Рақымшылық жасалмасын және т. б.»

Бекбатыровтың көрсетуінше: Мұның бәрі жергілікті қызметкерлер арасында неғұрлым үлкен жаза тағайындауға, мүлікті тәркілеуге және үлкен айыппұлдар салуға болатын болса, қалағанын істей алатындай ойлауды қалыптастырды. Бұл жағдайлар жергілікті қызметкерлерге еркіндік берді, олардың көпшілігі өзімшілдік ниетпен өзін-өзі бақылауды қамтамасыз ету, сот істерін қарау және тәркілеуді бұйырған сот шешімдерін орындау кезінде әртүрлі құқық бұзушылықтар мен қылмыстар жасады ...[Трагедия казахского аула. Т.1, 2013: 252].

«Тәркілеуді жүргізу барысында көп жағдайларда 1927–1928 жылдардағы ауылдардың тізімі бойынша жұмыс жүргізіп, қолда бар малдың нақты саны тексерілмеді. Ақпан, наурыз айларында тұрғындар өзін-өзі салық салу салығын және тағы басқа да шығындарды төлеу үшін малын сатуға мәжбүр болды. Бұдан басқа малдың басым бөлігі жұттан жойылды, осылайша көпшілігінің мал басы саны кеміді. Сондықтан сотталғандардың кейбірінің қолында тәркілеуден кейін сот үкімінде көрсетілген тәркіленуі тиіс мал басы азайып кетті, ал үшіншілерінің қолында сот үкімі бойынша тәркіленетін малы болған да жоқ. Соттың үкімін орындаушы органдар мұндай жағдайларда басқа адамдардың малын тартып алды, немесе жетпей тұрған мал басының орнына малдың басқа түрін және үкімнен тыс көрсетілмеген мүлікті алып кетті, немесе жас малды қалдырып тек ересектерін, кейде тіпті үкімде көрсетілмеген малды алып кетті» [Трагедия казахского аула. Т.1, 2013: 257].

Кесте – 1. «... Семей уезінің мына азаматтары жартылай тәркіленді. Бақылау парағы бойынша мал саны барлар: [Трагедия казахского аула. Т.1, 2013: 257].

	жылқы	сиыр	қой
Мукатаев	6	20	32
Исин Сатемир	2	7	5
Исин Байгожа	3	6	2
Канбулатов	2	6	21
Айтбаев	4	6	7
Юсупов	5	8	12
Жентемиров	11	12	3
Сыздыков	11	21	10

Осылардың ішінде Жентемировтен 1 жылқы, 3 сиыр мен киіз үй, Сыздықовтан – 4 жылқы, 6 сиыр, 10 қой, үй, 1 арба және 1 соқа тәркіленді. Басқалары да жартылай тәркілеуге ұшырады: барлығы салық салу нысандарын жасырды деп айыпталды.

Барлық істер бойынша үкімдер кассациялық қайта қараудың нәтижесін күтпей, дереу орындалды, бұл айқын заңсыздық болып табылады. Кейіннен, егер кассациялық сот үкімді бұзса немесе малды шамадан тыс тәркілеуге ұшыраған шаруашылықтарға қайтару арқылы өзгертсе, үкімді өзгерту мүмкін болмайтын және шын мәнінде, бірде-бір жойылған үкім өзгертілмеген жағдай туындады [Трагедия казахского аула. Т.1, 2013: 259]. Бұл салық салу тәртібінің тәркілеумен тікелей

жалғасып кеткенін көрсетеді. Жоғарыдан берілген салық түрін орындамағаны үшін мал-мүлкін тікелей тәркілеу жүзеге асырылды.

Дәстүрлі қазақ ауылын мәжбүрлі түрде отырықшылыққа көшіру үдерісінде де заң бұзушылыққа жол берілді.

1930 жылы 8 шілдеде жасалған Қазақ АКСР Жер ісі халық комиссары орынбасарының «Семей округіндегі отырықшыландыру жөніндегі жұмыстың барысы туралы» баяндау жазбасында көрсетілгендей, округте қазақ тұрғындарын отырықшылыққа көшіру барысындағы жұмыс бірнеше жыл бұрын басталған. Түркісіб құрылысына жақын орналасқан аумақтарды жерге орналастыруды, атап айтқанда Жаңа Семей ауданында округтік жер басқармасының қызметкерлері жүзеге асырған. Жергілікті тұрғындардың қалауын анықтау, орналастырылатын жерлерді белгілеу, келешектегі қазақ поселкелерінің орнын нақтылау және т. б. жұмыстардың жоспары, іс-шаралар белгіленгенімен, аталған жұмыс өз мәресінде орындалмаған. Ақпан айында отырықшыландыру жөніндегі округтік комитет кейбір ұйымдардың жұмысына нақты басшылық жасай алмады, өзара тығыз және іскери қарым-қатынас орнатпаған. Жаңа Семейде аудандық атқару комитетінің хабарлауынша ауданда әлі күнге дейін отырықшыланатын аулалардың саны мен орналасқан жері әлі белгісіз, бұл жұмысты егістік егу науқанының соңында ғана жоспарлаған. 15170 шаруашылықты отырықшылық жағдайға түсіру жоспарланған, ал аудан басшылығы оны 14 ауданға бөліп тастаған және оны жоспарға қоспаған. Нәтижесінде аудандардың саны 3-ке қысқарған, ал шаруашылық саны 6473 қана қалған. Еш уақытта зерттелмегеніне қарамастан материалдармен қамтамасыз етілмесе де Мақаншы ауданын отырықшыландыру жоспарына қосып жіберген. Аудан суармалы екендігін біле тұра шаруашылық түрі туралы мәлімет берілмеген.

Жаңа Семей ауданы табиғи-климаттық жағынан отырықшыландыру ауданына қойылатын талаптарға сәйкес келмесе де, округті жартылай шөлейт бөлігінде орналасқан батыс жағынан отырықшыландыру жұмысын қолға алған. Ал қолайлы болып есептелетін шығыс жақ бөлігінде жұмыс әлі басталмаған» [«Неизвестные страницы истории, 95, 96].

1930 жылғы 28 тамыздағы БК(б)П Семей округтік комитеті бюросының қаулысында: «Округтік комитеттің отырықшыландыру жоспарын орындау жөніндегі бірқатар директивалары мен отырықшыландырудың өзінің дұрыс жүзеге асырылмай жатқандығы» туралы атап өтеді [Неизвестные страницы истории, 97].

Байларды тәркілеу барысында да асыра сілтеушіліктер орын алды. Ірі байлар, ауқаттылар тіпті орташа шаруалар да тізімге алынды. Бесқарағай ауданында екі байдан тұратын бастапқы тізім 17 адамға ұлғайтылды. Шыңғыстау ауданында тәркілеуге тек байлар ғана емес орта шаруалар да ілікті, тізімге 19 адам енгізілді. Көптеген арыз-шағымдардан соң 16 шаруашылықтың мал мүлкі қайтарылып берілді [Неизвестные страницы истории, 115].

Тәркілеу жөніндегі Қаулы Бесқарағай, Қызылтаң, Қызылтас, Шыңғыстау, Аягөз, Жарма, Ұлан, Тарбағатай, Күршім аудандарын қамтыды. 64 шаруашылық, оның ішінде 20 бай-жартылай феодал, қалған 44-і ірі малшы тәркіленді. Ірі қараға шаққанда 2746, 59 бас мал тәркіленді, қуғындалған бай-феодалдарға ХКК белгілеген норма бойынша 871 бас қалдырылды [Неизвестные страницы истории, 115].

Сырдария округіне жер аударылған отбасылар саны 446, оның 99-ы – ересек ер адам, ересек әйелдер саны – 125, ер балалар (18 жасқа дейін) – 131, қыз балалар – 101. Заманбек Мүрсәлімов, Иса Әділов, Қаражан Үкібаевтың отбасы жасырынып қалды. Сырқат болуына байланысты жер аударылған отбасыдан 7 адам тұрғылықты жерінде қалды. Жер аударылуы тиіс отбасылардың ішінен 45 адам комиссия шешімдеріне шағымданды. Олар өз арыздарында жер аудару белгілеріне шаруашылықтарының сәйкес келмейтіндігін, сонымен қатар Декретте көрсетілген нормаларға сәйкес малының жоқтығын айтып дәлелдеп шықты [Неизвестные страницы истории, 116].

Жинақты құрастырушылар тәркілеу науқанын « ... күштеп ұжымдастыру мен отырықшыландыру көшпелі және жартылай көшпелі шаруашылықтарды жоюдың алдындағы басты дайындық (репетиция)» деп қорытындылайды [Неизвестные страницы истории, 117].

1928 жылғы 21 қыркүйектегі БК(б)П Семей округтік комитетінің басшысы Дейнега, Өлкелік комитет уәкілі Тоқтабаев, ократком төрағасы Атаниязовтардың Жарма аудандық атқару комитетінің басшысы Қожановқа жолдаған «Аудан бойынша байларды жер аудару және олардың мүліктерін тәркілеу туралы» жеделхатында аудандағы байлар аталып өтеді. Олар: бірінші топта, Сағындықов Машырхан, Шәкіров Кәукежан, Шәкіров Имангелді, Берікболов Мұсатай, Иртуғанов Әмірхан,

Иртуганов Қаумен, Жақпаев Рахматулла, екінші топта Сакранов Қажы [«Неизвестные страницы истории, 141].

1928 жылғы 8 қазан күні жазылған баяндамасында округтік атқару комитетінің уәкілі Исмаилов Күршім ауданындағы ірі байларды тәркілеу барысы туралы хабарлайды. 7 қыркүйекте ауданда партия-комсомол белсенділерінің жиналысы өткізілді. Ірі байларды тәркілеу туралы декретті түсіндірді. 19 қыркүйекте кедейлер конференциясы өткізіліп, оған 60 делегат қатысқан, сол күні уәкілдердің барлығы ауылдарға аттанды. Байлар ашық қарсылық жасаған жоқ. Кей ауылдарда байлар өздеріне тиіспеуді өтінді, ал мал-мүлкін өз еріктерімен өткізуге келісім берді. Байларды тұтқынға алу жүргізілмеді. Батырақтар тарапынан өз байларын қорғау оқиғалары тіркелмеді. Ауыл кеңестер бұл науқанға неқұрайды қараған. Уәкілдердің нұсқауын орындауға құлықсыз болған. Ауыл тұрғындарының барлығын хабарландырмаған, әсіресе кедейлер мен батырақтар хабарсыз қалған. Жиналғандардың көпшілігі орташалар мен ауқаттылар болғандықтан жиналыс әлсіз болып өтті. Байлардың тізімін талқылау барысында тұрғындар өз байларын барынша көрсетпеуге тырысты деп баяндайды. Бұдан жергілікті тұрғындардың уәкілдерге сенімсіздікпен қарағандығы көрініп тұр [Неизвестные страницы истории, 153].

Жер аударылған байларды жылап шығарып салғандар туралы да баяндалады. (Ұлан ауданына қарасты «... жашыбек руының байы Бекембаевты шығарып саларда ауылдастары кедейлер қайғысына ортақтасады. Кетіп бара жатқан Бекембаевқа ауылдастары жолына жаратсын деп қаржы ұсынып, жылқы мінгізеді. Аталған рудың бір мұғалімі тіпті Бекембаевқа 10 сом береді» [Неизвестные страницы истории, 167].

Келесі құжатта байлардың қарсылығы туралы баяндалады. Көшіру (жер аудару) барысында байлар қатты қарсылық көрсетті. Сәдуақасов айтқандай «жуас бай» болмады. Шын мәнінде, тәркілеуге қарсы байлардың бірыңғай майданы қалыптасты. Ең алдымен байлар малдарын тәркілеуден сақтап қалу үшін сатып жіберді. Мал сату 1928 жылдың көктемінен басталды. Жер аударылған байлар 2317 бас ірі және ұсақ малын сатып үлгерген. Сонымен қатар байлар малдарын жасырып, туыстарына таратып берді, кейбірін ақшаға айналдырды. (В процессе выселения встретилось отчаянное сопротивление байства. Садвакасовского «смирного» бая не оказалось. По существу против конфискации был единый байский фронт. Прежде всего байство распродавло скот, чтобы избежать конфискации. Распродажа начался еще давно с весны 1928 г. было распродано выселенными баями 2317 голов скота (крупных и мелких). Наряду с этим оно (байство) скрывало свой скот, раздавло родственникам, ближним, переводило скот в деньги) ... [Неизвестные страницы истории, 179].

Шығыс Қазақстан округтік атқару коитеті жанындағы 1928 жылғы 27 тамыздағы «Жер аудару және тәркілеуге байланысты қосымша директивалар туралы» декретін жүзеге асыру жөніндегі комиссияның 1928 жылы 11 қыркүйектегі 4-мәжілісінің хаттамасы аталған науқанның барысы жайлы баяндайды. Аудандық комиссиялар округтік атқару комитетінің аудандық атқару комитеттері, ауылдық кеңестер, Қосшы Одағы және Рабземлес Одағы ұйымдарымен бірлесе отырып тәркіленетін мүлік пен малды есепке алу мен күзету үшін округтік және аудандық комиссия өкілдерін, уәкілдерді шұғыл жіберу тапсырылды.

Бұл уәкілдер тәркіленген мүлік пен малды таратып болғанға дейін толықтығы мен сақталуына жауапты болып белгіленді. Округтік жер ісі бөліміне Қостанай округінен жер аударылғандарды орналастыратын жерлерді 1 қазанға дейін анықтау тапсырылды. Қазақ АКСРінен тыс жерлерге 10 адамнан тұратын тізім жасалып, ол Орталық комиссияның бекітілуіне ұсынылды. Семей округінен жер аударылатын байларды Сырдария округіне теміржол арқылы көшіру көзделді.

Осы хаттамада тізімде көрсетілген Бутабаев, Бурабаев және Чурчутов (құжатта көрсетілген негізде берілуде) аудандық комитеттердің хатшыларының хабарлауынша Декреттегі әрекеттен алынып тасталуына байланысты Орталық комиссиядан бұған түсіндірме беруін сұрайды. Сонымен қатар осы аудандарға баратын Уәкілдерге олардың бұрынғы тұрғылықты жерлерін, және т. б. мәліметтерді анықтау тапсырылды. Бұл адамдар туралы мәселе шешілгенге дейін малды есепке алу мен күзету шаралары қабылданбасын деп көрсетті. Бесқарағай ауданы бойынша Уәкілге Ысқақ Байтуғановқа қатысты тексеру (оның мүліктік жағдайы мен саяси бет әлпетін) және окрігтік комиссияға шұғыл хабарлау және ол анықталғанға дейін ешқандай шара қолданбау қажеттігі айтылды [Абай облысының мемлекеттік архиві. 81-қ. 1-т. 1-б. 4-іс. 5–7-п.]

Аталған мәжілістің шешімі бойынша ауылдарға аттандырылатын уәкілдер мен уәкілдің көмекшілерінің тізімі бекітілді. Тізімге енгізілгендер:

1. Шыңғыстау ауданына – Каянбаев, Масанов – уәкілдің көмекшісі, Түнғатаров, Лекеров, Кулатаев.
2. Тарбағатай ауданына – Кошанбаев, Іргебаев, Әлімбеков
3. Қызылтаң ауданына – Баймурзаев, Жанин, Өтепов
4. Кызылтас ауданына – Кожемұратов, Жүсіпов,Баймулдин
5. Жарма ауданына – Қожанов, Жиенғалиев, Асқарбаев
6. Күршім ауданына – Исмаилов, Нұрбаев, Рыспаев
7. Аягөз ауданына – Шамсутдинов, Асаубаев.
8. Зайсан ауданына – Әлімбеков
9. Бесқарағай ауданына – Мырзатаев, Ажидуллин
10. Ұлан ауданына – Бейсенев, Теңізбаев
11. Мақаншы ауданына – Айбасов
12. Марқакөл ауданына – Сағындықов
13. Шыңғыстау ауданына – Джаддиков
14. Белағаш ауданына – Забиров
15. Жаңасемей ауданына – Ильбисинов [Абай облысының мемлекеттік архиві. 81-қ. 1-т. 1-б. 4-іс. 11-п.]

Семейлік тарихшылар дайындаған құжаттар жинағында Семей округінен тәркіленген Ике Әділев [1928 жылғы Декрет, 222], Аққенже Ақмағанбетовтердің [1928 жылғы Декрет, 239] жер аударылуы мен тәркіленгені туралы істері берілген.

1928 жылғы 10 тамызда құрастырылған жеке парақтағы мәліметтер: Әділев Ике Семей округінің Шаған болысына қарасты №2 қазақ ауылынан шыққан. Орта білімі бар. Үйленген, екі әйелі бар, отбасы 7 адамнан тұрады. Иелігінде: 596 бас ірі қара және 900 бас ұсақ мал болған; шөп шабатын машина, ат тырмасы, бричка, жабдықтарымен бірге 3 киіз үйі бар. Тұрақты түрде 10 жалшыны еңбекақысыз пайдаланған. Бұрын болыс басқарушысы және би болған. Колчак кезінде Семей қаласында басқарушы әрі Облыстық Қырғыз Атқару Комитетінің мүшесі болған. Алтын медальмен, шапанмен және мақтау қағазымен марапатталған. Азамат соғысы кезінде Алаш Орда үкіметіне белсенді материалдық көмек көрсеткен. Алашорда жасақтарын ұйымдастыруға қатысып, Қызыл әскерге қарсы олардың операцияларына өзі де қатысқан, атаман Анненковпен байланыс жасаған.

1921–1922 жылдары азық-түлік салғыртын орындамауға үгіт жүргізген, бұл Кеңес өкіметі жүргізген шараларға үнемі кедергі келтіріп отырған. Әділев салық салынатын нысандарды жасырып келген. 1928 жылғы астық дайындау және басқа науқандар кезінде науқанды бұзуға бағытталған үгіт жүргізіп, Кеңес өкіметінің жақын арада құлайтынын болжаған.

1927 жылы Әділев басқа байлармен бірге ОГПУ алқасының қаулысымен Рубцовск округіне әкімшілік жер аударуға жіберілген. 1928 жылы ол жерден қашып шығып, Шаған тауларында кеңеске қарсы белсенді жұмыс жүргізген. Семей қаласындағы кейбір қызметкерлермен байланыс орнатқан. Кейін басқа байлармен бірге 100 жылқыны және бірнеше қарулы жігіттерді ертіп, Моңғолияға өтіп кеткен. Сол жерде КСРО-ға қарсы қарулы жасақтар құруды жоспарлаған.

Ал Аққенже Ақмағамбетовтың жеке парағында: «1928 жылғы 10 тамыздағы жағдай бойынша Ақмағамбетов Аққенже Семей округінің Шыңғыс болысына қарасты №4 қазақ ауылынан шыққан. Үйленген, отбасы 5 адамнан тұрады. Иелігінде 480 бас ірі қара және 12 000 бас ұсақ мал болған. Тұрақты түрде 6 жалшыны пайдаланған. Патша үкіметі мен Колчак билігі кезінде би болған. Алаш Орда партиясының мүшесі болған. Кедейлерді Алаш Орда жасақтарына тартумен айналысып, оларға материалдық көмек көрсеткен. Кеңес өкіметіне қарсы белсенді әрекет жүргізгені үшін сот пен тергеуде болған. Құжаттары 7-учаскенің халық тергеушісінде сақталған. Салық салынатын мүліктерін үнемі жасырып отырғаны үшін де жауапқа тартылған. Халық арасында беделге ие болған.

Ресейлік ғалымдар құрастырған жинақта Қазақстанның шығыс өңіріндегі ауа көшушілер мен салық салу науқандарының барысы туралы архив құжаттарына сілтеме жасалады. БМСБ Құпия-саяси бөлімінің «Қазақстаннан Қытайға эмиграция туралы» 1931 жылғы қазандағы арнаулы анықтамасында ауа көшуге асыра сілтеушіліктің ықпалы туралы айтылады.

«Ауа көшу қозғалысының дамуы түрлі науқандарды жүргізу барысында жіберілген асыра сілтеулердің нәтижесі. Әсіресе мал өнімдерін дайындау барысында асыра сілтеу мен қателіктерге жол берілгендігі ерекше маңызға ие. Шекаралас аудандарда кей жағдайларда мал өнімдерін дайындау жоспарлары шамадан тыс белгіленген. Жергілікті билік өкілдері халықты айыппұл, сотпен қудалау, тұтқындау және т. б. шаралармен қорқыта отырып, мал өткізуді талап еткен. Тұрғындардың

қолындағы соңғы малын тартып алып кеткен көптеген оқиғалар анықталды. Сауын малы, жұмыс малы жиі сойылып алынды. Дайындау ұйымдарының қолдарында нақты ақша жетіспегендіктен, мал өткізушілерге беретін қаржы болмай қалды, кейбірі тіпті ол қаржыны ала алмаған.

Зайсан ауданында 4 ауылдық кеңесте малды жинап алу, 5 адамға бір сиыр болғанына қарамастан жүргізілген.

Зайсан ауданында Қытайға көшіп кетуге 3000 шаруашылық дайындалған. 125 шаруашылықты біріктіретін «Жалаңаш» колхозы толығымен Қытайға өтіп кетуге тырысқан. Тарбағатай ауданында партия ұйымының хатшысы мен партияның бірқатар мүшелері ұйымдастырған 222 шаруашылықтың ауа көшуші тобы тоқтатылды. Үржар ауданында колхоздың төрағасы мен комсомол ұйымының мүшелері бастаған топ толығымен ауа көшіп кетті. Лепсі ауданында арасында 6 бай, қалғандары колхозшылар мен комсомолдар болған 101 шаруашылық тобы шекарадан өтпекші болуға тырысты. [Трагедия советской деревни. Т.3, 225]. Жоғарыдан келіп түскен салықтар мен алымдарды төлеуге мұршасы келмеген халықтың жағдайын көріп, жаңа билік өкілдері де шарасыздықтан ауа көшушілер қатарына өтіп кеткені көрініп тұр.

Отырықшыландыру барысында да асыра сілтеушіліктер орын алды. 1932 жылы көшпенділердің отырықшыландырылу мәселелері туралы жарияланған еңбекте «Қазақстанда 1930–1931 жылдардағы екі жылда 144 944 көшпелі және жартылай көшпелі шаруашылық есепке алынды. Ұйымдастырылған колхоздардың басы түрі ауылшаруашылық артельдері болды. Барлығы 1 596 колхоз ұйымдастырылды, ауыл шаруашылық артельдеріне 142 295 шаруашылық, ТОЖ бен ТОЗ ұйымдарына 2639 шаруашылық енді» деп көрсетілді [Вопросы оседания кочевников, 1932: 77]. Большевиктік биліктің қол астындағы көшпелі және жартылай көшпелі шаруашылықтарды жаппай отырықшылыққа көшіру жұмысы жаппай қолға алынғаны белгілі. Қырғызстан, Түркіменстан, Тува-Алтай, Қалмақ АКСР және т. б. аумақтардағы жүзеге асырылған бұл үдерістерде жергілікті жерлердің ерекшеліктері ескерілмеді. Аталған еңбекте «Қалмақ еліндегі отырықшыландыру үдерісінің баяу жүргізілуі себептерінің қатарында: 1) елдің арасында сенімге ие бола алмаған ұлыс бегілерінің шақыру жүргізуі, жұмыс «қағаз түрінде» жүргізілді; 2) қазынадан берілген 15 сомды алған кедейлер ол қаржыны басқа нәрселерге жұмсап жіберді, қалмақтар мен орыс шаруаларының бір поселокке шоғырлануы теріс нәтижелерге жеткізді, діні, тілі және дәстүрі әртүрлі» екі ұлттың жақындасып кетуі қиынға соқты, билік иелері, рулық зайсангтар мен гелюнгтер[1*] қалмақтарды отырықшыландыру үдерісіне кедергілер жасап бақты. Билік иелері мен зайсангтар қалмақтардан жиналатын албан алымдарынан[2*] ажырап қалудан, ал дін иелері қалмақтардың ламалық сенімнен шығып кетуінен қорықты [Вопросы оседания кочевников, 1932: 65].

Кеңестер Одағы аумағындағы көшпелі шаруашылықтардың барлығын отырықшыландыру үдерісіне байланысты талқылаулар жүргізілді. Көшпелі шаруашылықтың мәдени жағынан артта қалғандығын жоққа шығарғандар қатарында Н. Мацкевич болды. Ол өзінің 1928 жылы жазылған еңбегінде: «Жоғарыда айтылғандардан көшпелі экономика ешқандай жағдайда мәдениеттің болуын жоққа шығармайтыны анық. Сондықтан Швейцарияның жеткілікті жоғары мәдени дамуына ешкім күмәнданбайды, бірақ швейцариялық сүт шаруашылығының өркендеуі толығымен альпілік көшпелілерге байланысты. Нормандияда ауыл халқы егіншілікпен емес, қой шаруашылығымен айналысып, қойларының табындарымен тұзды жерлерде жүргенді тиімді деп санайды. Сонымен, «қазақ көшпелі тұрмысы ең ірі жасанды суару құрылыстарымен – «арықтармен» және «суарумен» тамаша үйлеседі. Бірақ бұл соңғылары әдетте жоғары мәдениеттің экономикалық әдістеріне жатады [Сравнительная длина кочевок. 1928: 2].

Кеңестерге сайлау үдерісі дауыс беру құқығынан, сайлауға қатысу құқығынан айыру жұмыстарымен қатар жүргізілді. Қоғамды «жат элементтерден тазалау» қарқынды. жүйелі түрде жүзеге асырылып отырды.

Дауыс беру құқығынан айырылғандар қуғын-сүргінге ұшырағандар санатына әлі де болса енгізілген жоқ. Қазақстан Республикасының 1993 жылғы 14 сәуірдегі «Жаппай саяси қуғын-сүргіндер құрбандарын ақтау туралы» № 2200 Заңында қуғындалғандардың бұл санаты жайлы көрсетілмеген [1993 жылғы 14 сәуірдегі N 2200 ҚР Заңы].

[1*] Зайсангтар – аймақтың мұрагерлік билеушілері, нойонның ең маңызды шенеуніктері.

Гелюнгтер – некесіз өмір сүретін және халық арасында үлкен құрметке ие қалмақ діни қызметкерлері.

[2*] Албан – XVIII ғ-да жоңғар тайшылары мен жайсаңдары (зайсандары) жаулап алған елдерінен жинаған алым-салықтың бір түрі. Мөлшері белгісіз.

БК(б)П Семей қалалық комитетінің 2 Пленумының қаулысында комсомолдар арасындағы ауыр құбылыстарды жою жолында жеткілікті жұмыс жүргізілмейді деген айып тағылды. Орта арнаулы оқу орындары комсомолдарының арасында тәртіпсіздік, жат ағымдарға еліктеушілік, әсіресе партияға қарсы интеллигенцияның ықпалында кетушілер көптігі сынға алынды [Резолюции и тезисы Семипалатинской..., 1926: С.20].

Пленум сонымен қатар партияда жоқ бұқара мен партияның арасындағы сенімсіздік жайлы мәселені көтерді. Сайлау алдында жиналысты тастап шығып кету, активтің дайындаған тізімдеріне қарсылық көрсету, жұмыссыздар арасындағы жиналысты өткізуге кедергілер жасау сияқты әрекеттердің бәрі кулактар мен партиға қарсылардың әрекеттері деген баға береді. Қалалық атқару комитетінің басшылығна осы жағдайға баса назар аударуды тапсырады [Резолюции и тезисы Семипалатинской..., 1926: С.23].

Семей қаласындағы жалпықалалық жиналыста жасаған баяндамасында БК(б)П округтік комитетінің хатшысы Фомин: Күршім ауданында аудандық атқару комитетінің төрағасы Темірбеков 1926 жылдан бері партия мүшесі, ауылдағы ауқатты бөлікті салықтан жасырды, екпінді науқандарға селсоқ араласты, аудандағы жалғыз коммунаның егістік науқанын бұзды, нәтижесінде коммуна 50 тн орнына 3 га егістік септі, тұқымдық пайдаланылмай қалды. Ол партиядан шығарылды деп көрсетті. Фоминнің баяндамасынан белгілі болғандай, байлар мен кулактармен байланысы үшін 17 %, астық дайындамағын үшін 12 %, колхозға кіруге қарсы болғаны үшін 2% партия қатарынан шығарылды, бұл партия ұйымдарын тазалаудағы оңшыл ағымдар мен соларға жақтасушылардың саны ретінде белгіленді [За генеральную линию. 1929: 13].

Семей округтік Жұмысшы-Шаруа инспекциясының кеңестік, шаруашылық және кооперативтік аппаратты тазалауды жүргізу бойынша дайындық жұмыстарын жүргізу туралы ақпараты 1929 жылы жүргізілген науқанның барысын баяндайды.

Округтік Бақылау комиссиясы мен Жұмысшы-Шаруа инспекциясы алқасының 28 ақпанда өткізілген біріккен жиналысында дайындық жұмыстарын бастау туралы шешім қабылданды. Кеңестік аппаратты тазалау қажеттілігі толығымен жетілді және наөты қажеттілік болып табылады.Семей округіндегі кеңестік аппараттың Қазақстанның басқа округтеріне қарағанда ерекшелігі бар дей келе, кеңестік аппарат қатарында колчакшылардың басым екендігін атап өтеді. «колчакшылдық кезең (Семей Колчактың негізгі тіректерінің соңғыларының бірі болды), кеңестік аппаратта өз ізін қалдырды. Семейде орнығып алған колчак армиясы мен Аненков бандасының ақ офицерлері алғашқы кезде жасырынып жүргеніммен, біртіндеп кеңестік аппаратқа ене бастады. Олар Кәсіподақ мүшелігіне өтіп алғаннан кейін өзара тығыз байланыса отырып «өз адамдарын» қаатарларына тарта бастады.

Мұнымен қатар ескі шенеуніктер мен дворян-көпестердің бір бөлігі (және олардың жақтастары) біршама уақыт бой тасалай жүріп, кеңестік қызметке «орналаса» бастады. Семейде кеңес органдары қатарында бұрынғы ақ офицерлерден, дворяндар мен шенеуніктерден басқа әкімшілік-саяси жер аударылғандар: меньшевиктер, эсэрлер және т. б. бар. Аппараттың жат элементтермен толығуы Жұмысшы-Шаруа инспекциясының мәліметінше төмендегідей сипатталады:

Кесте – 2. Аппараттың жат элементтермен толығуы

Мекеме атауы	Қызметтегілердің жалпы саны	Олардың ішінде					Жат элементтердің жалпы саны	
		Патша әскерінің офицерлері	Ақ әскердің офицерлері	Дворяндар мен дін иелері	Кеңес билігі кезінде әкімшілік-саяси жер аударылғандар	Кеңестік билік кезіндегі қызметкерлер		
Округтік сауда бөлімі	30	2	3	3	2	3	13	43 %

Техстройконтора	32	1	5	1	-	1	8	25 %
Потрбесоюз	202	2	8	3	4	4	21	10 %
Округтік қаржы бөлімі (мәлімет толық емес)	110	2	5	4	1	1	13	11 %
Кустпромсоюз	18	-	1	-	-	1	2	10 %
О.М.Х.	13	-	-	2	1	-	3	24 %
Коопзерносоюз	30	-	2	-	1	2	5	17 %

Жоғарыда келтірілген кесте кеңестік аппараттың тазалық деңгейінің төмен дәрежесін сипаттайды. Айта кету керек, бөтен элементтер негізінен техникалық жұмыс емес, негізінен жедел жұмыс істейді. Сонымен қатар, бұл адамдар бәрі де өз ісінің мамандары емес, тек кеңестік аппаратқа икемделе алған ақылды және епті адамдар деп көрсетеді [Абай облысының мемлекеттік архиві. 577-қ. 1-т. 9-б. 58-іс. 40, 40-а-п.].

Сонымен қатар, 1928 жылы өткізілген VI партия конференциясында 1927 жылы жүргізілген қайта сайлаулардың кемшіліктерін ескере отырып, 1928 жылы қайта сайлауды нақты жұмыс істейтін Кеңестерді ауылда сайлай отырып, кеңестік бағытта жүргізетін адамдарды сайлау қажеттігі атап өтілді [Резолюции VI Всеказакской… , 1928: 13].

V партия конференциясы ауылда әлі де болса нағыз кеңес құрылмағандығын және кеңестердегі биліктің басында байлар мен атқамінерлер отырғандығын көрсетті.

Қазіргі таңда кедейлер мен ауыл еңбекшілерінің пайдасына қарай жағдай анағұрлым жақсы өзгерді. V партия конференциясының ауылды кеңестендіру туралы ұраны ауылдың кедей бұқарасының белсенділігін көтеруге, олардың таптық сана сезімін қалыптастыруға және олардың кеңестерге ықпалын жетілдіруге ықпалын тигізді. Биылғы жылы алғаш рет кедейлер байларға, рулық-партиархалдық қалдықтардың ықпалына қарсы қойылды» [Резолюции VI Всеказакской… , 1928: 36].

Р. Киндлердің еңбегінде: «Пример выборов в волостной совет и аулсоветы Мендешевской волости Семипалатинской губернии в 1928 г. показывает, как проходили подобные голосования. Здесь мобилизовали сторонников два человека, уже несколько лет бывшие заклятыми врагами, – Мусатай Молдыбаев и Ике Адилев» деп көрсетеді. Зерттеуші В. Рябоконьның «К вопросу советизации аула» деп аталатын еңбегіне сілтеме жасай отырып, байлар мен кедейлердің сайлауда дауыс беру тәртібіне, мимикриникалық стратегия мен қолдан жасалған «таптық қайшылықтар» жергілікті кеңес сайлауларының классикалық инструментарийіне жатады деп түйіндейді. Мұсатай мен Икенің екеуі де революцияға дейін ауылдағы атқамінерлердің қатарында болған. Большевиктер сайлау өткізетін күні екі үміткерді таңдауға салады, жиынға қатысушылар екі лагерьге бөлініп, Молдыбаевтың жақтастары Ике Әділевтан көрген зорлық-зомбылықтарын, әділетсіздіктерін айтады. Мұның бәріне шыдай алмаған Икенің жақтастары жиналысты тастап кетіп қалады. Молдыбаевтың өз адамдары қалған соң, большевиктер оның кандидатурасын дауысқа қояды. Нәтижесінде кедей жұрттың қамын жеуші, қамқоршы ретінде Молдыбаев патша үкіметінің билеушісі болса да басшылыққа сайланады [Киндлер, 2017: 55].

Осы қарардан көрініп тұрғандай, қазақ арасында таптық күресті жандандыру қолға алынған. Байлар мен кедейлердің арасына сына қағу іс-шаралары жүзеге асырылды. Орташалар мен кедейлер байлар мен атқамінерлерге қарсы күрес жүргізуі тиіс болды. Голощекиннің ауылдағы революцюияны жүргізу туралы сөзі ресми құжаттан көрініс тапты. Ол өзінің мақсатын ресми қарарға кіргізу арқылы өз бағдарламасының негізін дәлелдеп алды.

Қазақ даласындағы дәстүрлі ауыл құрылысы ғана өзгеріске ұшыраған жоқ, сонымен қатар ақсақалдар, билер билігіне де тықыр таянды. «Қазақ КСРдегі революциялық заңдылық әлсіз жүзеге асырылған; сот жүйесі мен заңнама қазақ ауылына бейімделмеген, бұл ақсақалдар соттарының өмір сүруіне ықпал етеді; сот және тергеу аппараты сыртқы ықпалдарға ұшырайды. Сондықтан, Өлкелік Бақылау комиссиясы органдары әділет органдарымен байланысын нығайтып, соттарға ауылда да, ауылда да анық белгіленген таптық бағыттар бойынша берік революциялық заңдылықты енгізуге

көмектесу шараларын әзірлеуі керек» деген қарар қабылданды [Резолюции VI Всеказакской… , 1928: 22].

Сот билігі жүйесіне ақсақалдар мен билердің араласуына қатаң тыйым салынды. Ашық сипаттағы таптық бағытты жүргізу үшін революциялық заңдылық жүргізілуі тиіс деп қатаң талап қойылды.

Зайсан уезі бойынша сайлау құқығынан айырылғандар туралы мәліметте 1924–1925 жылдары – 1264, 1925–1926 жылдары – 476, 1926–1927 жылдары 1795 адам есепке алынған.

Сайлау құқығынан заңсыз шешім қабылданғаны туралы арыз 103 адамнан келіп түсті, оның 60-на қарсылық жасалған, қалғандары шешілу үстінде, 10 адамның құқықтары қалпына келтірілген. Шағым жасалмай-ақ бақылау тәртібімен 50 адам губком жеделхаты негізінде заңсыз құқығынан айырылғандар ретінде құқықтары қалпына келтірілді [Абай облысының мемлекеттік архиві. 73-қ. 1-т. 463 а-іс. 29–33-п.].

«Ауылдардағы сайлаулар кезінде және кеңес съездерінде қазақ халқы арасында рулық қақтығыстарды қоздыруға ерекше назар аудару қажет. Анықталғаннан кейін бірден ең қатаң шараларға бармау қажет» деп көрсетілді. [Абай облысының мемлекеттік архиві.81-қ. 1-т. 5-іс. 7–9-п.].

«Советская степь» газетіндегі өткен науқанға қарағанда биылғы жылы сайлау құқығынан айырылғандар саны азайып кеткендігі туралы хабар жарияланған соң деректер жиналған. Округтік сайлау комиссиясы зерттеулер жүргізіп 18 аудан бойынша төмендегі кестені ұсынады.

Кесте – 3. Сайлау құқығынан айырылғандар туралы мәлімет

Аудандардың ұлттық құрамы	Сайлау құқығынан айырылғандар					
	1927 жылы			1928–1929 жылы		
	Әкімшілік бірліктер саны	Құқығынан айырылған дардың абсолюттік саны	%	Әкімшілік бірліктер саны	Құқығынан айырылғандардың абсолюттік саны	%
Қазақ аудандары	Бұрынғы губерниянның 6 уезі бойынша	9707 адам	2,5 %	12 аудан	5528 адам	2,7 %
Орыс аудандары		9287 адам	4,7 %	6 аудан	4358 адам	3,6 %
Барлығы		18994 адам	3,3 %	18 аудан	9886 адам	3,1 %

Жиналыстар мен мәжілістердің өткізілуіне кедергілер жасалғаны жайлы да мәлімет келтіріледі. Марқакөл ауданында Терісайрық ауылдық кеңесінде депутаттар жиналысын өткізуге атқамінерлер кедергі жасаған. Екінші рет шақырылған жиналыс өткізіліп, ауылдық кеңес төралқасы сайланды, Төрағасы болып батырақ сайланды деген ақпар береді. [Абай облысының мемлекеттік архиві. 577-қ. 1-т. 2-б. 1-іс. 145–147-п.].

Қайта сайлау кезіндегі ауылдағы рулық және топтық күрес туралы да арнайы тоқталып өтеді.

«Аудандардан келіп түскен ақпараттар бойынша бірқатар ауылдарда рулық күрес орын алған. Рулық араздық туралы бұған дейінгі материалдарда баяндалған. Тағы да оған қосымша мысалдар келтіруге болады..

Мақаншы ауданында бұрынғы байлар Бахтияр Кужеке, Асылбек Батибаев, болыс басқармасының бұрынғы хатшысы Мұхамеджанов және атқамінер Тиебаев өз ауылдарында рулық араздықты қоздырып, соның нәтижесінде сайлауды өткізуге кедергі келтірмек болды. Кедейлер мен батырақтардың, әсіресе Қосшы одағының мүшелерінің белсенділігінің арқасында кеңестерге қарсы элементтердің бұл әрекеті табысқа кенеле алмады. Рулық араздықты өршітуге кінәлілер сот жауапкершілігіне тартылды. Кей жерлерде рулық араздықты өршітушілер қатарында бұрынғы кеңестік және қоғамдық қызметкерлер болғандығы аталып өтеді. Округтік атқару комитетінің Марқакөл ауданы бойынша Уәкілі мұндай адамдардың бірқатарын атап өтеді: 1. Пара алумен айналысқан Қалжыр ауылдық кеңесінің бұрынғы хатшысы – Инанбаев Ахмет, 2. Ауылдық кеңестің бұрынғы төрағасы Қожасов Шамел, лауазымдық қылмысқа барғаны анықталған, 3. Көктұма артелінің бұрынғы төрағасы Толивбаев, кедейлердің малын күшпен иартып алғаны анықталған, 4. Букембаев

Басқармасының бұрынғы төрағасы Пономарев Уралкан, кооператив қаржысын шығындаған және т. б. Бұл тұлғалардың барлығы байлардың көмегімен ауылдық кеңестердің жаңа құрамына өтпекші болуға тырысты, бірақ кедейлердің ынтымақтаса жасаған әрекетінен соң рулық араздықты қоздырушылардың бұл істері жүзеге аспай қалды [Абай облысының мемлекеттік архиві. 577-қ. 1-т. 2-б. 1-іс. 145–147-п.].

«Үлкен тарихты ішінара білсек те, үй айналасындағы кішкентай тарихты білмейді екенбіз. Тәуелсіздік алып, атымыз арқанын үзген соң да біз білгенімізді айтып, үлкен тарихқа үн қосуға тырыстық» [Түменбай, 2024: 24].

Неміс тарихшысы Р. Киндлер қазақ даласындағы экономикалық, аграрлық өзгерістер мен реформалар жайында айтқан С.П. Швецовтың еңбегінен: «Уничтожение кочевого быта в Казахстане знаменовало бы собой не только степного скотоводства и казахского хозяйства, но превращение сухих степей в безлюдные пустыни» деген үзінді келтіреді. 1926 жылы айтылған осы пікір XXI ғасырда да өзектілігін жоғалтқан жоқ [Киндлер. 2017: 67].

Қазақ даласын шаруашылық түрлеріне қарай сипаттаған С.П. Швецов 1926 жылы жазған еңбегінде: « ... Рельеф страны, ее климат, почва, орошение, растительный покров и т.п. – вот что создает тип хозяйства» деп көрсете отырып, ... «при известной плотности населения хозяйство не может не быть интенсивным, так как иначе население погибнет от недостатка питания; при другой, во много раз меньшей, оно будет очень экстенсивным» [Швецов, 1926: 100].

Қорытынды. Қазақстанның шығыс өңіріндегі «Кіші Қазан» революциялық доктринасын жүзеге асыру науқандары кеңестік тоталитарлық жүйенің қазақ ауылдарына қатысты радикалдық, әлеуметтік-экономикалық жобаларының бірі ретінде бағаланады.

Архив құжаттарын зерттеу көрсеткендей ұжымдастыру, дауыс беру және сайлау құқықтарынан айыру, мал мүлкін тәркілеу және жер аудару, салықтар салу мен түрлі алымдар жинау арқылы қазақ қоғамын жаппай қуғындау шаралары жүзеге асырылды. Қазақстандық тәжірибе бүкілодақтық деңгейдегі науқандардың құрамдас бөлігі ретінде жүргізілді. Бірақ, қазақ қоғамындағы эволюциялық тұрғыдан озық ойлы зиялы қауымның көптігі науқандардың большевиктік биліктің ойындағыдай жүргізуіне кедергі болды. 1928 жылы жүргізілген тәркілеу науқаны кезіндегі асыра сілтеушіліктер жайлы жазылған арыздың негізінде Мәскеуден арнайы комиссия құрылды. Голощекиннің өзі 1928 жылы жиын ашып, арнайы құрылған комиссия алдында ақталуға мәжбүр болды. Семей өңіріндегі ауқаттылар Ақаев, Ақпаев, Шорманов жазған арыз негізінде мәселе «майшаммен қаралды» десе де болады. 26 адам қол қойған арыз-шағым да аталған өңірдегі қуғындау шараларын ашық көрсетеді.

Қазақ даласындағы «Кіші Қазан» тәжірибесі көшпелілік өркениетті түбірімен жою, ұлттың ұйтқысы саналатын элитаны әлсірету және отырықшы, көшпелі салты қатар сақталған даланың дәстүрлі институттарының іргесін сөгу арқылы зардапты салдарларға әкеліп соқтырды. Шұрайлы мал жайылымдары мен қазба байлықтарымен ерекшеленетін шығыс өңірі аяусыз, күштеп жүргізілген науқандардың нәтижесінде өзіндік ұлттық бет-бедерінен, нақышынан айырылуға мәжбүр болғанын тарих парақтары көрсетті.

Дереккөздер

АОМА – Абай облысының мемлекеттік архиві

Әдебиеттер

Байсарина, Токешкадиров, Бақытжанова: 2022 – *Байсарина Қ.Қ., Токешкадиров Б., Бақытжанова А.Б.* Шығыс Қазақстанда ауқатты шаруа қожалықтарын тәркілеу және оның тарихи салдары. «edu.e-history.kz» электрондық ғылыми журналы № 4 (32) 2022. https://edu.e-history.kz 26–43-б.

Байсарина, Токешкадиров, Мамырбеков: 2023 – *Байсарина Қ.Қ., Токешкадиров Б., Мамырбеков А.М.* «Голощекиннің «Кіші Қазан саясаты» және жайылымдық-шабындық жерлерді қайта бөлу науқаны». 13 наурыз 2023 г. https://bulletin-histsocpolit.kaznpu.kz/index.php/ped/article/view/967

Вопросы оседания кочевников – *Вопросы оседания кочевников*. Сборник статей и материалов под редакцией С.М. Диманштейна. М.: Издательство «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК, 1932. 88 с.

1993 жылғы 14 сәуірдегі N 2200 ҚР Заңы – *Жаппай саяси қуғын-сүргіндер құрбандарын ақтау туралы Қазақстан Республикасының 1993 жылғы 14 сәуірдегі N 2200 Заңы*. https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z930002200 Қаралған күні: 05.12. 2025 ж.

За генеральную линию – *За генеральную линию партии. (Семипалатинский окружком ВКП (б).* / ... – Семипалатинск: Семокриздат, 1929. 44 с. О правой опасности и примиренчестве с ней. . .

Киндлер, 2017 – *Киндлер Р. Сталинские кочевники*. Власть и голод в Казахстане: Власть и голод в Казахстане. / Роберт Киндлер; [перевод с немецкого Л. Ю. Пантиной]. Москва: РОССПЭН, 2017. 381 с.

Қара: 2025 – Қара Ә.С. «Кіші Қазанның» үлкен зардабы: Голощекиннің кеңестендіру саясаты және 1930-жылдардағы қазақ даласындағы аштық апаты. «Қазақстандағы Кіші Қазан» революциялық доктринасы: саяси мақсаттары мен жүзеге асыру әдістері» атты республикалық ғылыми-тәжірибелік конференцияның материалдар жинағы. Астана қ. 17 қазан 2025 ж. Алматы: Литер-А, 2025. 450 б. қазақ, орыс тілдерінде.

Неизвестные страницы истории – «*Неизвестные страницы истории Семипалатинского Прииртышья» (1920–1930 гг.).* Сборник документов. Сост.: Э.Н. Силина (отв.) М.И. Перебеева, Т.У. Тусунбаева, Г.М. Каратаева. Отв. ред.: Г.Т. Касымова, Е.Б. Сыдыков. Семипалатинск, 2000. 382 с.

Омарбеков: 1997 – *Омарбеков Т.* 20–30-жылдардағы Қазақстан қасіреті: Оқу құралы. Алматы: Санат, 1997. 320 б.

Резолюции VI Всеказакской – *Резолюции VI Всеказакской краевой партконференции. Кызыл-Орда: Изд.Казкрайкома, 1928.* 32 с. Настоящая работа знакомит с материалами VI Всеказакской краевой партийной конференции.

Резолюции и тезисы Семипалатинской – *Резолюции и тезисы Семипалатинской городской партийной конференции* и пленумов городского комитета ВКП(большевиков) (ноябрь 1925 г.): по вопросам партийного строительства, советской и профессиональной работы / ... Семипалатинск: Б.и., 1926. 36 с.

Саяси қуғын-сүргін ... 13-т. – Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның материалдары (XX ғасырдың 20-50 жылдары) = Материалы Государственной комиссии по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т. 13: Государственные акты и документы по насильственной коллективизации, принудительному оседанию, заготовительным и другим политическим кампаниям. Сборник документов и материалов. Составители тома: Е.А. Әбіл, С.А. Жакишева, М.М. Козыбаева, А.М. Смагулова / Под общ. ред. Е.Т. Карина. Астана, 2022. 296 с.

Сравнительная длина кочевок – *Сравнительная длина кочевок казакского населения бывшей Семипалатинской губернии*: (Отд.оттиск «Записок Семипалат. Отдела Общества Изучения Казакстана». Т.1. / Мацкевич Н.Н. ... Семипалатинск: Б.и., 1928. (Семипалатинский отдел общества изучения Казакстана (быв. Отдел Государственного Русского Географичес. . .

Трагедия казахского аула. Т.1. – *Трагедия казахского аула. 1928–1934:* Сборник документов; [сост.: А.С. Зулкашева (ответств.), Г.Т. Исахан, Г.М. Каратаева; редкол.: Х.М. Абжанов [и др.]]. Алматы: Раритет, 2013. Т.1. 1928 – апрель 1929. 743 с.

Трагедия казахского аула. Т.2. – *Трагедия казахского аула. 1928–1934:* сборник документов; [сост.: А.С. Зулкашева, Г.Т. Исахан, Ж.А. Сатаева]; Алматы: Раритет, 2018. Т. 2. 1929 – январь 1932. 744 с.

Трагедия советской деревни. Т.3. – *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.* 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 1008 с.

Түменбай. 2024 – Түменбай Қ. Менің көзім арқылы: (эсселер, портреттер мен мақалалар). Алматы: Тоғанай Т, 2024. 365 [2] б.

Швецов, 1926 – Шевцов С.П. Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях: Материалы к выработке норм земельного устройства в Казакской Автон. Советской Социалистической Республике. Л., 1926.

1928 жылғы Декрет – 1928 жылғы Декрет: тәркіленген тағдырлар. Құжаттар жинағы. /Декрет 1928 года: конфискованные судьбы. Сборник документов. Құрастырушылар: Е.Е. Рахметуллин (жауапты редактор), Б.Б. Төкішқадыров, Қ.Ә. Аубакирова, Д.Қ. Қайрат. Семей, 2021. 302 б.

Sources

Abay oblısınıñ memlekettik arhïvi [State Archive of Abai Region]

References

Baysarina, Tokeshkadirov, Bakytzhanova: 2022 – *Baisarina Q.Q., Tokeshkadirov B., Bakytzhanova A.B. Shygys Qazaqstanda auqatty sharua qozhalyqtaryn tarkileu zhane onyn tarikhi saldary* [Shygys Kazakhstan akkatty Sharua kozhalysynn tarikhi saldary] // edu.e-history.kz. 2022. No. 4 (32). P. 26–43. [in Kaz]

Baysarina, Tokeshkadirov, Mamyrbekov: 2023 – *Baisarina Q.Q., Tokeshkadirov B., Mamyrbekov A.M. Goloşekinnin «Kishi Qazan saiasaty» zhane zhailymdyq-shabyndyq zherlerdi qaita bolu nauqany* [Goloushekynn «Kishi Kazan saiasatyn» Zhane zhailym-hay-making zherdy kayta Bolu] // KazNPU Bulletin. 2023. March 13. [in Kaz]

Decree of 1928 – *1928 zhylgy Dekret: tarkilengen tagdyrlar = Dekret 1928 goda: [1928 zhylgy Decree: tarkilengen tagdylar] konfiskovannye sudby: quzhattar zhinagy* / comp. by E.E. Rakhmetullin, B.B. Tokishkadyrov, Q.A. Aubakirova, D.Q. Qairat. Semey, 2021. 302 p. [in Kaz]

Comparative length of migrations – *Matskevich N.N. Sravnitelnaia dlina kochevok kazakskogo naseleniia byvshei Semipalatinskoi gubernii* [Comparative length of migrations of the Kazakh population of the former Semipalatinsk province]. Semipalatinsk, 1928. [in Russian]

For the general line – *Za generalnuiu liniiu partii. O pravoi opasnosti i primirenchestve s nei. Semipalatinsk* [For the General Party Line. On the Rightist Danger and Conciliation with It. Semipalatinsk]: Semokrizdat, 1929. 44 p. [in Russian]

Issues of nomadic settlement – *Voprosy osedaniia kochevnikov: sbornik statei i materialov* [Issues of nomad settlement: a collection of articles and materials] / pod red. S.M. Dimanshteina. Moscow: Vlast Sovetov Publishing House under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee, 1932. 88 p. [in Russian]

Kindler 2017 – *Kindler R. Stalinskie kochevniki. Vlast i golod v Kazakhstane* [Stalin's Nomads: Power and Famine in Kazakhstan]/ trans. from German by L.Yu. Pantina. Moscow: ROSSPEN, 2017. 381 p. [in Russian]

Law of the Republic of Kazakhstan No. 2200 of April 14, 1993 – *Zhappai saiasi qugyn-surginder qurbandaryn aqtau turaly: Law of the Republic of Kazakhstan* [Law of the Republic of Kazakhstan on the rehabilitation of victims of political repression] No. 2200 dated April 14, 1993 // Adilet (accessed: 05.12.2025).

Omarbekov, 1997 – *Omarbekov T. 20–30-zhyldardagy Qazaqstan qasireti: oqu quraly* [Shortage of Kazakhstan in the 20s–30s: white weapons]. Almaty: Sanat, 1997. 320 p. [in Kaz]

Political repression ... Vol. 13. – *Saiasi qugyn-surgin qurbandaryn tolyq aqtau zhonindegi Memlekettik komissiianyn materialdary (XX gasyrdyn 20–50 zhyldary)* = Materialy Gosudarstvennoi komissii po polnoi reabilitatsii zhertv politicheskikh repressii (20–50 gody XX veka).[Political Qojin Nasrgen Qurbandin Taliq Aqt Dhindaj Mamlakat Kamisinin Matrilder (Kaskous Jazirdin 20–50 Zhilder)] Vol. 13: Gosudarstvennye akty i dokumenty po nasilstvennoi kollektivizatsii, prinuditelnomu osedaniiu, zagotovitelnym i drugim politicheskim kampaniiam: sbornik dokumentov i materialov / comp. by E.A. Abil, S.A. Zhakisheva, M.M. Kozybaeva, A.M. Smagulova; ed. by E.T. Karin. Astana, 2022. 296 p. [in Kaz]

Qara: 2025 – *Qara A.S. «Kishi Qazannyn» ulken zardaby: Goloshekinnin kenestendiru saiasaty zhane 1930-zhyldardagy qazaq dalasyndagy ashtyq apaty* [The great tragedy of «Kishi Kazannyn»: Goloshekin's policy of conciliation and the famine in the Kazakh steppes of the 1930s] // «Qazaqstandagy Kishi Qazan» revoliutsiialyq doktrinasy: saiasi maqsattary men zhuzege asyru adisteri атты respublikalyq gylymi-tazhiribelik konferentsiia materialdary. Astana, October 17, 2025. Almaty: Liter-A, 2025. 450 p. [in Kaz]

Resolution VI of the All-Cossack – *Rezoliutsii VI Vsekazakskoi kraevoi partkonferentsii* [Resolutions of the All-Kazakh Regional Party Conference]. Kyzyl-Orda: Kazkraikom Publishing House, 1928. 32 p. [in Russian]

Resolutions and theses of Semipalatinsk – *Rezoliutsii i tezisy Semipalatinskoi gorodskoi partiinoi konferentsii i plenumov gorodskogo komiteta VKP(b)* [Resolutions and theses of the Semipalatinsk city party conference and plenary sessions of the city committee of the All-Union Communist Party (VKP(V))] (noiabr 1925 g.): po voprosam partiinogo stroitelstva, sovetskoi i professionalnoi raboty. Semipalatinsk, 1926. 36 p. [in Russian]

Shvetsov, 1926 – *Shevtsov S.P. Kazakskoe khoziaistvo v ego estestvenno-istoricheskikh i bytovykh usloviiakh: materialy k vyrabotke norm zemelnogo ustroistva v Kazakskoi ASSR* [The Kazakh economy in its natural-historical and everyday conditions: materials for the development of land management standards in the Kazakh ASSR]. Leningrad, 1926. [in Russian]

Tragedy of a Kazakh Village. Vol. 1 – *Tragediia kazakhskogo aula* [Tragedy of the Kazakh village]. 1928–1934: sbornik dokumentov. Vol. 1: 1928 – aprel 1929 / comp. by A.S. Zulkasheva, G.T. Isakhan, G.M. Karataeva. Almaty: Raritet, 2013. 743 p. [in Russian]

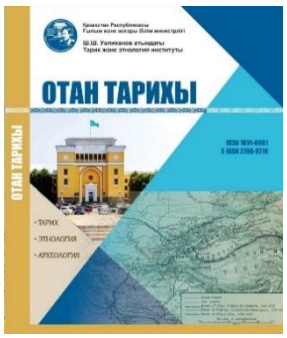
Tragedy of a Kazakh Village. Vol. 2 – *Tragediia kazakhskogo aula* [Tragedy of the Kazakh village].. 1928–1934: sbornik dokumentov. Vol. 2: 1929 – ianvar 1932 / comp. by A.S. Zulkasheva, G.T. Isakhan, Zh.A. Sataeva. Almaty: Raritet, 2018. 744 p. [in Russian]

The Tragedy of the Soviet Village. Vol.3. – *Tragediia sovetskoi derevni*. Kollektivizatsiia i raskulachivanie [The Tragedy of the Soviet Village: Collectivization and Dispossession]. 1927–1939: dokumenty i materialy. In 5 vols. Vol. 3: Konets 1930–1933 / ed. by V. Danilov, R. Manning, L. Viola. Moscow: ROSSPEN, 2001. 1008 p. [in Russian]

Tyumenbay. 2024 – *Tumenbai Q. Menin kozim arqyly: esseler, portretter men m aqalalar* [Menin Kazim Arqil: Seiler, Porter from the articles]. Almaty: Toganai T, 2024. 365 p. [in Kaz]

Unknown pages of history – *Neizvestnye stranitsy istorii Semipalatinskogo Priirtyshia* (1920–1930 gg.): [Unknown pages of the history of the Semipalatinsk Irtysh region] sbornik dokumentov / comp. by E.N. Silina, M.I. Perebeeva, T.U. Tusunbaeva, G.M. Karataeva; ed. by G.T. Kassymova, E.B. Sydykov. Semipalatinsk, 2000. 382 p. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1301–1315
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР/ МРНТИ / IRSTI 03.20.
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1301-1315

АЛМАТЫ ҚАЛАСЫ МЕН ОБЛЫСЫНДАҒЫ 1931–1933 ЖЫЛДАРДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚ: АРХИВ ДЕРЕКТЕРІ МЕН КУӘГЕРЛЕРДІҢ ЕСТЕЛІКТЕРІНДЕ

Гүлнар Әлімбекқызы Омарова[1], Жеңіс Жомарт Жеңісұлы[2], Құралай Кәріпжанқызы Қожаханова[3]

[1] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көшесі, 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы)
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ 2 курс докторанты, ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0009-0007-7669-1855 E-mail: Gulomarova@rambler.ru

[2] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
жетекші ғылыми қызметкері
(28 Шевченко көш., Алматы, Қазақстан Республикасы)
ORCID: 0000-0001-7556-6939. E-mail: zhozhengis@gmail.com

[3] Алматы қаласы музейлер бірлестігі, Д. Қонаев музейі
(Төлебаев көшесі 117, 050004, Алматы, Қазақстан Республикасы)
ғылыми қызметкер, тарих ғылымдарының кандидаты
https://orcid.org/0009-0005-7036-7523 E-mail: kura-kk@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Омарова Г.А., Жеңіс Ж.Ж., Қожаханова Қ.К., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақала Алматы қаласы мен Алматы облысындағы 1931-1933 жылдардағы аштық қасіреті архив деректері мен сол заманды көзімен көрген куәгерлердің естеліктері негізінде талданады. *Зерттеудің мақсаты мен міндеттері*. Аштықтың алғы шарттары, себебі мен салдары архивтік және басқа да деректер негізінде талдау. Аштық сталиндік режимнің ең бір сұмдық қылмыстарының бірі 1931-33 жылдары орын алған Қазақстандағы нәубет еді. Бұл апатта яғни Қазақстан халқының бір ширегі опат болып, аумағы құрлықтық Еуропаға тең аймақты танымастай өзгертті. *Зерттеудің әдіс-тәсілдері* ретінде ғылыми зерттеулер жүргізуде басшылыққа алынатын: кешенділік, тарихи-салыстырмалық және жүйелеу мен өркениеттілік, жаңашылдық әдістері қолданысқа түсті. *Нәтижелер*. Мақалада орталық және президенттік архивтердің құпиясыздандырылған қорларының құжаттары, жеке тектік құжаттары, жиналған материалдар негізінде аштықтың барысы, салдары көрсетілді. Алматы мен Алматы облыстарының шаруашылықтарын ұжымдастыру және күштеп қоныстандыруынан және ет дайындау жоспарларын іске асыру, малды жою өңірмен республикадан тыс жерлердегі аштық пен мәжбүрлі көші – қонның негізгі себебі ретінде қарастырылады. Ұжымдастыру, аштық тарихының кейбір аспектілері белгілі отандық және шетелдік ғалымдардың зерттеулерінде көрініс тапты. Аштық пен ұжымдастыру

тарихын зерттеуде сол заманның куәгерлері мен олардың ұрпақтардың естеліктері маңызды рөл атқарады. *Қорытынды.* Малды жою, күштеп ұжымдастыру және қоныстану, республикадан тыс жерлерге қашу бүкіл Қазақстан халқының қасіретіне айналды. Аштыққа ұшыраған адамдардың саны артқан сайын, панасыз қалған балалардың да саны өскен.
Түйін сөздер: Ашаршылық, ұжымдастыру, Алматы облысы, Алматы қаласы, босқын, естеліктер, құжаттар.
Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Қазақстандағы 1931–1933 жылдардағы жаппай ашаршылық куәгерлерінің және олардың ұрпақтарының естеліктер сериясын дайындау және басып шығару» тақырыбындағы бағдарламалық-нысаналы қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (ЖТН BR24993018).
Дәйексөз үшін: Омарова Г.А., Жеңіс Ж.Ж., Қожаханова Қ.К. Алматы қаласы мен облысындағы 1931–1933 жылдардағы ашаршылық: архив деректері мен куәгерлердің естеліктерінде // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1301–1315-бб.[қазақша]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1301-1315

ГОЛОД 1931–1933 ГОДОВ В ГОРОДЕ АЛМАТЫ И ОБЛАСТИ: В АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТАХ И ВОСПОМИНАНИЯХ ОЧЕВИДЦЕВ

Гулнар Алимбековна Омарова[1], Женис Жомарт Женисулы[2], Куралай Карипжановна Кожаханова[3]

[1] Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(дом 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Докторант 2 курса КазНУ им. аль-Фараби, научный сотрудник
https://orcid.org/0009-0007-7669-1855 E-mail: Gulomarova@rambler.ru

[2] Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(28 Шевченко ул., Алматы, Республика Казахстан)
Ведущий научный сотрудник
ORCID: 0000-0001-7556-6939. E-mail: zhozhengis@gmail.com

[3] Объединение музеев города Алматы, Музей Д. Кунаева
(улица Төлебаева 117, 050004, Алматы, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, научный сотрудник
https://orcid.org/0009-0005-7036-7523 E-mail: kura-kk@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Омарова Г.А., Женис Ж.Ж., Кожаханова К.К., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье на основе архивных документов и воспоминаний очевидцев, переживших события того времени, анализируется трагедия голода 1931–1933 годов в городе Алматы и Алматинской области. *Цель и задачи исследования* заключаются в анализе предпосылок, причин и последствий голода на основе архивных и других источников. Голод, ставший одним из наиболее трагических преступлений сталинского режима, охватил Казахстан в 1931–1933 годах. Эта катастрофа унесла жизни четверти населения Казахстана и до неузнаваемости изменила территорию, равную по площади континентальной Европе. В качестве *методов исследования* использованы общенаучные и исторические методы, применяемые в научных исследованиях: комплексный, историко-сравнительный, систематизации, цивилизационный и инновационный подходы. *Результаты*. В статье на основе документов из рассекреченных фондов Центрального и Президентского архивов, документов личного происхождения, а также собранных материалов раскрываются ход голода и его последствия. Коллективизация хозяйств Алматы и Алматинской области, насильственное переселение, выполнение планов хлебо и мясозаготовок, а также массовое уничтожение скота рассматриваются как основные причины голода и вынужденной миграции населения как в пределах региона, так и за его пределы. Отдельные аспекты истории коллективизации и голода нашли отражение в исследованиях известных отечественных и

зарубежных ученых. В изучении истории голода и коллективизации важную роль играют воспоминания очевидцев тех событий и их потомков. *Заключение.* Массовое уничтожение скота, насильственная коллективизация и переселение населения, а также бегство людей за пределы республики стали трагедией всего населения Казахстана. По мере увеличения числа людей, подвергшихся голоду, возрастало и количество беспризорных детей.

Ключевые слова: голод, коллективизация, город Алматы, Алматинская область, беженцы, воспоминания, документы.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Подготовка и издание серии воспоминаний очевидцев массового голода 1931–1933 гг. в Казахстане и их потомков» (ИРН BR24993018).

Для цитирования: Омарова Г.А., Женис Ж.Ж., Кожаханова К.К. Голод 1931–1933 годов в городе Алматы и области: в архивных документах и воспоминаниях очевидцев // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1301–1315. [на казахском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1301-1315

THE FAMINE OF 1931–1933 IN THE CITY OF ALMATY AND THE ALMATY REGION: IN ARCHIVAL DOCUMENTS AND EYEWITNESS MEMORIES

Gulnar Alimbekovna Omarova [1], Zhengis Zhomart Zhengisuly[2], Kuralai Karibzhanovna Kozhakhanova[3]

[1] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28 Shevchenko Street, 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
2nd-year PhD student at the Al-Farabi Kazakh National University, Research Fellow
https://orcid.org/0009-0007-7669-1855 E-mail: Gulomarova@rambler.ru

[2] Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28 Shevchenko Str., Almaty, Republic of Kazakhstan)
Leading Researcher
ORCID: 0000-0001-7556-6939. E-mail: zhozhengis@gmail.com

[3] Almaty City Museum Association, D. Kunaev Museum
(117 Tolebaev Street, 050004, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Research Fellow
https://orcid.org/0009-0005-7036-7523 E-mail: kura-kk@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Omarova G.A., Zhengis Zh.Zh., Kozhakhanova K.K., 2026

Abstract. *Introduction.* This article examines the tragedy of the 1931–1933 famine in the city of Almaty and Almaty Region based on archival documents and the recollections of eyewitnesses who experienced the events firsthand. *The aim and objectives* of the study are to analyze the prerequisites, causes, and consequences of the famine on the basis of archival and other sources. The famine, which became one of the most tragic crimes of the Stalinist regime, struck Kazakhstan in 1931–1933. This catastrophe claimed the lives of a quarter of Kazakhstan's population and transformed an area roughly the size of continental Europe beyond recognition. *The study employs* a range of general scientific and historical research methods, including a comprehensive approach, historical-comparative analysis, systematization, the civilizational approach, and innovative methods. *Results.* Based on documents from declassified collections of the Central and Presidential Archives, personal archival materials, and other collected sources, the article examines the course of the famine and its consequences. The collectivization of agricultural households in Almaty and Almaty Region, forced resettlement, the implementation of grain and meat procurement plans, and the mass destruction of livestock are considered among the principal causes of the famine and the forced migration of the population both within the region and beyond its borders. Certain aspects of the history of collectivization and the famine have been addressed in the works of prominent Kazakhstani and foreign scholars. The recollections of eyewitnesses and their descendants play an important role in studying the history of the famine and collectivization. *Conclusion.* The mass destruction of livestock, forced

collectivization and resettlement, as well as the flight of people beyond the borders of the republic, became a tragedy for the entire population of Kazakhstan. As the number of people affected by the famine increased, so did the number of homeless and orphaned children.

Keywords: Asharshylyk, famine, collectivization, Almaty, Almaty Region, refugees, recollections, documents.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of program-targeted funding project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Preparation and publication of memoirs of eyewitnesses and their descendants in the 1931–1933 mass famine in Kazakhstan” (IRN BR24993018).

For citation: Omarova G.A., Zhengis Zh.Zh., Kozhakhanova K.K. The famine of 1931–1933 in the city of Almaty and the Almaty region: in archival documents and eyewitness memories. // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1301–1315. [in Kazakh]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1301-1315

Кіріспе. КСРО-дағы 1932–1933 жылдардағы ашаршылық туралы көп жазылған. Тарихшылар негізінен ашаршылықтың әлеуметтік, саяси және экономикалық себептеріне, сондай-ақ оның демографиялық салдарларына назар аударды. Олар аштыққа ұшыраған адамдардың басына не келетіні, өлім алдында олардың қалай әрекет ететіні және аштықтың шын мәнінде не екені туралы өте сирек сөз қозғайтын. Басты көрініс – басына түскен апаттың салмағы астында жаншылып, оған қалай қарсы тұруды білмей қалған халық бейнесі. Ашаршылық тарихнамасында зардап шеккен халық көбіне тек қасіретке ұшыраған әлеуметтік топ ретінде сипатталады. Мұндай ұстаным аштық жағдайындағы адамдардың әрекет ету мүмкіндіктерін шектен тыс төмендетіп, оларды саяси және әлеуметтік үдерістердің әрекетсіз нысаны ретінде көрсетуі мүмкін. Алайда ашаршылық құрбандарын тек дәрменсіз адамдар ретінде қарастыру олардың қалыптасқан жағдайға бейімделу, шешім қабылдау және түрлі жолдармен қарсылық таныту әрекеттерін назардан тыс қалдырады.

Кеңестік кезеңде ашаршылық мәселесін ғылыми тұрғыдан зерттеу және ол туралы ашық жазу мүмкін болмады. Бұл тақырыпқа қатысты шынайы тарихи деректер мен оқиғаларды жария түрде зерделеу зерттеушілер үшін саяси және кәсіби тұрғыдан ауыр салдарға әкелуі мүмкін еді. Осыған байланысты ашаршылық тақырыбы ұзақ уақыт бойы ғылыми айналымнан тыс қалып, оның объективті зерттелуі кейінгі кезеңдерге қалдырылды. Оған қатысты архивтік материалдар мен өзге де деректік қорлар мемлекеттік құпия санатына енгізілді. Қазақстан тәуелсіздік алғаннан кейін ғана тарихи санада ұзақ уақыт бойы көмескіленіп келген мәселелерді қайта қарауға және оларды ғылыми тұрғыдан зерттеуге жаңа мүмкіндіктер ашылды. Соның нәтижесінде XX ғасырдағы ең ірі әлеуметтік-демографиялық қасіреттердің бірі болған ашаршылық тақырыбы да жаңа әрі терең зерттеу бағыттарының біріне айналды. Посткеңестік кезеңде бұл мәселе тек тарихи оқиға ретінде ғана емес, оның халықтың демографиялық құрылымына, әлеуметтік дамуына және ұлттық болмысына тигізген ұзақ мерзімді зардаптары тұрғысынан да зерделене бастады. Мұндай зерттеулердің маңызы тоталитарлық саясаттың қоғамға тигізген әсерін тереңірек түсінумен қатар, тарихи сананы жаңғырту және ұлттық-этникалық бірегейліктің қалыптасу үдерістерін пайымдау қажеттілігімен де байланысты.

Ашаршылықтың аса ауыр зардабына ұшыраған өңірлерден шыққан ұлттық зиялылардың жеке естеліктері сол кезеңнің шынайы болмысын тануда құнды дерек көзі болып табылады. Бұл тұрғыда Мәриям Хакімжанова, Бағдат Жандосай және Сағат Жүсіптің «Ашаршылық ақиқаты» еңбегін ерекше атап өтуге болады. Бұл туынды аштықты сырттай сипаттаумен шектелмей, олардың көзбен өткерген оқиғалары мен жеке тағдырларына негізделуімен ерекшеленеді. Сондықтан бұл материалдарда көрініс тапқан деректерді Алматы қаласы мен оған іргелес Алматы облысындағы ашаршылықтың әлеуметтік сипатын, халықтың күнделікті тұрмысын және қасіреттің ауқымын зерделеу үшін маңызды деректік негіз ретінде қарастыруға болады. Сонымен бірге ашаршылық кезеңінде жүргізілген қуғын-сүргін көргендердің аса ауыр тағдырын айғақтайтын құнды тарихи куәлік болып табылады.

Материалдар мен әдіс-тәсілдері. Зерттеу үшін Қазақстан Республикасының Орталық мемлекеттік архиві қорларындағы тиісті құжаттар тартылып, олардың мазмұны ғылыми тұрғыдан сараланды. Мысалы, 30-қордың (Халық комиссарлар кеңесі) және Алматы облыстық мемлекеттік архивіндегі 1-қордың (Талдықорған уездік-қалалық милициясының атқару комитеті), Алматы қаласының Мемлекеттік архивіндегі 174-қор (Алматы қалалық халық депутаттары кеңесінің атқарушы комитеті (Горисполком) және Ресей Федерациясы Мемлекеттік архивіндегі 1235-қордың

(Жұмысшы, шаруа және қызыләскер депутаттары Кеңестерінің Бүкілресейлік Орталық Атқару Комитеті (БОАК) құжаттары зерттеу мәселесінің жекелеген қырларын айқындауда елеулі дерек көзі ретінде қарастырылды.

Аталған қордағы кейбір деректер соңғы он жылдың ішінде ғана ашық қолданысқа түсті. Архивтік материалдардың шынайылығы мен деректік маңызы арнайы сараптау арқылы бағаланып, зерттеу міндеттеріне сәйкес келетін құжаттар ғылыми талдауға тартылды.

Зерттеу әдіснамасын айқындау барысында тарихи үдерістерді олардың уақыттық және қоғамдық-әлеуметтік контекстінде қарастыруға мүмкіндік беретін тарихилық қағидаты мен өркениеттік тәсіл негізге алынды. Осы ұстанымдар аясында XX ғасырдың 1930-жылдарындағы ашаршылық жеке-дара құбылыс ретінде қарастырылмай, сол кезеңдегі саяси, әлеуметтік және экономикалық өзгерістермен өзара сабақтастықта зерделенді. Мұндай тәсіл ашаршылықтың себептері мен салдарын дәуірдің жалпы тарихи ахуалымен байланыстыра отырып, оның қоғам өміріне тигізген ықпалын неғұрлым тұтас сипаттауға мүмкіндік береді.

Талдау. Ашаршылық тақырыбының ұзақ уақыт бойы ғылыми зерттеу нысанына айналмауына кеңестік идеологиялық саясат елеулі ықпал етті. Тарихшылардың бұл мәселені объективті түрде зерделеуіне саяси шектеулер кедергі жасап, аштықтың себептері мен зардаптарын ашық талдауға мүмкіндік бермеді. Зерттеу бағыты тек қайта құру жылдарында біртіндеп жанданып, қазақстандық ғалымдар сталиндік саясаттың әлеуметтік-демографиялық салдарын және жаппай саяси қуғын-сүргін мәселесін ғылыми тұрғыдан қарастыруға кірісті. Осы бағыттағы алғашқы зерттеушілер М.К. Қозыбаев, М.Б. Тәтімов және Ж.Б. Әбілхожинді атауға болады [Абылхожин, Козыбаев, Татимов, 1989].

1992 жылы М.К. Қозыбаев, Ж.Б. Әбілхожин және К.С. Алдажұмановтың авторлығымен «Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства» атты зерттеу жарық көрді. Аталған еңбектің ғылыми маңызы жоғары болып, Қазақстандағы 1930-жылдардағы ұжымдастыру, ашаршылық және саяси қуғын-сүргіннің зардаптарын зерделеген Жоғарғы Кеңес Комиссиясының қорытынды материалдарын дайындауға негіз болған зерттеулердің біріне айналды. Кейінгі кезеңдегі тарихнамалық ізденістердің қатарында Г.Е. Корниловтың 2023 жылы жарияланған «Голод в Казакской АССР в 1930-е годы: историографический дрейф» мақаласын атап өткен жөн. Автор онда ашаршылық тарихын зерттеудің негізгі бағыттарын саралап, қазақстандық, ресейлік және шетелдік зерттеушілер ұсынған демографиялық-статистикалық мәліметтерді салыстыра отырып жүйеленген кестелік материал береді [Корнилов, 2023].

Қазақтардың 1930–1932 жылдардағы ашаршылыққа ұшырауы шетелдік тарихнамада, оның ішінде Н. Пьянчиола, R. Conquest, М. Олкотт, С. Камерон және С. Уиткрофт еңбектерінде әртүрлі қырынан қарастырылған [Pianciola, 2004; Conquest, 1986: 306; Olkott, 1981; Cameron, 2010; Wheatcroft, 2014]. Қазақстандық тарихнамада бұл мәселені жүйелі түрде зерделеген зерттеушілердің бірі – Т. Омарбеков. Оның «Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги» атты құжаттар жинағы ашаршылық кезеңіне қатысты деректерді ғылыми айналымға енгізуімен құнды болып табылады [Омарбеков, 2011: 203]. Соған қарамастан, қолда бар зерттеулер мен құжаттық материалдардың ауқымына қарамастан, ашаршылық тарихының жекелеген мәселелері әлі де толық зерттелмеген күйінде қалып отыр.

Демографиялық зерттеулердің алғашқы кезеңінде М. Тәтімов ашаршылықтың адам шығынына тигізген әсерін статистикалық мәліметтер арқылы бағалауға ұмтылды. 1989 жылы жарияланған еңбегінде мемлекеттік есеп материалдарын саралау нәтижесінде отырықшыландыру мен ұжымдастыру үдерістері тұсында аштық және індет салдарынан қаза болғандардың жалпы санын шамамен 2 млн 20 мың адам деп есептеді [Татимов, 1989: 124].

Ашаршылықтың демографиялық салдарын зерделеуге А.Б. Ғалиев түрлі аурулар және халықтың жаппай қоныс аударуы нәтижесінде қалыптасқан қазақ халқының демографиялық шығынын 1 610 000 адам көлемінде бағалайды [Галиев, 1994:16].

Алайда ашаршылықтың себептері мен салдарын кешенді түрде қарастыратын іргелі зерттеулер Қазақстан тәуелсіздік алғаннан соң ғана кең өріс алды деп жоғарыда айтқанымыздай, кейінгі ғылыми ізденістердің қатарында 1930-жылдардағы ашаршылықтың зардаптарын арнайы қарастырған С.О. Смағұлованың еңбегін атап көрсетуге болады [Смағұлова, 2024: 253]. Аталған зерттеулер мен ғылыми жарияланымдар аштық қасіретінің демографиялық, әлеуметтік және тарихи қырларын тереңірек түсіндіруге мүмкіндік беретін маңызды ғылыми негіз қалыптастырды.

Зерттеу нәтижелері. Қазақстандағы ашаршылықтың қалыптасуында кеңестік экономикалық және әлеуметтік саясаттың шешуші рөл атқарғанын көрсетеді. Азық-түлік дайындау науқандары барысында ауыл тұрғындарына мемлекет белгілеген астық пен ет дайындау жоспарларын орындау міндеттелді. Алайда белгіленген міндеттемелер ауыл шаруашылығының нақты өндірістік мүмкіндіктерімен сәйкес келмей, ауыл халқының өз қажетіне қалатын азық-түлік қорын қысқартты. Мемлекеттік дайындау саясатының күшеюі ауыл шаруашылығы өнімдерін өндіру мен тұтыну арасындағы қалыптасқан тепе-теңдіктің бұзылуына алып келді.

Жағдайды одан әрі күрделендірген факторлардың бірі - ұжымдастыру саясатының күштеп жүзеге асырылуы болды. 1920-жылдардың соңы мен 1930-жылдардың басында жүргізілген тәркілеу, қудалау және шаруашылықтарды ұжымдастыру шаралары ауылдағы дәстүрлі әлеуметтік-экономикалық қатынастарды түбегейлі өзгертті. Әсіресе мал шаруашылығына бейімделген қазақ қоғамы үшін бұл өзгерістердің салмағы айтарлықтай болды. Ауқатты шаруашылықтарды тәркілеу арқылы басталған науқан кейіннен орта және кедей шаруашылықтарға да таралып, ауыл шаруашылығының қалыпты қызметіне әсер етті.

Күштеп ұжымдастыру барысында шаруашылықтарды қайта ұйымдастырудың әкімшілік тәсілдері өндірістің тұрақтылығына кері әсер етті. Колхоздық жүйені қалыптастырудың алғашқы кезеңіндегі ұйымдастырушылық қиындықтар, мемлекеттік міндеттемелердің өсуі және салықтық қысымның күшеюі ауыл тұрғындарының экономикалық мүмкіндіктерін шектеді. Соның нәтижесінде ауыл шаруашылығының өндірістік әлеуеті әлсіреп, халықтың азық-түлікпен қамтамасыз етілу жағдайы нашарлады.

Тәркілеу науқанына қарсылық ретінде кейбір ауқатты шаруалар малды жасыруға немесе оны туыстары мен тұрмысы төмен отбасыларға бөліп беруге әрекет жасады. Алайда мұндай әрекеттер әкімшілік бақылау мен жергілікті билік органдарының қысымы жағдайында кең көлемде жүзеге аса алмады. Мал шаруашылығына қатысты жүргізілген шаралар ауыл тұрғындарының қалыптасқан шаруашылық бейімделу тетіктерін әлсіретті. Сонымен қатар азық-түлік дайындау науқандары кезінде жүргізілген жаппай тінту мен мүлікті тәркілеу ауыл шаруашылықтарының қолда бар ресурстарын одан әрі қысқартты.

Осылайша, ашаршылықтың қалыптасуын бір ғана шараның нәтижесі ретінде қарастыру жеткіліксіз. Оның негізгі алғышарттары мемлекеттік дайындау саясаты, күштеп ұжымдастыру, тәркілеу, әкімшілік қысым және дәстүрлі шаруашылық жүйесінің қайта құрылуымен өзара сабақтасты. Бұл шаралардың жиынтық әсері ауыл шаруашылығының өндірістік мүмкіндіктерін әлсіретіп, халықтың азық-түлікке қолжетімділігін төмендетті. Аталған жағдайлар 1930-жылдардың басында жаппай аштықтың өршуіне және Қазақстан халқының әлеуметтік-экономикалық жағдайының күрт нашарлауына алып келді.

Алайда қалыптасқан ауыр жағдай кеңестік ресми ақпаратта толық көрініс таппады: сол кезеңдегі баспасөзде аштықтың шынайы көлемі мен халық шығыны жөніндегі мәліметтер ашық жарияланбады.

Жиырмасыншы жылдардың басында ашыққандарға көмектесу үшін «Помгол» қоғамы құрылған болатын, ал отызыншы жылдардағы баспасөз беттерінде ашаршылық емес, тек азық-түлік қиыншылығы деп қана көрсетілді. Керісінше, қырылып жатқан халық туралы бір ауыз сөз айтпай, ұжымдастыру мен социализм жеңісі жайында жарыса жазып жатты.

Аштық жылдары адамдар жан сақтау үшін өте қиын жағдайда өмір сүрді. Көптеген ауылдардың тұрмысы тоқырап, қаңырап бос қалды, балалар қараусыздық пен жетімдікке ұшырады. Ашаршылықтан аман қалғандар саны енді босқындар есебімен жалғасты, олардың өзі Қытай, Иран, Ауған жеріне үдере көшумен жалғасты.

Ашаршылық нақ күшіне енген мезетте, сол кездегі орталық билік халықтың жағдайын оданда азаптайтын қадамдарға барды. Республикаға арнайы қоныс аударушылар, басы бос ауылшаруашылық отаршылдарын, тұтқындарды көптеп көшіре бастады. Оларды орналастыру үшін жергілікті халықтың жерлерін тартып алып, жоспарда болмаған басқа аймақтарға жер аудару басталды. Көшпенділердің жері көп деген пікірді желеу етіп, Орталық басқарушы ашаршылыққа ұшыраған қазақтарға қандай-да бір қол ұшын ұсынудың орнына, республикадағы өндірістік орындар құру үшін Ленинград, Мәскеу немесе Қарағанды қалаларының жұмысшыларын тамақтандыру мәселесін негізге алды.

Жетісу өңірінің ауданында астық дайындау науқаны барысында ауыл тұрғындарын астық өткізуге мәжбүрлеу азық-түлік тапшылығының күшеюіне әкелген. Жергілікті билік тарапынан кедей

және орта шаруашылықтарға қолданылған шектен тыс қысым халықтың наразылығын туғызған. Астық қорының таусылуына алаңдаған жергілікті халық ауылдық кеңеске жаппай жиналып, нан талап еткен. Қыстың ортасында олардың саны шамамен 100-ден асқан адамға жетіп, жиналғандар астық берілмеген жағдайда қойма есіктерін бұзуға, атса өлуге дайын екендіктерін білдірген. Бұл жағдай бар астықты бермей, халықтың күнкөріс жағдайын күрделеніп біраз жерге жетсе де құлыптап ұстап отырғандарын, елді ашындырып әлеуметтік шиеленісті күшейткенін көрсетеді [ҚР ОМА. 30-қ. 7-т., 123-іс. 24-п].

Алматыда жергілікті билік өкілдерінің азық-түлікпен қамтамасыз етудегі елеулі қиындықтар туралы жоғары жаққа жеделхаттарды «жаудырып» жатқанындай әсер қалыптасты. Басшылық бұған ашу-ызамен жауап беріп, жауапты тұлғалардан өздері мәселені шешуді және нақты қадамдар жасауды талап етті [ҚР ОМА. 30-қ. 6-т., 86-іс. 52-п].

Сол кезде еліміздің астанасы болған Алматы қаласы да аштықтың ортасына айналғанын сол заманда өмір сүріп, көзбен көрген куәгерлердің естеліктерінде де көрініс тапты. Мысалы, Қазақ КСР-інің халық жазушысы, ақын Мәриям Хакімжановаңың естеліктерін оқыған кезде, 1930-жылдардағы ашаршылық туралы баяндаудың мазмұнына толықтай еніп кетесің. Бұл нәубет ҚазПИ-дің жұмысшы факультетінде оқып жүрген студент қыз үшін үлкен эмоциялық күйзеліс болды. Ол естелігінде, 1932 жылдың алапат ашаршылығын Алматыда өз көзімен көргенін, талай қасыретке куә болғанын жан түршігерлікпен баяндайды: «Бұл кезде ашаршылық белең алып, аш адамдар көшелерде жосып жүретін межеге келген. Біздің асхананың алды да үйме-жүйме ыңырсыған аштарға толып кетеді. Бұл бейбақтардың көбі – әйелдер. Бәрінің қолдарында көтерген, әйтпесе соңынан жетелеп ерткен балалары бар. Балалар сай-сүйегіңді сырқыратып жылап тұрады. «Нә-ән, нә-ән» деп жылайды. Өздерінің бір күңіренген, аянышты, зарлы дауыстары болады. «Қарақтарым-ау, мына шырылдаған сәбиге бір нәр берсеңдерші» деп әлсіз үнмен сыбырлаған, жалынышты жанары өңменіңнен өтетін, сүйегіне ілінген жүдеу әйелдер жолыңды кес-кестейді. Біздің күйіміздің де жетісіп тұрғаны шамалы. Түстігіміз – ащы капуста салынған бір тәрелке сорпа. Ішінде кейде бір жапырақ ет болады. Кейін белгілі болғандай бұл сорпаға салынған ет тасбақаның еті болып шығады. Қыздар жағы осы сорпаны ішіп, ал тиесілі нанымызды алып шығып балаларға береміз».

Отыз екінші жылдың көктемінде Алматы көшелерінде адамның, әсіресе жас балалардың өлігінен аттап жүре алмайтын болған, жүрек айнытарлық өліктердің сасық иісі аңқып тұрды. Өйткені қыс бойы мәйіттерді ешкім жинап, жерлемеген. Қаладағы жалғыз моншаның айналасының бәрі аштықтан қырылған қазақтардың мәйіттеріне толып кеткен.

Мәриям басқа студенттермен бірге парткомның әйелдер бөлімінің меңгерушісі Анна Михайловнаның шешімі бойынша, қайтыс болған адамдардың мәйіттерін жинау жөніндегі бригадаға жіберілді. Әр бригадада он адамнан болды. Қолдарына күрек, тырма, айыр, ат-арба, ат болмаған жағдайда есек немесе өгіз берген.

Талғар, Пролетар көшелерінде кәмпескелеу науқанынан кейін ауқатты тұрғындардың иелігіндегі бірқатар тұрғын үйлер мемлекет қарауына өткізіліп, олардың кейбірі мектеп, интернат және балабақша ретінде пайдаланылған. Он екі бөлмелі үлкен үйдің негізінде ұйымдастырылған ясли-балабақша жанынан қарға көміліп қатып қалған тоғыз кішкентай қазақ баласының мәйіті табылады. Мәйіттерді тасуға әскери көлік беріліп, оған бірінің бас жағына екіншісінің аяқ тұсы келетіндей етіп тиейді. Себебі денелердің барлығын бір бағытта жатқызса, аяқ жақтары төмен сырғып, жан-жаққа шашыратпай реттейді. Балаларды кішкене орын болса тігінен де қоя салады». [Сары кітап, 2020: 64–71]. Бұл бір ғана адамның естелігінде келтірілген оқиға. Сол жылдардағы адам жаны түршігерлік, бір шетінен өлім көріністерін жиі тіпті күнде көріп, қайғы мен қасіреттен еті өліп, жүрегі шайлыққан халықтың халі еді.

Мемлекет міндеті бойынша тұрғындардан ет, жүн, май, тері былай тұрсын. сүйек пен мүйіз және ит терісін өткізуді міндеттеген.

Бұл халықтың еркін тұсаулап, жігерін жасытпай қоймады. Күнкөріске талғажау таппаған халық амалсыздан атамекенін тастап көрші елдерге босып кетті. Көбі аштықтан әлсіздік, сырқат дендеп аязды күндері жолда өлді.

Алматы қаласындағы аштықты өз көзімен көрген Бағдад Жандосайдың жазбалары – нақты дерекке, бастан кешкен оқиғаларға құрылған, бояма, қоспасы жоқ таза туынды. Өзінің басынан өткеріп көзімен көргенін жазған. Аштық жылы көкбазарға қалай келгенін былайша баяндайды: «...Ұйықтап кеткен екем, таң атыпты, қолтығында наны бар қараторы жас әйел келді де, маған жүр, – деді. Ілесіп далаға шықтым. Сәкежанның үйінің есігінде құлып тұр екен. Әлгі әйелдің соңынан жүріп

отырдым. Артына қараған да жоқ, үнсіз келе жатырмыз. амамен екі сағатқа жуық жүрдік қой деймін. Иттің мұрны өтпейтін иін тіресіп құжынаған адамдардың арасына кірді де, бір-екі адамды айналып, жоқ болды да кетті. Адамдардың (бір орыс жоқ) тығыздығынан аспан ғана көрінеді. Күнбатыс, күншығыс қай жағымда екенін білмей қалдым. Бұл қазіргі көк базар екен. Іші-сырты, төңірегі күзгі ошақ басындағы бозторғайдай өріп жүрген жетім балалар. Өзімнің қандай екенімді білмеймін, олардың бет ауыздары сатал-сатал. Әр нәрсені ала қашып, оған бақырып, қарғыстап жатқан әйелдер. Әзер дегенде базардың шетіне шықтым. Мөп-мөлдір, көкпеңбек шыршалар көрініп, Алатау базарға құлап кетейін деп тұр. Тау жағындағы ұзын тақтайлардың үстіне айран, сүтін қойып сатып тұрған орыстың жуан-семіз әйелдері. Бір қазақ жоқ. Бір ауыз орысша білмеймін» [Шошқаның құмы, 1999: 97–98].

Көкбазардың айналасында аштықтан қырылған халықтың аянышты тағдырын былайша сипаттайды: «Жұт кезінде өлген қойларды үйіп қойғанын да көргем, ал мынадай текшелеп, айқастырып жинап қойған өлген адамдарды көргенім осы. Большивиктердің коммунизм орнатамыз деп шулап жатқан қамқорлығы осылайша келеді екен ғой деп ойлауым да, неге көрсеттің, - дедім Танаға. Ол менің қазақшама түсінбей, қолымнан ұстап базардың ортасына қарай кіргендегі көрген көрініс күнә болса да жазбасқа болмай тұр. Себебі, нақты ортасындағы қазандарда иісін бұрқыратып:

«Подходи народ!

Половина сахар,

Полвина мед» – деп айқайлап, палау мен лағманды пісіріп тұрған семіз ұйғырлар мен дұңғандардың жас жігіттерінің төңірегі тірімен, аяқтарын әзер басып жүрген жансыздардың аяғының астында жатқан өлген адамдармен биттен шашы көрінбей, қолдарына қаңылтыр кәуешек ұстап, жүресінен отырған қазақ әйелдері» деп аштықтың қасіретін баяндайды [Шошқаның құмы, 1999: 103].

Архив деректерінде «сол кездегі Аягөз ауданындағы «Өркендау» ұжымшарының кедей мүшелері арасында аштық пен аштықтан өлім жағдайлары байқалуда. Биылғы жылдың маусым айында Абиконов есімді ұжымшар мүшесі дұрыс тамақтанбау салдарынан қайтыс болды. Ұжымшардың кедей тұрғындары аштыққа ұшырап жатқан тұста, ұжымшар белсенділерінің мал басын (атап айтқанда, бірден үшке дейінгі сиырды) жеке қажеттіліктеріне пайдалану үшін өз қолдарында ұстап отырған жағдайлары да кездеседі» – деп жазылған. Сонымен қатар: «Знаменка ауылындағы (Аягөз ауданы) ұжымшар төрағасы М. Шкренко азық-түлік қорын ешқандай мұқтаждығы жоқ кулактарға үлестіріп жатыр. Ол кулак Сергей Шкренкоға 40 пұт бидай берсе, ал кулак Дмитрий Горбенко ұжымшар қорынан алған астықпен үш шошқаны бордақылауда» – деп айтылған [ҚР ОМА. 30-қ. 7-т., 164-іс. 129–130 пп.].

«Астық дайындау жоспары толықтай орындауға болатындай еді және ауылдық кеңестерге уақтылы жеткізілген болатын, алайда егін жинау жұмыстары кешіктірілді. Сол жерге жіберілген жолдас Айсарин жоспарды орындау мүмкін емес деген пікір қалыптастыруға тырысты; тіпті ол: «Жеке шаруалардың қанын неге сорасыңдар?» деп те сұрады. Жалпы алғанда, оның ауданда жұмыс істеуге еш құлшынысы болмады — ол он бес күн бойы жұмыста болмай, жоғары лауазымды қызметкер ретіндегі қабілетінің тиісті деңгейде пайдаланылмай жатқанын алға тартты. Аудандық партия комитеті хатшысының жоқтығын пайдаланып, ол басқа ауданға ауысу туралы өтініш білдіру үшін Алматыға барды; алайда оның өтініші қабылданбай, дереу кері қайтуға бұйрық берілді» деп көрсетіледі құжаттарда [ҚР ОМА. 30-қ. 7-т., 61-іс. 41-п.].

Кесте 1. Аймақтар бойынша қайтыс болған адамдардың саны
[ҚР ОМА. 30-қ. 7-т., 164-іс. 128-133 пп.]

облыстар	1/12-1931 және 30/06 1932 жылдардағы өлім саны	1 желтоқсан 1931 - 1 қыркүйек 1932 жылдар аралығы	1 қыркүйек пен 10 қазан аралығы 1932 ж.	барлығы
Оңтүстік	416 адам	62 адам	-	478 адам
Шығыс	3453 адам	528 адам	19 адам	4000 адам
Қарағанды	414 адам	1358 адам	-	1772 адам
Ақтөбе	2273 адам	1000 адам	2337 адам	5610 адам
Алматы	1592 адам	969 адам	-	2561 адам

Батыс	128 адам	-	-	128 адам
Барлығы	8276 адам	3917 адам	2356 адам	14549 адам

Алматы қаласындағы ашаршылық көріністері Тұрсын Жұртбайдың «Әкемнің әңгімесі» шығармасында 1930-жылдардағы Алматы қаласындағы ашаршылықтың ауыр салдары Құдакелді Жұртбайұлының естелігі арқылы баяндалады. Мәтінде аштықтың қаладағы әлеуметтік жағдайға тікелей әсер еткені, әсіресе түрмеде жатқан кезінде оларды жұмысқа тартып, аштықтан қаза болған адамдардың мәйіттерін жинау жұмысына қатысқаны баяндалады.

Сонымен қатар шығармада Алматыда қыс мезгілінде аштықтан өлген адамдардың денелері көшеде қалып, оларды күн жылына бастаған кезде жинай бастаған. Күннің жылынуымен қар астындағы мәйіттердің көріне бастап шанаға салып алып бір құзға апарып төгіп отырған. Автор бұл жерді қазіргі Сайран аумағымен байланыстырады. Қаладағы санитарлық ахуалдың күрделі болғанын көрсетеді. Осылайша, шығармадағы Алматы бейнесі ашаршылық жылдарындағы әлеуметтік күйзеліс пен адам өлімінің ауқымын танытатын тарихи-әдеби дерек ретінде көрінеді.

Мәтіндегі Алматыға қатысты бұл эпизодтар ашаршылықтың ауылдық жерлермен шектелмей, қала тұрғындары мен босқындардың әлеуметтік жағдайына да әсер еткенін көрсетеді. Қалада қайыршылардың көбеюі, аштықтан болған өлім-жітім және мәйіттердің қараусыз қалуы 1930-жылдардағы гуманитарлық дағдарыстың Алматыдағы нақты көріністері ретінде сипатталады [Сары кітап, 2020: 150–162].

1933 жылдың қаңтар–ақпан айларында ОГПУ органдары теміржол бекеттеріндегі босқындар мен панасыз балаларды анықтап, арнайы комиссиялар мен мемлекеттік мекемелердің қарауына өткізген. Аягөз, Лепсі, Үш-Төбе, Іле, Әулие-Ата, Шымкент, Бурное–Луговая және басқа теміржол учаскелерінде мыңдаған адам тіркелген. Алматы станциясындағы ОГПУ ДТС бөлімшесінің мәліметі бойынша, 1 ақпанға дейін 83 панасыз бала жиналып, оларды тиісті мекемелерге жеткізу үшін Алматы қалалық милициясының қарауына тапсырылған. Құжатта теміржол желісі бойынша барлығы 4 847 босқын, аштардың 836 баласы және 440 панасыз бала жиналып, тиісті органдарға тапсырылғаны көрсетіледі. Ересектердің бір бөлігі шоғырландыру және тамақтандыру пункттеріне, ал балалар қабылдау орындарына жіберілген. Босқындардың бір бөлігі Қаратал және Талдықорған кеңшарларына орналастырылған. Құжат мәліметтері 1933 жылдың басында босқындар мен панасыз балалар мәселесінің кең көлемде орын алғанын және биліктің оларды теміржол бойынан жинап, арнайы пункттер арқылы орналастыру саясатын жүргізгенін көрсетеді [ҚР ОМА. 30-қ. 7-т., 186-іс. 5-6 пп].

1933 жылғы 17 наурыздағы сот-медициналық сарапшының Алматы қалалық кеңесі төрағасы Әлиевке жолдаған жеделхатында қала көшелерінен мәйіттердің күн сайын қалалық аурухана жанындағы мәйітханаға жеткізілетіні көрсетіледі. Құжат бойынша, 15 наурызда 12 мәйіттің 5-еуі қазақ, 7-еуі еуропалық болса, 16-17 наурызда тіркелген 17 мәйіттің 11-і қазақ, 6-ы еуропалық болған. 1933 жылғы 1 қаңтардан 16 наурызға дейін мәйітханаға барлығы 487 мәйіт жеткізілген. Сонымен қатар, мәйіттерді милиция қызметкерлерінің қарапайым арбалармен тасымалдауы санитарлық талаптарға сәйкес келмейтіні атап көрсетіліп, арнайы тасымалдау жәшіктерін сатып алу ұсынылған [АҚМА. 174-қ. 20-т., 2-іс. 2-п].

Әнуар Әлімжанов «Әкемнен естігендерім» деген әкесінің естеліктерінде құнды деректер келтіреді. Әкесі сол кезеңдегі аштық пен індеттің ауыл тұрғындарына тигізген зардаптарын өз көзімен көрген, ашаршылық жылдары Алматыға іссапармен барған. Оны телеграфшы мамандығына қатысты куәлік алу үшін Алматыға жіберген. Ол қалаға НКВД-ның екі қызметкері және өлкелік комитеттің бір өкілімен бірге жүк көлігімен келген. Алматыда бір тәулікке жуық уақыт болып, таңертең телеграфшылық бойынша емтихан тапсырғаннан кейін республикалық деңгейдегі үлкен жиынға қатысады.

Сол кездегі республиканың атқару комитетінің басшысы Елтай Ерназаровтың баяндамасынан әкемнің есінде қалғаны: «Кеңес үкіметінің арқасында, көсеміміз Сталиннің басшылығымен және оның сенімді серігі жолдас Голощекиннің жетекшілігімен Қазақстан экономикалық және мәдени жағынан гүлденді. Мемлекетке бұрын-соңды болмаған көлемде астық пен ет тапсырды» – деп баяндама жасаған. Билік өкілдері Қазақстанның экономикалық тұрғыдан өркендеп, мемлекетке мол көлемде астық пен ет тапсырғанын мәлімдесе, екінші жағынан, Алматы көшелерінде аштықтан әлсіреген, баспанасыз адамдардың көптеп жүргені және олардың күшпен қала сыртындағы жерлерге шығарылып отырған.

Жиыннан кейін Алматы қаласының базарына барған Әлімжановтың әкесі қала көшелеріндегі ауыр жағдайдың куәсі болады. Қаланың батыс және солтүстік бағыттарынан киімдері жыртылған, қатты әлсіреген адамдар топ-тобымен қалаға қарай келе жатқан. Оларды атты милиционерлер қамшымен және аттарының көмегімен жол жиегіне ығыстырып отырған. Әлсіреген адамдардың кейбірі жол бойына құлап, енді біреулері еңбектеп қозғалған.

Бірінен соң бірі бірнеше пар ат жегілген арбалар келе бастаған. Милиционерлердің көмекшілері аштарды арбаға тиеп жатыр. Әлсіз, аш-жалаңаштықтан естері түгел емес адамдар неге бүйтіп жатқанын түсінбей жатса керек, еріксіз көнуде. Әлсіз жандарды бірінің үстіне бірін салып тиеп жатыр.

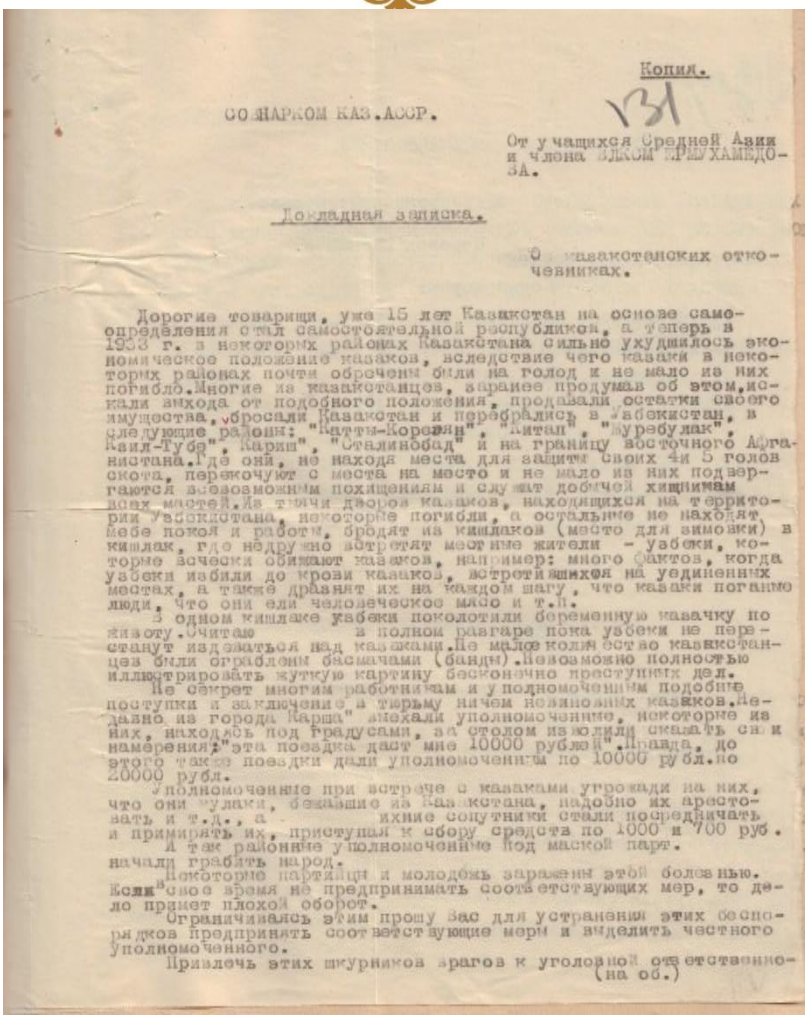
Әкем екі адамның бір-бірінен «Қанша арба тасыдың?» деп сұрағанын естиді. Екіншісі оған: «Оны кім санапты?! Жақын жерде бір терең сай бар. Ол өте терең әрі тік жар. Одан шыға алмайды. Бұларды сол жерге апару керек. Асылған қазандары дайын. Өлген ит пен кірпіден дайындалған быламықты жесін. Түнде жинастырамыз», – деп жауап берді. Бастығы болса керек, оған: «Білгеніңше істей бер, тезірек бітір!» – деді. Әлгі адам: «Ертең тағы шұбырса қайтеміз?» – деп сұрады. Бастығы: «Ол сенің жұмысың емес. Шұбыртпаймыз. Оларды қалаға жақындаған жерден дайындықпен күтіп аламыз. Тәулік бойы күзет бөлінді», – деп жауап берді. Әкем мұндай сұмдықты көріп, естігеннен кейін есеңгіреп ауылына қайтты [Ашаршылық...., 2021: 101–108].

Алматы қаласындағы көшіп келгендердің орналасуы және азық-түлікпен қамтамасыз етілуі туралы мәліметтерді архив деректерінен көреміз. Осы кезеңдегі құжаттық материалдар қала аумағына келген халықты уақытша орналастыру, азық-түлікпен қамтамасыз ету, еңбекке тарту және әлеуметтік қорғау бағыттарында бірқатар шаралардың жүзеге асырылғанын көрсетеді. 1933 жылғы 20 наурызында берілген мәліметте 1932 жылдың желтоқсан айы мен 1933 жылғы 19 наурызға дейінгі аралықта қаладағы және Алматы станциясындағы тамақтандыру пункттеріне барлығы 5 636 адам келіп түскен. Олардың әлеуметтік және экономикалық жағдайына байланысты әртүрлі бағытта орналастыру шаралары жүргізілген. Атап айтқанда, 2 098 адам жұмысқа жіберілсе, 1 922 адам Қастек, Іле, Шелек, Еңбекшіқазақ аудандарына және Семей мен Талдықорған қайтарылған. Бұдан бөлек, 26 адам әлеуметтік қамсыздандыру органдарына, 467 адам балалар үйлеріне жіберілген. Тамақтандыру пункттерінен 175 адамның өз бетімен кеткені, ал 145 адамның қайтыс болғаны көрсетілген.

Балаларды әлеуметтік қорғау бағытында да арнайы мекемелер ұйымдастырылған. Қалалық халыққа білім беру бөліміне қарасты балаларды қабылдау пунктінде 1933 жылғы 20 наурызға дейін 720 бала жиналған. Сонымен қатар қалалық денсаулық сақтау жүйесінде 0–3 жас аралығындағы көшіп келгендердің балаларына арналған 150 орындық бөбекжай жұмыс істеген. Бұл мекемелердің қызметі балаларды ересектерден бөлек орналастыруға, олардың тамақтануы мен күтімін қамтамасыз етуге және әлеуметтік тұрғыдан қорғауға бағытталған [АҚ МА. 174-қ. 20-т., 2-іс. 9-п].

1933 жылы Өзбекстанға аштық салдарынан босып барған қазақтардың тағдыры туралы Ермұхамедовтің орталыққа жолдаған хаттарында мынадай мәлімет бар: «Аштықтан босқан 500 отбасы Өзбекстанның Камир қаласына көшіп келді... Қазақтарға базардан азық-түлік сатып алуға тыйым салынды... Мұндай әрекетке шыдамаған қазақтар ауылдан-ауылға көшіп жүреді. Ауылда да қазақтарға жұмыс табылмайды... Сондықтан біз, Қазақстанның жұмысшылары, Өзбекстандағы қазақстандықтарды ажалдан құтқару үшін қоныстануға жер беруді және ашыққандарға тиісті көмек көрсетуді, жұмыссыздарды жұмысқа орналастыруды сұраймыз». Мұндай мазмұндағы хаттар Қазақ Орталық атқару комитеті мен Халық комиссарлар кеңесінің төрағасына да жолданған.

Ашыққан қазақтар аман қалуды ойлап, іліп алар дүние-мүлкін сатты. Қазақстанды тастап, Катты-Корезян, Кітап, Жүребұлақ, Қызылтөбе, Кариш, Сталинабад, тіпті шығыс Ауғанстан шекарасына дейін босты. Олар 4-5 ірі қарасын қорғайтын жер таппай, бір жерден екінші жерге көшіп жүрді. Көпшілігі тонауға ұшырап, ұрыларға жем болды. Өзбекстанда орналасқан мыңдаған қазақ отбасының біразы сонда қайтыс болды. Ал қалғаны жұмыс таба алмай, қыстақтан қыстаққа көшіп жүрді. Жол бойы қазақты тонамаған басмашы қалмады. Осындай қылмыстық істердің көрінісін толық бейнелеу мүмкін емес [ҚР ОМА. 30-қ. 7-т., 151-іс. 130-131 пп].



Копия.

СОВНАРКОМ КАЗ.АССР.

От учащихся Средней Азии и члена ЦИКом [illegible]ХАМЕДОВА.

Докладная записка.

О казакстанских отко-чевниках.

Дорогие товарищи, уже 15 лет Казакстан на основе самоопределения стал самостоятельной республикой, а теперь в 1933 г. в некоторых районах Казакстана сильно ухудшилось экономическое положение казаков, вследствие чего казаки в некоторых районах почти обречены были на голод и не мало из них погибло. Многие из казакстанцев, заранее продумав об этом, искали выхода от подобного положения, продавали остатки своего имущества, бросали Казакстан и перебрались в Узбекистан, в следующие районы: "Катта-Курган", "Ангрен", "Янгиюль", "Курбулак", Кайл-Губе", "Карин", "Сталинобад" и на границу восточного Афганистана. Где они, не находя места для защиты своих 4х 5 голов скота, перекочуют с места на место и не мало из них подвергаются всевозможным похищениям и служат добычей хищникам всех мастей. На почти дворов казаков, находящихся на территории Узбекистана, некоторые погибли, а остальные не находят себе покоя и работы, бродят на кишлаков (место для зимовки) в кишлак, где недружно встретят местные жители - узбеки, которые зачастую обижают казаков, например: много фактов, когда узбеки избили до крови казаков, встретившихся на уединенных местах, а также дразнят их на каждом шагу, что казаки поганые люди, что они едят человеческое мясо и т.п.

В одном кишлаке узбеки покалотили беременную казачку по животу. Считаю [illegible] в полном разгаре пока узбеки не перестанут издеваться над казаками. Не малое количество казакстанцев были ограблены басмачами (банды). Невозможно полностью иллюстрировать жуткую картину бесконечно преступных дел.

Не секрет многим работникам и уполномоченным подобные поступки и заключение в тюрьму ничем невинных казаков. Недавно из города Карша" выехали уполномоченные, некоторые из них, находясь под градусами, за столом изложили сказать свои намерения: "эта поездка даст мне 10000 рублей". Правда, до этого такие поездки дали уполномоченным по 10000 руб. по 20000 руб.

Уполномоченные при встрече с казаками угрожали им, что они кулаки, бежавшие из Казакстана, надобно их арестовать и т.д., а [illegible] ихние сопутники стали посредничать и примирять их, приступая к сбору средств по 1000 и 700 руб. А так районные уполномоченные под маской парт. начали грабить народ.

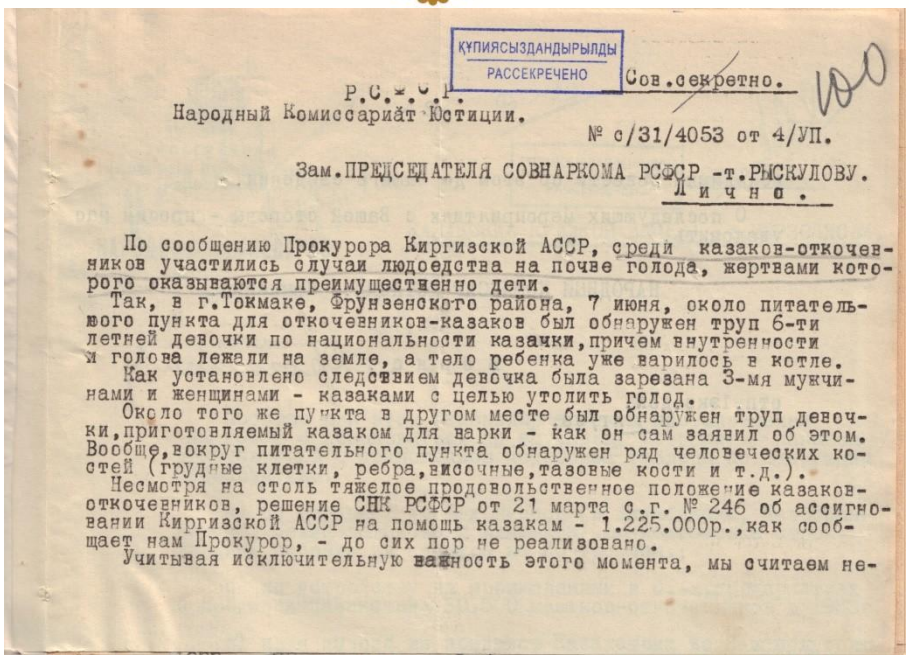
Некоторые партийцы и молодежь заражены этой болезнью. Если своевременно не предпринимать соответствующих мер, то дело примет плохой оборот.

Ограничиваясь этим прошу Вас для устранения этих беспорядков предпринять соответствующие меры и выделить честного Уполномоченного.

Привлечь этих шкурников врагов к уголовной ответственно-
(на об.)

Сур. 1. Өзбекстанға босқан қазақтар. [ҚР ОМА, 30-қ. 7-т. 151-іс, 131-п].

Ал қырғыз жеріне босып барған қазақтардың тағдыры мына мәліметте көрсетілген: Қырғыз АКСР прокурорының айтуынша, негізінен балалар құрбан болған. Көшпелі қазақтар арасында адам етін жеу оқиғалары жиілеген. 7 маусым күні Тоқмақ қаласының Фрунзе ауданындағы көшпелі қазақтарды тамақтандыратын жердің жанында 6 жасар қазақ қыздың мәйіті табылды. Оның ішек-қарны мен басы жерде жатыр, ал қалған денесі қазанға пісірілген. Тергеу кезінде ол қызды 3 ер адам мен 1 әйел пышақтап өлтіргені анықталды. Сол жерде тағы бір қыздың мәйіті табылды. Оны да сойып, пісіріп жеуге әзірлеп қойған. Жалпы, тамақтану пунктінің айналасынан адам сүйектері – төс, қабырға, жамбас жіліктер табылды. РКФСР Халық Комиссарлары Кеңесі 1933 жылғы 21 наурызда №246 шешім шығарып, қазақтарға көмек ретінде Қырғыз АССР-інен – 1 225 000 сом ақша бөлдірткен. Өкінішке қарай, бұл қаржы түспеген [ҚР ОМА. 30-қ. 7-т., 151-іс. 100 п.].


ҚҰПИЯСЫЗДАНДЫРЫЛДЫ
РАССЕКРЕЧЕНО

Сов.секретно.

Р.С.Ф.С.Р.
Народный Комиссариат Юстиции.

№ с/31/4053 от 4/УП.

Зам.ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВНАРКОМА РСФСР -т.РЫСКУЛОВУ.

Лично.

По сообщению Прокурора Киргизской АССР, среди казаков-откочевников участились случаи людоедства на почве голода, жертвами которого оказываются преимущественно дети.

Так, в г.Токмаке, Фрунзенского района, 7 июня, около питательного пункта для откочевников-казаков был обнаружен труп 6-ти летней девочки по национальности казачки, причем внутренности и голова лежали на земле, а тело ребенка уже варилось в котле.

Как установлено следствием девочка была зарезана 3-мя мужчинами и женщинами - казаками с целью утолить голод.

Около того же пункта в другом месте был обнаружен труп девочки, приготовляемый казаком для варки - как он сам заявил об этом. Вообще, вокруг питательного пункта обнаружен ряд человеческих костей (грудные клетки, ребра, височные, тазовые кости и т.д.).

Несмотря на столь тяжелое продовольственное положение казаков-откочевников, решение СНК РСФСР от 21 марта с.г. № 246 об ассигновании Киргизской АССР на помощь казакам - 1.225.000р., как сообщает нам Прокурор, - до сих пор не реализовано.

Учитывая исключительную важность этого момента, мы считаем не-

Сур. 2. Қырғызстанға босқан қазақтар туралы. [ҚР ОМА. 30-қ. 7-т. 151-іс. 100-п.].

1932 жылғы 31 желтоқсандағы мәлімет бойынша: «Соңғы бір ай ішінде Қазақстанның бірқатар аймағында эпидемиялық жағдай күрт нашарлады. Мұны бөртпе сүзегімен ауыру көрсеткіштері растайды: қазан айында 813 жағдай, ал қарашада 1482 жағдай тіркелген; атап айтқанда, қарашаның соңғы онкүндігінде 541 жағдай, ал алғашқы онкүндігінде 921 жағдай анықталған. Ең күрделі жағдай Шығыс Қазақстан облысында байқалуда: мұнда желтоқсанның алғашқы онкүндігінде бөртпе сүзегінің 556 жағдайы тіркелді; Қарағанды облысында – 246, Алматы облысында – 8, ал оңтүстік аймақтарда 33 жағдай анықталды.

Осыған байланысты денсаулық сақтау халық комиссары Асфендияровтың Орталық атқару комиссары Ұ. Құлымбетовке жазған хатында: «Біз сіздерден көмек сұрап отырмыз.

1. Бізге тәжірибелі эпидемиологтардан, санитарлық дәрігерлерден және дәрігер-әкімшілерден тұратын қосымша мамандар қажет.

Біз келесідей кадрлық толықтыруды сұраймыз: Шығыс Қазақстан облысы үшін – 7 маман (Семей, Шемонаиха, Зыряновск, Зайсан); Алматы облысы үшін – 8 маман (Прибалхашстрой – Бөрлітөбе, Алматы қаласы, Шу және шекаралық аудандар Жаркент, Үржар, Кеген, Октябр); Оңтүстік Қазақстан облысы үшін – 4 маман (Қарсақпай, Ленгер-Көпі, Мақтаарал және Ащысай кеніші); Ақтөбе облысы үшін – 3 маман (Ақтөбехимстрой, Ақтөбе қаласы және Жетіқара кеніші). Жалпы алғанда, біз 10 дәрігер-әкімші, 10 санитарлық дәрігер және 10 эпидемиолог сұрап отырмыз» [ҚР ОМА. 30-қ. 2-т. 787-іс. 26-28 пп.].

Әртүрлі деректерге сүйенсек, азық-түлік тапшылығынан туындаған халықтың жаппай қоныс аударуы Ақсу ауданында 1932 жылдың қазан-қараша айларында, нақтырақ айтқанда, 1932 жылғы қордан азық-түлік көмегін алған 12-ші және 14-ші ауылдардан (Сағабүйен және Бақалы) басталған. Дағдарыс 1932 жылдың желтоқсанының екінші жартысы мен 1933 жылдың қаңтарының бірінші жартысы аралығында ерекше шиеленісіп, жаппай сипат алды. Осы кезеңде кейбір ұжымшарларда адам өлімі тіркелгенімен, аудан басшылығы жағдайды қалыпты деп санап, ешқандай алаңдаушылық танытпаған. Алайда нақты деректер мүлдем басқа жағдайды көрсетеді; мысалы, полиция мәліметтері бойынша, бес ауылдық кеңес (№1, 2, 3, 4 және 10) аумағында аштықтан 360 адам қайтыс болған бұл сан табиғи себептермен қайтыс болды деп көрсетілген тағы 758 адамды қамтымайды [АО МА. 1-қ., 15-т., 56-іс. 12-13 пп.].

«Көшіп кеткендерге қатысты нақты есеп жүргізілмеген; бар болғаны он бір ауылдық кеңестің деректері бойынша 929 шаңырақ туралы мәлімет бар, ал қайта оралғандар жөніндегі жазбалар да сондайлық тапшы. Толық емес әрі өте үзік-үзік деректерге сүйенсек, сәуір айының басынан бері басқа жерлерден 610 адам қайта оралған: олардың 500-і – Сарқаннан, 93-і – Егінсуден. Алматыда

жүргендерді есепке алмағанда, Сарқан мен Антоновкадан тағы 400 адамның оралуы күтілуде. Қайта оралғандар өздерінің бұрынғы немесе көршілес ұжымшарларына орналастырылуда. Дегенмен, олардың нақты қайда және қаншасы орналастырылғаны, сондай-ақ жергілікті билік тарапынан оларға қаншалықты қамқорлық жасалып жатқаны туралы нақты деректер жоқ. Бұл жағдайды бағалау жұмыстары енді ғана басталды» – деп берілген [АО МА. 1-қ., 15-т., 56-іс. 18-п.].

1933 жылғы 1 сәуірдегі мәлімет бойынша, Қазақстандағы балалар үйлерінде шамамен 58 мың бала болған, ал көшеде жүрген тағы 2,5–3,5 мың баланы балалар үйлеріне орналастыру қажет болған. Бұндай панасыз балалар саны соңғы кезеңге дейін толастамай, 60 мың адамға дейін жеткен.

Мәліметте балалар үйлерінің материалдық-тұрмыстық жағдайы өте ауыр болғаны баяндалады. Көптеген мекемелердің ғимараттары балаларды орналастыруға дайын болмаған, бала саны шамадан тыс толып кеткен. Төсек-орын, киім-кешек, аяқ киім, отын және азық-түлік жетіспеген. Балаларда ауыстыратын киім жоқ, кей жағдайда еденде ұйықтаған. Азық-түлік жеткіліксіз беріліп, оның бөлінуі мен жұмсалуына бақылау төмен болған. Ұрлық пен қаражаттың мақсатсыз пайдаланылуы да мүмкін екені құжатта көрсетіледі.

Ең сорақысы, Мемлекеттік органдар – елдің ең әлсіз тобы панасыз және аштықтан зардап шегіп, ата-анасыз қалған балалардың тағдыры жаппай қасіретке айналуын ары қарай шешудің орнына сыйақы тағайындап «жақсы жұмыс» көрсеткен жекелеген мекемелерді марапаттаумен әуре болды. «Алматыдағы №4 балалар үйінің меңгерушісі Анна Филимоновна Мартынованың жұмысы оң үлгі ретінде көрсетіледі. Оның қарамағындағы 96 бала дені сау, көңілді, киімдері мен аяқ киімдері бар. А.Ф. Мартынованың өз ісіне адалдығының арқасында балалар – қазақ балалары – балалар үйлерінде жиі кездесетін бит, қышыма, теміреткі және басқа да жағымсыз жағдайларды әлдеқашан ұмытқан. Осы еңбегі үшін Мартыноваға 500 рубль және Құрмет грамотасымен марапаттау ұсынылған» [РФ МА. 1235-қ., 141-т., 1533-іс. 46-п.].

Бұл – халықтың жалпы жағдайын, қоғамның өткір ахуалын қағаздағы жетістіктермен бүркемелеу, бұрмалаудың ащы мысалы еді.

Аштықтағы қазақ халқының жағдайы өте ауыр болғаны соншалық, осы күнде куәгерлердің әңгімелерінде сол кезеңде тұрғандай оның қаншалықты ауыр болғаны сезіледі**.**

Мысалы, «Нәубет бүкіл елді жайлап алған-ды. Оған 1933 жылы Оралдың Дегтярск кенішіне практикаға барған кезде көз жеткіздік. Құдай басқа салмасын, тап жауы ретінде мал-жаннан айырылып, жердің түкпіріне айдалып келгендер сеңдей соғылысады. Не ішері, не жері жоқ, не киері, не тұрары жоқ. Арып-ашқан, шетінен тірі әруақ. Одан пленшінің тірлігі көш ілгері. Оның үстіне ертеңнен қара кешке дейін салпақтап жұмыс істейді» дейді Д.Қонаев өзінің жазған естелік-эссесінде [Қонаев, 1994: 84].

Салық салу аштықтан кейінгі жылдарда да тоқтаған жоқ. Ол туралы Шелек ауданы Таусүгір аулының тұрғыны Доғалов Бейсеннің әңгімесінде былай дейді: «Совет заманында колхоздастыру кезінде халық өте нашар тұрды, тапшылықта өмір сүрді. Тамаққа, киімге жарымады. Есімде қалған бір жайт, әр жанұядан 40 кг ет, 8 кг сары май өткізуді талап ететін. Үйінде тамағы жоқ, киері нашар халық салықты өткізуге тырысатын. Өйткені елдің нашар тұрмысы өкіметті қызықтырмады, заң қатты ғой салықты таптырады, бар ма жоқ па онда шаруасы болмады. Ол кезде үйде мал болған жоқ, әкем үйтіп-бүйтіп туыстардан болсын, бір заттарды айырбастап, тауып өкіметке құйяды. Ең қиыны сарымай еді. Міндетті түрде салық алынады халықтан, өткізілген азықты не істеп жатыр, қайда кетіп жатыр белгісіз. Оны ауылдың салық инспекторы дейді, салықты төлетпей кетпейтін, қадалып отырып алатын» дейді.

Қорытынды. Ұжымдастыру қозғалысы Кеңес Одағының барлық өңірлерін экономикалық және гуманитарлық апатқа үшыратса да, дәл Кеңестік Қазақстандағыдай ауыр күйзеліс ешбір жерде болған емес. Ашаршылықтың кесірінен республика өз халқының төрттен бір бөлігіне жуық адамынан айырылды. Бұл шығындардың этникалық сипаттамасы қандай деген сұрақ анағұрлым күрделі болып табылады, бірақ бұл тұрғыдан көптеген зерттеулер қазақ жеріндегі ашаршылығының айрықша апатты салдарын ерекше атап көрсетеді. Ашаршылықтан қашып кетпеу үшін шекараларды жауып тастау, ашыққан босқындарды қалаларға кіргізбеу, аштыққа ұшыраған аудандардың қара тізімге ілу сияқты іс-шаралар аштыққа ұшыраған қазақтарға да қарсы кең түрде қолданылғанын архивтік деректер айғақтай түседі. Аштықтың салдары бүгінгі күнге дейін ауыр соққы екендігі, халықтың әрқайсысының жүрегінде қалған орны толмас ұлттық қасірет болып табылады. Бірталай адамдар үшін Ашаршылықтың аяқталуы апат кезінде тағдыр тәлкегіне түсіп айрылып қалған отбасы мүшелерін іздеумен өткен ұзақ та ауыр жылдардың басталуына ұласты.

Деректер

АҚ МА – Алматы қалалық мемлекеттік архиві
АОМА – Алматы облыстық мемлекеттік архиві
ҚР ОМА – Қазақстан Республикасы Орталық мемлекеттік архиві
РФ МА – Ресей Федерациясының мемлекеттік архиві

Sources

AQMA – Almaty qalalyq memlekettik arhivi [State Archive of Almaty City].
AOMA – Almaty oblystyk memlekettik arhivi [State Archive of Almaty Region]
QR OMA – Qazaqstan Respublikasy Ortalyq memlekettik arhivi [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan].
RF MA – Resei Federatsiyasynyñ memlekettik arhivi [State Archive of the Russian Federation]

Әдебиеттер

Cameron, 2010 – *Cameron S.* The Hungry Steppe: Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934. New Haven, 2010. 289 p.

Conquest, 1986 – *Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the TerrorFamine. Oxford, 1986. P. 306.

Nevins, 1932 – *Nevins, A.* Grover Cleveland: A Study in Courage / A. Nevins. New York: Dodd, Mead & Company, 1932. 832 p.

Olkott, 1981 – *Olkott M.B.* The Collectivization Drive in Kazakhstan // Russian Review. 1981. Vol. 40, № 2. 122–142 p.

Pianciola, 2004 – *Pianciola N.* Famine in the steppe. The collectivization of agriculture and the Kazak herdsmen 1928–1934 // Cahiers du monde russe. 2004. Vol. 45, № 1–2. 137–192 p.

Wheatcroft, 2014 – *Wheatcroft, Heatcroft S.G.* Голод в Казахстане и на Украине // Голод 1930-х годов в Украине и Казахстане: Вопросы историографии и подходы к исследованию проблемы (к 80-летию трагедии). Астана, 2014. 178–190 с.

Абылхожин, Козыбаев, Татимов 1989 – *Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 53–71.

Ашаршылық. Голод. 1928–1934. — *Ашаршылық. Голод. 1928–1934.* Документальная хроника. Сб. док. Т.3. 1932 – 1934 / Отв. редактор Б. Әбдіғалиұлы. Нур-Султан, 2021. 1027 с.

Галиев, 1994 — *Галиев А.Б.* Социально-демографические процессы в многонациональном Казахстане (1917–1980). Автореф. дисс. … докт. ист. наук. Алматы, 1994. 53 с.

Жандосай, 1999 — *Жандосай Б.* Шошқаның құмы: Жас алаш, 1999. 124 б.

Козыбаев, Абылхожин, Алдажуманов, 1992 – *Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С.* Коллективизация в Казахстане: трагедия крестьянства. Алма-Ата, 1992. 53-71 с.

Корнилов, 2023 – *Корнилов Г.Е.* Голод в Казакской АССР в 1930-е гг.:историографический дрейф // Новейшая история России. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 99–121. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/golod-v-kazakskoy-assr-v-1930-e-gody-istoriograficheskiydreyf

Қонаев, 1994 – *Қонаев Д.А.* Ақиқаттан аттауға болмайды. Алматы: Санат, 1994. 334 б.

Омарбеков, 2011 – *Омарбеков Т.*, Голодомор в Казахстане: причины, масштабы и итоги (1930–1933 гг.): Хрестоматия. – Алматы: Қазақ университеті, 2011. 203 с.

Сары кітап, 2020 – *Сары кітап.* Алматы: «BRK Press», 2020. 317 б.

Смағұлова, 2024 – *Смағұлова С.О.* Зұлмат жылдар зардабы (1931–1933 жж.). Астана: Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті баспасы. 2024. 253 б.

Татимов, 1989 – *Татимов М.Б.* Социальная обусловленность демографических процессов. Алматы: Наука, 1989. 128 с.

References

Cameron, 2010 – *Cameron S.* The Hungry Steppe: Soviet Kazakhstan and the Kazakh Famine, 1921–1934. New Haven, 2010. 289 p. [in English]

Conquest, 1986 – *Conquest R.* The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the TerrorFamine. Oxford, 1986. P. 306. [in English]

Nevins, 1932 – *Nevins, A.* Grover Cleveland: A Study in Courage / A. Nevins. New York: Dodd, Mead & Company, 1932. 832 p. [in English]

Olkott, 1981 – *Olkott M.B.* The Collectivization Drive in Kazakhstan // Russian Review. 1981. Vol. 40, № 2. 122–142 p. [in English]

Pianciola, 2004 – *Pianciola N.* Famine in the steppe. The collectivization of agriculture and the Kazak herdsmen 1928–1934 // Cahiers du monde russe. 2004. Vol. 45, № 1–2. 137–192 p. [in English]

Wheatcroft, 2014 – *Wheatcroft, Heatcroft S.G.* Golod v Kazakhstane i na Ukraine // Golod 1930-kh godov v Ukraine i Kazakhstane: Voprosy istoriografii i podkhody k issledovaniyu problemy (k 80-letiyu tragedii). Astana, 2014. 178–190 c. [in Russian]

Abylkhozhin, Kozybayev, Tatimov 1989 – *Abylkhozhin Zh.B., Kozybayev M.K., Tatimov M.B.* Kazakhstanskaya tragediya // Voprosy istorii. 1989. № 7. S. 53–71. [in Russian]

Asharshylyq. Golod. 1928–1934. – *Asharshylyq. Golod. 1928–1934.* Dokumental'naya khronika. Sb. dok. T.3. 1932 – 1934 / Otv. redaktor B. Äbdığaliūly. Nur-Sultan, 2021. 1027 s. [in Russian]

Galiyev, 1994 – *Galiyev A.B*. Sotsial'no-demograficheskie protsessy v mnogonatsional'nom Kazakhstane (1917–1980). Avtoref. diss. … dokt. ist. nauk. Almaty, 1994. 53 s. [in Russian]

Zhandosai, 1999 – *Zhandosai B.* Shoshqanyñ qumy: Zhas Alash, 1999. 124 b. [in Kazakh]

Kozybayev, Abylkhozhin, Aldazhumanov, 1992 – *Kozybayev M.K., Abylkhozhin Zh.B., Aldazhumanov K.S*. Kollektivizatsiya v Kazakhstane: tragediya krest'yanstva. Alma-Ata, 1992. 36 s. [in Russian]

Qonaev, 1994 – *Qonaev D.A*. Aqiqatтан attaýǵa bolmaıdy. Almaty: Sanat, 1994. 334 b. [in Kazakh]

Kornilov, 2023 – *Kornilov G.E*. Golod v Kazakhskoi ASSR v 1930-e gg.: istoriograficheskii dreif // Noveishaya istoriya Rossii. – 2023. – T. 13, № 1. – S. 99–121. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/golod-v-kazakskoy-assr-v-1930-e-gody-istoriograficheskiydreyf [in Russian]

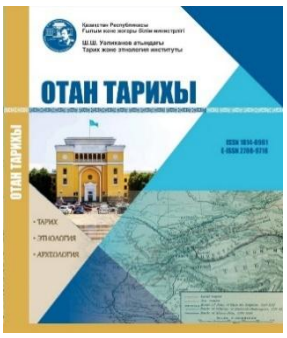
Omarbekov, 2011 – *Omarbekov T.,* Golodomor v Kazakhstane: prichiny, masshtaby i itogi (1930–1933 gg.): Khrestomatiya. – Almaty: Qazaq universiteti, 2011. 203 s. [in Russian]

Sary kitap, 2020 – *Sary kitap.* Almaty: «BRK Press», 2020. 317 b. [in Kazakh]

Smağūlova, 2024 – *Smağūlova S.O*. Zūlmat zhyldar zardaby (1931-1933 zhzh.). Astana: L.N. Gumilev atyndağy Euraziya ūlttyq universiteti baspasy. 2024. 253 b. [in Kazakh]

Tatimov, 1989 – *Tatimov M.B*. Sotsial'naya obuslovlennost' demograficheskikh protsessov. Almaty: Nauka, 1989. 128 s. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1316–1330
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ /
IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1316-1330

1930-ЖЫЛДАРЫ ОҢТҮСТІК ӨҢІРДЕ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІНГЕ ҰШЫРАҒАН БІЛІМ САЛАСЫ ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІНІҢ ҚАСІРЕТТІ ТАҒДЫРЫ

Сейдехан Нұрмаханұлы Әлібек[1], *Ержан Джаркинбаевич Пазилов*[2*], *Сакен Курбанбекович Косанбаев*[3]

[1] М. Әуезов атындағы ОҚУ
(5-үй, Тауке хан даңғ., 160012 Шымкент, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының докторы, профессор
https://orcid.org/0009-0003-5638-8788 E-mail: seid-61@mail.ru

[2] М. Әуезов атындағы ОҚУ
(5-үй, Тауке хан даңғ., 160012 Шымкент, Қазақстан Республикасы)
PhD доктор, аға оқытушы,*Корреспондент автор
https://orcid.org/0000-0002-7728-2136 E-mail: pazilov82@mail.ru

[3] М. Әуезов атындағы ОҚУ
(5-үй, Тауке хан даңғ., 160012 Шымкент, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, доцент
https://orcid.org/0000-0003-3607-84287 E-mail: kurbanbekovich.saken@bk.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Әлібек С.Н., Пазилов Е.Д., Косанбаев С.К., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақалада Қазақстанның оңтүстік өңірінің педагогикалық зиялыларына қатысты 1930-жылдардағы кеңес мемлекетінің қуғын-сүргін саясатын зерттеуге арналған. Зерттеудің өзектілігі саяси қуғын-сүргін тетіктерін және олардың өңірдің білім беру жүйесін дамытуға және педагогикалық мекемелерінің кадрлық құрамын қалыптастыруға әсерін одан әрі зерделеу қажеттілігіне негізделген. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің мақсаты - білім беру саласының қызметкерлеріне қатысты кеңес билігінің қуғын-сүргін саясатын іске асырудың ерекшеліктерін анықтау, сондай-ақ оның өңірлік білім беру жүйесі үшін салдарын айқындау болып табылады. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің дереккөздік базасын кеңестік жазалау органдарының мұрағаттық құжаттары, қылмыстық істер бойынша тергеу хаттамалары, тінту ордерлері, жеке тектік құжаттар, қуғын-сүргінге ұшырағандардың туыстары мен ұрпақтарының өтініштері құрады. Бұған дейін ғылыми айналымға енгізілмеген педагогикалық зиялы қауым өкілдерінің, оның ішінде М. Әндіжанов, Ж. Қыстаубаев және басқа да педагогтардың тағдырына байланысты құжаттарға ерекше назар аударылды. Зерттеуде дереккөздік талдау, жүйелеу, салыстырмалы талдау және тарихи дереккөздерді саралау әдістері қолданылған. *Нәтижелер.* Оңтүстік Қазақстанның оқу-ағарту саласының зиялыларына қатысты саяси қуғын-сүргіннің сипаты мен тетіктері туралы түсініктерді кеңейтуге мүмкіндік беретін бұрын белгісіз мұрағаттық материалдар кешені ғылыми айналымға енгізілді. Құжаттарды талдау негізсіз айыптауларды, тінтулер жүргізуді және білім беру саласының

қызметкерлеріне қатысты қуғын-сүргіндік шараларын қолдануды қоса алғанда, тергеу іс-шараларын жүргізу кезінде көптеген заң бұзушылықтардың бар екенін айғақтайды. Қуғын-сүргін саясаты жекелеген педагогтарға ғана әсер етіп қоймай, өңірдің білім беру мекемелерінің кадрлық әлеуетіне де айтарлықтай әсер еткені анықталды. *Қорытынды.* 1930-жылдардағы саяси қуғын-сүргіндер Оңтүстік Қазақстанның білім беру мекемелерінің кадрлық құрамының едәуір өзгерткен факторларының бірі болды. Педагогикалық интеллигенцияның едәуір бөлігін кәсіби және қоғамдық ортадан ығыстырып шығару, білім беру қызметінің сабақтастығына және өңірдің педагогикалық әлеуетін дамытуға теріс әсерін тигізді. Кеңестік қуғын-сүргін саясаты білім беру жүйесіне қатаң саяси және идеологиялық бақылау орнатуға ықпал еткенін және педагог кадрлардың кәсіби, ғылыми және қоғамдық қызметін едәуір шектегенін көрсетеді. Зерттеу аясында жаңа мұрағаттық дереккөздерді ғылыми айналымға енгізілуі білім беру саласындағы саяси қуғын-сүргіндердің ауқымы, тетіктері мен өңірлік ерекшеліктері туралы бұрын қалыптасқан түсініктерді нақтылауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: Оңтүстік өңір, кеңестік кезең, оқу-ағарту саласы, саяси қуғын-сүргін, білім беру қызметкерлері, ағартушылар, педагогикалық интеллигенция.

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «Оңтүстік Қазақстан өңіріндегі XX ғасырдың 20-50 жылдарындағы саяси қуғын-сүргін (жаңа архивтік материалдар және қуғын-сүргін құрбандары ұрпақтарының естеліктері негізінде)» тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (ЖТН: AP26199651).

Дәйексөз үшін: Әлібек С.Н., Пазилов Е.Д., Қосанбаев С.Қ. 1930- жылдары Оңтүстік өңірде саяси қуғын-сүргінге ұшыраған білім саласы қызметкерлерінің қасіретті тағдыры // Отан тарихы. 2026. Т. 29. №3 1316-1330-бб. [қазақша]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1316-1330

TRAGIC FATE OF REPRESSED EDUCATION WORKERS OF THE SOUTHERN REGIONS IN THE 1930s

Seidehan Nurmakhanovich Alibek[1], Yerzhan Dzharkinbaevich Pazilov[2*],
Saken Kurbanbekovich Kosanbayev[3]

[1]M. Auezov South Kazakhstan University
(House 5, Tauke Khan Ave., 160012 Shymkent, Republic of Kazakhstan)
Doctor of historical sciences, professor
https://orcid.org/0009-0003-5638-8788 E-mail: seid-61@mail.ru

[2]M. Auezov South Kazakhstan University
(House 5, Tauke Khan Ave., 160012 Shymkent, Republic of Kazakhstan)
PhD, senior lecturer, Corresponding author
https://orcid.org/0000-0002-7728-2136 E-mail: pazilov82@mail.ru

[3]M. Auezov South Kazakhstan University
(House 5, Tauke Khan Ave., 160012 Shymkent, Republic of Kazakhstan)
Candidate of historical sciences, Associate professor
https://orcid.org/0000-0003-3607-84287 E-mail: kurbanbekovich.saken@bk.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Alibek S.N., Pazilov Ye.D., Kosanbayev S.K., 2026

Abstract. *Introduction.* This article examines the repressive policies of the Soviet state directed at the teaching intelligentsia in the southern region of Kazakhstan during the 1930s. The study is relevant due to the need to further investigate the mechanisms of political repression and their impact on the development of the education system and the composition of teaching staff in the region's educational institutions. *Purpose and objectives.* The aim of the study is to identify the specific characteristics of how the Soviet authorities implemented repressive policies against education professionals and to determine the consequences of these policies for the regional education system. *Materials and Methods.* The study draws upon a source base comprising archival documents from Soviet punitive agencies, criminal investigation records, search warrants, personal papers, and statements and petitions from the relatives and descendants of repressed

individuals, all held in regional archives. Particular attention is paid to documents-previously unexamined in scholarly research-concerning the fates of members of the pedagogical intelligentsia, including M. Andizhanov, Zh. Kystaubaev, and other educators. The study employs methods of source analysis, systematization, comparative analysis, and the differentiation of historical sources. *Results.* A body of previously unknown archival materials has been introduced into scholarly discourse, broadening the understanding of the nature and mechanisms of political repressions directed against the teaching intelligentsia of Southern Kazakhstan. Analysis of the documents reveals numerous violations of legality during investigative proceedings, including unfounded accusations, searches, and the application of repressive measures against education professionals. It has been established that the policy of repression affected not only individual educators but also had a significant impact on the staffing capacity of the region's educational institutions. *Conclusion.* The political repressions of the 1930s were a factor in the significant transformation of the teaching staff in the educational institutions of Southern Kazakhstan. The removal of a substantial portion of the pedagogical intelligentsia from the professional and public spheres had a negative impact on the continuity of educational activities and the development of the region's pedagogical potential. Research indicates that repressive policies facilitated the establishment of strict political and ideological control over the education system and significantly curtailed the professional, scholarly, and civic activities of educators. The introduction of new archival sources into academic discourse makes it possible to refine existing understandings regarding the scale, mechanisms, and regional specificities of political repressions within the sphere of education.

Keywords: South Kazakhstan, Soviet period, the sphere of education, political repression, education workers, educators, pedagogical intelligentsia.

Acknowledgements: The article was carried out within the framework of the project of grant funding of the Ministry of Science and higher education of the Republic of Kazakhstan on the topic "political repression in the South Kazakhstan region of the 20-50s of the XX century (based on new archival materials and memories of descendants of victims of repression)" (IRN: AP26199651).

For citation: Alibek S.N., Pazilov Ye.D., Kosanbayev S.K. Tragic fate of repressed education workers of the Southern regions in the 1930s // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No. 3. Pp. 1316–1330. [in Kazakh]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1316-1330

ТРАГИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ РЕПРЕССИРОВАННЫХ РАБОТНИКОВ ОБРАЗОВАНИЯ ЮЖНОГО РЕГИОНА В 1930-Е ГОДЫ

Сейдехан Нурмаханович Алибек[1], Ержан Джаркинбаевич Пазилов[2], Сакен Курбанбекович Косанбаев[3]*

[1]Южно-Казахстанский университет имени М.Ауезова
(д. 5, просп. Тауке хана., 160012 Шымкент, Республика Казахстан)
Доктор исторических наук, профессор
https://orcid.org/0009-0003-5638-8788 E-mail: seid-61@mail.ru

[2]Южно-Казахстанский университет имени М.Ауезова
(д. 5, просп. Тауке хана., 160012 Шымкент, Республика Казахстан)
PhD, старший преподаватель, Корреспондирующий автор
https://orcid.org/0000-0002-7728-2136 E-mail: pazilov82@mail.ru

[3]Южно-Казахстанский университет имени М.Ауезова
(д. 5, просп. Тауке хана., 160012 Шымкент, Республика Казахстан)
Кандидат исторических наук, доцент
https://orcid.org/0000-0003-3607-84287 E-mail: kurbanbekovich. saken@bk.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Алибек С.Н., Пазилов Е.Д., Косанбаев С.К., 2026

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена исследованию репрессивной политики советского государства в отношении педагогической интеллигенции Южного региона Казахстана в 1930-е гг. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения механизмов

политических репрессий и их влияния на развитие системы образования и формирование кадрового состава педагогических учреждений региона. *Цель и задачи.* Цель исследования - заключается в выявлении особенностей реализации репрессивной политики советской власти в отношении работников сферы образования, а также в определении ее последствий для региональной системы образования. *Материалы и методы.* Источниковую базу исследования составили архивные документы советских карательных органов, протоколы расследований по уголовным делам, ордера на обыск, документы личного происхождения, заявления и ходатайства родственников и потомков репрессированных, хранящиеся в региональных архивах. Особое внимание уделено ранее не введенным в научный оборот документам, связанным с судьбами представителей педагогической интеллигенции, в том числе М. Андижанова, Ж. Кыстаубаева и других педагогов. В исследовании применены методы источниковедческого анализа, систематизации, сравнительного анализа и дифференциации исторических источников. *Результаты.* В научный оборот введен комплекс ранее неизвестных архивных материалов, позволяющих расширить представления о характере и механизмах политических репрессий в отношении педагогической интеллигенции Южного Казахстана. Анализ документов свидетельствует о наличии многочисленных нарушений законности при проведении следственных мероприятий, включая необоснованные обвинения, проведение обысков и применение репрессивных мер в отношении работников сферы образования. Установлено, что репрессивная политика затронула не только отдельных педагогов, но и оказала существенное воздействие на кадровый потенциал образовательных учреждений региона. *Заключение.* Политические репрессии 1930-х гг. стали одним из факторов существенной трансформации кадрового состава образовательных учреждений Южного Казахстана. Устранение из профессиональной и общественной среды значительной части педагогической интеллигенции негативно отразилось на преемственности образовательной деятельности и развитии педагогического потенциала региона. Исследование показывает, что репрессивная политика способствовала установлению жесткого политического и идеологического контроля над системой образования и существенно ограничила профессиональную, научную и общественную деятельность педагогических кадров. Введение в научный оборот новых архивных источников позволяет уточнить ранее сложившиеся представления о масштабах, механизмах и региональных особенностях политических репрессий в сфере образования.

Ключевые слова: Южный регион, советский период, сфера просвещения, политические репрессии, работники образования, просветители, педагогическая интеллигенция.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках реализации проекта программно-целеого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Политические репрессии на территории Южного Казахстана в 20-50 гг. XX века (на основе новых архивных материалов и воспоминаний потомков репрессированных)» (ИРН: AP26199651).

Для цитирования: Алибек С.Н., Пазилов Е.Д., Косанбаев С.К. Трагические судьбы репрессированных работников образования Южного региона в 1930-е годы // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1316–1330. [на казахском яз.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1316-1330

Кіріспе. Отандық тарихнамада кеңестік кезеңдегі ұлттық интеллигенцияға, оның ішінде білім саласындағы ағартушыларға қарсы жүргізілген саяси қуғын-сүргін шаралары – терең зерделеуді талап ететін түйткілді тақырыптардың бірі. Өйткені, XX ғасырдың алғашқы жартысында қазақ халқының ұлттық санасын оятып, білім мен ғылымға үндеген зиялылардың мол шоғыры Кеңес үкіметі тарапынан жазықсыз қуғын-сүргінге ұшырап, жаппай жазаланды. Ағартушы элита өкілдерін ел өмірінің барлық саласынан – саяси, әлеуметтік, мәдени және оқу-ағарту ісінен толық аластату қоғам дамуына орасан зор зардаптарын тигізді. Кеңестік кезеңде оқу-ағартушылық қызметпен айналысқан зиялыларға қарсы жүргізілген қуғын-сүргін саясаты қазақ ұлтының жаңа сапалық деңгейге көтерілуіне мүмкіндік бермей, білім мен ғылымның дамуын көптеген жылдарға кейін шегерген зиянды құбылысқа айналды. Осы орайда оқу-ағарту саласындағы зиялыларды жазықсыз қуғынға ұшыратқан бұл саяси науқанның салдары мейлінше зерттеліп, сталиндік террордың ақиқаты толық айтылды дей алмаймыз. Әсіресе, 1930-жылдары оқу-ағарту саласы қызметкерлеріне қарсы қуғын-сүргін тарихының толық бейнесін ашып көрсететін аймақтық деңгейдегі құпия тергеу материалдары соңғы жылдарға дейін зерттеушілерге қолжетімсіз болып келді.

Мәселен, І. Қозыбаев, А. Жанбосынова секілді зерттеушілер өз еңбектерінде соңғы жылдары жүргізілген қуғын-сүргін құрбандарын жаппай ақтау үдерісіндегі елеулі кемшіліктерді орынды атап

көрсетеді. Зерттеушілердің пайымдауынша, күрделілігі әртүрлі және сақталу деңгейі төмен мыңдаған тергеу істерін зерделеу қажеттілігіне байланысты архив мәліметтерін жаппай құпиясыздандыруға толық мүмкіндік тудырылмаған. Бұған біріншіден, бірнеше жылға созылатын дайындық жұмыстары талап етіледі, екіншіден, соған сәйкес барлық тұлғаларды қысқа мерзімде бір сәтте ақтау мүмкін емес деп тұжырымдайды [Жанбосынова, Қозыбаев, 2024: 31].

2021 жылғы сәуірде өткен Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі Мемлекеттік комиссияның екінші отырысында саяси қуғын-сүргінге қатысты жабық архив қорларын жан-жақты зерделеу және оларды кезең-кезеңімен құпиясыздандыру жөніндегі кіші комиссия құру туралы шешім қабылданғаны белгілі.

Кейіннен аталмыш Мемлекеттік комиссияның шешімдеріне сүйене отырып, Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы, Ұлттық қауіпсіздік комитеті (ҰҚК) және Ішкі істер министрлігі (ІІМ) жанындағы құпия қорлар мен материалдарды құпиясыздандыру бойынша тұрақты жұмыс істейтін комиссиялардың қызметі қайта жанданғаны да анық. Жалпы алғанда, бір жарым жылдық жұмыс қорытындысы бойынша Бас прокуратура тарапынан 1929–1956 жылдар аралығындағы 2,4 миллионнан астам архивтік карточка құпиясыздандырылды. Сонымен қатар, ҰҚК бойынша 1,5 мыңнан астам, ал ІІМ бойынша 5,3 мыңнан астам архивтік іс пен құжат құпиялық мәртебесінен шығарылды [Материалы государственной комиссии..., 2023а]. Былайша айтқанда, 3 жыл ішінде Мемлекеттік комиссия жұмысының аясында 72 томнан тұратын деректі жинақ баспаға дайындалып, жеткілікті тиражбен жарық көріп, аталған еңбектердің бір бөлігі Мемлекеттік комиссия порталына салынды. Ақиқатында, аталған авторлар кейбір тақырыптар бойынша зерттеулердің толық қамтылмағанына сын көзбен қараса да, саяси қуғын-сүргін құрбандарын ақтау жұмыстарының оң нәтижелерді көрсете бастағанын да атап өткеніміз жөн. Яғни, Мемлекеттік комиссияның қарқынды жұмыстарының нәтижесінде саяси қуғын-сүргінге ұшырағандарға қатысты тарихи әділеттілік орнап, күні бүгінге дейін жарияланбай сақталып келген арнайы архивтердегі көптеген құжаттар құпиясыздандырылды, ауқымды жұмыстар атқарылып, өңірлерде қуғын көрген көптеген тұлғалардың тағдырын айғақтайтын жаңа архивтік тың мәліметтер ғылыми айналымға түсті. Осы зерттеу жұмысының авторлары да аталған Комиссияның өңірлік жұмыс топтарының құрамына кіре отырып, аз уақыт болса да Шымкент қалалық Полиция департаментінің арнайы архивіндегі құпия тергеу материалдарымен танысып, зерделеуге мүмкіндік алды.

Алайда Оңтүстік өңіріндегі облыстық, қалалық және аудандық жергілікті архив қорларының өзінде әлі де болса зерттеуді қажет ететін тың архив құжаттары аз емес. Тіпті, күні бүгінге дейін толық ақталды делініп жүрген көптеген тұлғалардың өмірі мен қызметіне қатысты ғылыми айналымға түссе қоймаған құжаттардың мол шоғыры жергілікті аудандық архив қорларынан анықталды. Осы орайда, Шымкент қаласы мен облыс аумағында саяси қуғын-сүргін кезеңінде білім саласын басқарып, оқу-ағарту ісіне айтарлықтай үлес қосқан тұлғалар тағдыры тасада қалып қойғаны да белгілі болып отыр. Сондықтан да жергілікті деңгейдегі архиві қорларындағы білім саласы қызметкерлеріне қатысты тың құжаттарды іздеп тауып, ғылыми айналымға қосу жұмыстары әлі күнге дейін өзекті деп есептейміз.

Материалдар мен әдістер. Мақаланың деректік қорын құрайтын танымдық мәні ерекше материалдар архивтік құжаттарының, баспасөз материалдарының, құжаттық жинақтардың, тарихи жады деректерінің мәліметтері арқылы кеңінен ғылыми айналымға тартылады. Атап айтқанда Шымкент қаласы Полиция департаментінің мемлекеттік арнайы архивіндегі №713-тергеу ісінде Оңтүстік Қазақстан облыстық халыққа білім беру бөлімін басқарып, өңірдің оқу-ағарту ісінің дамуына өлшеусіз үлес қосқан М. Андижанов және оның жеке басының тектік құжаттары: автобиографиясы, мінездеме, отбасылық жағдайы, білімі т.б. тергеу және сот істері барысындағы мәліметтер жинақталған. Талдау барысында анықталғандай, архивтік-тергеу істеріндегі кейбір мәліметтер жалған айыптауларға сүйеніп, қолдан бұрмаланғаны да белгілі болды. Соған қарамастан, қуғын-сүргінге ұшыраған азаматтардың жеке бас құжаттары мен архивтік тергеу істері қарастырылып отырған тақырыпты зерттеуде құнды дерек көзі болып табылады. Өйткені, аталмыш құпия архив құжаттары оңтүстік өңірдің оқу-ағарту саласына басшылық жасаған тұлғалардың туған жылына, отбасылық жағдайына қатысты осы кезге дейін даулы мәселелер жөнінде нақты әрі шынайы деректер береді. Ал Шымкент қаласы Полиция департаментінің мемлекеттік арнайы архивінің 9-қорының құжаттарында ағартушы-педагог Ж. Қыстаубаевқа қатысты архивтік-тергеу істері жинақталған. Аталмыш сипаттағы бұл құжаттар осы кезге дейін белгісіз болып келген

Ж. Қыстаубаевтың жеке басына қатысты биографиялық ақпараттарды анықтауға, тергеу барысы мен айыптау қорытындыларымен танысуға мүмкіндік береді.

Түркістан облысы қоғамдық-саяси тарихының мемлекеттік архивінде өңірдегі ағарту саласын дамытуға сүбелі үлес қосқан ұлт зиялыларының ұстаздық қызметі турасында толыққанды мәліметтер берілген. Атап айтқанда 40-қордың құжаттарында оңтүстік өңірдің оқу-ағарту саласын басқарған азаматтар жөнінде қысқаша ғана ақпараттар (аты-жөні, партияға қатыстылығы, білім мен әлеуметтік мәртебесі, жұмыс орны, тұтқындалу күні, үкімнің орындалу мерзімі, ақталуына немесе қайтыс болуына қатысты мәліметтер) беруімен ерекшеленеді. Мұндай мәліметтер аймақтағы қуғын-сүргінге ұшыраған тұлғалардың санын, тұтқындалу себептерін, жазықсыз жазаланған интеллигенцияның жекелеген топтарын анықтауға көмектеседі.

Оңтүстік өңірдің оқу-ағарту саласы қызметкерлеріне қатысты маңызды мәліметтер аудандық архивтерде де жетерлік. Сондықтан, зерттеу барысында Кентау өңірлік архивінің, Түркістан қалалық архивінің, Бәйдібек, Төлеби, Түлкібас, Сауран, Созақ, Сайрам, Отырар, Жетісай, Сарыағаш, Қазығұрт т.б. аудандық архив қорларындағы саяси қуғын-сүргін құрбандарына қатысты бұрын жария етілмеген жаңа құжаттар ғылыми айналымға ұсынылады. Осы құжаттар арқылы кезінде ату жазасына кесілген, ұзақ мерзімге сотты болған Оңтүстік өңірі азаматтарының қасіретті тағдырына, өнегелі өмір белестерінің соңғы кезеңдеріне толық қанығуға болады.

Зерттеу барысында 1930-шы жылдары кеңестік қуғын-сүргін саясатын терең талдауға мүмкіндік беретін тарихи-деректанулық сын, салыстырмалы-тарихи және проблемалық-хронологиялық, саралау, талдау, жүйелеу әдістері қолданылды. Саралау әдісі қарастырылып отырған кезеңде кеңес үкіметінің билігі мен интеллигенция арасындағы қарым-қатынас қалай өрілгенін түсінуге септігін тигізеді. Талдау және жүйелеу әдістері қарастырып отырған кезеңде Оңтүстік өңірдегі білім беру саласы қызметкерлерінің сандық және сапалық құрамын анықтауға, тұжырымдамалық қорытындылар жасауға мүмкіндік береді. Салыстырмалы-тарихи әдіс кеңестік қуғын-сүргін саясатының мазмұнын аймақтық деңгейде сол кездегі нақты тарихи жағдайға сәйкес талдауға, себеп-салдарлы байланыстарын зерттеуге, сондай-ақ білім беру саласының дамуына кері зардаптарын тигізген үдерістерді зерттеуге жол ашады.

Талқылау. Мемлекет басшысы Қасым-Жомарт Тоқаев: «... XX ғасырдың 20-50-ші жылдарындағы саяси қуғын-сүргін зобалаңы – халқымыздың тарихындағы қасіретті кезең. Сол жылдардағы орасан зор адам шығыны мен тағдыр тауқыметі әрбір азаматтың жүрегіне жара салды», – деп тарихи әділеттілікті қалпына келтіруді көздеп, осы бағыттағы тарихи зерттеулердің өзекті екенін атап өткен болатын. Осы ретте зерттеу тақырыбының өзектілігін мына себептер одан әрі арттыра түседі. Біріншіден, саяси сипатына байланысты кеңестік кезеңдегі Оңтүстік Қазақстандағы саяси қуғын-сүргін тарихына қатысты архив құжаттары соңғы жылдарға дейін құпиясыздандырылған жоқ, сол себепті, зерттеушілер үшін қолжетімсіз болып келді. Екіншіден, Оңтүстік өңірдің аудандық архивтерінде (Кентау өңірлік архиві, Түркістан қалалық архиві, Бәйдібек, Төлеби, Түлкібас, Сауран, Созақ, Сайрам, Отырар, Жетісай, Сарыағаш, Қазығұрт т.б.) кеңестік саяси қуғын-сүргін құрбандарына қатысты бұрын жария етілмеген тың құжаттар молынан шоғырланғаны анықталып отыр.

XX ғасырдың 20-50-ші жылдарындағы саяси қуғын-сүргін тарихын зерттеуге деген қоғамдық қызығушылықтың, сондай-ақ осы бағыттағы арнайы тарихи зерттеулердің де барынша көбеюіне ықпал еткен келесі бір бастама – 2020 жылы 24 қарашада «Саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау жөніндегі мемлекеттік комиссия құру туралы» арнайы жарлыққа қол қойылуы еді. Мемлекеттік комиссияның басты міндеті – кеңестік кезеңдегі саяси қуғын-сүргін құрбандарының барлық санаттарына қатысты тарихи әділеттілікті толық қалпына келтіру болды. Осы мақсатта Оңтүстік өңірде қуғын-сүргінге ұшыраған әр түрлі топтарды ақтау бағыттарын пысықтау үшін Шымкент қаласы және Түркістан облысы бойынша арнайы жұмыс топтары құрылып, жұмыстар жүргізілді. Мемлекеттік комиссияның осы бағыттағы 3 жылдық зерттеу жұмыстарының нәтижесінде «XX ғ. 20-50 жж. саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау бойынша Мемлекеттік комиссия материалдары» сериясымен 33 жинақ (төртеуі – монография, 29-ы – құжаттар мен материалдар жинағы) жарияланды [Материалы государственной комиссии..., 2023б]. Алайда бұл зерттеулерде XX ғасырдың 30-жылдарындағы Оңтүстік өңірдегі оқу-ағарту саласының зиялы тұлғалары, олардың отбасылары (әйелдер, балалар), ұрпақтарының ауызша естеліктері ғылыми айналымға енгізілмеген.

XX ғ. 20-50 жж. саяси қуғын-сүргін құрбандарын толық ақтау бойынша Мемлекеттік комиссия жұмысының аясында жарық көрген «Халық жады» сериясымен шыққан «XX ғасырдың 20-50

жылдарындағы саяси қуғын-сүргіннен зардап шеккен құрбандардың ұрпақтары мен куәгерлерінен алынған сұқбат және естеліктер» жинағында да Оңтүстік өңірінің материалдары аз қамтылған [Книга Памяти..., 2023: 121].

Қарастырылып отырған мәселенің мән-жайы отандық тарих ғылымының алдыңғы буын өкілдерінің бірі Қ. Алдажұманов еңбегінде әр қырынан зерттелген [Алдажұманов, 2013: 179]. Автор өз зерттеуінде кеңес қоғамындағы әлеуметтік-саяси өзгерістер Қазан төңкерісінен кейін қалыптасқан тоталитарлық жүйенің қыспағымен, халықтың белгілі бір бөлігін құрбан ету арқылы жүзеге асырылған болатын деп тұжырымдайды. Бұл зерттеу жұмысында біз қарастырып отырған мәселе ішінара ғана талданады.

Тақырыпқа тікелей қатысты еңбектердің ішінде т.ғ.к., профессор С.У. Бақторазовтың монографиясы ерекше атап өтуге болады [Бақторазов, 2017: 115]. Зерттеу жұмысында XX ғасырдың 20-30 жылдарындағы Қазақстанның оңтүстігіндегі жалпы ішкі саяси жағдайларға талдау жасалынып, жазалау органдарынын катаң қуғын-сүргіндік іс-шаралар арқылы орталықтың саяси бағытымен келіспеушілерді қалай тұқыртып ұстағандығын, тың себеп-салдарлары фактілік материалдар негізінде айқындалады. Кітапта Оңтүстік өңірдегі жаппай саяси қуғын-сүргінді жүзеге асыру барысындағы жеке тұлғалардың қасіретті тағдырлары қарастырылған. Бірақ, ұсынылып отырған еңбекте осындай нәубетті саясатты жүргізу барысында құрбан болған Оңтүстік Қазақстан өңірінде біз анықтаған барлық белгісіз тұлғалар, сондай-ақ олар арнайы категорияларға (басшылар және қоғам қайраткері, ағартушылар, журналистер т.б.) бөлініп талданбаған. Еңбекте аты-жөні аталатын азаматтардың барлығы дерлік тек обком мен ауком хатшылары және облатком мен ауатком төрағалары болып табылады. Сонымен қатар, аталмыш монографияда арнайы органдардың «құпия» архивтерінің қорларындағы ғылыми айналымға енгізілмеген құжаттар қамтылмаған.

Тарих ғылымдарының докторы С.Н. Әлібектің монографиясында кеңестік кезеңдегі Оңтүстік өңірін түлеткен, бірақ өлшеусіз еңбектері еленбек тасада қалып қойған Алаш рухының жаршысы – Сейілбек Үсеновтың тағдыры жан-жақты талданады [Әлібек, 2024: 83]. Автор бұл зерттеу еңбегінде Кеңестік кезеңдегі саяси қуғын-сүргін құрбаны болған, артында өшпес із қалдырған, саналы ғұмырын оқу-ағарту саласына арнап, қазақ көсемсөзінде өзіндік сүрлеуін қалыптастырған, өз заманының орны бөлек перзенті Сейілбек Үсеновтің өмірі мен қоғамдық-саяси қызметін және шығармашылығын архив құжаттары негізінде дәйектеген. Алайда автор өз монографиясында Оңтүстік Қазақстандағы 1920-1950 жылдардағы саяси қуғын-сүргін үдерістерін кешенді қарастыру мақсатын көздемеген және жалғыз тұлғаның өмір жолын талдауды мақсат еткен.

Профессор З.Е. Қабылдиновтың ғылыми зерттеуінде XX ғасырдың 30-жылдарындағы ашаршылық, сондай-ақ одан кейін іле-шала басталған саяси қуғын-сүргін зобалаңы қазақ халқының орны толмас демографиялық зардаптарға ұшыратқаны тың архив деректері негізінде атап көрсетеді [Кабульдинов, Калыбекова, 2021: 15]. Ал саяси қуғын-сүргін мәселесін іргелі зерттеулеріне өзек етіп жүрген отандық ғалымдардың көпшілігі Қазақстанда сол кезеңде қуғындалғандардың саны 103 мыңдай, ал атылған тұлғалар 25 мың деген деректі алға тартып жүргенімен, т.ғ.д., профессор, ҰҒА академигі М.Қ. Қойгелдиев бұл цифрдың әлі де болса нақты еместігін, жаппай жазаланғандардың саны мұнан әлдеқайда көп екендігін алға тартады [Қойгелдиев, 2023].

Дегенмен әр архивтік құжатта адам тағдыры тұрғандығын ескеретін болсақ, қазіргі таңда елеулі жұмыстың жүзеге асқандығын байқауға болады. Жалпы, еліміз егемендік алғалы бері 340 000 саяси қуғын-сүргін құрбандары ақталып, одан бөлек 146,5 мың құрбанның есімі, қысқаша өмір дерегі берілген «Аза кітабы» да жарық көрді. Ғылыми зерттеулерде, 1988 жылдан бермен қарай тәуелсіздік алғанға дейін республикада 19 мың адамның ақталғаны жөнінде айтылады [Құрмет, 2021: 19].

Тарих ғылымдарының докторы, профессор Х. Тұрсынның зерттеу еңбектерінде Түркістан ұлт-азаттық қозғалысының тарихы Отан тарихының құрамды бөлігі ретінде архивтік құжаттарды кеңінен пайдалана отырып, элиталық көзқараспен тұжырымдалады [Тұрсын, 2013:362]. Зерттеу жұмысы XIX ғ. соңы – XX ғасырдың 20–50 жылдарындағы оқығалар мен құбылыстарды ұлттық элитаның қалыптасуы мен қызметінің тарихы арқылы талдауға құрылған. Монографиялық еңбекте Түркістан ұлттық элитасының қызметіне, оның көрнекті мүшелерінің қызметіне талдау жасалғанымен, XX ғасырдың 30-жылдарындағы Оңтүстік өңіріндегі саяси қуғын-сүргіннің себеп-салдарлары, оқу-ағарту саласында еңбек еткен азаматтардың тергеу ісінің құпия құжаттары ғылыми айналымға тартылмаған.

Сондықтан да, біз осы зерттеуімізде оқу-ағарту саласының дамуына өлшеусіз үлес қосқанына қарамастан әлі күнге дейін атаусыз қалып, жарыққа шықпай, елге есімдері жеткізілмей келе жатқан

кеңестік саяси қуғын-сүргіннің құрбаны болған тұлғалардың қасіретті тағдырын талдауға тырыстық. Тек осы Оңтүстік өңірінде туып өсіп, басқа аймақтарда, шет жерлерде қызмет істеп, сол жақта қуғын-сүргінге ұшырағандардың қасіретті ғұмырлары әлі күнге дейін белгісіз күй кешуде. Соларды іздеп тауып, жарыққа шығару, елге танымал ету – басты міндеттеріміздің бірі. Қазақта «Іздеуі, сұрауы бар ма екен?» дейді. Оның астарында үлкен мән жатыр. Бұл зұлмат кезеңнің қасіретін басынан өткерген әр отбасыға, әсіресе, кейінгі ұрпақ үшін өз туыстарының, ата-бабаларының «халық жауы» еместігін есту, білу өте маңызды. Кезінде «халық жауы» деп танылған жандардың шын мәнінде елі үшін, жері үшін күрескен азаматтар болғанын дәлелдей түсуіміз керек. Оларды шаң басқан архивтерден көтеріп, зерттеп зерделеп жарыққа шығара берсек, үлкен іс болары сөзсіз.

Зерттеу нәтижелері. Саяси қуғын-сүргін жылдарында өңірдің білім беру саласына аянбай еңбек етіп, кейін осы үшін жазықсыз жазаланған Оңтүстіктің зиялы азаматтарының бірі Мутиғулла Андижанов еді.

1893 жылы Оңтүстік өңірде дүниеге келіп, саналы ғұмырын оқу-ағарту саласының дамуына арнаған М. Андижанов 1921 жылдан бастап коммунистік партия қатарында еңбек етіп, білім беру саласында белсенді қызмет атқарған. Ұлты қазақ, №1560217 партиялық билет иесі, әлеуметтік жағдайы бойынша «қызметкер» ретінде тіркеліп, саяси қуғын-сүргін тұсында Шымкент қалалық білім беру бөлімінің басшысы қызметін атқарған.

1937 жылдың 13 тамызында М. Андижановқа «халық жауы» деген айып тағылып, жедел түрде тұтқындалған. Осы күні Шымкент қалалық комитетінің қаулысымен ол партия қатарынан шығарылады. Диверсиялық-зиянкестік және көтерілісшіл-террорлық ұйымға мүше болған, кеңес өкіметін құлатуды және буржуазиялық құрылысты орнатуды көздеген, аталған ұйымның облыстық орталығының басшыларының бірі болған деген айыптаулар тағылады. Осы істі қараған тергеуші РСФСР Қылмыстық кодексінің 128-бабын басшылыққа ала отырып, М. Андижановқа бұған дейін тағылған 58-баптың 9 және 11-тармақтарына қосымша, 58-баптың 2 және 8-тармақтары бойынша айыпты ауырлату туралы шешім қабылдаған. Бұл тармақтар қарулы көтеріліс пен террорлық актілерді ұйымдастыруға қатысты айыптарды қарастырады. Осылайша 1937 жылғы саяси сүргін нәтижесінде ағарту ісінің көрнекті қайраткері ұзақ мерзімге бас бостандығынан айырылып, жазасын еңбекпен түзеу лагерінде өтеп жүріп қайтыс болған [ТОҚСТМА. Қ.40. ОП. 6а. І.299. П. 4]. Ал кейбір деректер бұған қарама-қайшы. Нақтылай түссек, Шымкент қаласы Полиция департаментінің мемлекеттік арнайы архивінен алынған М. Андижановтың №713-тергеу ісіндегі 1957 жылғы 21 желтоқсанға тән КСРО Жоғарғы Сотының Әскери алқасының №4н-7552/57 ұйғарымында 1938 жылы 19 ақпанда РСФСР Қылмыстық кодексінің 58-2, 58-7, 58-8 және 58-11 баптары бойынша ату жазасына және мүлкін тәркілеуге үкім кесілгені айқын көрсетіліпті. Осынау құжатқа сүйенсек, Бас әскери прокурордың көмекшісі – әділет полковнигі Логиновтың істі тоқтату туралы баяндамасын және қорытындысын тыңдалғаннан кейін, «буржуазиялық-ұлтшыл көтерілісші-террорлық диверсиялық-зиянкестік ұйымның мүшесі болды» деген айыппен кінәлі деп танылған Андижановқа қатысты істі РСФСР Қылмыстық іс жүргізу кодексінің 4-бабы 5-тармағына сәйкес тоқтату ұсынылады, себебі қосымша тексеру барысында оның кінәсіздігін айғақтайтын жаңа жағдайлар анықталады.

Іс материалдарын зерттеп және қорытындының дәлелдерін негізді деп танып, КСРО Жоғарғы Сотының Әскери алқасы үкімнің күшін жою және істі тоқтату, оны толықтай ақтау туралы шешім қабылдайды [ТОҚСТМА. Қ.40. ОП. 6а. І. 299. П. 6].

Шындығына келгенде, Оңтүстік өңірінде білім саласында қызмет атқарған қайраткерлердің жасанды қылмыстық істеріндегі айыптаулардың көбінесе дәлелсіз, айғақ-фактілерсіз толтырылғандығын, тергеу хаттамаларының дені идеологиялық сипатта, бірін бірі қайталаған мәтінде асығыс жазылғандығын айыптау қорытындыларындағы тілдік штамптағы қайшылықтар арқылы анықтауға болады. Айталық, 1937 жылғы 17 қарашадағы М. Андижанов ісіндегі куәгер әрі қоса жазаланушы Б. Ержановпен көзбе-көз беттестіруде айыпталушы Ержановтың жауабы: «Андижановтың айғақтарын да, өзімнің бұрынғы берген айғақтарымды да толықтай растаймын. Мен тұтқындалған күнге дейін контрреволюциялық ұлтшылдық ұйымның мүшесі болдым. Маған сенулеріңізді сұраймын», – деген сыңайда болып келсе, Андижановтың жауабы да осы үлгіден айнымай: «Иә, Ержанов біздің контрреволюциялық ұлтшылдық ұйымымыздың мүшесі болып табылады және мен Бостандықта РК КП(б)К (Коммунистік партияның аудандық комитеті) хатшысы болып жұмыс істеген кезде ол өзім басқарған Бостандық контрреволюциялық ұяшығының құрамында болды» [ШҚПДМАА. Қ. 9. ОП. 1. І. 713. П. 32], – деп толтырылыпты. Осының өзі арнайы

архив құжаттарындағы айыптау қорытындыларының деректік шынайылық дәрежесі күмән тудыратындығын толықтай растайды.

Одан тыс НКВД органдарының күдіктілерді тұтқындаудағы, әсіресе тінту жүргізе отырып, олардың дүние-мүлкін тәркілеудегі заңсыз әрекеттері кейбір тұлғаларға қатысты қылмыстық істерде айқын көрініс тауып отырғандығын айтпасқа болмайды. М. Андижанов ішіндегі күмәнді құжаттар да бұл байламымыздың дұрыс екендігін бекемдей түседі. Нақтылы мысалдарға жүгінетін болсақ, 1958 жылы ұрпағы З. Андижанова алдымен тиісті орындарға:

«...Шымкент облыстық комитетіне әкем білім беру саласының қайраткері Мұтиғулла Андижановтың тағдырына қатысты архивтік деректер мен тарихи әділеттілікті қалпына келтіру мақсатында өтініш хат жолдап отырмын. 1893 жылы туған әкем М. Андижанов саналы ғұмырын коммунистік партия қатарында өткізіп, облыстық білім саласын басқаруда елеулі рөл атқарды. Ол халыққа білім беру жүйесін дамытуға, әсіресе сауатсыздықты жою (ликбез) және жастарды жаппай оқыту ісіне сүбелі үлес қосты.

1937 жылы саяси қуғын-сүргін кезінде әкеме «халық жауы» деген негізсіз айып тағылып, ол тұтқындалды және алыс аймақтағы түзеу лагеріне айдалды. Осы уақыттан бастап оның кейінгі тағдыры отбасына белгісіз болып келді. 1957 жылы 21 желтоқсанда облыстық НКВД қызметкерлері тарапынан әкемнің жазасын өтеу кезінде қайтыс болғаны және оның ісі қайта қаралып, толық ақталғаны туралы ресми түрде хабарланды. Әкемнің есімі заң жүзінде ақталғанымен, оның партиялық мүшелігін қалпына келтіру мәселесі әлі де өзекті болып отыр. Сондықтан сіздерден жүргізіліп жатқан жаппай ақтау үдерісі аясында, М. Андижановтың білім саласындағы еңбегі мен азаматтық ұстанымын ескере отырып, оның партиялылығын қайта қалпына келтіруді сұраймын» [ТОҚСТМА. Қ.40. ОП.6а. І.299. П. 9], – деп нәубетке ұшыраған әулеттің қасіретін жеткізеді.

Осы өтініштен соң-ақ іле-шала Андижанов ісіндегі ақтаңдақтар ашыла бастайды. 1960 жылы 16 шілдеде Андижановтың ісіне қатысты жүргізілген тергеу хаттамасындағы мәліметтерге сүйенсек, белгілі тұлғаны тұтқындау барысынан аз-кем хабары бар Жорабек Сарымсақов деген азамат куәлік береді.

Ж. Сарымсақов 1905 жылы Арыс ауданына қарасты Бадам станциясында дүниеге келген. Тергеу кезінде Шымкент қаласы, Горький көшесінің тұрғыны ретінде тіркелген. Бұл кісінің тек 5 сыныптық базалық білімі ғана болғанымен ол саяси қуғын-сүргін жылдары Мемлекеттік қауіпсіздік комитетінің (УКГБ) қызметкері Нұрпейісов тарапынан алынған сұрақ-жауапта болған жайды былай баяндапты:

«Сұрақ: Жауап алу орыс тілінде жүргізіледі, аудармашы қажет пе?

Жауап: Мен орыс тілін білемін, аудармашы қажет емес.

Сұрақ: Сіз Шымкент қаласында қашаннан бері тұрасыз?

Жауап: Шымкент қаласында 1924 жылдан бері тұрамын.

Сұрақ: 1937 жылы қайда тұрдыңыз?

Жауап: 1924 жылдан бері Шымкент қаласы, Горький көшесінде мекенжайым бойынша тұрамын. 1937 жылы да сол жерде тұрдым.

Сұрақ: Сіз Андижанов Мұтиғулла Андижановты және оның отбасын білесіз бе?

Жауап: Мен Андижанов Мұтиғулланы танымаймын. 1937 жылы (айы есімде жоқ) менің келісіміммен үйімде Андижановтың отбасы мүшелері – әйелі, қайын енесі және екі баласы (қызы мен шамамен 12-14 жастағы ұлы) пәтер жалдаушы ретінде тұрды. Олардың тегі маған белгісіз. Олардың айтуынша, Андижанов 1937 жылы тұтқындалған екен. Андижановтың отбасы менің үйімде шамамен екі ай тұрды, содан кейін оларды НКВД қызметкерлері алып кетті. Содан кейін олар туралы ештеңе білмеймін. Андижановтың отбасын алып кеткен кезде мен үйде болған жоқпын, жұмыста едім.

Сұрақ: Андижановтар 1937 жылы сіздің пәтеріңізде тұрғанда олардың қандай мүлкі болды?

Жауап: 1937 жылы маған Андижановтар жүк көлігімен келді. Көлікте мүлік көп болды, бірақ нақты қандай мүлік екені есімде жоқ. Көліктен жүкті түсіріп жатқанда жатын орындарын (көрпе, жастық т.б.), кереуеттер мен басқа да заттарды көрдім. Алайда, қазір ол мүліктің нақты қандай болғанын айта алмаймын.

Сұрақ: Андижановтар тұтқындалғаннан кейін олардың мүлкі не болды?

Жауап: Менің бұрынғы әйелімнің айтуынша, НКВД қызметкерлері Андижановтың отбасын алып кеткен кезде, олардың барлық мүлкін де қоса алып кеткен... олардың мүлкін қайда алып кеткенін және кейіннен ол мүліктің не болғанын мен білмеймін.

Сұрақ: Андижановтардың (әйелі, әйелінің анасы және балалары) Сіздің үйіңізде жалдап тұрушы (пәтер жалдаушы) ретінде тұрғанын және олардың мүлкін өздерімен бірге НКВД қызметкерлері алып кеткенін кім растай алады?

Жауап: Андижановтардың менің үйімде пәтер жалдап тұрғаны туралы Сопбеков Бөрібек пен оның әйелі білуі тиіс, бұл туралы басқа кім білетінін мен білмеймін. Ал Андижановтарды мүлкімен бірге НКВД қызметкерлері алып кеткенін кім білетінінен де хабарым жоқ. Ал Сопбеков ке келсем, ол менің көршім, Шымкент қаласы, Горький көшесі, №11 үйде тұрады» [ШҚПДМАА. Қ. 9. ОП.1. І. 713. П. 15-17].

Ал 1960 жылдары саяси қуғын-сүргін құрбандарын ақтау үдерісі басталғанда, М. Андижановты тұтқындау барысында куәгер ретінде бұл процеске қатысқан Шымкент қаласы, К. Маркс көшесіндегі 27 үйдің тұрғыны Гринько Александровнаның қайта тергеудегі берілген жауабынан-ақ жазалаушы органдардың, НКВД қызметкерлерінің күштеуімен «халық жауларының» жанұялары жаппай үйлерінен қуып шығарылып, барлық мүлкі мемлекет есебіне өткізу мақсатында тәркіленгенін айқын аңғаруға болады. Онда ол: «...1935-1936 жылдары мен В.И. Ленин атындағы мектептің 5-6 сыныптарында тұтқындалушының қызы Зиба Андижановамен бірге оқыдым және онымен дос болдым. Ол кездері олардың үйіне жиі барып тұратынмын. Олардың баспанасы Совет және бұрынғы Садовая (қазіргі Сталин атындағы) көшелерінің қиылысында орналасқан еді. Анық есімде қалғаны үйлері өте кең, төрт бөлмеден және террасадан тұратын.

Үйдің іші қалай жабдықталғаны толық есімде жоқ, бірақ жақсы жиһаздалғанын анық білемін. Онда үлкен кітапхана болды, кітаптар қабырғаны түгел алып тұрған үлкен әрі жақсы шкафта сақталатын. Сондай-ақ есімде қалғаны: буфет, әкесінің кабинетіндегі жазу үстелі, отбасының әр мүшесінің жеке төсегі болды; балалар бөлмесінде төсектерден бөлек үстел мен этажерка қойылған еді. Төсектердің үстінде кілемдер ілулі тұратын.

Отбасы материалдық тұрғыдан жақсы қамтылған еді, өйткені әкесі де, анасы да жұмыс істейтін, ал екі баласы оқитын. Сонымен қатар үйде әжесі (И.А. Андижанованың анасы) тұрды. Бүкіл отбасы жақсы киінетін. Ираида Александровна Андижанованың (Зибаның анасының) қол сағаты болған сияқты, басқасы есімде жоқ.

Тағы бір жадымда қалғаны – 1937 жылдың қысында, Зибаның ата-анасын тұтқындағаннан кейін, НКВД адамдары үйден заттарды жүк көлігіне тиеп жатты. Оларды қайда алып кеткенін мен білмеймін» [ШҚПДМАА. Қ. 9. ОП.1. І. 4063. П. 46], – деп түсіндіріп берсе, Андижанов ісіндегі тінту хаттамасынан алынған 1937 жылғы мына бір құжаттан да біраз жайға қанығуға болады. Онда 1960 жылғы 23 шілдедегі жауап алу кезінде Оңтүстік Қазақстан облыстық Ішкі істер халық комиссариаты басқармасының (УНКВД) бұрынғы қызметкері, зейнеткер Кузьма Афанасьевич Овечкиннің куәлік етуімен облыстық білім басқармасының тізгінін ұстаған тұлғаның үй-жайын тінту кезіндегі жағдайдың жай-жапсары жазылыпты: «...Мен Андижановтың мүлкін тінту және тәркілеу кезінде жеке өзім қатысқан жоқпын. Тәркілеу жұмыстарымен сол кездегі Оңтүстік Қазақстан облыстық Ішкі істер халық комиссариаты басқармасының коменданты, марқұм Мартынов айналысқан болатын. Андижановқа тиесілі мүліктің іс жүзінде тәркіленгенін маған сол уақытта Мартынов айтты, мен соның негізінде тиісті анықтаманы толтырдым. Тұтқындалғандардың мүлкін машинамен әкеліп, басқарма ауласына үйіп тастайтын. Нақты қандай мүліктің тәркіленгенін дөп басып айта алмаймын. Неліктен Андижановтың ісіне мүлікті тәркілеу туралы тиісті құжат тіркелмегенін де түсіндіре алмаймын. Меніңше, ол кезде тергеудің оңайлатылған әдісі қолданылған болуы керек. Андижановтың әйеліне тиесілі мүлік тәркіленбеуі тиіс еді, өйткені ол мүлікті тәркілеу туралы үкімсіз сотталған болатын...» [ШҚПДМАА. Қ. 9. ОП.1. І. 4063. П. 58]. Яғни, НКВД қызметкерінің «халық жауларының жеке мүліктері басқарма ауласында үйіліп жататын» деген жазбасына ден қоя үңілсек, жазалаушы органдар тұтқындалған тұлғалардың заттарын, дүние-мүліктерін өз мекемелерінің алдына жинай берген сыңайлы.

Бұл жайында біз жоғарыда тілге тиек еткен ұрпағы З. Андижанова да жоғарыға арыз жолдап, НКВД қызметкерлерінің тінту барысындағы заңсыз әрекеттерінен хабар беріп: «...1937 жылдың тамыз айында Шымкент қаласында менің әкем – Оңтүстік Қазақстан облыстық халыққа білім беру бөлімінің (облОНО) меңгерушісі болып жұмыс істеген М. Андижанов және анам – облыстық жоспарлау бөлімінің (облплан) аға экономисі болып істеген Ираида Александровна Андижанова тұтқындалды.

1957 жылғы 21 желтоқсанда КСРО Жоғарғы Сотының Әскери алқасы менің әкем М. Андижановты қайтыс болғаннан кейін ақтады. Анам Андижанова да Оңтүстік Қазақстан

облыстық соты Президиумының 1958 жылғы 18 қыркүйектегі қаулысымен ақталды. Әкем М.А. Андижанов 1921 жылдан бері партия мүшесі болған, ол партиялық тұрғыдан да қайтыс болғаннан кейін ақталды.

Шымкент қаласында әкем мен анам тұтқындалғаннан кейін, Ішкі істер халық комиссариаты (НКВД) мені балалар үйіне жіберді, ал бар дүние-мүлкіміз түгелдей тәркіленді. Кәмелетке толмағандығымнан болар, мүліктің тізімдемесін (опись) менің қолыма бермеді.

Мен тәркіленген мүлік үшін өтемақы алу мәселесі бойынша Шымкенттік УКГБ-ға (МҚК басқармасына) жүгінген едім, бірақ олар мүлік тізімдемесінің жоқтығын алға тартып, маған төлем жасаудан бас тартты.

Арада 23 жыл өткендіктен және сол уақыттан бері Шымкентте тұрмағандықтан, бізде болған мүлікті растайтын куәгерлерді табу мүмкін болмады.

Сізден тәркіленген мүлік үшін өтемақы алуыма көмектесуіңізді өтінемін, өйткені мен жалғызбасты анамын және қазіргі уақытта материалдық жағынан өте қиын жағдайдамын.

Шымкент қаласында бұл мәселе бойынша екі жыл бойы ешқандай нәтижеге қол жеткізе алмағандықтан, КСРО Министрлер Кеңесінің 1955 жылғы 8 қыркүйектегі №1655 қаулысына сәйкес өтінішімді қанағаттандыру үшін 5 жасар баламды алып, Мәскеуге арнайы келуге мәжбүр болдым. Мәскеуде туыстарым да, таныстарым да жоқ. Қаржымның аздығынан бөлме жалдап тұруға мүмкіндігім жоқ, сондықтан өтінішімді қысқа мерзімде қарауыңызды сұраймын. Осыған қоса, өз жадымда қалған мүліктеріміздің толық емес тізімін жолдап отырмын» [ШҚПДМАА. Қ. 9. ОП.1. І. 713. П. 21], – дейді. Осыдан соң ғана жоғарыда көрсетілген мәліметтерге сәйкес, Мұтиғулла Андижановқа тиесілі мүліктің НКВД органдарымен нақты тәркіленгені анықталады. Алайда, оның іс материалдарында мүліктің тізімдемесі жоқ екені күдік тудырып, З.М. Андижанованың өтінішін тексеру барысында 16 адам куәгер ретінде сұралады. Соған қарамастан, олардың ешқайсысы Андижанов тұтқындалғанға дейінгі мүлкінің нақты мөлшері мен сапасын көрсете алмаған. Қысқасы, 1960 жылы 2 тамызда Оңтүстік Қазақстан облыстық партия комитетінің нұсқаушысы Османбетов пен МҚК (УКГБ) басқармасы бастығының орынбасары Гурный өтініш беруші З.М. Андижановамен қайта сөйлесе келе, нәтижесінде, оның әкесінің мүлкінің бір бөлігі үшін шамамен 10-15 мың рубль көлемінде өтемақы төлеу туралы өтінішхатты облыстық комиссияға жолдау туралы шешім қабылданған. Осы өтініш ішінара қанағаттандырылып, репрессия құрбаны ұрпағына аталмыш соманың жартысына жуығы мемлекет есебінен төленіпті [ШҚПДМАА. Қ. 9. ОП.1. І. 4063. П. 61].

Бұл тарапта біз арнайы архив қорындағы М. Андижановтың жұбайы, саяси қуғын-сүргін құрбаны, 1900 жылы туған Тула облысының тумасы, ұлты орыс, сауатты Ираида Александровна Андижанованың ісін де шола қарап шықтық. Ол КСРО ІІХК (НКВД) жанындағы Ерекше кеңестің 1938 жылғы 21 шілдедегі қаулысымен 5 жылға еңбекпен түзету лагеріне (ИТЛ) сотталған екен.

Іс материалдарына сәйкес, И.А. Андижановаға тағылған айыптарды оқысаңыз, ақиқаттан алшақ жатқандығын бағамдауға болады. Яғни ол «күйеуінің контрреволюциялық және зиянкестік әрекеті туралы біле тұра, бұл ақпаратты тиісті органдарға хабарламағаны, күйеуінің қылмысын тергеу органдарынан жасырғаны» үшін жазықты болыпты [ШҚПДМАА. Қ. 9. ОП.1. І. 4063. П. 31–32]. Ал саяси қуғын-сүргін құрбандарын ақтау тұсындағы құқықтық талдау бұл істе де заң бұзушылықтардың орын алғанын айқындап берді. Сотталған жұбайлардың қызы З.М. Андижанованың арызы бойынша басталған қадағалау тексерісі іс жүргізу барысында РКФСР Қылмыстық іс жүргізу кодексінің (УПК) нормалары өрескел бұзылғанын көрсетті. Былайша айтқанда, дәлелдемелердің жоқтығы жылдар өте айқындалып, И.А. Андижанованың күйеуінің «халық жауы» ретіндегі қызметінен хабардар болғаны туралы ешқандай айғақ табылмаған. Сондықтан ақтау ісімен айналысқан органдар оның кінәсі толықтай дәлелденбеген деп тапты. Яғни, саяси қуғын-сүргін жылдарындағы тергеу кезінде, сот процесінде процессуалдық қателіктер жіберілген. Оның үстіне айыпталушыға ресми түрде айып та тағылмаған. Одан бар болғаны бір рет, 1937 жылғы 19 қарашада ғана жауап алынған және өз кінәсін тіпті мойындамаған. Солай бола тұра заңсыз қамау прокурордың санкциясынсыз жүзеге асырылған, ал айыптау қорытындысы мүлдем бекітілмеген.

Жалпы, сол тұста білім беру мекемелеріндегі «халық жауларын» жаппай әшкерелеу және жазалау науқанына жергілікті, республикалық бұқаралық ақпарат құралдары да белсене араласып, «Отанын сатқандарға» қатысты қаралау материалдары үздіксіз жарияланып жатты. Мысалы, 1937 жылы ОблҚазТАГ-тың Байқадамнан берген ақпаратында қазан айының соңында өткен Сарысу аудандық мұғалімдер жиынында Сарысу аудандық халыққа білім беру бөлімінің бұрынғы

меңгерушісі Қаржаубаевтың «халық жауы» ретіндегі бетпердесі ашылғаны айтылыпты [ТОҚСТМА. Қ.121. ОП.1. І.969. П. 57].

Жиын барысында «ұлтшыл-фашист» Қаржаубаевтың соңғы күндерге дейін облыстық халыққа білім беру бөлімінің (облоно) бұрынғы меңгерушілері, «халық жаулары» Андижанов пен Абдуллахатовтың үкіметке қарсы зиянкестік жасырын жұмыстар жүргізіп келгені анықталады. Ол аудан мектептеріне Сейітқаев сияқты молдаларды және басқа да «жат элементтерді» жұмысқа орналастырған екен. Сонымен қатар, Қаржаубаев аудан мектептеріндегі жауапты жұмыстарды емтиханнан өте алмаған және аттестациялanбаған мұғалімдер – Байсақаловқа, Оспановқа және өзгелерге сеніп тапсырып, білім саласын тұралатқан.

Оңтүстік өңірінде саяси қуғын-сүргінге ұшыраған тұлғалардың қатарына 1904 жылы Оңтүстік Қазақстан облысы, Түлкібас ауданы, Сарыбұлақ ауылында дүние есігін ашқан ағартушы-педагог Жұмабек Қыстаубаевты да қосуға болады. 1921 жылға дейін кісі есігінде жалшылық қылып жан баққан болашақ мұғалім өз ауылындағы ескіше мектепте сауат ашып, біртіндеп санатқа ілігеді. 1922-1928 жылдарда Шымкенттегі педтехникамды оқып бітіріп, еңбек майданына ерте араласады. 1929-1930 жылдарда Түлкібас аудандық халыққа білім беру бөлімінің меңгерушісі болып қызмет атқарып, аймақтағы білім саласының айтарлықтай көтерілуіне үлкен үлес қосады. Одан кейінгі жылдарда, нақтырақ айтқанда, 1930-1931 жылдарда Түлкібас аудандық партия комитетінде нұсқаушы болады.

1930-1931 жылдары Жаңақорған аудандық партия комитетінің ұйымдастыру бөлімінің меңгерушісі, кейіннен аудандық атқару комитеті төрағасының орынбасары лауазымдарында болған Ж. Қыстаубаев 1931-1932 жылдары Төменарық совхозында шаруашылық меңгерушісі қызметін атқарса, 1932 жылдың наурызынан желтоқсанына дейін Ащысайдағы Орталық Комитеттің түсті металлургия бөлімінде партия хатшысы болып жұмыс істейді. Ал 1933-1934 жылдары Түсті металл және алтын одағының орталық басқарма төрағасының орынбасары қызметін атқарып, 1934-1936 жылдары Марксизм-ленинизм институтында білім алады.

1928 жылдан БК(б)П мүшесі болған Ж. Қыстаубаев тұтқындалғанға дейін Қазақстан КП ОК өнеркәсіптік-көлік бөлімінің нұсқаушысы болып қызмет атқарып, 1937 жылғы 10 желтоқсандағы Алматы облысы бойынша Ішкі Істер Халық комиссариаты басқармасы үштігінің қаулысымен РКФСР Қылмыстық Кодексінің 58-11-бабы бойынша 10 жылға бас бостандығынан айырылды.

Ол 1989 жылғы 9 маусымдағы Қазақ КСР прокуратурасының қорытындысымен КСРО Жоғарғы Кеңесі Президиумының 1989 жылғы 16 қаңтардағы Жарлығының 1-бабына сәйкес ақталған.

Дегенмен, 1946 жылдан бастап Түлкібас ауданы Сарыбұлақ ауылдық кеңесінің төрағасы болып жұмыс істеген ағарту саласы қызметкері 1947 жылы негізсіз жаламен қайта тұтқындалып, Сібірге жер аударылады да, 1957 жылы 16 мамырда облыстық соттың төрағасы Т. Асқаровтың шешімімен ісі қайта қаралып, толықтай ақталады. Яғни, Оңтүстік Қазақстан облыстық сотының Президиумы Т. Асқаровтың төрағалығымен және облыс прокуроры Г. Гапичтің қатысуымен өткен отырыста облыс прокурорының 1937 жылғы 30 желтоқсандағы ОҚО бойынша УНКВД «үштігінің» шешіміне берген наразылығын қарап, РКФСР Қылмыстық кодексінің 57-7, 10 және 11-баптары бойынша айыпталып, 10 жылға бас бостандығынан айырылған, «контрреволюциялық ұлтшыл ұйымның мүшесі болды», «облыстың ауыл шаруашылығында зиянкестік жұмыстар жүргізіп, КСРО-ның қорғаныс қабілетін әлсіретуге тырысты» т.б. деп айып тағылған Қыстаубаевтың іс-әрекетінде қылмыс құрамының болмауына байланысты «үштіктің» шешімін бұзып, істі тоқтатуды сұраған. Сот бұл наразылықты алдын ала тергеу амалдары тым асығыс және қылмыстық іс жүргізу кодексінің нормаларын өрескел бұза отырып жүргізілгенін, мұндай тергеудің негізінде адамды ауыр жазаға кесуге болмайтындығы ескеріп, қылмыстық істі тоқтатады [ШҚПДМАА. Қ. 9. ОП.1. І. 0476. П. 134]. Яғни Қыстаубаевқа қатысты 1937 жылғы 27 желтоқсанда қозғалған аталмыш іс бойынша небәрі үш күннің ішінде (30 желтоқсанда) шешім шығарылған. Қыстаубаевқа ресми айып тағылмаған.

Осы тұста оған тағылған жалған айыптарға да кеңірек тоқтала кетсек, кезінде ол басқарған Түлкібас ауданындағы Балықшы балалар үйінің тәрбиеленушілері өздерінің сол таңда өте ауыр және антисанитарлық жағдайда өмір сүріп жатқандықтарын хабарлайды. Олардың жазуынша, Балалар үйінің директоры Қашанов және оның қарамағындағы Қыстаубаев тәрбиеленуші балаларға «бұзақы», «ұры», «оңбаған» деген сияқты балағат сөздер айтып, олардың адами құқықтарын таптаған, дұрыс тәрбие бермеген. Балалардың санитарлық жағдайы да тым мүшкіл тартып, 50%-ы қотыр (чесотка) ауруына шалдыққан. Алайда, оларды емдеу үшін ешқандай шара қолданылмаған, керісінше, ауру балалар сау балалармен бірге ұсталып, індеттің таралу қаупі артқан. Тәрбиеленушілердің да тамағы өте нашар болған, аталған басшылар балалардың үлесіне тиісті нанды көбінесе мас күйінде келіп

бөлгендіктен балалар үйіндегі төзімсіз жағдайларға байланысты қашу оқиғалары жиілеген [ШҚПДМАА. Қ. 9. ОП.1. І. 0476. П. 22]. Бұл құжат Балалар үйі басқармасының бастығының атынан Рамазановтың қол қоюымен расталыпты.

Одан кейінгі айыптар төмендегідей: 1933 жылдың 15 желтоқсанында балалар үйіне сапасыз нан пісірілгені анықталған. Қыстаубаев наубайшыны жауапқа тартудың орнына, кінәні пешке жапқан. Одан бөлек ол балалар үйінің сүтін өз отбасына пайдаланып, балаларға сүт бермеген. Өзінің сиырын балалар үйінің шөбімен асыраған. Кіші жастағы балалардың күтіміне немқұрайлы қараған. Балалар үйінде тәрбиеші болып істейтін Бейсенбаева іс жүзінде жұмысқа келмей, оның орнына кәмелетке толмаған балаларды жұмсаған. Қыстаубаев бұл әйелді заңсыз түрде балалар үйінің тәрбиешісі ретінде тіркеп, оған еңбекақы төлеп отырған. Ол Базаров атты Әулие-Атадан қашып келген милиционердің әйелі болған екен. Ж. Қыстаубаев мұнымен қоймай, өзге тәрбиешілерге, әсіресе орыс ұлтынан шыққан екі тәрбиеші әйелге қысым көрсетіпті. Ол тәрбиешілерді «егер артық сөз айтсаңдар, жұмыстан шығарамын» деп қорқытқан соң олар басшының бұл әрекеттеріне шыдап, үнсіз қалуға мәжбүр болған.

Ал 1930 жылы колхоздарды ұйымдастыру кезеңінде Қыстаубаев Жұмабек мүлікті ортақтандыру мәселесіне қатысты наразылық тудырып, колхозшылар арасында теріс түсіндіру жұмыстарын жүргізіп: «Колхозға кіргендердің барлық мүлкі, тіпті үй шаруасындағы заттарына дейін ортақ болуы тиіс», – деп жұртты қорқытып, Кеңес өкіметіне қарсы ұлтшылдық ұйымның тапсырмаларын мүлтіксіз орындапты [ШҚПДМАА. Қ. 9. Т.1. І. 0476. П. 14].

1937 жылы 30 желтоқсанда берген алғашқы жауаптарынан бас тартып, олардың тергеудің заңсыз әдістері мен қысым көрсету арқылы алынғанын жылдар бойы жоғарыға жазып, әділеттік сұрап, арыз жазудан танбаған табанды қаламгер-ағартушы Ж. Қыстаубаев өз мақсатына жете алмай 1982 жылдың қазан айында дүниеден өткен.

Саяси қуғын-сүргіннен оның бауыры Жұманбек Қыстаубаев та шет қалмады. 1900 жылы Черняев уезінің Түлкібас болысының Сарыбұлақ ауылында туған Қыстаубаев Жұманбек 1937 жылғы 21 ақпандағы ҚК(б)П Түлкібас аудандық комитеті бюросының қаулысымен партиядан «халық жауы» ретінде шығарылады.

1937 жылғы 30 желтоқсандағы Оңтүстік Қазақстан облысы бойынша Ішкі Істер Халық комиссариаты басқармасы үштігінің қаулысымен Ж.Қыстаубаев РКФСР Қылмыстық Кодексінің 58-7, 10, 11-баптары бойынша 10 жылға бас бостандығынан айырылып, 1957 жылғы 16 мамырдағы Оңтүстік Қазақстан облыстық соты Президиумының қаулысымен Ж.Қыстаубаевқа қатысты істе қылмыс құрамының болмауына байланысты ақталған болатын [ТОҚСТМА. Қ. 16. Т. 1. І. 767. П. 9].

Жалпы алғанда тұлғалар тағдырынан толық хабар беретін тергеу істері 1930-жылдардағы саяси қуғын-сүргін тарихын, тұлғалар татқан тақсіретті танудағы, аталмыш тақырыпты кешенді зерттеудегі маңызды ақпарат көзі болып табылады. Бұл құжаттардың ғылыми құндылығы саяси қуғын-сүргінге ұшыраған тұлғалардың материалдық жағдайын объективті түрде танып-білуге мүмкіндік туғызуымен айқындалады. Демек, тергеу істерінде көрсетілген тәркіленген мүліктердің тізімі арқылы сол кезеңдегі отбасылардың әлеуметтік жағдайы мен әл-ауқатына мейлінше шынайы талдау жасауға болады. Тәркіленген заттардың арасындағы кітаптар, қолжазбалар, шығармалар сөз жоқ, құрбан болған тұлғаның рухани қуатын, зияткерлік болмысын да шынайы сипаттайды. Олай болса, тінту актілерін кешенді зерттеу саяси қуғын-сүргіннің ұлтқа тек саяси тұрғыда ғана емес, рухани тұрғыда да ауыр соққы бергенін түйсінуге септеседі. Ал біз жоғарыда біршама тоқталған М. Андижанов, Ж. Қыстаубаев, т.б. сынды тұлғаларға қатысты құжаттарға келсек, 1937-1938 жылдардағы саяси қуғын-сүргін кезінде білім саласы кадрларына тағылған негізгі саяси айыптардың сипаты басқа аймақ ағартушыларына тағылған айыптардан алшақ емес. Біз қарастырып отырған М. Андижанов, Ж. Қыстаубаев сынды тұлғаларды тергеу барысында анықталған процессуалдық заң бұзушылықтар турасында да аз-кем қорыта айта кетер болсақ, аталған ағартушылар ісіндегі архив құжаттары көбінесе жасанды тергеу материалдарын құрайды десек те, бұл құжаттар саяси қуғын-сүргіннің ерекшеліктерін тануға септеседі.

Қорытынды. 1930-жылдары оқу-ағарту саласында саяси қуғын-сүргінге ұласқан жаңа кадрлар құру үдерісі оңтүстік өңірдің зиялы қауымның сандық және сапалық сипаттамаларын елеулі өзгерістерге ұшыратты. Зиялы қауымды қалыптастырудың мұндай әдістері оқу-ағарту саласының дамуына және қызметкерлердің кәсіби құзыреттілікке кері әсерін тигізді. Өңірдің басты ерекшелігі, оқу-ағарту саласының мамандары саяси қуғын-сүргіннен зиялылардың басқа санаттарына қарағанда көбірек зардап шекті. Қарастырылып отырған онжылдық ішінде өңірдің білім беру салаларының

басшылары іс жүзінде толығымен ауыстырылды. Білікті басшыларды тиісті білім беру саласындағы басқарушылық тәжірибесі жоқ тұлғалар ауыстырды. Осыған байланысты 1930-жылдардағы саяси қуғын-сүргін кезеңдері өңірдің білім беру салаларының дамуы терең құлдыраумен қатар жүрді. Оңтүстік өңірде билік пен оқу-ағарту саласы қызметкерлерінің белсенді саяси күресі мен ашық қақтығысының болмауына қарамастан олар қуғын-сүргін объектісіне айналғаны білім беру саласының кеңестік биліктің тікелей назарында және партиялық саясаттан тым алшақ емес екендігімен түсіндірілді. Сол себепті білім беру саласының басшылық құрамына қарсы саяси қуғын-сүргін саясаты аймақтың оқу-ағарту жүйесіне елеулі нұқсан келтірді. Сонымен қатар, өңірлік деңгейдегі оқу-ағарту саласының қызметкерлері облыс, республика деңгейіндегі басшыларға қарағанда көп дәрежеде қуғын-сүргінге ұшырады, бұл өңірлік білім саласы қызметкерлерінің ерекше рөліне, олардың орталықтағы әріптестерімен салыстырғанда жергілікті халыққа саяси және ағартушылық ықпалы жоғары дәрежеде болуымен тығыз байланысты.

Дереккөздер

ШҚПДМАА – Шымкент қаласы полиция департаментінің мемлекеттік арнайы архиві

ТОҚСТМА – Түркістан облысының саяси тарихының мемлекеттік архиві

Әдебиеттер

Алдажұманов, 2013 – *Алдажұманов Қ.С.* Қазақстандағы 20-30 жылдардағы ашаршылық пен саяси қуғын-сүргін тарихынан // Отан тарихы. 2013. №4. 176–183-бб.

Әлібек, 2024 – *Әлібек С.Н.* Алаш рухының жаршысы – Сейілбек Үсенов. Шымкент: Қызмет, 2024. 344 б.

Бақторазов, 2017 – *Бақторазов С.У.* Қазақстанның оңтүстік өңіріндегі саяси қуғын-сүргін: тағдырлар қасіреті. Алматы, Тоғанай Т, 2017. 344 б.

Жанбосинова, Қозыбаев, 2024 – *Жанбосинова А.С., Қозыбаев И.М.* Скрытые лики террора: история в документах и судьбах. Астана, 2024. 352 с.

Кабульдинов, Калыбекова, 2021 – *Кабульдинов З.Е. Калыбекова М.Ч.* Из истории политических репрессий казахов в Республике Узбекистан: историографический обзор проблемы в научном журнале / The scientific heritage. 2021. №72. С. 15–18. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-72-5-15-18.

Книга Памяти, 2023 – *Книга Памяти*: сборник воспоминаний и интервью очевидцев и потомков, пострадавших от политических репрессий 20–50х годов XX века / Сост.: Айдарбаева Р.К., Балтабаева К.Н., и др. Алматы: Мадияр, 2023. 712 с.

Қойгелдиев, 2023 – *Қойгелдиев М.Қ.* Алаш ісі. 1920-1930 жж. ОГПУ жүргізген жасанды тергеу ісінің құжаттары мен материалдары. В двух томах. Алматы: ТОО Издательство LEM, 2023.

Құрмет, 2021 – *Құрмет А.* Әр құжатта мыңдаған адамның тағдыры тұр // Айқын. 2021. №96. 1 маусым.

Материалы государственной комиссии, 2023а – *Материалы государственной комиссии* по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т. 33. Архив құжаттарындағы Түркістан облысының шерлі тарихы. 1918-1954 жж. Құжаттар мен материалдар жинағы. Құрастырушылар: Х. Тұрсын (жауапты ред.), Д. Кенжетаев, Г. Шардарбекова, Л. Динашева, З. Адильбекова, Р. Хазретәліқызы. / Жалпы редакциясын басқарған Е.Т. Карин. Астана, 2023. 392 б.

Материалы государственной комиссии, 2023б – *Материалы Государственной комиссии* по полной реабилитации жертв политических репрессий (20-50 годы XX века). Т. 50: Оңтүстік өңірдегі саяси қуғын-сүргін. Құжаттар мен материалдар жинағы. Құрастырушылар: Б.Қ. Исабек, Г.Ж. Орынбасарова, Г.Ә. Жанысбекова, С.Д. Мамраймов, Б.С.Айтай, Б.Р. Найманбаев, Ғ. Қасымхан, Ж.Қ. Әшим / Жалпы редакциясын басқарған Е.Т.Карин. Астана, 2023. 368 б.

Тұрсын, 2013 – *Тұрсын, Х.* Алаш һәм Түркістан. Алматы: Ел-шежіре, 2013. 400 б.

Sources

ŞQPDMAA – Şymkent qalasy polisia departamentınıñ memlekettık arnaiy arhivı [State Special Archive of the Shymkent City Police Department]

TOQSTMA – Türkıstan oblysynyñ saiasi tarihynyñ memlekettık arhivı [State Archive of Political History of Turkestan Region]

References

Aldajūmanov, 2013 – Aldajūmanov Q.S. Qazaqstandağy 20-30 jyldardağy aşarşylyq pen saiasi quğyn-sürgın tarihynan [The Hidden Faces of Terror: History in Documents and Fates] // Otan tarihy. 2013. №4. 176-183 bb. [in Kazakh]

Älıbek, 2024 – Älıbek S.N. Alaş ruhynyñ jarşysy – Seiılbek Üsenov [Bulletin of the Spirit of Alash - Seilbek Usenov]. Şymkent: Qyzmet, 2024. 344 b. [in Kazakh]

Baqtorazov, 2017 – Baqtorazov S. U. Qazaqstannyñ oñtüstık öñırındegı saiasi quğyn-sürgın: tağdyrlar qasıretı [Political repression in the southern region of Kazakhstan: the tragedy of fate]. Almaty, Toğanai T, 2017. 344-b. [in Kazakh]

Janbosinova, Qozybaev, 2024 – Janbosinova A. S., Qozybaev İ.M. Skryityie liki terrora: istoriya v dokumentah i sudbah [The Hidden Faces of Terror: History in Documents and Fates]. Astana, 2024. 352 s. [in Russian]

Kabuldinov, Kalyibekova, 2021 – Kabuldinov Z.E. Kalyibekova M.CH. Iz istorii politicheskih repressiy kazahov v Respublike Uzbekistan: istoriograficheskiy obzor problemyi v nauchnom jurnale [Famine among Kazakhs and mass migrations of the population in the early 1930s] / The scientific heritage. – 2021. №72. C.15-18. DOI: 10.24412/9215-0365-2021-72-5-15-18. [in Russian]

Qoigeldiev, 2020 – Qoigeldiev M.Q. Alaş ısı. 1920-1930 jj. OGPU jürgızgen jasandy tergeu ısınıñ qūjattary men materialdary [Alash case. 1920-1930 Documents and materials of an artificial investigation conducted by the OGPU]. V dvuh tomah. Almaty: TOO İzdatelstvo LEM, 2023. [in Kazakh]

Qūrmet, 2021 – Qūrmet A. Är qūjatta myñdağan adamnyñ tağdyry tūr [The fate of thousands of people is in each document] *Aiqyn*. 2021. №96. 1 mausym.

Materialy gosudarstvennoi komisii, 2023a – Materialy gosudarstvennoi komisii po polnoi reabilitasii jertv politicheskih repressi (20-50 gody HH veka) [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repression (20-50 years of the twentieth century)] T. 33. Arhiv qūjattaryndağy Türkıstan oblysynyñ şerlı tarihy. 1918-1954 jj. Qūjattar men materialdar jinağy. Qūrastyruşylar: H. Tūrsyn (jauapty red.), D. Kenjetaev, G. Şardarbekova, L. Dinaşeva, Z. Adilbekova, R. Hazretälıqyzy. / Jalpy redaksiasyn basqarğan E.T. Karin. Astana, 2023. 392 b.

Materialy gosudarstvennoi komisii, 2023b – Materialy Gosudarstvennoi komisii po polnoi reabilitasii jertv politicheskih repressi (20-50 gody HH veka). [Materials of the State Commission for the Full Rehabilitation of Victims of Political Repression (20-50 years of the twentieth century)] T. 50: Oñtüstık öñırdegı saiasi quğyn-sürgın. Qūjattar men materialdar jinağy. Qūrastyruşylar: B.Q. İsabek, G.J. Orynbasarova, G.Ä. Janysbekova, S.D. Mamraimov, B.S.Aitai, B.R. Naimanbaev, Ğ. Qasymhan, J.Q. Äşim / Jalpy redaksiasyn basqarğan E.T.Qarin. Astana, 2023. 368 b.

Tūrsyn, 2013 – Tūrsyn, H. Alaş häm Türkıstan [Alash and Turkestan]. Almaty: El-şejıre, 2013. 400-b.

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2025. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1331–1346.
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1331-1346

WOMEN OF SOUTH KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT OF STALINIST REPRESSIONS: THE FATE OF MOTHERS AND THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY

Moldir K. Issabek [1], *Abdullah Gündoğdu* [2*]

[1] Ozbekali Zhanibekov South Kazakhstan Pedagogical University
(13, Baitursynov str., Shymkent, 160012, Republic of Kazakhstan)
2st-year PhD student
https://orcid.org/0009-0007-6196-6035, E-mail: issabekmm@gmail.com

[2] Ankara Üniversitesi
(Emniyet, Dögol Cd., 0600 Yenimahalle, Ankara, Republic of Türkiye)
Professor at the Faculty of Language, History and Geography
https://orcid.org/0000-0002-9171-6965, Email: gundogdu@humanity.ankara.edu.tr
*Corresponding author

© Valikhanov IHE, 2026
© Issabek M.K., Gündoğdu A., 2026

Abstract. *Introduction.* This article examines the fate of women, especially mothers, in the South Kazakhstan region in the conditions of Stalinist political repressions of the 30-50s of the XX century. This period is considered as a historical phenomenon reflecting the complex influence of the totalitarian system on society. The study was conducted within the framework of theories of gender history and historical memory and aimed at Interdisciplinary analysis of the impact of repressive policies on the social status of women, the institution of the family and collective consciousness. As the experience of women has not been adequately disclosed in previous studies, this work seeks to fill said scientific gap. *Purpose and objectives.* The main goal of the study is to comprehensively identify the Social, Psychological and cultural consequences of Stalinist repressions on the lives of women and mothers in southern Kazakhstan. In accordance with this goal, the following tasks were set: to analyze the experience of everyday life of women on the basis of archival and narrative data; to identify the transformation of their social role and status; to show the influence of repression on the family structure; as well as to identify mechanisms for the formation of historical memory through the fate of mothers. *Results.* The results of the study show that the women of the repressed citizens were subjected to persecution and social marginalization at the institutional level as "family members of the enemy of the people." They were excluded from the labor market, deported to special settlements or involved in the camp system. These processes had a profound impact not only on the socio-economic situation of women, but also on their psychological state. Nevertheless, mothers acted as the main social agent maintaining the stability of the family, ensuring the continuity of cultural and moral values through the upbringing of children. At the same time, their life experience has become an important element of collective historical memory. *Conclusion.* Stalinist repressions had a systematic and long-term impact on

the lives of women and reshaped the social structure of society. The fate of women of South Kazakhstan occupies an important place in the processes of restoring historical justice and modernizing the national historical consciousness, emphasizing their resilience and agency. The results of the study contribute to the development of gender history and memory research and prove the relevance of introducing the experience of victims of repression into scientific circulation.
Keywords: Stalinist repressions, South Kazakhstan, history of women, fate of mothers, historical memory, gender research, archival data.
For citation: Issabek V.K., Gündoğdu A., Saparbekova B. Women of South Kazakhstan in the context of stalinist repressions: the fate of mothers and the formation of historical memory // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1331–1346. [in Eng.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1331-1346

СТАЛИНДІК РЕПРЕССИЯЛАР КОНТЕКСІНДЕГІ ОҢТҮСТІК ҚАЗАҚСТАН ӘЙЕЛДЕРІ: АНАЛАРДЫҢ ТАҒДЫРЫ ЖӘНЕ ТАРИХИ ЖАДЫНЫҢ ҚАЛЫПТАСУЫ

Мөлдір Қуанышбекқызы Исабек [1], Абдуллаһ Гюндоғду [2]*

[1] Өзбекәлі Жәнібеков атындағы Оңтүстік Қазақстан педагогикалық университеті
(13, Байтұрсынов көш., Шымкент қ., 160012, Қазақстан Республикасы)
«Тарих» білім беру бағдарламасының 2-курс докторанты
https://orcid.org/0009-0007-6196-6035, E-mail: issabekmm@gmail.com

[2*] Анкара Университеті
(8, Дёгол көш., Йенимахалле ауд., Эмнийет ы-а, Анкара қ., Түркия Республикасы)
Тіл және тарих-география факультетінің профессоры
https://orcid.org/0000-0002-9171-6965, Email: gundogdu@humanity.ankara.edu.tr

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Исабек М.Қ., Гюндоғду А., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Бұл мақалада XX ғасырдың 30–50-жылдарындағы сталиндік саяси қуғын-сүргін жағдайындағы Оңтүстік Қазақстан өңіріндегі әйелдер, әсіресе аналардың тағдыры зерттеледі. Аталған кезең тоталитарлық жүйенің қоғамға кешенді ықпалын көрсететін тарихи феномен ретінде қарастырылады. Зерттеу гендерлік тарих және тарихи жады теориялары аясында жүргізіліп, репрессиялық саясаттың әйелдердің әлеуметтік мәртебесіне, отбасы институтына және ұжымдық санаға тигізген әсерін пәнаралық тұрғыда талдауға бағытталған. Бұған дейінгі зерттеулерде әйелдердің тәжірибесі жеткілікті деңгейде ашылмағандықтан, бұл жұмыс аталған ғылыми олқылықтың орнын толтыруға ұмтылады. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің негізгі мақсаты – сталиндік репрессиялардың Оңтүстік Қазақстандағы әйелдер мен аналардың өміріне тигізген әлеуметтік, психологиялық және мәдени салдарын кешенді түрде анықтау. Осы мақсатқа сәйкес келесі міндеттер қойылды: архивтік және нарративтік деректер негізінде әйелдердің күнделікті өмір тәжірибесін талдау; олардың әлеуметтік рөлі мен мәртебесінің трансформациясын айқындау; репрессияның отбасы құрылымына ықпалын көрсету; сондай-ақ аналардың тағдыры арқылы тарихи жадының қалыптасу тетіктерін анықтау. *Нәтижелер.* Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, репрессияға ұшыраған азаматтардың әйелдері «халық жауының отбасы мүшелері» ретінде институционалдық деңгейде қудаланып, әлеуметтік маргинализацияға ұшыраған. Олар еңбек нарығынан шеттетіліп, арнайы қоныстарға жер аударылып немесе лагерьлік жүйеге тартылған. Бұл үдерістер әйелдердің әлеуметтік-экономикалық жағдайына ғана емес, олардың психологиялық күйіне де терең әсер етті. Соған қарамастан, аналар отбасының тұрақтылығын сақтаушы негізгі әлеуметтік агент ретінде әрекет етіп, балаларды тәрбиелеу арқылы мәдени және моральдық құндылықтардың сабақтастығын қамтамасыз етті. Сонымен бірге, олардың өмірлік тәжірибесі ұжымдық тарихи жадының маңызды элементіне айналған. *Қорытынды.* Сталиндік қуғын-сүргін әйелдердің өміріне жүйелі және ұзақ мерзімді әсер етіп, қоғамның әлеуметтік құрылымын қайта қалыптастырды. Оңтүстік Қазақстан әйелдерінің тағдыры олардың төзімділігі мен агенттілігін айқындай отырып, тарихи әділеттілікті қалпына келтіру мен ұлттық тарихи сананы жаңғырту үдерістерінде маңызды орын алады. Зерттеу

нәтижелері гендерлік тарих пен жады зерттеулерін дамытуға үлес қосады және репрессия құрбандарының тәжірибесін ғылыми айналымға енгізудің өзектілігін дәлелдейді.
Түйін сөздер: сталиндік репрессиялар, Оңтүстік Қазақстан, әйелдер тарихы, аналар тағдыры, тарихи жады, гендерлік зерттеу, архив деректері.
Дәйексөз үшін: Исабек М.Қ., Гюндоғду А. Сталиндік репрессиялар контексіндегі Оңтүстік Қазақстан әйелдері: аналардың тағдыры және тарихи жадының қалыптасуы // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1331–1346-бб. [ағылш. тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1331-1346

ЖЕНЩИНЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ: СУДЬБА МАТЕРЕЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Исабек Мөлдір Қуанышбековна [1], Абдуллах Гюндогду [2]*

[1] Южно-Казахстанский педагогический университет имени Узбекали Жанибекова
(13, ул. Байтурсынова, г. Шымкент, 160012, Республика Казахстан)
https://orcid.org/0009-0007-6196-6035, E-mail: issabekmm@gmail.com

[2*] Университет Анкары (Ankara Üniversitesi)
(8, ул. Дёгол, р-н Йенимахалле, м-н Эмнийет, г. Анкара Турецкая Республика)
Профессор факультет языка, истории и географии
https://orcid.org/0000-0002-9171-6965, Email: gundogdu@humanity.ankara.edu.tr

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Исабек М.К., Гюндогду А., 2026

Аннотация. *Введение.* В этой статье исследуется судьба женщин, особенно матерей, в Южно-Казахстанском регионе в условиях сталинских политических репрессий 30-50-х годов XX века. Данный период рассматривается как исторический феномен, отражающий комплексное влияние тоталитарной системы на общество. Исследование проводится в рамках теорий гендерной истории и исторической памяти и направлено на междисциплинарный анализ влияния репрессивной политики на социальный статус женщин, институт семьи и коллективное сознание. Поскольку в предыдущих исследованиях опыт женщин был недостаточно открыт, эта работа стремится заполнить указанный научный пробел. *Цель и задачи.* Основная цель исследования-комплексное выявление социальных, психологических и культурных последствий сталинских репрессий в жизни женщин и матерей Южного Казахстана. В соответствии с этой целью были поставлены следующие задачи: анализ опыта повседневной жизни женщин на основе архивных и нарративных данных; определение трансформации их социальной роли и статуса; демонстрация влияния репрессий на структуру семьи; а также выявление механизмов формирования исторической памяти через судьбы матерей. *Результаты.* Результаты исследования показывают, что женщины репрессированных граждан подвергались преследованиям и социальной маргинализации на институциональном уровне как «члены семьи врага народа». Они были отстранены от рынка труда, депортированы в специальные поселения или вовлечены в лагерную систему. Эти процессы глубоко повлияли не только на социально-экономическое положение женщин, но и на их психологическое состояние. Тем не менее, матери, выступая в качестве основного социального агента, поддерживающего стабильность семьи, обеспечивали преемственность культурных и моральных ценностей посредством воспитания детей. При этом их жизненный опыт стал важным элементом коллективной исторической памяти. *Вывод.* Сталинские репрессии оказали системное и долгосрочное влияние на жизнь женщин и изменили социальную структуру общества. Судьба южно-казахстанских женщин занимает важное место в процессах восстановления исторической справедливости и модернизации национального исторического сознания, определяя их стойкость и активность. Результаты исследования вносят вклад в развитие исследований гендерной истории и памяти и подтверждают актуальность введения в научный оборот опыта жертв репрессий.
Ключевые слова: сталинские репрессии, Южный Казахстан, история женщин, судьба матерей, историческая память, гендерные исследования, архивные данные.

Для цитирования: Исабек М.К., Гюндогду А. Женщины Южного Казахстана в контексте сталинских репрессий: судьба матерей и формирование исторической памяти // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1331–1346. [на английском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1331-1346

Introduction. The period of Stalinist political repressions in the history of Kazakhstan in the 30-50s of the XX century is considered the most tragic and difficult for society. This process had serious consequences not only for political figures and intellectuals, but also for members of their families, including women and mothers. Spouses and mothers of repressed persons were persecuted as "family members of the enemy of the people", subjected to social restrictions and excluded from society. Such political pressure on women radically changed the role of raising their families and children, their social status and the opportunity to participate in public life. However, because previous research has often focused on political and legal aspects, women's life experiences, psychological repercussions, and their place in historical memory have not been adequately addressed. This gap increases the relevance of the field of gender history and historical memory in modern historical science. Through the fate of women, one can fully understand the impact of Stalinist repressions on the social structure of society, the institution of the family and the historical consciousness between generations. The South Kazakhstan region is a region that is distinguished by historical, demographic and social characteristics. The study of the fate of women and mothers in this region allows us to reveal socio-historical trends at the regional level. Research conducted on the basis of archival data, commemorative records and materials of oral history allows us to comprehensively consider the social consequences of repression, the life experience of women and the process of formation of historical memory.Therefore, the relevance of this topic is determined from several points of view:the social impact of Stalinist repressions on women's lives, especially on the fate of mothers, study of psychological and cultural impact.Filling gaps in science by addressing issues of gender history and historical memory at the regional level.Preserving the historical name of the victims of repression and contributing to the formation of public consciousness. From this point of view, the study of the fate of Mothers victims of repression in southern Kazakhstan is an important scientific problem not only for historical science, but also for the formation of the historical consciousness of society and the restoration of historical justice. The choice of South Kazakhstan as a research area is due to the possibility of considering the consequences of political repression in the region for women and their families on the basis of specific personnel and regional data. The identified group of women associated with South Kazakhstan, who were in the karlag and Algerian system, their personal biographies and memories of their descendants allow us to study the influence of repression on family structure, social status of women and intergenerational historical memory at a microistoric level. From this point of view, South Kazakhstan is an important historical space that allows us to study the regional picture of the general Soviet repressive policy through the fate of women.

Materials and methods. In the course of the study, a complex of various sources was used, which made it possible to consider the fate of women and mothers in the South Kazakhstan region during the period of Stalinist political repressions of the 30-50s of the XX century. Among the sources, archival documents, statistical data, commemorative materials and scientific literature were widely attracted. In particular, personal files of repressed citizens stored in the central and regional archives of the Republic of Kazakhstan, forensic investigation materials, documents related to deportation and special resettlement, as well as reports of local executive bodies were considered as the main research materials. At the same time, Memoirs of relatives of victims of repression, oral history data and published documentary collections were also used as important sources in the study [Political repressions in Kazakhstan, 2010].

The problem of Stalinist political repression has become widely studied in the historiography of Kazakhstan, mainly during the years of independence. During the Soviet period, this topic was not openly discussed due to ideological restrictions, and many archival materials were kept secret. At the end of the twentieth century, with the beginning of the process of rehabilitating victims of political repression, there was a wide opportunity to study the history of repression from a scientific point of view. As a result, archival funds that had previously been closed were put into scientific use, which made it possible to comprehensively analyze the true scale and consequences of Stalin's repressions. The works of domestic historians are of particular importance in the study of the problem of Stalinist repressions in Kazakhstan. In studies in this direction, the causes of repressive policy, the mechanisms of its implementation, the scale and the impact it had on the social structure of society are considered in detail. In particular, in the works of Manash Kozybayev, the consequences of the Stalinist totalitarian system on the Society of Kazakhstan, the social and demographic results of political repression are widely analyzed. The scientist emphasizes that

repressions covered not only representatives of the political elite, but also various social strata of society and deeply influenced the life of society as a whole. In addition, there are works of other scientists who have specially studied the topic of political repression in Kazakhstan's historiography. For example, the research of Kamal Burkhanov and Talas Omarbekov examines the political and social background of Stalinist repressions, its impact on the demographic development and social structure of Kazakh society. In these works, on the basis of archival data, the fate of the victims of repression, the social status of their family members, as well as the regional features of the repressive policy are analyzed.

In recent years, there has been a formation of new directions in the study of the history of repression. In particular, more and more works are devoted to the study of the personal destinies of victims of political repression, the life experience of their family members, especially women and children. Such studies make it possible to more deeply understand not only the political, but also the socio-humanitarian consequences of Stalinist repressions. From this point of view, the study of the fate of wives and mothers of victims of repression in the South Kazakhstan region is one of the most relevant trends in the historiography of Kazakhstan [Kozybayev, 1992: 172].

The influence of Stalinist repressions on the National intelligentsia and various social strata of society is also considered in detail in the works of Mambet Koigeldiev. The researcher, analyzing the influence of Stalinist policy on the social structure of Kazakh society, the process of formation of the national elite and public consciousness, identifies the long-term historical consequences of the repressive campaign [Koigeldiev, 2009]. In recent years, researchers have paid special attention to the social and anthropological consideration of the history of Stalinist repressions. In the works of this direction, issues related to the fate of family members of victims of repression, including women and children, are widely studied. Such studies make it possible to more deeply understand the influence of totalitarian politics not only at the political level, but also on the social and cultural life of society. At the same time, the direction of gender history in the study of the problem of repression in World historiography is also widely developed. Gender studies allow us to analyze the influence that political and social processes have had on women's lives. In this context, Joan Wallach Scott considers the concept of gender as one of the most important categories of historical analysis, emphasizing the scientific significance of studying the social experience of women in historical research [Scott, 1999].

In recent years, special attention has been paid to the direction of studying the problem of historical memory in historical science. In this context, Jan Assmann developed the theory of cultural memory and scientifically analyzed the mechanisms of preservation and transmission of historical events in the public consciousness from generation to generation [Assmann, 2011]. This theory lays an important theoretical foundation for studying how the fate of victims of Stalinist political repression, including mothers, is preserved in public memory. In addition, documentary collections and source publications dedicated to the victims of political repression were published in Kazakhstan. In such works, investigative materials of repressed citizens, court sentences and various archival documents are systematized. These data allow us to analyze the fate of women and mothers on the basis of specific historical examples [Political repressions in Kazakhstan: collection of documents and materials, 2010]. Thus, although in modern historiography the problem of Stalinist repressions is considered quite comprehensively, the fate of repressed mothers in the South Kazakhstan region and their place in historical memory as an object of special study is not sufficiently studied. Therefore, the regional consideration of this issue is one of the most relevant scientific directions for historical science. In the process of analyzing the sources used in the article, a complex of scientific methods widely used in historical science was used. In particular, through the historical and comparative method, the fate of women in the South Kazakhstan region was considered in the context of general Stalinist repressions and analyzed in comparison with the situation in other regions. The historical and systemic method made it possible to comprehensively consider the influence of repressive policies on the family structure, the social status of women and their public status. Also, through the historical and genetic method, the prerequisites for the formation and stages of development of the practice of harassment against women were determined. The study also used a gender analysis approach and considered the social role of women in the context of political repression, the position of mothers in the family and society, as well as the socio-psychological consequences they suffered as a result of repression. In addition, through the methods of studying historical memory, the features of preserving the fate of mothers who were victims of repression in the public consciousness, the formation of a culture of memory and the mechanisms of transmission of historical memory between generations were analyzed. The set of sources and scientific methods used in this way makes it possible to comprehensively study the fate of women of South Kazakhstan during the period of

Stalinist repressions, their social experience and the features of the formation of historical memory. An important place in the regional study of the problem of political repression in southern Kazakhstan is occupied by the works of S. U. Bakhtorazov [Bakhtorazov, 2022]. His Ph. D. thesis" political repression in southern Kazakhstan in 1920-1930-X years " examines the socio-political situation in the Kazakh Assr in the 1920-1930s, the causes, scale and consequences of mass political repression in southern Kazakhstan. The author considers the features of the repressive policy during the period of industrialization and forced collectivization and its manifestations in the region. Later, research in this direction was carried out on the topic "political repression in the southern region of Kazakhstan (1917-1939 GG.)". However, since the main object of these works is the process of political repression in general, the personal destinies of repressed women, their maternal experience and historical memory are not fully considered as a matter of special study. Among the works that specifically studied repressed women in Kazakhstan, K. K. Sarsembina [Sarsembina, 2004] "Kazakhstan women – the causes of political repression (1925-1938 GG.a special place is occupied by the Ph. D. thesis".

Based on archival materials, the study examines the fate of Kazakh women subjected to political repression, their political, legal and social status, life in prisons and labor camps. The author also points out the consequences of political repression on family relations and points out that the punishment of women affected family and public relations, not just the individual. In a study of the institutional facets of women's repression, A. R. Of great importance is the study of Kukushkina [Kukushkina, 2001] Akmola "camp of women who betrayed their homeland" – dedicated to the history of Algeria. The author considered the regulatory and organizational foundations of the establishment of the Camp, its place in the gulag system, the social composition of female prisoners, labor and living conditions in the camp. The study also touched upon the fate of women's children after their arrest and the problems of women's re-adaptation to society after their release from the camp. In the later historiography of the Algerian question, A. S. Musagalieva [Musagalieva, 2016] also deserves attention. The author considers the history of the Algerian women's camp in northern Kazakhstan on the basis of historiographic and archival data and pays attention to the history of the imprisonment of the wives of state, party and public figures recognized as "enemies of the people" in the camp in 1937-1938. This work makes it possible to determine the relationship of repressive policies against women with the camp system.

In the study of the fate of repressed women from the point of view of historical memory, the article by Z. K. Suraganova [Suraganova, 2018]. "Algeria as a phenomenon "women" in repressed memories of the Kazakh people" is important. Using field materials and subsequent data collected in 1990-1991, the author analyzes public memories of Algerian prisoners and the peculiarities of the preservation of women's deprivation of freedom in the memory of the people. Therefore, this work allows us to consider the history of repressed women not only as a political event, but as a phenomenon of collective and social memory. The article "History and fate of repressed Kazakh women in Kazakhstan" by A. Makatai [Makatai, 2012] is also devoted to the fate of Kazakh women during the years of repression. The work discusses the political repressions of 1937-1938, the history of Kazakh women who served their sentences in the Algerian and Karlag systems. This study is valuable in that it reflects the fate of repressed Kazakh women in the context of national history. Recent studies also focus on the legal mechanism of repression directed at women [Shashaeva, 2026]. In a study published in 2026, the fate of women classified as "family members of traitors to the Fatherland" is analyzed on the basis of archival documents. The author considers the impact of Stalinist repressive policies on women and families, the situation of family members of Alash figures and the camp experience of women.

Thus, an analysis of the available studies shows that the problem of repressed women in Kazakhstan has been studied in several directions: the history of political repression in general, the Algerian and gulag system, the political and legal status of women, camp everyday life and problems of historical memory. However, most of the research focuses on the history of Algeria or the repression of women on the scale of Kazakhstan. There is still not enough research to consider in a single complex the specific personal affairs of repressed women in southern Kazakhstan, the fate of mothers, the state of family disintegration and children, the social life of women after repression and the influence of their memories on the formation of historical memory. Therefore, studying the fate of women of South Kazakhstan through archival investigative cases, personal documents, memoirs and materials of oral history, their differentiation on the basis of the theory of historical memory and discourse analysis can reveal the scientific novelty of the topic.

Discussions and results. During the years of Stalinist political repressions, various social strata of Kazakhstan's society became the object of repressive policy. This campaign involved not only political

figures and representatives of the National intelligentsia, but also members of their families. Women and mothers in particular clearly felt the consequences of the Soviet system of punishment. One of the distinctive features of the Soviet repressive policy was the introduction of the concept of "family members of the enemy of the people." As a result, many women were prosecuted for the "counter-revolutionary actions" of their husbands or close relatives and subjected to various administrative and social restrictions [Political repressions in Kazakhstan: collection of documents and materials, 2010]. An analysis of archival documents in the South Kazakhstan region shows that the policy towards family members of repressed citizens has been implemented on a large scale. The wives of repressed citizens were excluded from social and political life, released from their positions and placed under the control of local authorities. In some cases, they were deported to special settlements or sent to labor camps. Such measures dealt a serious blow to the social status of many families and directly affected the upbringing and standard of living of children. The repressive policy of the Soviet authorities also had a significant impact on the social status of women. Women accused of being the" wife of an enemy of the people" were isolated from society, and their opportunities for education, work and participation in public life were limited. This situation placed a great burden on their psychological and social situation. As researcher Manash Kozybayev noted, Stalinist repressions affected all social strata of society and radically changed the fate of many families [Kozybayev, 1992].

The life path of repressed mothers in the South Kazakhstan region is often characterized by social adaptation and struggle for life. Archival data and commemorative materials show that women, despite the difficult living conditions, made every effort to raise their children and preserve the integrity of the family. This proves that the life experience of mothers played an important role in maintaining the social stability of society even in the conditions of a totalitarian system [Koigeldiev, 2009]. At the same time, the fate of the victims of repression has become an important component of the historical memory of society. Over the years of independence, systematic work has been carried out in Kazakhstan to commemorate the victims of political repression, justify their names and restore historical justice. This process significantly contributed to the formation of the historical consciousness of society. In this context, Jan Assmann emphasizes that in the theory of cultural memory, historical events are transmitted from generation to generation through collective memory [Assmann., 2011]. Therefore, the fate of mothers who became victims of repression also becomes an integral part of the public memory and occupies an important place in the process of restoring historical justice. Today, monuments, memorial complexes and scientific research dedicated to the memory of victims of political repression in the South Kazakhstan region have a significant impact on the formation of historical memory. Such initiatives allow society to rethink past historical periods, to understand more deeply the consequences of the totalitarian system. This process is of great importance not only for scientific research, but also in terms of the spiritual revival and formation of the historical consciousness of society.

The results of the study prove that the fate of women, especially mothers, in the South Kazakhstan region during the period of Stalinist political repression is an important historical phenomenon that clearly shows the dire consequences of totalitarian policy. The social consequences of repressions influenced not only the lives of individuals, but also the historical memory of society as a whole, contributing to the formation of today's historical consciousness. Archival documents and commemorative materials describe in detail the fate of women during the period of Stalinist repressions. Wives and mothers of repressed citizens were often persecuted as "family members of the enemy of the people" and subjected to various social and administrative restrictions. Archival data indicate that they were deported to special settlements, released from their places of Service, and some were sent to labor camps [SASKR. F. 42, Inv. 1, File 125]. Archival materials and data collections allow us to show the fate of women in the South Kazakhstan region using specific historical examples. For example, in 1937, in the materials of inspections conducted in Shymkent District, 18 women were registered on charges of "involvement in counter-revolutionary activities", all of them were taken under social control [SASKR. F. 11, Inv. 1, File 57]. Political repression also had a significant impact on the social status of women. Women accused of being the" wife of an enemy of the people " were isolated from society and limited in their opportunities for education, employment and participation in public life. The fact that this situation had serious consequences for their social and psychological situation is reflected in archival documents [APRK. F. 141, Inv. 1, File 2828, fol. 50].

Commemorative materials and oral history data also highlight the role of repressed mothers in the family and society. Many women have made efforts to raise their children and save their families, despite the difficult situation. This practice to some extent Shymkent City State Archive [SCSA. F. 5, Inv. 1, File 16]. From the point of view of historical memory, the fate of the victims of repression remains in the historical consciousness of society to this day. Initiatives such as memorial complexes, scientific research and the

publication of historical data expand the public's understanding of past times and contribute to the formation of historical consciousness [CSA RK. F. 1380, Inv. 1, File 261, fol. 25]. There are many areas of Kazakh history in the Soviet totalitarian period that still need to be studied in detail. One of them is the fate of Kazakh women who were subjected to Stalinist repressions, were innocently accused, were in prisons or served their sentences in special camps. They were often persecuted as" family members of those who betrayed their homeland " and subjected to various pressures from society. In the 20-30s of the XX century, representatives of the National intelligentsia and the political elite, who defended the national interests of the Kazakh people and contributed to the socio-political and cultural development of the country, were at the forefront of the struggle for freedom. In addition to their educational activities, they made efforts to solve such important issues as the development of the national economy, improving the social situation of the population, and the development of education and culture. However, the totalitarian policy of the Soviet authorities did not allow them to realize these goals, and many figures became victims of Stalinist repressions. As a result, their family members and close relatives were also persecuted, arrested and convicted. In the 30s of the XX century, about 3 million people were repressed as a result of political repressions carried out by the people's Commissariat of internal affairs (NKVD) on the scale of the Soviet Union. However, to date, complete and accurate data on the exact scale of this campaign has not been established. On the territory of Kazakhstan during this period, about 103 thousand people were repressed, of which more than 25 thousand were executed. In the South Kazakhstan region, about 7 thousand people were arrested, of which about 2.5 thousand were shot. However, these figures are not complete, because in the course of archival searches carried out in subsequent years, previously unknown data and documents were found, and the list of victims of repression was gradually replenished. Until mid-1930, there was no system of special camps for women. In 1937, by a special order of the NKVD, the Akmola camp for women of the "enemies of the people" was established on the territory of Kazakhstan. This camp was officially called the" Akmola camp of women who betrayed their homeland", and later became popularly known as the Akmolinsky camp Zhen izmennikov rodiny or Algiers. The wives, daughters, and relatives of senior party and Soviet officials, as well as prominent scientists and writers convicted as "enemies of the people," were arrested and employed here. They experienced various difficulties in the conditions of the camp and were deprived of civil rights. The Algerian camp was organized as the 26th point of the 17th unit, which was part of the Karlag system, in August 1937 near the settlement of the Revolution (Malinovka), located in the south-west of the modern city of Astana. Although this camp was known as the" Akmola camp of traitors to the motherland", it was actually only one structural unit of Karlag. The territory of the camp covered about 30 thousand hectares. Women sentenced to three to eight years in prison are sentenced here.

The Akmola women's camp was administratively subordinate to Karlag. And the system of Karaganda labor camps did not look at the leadership of the Republic, but directly at the Gulag administration. The center of this system was located in Moscow. The wives of intellectuals and famous figures sentenced to death as" enemies of the people " were convicted by paragraph 17 of Article 58 of the Criminal Code of the RSFSR, that is, they were sentenced to imprisonment for a period of 8 years. And the wives of those who were serving their "sentences" in the camp were sentenced to a term of 3-5 years. Sentenced to Algeria for a term of 8 years: turar ryskulov's wife-Aziza Ryskulova, Sultanbek Kozhanov's wife - Kulandam Kozhanova, Seitkali Mendeshov's wife - Razia Mendeshova, Temirbek Zhurgenov's wife - Damesh Ermekova - Zhurgenova, Sanzhar Asfendiyarov's wife-Rabiga Asfendiyarova, zhanaydar Saduakasov's wife - Elizaveta Saduakasova, Beimbet Mylin's wife is kunzhamal mylina, Suleiman Eskarayev's wife is Mariam Eskaraeva, Gabbas Tugzhanov's wife is Mariam Tugzhanova, Saken Seifullin's wife is gulbakhram Seifullina, Uzakbay Kulymbetov's wife is - Aish Kulymbetova, spouse of Nygmet Syrgabekov - Bibizhamal Syrgabekova, spouse of Kaisar Tashtitov - Sagadat Tashtitova, spouse of Mukhametkali Tatimov - Shakitai Tatimova, spouse of Ilyas Kabylov - Aisha Kabylova, spouse of Zhumat Shanin - Zhanbike Shanina, spouse of Zarap Temirbekov - Sakypzhamal Nazarova, spouse of Atylash Kalmenov - Barshyn Kalmenova, Kabylbek Sarmoldaev's wife is Mainur Sarmoldaeva, Aiteke Musin's wife is Khadija Musina, Daulet orazov's wife is Madina Orazova, etc. Women sitting in Karlag, Algeria in the South Kazakhstan region: Altynbaeva Habiba Muzafarovna, Aldabergenova Albusina, Altybaeva Balakyz, Akhmedova Kulzhan, Bagyzbayeva Sulukhan, Bobaeva Hanai, Bushueva Natalia Ivanovna, Erubaeva Zeine, Zelenskaya Natalia Illarovna, Ibragimova Amina, Inagamova Hibiba Ibragimovna, Lisina Akulzhan, Kabulova Abisha Kurbanbekovna, Makina Inish Maldybayeva Sara nurmanovna, sadykova sulukul, Sarsenbayeva Fatima, Fleischer Ksenia Vissarionovna, Ernst Maria Timofeevna , etc. (materials of the South Kazakhstan Regional Museum of victims of repression). Mothers who were sitting in Algeria experienced a lot of trouble. They planted cattle, built a

factory, reeds, dug, planted orchards, milked cows, etc.T. Ryskulov was arrested on May 21, 1937 in Kislovodsk, where he was resting. And his wife Aziza Ryskulova was arrested on June 10, 1937 at her home in Moscow and imprisoned in the Butyr prison. Turar ryskulov's 4-year-old daughter Saule is sent to an orphanage, and her mother-in-law, Aripa Ataulova, is sent to Karlag, where she stays for 8 years and dies 5-6 days before leaving the camp. Aziza gives birth to her daughter Rida in prison. Aziza Peninsekovna Ryskulova suffered a lot of hardships and suffering from the camp and worked as a veterinarian in Algeria. In 1938, 2,103 women were delivered to Algeria, of which 655 were women with heavy legs or small children. All women with heavy legs gave birth in the camp [Sarsembina K.K., 2004]. A total of 1,507 babies were born in the camp, and many of them died as a result of hunger and extreme cold. Children under two years old were detained in a special "children's combine", and children who reached the age of four were sent to the Osakarov orphanage. The deprivation of children from their mothers was usually carried out at night. There have been cases when mothers were very depressed when they lost their children, and some even went crazy from psychological stress. For example, the wife of the writer and political figure Saken Seifullin, Gulbahram, hugged her for three days when her son Ayan died [Tasymbekov, 1994].

Family members of famous personalities also suffered a difficult fate. The sister of lawyer Zhakip Akbayev and the wife of Nygmet Nurmakov zupnun spent 10 years of her life in prison and camps, while her daughter Tamara died in an orphanage. Daulet Orazov, who was deputy chairman of the North Kazakhstan regional executive committee, was arrested on August 1, 1937 as an "enemy of the people". Previously, he worked in the Central Party Committee in Almaty and the Presidium of the Kazakh Central Committee, and his wife Madina Orazova spent 8 years in Algeria, experiencing difficulties and grazing sheep. Kaisar Tashtitov was the head of the Pro-Leninist Communist Youth Union of Kazakhstan, was captured by the NKVD on October 24, 1937 and shot on March 17, 1938. His wife Sagadat Tashtitova spent 11 years of her life in prisons: she visited the prisons of Almaty, Semipalatinsk, Novosibirsk and Krasnoyarsk, and then was taken to the camp "Algeria" (point 26). Zarap Temirbekov in 1937 was the head of the press of Kazraikom and the editor of the Republican newspaper "Leninshili Zhas". His wife Nazarova Sakipzhamal spent 8 years in"Algeria", and the children Alma and Zhanart were placed in a special orphanage in the village of Sairam, Shymkent region, as" children of the enemy of the people". It was only after many years that the great update was able to be found in Kyrgyzstan. Bagyzbayeva Suluhan was born on February 14, 1905 in Shymkent. His father, Esbol Koldasbekov, was literate in Russian and worked as a translator. Suluhan became the first child in the family, after which five younger brothers and four younger sisters were born. Sulukhan's wife Mambetali Bagyzbayev was born in 1893 in Kemerbastau village, Tulkubas district. He founded cotton farming in the South, held the position of head of the agricultural department in the Shymkent regional party committee, and was also a spiritual companion of Turar Ryskulov. On August 25, 1937, Mambetali Bagyzbayev was arrested, and on February 19, 1938, the military Collegium of the Supreme Court of the USSR sentenced him to death under Articles 58-7, 58-8, 58-11 of the Criminal Code of the RSFSR, the sentence was executed on the same day. Suluhan Bagyzbayeva, as the" wife of an enemy of the people", was imprisoned in Dolinka for five years. Two daughters and the only son were brought up in an orphanage. Daughter Maya was taught in the Sorochinsky orphanage in Orsk with the surname "Mikhailovna". Zoya and Sultanbek were sent to another orphanage. In 1943, at the age of 16, Sultanbek went to war and went missing. In the following years, Maya Bagysbaeva, the wife of a professor of kaznu, a patriotic citizen Omirbek Zholdasbekov, wrote in her memoirs: "My mother, who was just 32 years old, was arrested. In a letter to my mother, there were the words: "I will wash with blood the slander that was covered by my father, my whole family." He died at the front before the age of 19" [Bagysbaeva, 1993: 3]. After completing his sentence, sulukhan Bagyzbayeva stayed in central Kazakhstan and got a black job. In 1945, Maya meets her mother, who disappeared seven years later, in the village of Dolinka, and in 1946 returns to Shymkent. Mambetali Bagyzbayev was acquitted on October 30, 1990 by the resolution of the Shymkent regional prosecutor's office [Yesenkarakyzy, 2006: 188-191].

Seilkhanova Balaim was born in 1914 in Sozak district in a nomadic family. From an early age, he was fond of art, at the age of 16 he performed on field stages. The first role was Zhamal in Mukhtar Auezov's play "in the shadow of old age". Eager for education, Balaim became one of the first Swallows of the Komsomol and served in the district committee of the Komsomol. In this regard, the president of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev has made a significant contribution to the development of the country. After returning home, he worked at the school. In the same period, he started a family with Sultan Zhakenov, the head of the military security of the aschysaipolimetall plant. But in 1937, her husband was accused of being an "enemy of the people" and arrested [South Kazakhstan Regional Museum of Victims of

Repression, 2025]. The children were also taken prisoner. Sultan Zhakenov was sentenced to death in Shymkent, and Balaim was sentenced to 10 years of hard labor in the Arkhangelsk, Vologda, Yaroslav and Kalinin regions of Russia. In 1943, he fell seriously ill and was hospitalized in a special hospital. A woman surgeon named Evgenia Ilyinichina treated him and allowed him to sit down. In December 1947, when the war ended, the 10-year term ended, and sister Balaim returned home. Until 1972, Seilkhanova Balaim held various positions at the aschysaipolimetal plant, including 14 years as a director of the canteen and retired. Then she married for the second time and had children (the South Kazakhstan Regional Museum of victims of repressions, seilkhanova Balaim's personal folder). Shahizada Shonanova, who was in the Almaty prison at the age of 35, was shot on March 9, 1938, 10 days after her husband Telzhan Shonanov. She is the daughter of Aron Karatayev, the younger brother of Bakytzhan Karatayev. Shonanova was falsely accused of involvement in the 1936 fire in the anatomy office at KAZ muu. The exploits of Kazakh women are also unique. When their husbands were driven away, withstanding hunger and suffering, in addition to protecting their children, they also took an active part in the search for their husbands. For example, B. zh.Aralbayev's wife Sakipzhamal, who served as the Internal Affairs Committee of the Turkestan Assr at the age of 26, repeatedly went to the mordva camp in search of her husband in 1935 [Aralbaeva, 1990]. And Magzhan Zhumabayev's wife zylikha went in search of her husband in exile in Karelia 14 times [Kaharmanuly, 1997]. Sofia Tastemirova, the wife of Khamza Yesenzhanov, who was detained three times and persecuted for 17 years, went to the Krasnoyarsk Territory in search of her exiled husband, where she was employed as a doctor [Beiskul, 2000]. The exact number of repressed women, including those shot and held in labor camps (ETLS) and prisons, is not fully known. However, in the work of D. A. Shaimukhanov and S. D. Shaimukhanova "Karlag" the number of women prisoners in Karlag is indicated as follows: 1933 – 2,304, 1934 – 3,011, 1936 – 3,260, 1938 – 7,511, 1939 – 17,099 [Shaimukhanov, Shaimukhanova, 1997: 21]. A. R. Kukushkina notes that in 1938-1946 there were 4,482 women in the Akmola special department, of which 2,469 (55%) were representatives of Russian nationality, and 93 (2%) were representatives of Kazakh nationality [Kukushkina, 2000]. In addition, A. Taigbekov writes that about 22 thousand female prisoners suffered in Algeria [Tasymbekov, 1994].

The study of women subjected to political repression in 1937-1938, especially Kazakh women, the full disclosure of their fate has a significant impact on the formation of national consciousness and spirit. It suggests that the persecution of women is a policy directed against the unity of the nation and the integrity of the country. Women, whose husbands were persecuted, withstood heavy suffering, went in search of their exiled husbands, became their support and lived in the camp, thinking about their children and family members. After leaving captivity, they searched for their children, tried to re-ignite the smoke of the family and sought not to let the descendants forget their origin. Such heroism and fortitude, especially characteristic of Kazakh women, remained an indelible example for posterity. As a result of false accusations and slander, many Kazakh intellectuals were also arrested in 1937-1938 and shot as "enemies of the people". Their family members and relatives were also arrested and tried. During the same period, the people's Commissariat of Internal Affairs (NKVD) subjected about 3 million people throughout the USSR to political repression. In Kazakhstan, during this period, 103 thousand people were repressed, of which more than 25 thousand were shot. In South Kazakhstan Region, 7 thousand people were arrested and 2.5 thousand were shot. However, many documents have not yet been found in full, and the search continues. Of particular importance in the search and propaganda work in this direction is the work of the team headed by the director of the Museum of victims of political repression of the South Kazakhstan region, the poet, holder of the order "Parasat", Honored Worker of the Republic of Kazakhstan Khanbibi Yesenkarovna. In Kazakhstan, Algeria for the women of the "enemy of the people" (Akmolinsky camp Zhen Izmennikov rodiny in Russian) was opened in 1937 by order of the NKVD as a Akmola camp for the wives of traitors to the motherland. Among the people it was called "Algiers". In the camp, the wives, daughters and sisters of leaders in the party, Soviet bodies, prominent scientists and writers were arrested, subjected to various humiliations and could not gain any rights. Algeria was founded in August 1937 in the settlement of Revolution (Malinovka) in the south-west of the modern city of Astana as the 26th point of the 17th division within the Karaganda camp. "Akmola camp of traitors to the motherland" is only one section of Karlag. The camp covered an area of 30 thousand hectares, where women sentenced to three to eight years in prison served their sentences. Although the Akmola women's camp was subordinate to Karlag, the Karaganda camp was subordinate not to the leadership of the Republic, but directly to the Gulag, and the capital of the Gulag was located in Moscow. The release of women prisoners was only nominal, and the state continued to restrict their civil rights. They did not have the right to live in large cities and Capitals, perform some types of activities, were registered

with local authorities, and had limited employment and educational opportunities. In 1937-1938, the campaign to cleanse the South Kazakhstan region of "enemies of the people", counter-revolutionaries and members of the nationalist-Troitsky organization was more intense than in other regions. This region is legal, since at that time it covered the lands of modern Shymkent, Aulieata and Kyzylorda. The mourning campaign was aimed primarily at local party and Soviet workers, citizens who ruled the country. 576 people joined the first leg, including 58 people who held the most responsible positions in the district and region. Among them are Sabir Aitkhozhin, Nurysh Daniyarov, Abilkhair Dosov, Kazmukhamet Kuletov, Vladimir Sluchak, Embergen Altynbekov, Ismail Satybaldiev, Suleiman Aisarin, Ziken Turanov, Mikhail Luker, Iskandyrkhan Sattarkhanov, Azimkhan Kenesarin, Zhumanbek and Zhumabek Kistaubayev, Abbas Kalambayev, Bakhyt Irzhanov, Kilybay Koseubayev, Makhmut there are such personalities as Iskakov, Abildabek Utepbergenov, Akylbek Nurbekov [Yesenkarakyzy K., 2006]. The collection" Uznitsy Algira", published in Moscow in 2003 with the support of the International Society" memorial " and the Association of victims of illegal repression of Astana and Akmola region, contains a list of women subjected to political repression. As a result of the examination, the names of 28 women in Karlag and Algeria were identified in the South Kazakhstan region. Among them are Akshabayeva Ashir, Aldabergenova Albusina, Altybayeva Balakyz, Asfendiyarova Rabia, Akhmedova Kulzhan, Bagyzbayeva Sulukhan, Baishoraeva Kulzhan, Bobaeva Hanai, Zhantasova Utesh, Divaeva Fatima Kadyrovna, Erubaeva Zane, Zelenskaya Natalia Illarionovna, Ibragimova Amina, Inagamova Hibiba Ibragimovna, Kabylova (Kabulova) Abisha kurbanbekkyzy, Karlybayeva Rzakia, Konishcheva Evdokia Grigorievna, Lisina Akulzhan, Makina Inish, Maldybayeva Sarah Nurzhanovna, Osmanova Fatima, Rustemova Magripa Muhammedzhanovna, Ryskulova-Esengulova Aziza Peninsekovna, Esengulova Aripa Ataulovna, Sarsenbayeva Fatima, There is a Fleisher Ksenia Vissarionovna, Kozhanova Kulandam, Ernst Maria Timofeevna. In addition, information about such countrymen as Altynbaeva Khabiba Muzafarovna, Bushueva Natalia Ivanovna, Zhakenova-Sultanova Balaim, Sadykova Sulukul, which are not included in the list, is obtained from the South Kazakhstan Regional Museum of victims of political repression.

The study of the ways of life of these women, the analysis of their role in socio-political and Public Service, and a realistic assessment from a historical point of view on the basis of archival data is an urgent problem at the present stage. One of them is the fate of Sister Bagyzbayeva Suluhan.

Suluhan Bagyzbayeva was born on February 14, 1905 in Shymkent. Father Koldasbekov Esbol was a competent Russian translator, five sons and five daughters were brought up in the family, Suluhan is the first child. His wife Bagyzbayev Mambetali was born in 1893 in Kemerbastau village, Tulkubas District, South Kazakhstan region. Mambetali Bagyzbayev developed cotton farming in the South, was the head of the Agricultural Department of the Shymkent regional party committee and was recognized as the spiritual guide of Turar ryskulov, a prominent representative of the Kazakh intelligentsia. On August 25, 1937, Bagyzbayev Mambetali was arrested, and on February 19, 1938, by the decision of the military collegium of the Supreme Court of the USSR, he was shot under Articles 58-7, 58-8, 58-11 of the RSFSR. Suluhan Bagyzbayeva, as the" wife of an enemy of the people", was imprisoned in Dolinka for five years. He endured nervous exhaustion, physical suffering, and after completing his sentence, he returned to Shymkent and made a living from simple jobs. Three children of suluhan APA were taken from their father and mother and placed in an orphanage. In her memoirs, Maya Bagyzbayeva said: "all three of us were taken to the orphanage. Soon, in the ranks of the children of the "enemy of the people" in the crowd, we were loaded into a carriage and driven to an unknown destination. We held hands and constantly held on to our clothes so as not to lose each other. After a while, my two brothers were separated, and I was left alone." There, next to Maya, was a tutor named Mikhail, who felt his care, and in the future he was pampered and surrounded with love. Maya entered the Sorochinsky orphanage in Orsk, where her father's name was changed to Mikhail and she became Maya Mikhailovna. And son Sultanbek and daughter Zoya were placed in other orphanages in Russia, and Sultanbek escaped from the orphanage in 1942 and was detained in Kyzylorda. In 1943, at the age of 16, he went to the front in excess of his age and aimed to wash off the slander against his father with his blood, but died at the age of 19. And Zoya safely returned to her native country. In 1945, Maya Bagyzbayeva was transferred to an orphanage in the village of Dolinka, the center of Karlag in Kazakhstan. This meeting had its own meaning: Maya, who has been missing for seven years, finds her mother there. In her memoirs, Maya writes: "When I was brought from Russia, I did not know a word of Kazakh, I did not understand anything. I was admitted to the seventh grade of high school, but it turned out that there are only children of two or three "enemies of the people" like me. We were not loved by other children, did not participate in school ceremonies, parties. However, we realized with our inner feelings that our father and mother were honest,

and we were ahead in class. We have proven ourselves through our passion for knowledge. When we graduated from school, we were not accepted into the Pioneer, Komsomol. After the Universities of Kazakhstan did not take me to study, I went to Moscow, entered the Russian Philology of MSU" [Tasymbekov, 1994: 114]. Sulukhan Bagyzbayeva, who was then arrested in 1938 as the wife of an enemy of the people, returned to Shymkent in 1946. She has been serving for twenty years in a boarding school for children with language disabilities. Daughter Maya completes a decade of education with a" very good " grade and wins a gold medal. In that era, such success was a rare phenomenon for Kazakh girls. A special referral was issued to send to study at Moscow State University, but after the slander "daughter of an enemy of the people" Maya entered Leningrad University. However, the head of the organization "countrymen" (Zemlyachestvo), created by Kazakh students studying in Moscow, Omirbek Zholdasbekov, told the rector of Moscow State University Petrovsky: "there is one Kazakh girl who studies very well at Leningrad University, can she be transferred to Moscow?"- after petitioning, Maya continues her studies in Moscow. Thanks to her ability to speak and speak, Maya becomes an active member of the organization that unites Kazakh youth in the new environment. Maya Bagyzbayeva met Omirbek Arystanovich, and then started a family. Oba graduated with honors from the University and replenishes his higher education. He graduated from the philological Faculty of Moscow State University with honors, entered graduate school, then defended his Ph. D. and doctoral dissertations and taught at Kazgu for many years. Her son Zoya also received a higher education and worked in the library industry for half a century. Suluhan did not know if grandma Mambetali was alive or dead until 1956. You can learn about this from his statement to N. S. Khrushchev: "...I want to tell you about my husband, about whom I have nothing to say..." [Museum of victims of political repression of South Kazakhstan region, 2025]. On December 21, 1957, the military collegium of the Supreme Court of the USSR suspended the sentence against Mambetali Bagyzbayev and acquitted him. The second time was fully rehabilitated on October 30, 1990 by the resolution of the Shymkent regional prosecutor's office. In 1993, the 100th anniversary of Bagyzbayev's birth – Tulkubas district-was celebrated, and the Eltai school in the village and one street in Shymkent were named after him. On the same holiday, grandmother Suluhan was riding a horse. Suluhan Bagyzbayeva passed away in 1996 at the age of 91. Studies of the political repressions of 1937-1938, especially of Kazakh women, show that they have a significant impact on establishing their true history and strengthening national consciousness and spirit. The repressive policy against women suggests that it is directed against the unity of the nation and the integrity of the country. The Soviet authorities aimed to destroy the family and ensure the transfer of communist upbringing. The fate of women during the years of repression is clearly manifested by specific biographical examples. Aziza Ryskulova as the spouse of Turar ryskulov, Kulandam Kozhanova as the spouse of Sultanbek Kozhanov, Damesh Yermekova-Zhurgenova as the spouse of Temirbek Zhurgenov, Rabiga Asfendiyarova as the spouse of Sanzhar Asfendiyarov experienced the severe consequences of political repression. Their normal family life changed dramatically with the arrest of their husbands, and they themselves were subjected to harassment. Some of the women were deprived of their freedom and sent to camps, separated from family members and children. And the destinies of such women as Habiba Altynbaeva, Balakyz Altybaeva, Kulzhan Akhmedova, Sulukhan Bagyzbayeva, Zane Erubaeva, who fell from South Kazakhstan to Karlag and Algeria, show that repression destroyed not only the families of famous figures, but also the daily and family life of ordinary women. Therefore, the study of their personal life history allows us to more deeply reveal the socio-psychological consequences of Stalinist repressions on the fate of a woman, mother and family.

The fate of repressed women was characterized by the collapse of their family life, separation from children and the harsh conditions of camp life. For example, after the arrest of Turar Ryskulov, his wife Aziza Ryskulova was also persecuted as the "wife of an enemy of the people" and sent to Algeria. Her little daughters, Saule and Rida, were placed in orphanages. In the camp, Aziza worked as a veterinarian in accordance with her specialty. After his release, he continued his professional activity [Tolesh, 2021]. Aziza's mother, Garifa (Aripa) Yesengulova, was also exiled and died in Algeria. The fate of damesh Yermekova-Zhurgenova also reflects the consequences of Stalinist repression on her family. After his wife Temirbek Zhurgenov was arrested as an "enemy of the people" and sentenced to death, Damesh was sent to Algeria. Being a doctor with higher education, he served as a medical officer in the camp. Even after serving his sentence, his life remained connected with the camp system,serving as a volunteer mercenary in Sevurlag in 1946 [Mahan, 2024]. Sultanbek Kozhanov's wife Kulandam Kozhanova was also repressed after her husband's political persecution and became an Algerian prisoner. The sources indicate that he experienced camp persecution for many years [Museum of victims of political repression of South Kazakhstan region,

2025]. And on July 21, 1938, by the decision of the Special Council under the NKVD, Rabiga Asfendiyarova was sentenced to five years in a labor camp, and on October 3 of the same year she was taken from the Almaty prison to the Akmola camp unit. He was released on May 5,1943 and later emigrated to Uzbekistan [Sultan, 2025. The ways of life of these women indicate that political repression was directed not only against state and public figures, the consequences of which also fell on their spouses and children. Therefore, without limiting the history of Algeria to general statistical data, an analysis of real women along the lines of their family – mother – camp prisoner – post-repression life allows us to delve deeper into the history of women. The official materials of the Algerian museum directly name Aziza Ryskulova, Damesh Zhurgenova and Rabiga Asfendiyarova among the prisoners of the camp.

The peak period of intense political repression since 1925 was 1937-1938, when women from different social strata were innocently punished by Labor in correctional camps and colonies for up to 3-8 years. The conditions of life in those camps and colonies were very severe. Women who applied to the appropriate places in order to justify their husbands were also prosecuted, and innocent babies were sent for "re-education" in orphanages for their parents. The courage and fortitude of women, especially Kazakh women, who survived the persecution of their husbands, sought after their exiled comrades, thought about their children and wives in the camp, who, after being released from captivity, tried to find their children and re-ignite the fire of the family hearth, is an example that will forever be remembered for the next generation. We express deep respect for our mothers who have shown these feats. The qualities of endurance, calmness, intelligence and courage in them should be promoted today. On May 31, 2007, the museum-memorial complex of victims of political repression and totalitarianism "Algeria" was opened in the village of Akmol, Tselinograd District of Akmola region. The museum displays documents, photographs, household items, historical data and literary works reflecting the fate of suffering women. Full rehabilitation of the victims of Stalinist repressions was possible only after Kazakhstan gained independence. On April 14, 1993, the head of state signed the law "on rehabilitation of victims of mass political repression". This law provides that from October 25, 1917, all those who were subjected to political repression were rehabilitated and their material and moral losses were compensated as much as possible. In addition, children deprived of their freedom, who were with their parents in exile or exile, or who were kept in special units, are also recognized as victims of political repression. 1997 in Kazakhstan was declared the "Year of mass national reconciliation and remembrance of victims of political repression". Since May 31 of the same year, the day of remembrance of the victims of political repression has been officially established. The South Kazakhstan Regional Museum of victims of political repression was opened on November 2, 2001, in honor of the 10th anniversary of independence of the Republic of Kazakhstan. It became the first museum dedicated to the victims of political repression in the Republic, a clear demonstration of the concern of the state and society for the restoration of justice and the eternal memory of the victims of political repression of the last century. In addition, the Republic began to organize events aimed at recognizing the history of the nation, forming historical consciousness and raising the national spirit to a new level. The most important of these measures was the expanded meeting of the interdepartmental working group on the study of the national history of the Republic of Kazakhstan. During the meeting, Secretary of state Marat Tazhin outlined the main directions of the study of the history of Kazakhstan and set important tasks for historical science. Among them, one of the priority issues was the study of the history of victims of political repression and a true historical assessment of this period.

Conclusion. During the period of Stalinist political repressions of 1937-1938, women in the South Kazakhstan region, especially Kazakh women, withstood social and political pressure in society and sought to become the support of the family. The study showed that many women, despite the fact that their husbands were driven and called "enemies of the people," made every effort to protect their children, maintain family ties, as well as ensure everyday life. For example, Aunt Bagyzbayeva Sulukhan lived for five years in a camp in Dolinka, and at the age of six she was looking for her three children who lost their father and tried to restore their fate. Such courage and endurance were a clear demonstration of the courage and fortitude of Kazakh women.

The distinctive role of women was reflected in camps and colonies, in difficult conditions of Exile. Women who complained about the fate of their husbands or went to the appropriate places were also prosecuted and sometimes captured themselves. In this way, their lives and efforts towards the education of the offspring, despite the political pressures directed against them, set a distinctive example of the transmission of moral and cultural values to the offspring. This study makes it possible to scientifically

assess their courage and resilience, clarifying the multifaceted effects of political repression on Women, Family and society.

In addition, such research makes a significant contribution to the formation of national consciousness and historical memory. By studying the fate of women of South Kazakhstan, it becomes possible to restore justice to the victims of political repression, recognize their true history and demonstrate their historical example, which will serve as a lesson for future generations. This, in turn, is important from the point of view of a comprehensive study of the history of Kazakhstan and the promotion of historical reality in society.

Literature

«АЛЖИР» саяси қуғын-сүргін және тоталитаризм құрбандарының музей-мемориалдық кешені. АЛЖИР лагерінің тарихы // Музейдің ресми материалдары [Электрондық ресурс]. Қаралған күні 02.01.2026)

Аралбаева, 1990 – *Аралбаева С.* Ардағым, айбарым еді? // Алматы ақшамы. 1990. 31 май.

Бағысбаева Мая естелігі // Жас Алаш. 1993. 9 қазан. 3-б.

Бахторазов, 2022 – *Бахторазов С.У.* Политические репрессии в южном регионе Казахстана (1917–1939 гг.). Алматы: Дарын, 2022. 307 с.

Бейіскұл, 2000 – *Бейіскұл Т.* Алмағайып тағдырға кезігіп // Қазақ батырлары. 2000. №5. 5–9-бб.

Есенқарақызы, 2006 – *Есенқарақызы Х.* Қан жүректі қайғылым. Шымкент: «Ордабасы», 2006. 208-б.

Койгельдиев, 2009 – *Койгельдиев М.К.* Сталинизм и репрессии в Казахстане в 1920–1940-х годов. Алматы, 2009. 448 с.

Кукушкина, 2001 – *Кукушкина А.Р.* История создания и функционирования Акмолинского лагеря жен «изменников Родины» (30–40-е годы XX века): автореф. дис. Караганда, 2001. 28 с.

Қазақстандағы саяси қуғын-сүргіндер, 2010 – Қазақстандағы саяси қуғын-сүргіндер. Құжаттар мен материалдар жинағы. Алматы: Арыс, 2010. 368 с.

Қаһарманұлы, 1997 – *Қаһарманұлы Ғ.* Зылиханың Тарыда болуы // Көкшетау. 1997. 9 қаңтар.

Қозыбаев, 1992 – *Қозыбаев М.Қ.* Ақтаңдақтар ақиқаты. – Алматы: Қазақстан, 1992. 272 б.

ҚРОММ. 1380-қ. 1928-29 жылдардағы азаматтардың шағымдары мен мәлімдемелері. 1-т. 261-іс. 25-п.

ҚРОММ. 1380-қ. КАССР қамау орындарын қадағалауэ 1-т., 263-іс. 201-п.

ҚРПМ. 141-қ. Қазақ өлкелік ВКП(б) комитеті. 1-т., 2828-іс. -50-п.

Мақатай, 2012 – *Мақатай А.* Қазақстандағы қуғын-сүргінге ұшыраған қазақ әйелдерінің тарихы мен тағдыры // Жас ғалым. 2012. №12. 20–22-бб.

Махан, 2024 – *Махан М.* «Алжирде» азапталған қазақ зиялыларының әйелдері мен балалары // El.kz. – 31.05.2024.

Мұсағалиева, 2016 – *Мұсағалиева А.С.* Солтүстік Қазақстандағы «АЛЖИР» әйелдер лагерінің тарихы: тарихнама және мұрағаттық деректер // Asian Journal “Steppe Panorama”. Edu.e-history.kz. 2016. №4(8). 245-254-бб. https://www.ajspiie.com/index.php/history/article/view/1003/912

Оңтүстік Қазақстан облыстық қуғын-сүргін құрбандарының мұражайы материалдары. Сейілханова Балайымның папкасынан. https://shymkentmuseums.kz/m-razhaj-bolimi/sayasi-kugyn-s-rgin-k-rbandaryny-muzeji.html (қаралған күні 15.09.2025).

Оңтүстік Қазақстан облысы Мемлекеттік архиві (ОҚО МА). Қор 42 Репрессияланған әйелдерге қатысты тергеу материалдары, тізбе 1, Іс №125 . Шымкент, 1937.

Оңтүстік Қазақстан облысы Мемлекеттік архиві ОҚО МА. Қор 11. Тізбе 1. 1937 жылғы Шымкент округі әйелдеріне қатысты тексеру актілері., Іс №57.

Сәрсембина, 2004 – *Сәрсембина Қ.Қ.* Қазақстан әйелдері саяси қуғын-сүргін құрбандары (1925–1938 жылдар): тарих ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация. Алматы, 2004. 113 б.

Сураганова, 2018 – *Сураганова З.К.* АЛЖИР как феномен «женской» несвободы в репрессированной памяти казахского народа // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. №1 (22). С. 64–72. DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.008.

Сұлтан, 2025 – *Сұлтан М.* Әйел тағдырын тамұққа айналдырған АЛЖИР Қазақстан тарихы порталы. 1937 жылы «Отанын сатқандар әйелдерінің Ақмола лагері» (АЛЖИР) құрылды // e-history.kz. 28.05.2025 [Электрондық ресурс].

Тасымбеков, 1994 – *Тасымбеков А.* Жан дауысы Алжир архипелагі. Алматы «Жалын» 1994.-176 б.

Төлеш, 2021 – *Төлеш Е.* Қуғын-сүргін құрбандарының жұбайлары туралы не білеміз? // Tengrinews.kz. 08.03.2021. [Электрондық ресурс].

Шаймұханов, Шаймұханова, 1997 – *Шаймұханов Д.А., Шаймұханова С.Д.* Карлаг // Караганда. 1997 ж. 21-б.

Шашаева, 2026 – *Шашаева М.А.* Жазықсыз жазаланғандар: «Отан сатқындарының отбасы мүшелері туралы» заңының әйелдер тағдырына тигізген ауыр әсері // Отан тарихы – Отечественная история. 2026. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_724-734.

Шымкент қалалық Мемлекеттік архиві. Қор 5, Іс №16. Репрессия құрбаны болған аналардың естеліктері мен отбасы жазбалары.

Assmann, 2011 – *Assmann J.* Cultural Memory and Early Civilization. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 242 p.

Scott, 1999 – *Scott J.* Gender and the Politics of History. New York: Columbia University Press, 1999.

References

Aralbayeva, 1990 – *Aralbayeva S.* Ardagym, aibarym edi? [My Beloved, My Pride]. Almaty Aqshamy. 31 May 1990.

Archive of the President of the Republic of Kazakhstan. Fund 141, Inventory 1, File 2828, fol. 50. Kazakh Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks).

Assmann, 2011 – *Assmann J.* Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 242 p.

Bagysbayeva M. Esteligi [Memoirs]. Zhas Alash. 9 October 1993. p. 3. [in Kazakh]

Bakhtorazov, 2022 – *Bakhtorazov S.U.* Politicheskie repressii v yuzhnom regione Kazakhstana (1917–1939 gg.) [Political Repressions in the Southern Region of Kazakhstan (1917–1939)]. Almaty: Daryn, 2022. 307 p. [in Russian]

Beiiskul, 2000 – *Beiiskul T.* Almagaiyp tagdyrga kezigip [Encountering an Extraordinary Fate]. Qazaq Batyrları. 2000. № 5. 5–9-bb. [in Kazakh]

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. Fund 1380, Inventory 1, File 263, fol. 201. Materials on the supervision of detention facilities of the Kazakh ASSR.

Central State Archive of the Republic of Kazakhstan. Fund 1380, Inventory 1, File 261, fol. 25. Citizens' complaints and statements, 1928–1929.

Esenkarakyzy, 2006 – *Esenkarakyzy Kh.* Qan zhurekti qaigylym [My Heart Filled with Sorrow]. Shymkent: Ordabasy, 2006. 208 p. Pp. 188–191. [in Kazakh]

Koigeldiyev, 2009 – *Koigeldiyev M.K.* Stalinizm i repressii v Kazakhstane v 1920–1940-kh godakh [Stalinism and Repressions in Kazakhstan in the 1920s–1940s]. Almaty, 2009. 448 p. [in Russian]

Kozybayev, 1992 – *Kozybayev M.K.* Aqtandaqtar aqiqaty [The Truth about the Blank Spots]. Almaty: Qazaqstan, 1992. 172 p. [in Kazakh]

Kukushkina, 2001 – *Kukushkina A.R.* Istoriya sozdaniya i funktsionirovaniya Akmolinskogo lagerya zhen "izmennikov Rodiny" (30–40-e gody XX veka) [History of the Establishment and Functioning of the Akmola Camp for Wives of "Traitors to the Motherland" in the 1930s–1940s]. Dissertation abstract. Karaganda, 2001. 28 p. [in Russian]

Makatay, 2012 – Makatay A. Qazaqstandagy qugyn-surginge ushyragan qazaq ayelderinin tarikhy men tagdyry [The History and Fate of Kazakh Women Subjected to Political Repression in Kazakhstan]. Zhas Galym. 2012. № 12. 20–22-bb. [in Kazakh]

Makhan, 2004 – *Makhan M.* "ALZHIRde" azaptalgan qazaq ziyalylarynyn ayelderi men balalary [Wives and Children of Kazakh Intellectuals Who Suffered in ALZHIR]. El.kz. 31 May 2024. [Electronic resource]. [in Kazakh]

Musagaliyeva, 2016 – *Musagaliyeva A.S.* Soltustik Qazaqstandagy "ALZHIR" ayelder lagerinin tarikhy: tarikhnama zhane muraghattyq derekter [The History of the ALZHIR Women's Camp in Northern Kazakhstan: Historiography and Archival Sources]. Asian Journal "Steppe Panorama". 2016. № 4(8). [in Kazakh]

Museum of Victims of Political Repression of South Kazakhstan Region. Materials from the Personal File of Balayym Seilkhanova. Museum materials. Accessed 15 September 2025.

Museum-Memorial Complex of Victims of Political Repression and Totalitarianism "ALZHIR". ALZHIR lagerinin tarikhy [History of the ALZHIR Camp]. Official museum materials. [Electronic resource]. Accessed 2 January 2026.

Qaharmanuly, 1997 – *Qaharmanuly G.* Zylikhanyn Taryda boluy [Zylikha's Stay in Tary]. Kokshetau. 9 January 1997. [in Kazakh]

Qazaqstandagy sayasi qugyn-surginder, 2010 – Qazaqstandagy sayasi qugyn-surginder. Quzhattar men materialdar zhinagy [Political Repressions in Kazakhstan: Collection of Documents and Materials]. Almaty: Arys, 2010. 368 p. [in Kazakh]

Sarsembina, 2004 – *Sarsembina K.K.* Qazaqstan ayelderi sayasi qugyn-surgin qurbandary (1925–1938 zhyldar) [Women of Kazakhstan as Victims of Political Repression (1925–1938)]. Candidate of Historical Sciences dissertation. Almaty, 2004. 113 p. [in Kazakh]

Scott, 1999 – *Scott J.W.* Gender and the Politics of History. New York: Columbia University Press, 1999.

Shaimukhanov, Shaimukhanova, 1997 – *Shaimukhanov D.A., Shaimukhanova S.D.* Karlag. Karaganda, 1997. 175 p.

Shashayeva, 2026 – *Shashayeva M.A.* Zhazyqsyz zhazalangandar: "Otan satqyndarynyn otbasy musheleri turaly" zannyn ayelder tagdyryna tigizgen auyr aseri [The Innocently Punished: The Severe Impact of the Law on "Family

Members of Traitors to the Motherland" on Women's Fates]. Otan Tarihy – Otechestvennaya Istoriya. 2026. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_2_724-734. [in Kazakh]

Shymkent City State Archive. Fund 5, File 16. Memoirs and family records of mothers who became victims of political repression.

State Archive of South Kazakhstan Region. Fund 11, Inventory 1, File 57. Inspection records concerning women of the Shymkent district, 1937.

State Archive of South Kazakhstan Region. Fund 42, Inventory 1, File 125. Investigation materials concerning repressed women. Shymkent, 1937.

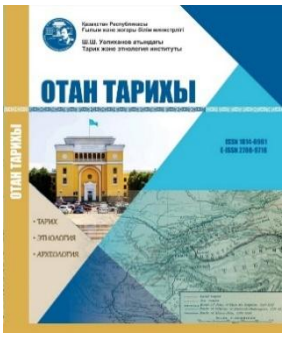
Sultan, 2025 – *Sultan M.* Ayel tagdyryn tamuqqa айналdyrgan ALZHIR [ALZHIR, Which Turned Women's Fate into Hell]. Qazaqstan Tarihy (e-history.kz). 28 May 2025. [Electronic resource].

Suraganova, 2018 – *Suraganova Z.K.* ALZHIR kak fenomen "zhenskoi" nesvobody v repressirovannoi pamyati kazakhskogo naroda [ALZHIR as a Phenomenon of "Women's" Unfreedom in the Repressed Memory of the Kazakh People]. Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik. 2018. № 1(22). S. 64–72. DOI: 10.25693/IGI2218-1644.2018.01.22.008. [in Russian]

Tasymbekov, 1994 – *Tasymbekov A.* Zhan dauysy: ALZHIR arkhipelagi [Voice of the Soul: The ALZHIR Archipelago]. Almaty: Zhalyn, 1994. 176 p. [in Kazakh]

Tolesh, 2021 – *Tolesh E.* Qugyn-surgin qurbandarynyn zhubailary turaly ne bilemiz? [What Do We Know about the Spouses of Victims of Political Repression?]. Tengrinews.kz. 8 March 2021. [Electronic resource] [in Kazakh]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1347-1359
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1347-1359

MIGRATIONS IN THE SYSTEM OF THE SOVIET-CHINESE BORDER IN THE 1940S: SOCIETAL SECURITY IN THE KAZAKH SSR

Didar Beisengalievna Kassymova [1], Baurzhan Narimanovich Abdrakhmanov[2], Almas Kairgeldinovich Kenzhegalin [3]

[1]Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan), candidate of historical sciences, leading researcher
https://orcid.org/0000-0001-8521-9818 .E-mail: didarkassymova87@gmail.com

[2]Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University
(60, Olzhabai batyr str., 140000 Pavlodar, Republic of Kazakhstan), candidate of historical sciences, associate professor
https://orcid.org/0000-0001-7147-4391 . E-mail: abdrahmanov_bayr@mail.ru

[3]Alkey Margulan Pavlodar Pedagogical University
(60, Olzhabai batyr str., 140000 Pavlodar, Republic of Kazakhstan), 2nd-year PhD doctoral student
https://orcid.org/0009-0005-4233-7466. E-mail: akenzhegalin@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026
© Kassymova D.B., Abdrakhmanov B.N., Kenzhegalin A.K., 2026

Abstract. *Introduction.* The article examines the return migration of Kazakhs from China to Soviet Kazakhstan in the mid-1940s and the factors that shaped this process. Since the mid-1930s, Kazakhs had been actively involved in the insurgent movements in Xinjiang, and in 1944 they participated in an armed uprising known as the Uprising of the Three Districts. Considerable losses among the Kazakh population and the continuing political and military instability prompted some Kazakhs living along the Soviet-Chinese border to migrate to the Kazakh SSR. *The purpose.* The purpose of the article is to trace the evolution of relations between the Soviet leadership, including the authorities of the Kazakh SSR, and Kazakh repatriates from Xinjiang. Particular attention is paid to the attempts of both sides to establish mechanisms of dialogue and to the measures taken by the Soviet authorities to minimize the potential risks associated with return migration within the conceptual framework of societal security. *Materials and methods.* The study is based primarily on archival materials from the Archive of the President of the Republic of Kazakhstan (AP RK), supplemented by a critical analysis of scholarly literature on the return migration of Kazakhs from China. The theoretical and methodological framework combines the theory of societal security, the principle of historicism, and discursive approaches to textual analysis. *Results.* The study demonstrates that the Soviet authorities did not prevent the return of Kazakhs from China and were interested in increasing the population of the border regions of the Kazakh SSR. At the same time, the arrival of returnees provided the Soviet

authorities with an additional opportunity to obtain information about military and political developments in Xinjiang and changes in the attitudes of the local population toward the Soviet Union. Seeking to minimize the potential risks associated with return migration, the leadership of the Kazakh SSR provided assistance to both returnees and the local population. The leaders of the Kazakh repatriates from Xinjiang, in turn, sought to establish constructive relations with the Soviet authorities and adapted their discourse to Soviet political and ideological language. *Conclusion.* The Soviet leadership was interested in the return of Kazakhs from China but remained concerned about the potential destabilization of the Soviet-Chinese borderlands. Consequently, Soviet and Kazakh SSR authorities pursued a policy aimed at facilitating the settlement and integration of returnees while simultaneously supporting the local population and maintaining political and social stability in the border regions.
Keywords: Kazakh SSR, Kazakhs, migrations from China, societal security.
Gratitude: The article was prepared within the framework of the grant-funded project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan “Social Policy in Kazakhstan in Historical Dynamics (1920s–1980s)” (Grant No. AP23490001).
For citation: Kasymova D. B., Abdrakhmanov B. N., Kenzhegalin A. K. Migration processes of the 1940s in the system of the Soviet–Chinese border: social security in the Kazakh SSR // Otan tarikhy. Vol. 29. No 3. Pp. 1347–1359. [in English]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1347-1359

СОВЕТ–ҚЫТАЙ ШЕКАРАСЫ ЖҮЙЕСІНДЕГІ 1940-ЖЫЛДАРДАҒЫ КӨШІ-ҚОН ҮДЕРІСТЕРІ: ҚАЗАҚ КСР-ІНДЕГІ ӘЛЕУМЕТТІК ҚАУІПСІЗДІК.

Дидар Бейсенгалиевна Қасымова[1], Бауржан Нариманович Абдрахманов[2], Алмас Каиргельдинович Кенжегалин[3]

[1]Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы),
тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0000-0001-8521-9818 . E-mail: didarkassymova87@gmail.com

[2]Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті
(60-үй, Олжабай батыр көшесі, 140002 Павлодар, Қазақстан Республикасы),
тарих ғылымдарының кандидаты, ассоциированный профессор
https://orcid.org/0000-0001-7147-4391 . E-mail: abdrahmanov_bayr@mail.ru

[3]Әлкей Марғұлан атындағы Павлодар педагогикалық университеті
(60-үй, Олжабай батыр көшесі, 140002 Павлодар, Қазақстан Республикасы), 2 курс PhD докторанты
https://orcid.org/0009-0005-4233-7466. E-mail: akenzhegalin@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Касымова Д.Б., Абдрахманов Б.Н., Кенжегалин А.К., 2026

Аңдатпа. *Kipicne.* Мақалада 1940 жылдардың ортасында қазақтардың Қытайдан кеңестік Қазақстанға қайтымды көші-қонының ерекшеліктері және оған ықпал еткен негізгі факторлар қарастырылады. Қазақтар 1930 жылдардың ортасынан бастап Шыңжаңдағы көтерілісшілер қозғалысына белсенді қатысты. 1944 жылы олар тарихта «Үш аймақ көтерілісі» деген атаумен белгілі қарулы қозғалысқа қатысты. Қарулы қақтығыстар салдарынан қазақтар арасында орын алған елеулі адам шығыны мен өңірдегі әскери-саяси тұрақсыздық КСРО шекарасына жақын аумақтарда тұратын қазақтардың бір бөлігін Қазақ КСР-іне қоныс аудару туралы шешім қабылдауға мәжбүр етті. *Мақаланың мақсаты.* Зерттеудің мақсаты – әлеуметтік қауіпсіздік тұжырымдамасына сүйене отырып, қайтымды көші-қоннан туындайтын ықтимал тәуекелдерді азайту мақсатында өзара диалог тетіктерін қалыптастыруға ұмтылған КСРО және Қазақ КСР басшылығы мен Шыңжаңнан оралған қазақтар арасындағы қарым-қатынастардың эволюциясын зерделеу. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің деректік негізін Қазақстан Республикасы Президенті Архивінің (ҚР ПА) материалдары құрайды. Сонымен қатар Қытайдан Қазақстанға қазақтардың қайтымды көші-қоны мәселесіне арналған

ғылыми зерттеулерге талдау жасалды. Зерттеудің теориялық-әдіснамалық негізі әлеуметтік қауіпсіздік теориясына, тарихилық принципіне және мәтіндік материалдарды талдаудың дискурстық әдістеріне сүйенеді. *Нәтижелер.* Зерттеу нәтижелері кеңестік биліктің Қытайдан қазақтардың оралуына кедергі келтірмегенін және бұл үдерісті шекара маңындағы аудандардың халқын толықтыру мүмкіндігі ретінде қарастырғанын көрсетеді. Сонымен қатар қайтымды көші-қон кеңестік билікке Шыңжаңдағы әскери-саяси үдерістер туралы ақпарат алуға және жергілікті халықтың Кеңес Одағына қатысты көзқарасындағы өзгерістерді бақылауға мүмкіндік берді. Қазақ КСР басшылығы қайтымды көші-қоннан туындайтын әлеуметтік және саяси тәуекелдерді азайту мақсатында оралған қазақтарға және жергілікті тұрғындарға қолдау көрсету шараларын жүзеге асырды. Шыңжаңнан оралған қазақтардың жетекшілері де кеңестік басшылықпен тұрақты қарым-қатынас орнатуға мүдделі болып, билік өкілдерімен өзара қатынаста кеңестік саяси-идеологиялық дискурсқа бейімделген риториканы қолданды. *Қорытынды.* Кеңес басшылығы Қытайдан қазақтардың оралуына мүдделі болғанымен, олардың жаппай қоныс аударуы кеңес-қытай шекарасындағы жағдайға кері әсер етуі және тұрақсыздық тәуекелдерін күшейтуі мүмкін деп қауіптенді. Осыған байланысты кеңестік және Қазақ КСР билігі оралған қазақтарды жаңа ортаға орналастыру мен бейімдеуге қолдау көрсетумен қатар, жергілікті халықтың әлеуметтік жағдайын тұрақтандыруға бағытталған шараларды жүзеге асырды. Нәтижесінде қайтымды көші-қон үдерісі демографиялық мүдделер, шекаралық қауіпсіздік және саяси тұрақтылық мәселелері өзара тоғысқан күрделі құбылыс ретінде көрініс тапты.

Түйін сөздер: Қазақ Кеңестік Социалистік Республикасы, қазақтар, Қытайдан қоныс аудару, социеталдық қауіпсіздік

Алғыс: Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің гранттық қаржыландыру жобасы аясында дайындалды «Қазақстандағы әлеуметтік саясаттың тарихи динамикасы (XX ғ. 20–80 жж.)» (тіркеу № AP23490001).

Дәйексөз үшін: Д.Б. Касымова, Б.Н. Абдрахманов, А.К. Кенжегалин Совет–Қытай шекарасы жүйесіндегі 1940-жылдардағы көші-қон үдерістері: қазақ КСР-індегі әлеуметтік қауіпсіздік // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1347–1359-бб. [ағылшын тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1347-1359

МИГРАЦИИ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В 1940-ЫЕ ГОДЫ: СОЦИЕТАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В КАЗАХСКОЙ ССР

Дидар Бейсенгалиевна Касымова[1], Бауржан Наримановић Абдрахманов[2], Алмас Каиргельдинович Кенжегалин [3]

[1]Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010, Алматы, Республика Казахстан),
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0001-8521-9818. E-mail: didarkassymova87@gmail.com

[2]НАО «Павлодарский педагогический университет им. Ә. Марғұлан»
(д. 60, ул. Олжабай батыр, 140000, Павлодар, Республика Казахстан),
кандидат исторических наук, ассоциированный профессор
https://orcid.org/0000-0001-7147-4391. E-mail: abdrahmanov_bayr@mail.ru

[2]НАО «Павлодарский педагогический университет им. Ә. Марғұлан»
(д. 60, ул. Олжабай батыр, 140000, Павлодар, Республика Казахстан), докторант 2-го курса PhD
https://orcid.org/0009-0005-4233-7466. E-mail: akenzhegalin@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
©Касымова Д.Б., Абдрахманов Б.Н., Кенжегалин А.К., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются особенности возвратной миграции казахов из Китая в советский Казахстан в середине 1940-х гг., обусловленной комплексом военно-политических и социальных факторов. С середины 1930-х гг. казахи являлись частью повстанческого движения в

Синьцзяне, а в 1944 г. приняли активное участие в вооруженном восстании, известном как Восстание трех округов. Значительные человеческие потери, вооруженные столкновения и нестабильная военно-политическая ситуация вынудили часть казахского населения, проживавшего вдоль границы с СССР, принять решение о переходе в Казахскую ССР. *Цель статьи* – проследить эволюцию взаимоотношений руководства СССР и Казахской ССР с казахами-возвращенцами из Синьцзяна, а также выявить механизмы выстраивания диалога между советской властью и возвращенцами в контексте минимизации рисков возвратной миграции с позиций концепции социетальной безопасности. *Материалы и методы.* Источниковую основу исследования составили архивные материалы Архива Президента Республики Казахстан (АП РК), а также научные исследования, посвященные проблемам возвратной миграции казахов из Китая. Проведен вторичный анализ существующих исследований по данной проблематике. Теоретико-методологическую основу работы составили теория социетальной безопасности, принцип историзма и дискурсивные практики анализа текстового материала. *Обсуждение.* Возвращение казахского населения из Синьцзяна рассматривалось советским руководством одновременно в демографическом, социальном и военно-политическом контекстах. С одной стороны, советские власти не препятствовали возвращению казахов из Китая, поскольку были заинтересованы в пополнении населения приграничных районов Казахской ССР. С другой стороны, присутствие возвращенцев позволяло получать дополнительные сведения о военно-политических процессах в Синьцзяне и изменениях в отношении населения региона к Советскому Союзу. В связи с этим возвратная миграция приобретала значение не только как демографический процесс, но и как фактор приграничной и социетальной безопасности. *Результаты.* Установлено, что руководство Казахской ССР, стремясь минимизировать социальные и политические риски возвратной миграции, предпринимало меры по поддержке как возвращенцев, так и местного населения. В свою очередь, лидеры казахов-возвращенцев из Синьцзяна стремились установить устойчивые отношения с советским руководством и выстраивали коммуникацию с представителями власти с использованием советской политико-идеологической риторики, то есть, по выражению источников, говорили с ними «по-большевистски». Это свидетельствует о формировании определенного механизма взаимной адаптации и диалога между советской властью и прибывавшими из Китая казахами. *Выводы.* Советское руководство было заинтересовано в возвращении казахского населения из Китая, однако одновременно учитывало возможные риски дестабилизации приграничных территорий. Поэтому политика в отношении возвращенцев сочетала демографические интересы, меры социальной поддержки и задачи обеспечения безопасности советско-китайского приграничья. Проведенный анализ показывает, что взаимоотношения между советской властью и казахами-возвращенцами формировались на основе взаимной заинтересованности: государство стремилось контролировать миграционные процессы и минимизировать связанные с ними риски, тогда как возвращенцы были заинтересованы в адаптации к советским условиям и установлении конструктивных отношений с органами власти.

Ключевые слова: Казахская ССР, казахи, возвратная миграция из Китая, социетальная безопасность
Благодарность: Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Социальная политика в Казахстане в исторической динамике (20-80-е годы XX в.) (регистрационный номер ГФ AP 23490001)
Для цитирования: Касымова Д. Б., Абдрахманов Б. Н., Кенжегалин А. К. Миграционные процессы 1940–х годов в системе Советско-Китайской границы: социальная безопасность в Казахской ССР // Отан тарихы. Т. 29. № 3. С. 1347–1359. [на английском языке]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1347-1359

Introduction. Migration waves from China to Kazakhstan in the 20th century were primarily driven by geopolitical factors – changes in relations between the Soviet Union and China, and the priorities in the foreign policy of the regimes in power in both countries. From the end of the 1920s to the mid-1930s, the population from Soviet Kazakhstan moved to Chinese territory, as they no longer accepted Bolshevik practices of forced collectivization, which led to repressions and mass famine [Gasanlyi, 2015: 358].

Migrations of population groups from China to Kazakhstan since the 1930s were also determined by a number of foreign policy factors and events in China and the USSR, largely depending on the state of interstate relations. Return migration from China began in 1944, when both countries were at war – China was fighting militaristic Japan, and the USSR was fighting Nazi Germany. In Xinjiang, ethnic groups (Kazakhs, Uyghurs, Dungans, Mongols) had been fighting against the provincial Kuomintang government

since the early 1930s. The Soviet Union, interested in ensuring security on the Soviet-Chinese border, supported various political forces in China and the provincial authorities. The articles aims to elucidate peculiarities of return migration of Kazakhs from China in mid 1940s that was caused by several factors. Kazakhs were part of rebellious movement in Xinxiang since 1930x, but in 1944 initiated a rebellion known as Three-District Revolution. Serious losses of population forced part of Kazakhs in border areas to cross to the Kazakh SSR. The Soviet authorities, on their side, did not oppose, as it was interested in population supply. But on the other side, considering societal security risks took measures to minimize risks – provided material aid to returnees and local populace. Leaders of Kazakhs- returnees, strove to create good relations with the Soviet authorities, in their message spoke in-Bolshevik manner.

Materials and Methods. The theoretical and methodological basis of the topic considered in the article is the theory of societal security, developed by the Copenhagen School of Security Studies, denoting "the ability of a society to maintain its essence under changing conditions and in the face of possible or explicit threats". Societal security is an integral part of the theory of the regional security complex, within which the process of raising the problems of reference objects to the rank of existential security threats of a certain type (including societal security) is considered within the framework of the concept of securitization. In 'Security: a new framework for analysis', Busan et al. formalize their broader understanding of security by introducing five sectors, each governed by “distinctive characteristics and dynamics”, and conceptualized around particular referent objects and actors (i.e. military, environmental, economic, societal and political) [Buzan, 2003]. Societal security is about the survival of a community as a cohesive unit; its referent object is ”large scale collective identities that can function independent of the state”. Societal insecurities arise when “a society fears it would not be able to live as itself”, and stem from: migration: the influx of people will “overrun or dilute” a group's identity e.g.

Discussion. In the series of events starting from the 1930s until the establishment of Communist rule in China in 1949 and the transfer of provincial administration to them by the leaders of the East Turkestan Republic, the leaders of the Kazakh liberation movement entered into various coalitions and acted as an independent force. After a series of unsuccessful clashes with Chinese forces, part of the Kazakhs (paramilitary formations and the civilian population) crossed over to Soviet territory with their livestock by the mid-1940s. On the one hand, this shows that part of the Kazakhs realized the need to seek a compromise with the USSR in order to obtain necessary assistance (military and material) and ensure conditions for the survival of the ethnos.

In the 1940s, the problem of forming the political culture of the Kazakhs of China (adopting an ideological platform for cooperation with the political regime under certain conditions) was very acute, as it occurred in conditions of military-political confrontation in China – the war against militaristic Japan, opposing Chinese forces (Communists and the Kuomintang), and movements representing the interests of ethnic groups (Uyghurs, Dungans, and Kazakhs). Since early 1930s, Kazakhstan became the main center for the development of trade and economic relations with Xinjiang, and all issues related to border security acquired special significance [AP RK. F.141. Op. 17. D. 416. L. 113-114].

From that time, the Kazakhs of China were involved in an acute confrontation with the Chinese authorities for survival and the right to live in a certain territory, entering into short-term coalitions with other ethnic groups, and building relations with Chinese administrations and external actors. To pacify ethnic groups and reconcile them with the Chinese administration, the governor of Xinjiang, Sheng Shicai, in the 1930s also carried out a temporary personnel reshuffle, appointing some representatives of the Kazakhs to administrative posts, but this did not resolve the vital problems of the Kazakhs – pastures and taxation [Samaev, 2010: 16-20].

Among external actors interested in Chinese affairs was the Soviet Union, which played a complex game in Xinjiang. It should be noted that the USSR skillfully manipulated the political interests of ethnic elites in Xinjiang and opposing political groups [Lukin, 2023]. The Soviet leadership considered it necessary to direct the processes of forming the political culture of ethnic minorities into the channel of the national liberation movement and anti-colonialism. The USSR actively interfered in the internal affairs of China with the aim of minimizing the risk of forming an anti-Soviet buffer in the adjacent province and developing trade and economic relations.

In wartime conditions, it was important for the USSR to secure the border with China. The westernmost Chinese province, Xinjiang, was for Russia, and later the USSR, a "gateway" to China and for a long time acted as a "buffer" through which contradictions between the two empires were resolved. After the Xinhai Revolution (1911), the province gained the possibility of autonomous existence. The governor

(duban) possessed almost unlimited power and only nominally submitted to the central authorities (the Kuomintang regime). The polyethnic and polyconfessional population of the province, depending on certain natural-geographic niches, had its own production specifics and was integrated into the system of hierarchical relations of subordination to the Chinese authorities [Şakenūly, 2007].

Ethnic groups paid taxes and participated in the system of commodity exchange, but were semi-autonomous within their internal systems. From 1942, after serious failures of the USSR in the confrontation with Nazi Germany, the Kuomintang leadership began to curtail relations with the USSR, betting on cooperation with the USA. A radical turning point in the course of World War II in favor of the USSR forced Chiang Kai-shek to reconsider his attitude toward the need to cooperate with Moscow. He wrote a letter of repentance to Stalin and asked to resume relations. However, the Kuomintang leadership ceased to trust Sheng Shicai; he was removed from the administration of Xinjiang and left for Taiwan.

The most brutal trials Kazakhs in Xinxiang had to undergo was under the administrations of governors Jin Shuren (1928–33) and Sheng Shicai (1933–44). “During this period, education in the Kazakh language was restricted, and the native people were increasingly taxed. Indigenous people’s lands were confiscated and divided among Chinese immigrants. People were executed for even the smallest of crimes. After prominent community leaders were arrested, the Uyghurs and Kazakhs in the region revolted. Although these rebellions led to short-term success, they could not continue to confront the Governor’s forces that were so superior in numbers and equipment. This led the nomadic Kazakh people to decide to migrate to areas where they could live freely” [Kara, 2019:3].

“During these years, there was a mass departure of residents of Xinjiang to the territory of the neighboring Soviet republics. At the end of August 1944, 451 families migrated from the Kobuk area of Xinjiang province to the territory of the Tarbagatai district of the East Kazakhstan region: 251 one family - Kazakhs from the Naiman clan, 200 families of Mongols–Torgauts. There were 817 families in Zaisan and Markakul districts. 45 families were returned back by the border guard, 50 families were refused by the head of the Alakul RO NKGB” [Kozhirova].

"Sheng Shicai's betrayal forced the USSR to revise its attitude toward the fighters for Xinjiang's independence"[digitalarchive.wilsoncenter.org]. An important factor was also the reassessment of the economic potential of Xinjiang, where Soviet geologists discovered large reserves of uranium in Altai, which was controlled by Kazakhs led by Ospan Batyr [Wilson Center digital arcive]. In May 1943, in connection with Sheng Shicai's anti-Soviet policy, the USSR decided: "To provide support to the non-Chinese nationalities of Xinjiang (Uyghurs, Kazakhs, Kyrgyz, Mongols, etc.) in their struggle against the colonial-oppressive policy of the duban and the Xinjiang government: a) for the equality of all nationalities of Xinjiang; b) for the free development of the culture of each nationality, for primary and secondary education in the native language at the expense of the state; c) against religious oppression; d) for the creation of government bodies in districts and counties" [Barmin, 2014: 19-24].

A decision was made to organize an insurgent movement on the territory of Xinjiang with the aim of overthrowing the Sheng Shicai regime and bringing to power a government loyal to the USSR. By 1943, the USSR was forced to withdraw its military units from Xinjiang and specialists working at a number of enterprises in the province. But at the same time, a plan was developed to activate the internal Xinjiang political confrontation with the authorities through support for the activities of ethnic groups. For that end, the resources of the Soviet republics of Central Asia – the Kazakh SSR, Uzbek SSR, and Kyrgyz SSR – were involved to form underground groups (called national revival groups) on the territory of Xinjiang from among Uyghurs, Kazakhs, Kyrgyz, and Mongols, reinforced by specially trained personnel from Central Asia.

In addition, the task was set to create training schools for preparing trained agents in Central Asia and their deployment into Xinjiang. A special task was assigned to intellectuals and representatives of the cultural elite of Soviet Central Asia to establish ties with representatives of cultural circles in Xinjiang. So-called "letters of support" from emigrants were intended to help create an atmosphere of involvement in the events in the Chinese province. Furthermore, the distribution of propaganda materials about the successes of Soviet state-building was planned for the republics, publishing materials by the Spiritual Administration of Muslims of the USSR in the form of a book about the participation of USSR Muslims in the Great Patriotic War, which was also to serve as additional motivation for mobilizing the patriotic feelings of the peoples of Xinjiang.

The population of the three northern districts of Xinjiang (Ili, Tarbagatay, and Altai, primarily Kazakhs, Uyghurs, Mongols, and Dungans) in November 1944 rose in revolt against the Chinese authorities

(known in academic literature as the "Uprising of the Three Districts") [Jacobs, Justin (December 2010). "The Many Deaths of a Kazak Unaligned: Osman Batur, Chinese Decolonization, and the Nationalization of a Nomad". The American Historical Review. 115 (5): 1291–1314.]. In November 1944, when the anti-Chinese uprising covered the entire province, it was viewed by Soviet leaders as a struggle of Muslims against "Chinese colonizers," and the reasons were objective – the deterioration of the socio-economic situation due to the curtailment of trade and economic relations with the USSR, increased taxation, and repressive measures against ethnic groups.

Results. This also applied to Kazakhs (they are referred to as nomads). It was specifically noted that they were executed and held in a special prison [AP RK. F. 708. Op. 8. D. 275. L. 50.]. The Sheng Shicai regime in 1943–1944 pursued a repressive policy, throwing thousands of activists from among the Kazakhs and Uyghurs into prison, where they were subjected to brutal torture and subsequently physically destroyed. Bloody clashes between the opposing sides complicated the already difficult life of the population, and from 1944 cases of mass crossings from Xinjiang to Soviet Kazakhstan were noted. The composition of the migrants was diverse – those fleeing Soviet collectivization policies, staunch opponents of Soviet power, participants in the Basmachi movement, and White Guards.

The reasons for leaving China were also complex; part of them represented groups of clans seeking a temporary respite and intending to return to Xinjiang to resume the confrontation or continue the cycle of seasonal migrations. While others were part of active paramilitary groups; for them, moving to Soviet territory was a tactical regrouping and an opportunity for rest [AP RK. F. 708. Op. 8. D. 186. L. 17.]. Since the ethnic composition of the migrants was different, their goals also did not coincide. The uprising in Xinjiang in 1944 and the participation in it of Kazakhs led by Ospan Batyr seriously concerned the Soviet leadership [Borbasov, Rahym, Oşan, 2022]. They imagined the impact this would have on the Kazakhs of Soviet Kazakhstan, especially those living in border areas.

The immediate proximity of the border, the dire situation of the Kazakh population in border areas, hidden dissatisfaction with Soviet rule, the hardships of war, and the movement of Kazakhs from China to Soviet territory could, in the event of a successful uprising in Xinjiang, provoke Kazakhs to cross into China, while the militant part of the Kazakhs would have taken part in military events to support their relatives. Although the anti-Chinese uprising in the summer of 1944 by Kazakhs, Uyghurs, and Dungans received support from the USSR, Soviet special forces sabotage groups "Buyga" and "Batyr," deployed to northern Xinjiang, were coordinated by the Soviet consulate in Gulja.

Kazakhs lived in the Tarbagatay (Chuguchak), Altai, and Ili districts bordering the Kazakh SSR. According to the 1944 census, there were 438.5 thousand Kazakhs in Xinjiang (11% of the population) [Ablajey, 2012: 17]. The Soviet government guaranteed the safety of return to the USSR for those who had moved illegally to Xinjiang, and protection from persecution by the Chinese authorities for those who took part in the struggle in China against ethnic oppression. In addition, Soviet authorities promised support after crossing the border. Since trade relations with Xinjiang had ceased, the organization of illegal border trade was planned.

The People's Commissariat for State Security was authorized to create a network of national revival groups for organizing effective propaganda and other activities [digitalarchive.wilsoncenter.org]. The Soviet administration in the areas bordering China was concerned with security issues. Documents preserved in the archives testify that despite the acceptance of all migrants, their data were processed for loyalty (clan-tribal affiliation, position in the Chinese administration system, and political disposition – with which force and against which).

At the end of August 1944, 451 families migrated from Kobuk, Xinjiang, to the Tarbagatay district of the East Kazakhstan region: 251 of them were Kazakhs of the Nayman clan, 200 were Mongol families, Torguts. In the Zaysan and Markakol districts, there were 817 immigrant families. The border administration demanded the departure of 45, and 50 families were forced to return to China from the Alakol district by the KGB committee [AP RK. F. 708. D. 303. L. 43-47. cited in Kozhirova, 2016: 35]. In January 1944, it was noted: '...insufficient control over the state of the passport regime; in some cases, individuals who do not have the right to stay in border areas penetrate them. Thus, for 1943, in 4 border districts of the region, 45 people were identified as violators of the passport regime who arrived in the border areas without authorization, of whom: Katon-Karagay district – 15 people, Markakol – [no number], Zaysan – 17, Tarbagatay – 13. 7 people from this number, as malicious violators of the passport regime, were held criminally liable.

It should be noted that the local population provides active assistance to the NKVD and police authorities to identify violators of the passport regime and suspicious elements appearing in border areas. In 1943, 161 statements signaling various violations of the border regime were received from local citizens of border districts by the NKVD and police. Katon-Karagay district – 17 statements, Markakol – 42, Zaysan – 45, Tarbagatay – 57. The political mood of the population in border areas is generally healthy; however, there are elements hostile to Soviet rule, from whom anti-Soviet statements have been noted. This is explained by the fact that in border areas, especially among the Kazakh part of the population, there is a certain number of individuals who have relatives across the border or resided abroad themselves in the past.

For example, in the Tarbagatay district, 533 families were identified that previously lived in China and then returned to the USSR. In the same district, 265 people with relatives across the border were recorded". The archival document contains data for 1943 on the number of defectors from China – "265 people who were accepted by local authorities as emigrants. Normal material and living conditions were created for these individuals. However, 6 of these defectors ran back to China after some time, taking a pair of collective farm horses. The reasons have not been established. There are two cases of crossing from our side" [AP RK. F. 708. Op. 9. D. 303. L. 5-10.].

In a report addressed to Zh. Shayakhmetov dated October 24, 1944, it was noted: "After regular Chinese units began to arrive in increasing numbers in the border areas of the Altai and Tarbagatay districts by the beginning of August of this year, the entire Kazakh, Mongol, and Uyghur population, fearing active Chinese actions, began to cross into our territory with all their livestock and some property under the leadership of their authorities and under the armed cover of insurgent detachments. Thus, by the time the commission arrived in the East Kazakhstan region, a total of 5,123 families with a total of 3,678,691 head of livestock had crossed over in search of temporary refuge. From the specified number, 2,132 families with 200,000 head of livestock moved to the territory of the Zaysan district, 1,815 families with 92,793 head of livestock moved to the territory of the Markakol district, and 451 families with 64,983 head of livestock to the territory of the Tarbagatay district"[AP RK. F. 708. Op. 8. D. 296. L. 48.].

In January 1945, 302 families (1,222 people) arrived in the Kazakh SSR (border Alakol district) [AP RK. F. 708. Op. 11. D. 328. L. 53.]. 3 Russian families that arrived with them left for China because they did not like the difficult conditions. Local authorities provided material assistance to the defectors. In a report by A. Karagulov, a responsible worker of the Central Committee of the CP (b) of the Kazakh SSR, "On the migrants from China to the Tarbagatay district of the East Kazakhstan region," dated March 5, 1945, it is noted that 1,278 Kazakhs and 74 Mongol-Torguts migrated to the Tarbagatay district. After a month and a half they left because, according to A. Karagulov, the Kazakhs and Mongols were hostile toward each other, and the Mongols feared the Kazakhs as they were in the minority. But the main reason was that the Mongols received an invitation from their ukurday – a Mongol district head – to return to China, as the Chinese authorities supposedly promised to create good conditions for them if they return and do not support Kazakhs (giving them use of pastures, most likely left by the Kazakhs or taken from the Kazakh insurgents) [AP RK. F. 708. Op. 8. D. 296. L. 2].

Due to the fact that the Soviet side expected migrants from China, the task was set to strengthen the border in case of armed clashes, but it was also necessary to take measures for their possible establishment in the territory of Soviet Kazakhstan. Another side of the problem was to prevent the departure of Kazakhs from border areas to China to participate in the events taking place there or in search of an alternative to existence in the USSR. On April 29, 1944, a decree "On measures for the economic and cultural development of border districts of the Kazakh SSR" was adopted with the aim to reinforce the districts economically, technically, with personnel, and with literate and experienced leaders in case of unforeseen circumstances [AP RK. F. 708. Op. 8. D. 296. L. 48.].

Compliance with that decree obliged all regional, district, and settlement leaders to inform the Central Committee of the CP (b) on the 15th of each month: "In the information, it is necessary to indicate what specifically has been done on each point of the measures, while giving exhaustive answers to certain questions, the deadlines for which expire at the time the information is provided. Zh. Shayakhmetov" [AP RK. F. 708. Op. 8. D. 238. L. 64]. The extremely dire situation of the arrived people was pointed out: "The population of the border districts walks in rags, barefoot, it is painful to look at them, they are only wearing sheepskins, and we must not forget that the population of the border districts comes into contact with the population of Xinjiang. Since the border districts are adjacent to other borders, we say that we have built a bright life for the whole country" [AP RK. F. 708. Op. 9. D. 129. L. 6-7.].

The prospect of opening two fronts in the East – in the Xinjiang region and on the Chinese border – forced the Soviet authorities to take appropriate measures to reinforce the border to reduce social tension. For that, it was necessary to organize the supply of essential goods and improve, as far as possible, the housing and living conditions of the population. "At the same time, we bring to your attention that workers of the border state farms are in dire need of clothing, footwear, and other industrial goods. Many workers are literally barefoot and undressed. In such a situation, under the winter conditions that have begun in all border state farms, it becomes difficult to perform the most urgent work (hauling feed, caring for livestock, etc.).

The situation is further exacerbated by the fact that border state farms experience an acute shortage of workers. In view of the fact that the People's Commissariat of State Farms is not in a position to provide substantial assistance in clothing and footwear to the border state farms, I ask you to oblige the People's Commissariat of Trade to bring at least 100 sets of warm clothing and footwear to each of the four border state farms, as well as the possible amount of children's clothing and footwear, underwear, and other industrial goods. Deputy People's Commissar for Grain and Livestock State Farms of the Kaz SSR Dzhumagaliev. To the Secretary of the Central Committee of the CP (b) K comrade Shayakhmetov. September 29, 1944" [AP RK. F. 708. Op. 8. D. 296. L. 48.].

In addition, the support measures for the population included – the remission or cancellation of tax debts, payment of wage arrears, and in the socio-economic sense – the construction or opening of schools, hospitals, medical centers, and the repair of socially significant objects. Wartime documents relating to the events of 1944 and the crossing of Kazakhs from Xinjiang (China) to the territory of Soviet Kazakhstan can be categorized, on the one hand, as so-called "letters to power". But on the other hand, they are evidence of attempts by the Kazakhs of China to initiate a dialogue with the Soviet authorities and "check" the prospects for a cautious return in case of the failure of the insurgent movement in China.

The letters-appeals of the Kazakh defectors from China in 1944 are of academic interest for several reasons. First of all, attention should be paid to the fact that they were preserved in the archives in the Russian version, which was the language of power in Soviet Kazakhstan, and during the war years it became a means of transmitting vital information and could convey a request for help to the leaders of the USSR (although the Soviet leadership monitored the situation in China and was informed about the state of affairs through its proteges and an extensive agent network). The letters also testify to the evolution of the political culture of Kazakhs, who decided on a dialogue with the Soviet regime, although they had previously denied it and viewed it as an "evil".

Now, the Soviet power had moved into the category of "inevitable evils" with which it was possible to enter into a "negotiation process". In conditions of intensifying military-political confrontation in China, when a threat to the existence of the ethnos arose, the Kazakhs of Xinjiang and their leaders began to speak "in a Bolshevik way". The leaders of the migrants firmly declared to the Soviet authorities that: "1. They crossed into the territory in search of temporary refuge, intending to return immediately to their former places of residence under favorable development of the insurgent movement and liberation of the territory, where most had hidden property, grain, and buildings. 2. With the successful development of the insurgent movement, it is necessary to supply the insurgents with food products, horses, as well as human reserves. They asked to be left within the border districts and refused to move to rear areas, arguing that their removal from the border deprives them of the possibility of systematic supply of materials and human reserves to insurgent detachments. 3. The authorities asked for assistance with weaponry for newly formed detachments from among Kazakhs and Mongols. 4. They asked for aid with food, daily necessities, clothing, and footwear for about 1,000 extremely needy, poorest households" [AP RK. F. 708. Op. 8. D. 296. L. 2].

Further, we present in full the appeals of the Kazakhs of China to the Soviet leadership to create a full-fledged picture: "To the Government of Socialist Kazakhstan. A letter of gratitude from the population from the 'Sauyr' locality, temporarily inhabiting your territory. We express our great gratitude to you and address you with a letter regarding the following: Eastern Turkestan (Xinjiang) is our centuries-old homeland. We, your blood brothers, inhabiting Eastern Turkestan for several hundred years, from the moment of Chinese dominance were doomed to arbitrariness, despotism, and lack of rights on the part of the Chinese reactionaries.

A grave danger of destruction as a nation loomed over us – over Kazakhs, Mongols, and Uyghurs. In these terrible days, the people led by their batyr Ospan rose against the oppressors. Starting from July 1944, we, the Kazakhs, Uyghurs, and Mongols of the 'Sauyr Mountains' area, Dzimunai district of the Altai okrug, joined this national liberation movement. The troops of the bloodthirsty Chinese government attacked the

civilian population and plundered property to the ground. The bloodsuckers used all types of weapons against the unarmed civilian population – cannons, machine guns, etc.

On August 1, 1944, we crossed your border and found refuge. In your country, we were met warmly, like brothers, and were provided with all-out assistance. We want to list below what specific assistance was provided to us from the moment of our stay: 1. From the first day we stepped onto your territory, we were provided with pasture for summer and winter grazing and thereby provided for the first need. 2. By organizing trade through Sovsintorg, all our needs for industrial goods, clothing, and footwear were met. 3. In September 1944, artists from the city of Alma-Ata demonstrated the high art of the Kazakh people and thereby raised the spirit of our population. 4. All the needy population of our clan was provided with food and saved from starvation by the free food assistance you provided. 5. We were also provided with free medical and veterinary assistance. 6. After the heavy severe winter of this year, with the current spring, a brigade from Alma-Ata arrived, consisting of distinguished artists, doctors, and film workers.

As a result of the work carried out by the brigade, the spiritual level was raised even higher. We sincerely thank you on behalf of our entire clan – men and women, from the old to the small, for all the brotherly help provided to us in the critical days of our life. Long live the leader of the Soviet state – the Great Stalin! Down with German fascism! Forward under the banner of victory! [Respectfully yours, authorities and participants of the Sauyr Uprising: 1. Zalyn-Ramazan, 2. Taiji-Kabyl, 3. Mulla-Islam, 4. Mukhir-Meirym, 5. Imam-Kari, 6. Shaniya-Sakhab, 7. Zalyn-Zakon, 8. Perla-Kelen, 9. Abdulla-bai, 10. Nurke-Sunzhan, 11. Bayandy-Sunzhan, 12. Zangiru-Kelen, 13. Kasenbai-Sunzhan, 14. Rashat-murza, 15. Ibysh-Khazhi, 16. Anuar-Murza, Akbayev, 17. Tatai-Zangi, 18. Mustafa-Zalyn, 19. Kozhygur-Sunzhan, 20. Zhakup-murza, 21. Baimukhan, 22. Kamesh-murza, 23. Abdukhadir, 24. Kurmangali, 25. Zainep-Khanum, 26. Kabiden"[AP RK. F. 708. Op. 8. D. 238. L. 64.].

The titles of the signatories of the letter indicate their status characteristics according to Islamic criteria (khoja, murza, imam, sakhab), positions in the Chinese provincial administrative hierarchy (zalyn, zangi, taiji), Kazakh clan hierarchy (bai), and family status (kelin/daughter-in-law, khanum – respectful address to an elderly woman). Under Republican China, the internal Kazakh power structure did not change. It was integrated into the Chinese system of managing ethnic groups; Kazakh aristocrats received Chinese titles (wangs, guns, beise, taiji, ukurdais, akalakshi, zangi, zalyns, manaps, zhuzbasy, etc.). Taiji was the hereditary head of a clan in the traditional Kazakh power structure; below him was the mynbasy/ukurdai (head of a thousand families of one clan), and further down – zhuzbasy/zalyn – head of more than a hundred families of one clan.

Elbasy/zangy controlled 50–100 families of a clan, while onbasy/kunde was responsible for 103 yurts. Each of these formations was united into tens for administration and delegation of some political powers [AP RK. F. 708. Op. 9. D. 129. L. 6-7.]. Such a hierarchically built system was stable, especially in Altai. According to I. Svanberg, in the 1940s there were 30 taiji in Xinjiang. In resolving legal issues, the head of the clan consulted with biys, who were selected from among the most respected and wise mynbasy. Clan elders were engaged in tax collection and resolved household conflicts at lower levels. Under clan leaders (of different levels) there were assistants for various assignments – khabarshy (messengers), karaulshy and sakshy (responsible for security and order) [Svanberg, 1988: 119.].

Every year, general meetings of Kazakhs by clans were held – kurultai or majilis, at which controversial problems were resolved and discussed. Sakhab was a companion of the prophet, and subsequently, experts and interpreters of hadiths were so named. It should be noted that the language of power in Soviet Kazakhstan was Russian, while the language of communication between Kazakhs from China and the local administration was Kazakh. The texts were composed by Kazakhs who were in Soviet administrative service but adapted to the forms of typical letters-appeals to the authorities in order to correctly build a system of communication channels between the petitioners and the authorities as patron and clientele.

The Kazakh text, most likely oral, underwent careful editing; therefore, we can only guess what the real discourse of the Kazakhs of Xinjiang was. But since the decision was made to seek help from the Soviet authorities because of an existential threat, the Kazakh leaders expressed it in a form convenient for the authorities. The text does not identify the Kazakhs of China with the Kazakhs of Soviet Kazakhstan, although the petitioners use the Soviet lexicon/newspeak, symbol-words: gratitude, blood brothers, reactionaries, destruction as a nation, terrible days, rose against the oppressors, national liberation movement, bloodthirsty Chinese government, bloodsuckers, unarmed civilian population, found refuge, your territory, like brothers, provided with pasture, all needs met, high art of the Kazakh people, saved from

starvation, free food assistance, spiritual level, leader of the Soviet people Great Stalin, down with German fascism, under the banner of victory.

This refers to the collective perception of internal Chinese problems, concern for the situation of all Kazakhs in Xinjiang, and correlating the degree of threat to the existence of the Kazakhs of China with the scale of the threat that the entire Soviet people, including the Kazakhs of Soviet Kazakhstan, were trying to avert in the confrontation with Nazi Germany. However, the Kazakhs of China considered Xinjiang their homeland, or emphatically named it "centuries-old homeland" "Eastern Turkestan," using Chinese terminology (Xinjiang) to decode what Eastern Turkestan is.

For comparison, a letter from the Kazakhs of the Kerey clan is of interest: "A letter-appeal of refugee Kazakhs of the Kerey clan, located in the Markakol district. We migrated from the Kaba district in the month of August 1944. When we crossed the border through the Kara-Kaba outpost and stepped onto Soviet territory, we were politely met by Soviet border guards and allowed deep inside. Further, the leaders of the district came out to meet us and showed great care, helping us to settle in a timely and good manner. Our move caused damage to the crops and pastures of the collective farms. However, the local district authorities forgave us all this, considering that we arrived to find refuge, and gave corresponding instructions and explanations on various issues that were unclear to us until then.

At the same time, knowing that we were refugees who suffered from the flight, they provided necessary assistance through the Raipotrebsoyuz with food and industrial goods, as well as satisfied our other needs. According to the instructions of the district commission for settling migrants, the chairmen of the aul councils arrived and helped us settle along the Irtysh River for the winter, releasing timber for construction. Representatives of the district executive committee also arrived and helped conclude agreements with collective farms to provide the livestock with fodder and winter pastures. For using collective farm pastures under the agreement, we paid from 5 to 7 head for every 100 head of sheep, while we used the state land fund free of charge.

One of the slogans of the Soviet power, proclaimed by the October Revolution, was 'providing all-out assistance to oppressed nations'. We joyfully accepted this slogan and boundlessly enjoyed its fruits. The district leaders often came to us, were aware of the situation among the migrants, and saved us from the threatening hunger, providing all necessary supplies, first and foremost, food and industrial goods. We are delighted that everywhere and always we met paternal care, and with their advice they cleared our consciousness. The peoples of the Great Soviet Union in the difficult conditions of wartime, sparing no effort, work heroically for victory over the enemy; despite this, they managed to provide us – the refugees – with invaluable assistance in all respects. For the enormous assistance provided to us, for the manifested daily care and respect, we thank the district leaders from the bottom of our hearts and wish the Soviet power eternal existence and prosperity. Respectfully yours, representatives of the refugees of the Kerey clan: Gabduali, Komzhav, Kibas. April 27, 1945" [AP RK. F. 708. Op. 9. D. 303. L. 5-10.].

In the text of the letter, symbol-words predominate: politely met, district leaders came to meet us, showed great care, timely and well settled, gave instructions and explanations, used the state land fund free of charge, one of the slogans of the Soviet power proclaimed by the October Revolution was providing all-out assistance to oppressed nations, saved from threatening hunger, paternal care, cleared consciousness, peoples of the Great Soviet Union, difficult wartime conditions, work heroically for victory over the enemy, wish the Soviet power eternal existence and prosperity. The assistance provided to the migrants by the Soviet authorities was listed. The Kazakh leaders distanced themselves from the Soviet power, as they did not ask to be accepted into citizenship but wished it (the Soviet power) eternal existence, in accordance with Chinese tradition.

In the letters-appeals there is no personal attitude; they are collective, although the representatives emphasized their status position and indicated their positions and ranks in the Chinese power hierarchy. In the Soviet Kazakhstan, the traditional titles of Kazakh internal political structures had been abolished back in the period of the Russian colonial administration and criminalized in the 1920s and 1930s during modernization (the break) of the social structure of the Kazakh nomadic society. The Kazakh leaders (in the Soviet interpretation they are indicated as "authorities") indicated their titles because they emphasized their right to represent their people and speak on behalf of their clans.

In the minds of their people, they were leaders to whom the right to protect their people was delegated. Archival materials testify that the local authorities took measures to respond timely and effectively to the requests and appeals of the Kazakhs from China [AP RK. F. 708. Op. 8. D. 186. L. 17.]. The defectors were provided for both through local budget funds and by organizing the exchange of livestock for basic

necessities and food products. Sanitary and hygienic measures were also carried out and medical assistance provided. While almost all the Mongols left Soviet Kazakhstan, believing the assurances of the Chinese authorities, part of the Kazakhs nevertheless remained, and in the future, they continued to cross into Soviet territory in search of salvation.

Conclusion. Soviet authorities did not obstruct the return migration, interested on one side, in replenishment of borderland regions. At the same time, it gave an opportunity to monitor the changes in the military-political situation in Xinxiang and minimize societal risks of return migration. The soviet authorities provided assistance to migrants regardless of their ethnic background, whereas the Mongols did not have a perception of Soviet Kazakhstan as the land of their ancestors and, consequently, their stay was knowingly temporary. Thus, the "letters to power" of the Kazakh leaders did not influence the degree of activity of the USSR leadership in Xinjiang but indicated the possibility of creating, on the one hand, a negotiation mechanism with the Kazakhs and detaching them from radical leaders. On the other hand, they testified to the possibility of a split (and its deepening) among Kazakhs based on the choice of regime and forms of cooperation with the authorities.

The indicated cases of Kazakh leaders appealing to the Soviet power show that in conditions of an existential threat, they incline toward seeking a compromise with the power that offers the best conditions for the survival of the ethnos, even temporary ones (as the Kazakh nomadic leaders believed). If we apply the classification of political culture, part of the Kazakhs of China under the leadership of traditional leaders was at the stage of transition from patriarchal to subject/substantive, i.e., they realized the necessity to seek cooperation with the central power or the force determining the conditions of survival. Leaders returnee Kazakhs from Xinxiang were aimed in establishing good relations with the Soviet authorities and spoke in “Bolshevik way”.

Sources

AP RK – Arhiv Prezidenta Respubliki Kazahstan [Archive of the President of the Republic of Kazakhstan]

Literature

Buzan B., Wæver O. Regions and Powers the Structure of International Security. Cambridge university press. 2003. 592 p. digitalarchive.wilsoncenter.org/.

Excerpt on Xinjiang from Minutes No. 40 of the VKP (b) CC Politburo Meetings. May 4, 1943. – URL: https: // digitalarchive.wilsoncenter.org /document/121806.pdf?v=f78fb3b174ea94a4744f602de7664577 (retrieved: 19 December, 2019).

Information Letter from Yasnovsky to Cdes. Petrov and Plyshevsky. – 1944.– October 16/ – URL: // https: // digitalarchive.wilsoncenter.org/document/ 121824.pdf?v=1aa1b16751c412ea7c28caa5dbb08996 (retrieved: 19 December, 2019).

Jacobs, 2010 – *Jacobs, Justin* (December 2010). The Many Deaths of a Kazak Unaligned: Osman Batur, Chinese Decolonization, and the Nationalization of a Nomad. The American Historical Review. № 115 (5). Pp. 1291–1314.

Kara – *Kara A.* Causes and Consequences of Kazakh Migration from Eastern Turkestan to Turkey: 1930s–1950s. In: Emigrants/Muhacir from Xinjiang to Middle East during 1940-60s. Edited by Jin Noda and Ryosuke Ono. Fuchu, Tokyo. 2019. Pp. 1–11.

Kozhirova – *Kozhirova S.* From the history of resettlement from China to Kazakhstan (1940-1960)// https://iaer.kz/en/item/216-iz-istorii-pereselenia-iz-knr-v-kazahstan-1940–1960-gg

Svanberg, 1988 – *Svanberg I.* The nomadism of Orta Zhuz Kazaks in Xinjiang 1911–1949. In the Kazaks of China: Essays on the Ethnic Minority. Edited by Linda Benson and Ingmar Svanberg. Uppsala. 1988. P. 119.

The truth about events in Xinxiang. https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121823.pdf?v=b4d995b2823acc9686c7d438de529bb0 (retrieved: 25 December, 2019).

Ablazhey, 2012 – *Ablazhey N.* Sovetization of the Kazakh population in Xinjiang in the second half of 1940x-the beginning of 1960x GG. // Kazakhs in Kazakhstan and abroad. Materials of the International Scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the founding of the World Association of Kazakhs. // Almaty: publishing center "Atazhurt" of the World Association of Kazakhs. 2012. - 376 P. P. 17-20. P. 17.

Barmin, 2014 – *Barmin V. A.* The event of the Mongolian-Kitai conflict on June 2-8, 1947 in the history and history of the Central Archives of the Russian Federation. Vestnik of the Altai State Pedagogical Institute. – 2014. - No. 18. - pp. 19-24.

Borbasov, Rakhim, Oshan, Ospan Islamuly-Borbasov S. M., Rakhim S., Oshan Zh. Ospan Islamuly. The path of life and struggle. Almaty, Publishing House "Litera-m" LLP, 2022-280 pages.

Gasanlı, 2015-Gasanlı D. Xinjiang in orbit of Soviet politics: Stalin and musulmanskoe movement in Eastern Turkestan: 1931-1949. M.: "Flint", 2015. 358 P.

Russia and China: the fourth century of cooperation. History, modern society and prospects for the development of Russian-Chinese relations / Ed. A.V. Lukina. – M.: All the world. – 2013. – 704 P.

Samayev, 2010-Samayev A. Kazakhs in the Republic of China. Period governor Shen Shitsaya / / Vestnik kaznu. A series of adventures. – 2010. – № 2 (51). – P. 16-20.

Shakenuly, 2007-Shakenuly zh. Chinese Kazakhs. The world community of Kazakhs. – Almaty: World Association of Kazakhs. 2007. – 240 P.

References

Excerpt on Xinjiang from Minutes No. 40 of the VKP (b) CC Politburo Meetings. May 4, 1943. - URL: https: // digitalarchive.wilsoncenter.org /document/121806.pdf?v=f78fb3b174ea94a4744f602de7664577 (Data obrascheniya: 19 dekabrya 2019 g.).

Information Letter from Yasnovsky to Cdes. Petrov and Plyshevsky. – 1944.– October 16/ – URL: // https: // digitalarchive.wilsoncenter.org/document/ 121824.pdf?v=1aa1b16751c412ea7c28caa5dbb08996 (Data obrascheniya: 19 dekabrya 2019 g.).

Jacobs, 2010 – *Jacobs, Justin* (December 2010). "The Many Deaths of a Kazak Unaligned: Osman Batur, Chinese Decolonization, and the Nationalization of a Nomad". The American Historical Review. 115 (5): 1291–1314.

Svanberg, 1988 – *Svanberg I.* The nomadism of Orta Zhuz Kazaks in Xinjiang 1911-1949. In the Kazaks of China: Essays on the Ethnic Minority. Edited by Linda Benson and Ingmar Svanberg. Uppsala. 1988. R. 119.

The truth about events in Xinxiang. https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121823.pdf?v=b4d995b2823acc9686c7d438de529bb0

Ablajey, 2012 – *Ablajey N.* Sovetizatsiya kazahskogo naseleniya prigranichnyih rayonov Sintszyanya vo vtoroy polovine 1940h - nachale 1960h gg. Qazaqstan jäne şeteldegı qazaqtar. Düniejüzı qazaqtary qauymdastyğynyñ kūrylğanyna 20 jyl toluyna orai ötkızılgen Halykaralyk ğylymi-praktikalyq konferensia materialdary. Almaty: Düniejüzı qazaqtary qauymdastyğy «Atajūrt» baspa ortalyğy. 2012.- 376 b. S. 17-20. S. 17. [in Russian]

Barmin, 2014 – *Barmin V.A*. Sobyitiya mongolo-kitayskogo voorujennogo konflikta 2–8 iyunya 1947 goda v zapadnoy istoriografii i istochnikah tsentralnyih arhivov Rossiyskoy Federatsii. Vestnik Altayskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. – 2014. – № 18. – S. 19–24. [in Russian]

Borbasov, Rahym, Oşan, 2022. – *Ospan İslamuly.Borbasov S.M., Rahym S., Oşan J.* Ospan İslamuly. Ömiri men küres joly. Almaty, JŞS «Litera-M» baspasy, 2022-280 bet. [in Kazakh]

Gasanlyi, 2015 – *Gasanlyi D.* Sintszyan v orbite sovetskoy politiki: Stalin i musulmanskoe dvijenie v Vostochnom Turkestane: 1931-1949. M.: «FLINTA», 2015. 358 s. [in Russian]

Lukin, 2023 – *Rossiya i Kitay: chetyire veka vzaimodeystviya. Istoriya, sovremennoe sostoyanie i perspektivyi razvitiya rossiysko-kitayskih otnosheniy.* Pod red. A.V. Lukina. – M.: Ves mir.- 2013. – 704 s. [in Russian]

Samaev, 2010 – *Samaev A.* Kazahi v sostave respublikanskogo Kitaya. Period gubernatora Shen Shitsaya // Vestnik KazNU. Seriya vostokovedeniya. – 2010. – № 2 (51). – S. 16–20. [in Russian]

Şakenūly, 2007 – Şakenūly J. Qytaidyğy qazaqtar. Düniejüzılık qazaqtardyñ qaumdastyğy. – Almaty: Düniejüzı qazaqtarynyñ qauymdastyğy. 2007. – 240 b. [in Kazakh]

Wæver, 1993 – *Wæver* Ole Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe. 1993. P. 23.

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1360–1370
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАМР/ МРНТИ / IRSTI 03.91.00
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1360-1370

THE INFLUENCE OF THE JADID MOVEMENT ON EDUCATIONAL MODERNIZATION IN THE EARLY REPUBLIC OF TÜRKIYE: INTELLECTUAL EMIGRATION AND THE IDEOLOGICAL TRANSFER

Izbassar Yerlanuly Turgunbayev[1], Aitbala Shaiymkulovna Makhayeva[2], Kulzhan Bekenovna Zhanatayeva[3]*

[1]Al-Farabi Kazakh National University
(Al-Farabi Ave., 71, 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan)
PhD, Senior Lecturer
https://orcid.org/0000-0002-1997-7829, E-mail: izbasar136@mail.ru

[2] "M. Bazarbayev Gymnasium №138" of the Almaty Education Department
(Koktem-1 microdistrict, 26a, 050010, Almaty, Republic of Kazakhstan)
teacher
https://orcid.org/0009-0005-8281-2401, E-mail: nartai0212@mail.ru

[3]Al-Farabi Kazakh National University
(Al-Farabi Ave., 71, 050040, Almaty, Republic of Kazakhstan)
Senior Lecturer
https://orcid.org/0009-0009-2003-6522, E-mail: guljan2501@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026
© Turgunbayev I.Ye., Makhayeva A.T., Zhanatayeva K.B., 2026

Abstract. *Introduction*. The Turkic world saw a significant historical shift in the first quarter of the 20th century. In the context of the Russian Empire's colonization of the Turkic-Muslim peoples of Central Asia, this period was characterized by the establishment of a modern state in the Republic of Türkiye. The political and intellectual elite of the Turkic peoples that immigrated played a crucial part in changing the Republic of Türkiye's scientific and educational systems despite the country's severe geopolitical divisions, which calls for a thorough reevaluation. *Purpose and objectives.* In the framework of the Jadid movement, this article compares and identifies important aspects of cultural modernization in the Republic of Türkiye. It also assesses the extent to which intellectuals from abroad influenced Mustafa Kemal Atatürk's reforms. In order to accomplish this, the goals were to examine the Jadid cadres' transfer channels and evaluate their particular contribution to university and language changes. *Materials and methods*. The study's methodology is grounded on historicism and objectivism, and it is bolstered by archival sources and a retrospective analysis of the works of Turkish and Russian-speaking experts. *Results*. The analysis confirmed that although the «pan-Turkic identity» as an ideology persisted in theory, the Turkic-Muslim peoples of Central Asia's ideologists directly influenced the practical consolidation of the Turkish nation in the Republic of Türkiye. The success of M. K. Atatürk's language and university reforms was predetermined by a galaxy of emigrant scientists who strategically shifted from political conflict to scientific and educational pursuits. C*onclusion*.

It has come to light that the Jadid movement was more than just a localized enlightenment movement; rather, it was a crucial methodological link that enabled M. K. Atatürk's government to finish the transition away from «Ottomanism» in a historically brief amount of time.
Keywords: Jadidism, Mustafa Kemal Atatürk, cultural modernization, intellectual transfer, Zeki Velidi Togan, language reform, common Turkic identity.
For citation: Turgunbayev I.Ye., Makhaeyva A.Sh., Zhanatayeva K.B. The influence of the Jadid movement on educational modernization in the early Republic of Türkiye: intellectual emigration and the ideological transfer // Otan tarikhy. 2026. Vol. 29. № 3. Pp. 1360–1370. [in English]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1360-1370

ЖӘДІДШІЛДІК ҚОЗҒАЛЫСЫНЫҢ ЕРТЕ КЕЗЕҢДЕГІ ТҮРКИЯ РЕСПУБЛИКАСЫНДАҒЫ БІЛІМ БЕРУДІ МОДЕРНИЗАЦИЯЛАУҒА ЫҚПАЛЫ: ЗИЯЛЫЛАР ЭМИГРАЦИЯСЫ ЖӘНЕ ИДЕЯЛАР ТРАНСФЕРІ

Ізбасар Ерланұлы Тұрғынбаев[1], Айтбала Шайымкуловна Махаева [2], Кульжан Бекеновна Жанатаева[1]*

[1] Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
(Әл-Фараби даңғ., 71, 050040, Алматы, Қазақстан Республикасы)
PhD, аға оқытушы
https://orcid.org/0000-0002-1997-7829, E-mail: izbasar136@mail.ru

[2] Алматы қаласы Білім басқармасының «М. Базарбаев атындағы №138 гимназия» КММ
(Көктем-1 шағын ауданы, 26а, 050010, Алматы, Қазақстан Республикасы)
мұғалім
https://orcid.org/0009-0005-8281-2401, E-mail: nartai0212@mail.ru

[3] Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
(Әл-Фараби даңғ., 71, 050040, Алматы, Қазақстан Республикасы)
аға оқытушы
https://orcid.org/0009-0009-2003-6522, E-mail: guljan2501@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Тұрғынбаев І.Е., Махаева А.Ш., Жанатаева К.Б., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе*. Тарихи өлшемде XX ғасырдың бірінші ширегі түркі әлемі үшін бетбұрыс кезеңі болды. Бұл кезең Ресей империясының Орталық Азиядағы түркі-мұсылман халықтарын отарлауы аясында Түркияда модернизацияланған мемлекеттің құрылуымен ерекшеленді. Терең геосаяси қайшылықтарға қарамастан, түркі халықтарының саяси және зиялы элитасы Түркияның білім беру және ғылым жүйесін реформалауда шешуші рөлдердің бірін атқарды. Бұл мәселе терең қайта пайымдауды қажет етеді. *Мақсаты мен міндеттері.* Бұл мақала жәдідшілдік қозғалысы аясында Түркиядағы мәдени модернизацияның негізгі бағыттарын салыстырмалы түрде талдауға және айқындауға, сондай-ақ эмигрант-зиялылардың Мұстафа Кемал Ататүрік реформаларына тигізген ықпалының ауқымын анықтауға арналған. Осы мақсатқа жету үшін жәдідшіл кадрлар трансферінің арналарын зерттеу, олардың тіл және университет реформаларына қосқан нақты үлесін бағалау міндеттері қойылды. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің методологиялық негізі ретінде тарихшылдық пен объективтілік принциптері қолданылды, олар түрік және орыстілді зерттеушілердің еңбектерін, сондай-ақ мұрағат материалдарын ретроспективті талдаумен толықтырылды. *Нәтижелер.* Зерттеу барысында «жалпы түркілік бірегейлік» идеология ретінде теориялық тұрғыда қалып қойған кезде, Түркиядағы түрік ұлтының практикалық шоғырлануы (консолидациясы) Орталық Азияның түркі-мұсылман халықтары идеологтарынан тікелей қабылданғаны негізделді. Эмигрант ғалымдар тобы саяси күрестен ғылыми-ағартушылық қызметке стратегиялық тұрғыда ауысып, М. К. Ататүріктің тіл және университет реформаларының табысты болуын алдын ала айқындап берді. *Қорытынды.* Жәдідшілдік қозғалысы жай ғана жергілікті

ағартушылық емес, М. К. Ататүрік үкіметіне тарихи қысқа мерзімде «османизмнен» бас тарту процесін аяқтауға мүмкіндік берген іргелі методологиялық буын болғаны анықталды.
Түйін сөздер: Жәдідшілдік, Мұстафа Кемал Ататүрік, мәдени модернизация, интеллектуалды трансфер, Зеки Велиди Тоган, тіл реформасы, жалпы түркілік бірегейлік.
Дәйексөз үшін: Тұрғынбаев І.Е., Махаева А.Ш., Жанатаева К.Б. Жәдідшілдік қозғалысының ерте кезеңдегі түркия республикасындағы білім беруді модернизациялауға ықпалы: зиялылар эмиграциясы және идеялар трансфері // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1360–1370-бб. [ағылш.]. DOI: https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1360-1370

ВЛИЯНИЕ ДЖАДИДСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА МОДЕРНИЗАЦИЮ ОБРАЗОВАНИЯ В РАННЕЙ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ТРАНСФЕР ИДЕЙ

Избасар Ерланулы Тургунбаев[1], *Махаева Айтбала Шайымкуловна*[2*], *Кульжан Бекеновна Жанатаева*[1]

[1] Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(пр. Аль-Фараби, 71, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
PhD, старший преподаватель
https://orcid.org/0000-0002-1997-7829, E-mail: izbasar136@mail.ru

[2] «Гимназия №138 имени М. Базарбаева» Управления образования г. Алматы
(мкр-н Коктем-1, 26а, 050010, Алматы, Республика Казахстан)
учитель
https://orcid.org/0009-0005-8281-2401, E-mail: nartai0212@mail.ru

[3] Казахский национальный университет имени аль-Фараби
(пр. Аль-Фараби, 71, 050040 Алматы, Республика Казахстан)
старший преподаватель
https://orcid.org/0009-0009-2003-6522, E-mail: guljan2501@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Тургунбаев И.Е., Махаева А.Ш., Жанатаева К.Б., 2026

Абстракт. *Введение.* Первая четверть XX в. для тюркского мира в историческом измерении явилась переломным моментом. Этот период был ознаменован построением модернизированного государства в Турции на фоне колонизации тюркско-мусульманских народов Центральной Азии Российской империей. Несмотря на глубокие геополитические разломы, эмигрировавшая политическая и интеллектуальная элита тюркских народов сыграла одну из ключевых ролей в реформировании системы образования и науки Турции, что требует глубокого переосмысления. *Цель и задачи.* Данная статья посвящена сопоставительному анализу и выявлению ключевых направлений культурной модернизации Турции в контексте джадидского движения, а также определению масштаба влияния интеллектуалов-эмигрантов на реформы Мустафа Кемаль Ататюрка. Для достижения этой цели поставлены задачи по изучению каналов трансфера джадидских кадров, оценке их конкретного вклада в языковые и университетские реформы. *Материалы и методы.* В качестве методологического фундамента исследования используются принципы историзма и объективизма, подкрепленные ретроспективным анализом трудов турецких и русскоязычных исследователей, а также архивных материалов. *Результаты.* В процессе исследования было обосновано, что пока «общетюркская идентичность» как идеология оставалась в теоретическом ракурсе, практическая консолидация турецкой нации в Турции была напрямую перенята от идеологов тюрко-мусульманских народов Центральной Азии. Плеяда ученых-эмигрантов осуществила стратегический переход от политической борьбы к научно-образовательной деятельности, предопределив успех языковой и университетской реформ М. К. Ататюрка. *Заключение.* Выявлено, что джадидское движение явилось не просто локальным просветительством, а основополагающим методологическим

звеном, которое позволило правительству М.К. Ататюрка завершить процесс отхода от «османизма» в беспрецедентно короткий исторический период.

Ключевые слова: Джадидизм, Мустафа Кемаль Ататюрк, культурная модернизация, интеллектуальный трансфер, Зеки Велиди Тоган, языковая реформа, общетюркская идентичность.

Для цитирования: Тургунбаев И.Е., Махаева А.Ш., Жанатаева К.Б. Влияние джадидского движения на модернизацию образования в ранней Турецкой Республике: Интеллектуальная эмиграция и трансфер идей // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1360–1370. [на англ.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1360-1370

Introduction. An interdisciplinary approach is necessary for modern humanities research in order to scientifically assess the contributions of those who made major contributions to the formation of statehood. The Republic of Türkiye's founder, M. K. Atatürk, set out to create a new, modern state, which necessitated a change in how the «Turkic nation» was viewed overall and the development of a national ideology. In order to define the course of cultural integration, he built research institutions that studied the history, literature, and languages of the Turkic peoples and drew in emigrant Turkic Muslim leaders.

Given the historical context of these processes, it is important to remember that the Russian Empire used a policy of spiritual subjection of the indigenous population in order to firmly establish itself in the acquired regions following military-political colonization [Ilminsky et al., 1900: 6-8]. The Jadidism movement began as a result of the Turkic Muslim peoples' forced spiritual colonization, which compelled them to start a national liberation campaign. The first person to advocate for the mental, linguistic, and historical unification of the Turkic peoples was Ismail Gasprinsky [Arslan, 2016: 8-21]. Usul-i Kadim and Usul-i Jadid were the two movements that resulted from this. Similar to the Republic of Türkiye's scholastic religious leaders, the Kadimists of Turkestan opposed the spread of Jadid concepts, which helped to fortify the «Russian element». After serving as the foundation for cultural change, Jadidism evolved into the notion of creating a «pan-Turkic nation». The intellectuals and clergy of Crimea, Volga-Ural, Turkestan, and Azerbaijan emerged as the principal proponents of the «unification of the Turkic peoples».

Institutional opposition to the Jadid reforms is revealed via archival sources. As the principal proponent of «Turkic unity», I. Gasprinsky submitted a plan to Turkestan Governor-General Nikolay Rosenbach in 1892 for the rebuilding of Muslim schools in Turkestan. N. Rosenbach requested an expert opinion from Turkestan Teachers' Seminary head Nikolay Ostroumov. N. Rosenbach chose to make this decision without repercussions after N. Ostroumov responded negatively to the offers [NARU. F. 461. Op. 1. D. 1116. Ll. 69–71]. I. Gasprinsky arrived in Turkestan in 1893. He traveled to the main cities in the area and met with the Emir of Bukhara, who pledged not to obstruct the establishment of Jadid schools there. Consequently, that year saw the opening of Samarkand's first Jadid school [Alimova, 2009: 169-170].

The «idea of the unity of the Turkic peoples», which is interpreted in a variety of ways, is the subject of numerous historiographic studies today. While some view it as aggressive and give it the coloring of «pan-Turkism», others perceive progressive elements in this concept [Kireev, 2002: 20–30]. For instance, I. Gasprinsky's proposal to create a single, simplified Turkic literary language, which he backed with Istanbul's intellectuals, is explained by eminent scholar Edward Lazzerini [Lazzerini, 1973]. This served as the foundation for the policies of M. K. Atatürk, who believed that the establishment of a new state would modernize educational and cultural tendencies, resulting in Turkic cohesion and national identity.

Turkic Muslim Jadids were compelled to flee to the Republic of Türkiye due to the Bolshevik Revolution and the escalation of the Red Terror. Unfortunately, little historical research has been done on how these exiled Turkic Muslims' political fight evolved into scholarly and educational endeavors. Additionally, there hasn't been an impartial historical evaluation of their contribution and function in the advancement of historical knowledge and the reform of the Republic of Türkiye's educational system. In order to close this gap, this study looks at the rise of the Jadid movement, which had an impact on cultural changes in the Republic of Türkiye throughout the 1920s and 1930s as well as in the post-Soviet region.

Materials and Methods. Historicism and objectivity serve as the study's methodological foundation, enabling an analysis of the Jadid movement's formation and development within a particular historical setting. In addition to a retrospective examination of archival records and academic publications by Turkish, Russian, and post-Soviet scholars, a comparative historical approach was used to evaluate the reform processes in Turkestan, the Volga region, and the Republic of Türkiye. I. Gasprinsky, Yusuf Akchura, and Zeki Velidi Togan were three important émigré thinkers whose activities were tracked using a biographical approach. Early 20th century magazines and archival documents were critically examined using components

of source analysis. The combination of these methods made it possible to identify the channels of intellectual transfer of Jadid cadres and assess their contribution to the linguistic and university reforms of the Republic of Türkiye.

Discussion. A thorough examination of the Turkic world's reform processes' beginnings is necessary to comprehend their development. When I. Gasprinsky published the first edition of the journal «Terciman» («Translator») in 1883, he publicly announced the cultural battle of the Turkic peoples against the colonial policies of tsarism, marking the commencement of the Jadid movement [Safarov, 1996]. Political developments in the Republic of Türkiye, where he lived for two years in 1874–1875, had a significant impact on his ideas [Kırımer, 2014]. He made it his mission to preserve national and religious traditions while introducing Turkic-Muslim youth to the accomplishments of European culture and modernizing educational practices. I. Gasprinsky was able to start introducing a new educational system among the Turkic peoples of the Russian Empire because he had a European education, was an expert in philosophy and history, and spoke Turkish, Russian, and foreign languages [Benningsen, 1992: 119]. The first Jadid school was established in Bakhchisaray in January 1884, which had an impact on the Turkic-Muslim peoples' heavily inhabited areas [Gilyazov, 2002: 15]. Due to the popularity of these schools, students from all across the Russian Empire opened their own Jadid schools after graduating; unofficial figures show that by 1916, there were more than 5 000 of them [Gilyazov, 2002: 16].

It is important to highlight that Jadidism emerged for a number of reasons in the context of a scientific discussion regarding its fundamental conditions. One of these is the tsarist policy, which aims to Christianize and Russify the social life of the Turkic peoples. Because the Jadids aimed to establish a secular, national school and articulated the philosophy of national rebirth, the Tsarist administration considered the Jadid movement as a potentially harmful source for the development of ethnic self-awareness. As a result, it made every effort to eradicate Muslim education. In his report to the emperor on October 26, 1899, Turkestan Governor-General Sergey Dukhovsky states that Islam is antagonistic to both their faith and their entire civilization [az.lib.ru]. It is also noteworthy that the Bishop of Tomsk wrote to the Governor-General of Semipalatinsk on January 7, 1893, requesting that Islam propaganda be outlawed in Kazakhstan and that Orthodoxy be promoted. In order to achieve this, he suggests progressively replacing current mosques and schools with Russian ones rather than building new ones. The Russification and Christianization of the Kazakh population is the topic of discussion at [studfile.net].

The growth of new-method schools in different areas amply illustrates the extent of I. Gasprinsky's impact on education. In Russia's Muslim areas, his work as a teacher and educator had a significant impact. In Crimea, the Caucasus, the Volga and Ural regions, and eventually Turkestan, the number of new-method schools increased. Ninety percent of the 1 088 Muslim schools in the province of Kazan in 1912 were new-method schools [library.tj].

A more thorough comprehension of I. Gasprinsky's impact on modernization is possible through a systematic examination of his pedagogic legacy. He developed a novel (phonic) approach to teaching the Arabic alphabet in a school established in Bakhchisaray, allowing youngsters to become literate in a matter of months [mytashkent.uz]. I. Gasprinsky proved to be an excellent teacher, and his school in Bakhchisaray became a model for all Jadid madrassas in Russia, Turkey, and other Muslim nations, according to Islamic academics like Alexander Bennigsen and Chantal Lemercier-Kelkezhe [library.tj].

The first new-method textbook was written by I. Gasprinsky, who taught it at the madrasah in Bakhchisaray. It's important to note that he drew from the experience of Russian universities and thought that reforms included introducing general education subjects in madrasahs, such as history, geography, natural sciences, arithmetic with plane geometry, pedagogy, Russian language, and Russian jurisprudence, in addition to new literacy teaching methods [library.tj]. He even suggested hiring graduates of the Lazarev Institute of Oriental Languages in Moscow or the University of St. Petersburg to teach oriental studies. I. Gasprinsky defended this by claiming that madrasahs had a far bigger impact on Muslim society than any university had on European society because, as highly respected establishments among Muslims, mektebs and madrasahs were illuminated by ancient customs and enjoyed their sympathy and trust [library.tj].

The movement's intricate palette of internal inconsistencies was exposed by traditionalists' rejection. Despite the Kadimists' unyielding opposition, new techniques emerged. The Jadids essentially emerged as the first representatives of the Russian Turkic-Muslim peoples' national identity. Since the tsarist administration viewed them as a hub for advancing the concepts of the unification of the Turkic peoples in both ideological and practical dimensions, it fiercely fought their discovery. The modernization of the Muslim community through the reform of the entire educational system, the political and spiritual unification

of the Turkic population of the Russian Empire, and the ways in which Russian Muslims interact with Russian Empire, i.e., the Russian world and the West, are the three main directions in which I. Gasprinsky's ideas can be viewed [Gilyazov, 2002: 15].

There was cross-border intellectual exchange between regions. Turkestan experienced an economic, political, and cultural crises as a result of colonialism in the late 19th and early 20th centuries. The local intelligentsia, which aimed to learn from both Western and Eastern nations, including the Republic of Türkiye, was concerned by this. Early in the 20th century, Turkestan and the Republic of Türkiye had close ties. Zakirjon Furqat, Sharif Sohfizade, Abdurauf Fitrat, Abdulvahid Munzim, Hamidhaja Mehri, Hamza Hakimzade Niyazi, and several other Jadid movement leaders attended Turkish educational institutes [Tursunov et al., 2020: 423].

A. Fitrat was the most notable among them. He attended Istanbul University while residing in the Republic of Türkiye from 1909 to 1913. He first came to the concepts of acceleration–short-term reform–there. A. Fitrat established the Bukhara Educational and Enlightenment Society after being influenced by the Young Turk movement. Between 1911 and 1913, many young people studied in the Republic of Türkiye with the help of this group. This made it easier for the Jadids to recognize how democratic processes were advancing education and helped them realize that their mission was to rebuild a democratic society in Turkestan's social and cultural domains [Tursunov et al., 2020: 423].

The movement's global engagement with global themes is confirmed by the Jadid elite's wide geographic reach. Through mutual travel and communication, they shared experiences and were aware of numerous progressive initiatives in the Republic of Türkiye, Russia, Iran, Egypt, and other nations. But unlike the Turkestan Jadids, the Iranian progressives and the Young Turks in the Republic of Türkiye were unable to mechanically assimilate their experiences. The Jadids, on the other hand, held important positions where the interests of European and Eastern nations aligned with their vast experience in state-building and legislation, the strategies and initiatives of the Russian and Eastern peoples' fight against colonialism, and their national culture.

The Jadids started their educational endeavors at the start of the 20th century, influenced by the revolutionary revolutions in the Republic of Türkiye and Russia. Opening schools using the new approach and quickly raising student literacy, sending young people to study overseas, and enhancing the nation's socioeconomic status by teaching them about the advancements of global science were all important priorities in the fight for Turkestan's independence. The Jadids of Bukhara, under the leadership of A. Fitrat, sought to establish a constitutional monarchy and parliament in Bukhara, followed by a democratic republic. In contrast, the Jadids of Turkestan fought against the colonial oppression of the Russian Empire and sought to achieve first autonomous status and then an independent state [Tursunov et al., 2020: 424]. Institutional control by the administration remained the main barrier holding back the pace of modernization. The fact that enlightened people could free themselves from colonial oppression and begin the struggle for national freedom always kept the Russian Empire and its administration in Turkestan vigilant. They did everything they could to keep the education system of the local intelligentsia under strict control.

The number of new-method schools continued to rise in spite of these challenges. Bukhara opened in 1893, followed by Andijan in 1898, Kokand in 1899, Tashkent, and Samarkand in 1901 [Tursunov et al., 2020: 424]. There were more than 4 000 of these schools and more than 60 000 pupils enrolled by 1911. By 1917, there were 100 of these schools in the Republic of Türkiye [Tursunov et al., 2020: 424]. Majid Qadiri developed the Jadid method, which was taught in Turkish schools using a variety of mathematics textbooks from Kazan and the Republic of Türkiye.

As a result, different evaluations and viewpoints of Jadidism's socio-political aim were based on the aforementioned facts. Such evaluations of the Jadids' actions can still be found in the scientific literature. For instance, some see them as «collaborators» and «Russifiers», or enemies of Islam; others see them as supporters of Europeanism and fighters against colonialism; still others see them as a reactionary movement propagating pan-Turkism and national bourgeois ideology; still others see them as educators, reformers, and the intellectual elite of Muslims. To some extent, the differences in the assessment of the role and significance of Jadidism are explained by the fact that the leaders of this movement themselves differed in their ideological vision of the implementation of the goal, as well as their socio-political orientation.

Thus, a theoretical consensus can be reached based on the information at hand. The main way that Jadidism is portrayed is as a complex social movement with internal conflicts that was organized by the intellectual elite of Turkic enlightened reformers who had received their education in Europe. In spite of this, the Jadids were able to comprehend the fundamental framework of the ideology and, in theory, created a

system of national identity that later extended their journey to reformist principles – this time in the Republic of Türkiye.

Results. The systematization of historical sources produced tangible outcomes that showed how the Turkic peoples' intellectual elite directly influenced institutional and cultural reforms in the Republic of Türkiye. It's cultural modernization was significantly influenced by the Turkic-Muslim peoples' exodus from the Russian Empire. The political figure was one of those who carried on and expanded I. Gasprinsky's efforts. Yu. Akchura.

It was able to document the timeline of Yu. Akchura's major theoretical and practical accomplishments by examining the development of his conceptual perspectives. Yu. Akchura wrote an article titled «Light and Oppression» in 1903 [idmedina.ru]. In it, he talks about the Ottoman Empire's fall, the scientific revolutions, and the contribution of educated people to the development of a democratic society. Yu. Akchura went back to Russia in 1904. He creates the «Ittifaq al-Muslimin» party, becomes the leader of Muslim political activity almost quickly, and teaches geography and history in the Jadid madrasah «Muhammadiyah», where he imparts innovative ideas to his followers. His primary work, «Three Types of Politics», was released in March of that same year. In it, he presents a theory of the Turkic peoples' unification in three ways: the construction of a single Turkic country; the rehabilitation of the caliphate as the primary framework of the fight against imperialist nations; and the departure from the tribal concept to the national state [Akçura, 1976].

Yu. Akchura tries to find the best choices that might help the Turkic peoples in each of these. The first two points seem unrealistic since Western nations would disagree with them. Since Russia is the only nation where Turkic Muslims reside, the third point appears to be the most hopeful. This viewpoint appeared radical at first, but it eventually gained traction. But without the Turkic peoples' regional location, it was not feasible. These ideas looked idealistic during the beginning of the 20th century. Due to its inadequate industrial policy and lack of capital, the Republic of Türkiye was unprepared for the changes brought about by the flourishing industry in Europe at the time. At that time, there were two main hotbeds of struggle: Anatolia and the Turks within Russia. Each had its own specific characteristics. The Jadidists waged their struggle through education, while in Anatolia, the system of struggle was already established.

Yu. Akchura fled to the Republic of Türkiye in October 1908 after being arrested and persecuted in Russia. He authored articles about the Turkic peoples in the newspaper «Türk Yurdu» («Turkish Homeland») in Istanbul. Yu. Akchura emphasized issues of national identity and advocated for unification among the Turkic peoples as a member of the «Türk Ocakları» («Turkish Hearths»). Because Yu. Akchura shared M. K. Atatürk's political beliefs, he was able to win his favor [Vasiliyev, Sharyafetdinova, 2023: 421].

Yu. Akchura actively participated in the preconditions for the establishment of a new national republic in the Republic of Türkiye between 1918 and 1923, serving as M. K. Atatürk's counselor on ties with Russia. Following the declaration of Turkish sovereignty in 1923, Yu. Akchura was elected to the Grand National Assembly of Türkiye and chosen by M. K. Atatürk as an advisor on political and cultural matters [Gilyazov, 2002: 23].

The study's discovery of M. K. Atatürk's role in transferring scientific and educational authority to intellectuals from abroad was a significant outcome. Yu. Akchura was known in the Republic of Türkiye as an advocate for the union of the Turkic peoples. Yu. Akchura took part in the establishment of the «Turkish Historical Society» in 1931 at the request of M. K. Atatürk, whose mission was to create an understanding of Turkish history [Vasiliyev, Sharyafetdinova, 2023: 421]. As a result, M. K. Atatürk cleared the path for numerous exceptional academics who conducted useful scientific research.

Among them is Z. V. Togan, whose 1926 entrance in the Republic of Türkiye fundamentally altered the country's intellectual environment. The Fatih Library was his first destination in Istanbul. Actually, he was formally assigned to the Ministry of Education, Copyright, and Translations Committee from the very beginning. In the meantime, he received an invitation to teach the history of the Turkic peoples at Istanbul University from Mehmet Fuad Köprülü, Dean of the Faculty of Literature [Togan, 1967: 27]. Z. V. Togan wrote his seminal work, «Umumi Türk Tarihine Giriş» («Introduction to the General History of the Turks»), which systematized Turkish history at this time [Togan, 2017: 161-180].

M. K. Atatürk recognized that the key to successfully establishing the new republican system was education [Önk, 2015: 511-530]. One of the cornerstones of education, in his opinion, is the ease of reading and writing. It was determined to develop a new alphabet based on the Latin alphabet in order to do this. The Ottoman language, which included many Arabic and Persian words that were challenging for students to

learn, was not accepted by the inhabitants of Anatolia at the time. Turkish became the language of teaching as a result of M. K. Atatürk's linguistic reform. In 1934, a decision was made to incorporate Turkic words into the Turkish language in place of Arabic and Persian words. According to statistics, approximately 600-800 words from the Kumyk, Balkar, Karachay, Karaite, and Crimean Tatar languages were added to the dictionary.

This was made possible in large part by the Linguistic Commission and the Translation Bureau, which included Jadid cadres. Here, Orhan Shamkhal's contribution should be acknowledged. He left Russia for the Republic of Türkiye in 1917. He obtained a teaching position at the university and joined the Turkish Linguistic Society there. He educated Russian-speaking Turkish interpreters and gave advice to M. K. Atatürk. He was asked to translate the Russian scholar Eduard Pekarsky's «Dictionary of the Yakut Language» into Turkish by M. K. Atatürk. The Linguistic Commission, comprising academics like Abdulkadir Inan, Orhan Shamkhal, Ahmed Jaferoglu, Ali Hussein-Zade, Reshit Rahmeti Arat, Abdullah Battal, Shefika Gasprinskaya, and others, carried out this task. O. Shamkhal actively participated in the establishment of the Translation Bureau on behalf of M. K. Atatürk. A law mandating literacy classes for all students aged 16 to 30 was approved following the adoption of the new alphabet. As a result, in a nation of 10 million people, around 1.5 million reading certificates had been issued by 1928 [Bozkurt, Bozkurt, 2009: 117–135]. This illustrates how important the exiles' contributions were to the planning and execution of M. K. Atatürk's linguistic and scientific reforms. In addition to restoring the original roots of Turkish vocabulary, the resurrection of the Turkish language aided in the country's progress [Alpay, 2018: 179].

Among the Jadids who emigrated, Sadri Maksudi stands out for having impacted the Republic of Türkiye's judicial system in addition to its linguistic and academic reforms. His work in 1895 at the Bakhchisaray madrasah in Crimea, where he was invited by I. Gasprinsky, was one of the pivotal moments in his life. S. Maksudi declared I. Gasprinsky to be his spiritual father after they had met and collaborated [Ayda, 1991: 20].

Attending talks and meetings with the well-known turkologist Vasily Radlov also had an impact on him. «The most complex issues of the Turkish language» were discussed at these gatherings. S. Maksudi expanded his understanding of Turkish dialects, phonetics, and grammar by reading works that V. Radlov suggested [Ayda, 1991: 53]. His studies in this field culminated in his 1930 book «Türk dili için» («For the Turkish Language»).

S. Maksudi studied language and history at Paris from 1920 to 1922 [Battal-Taymas, 1959: 41]. His objective, which aligned with M.K. Atatürk's beliefs, was to eradicate Arabic and Persian vocabulary in order to build a civilized Turkish language. «Türk Ocakları» invited him to the Republic of Türkiye in 1924 while he was a professor at the Sorbonne to give lectures in Istanbul and Ankara. The lecture, titled «The Role of Academies in the Development and Evolution of Languages», was subsequently published in the «Türk Yurdu» in September 1925.

He also studied Turkish history in-depth in addition to working on the Turkish language. He relocated to the Republic of Türkiye in 1925, where M.K. Atatürk named him a professor at the Faculty of Law in Ankara. In 1947, S. Maksudi expanded and republished one of his most significant works, «History of Turkish Law», under the title «History and Law of Turkey», creating a monumental work that combined his knowledge of French legal education with his knowledge of language and history. As a result, he was able to establish the field of Turkish legal history [Ercilasun, 2017: 177].

S. Maksudi retained his academic independence at the same time, as seen by his critique of M.K. Atatürk's «solar language» theory and the name of the nation's bank. Despite his discontent, he routinely invited S. Maksudi and Yu. Akchura to evening meetings at Chankaya's home, where topics of the republic's foreign and domestic policy were discussed. This suggests that a stable group of Jadid émigrés advisors had formed around the president [Ayda, 1991: 196-198].

Conclusion. The study comes to the conclusion that the Jadid movement, which arose as a reaction by the Turkic-Muslim peoples of the Russian Empire to the policies of spiritual colonization and Russification, was a massive intellectual endeavor that shaped the course of the Republic of Türkiye's cultural modernization rather than a localized educational phenomenon. M. K. Atatürk used the methodological foundation for educational reform established by I. Gasprinsky and his adherents to construct a new national state. Following the Bolshevik Revolution, Jadid intellectuals (Yu. Akchura, Z. V. Togan, O. Shamkhal, and others) emigrated to the Republic of Türkiye, creating a useful conduit for the transfer of expertise gained in Turkestan and the Volga area. The fact that they are part of the Ministry of Education's, the Linguistic Commission's, and the Translation Bureau's organizational structures attests to M. K. Atatürk's policy of

giving authority in science and education to immigrants who have special knowledge of Turkology. It has been demonstrated that the institutionalization of historical science, language reform, and alphabet renewal were not only the product of internal Turkish endeavors but also directly resulted from the intellectual transfer of Jadid cadres. While the actual consolidation of the Turkish nation depended on the unique organizational and educational advancements of immigrants from Central Asia and the Volga area, the concept of a «pan-Turkic identity» remained theoretical. Thus, Jadidism should be viewed as a fundamental methodological link that enabled M. K. Atatürk's government to complete its departure from the Ottoman model in a historically short period of time and lay the foundations of a secular national state.

Sources

NARU – Natsionalnyi Arkhiv Respubliki Uzbekistan [National Archive of Republic of Uzbekistan]

Literature

Akçura, 1976 – *Akçura Y.* Üç Tarz-ı Siyaset. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınları, 1976. 55 s.

Alpay, 2018 – *Alpay N.* Dil Meseleleri, Uygulama Üzerine Yazılar II. İstanbul: Metis Yayınlar, 2018. 179 s.

Arslan, 2011 – *Arslan M.* Gaspıralı İsmail Bey'in Eğitim Reformu Ve Usûl-i Cedîd Gaspıralı İsmail Bey'in Yaşam Öyküsü ve Türk Fikir Hayatına Etkileri // *GAU Journal of Social and Applied Science.* 2011. № 1 (8). Pp. 8–21.

Ayda, 1991 – *Ayda A.* Sadri Maksudi Arsal. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1991. 204 s.

Battal-Taymas, 1959 – *Battal-Taymas A.* Kazanlı Türk Meşhurlarından İki Maksudiler. İstanbul: İsmail Akgün Matbaası, 1959. 83 s.

Bozkurt, Bozkurt, 2009 – *Bozkurt İ., Bozkurt B.* Yeni Alfabenin Kabulü Sonrasi Mersin'de Açılan Millet Mektepleri Ve Çalışmaları // *ÇTTAD.* 2009. № 19 (8). Ss. 117–135.

Ercilasun, 2017 – *Ercilasun A.B.* Sadri Maksudi Arsal ve Türk Dili // İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi Mecmuası. 2017. № 2 (75). Ss. 167–180.

idmedina.ru, 2020 – *idmedina.ru.* Юсуф Акчура (1876–1935) и теория стадиального развития. 16.05.2020. URL: https://idmedina.ru/ramazan/?7119

Kırımer, 2014 – *Kırımer C.* Gaspıralı İsmail Bey. Ankara: TİKA Yayınları, 2014. 272 s.

Lazzerini, 1973 – *Lazzerini E.* Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia, 1878-1914. Washington: Washington University, 1973. 355 p.

library.tj, 2000 – *library.tj.* Исмаил-бей Гаспринский. 01.01.2020. URL: https://library.tj/m/articles/view/ИСМАИЛ-бей-ГАСПРИНСКИЙ

mytashkent.uz, 2010 – *mytashkent.uz.* Возникновение джадидизма как первоосновы национальной идеи. Часть 1. 28.08.2010. URL: https://mytashkent.uz/2010/08/28/vozniknovenie-dzhadidizma-kak-pervoosnovyi-natsionalnoy-idei-chast-1/

Önk, 2015 – *Önk M.* Atatürk Dönemi Eğitim Sistemi Gelişmelere Bir Bakış // *International Journal of Social Science.* 2015. № 37. Ss. 511–530.

studfile.net, 2025 – *studfile.net.* Джадидизм и народное образование в Казахстане в конце XIX – начале XX веков. 01.07.2025. URL: https://studfile.net/preview/13965304/page:8/

Togan, 2017 – *Togan İ.* Umumi Türk Tarihine Giriş: Zeki Velidi Togan'ın Türklerin Tarihini Bir Sistem İçinde Kurgulayışı. Ankara: Akçağ Yayınları, 2017. 496 s.

Togan, 1967 – *Togan Z.V.* Hamdullah Suphi Bey'e Ait Bazı Hatıralar // *Türk Yurdu.* 1967. № 332 (6). S. 27.

Tursunov et al., 2020 – *Tursunov R.N., Bababekov A.D., Abdullaev I.I., Kuyliev R.M.* The emergence of the jadid movement in turkestan and its relations with turkey at the beginning of the XX century // *Journal of Critical Reviews.* 2020. № 11 (7). Pp. 423–424.

Алимова, 2009 – *Алимова Д.* История как история, история как наука. Феномен джадидизма. Т. 2. Ташкент: 2009. 180 с.

Беннигсен, 1992 – *Беннигсен А.* Исмаил Бей Гаспринский (Гаспрали) и возникновение джадидизма в России // *Этнографическое обозрение.* 1992. № 6. С. 119.

Васильев, Шаряфетдинова, 2023 – *Васильев А.Д., Шаряфетдинова Д.З.* Роль Юсуфа Акчуры в становлении турецкой национальной историографии // *Ориенталистика.* 2023. № 3-4 (6). С. 421.

Гилязов, 2002 – *Гилязов И.* Тюркизм: становление и развитие (характеристика основных этапов). Казань, 2002. 70 с.

Духовский, 1899 – *Духовский С.М.* Ислам в Туркестане: Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора. Ташкент, 25.09.1899. URL: http://az.lib.ru/d/duhowskoj_s_m/text_1899_islam_v_turkestane.shtml

Ильминский и др., 1900 – *Ильминский Н.И., Гиляров-Платонов Н.П., Рыбаков С.Г.* Неизданное письмо Николая Ильминского о способах обучения инородцев. С.-Петербург: Синодская типография, 1900. 8 с.

Киреев, 2002 – *Киреев Н.* Турция: Поиски национальной стратегии евразийского сотрудничества // *Центральная Азия и Кавказ.* 2002. № 1. С. 20–30.

Сафаров, 1996 – *Сафаров Г.* Колониальная революция: Опыт Туркестана. Алаш-Орда. Алматы: Жалын, 1996. 272 с.

References

Akcura, 1976 – *Akcura Y.* Uc Tarz-i Siyaset [Three Types of Politics]. Ankara: Turk Tarih Kurumu Yayinlari, 1976. 55 p. [in Turkish]

Alimova, 2009 – *Alimova D.* Istoriya kak istoriya, istoriya kak nauka. Fenomen dzhadidizma [History as History, History as Science. The Phenomenon of Jadidism]. Vol. 2. Tashkent: 2009. 180 p. [in Russian]

Alpay, 2018 – *Alpay N.* Dil Meseleleri, Uygulama Uzerine Yazilar II [Language Issues, Writings on Practice II]. Istanbul: Metis Yayinlar, 2018. 179 p. [in Turkish]

Arslan, 2011 – *Arslan M.* Gaspirali Ismail Bey'in Egitim Reformu Ve Usul-i Cedit Gaspirali Ismail Bey'in Yasam Oykusu ve Turk Fikir Hayatina Etkileri [Educational Reform and New Method of Gaspirali Ismail Bey: Biography of Gaspirali Ismail Bey and His Effects on Turkish Intellectual Life]. *GAU Journal of Social and Applied Science.* 2011. № 1 (8). Pp. 8–21. [in Turkish]

Ayda, 1991 – *Ayda A.* Sadri Maksudi Arsal. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 1991. 204 s [in Turkish].

Battal-Taymas, 1959 – *Battal-Taymas A.* Kazanlı Türk Meşhurlarından İki Maksudiler [Two Maksudis Among the Famous Kazan Turks]. İstanbul: İsmail Akgün Matbaası, 1959. 83 p. [in Turkish]

Bennigsen, 1992 – *Bennigsen A.* Ismail Bey Gasprinskiy (Gasprali) i vozniknovenie dzhadidizma v Rossii [Ismail Bey Gasprinsky (Gasprali) and the Emergence of Jadidism in Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie.* 1992. № 6. P. 119. [in Russian]

Bozkurt, Bozkurt, 2009 – *Bozkurt I., Bozkurt B.* Yeni Alfabenin Kabulu Sonrasi Mersin'de Acilan Millet Mektepleri Ve Calismalari [National Schools Opened in Mersin After the Adoption of the New Alphabet and Their Activities]. *CTTAD*. 2009. № 19 (8). Pp. 117–135. [in Turkish]

Dukhovsky, 1899 – *Dukhovsky S.M.* Islam v Turkestane: Vsepoddanneyshiy doklad Turkestanskogo general-gubernatora [Islam in Turkestan: The Most Humble Report of the Governor-General of Turkestan]. Tashkent, 25.09.1899. URL: http://az.lib.ru/d/duhowskoj_s_m/text_1899_islam_v_turkestane.shtml [in Russian]

Ercilasun, 2017 – *Ercilasun A.B.* Sadri Maksudi Arsal ve Türk Dili [Sadri Maksudi Arsal and the Turkish language]. İstanbul Üniversitesi Hukuk Fakültesi Mecmuası. 2017. № 2 (75). Pp. 167–180. [in Turkish]

Gilyazov, 2002 – *Gilyazov I.* Tyurkizm: stanovlenie i razvitie (kharakteristika osnovnykh etapov) [Turkism: Formation and Development (Characteristics of the Main Stages)]. Kazan, 2002. 70 p. [in Russian]

idmedina.ru, 2020 – *idmedina.ru.* Yusuf Akchura (1876–1935) i teoriya stadialnogo razvitiya [Yusuf Akchura (1876–1935) and the Theory of Stage Development]. 16.05.2020. URL: https://idmedina.ru/ramazan/?7119 [in Russian]

Ilminskiy et al., 1900 – *Ilminskiy N.I., Gilyarov-Platonov N.P., Rybakov S.G.* Neizdannoe pismo Nikolaya Ilminskogo o sposobakh obucheniya inorodtsev [Unpublished Letter of Nikolai Ilminsky on Methods of Teaching Non-Russians]. St. Petersburg: Sinodskaya tipografiya, 1900. 8 p. [in Russian]

Kireev, 2002 – *Kireev N.* Turtsiya: Poiski natsionalnoy strategii evraziyskogo sotrudnichestva [Turkey: Search for a National Strategy for Eurasian Cooperation]. *Tsentralnaya Aziya i Kavkaz.* 2002. № 1. Pp. 20–30. [in Russian]

Kirimer, 2014 – *Kirimer C.* Gaspirali Ismail Bey [Gaspirali Ismail Bey]. Ankara: TIKA Yayinlari, 2014. 272 p. [in Turkish]

Lazzerini, 1973 – *Lazzerini E.* Ismail Bey Gasprinskii and Muslim Modernism in Russia, 1878-1914. Washington: Washington University, 1973. 355 p.

library.tj, 2000 – *library.tj.* Ismail-bey Gasprinskiy [Ismail Bey Gasprinsky]. 01.01.2020. URL: https://library.tj/m/articles/view/ИСМАИЛ-бей-ГАСПРИНСКИЙ [in Russian]

mytashkent.uz, 2010 – *mytashkent.uz.* Vozniknovenie dzhadidizma kak pervoosnovy natsionalnoy idei. Chast 1 [The Emergence of Jadidism as the Primary Basis of the National Idea. Part 1]. 28.08.2010. URL: https://mytashkent.uz/2010/08/28/vozniknovenie-dzhadidizma-kak-pervoosnovyi-natsionalnoy-idei-chast-1/ [in Russian]

Onk, 2015 – *Onk M.* Ataturk Donemi Egitim Sistemi Gelismelere Bir Bakis [An Overview of Developments in the Educational System of the Ataturk Era]. *International Journal of Social Science.* 2015. № 37. Pp. 511–530. [in Turkish]

Safarov, 1996 – *Safarov G.* Kolonialnaya revolyutsiya: Opyt Turkestana. Alash-Orda [Colonial Revolution: The Experience of Turkestan. Alash-Orda]. Almaty: Zhalyn, 1996. 272 p. [in Russian]

studfile.net, 2025 – *studfile.net.* Dzhadidizm i narodnoe obrazovanie v Kazakhstane v kontse XIX – nachale XX vekov [Jadidism and Public Education in Kazakhstan in the Late 19th – Early 20th Centuries]. 01.07.2025. URL: https://studfile.net/preview/13965304/page:8/ [in Russian]

Togan, 2017 – *Togan I.* Umumi Turk Tarihine Giris: Zeki Velidi Togan'in Turklerin Tarihini Bir Sistem Icinde Kurgulayisi [Introduction to General Turkish History: Zeki Velidi Togan's Construction of the History of Turks within a System]. Ankara: Akcag Yayinlari, 2017. 496 p. [in Turkish]

Togan, 1967 – *Togan Z.V.* Hamdullah Suphi Bey'e Ait Bazi Hatiralar [Some Memoirs Belonging to Hamdullah Suphi Bey]. *Turk Yurdu.* 1967. № 332 (6). P. 27. [in Turkish]

Tursunov et al., 2020 – *Tursunov R.N., Bababekov A.D., Abdullaev I.I., Kuyliev R.M.* The emergence of the jadid movement in turkestan and its relations with turkey at the beginning of the XX century. Journal of Critical Reviews. 2020. № 11 (7). Pp. 423–424.

Vasilyev, Sharyafetdinova, 2023 – *Vasilyev A.D., Sharyafetdinova D.Z.* Rol Yusufa Akchury v stanovlenii turetskoy natsionalnoy istoriografii [The Role of Yusuf Akchura in the Formation of Turkish National Historiography]. *Orientalistika.* 2023. № 3-4 (6). P. 421. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1371–1387
Journal homepage: https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР / МРНТИ / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1371-1387

ТРАНСШЕГАРАЛЫҚ КӨШІ-ҚОН: ХХ ҒАСЫРДЫҢ БАСЫНДА ҚЫТАЙ МЕН МОҢҒОЛИЯҒА МӘЖБҮРЛІ ҚОНЫС АУДАРҒАН ҚАЗАҚ БОСҚЫНДАРЫ ЖӘНЕ БАЛАЛАР ТАҒДЫРЫ

Елдос Сауырқан[1], Қаипбаева Айнагүл Толғанбаева[2]*

[1] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық Университетінің 2 курс докторанты
https://orcid.org/0000-0003-0079-0420 E-mail: erekejan@gmail.com

[2*] Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология институты
(28-үй, Шевченко көш., 050010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
иарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0000-0002-3387-624X E-mail: aina__78@mail.ru

© Ш.Ш. Уалиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Сауыркан Е. Каипбаева А.Т., 2026

Аңдатпа. *Kipicne.* Мақалада ХХ ғасырдың 20–30-жылдары Қазақстан аумағынан Қытай мен Моңғолияға қоныс аударуға мәжбүр болған қазақ босқындары мен олардың балаларының тағдыры қарастырылады. Негізгі назар босқындардың трансшекаралық көші-қонына, барған елдердегі саяси-әлеуметтік жағдайына, сондай-ақ босқын отбасыларындағы балалар тап болған әлеуметтік қиындықтарға аударылады. Зерттеу барысында көші-қонының саяси сипатын айқындауға басымдық беріліп, тарихи-салыстырмалы талдау, этнотарихи сипаттау және этноәлеуметтік зерттеу әдістері қолданылды. *Мақсаты мен міндеттері*. Зерттеу тарихи еңбектер мен ғылыми зерттеулерге сүйене отырып, мәжбүрлі трансшекаралық көші-қонының негізгі себептері мен салдарын, сондай-ақ босқын отбасыларындағы балалардың саяси-әлеуметтік тағдырын талдау. Осы мақсатқа сәйкес көші-қонның қалыптасуына ықпал еткен саяси және әлеуметтік жағдайларды анықтау, босқындардың жаңа ортадағы тұрмыс-тіршілігі мен бейімделу ерекшеліктерін қарастыру, әсіресе балалардың әлеуметтік қиындықтарын саралау міндеттері қойылды. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеудің деректік және материалдық негізін ХХ ғасырдың 20–30-жылдарындағы қазақтардың Қытай мен Моңғолияға бағытталған көшіне қатысты отандық және шетелдік ғылыми еңбектер, зерттеу мақалалары және тақырыпқа қатысты өзге де тарихи материалдар құрайды. Зерттеу барысында салыстырмалы-тарихи әдіс қолданылды. Салыстырмалы талдау арқылы көш үдерісінің ортақ белгілері мен өзіндік ерекшеліктері, сондай-ақ босқындардың жаңа әлеуметтік ортаға бейімделу жағдайлары сараланды. Сонымен қатар тарихилық пен объективтілік қағидаттар басшылыққа алынып, тарихи оқиғалар сол кезеңнің саяси және әлеуметтік жағдайларымен өзара байланыста қарастырылды. *Нәтижелер.* Зерттеу нәтижесінде ХХ ғасырдың 20–30-жылдарындағы көштің саяси себептері мен әлеуметтік

салдары отандық және шетелдік зерттеулер негізінде сараланды. Мәжбүрлі көші-қон сол кезеңдегі саяси және әлеуметтік өзгерістермен тығыз байланысты тарихи үдеріс ретінде қарастырылып, оның босқындардың әлеуметтік жағдайына, жаңа ортаға бейімделуіне және әсіресе балалар тағдырына тигізген әсері айқындалды. *Қорытынды*. Зерттеу қорытындысында XX ғасырдың 20–30-жылдарындағы қазақтардың Қытай мен Моңғолияға бағытталған мәжбүрлі көші-қонының саяси және әлеуметтік себептері отандық зерттеулер негізінде жүйеленіп, талданды. Әсіресе босқын отбасыларындағы балалардың әлеуметтік жағдайы мен тағдыры мәжбүрлі көші-қон тарихының маңызды, алайда отандық тарихнамада әлі де кешенді зерттеуді қажет ететін бағыттарының бірі екені айқындалды. Осы тұрғыдан зерттеу қазақтардың трансшекаралық көші-қон тарихын саяси оқиғалармен ғана шектемей, оның әлеуметтік және гуманитарлық салдарымен сабақтастыра қарастыру қажеттігін көрсетеді.

Түйін сөздер: мәжбүрлі көш, қазақ босқындары, балалар, әлеуметтік себептер, саяси себептер, бейімделу, іргелес елдер.

Алғыс. Бұл мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің «1920–1930 жылдардағы Қазақстан аумағындағы және іргелес елдердегі балалар панасыздығы мәселесі» тақырыбындағы гранттық қаржыландыру жобасын жүзеге асыру аясында орындалды (жеке тіркеу нөмірі: AP 23488331).

Дәйексөз үшін: Сауырқан Е., Қаипбаева А: Трансшегаралық көші-қон: XX ғасырдың басында Қытай мен Монғолияға мәжбүрлі қоныс аударған қазақ босқындары және балалар тағдыры // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1371–1387-бб. [Қазақша] DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1371-1387

ТРАНСГРАНИЧНАЯ МИГРАЦИЯ: КАЗАХСКИЕ БЕЖЕНЦЫ, ВЫНУЖДЕННО ПЕРЕСЕЛИВШИЕСЯ В КИТАЙ И МОНГОЛИЮ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА, И СУДЬБЫ ДЕТЕЙ

Сауыркан Елдос[1], Қаипбаева Айнагул Толганбаева[2]

[1] Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова
(д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
Докторант 2 курса Казахского национального университета имени аль-Фараби
https://orcid.org/0000-0003-0079-0420, E-mail: erekejan@gmail.com

[2] Институт истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан) Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0002-3387-624X E-mail: aina__78@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Сауыркан Е. Каипбаева А.Т., 2026

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается судьба казахских беженцев, вынужденных переселиться с территории Казахстана в Китай и Монголию в 1920–1930-е годы, а также судьба их детей. Основное внимание уделяется трансграничной миграции беженцев, их политическому и социальному положению в странах переселения, а также социальным трудностям, с которыми столкнулись дети в семьях беженцев. В ходе исследования особое внимание уделено выявлению политического характера миграционных процессов. В качестве основных методов использованы историко-сравнительный анализ, этноисторический и этносоциальный подходы. *Цель и задачи*. Исследование, опираясь на исторические труды и научные исследования, направлено на анализ основных причин и последствий вынужденной трансграничной миграции, а также политической и социальной судьбы детей из семей беженцев. В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи: выявить политические и социальные условия, повлиявшие на формирование миграционных процессов; рассмотреть условия жизни беженцев и особенности их адаптации в новой среде; особое внимание уделить анализу социальных трудностей, с которыми столкнулись дети. *Материалы и методы*. Источниковую и материальную основу исследования составили отечественные и зарубежные научные труды, исследовательские статьи и другие исторические материалы, посвящённые миграции казахов в Китай и Монголию в 1920–1930-е годы. В ходе

исследования применялся сравнительно-исторический метод. Посредством сравнительного анализа были выявлены общие черты и особенности миграционных процессов, а также рассмотрены условия адаптации беженцев к новой социальной среде. Кроме того, исследование основывалось на принципах историзма и объективности, что позволило рассматривать исторические события во взаимосвязи с политическими и социальными условиями соответствующего периода. *Результаты*. В результате исследования на основе отечественных и зарубежных научных работ были проанализированы политические причины и социальные последствия миграционных процессов 1920–1930-х годов. Вынужденная миграция рассмотрена как исторический процесс, тесно связанный с политическими и социальными изменениями того периода. Определено её влияние на социальное положение беженцев, особенности их адаптации к новой среде и, в особенности, на судьбу детей. *Заключение.* В заключении исследования систематизированы и проанализированы политические и социальные причины вынужденной миграции казахов в Китай и Монголию в 1920–1930-е годы на основе отечественных исследований. Особое внимание уделено социальному положению и судьбе детей из семей беженцев. Установлено, что данный аспект представляет собой одно из важных направлений истории вынужденной миграции, которое до настоящего времени требует комплексного изучения в отечественной историографии. В этом контексте исследование показывает необходимость рассматривать историю трансграничной миграции казахов не только в связи с политическими событиями, но и в тесной взаимосвязи с её социальными и гуманитарными последствиями.

Ключевые слова: вынужденная миграция, казахские беженцы, дети, социальные причины, политические причины, адаптация, сопредельные страны.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Проблема детской беспризорности на территории Казахстана и в сопредельных странах в 1920–1930-е годы» (ИРН AP23488331).

Для цитирования: Сауыркан Е., Каипбаева А. Трансграничная миграция: казахские беженцы, вынужденно переселившиеся в Китай и Монголию в начале XX века, и судьбы детей // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1371–1387. [на казахском языке]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1371-1387

CROSS-BORDER MIGRATION: KAZAKH REFUGEES FORCIBLY DISPLACED TO CHINA AND MONGOLIA IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY AND THE FATE OF THEIR CHILDREN

Yeldos Sauyrkan[1], Kaipbayeva T. Ainagul [2]

[1] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
2nd-year doctoral student at Al-Farabi Kazakh National University
https://orcid.org/0000-0003-0079-0420 e-mail: erekejan@gmail.com

[2] Ch.Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology
(28, Shevchenko Str., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher
https://orcid.org/0000-0002-3387-624X, e-mail: aina__78@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Sauyrkan Ye., Kaipbayeva A.T., 2026

Abstract. *Introduction.* The article examines the experiences of Kazakh refugees who were forced to migrate from Kazakhstan to China and Mongolia during the 1920s and 1930s, with particular attention to the fate of their children. The study focuses on the refugees' cross-border migration, their political and social circumstances in the countries of settlement, and the social hardships faced by children in refugee families. Particular emphasis is placed on identifying the political nature of these migration processes. The study employs historical-comparative analysis, ethnohistorical description, and ethnosocial research methods. *Purpose and Objectives.* Drawing on historical works and scholarly research, the study aims to analyze the

main causes and consequences of forced cross-border migration, as well as the political and social experiences of children from refugee families. In accordance with this aim, the study seeks to identify the political and social conditions that contributed to these migration processes, examine the living conditions of refugees and their adaptation to a new environment, and pay particular attention to the social difficulties faced by children. *Materials and methods.* The source and material base of the study consists of Kazakhstani and foreign scholarly works, research articles, and other historical materials concerning the migration of Kazakhs to China and Mongolia during the 1920s and 1930s. The study employs the comparative-historical method. Comparative analysis was used to identify both common features and distinctive characteristics of the migration processes, as well as to examine the conditions under which refugees adapted to new social environments. In addition, the study follows the principles of historicism and objectivity, examining historical events in relation to the political and social conditions of the period. *Results.* The study analyzes the political causes and social consequences of migration during the 1920s and 1930s on the basis of Kazakhstani and international scholarship. Forced migration is examined as a historical process closely associated with the political and social transformations of the period. The study identifies its impact on the social circumstances of refugees, their adaptation to new environments, and, in particular, the fate of children. *Conclusion.* The study concludes by systematizing and analyzing, on the basis of Kazakhstani scholarship, the political and social causes of the forced migration of Kazakhs to China and Mongolia during the 1920s and 1930s. Particular attention is given to the social circumstances and fate of children from refugee families. The findings demonstrate that this aspect constitutes an important dimension of the history of forced migration that still requires comprehensive investigation in Kazakhstani historiography. From this perspective, the study highlights the need to examine the history of Kazakh cross-border migration not only in relation to political events but also in conjunction with its social and humanitarian consequences.

Keywords: forced migration, Kazakh refugees, children, social causes, political causes, adaptation, neighboring countries.

Acknowledgments. This article was prepared within the framework of the grant-funded research project of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, “The Problem of Child Homelessness in Kazakhstan and Neighboring Countries in the 1920s–1930s” (Grant No. AP23488331).

For citation: Sauyrkan E., Kaipbayeva A.T. Cross-Border Migration: Kazakh Refugees Forcibly Displaced to China and Mongolia in the Early Twentieth Century and the Fate of Their Children. Otan Tarihy. 2026. Vol. 29. No. 3. Pp. 1371–1387. [in Kazakh]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1371-1387

Кіріспе. XX ғасырдың алғашқы ширегіндегі саяси және әлеуметтік-экономикалық өзгерістер Қазақстан тарихындағы ең күрделі кезеңдердің бірі болды. Кеңес өкіметінің әлеуметтік-саяси жүйені қайта құруы, соның ішінде дәстүрлі экономикалық қатынастардың бұзылуы, жеке меншік мүліктерді тәркілеу, күштеп ұжымдастыру және саяси қуғын-сүргін сияқты оқиғалар халықтың мәжбүрлі көшуіне себеп болды. Оқиғаның орын алуы сол кезеңдегі Қазақ ССР-дың саяси ахуалына ғана емес, елдің әлеуметтік-экономикалық және демографиялық дамуына да терең әсер етті. Отандық зерттеушілер мәжбүрлі көштің түпкі себептеріне талдау жасай отырып көші-қонның пайда болуына ықпал еткен саяси, әлеуметтік-экономикалық себептерді кеңірек қарастырған [Қозыбаева, Бекенова, 2021: 110–118; Құдайбергенова, 2021: 93–101; Құдайбергенова, Байдалы, 2021: 126–135].

Дегенмен, Кеңес дәуірінде бұл тақырып жан-жақтылы қарастыру мүлде мүмкін емес-тін. Кеңес тарихнамасы 1920-30 жылдардағы ахуалды біржақты идеология тұрғысынан бағалады. Соған байланысты жоспарлы экономикалық реформаларда кеткен қателіктер ашып айтылмады тіпті реформаның әсіре сілтеуінен зардап шеккен халықтың тағдыры, әсіресе олардың жан сақтау үшін шекарадан тыс жерлерге мәжбүрлі көшуі, ол жақтағы өмірі мен дөп келген түйіткілдері қарастырылмады. Яғни Кеңестік кезеңдегі отандық тарихнамада зерттеу назарынан қағыс қалған жабық тақырыпқа айналды.

Тәуелсіздіктен кейін жабық тақырып бойынша тың зерттеулер басталды. Әсіресе ашаршылық, жаппай ұжымдастыру және саяси қуғын-сүргін туралы зерттеулер жарық көре бастады. Мұрағаттық жазбалардың академиялық дискурсқа енуі бұрын жеткілікті түрде зерттелмеген тарихи оқиғаларды қайта қарастыруға мүмкіндік берді. Нәтижесінде, саяси қуғын-сүргін мен ашаршылық құрбандары аясында іргелес елдерге көшуге мәжбүр болған қазақтардың тағдыры арнайы зерттеу тақырыптарына айналды [Қазақстандағы аштық және мәжбүрлі көші-қон, 2021; Байдавлетова, 2025]. Зерттеулер кеңестік әлеуметтік-экономикалық саясат пен күрделі реформалар аясында қазақ босқындарының дағдарысын талдауға және демографиялық үдерістегі маңыздылығын анықтауға негіз қалады.

Дейтұрғанымен, аталған тақырыпқа қатысты мәселенің әрбір аспектісі толық ашылды деп айту ерте болар еді. Қазіргі қолданыстағы тарихнама негізінен Қазақстан ішіндегі босқындар көші-қонының себептері мен демографиялық салдарына бағытталғанымен, шекара сыртындағы босқындардың сол елдегі әлеуметтік-саяси негізі әлі де терең зерттеуді қажет етеді. Атап айтқанда, олардың Қытай мен Моңғолияда қалай қабылданғаны, қайда қоныстанғаны, жергілікті органдарымен қарым-қатынасы, тұрмыстық және экономикалық жағдайлары, жергілікті қазақтарымен байланысы және жаңа ортаға бейімделуі туралы деректерді талдау үшін бір ізді метадологиялық ғлыми тәсіл қажет. Қытайдағы қазақтардың қоныстануы [Саити, 2006: 55–60; Ван Чжитун, 2023] және Моңғолиядағы қазақтардың тарихы [Сарай, 1992; Байжума және т.б., 2025: 45–55] бойынша зерттеулер болғанымен, Қазақстан аумағынан сырт өлкеге мәжбүрлі көшкен босқындардың жат елдегі тарихы әлі де тереңірек талдауды қажет етеді.

Бұдан бөлек аталған мәселенің жеткілікті зерттелмеген тағы бір аспектісі балалардың тағдыры. Бұған дейінгі зерттеулерде саяси, әлеуметтік-экономикалық және демографиялық қиындықтар көбірек назарға алынған. Ал жат жұрттағы босқындардың балаларының өмірі, денсаулылық жағдайы мен білім алу мүмкіндіктері туралы нақты зерттеу тым аз болды. Бұл ретте іргелес елдерде атамзаманнан тұрып жатқан тұрғылықты қазақтардың саяси және әлеуметтік-экономикалық бағыттардағы қызметі ерекше назар аударуды қажет етеді. Қолда бар жазбаша және ауызша материалдарда ауып барған қазақ босқындарының жаңа ортаға бейімделуінде жергілікті қазақтардың өзара жәрдем беруі маңызды болғанын аңғартады [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Әкірами, 2009: 184–196; Санжы қазақтарының шығысқа ауыу, 1989; Сарай, 1992; Ақпарат беруші I; Ақпарат беруші II; Ақпарат беруші VI; Ақпарат беруші VII]. Осыған байланысты іргелес елдерге көшкен қазақтардың тарихын сол елдегі тұрғылықты қазақтардың саяси, әлеуметтік-экономикалық және мәдени ахуалымен бірге қарастыру қажеттілігі туындауда. Осыған байланысты ауызша жеткен деректер босқындар мен олардың балаларының тағдырын зерттеуде өте маңызды. Дегенмен ауызша жеткен материалды жазбаша деректермен салыстыра зерттеп талдау қажет.

Материалдар мен әдістер. Зерттеудің деректік және материалдық негізін отандық және шетелдік ғылыми еңбектер, тарихи зерттеулер, естелік сипатындағы шығармалар, кітапхана қорларында сақталған материалдар, қолжазбалар және далалық зерттеу барысында жиналған аудио сұхбат материалдары құрайды.

Қытайға бағытталған мәжбүрлі көші-қонды зерттеуде Қытайлық әдебиеттер мен зерттеу еңбектері маңызды орын алады [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Санжы қазақтарының шығысқа ауыу, 1989; Құмыл тарихи материалдары, 2013]. Сонымен қатар, қазақ руларының қоныстану ерекшеліктері мен көш бағыттарына, сондай-ақ олардың Қытайдың ішкі аймақтарына қарай көшуіне арналған зерттеулер де пайдаланылды [Сайити, 2006; Ван Чжитун, 2023]. Аталған қомақты материалдар қазақ босқындарының көшу бағыттарын салыстырмалы тұрғыдан қарастыруға мүмкіндік береді.

Деректердің келесі тобын көш оқиғаларын тікелей басынан өткерген немесе сол тарихи оқиғалар жөніндегі ұжымдық жадты жеткізген авторлардың еңбектері құрайды. Х. Алтай [Алтай, 1980; Алтай, 2014], Х. Оралтай [Оралтай, 1961; Оралтай, 2005], Х. Gayratullah [Gayratullah, 1977; Gayratullah, 2009]. Ауызша және жазбаша жеткен естелік сипатындағы деректердің субъективті ерекшелігі ескеріліп, ондағы мәліметтер өзге зерттеу еңбектері және тарихи материалдармен салыстырыла пайдаланылды.

Бұдан бөлек Моңғолия бағытындағы көші-қонды зерттеудің деректік базасын толықтыру мақсатында Баян-Өлгий аймағындағы Ақтан Бабиұлы атындағы орталық кітапхана қорында сақталған материалдар қарастырылды. Атап айтқанда, А. Сарайдың Революциядан бұрынғы Моңғолия қазақтары [Сарай, 1992] және Революциядан бұрынғы қазақ халқы [Сарай, 1991] еңбектері, сондай-ақ Баян-Өлгий аймағында 1942–2023 жылдары жарық көрген еңбектерді қамтитын библиографиялық көрсеткіш [Баян-Өлгий..., 2024] пайдаланылды. Аталған материалдар Моңғолия қазақтарының XX ғасыр кезеңіндегі бірегей қалыптасуы және қоғамдық өмірі мен қазақтар туралы зерттеулердің бағыттарын анықтауға мүмкіндік берді.

Зерттеу кезінде Моңғолия Ғылым академиясының кітапхана қорларынан алынған зерттеулер де бірге қарастырылды. Атап айтқанда олардың қатарында Алтай қазақтары: бүгінгі жағдайы, болашақ даму бағыттары атты халықаралық ғылыми конференция материалдарының жинағы [Алтай қазақтары, 2015] және Г. Золбаяр мен Б. Өмирбектің зерттеу еңбегі [Золбаяр, Өмирбек, 2019] бар.

Аталған материалдар Моңғолиядағы қазақ қауымының тарихы мен әлеуметтік-мәдени ортасына қатысты қосымша ғылыми мәліметтер ретінде пайдаланылды.

Мақаланың деректік негізінің маңызды бөлігін Моңғолиядағы далалық зерттеу барысында жиналған ауызша тарих материалдары құрайды. Баян-Өлгий аймағындағы жергілікті қазақ өкілдерімен жүргізілген сұхбаттар XX ғасырдағы көші-қон оқиғаларының қоғамдық жадын сақтау ерекшеліктері, жеке отбасылардың тарихи тәжірибелері және Қазақстаннан Моңғолияға қоныс аударған қазақтардың кейінгі тағдыры туралы ақпарат жинауға мүмкіндік берді. Сұхбат материалдары жазбаша дереккөздерге қосымша ақпарат көзі ретінде қарастырылды және пайдалану кезінде ауызша тарих деректеріне тән ретроспективтілік пен жеке есте сақтау ерекшеліктері ескерілді.

Ауызша материалдарды жинау кезінде мемлекет және қоғам қайраткері, дипломат, ғалым Сұлтан Тәукейұлымен, дәрігер Баймұрат Ақынұлымен, журналист Шынай Рахметұлымен, философ Жамбыл Әдиятоллаұлымен, әскери қызмет ардагері Тілеубек Шегірткеұлымен, және сондай-ақ Баян-Өлгий аймағының байырғы тұрғындары Қажиақпар Нұриұлы Әбусейт және Саиндолда Ақмадиұлымен арнайы еркін форматтағы сұхбаттар жүргізілді. Аталған сұхбатта Баян-Өлгий қазақтарының тарихи жады, көші-қон оқиғалары, жеке отбасылардың тағдыры және қазақтардың әлеуметтік өмірі туралы ақпарат жинады. Сонымен қатар, сұхбат берушілердің жеке жинақтарынан жарияланған еңбектер мен қосымша тарихи материалдар қарастырылды.

Далалық жұмыс барысында жазба және қолжазба материалдар да жинақталды. Б. Ақынұлының Отан алдында от кешкендер және Ел айдалып, үріккен жылдарда [Ақынұлы, 2023] атты еңбектері, Ш. Рахметұлының Ұмыр – тарих және Хаан хүү мин / Патша балам [Рахметұлы, 2018] еңбектері, сондай-ақ Наймандар шежіресіне арналған қолжазба қарастырылды. Бұған қоса Ә. Жамбыл мен Т. Досжанның Бұлғын сұмының мектеп тарихына арналған еңбегі [Жамбыл, Досжан, 2019], Т. Шегірткеұлының Алғашқы қарлығаштар [Шегірткеұлы, 2017] және Құзардан құлаған қыран [Шегірткеұлы, 2024] еңбектері қосымша материал ретінде пайдаланылды. Мұндай жергілікті сипаттағы еңбектер Моңғолия қазақтарының тарихын жекелеген тұлғалар, отбасылар мен жергілікті қауымдардың тарихи тәжірибесі арқылы қарастыруға мүмкіндік береді.

Зерттеудің негізгі әдісі ретінде салыстырмалы-тарихи әдіс қолданылды. Аталған әдіс Қазақстаннан Қытай мен Моңғолияға бағытталған мәжбүрлі көші-қон үдерістерін бірнеше көрсеткіш бойынша өзара салыстыруға мүмкіндік берді. Салыстырмалы талдадан бөлек тарихнамалық талдау, деректерді салыстыру және ауызша тарих материалдарды сараптау қолданылды.

Талқылау. Қытайдағы қазақтардың жалпы орналасуы, Шыңжаңнан ішкі өлкелерге қарай көшуі жергілікті тарихи материалдар мен қытай зерттеушілерінің еңбектерінде көрініс тапқан [Сайити, 2006; Ван Чжитун, 2023]. Сайити Қытай Республикасы кезеңіндегі қазақ руларының орналасуы мен қоныс аудару бағыттарын қарастырса [赛依提, 2006: 55–60], Ван Чжитун қазақтардың ішкі аймақтарға көшуін Шыңжаңдағы этникалық топтардың өзара интеграциялық үдерістерімен сабақтастыра зерттейді [王志通, 2023: 108–124].

Қазақ көшінің жекелеген кезеңдері Баркөл, Санжы және Құмыл өңірлерінде жарық көрген тарихи материалдарда кеңірек сипатталады [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Санжы қазақтарының шығысқа аууы, 1989; Құмыл тарихи материалдары, 2013]. Атлған жинақтардағы деректер қазақтардың бір бөлігінің алғашқы қоныстанған аймақтарында тұрақтап қалмай, кейін әртүрлі саяси, әлеуметтік жағдайларға байланысты шығыс бағытқа қарай ауып көшкені көрсетеді. Әкірами еңбегінде де Баркөл қазақтарының шығысқа қарай көшуінің жекелеген кезеңдері мен сол үдерістің әлеуметтік салдары жөнінде мәліметтер беріледі [Әкірами, 2009: 184–196]. Осы деректерді өзара салыстыру Қазақстаннан басталған мәжбүрлі көші-қонның Қытай шекарасынан өтумен аяқталмағанын, кей жағдайда оның Шыңжаң ішіндегі және одан әрі шығысқа қарай жалғасқан көпсатылы көшке айналғанын аңғартады.

Қытай аумағына өткен қазақ босқындарының алғашқы орналасуында жергілікті әкімшілік органдарының қызметі де назар аудартады. Қытай ғылыми әдебиетінде XX ғасырдың алғашқы онжылдықтарында Орталық Азиядан Шыңжаңға өткен босқындарды қабылдау, орналастыру және олардың қозғалысын реттеу мәселесінің жергілікті билік алдында тұрғаны көрсетілген. Цзэн Шаоцун мен Ли Шаньлун 1916 жылғы оқиғаларға байланысты Ресейлік Орталық Азиядан Шыңжаңға өткен босқындардың орналасуы мен кейін қайтарылуын арнайы зерттеп, жергілікті биліктің босқындарды қабылдау мен орналастыру шараларын жүзеге асырғанын көрсетеді [曾少聪, 李善龙, 2017: 109–114].

1920–30 жылдары Қазақстан аумағынан Қытайға өткен қазақтардың орналасуы туралы жергілікті материалдарда олардың бір бөлігінің қазақтар мекендеген аймақтарға бағытталып, кейін белгілі болғандай жергілікті жайылымдық жерлерге орналастырылғаны жөніндегі мәліметтер кездеседі [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Санжы қазақтарының шығысқа ауыу, 1989]. Сонымен қатар босқындарды алғашқы әкімшілік орналастыру мен олардың кейінгі әлеуметтік бейімделуін бір үдеріс ретінде қарастыруға болмайды. Қолда бар материалдар Қытай билігінің белгілі бір әкімшілік шараларымен қатар, жергілікті қазақ қауымының көмегі босқындардың күнделікті өмірінде анағұрлым маңызды орын алғанын аңғартады. Шыңжаңдағы қазақтар сырттан келген отбасыларды уақытша орналастыруға, баспана мен азық-түлік мәселесін шешуге, мал шаруашылығын қайта жүргізуіне және жергілікті ортаға кірігуіне әртүрлі деңгейде қолдау көрсеткен [Санжы қазақтарының шығысқа ауыу, 1989].

Қазақ босқындарының тағдырын тереңірек қарастырған кезде естелік сипатындағы еңбектер маңызды деректік орын алады. Халифа Алтайдың еңбектерінде қазақтардың Шығыс Түркістандағы жағдайы, көші-қон жолдары мен босқындықтың күнделікті өмірге тигізген әсері жеке өмірлік тәжірибемен сабақтастырыла баяндалады [Алтай, 1980; Алтай, 2014]. Хасен Оралтайдың шығармаларында Шығыс Түркістан қазақтарының саяси жағдайы мен босқындық тарихының жекелеген кезеңдері сипатталған [Оралтай, 1961; Оралтай, 2005]. X. Gayratullah [Gayratullah, 1977; Gayratullah, 2009], D. Canaltay [Canaltay, 2000], M. Teycі [Teycі, 2024] және басқа авторлардың еңбектері де қазақ босқындарының күнделікті өмірі, отбасылық қиындықтары мен жаңа ортаға бейімделу тәжірибесіне қатысты қосымша мәлімет береді. Естеліктердің субъективті сипатына қарамастан, олар ресми әкімшілік құжаттарда толық көріне бермейтін босқындықтың әлеуметтік және гуманитарлық өлшемдерін анықтауға мүмкіндік береді.

Осы еңбектер мен жергілікті материалдарды салыстыра қарастырғанда қазақ босқындарының жаңа ортаға бейімделуінде этникалық және қауымдық байланыстардың маңызы айқын байқалады. Сырттан келген қазақтардың тілі, дәстүрлі шаруашылық үлгісі, әдет-ғұрпы мен әлеуметтік қатынастары жергілікті қазақ ортасына жақын болды. Мұндай ортақтық олардың бөтен әлеуметтік кеңістікте толық оқшауланып қалмауына мүмкіндік берген. Әсіресе материалдық мүмкіндігі төмен, мал-мүлкінен айырылған немесе жол үстінде тұрмыстық қиындықтарға ұшыраған отбасылар үшін жергілікті қауым тарапынан көрсетілген көмек өмірлік маңызы бар әлеуметтік ресурсқа айналды [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Әкірами, 2009; Құмыл тарихи материалдары, 2013].

Аталған жағдайды босқын отбасыларындағы балалардың тағдыры тұрғысынан қарастыру мәселенің тағы бір маңызды қырын ашады. Қазақтардың трансшекаралық көші-қонына арналған зерттеулердің басым бөлігінде балалар дербес тарихи субъект ретінде арнайы қарастырылмайды. Олар көбіне босқын отбасының құрамында ғана аталып, балалардың көшу жолындағы жағдайы, жаңа ортаға бейімделуі, ата-анасынан немесе туыстарынан айырылған жағдайда қандай әлеуметтік қамқорлыққа ие болғаны сияқты мәселелер екінші қатарда қалып қойған. Осыған байланысты босқын балалардың тағдырын арнайы қарастыру көштің әлеуметтік салдарын тереңірек түсінуге мүмкіндік береді.

Қытай бағытындағы материалдарда босқын отбасыларының ауыр тұрмыстық жағдайларға ұшырағаны байқалады. Ұзақ жол, материалдық тапшылық, тұрақты қоныстың болмауы, бұрынғы шаруашылық байланыстардың бұзылуы және жаңа әлеуметтік ортаға бейімделу қажеттілігі ересектермен қатар балаларға да тікелей әсер етті. Алайда зерттеу барысында қарастырылған Іле, Тарбағатай, Баркөл мен Санжы және Құмыл аймақтары материалдарында Қазақстаннан барған қазақ босқындарының балалары арасында жаппай панасыздықтың жеке әлеуметтік құбылыс ретінде қалыптасқаны жөнінде нақты мәліметтер кездеспейді [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Санжы қазақтарының шығысқа ауыу, 1989; Құмыл тарихи материалдары, 2013]. Сол сияқты қарастырылған материалдарда босқын қазақ балаларына арнайы жетім балалар үйлерінің ұйымдастырылғаны жөніндегі деректер де анықталған жоқ.

Дегенмен бұл мәліметті босқындар арасында ата-анасынан айырылған немесе жетім қалған балалар мүлдем болмады деген абсолютті қорытынды ретінде қабылдауға болмайды. Көш кезіндегі дөп келген тұрмыстық қиындықтар, ауру-сырқау, азық-түлік тапшылығы және ұзақ жол жекелеген отбасылардың құрылымына кері ықпал етуі мүмкін еді. Дәлірек айтқанда бұл жерде «жетімдік» пен «панасыздық» ұғымдарын ажырата қарастыру қажет. Ата-анасынан айырылған баланың міндетті түрде әлеуметтік панасыздық жағдайына түсуі шарт емес. Егер мұндай бала туыстарының, ауылдастарының немесе жергілікті қауым мүшелерінің қамқорлығына алынса, биологиялық тұрғыда

жетімдік болғанымен, әлеуметтік панасыздық қалыптаспайды. Қытайдағы қазақ ортасына қатысты қарастырылған материалдар осындай қауымдық қамқорлық тетігінің болғанын пайымдауға негіз береді [Әкірами, 2009; Баркөл тарихи материалдары, 1998].

Осы тұрғыдан Шыңжаң қазақтарының сырттан келген босқындарға көрсеткен көмегін дәстүрлі қоғамдағы өзара жәрдем қатынастарының жалғасы ретінде қарастыруға болады. Туыстық байланыс, ауылдық орта және ортақ этникалық сәйкестік босқын отбасыларын жергілікті әлеуметтік кеңістікке кіріктіруге мүмкіндік берген. Қамқорлыққа мұқтаж баланы отбасы немесе қауым шеңберінде ұстап қалу тәжірибесі арнайы мемлекеттік балалар мекемелеріне деген қажеттіліктің жаппай сипат алмауына ықпал еткен факторлардың бірі болуы мүмкін. Бұл жағдайды шартты түрде қауымдық әлеуметтік қамқорлықтың дәстүрлі үлгісі ретінде сипаттауға болады.

Моңғолия бағытындағы мәжбүрлі көші-қон мәселесі де зерттеуде ерекше назар аударуды қажет етеді. Аталған бағыт бойынша Баян-Өлгий аймағының Ақтан Бабиұлы атындағы орталық кітапханасында сақталған тарихи және өлкетанулық еңбектер пайдаланылды. А. Сарайдың Моңғолия қазақтарының тарихына арналған зерттеулері [Сарай, 1991; Сарай, 1992], Баян-Өлгий аймағына қатысты библиографиялық көрсеткіш [Баян-Өлгий аймағының..., 2024], сондай-ақ Моңғолия Ғылым академиясынан алынған материалдар сол елдегі қазақтардың қоғамдық және әлеуметтік ортасын тарихи тұрғыдан қарастыруға мүмкіндік береді. «Алтай қазақтары: бүгінгі жағдайы, болашақ даму бағыттары» атты халықаралық конференция материалдары [Алтай қазақтары, 2015] және Г. Золбаяр мен Б. Өмирбектің зерттеуі [Золбаяр, Өмирбек, 2019] де Моңғолиядағы қазақ ортасын зерттеудің қосымша материалдық негізін құрайды.

Сонымен бірге Моңғолиядағы зерттеу барысында жиналған ауызша тарих материалдары босқындардың әлеуметтік тәжірибесін жазба деректермен салыстыра қарастыруға мүмкіндік берді. Сұлтан Тәукейұлы, Баймұрат Ақынұлы, Шынай Рахметұлы, Әдиятоллаұлы Жамбыл, Тілеубек Шегірткеұлы, Қажиақпар Нұриұлы Әбусейт және Саиндолда Ақмадиұлымен жүргізілген сұхбаттарда Қазақстаннан және оған іргелес аумақтардан Моңғолияға өткен қазақтардың тарихы, олардың жаңа ортадағы тұрмыс-тіршілігі мен әлеуметтік бейімделуіне қатысты мәліметтер жинақталды [Сұлтан Тәукейұлымен сұхбат; Баймұрат Ақынұлымен сұхбат; Шынай Рахметұлымен сұхбат; Әдиятоллаұлы Жамбылмен сұхбат; Тілеубек Шегірткеұлымен сұхбат; Қажиақпар Нұриұлы Әбусейтпен сұхбат; Саиндолда Ақмадиұлымен сұхбат].

Ауызша деректер Моңғолияға өткен қазақтардың жаңа ортада айтарлықтай саяси, әлеуметтік және тұрмыстық қиындықтарды бастан өткергенін көрсетеді. Қоныс аударушылар бұрынғы шаруашылық ортасынан ажырап, жаңа әкімшілік және саяси жағдайға бейімделуге мәжбүр болды. Материалдық тапшылық, шаруашылықты қайта ұйымдастыру қажеттілігі және әлеуметтік тұрақсыздық олардың күнделікті тұрмысына әсер етті. Сондықтан Моңғолияға барған қазақтардың жағдайын қиындықсыз өткен көші-қон ретінде бағалауға негіз жоқ [Сұлтан Тәукейұлымен сұхбат; Баймұрат Ақынұлымен сұхбат; Шынай Рахметұлымен сұхбат].

Сонымен қатар ауызша тарих материалдары босқын балалардың әлеуметтік жағдайына қатысты маңызды ерекшелікті көрсетеді. Жиналған сұхбаттарда қазақ босқындарының балалары арасында жаппай панасыздықтың қалыптасқаны туралы мәліметтер кездеспейді. Сұхбат берушілер босқындардың тұрмыстық қиындықтарын, саяси өзгерістерді және жаңа ортаға бейімделу мәселелерін айтқанымен, балалардың жаппай қараусыз қалып, көшеде өмір сүруі немесе оларды арнайы мекемелерге жинау тәжірибесін атамайды [Сұлтан Тәукейұлымен сұхбат; Баймұрат Ақынұлымен сұхбат; Қажиақпар Нұриұлы Әбусейтпен сұхбат; Саиндолда Ақмадиұлымен сұхбат].

Қарастырылған материалдарда Моңғолияға барған босқын қазақтардың балаларына арналған арнайы жетім балалар үйінің құрылғаны туралы да нақты мәлімет анықталмады. Алайда бұл жерде де жекелеген жетім балалардың болмағанын тұжырымдау ғылыми тұрғыдан негізсіз болар еді. Негізгі ерекшелік қолда бар деректер бойынша жетімдік мәселесінің жаппай балалар панасыздығына және босқын қазақ балаларына арналған арнайы институционалдық жүйенің қалыптасуына ұласпауы [Баймұрат Ақынұлымен сұхбат; Қажиақпар Нұриұлы Әбусейтпен сұхбат; Саиндолда Ақмадиұлымен сұхбат].

Аталған құбылыстың қалыптасуында Баян-Өлгийдегі қазақ қауымының босқындарға көрсеткен әлеуметтік қолдауының орны ерекше болғаны байқалады. Ауызша естеліктер жергілікті қазақтардың сырттан келген отбасыларды өз ортасына қабылдап, оларға тұрмыстық және әлеуметтік жағынан қолдау көрсеткенін аңғартады. Мұнда босқындар мен жергілікті халық арасындағы тілдік, мәдени және этникалық жақындық олардың жаңа ортаға бейімделуін жеңілдеткен факторлардың бірі болды

[Сұлтан Тәукейұлымен сұхбат; Шынай Рахметұлымен сұхбат; Қажиақпар Нұриұлы Әбусейтпен сұхбат].

Моңғолиядағы бұл жағдай Қытайдағы қазақ босқындарының әлеуметтік тәжірибесімен белгілі бір деңгейде үндеседі. Екі жағдайда да мемлекеттік билік пен әкімшілік құрылымдардың қызметімен қатар, босқындардың күнделікті әлеуметтік бейімделуінде жергілікті қазақ қауымдары маңызды рөл атқарған. Қытайдағы Шыңжаң қазақтары сырттан келген босқындардың жаңа ортаға орнығуына көмектессе [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Әкірами, 2009], Моңғолиядағы қазақтар да сырттан мәжбүрлі түрде келген отбасыларды өз әлеуметтік ортасына қабылдаған [Сұлтан Тәукейұлымен сұхбат; Баймұрат Ақынұлымен сұхбат; Шынай Рахметұлымен сұхбат].

Осы салыстыру мемлекеттік және қауымдық әлеуметтік қолдаудың қызметін ажырата қарастыру қажеттігін көрсетеді. Мемлекеттік билік босқындарды қабылдау, орналастыру және олардың қозғалысын әкімшілік тұрғыдан реттеуге қатысса, жергілікті қазақ қауымдары күнделікті өмірге тікелей қатысты әлеуметтік мәселелерді шешуге көмектесті. Баспана, азық-түлік, шаруашылыққа бейімделу, жергілікті ортаға қабылдану және қамқорлыққа мұқтаж балаларды қараусыз қалдырмау тәрізді тәжірибелер қауымдық көмектің мазмұнын құрады. Сондықтан босқындардың әлеуметтік бейімделуінде мемлекеттік институттармен қатар бейресми, дәстүрлі әлеуметтік байланыстардың да маңызы жоғары болған.

Атап айтқанда Қытай мен Моңғолиядағы қазақтардың босқындарға көрсеткен көмегін тек этникалық ынтымақтастық тұрғысынан бағалаумен шектелу жеткіліксіз. Яғни дәстүрлі қоғамдағы әлеуметтік жауапкершілік пен өзара жәрдем қатынастарының трансшекаралық жағдайда да нақты әрі толыққанды қызмет еткенін көрсетеді. Мемлекеттік шекара қазақ қауымдарын саяси тұрғыдан әртүрлі кеңістіктерге бөлгенімен, тілдік, мәдени, туыстық және шаруашылық байланыстар толық жойылған жоқ. Сондықтан Қазақстаннан барған босқындар үшін Қытай мен Моңғолиядағы қазақ ортасы бөтен қоғамдық кеңістік пен бұрынғы әлеуметтік орта арасындағы байланысты қамтамасыз еткен бейімделу алаңына айналды.

Босқын балалардың жағдайын осы контексте қарастыру ерекше маңызды. Қытай мен Моңғолиядағы материалдарда балалардың жаппай панасыз қалуы туралы мәліметтердің кездеспеуі олардың ешқандай әлеуметтік қиындық көрмегенін білдірмейді. Керісінше, балалар босқындықтың материалдық және психологиялық ауыртпалықтарын отбасымен бірге бастан өткерді. Алайда жергілікті қазақ қауымдарының болуы оларды әлеуметтік ортадан толық ажырап қалудан белгілі бір дәрежеде қорғаған деп пайымдауға негіз бар. Қамқорлыққа мұқтаж балаларды туыстық немесе қауымдық ортаға қабылдау тәжірибесі балалар панасыздығының жаппай әлеуметтік құбылысқа айналмауына әсер еткен факторлардың бірі болуы ықтимал.

Моңғолиядағы ауызша тарих материалдары осы пайымды нақтылай түседі. Ауызша тарих материалдарын пайдалануда олардың деректік ерекшеліктерін де ескерген жөн. Сұхбаттардың бір бөлігі тарихи оқиғалардан бірнеше онжылдық өткеннен кейін алынғандықтан, жеке адамның жады, отбасылық естелік және ұрпақаралық тарихи әңгімелер бір-бірімен ұштасуы мүмкін. Осыған байланысты ауызша деректердегі нақты даталар, сандық мәліметтер мен жеке оқиғалар жазба және архивтік деректермен салыстыра тексеруді талап етеді. Дегенмен ауызша тарихтың ғылыми маңызы тек оқиғаның нақты уақытын анықтаумен шектелмейді. Ол босқындықтың жеке адам мен қауымның тарихи жадында қалай сақталғанын, сырттан келген адамдарды жергілікті қоғамның қалай қабылдағанын және әлеуметтік қиындықтарды қандай дәстүрлі тетіктер арқылы еңсергенін анықтауға мүмкіндік береді.

Осы тұрғыдан бірнеше сұхбатта босқын балалардың жаппай панасыз қалғаны немесе арнайы жетімдер үйлеріне орналастырылғаны туралы мәліметтердің кездеспеуі назар аударуға тұрарлық. Деректің болмауы белгілі бір тарихи құбылыстың мүлдем болмағанын өздігінен дәлелдей алмайды. Алайда әртүрлі сұхбат материалдарын жергілікті жазба еңбектермен салыстыра қарастырғанда, Моңғолиядағы қазақ босқындарының балалары арасында панасыздықтың жаппай және институционалдық сипат алмағаны туралы ғылыми болжам жасауға мүмкіндік туады [Сұлтан Тәукейұлымен сұхбат; Баймұрат Ақынұлымен сұхбат; Қажиақпар Нұриұлы Әбусейтпен сұхбат; Саиндолда Ақмадиұлымен сұхбат].

Қытай мен Моңғолия тәжірибесін салыстыру арқылы босқындардың жаңа ортадағы жағдайына әсер еткен бірнеше ортақ факторды бөліп көрсетуге болады. Біріншіден, екі елде де қазақтар бұрыннан мекендеген әлеуметтік және этномәдени кеңістіктің болуы сырттан келген босқындардың толық әлеуметтік оқшауланuына кедергі жасады. Екіншіден, жергілікті қазақтардың шаруашылық

және тұрмыстық көмегі босқындардың күнделікті өмірін қайта қалыптастыруына ықпал етті. Үшіншіден, туыстық және қауымдық қатынастар қамқорлыққа мұқтаж балалардың әлеуметтік ортадан тыс қалмауына мүмкіндік берген. Төртіншіден, мемлекеттік қолдау мен жергілікті қауым көмегінің сипаты әртүрлі болғанымен, олардың өзара ықпалы босқындардың жаңа кеңістікке орнығу үдерісін қалыптастырды.

Сонымен қатар Қытай мен Моңғолиядағы жағдайды толығымен бірдей деп қарастыруға болмайды. Екі елдің саяси жүйесі, әкімшілік басқару құрылымы, шекаралық саясаты және қазақтардың орналасу ерекшеліктері әртүрлі болды. Қытай жағдайында босқындардың кейін Шыңжаң ішіндегі және шығыс бағыттағы қозғалысы жалғасып, олардың бір бөлігі бірнеше мәрте қоныс ауыстыруға мәжбүр болды [Санжы қазақтарының шығысқа аууы, 1989; Әкірами, 2009; Ван Чжитун, 2023]. Моңғолия жағдайында Баян-Өлгийдегі қалыптасқан қазақ ортасының болуы босқындардың белгілі бір бөлігінің жергілікті қауымға кірігуіне мүмкіндік берді. Сондықтан екі бағыттағы көші-қонның ортақ белгілерімен бірге олардың жергілікті ерекшеліктерін де ескеру қажет.

Жалпы алғанда, қарастырылған материалдар XX ғасырдың 20–30-жылдарындағы қазақтардың Қытай мен Моңғолияға мәжбүрлі көші-қонын тек саяси оқиғалардың салдары ретінде зерттеудің жеткіліксіз екенін көрсетеді. Босқындық шекарадан өту фактісімен аяқталған жоқ; керісінше, оның екінші кезеңі жаңа ортада басталды. Босқындардың қай жерде орналасқаны, оларды кім қабылдағаны, қандай әлеуметтік байланыстарға қосылғаны және отбасының тұтастығын қалай сақтағаны олардың кейінгі тағдырына тікелей әсер етті.

Осы тұрғыдан зерттеу барысында анықталған маңызды мәселелердің бірі қабылдаушы қазақ қауымының әлеуметтік қызметі. Қытайдағы Шыңжаң қазақтары мен Моңғолиядағы Баян-Өлгий қазақтарының сырттан келген босқындарға пана болып, оларды өз әлеуметтік ортасына қабылдауы мәжбүрлі көші-қон салдарын жеңілдеткен маңызды факторлардың бірі ретінде көрінеді. Әсіресе мемлекеттік әлеуметтік көмек мүмкіндіктері шектеулі болған жағдайда дәстүрлі қауымдық өзара жәрдем тетіктері босқындардың күнделікті тіршілігін қамтамасыз етуде айрықша маңызға ие болды [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Әкірами, 2009; Сұлтан Тәукейұлымен сұхбат; Баймұрат Ақынұлымен сұхбат].

Аталған құбылыс балалар тағдыры тұрғысынан анағұрлым маңызды. Зерттелген материалдар Қытай мен Моңғолияға барған қазақ босқындарының арасында жетімдік жағдайларының болу мүмкіндігін жоққа шығармағанымен, босқын балалардың жаппай панасыздыққа ұшырағанын және оларға арналған арнайы жетімдер үйлері жүйесінің қалыптасқанын көрсетпейді. Осы ерекшелікті жергілікті қазақ қауымдарының қамқорлық тәжірибесімен байланыстыра қарастыруға негіз бар. Басқаша айтқанда, отбасы өзінің әлеуметтік қызметін толық атқара алмаған жағдайда оның орнын белгілі дәрежеде туыстық және қауымдық орта толықтырған.

Осылайша, Қытай мен Моңғолия материалдарының салыстырмалы талдауы XX ғасырдың 20–30-жылдарындағы қазақ босқындарының тағдырында қабылдаушы ортаның айрықша рөл атқарғанын көрсетеді. Мемлекеттік билік тарапынан жүргізілген әкімшілік шаралар босқындардың алғашқы орналасуына ықпал еткенімен, олардың ұзақ мерзімді әлеуметтік бейімделуінде жергілікті қазақ қауымдарының көмегі анағұрлым тікелей сипат алған. Туыстық байланыстар, этномәдени ортақтық және дәстүрлі өзара жәрдем тәжірибесі сырттан келген отбасыларды әлеуметтік ортаға кіріктірумен қатар, балалардың қауымнан тыс қалып, жаппай панасыздық жағдайына түсу қаупін азайтқан факторлардың бірі болды. Аталған ерекшелік қазақтардың трансшекаралық көші-қон тарихын саяси тарихпен ғана шектемей, оны босқындар тарихы, әлеуметтік тарих, балалар тарихы және ауызша тарих тұрғысынан кешенді зерттеудің қажеттігін көрсетеді.

Нәтижелер. XX ғасырдың 20-30-жылдарындағы шекара аттаған күрделі көші-қонды жалпы Қазақстандағы әлеуметтік, демографиялық, гуманитарлық процесспен бірге қатыстыра қарау керек. Отандық және шетелдік тарихнамада архивтік материалдарға негізделіп, жан-жақты талдау жүргізіліп келеді [Қозыбаева, Бекенова, 2021; Байдавлетова, 2025]. Нәтижесінде тақырып бойынша беймәлім мәселелер жаңа метадологиялық тәсілмен зерттеуге мүмкіндік бергенін көрсетеді.

Атап өткендей зерттеулерді салыстыра талдау қазақ босқындығының негізгі себептері ең алдымен Қазақстан аумағындағы саяси және әлеуметтік-экономикалық өзгерістермен тығыз байланысты болғанын көрсетеді. Атап айтқанда, дәстүрлі экономикалық жүйенің жойылуы, күштеп ұжымдастыру және отырықшыландыру, мал мен мүлікті тәркілеу және саяси қуғын-сүргін халықтың бір бөлігін жан сақтап жан-жаққа бытырай көшуге мәжбүр етті. Соңғы зерттеулер мұрағат материалдарына сүйене отырып, мәжбүрлі түрде жасалған көшті кеңестік кезеңде басым болған

біржақты таптық түсіндірме тұрғысынан емес, халықтың өмір салтын, экономикалық белсенділігін және әлеуметтік-мәдени ортасын сақтауға бағытталған қажетті шара ретінде қарастырады [Жириндинова және т.б., 2025].

Сол кезеңдерде іргелес елдерге соның ішінде әсіресе Қытай тарапы трансшекаралық көштің басты нысанының бірі болды. С. Кэмероннның зерттеуінде 1928 жылдан кейінгі саяси-экономикалық науқандар мен ашаршылық жағдайында 200 мыңнан астам адамның Қазақстаннан Шыңжаңға өткені көрсетіледі [Cameron, 2014: 44–72].

Байдавлетова атап өткендей шетелдік тарихшылар да көшуге мәжбүр болған қазақтардың іс-әрекетін елдегі ұжымдастыру және жаппай ашаршылық сясатымен тығыз байланыстыра қарастырып зерттейді [Байдавлетова, 2025].

Зерттеу кезінде іргелес елдерге көшкен босқындардың әртүрлі мәселесі шекарадан өткен соң да сақталып отырған. Яғни шекарадан өткеннен кейін жаңа әлеуметтік ортаға бейімделудің түйіткілдеріне дөп келген. Демек мәселенің бірқатар қыры әлі де Қазақстан тарихының жалпы контексінде кешенді қарастыру қажеттігін көрсетеді [Байжұма және т.б., 2025].

Жетісу және Семей өңірінен Қытайға өткен босқындардың әлеуметтік бейімделуінде Шыңжаң қазақтары маңызды рөл атқарды. Іле мен Тарбағай өңірлеріне қатысты тарихи материалдарда тұрғылықты қазақтардың босқын қазақтарға әлеуметтік-экономикалық жақтан қолұшын созғаны айтылады [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Әкірами, 2009; Санжы қазақтарының шығысқа ауу, 1989; Құмыл тарихи материалдары, 2013]. Минго кезеңінің алғашқы жылдарында Қытай қазақтары Шынжаң өңіріне ауып келген босқындарға түрл әлеуметтік көмектер ұсынғаны Қытайлық зерттеулерде де дерек ретінде көрсетілген [Сайити, 2006: 55–60; Ван Чжитун, 2023: 108–124].

Зерттеу нәтижесінде мемлекеттік әкімшілік қолдау мен жергілікті қауым тарапынан көрсетілген әлеуметтік көмекті ажырата қарастыру қажеттігі анықталды. Қытай аумағына өткен босқындарды әкімшілік тұрғыдан қабылдау мен орналастыру тәжірибесі болғанымен, олардың күнделікті өмірге бейімделуінде тұрғылықты қазақ қауымының көмегі айрықша мәнге ие болды. Жергілікті қазақтардың сырттан келген отбасыларға пана беруі, шаруашылық жүргізуге көмектесуі және оларды өздерінің әлеуметтік ортасына қабылдауы босқындардың жаңа жерде тұрақтануына мүмкіндік берген факторлардың бірі болды [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Әкірами, 2009; Санжы қазақтарының шығысқа ауу, 1989]. Осы тұрғыдан жергілікті қазақ ортасын босқындардың әлеуметтік бейімделуіне ықпал еткен бейресми қауымдық әлеуметтік қолдау жүйесі ретінде қарастыруға болады.

Моңғолияға бағытталған көші-қонды зерттеу нәтижелері де осыған ұқсас ерекшелікті көрсетті. Ұланбатыр мен Баян-Өлгийде жүргізілген зерттеу жұмыстары барысында Қазақстандағы тәркілеу, ашаршылық және саяси қуғын-сүргін салдарынан Моңғолияға өткен қазақтарға қатысты архивтік және ауызша материалдар анықталды. Деректер бойынша босқындардың бір бөлігі Шыңжаңның Алтай аймағы арқылы Хобдаға өтсе, екінші бағыт Ресейдің Таулы Алтай өңірі мен Қосағаш арқылы жүрген. Ең маңыздысы, Моңғолияға барған босқындар сол жердегі қазақтардың әлеуметтік қолдауына ие болған [Сұлтан Тәукейұлымен сұхбат; Баймұрат Ақынұлымен сұхбат; Шынай Рахметұлымен сұхбат; Қажиақпар Нұриұлы Әбусейтпен сұхбат; Саиндолда Ақмадиұлымен сұхбат]. Далалық зерттеу қорытындылары да тұрғылықты қазақтардың қолдауы салдарынан босқын отбасыларындағы балалардың панасыздық көрсеткіші салыстырмалы түрде төмен болғанын көрсетеді.

Аталған жағдай Қытай мен Моңғолия бағытындағы көші-қонның маңызды ортақ белгісін анықтауға мүмкіндік береді. Екі елде де сырттан барған қазақ босқындары үшін бұрыннан қалыптасқан қазақ қауымдары белгілі дәрежеде қабылдаушы әлеуметтік орта қызметін атқарған. Мемлекеттік шекаралар қазақтарды әртүрлі саяси жүйелерге бөлгенімен, тілдік, мәдени, шаруашылық және туыстық жақындық босқындардың жергілікті ортаға бейімделуін жеңілдеткен. Сондықтан босқындардың өмір сүру стратегияларын тек қабылдаушы мемлекеттің әлеуметтік саясатымен байланыстыру жеткіліксіз; жергілікті қазақтардың өзара жәрдем тәжірибесі де олардың әлеуметтік бейімделуінің негізгі факторларының бірі ретінде бағалануы тиіс.

Зерттеудің тағы бір маңызды нәтижесі босқын отбасыларындағы балалардың тағдырына қатысты. Қытай мен Моңғолияға өткен қазақтардың балалары ата-аналарымен бірге босқындықтың материалдық және психологиялық ауыртпалықтарын бастан өткергенімен, қарастырылған материалдар олардың барлығы бірдей әлеуметтік ортадан ажырап, жаппай панасыз қалғанын көрсетпейді. Моңғолия бойынша жиналған материалдарда тұрғылықты қазақтардың қолдауы балалар

панасыздығының төмен болуына ықпал еткен факторлардың бірі ретінде көрінеді. Қытай бойынша да қарастырылған Баркөл, Санжы және Құмыл материалдары қазақ босқын балаларына арналған дербес жетімдер үйлері жүйесінің қалыптасқанын көрсетпейді [Баркөл тарихи материалдары, 1998; Санжы қазақтарының шығысқа аууы, 1989; Құмыл тарихи материалдары, 2013].

Сонымен бірге бұл қорытындыны 1930-жылдардағы Қытайдағы барлық қазақ балаларына қатысты жалпылауға болмайды. Шыңжаңның өз ішінен Ганьсу мен Цинхайға қарай босқан қазақтардың жағдайын зерттеген еңбектерде балалардың аштықтан, жол азабынан және басқа да ауыр жағдайлардан зардап шеккені, олардың арасында жетім және қараусыз қалған балалардың болғаны көрсетілген [Сауырқан, Қаипбаева, 2025]. Демек, Қазақстаннан Шыңжаңға өткен босқындар мен Шыңжаңнан Қытайдың ішкі өлкелеріне кейін босқан қазақтарды хронологиялық және географиялық жағынан ажыратып қарастыру қажет. Бұл айырмашылық балалардың әлеуметтік жағдайын бағалауда аса маңызды.

Босқын балалардың кейінгі әлеуметтік тағдырын қарастыру олардың тек көші-қонның зардап шегушілері болмағанын көрсетеді. Жаңа ортада орныққан отбасылардың кейінгі ұрпақтары жергілікті білім беру жүйесіне араласып, қоғамдық өмірдің әртүрлі салаларына қосылды. Әсіресе Моңғолиядағы қазақ қауымының кейінгі дамуы бұл үдерістің ұзақ мерзімді нәтижесін анық көрсетеді. Зерттеулер Моңғолия қазақтарының қоғамдық өмірге кірігуімен қатар этникалық бірегейлігін сақтағанын, білім беру, қоғамдық-саяси өкілдік және мәдени институттар арқылы орныққан қауымға айналғанын көрсетеді.

Мақала аясында жиналған ауызша материалдар да осы әлеуметтік мобильділіктің жеке мысалдарын береді. Сұлтан Тәукейұлының экономист, дипломат, профессор, парламент мүшесі және Моңғолияның шетелдегі елшісі қызметтерін атқаруы; Баян-Өлгий қазақтары арасынан дәрігерлердің, журналистердің, әскери қызметкерлер мен зерттеушілердің шығуы қазақ қауымының кейінгі ұрпақтарының білім мен қоғамдық қызметке кеңінен араласқанын көрсетеді [Сұлтан Тәукейұлымен сұхбат; Баймұрат Ақынұлымен сұхбат; Шынай Рахметұлымен сұхбат; Тілеубек Шегірткеұлымен сұхбат]. Мұндай жеке өмірбаяндық деректерді барлық босқын балаларға тікелей жалпылауға болмайды, дегенмен олар босқындық жағдайында қалыптасқан қауымдардың кейінгі буындары әлеуметтік бейімделу мен білім алу арқылы қоғамдық өмірдің белсенді мүшелеріне айнала алғанын көрсететін маңызды мысалдар болып табылады.

Зерттеу нәтижелері «босқын» ұғымын тек уақытша әлеуметтік мәртебе тұрғысынан қарастырудың жеткіліксіздігін көрсетеді. Алғашқы кезеңде мәжбүрлі қоныс аударушы ретінде қабылданған адамдар мен олардың балалары уақыт өте келе қабылдаушы елдің тұрақты тұрғындарына айналып, жергілікті қазақ қауымының әлеуметтік және демографиялық құрамына енді. Кейінгі ұрпақтардың білім алуы, кәсіптік мамандануы және қоғамдық өмірге араласуы бастапқы босқындық қауымның біртіндеп орныққан этноәлеуметтік топқа айналуына жағдай жасады. Моңғолия қазақтарының кейінгі тарихына арналған зерттеулер олардың мәдени бірегейлігін сақтай отырып, елдің қоғамдық өміріне кіріккенін көрсетеді.

Осы тұрғыдан Қытай мен Моңғолияға өткен қазақтардың тарихын үш өзара сабақтас кезең негізінде қарастыруға болады: мәжбүрлі босқындық – әлеуметтік бейімделу – орныққан қауымның қалыптасуы. Ал балалар тағдыры осы кезеңдердің арасындағы тарихи сабақтастықты көрсететін негізгі көрсеткіштердің бірі болып табылады. Босқындық жағдайында ата-аналарымен бірге шекара асқан немесе жаңа ортада дүниеге келген ұрпақтың білім алып, кәсіби және қоғамдық ортаға араласуы мәжбүрлі көші-қонның ұзақ мерзімді әлеуметтік нәтижесін көрсетеді.

Жалпы алғанда, зерттеу нәтижелері XX ғасырдың 20–30-жылдарындағы қазақ босқындарының тарихын Қазақстан аумағынан кеткен халықтың сандық көрсеткіштерімен немесе шекарадан өту фактісімен шектеуге болмайтынын айқындайды. Отандық зерттеушілер босқындықтың саяси себептері мен негізгі бағыттарын анықтауда елеулі нәтижелерге қол жеткізгенімен, шекараның арғы жағындағы босқындардың саяси-әлеуметтік тарихы, балалардың күнделікті өмірі, жергілікті қазақ қауымдарының оларды қабылдаудағы қызметі, білім алу мен әлеуметтік мобильділік, сондай-ақ кейінгі ұрпақтардың этнодемографиялық дамуға қосқан үлесі кешенді зерттеуді қажет етеді. Моңғолия қазақтарының тарихнамасына арналған қазіргі зерттеулер де бірқатар мәселелердің әлі толық зерделенбегенін көрсетеді.

Осылайша, Қытай мен Моңғолия мысалдары мәжбүрлі көші-қонның тек демографиялық шығын немесе саяси дағдарыс емес, ұзақ мерзімді әлеуметтік өзгерістер туғызған тарихи үдеріс болғанын көрсетеді. Босқындарға іргелес мемлекеттердегі жергілікті қазақ қауымдарының пана

болуы, олардың тұрмыстық және әлеуметтік бейімделуіне көмектесуі, балаларды қауымдық ортадан тыс қалдырмауы босқындардың жаңа кеңістікте орнығуына ықпал еткен маңызды факторлардың бірі болды. Кейін олардың ұрпақтарының білім алып, түрлі кәсіптерді игеруі және қоғамдық өмірге араласуы бастапқы босқын қауымдардың біртіндеп тұрақты этнодемографиялық және әлеуметтік күшке айналуына алғышарт қалыптастырды.

Қорытынды. Зерттеу нәтижелері қазақтардың Қытай мен Моңғолияға бағытталған мәжбүрлі көші күрделі саяси, әлеуметтік-экономикалық процестермен тікелей байланысты екенін көрсетеді. Яғни қазақ босқындарының шекара асуы Қазақстан тарихында орын алған әртүрлі саяси және әлеуметтік мәселелердің салдарынан туындаған күрделі тарихи құбылыстардың бірі болды.

Тиісті ғылыми әдебиеттерді жүйелеу және салыстырмалы талдау барысында мәжбүрлі көші-қонның себептері мен салдары мұқият зерттелді. Зерттеулерде көші-қонның саяси алғышарттарына айтарлықтай назар аударылғанымен, шекарадан өткеннен кейінгі босқындардың әлеуметтік жағдайы, күнделікті өмірі және бейімделу процесі біркелкі зерттелмеген. Атап айтқанда, Қытай мен Моңғолиядағы босқындардың жағдайын салыстырмалы зерттеу олардың тарихи тағдырларындағы ортақ белгілерді және барған елдердегі саяси, әлеуметтік ортаның сипаттамаларынан туындайтын айырмашылықтарды анықтауға мүмкіндік береді. Сондықтан босқындар құбылысын тек себептері тұрғысынан ғана емес, сонымен қатар шекарадан өткеннен кейінгі әлеуметтік салдарымен байланысты зерттеу маңызды.

Зерттеу барысында ерекше назар аударылған мәселелердің бірі босқын отбасыларындағы балалардың тағдыры болды. Мәжбүрлі көші-қон жағдайларында балалар көші-қонның әлеуметтік салдарын ең қатты сезінген топтардың бірі болды. Отбасының өмір сүру жағдайының нашарлауы, материалдық жетіспеушілік, жаңа әлеуметтік ортаға бейімделу қажеттілігі және көші-қонмен байланысты басқа да қиындықтар балалардың күнделікті өміріне тікелей әсер етті.

Сонымен қатар, зерттеулерді талдау босқын балалар мәселесі отандық тарихнамада әлі жан-жақты толық зерттелмегенін көрсетеді. Қытай мен Моңғолияға қоныс аудару тарихына арналған еңбектерде саяси оқиғалар, көші-қон себептері мен жалпы босқындар мәселесі белгілі бір деңгейде қарастырылғанымен, балалардың әлеуметтік жағдайы, олардың жаңа ортаға бейімделуі және босқындықтың олардың кейінгі тағдырына тигізген ықпалы арнайы зерттеу нысаны ретінде назарға алынбаған.

Жалпы алғанда, 1920-1930 жылдары қазақтардың Қытай мен Моңғолияға мәжбүрлі қоныс аударуы Қазақстанның саяси тарихымен қатар әлеуметтік және демографиялық тарихының да маңызды құрамдас бөлігі. Аталған процестің салдары тек шекарадан өткендердің тағдырымен ғана шектеліп қоймай, босқын отбасыларының әлеуметтік құрылымына және күнделікті өмірі мен балаларының тағдырына да әсер етті. Сондықтан, қазақ босқындарының тарихын тек саяси оқиғалар аясында қарастыру мәселенің мәнін толық ашпайды. Мұны оның әлеуметтік және гуманитарлық салдарымен, отбасылар мен балалардың өмірлік тәжірибесімен бірге қарастыру 20 ғасырдағы Қазақстан тарихының күрделі кезеңдерін тереңірек түсінуге жол ашады.

Осыған байланысты болашақ зерттеулерде Қытай мен Моңғолия архивтеріндегі құжаттарды, мерзімді баспасөз материалдарын, босқындардың жеке естеліктерін және ауызша тарих деректерін қолжетімді ету маңызды. Мұндай деректер бізге босқын балалардың күнделікті өмірі мен әлеуметтік интеграциясының осырған дейінгі жеткіліксіз зерттелген аспектілерін нақтылауға және XX ғасырдағы қазақтардың шекарадан мәжбүрлеп көшуінің тұтас тарихи көрінісін жасауға мүмкіндік береді.

Әдебиеттер

Алтай, 1980 – Алтай Х. Естеліктерім. Ыстанбұл: Otağ Matbaası, 1980. 144 б.

Алтай, 2014 – Алтай Х. Алтайдан ауған ел. Алматы: Дәуір, 2014. 272 б.

Алтай қазақтары, 2015 – Алтай қазақтары: бүгінгі жағдайы, болашақ даму бағыттары: халықаралық конференция материалдарының жинағы. Өлгий, 2015.

Әкірами, 2009 – Әкірами К. Баркөл қазақтарының шығысқа аууы // Іле тарихи материалдары. Құлжа, 2009. Б. 184–196.

Байдавлетова, 2025 – Байдавлетова М.Д. 1930-шы жылдардағы қазақ босқыншылығы мәселелері батыстық тарихнамада (2000–2024 жж.) // ҚазҰУ Хабаршысы. Тарих сериясы. 2025. № 4 (119). DOI: 10.26577/JH20251195.

Байжұма және т.б., 2025 – Байжұма Г., Табылдиева О., Садыкова А. Моңғолиядағы қазақ диаспорасы мәселесінің тарихнамасы // Қарағанды университетінің хабаршысы. Тарих. Философия сериясы. 2025. № 4. Б.

45–55. DOI: 10.31489/2025hph4/45-55.

Баркөл тарихи материалдары, 1998 – Баркөл тарихи материалдары жинағы. Баркөл: Ішкі материалдар баспа зауыты, 1998. 225 б.

Баян-Өлгий, 2024 – Баян-Өлгий аймаг орон нутгийн ном зүй: номзүйн бүртгэл (1942–2023). Өлгий, 2024.

Ван Чжитун, 2023 – 王志通. 哈萨克族内迁与近代新疆民族交往交流交融 [Қазақтардың ішкі аймақтарға қоныс аударуы және жаңа дәуірдегі Шыңжаңдағы этностардың өзара қарым-қатынасы, алмасуы мен интеграциясы] // 民族研究. 2023. № 3.

Золбаяр, Өмирбек, 2019 – Золбаяр Г., Өмирбек Б. Монгол-казах бичгийн хэлний дундын үг. Улан-Батор, 2019.

Қозыбаева, Бекенова, 2021 – Қозыбаева М.М., Бекенова А.А. Қазақ босқындары XX ғ. 30-шы жж. басында Батыс Сібірде: бейімделу және орналасу мәселелері // Отан тарихы. 2021. № 3 (95). Б. 110–118. DOI: 10.51943/1814-6961_2021_3_110.

Құдайбергенова, 2021 – Құдайбергенова А.И. 1930 жылдары қазақ босқындарын қайтару тарихына орай // Қазақстандағы XX ғасырдың 30-шы жж. басындағы ашаршылық және қазақтардың көршілес аумақтарға мәжбүрлі көші-қоны: зерттеу мәселелері. Алматы: Литера-М, 2021. Б. 93–101.

Құдайбергенова, Байдалы, 2021 – Құдайбергенова А.И., Байдалы Р.Ж. Маңғыстау өңіріндегі аштық пен босқыншылық (1920 ж. соңы – 1930 ж. басы) // Отан тарихы. 2021. № 3 (95). Б. 126–135.

Қазақстандағы ашаршылық және мәжбүрлі көші-қон, 2021 – Қазақстандағы XX ғасырдың 30-шы жж. басындағы ашаршылық және қазақтардың көршілес аумақтарға мәжбүрлі көші-қоны: зерттеу мәселелері = Голод начала 30-х гг. XX века в Казахстане и вынужденные миграции казахов на сопредельные территории: проблемы исследования: республикалық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары / Құраст. А.И. Құдайбергенова, М.М. Қозыбаева, Р. Байдалы. Алматы: Литера-М, 2021. 296 б.

Құмыл тарихи материалдары, 2013 – Құмыл тарихи материалдары. Құмыл: Ішкі материалдар баспа зауыты, 2013. 295 б.

Лиас, 2022 – Лиас Г. Аспантау асқан үркін көш. Алматы: AmalBooks, 2022. 232 б.

Мұқарапұлы, 2012 – Мұқарапұлы Ә. Киелі көш. Бейжің: Ұлттар баспасы, 2012. 796 б.

Оралтай, 1961 – Oraltay H. Hürriyet Uğrunda Doğu Türkistan Kazak Türkleri. İzmir: İstiklal Matbaası, 1961. 210 s.

Оралтай, 2005 – Оралтай Х. Елім-айлап өткен өмір. Алматы: Атамұра, 2005. 665 б.

Сайити, 2006 – 阿布都力江·赛依提. 民国时期哈萨克族部落分布与迁徙 [Қытай Республикасы кезеңіндегі қазақ руларының таралуы және қоныс аударуы] // 贵州师范大学学报（社会科学版）. 2006. № 4. Б. 55–60.

Сауырқан Е., Қаипбаева А.Т. 1930 жылдары Шыңжаңнан көшкен қазақ босқындары және қараусыз қалған балалардың әлеуметтік мәселесі // Asian Journal “Steppe Panorama”. – 2025. – Т. 12. – № 4. – 1163–1176 бб. – DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1163-1176.

Санжы қазақтарының шығысқа аууы, 1989 – Санжы қазақтарының шығысқа аууы. Санжы: Санжы баспа зауыты, 1989. 330 б.

Сарай, 1991 – Сарай А. Революциядан бұрынғы қазақ халқы. Өлгий, 1991.

Сарай, 1992 – Сарай А. Революциядан бұрынғы Моңғолия қазақтары. Өлгий, 1992.

Сейітұлы, 2015 – Сейітұлы Ә. Минго дәуіріндегі қазақ тарихы. Үрімжі: Шыңжаң әсемөнер-фотосурет баспасы, 2015. 677 б.

Цзэн Шаоцун, Ли Шаньлун, 2017 – 曾少聪, 李善龙. 民国时期新疆俄属中亚难民的安置和遣返 [Қытай Республикасы кезеңіндегі Шыңжаңдағы Ресейлік Орталық Азия босқындарын орналастыру және кері қайтару] // 云南民族大学学报（哲学社会科学版）. 2017. Т. 34. № 5. Б. 109–114. DOI: 10.13727/j.cnki.53-1191/c.2017.05.018.

Четин, 2022 – Четин А. Өмір жолымдағы соңғы көш. Алматы: AmalBooks, 2022. 560 б.

Шолпан, 2024 – Шолпан Қ.Д. Атайкөй қазақтары. Алматы: Мазмұндама, 2024. 216 б.

Barcus, Werner, 2010 – Barcus H.R., Werner C. The Kazakhs of Western Mongolia: Transnational Migration from 1990–2008 // Asian Ethnicity. 2010. Vol. 11. № 2. Pp. 209–228. DOI: 10.1080/14631361003779463.

Benson, 1990 – Benson L. The Ili Rebellion: The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang, 1944–1949. New York: M.E. Sharpe, 1990.

Cameron, 2014 – Cameron S. The Kazakh Famine of 1930–33: Current Research and New Directions // East/West: Journal of Ukrainian Studies. 2014. Vol. 1. № 2. Pp. 117–132.

Canaltay, 2000 – Canaltay D. Qiyli zaman – qiyin tagdyr. Almaty: Duniye juzi qazaq qawimdastigi, 2000. 160 p.

Gayratullah, 1977 – Gayratullah H. Altaylarda Kanlı Günler. İstanbul: Ahmet Sait Matbaası, 1977. 274 s.

Gayratullah, 2009 – Gayratullah H. Uzaklara Balam. İstanbul: Toker Yayınları, 2009. 182 s.

Kusçu, 2016 – Kusçu I. Changing Perception of Homeland for the Kazakh Diaspora // Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2016. Vol. 44. № 3. Pp. 380–396.

Noda, Ono, 2019 – Noda J., Ono R. Emigration/Muhacir from Xinjiang to the Middle East during the 1940s–

60s. MEIS-NIHU Series № 1. Fuchu, Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA), 2019. 155 p.

Rakhimzhanova, 2024 – Rakhimzhanova A. Collective Memory: Kazakh Exodus from Altay Mountains // Türkoloji. 2024. № 119. Pp. 1–20. DOI: 10.59358/ayt.1531841.

Selvi et al., 1996 – Selvi Z., Teyci M., Kara A. Kazakların Doğu Türkistan'dan Anadolu'ya Göçü ve Osman Taştan. İstanbul: Kazak Türkleri Vakfı, 1996. 62 s.

Teyci, 2024 – Teyci M. Doğu Altay'dan Türkiye'ye İlk Kazak Göçü (1952). İstanbul: Hayat, 2024. 144 s.

Ақпарат берушілердің тізімі

I. Сұлтан Тәукейұлы. 1943 ж.т. Баян-Өлгий аймағы, Ақкөл жерінің тумасы. Экономист, дипломат, аудармашы, экономика ғылымдарының докторы, профессор, мемлекет және қоғам қайраткері. Моңғолия Парламентінің бұрынғы мүшесі, Моңғолияның Венгрия және Австриядағы бұрынғы төтенше және өкілетті елшісі.

II. Баймұрат Ақынұлы. 1959 ж.т. Баян-Өлгий аймағы, Бұлғын сұмы, Өңдер қара жерінің тумасы. Дәрігер.

III. Шынай Рахметұлы. Баян-Өлгий аймағының тумасы. Журналист.

IV. Жамбыл Әдиятоллаұлы. Баян-Өлгий аймағының тумасы. Философ.

V. Тілеубек Шегірткеұлы. Баян-Өлгий аймағының тумасы. Әскери қызметкер, запастағы подполковник.

VI. Қажиақпар Нұриұлы Әбусейт. Сұхбат алынған кезде 89 жаста. Баян-Өлгий аймағының тумасы. Бухгалтер. Руы – найман.

VII. Саиндолда Ақмадиұлы. Сұхбат алынған кезде 86 жаста. Баян-Өлгий аймағының тумасы. Бухгалтер. Руы – найман.

VIII. Шынарбек Сетханұлы. Баян-Өлгий аймағы. Хамза Ерзінұлы Зайсановтың өмірбаяны мен Моңғолияға өту тарихына қатысты ауызша және жазба материалдар берген ақпарат беруші.

References

Altai, 1980 – Altai H. Estelikterim [My Memoirs]. Istanbul: Otağ Matbaası, 1980. 144 p. [in Kazakh]

Altai, 2014 – Altai H. Altaidan aughan el [The People Who Migrated from Altai]. Almaty: Dauir, 2014. 272 p. [in Kazakh]

Altai qazaqtary, 2015 – Altai qazaqtary: bugingi zhagdaiy, bolashaq damu bagyttary [Altai Kazakhs: Current Situation and Future Development Directions]: Proceedings of the International Conference. Ölgii, 2015. [in Kazakh]

Akirami, 2009 – Akirami K. Barkol qazaqtarynyn shygysqa auuy [The Eastward Migration of the Barkol Kazakhs]. Ile tarikhi materialdary [Ili Historical Materials]. Kulja, 2009. Pp. 184–196. [in Kazakh]

Baidavletova, 2025 – Baidavletova M.D. 1930-shy zhyldardagy qazaq bosqynshylygy maseleleri batystyq tarikhnamada (2000–2024 zhzh.) [The Problems of Kazakh Refugees in the 1930s in Western Historiography (2000–2024)]. KazNU Khabarshysy. Tarikh seriiasy [Journal of History]. 2025. № 4 (119). DOI: 10.26577/JH20251195. [in Kazakh]

Baizhuma et al., 2025 – Baizhuma G., Tabyldieva O., Sadykova A. Mongoliyadagy qazaq diasporasy maselesinin tarikhnamasy [Historiography of the Kazakh Diaspora in Mongolia]. Qaragandy universitetinin khabarshysy. Tarikh. Filosofiia seriiasy [Bulletin of Karaganda University. History. Philosophy Series]. 2025. № 4. Pp. 45–55. DOI: 10.31489/2025hph4/45-55. [in Kazakh]

Barkol tarikhi materialdary, 1998 – Barkol tarikhi materialdary zhinagy [Collection of Barkol Historical Materials]. Barkol: Ishki materialdar baspa zauyty, 1998. 225 p. [in Kazakh]

Bayan-Ölgii, 2024 – Bayan-Ölgii aimag oron nutgiin nom züi: nomzüin bürtgel (1942–2023) [Local Bibliography of Bayan-Ölgii Aimag: Bibliographical Register, 1942–2023]. Ölgii, 2024. [in Mongolian]

Wang Zhitong, 2023 – Wang Zhitong. Hasakezu neiqian yu jindai Xinjiang minzu jiaowang jiaoliu jiaorong [Kazakh Internal Migration and the Interaction, Exchange and Integration among Ethnic Groups in Modern Xinjiang]. Minzu Yanjiu [Ethno-National Studies]. 2023. № 3. [in Chinese]

Zolbayar, Omirbek, 2019 – Zolbayar G., Omirbek B. Mongol-kazakh bichgiin khelnii dundyn üg. Ulaanbaatar, 2019. [in Mongolian]

Kozybayeva, Bekenova, 2021 – Kozybayeva M.M., Bekenova A.A. Qazaq bosqyndary XX g. 30-shy zhzh. basynda Batys Sibirde: beiimdelu zhane ornalasu maseleleri [Kazakh Refugees in Western Siberia in the Early 1930s: Problems of Adaptation and Settlement]. Otan tarikhy. 2021. № 3 (95). Pp. 110–118. DOI: 10.51943/1814-6961_2021_3_110. [in Kazakh]

Kudaibergenova, 2021 – Kudaibergenova A.I. 1930 zhyldary qazaq bosqyndaryn qaitaru tarikhyna orai [On the History of the Return of Kazakh Refugees in the 1930s]. Qazaqstandagy XX gasyrdyn 30-shy zhzh. basyndagy asharshylyq zhane qazaqtardyn korshiles aumaqtarga mazhburli koshi-qony: zertteu maseleleri [Famine in Kazakhstan in the Early 1930s and Forced Migration of Kazakhs to Adjacent Territories: Research Problems]. Almaty: Litera-M, 2021. Pp. 93–101. [in Kazakh]

Kudaibergenova, Baidaly, 2021 – Kudaibergenova A.I., Baidaly R.Zh. Mangystau onirindegi ashtyq pen bosqynshylyq (1920 zh. songy – 1930 zh. basy) [Famine and Refugee Migration in the Mangystau Region (Late 1920s – Early 1930s)]. Otan tarikhy. 2021. № 3 (95). Pp. 126–135. [in Kazakh]

Qazaqstandagy asharshylyq zhane mazhburli koshi-qon, 2021 – Qazaqstandagy XX gasyrdyn 30-shy zhzh. basyndagy asharshylyq zhane qazaqtardyn korshiles aumaqtarga mazhburli koshi-qony: zertteu maseleleri [Famine in Kazakhstan in the Early 1930s and Forced Migration of Kazakhs to Adjacent Territories: Research Problems]. Eds. A.I. Kudaibergenova, M.M. Kozybayeva, R. Baidaly. Almaty: Litera-M, 2021. 296 p. [in Kazakh and Russian]

Kumul tarikhi materialdary, 2013 – Kumul tarikhi materialdary [Kumul Historical Materials]. Kumul: Ishki materialdar baspa zauyty, 2013. 295 p. [in Kazakh]

Lias, 2022 – Lias G. Aspantau asqan urkin kosh [The Refugee Migration across Aspantau]. Almaty: AmalBooks, 2022. 232 p. [in Kazakh]

Mukharapuly, 2012 – Mukharapuly A. Kieli kosh [Sacred Migration]. Beijing: Ulttar baspasy, 2012. 796 p. [in Kazakh]

Oraltay, 1961 – Oraltay H. Hürriyet Uğrunda Doğu Türkistan Kazak Türkleri [East Turkestan Kazakh Turks in the Struggle for Freedom]. İzmir: İstiklal Matbaası, 1961. 210 p. [in Turkish]

Oraltay, 2005 – Oraltay H. Elim-ailap otken omir [A Life Passed with “Elim-ai”]. Almaty: Atamura, 2005. 665 p. [in Kazakh]

Sayiti, 2006 – Sayiti A. Minguo shiqi Hasakezu buluo fenbu yu qianxi [Distribution and Migration of Kazakh Tribes during the Republican Period]. Guizhou Shifan Daxue Xuebao (Shehui Kexue Ban) [Journal of Guizhou Normal University (Social Sciences)]. 2006. № 4. Pp. 55–60. [in Chinese]

Sauyrkan, Ye., Kaipbayeva, A.T. (2025). Kazakh refugees from Xinjiang in the 1930s and the social problem of abandoned children. Asian Journal “Steppe Panorama”, 12(4), 1163–1176. DOI: 10.51943/2710-3994_2025_12_4_1163-1176. [in English]

Sanzhi qazaqtarynyn shygysqa auuy, 1989 – Sanzhi qazaqtarynyn shygysqa auuy [The Eastward Migration of the Sanji Kazakhs]. Sanji: Sanji baspa zauyty, 1989. 330 p. [in Kazakh]

Sarai, 1991 – Sarai A. Revolutsiadan buryngy qazaq khalqy [The Kazakh People before the Revolution]. Ölgii, 1991. [in Kazakh]

Sarai, 1992 – Sarai A. Revolutsiadan buryngy Mongoliya qazaqtary [The Kazakhs of Mongolia before the Revolution]. Ölgii, 1992. [in Kazakh]

Seituly, 2015 – Seituly A. Mingo dauirindegi qazaq tarikhy [History of the Kazakhs during the Republican Period]. Ürümqi: Xinjiang Fine Arts and Photography Publishing House, 2015. 677 p. [in Kazakh]

Zeng Shaocong, Li Shanlong, 2017 – Zeng Shaocong, Li Shanlong. Minguo shiqi Xinjiang Eshu Zhongya nanmin de anzhi he qianfan [Resettlement and Repatriation of Refugees from Russian Central Asia in Xinjiang during the Republican Period]. Yunnan Minzu Daxue Xuebao (Zhexue Shehui Kexue Ban) [Journal of Yunnan Minzu University (Philosophy and Social Sciences)]. 2017. Vol. 34. № 5. Pp. 109–114. DOI: 10.13727/j.cnki.53-1191/c.2017.05.018. [in Chinese]

Cetin, 2022 – Cetin A. Omir zholymdagy songy kosh [The Last Migration in My Life]. Almaty: AmalBooks, 2022. 560 p. [in Kazakh]

Sholpan, 2024 – Sholpan Q.D. Ataikoi qazaqtary [The Kazakhs of Ataköy]. Almaty: Mazmundama, 2024. 216 p. [in Kazakh]

Barcus, Werner, 2010 – Barcus H.R., Werner C. The Kazakhs of Western Mongolia: Transnational Migration from 1990–2008. Asian Ethnicity. 2010. Vol. 11. № 2. Pp. 209–228. DOI: 10.1080/14631361003779463. [in English]

Benson, 1990 – Benson L. The Ili Rebellion: The Moslem Challenge to Chinese Authority in Xinjiang, 1944–1949. New York: M.E. Sharpe, 1990. [In English]

Cameron, 2014 – Cameron S. The Kazakh Famine of 1930–33: Current Research and New Directions. East/West: Journal of Ukrainian Studies. 2014. Vol. 1. № 2. Pp. 117–132. [In English]

Canaltay, 2000 – Canaltay D. Qiyli zaman – qiyin tagdyr [Troubled Times – Difficult Fate]. Almaty: Duniye juzi qazaq qawimdastigi, 2000. 160 p. [in Kazakh]

Gayratullah, 1977 – Gayratullah H. Altaylarda Kanlı Günler [Bloody Days in the Altai]. Istanbul: Ahmet Sait Matbaası, 1977. 274 p. [in Turkish]

Gayratullah, 2009 – Gayratullah H. Uzaklara Balam [To Distant Lands, My Child]. Istanbul: Toker Yayınları, 2009. 182 p. [in Turkish]

Kusçu, 2016 – Kusçu I. Changing Perception of Homeland for the Kazakh Diaspora. Nationalities Papers: The Journal of Nationalism and Ethnicity. 2016. Vol. 44. № 3. Pp. 380–396. [in English]

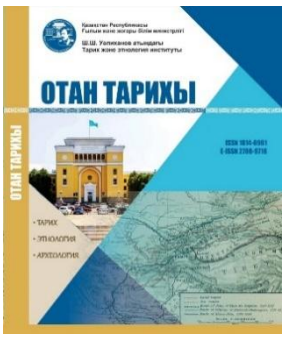
Noda, Ono, 2019 – Noda J., Ono R. Emigration/Muhacir from Xinjiang to the Middle East during the 1940s–60s. MEIS-NIHU Series № 1. Fuchu, Tokyo: Research Institute for Languages and Cultures of Asia and Africa (ILCAA), 2019. 155 p. [in English]

Rakhimzhanova, 2024 – Rakhimzhanova A. Collective Memory: Kazakh Exodus from Altay Mountains. Türkoloji. 2024. № 119. Pp. 1–20. DOI: 10.59358/ayt.1531841. [in English]

Selvi et al., 1996 – Selvi Z., Teyci M., Kara A. Kazakların Doğu Türkistan'dan Anadolu'ya Göçü ve Osman Taştan [Migration of the Kazakhs from East Turkestan to Anatolia and Osman Taştan]. Istanbul: Kazak Türkleri Vakfı, 1996. 62 p. [in Turkish]

Teyci, 2024 – Teyci M. Doğu Altay'dan Türkiye'ye İlk Kazak Göçü (1952) [The First Kazakh Migration from Eastern Altai to Turkey (1952)]. Istanbul: Hayat, 2024. 144 p. [In Turkish]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1388–1404
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР/ МРНТИ / IRSTI 03.20.
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1388-1404

ТҮРКИЯ–ҚАЗАҚСТАН ҚАТЫНАСТАРЫНДАҒЫ ЖҰМСАҚ КҮШ ПЕН ЭТНИКАЛЫҚ СӘЙКЕСТІК ЫҚПАЛЫ

Канат Базарбаев[1], Гауһар Батырбекқызы[2], Эрен Акдениз[3]

[1] Қ.А.Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
(Б. Саттарханов даңғылы 29, 161200 Түркістан, Қазақстан Республикасы)
PhD, қауым.профессор
https://orcid.org/0000-0003-0058-2322. E-mail: kanat.bazarbayev@ayu.edu.kz

[2] М. Әуезов атындағы Оңтүстік Қазақстан зерттеу университеті
(Тәуке хан даңғылы 5, 160012 Шымкент, Қазақстан Республикасы)
PhD, қауым.профессор
https://orcid.org/0000-0003-1356-7770 E-mail: goha_batyr@mail.ru

[3] Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті
(Б. Саттарханов даңғылы 29, 161200 Түркістан, Қазақстан Республикасы)
PhD докторант
https://orcid.org/0000-0002-3261-3384. E-mail: eren.akdeniz@ayu.edu.kz

© Ш.Ш. Уәлиханов ат. ТЭИ, 2026
© Базарбаев К., Батырбекқызы Г., Эрен Акдениз, 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Мақала мазмұнында Түркия мен Қазақстан арасындағы интеграциялық байланыстарды нығайту бағыттарындағы жұмсақ күш пен этникалық сәйкестік факторлары зерттеледі. Түркі тілдес мемлекеттері ұйымдарының бүгінгі ынтымақтастығының негізі ретінде ортақ тарихы мен мәдениеті қарастырылады. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеу жұмысының мақсаты Түркия мен Қазақстан арасындағы интегрциялық байланыстардың қазіргі кезеңін талдау арқылы осы үдерістегі «жұмсақ күш» пен этникалық сәйкестігін ғылыми тұрғыда негіздеп, халықаралық ұйымдардың және ұлттық институттар мен үкіметтік бағдарламалар аясындағы ынтымақтастықтың негізгі бағыттарын анықтап, экономикалық, мәдени және білім беру байланыстарының даму бағыттарын зерттеу міндеті қойылды. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеу жұмысында сапалық және сандық әдістер қолданылды. Түркі тілдес мемлекеттердің тарихи-мәдени байланыстарына, халықаралық институттардың құжаттарына деректанулық және сараптамалық талдау әдісі жүргізіліп, түркі тілдес мемлекеттердің экономикалық көрсеткіштеріне статистикалық талдау арқылы интеграциялық үдерістердің оң әсері сарапталды. *Нәтижелері.* Зерттеу нәтижелері Қазақстан мен Түркияның интеграциялық байланыстарының экономикалық және мәдени ынтымақтастығының жүйелі дамуын көрсетті. Осы байланыстардың негізі ТҮРКСОЙ және түркі мемлекеттер ұйымы секілді халықаралық ұйымдардың қызметі аясында нығая түскені айқындалды. Бауырлас екі елдің

саясатындағы жұмсақ күшті талдау арқылы өзара түсіністікті нығайтудағы ортақ мәдени және тарихи құндылықтарды нығайту бағыттары анықталды. Экономикалық ынтымақтастықтың оң әсері байқалуымен қатар, сауда қатынастарында географиялық алшақтыққа байланысты түйіткілді мәселелердің де жоқ еместігі аңғарылды. Осындай бірқатар күрделі жағдайларға қарамастан Халықаралық Түркі Академиясының қызметі, Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің білім беру бастамалары өзара интеграциялық үдерістерді нығайтуға ықпал етеді. *Қорытынды.* Зерттеудің стратегиялық маңыздылығы алынған деректерді түркі тілдес мемлекеттердің мәдени және экономикалық интеграциялық бағыттарын жетілдіру мақсатында қолдану мүмкіндігімен және аймақтық ынтымақтастық пен өзара түсіністікті нығайтуға ықпал ететін ғылыми-тәжірибелік негіз қалыптастырады.

Түйін сөздер: Қазақстан, Түркия, түркі тілдес мемлекеттер, Түркі әлемі, интеграция, жұмсақ күш, стратегиялық серіктестік, мәдени алмасу.

Дәйексөз үшін: Базарбаев К., Батырбекқызы Г., Эрен Акдениз. Түркия–Қазақстан қатынастарындағы жұмсақ күш пен этникалық сәйкестік ықпалы // Отан тарихы. 2026. Т. 29. No 3. 1388–1404-бб.[қазақша]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1388-1404

ВЛИЯНИЕ МЯГКОЙ СИЛЫ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТУРЕЦКО-КАЗАХСТАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Канат Базарбаев[1], *Гауһар Батырбекқызы*[2], *Эрен Акдениз*[3]

[1] Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави
(пр. Саттарханова 29, 161200 Туркестан, Республика Казахстан)
PhD, Ассоциированный профессор
https://orcid.org/0000-0003-0058-2322 E-mail: kanat.bazarbayev@ayu.edu.kz

[2] Южно-Казахстанский исследовательский университет имени М. Ауэзова
(пр. Тауке хана, 5, 160012 г. Шымкент, Республика Казахстан)
PhD, Ассоциированный профессор
https://orcid.org/0000-0003-1356-7770 E-mail: goha_batyr@mail.ru

[3] Международный казахско-турецкий университет имени Ходжи Ахмеда Ясави
(пр. Саттарханова 29, 161200 Туркестан, Республика Казахстан)
PhD докторант
https://orcid.org/0000-0002-3261-3384. E-mail: eren.akdeniz@ayu.edu.kz

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Базарбаев К., Батырбеккызы Г., Эрен Акдениз, 2026

Аннотация. *Введение.* В содержании статьи исследуются факторы мягкой силы и этнической идентичности в направлениях укрепления интеграционных связей между Турцией и Казахстаном. В качестве основы современного сотрудничества тюркоязычных государств рассматриваются их общие историко-культурные ценности. *Цель и задачи.* Цель исследования на основе анализа современного этапа интеграционных связей между Турцией и Казахстаном научно обосновать роль мягкой силы и этнической идентичности в данном процессе, а также определить ключевые направления сотрудничества в рамках международных организаций, национальных институтов и государственных программ. В качестве задач поставлено изучение направлений развития экономических, культурных и образовательных связей. *Материалы и методы.* В исследовании использованы качественные и количественные методы. Проведён источниковедческий и аналитический анализ историко-культурных связей тюркоязычных государств и документов международных институтов, а также статистический анализ экономических показателей, что позволило оценить положительное влияние интеграционных процессов. *Результаты.* Результаты исследования показали систематическое развитие экономического и культурного сотрудничества в рамках интеграционных связей между Казахстаном и Турцией. Установлено, что данные связей

укрепляется в рамках деятельности международных организаций, таких как ТУРКСОЙ и Организация тюркских государств. Анализ «мягкой силы» в политике двух братских стран позволил выявить направления укрепления общих культурно-исторических ценностей в процессе взаимопонимания. Помимо положительного влияния экономического сотрудничества, было отмечено также наличие сложных проблем, связанных с географической удаленностью в торговых отношениях. Несмотря на ряд сложностей, деятельность Международной Тюркской академии и образовательные инициативы Международного казахско-тюркского университета имени Ходжи Ахмета Ясави способствуют укреплению процессов взаимной интеграции. *Заключение.* Стратегическая важность исследования заключается в возможности использования полученных данных для совершенствования направлений культурной и экономической интеграции тюркоязычных государств и формирования научно-практической базы, которая будет способствовать укреплению регионального сотрудничества и взаимопонимания.

Ключевые слова: Казахстан, Турция, тюркоязычные государства, тюркский мир, интеграция, мягкая сила, стратегическое партнерство, культурная дипломатия.

Для цитирования: Базарбаев К., Батырбеккызы Г., Эрен Акдениз. Влияние мягкой силы и этнической идентичности в турецко-казахстанских отношениях // Отан тарихы. 2026. Т. 29. No 3. С. 1388–1404. [на казахском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1388-1404

THE INFLUENCE OF SOFT POWER AND ETHNIC IDENTITY IN TURKIYE–KAZAKHSTAN RELATIONS

Kanat Bazarbayev[1], Gaukhar Batyrbekkyzy[2], Eren Akdeniz[3]

[1]Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
(29, B. Sattarkhanov Str., Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan)
PhD, associate professor
https://orcid.org/0000-0003-0058-2322 E-mail: kanat.bazarbayev@ayu.edu.kz

[2]M. Auezov South Kazakhstan Research University
(Tauke Khan Avenue 5, 160012 Shymkent, Republic of Kazakhstan)
PhD, Associate Professor
https://orcid.org/0000-0003-1356-7770 E-mail: goha_batyr@mail.ru

[3]Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
(29, B. Sattarkhanov Str., Turkestan, 161200, Republic of Kazakhstan)
PhD doctoral student
https://orcid.org/0000-0002-3261-3384. E-mail: eren.akdeniz@ayu.edu.kz

© Valikhanov IHE, 2026
© Bazarbayev K., Batyrbekkyzy G., Eren Akdeniz, 2026

Abstract. *Introduction.* The article examines the factors of soft power and ethnic identity in the direction of strengthening the integration ties between Turkey and Kazakhstan. Common historical and cultural values of the Turkic-speaking states are considered as the basis for modern cooperation between their goal and objectives. *Purpose and objectives.* The purpose of the study, based on the analysis of the current stage of integration ties between Turkey and Kazakhstan, is to scientifically substantiate the role of soft power and ethnic identity in this process, as well as to identify key areas of cooperation within the framework of international organizations, national institutions and state programs. The objectives include studying the development directions of economic, cultural and educational ties. *Materials and methods.* The study used qualitative and quantitative methods. Source study and analytical analysis of the historical and cultural ties of the Turkic-speaking states and documents of international institutions, as well as statistical analysis of economic indicators were carried out, which made it possible to assess the positive impact of integration processes. *Results.* The results of the study showed the systematic development of economic and cultural cooperation within the framework of integration ties between Kazakhstan and Turkey. It has been established

that these ties are strengthening within the framework of international organizations such as TURKOSOY and the Organization of Turkic States. An analysis of "soft power" in the policies of the two fraternal countries made it possible to identify areas for strengthening common cultural and historical values in the process of mutual understanding. In addition to the positive impact of economic cooperation, the presence of complex problems associated with geographical distance in trade relations was also noted. Despite a number of difficulties, the activities of the International Turkic Academy and the educational initiatives of the International Kazakh-Turkic University named after Khoja Ahmet Yasawi contribute to strengthening the processes of mutual integration. *Conclusion.* The strategic importance of the study lies in the possibility of using the obtained data to improve the directions of cultural and economic integration of Turkic-speaking states and the formation of a scientific and practical base that will contribute to strengthening regional cooperation and mutual understanding.

Keywords: Kazakhstan, Turkey, Turkic-speaking states, Turkic world, integration, soft power, strategic partnership, cultural diplomacy.

For citation: Bazarbayev K., Batyrbekkyzy G., Eren Akdeniz. The influence of soft power and ethnic identity in Turkiye–Kazakhstan relations // Otan Tarihy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1388–1404. [in Kazakh]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1388-1404

Кіріспе. «Жұмсақ күш» ұғымы бір мемлекеттің өзге мемлекеттерге ықпал етуінде күштеу немесе мәжбүрлеу саясатының орнына, оларды ортақ бір мүддеге ерікті түрде ұмтылуға ынталандыру қабілетін білдіреді. Ал этникалық сәйкестік әртүрлі этникалық топтардың белгілі бір тілдік топқа, нақты айтқанда қарастырылып отырған тақырып аясында түркі тілдес кеңістікке ортақтығын сезінуімен сипатталған әлеуметтік мәдени құбылыс. Осы құбылыс ортақ тарих, мәдени, діни және басқа да рухани құндылықтарда көрініс табады. Этникалық сәйкестіктерге сүйене отырып, мемлекеттік ұйымдар ортақ құндылықтарды түсінудің арқасында саяси, сауда-экономикалық және гуманитарлық салалардағы ынтымақтастықты ең сапалы және тиімді түрде дамыта алады. Қазақстан мен Түркия үшін бүгінгі кезең әртүрлі түбегейлі даму векторларымен сипатталды. Осман мемлекеті XIII ғасырдың соңы – XIV ғасырдың басында Анадолының солтүстік-батысында қалыптасып, кейінгі ғасырларда жүргізілген жаулап алулар нәтижесінде Еуропа, Азия және Африканың ауқымды аумақтарын қамтыған империяға айналды. Осман мемлекетінің географиялық кеңеюі оның Еуропа мен Азия арасындағы саяси және экономикалық үдерістерге ықпалын күшейтті. Империяның ұзақ уақыт өмір сүруінде әскери қуатпен қатар орталық және аймақтық басқару тетіктерінің қалыптасуы маңызды рөл атқардыОсман империясының қоғамдық құрылымы этникалық және діни тұрғыдан алуан түрлі болып, оның құрамында мұсылман, христиан және еврей қауымдары ғасырлар бойы қатар өмір сүрді [Majer, 1997: 259]. Бірінші дүниежүзілік соғыс аяқталғаннан кейін Осман империясының іргесі сөгіліп, оның орнына Түркия Республикасы жарияланды.

XV ғасырдың екінші жартысында Қазақстан аумағындағы этносаяси үдерістер нәтижесінде Керей мен Жәнібек сұлтандардың басшылығымен Қазақ хандығы қалыптасты. Мұхаммед Хайдар Дулатидің «Тарих-и Рашиди» еңбегіндегі мәлімет бойынша қазақ сұлтандары билігінің басталуы 870 hижра жылымен, яғни 1465–1466 жылдармен байланыстырылады [Атыгаев, 2006: 103–105]. Қазақ хандығы XV ғасырдың ортасында Орталық Азияның кең даласында, қазіргі Қазақстан аумағында құрылып аймақтағы қуатты саяси күш ретінде орнықты. Оның негізін қалаған Жәнібек пен Керей көшпелі тайпалардың саяси дербестік пен мәдени тұтастыққа ұмтылысын біріктіре отырып, жаңа мемлекеттің бірлестіктің қалыптасуына тарихи алғышарт жасады. Қазақ мемлекеттілігінің осы тарихи тәжірибесі қазіргі Қазақстанның ұлттық санасы мен тарихи жадында өзіндік сабақтастыққа ие. XIX ғасырдың екінші жартысында Ресей империясының отарлық саясаты қазақ даласындағы дәстүрлі әлеуметтік-экономикалық қатынастарға елеулі өзгерістер әкелді. 1867–1868 жылдардағы әкімшілік реформалар нәтижесінде қазақтар пайдаланып келген жерлер мемлекеттік меншік деп жарияланып, жер қатынастары империялық басқару талаптарына сәйкес қайта реттелді [Кабульдинов, 2025: 7]. Қазақстан тәуелсіздік алғаннан кейін Түркия екіжақты қатынастарды дамытуда қоғамдық дипломатия мен «жұмсақ күш» құралдарын белсенді пайдалана бастады. Түркияның Қазақстанға қатысты саясаты тарихи-мәдени және тілдік жақындықпен қатар, Орталық Азиядағы геосаяси және экономикалық мүдделермен де сабақтасты. Осы тұрғыдан Қазақстан Анкара үшін маңызды сауда-экономикалық серіктес әрі түрік «жұмсақ күш» саясаты жүзеге асырылатын негізгі бағыттардың біріне айналды [Kukeeva et al., 2019:21]. Түркі халықтары мәдениетінің ықпалын сақтауға, нығайтуға және таратуға бағытталған ұйымдар екі мемлекет арасындағы қарым-қатынаста

маңызды рөл атқарады. Қазақстан Республикасы мен Түркия Республикасы арасындағы қатынастардың маңызды негіздерінің бірі – екі халықтың тарихи, тілдік және мәдени жақындығы. Бұл ортақтық екі ел арасындағы мәдени байланыстар мен стратегиялық серіктестіктің дамуына қолайлы негіз қалыптастырды. Сонымен қатар Қазақстанның құрлықтық мемлекет болуы және ашық теңіздерден қашық орналасуы екіжақты сауда-экономикалық қатынастардың мүмкіндіктерін белгілі дәрежеде шектейтін факторлардың бірі болып табылады [Kaygın et al., 2019: 3379].

Тақырып төңірегінде зерттеулер жүргізген С. Авджудың еңбектері Түркия мен Қазақстан арасындағы қарым-қатынастың қазіргі жағдайын зерттейді. Автор еңбегінде стратегиялық серіктестіктің негізі ретінде олардың тарихи және мәдени тамырына назар аударады [Авджу, 2023:140]. С. Авджудың ғылыми еңбектерін Е.Тұралин бастаған бірқатар зерттеушілер кең көлемде зерттеп, екі елдің тілдік саясатын түркітілдес халықтарды біріктірудің негізгі факторы ретінде қарастырады [Тұралин және т.б., 2023:32-40]. Қазақстан мен Түркия арасындағы мәдени ынтымақтастықты дамытудағы білім берудің рөліне Е.Тұралин кешенді зерттеулер жүргізе отырып, автор КСРО ыдырағаннан кейін мемлекеттер арасындағы ғылыми - зерттеу жобаларының, халықаралық конференциялардың және білім беру бастамаларының өзара алмасуын зерттейді [Тұралин, 2022:330]. Түркияның білім беру бастамаларындағы жұмсақ күш саясатына М. Эгамбердиев пен Е. Тұрғынбаев зерттеулер жүргізіп, Мевлана секілді Түркияның студенттік алмасу жобалары мен түрлі халықаралық стипендиялық бағдарламалары ықпал ету құралдары ретінде атап көрсетеді [Эгамбердиев, Тұрғынбаев, 2022:114-116]. Қазіргі заманғы ынтымақтастыққа тоқталсақ, Түркі мемлекеттері арасындағы қазіргі ынтымақтастықтың маңызды бағыттарының бірі цифрландыру саласы болып табылады. Түркі мемлекеттері ұйымы шеңберінде телекоммуникациялық және цифрлық инфрақұрылымды дамыту, электрондық үкімет жүйелерін жетілдіру, электрондық құжат айналымы мен электрондық қолтаңбаларды өзара тану, сондай-ақ трансшекаралық цифрлық байланысты кеңейтуге бағытталған бірлескен бастамалар жүзеге асырылуда [Organization of Turkic States, 2023:8-9]. Түркі мемлекеттері ортақ технологиялық платформалар мен жүйелерді дамыту арқылы ақпарат алмасуды ғана емес, сонымен қатар экономикалық ынтымақтастық пен аймақтық тұрақтылықты нығайтатын интеграцияланған цифрлық ландшафт құруға ұмтылуда. М. Иембекова өз зерттеуінде түркі елдерінің интеграциясы тек цифрландырумен шектелмей, білім беру, саясат және экономикалық ынтымақтастық сияқты бірқатар салаларды қамтитынын атап өтіп, осы бірлескен жобалардың маңыздылығын тілге тиек етеді [Иембекова, 2023: 281-286]. Автор екі ел арасындағы байланысты нығайту мақсатында бейбіт халықаралық қатынастарға ықпал ететінін және аймақтық сауда келісімдерін, инвестициялық мүмкіндіктерді және цифрлық технологиялар мен энергетика салаларда стандарттарды үйлестіруді нығайту арқылы экономикалық өсімге ықпал ететінін атап өтеді. Жоғарыда айтылған тұжырымдарға сүйене отырып, Түркия Республикасы мен Қазақстан Республикасының қазіргі интеграция кезеңін халықаралық ұйымдар, ұлттық институттар және түркі халықтарын біріктіретін мемлекеттік бағдарламалар аясында талдау маңызды. Түркия мен Қазақстанның сыртқы саясат доктриналарындағы жұмсақ күш тұжырымдамасы көршілес тарихи және мәдени жағынан жақын мемлекеттермен ынтымақтастықты тереңдетуге, өзара түсіністікті нығайтуға сапалы түрде үлес қосады. Зерттеудің құрылымы академиялық талдаудың барлық негізгі кезеңдерін қамтиды. Кіріспеде Қазақстан мен Түркияның интеграциясы тақырыбының өзектілігі негізделеді, бөл өзектілік екі елдің ортақ тарихи, мәдени және тілдік негізге сүйенген ықпалдастықпен айқындалады. Әдістеме бөлімінде сапалық және сандық тәсілдердің үйлесімі негізге алынып, құжаттар, саяси мәлімдемелер, білім беру және мәдени мекемелердің қызметі, сондай-ақ сыртқы сауда статистикасы және жұмсақ күш индекстері зерттеледі. Талдау нәтижелері көрсеткендей, Түркия жұмсақ күш рейтингінде үнемі жоғары орынды сақтап келеді, ал Қазақстан көрсеткіштері салыстырмалы түрде құбылмалы сипатқа ие. Бұл айырмашылық ішінара зерттелетін елдер ауқымының кеңеюімен түсіндіріледі. Білім беру интеграциясы дамыған салалар, ал экономикалық ынтымақтастық одан әрі нығайтуды қажет етеді. Болашақ зерттеулерде стратегиялық мақсаттардың жүзеге асырылуын бағалауға және түркі тілдес мемлекеттер арасында ортақ стандартты түркі әліпбиін енгізу үдерістерін ғылыми-әдіснамалық тұрғыдан зерттеуге бағытталады.

Материалдар мен әдістер. Зерттеудің әдіснамалық негізі Қазақстан Республикасы мен Түркия Республикасы арасындағы интеграциялық ынтымақтастықты кешенді талдауға бағытталған. Зерттеуде екі ел арасындағы мәдени, білім беру және экономикалық өзара әрекеттесуді зерттеу үшін сапалық және сандық тәсілдер қолданылып, олардың тарихи, тілдік және стратегиялық байланыстарына назар аударылады. Зерттеу нәтижелерінің шынайлылығы мен сенімділігін

қамтамасыз ету үшін бастапқы және қосымша дереккөздер пайдаланылды. Зерттеудің сапалық аспектісі екіжақты қарым-қатынастың негізін құрайтын тарихи және мәдени байланыстарды терең талдауды қамтып, түркі тайпалары мен түркі тілдер тобының ортақ мұралары жан-жақты зерделенді. Екі мемлекет те қолданатын «жұмсақ күш» механизмдерін түсіну үшін негізгі құжаттар, саяси көшбасшылардың сөздері және өзара саясаты қарастырылды. Талдау аясында сондай-ақ білім беру және мәдени интеграцияны жақсартатын Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті, Юнус Эмре институты және Түркі академиясы қызметтері бойынша кейс-стади әдісі қолданылып, екіжақты интеграцияны дамытудағы институтционалдық рөлі айқындалды. Сандық әдістер экономикалық ынтымақтастықты бағалау үшін статистикалық құралдарды пайдалануды қамтыды, бұл жағдай Қазақстан мен Түркия арасындағы сауда айналымына, импорт пен экспорт динамикасын басты назарда ұстады. Экономикалық интеграциядағы үрдістер мен айырмашылықтарды түсіну үшін Ұлттық статистика бюросы және жаһандық жұмсақ күш индексінің ресми дереккөздерінен алынған материалдар талданды. Деректер сонымен қатар географиялық факторлар мен сауда басымдықтарының екіжақты қатынастарға әсерін түсінуге мүмкіндік берді. Түркітілдес елдердің кең ауқымды контекстінде Қазақстан мен Түркияның интеграциялық стратегияларын бағалау үшін салыстырмалы талдаулар жүргізілді.

ТҮРКСОЙ және Түркі мемлекеттері ұйымы аймақтық ынтымақтастықты дамытудағы рөліне шолу жасалды. Зерттеуде сапалық деректерді жіктеу және түсіндіру мақсатында тақырыптық мазмұндық талдау қолданылды, ал сауда-экономикалық көрсеткіштерді бағалау мақсатында статистикалық талдау әдісі пайдаланылды. Аталған әдістерді қолдану арқылы интеграциялық үдерістерді терең түсінуге, сонымен бірге олардың жетістігі мен кемшіліктеріне әсер ететін негізгі факторларды анықтауға мүмкіндік берді. Осы тәсілдерді біріктіру арқылы зерттеу Қазақстан мен Түркия арасындағы интеграцияның тұтас моделін ұсынып, мәдени, білім беру және экономикалық ынтымақтастықтағы жетістіктер мен кедергілерді анықтайды. Бұл әдіснамалық тәсіл түркі әлемі контексінде аймақтық интеграция динамикасын түсіндіруде, тұжырымдардың сенімділігі мен өзектілігін қамтамасыз етеді.

Нәтижелер. Жұмсақ күш саясатының бір бөлігі саналатын мәдени дипломатиян тиімді құралдарының бірі - халықаралық ұйымдар, білім беру орталықтарын және мәдени мұра орталықтарын құру, сондай-ақ этникалық ерекшеліктерді дамыту және насихаттау. Осы құралдардың негізгі мақсаты мемлекеттің бірегей қырларын таныстыру арқылы оның мәдени құндылықтарын насихаттау және оң көзқарас қалыптастыру. Қазіргі әлемде жұмсақ күш тұжырымдамасын қолданудың маңызды мысалы - Қытай Халық Республикасының тілі мен мәдениетін шетелде насихаттау мақсатында құрылған «Конфуций институттары» қызмет атқарады. Түркия Республикасы үкіметі үшін 2000 жылдардың басында жұмсақ күш құралдарын дамыту оның мүдделері мен мәдениетін бүкіл әлемде насихаттауда маңызды рөл атқарды [Altunışik, 2022:3]. Ең бастысы, Түркияның беделі мемлекеттің қалыпты исламизмді демократиямен біріктіру тәжірибесіне негізделді. Мемлекеттік басқарудың мұндай моделі мұсылман елдерінде жылдам тарап, XXI ғасырдың бас кезінде Түркияның ішкі және сыртқы саясатында кеңінен дәріптелді. Бұл жағдай 2001 жылғы 11 қыркүйектегі оқиғалардан кейін, исламшыл және радикалды топтармен күресудің тиімді тәсілі ретінде насихатталды. Соңғы жылдары Қазақстан шығармашылық бағыттарды дамытуға айтарлықтай көңіл бөлді. Біріншіден, ірі қалалардағы әртүрлі және инклюзивті қоғам, ұлттық кино, телебағдарламалар, музыкасын және басқа да медиа өнімдерін шетелде насихаттау және жоғары жылдамдықты интернетке қолжетімділік осы үдерістің дамуына ықпал етті [Akbarova, 2024]. Қазақстан Республикасы Сыртқы істер министрінің орынбасары Роман Василенко ұлттық бренд құру үшін Қазақстан үкіметі 2060 жылға қарай жаңартылатын энергия көздеріне көшуге баса назар аударып отырғанын, ғылыми зерттеулерді қаржыландыру біртіндеп артып келе жатқанын, сондай-ақ гранттар мен стипендиялық бағдарламалардың енгізіліп жатқанын атап өтті [Brand Finance, 2023:96-97]. Барлық салалардағы өзара интеграция халықаралық қызметтің әрбір субъектісі арасындағы ынтымақтастықтың тиімділігіне тәуелді. Дегенмен, жұмсақ күш механизмін енгізу тәжірибесі және күшті, әлсіз жақтарын, мүмкіндіктер мен қауіптерді бағалау да маңызды рөл атқарады. Жоғарыда айтылғандарға сүйене отырып, Түркия түркі халықтары арасындағы жоғары сапалы және тиімді интеграцияны ілгерілетуде мәдени дипломатия тетіктерін қолдануда жетекші мемлекет ретінде айқындалады.

Түркия Республикасының үкіметі өз мәдениетін бүкіл әлемге және түркі халықтарының мәдениетін халықаралық ұйымдар аясында тарату үшін мәдени дипломатияны дамытуға айтарлықтай

көңіл бөлуде. 2024 жылғы жаһандық жұмсақ күш индексіне сәйкес, Түркияның жұмсақ күші соңғы төрт жылда тұрақты түрде жоғары көрсеткішке ие болып, ықпалы жағынан Финляндия, Австрия және Жаңа Зеландия сияқты елдерге жақындап келеді. 2024 жылы Түркия жалпы рейтингте 25-ші, ал Финляндия 24-ші, Австрия 26-шы, ал Жаңа Зеландия 27-ші орын алды. Сонымен қатар, көшбасшылық орындарды Америка Құрама Штаттары мен Ұлыбритания иеленіп отыр, олар сәйкесінше бірінші (100-ден 78,8 ұпай) және екінші (71,8 ұпай) орындарды иеленді. Ресей 16-шы, Израиль 32-ші және Украина 44-ші орында. Осылайша, Түркия жұмсақ күштің тұрақты деңгейін көрсетіп, халықаралық беделі жоғары елдер тобына енсе, ал өзге елдердің позициялары геосаяси және қауіпсіздік факторларының әсерінен төмендеді. 2021 жылы Қазақстанның жұмсақ күш рейтингінде төмендеуі, сол жылы жаһандық жұмсақ күш индексі тізіміне енгізілген елдер санының артуына байланысты болды. Осылайша, 2020 жылы Қазақстан 60 елдің соңғы бестігіне енді. 2021 және 2024 жылдары зерттеуге енгізілген елдер саны 105 тен 193 елге дейін өсті [Global Soft Power Index, 2024:96-97]. Осы дерекке сүйене отырып, Түркия мен Қазақстанның интеграциясы халықаралық деңгейдегі сапасы мен тиімділігі көбінесе Түркия үкіметі жүргізетін мәдени дипломатия саясатына тәуелді екені аңғарылады. 1992 жылы Түркістанда Қазақстан мен Түркия арасындағы келісім нәтижесінде түркітілдес мемлекеттерден жоғары білікті кадрларды даярлау үшін Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті құрылды. Университеттің білім беру қызметі әлемнің 17-ден астам елінен келген жастардың білім алуы үшін, әсіресе жаһандану жағдайында маңызды идеологиялық, мәдени және рухани маңызға ие. Университет басшылығын Түркия мен Қазақстанның уәкілетті мемлекеттік органдары бірлесіп тағайындайды. Бүгінгі таңда университетте 10 мыңнан астам студент қазақ, түрік және басқа тілдерді меңгеруде. Сонымен қатар, университетте жастар студенттік ұйымдары жұмыс жасайды. Осылайша, Түрік әлемі жастар клубы аясында түркі тілдерін қоса алғанда, әртүрлі ұлт өкілдерімен өз елдерінің мерекелері мен дәстүрлерін сақтау және басқа ұлт өкілдерін түркі мәдениетімен таныстыру үшін түрлі мәдени іс-шаралар ұйымдастырылады. Атап айтқанда, түркі дүниесінен келген студенттер қазақ тілін үйренуге сонымен бірге Қазақстан Республикасынан стипендия алу мүмкіндігіне ие болады. Университетте Түркітану ғылыми-зерттеу институты бар. Институттың қызметі түркі халықтарының жалпы мәдениетін, тілін, тарихын және әдебиетін салыстырмалы зерттеуге бағытталған. Сондай-ақ, дінді, фольклорды, ортағасырлық түркі жазбаларын және археологиялық деректерді жүйелі түрде зерттеу жұмыстары жүргізілуде. Қазақстандағы түрік тілін зерттеу, Түркиядағы қазақ тілін зерттеумен қатар, екі мемлекеттің ынтымақтастығын мен жүйелі интеграцияны нығайтудың маңызды аспектілері болып табылады. 2007 жылы құрылған Юнус Эмре институты шетелде түрік тілін, тарихын, мәдениетін және өнерін зерттеу саласында мәдени дипломатиямен айналысады. 2010 жылдың наурыз айында Астанада Юнус Эмре мәдени орталығының ашылуы өтті, оның мақсаты Түркия туралы түсінікті объективті және жан-жақты қалыптастыру, сондай-ақ түріктерді Қазақстан халқының мәдениетімен, дәстүрлерімен және тілімен таныстыру болды [Казахстан – великая страна, 2011]. Студенттер, суретшілер, жоғары лауазымды мемлекеттік қызметкерлер, баспасөз өкілдері түрік тілін үйренуге үлкен қызығушылық танытуда.

Пандемия кезінде түрік тілін үйренгісі келетін көптеген азаматтар Астанадағы Юнус Эмре институтының филиалына баруға мүмкіндігі болмағанымен, тәжірибелі оқытушылардың ұйымдастыруымен онлайн курстар ұйымдастырылды. Курстарға Қазақстанның әр аймақтарынан 8 мыңнан астам адам қатысты. Сонымен қатар, оффлайн режимінде өткізілген барлық курстар цифрлық жүйеге көшіріліп, мәдени орталықтары жоқ аймақтарда тұратын азаматтар үшін түрік тілі мен мәдениетін үйренуге арналған онлайн платформа іске қосылды. Юнус Эмре институтынан басқа, Түрік ынтымақтастық және үйлестіру агенттігі Қазақстанда түрік тілін насихаттау бағытында көптеген жұмыстар атқарды. Соның бірі ретінде, 2023 жылы Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінде түрік тілі кабинеті ашылды [TIKA, 2023]. Ұйым үйлестірушісі Қазақстандағы түрік тілі сабақтары Түркия мен Қазақстан студенттерін өзара түсінік пен академиялық жақындасуды нығайтуға бағытталғанын мәлімдеді. Дегенмен, Қазақстанда Түркияны танытумен қатар, интеграцияның маңызды элементі - Түркиядағы қазақ халқының мәдениетін, дәстүрлері мен әдет-ғұрыптарын насихаттау жүйелі түрде ұйымдастырылды. Қазақстанның ғылыми-қолданбалы мәдениет және білім беру орталығы Түркияның Нигде қаласындағы Нигде Өмер Халисдемир университетінде қызмет атқарады. Бұл орталықтың мақсаттары - мемлекетаралық қатынастарды тарихи тұрғыдан объективті түрде зерттеу, қазақ мәдениетін зерттеу, қазіргі түрік диалектілері мен

әдебиеті кафедрасында білім беруді дамытуды қолдау және ынталандыру, сондай-ақ түріктер мен қазақтар арасындағы әлеуметтік байланыстарды жақсарту.

Орталықтың мақсаттарын жүзеге асыру аясында Қазақстан мәселелеріне арналған ұлттық және халықаралық ғылыми кездесулер ұйымдастыру, сондай-ақ Қазақстан мен Түркия арасындағы ғылыми және академиялық ынтымақтастықты дамыту көзделген. Оның қызмет бағыттары магистранттар, докторанттар, постдокторанттар мен оқытушылардың екі ел арасындағы академиялық ұтқырлығына қолдау көрсетуді, қазақтар конференциялар, семинарлар, конгрестер мен симпозиумдар ұйымдастыруды қамтиды [Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesi, 2020]. Түркі мемлекеттерінің интеграциясын нығайтудың тағы бір аспектісі - түркі халықтарының әліпбиін үйлестіру. Осылайша, Түрік әлемінің ортақ әліпбиі комиссиясының отырысы барысында делегаттар стандартты әліпбиге көшу туралы ортақ шешім бауырлас елдер арасындағы ынтымақтастықтың маңызды саласы екенін атап өтті Комиссия мүшелері сондай-ақ стандартты түркі әліпбиіне қазақ тіліндегі Ұ (Ū) және І (Ï) әріптерін қосуды ұсынды. 2023 жылы өткен Түркі мемлекеттері ұйымының 10-шы саммитінде Қазақстан Республикасының Президенті Қасым-Жомарт Тоқаев Қазақстан, Түркия және басқа да түркі мемлекеттері ортақ құндылықтарға адал екенін және түркі халықтарының серіктестігін нығайтуда ата-бабаларының өсиетін орындайтынын атап өтті. Түркі халықтарын біріктіретін халықаралық құрылымдардың бірі – Түркі мемлекеттері ұйымы (ТМҰ). Ұйым 2009 жылы Нахчыван келісімінің негізінде Түркітілдес мемлекеттердің ынтымақтастық кеңесі (Түркі кеңесі) ретінде құрылды. Нахчыван келісімінде мүше мемлекеттер арасындағы өзара сенімді нығайту, сыртқы саясат мәселелері бойынша ортақ ұстанымдарды қалыптастыру, ортақ мүдделерге қатысты салаларда өңірлік және екіжақты ынтымақтастықты дамыту, сауда мен инвестиция үшін қолайлы жағдайлар жасау, сондай-ақ ғылым, технология, білім және мәдениет салаларындағы өзара іс-қимылды кеңейту ұйымның негізгі мақсаттары ретінде белгіленді [Nakhchivan Agreement, 2009:7-8].

«Түркі әлемінің келешегі – 2040» құжатында қазіргі жаһандық өзгерістер жағдайында дайындық, орнықтылық, бейімделу және трансформация саяси, экономикалық және мәдени салалардағы маңызды ұстанымдар ретінде айқындалған. Құжатта түркі ынтымақтастығының мүше мемлекеттер үшін стратегиялық және саяси тұрғыдан қосымша құндылық қалыптастыратыны, ал ынтымақтастықты одан әрі институционалдандыру мемлекеттердің жеке және бірлескен іс-қимылдарын күшейтуге бағытталатыны атап көрсетілген [Түркі әлемінің келешегі - 2040, 2022:1–2]. Саяси тұрғыдан алғанда, ынтымақтастыққа мүше мемлекеттер аймақтық және жаһандық мәселелерді шешуге көмектеседі. Стратегиялық тұрғыдан қарағанда, бірлескен жобаларды жүзеге асыру және мүше мемлекеттер азаматтарының өзара жақындасуы үшін жаңа мүмкіндіктер ашылады. Түркі мемлекеттерінің үкіметтері ұзақ мерзімді стратегиялық тиімділікке қол жеткізу мақсатында біршама бағыттарды айқындады. Олардың қатарында қолданыстағы транзиттік және көлік дәліздерін біріктіру, аймақішілік байланысты жақсарту, жаһандық экономика арқылы тиімді интеграцияны қамтамасыз ету, интеграцияланған электр жүйесін құру, түркі диаспораларының әлеуметтік, мәдени, саяси және экономикалық өміріне белсенді араласу, мүше мемлекеттер арасындағы нарықтарды біріктіру, интеграцияланған түркі энергетикалық нарығын құру міндеттері қамтылған «Түркі әлемінің келешегі–2040» бағдарламалық құжаты түркі халықтарының саяси, мәдени, экономикалық және әлеуметтік өміріндегі тұрақты даму және өзара интеграция үшін маңызды.

Түркі мемлекеттері ұйымы аясындағы ынтымақтастықты қамтитын салалар саяси, экономикалық, кеден, көлік, туризм, ақпарат, жастар мәселесі, энергетика, гуманитарлық, ғарыштық серіктестіктер болып табылады. Мысалы, 2023 жылы түркі жастарының ғарыш ғылымы саласындағы білімін арттыру үшін Түркі ғарыш зерттеушілер академиясының бағдарламасы ұйымдастырылды. Ұйымға мүше мемлекеттерден келген 80-нен астам студент астрофизика, бақылау астрономиясы және зымыран-ғарыш ғылымдары бойынша білім алды. Саяси ынтымақтастық аясында жас дипломаттарды оқыту бағдарламалары да қарастырылған. Оқытудың маңызды кезеңдері - ұйымға мүше мемлекеттердің тілдерімен бастапқы деңгейде танысуға бағытталған тілдік курстарды ұйымдастыру, олардың ортақ лингвистикалық белгілерін көрсету және түркі халықтарының тарихына арналған оқу сабақтарын жүргізуді ұйымдастыру. 2023 жылы Астанада түркі әлеміндегі экономикалық ынтымақтастық пен интеграция саласындағы экономикалық саясатты зерттеудің ресми орталықтарының кездесуі өтті. Бұл кездесу барысында түркі мемлекеттері арасындағы стратегиялық серіктестікті нығайтудың перспективалық бағыттары белгіленді. Түркі мемлекеттері ұйымының мүшелері түркі халықтары арасындағы ынтымақтастық үдерісі ең жоғары деңгейде екенін және мүше мемлекеттер бірлесіп жұмыс істеуді жалғастырып, түркітілдес елдердің экономикалық

интеграциясын одан әрі нығайту және серіктестікті арттыру үшін ақпараттық және академиялық қолдау көрсетуі қажет екенін атап өтті. Түркі халықтарының ғылым мен білім беру саласындағы интеграциясын ілгерілету мақсатында Астанада Түркі мемлекеттері ұйымының бастамасымен құрылған халықаралық зерттеу институты – Түркі Академиясы жұмыс жасайды. Ең алдымен, академия түркі әлемінің тарих, археология, әдебиет, лингвистика, өнер және әлеуметтік-экономикалық мәселелер сияқты түрлі нәтижелерге қол жеткізуді қамтамасыз етеді. Мұның бәрі жоғары сапалы және тиімді ынтымақтастыққа, түркі мәдениеттермен өзара танысуға және ғылыми алмасуға ықпал етеді. Академия аясында орта білім беруді дамытуға да көңіл бөлінеді. Осылайша, мүше елдердің – Түркия, Қазақстан, Қырғызстан және Әзірбайжанның орта мектептеріне арналған түркі әлемінің ортақ тарихы, географиясы және әдебиеті туралы кітаптар жарық көрді [Turkic Academy, 2023]. Бұл жоба түркі халықтарының ұқсастығы туралы түсінік қалыптастыруға, тілдік және мәдени мұраны нығайтуға, түркі әлемінде ортақ сәйкестік пен өзара құрмет сезімін дамытуға бағытталған. Түркі халықтары мәдениетінің дамуы 1993 жылы Түркия Республикасы, Қазақстан Республикасы, бірқатар Орталық Азия мемлекеттері және Әзірбайжан министрліктері арасындағы келісімдер нәтижесінде құрылған халықаралық ұйым ТҮРКСОЙ қызметімен тығыз байланысты. 2025 жылы Ақтау қаласы түркі әлемінің мәдени астанасы мәртебесіне ие болды. Ұйымның Бас хатшысы мұндай таңдау кездейсоқ емес екенін атап өтті, себебі Ақтау түркі халықтарының ортақ мәдени мұрасын құрайтын көптеген мәдени және тарихи ескерткіштердің мекені екені белгілі. 2025 жылға жоспарланған іс-шаралар аясында әлемдік қауымдастықты түркі халықтарының мұрасымен таныстыратын және Қазақстан, Түркия және Орталық Азия аймағының басқа да мемлекеттерінің интеграциясын нығайтатын классикалық және халық музыкасы концерттерін, фотосуреттер мен картиналар көрмелерін, театр және музыка фестивальдері өткізілді. Опера және балет саласындағы мәдени интеграция үнемі жүзеге асырылады. Осылайша, 2024 жылы Түркия Республикасы Мәдениет және туризм министрлігіне қарасты Мемлекеттік опера және балет театрының бас директоры Тан Сағтүрік пен Абай атындағы Қазақ мемлекеттік академиялық опера және балет театрының директоры Айнұр Көпбасарова халықтық қойылымдар мен балеттерді дамыту, бірлесіп орындау мәселелерін талқылады [TURKSOY, 2024].

Делегаттар сондай-ақ түркі халықтарының интеграциясын жалғастыру мақсатында түркі халықтарының опера және балет театрлары одағын құрудың маңыздылығын атап өтті. ТҮРКСОЙ-ға мүше мемлекеттер арасында көркем көрмелер, деректі фильмдер көрсетілімдері ұйымдастырылып, түркі халықтарының өмірі мен әдеби жетістіктерімен таныстыруға бағытталған мәдени іс-шаралар өткізіледі. Осылайша, Анкарада Қазақстан мен Түркиядан келген әдеби өнердің көптеген майталмандарының қатысуымен қазақ ақыны Светқали Нұржанның кітабының тұсаукесері өтті. Түркиядағы Қазақстан Елшілігінің өкілі Нышанкүл Каратаева соңғы жылдары Қазақстанда көптеген әдеби шығармалар жарық көргенін және мұндай басылымдар түркі елдері арасындағы байланысты нығайтуға оң ықпал ететінін атап өтті. Түркия Республикасындағы Қазақстан Республикасы Елшілігінің ақпараты бойынша, Түркия Жазушыларының Еуразиялық одағы мен Қазақстан Жазушылар одағының ынтымақтастығы арқылы Қазақстаннан 100-ден астам ақын мен жазушының шығармалары қазақ тілінен түрік тіліне аударылған [Мәдени және гуманитарлық ынтымақтастық, 2024]. Сонымен қатар, Түркияның білім беру жүйесі қазақстандық талапкерлердің қызығушылығын тудыруда. Ең танымал жоғары оқу орындары Анкарадағы университеттер, Эскишехир, Алааддин Кейкубат университеті және Афьон Кожатепе университеті. Түркия Республикасы бүкіл әлемнен келген халықаралық студенттерге арналған көптеген стипендиялық бағдарламаларды әзірлейді. Солардың бірі - «Türkiye Bursları» халықаралық стипендиялық бағдарламасы. Бағдарлама 2012 жылы құрылған және бастапқы кезеңде шамамен 40 000 адам стипендияға өтініш берген, ал 2023 жылға қарай Түркияның жоғары оқу орындарында оқығысы келетін 160-тан астам елден 100 000-нан астам үміткер тіркелген.

Жалпы алғанда, 2023 жылы Қазақстаннан 262 студент Түркияның ең беделді оқу орындарында оқу мүмкіндігіне ие болды, оның ішінде 131 бакалавр, 90 магистрант және 41 докторантура деңгейінде оқыды. Түркия Республикасының Астанадағы елшісі Мұстафа Капуджу өз сөзінде жастар екі ел арасындағы көпір қызметін атқаратынын және оқу бітіргеннен кейін жастардың өз мемлекетіне қызмет етуі өте маңызды екенін атап өтті. Қазақстан мен Түркия ортақ мәдени, діни, тарихи және басқа да ортақ Жоғарыда келтірілген деректерге сүйене отырып, халықаралық ұйымдар аясында және екіжақты форматта Қазақстан мен Түркия арасында мәдениет пен білім беру салаларында үкіметтер, тиісті министрліктер және басқа да ұлттық институттар деңгейінде өзара ынтымақтастық

қалыптасқанын байқауға болады. Сонымен қатар екіжақты қатынастардың экономикалық құрамдас бөлігі де ерекше маңызға ие. Қазақстанның сыртқы сауда құрылымында Ресей мен Қытай маңызды орын алады. 2024 жылдың қорытындысы бойынша Қазақстан импортының 30,5%-ы Ресейге, 25,3%-ы Қытайға тиесілі болды [Қазақстан Республикасының сыртқы сауда айналымы, 2025]. құндылықтарға ие болғанымен, Қазақстан үкіметі көршілес елдермен саудаға баса назар аударады. Мұның бір себебі - Түркия Азияның оңтүстік-батысында орналасуы. Қазақстан мен Түркия арасын Каспий теңізі және оның жағалауындағы мемлекеттер бөліп тұрғандықтан, екі елдің географиялық алшақтығы өзара байланыстардың қарқындылығына белгілі бір деңгейде ықпал етеді [Trushaj, 2023:47]. Дегенмен, Қазақстан Ресей Федерациясымен және Қытай Халық Республикасымен шекаралас болуы оның сыртқы сауда құрылымына тікелей әсер етеді. Еуропаға тауарларды жеткізу үшін әртараптандырылған бағыттардың болмауы көршілес елдермен өзара сауда айналымының басым болуына және олардың жалпы сыртқы саудадағы үлесінің артуына себеп болады. Соған қарамастан, мемлекет басшылары Қасым-Жомарт Тоқаев пен Режеп Тайып Ердоған көпшілік алдындағы ресми мәлімдемелерінде екіжақты стратегиялық серіктестікті дамыту және мәдени-гуманитарлық, энергетикалық, сауда-экономикалық байланыстарды тереңдету перспективаларына айтарлықтай назар аударып келеді. 2023 жылдың қараша айында Түркі мемлекеттері ұйымы басшыларының саммитінде Қазақстан Президенті соңғы жылдары Түркия мен Қазақстан арасындағы сауда айналымының рекордтық өсімі байқалғанын атап өтті. Қазақстан тарапы бұл көрсеткішті 10 миллиард АҚШ долларына дейін жеткізуді көздеп отыр, себебі Түркия стратегиялық тұрғыдан маңызды және Қазақстанның маңызды сауда серіктесі екендігін көрсетеді. Режеп Тайып Ердоған қазіргі күрделі геосаяси жағдайда ынтымақтастықты нығайту түркі әлемі арасындағы тығыз өзара әрекеттесуді қолдаудың негізі факторы екенін атап өтті. Түркия мен Қазақстан арасындағы интеграциялық үдерістер мемлекеттердің, аймақтың және тұтастай алғанда түркітілдес халықтардың дамуының стратегиялық көрінісін айқындайды. Жұмсақ күш пен этникалық сәйкестік факторлары негізгі салалардағы өзара достық пен нәтижеге бағытталған ынтымақтастықты дамытуда маңызды рөл атқарады.

Талқылау. Зерттеу нәтижелері екі елдің мәдени, экономикалық, саяси және әлеуметтік салалардағы терең әрі жан-жақты интеграциялық үдерістерін жалғастыратын жетекші халықаралық платформаларды анықтады. Жұмсақ күш факторы түркі мемлекеттерінің интеграциясындағы ең маңызды аспектілердің бірі болып қала береді. Бұл Түркия Республикасы жүзеге асырып отырған мәдени дипломатия мен этникалық сәйкестікті нығайту тәжірибесінен көрінеді. Мұндай тәжірибе интеграциялық үдерістерді одан әрі күшейте түседі. Зерттеуші М. Арғалидің пікірінше, сәйкестік факторы мемлекеттің халықаралық жүйедегі орны мен сыртқы саяси бағытын айқындайтын негізгі факторлар ретінде қарастырылады. 2000 жылдардың басында Түркия Республикасы жұмсақ күш әдістерін қолдануға және сыртқы саясатта мәдени дипломатия аспектілерін кеңінен қолдануға кірісті [Argali, 2023:812]. Brand Finance консалтингтік фирмасының «Global Soft Power Index 2024» рейтингісіне сәйкес, Түркия Республикасы соңғы бес жылда әлемдегі ең ықпалды 30 елдің қатарынан көрініп келеді. Атап айтқанда, 2020 жылы рейтингке 60 ел ғана енген болса, ал 2024 жылға қарай рейтингке енгізілген елдер саны 193-ке дейін өсті. Бәсекелестіктің күшеюіне қарамастан, Түркия өз орнын сақтап қана қоймай, тіпті оны одан әрі жақсартып, әлемдік аренада жұмсақ күшінің нығая бастағанын көрсетті. Осы мәселеге байланысты зерттеуші Н. Аназ 2013 жылдан кейін Түркияның халықаралық аудиторияны тарту мүмкіндігі төмендегенін және демократиялық бостандықтардың нашарлауына байланысты айтарлықтай төмендеп қалғанын атап өтеді [Anaz, 2022:194]. Дегенмен, бұл тұжырым батыстық, терең демократиялық қоғамдарға көбірек қатысты. Қазақстан мен Түркия арасындағы интеграциялық үдерістер жағдайында зерттеу ұзақ мерзімді және стратегиялық тұрғыдан тиімді қарым-қатынастарды құрудағы ілгерілеушілікті, соның ішінде кешенді стратегиялық құжаттарға қол қою және халықаралық ұйымдар шеңберінде мемлекетаралық қатынастарды дамыту арқылы жүзеге асыруда. 2007 жылы негізі қаланған Юнус Эмре институты Түркия мен Қазақстанды тілдік салада біріктірумен айналысып, Қазақстанда 2010 жылы ашылып қызмет ете бастады. Институттың негізгі міндеті – түркітілдес халықтар арасындағы мәдени байланыстарды нығайту. Қазақстанда түрік тілі мен мәдениеті туралы білімді кеңейтіп, қазақ және түрік халықтары арасындағы достық және бауырластық қарым-қатынастарды нығайта түсті. Түрік әлемін танымал етумен қатар, Юнус Эмре институты Қазақстан халқының мәдениеті, дәстүрлері және тілі туралы объективті және кешенді түсінік қалыптастыруды мақсат етеді. Балқан аймағындағы Түркияның жұмсақ күш саясатын талдай отырып, зерттеуші А. Күсмүш Юнус Эмре институты мәдени ықпал

құралдарын жүзеге асыруда және мәдени бағдарланған сыртқы саясат стратегиясын жүзеге асырудың ең маңызды сегменттерінің бірі екенін атап көрсетеді [Avdić-Küsmüş, 2022: 189-190]. Автордың тұжырымдары зерттеуде айқындалған мәдени және білім беру орталықтарының болуы мен қызметі мемлекеттер арасындағы тиімді интеграцияға сапалық әсер етеді деген идеяны растайды. Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті түркі әлеміндегі білім және ғылым саласындағы ынтымақтастықтың маңызды институттарының бірі болып табылады. Университет 1991 жылы Түркістан мемлекеттік университеті ретінде құрылып, 1992 жылғы 31 қазанда Қазақстан Республикасы мен Түркия Республикасы үкіметтері арасындағы келісім негізінде Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті болып қайта құрылды. Университеттің негізгі міндеттерінің бірі – түркітілдес мемлекеттер мен қауымдастықтардың жастарына сапалы білім беру және түркі әлемі үшін жоғары білікті мамандар даярлау. Сонымен қатар университет әртүрлі түркі елдерінен келген жастарды ортақ білім беру кеңістігіне біріктіріп, мәдениетаралық диалог пен ғылыми-білім беру байланыстарын дамытуға ықпал етеді [Akhmet Yassawi University, 2024:20].

Авторлардың тұжырымдары білім беру жүйесіндегі интеграциялық үдерістердің қосымша аспектілеріне назар аудара отырып, мемлекеттер арасындағы сауда-экономикалық қатынастарды нығайту үшін білім беру жүйесін дамытудың маңыздылығы алға тартады. Түркиядағы Нигде Омер Халисдемир университеті және оның құрылымдық бөлімшесі Қазақстанның ғылыми-қолданбалы мәдениет және білім беру орталығы тіл, мәдениет, дін және тарих салаларындағы зерттеулер арқылы Түркия мен Қазақстан арасындағы интеграциялық үдерістерді ілгерілететін маңызды ресурс ретінде қарастырылады. Х. Бишкин жүргізген зерттеуде түрік университетіндегі қазақстандық білім беру орталығының жетістіктері атап көрсетілген [Bişkin, 2023: 164]. Бұл жағдай түрік халқына Қазақстанның тіл саясаты, рәсімдері мен мерекелері, сәулеті және табиғи ресурстарымен жақынырақ танысуға көмектеседі. Түркі мемлекеттері интеграциясының перспективалы саласы - латын графикасына негізделген түркі елдерінің бірыңғай әліпбиіне көшуі. Осыған байланысты соңғы жылдары түркі халықтары арасындағы өзара түсіністікті жақсарту және тілдік бірлікті арттыру мақсатында халықаралық түркі ұйымдары аясында тіл білімі саласында пікірталастар мен ғылыми зерттеулер жүргізілуде. Ж. Ипек пен М. Гюлер түркі халықтарының кириллица әліпбиіне көшуі Кеңес үкіметінің Орталық Азия аймағының Батыс елдерімен мәдени өзара әрекеттесуін шектеу ниетімен байланысты болғанын атап өтеді. Тарихи тұрғыдан алғанда, стандартты латын әліпбиін жасау Қазақстан мен Түркияның одан әрі интеграциялануына ықпал етеді [İpek, Güler, 2023:129-130]. «Түркі әлемінің көзқарасы – 2040» стратегиялық құжаты түркі мемлекеттері арасындағы алдағы екі онжылдықтағы ынтымақтастықтың негізгі бағыттарын анықтайды. Стратегияның негізгі аспектілеріне әртүрлі жаһандық қиындықтарға бейімделу және трансформация енеді. Құжатта түркі елдері арасындағы бірыңғай транзиттік және көлік дәліздерін, электрмен жабдықтау жүйелерін, коммуникацияларды және энергетиканы дамытудың рөлі атап өтілген. Болашақта құжаттың ережелерін іске асыру түркі бірегейлігін өңірдің бай мәдени мұрасының маңызды құрамдас бөлігі ретінде терең тануға және тиімдірек насихаттауға мүмкіндік туғызады. Сондай-ақ бұл үдеріс мүше мемлекеттер мен олардың халқын өзара жақындастыруға, бірлескен туристік жобаларды жүзеге асыруға, мәдени, білім беру және жастар саясатын үйлестіруге мүмкіндік береді. Зерттеуші В.Бакидің тұжырымында мұндай құжаттың қабылдануының өзі маңызды жетістік болып табылады, өйткені түркі мемлекеттер арасындағы ынтымақтастықты аймақтық және жаһандық басқару жүйесінде тұрақты үдеріс етуге мүмкіндік береді деген қорытындыға келеді [Baki, 2022: 29-30]. Бұл мәлімдеме «Түркі әлемінің көзқарасы – 2040» құжаты қабылданғаннан бері жүргізілген зерттеу нәтижелерін растай отырып, Түркі мемлекеттері ұйымының ұзақ мерзімді стратегиялық бағдарламаларында стратегиялық серіктестікті дамытудағы мүддесін көрсетеді. Түркия Республикасы соңғы онжылдықта стипендиялық бағдарламаларды белсенді түрде дамытып, бүкіл әлемнен жастарды Түркияның жоғары оқу орындарында білім алуға тартып келеді. Мұндай үкіметтік бастама мәдени және білім беру саласындағы ынтымақтастықты, соның ішінде Қазақстанмен ынтымақтастықты нығайтуға бағытталған. Мұндай бағдарламалар өзара тиімді сипатқа ие, өйткені олар мемлекеттің білім беру саласындағы беделін артырып, сонымен қатар жоғары білікті кадрлардың Қазақстанға қайтып келуін қамтамасыз етеді. Б.Арас пен М. Зулкарнянның пайымдауынша Түркия Республикасының стипендиялық бағдарламалары жұмсақ күш құралы ретінде оның мәдениеті мен білімін халықаралық деңгейде насихаттап, белгілі бір жетістіктерге жетуге себебін тигізеді [Aras, Zulkarnian, 2019:428]. Дегенмен, Түркиядағы жоғары білімді интернационалдандыру үдерісінде бірқатар қайшылықтар да байқалады. Б. Булут-Шахин мен

Я. Кондакчи Түркияның төрт жетекші университетіндегі басшылардың, академиялық және әкімшілік қызметкерлердің көзқарастарын зерттей отырып, жоғары білімді интернационалдандыруды түсіну мен оны іс жүзінде жүзеге асыруда академиялық, экономикалық, саяси және әлеуметтік-мәдени сипаттағы әртүрлі ұстанымдар мен қайшылықтардың бар екенін анықтайды [Bulut-Sahin, Kondakci, 2023: 837].

Қазақстан, Түркия және басқа да түркітілдес елдердің интеграциясы ТҮРКСОЙ мен Түркі мемлекеттері ұйымы қызметінің басым бағыттарының бірі болып қала береді [Organization of Turkic States, 2024]. Ұйымға мүше мемлекеттер өз қызметі аясында экономикалық, саяси және мәдени салалардағы ынтымақтастықты нығайтып, аймақтағы мәселелерді өзара талқылауға арналған платформалар әзірлеудің нәтижесінде, түркі халықтары арасында өзара түсіністікті қалыптастырады. Сонымен қатар, ұйымдар түркі тілдері мен тарихын насихаттауға және зерттеуге ерекше көңіл бөледі. Опера, балет және кескіндеме саласындағы ынтымақтастықты үйлестіру мақсатында үнемі жоғары деңгейдегі кездесулер өткізіліп тұрады. Жастар үшін ғарыш ғылымдарын зерттеу және дипломатиялық іс-шараларды жүргізу бойынша оқыту курстары ұйымдастырылады. Е. Акыллы зерттеуші Карл Дойчтың коммуникация теориясын зерттей отырып, ТҮРКСОЙ мен Түркі мемлекеттері ұйымы жүзеге асырып отырған мәдени дипломатия саласындағы қызметі сауда, туризм, мәдениет және білім беру салаларынағы алмасулар арқылы қоғамда ортақ қауымдастық қалыптастырып, түркі елдері арасындағы мәселелердің бейбіт жолмен үйлестірілген әрекеттер аясында шешілетінін атап өтеді [Akıllı, 2019:3-4]. Е. Казельдің пікірінше, Түркі мемлекеттері ұйымындағы ең тиімді интеграция Түркия мен Әзірбайжан арасында жүріп жатыр, ал басқа мүше мемлекеттер арасында мұндай берік интеграциялық байланыстар әлі қалыптаса қоймаған. Авторлардың қорытындылары географиялық орналасуы қолайлы мемлекеттер арасында интеграциялық үдерістердің жоғары деңгейде жүзеге асатынын көрсетеді. Дегенмен, бұл Түркияның басқа мемлекеттермен интеграциясының тиімділігін төмендетпейді, тек оның салыстырмалы түрде төмендеу деңгейінен көрініс табады [Kazel, 2023:1668]. Қазақстан Республикасы мен Түркия Республикасы арасындағы өзара сауда көлемі жыл санап артып келеді. Дегенмен, Қазақстанның негізгі экспорттық және импорттық серіктестерімен салыстырғанда, бұл көрсеткіш 2021-2023 жылдары және 2024 жылдың басында төмен деңгейде қалып отырған Ұлттық статистика бюросының статистикалық деректері дәлелдейді. Қазақстанмен этникалық және мәдени тұрғыдан тығыз байланысты Түркия мемлекеті Қазақстанның сыртқы сауда айналымында салыстырмалы түрде төмен үлеске ие. А.Ф. Четинкая мен Н. Демирель де осындай қорытынды жасап, Қазақстанның басқа түркі мемлекеттерімен сауда көрсеткіштерінің экспорттың 5,3%-ын және импорттың 2,8%-ын құрайтынын атап өтеді. Жоғарыда қарастырылған ғылыми зерттеулерді талдау Түркия мен Қазақстан арасындағы интеграциялық үдерістердің қосымша аспектілерін ашып көрсетіп, түркітілдес елдер арасындағы тығыз байланысты нығайту үшін стратегиялық ынтымақтастықтың маңыздылығын атап өтеді [Çetinkaya, Demirel, 2024:6].

Қорытынды. Зерттеуде Қазақстан тәуелсіздік алған кезеңнен бері Қазақстан мен Түркия арасындағы тығыз және көп қырлы ынтымақтастыққа ықпал еткен бірнеше негізгі интеграциялық механизмдер мен институттар қарастырылды. Бұл құрылымдар екі ел арасындағы мәдени, әлеуметтік және экономикалық салалардағы интеграцияны ілгерілетуде маңызды рөл атқарды. Мұндай ынтымақтастық ортақ тарих, мәдениет, тіл және түркітілдес елдердің ортақ мүдделеріне сай салаларды дамытуға деген ұмтылысына негізделгенін байқауға болады. Түркия Республикасы үкіметінің жұмсақ күш саясатын тиімді дамытуға мүдделі екені байқалады. Осы мақсатта мемлекеттердің жұмсақ күшін бағалайтын Brand Finance консалтингтік компаниясының көрсеткіштері пайдаланылды. Талдау Түркия Республикасы соңғы бес жылда әлемдегі ең ықпалды отыз мемлекеттің қатарында болғанын көрсетті. Қазақстанның халықаралық аренадағы мемлекеттің имиджін қалыптастыруда басқару мен институционалдық шешімдердің дамып келе жатқаны анықталды. Юнус Эмре институтының Астана филиалы мен Түркия ынтымақтастық және үйлестіру агенттігінің Қазақстанда түрік мәдениеті мен тілін насихаттауы зерттелді. Пандемиядан кейін Юнус Эмре институтының оқу үдерісі қашықтықтан ұйымдастырылды. Соған қарамастан, институт Қазақстанда түрік тілін үйренуге қызығушылық танытқан азаматтарға сапалы білім беріп келеді. Түркия ынтымақтастық және үйлестіру агенттігі қазақстандық университеттерде түрік тілі курстарын ұйымдастырумен айналысады, соның бірі ретінде 2023 жылдан бері Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетін атауға болады. Түркияның стипендиялық бағдарламалары да қазақстандық студенттер арасында танымал. Түркия мен Қазақстанның интеграциясы түркітілдес елдерді

біріктіретін халықаралық ТҮРКСОЙ ұйымының қызметімен байланысты екені анықталды. Ұйымға мүше мемлекеттер 2025 жылға қарай Ақтау қаласын түркі әлемінің мәдени астанасына ретінде жариялап, осы шешім аясында әлемдік қауымдастықты, соның ішінде Түркия Республикасының өкілдерін көркемсурет көрмелері, театр фестивальдері, халық музыкасы концерттері, деректі фильмдер, әдеби жетістіктер арқылы түркі және қазақ мәдени мұрасымен таныстыруды жоспарлады.

Түркі мемлекеттері ұйымы аясында түркі мемлекеттерінің алдағы екі онжылдыққа арналған перспективалы серіктестігін нығайтатын стратегиялық «Түркі әлемінің көзқарасы – 2040» құжаты қабылданды. Аталған құжаттың мақсаттары мен міндеттері аймақтық тұрақтылықты сақтауға және ұйымға мүше мемлекеттер арасындағы интеграциялық үдерістерді нығайтуға бағытталған. Атап айтқанда түркі елдері арасындағы мәдени және білім беру алмасуларын жалғастыруды ұдайы арттыру, энергетика, электр және байланыс ресурстарын біріктіруді мақсат етеді. Сонымен қатар, Түркі мемлекеттері ұйымының басқарушы органдары түркі мемлекеттері жастарының түркі тарихы, мәдениеті және тілдерінің ұқсастықтары мен айырмашылықтары туралы білімдерін нығайту үшін тренингтер, семинарлар және практикалық сабақтар ұйымдастырады. Түркия мен Қазақстан арасындағы интеграциялауға қатысты болашақ зерттеулер «Түркі әлемінің көзқарасы – 2040» бағдарламасынан кейін қол жеткізілген нәтижелерді, сондай-ақ стандартталған түркі әліпбиін енгізу мен үйлестірудің салдарын тереңірек талдауларды талап етеді. Сонымен қатар, мәдени, тілдік және тарихи байланыстары ортақ өзге этникалық топтар мен ұлттар арасындағы интеграциялық үдерістерді салыстырмалы талдау маңызды. Жүргізілген зерттеу нәтижелері «Түркі әлемінің көзқарасы – 2040» стратегиялық құжатының жақында қабылдануына байланысты оның практикалық нәтижелерін толық бағалау әзірше мүмкін еместігін көрсетеді. Бүгінгі таңда түркі тілдес мемлекеттердің үкіметтері мен тиісті министрліктері арасында стандарталған түркі әліпбиін енгізу мәселесіне қатысты пікірталастар жалғасуда.

Әдебиеттер

Авджу, 2023 – *Авджу С.А.* Қазақстан мен Түркия арасындағы өзара ынтымақтастық // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Саяси ғылымдар. Аймақтану. Шығыстану. Түркітану сериясы. 2023. №1 (142). 136–143 б.

Атыгаев, 2006 – *Атыгаев Н.А.* Время образования Казахского ханства: некоторые аспекты проблемы в историографии и источниках // Отан тарихы (Отечественная история). 2006. №1. С. 96–107.

Akhmet Yassawi University, 2024 – *Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University*. Development Program for 2024–2029. Turkistan, 2024. URL:https://ayu.edu.kz/admin/ckeditor_files/files/Development_Program_2024-2029_english%20version.pdf?utm_source=chatgpt.com

Akbarova, 2024 – *Akbarova N.* Unlocking Soft Power Potential: Kazakhstan's Creative Economy as a Tool to Global Recognition // Modern Diplomacy. 2024. 26 March. URL: https://moderndiplomacy.eu/2024/03/26/unlocking-soft-power-potential-kazakhstans-creative-economy-as-a-tool-to-global-recognition/?utm_source=chatgpt.com

Akıllı, 2019 – *Akıllı E.* TURKSOY, Turkic Council and Cultural Diplomacy: Transactionalism Revisited // Bilig. 2019. №91. P. 1–25.

Altunışık, 2022 – *Altunışık M.B.* The Soft Power of Turkey in International Relations // Panorama. 2022. 11 November. URL: https://www.uikpanorama.com/blog/2022/11/11/ma/

Anaz, 2022 – *Anaz N.* Turkey's Asia Opening: Problems and Prospects // Turkey's Asia Relations. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. P. 185–208. DOI: 10.1007/978-3-030-93515-3_9.

Aras, Mohammed, 2019 – *Aras B., Mohammed Z.* The Turkish Government Scholarship Program as a Soft Power Tool // Turkish Studies. 2019. Vol. 20. No. 3. P. 421–441. DOI: 10.1080/14683849.2018.1502042.

Argalı, 2023 – *Argalı M.* The Place and Importance of Kyrgyzstan in Turkish Foreign Policy from a Constructivist Perspective // MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2023. Vol. 12. No. 2. P. 797–817. DOI: 10.33206/mjss.1255440.

Avdić-Küsmüş, 2022 – *Avdić-Küsmüş A.* Turkey's Cultural Diplomacy in the Western Balkans: Actors, Strategies, and Local Perceptions // Turkey's Return to the Western Balkans: Policies of Continuity and Transformation. Cham: Springer International Publishing, 2022. P. 179–203. DOI: 10.1007/978-3-031-10074-1_8.

Baki, 2022 – *Musabay Baki P.* Turkic World Vision–2040: A Step Forward for the Resilience of Turkic Cooperation // PERCEPTIONS: Journal of International Affairs. 2022. Vol. 27. No. 1. P. 26–52.

Bişkin, 2023 – *Bişkin H.V.* Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesinin Türkolojiye Katkıları // Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2023. Vol. 5. No. 2. P. 154–173. DOI: 10.56574/nohusosbil.1355609.

Brand Finance, 2023 – *Brand Finance. Kazakhstan:* Strategically Strengthening its Soft Power. 2023. – URL: https://brandfinance.com/insights/interviewwith-roman-vassilenko-kazakhstan-expandingits-soft-power

Bulut-Sahin, Kondakci, 2023 – *Bulut-Sahin B., Kondakci Y.* Conflicting Perspectives on the Internationalization of Higher Education: Evidence from the Turkish Case // Journal of Studies in International Education. 2023. Vol. 27. No. 5. P. 834–852.

Çetinkaya, Demirel, 2024 – *Çetinkaya A.F., Demirel N.* Analysing the Impact of the Organisation of Turkic States on the Foreign Trade of Member Countries // Cogent Social Sciences. 2024. Vol. 10. No. 1. Article 2288370. DOI: 10.1080/23311886.2023.2288370.

Global Soft Power Index, 2024 – *Global Soft Power Index 2024*: The World's Most Comprehensive Research Study on Perceptions of Nation Brands. Brand Finance, 2024. URL: https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2024-digital.pdf

Иембекова, 2023 – *Иембекова М.О.* Түркі елдері ынтымақтастығы: даму тенденциясы және қазіргі жағдайы // Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің хабаршысы. Саяси ғылымдар. Аймақтану. Шығыстану. Түркітану сериясы. 2023. №1 (142). 281–292 б.

İpek, Güler, 2023 – *İpek C.D., Güler M.Ç.* The Origins of the Unity Idea in the Turkic World // Bilig. 2023. №105. P. 129–158.

Кабульдинов, 2025 – *Кабульдинов З.Е.* Обострение земельных проблем казахов в условиях массовой крестьянской колонизации в начале XX века // Отан тарихы. 2025. Т. 28. №1. С. 5–17. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_1_5-17.

«Казахстан – великая страна», 2011 – *«Казахстан – великая страна*, где царит взаимоуважение культур, языков и религий, живущих под единым шаныраком» – руководитель Турецкого культурного центра Мехмет Арслан. 2011. – URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstan-velikaya-strana-gde-carit-vzaimouvazhenie-kul-tur-yazykov-i-religiy-zhivuschih-pod-edinym-shanyrakom-rukovoditel-tureckogo-kul-turnogo-centra-mehmet-arslan_a2375963

Қазақстан Республикасының сыртқы сауда айналымы, 2025 – *Қазақстан Республикасының сыртқы сауда айналымы* (2024 жылғы қаңтар–желтоқсан). Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің Ұлттық статистика бюросы. 17.02.2025. URL: https://stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/publications/280982/

Kaygın et al., 2019 – *Kaygın E., Topçuoğlu E., Özkes S.* Türkiye ile Kazakistan Arasındaki Ticari İlişkilere Yönelik Engeller // MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2019. Vol. 8. No. 4. P. 3379–3398. DOI: 10.33206/mjss.479586.

Kazel, 2023 – *Kazel E.* Blocs in Political Geography and the Role of Education in Empowerment of Blocs: The Example of the Organisation of Turkish States // Journal of National Education. 2023. Vol. 52. No. 239. P. 1649–1672.

Kukeeva, 2019 – *Kukeeva F., Chukubayev E., Sultanmuratov N., Alypkyzy R.* Public Diplomacy and Soft Power of Turkey in Kazakhstan // International Relations and International Law Journal. 2019. №2 (86). P. 16–25. DOI: 10.26577/IRILJ.2019.v86.i2.02.

Majer, 1997 – *Majer H.G.* The Functioning of a Multi-Ethnic and Multi-Religious State: The Ottoman Empire // European Review. 1997. Vol. 5. No. 3. P. 257–265.

Мәдени-гуманитарлық ынтымақтастық, 2024 – *Мәдени-гуманитарлық ынтымақтастық.* Қазақстан Республикасының Түркия Республикасындағы Елшілігі. 2024. – URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-ankara/activities/2071?lang=kk

Nakhchivan Agreement, 2009 – *Nakhchivan Agreement* on the Establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States. Nakhchivan, 3 October 2009. URL: https://www.turkicstates.org/en/key-documents-section?utm_source=chatgpt.com

Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesi, 2020 – *Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesi*. Kazak Kültürü ve Eğitimi Uygulama ve Araştırma Merkezi: Merkezin Faaliyet Alanları. 2020. URL: https://www.ohu.edu.tr/kazak/sayfa/merkezin-faaliyet-alanlari?utm_source=chatgpt.com

Organization of Turkic States, 2023 – *Organization of Turkic States.* Declaration of the Tenth Summit of the Organization of Turkic States. Astana, Kazakhstan, 3 November 2023. 18 p. URL: https://turkicstates.org/u/d/basic-documents/tenth-summit-declaration-2023-21-en.pdf

Organization of Turkic States, 2024 – *Organization of Turkic States*. Education Cooperation. 2024. URL: https://www.turkicstates.org/en/areas-of-cooperation-detail/6-education-cooperation

TİKA, 2023 – *Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA)*. TİKA Opened a Turkish Language Class at One of the Biggest Universities in Kazakhstan. 2023. URL: https://tika.gov.tr/en/detailtika_opened_a_turkish_language_class_at_one_of_the_biggest_universities_in_kazakhstan-2/

Trushaj, 2023 – *Trushaj A.* Features of the Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan // Foreign Affairs. 2023. Vol. 33. No. 5. P. 45–51.

Тұралин, 2022 – *Тұралин Е.М.* Қазақстанның Түркиямен мәдени қарым-қатынасының алғашқы кезеңдегі табысты қадамдары (1991–2000 жж.) // Абай атындағы ҚазҰПУ хабаршысы. 2022. №4 (75). 329–340 б.

Тұралин, Ермекбаев, Қалиева, 2023 – *Тұралин Е.М., Ермекбаев Ә.А., Қалиева Ә.А.* Түркі қатынастарын нығайту факторы ретінде Қазақстан мен Түркияның тіл саясаты // Абай атындағы ҚазҰПУ хабаршысы. 2023. №4 (107). 32–40 б.

TURKSOY, 2024 – *International Organization of Turkic Culture (TURKSOY)*. Trilateral Meeting with the Directors of the Turkish State Opera and Ballet Theatre and Abay National Opera and Ballet Theatre in Almaty. 4 April 2024. URL: https://www.turksoy.org/en-US/news/trilateral-meeting-with-the-directors-of-the-turkish-state-opera-and-ballet-theatre-and-abay-national-opera-and-ballet-theatre-in-almaty

Turkic Academy, 2023 – *Turkic Academy*. Textbooks on "Common Turkic History", "Common Turkic Literature", "Geography of the Turkic World". 20 October 2023. URL: https://turkicacademy.org/en/proekt/textbooks-common-turkic-history-common-turkic-literature-geography-turkic-world

«Түркі әлемінің келешегі–2040», 2022 – *«Түркі әлемінің келешегі–2040»* құжаты елдеріміз арасындағы қарым-қатынасты күшейтуге ықпал етеді. 11.11.2022. URL: https://kaz.inform.kz/news/turki-aleminin-keleshegi-2040-kuzhaty-elderimiz-arasyndagy-karym-katynasty-kusheytuge-ykpal-etedi-prezident_a4000480/

Эгамбердиев, Тұрғынбаев, 2022 – *Эгамбердиев М.Ш., Тұрғынбаев І.Е.* Түркияның білім беру жобалары «жұмсақ күш» саясаты құралы ретінде // ҚазҰУ хабаршысы. Тарих сериясы. 2022. №1 (104). 112–118 б.

References

Avju, 2023 – *Avju S.A.* Qazaqstan men Turkiya arasyndaǵy ozara yntymaqtastyq [Mutual Cooperation between Kazakhstan and Turkey]. L.N. Gumilev atyndaǵy Euraziya ulttyq universitetinin habarshysy. Sayasi ǵylymdar. Aimaqtanu. Shyǵystanu. Turkitanu seriyasy. 2023. No. 1 (142). Pp. 136–143. [in Kazakh].

Atygaev, 2006 – *Atygaev N.A.* Vremya obrazovaniya Kazakhskogo khanstva: nekotorye aspekty problemy v istoriografii i istochnikakh [The Time of the Formation of the Kazakh Khanate: Some Aspects of the Problem in Historiography and Sources]. Otan Tarihy (Otechestvennaya istoriya). 2006. No. 1. pp. 96–107. [in Russian].

Akhmet Yassawi University, 2024 – *Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University*. Development Program for 2024–2029. Turkistan, 2024. URL:https://ayu.edu.kz/admin/ckeditor_files/files/Development_Program_2024-2029_english%20version.pdf?utm_source=chatgpt.com

Akbarova, 2024 – *Akbarova N.* Unlocking Soft Power Potential: Kazakhstan's Creative Economy as a Tool to Global Recognition. Modern Diplomacy. 26 March 2024. URL: https://moderndiplomacy.eu/2024/03/26/unlocking-soft-power-potential-kazakhstans-creative-economy-as-a-tool-to-global-recognition/?utm_source=chatgpt.com

Akıllı, 2019 – *Akıllı E.* TURKSOY, Turkic Council and Cultural Diplomacy: Transactionalism Revisited. Bilig. 2019. No. 91. P. 1–25.

Altunışık, 2022 – *Altunışık M.B.* The Soft Power of Turkey in International Relations. Panorama. 11 November 2022. URL: https://www.uikpanorama.com/blog/2022/11/11/ma/

Anaz, 2022 – *Anaz N.* Turkey's Asia Opening: Problems and Prospects. Turkey's Asia Relations. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. Pp. 185–208. DOI: 10.1007/978-3-030-93515-3_9.

Aras, Mohammed, 2019 – *Aras B., Mohammed Z.* The Turkish Government Scholarship Program as a Soft Power Tool. Turkish Studies. 2019. Vol. 20. No. 3. Pp. 421–441. DOI: 10.1080/14683849.2018.1502042.

Argalı, 2023 – *Argalı M.* The Place and Importance of Kyrgyzstan in Turkish Foreign Policy from a Constructivist Perspective. MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2023. Vol. 12. No. 2. Pp. 797–817. DOI: 10.33206/mjss.1255440.

Avdić-Küsmüş, 2022 – *Avdić-Küsmüş A.* Turkey's Cultural Diplomacy in the Western Balkans: Actors, Strategies, and Local Perceptions. Turkey's Return to the Western Balkans: Policies of Continuity and Transformation. Cham: Springer International Publishing, 2022. Pp. 179–203. DOI: 10.1007/978-3-031-10074-1_8.

Baki, 2022 – *Baki P.* Turkic World Vision–2040: A Step Forward for the Resilience of Turkic Cooperation. PERCEPTIONS: Journal of International Affairs. 2022. Vol. 27. No. 1. Pp. 26–52.

Bişkin, 2023 – *Bişkin H.V.* Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesinin Türkolojiye Katkıları [Contributions of Niğde Ömer Halisdemir University to Turkology]. Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi. 2023. Vol. 5. No. 2. Pp. 154–173. DOI: 10.56574/nohusosbil.1355609. [in Turkish].

Brand Finance, 2023 – *Brand Finance.* Kazakhstan: Strategically Strengthening its Soft Power. 2023. URL: https://brandfinance.com/insights/interviewwith-roman-vassilenko-kazakhstan-expandingits-soft-power

Bulut-Sahin, Kondakci, 2023 – *Bulut-Sahin B., Kondakci Y.* Conflicting Perspectives on the Internationalization of Higher Education: Evidence from the Turkish Case. Journal of Studies in International Education. 2023. Vol. 27. No. 5. Pp. 834–852.

Çetinkaya, Demirel, 2024 – *Çetinkaya A.F., Demirel N.* Analysing the Impact of the Organisation of Turkic States on the Foreign Trade of Member Countries. Cogent Social Sciences. 2024. Vol. 10. No. 1. Art. 2288370. DOI: 10.1080/23311886.2023.2288370.

Global Soft Power Index, 2024 – *Global Soft Power Index 2024*: The World's Most Comprehensive Research Study on Perceptions of Nation Brands. Brand Finance, 2024. URL: https://static.brandirectory.com/reports/brand-finance-soft-power-index-2024-digital.pdf

Iembekova, 2023 – *Iembekova M.O.* Turki elderi yntymaqtastyǵy: damu tendentsiyasy zhane qazirgi zhaǵdaiy [Cooperation of Turkic Countries: Development Trends and Current State]. L.N. Gumilev atyndaǵy Euraziya ulttyq universitetinin habarshysy. Sayasi ǵylymdar. Aimaqtanu. Shyǵystanu. Turkitanu seriyasy. 2023. No. 1 (142). Pp. 281–292. [in Kazakh].

İpek, Güler, 2023 – *İpek C.D., Güler M.Ç.* The Origins of the Unity Idea in the Turkic World. Bilig. 2023. No. 105. Pp. 129–158.

Kabuldinov, 2025 – *Kabuldinov Z.E.* Obostrenie zemel'nykh problem kazakhov v usloviyakh massovoi krest'yanskoi kolonizatsii v nachale XX veka [The Aggravation of the Land Problems of the Kazakhs under Conditions of Mass Peasant Colonization in the Early Twentieth Century]. Otan Tarihy. 2025. Vol. 28. No. 1. Pp. 5–17. DOI: 10.51943/2788-9718_2025_28_1_5-17. [in Russian].

Kazakhstan – velikaya strana, 2011 – *Kazakhstan – velikaya strana*, gde tsarit vzaimouvazhenie kul'tur, yazykov i religii, zhivushchikh pod edinym shanyrakom – rukovoditel' Turetskogo kul'turnogo tsentra Mekhmet Arslan [Kazakhstan is a Great Country Where Mutual Respect for Cultures, Languages and Religions Reigns under One Shanyrak – Head of the Turkish Cultural Center Mehmet Arslan. [in Russian]. 2011. URL: https://www.inform.kz/ru/kazahstan-velikaya-strana-gde-carit-vzaimouvazhenie-kul-tur-yazykov-i-religiy-zhivuschih-pod-edinym-shanyrakom-rukovoditel-tureckogo-kul-turnogo-centra-mehmet-arslan_a2375963

Qazaqstan Respublikasynyn syrtqy sauda ainalymy, 2025 – *Qazaqstan Respublikasynyn syrtqy sauda ainalymy* (2024 zhylǵy qantar–zheltoqsan) [Foreign Trade Turnover of the Republic of Kazakhstan (January–December 2024)]. Qazaqstan Respublikasy Strategiyalyq zhosparlau zhane reformalar agenttiginin Ulttyq statistika biurosy. 17 February 2025. URL: Bureau of National Statistics [in Kazakh].

Kaygın et al., 2019 – *Kaygın E., Topçuoğlu E., Özkes S.* Türkiye ile Kazakistan Arasındaki Ticari İlişkilere Yönelik Engeller [Barriers to Trade Relations between Türkiye and Kazakhstan]. MANAS Sosyal Araştırmalar Dergisi. 2019. Vol. 8. No. 4. Pp. 3379–3398. DOI: 10.33206/mjss.479586. [in Turkish].

Kazel, 2023 – *Kazel E.* Blocs in Political Geography and the Role of Education in Empowerment of Blocs: The Example of the Organisation of Turkish States. Journal of National Education. 2023. Vol. 52. No. 239. Pp. 1649–1672.

Kukeeva, 2019 – *Kukeeva F., Chukubayev E., Sultanmuratov N., Alypkyzy R.* Public Diplomacy and Soft Power of Turkey in Kazakhstan. International Relations and International Law Journal. 2019. No. 2 (86). Pp. 16–25. DOI: 10.26577/IRILJ.2019.v86.i2.02.

Majer, 1997 – *Majer H.G.* The Functioning of a Multi-Ethnic and Multi-Religious State: The Ottoman Empire. European Review. 1997. Vol. 5. No. 3. Pp. 257–265.

Madeni-gumanitarlyq yntymaqtastyq, 2024 – *Madeni-gumanitarlyq yntymaqtastyq* [Cultural and Humanitarian Cooperation]. Qazaqstan Respublikasynyn Turkiya Respublikasyndaǵy Elshiligi. 2024. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa-ankara/activities/2071?lang=kk[in Kazakh].

Nakhchivan Agreement, 2009 – *Nakhchivan Agreement* on the Establishment of the Cooperation Council of Turkic Speaking States. Nakhchivan, 3 October 2009. URL: https://www.turkicstates.org/en/key-documents-section?utm_source=chatgpt.com

Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesi, 2020 – *Niğde Ömer Halisdemir Üniversitesi*. Kazak Kültürü ve Eğitimi Uygulama ve Araştırma Merkezi: Merkezin Faaliyet Alanları [Kazakh Culture and Education Application and Research Center: Areas of Activity]. 2020. [in Turkish].
URL:https://www.ohu.edu.tr/kazak/sayfa/merkezin-faaliyet-alanlari?utm_source=chatgpt.com

Organization of Turkic States, 2023 – *Organization of Turkic States*. Declaration of the Tenth Summit of the Organization of Turkic States. Astana, Kazakhstan, 3 November 2023. 18 p. URL: https://turkicstates.org/u/d/basic-documents/tenth-summit-declaration-2023-21-en.pdf

Organization of Turkic States, 2024 – *Organization of Turkic States*. Education Cooperation. 2024. URL: https://www.turkicstates.org/en/areas-of-cooperation-detail/6-education-cooperation

TİKA, 2023 – *Turkish Cooperation and Coordination Agency (TİKA).* TİKA Opened a Turkish Language Class at One of the Biggest Universities in Kazakhstan. 2023. URL: https://tika.gov.tr/en/detailtika_opened_a_turkish_language_class_at_one_of_the_biggest_universities_in_kazakhstan-2/

Trushaj, 2023 – *Trushaj A.* Features of the Foreign Policy of the Republic of Kazakhstan. Foreign Affairs. 2023. Vol. 33. No. 5. Pp. 45–51.

Turalin, 2022 – *Turalin E.M.* Qazaqstannyn Turkiyamen madeni qarym-qatynasynyn alǵashqy kezendeǵi tabysty qadamdar (1991–2000 zhzh.) [Successful Steps in Cultural Relations between Kazakhstan and Turkey at the Initial Stage (1991–2000)]. Abai atyndaǵy QazUPU habarshysy. 2022. No. 4 (75). Pp. 329–340. [in Kazakh].

Turalin, Ermekbaev, Qalieva, 2023 – *Turalin E.M., Ermekbaev A.A., Qalieva A.A.* Turki qatynastaryn nyǵaitu faktory retinde Qazaqstan men Turkiyanyn til sayasaty [Language Policy of Kazakhstan and Turkey as a Factor in Strengthening Turkic Relations]. Abai atyndaǵy QazUPU habarshysy. 2023. No. 4 (107). Pp. 32–40. [in Kazakh].

TURKSOY, 2024 – *International Organization of Turkic Culture (TURKSOY)*. Trilateral Meeting with the Directors of the Turkish State Opera and Ballet Theatre and Abay National Opera and Ballet Theatre in Almaty. 4 April

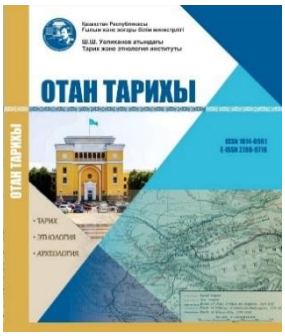
2024. URL: https://www.turksoy.org/en-US/news/trilateral-meeting-with-the-directors-of-the-turkish-state-opera-and-ballet-theatre-and-abay-national-opera-and-ballet-theatre-in-almaty

Turkic Academy, 2023 – *Turkic Academy.* Textbooks on "Common Turkic History", "Common Turkic Literature", "Geography of the Turkic World". 20 October 2023. URL: https://turkicacademy.org/en/proekt/textbooks-common-turkic-history-common-turkic-literature-geography-turkic-world

«Turki aleminin keleshegi–2040», 2022 – *"Turki aleminin keleshegi–2040"* quzhaty elderimiz arasyndaǵy qarym-qatynasty kusheituge yqpal etedi [The "Turkic World Vision–2040" Document Will Contribute to Strengthening Relations between Our Countries]. 11 November 2022. URL: https://kaz.inform.kz/news/turki-aleminin-keleshegi-2040-kuzhaty-elderimiz-arasyndagy-karym-katynasty-kusheytuge-ykpal-etedi-prezident_a4000480/ [in Kazakh].

Egamberdiev, Turgynbaev, 2022 – *Egamberdiev M.Sh., Turgynbaev I.E.* Turkiyanyn bilim beru zhobalary "zhumsaq kush" sayasaty quraly retinde [Turkey's Educational Projects as an Instrument of Soft Power Policy]. QazUU habarshysy. Tarih seriyasy. 2022. No. 1 (104). pp. 112–118. [in Kazakh].

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1405–1417
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР/МРНТИ/IRSTI 03.41.91
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1405-1417

AGRICULTURAL CULTURE OF THE KARAKUYS SETTLEMENT: BASED ON ARCHAEOBOTANICAL MATERIALS OF THE EARLY IRON AGE

Zharylgassynova Bibinur[1], Duisenbay Daniyar[2]

[1]Research Institute of Cultural Heritage of National Museum
(Tauelsizdik Avenue 54, 010000, Astana, Kazakhstan)
junior researcher
https://orcid.org/0009-0007-2963-4612. Email: zharylgassynova.bibi@gmail.com

[2]Research Institute of Cultural Heritage of National Museum
(Tauelsizdik Avenue 54, 010000, Astana, Kazakhstan)
researcher
https://orcid.org/0000-0002-3461-1390. Email: daniar_db88@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Zharylgassynova B., Duisenbay D., 2026

Abstract. *Introduction*. This article considers the results of an archaeobotanical study conducted on plant macroremains found at the early Iron age Karakuys settlement, located in the territory of East Kazakhstan. *Purpose and Objectives.* The main objective of the research is to reconstruct the paleoeconomic structure and agricultural culture of the ancient tribes in the region, based on soft wheat (Triticum aestivum) grains discovered near the ash pits at the archaeological site. *Materials and Methods.* During field and laboratory investigations, the flotation method was applied to soil samples, and taxonomic and morphological analyses were performed on the obtained specimens. *Results.* As a result, alongside soft wheat, the remains of ribwort plantain (Plantago lanceolata) and hemp (Cannabis), which possess medicinal properties, were identified. These archaeobotanical data are directly corroborated by material evidence such as stone hoes, a small stone hammer, and banded and ornamented early Saka pottery rims found at the settlement site. While the discovery of stone hoes proves the tradition of purposeful land cultivation, the stone hammer and pottery artifacts indicate the processes of grain processing and storage. The obtained archaeobotanical data were comprehensively analyzed alongside paleoclimatic changes, medieval written sources, ethnographic data, and the ancient Turkic linguistic base. *Conclusion.* The conclusion of the study proves that the tribes of East Kazakhstan during the early Iron age were not exclusively engaged in nomadic pastoralism but also steadily practiced agriculture, and this tradition continued uninterrupted for centuries. The article makes a new scientific contribution to a comprehensive understanding of the ancient economic system of the region.

Keywords: East Kazakhstan, Karakuys, early iron age, archaeobotany, soft wheat (Triticum aestivum).
Acknowledgments. The research was conducted within the framework of project BR24992916 «Comprehensive historical and archaeological research of the Abay region».
For citation: Zharylgassynova B., Duisenbay D. Agricultural culture of the Karakuys settlement: based on archaeobotanical materials of the early iron age. Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1405–1417. [in English]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1405-1417

ҚАРАҚУЫС ҚОНЫСЫНЫҢ ЕГІНШІЛІК МӘДЕНИЕТІ: ЕРТЕ ТЕМІР ДӘУІРІНІҢ АРХЕОБОТАНИКАЛЫҚ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ

Жарылғасынова Бибинұр[1], Дүйсенбай Данияр[2]

[1] Ұлттық музей, Мәдени мұраны ғылыми-зерттеу институты
(Тәуелсіздік даңғылы 54, 010000, Астана, Қазақстан)
кіші ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0009-0007-2963-4612. Email: zharylgassynova.bibi@gmail.com

[2] Ұлттық музей, Мәдени мұраны ғылыми-зерттеу институты
(Тәуелсіздік даңғылы 54, 010000, Астана, Қазақстан)
ғылыми қызметкер
https://orcid.org/0000-0002-3461-1390 Email: daniar_db88@mail.ru

© Ш.Ш. атындағы ТЭИ, 2026
© Жарылғасынова Б, Дүйсенбай Д., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Бұл мақалада Шығыс Қазақстан аумағында орналасқан ерте темір дәуіріне жататын Қарақуыс қонысынан табылған өсімдік макроқалдықтарына жүргізілген археоботаникалық зерттеу нәтижелері қарастырылады. *Мақсаты мен міндеттері.* Зерттеудің негізгі мақсаты – археологиялық ескерткіштегі күлдіктердің маңынан табылған жұмсақ бидай (Triticum aestivum) дәндері негізінде аймақтағы ежелгі тайпалардың палеоэкономикалық құрылымы мен егіншілік мәдениетін қайта жаңғырту. *Материалдар мен әдістер.* Далалық және зертханалық ізденістер барысында топырақ сынамаларына флотация әдісі қолданылып, алынған үлгілерге таксономиялық және морфологиялық талдаулар жасалды. *Нәтижелері.* Нәтижесінде жұмсақ бидаймен қатар, емдік қасиеті бар қандауыр бақажапырақ (Plantago lanceolata) және кендір (Cannabis) қалдықтары анықталды. Бұл археоботаникалық деректер қоныс орнынан табылған тас кетпендер, ұсақ тас балға, сондай-ақ белдеулі және өрнекті ерте сақ қыш ернеулері сияқты заттай айғақтармен тікелей расталып отыр. Тас кетпендердің табылуы мақсатты түрде жер өңдеу дәстүрін дәлелдесе, тас балға мен қыш бұйымдар астықты өңдеу және сақтау процестерінен хабар береді. Алынған археоботаникалық деректер палеоклиматтық өзгерістермен, ортағасырлық жазба деректермен, этнографиялық мәліметтермен және көне түркі лингвистикалық базасымен кешенді түрде талданды. *Қорытынды.* Зерттеу қорытындысы ерте темір дәуіріндегі Шығыс Қазақстан тайпаларының тек көшпелі мал шаруашылығымен ғана емес, сонымен қатар егіншілікпен де тұрақты айналысқанын және бұл дәстүрдің ғасырлар бойы үзілмей жалғасқанын дәлелдейді. Мақала аймақтың ежелгі шаруашылық жүйесін кешенді түсінуге жаңа ғылыми үлес қосады.

Түйін сөздер: Шығыс Қазақстан, Қарақуыс, ерте темір дәуірі, археоботаника, жұмсақ бидай.
Алғыс білдіру: Зерттеу BR24992916 «Абай облысын кешенді тарихи-археологиялық зерттеу» жобасы шеңберінде жүргізілді.
Дереккөзге сілтеме: Жарылғасынова Б., Дүйсенбай Д. Қарақуыс қонысының егіншілік мәдениеті: ерте темір дәуірінің археоботаникалық материалдары негізінде // *Отан тарихы.* 2026. Т. 29. №3. 1405–1417-бб. [ағылшын тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1405-1417

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПОСЕЛЕНИЯ КАРАКУЫС: НА ОСНОВЕ АРХЕОБОТАНИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Жарылгасынова Бибинур[1], Дуйсенбай Данияр[2]

[1] Национальный музей, Научно-исследовательский институт культурного наследия
(проспект Тауелсиздик 54, 010000, Астана, Казахстан)
младший научный сотрудник
https://orcid.org/0009-0007-2963-4612. Email: zharylgassynova.bibi@gmail.com

[2] Национальный музей, Научно-исследовательский институт культурного наследия
(проспект Тауелсиздик 54, 010000, Астана, Казахстан)
научный сотрудник
https://orcid.org/0000-0002-3461-1390 Email: daniar_db88@mail.ru

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Жарылгасынова Б, Дуйсенбай Д., 2026

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматриваются результаты археоботанических исследований растительных макроостатков, обнаруженных на поселении Каракуыс эпохи раннего железного века, расположенном на территории Восточного Казахстана. *Цели и задачи.* Основная цель исследования – реконструкция палеоэкономической структуры и земледельческой культуры древних племен региона на основе зерен мягкой пшеницы (Triticum aestivum), найденных вблизи зольников археологического памятника. *Материалы и методы.* В ходе полевых и лабораторных изысканий к почвенным пробам был применен метод флотации, после чего полученные образцы подверглись таксономическому и морфологическому анализу. *Результаты.* В результате, наряду с мягкой пшеницей, были выявлены остатки подорожника ланцетного (Plantago lanceolata), обладающего лечебными свойствами, и конопли (Cannabis). Данные археоботанические сведения напрямую подтверждаются такими вещественными доказательствами, найденными на месте поселения, как каменные кетмени, небольшой каменный молот, а также фрагменты венчиков раннесакской керамики с валиками и орнаментом. Находка каменных кетменей доказывает традицию целенаправленного возделывания земли, в то время как каменный молот и керамические изделия свидетельствуют о процессах переработки и хранения зерна. Полученные археоботанические данные были комплексно проанализированы в сочетании с палеоклиматическими изменениями, средневековыми письменными источниками, этнографическими сведениями и древнетюркской лингвистической базой. *Заключение*. Выводы исследования доказывают, что племена Восточного Казахстана в эпоху раннего железного века занимались не только кочевым скотоводством, но и устойчивым земледелием, и эта традиция непрерывно продолжалась на протяжении веков. Статья вносит новый научный вклад в комплексное понимание древней хозяйственной системы региона.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, Каракуыс, ранний железный век, археоботаника, мягкая пшеница.
Благодарность: Исследование проведено в рамках проекта BR24992916 «Комплексное историко-археологическое исследование Абайской области».
Для цитирования: Жарылгасынова Б., Дуйсенбай Д. Земледельческая культура поселения Каракуыс: на основе археоботанических материалов эпохи раннего железа // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1405–1417. [на англ. яз.]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1405-1417

Introduction. In the study of the life support systems and economic characteristics of ancient societies, archaeobotanical data play a crucial role alongside traditional artifacts (pottery, tools). In this regard, the soft wheat grains found near the ash pit at the early Iron age Karakuys settlement represent unique evidence that allows for a new perspective on the economic structure, including the agricultural culture, of the ancient tribes in the region.

Currently, the study of such plant remains found in archaeological excavations is carried out by a multidisciplinary branch of archaeology – archaeobotany (or paleoethnobotany). Depending on the size of the studied remains (with a boundary of 0.1 mm or 100 μm), this discipline divides them into microremains (pollen, spores, phytoliths) and macroremains. Macroremains such as grains, seeds, and fruits, which are the subject of our study, directly indicate how ancient people utilized plants [Lebedeva, 2016].

As the practice of archaeobotanical research shows, relying solely on isolated finds is insufficient to fully reconstruct the ancient economy and agricultural culture. This is because even materials found in very similar settlements can be interpreted differently from a scientific perspective, sometimes even in contradictory ways [Lebedeva, 2009]. Therefore, to approach historical reality as closely as possible, the discovered plant remains must invariably be considered in a comprehensive manner alongside other characteristics of the monument.

In this regard, the main key to the correct interpretation of the obtained results is the archaeological context. It encompasses not only the specific location of the found sample (for example, near a hearth or ash pit) but also the functional status of the monument as a whole.

Based on these methodological foundations, the main objective of this article is to conduct an archaeobotanical analysis of the soft wheat (Triticum aestivum) grains found at the Karakuys settlement. Through this research, it is intended to determine the paleoeconomic structure of the early Iron age tribes, including their agricultural orientation and their place within the regional economic system.

Materials. The Karakuys settlement is located in the territory of the Kokentau rural district, Zhanasemey district, Abai region. It is situated 19.6 km in the north-north-east direction from the village of Kokentau, 1.8 km south of the Unay wintering ground, on the northern slope of the Karakus mountain system (Fig. 1).



Fig. 1. The geographical location of the Karakuys settlement

A steppe road connecting the Unay and Karasay wintering grounds passes 0.2 km from the northeastern side of the settlement. The monument is surrounded by mountains on three sides, with only the northern side open. The site consists of 4 stone structures located on a slight elevation among the mountains. The area covers 8000 square meters.

The chronological period of the monument is the early Iron age and the XIX–XX centuries, the ethnographic period.

The structure from the early Iron age covers the northwestern part of the monument. Its designation is no. 1. The stones of the object are barely visible from beneath the turf layer. Viewed from above, it has an oval-rectangular shape. The stones are scattered. Above the turf layer in the northern part of the object, 8 stone tools were found. The vast majority are hoe-like stone tools.

Object no. 2 is located 5 m south of object no. 1. Object no. 1 is a dwelling site from the early Iron age, while object no. 2 is an additional structure attached to object no. 1. Viewed from above, it is rectangular. Its dimensions are 15x11.30 m. The height is 0.25–0.35 m. It is built from medium-sized flat stones. It consists of 6 rooms. 50 m southeast of structure no. 2 is structure no. 3. It has an elongated oval shape. The remains of an ash pit are noticeable on the eastern side. The height of the structure is 0.2–0.4 m. It is built from large stones. It consists of five rooms. Dimensions are 14.50x18.30 m. Structure no. 4 occupies the southern part of the monument. It is located 32 m south-south-west of structure no. 3. It has a rectangular shape. It consists of 4 rooms. Dimensions are 14.30x17.20 m.

In accordance with the research methodology, 11 squares measuring 4x4 m were laid out over structure no. 1. The total excavation area was 176 m² (Fig. 2). The north-south direction was designated with Roman numerals, and the west-east direction with letters.

First, at the beginning of the excavation, the surface of the object was cleared of excess debris and grass. To observe the stone structure located at the object, the turf layer was completely removed. The depth of the turf layer was 7–12 centimetres. The thickness of the turf is very thin. During the clearing of the turf layer, neither pottery fragments nor animal bones were found at all. Only stone tools were discovered. This is due to the thinness of the turf layer and the strong flow of mountain water. The stone tools found before the excavation are artifacts washed out by meltwater. After removing the turf layer, some parts of the structure's walls were identified during the clearing process. They are barely noticeable among the scattered stones. Beneath the turf layer, greyish soil mixed with sand was found. The thickness of the cultural layer is 0.15–0.25 m. The lower part borders the sterile soil (subsoil). The color of the sterile soil is pinkish-grey. All material finds were encountered in this cultural layer.



Fig. 2. General view of the Karakuys settlement

During the excavation, pottery fragments were found in the area of square A3. The pottery sherds are greyish in color, with no distinct outstanding features observed. Based on the rim fragments and preliminary observation, a resemblance to early Saka pottery can be noted. A larger amount of animal bones was identified at the sterile soil level of square B3. A sherd with a banded applique, typical of the dongal period, was found in the area of square B2. The quantity is 1 piece. The vast majority of the pottery fragments belong to the body of the vessels. Rims are very few. All the decorated pottery fragments found feature «pearl» (bossed) ornamentation. During the identification of the morphological features of the rims, it was established that they were made with inner and outer cornices, in rounded and flattened shapes.

The total number of stone tools found is 59 pieces. Most of the stone tools were identified while clearing the sterile soil. They belong to the type of hoe-like stone tools. The vast majority of the stones were found in the turf layer. A total of 9 stone tools were identified from the turf layer in square V1. From the turf layer level of square B3, 8 stone tools were identified. Almost all of them were found in the central part of the square. During further excavation works, 8 stone tools were found at the turf layer level of square G2 (Fig. 3).



Fig. 3. Small stone hammers

After the complete structural site was opened, a structure with an ash-mixed layer was found in the northeastern part of the excavation, namely in the eastern half of square G1. The western part of the oval-shaped structure enters the excavation area. The remaining eastern part lies outside the excavation limits. The interior of the structure is completely filled with ash.

To further determine the number of structures, the balk was removed. After complete clearing works, the walls of the rooms were identified. The overall dimensions of the structure within the excavation are 7 m from south to north, while the length of the structure from west to east is 20 m. There are a total of 5 structures in the settlement. While removing excess scattered stones, a total of 6 structures were found.

Structure no. 1 is located in squares A3-B3. The width of the northern wall is 0.8 m, the western wall is 0.7 m; an entrance is made in the southwestern part. The shape of structure no. 1 is elongated-oval. The length of the entrance is 0.9 m. Structure no. 2 adjoins the eastern part of structure no. 1. It is located in square B3. Its length from north to south is 2.20 m, and from west to east is 2.90 m. Viewed from above, the structure has a square-oval shape. The thickness of its northern wall is 0.6 m, the eastern wall is 0.4 m, and the southern wall equals 0.7 m. The stones of the structure are laid flat.

Structure no. 3: length from west to east is 4.10 m, from south to north is 2.50 m. The northern wall of the structure is 1.70 m, the southern wall is 2.50 m, and the western wall is 1.80 m. The stones of the room's structure are placed vertically on the sterile soil. It occupies the areas of squares V2 and V3. The door faces east. It connects with an elongated corridor. The corridor has an elongated rectangular shape. Its length is 2.35 m, width is 0.8–0.95 m.

Structure no. 4 is located in square G3. Its length from west to east is 1.95 m, and from south to north is 3.7 m. The door faces east. The width is 0.35 m.

Structure no. 5 is located in the area of square V1. It borders the thick northern wall of structure no. 3. Its length from west to east is 2.70 m, from south to north is 3 m, and depth is 0.6 m. A specific feature of this structure is that it lies deep below the sterile soil level. The room was built by excavating into the sterile soil. The width of its outer walls is 1 m. The stones of the structure's wall were attached to the main structure no. 3 individually at a later time. The door is built from the east.

Structure no. 6 is located in square G1. Only half of the structure entered the excavation area. It is an oval-shaped structure stretching in the soth-west-north-east direction. The stones of the structure's wall were originally installed vertically. The inside is filled with ash-mixed soil (Fig. 4). The inner floor lies at a depth of 5–8 cm from the sterile soil. The stones of the preserved wall stand vertically. They are slightly tilted outward.

The preservation of the structure walls that entered the excavation area is at an average level. The wall stones were dismantled for the construction of a Kazakh wintering ground. Due to the thinness of the turf layer, only the lower parts of the wall stones have been preserved.



Fig. 4. Structure filled with ash-mixed soil in square G1

Wheat. Wheat (Triticum spp.) is one of the cultivated cereal crops that holds a special place in the formation and development of human civilization. Wheat is an annual plant belonging to the grass family. There are two main types. The first is soft wheat (Triticum aestivum). Soft wheat is suitable for baking bread. The second is hard wheat (Triticum durum). Hard wheat is used for products like macaroni and noodles. Having exceptionally high strategic importance biologically, ecologically, and culturally, wheat has a vegetation period of 80–120 days. Wheat grown in black, brown, and moist soils yields an abundant harvest [Sosnin, 1954].

Among cereal crops, mainly spring (sown in spring) crops were cultivated. Several varieties of wheat were used; in particular, varieties known as «local» were widespread in the south and southeast of Kazakhstan. The most famous of these varieties were the white-colored «aq biday» (white wheat) and the red-colored «qyzyl biday» (red wheat). «Qyzyl biday» was distinguished by its long stem, the greenish tip of its spike, and its long, thin grain, and it was sown as both a winter and a spring crop. In contrast, «aq biday» was grown exclusively as a spring crop. Although «qyzyl biday» provided an abundant yield, the quality of the flour obtained from it was lower compared to «aq biday». Furthermore, «aq biday» was notable for its drought resistance and was widely sown primarily in non-irrigated fields [Shahanova, 1988].

Spring wheat is a moisture-loving crop. It requires the greatest amount of moisture and nutrients during the period between tillering and heading, as well as during grain filling. During this period, the presence of moisture and plant-available nutrients in the soil is a decisive condition for obtaining an abundant harvest [Sosnin, 1954].

Spring wheat, like winter wheat, is a staple food crop. The grains of spring wheat surpass those of winter wheat in terms of flour and baking qualities, as they are rich in protein, and protein enhances the nutritional value and quality of bread. Protein is particularly abundant in hard-grained wheats [Sosnin, 1954].

Written Sources on Wheat Cultivation in the East Kazakhstan Region. Al-Idrisi noted that the Kimaks, who inhabited the valley of the Irtysh River, grew wheat and barley, and cultivated rice and grapes [Kumekov, 1972; Shakhanova, 1988].

According to I.G. Andreev's data, in the settlements near the Chingistau mountains, in the Aknaiman volost along the Ayagoz River, and between the Bokan and Shegenek rivers, Kazakhs «engage in agriculture, sowing wheat, barley, and millet in sufficient quantities...» [Andreev, 1795; Andreev, 1796].

Furthermore, I.G. Andreev mentioned that all Kazakhs roaming across the Tarbagatai mountains «sow wheat and millet...» [Andreev, 1796; Shakhanova, 1988].

The East Kazakhstan region was one of the agricultural zones. Regarding this, A. Levshin writes: «... there are many valleys suitable for agriculture in this region, clean, healing spring waters, picturesque meadow grasses, and forests» [Levshin, 1832]. During this exact period, there are eyewitness accounts of Kazakhs sowing wheat near the city of Semey and across the Irtysh River [Nedorezov, 1827; Shakhanova, 1988].

A. Yanushkevich's data also indicates the widespread nature of agriculture: «Since the Kokpekty district is suitable for land cultivation, the majority of Kazakhs engage in farming and harvest abundant wheat...» [Yanushkevich, 1966].

In the ancient Turkic language, the names of cereal crops, their types, and foods made from them are recorded: āšliq – cereal crops, grain, bread; avūn – grain; bašāq – ear/spike; benak – small grain; češni – grains; boγuz – bread in the form of grain; buγdγaj (=budγaj) – wheat; buγdaj bašï – ear of wheat; uruγ – grain, seed, seeds; uruγluq buγdaj – seed (Kamoliddin, 2015); ašliq – grain, cereal crops, food, bread; avzuri – a dish prepared from a mixture of wheat and barley flour or other flours; burğul / burğun – a dish prepared from pounded wheat; buχsi – a dish prepared from wheat, almonds, and sweet spices; jarma – groats, pounded wheat, wheat dish; laqş / laqşa – wheat flour; noodles; qaruq – porridge made from barley or wheat; qavurmaç / qoğurmaç – a wheat dish prepared by frying in oil; qavut – porridge made from barley or wheat; top – a dish prepared from wheat and oat flour; topun – wheat bran [Kamoliddin, 2015].

Research methods. Field research. Archaeobotanical analysis was conducted on 2 samples from the Karakuys settlement. The samples were selected from squares V-3 and G-1. All samples taken for the study were collected near the hearth. The flotation method was applied to a 80-liter soil sample. First, water was poured into a bucket, and the soil taken for the study was added in a ratio of 1/4 or 1/3. The soil was carefully stirred until it was completely broken down. Within a few minutes, light organic matter floated to the surface of the water, and they were filtered out using a sieve lined with a special cloth. Thus, several charred (carbonized) organic samples were collected. The top of the cloth was tied off, and the samples were dried. Laboratory research was conducted on the dried samples [Lebedeva, 2009; Sergusheva, 2013].

Laboratory research. Laboratory studies of the archaeobotanical samples were carried out at the Research Institute of Cultural Heritage of the National Museum of the Republic of Kazakhstan. Based on the degree of preservation, the samples were divided into two groups: intact and fragmented, and taxonomic identifications were performed using a microscope. Through taxonomic research, the samples were identified down to the family, genus, and species levels. For this purpose, various atlases used in archaeobotany were utilized [Artyushenko, 1990; Neef et al., 2012]. Additionally, morphological features such as shape, size, surface structure, etc., were described.

Results and discussion. In archaeobotanical studies, the primary object of research is the study of charred grains and seeds, which are well-preserved for thousands of years. Charred grains and seeds are found in crop drying areas where the harvest was gathered, in pits where household waste was discarded, near hearths, and in places where fires occurred. From the soil samples taken for research near the hearth, soft wheat (Triticum aestivum), ribwort plantain (Plantago lanceolata), and hemp (Cannabis) were identified [Table 1].

Among the cultivated crops, only 4 specimens of soft wheat (Triticum aestivum) were found (Fig. 5). 2 are intact, and 2 have slightly broken tips. Dimensions are 3–4 x 5–6 mm. To determine the dating of the soft wheat (Triticum aestivum), one specimen was sent to a research center in Vilnius. The stem of soft wheat is hollow inside, and its grain is soft and convenient for milling into flour.

The remaining two discovered types belong to wild plants. 3 specimens of ribwort plantain (Plantago lanceolata) and 30 specimens of hemp (Cannabis) were recorded. The dimensions of the ribwort plantain (Plantago lanceolata) are 1.5–2 x 5–6 mm. The dimensions of the hemp (Cannabis) are 1.3–1.5 x 3–4 mm. These two aforementioned wild plants possessed medicinal properties.

Taxonomically, soft wheat belongs to the genus Wheat (Triticum) and the family Grasses (Poaceae); ribwort plantain belongs to the genus Plantago and the family Plantaginaceae; and hemp belongs to the genus Cannabis and the family Cannabaceae [Table 2].

Table 1. Archaeobotanical samples of the Karakuys settlement

No.	Name	Total quantity	Dimensions	Period
1	Soft wheat (Triticum aestivum)	4	3–4 x 5–6 mm	EIA
2	Ribwort plantain (Plantago lanceolata)	3	1.5–2 x 5–6 mm	
3	Hemp (Cannabis)	30	1.3–1.5 x 3–4 mm	

Note: Compiled by the author.

Table 2. Taxonomic analysis of archaeobotanical samples found at the Karakuys settlement

Taxonomic analysis	No. 1	No. 2	No. 3
Kingdom	Plants (Plantae)	Plants (Plantae)	Plants (Plantae)
Family	Grasses (Poaceae)	Plantains (Plantaginaceae)	Hemp family (Cannabaceae)
Genus	Wheat (Triticum)	Plantain (Plantago)	Hemp (Cannabis)
Species	Soft wheat (Triticum aestivum)	Ribwort plantain (Plantago lanceolata)	Hemp (Cannabis sativa)

Note: Compiled by the author.



Fig. 5. Wheat found at the Karakuys settlement

It is widely known in science that wheat and barley spread from Western Asia, while rice and millet spread from Eastern Asia [Zohary et al., 2012], subsequently converging in Central Asia [Jones et al., 2011; Liu et al., 2017]. Given the evidence of the cultivation of several wheat species, particularly emmer and soft wheat, in the southern and mountainous regions of Central Asia [Moore et al., 1994], the discovery of wheat remains on the territory of Kazakhstan is not coincidental.

Among the earliest cereal crops found in the country are the millet and wheat from the Begash settlement in southeastern Kazakhstan. The cultivated crops discovered at this site, which belongs to the III millennium BC, are dated to 2460–2150 BC [Frachetti et al., 2010; Spengler et al., 2013; Spengler et al., 2014a; Motuzaite Matuzeviciute et al., 2019]. The second most important settlement in this region is Tasbas. Although wheat grains are not abundantly preserved here (dated to 2840–2500 BC), barley, millet, and leguminous crops dating to 1450–1250 BC have been identified (Spengler et al., 2014a). Additionally, it is worth noting that towards the end of the II millennium BC, microremains of domesticated plants were thoroughly studied at the Kyzylbulak and Merki sites in Zhetysu [Chang et al., 2003; Doumani et al., 2015; Rosen, 2001; Rosen et al., 2000; Spengler et al., 2014b; Spengler et al., 2014c]. Charred wheat remains found near the Alekseev site in Northern Kazakhstan were also initially dated to the middle bronze age, and subsequently to the early iron age [Krivtsova-Grakova, 1948; Shishlina et al., 2018].

This agricultural tradition, originating in the bronze age, continued further during the iron age. The discovery of millet, barley, and wheat remains at the iron age (ca. 700 BC) sites of Tuzusai and Tseganka 8 in southeastern Kazakhstan serves as clear evidence of this [Chang et al., 2003; Lightfoot et al., 2015; Rosen et al., 2000]. In this regard, the discovery of soft wheat (Triticum aestivum) grains near the ash pits at the early iron age Karakuys settlement in the East Kazakhstan region is a significant addition to paleoethnobotanical studies. This finding demonstrates that the distribution area of cereal crops during the early Iron age was not confined solely to the southern or northern regions, but also encompassed the eastern territories.

The farming practices established in early periods reached their zenith during the Middle ages. Archaeological, written, and paleobotanical sources indicate that South Kazakhstan was a major agricultural region between the IV and XIV centuries [Bashtannik, 2007a]. In the cultural layers of the Talgar settlement dating to the VIII–IX centuries, alongside imported rice husks, phytoliths of locally grown barley, millet, and oats were found, as well as the charred remains of two-row hulled barley, common millet, and a dwarf variety of soft wheat [Golyeva, 2008; Bashtannik, 2002]. This agricultural tradition is entirely corroborated by carpological data (fruits, berries, barley, millet, and rarely wheat) obtained from medieval settlements such as Antonovka, Ornek, Akyrtas, Kuiryk-tobe, Konyr-tobe, Zhuan-tobe, and Karaspan-tobe [Bashtannik, 2002; 2007b; 2008]. Furthermore, the remains of multiple varieties of wheat, barley, and millet, as well as legumes and fruits (grapes, melons) found in the citadel of the city of Taraz in southwestern Zhetysu, reflect the high level and diversity of agriculture during that period [Bashtannik et al., 2015].

The new archaeobotanical data obtained from the Karakuys settlement reconfirms the existence of a complex agricultural system on the territory of Kazakhstan that developed continuously from antiquity to the Middle ages, integrating the agricultural traditions of both East and West.

Conclusion. Comprehensive archaeobotanical and material studies conducted at the Karakuys settlement have allowed for new scientific conclusions regarding the economic system of the early Iron age tribes in the territory of East Kazakhstan.

Firstly, the macroremains of soft wheat (Triticum aestivum), ribwort plantain (Plantago lanceolata), and hemp (Cannabis) found near the hearth in the settlement serve as irrefutable material evidence of ancient agriculture in this region and the purposeful use of plants in everyday life (for food and medicinal purposes). These natural data are fully corroborated by the complex of tools and household items excavated from the settlement site. Specifically, while the discovery of stone hoes proves the process of purposeful land cultivation, the small stone hammer and the early Saka pottery rims with banded and ornamented designs indicate the established practice of grinding, processing, and storing grain. In particular, the simultaneous discovery of soft wheat, considered a cultivated crop, and specialized agricultural tools provides concrete proof that the grain-growing area during the early Iron age was not limited only to the Southern or Zhetysu regions, but completely encompassed the territory of East Kazakhstan as well.

Secondly, the ecological changes caused by the climate transition from the late subboreal period to the early subatlantic period (cooling and humidification) in the I millennium BC pushed ancient tribes toward new survival strategies. As a result, a complex (mixed) paleoeconomic model, combining animal husbandry and agriculture, was formed in the favorable recreational-climatic zones of East Kazakhstan (comfort and subcomfort zones).

Thirdly, it is highly significant that the paleoethnobotanical data obtained from the Karakuys settlement fully resonate with medieval written sources, ethnographic data of the XVIII–XIX centuries, and the ancient Turkic linguistic base. This fact demonstrates that the agricultural culture in East Kazakhstan was not an accidental phenomenon introduced from the outside, but rather a fundamental economic tradition originating in the Bronze and early Iron ages and continuing uninterrupted until ethnographic times.

In conclusion, the archaeobotanical materials and agricultural tools of the Karakuys settlement refute the traditional, unilateral view that ancient nomads were engaged exclusively in animal husbandry. They highlight that these societies effectively exploited natural resources, mastered complex agrarian skills, and formed their own sustainable life-support system.

Literature

Андреев, 1795, 1796 – *Андреев И.Г.* Описание Средней орды киргиз-кайсаков, с касающимися до сего народа, а також и прилежащих к российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, с дополнениями // *Новые ежемесячные сочинения.* СПб., 1795. Ч. 112. С. 22–35; 1796. Ч. 116. С. 75–81.

Артюшенко, 1990 – *Артюшенко З.Т.* Атлас по описательной морфологии высших растений: Семя. М.: Наука, 1990. 138 с.

Баштанник, 2002 – *Баштанник С.В.* Археоботанические находки на средневековых памятниках Семиречья // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2002. № 4 (12). С. 122–130.

Баштанник, 2007a – *Баштанник С.В.* Археологические данные о древнем земледелии в Западной Сибири. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007a. 160 с.

Баштанник, 2007b – *Баштанник С.В.* Земледельческая культура Южного Казахстана эпохи средневековья. Кемерово: Изд-во КемГУКИ, 2007b. 180 с.

Баштанник, 2008 – *Баштанник С.В.* Археоботанические исследования на средневековых памятниках долины реки Арысь // *Археология, этнография и антропология Евразии.* 2008. № 3 (35). С. 58–61.

Баштанник и др., 2015 – *Баштанник С.В., Воякин Д.А., Буранбаев Р.Н.* Археоботанические исследования цитадели средневекового городища Тараз в 2014 г. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* 2015. № 2 (29). С. 178–182.

Chang et al., 2003 – *Chang C., Benecke N., Grigoriev F., Arzhantseva I., Tourtellotte P.A.* Iron Age society and chronology in South-east Kazakhstan // *Antiquity*. 2003. Vol. 77, No. 296. P. 298–312.

Doumani et al., 2015 – *Doumani P.N., Frachetti M.D., Beardmore R., Schmaus T.M., Spengler R.N., Yermolayeva L.V., Mar'yashev A.N.* Burial ritual, agriculture, and craft production among Bronze Age pastoralists at Tasbas // *Archaeological Research in Asia.* 2015. Vol. 1. P. 17–32.

Frachetti et al., 2010 – *Frachetti M.D., Spengler R.N., Fritz G.J., Mar'yashev A.N.* Earliest direct evidence for broomcorn millet and wheat // *Antiquity*. 2010. Vol. 84, No. 326. P. 993–1010.

Гольева, 2008 – *Гольева А.А.* Палеоэтноботанические исследования в Западной Сибири. М.: Наука, 2008. 140 с.

Jones et al., 2011 – *Jones M.K., Hunt H., Lightfoot E., Lister D., Liu X., Motuzaite-Matuzeviciute G.* Food globalization in prehistory // *World Archaeology*. 2011. Vol. 43, No. 4. P. 665–675.

Камолиддин, 2015 – *Камолиддин Ш.С.* Земледелие и садоводство у древних тюрков. Ташкент: Extremum-Press, 2015. 160 с.

Кривцова-Гракова, 1948 – *Кривцова-Гракова О.А.* Алексеевское поселение и могильник // *Труды Государственного Исторического Музея*. М., 1948. Вып. 17. С. 57–181.

Кумеков, 1972 – *Кумеков Б.Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.

Лебедева, 2009 – *Лебедева Е.Ю.* Рекомендации по сбору образцов для археоботанического анализа // *Аналитические исследования Лаборатории естественнонаучных методов.* М., 2009. Вып. 1. С. 258–266.

Лебедева, 2016 – *Лебедева Е.Ю.* Археоботаника: методы исследований и интерпретация результатов // *Междисциплинарная интеграция в археологии* / отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 118–147.

Левшин, 1832 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Ч. I. СПб.: Типография Карла Крайя, 1832. 270 с.

Lightfoot et al., 2015 – *Lightfoot E., Motuzaite-Matuzeviciute G., O'Connell T.C., Kukushkin I.A., Loman V.G., Jones M.K.* How 'pastoral' is pastoralism? Dietary diversity in Bronze Age communities in the central Kazakhstan steppes // *Archaeometry*. 2015. Vol. 57 (S1). P. 232–249.

Liu et al., 2017 – *Liu X., Lister D.L., Zhao Z., Petrie C.A., Zeng X., Jones P.J., Filatova S.V., Motuzaite-Matuzeviciute G., Polske K., Murphy E.M., Jones M.K.* Journey to the east: Diverse routes and variable flowering times for wheat and barley en route to prehistoric China // *PLOS ONE*. 2017. Vol. 12, No. 11. Article e0187405.

Moore et al., 1994 – *Moore A.M.T., Hillman G.C., Legge A.J.* Village on the Euphrates: From foraging to farming at Abu Hureyra. Oxford: Oxford University Press, 1994. 560 p.

Motuzaite Matuzeviciute et al., 2019 – *Motuzaite Matuzeviciute G., Lightfoot E., Hermansen R.A., Yermolayeva A., Merkyte I.* Archaeobotanical investigations at the earliest horse herder site of Botai in Kazakhstan // *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. Vol. 11, No. 11. P. 6243–6258.

Недорезов, 1827 – *Недорезов И.* О разведении и посеве около крепости Семиполатной // *Земледельческий журнал*. 1827. № 19. С. 30–47.

Neef et al., 2012 – *Neef R., Cappers R.T.J., Bekker R.M.* Digital atlas of economic plants in archaeology. Groningen: Barkhuis, 2012. 280 p.

Rosen, 2001 – *Rosen A.* Phytolith evidence for agropastoral economies in the Scythian period of southern Kazakhstan // *Phytoliths: Applications in earth science and human history* / Eds. J.D. Meunier, F. Colin. Dordrecht: A.A. Balkema, 2001. P. 183–198.

Rosen et al., 2000 – *Rosen A.M., Chang C., Grigoriev F.P.* Palaeoenvironments and economy of Iron Age Saka-Wusun agro-pastoralists // *Antiquity*. 2000. Vol. 74, No. 285. P. 611–623.

Сергушева, 2013 – *Сергушева Е.А.* Археоботаника: теория и практика. Владивосток: Дальнаука, 2013. 210 с.

Шаханова, 1988 – *Шаханова Г.* Хозяйство казахов на рубеже XIX–XX веков. Алма-Ата: Наука, 1988. 208 с.

Shishlina et al., 2018 – *Shishlina N., Sevastyanov V., Kuznetsova O.* Seasonal practices of prehistoric pastoralists from the south of the Russian plain... // *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2018. Vol. 21. P. 1247–1258.

Соснин, Удольская, 1954 – *Соснин И.В., Удольская Н.Л.* Қазақстанның дәнді, майлы дақылдары мен шөптерінің ең жақсы сорттары / ред.: И.В. Соснин, Н.Л. Удольская. Алматы: Қазақ мемлекет баспасы, 1954. 150 б.

Spengler et al., 2013 – *Spengler R.N., Frachetti M.D., Fritz G.J.* Ecotopes and herd foraging practices in the steppe/mountain ecotone of Central Asia... // *Journal of Ethnobiology*. 2013. Vol. 33, No. 1. P. 125–147.

Spengler et al., 2014a – *Spengler R.N., Frachetti M.D., Doumani P.N.* Late Bronze Age agriculture at Tasbas in the Dzhungar Mountains of eastern Kazakhstan // *Quaternary International.* 2014. Vol. 348. P. 145–157.

Spengler et al., 2014b – *Spengler R.N., Frachetti M.D., Doumani P.N., Mar'yashev A.N.* Early agriculture and crop transmission among Bronze Age mobile pastoralists // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2014. Vol. 281, No. 1783. Article 20133382.

Spengler et al., 2014c – *Spengler R.N., Cerasetti B., Tengberg M., Cattani M., Rouse L.M.* Agriculturalists and pastoralists: Bronze Age economy of the Murghab alluvial fan // *Vegetation History and Archaeobotany*. 2014. Vol. 23, No. 6. P. 805–820.

Янушкевич, 1966 – *Янушкевич А.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата: Жазушы, 1966. 268 с.

Zohary et al., 2012 – *Zohary D., Hopf M., Weiss E.* Domestication of plants in the Old World (4th ed.). Oxford: Oxford University Press, 2012. 264 p.

References

Andreev, 1795–1796 – *Andreev I. G.* Opisanie Sredney ordy kirgiz-kaysakov prinadlezhashchimi k ney otdeleniyami dorogami i rekami i s prisovokupleniem izvestiy o Maloy i Bolshoy ordakh o zagranichnykh gorodakh i o nakhodyashchikhsya v blizosti ot granits ikh narodakh s opisaniem ikh obychaev [Description of the Middle Horde of the Kirghiz-Kaisaks with its branches roads and rivers and with the addition of news about the Lesser and Greater Hordes about foreign cities and about the peoples located near their borders with a description of their customs]. *Novye Ezhemesyachnye Sochineniya*. 1795–1796. № 112. Pp. 22–35; № 116. Pp. 75–81. [in Russian]

Artyushenko, 1990 – *Artyushenko Z. T.* Atlas po opisatelnoy morfologii vysshikh rasteniy: Semya [Atlas of descriptive morphology of higher plants: Seed]. M.: Nauka, 1990. 138 p. [in Russian]

Bashtannik, 2002 – *Bashtannik S. V.* Arkheobotanicheskie nakhodki na srednevekovykh pamyatnikakh Semirechya [Archaeobotanical finds at medieval sites of Semirechye]. *Arkheologiya, Etnografiya i Antropologiya Evrazii*. 2002. № 4(12). Pp. 122–130. [in Russian]

Bashtannik, 2007a – *Bashtannik S. V.* Arkheologicheskie dannye o drevnem zemledelii v Zapadnoy Sibiri [Archaeological data on ancient agriculture in Western Siberia]. Barnaul: Izd-vo AltGU, 2007. 160 p. [in Russian]

Bashtannik, 2007b – *Bashtannik S. V.* Zemledelcheskaya kultura Yuzhnogo Kazakhstana epokhi srednevekovya [Agricultural culture of Southern Kazakhstan in the Middle Ages]. Kemerovo: Izd-vo KemGUKI, 2007. 180 p. [in Russian]

Bashtannik, 2008 – *Bashtannik S. V.* Arkheobotanicheskie issledovaniya na srednevekovykh pamyatnikakh doliny reki Arys [Archaeobotanical research at medieval sites of the Arys river valley]. *Arkheologiya, Etnografiya i Antropologiya Evrazii*. 2008. № 3(35). Pp. 58–61. [in Russian]

Bashtannik et al., 2015 – *Bashtannik S. V., Voyakin D. A., Buranbaev R. N.* Arkheobotanicheskie issledovaniya tsitadeli srednevekovogo gorodishcha Taraz v 2014 g. [Archaeobotanical research of the citadel of the medieval city of Taraz in 2014]. *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*. 2015. № 2(29). Pp. 178–182. [in Russian]

Chang et al., 2003 – *Chang C., Benecke N., Grigoriev F., Arzhantseva I., Tourtellotte P. A.* Iron Age society and chronology in South-east Kazakhstan. *Antiquity*. 2003. Vol. 77. № 296. Pp. 298–312.

Doumani et al., 2015 – *Doumani P. N., Frachetti M. D., Beardmore R., Schmaus T. M., Spengler R. N., Yermolayeva L. V., Mar'yashev A. N.* Burial ritual, agriculture, and craft production among Bronze Age pastoralists at Tasbas. *Archaeological Research in Asia*. 2015. Vol. 1. Pp. 17–32.

Frachetti et al., 2010 – *Frachetti M. D., Spengler R. N., Fritz G. J., Mar'yashev A. N.* Earliest direct evidence for broomcorn millet and wheat. *Antiquity*. 2010. Vol. 84. № 326. Pp. 993–1010.

Golyeva, 2008 – *Golyeva A. A.* Paleoetnobotanicheskie issledovaniya v Zapadnoy Sibiri [Paleoethnobotanical research in Western Siberia]. M.: Nauka, 2008. 140 p. [in Russian]

Jones et al., 2011 – *Jones M. K., Hunt H., Lightfoot E., Lister D., Liu X., Motuzaite-Matuzeviciute G.* Food globalization in prehistory. *World Archaeology*. 2011. Vol. 43. № 4. Pp. 665–675.

Kamoliddin, 2015 – *Kamoliddin Sh. S.* Zemledelie i sadovodstvo u drevnykh tyurkov [Agriculture and horticulture among the ancient Turks]. Tashkent: Extremum-Press, 2015. 160 p. [in Russian]

Krivtsova-Grakova, 1948 – *Krivtsova-Grakova O. A.* Alekseevskoe poselenie i mogilnik [Alekseevskoe settlement and burial ground]. *Trudy GIM*. 1948. № 17. Pp. 57–181. [in Russian]

Kumekov, 1972 – *Kumekov B. E.* Gosudarstvo kimakov IX–XI vv. po arabskim istochnikam [The Kimak state of the IX–XI centuries according to Arabic sources]. Alma-Ata: Nauka, 1972. 156 p. [in Russian]

Lebedeva, 2009 – *Lebedeva E. Yu.* Rekomendatsii po sboru obraztsov dlya arkheobotanicheskogo analiza [Recommendations for collecting samples for archaeobotanical analysis]. *Analiticheskie Issledovaniya Laboratorii Estestvennonauchnykh Metodov*. 2009. № 1. Pp. 258–266. [in Russian]

Lebedeva, 2016 – *Lebedeva E. Yu.* Arkheobotanika: metody issledovaniy i interpretatsiya rezultatov [Archaeobotanical: Research methods and interpretation of results]. *Mezhdistsiplinarnaya integratsiya v arkheologii*. M.: IA RAN, 2016. Pp. 118–147. [in Russian]

Levshin, 1832 – *Levshin A. I.* Opisanie kirgiz-kazachikh, ili kirgiz-kaysatskikh, ord i stepey (Ch. I) [Description of the Kirghiz-Cossack, or Kirghiz-Kaisak, hordes and steppes (Part I)]. SPb.: Tipografiya Karla Kraya, 1832. 270 p. [in Russian]

Lightfoot et al., 2015 – *Lightfoot E., Motuzaite-Matuzeviciute G., O'Connell T. C., Kukushkin I. A., Loman V. G., Jones M. K.* How 'pastoral' is pastoralism? Dietary diversity in Bronze Age communities in the central Kazakhstan steppes. *Archaeometry*. 2015. Vol. 57(S1). Pp. 232–249.

Liu et al., 2017 – *Liu X., Lister D. L., Zhao Z., Petrie C. A., Zeng X., Jones P. J., Filatova S. V., Motuzaite-Matuzeviciute G., Polske K., Murphy E. M., Jones M. K.* Journey to the east: Diverse routes and variable flowering times for wheat and barley en route to prehistoric China. *PLOS ONE*. 2017. Vol. 12. № 11. Article e0187405.

Moore et al., 1994 – *Moore A. M. T., Hillman G. C., Legge A. J.* Village on the Euphrates: From foraging to farming at Abu Hureyra. Oxford: Oxford University Press, 1994. 560 p.

Motuzaite Matuzeviciute et al., 2019 – *Motuzaite Matuzeviciute G., Lightfoot E., Hermansen R. A., Yermolayeva A., Merkyte I.* Archaeobotanical investigations at the earliest horse herder site of Botai in Kazakhstan. *Archaeological and Anthropological Sciences*. 2019. Vol. 11. № 11. Pp. 6243–6258.

Nedorezov, 1827 – *Nedorezov I.* O razvedenii i poseve okolo kreposti Semipolatnoy [On breeding and sowing near the Semipalatinsk fortress]. *Zemledelcheskiy Zhurnal*. 1827. № 19. Pp. 30–47. [in Russian]

Neef et al., 2012 – *Neef R., Cappers R. T. J., Bekker R. M.* Digital atlas of economic plants in archaeology. Groningen: Barkhuis, 2012. 280 p. DOI: 10.2307/j.ctt20p56d7

Rosen, 2001 – *Rosen A.* Phytolith evidence for agropastoral economies in the Scythian period of southern Kazakhstan. *Phytoliths: Applications in earth science and human history*. Dordrecht: A.A. Balkema, 2001. Pp. 183–198.

Rosen et al., 2000 – *Rosen A. M., Chang C., Grigoriev F. P.* Palaeoenvironments and economy of Iron Age Saka-Wusun agro-pastoralists. *Antiquity*. 2000. Vol. 74. № 285. Pp. 611–623.

Sergusheva, 2013 – *Sergusheva E. A.* Arkheobotanika: teoriya i praktika [Archaeobotanical: Theory and practice]. Vladivostok: Dalnauka, 2013. 210 p. [in Russian]

Shakhanova, 1988 – *Shakhanova G.* Khozyaystvo kazakhov na rubezhe XIX–XX vekov [Economy of the Kazakhs at the turn of the XIX–XX centuries]. Alma-Ata: Nauka, 1988. 208 p. [in Russian]

Shishlina et al., 2018 – *Shishlina N., Sevastyanov V., Kuznetsova O.* Seasonal practices of prehistoric pastoralists from the south of the Russian plain... *Journal of Archaeological Science: Reports*. 2018. Vol. 21. Pp. 1247–1258.

Sosnin, Udolskaya, 1954 – *Sosnin I. V., Udolskaya N. L.* Qazaqstannyn dandi, mayly daqyldary men shopterinin en jaqsy sorttary [The best varieties of grain, oilseed crops and grasses of Kazakhstan]. Almaty: Qazaq memleket baspasy, 1954. 150 p. [in Kazakh]

Spengler et al., 2013 – *Spengler R. N., Frachetti M. D., Fritz G. J.* Ecotopes and herd foraging practices in the steppe/mountain ecotone of Central Asia... *Journal of Ethnobiology*. 2013. Vol. 33. № 1. Pp. 125–147.

Spengler et al., 2014a – *Spengler R. N., Frachetti M. D., Doumani P. N.* Late Bronze Age agriculture at Tasbas in the Dzhungar Mountains of eastern Kazakhstan. *Quaternary International*. 2014. Vol. 348. Pp. 145–157.

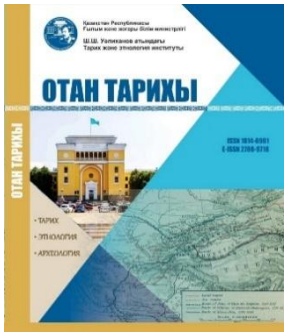
Spengler et al., 2014b – *Spengler R. N., Frachetti M. D., Doumani P. N., Mar'yashev A. N.* Early agriculture and crop transmission among Bronze Age mobile pastoralists. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2014. Vol. 281. № 1783. Article 20133382.

Spengler et al., 2014c – *Spengler R. N., Cerasetti B., Tengberg M., Cattani M., Rouse L. M.* Agriculturalists and pastoralists: Bronze Age economy of the Murghab alluvial fan. *Vegetation History and Archaeobotany*. 2014. Vol. 23. № 6. Pp. 805–820.

Yanushkevich, 1966 – *Yanushkevich A.* Dnevniki i pisma iz puteshestviya po kazakhskim stepyam [Diaries and letters from a journey through the Kazakh steppes]. Alma-Ata: Zhazushy, 1966. 268 p. [in Russian]

Zohary et al., 2012 – *Zohary D., Hopf M., Weiss E.* Domestication of plants in the Old World (4th ed.). Oxford: Oxford University Press, 2012. 264 p.

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1418–1431
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



МРНТИ / ҒТАХР / IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1418-1431

АРХИТЕКТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО МАВЗОЛЕЯ НА ГОРОДИЩЕ КЫШКАЛА (КЫЗЫЛОРДИНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Ляйля Рымбековна Турганбаева[1*], *Садуакас Сахиевич Агитаев*[1]

[1*]Независимый исследователь, доктор архитектуры
https://orcid.org/0000-0002-9625-0535. E-mail: laila@safar.kz

[1]Архитектор-реставратор, музей-заповедник «Азрет-Султан»
(строение 1б, ул. Айтеке Би, 161200, Туркестан, Республика Казахстан)
E-mail: saduakasagitayev@gmail.com

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Турганбаева Л.Р., Агитаев С.С., 2026

Аннотация. *Введение*. В статье рассматриваются материалы архитектурного исследования самобытного двухкамерного ступенчатого мавзолея золотоордынского времени, вскрытого археологами на городище Кышкала, которое отождествляется с исчезнувшим средневековым городом Баршынкентом. *Цель и задачи*. Цель исследования – всестороннее изучение мавзолея для раскрытия его историко-культурной и научной значимости. Задачи исследования: рассмотрение закономерностей построения планировки здания, выявление его типологической принадлежности, привлечение и анализ аналогов, воссоздание с большей или меньшей полнотой целостной формальной структуры здания, его основных частей и элементов, изучение фрагментов архитектурной керамики. *Материалы и методы*. Исследование памятника основано на системном подходе, включающем детальное изучение материалов археологических раскопок, обобщение сведений научной литературы, геометрический анализ и сравнительно-типологический метод. *Результаты*. Выявлена объемно-пространственная структура здания, функциональное назначение помещений. Прослежены связи памятника с образцами синхронных элитарных мемориальных построек, исследованных на территориях, захваченных монголами. Определено место памятника в типологической классификации. Установлено его близкое сходство с мавзолеем Коккесене, известным как усыпальница хана Абулхаира. Это приводит к выводу, что в мавзолейном зодчестве средневековья имела место типизация определенных объемно-планировочных и конструктивных решений. *Заключение*. Исследование показало уникальность выявленного археологами памятника и его особое место в истории мемориального зодчества средневекового Казахстана. Анализ остатков конструкций, строительных материалов, обломков декоративной фасадной керамики, выявленных в завалах вокруг этого раритетного сооружения, дает представление о его планировке и объемно-пространственной структуре, демонстрирует творческие методы мастеров северотуркестанской архитектурной школы, их поиски и открытия в области строительной техники и технологии.

Ключевые слова: Юго-Западный Казахстан, городище Кышкала, средневековье, мавзолей, композиция, архитектурная керамика, резная терракота, майолика.

Благодарность. Статья подготовлена на основе археологических материалов исследования городища Кышкала экспедицией КазНУ им. Аль-Фараби (рук. Елеуов М., Талеев Д. А.).
Для цитирования: Турганбаева Л. Р., Агитаев С. С. Архитектурное исследование средневекового мавзолея на городище Кышкала в Кызылординской области // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1418–1431. [на русском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1418-1431

ҚЫШҚАЛА ҚАЛАШЫҒЫНДАҒЫ (ҚЫЗЫЛОРДА ОБЛЫСЫ) ОРТА ҒАСЫРЛЫҚ КЕСЕНЕНІ АРХИТЕКТУРАЛЫҚ ЗЕРТТЕЛУІ

Ләйля Рымбекқызы Тұрғанбаева [1], Сәдуақас Сахиұлы Ағытаев[1]*

[1*]Тәуелсіз зерттеуші, сәулет докторы
https://orcid.org/0000-0002-9625-0535. E-mail: laila@safar.kz

[1]Сәулетші-реставратор, «Әзірет-Сұлтан» музей-қорығы
(1б-үй, Әйтеке би көшесі, 161200, Түркістан, Қазақстан Республикасы)
E-mail: saduakasagitayev@gmail.com

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Тұрғанбаева Л.Р., Ағытаев С.С., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе*. Мақалада археологтар Қышқала қалашығынан ашқан Алтын Орда дәуіріне жататын өзіндік екі камералы сатылы кесененің архитектуралық зерттеу материалдары қарастырылады. Бұл қалашық жоғалып кеткен ортағасырлық Баршынкент қаласымен сәйкестендіріледі. *Мақсаты мен міндеттері*. Зерттеудің мақсаты – кесененің архитектуралық-көркемдік ерекшеліктерін талдау. Зерттеу міндеттері: ғимарат жоспарының құрылу заңдылықтарын қарастыру, оның типологиялық ерекшелігін анықтау, ұқсас нысандарды тарту және талдау, ғимараттың тұтас формалық құрылымын, оның негізгі бөліктері мен элементтерін мүмкіндігінше толық қалпына келтіру, сондай-ақ архитектуралық керамика сынықтарын зерттеу. *Материалдар мен әдістер*. Ескерткішті зерттеу жүйелі тәсілге негізделген. Ол археологиялық қазба материалдарын жан-жақты зерделеуді, ғылыми әдебиеттерді жинақтауды, геометриялық талдауды және салыстырмалы-типологиялық әдісті қамтиды. *Нәтижелер*. Ғимараттың көлемдік-кеңістіктік құрылымы мен бөлмелердің функционалдық мақсаты анықталды. Ескерткіштің моңғолдар жаулап алған аумақтардағы синхронды элиталық мемориалдық құрылыстармен байланыстары айқындалды. Оның типологиялық жіктеудегі орны анықталды. Сонымен қатар, Әбілқайыр ханның кесенесі ретінде белгілі Көккесене мавзолейімен өте ұқсас екендігі белгіленді. *Қорытынды*. Зерттеу археологтар ашқан бұл ескерткіштің бірегейлігін және оның ортағасырлық Қазақстан мемориалдық сәулет өнері тарихындағы ерекше орнын көрсетті. Құрылыс қалдықтарын, құрылыс материалдарын, сондай-ақ осы сирек кездесетін құрылыстың айналасындағы үйінділерден табылған сәндік қасбеттік керамика сынықтарын талдау оның жоспарлануы мен көлемдік-кеңістіктік құрылымы туралы түсінік береді. Сонымен бірге, солтүстіктүркістандық сәулет мектебі шеберлерінің шығармашылық әдістерін, олардың құрылыс техникасы мен технологиясы саласындағы ізденістері мен жаңалықтарын көрсетеді.
Түйін сөздер: Оңтүстік-Батыс Қазақстан, Қышқала қалашығы, орта ғасырлар, кесене, композиция, сәулеттік керамика, ойылған терракота, майолика.
Алғыс білдіру: Мақала Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті (экспедициясының жетекшілері М. Елеуов, Д. А. Тәлеев) Қышқала қалашығында жүргізген археологиялық зерттеулері материалдары негізінде дайындалды.
Дәйексөз үшін: Тұрғанбаева Л. Р., Агитаев С. С. Қышқала қалашығындағы (Қызылорда облысы) орта ғасырлық кесенені архитектуралық зерттелуі // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1418–1431-бб. [орыс тілінде]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1418-1431

ARCHITECTURAL STUDY OF A MEDIEVAL MAUSOLEUM AT THE KYSHKALA SITE (KYZYLORDA REGION)

Lyailya Rymbekovna Turganbayeva[1*], *Saduakas Sakhievich Agitaev*[1]

[1*]Independent Researcher, Doctor of Architecture
https://orcid.org/0000-0002-9625-0535. E-mail: laila@safar.kz

[1]Restoration Architect, State Historical and Cultural Museum-Reserve «Hazret-Sultan»
(1b, Aiteke bi Str., 161200, Turkestan, Republic of Kazakhstan)
E-mail: saduakasagitayev@gmail.com

© Valikhanov IHE, 2026
© Turganbayeva L. R., Agitaev S. S., 2026

Annotation. *Introduction*. The article examines materials from an architectural study of an original two-chamber stepped mausoleum dating back to the Golden Horde period, uncovered by archaeologists at the Kyshkala settlement, which is identified with the vanished medieval city of Barshynkent. *Purpose and Objectives*. The purpose of the study is to analyze the architectural and artistic features of the mausoleum. The objectives of the study include examining the principles of the building's layout, identifying its typological classification, involving and analyzing analogies, reconstructing, to a greater or lesser extent, the integral formal structure of the building, its main parts and elements, and studying fragments of architectural ceramics. *Materials and Methods*. The study of the monument is based on a systematic approach, including detailed examination of archaeological excavation materials, generalization of data from scientific literature, as well as geometric analysis and the comparative-typological method. *Results*. The volumetric-spatial structure of the building and the functional purpose of its premises were identified. Connections between the monument and examples of synchronous elite memorial structures investigated in territories conquered by the Mongols were traced. Its place within the typological classification was determined. The monument was found to have a close resemblance to the Kokkesene Mausoleum, known as the burial site of Khan Abulkhair. *Conclusion*. The study demonstrated the uniqueness of the monument discovered by archaeologists and its special place in the history of medieval Kazakhstan's memorial architecture. The analysis of structural remains, building materials, and fragments of decorative facade ceramics found in the debris surrounding this rare structure provides insight into its layout and volumetric-spatial organization. It also demonstrates the creative methods of the masters of the North Turkestan architectural school, as well as their innovations and achievements in construction techniques and technologies.

Keywords: South-West Kazakhstan, Kyshkala settlement, Middle Ages, mausoleum, composition, architectural ceramics, carved terracotta, maiolica.
Acknowledgements: The article was prepared on the basis of archaeological materials obtained during the investigation of the Kyshkala settlement by the expedition of Al-Farabi Kazakh National University (headed by M. Eleuov and D. A. Taleev).
For citation: Turganbaeva L. R., Agitaev S. S. Architectural Study of a Medieval Mausoleum at the Kyshkala Site (Kyzylorda Region). Otan Tarihy, 2026, Vol. 29, No. 3. Pp. 1418–1431. [in Russian]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1418-1431

Введение. Корпус исследованных монументальных построек Казахстана эпохи Золотой Орды в последние годы пополнился целым рядом новых памятников. Среди них особый интерес вызывает мавзолей, выявленный на городище Кышкала, отождествляемом исследователями со средневековым городом Баршынкентом (с. Когалыкол, 25 км к югу от г. Кызылорда, правый берег р. Жанадарья). Остатки этой постройки, расположенной несколько в стороне от современных больших дорог, долгое время оставались вне поля зрения ученых. Руины обнаружили при археологических раскопках одного из холмов, возвышавшихся в северо-западной части городища, под завалами строительного мусора. Время и люди безжалостно уничтожили безымянную усыпальницу. Вряд ли это случилось в период расцвета Улуг Улуса, когда ислам приобрел характер общекультурной доминанты, или позднего средневековья, когда роль мусульманства в регионе была настолько велика, что посягать на здание ислама не решались ни правители, ни завоеватели, ни народ. На памяти информаторов лишь пик

вандализма 1960–1970-х гг., когда памятник разрушался намеренно с целью получения качественного обожженного кирпича для строительства клубов и жилых домов советских коллективных хозяйств. Местные жители выбрали не только выпавшие или готовые вывалиться из кладки стен кирпичи, но добрались даже до скрытых под землей конструкций постройки. Следовательно, внешние архитектурные формы мавзолея не сохранились, на поверхности земли не осталось ничего, кроме кирпичного боя, фрагментов мощения и кусков орнаментальных терракотовых облицовок.

Материалы и методы. Методика исследования основывается на комплексном подходе к анализу различных видов источников. Первичной базой данных среди них являются материалы археологических раскопок экспедиций Каз НУ им. Аль-Фараби (2018, 2020 гг., рук. М. Елеуов) а также академическая литература, сведения о сохранившихся зданиях, описания, рисунки, фотографии общих видов и фрагментов архитектурных облицовок. Кроме того, в ходе исследования предприняты геометрический анализ и сравнительно-типологический метод.

Обсуждение. Судя по расположению соседних холмов, еще не подвергшихся раскопкам, обширной поверхности мощения, обрамляющего остатки стен здания, и следам обрушившейся угловой колонны справа от портального входа, средневековый зодчий замыслил мавзолей как центральный объект меморативного комплекса, пытался связать его с реальными условиями участка, с окружающей застройкой и с прилежащей площадью. Расчистка выявила первоначальный контур сооружения [рис. 1-3], а вскрытие основания здания до уровня древней дневной поверхности показало отсутствие фундаментов в собственном смысле этого слова. Стены были возведены из квадратного жженого кирпича (красного и желтого оттенков, размерами 26 × 26 × 5 см и 27 × 27 × 6 см), на глиняном растворе, прямо на грунте. Те же плиты использованы при вымостке площадок, окружавших здание, и пола в одном из помещений.

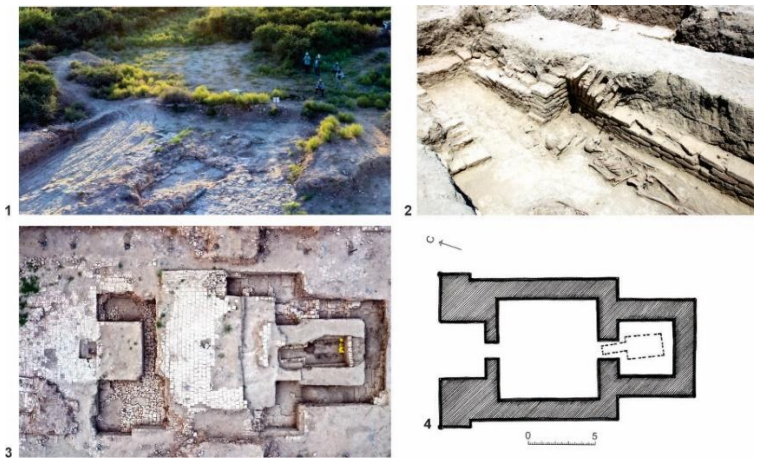


Рис. 1. Материалы археологических раскопок мавзолея на городище Кышкала [из мат. экспедиции КазНУ им. Аль-Фараби]: 1 – руины мавзолея располагались в северо-западной части городища; 2 – вид склепа сверху; 3 – фото раскопа с дрона; 4 – план мавзолея

Как выяснилось, сооружение имело четко выраженную главную ось север–юг, на которую последовательно «нанизаны» вход, оформленный порталом, и два четверика – большой и малый, примыкающий к его южной стене и заглубленный на 1,5 м, – собственно усыпальница (корхана) [рис. 1-4]. Площадь последней почти наполовину была занята склепом-саганой, рассчитанной на длину захоронения; вокруг нее оставлен лишь узкий проход. То есть не предусматривалось скопления людей, а, может быть, и доступ их. На земляном полу здесь было обнаружено парное захоронение – непотревоженные костные останки мужчины и женщины, с мусульманской ориентировкой север–юг [рис. 1-2], и железные гвозди, позволившие археологам предположить захоронение в деревянных ящиках – гробах.

Стены склепа возведены «цепной» кладкой, то есть так, что вертикальные швы располагались в шахматном порядке. Особенно четко это видно на торце саганы, сохранившемся на высоту 12 рядов кирпича. По боковым сторонам, западной и восточной, ряды обычной кладки, видимо, прослаивались поясками из вертикально стоящих кирпичей («дандана») – такое сочетание играло одновременно и

конструктивную, и декоративную роль. Вход в сагану напоминает дромос, движение по которому осуществлялось посредством крутой лестницы в толще кладки массива межкомнатной стены, переходящей в примыкающий к ней короткий сводчатый коридор. Подобным образом спускались в склеп мавзолея Рабии Султан-Бегим (г. Туркестан, XV в.) и «саханы» Маката в Сарыарке (Карагандинская обл., 1923 г.) [Смагулов, Григорьев, 1999: 133; Семби, 2001: 392].

Относительную сохранность склепа можно объяснить либо недоступностью его, либо боязнью осквернения могил. В то же время разрушающая рука человека до основания выбрала северную стену «большого» помещения, интерпретируемого нами как «зиаратхана» – место совершения обрядов, и два его южных угла, а также деформировала мощение пола, сохранив, впрочем, in situ довольно обширный участок, изучение которого, собственно, и позволило понять закономерности в построении плана постройки.

Для «виртуального восстановления» кышкалинского мавзолея и для понимания его внутренней созидательно-информативной сущности обратимся к изученности вопроса. Историография еще не воздала должное этому уникальному памятнику, поэтому сообщения о нем ограничиваются отчетами или публикациями, где он лишь упоминается как топографический репер для локализации средневекового города Баршынкент [Ортағасырлық Қышқала, 2021; Талеев и др., 2018]. Наиболее всесторонняя сводка по золотоордынским мавзолеям представлена в трудах Э. Д. Зиливинской [Зиливинская, 2014], В. Д. Блохина, Л. В. Яворской [Блохин, Яворская, 2006], Д. В. Васильева [Васильев, 2003]. В них дается классификация мавзолеев, рассматриваются портально-купольные конструкции и строительная техника. Важным подспорьем в исследовании послужили работы И. Ф. Бородиной [Бородина, 1974], Г. А. Пугаченковой, Л. И. Ремпеля [Пугаченкова, Ремпель, 1965], Л. Ю. Маньковской [Маньковская, 2014], С. Г. Хмельницкого [Хмельницкий, 1992], где рассматриваются среднеазиатские мавзолеи с зиаратханой, их композиция и декор. Сведения о мавзолеях эпохи Золотой Орды, выявленных на территории Казахстана, содержатся в публикациях Е. А. Смагулова [Смагулов, 2006], С. Е. Ажигали [Ажигали, 2002; Ажигали, Турганбаева, 2004], К. М. Байпакова [Байпаков, 2007], М. К. Хабдулиной [Хабдулина, 2020].

Обзор литературы показывает, что уже при первом взгляде на совокупность захваченных монголами территорий можно обнаружить целый ряд типов и разновидностей мемориальных сооружений. На землях Улуг Улуса выделим элитарные мавзолеи. Редкие из них сохранились до наших дней, совсем немногие вошли в науку по рисункам и описаниям путешественников; в основном памятники эти стали известны благодаря проведению археологических исследований. Последние спровоцировали рассмотрение широкого круга историко-архитектурных вопросов: от собственных данных объекта (тип, техника, стиль, датировка и т. д.) до специфики общеимперской типологии и унификации строительных материалов, конструкций и технологий (кирпич квадратный – 25 × 25 × 5 см; 26 × 26 × 6 см, половинчатый и фигурный, в сырцовом и обожженном виде, известковый и глинистый растворы, алебастровая штукатурка, панцирный способ возведения стен, купольная, сводчатая, балочная система и т. д.), включая синтез достижений народов Востока (двойные купола и наличие наружного барабана, декоративность с главенством растительного и эпиграфического узора, выделение важных деталей внешнего убранства – лент надписей, куполов, стен и порталов – резной терракотой, многоцветными мозаиками и голубой глазурью) [Блохин, Яворская, 2006; Зиливинская, 2016; Васильев, 2003; Надырова, 2023].

Столь же значительным разнообразием и вариативностью отличаются типологические классификации, основанные на тех или иных принципах деления золотоордынских мемориальных построек, и соответствующая им лексика, но, по сути, они опираются на две ключевые группы: однокамерные и двухкамерные мавзолеи [Блохин, Яворская, 2006; Зиливинская, 2016; Васильев, 2003]. По мнению исследователей, первые возводились над захоронениями особ правящей династии или светской аристократии, вторые – над реальными или мнимыми погребениями духовных лиц [Хмельницкий, 1992: 119; Мурадов, 2016: 311].

Однокамерные мавзолеи, как правило, представляют собой центрические или портально-купольные здания с квадратной (круглой, многоугольной) в плане усыпальницей. Важным, но не определяющим признаком является наличие подземного или полуподземного склепа, с отдельным входом, который располагался с южной или восточной стороны сооружения, заделывался или закладывался плитой. Покойников не зарывали в землю, а клали на утрамбованный или вымощенный пол склепа. Надгробие устанавливалось на полу верхнего, наземного помещения, которое

использовалось как зиаратхана. То есть, в этом случае мавзолей приобретал вертикальное построение композиции – двухуровневое [Зиливинская, 2016: 58; Васильев, 2003].

На территории Казахстана данная группа построек представлена такими одиночными объемами усыпальниц, как мавзолеи Жошы хана, Аяккамыр, Болган ана (Сарыарка), Сырлытам, «Башня Балгасын», Кызылтам (Арало-Каспий), «Калбасунская башня», Кызылоба (Северный Казахстан), Туглук-Тимура (Жетысу), мавзолей № 3 (городище Сыгнак, Юго-Западный Казахстан) и др. Часть из них безвозвратно утрачена, от иных остались только стены четверика или подземного склепа, поэтому о былой форме их куполов можно только догадываться. Вместе с тем весьма любопытной и применимой к данным постройкам выглядит версия Р. Г. Мурадова о мавзолее как «лестнице в небо», «успешном переходе в мир иной», «небесной обители правителя» с крышей в форме шатра–мировой горы (конического, пирамидального, ребристого, складчатого) или гофрированного купола сфероконической формы [Мурадов, 2018: 313].

Но не эти памятники в поле нашего зрения, а мавзолеи с более усложненной структурой – двухкамерные, с продольноосевым построением плана и анфиладным расположением помещений. Место захоронения в них изолировано, замкнуто и имеет характер святилища, вход к которому доступен не всегда и не каждому; оно блокируется со специальным помещением – зиаратханой, предназначенной для обрядов оплакивания, поминовения, поклонения, общей или уединенной молитвы. Появление данного типа планировки («ханака», по Л. Ю. Маньковской) исследователи связывают с развитием культа святых в исламе в XI–XII вв. и распространением разнообразных суфийских сект и дервишских орденов [Хмельницкий, 1996: 152; Снесарев, 1969: 267–288; Маньковская, 2014: 275].

Судя по источникам, от той поры до наших дней дожил мавзолей Ходжа-Иса (Тохаристан, XI–XII вв.) [рис. 2-5]; его зиаратхана имеет вид продолговатой узкой комнаты, которая примыкает к корхане продольной стороной и значительно ниже ее по уровню пола (Бородина, 1974: 119). Пропорциями и размерами на нее похожи ритуальные помещения двухкамерных прямоугольных в плане (призматических) мавзолеев правого крыла Улуса Жошы – Кок-Орды. Таковы мавзолей Кесене (Варненский р-н, Челябинская обл., XIV в.) [рис. 2-1] и мавзолей № 3 в Бельджамене (Водянское городище, Нижнее Поволжье, 50–60-е гг. XIV в.) [рис. 2-3]. Из казахстанских гробниц отметим мавзолей Абат-Байтак (Хобдинский р-н, Актюбинская обл.) [рис. 2-2], мавзолей Жаныбек-Шалкар (100 км к югу от г. Астана) [рис. 2-7], а также «Большой» [рис. 2-4] и «Малый» мавзолеи Жайыкского городища (8 км от г. Уральска, конец XIII – первая пол. XIV вв.) [Зиливинская, 2014; Смагулов, 2006; Хабдулина, 2020; Байпаков, 2007].

По последним двум памятникам весьма интересны сообщения археологов об оборудовании интерьера зиаратханы суфами, однако нельзя согласиться с их утверждениями о двухкупольной композиции этих зданий, поскольку прямоугольник стен продолговатого помещения перед купольной корханой мог перекрываться только сводом [Смагулов, 2006: 133; Байпаков, 2007: 372]. В качестве иллюстрации – перекрытие ритуального помещения мавзолея Карасопы, идентичного по планировке, но построенного в конце XIX в. (6 км от г. Жанакорган) [Байтенов, 2007: 190]. Что касается двухкупольных мавзолеев в прямоугольном призматическом корпусе, то на территории Казахстана они представлены более поздними памятниками: в частности, это сохранившиеся до наших дней мавзолеи Жунус-ата (с. Старый Икан, Туркестанская обл., XV–XVIII–XIX вв.) и Ногай-ишана (с. Ойык, Таласский р-н, Жамбылская обл., нач. 1920-х гг.) [Камалова, 1994: 306; Проскурин, Туякбаева, 2002: 273].

Параллельно с призматическими гробницами развивался и другой тип двухкамерных мавзолеев продольноосевого построения – Т-образный, или ступенчатый. В его ритуальном помещении исследователи видят подражание ранней среднеазиатской поминальной мечети–«киоску», восходящей к зороастрийскому чортаку [Воронина, 1969: 20; Хмельницкий, 1996: 70]. Существование данной планировки подтверждает мавзолей, ныне входящий в состав мемориально-культового комплекса Турбат (Туркестанская обл.) и известный как «Малый мазар» (Исхак-ата) [Туякбаева, Проскурин, 1994: 186]. Несмотря на то, что памятник сильно пострадал от времени, утратив перекрытия помещений и верх портала, в его объемно-пространственной структуре четко читаются два самостоятельных, разных по величине четверика (корхана – 3 × 3 м, зиаратхана – 4 × 4 м), поставленных рядом и соединенных общей стеной [рис. 2-8]. Не исключено, что именно эта караханидская постройка послужила прототипом для исследуемого нами безымянного мавзолея. Кроме схемы плана, источником вдохновения для средневекового мастера, думается, явились ее

конструктивные элементы и декор: подкупольные ячеистые паруса в виде нависающих друг над другом кирпичиков, кладка «парами» в чередовании с «бантиками» и «дорожки»–обрамления П-образной рамы портала.

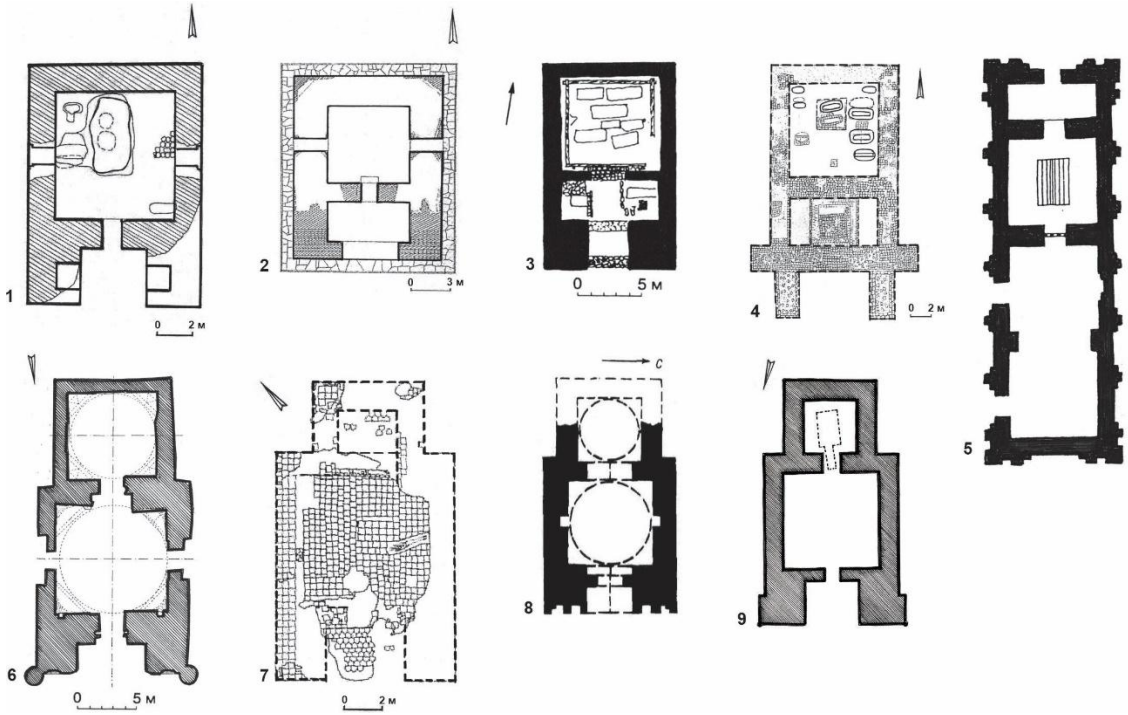


Рис. 2. Средневековые двухкамерные мавзолеи:
1 – план мавзолея Кесене (Челябинская обл.) [Зиливинская, 2014: 394]; 2 – план мавзолея Абат-Байтак (Актюбинская обл.). [Ажигали, Турганбаева, 2004: 12]; 3 – план мавзолея № 3. Некрополь Бельджамена (Водянское городище). Нижнее Поволжье; [Ажигали, 2002: 271]; 4 – план Большого мавзолея (Жайык) [Зиливинская, 2014: 399]; 5 – план мавзолея Ходжа-Иса. Тохаристан. XI–XII вв. [Бородина, 1974: 118]; 6 – План мавзолея Сайфеддина Бохарзи. Бухара. XIII–XIV вв. [Ноткин, 1969: 273]; 7 – План мавзолея Жаныбек-Шалкар (Акмолинская обл.) [Хабдулина, 2020: 196]; 8 – План Малого мазара. Исхак-ата. Турбат (Туркестанская обл.). XI–XII вв. [Туякбаева, Проскурин, 1994: 186]; 9 – План мавзолея Кышкала (Кызылординская обл.) [рис. авт.]

Имеются и более близкие аналогии. Подобный план лежит, например, в основе многокамерного мавзолея Сунак-ата (городище Сыгнак, 150 км к северо-востоку от г. Кызылорда), а также расположенного неподалеку от него (8 км к югу от Сыгнака, 5 км к северу от с. Томенарык) памятника – мавзолея Коккесене, известного как усыпальница хана Абулхаира. Близкое сходство с последним, как в плане, так в размерах кирпича, технике кладки, элементах декора явилось неожиданным научным открытием. Мы не будем описывать результаты раскопок в деталях, так как это право и обязанность тех, кто его раскопал; нам достаточно сказать всего несколько слов.

Несовпадения единичны. От кышкалинского памятника мавзолей Коккесене отличался меньшими размерами (длина боковой стороны остова составляет 15,8 м, длина главного фасада – 10,5 м) и не имел угловых колонок на портале. Кроме того, вход в его склеп располагался не по центру стены, а был смещен вправо; сам склеп занимал все пространство корханы, не оставляя места для кругового обхода – в настоящее время можно видеть, как его приплюснутый свод упирается в боковые стены погребальной камеры.

Эта одинаковость позволяет, очевидно, сделать вывод, что мавзолей из Кышкалы является образцом типовой архитектуры. В таком случае мы должны обратить пристальное внимание на материалы очевидцев мавзолея Коккесене – В. Каллаура (1901 г.) и А. Ю. Якубовского (1927 г.), заставших руинированные остатки памятника [Каллаур, 2011; Якубовский, 1929]. Разглядывая, например, графические изображения общих видов усыпальницы с восточной и юго-восточной стороны, выполненные по фотографиям А. Уткина, можно заметить остатки квадратной призмы

зиаратханы с переходным восьмигранником, шестнадцатигранным барабаном и коническим шатром купола, принципы построения архитектурно-художественного решения бокового фасада, высоту портала с клинчатой аркой входа и т. д. Из описаний исследователей особое значение приобретают для нас упоминания В. Каллауром фрагментов интерьера: заваленного камнями входа в склеп, еще возвышавшейся гробницы с флагом и надписи коранического содержания, повторявшейся 5–6 раз в поясе купола, а также восторженные отзывы А. Ю. Якубовского о красочности обломков декора. Во всяком случае, есть все основания предполагать, что оба мавзолея были очень похожи внешне, а зиаратхана кышкалинского мавзолея перекрывалась шатром.

Весьма продуктивным оказалось обращение к историко-архитектурному материалу Средней Азии, где, как выяснилось, продольноосевые ступенчатые композиции единовременного замысла в домонгольское время не были известны. Самый ранний образец – сохранившийся до наших дней мавзолей Сайфеддина Бохарзи, возведенный в Бухаре над погребением видного представителя дервишского ордена Накшбендия («Шейх-ул-олам» – шейх мира, 1190–1261 гг.). Как единый архитектурный организм памятник образовывался в ходе долгой жизни, в результате блокировки канонических типов зданий и их частей [рис. 2-6]. Древнейшей из них является корхана – собственно мавзолей, к которой некоторое время спустя пристроена была купольная зиаратхана и уже позднее (по разным версиям, XIV, XV, XVI вв.) появился пештак [Пугаченкова, Ремпель, 1965: 247; Ноткин, 1969: 271].

Эти сведения позволяют считать мавзолей Сайфеддина Бохарзи ровесником и ближайшим среднеазиатским аналогом исследуемой нами постройки, с той лишь разницей, что кышкалинский мавзолей почти вдвое меньше. Для нашего исследования бухарский мавзолей ценен тем, что и, как мавзолей Коккесене, позволяет представить, как мог выглядеть утраченный средневековый казахстанский памятник, мысленно воспроизвести его внешний вид, объемно-пространственную структуру, сочетающую ступенчатое призматическое тело, увенчанное двумя разновеликими куполами, и ограничивающий его по фронту статический квадрат портала, увидеть осевое нарастание этих монументальных объемов (в отличие от мавзолея Коккесене, они – сфероконические). Важны также впечатления свидетелей, созерцавших внутреннее пространство мавзолея Сайфеддина Бохарзи. Из их описаний следует, что небольшая полутемная корхана заполнена огромным деревянным, виртуозно выполненным, кенотафом над погребением шейха, а зиаратхана, напротив, обширна, хорошо освещена и устлана коврами. Выразительность интерьеров достигнута белым цветом ганчевых штукатурок и деталировкой переходов от стен четверика к восьмиграннику, а от него к шестнадцатигранному ярусу и выше – к основанию купола посредством перспективных арочек и сталактитов. Монохромны и фасады с их спокойной гладью кирпичных кладок. Отмечен едва ли не единственный декоративный элемент во всей постройке – сквозная аркатура-равак в верхней части портала [Пугаченкова, Ремпель, 1965: 247; Ноткин, 1969: 271].

Совершенно иную картину мы видим в артефактах кышкалинского мавзолея, основную часть которых составляет архитектурная керамика; в ней употреблен весь богатый арсенал декоративных материалов и технических приемов, известных зодчеству Средней Азии домонгольского и послемонгольского периода. Согласно исследованиям Л. И. Ремпеля, часть из них использована в убранстве памятников Самарканда и Бухары дотимуровского времени (мавзолеи Кусама ибн-Аббаса, Ходжа Ахмада, Туркан-ака, Туглу-Текин, Буян-Кули-хана, 30–70-е гг. XIV в.), другая характерна для памятников раннетимуридского периода (мавзолеи Амир-заде, Улуг-Султан-Бегим, 80-е гг. XIV в.) [Ремпель, 1961: 262–292]. Можно допустить также, что, помимо построек Средней Азии, великолепной школой мастерства для местных строителей могли послужить памятники близлежащих городов Ак-Орды – Сыгнака, Саурана, Туркестана, Отрара и др. [Байпаков, Смагулов, 2005; Хабдулина, 2020].

Результаты. Наше натурное исследование, начатое с геометрического анализа плана, дало следующие результаты. От западной до восточной стены ритуального зала плотно уложены 27 плиток размером 26 × 26 × 5 см, что дает величину стороны помещения, равную 7 м. Расчерчивая план здания на земле при помощи шнуров и колышков, мастер, по всей видимости, использовал «динамическое» соотношение вписанных один в другой квадратов, то есть совместил площадь зала (7 × 7 м) с регулярной сеткой (8 × 8), в основе которой лежит метрическая единица «гяз» – мера длины, равная половине размаха руки человека [Хмельницкий, 1992: 56]. Величина эта, составившая 87 см, близка по размерам среднеазиатским гязам древнего периода – 83–88 см и средневековья – 83–86 см [Прибыткова, 1960: 225]. Если предположение наше верно, то размеры помещений и

структурных элементов мавзолея можно представить следующим образом: длина боковых фасадов – 22 гяза, толщина стен (вместе с облицовкой) – 2 гяза, площадь корханы – 4 × 4 гяза, площадь саганы – 2 × 3 гяза. Геометрический анализ позволяет определить также длину полностью разобранного главного фасада – 13 гязов и показывает его уникальную особенность: портал был толще остальных стен за счет глубокой входной ниши (глубина – 3 гяза, ширина – 4 гяза) и выступал с обеих сторон на 0,5 гяза за общий объем здания, создавая с этой стороны обманчивое впечатление, будто он шире своих действительных размеров. Таким образом, размеры мавзолея в плане составили 11,3 × 19,14 м, что по величине и пропорциям сближает его с «Большим» мавзолеем, раскопанным на некрополе городища Жайык (8 км от г. Уральска), площадью 12,8 × 19,5 м.

Сложнее дело обстоит с применением той же системы пропорционирования при выявлении схемы вертикального развития утраченного здания. Если в плане господствует квадрат и его производные, то в проекции фасадов и разрезов пропорция, по мнению исследователей, основана на соразмерностях равностороннего треугольника [Массон, Пугаченкова, 1950: 124; Хмельницкий, 1996: 68]. Построение его с уровня пола на ширине помещений позволяет вывести только высоту стен (линия основания куполов) помещений: большого четверика – 6 м и малого – 3 м. Другие отметки высот мавзолея гипотетичны и не дают возможность установить целостную формальную структуру памятника.

В своем повествовании мы старались оставаться, по мере сил, в пределах анализа пространственных и объемных структур, но избежать соблазна увлечения архитектурным декором не удается. Описание каждого фрагмента облицовки мавзолея здесь невозможно, но отметим наличие двух основных групп: с поливой и без поливы. То есть, на фасадах здания соседствовали кирпич в своем натуральном виде, цвета благородной терракоты, и глазурованные изразцы. Прочны были еще традиции резной терракоты, сложившиеся в регионе в домонгольский период, и в то же время получили развитие приемы покрытия ее поливой, техника расписной майолики и мозаики на кашинной основе.

Матовый черепок мы видим на керамических изделиях массовой продукции в виде блоков, которые пригонялись к месту сборки на стене. Прямоугольной формы, крупноформатные, продуманные с точки зрения цвета и рисунка, они изготовлялись по технологии простейшей мозаики, представлявшей собой формирование изображений посредством компоновки, набора и закрепления на плоскости (или поверхности) керамических плиток. Образец такого «паркета» с плоской выстилкой приомороженных плиток – шаблон (длиной 45 см, высотой 28 см), собранный на сетке ромбов из семи деталей прямоугольной и квадратной формы в виде геометрического узора, построенного на вариациях кладки из шлифованных кирпичей: сдвоенных ложком, сдвоенных полукирпичиков на ребро, гравированных ложными разделительными швами. В центре монохромной композиции помещена узорообразующая вставка – тисненая глазурованная плитка с изображением плетенки («узла счастья») в обрамлении; ее плоский рельеф и голубая, почти бирюзовая, полива прекрасно сочетаются с тесаным кирпичом и четко выделяются на фоне красной терракоты [рис. 3-9].



Рис. 3. Остатки декоративного убранства кышкалинского мавзолея:
1, 4–7 – фрагменты резной терракоты; 2 – форма–калыб для изготовления резных вставок; 3 – графическая реконструкция арабографичной надписи; 8 – керамическая плитка; 9 – сборный блок с поливной плиткой–вставкой; 10 – фрагменты поливной фасадной керамики [из мат. экспедиции КазНУ им. Аль-Фараби; рис. авт.]

Другой прием упрощенной «сборки» изразцов представляет собой гирих (гирех, перс. узел, развязывание узла) – сложный геометрический орнамент из переплетающихся линий, образующих полигональные фигуры. Судя по литературе, он активно использовался среднеазиатскими мастерами как средство в организации плоскости и разбивке больших плоскостей на отдельные повторяющиеся в деталях узоры, сводя до определенного минимума количество деталей, сохранял впечатление целого [Рempель, 1961]. По существу, это та же мозаика, но выполняемая не в плоском рельефе, как рассмотренная выше наборная, а в двух или трех уровнях. Иными словами, сложные гирихи из специально подшлифованных по рисунку брусков рельефно возвышались над фоном в виде двухслойной резьбы, были как бы «накладными».

Разница прослеживается также в технологии изготовления. Согласно источникам, в отличие от наборной мозаики, где выпиленные или вырезанные ножом детали выкладывались лицевой стороной вниз по вычерченному на бумаге или площадке рисунку и заливались алебастром (ганч), элементы гириха, наоборот, укладывались на наведенный алебастровый раствор лицевой стороной вверх, как кусочки мозаики на смальту [Рempель, 1961: 260]. Будучи соединены в полагающийся рисунок и выровнены, последние образовывали сплошной, как бы глубоко вырезанный орнамент.

На остатках убранства мавзолея это достижение прикладной геометрии, основанное на лучевых сетках, представлено в полном блеске своих возможностей. Нам явлена зрелая, вполне развитая техника, испытанная в технологическом и художественном отношении. Судя по фрагментам, на трех вертикальных панно, шириной 48–50 см, свидетельствующей об использовании местными мастерами «алчина» (размер от локтя до конца указательного пальца) [Хинц, 1970: 109], узор был разбит на повторные (раппортные) элементы с фигурами, начертание которых вытекает из правильного деления круга на восемь частей и из построения на этой основе звездчатых восьмиугольников двух видов.

На первом панно центральная фигура построена способом соединения точек через одну, что дает наложение двух квадратов, из которых оси одного лежат на диагоналях другого. Оптический эффект геометрической арабески усилили изломы сторон и усечения концов, утолщение и уменьшение тела звезды, усложнение очертаний фоновых многоугольников и деформация заполняющего их растительного орнамента (неестественно изогнутые стебли и листья, вытянутые чашечки цветов) [рис. 3-4].

Две другие вертикальные композиции с гирихами демонстрируют фигуру, полученную способом соединения точек через две, излюбленный мотив среднего Востока на протяжении всего средневековья – остроконечную восьмилучевую звезду. Она обрамлена косыми (разнокрылыми) трапециями, в гнездах которых заглублены вставки со сквозной резьбой растительного орнамента. На каждом луче звезды решетки-профилированные ленты образовали отверстия в виде ромбоидов, а в ее центре – фигуру из пересекающихся по диагонали квадратов; в нее вставлен шестнадцатигранный медальон с тщательно проработанной резьбой «ислими» из стеблей, вьюнка, полупальметок и «сердечек». Ничего от живой натуры, все выдержано в определенной системе стилизации [рис. 3-1].

При большом внешнем сходстве двух последних панно одно из них отличается более сложной и виртуозно исполненной резьбой, а главное – отверстия на лучах его центральной фигуры заполнены плоскими глазурованными вставками-ромбоидами голубого и синего цвета. Имеются варианты плит, где в центре композиции возвышается зеленовато-голубой шаровидный блок [рис. 3-5]. То есть, мы видим, что, наряду с гирихами ахроматического рисунка, когда свет и тень работали без участия цвета, на геометрических арабесках имели место незначительные, но очень эффектные вкрапления цвета.

Особенности черепка, глазури и внешней формы вставленных полихромных плиток указывают на использование местными мастерами так называемого «кашина» – легкой, пористой, светлой силикатной массы из мелкодробленного кварцевого песка с включением глины и извести. К этим хрупким, легко поддающимся обработке плиткам, как известно, хорошо прилипала глазурь. Тот же кашиновый черепок, похоже, мастера использовали для изготовления наборных мозаик из майолики. Элементы узора в виде шестилучевых звездочек, «бантиков», колец, пятилепестковых розеток, крестовидных фигур, ромбов и пр. вырезались по отдельности из глазурованных плиток, окрашенных в разные цвета (белый, голубой, темно-синий, желтый, красный). Насыщенностью тона они обязаны поразительной чистоты и прозрачности глазури. Очень характерен в этой связи радующий глаз своей живостью и непринужденностью фриз, выявленный при расчистках цокольной части лицевого

фасада мавзолея. На его темно-синем, почти фиолетовом, фоне выступают белые, голубые и желтые фигуры, подчиненные схеме ритмически чередующихся медальонов.

Наряду с одноцветной майоликой, дающей чистые и наиболее яркие тона, краски максимальной интенсивности, местными мастерами предпринимались попытки создания перегородчатой майолики – двухцветной (голубой + синий) и трехцветной (голубой + синий + белый). На многочисленных обломках плоских и фигурных блоков видно, как, имитируя мелкие кирпичные фигурные кладки с перевязкой швов, орнаментальные элементы разного цвета разделялись глубокой бороздой. Несколько иначе решена проблема одновременной термической обработки глазурей с разными критическими точками обжига и необходимости предохранения красок от растекания и смешивания при нанесении смежных тонов на фрагментах керамики с мотивом «шахматной доски», осколках с изображением отвлеченно-стилизованной плетенки и арабографичной надписи под прозрачной бирюзовой глазурью. Здесь рисунок очерчен черным контуром, имеет так называемый «мертвый край». При всех сложностях изготовления данная технология, получившая название «расписной майолики», имела свои преимущества: она менее трудоемка и, главное, богата живописными эффектами, отличалась мягкостью сочетания тонов, свободой рисунка [рис. 3-10] [Керамическое…, 1980].

Как видим, здесь представлены все основные приемы облицовок, известные в ту пору в регионе, в частности, многоцветные майолики и наборные резные мозаики, которые, судя по литературе, вошли в архитектуру Средней Азии и Казахстана во второй половине – 70-х гг. XIV в. [Ремпель, 1961: 258; Пугаченкова, Ремпель, 1965: 250; Массон, Пугаченкова, 1950: 112].

Заключение. Таким образом, в Кызылординской области, на территории исчезнувшего средневекового города Баршынкента, обнаружен уникальный двухкамерный ступенчатый мавзолей золотоордынского времени. Памятник этот исключительно важен для изучения отечественной архитектуры, поскольку позволяет судить о характере не дошедших до нас монументальных мемориальных сооружений эпохи и дает ответы на некоторые вопросы о генезисе построек этнографической современности. Более того, он свидетельствует об эволюции архитектурного декора с конца XII по XIV вв. На начальный этап указывают фрагменты, иллюстрирующие переход от неполивной терракоты к поливным изразцам, а также штампованная керамика в виде сборных блоков с тиснеными глазурованными плитками-вставками, а конечный этап – обломки расписной майолики и наборной резной мозаики на кашинной основе. Именно последнее обстоятельство позволяет сузить хронологические рамки, установленные археологами – XIII–XIV вв. Первая часть датировки сомнительна, поскольку в это время Южный Казахстан переживал упадок, фактическую гибель городов, и предполагать в такое время строительство довольно крупного, богато украшенного здания трудно. Дополнительным аргументом в пользу XIV в., времени сложившихся приемов и форм, некоторых архитектурных стереотипов, может быть факт подъема экономики края и городской культуры Ак-Орды, начатый в годы правления хана Ерзена, когда архитектура развивалась под сильным влиянием сложившихся ранее традиций и нового социального заказа.

Литература

Ажигали, 2002 – *Ажигали С. Е.* Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: Ғылым, 2002. 654 с.

Ажигали, Турганбаева, 2004 – *Ажигали С. Е., Турганбаева Л. Р.* Абат-Байтак – жемчужина Казахской степи. Алматы, [Б. и.], 2004. 32 с.

Байпаков, 2007 – *Байпаков К. М.* Великий шелковый путь на территории Казахстана. Алматы: Адамар, 2007. 496 с.

Байпаков, Смагулов, 2005 – *Байпаков К. М., Смагулов Е. А.* Средневековый город Сауран. Алматы: Институт археологии МОН РК, 2005. 201 с.

Байтенов, 2007 – *Байтенов Э. М.* Мавзолей Карасопы // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Кызылординская область. Алматы: Аруна, 2007. С. 190–191.

Блохин, Яворская, 2006 – *Блохин В. Г., Яворская Л. В.* Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. 249 с.

Бородина, 1974 – *Бородина И. Ф.* Особенности формирования мемориальных сооружений Средней Азии X–XV вв. Архитектурное наследство. Вып. 22. 1974. С. 117–127.

Васильев, 2003 – *Васильев Д. В.* Мавзолеи Золотой Орды: географический обзор и опыт типологизации // Ученые записки Астраханского государственного университета. Астрахань, 2003. С. 110–119. URL: https://pandia.ru/text/77/358/73352.php.

Воронина, 1969 – *Воронина В. Л.* Архитектура Средней Азии XVIII–XIX вв. // Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. VI–XIX вв. Т. 8. Всеобщая история архитектуры в 12 тт. М.: Стройиздат, 1969. С. 331–346.

Зиливинская, 2014 – *Зиливинская Э. Д.* Архитектура Золотой Орды. Часть I. Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. 228 с.

Зиливинская, 2016 – *Зиливинская Э. Д.* Культовая архитектура Золотой Орды: происхождение и традиции // Поволжская археология. 2016. № 2(16). С. 44–67.

Каллаур, 1901 – *Каллаур В.* Мавзолей Кок-Кесене в Перовском уезде. Приложение к протоколу № 3 (от 11 декабря 1901 г.) // Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии. Историко-культурные памятники Казахстана / Предисл. и сост. Елеуов М., Бахтыбаев М. М. Туркестан, 2011. С. 254–258.

Камалова, 1994 – *Камалова Г. М.* Мавзолей Жунус-ата // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Южно-Казахстанская область. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1994. – С. 306.

Керамическое производство Средней Азии средневекового периода. Методические указания для студентов 4 и 5-го курсов исторического факультета. Сост. С. Б. Лунина, З. И. Усманова. Отв. ред. Г. Я. Дресвянская. Ташкент: Гос. университет, 1980. 34 с.

Маньковская, 2014 – *Маньковская Л. Ю.* Формообразование и типология зодчества Средней Азии. IX – начало XX века. Ташкент: Baktria press, 2014. 496 с.

Массон, Пугаченкова, 1950 – *Массон М. Е., Пугаченкова Г. А.* «Гумбез Манаса». М.: Гос. изд-во архитектуры и градостроительства, 1950. 142 с.

Мурадов, 2018 – *Мурадов Р. Г.* Ребристые шатры и купола исламских мавзолеев // Следы империй. Культура Центральной Азии от Александра Македонского до Тимуридов. Кабул–Бишкек, 2018. С. 305–324.

Надырова, 2023 – *Надырова Х. Ф.* Архитектура городов Золотой Орды. https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-gorodov-zolotoy-ordy. Дата обращения 02.05.23

Ноткин, 1969 – *Ноткин И. И.* Архитектура Средней Азии XIII–XIV вв. // Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. VI–XIX вв. Т. 8. Всеобщая история архитектуры в 12 тт. М.: Стройиздат, 1969. С. 257–276.

Ортағасырлық Қышқала (Баршынкент): Алтын Орда дәуіріндегі қалалық мәдениет контекстінде. Ғылыми-зерттеу жұмысы жөніндегі есеп. Алматы, 2021 ж. 17 б.

Прибыткова, 1960 – *Прибыткова А. М.* Роль строительной техники в сложении архитектуры Средней Азии XI–XII вв. // Архитектура и строительная техника. М., 1960. С. 223–254.

Проскурин, Туякбаева, 2002 – *Проскурин А. Н., Туякбаева Б. Т.* Мавзолей Ногай ишана // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Жамбылская область. Алматы: РГП «НИПИ ПМК», 2002. С. 273–274.

Пугаченкова, Ремпель, 1965 – *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX века. М.: Искусство, 1965. 688 с.

Ремпель, 1961 – *Ремпель Л. И.* Архитектурный орнамент Узбекистана. История развития и теория построения. Ташкент: Гослитиздат УзССР, 1961. 608 с.

Семби, 2001 – *Семби М. К.* Реликты архаических ритуалов в памятниках казахской архитектуры Сарыарки // Обычаи и обряды казахов в прошлом и настоящем. Алматы: Ғылым, 2001. С. 387–398.

Смагулов, 2006 – *Смагулов Е. А.* Мавзолей Абат-Байтак: некоторые итоги археологического исследования // Известия НАН РК. Серия общественных наук. 2006. № 1. С. 126–135.

Смагулов, Григорьев, 1999 – *Смагулов Е., Григорьев Ф.* Культово-мемориальные сооружения г. Туркестана. Этапы формирования некрополя // Очерки по истории и археологии средневекового Туркестана. Алматы: Ғылым, 1999. С. 114–148.

Снесарев, 1969 – *Снесарев Г. П.* Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969. 336 с.

Талеев, Елеуов, Есенов, 2018 – *Талеев Д. А., Елеуов М., Есенов С.* Тағдыры жұмбақ Қышқала // Археология Казахстана. № 1–2. 2018. С. 259–271.

Туякбаева, Проскурин, 1994 – *Туякбаева Б. Т., Проскурин А. Н.* Мазар Малый. Архитектурный комплекс Исхак-ата // Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Южно-Казахстанская область. Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 1994. С. 186–187.

Хабдулина, 2020 – *Хабдулина М. К.* Степи Сарыарки как этническая территория казахской государственности // Сакральный ландшафт Сарыарки. Нур-Султан–Рим, [Б. и.] 2020. С. 192–206.

Хинц, 1970 – *Хинц, В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970. URL: https://www.academia.edu/36359558.

Хмельницкий, 1992 – *Хмельницкий С. Г.* Между арабами и тюрками. Архитектура Средней Азии IX–X вв. Берлин–Рига: Continent Ltd., 1992. 343 с.

Хмельницкий, 1996 – *Хмельницкий С. Г.* Между саманидами и монголами. Архитектура Средней Азии XI–XIII вв. Берлин–Рига: Continent Ltd., 1996. 336 с.

Якубовский, 1929 – *Якубовский А. Ю.* Развалины Сыгнака // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК). Вып. 2. Л., 1929. С. 123–159.

References

Ajigali, 2002 – *Ajigali S. E.* Arhitektura kochevnikov – fenomen istorii i kultury Evrazii (pamyatniki Aralo-Kaspiyskogo regiona) [Architecture of nomads – A Phenomenon of history and culture of Eurasia (monuments of the Aral-Caspian region)]. Almaty: Gylym, 2002. 654 p. [in Russian]

Ajigali, Turganbayeva, 2004 – *Ajigali S. E., Turganbayeva L. R.* Abat-Baytak – jemchujina Kazahskoy stepi [Abat-Baytak – the pearl of the Kazakh steppe]. Almaty [B. i.], 2004. 32 p. [in Russian]

Baypakov, 2007 – *Baypakov K. M.* Velikiy shelkovyi put na territorii Kazahstana [The Great Silk Road in Kazakhstan]. Almaty: Adamar, 2007. 496 p. [in Russian]

Baypakov, Smagulov, 2005 – *Baypakov K. M., Smagulov E. A.* Srednevekovyi gorod Sauran [The Medieval town Sauran]. Almaty: Institut arheologii MON RK, 2005. 201 p. [in Russian]

Baytenov, 2007 – *Baytenov E. M.* Mavzoley Karasopyi. Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazahstan. Kyizyilordinskaya oblast [Karasopy mausoleum. Code of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Kyzylorda Region]. Almaty: Aruna, 2007. Pp. 190–191. [in Russian]

Blohin, Yavorskaya, 2006 – *Blohin V. G., Yavorskaya L. V.* Arheologiya zolotoordyinskih gorodov Nijnego Povoljya [Archaeology of the Golden Horde cities in the Lower Volga region]. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2006. 249 p. [in Russian]

Borodina, 1974 – *Borodina I. F.* Osobennosti formirovaniya memorialnyih soorujeniy Sredney Azii X–XV vv. [The development characteristics of Central Asian memorial architecture (10th–15th cc.)] Arhitekturnoe nasledstvo. Vyip. 22. 1974. Pp. 117–127. [in Russian]

Vasilev, 2003 – *Vasilev D. V.* Mavzolei Zolotoy Ordyi: geograficheskiy obzor i opyt tipologizatsii [Mausoleums of the Golden Horde: geographical survey and typological experience]. Uchenyie zapiski Astrahanskogo gosudarstvennogo universiteta. Astrahan, 2003. Pp. 110–119. https://pandia.ru/text/77/358/73352.php. [in Russian]

Voronina, 1969 – *Voronina V. L.* Arhitektura Sredney Azii XVIII–XIX vv. Arhitektura stran Sredizemnomorya, Afriki i Azii. VI–XIX vv. [Architecture of Central Asia in the 18th–19th centuries. Universal history of architecture. Architecture of the Mediterranean, African, and Asian countries. 6th–19th centuries] T. 8. Vseobschaya istoriya arhitektury v 12 tt. M.: Stroyizdat, 1969. Pp. 331–346. [in Russian]

Zilivinskaya, 2014 – *Zilivinskaya E. D.* Arhitektura Zolotoy Ordy. Chast I. Kultovoe zodchestvo [Golden Horde era architecture. Part I. Cultic architecture]. Kazan: Otechestvo, 2014. 228 p. [in Russian]

Zilivinskaya, 2016 – *Zilivinskaya E. D.* Kultovaya arhitektura Zolotoy Ordy: proishojdenie i traditsii [Iconic architecture of the Golden Horde: origins and traditions]. Povoljskaya arheologiya. № 2(16). 2016. Pp. 44–67. [in Russian]

Kallaur, 1901 – *Kallaur V.* Mavzoley Kok-Kesene v Perovskom uezde. Prilojenie k protokolu № 3 (ot 11 dekabrya 1901 g.). Protokoly zasedaniy i soobscheniy chlenov Turkestanskogo krujka lyubiteley arheologii. Istoriko-kulturnye pamyatniki Kazahstana [The Kok-Kesene mausoleum in the Perovsky district. Annex to the protocol № 3 (as of december 11 in 1901). Protocols of meetings and reports by members of the Turkestan circle of archaeology lovers. Historical and cultural monuments of Kazakhstan]. Predisl. i sost. Eleuov M., Bahtyibaev M. M. Turkestan, 2011. Pp. 254–258. [in Russian]

Kamalova, 1994 – *Kamalova G. M.* Mavzoley Junus-ata. Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazahstan. Yujno-Kazahstanskaya oblast [Mausoleum of Zhunus-ata. Code of monuments of history and culture of the republic of Kazakhstan. South Kazakhstan region]. Almaty: Kazak entsiklopediyasy, 1994. – Pp. 306. [in Russian]

Keramicheskoe proizvodstvo Sredney Azii srednevekovogo perioda. Metodicheskie ukazaniya dlya studentov 4 i 5-go kursov istoricheskogo fakulteta [Medieval pottery production of Central Asia. Methodological instructions for 4th and 5th-year students of the faculty of history]. Sost. S. B. Lunina, Z. I. Usmanova. Otv. red. G.Ya. Dresvyanskaya. Tashkent: Gos. universitet, 1980. 34 p. [in Russian]

Mankovskaya, 2014 – *Mankovskaya L. Yu.* Formoobrazovanie i tipologiya zodchestva Sredney Azii. IX – nachalo XX veka [Architectural formation and typology of Central Asia. 9th – early 20th century]. Tashkent: Baktria press, 2014. 496 p. [in Russian]

Masson, Pugachenkova, 1950 – *Masson M. E., Pugachenkova G. A.* «Gumbez Manasa» [«Gumbez of Manas»]. M.: Gos. izd-vo arhitektury i gradostroitelstva, 1950. 142 p. [in Russian]

Muradov, 2018 – *Muradov R. G.* Rebristyie shatry i kupola islamskih mavzoleev. Sledy imperiy. Kultura Tsentralnoy Azii ot Aleksandra Makedonskogo do Timuridov [Ribbed tents and domes of islamic mausoleums. Traces of empires. Central Asian culture: from Alexander the Great to the Timurids]. Kabul–Bishkek, 2018. Pp. 305–324. [in Russian]

Nadyirova, 2023 – *Nadyirova H. F.* Arhitektura gorodov Zolotoy Ordy [Architecture of the Golden Horde cities]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-gorodov-zolotoy-ordy. Data obrascheniya 02.05.23. [in Russian]

Notkin, 1969 – *Notkin I. I.* Arhitektura Sredney Azii XIII–XIV vv. Arhitektura stran Sredizemnomorya, Afriki i Azii. VI–XIX vv. [Architecture of Central Asia in the 13th and 14th centuries. Architecture of the Mediterranean, African, and Asian countries. 6th–19th centuries]. T. 8. Vseobschaya istoriya arhitekturyi v 12 tt. M.: Stroyizdat, 1969. Pp. 257–276. [in Russian]

Ortagasyrlyik Kyshkala (Barshyinkent): Altyn Orda dauirindegi kalalyk madeniet kontekstinde [The medieval settlement of Kyshkala (Barshynkent) in the context of the urban culture of the Golden Horde epoch]. Gylymi-zertteu jumysy jonindegi esep. Almaty, 2021 j. 17 p. [in Kazakh]

Pribyitkova, 1960 – *Pribyitkova A. M.* Rol stroitelnoy tehniki v slojenii arhitektury Sredney Azii XI–XII vv. Arhitektura i stroitelnaya tehnika [The role of masonry techniques in the development of Central Asian architecture in the 11th–12th centuries. Architecture and construction engineering]. M., 1960. Pp. 223–254. [in Russian]

Proskurin, Tuyakbaeva, 2002 – *Proskurin A. N., Tuyakbaeva B. T.* Mavzoley Nogay ishana. Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazahstan. Jambyilskaya oblast [Mausoleum of Nogai ishan. Code of monuments of history and culture of the Republic of Kazakhstan. Zhambul region]. Almaty: RGP «NIPI PMK», 2002. Pp. 273–274. [in Russian]

Pugachenkova, Rempel, 1965 – *Pugachenkova G. A., Rempel L. I.* Istoriya iskusstv Uzbekistana s drevneyshih vremen do serediny XIX veka [The history of art in Uzbekistan from ancient times to the mid-19th century]. M.: Iskusstvo, 1965. 688 p. [in Russian]

Rempel, 1961 – *Rempel L. I.* Arhitekturnyi ornament Uzbekistana. Istoriya razvitiya i teoriya postroeniya [Architectural ornamentation of Uzbekistan. Historical development and theoretical framework]. Tashkent: Goslitizdat UzSSR, 1961. 608 p. [in Russian]

Sembi, 2001 – *Sembi M. K.* Relikty arhaicheskih ritualov v pamyatnikah kazahskoy arhitektury Saryarki. Obychai i obryady kazahov v proshlom i nastoyaschem [Relics of archaic rituals in the architectural monuments of the Kazakh Saryarka. Customs and rituals of the Kazakhs, past and present]. Almaty: Gylym, 2001. Pp. 387–398. [in Russian]

Smagulov, 2006 – *Smagulov E. A.* Mavzoley Abat-Baytak: nekotoryie itogi arheologicheskogo issledovaniya [Abat-Baitak mausoleum: some results of the archaeological research]. Izvestiya NAN RK. Seriya obschestvennyih nauk. 2006. № 1. Pp. 126–135. [in Russian]

Smagulov, Grigorev, 1999 – *Smagulov E., Grigorev F.* Kultovo-memorialnyie soorujeniya g. Turkestana. Etapy formirovaniya nekropolya. Ocherki po istorii i arheologii srednevekovogo Turkestana [Cult and memorial structures of Turkestan. Stages of necropolis formation. Essays on the history and archaeology of Medieval Turkestan]. Almaty: Gylym, 1999. Pp. 114–148. [in Russian]

Snesarev, 1969 – *Snesarev G. P.* Relikty domusulmanskih verovaniy i obryadov u uzbekov Horezma [Relics of pre-islamic beliefs and rites of the Khorezm Uzbeks]. M.: Nauka, 1969. 336 p. [in Russian]

Taleev, Eleuov, Esenov, 2018 – *Taleev D. A., Eleuov M., Esenov S.* Tagdyry jumbak Kyshkala [The mysterious fate of the city of Kyshkala]. Arheologiya Kazahstana. № 1–2. 2018 g. Pp. 259–271. [in Kazakh]

Tuyakbaeva, Proskurin, 1994 – *Tuyakbaeva B. T., Proskurin A. N.* Mazar Malyi. Arhitekturnyiy kompleks Ishak-ata. Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazahstan. Yujno-Kazahstanskaya oblast [Small mazar. Architectural complex Ishak-ata. Code of monuments of history and culture of the Republic of Kazakhstan. South Kazakhstan region]. Almaty: Kazak entsiklopediyasy, 1994. Pp. 186–187. [in Russian]

Habdulina, 2020 – *Habdulina M. K.* Stepi Saryiarki kak etnicheskaya territoriya kazahskoy gosudarstvennosti. Sakralnyi landshaft Saryiarki [The Saryarka steppes as the ethnic territory of Kazakh statehood. The sacred landscape of Saryarka]. Nur-Sultan–Rim [B. i.], 2020. Pp. 192–206. [in Russian]

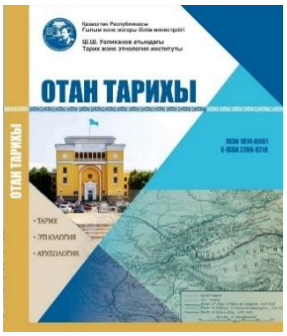
Hints, 1970 – *Hints, V.* Musulmanskie mery i vesa s perevodom v metricheskuy sistemu [Conversion of Islamic weights and measures into the metric system]. M., 1970. URL: https://www.academia.edu/36359558. [in Russian]

Hmelnitskiy, 1992 – *Hmelnitskiy S. G.* Mejdu arabami i tyurkami. Arhitektura Sredney Azii IX–X vv. [Between Arabs and Turks. Central Asian architecture of the 9th–10th centuries]. Berlin–Riga: Continent Ltd., 1992. 343 p. [in Russian]

Hmelnitskiy, 1996 – *Hmelnitskiy S. G.* Mejdu samanidami i mongolami. Arhitektura Sredney Azii XI–XIII vv. [Between the Samanids and the Mongols. Central Asian architecture of the 11th–13 th centuries]. Berlin–Riga: Continent Ltd., 1996. 336 p. [in Russian]

Yakubovskiy, 1929 – *Yakubovskiy A. Yu.* Razvaliny Syignaka [Ruins of Sighnaq]. Soobscheniya Gosudarstvennoy Akademii istorii materialnoy kultury (GAIMK). Vyp. 2. L 1929. Pp. 123–159. [in Russian]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1432–1444
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР/МРНТИ/IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1432-1444

ҚАРАҒАНДЫ ЖӘНЕ ҰЛЫТАУ ОБЛЫСТАРЫНДАҒЫ ҚАЗАҚТАР АРАСЫНДАҒЫ НЕКЕ ТҰРАҚСЫЗДЫҒЫНА ЭТНОЛОГИЯЛЫҚ ТАЛДАУ

Ерғали Гауһар[1], Қалыш Аманжол[2], Исаева Алия Исаевна[3]*

[1] әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
(әл-Фараби даңғылы, 71, 050038, Алматы, Қазақстан Республикасы)
2 курс докторант
https://orcid.org/0009-0000-7496-0918. E-mail: bakaeva.gauhar@mail.ru

[2] әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
(әл-Фараби даңғылы, 71, 0550038, Алматы, Қазақстан Республикасы)
https://orcid.org/0000-0003-3073-1368. E-mail: kalyshamanzhol@gmail.com

[3] Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті
(Гоголь көшесі 114/8, 050000, Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор
https://orcid.org/0000-0002-7592-2945. E-mail: aliyaissaevna@gmail.com
*Автор-корреспондент

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Ерғали Г., Қалыш А.Б., Исаева А.И., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Қазіргі таңда отбасы-неке қатынастарының тұрақтылықтан ажырауы, некені бұзудың үдерістері мен себептерін зерттеу әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар, соның ішінде этнология үшін ерекше өзектілікке ие болып отыр. Тұрақсыз некелердің жай-күйі мен факторларын зерделеудегі пәнаралық тәсіл олардың кешенді табиғатын ашуға және оның этноәлеуметтік салдарын айқындауға мүмкіндік береді. Қазақстандық қоғамның трансформациясы жағдайында дәстүрлі құндылық ұстанымдарының, отбасылық стратегиялар мен туыстық қатынас үлгілерінің өзгеруімен қатар, неке тұрақсыздығын талдау күнделікті этномәдени құбылыстар мен заманауи әлеуметтік-экономикалық жағдайларды да ескеруді талап етеді. *Мақаланың мақсаты* – ресми статистикалық деректер мен ел арасынан жиналған этнологиялық материалдарға сүйене отырып Қарағанды және Ұлытау облыстарындағы қазақтар арасындағы неке тұрақсыздығының сипаттамалары мен факторларын анықтау және талдау. *Зерттеу міндеттері:* неке тұрақсыздығына алып келетін негізгі себептер мен алғышарттарды айқындау; өңірдегі отбасылық-некелік қатынастардың тұрақтылығы мен қақтығыстылығының даму қарқынын талдау; ауылдық ортадағы некенің ыдырауына ықпал ететін маңызды себептерді анықтау; дәстүрлі ережелер мен заманауи инновациялық үдерістердің ажырасу процестерінің сипатына ықпалын салыстырмалы түрде зерделеу. *Зерттеу нәтижелері:* некенің бұзылу ықтималдығы негізінен халқы бір ұлттан құралған ауылдық ортаға қарағанда, көпэтностық қалалық ортада едәуір жоғары екені анықталды. Отбасылық-некелік қатынастарының әлсіреуі нарықтық экономика, урбанизация, гендерлік факторлар, жастардың өмірлік

ұстанымдарының өзгеруі секілді жалпы республикалық үрдістер аясында байқалады. Аймақтағы неке тұрақтылығына отбасы құрамында аға буын өкілдерінің болуы, ағайын-туыстарымен байланыста болуы, сондай-ақ құдандалық қатынастардың белсенділігі неке тұрақтылығына елеулі ықпалын тигізеді. *Ғылыми жаңалығы:* ресми статистикалық, сондай-ақ этнологиялық мәліметтерді байланыстыра талдау арқылы аймақтағы неке тұрақсыздығының жай-күйі мен ерекшеліктері анықталады. *Қорытынды.* Жүргізілген зерттеу Қарағанды және Ұлытау облыстарының қалалық және ауылдық жерлеріндегі қазақтардың отбасы-некелік қатынастарының тұрақтану және әлсіреу үрдістерін объективті талдауға, аталған үрдістерге ықпал етуші факторларды айқындауға және олардың қазіргі әлеуметтік-экономикалық даму жағдайындағы этномәдени ерекшеліктерін анықтауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: қазақтар, Қарағанды және Ұлытау облыстары, неке-отбасылық қатынастар, некелік тұрақсыздық, ажырасу, отбасы этнологиясы, урбандалу үдерісі, дәстүрлер мен инновациялар.
Дәйексөз үшін: Ерғали Г., Қалыш А.Б., Исаева А.И. Қарағанды және Ұлытау облыстарындағы қазақтар арасындағы неке тұрақсыздығына этнологиялық талдау // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. 1432–1444-бб. [Қазақш]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1432-1444

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БРАЧНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ СРЕДИ КАЗАХОВ КАРАГАНДИНСКОЙ И УЛЫТАУ СКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Ергали Гаухар[1], Калыш Аманжол Боранбайулы[2] , Исаева Алия Исаевна[3]*

[1] Казахский национальный университет им.аль-Фараби
(пр. Аль-Фараби, 71, 050038, Алматы, Республика Казахстан)
Докторант 2 курса
https://orcid.org/0009-0000-7496-0918. E-mail: bakaeva.gauhar@mail.ru

[2] Казахский национальный университет им. аль-Фараби
(пр. Аль-Фараби, 71, 050038, Алматы, Республика Казахстан)
Доктор исторических наук, профессор
https://orcid.org/0000-0003-3073-1368. E-mail: kalyshamanzhol@gmail.com

[3] Казахский национальный женский педагогический университет
(ул. Гоголя, 114/8. 050000, Алматы, Казакстан Республикасы)
Кандидат исторических наук, ассоцир. профессор
https://orcid.org/0000-0002-7592-2945. E-mail: aliyaissaevna@gmail.com.

© ИИЭ им. Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Ергали Г., Калыш А.Б., Исаева А.И., 2026

Аннотация. *Введение.* В настоящее время исследование устойчивости и конфликтности брачно-семейных отношений, а также мотивов и причин расторжения брака приобретает особую актуальность для социальных и гуманитарных наук, включая этнологию. Междисциплинарный подход к изучению состояния и факторов нестабильных браков позволяет раскрыть их комплексный характер и последствия. В условиях трансформации казахстанского общества, а также изменений в традиционных системах ценностей, семейных стратегиях и моделях родственных отношений, анализ брачной нестабильности требует учета как повседневных этнокультурных явлений, так и современных социально-экономических условий. *Цель статьи* заключается в выявлении особенностей и факторов брачной нестабильности среди казахов Карагандинской и Улытауской областей на основе комплексного анализа официальных статистических данных и полевых этнологических материалов. *Задачи исследования:* выявить основные причины и предпосылки брачной нестабильности; проанализировать динамику и тенденции устойчивости и конфликтности семейно-брачных отношений в регионе; выделить ключевые причины распада браков в городской и сельской среде; провести сравнительное исследование влияния тардиций и инноваций на характер разводов. *Результаты исследования* показывают, что вероятность расторжения брака в исследуемом

регионе значительно выше в полиэтничной городской среде по сравнению с моноэтничной сельской. Ослабление брачно-семейных отношений происходит под воздействием совокупности демографических, социально-экономических, этнокультурных, урбанизационных, гендерных факторов и изменений жизненных установок молодого поколения. Существенное влияние для стабильности семейных отношений оказывают наличие старших членов семьи, сохранение родственных связей, традиционных стереотипов брачного поведения. *Научная новизна исследования* состоит в комплексном этнологическом анализе состояния брачной нестабильности среди казахов двух рассматриваемых областей с учетом социально-демографических и этнокультурных особенностей. *Заключение.* Полученные результаты свидетельствуют о сложном процессе взаимодействия существующих традиционных представлений и современных социальных практик в семейных и брачных отношениях среди городских и сельских казахов Карагандинской и Улытауской областей.

Ключевые слова: казахи, Карагандинская и Улытауская области, брачно-семейные отношения, брачная нестабильность, развод, этнология семьи, урбанизация, традиции и инновации.

Для цитирования: Ергали Г., Калыш А.Б., Исаева А.И. Этнологический анализ брачной нестабильности среди казахов Карагандинской и Улытауской областей // Отан тарихы. 2026. Т. 29. № 3. С. 1432–1444. [на каз]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1432-1444

ETHNOLOGICAL ANALYSIS OF MARITAL INSTABILITY AMONG KAZAKHS IN THE KARAGANDA AND ULYTAU REGIONS

Yergali Gauhar[1], Kalysh Amanzhol[2], Issayeva Aliya[3]*

[1] Al-Farabi Kazakh National University
(Al-Farabi Aven6 71, 050038 Almaty, Republic of Kazakhstan)
2and year doctoral student
https://orcid.org/0009-0000-7496-0918. E-mail: bakaeva.gauhar@mail.ru

[2] Al-Farabi Kazakh National University
(Al-Farabi Aven6 71, 050038 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Doctor of Historical Sciences, Professor
https://orcid.org/0000-0003-3073-1368. E-mail:kalyshamanzhol@gmail.com

[3] Kazakh National Woman Pedagogical University
(Gogol Street, 114/8. 050000, Almaty, Republik of Kazakhstan)
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
https://orcid.org/0000-0002-7592-2945. E-mail: aliyaissaevna@gmail.com.
*Corresponding author

© Valikhanov IHE, 2026
© Yergali G., Kalysh A.B., Issayeva A.I., 2026

Abstract. *Introduction.* The study of the stability of marital and family relations, family conflict, and the motives and causes of marital dissolution has become increasingly relevant to the social sciences and humanities, including ethnology. An interdisciplinary approach to examining marital instability and the factors contributing to it makes it possible to reveal the complex nature and consequences of this phenomenon. In the context of the ongoing transformation of Kazakhstani society, as well as changes in traditional value systems, family strategies, and patterns of kinship relations, the analysis of marital instability requires consideration of both everyday ethnocultural practices and contemporary socioeconomic conditions. *The purpose of this article* is to identify the distinctive features and determinants of marital instability among Kazakhs in the Karaganda and Ulytau Regions through a comprehensive analysis of official statistical data and ethnographic fieldwork materials. *The research objectives* are to identify the principal causes and preconditions of marital instability; analyze the dynamics and trends of stability and conflict in marital and family relations in the region; determine the key causes of marital dissolution in urban

and rural settings; and conduct a comparative analysis of the influence of traditional values and contemporary innovations on divorce patterns. *Research results:* The findings indicate that the likelihood of marital dissolution in the region under study is significantly higher in multiethnic urban settings than in predominantly monoethnic rural communities. The weakening of marital and family relations is influenced by a combination of demographic, socioeconomic, ethnocultural, urbanization-related, and gender-related factors, as well as by changes in the life orientations of the younger generation. The presence of senior family members, the preservation of kinship ties, and adherence to traditional patterns of marital behaviour have a significant influence on the stability of family relations. *Scientific novelty:* The scientific novelty of the study lies in its comprehensive ethnological analysis of marital instability among Kazakhs in the Karaganda and Ulytau Regions, with due consideration given to their sociodemographic and ethnocultural characteristics. *Conclusion.* The findings reveal a complex interaction between enduring traditional values and contemporary social practices in marital and family relations among urban and rural Kazakhs in the Karaganda and Ulytau Regions.

Keywords: Kazakhs, Karaganda and Ulytau Regions, marital and family relations, marital instability, divorce, ethnology of the family, urbanization, traditions and innovations.

For citation: Ethnological analysis of marital instability among Kazakhs in the Karaganda and Ulytau regions // Otan tarihy. 2026. Vol. 29. No 3. Pp. 1432-1444. [in kaz]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1432-1444

Кіріспе. Қазіргі кезеңде жаңғырту және урбанизация үдерістерінің әсерінен дәстүрлі отбасы неке институтындағы күрделі өзгерістер әлемнің көптеген елдерін қамтып, жаһандық сипат алып отыр. Бұл құбылыстар этнология және әлеуметтік антропология ғылымдары үшін өзекті зерттеу бағыттарының біріне айналды. Аталған өзгерістер дәстүрлі адамгершілік-этикалық құндылықтардың трансформациясымен, гендерлік қатынастардың өзгеруімен, жеке адамдардың некеден күтетін үміттері мақсаттарының дарылануымен, отбасы тұрақтылығының әлсіреуімен және ажырасу көрсеткіштерінің өсуімен сипатталады (А. Гидденс, У. Бек, Л. Скотт, А. Черлин, Х. Шольц және т.б.).

Қазақстанда, соның ішінде Қарағанды және Ұлытау облыстарында бұл үрдістер ерекше әлеуметтік-мәдени жағдайда жүзеге асуда. Мұнда жаңғырту үрдістерімен қатар халық санасында неке, туыстық және ұжымдық жауапкершілік туралы дәстүрлі түсініктер де терең қалыптасқан. Дегенмен, соңғы онжылдықтарда ажырасу деңгейінің тұрақты өсуі байқалады. Бұл құбылыс неке тұрақсыздығын аймақтық және этномәдени ерекшеліктер тұрғысынан кешенді талдауды талап етеді. Индустриялық урбанизацияланған орталықтар этнодемографиялық құрамы әркелкі болып келетін ауылдық аумақтардың қатар орналасуы Қарағанды және Ұлытау облыстарын зерттеуге ерекше қызығушылық тудырады. Қарағанды облысы урбанизация деңгейінің жоғарылығымен және көпұлтты құрылымымен сипатталса, Ұлытау облысында қазақ халқының үлесі басым және ауылдық құрамдас бөлігі айқын көрінеді. Аталған облыстарды салыстырмалы тұрғыдан зерттеу урбанизацияның, этникалық құрылымның және әлеуметтік-мәдени ортаның некелік тұрақтылығына ықпалын талдауға мүмкіндік береді.

Жалпы алғанда, ұсынылып отырған өңірлік зерттеудің өзектілігі: ажырасу деңгейінің өсуі және оның әлеуметтік-демографиялық салдарымен; урбанизация жағдайындағы неке тұрақсыздығын кешенді зерделеу қажеттілігімен; мәселенің аймақтық тұрғыдан жеткілікті деңгейде зерттелмегендігімен; зерттеу нәтижелерінің отбасы институтын нығайтуға бағытталған маңыздылығымен айқындалады.

Материалдар зерттеу әдістері. Мақаланың *эмпирикалық негізін* 2024-2026 жж. Қарағанды облысында – Қарағанды, Теміртау, Сәтбаев, Шахтинск қалаларында, Бұқар жырау, Қарқаралы және Шет аудандарында; Ұлытау облысында – Жезқазған қаласында, Жаңарқа және Ұлытау ауылдық аудандарда тұратын әртүрлі әлеуметтік және жасына қарай жіктелген топтар өкілдерінің арасынан жиналған этнографиялық мәліметтер құрайды. Сонымен қатар, Қазақстан Республикасының соңғы жылдардағы халық санағы материалдары, демографиялық жылнамалар және ресми статистикалық деректер пайдаланылды.

Материал жинау сұхбат және сауалнама жүргізу әдісі арқылы жүзеге асырылды. Зерттеуге барлығы 50 респондент оның ішінде, қалалық ортадан (Қарағанды, Теміртау, Жезқазған, Сәтбаев) 30 респондент (60%), ауылдық ортадан (Шет, Атасу, Жаңаарқа, Ұлытау) 20 респондент (40%) қатысты. Респонденттер әртүрлі некелік мәртебедегі 60% әйелдер және 40% ерлерден құралған. Осы респонденттер ішінде 30% (15 адам) 18-29 жас аралығындағы жас отбасылар, 50% (25 адам) 30-45

жас аралығындағы некелік дағдарыста тәжірибесі бар респонденттер, 20% (10 адам) 46 жас және одан жоғары дәстүрлі отбасылық құндылықтарды ұстанатын аға буын өкілдерінен тұрады.

Зерттеудің теориялық негізін некені жаңғырту мен жекешелендіру тұжырымдамалары А. Гидденс [Giddens, 1990], У. Бек және Л. Скотт [Beck, Scott, 1994], ерлі-зайыптылар одағының ыдырауын түсіндіретін жағдайлық және көпсатылы үлгілер А. Маслоу [Maslow, 1970], М.Кент [Кент, 1993], К. Аронс [Аронс, 1995], сондай-ақ ажырасудың бұрынғы жұбайлар балаларға және тұтастай қоғамға ықпал ететін әлеуметтік-психологиялық салдарларын талдауға арналған еңбектер Ф. Фаган және А. Черчиль [Fagan., Churchill, 2012], Г. Честерон, [Chesteron, 2017] қарастырылды. *Зерттеу әдіснамасы* пәнаралық сипатқа ие болып табылады. Зерттеу барысында салыстырмалы-тарихи, гендерлік және этнодемографиялық, этноәлеуметтік талдау, сондай-ақ ажырасу көрсеткіштерін сандық және сапалық өңдеу тәсілдері қолданылды. Статистикалық деректерді этнографиялық зерттеулермен ұштастыру жанжалды отбасылардағы қауіпті жағдайларды тудыратын элементтерді айқындауға, қалалық және ауылдық ортадағы отбасылық-некелік қатынастардың ыдырауының ортақ белгілері ерекшеліктерін анықтауға, отбасылық даулардың объективті әлеуметтік-экономикалық және субъективті себептерін талдауға, неке тұрақсыздығының құрылымдық және мәдени себептері арасындағы өзара байланыстарды кешенді түрде ашуға мүмкіндік береді.

Талдау. *Тақырыпты таңдаудың негіздемесі.* Қазақстандағы отбасы мен неке қатынастарының тұрақтылығы, қақтығыстылығы және ыдырау мәселесі отандық этноәлеуметтанулық және тарихи-этнологиялық зерттеулерде белгілі бір деңгейде көрініс тапқан.

А.Б. Қалыштың монографиялық еңбегінде этнологиялық, этноәлеуметтанулық, статистикалық және мұрағаттық деректер (АХАТ органдары халық соттарының материалдары) негізінде Қазақстанның барлық өңірлеріндегі ірі этностық топтарға жататын ауылдық және қалалық тұрғындардың некелесу және ажырасу ерекшеліктері талданған [Калыш, 2013]. Аталған ғылыми бағыттың логикалық жалғасы ретінде А.Б. Қалыш, Қ.Б. Баудиярова және А.И. Исаева бірлесіп дайындаған ұжымдық монографияны атауға болады. Бұл еңбекте Оңтүстік Қазақстан халқының отбасы-некелік үдерістері сандық және сапалық деректерді салыстырмалы талдау тұрғысында қарастырылған [Калыш, Баудиярова, Исаева, 2016].

Сондай-ақ «Ажырасулар және олардың салдары» [Разводы..., 2021] атты талдау есебі мазмұндық және сапалық тұрғыдан назар аударуға тұрарлық. Аталған зерттеу Е.А. Рудневтің жетекшілігімен Әлеуметтанулық зерттеулер орталығы және Р.Б. Тасым басқаратын Қоғамдық үдерістерді зерттеу орталығының сарапшылары бірлесіп әзірлеген. Онда кең ауқымды әлеуметтанулық сауалнама нәтижелері негізінде некенің бұзылуының әлеуметтік-экономикалық және психологиялық салдарлары, сондай-ақ қазіргі қоғамдағы ажырасуға қатысты көзқарастар сараланған.

А.Т. Абдулинаның монографиясында Қазақстан бойынша, сондай-ақ республиканың 14 облысы мен үш ірі қаласы шеңберінде 1959–2021 жылдар аралығын қамтитын неке және ажырасу үрдістеріне қатысты осындай талдау ұсынылған. Аталмыш зерттеудің құндылығы оның кеңестік және тәуелсіздік кезеңдеріндегі халық санағы деректерін кеңінен пайдалануында ғана емес, сонымен қатар Қазақстан Республикасы Әділет министрлігі мен АХАЖ бөлімдерінің мәліметтерін қамтуында жатыр. Бұл Қарағанды және Ұлытау облыстарының халқына қатысты салыстырмалы деректерді түсіндіруге де қатысты [Абдулина, 2024].

Сонымен қатар, тарихнамалық талдау Орталық Қазақстан халқының, соның ішінде Қарағанды және Ұлытау облыстарында тұратын әртүрлі этникалық топтар өкілдерінің отбасы-неке қатынастарының тұрақтылығы қақтығыстылығы мәселесі күні бүгінге дейін қалалық және ауылдық орта тұрғысынан жүйелі статистикалық-этнологиялық зерттеу нысанына айналмағанын көрсетеді. Зерттеліп отырған мәселенің этнодемографиялық құрылымы әлеуметтік-мәдени ерекшеліктерін ескере отырып, кешенді аймақтық деңгейде қарастырылмауы осы жұмыстың ғылыми жаңалығы мен өзектілігін айқындайды.

Зерттеу нәтижелері.

Дәстүрлі неке моделі және ұрпақаралық әлеуметтену – отбасы тұрақтылығын қамтамасыз ететін қозғаушы күштер.

Әдеттегі қазақ мәдениетінде неке мен отбасы қатынастары дәстүрлі құқықта, ислам діни жүйесінде және өсиет айту дәстүрінде бекітілген нормативтік ұстанымдардың тұтас жиынтығымен реттелген. Бұл құрылым тек әлеуметтік бақылау-басқару қызметін атқарып қана қоймай, сонымен қатар некедегі тұрақты тәртіп үлгілерін қалыптастырудың мәдени құралы ретінде қолданылған.

Дәстүрлі тұрмыс салтында жұбайлардың әлеуметтік міндеттерінің айқын бөлінісі отбасы ішіндегі қатынастардың атқарушылық тәртібін қамтамасыз етіп отырған. Жалпы алғанда, ер адам (әке, отағасы) отбасының экономикалық және әлеуметтік тірегі ретінде қарастырылған, ол отбасының мүдделерін сыртқы әлеуметтік ортада қорғауға, материалдық жағынан қамтамасыз етуге және өкілдік етуге жауапты болған. Оның мәртебесі тек экономикалық қызметімен ғана емес, сонымен қатар отбасының абыройын сақтау, діни және әлеуметтік жауапкершілік талаптарын орындау міндетімен де анықталды. Ал әйел (ана) өз кезегінде үй шаруасына, бала тәрбиесіне және отбасы ішіндегі үйлесілімдікті, отбасының адамгершілік-тәрбиелік беделін сақтауға жауапты болған. Ерлі-зайыптылардың өз міндетіне деген жауапкершілігі, некелік одақтың ішкі үйлесімділігі мен тұрақтылығын қамтамасыз етті.

Қазақы құндылықтар жүйесінде ана институты ерекше орын алады. Ұлттық мәдени дәстүрдегі анаға деген құрмет пен ата-анаға көрсетілген ілтипат – некеге жауапты көзқарас қалыптастыруға елеулі әсер ететін нгізгі адамгершілік қағидалар болып табылады. Дәстүрлі қазақ дүниетанымында әйел заты отбасын сақтаушы әрі негізгі тәрбие беруші тұлға ретінде қабылданады, яғни балалардың рухани тәрбиесі, отбасындағы психологиялық ахуалдың сақталуы және отбасының адамгершілік тұрғысындағы тұрақтылығы негізінен әйелге байланысты болып келген. Анасы болашақ келінге тәртіп тәрбие үлгісін көрсетуде әдептілік құндылықтарын ұрпақтан ұрпаққа таратушы әрі дәнекер рөлін атқарған. Бұл қазақы тәрбиенің қалыптасқан гендерлік рөлдер жүйесімен үйлесімділігінің айқын көрінісі болып табылады. Сол сияқты, ұл балалардың бойына ерте жастан отбасын асырау, қорғау және әулет мұрагерлігін сақтау жауапкершілігі сіңірілген. Информанттар атап өткендей, дәстүрлі дүниетанымда неке тұрақтылығы жұбайлардың өзара бірлігімен және олардың туыстық қауымдастық тарапынан қойылатын әлеуметтік талаптарға сәйкес келуімен байланысты болған.

Алайда қазіргі кезеңдегі гендерлік тұрғыдағы өзгерістер мен әлеуметтік жаңғыру үдерістері некені сақтау үшін ерлі-зайыптылар арасында жауапкершілікті теңдей бөлуді талап етуде. Отбасы үшіндегі өзара құрмет деңгейінің, ата-ана беделінің төмендеуі және жеткіншек ұрпақты бақылаудың дәстүрлі қағидаларының әлсіреуі некедегі тұрақсыздықтың артуына тікелей себеп болатынын эмпирикалық мәліметтер көрсетіп отыр. Осылайша, дәстүрлі рөлдік құрылымның өзгеруі жұбайлар мүдделерін үйлестіретін баламалы әрі тұрақты үлгілердің қалыптасуына, соның салдарынан отбасылық қақтығыстардың артуына ықпал етуі мүмкін.

Зерттеліп жатқан аймақтағы және Қазақстанның басқа да өңірлерінде отбасы –рухани-дәстүрлі болмыста тек ұрпақ өсіру құралы ретінде ғана емес, сонымен қатар жеке тұлғаның әлеуметтенуін және мәдени құндылықтардың жаңғыруын қамтамасыз ететін рухани және мағыналық кеңістік ретінде қарастырылады. Қазақ отбасы мәдениетінде өзара құрметке, туыстық байланыстарды сақтауға басымдық беріледі. Жанұяда отбасы ішіндегі қақтығыстардың шиеленісу ықтималдығын азайтып, неке қарым-қатынастарын нығайтуға айтарлықтай септігін тигізеді.

Отбасылық құндылықтарды сабақтастырудың негізгі тетігі – ұрпақаралық байланыс. Ата-ана тарапынан қамқорлық, тәлімгерлік және әлеуметтік бақылау жасалуы жастардың некелік міндеттер, кеңейтілген отбасы ортасындағы мінез-құлық мәдениеті, некенің адамгершілік қағидалар, әулеттік жауапкершілік туралы түсініктер қалыптастырады. Күнделікті тәжірибе, үлгі-өнеге дәстүрлі қазақ қоғамының болмысында отбасы тұрақтылығының ең маңызды шарты болып табылады.

Некедегі тұрақтылықтың адамгершілік және құндылық негіздері

Дәстүрлі қазақ дүниетанымында отбасы тарихи қалыптасқан көзқараста – әлеуметтік және құрылымдық тұрақтылықтың негізі, ал неке – белгілі бір тұлғаның жеке басының ғана емес, жалпы қоғамның құндылық жүйесін қалыптастырудың басты институты ретінде қарастырылған. Некеде тұрған адамдардың үйлесімді өмір сүруі тек жұбайлардың жеке игілігі ретінде ғана емес, сонымен қатар әлеуметтік тәртіптің, ұрпақтар арасындағы мұрагерлік және тұтастық бірлікті сақтаудың кепілі деп танылған. Өзара қолдау, құрмет көрсету, адалық таныту және жауапкершілік көтеру – әлеуметтік әрі демографиялық тұрақтылықтың ең маңызды шарты ретінде қабылданған. Және де бұл ұстанымдар дәстүрлі некелік-отбасылық қатынастарын реттеу жүйесінде бекітілген. Аталмыш жүйе әдет құқығы, қоғамдық пікір және негізгі адамгершілік құндылықтар жиынтығын қамтиды. Отбасы – тек жеке құрылым емес, ауқымды әлеуметтік жүйенің ажырамас бөлігі болды, яғни некенің тұрақтылығы туыстық және аумақтық қауымдастық тұтастығымен тікелей байланысты болған.

Некенің символдық мәні рәсімдік және ғұрыптық жүйеде көрініс тапқан. Атап айтқанда, үйлену тойынан бастап отау құруға дейінгі кезеңдегі салт-дәстүрлер, әдет-ғұрыптар ағайын-туыстардың қатысуымен өтетін ұжымдық сипатқа ие болған. Отбасы институтына қатысты салт-

дәстүрлер неке қатынастарын нығайтуға, оның өміршеңдігіне мол септігін тигізіп, жұбайлардың өзара жауапкершілігін бекітіп, ажырасуды болдырмауға бағытталған әлеуметтік қағидалар қалыптасқан [ДЭМ – I, II, III].

Бұл ретте ұрпақтар сабақтасығы ата-ана беделінің орны ерекше. Мұндай үрдіс Ұлытау және Қарағанды облыстарында, сондай-ақ Қазақстанның өзге өңірлеріндегі қазақ халқының құндылықтар жүйесінде маңызды орын алады. Қазақ отбасында ата-анаға құрмет көрсету үрдісі кеңінен тараған. Қазақтың дәстүрінде ана институты ұрпақ тәлім-тәрбиесімен, отбасының береке-бірлігімен, әулеттегі беделімен, отбасының тарихын сақтау және мәдени құндылықтарды өскелең ұрпаққа жеткізумен тікелей байланысты. Қазіргі кезеңдегі ұрпақтар сабақтастығының бұзылуы, ата-аналық тәлімгерліктің әлсіреуі және ақсақалдар институты беделінің төмендеуі қоғамдық санада отбасылық байланыстардың әлсіреуінің дәлелдері ретінде қабылданады. Ел арасынан жиналған мәліметтерде ақпарат берушілер ересек ұрпаққа деген құрметтің бәсеңдеуі отбасындағы тәртіп адамгершіліктің әлсіреуімен байланысты екенін атап көрсетеді [ДЭМ – I, IV, V].

Сонымен қатар, неке тұрақтылығы жұбайлар арасындағы күнделікті өзара іс-қимылға, бірін-бірі түсіну, өзара қолдау мәдениетіне тікелей байланысты болып табылады. Респонденттердің жауаптарына сүйенсек, отбасы ішіндегі байланыстың, сезімталдық және екіжақты келісімнің болмауы біртіндеп жатсыну жасырын қақтығыстардың өршуіне әкеліп соғады [ДЭМ – II, VI – VII].

Зерттеліп отырған Қарағанды мен Ұлытау облыстарындағы жергілікті қазақи ортада неке ұрпақ тәрбиесін туыстық орта мен қоғамның ортақ жауапкершілігінің ажырамас бөлігі ретінде қабылдайды. Отбасы жеке тұлғаның әлеуметтік ықпалдастығын, оның туыстық және аумақтық байланыстар жүйесіне кірігуін қамтамасыз ететін құрылымдық бірлік ретінде қарастырылады.

Сонымен қатар соңғы онжылдықтардағы әлеуметтік-мәдени өзгерістер, басқарудың нарықтық үлгіге көшуі, көші-қон үдерістері және жас ұрпақтың өмірлік даму жолындағы өзгерістері дәстүрлі көзқарастардың қайта қаралуын тудырады. Дәстүрлі құндылықтар имандылық нормалардың әлсіреуі салдарынан жұбайлардың өмірлік ұстанымдары бір арнаға тоғыспаған жағдайда некені ұстап тұратын сыртқы күш қалмайды.

Қазіргі таңда қоғам ішінде толық емес отбасылар санының өсуі, балалардың тек әкесінің немесе анасының тәрбиесінде қалуы және әлеуметтік жетімдік, сондай-ақ некенің тұрақты институт ретіндегі беделінің төмендеуі мәселелеріне қатысты алаңдаушылық күшейіп келеді. Ажырасудың теріс салдары әкелердің бала тәрбиесіне қатысу деңгейінің төмендеуін, сондай-ақ олардың болашағын айқындаудағы, соның ішінде мамандық таңдау, орта және жоғарғы кәсіптік білім алу кезеңіндегі немқұрайлылығын, материалдық және қаржылық қолдаудан жалтаруын атап өтуге болады. Бұл үрдістер тек отбасылық немесе демографиялық мәселе ғана емес, құндылықтар жүйесінің өзгеруінің көрсеткіші болып табылады.

Сондай-ақ, отбасының негізгі құндылық әрі қазақи болмысты қалыптастырушы фактор ретіндегі рөлі артып келеді. Далалық сұхбаттарды талдау нәтижесі көрсеткендей, отбасы-неке институтындағы өзгерістерге қарамастан, Орталық Қазақстандағы қазақтардың елеулі бөлігі отбасын патриоттық санамен, ұжымдық бірегейлікпен және тарихи жадпен тығыз байланысты негізгі құндылық ретінде қабылдайды. Некенің тұрақтылығы қарым-қатынастың тілдесу сипатымен, өзара қолдаумен, отбасы мен балаларға жауаптылығымен, сондай-ақ үлкендерге деген құрметті сақтаумен байланысты. Біздің пікірімізше, бұл деректер еліміздегі әлеуметтанулық зерттеулердің нәтижелерімен толық сәйкес келеді. Мәселен, қазақстандықтардың 43,2% ажырасуды «мүлдем құпталмайтын құбылыс» санайды [Аналитический отчет, 2021: 100]. Олар отбасы-некелік құндылықтарды сақтауды және жас ұрпақтың толыққанды отбасында тәрбиеленуін қолдайды. Ұрпақаралық сабақтастықтың әлсіреуі мен дәстүрлі адамгершілік қағидалардың бұзылуы информанттар тарапынан «құндылықтар дағдарысының» белгісі ретінде қабылданады. Сонымен қатар, өзара құрмет, қолдау және туыстық бірлік қағидаларына негізделген тұрақты ізгілікті көзқарастардың болуы ішкі әлеуметтік бақылау некені сақтауға ынталандырудың маңызды тетігі қызметін атқарады.

Сонымен Қарағанды және Ұлытау өңірлеріндегі адамгершілік және құндылық негіздері қазақ отбасыларының неке қатынастары тұрақтылығының маңызды факторы болып қала береді. Ол тек мәдени мұра ретінде ғана емес, сонымен қатар отбасы өмірінің белсенді реттеушісі қызметін атқарып, қазіргі әлеуметтік тұрақсыздандырушы өзгерістердің әсерін теңгеруге мүмкіндік береді.

Некедегі тұрақсызданудың әлеуметтік-экономикалық және моральдық факторлары.

Қарағанды мен Ұлытау облыстарындағы жаңғыру үдерістері, урбанизация және әлеуметтік-экономикалық қатынастардың өзгеруі аясында қазақ отбасының дәстүрлі үлгісіндегі елеулі өзгерістер байқалады. Ұрпақаралық байланыстардың ішінара әлсіреуі, ата-ана тарапынан бақылаудың төмендеуі, жастардың құндылық бағыттарының жаңаруы және гендерлік мінез-құлық үлгілерінің өзгеруі некелік қатынастардың табиғатына күрделі әсер етеді. Әлеуметтік-экономикалық себептермен қатар, неке тұрақсыздығының басты себебі ретінде отбасылық әлеуметтенудің жеткіліксіздігін атап өтуге болады. Бұл мәселе жастар бойында жауапкершіліктің, мәдениаралық коммуникацияның және қақтығыстарды оңтайлы шешу дағдыларының толық қлыптаспауынан көрініс табады.

1970-1990 жылдары және XXI ғасырдың басында елімізде белең алған ажырасу санының өсуі – тек демографиялық үрдіс қана емес, сонымен бірге күрделі әлеуметтік-мәдени мәселе болып табылады. Соңғы онжылдықтарда бұл үдеріске өтпелі кезеңдегі нарықтық қатынастардың қиындықтары айтарлықтай әсер еткені мәлім. Бұл ретте шағын қалалар ауылдық жерлердегі жасырын жұмыссыздық мәселесін атап өткен жөн. Осы жағдай жас және орта буын өкілдерінің жұмыс іздеп, ірі қалаларға жаппай көшуіне әкелді. Сәйкесінше қалалық ортаға бейімделу, тұрғын үй мәселелері сияқты қиындықтар пайда болды. Бұл ұрпақтар арасындағы сабақтастыққа, отбасылық беріктікке және құндылықтар жүйесінің өзгеруіне тікелей әсерін тигізді. Осы тұрғыдан алғанда ажырасу статистикасы нарықтық қатынастарға өту кезеңіне тән әлеуметтік-мәдени өзгеру жағдайындағы отбасы институты дағдарысының айғағы болып табылады.

Статистикалық деректерге сүйенсек, көпұлтты әрі қалалану деңгейі неғұрлым жоғары өнеркәсіп орталығы болып табылатын Қарағанды облысында Қазақстанның өзге өңірлерімен салыстырғанда ажырасу деңгейі жоғары. Мысалы, 2023 ж. статистикалық мәліметтерде ажырасу көрсеткіші бойынша бұл аймақ республиканың басқа 16 облысынан ілгері, яғни еліміздегі екі ірі мегаполис Алматы мен Астанадан кейін үшінші орында тұр [Казахстанские семьи, 2024: 174-175].

1999 жылғы санақ деректері бойынша Қарағанды облысы бойынша барлығы – 30 5897 (62,5%) неке, 27 041 (5,5%) ажырасу, 2009 жылғы статистикалық деректер ерлер арасында барлығы – 278 974 (56,8%) неке, 26 031 (5,3%) ажырасу, әйелдер арасында – 285 124 (49,8%) неке, 53 639 (9,4%) ажырасу тіркелген [Неке және отбасы, 2011: 128]. Ал 2009 жылы АХАТ органдары Қарағанды облысы бойынша 9 945 (8,9%) некені тіркеген, 3 792 (3,4%) отбасы ажырасқан. Ажырасқандар ішінде 3 383-і қалалық, 409-ы ауылдық отбасы. 2021 жылы некеге тұрғандардың саны – 8 311 (7,3%), ажырасқандар саны – 4 024 (3,5%). Ажырасқандардың 3484-і қалалық, 540-ы ауылдық отбасы [Брак и разводы (по годам), 2026]. 2021 жылғы статистикалық материалдарға сүйене отырып, Қарағанды облысындағы ажырасу көрсеткішін жыныстық үлес салмағы бойынша қарастыруға болады. Қарағанды облысы бойынша ресми түрде некеде тіркелген ерлер – 24 1812 адам, әйелдер – 237 211 адам. Оның ішінде ажырасқан ерлер – 35 102, әйелдер – 54 190 [Брак и разводы (по годам), 2026: 7].

2025 жылғы мәлімет бойынша, облыс халқы 1 133 933 адамды құрады, оның ішінде қазақтар – 53.0%, орыстар – 31.1% , украиндар – 3.9% , немістер – 3.1% , татарлар – 2.4% белорустар – 1.1%, кәрістер – 1.5% [Этнический…, 2025]. Осыған ұқсас этнодемографиялық құрылым облыс орталығы – Қарағанды қаласына да тән.

Неке тұрақсыздығының ең жоғарғы көрсеткіштері облыстың көпұлтты өнеркәсіптік қалалары болып табылатын Шахтинск, Саран және Теміртауда тіркелген, мұнда 2025 жылы жалпы ажырасу деңгейі тиісінше 1000 адамға шаққанда 3, 95; 3,68 және 3,54 болды, орташа облыстық көрсеткіш – 3,36-ға тең болды.

Ал қазақ халқы басым шоғырланған бірұлтты Қарқаралы, Ақтоғай, Шет, Нұра және Бұқар Жырау аудандарында тіркелген көрсеткіштер айтарлықтай төмен – 1000 адамға шаққанда 1,29-дан 2,52-ге дейін [Общий коэффицент, 2023–2025].

Ұлытау облысын салыстырмалы талдау барысында некелік-отбасылық үдерістердің даму бағытының өзгеше болып табылатыны айқындалды. 2022 жылы облыс халқы 231774 тұрғынды құраған, ал ондағы қазақтардың үлесі 76,2%-ға жеткен. Облыс орталығы – Жезқазған қаласында қазақтардың үлесі 69,5%, ал Жаңаарқа мен Ұлытау аудандарында тиісінше 92,9% және 93,4%-ға жеткен. Аталған облыстағы орыс, украин, неміс және татар халықтарының үлесі 14,3%; 3,0%; 1,3% және 1,2% деңгейінде [Ұлытауская область, 2023].

2022 жылы Ұлытау облысында жалпы ажырасу көрсеткіші 1000 адамға шаққанда – 2,48, атап айтқанда, қалаларда – 2,75, ал ауылдық аймақтарда, яғни Ұлытау жәнемен Жаңаарқа аудандарында тиісінше 1,15 және 1,47 құрады [Общий коэффициент, 2022; [Ұлытау аймағындағы…, 2023].

Екі облыстағы жағдайды салыстыру нәтижесінде некедегі тұрақсыздық деңгейіндегі айқын айырмашылықтар анықталды. Бұл өз кезегінде урбанизацияның, этнодемографиялық құрылымның және әлеуметтік-мәдени ортаның неке тұрақтылығына тигізетін әсерін көрсетеді.

Сонымен қатар, республикамыздағы ажырасудың басым бөлігі некелескеннен кейінгі алғашқы 1–4 жылға (30%-дан сәл жоғары), және одан кейінгі 5–9 жылдарға (28%-ішінде) келетінін атап өткен жөн [Калыш, Баудиярова, Исаева, 2016: 88; Аналитический отчет, 2021: 90].

Қазақ халқының қоғамдық санасында отбасы дәстүрлі түрде қоғамның әрі мемлекеттің тұрақтылығының негізі ретінде қарастырылды. Сондықтан некенің бұзылуы әлеуметтік тұрақтылыққа ұзақ мерзімді теріс әсер етуі мүмкін. Дәстүрлі мәдени үлгіде еразамат отбасын материалдық жағынан қамтамасыз ету мен қорғаудың кепілі деп танылып келеді. Ал некелік одақты сақтай алмау әулет пен қоғам алдындағы әлеуметтік жауапкершіліктің әлсіреуімен байланысты болды.

Ел этнографиялық информанттары некенің бұзылуы себептерінің қатарында тәрбиенің жеткіліксіздігін және ата-ананың тәлімгерлік рөлінің әлсіреуін жиі атап өтеді. Жастар арасында некеге деген жауапкершілік, қарым-қатынас мәдениеті және некенің құндылығы туралы тұрақты түсініктердің болмауы отбасылық жанжалдарға бейімділікті арттыратын негізгі фактор болып табылады. Дәстүрлі үлгілердің өзгеруі аясында кейбір отбасылар ұрпақтар сабақтастығын жоғалтуда, ал бұл неке қарым-қатынастардың әлсіздігінің белгісі [ДЭМ – V – VI].

Далалық этнографиялық зерттеулер барысында неке тұрақсыздығында қала мен ауыл ортасы арасындағы әлеуметтік мәдени айырмашылықтардың бар екендігін байқадық. Информанттардың сөзінше, ауылда ажырасу күні бүгінге дейін тек жұбайлар үшін емес, бүкіл әулет үшін «ұят» ретінде қабылданады. Ата-аналар өз кеңестері арқылы балалардың некесін сақтап қалуға тырысады. Ал қалада жастар ата-енеден бөлек, тәуелсіз болған соң ажырасуға әлдеқайда жеңіл қарайды [ДЭМ – VIII]. Бұл мысал ауылда дәстүрлі ұстанымдар неке беріктігіне тікелей әсер етуші фактор екендігін байқатады.

Ал келесі информанттар қалалық ортада неке тұрақсыздығына аға буынның да әсері бар екенін айтады. Қалалық жерлерде жастар бөлек тұрсада енелер жас отбасының тұрмысын, қаржылық шығындарын бақылауда ұстауға тырысады. Ер адамдар үлкенді сыйлау дәстүрін алға тартып, әрқашан анасының жағында болады. Нәтижесінде «келін» дәстүрлі талаптарды қабылдай алмай, ажырасуға бел байлайды [ДЭМ – IX]. Бұл дәстүрлі отбасы мен заманауи отбасының некеге деген көзқарасының алшақтығын көрсетеді. Ата-енемен қарым-қатынастың дұрыс болмауы қалалық ортада некелік тұрақсыздықтың басты қозғаушы күшіне айналып отыр.

Сонымен қатар, қазіргі таңда жастардың ажырасуға деген көзқарасының өзгергендігін байқаймыз. Бұрын ажырасу үлкен трагедия саналатын. Қазір алғашқы 2-3 жылда өзара түсіністік болмаса «ұят болмасын» деп ешкім шыдап отырмайды [ДЭМ – VIII – IX]. Бұл бір жағынан жеке адамның таңдау құқығы болса, екінші жағынан – некенің институционалдық құндылығын төмендетеді.

Некенің бұзылуына себеп болған әлеуметтік факторлардың арасында материалдық қиындықтар тұрмыстық қажеттіліктерге тым жоғары басымдық беру мәселесін атап өтуге болады. Экономикалық тұрақсыздық, жасырын жұмыссыздық, еңбек көші-қоны және үй мәселелері отбасында жанжалдардың болуының алғышарттары болып табылады. Сонымен қатар неке институтына деген үстірт көзқарас пен оның маңызын жете түсінбеушілік отбасының адамгершілік-құндылық мазмұнын төмендетеді.

Бұған қоса, отбасы тұрақтылығына кері әсер ететін факторларға маскүнемдік, нашақорлық, құмар ойын, тұрмыстық қорлық-зомбылық, некедегі опасыздық, үшінші тараптардың араласуы және басқа да ауытқушылық әрекеттері жатады. Бұл құбылыстарды құндылық бағыттарының дағдарысы дәстүрлі әдептік жүйенің әлсіреуімен түсіндіруге болады. Дәстүрлі жүйеде «ұят», «қанағат», «әдеп», «жауапкершілік» ұғымдары ішкі әлеуметтік бақылаудың пәрменді тетіктері қызметін атқарған болатын.

Осы теріс ықпалдардың ішінде ерлі-зайыптылардың ішкі қарым-қатынасына ата-аналары мен туыстарының орынсыз араласуы неке тұрақсыздығының өзіндік бір себебі ретінде айқындалады. Информанттардың айтуынша, ата-аналар тарапынан бітістірушілік ұстанымның болмауы және өз

баласына біржақты қолдау көрсетуі отбасы ішіндегі қақтығысты одан әрі ушықтырады. Қарсы тараптардың ата-аналары арасындағы келіспеушілік ерекше байқалады. Бұл тұрақты отбасылар арасындағы қақтығысқа айналып, жас жұбайлардың бір-бірінен алшақтауына апарып соғуы ықтимал. Мұндай жағдайларда бастапқы келіспеушіліктер жүйелі әрі тұрақты сипатқа ие болатын өзара айыптауларға ұласып, ажырасу ықтималдығын арттырады [ДЭМ – VII – VIII; Полев, 2007]. Сонымен қатар отбасында ашық қарым-қатынастардың орнамауы қызғаныш пен күдікті арттырады, бұл сенім мәселесін некедегі тұрақсыздықтың маңызды психологиялық ықпалына айналдырады.

Дәстүрлі дүниетанымда жесірлер жетімдердің құқығын қорғау маңызды орын алады. Қазақтың төл мәдениетінде отбасының әлеуметтік тұрғыдан осал мүшелеріне қамқорлық жасау, олар үшін жауапкершілік алу тарихи тұрғыдан тамырланған. Алайда қазіргі өзгерістер кезеңінде кейбір ата-аналардың өз балаларынан алшақтау жағдайлары байқалуда. Бұл құбылысты информанттар адамгершілік қағидалар дағдарысының көрінісі ретінде қабылдайды. Оның ішінде кәмелетке толмаған балаларды асыраудан бас тарту немесе әкелердің алимент төлеуден жалтаруы сияқты аса өзекті әлеуметтік мәселелер де бар [I; Фигдор, 1995].

Сондай-ақ келіннің күйеуінің отбасына кірігуіне қатысты қақтығыстар елеулі орын алады. Дәстүрлі қазақ қоғамында келін үлкендерге құрмет көрсетіп, күйеуінің туған-туыстарымен жылы қарым-қатынастар орнатуы тиіс болатын. Алайда заманауи қоғамда келіннің осы дәстүрді елемей, менмендік танытуы, отбасы мүшелерімен араласуға ниет танытпауы шиеленіс тудыратын фактор ретінде бағаланады. Ол тек бір отбасының ғана емес, бүкіл туыстық желінің тұрақтылығына кері әсер етеді.

Орталық Қазақстандағы қалаларда ата-аналар балалардың отбасындағы өз міндеттері туралы түсініктердің әлсіреуі байқалады. Мұның бір көрінісі қартайған ата-аналарын қараусыз қалдырып, арнайы мекемелерге орналастыру үдерісінің белең алуы. Ауылдық ортада мұндай жағдайлар әлдеқайда сирек кездеседі. Бұл дәстүрлі әлеуметтік бақылау тетіктерінің ауылдық жерде әлі де пәрменді екенін айғақтайды [ДЭМ – I – II].

Сонымен қатар, жас отбасыларға ата-аналар тарапынан көрсетілетін қолдауда некенің тұрақтылығына тікелей әсер етеді. Материалдық қамқорлық тұрақты бақылау жас жұбайлардың тәуелділігін тудырып, олардың дербес шешім қабылдау қабілетін төмендетеді. Керісінше, оқу немесе еңбек көші-қоны жағдайында бақылаудың болмауы жауапкершіліктің төмендеуіне және жат мінез-құлық үлгілерінің қалыптасуына ықпал етуі мүмкін [Порохнюк, 2013].

Ұсынылған деректер Қарағанды және Ұлытау облыстарындағы некелік тұрақсыздықтың күрделілігін және экономикалық, әлеуметтік-мәдени және психологиялық ықпалдардың үйлесіміне байланысты екенін көрсетеді. Қалалық ортада некеге утилитарлық тұрғыдан қарау және материалдық игіліктерге басымдық беру үрдісі белең алуда, бұл неке тұрақтылығының сақталуына негіз болатын құндылықтардың әлсіреуін білдіреді.

Жалпы алғанда, некедегі тұрақсыздықтың әлеуметтік-құндылық қағидалары отбасы институтының жаңғыруы мен урбанизация жағдайындағы ауқымды өзгеруін көрсетеді. Бұл мәселе пәнаралық терең талдау әлеуметтік саясат деңгейіндегі кешенді іс-шараларды талап етеді.

Қорытынды. Қарағанды Ұлытау облыстарына жүргізілген статистикалық және этнологиялық зерттеу өңірдегі неке тұрақсыздығы күрделі сипатқа ие екендігін және әлеуметтік-экономикалық, мәдени және психологиялық факторлармен өзара байланысты болып табылатынын көрсетті. Өңірлік статистика қалалық ортада ажырасу деңгейі ауылдық жерлермен салыстырғанда жоғары екенін растайды. Бұл ауылдық жерлерде ұрпақтар сабақтастығы мен әлеуметтік бақылау амалдарының жақсы сақталуының айқын көрінісі. Ел арасынан жиналған мәліметтер дәстүрлі неке мен отбасыға деген көзқарастардың өзгергенін, кеңейтілген отбасы институтының әлсіреуін және ата-ана беделінің төмендеуін көрсетеді. Тұрақсыздандырушы факторлардың қатарында экономикалық құбылмалық, психологиялық тұрғыда некеге дайындықтың төмендігі, зиянды мінез-құлық түрлері, некеге деген немқұрайлылық жатады.

Аймақтағы неке тұрақсыздығы – урбанизация мен әлеуметтік жаңғыру үдерістерінің нәтижесі. Алынған қорытындылар жас отбасыларға әлеуметтік қолдау көрсетуді, отбасылық тәлім-тәрбие беру бағдарламаларын дамытуды және дәстүрлі мәдениеттің оңтайлы элементтерін заманауи жағдайларға үйлестіруге бейімдеуді қамтитын кешенді шараларды қолдану қажеттілігін негіздейді.

Далалық этнографиялық материалдар

ДЭМ I – Елеуов Жеңіс, 1945 жылы туған. Жаңаарқа ауылы, Жаңаарқа ауданы, Ұлытау облысы.

ДЭМ II – Алпысбаев Рыскали Тайкенұлы, 1948 жылы туған. Атасу ауылы, Жаңаарқа ауданы, Ұлытау облысы.

ДЭМ III – Қалиева Жанар Байсарқызы, 1964 жылы туған. Ұлытау ауылы, Ұлытау ауданы, Ұлытау облысы.

ДЭМ IV – Садуақасова Альмира Төлеубайқызы, 1988 жылы туған. Жезқазған қаласы. Ұлытау облысы.

ДЭМ V – Әлпаттина Гүлнара Шериязданқызы, 1951 жылы туған. Қарағанды қаласы, Қарағанды облысы.

ДЭМ VI – Алпысбаев Телеухан Тайкенұлы, 1955 жылы туған. Қарағанды қаласы, Қарағанды облысы.

ДЭМ VII – Медеуова Шолпан Мелдібаевна, 1967 жылы туған. Ақшатау кенті, Шет ауданы, Қарағанды облысы.

ДЭМ VIII – Бақтыгелдинова Айым Амангелдіқызы, 1972 жылы туған. Шахтинск қаласы, Қарағанды облысы.

ДЭМ IX – Өсербайқызы Әсел, 1994 жылы туылған. Қасым Аманжолов ауылы, Қарақаралы ауданы, Қарағанды облысы.

Әдебиеттер

Абдулина, 2024 – *Абдулина А.Т.* Этносоциология Казахстана и сельское население Жетысу: на изломе советской эпохи и становления независимости. Алматы: ИП «Мадияр», 2024. 584 с.

Аналитичексий отчет, 2021 – *Аналитический отчет* по результатам социологического исследования на тему: «Разводы и их последствия». Нур-Султан: Казахский институт общественного развития, 2021. 150 с.

Аронс, 1995 – *Аронс К.* Развод: крах или новая жизнь? / Пер. с англ. М.: МИРТ, 1995. 448 с.

Баудиярова, Исаева, 2016 – *Баудиярова К.Б., Исаева А.И.* Қазақстандағы неке және отбасы мәселесінің зерттелуі. Алматы: Қазақ университеті, 2016. 244 б.

Брак и разводы (по годам), 2026 – *Брак и разводы (по годам)* // Динамические ряды. Карагандинская область. Статистика регионов РК. 2026 год // https://stat.gov.kz/ (қаралған күні: 04.09.2026).

Гриценко, 1989 – *Гриценко В.В.* Факторы устойчивости национально-смешанных и однонациональных браков (по материалам этносоциологического исследования в г. Аркалыке Казахской ССР): автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1989. 21 с.

Казахстанские семьи, 2024 – *Казахстанские семьи*. Национальный доклад. Астана: КИОР, 2024. 239 с.

Кент, 1993 – *Кент М.* Стратегия развода / Пер. с англ. СПб.: Лениздат, 1993. 142 с.

Калыш, 2013 – *Калыш А.Б.* Внутрисемейные конфликты и разводы в современном Казахстане. Алматы: Арыс, 2013. 160 с.

Қалыш, Баудиярова, Исаева, 2016 – *Калыш А., Баудиярова К., Исаева А.* Проблемы устойчивости и конфликтности браков в Южном Казахстане. Алматы: Қазақ университеті, 2016. 160 с.

Неке және отбасы, 2011 – *Неке және отбасы.* 2009 жылғы Қазақстан Республикасы халқының ұлттық санағының қорытындылары. Статистикалық жинақ / Ред. А.А. Смаилов. Астана: ҚР Статистикалық агенттігі, 2011. 128 б.

Общий коэффицент, 2023-2025 – *Общий коэффициент разводимости* в Карагандинской области, 2023–2025 гг. // https://stat.gov.kz/ru/ (Дата обращения: 20 января 2026 г.)

Полев, 2007 – *Полев А.М.* Развод: психологические последствия для бывших супругов. М.: [б.и.], 2007. 231 с.

Порохнюк, 2013 – *Порохнюк Е.В.* Эволюция семейных ценностей в процессе трансформации традиционной семьи в российском и восточном обществах: социологический анализ // Вестник АГТУ. Социально-гуманитарные науки. 2013. № 1 (55). С. 79–81.

Ұлытауская область, 2023 – *Ұлытауская область* // https://stat.gov.kz/ru/ (Дата обращения: 22 декабря 2023 г.).

Ұлытау аймағындағы..., 2023 – *Ұлытау аймағындағы жалпы ажырасу көрсеткіші*. 2022 ж. // https://stat.gov.kz/news/2022-zhyl-y-nekeler-men-azhyrasular/ (Дата обращения: 22 февраля 2023 г.).

Фигдор, 1995 – *Фигдор Г.* Дети разведённых родителей: между травмой и надеждой. М.: Наука, 1995. 376 с.

Этнический состав, 2025 – *Этнический состав населения* районов и городов Карагандинской области по оценке на начало 2025 года // Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам и возрастным группам (на начало 2025 г.) // https://stat.gov.kz/ru/ (Дата обращения: 2 февраля 2026 г.).

Beck, Scott, Giddens, 1994 – *Beck U., Scott L., Giddens A.* (Eds.). Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford: Stanford University Press, 1994. 228 p.

Giddens, 1990 – *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 186 p

Chesterton, 2007 – *Chesterton G.K.* The Superstition of Divorce. New York: Cosimo, Inc., 2007. 164 p.

Fagan., Churchill, 2012 – *Fagan P.F., Churchill A*. The Effects of Divorce on Children // Marriage Research synthesis. 2012. 48 p.

Maslow, 1970 – *Maslow A.H*. Motivation and Personality. New York: Harper and Row, 1970. 394 p.

Field ethnographic materials

FEM I – Yeleuov Zhenis, born in 1945. Zhanaarka village, Zhanaarka district, Ulytau region.
FEM II – Alpysbayev Ryskali Taikenuly, born in 1948. Atasu village, Zhanaarka district, Ulytau region.
FEM III – Kalieva Zhanar Baysarkyzy, born in 1964. Ulytau village, Ulytau district, Ulytau region.
FEM IV – Saduakasova Almira Toleubaykyzy, born in 1988. Zhezkazgan city
FEM V – Alpattina Gulnara Sheriyazdankyzy, born in 1951. Karaganda city, Karaganda region.
FEM VI – Alpysbayev Toleukhan Taikenuly, born in 1955. Karaganda city, Karaganda region.
FEM VII – Medeuova Sholpan Meldibayevna, born in 1967. Akshatau village, Shet district, Karaganda region.
FEM VIII – Bakhtygeldinova Ayim Amangeldinovna, born in 1972. Shakhtinsk city, Karaganda region.
FEM IX – Oserbaykyzy Assel, born in 1994. Kasym Amanzholov village, Karkaraly district, Karaganda region.

References

Abdulina, 2024 – *Abdulina A.T.* Etnosotsiologya Kazakhstana i sel'skoye naselenye Zhetysu: na izlome sovetskoy epokhi i stanovlenya nezavisimosti [Ethnosociology of Kazakhstan and the rural population of Zhetysu: at the turning point of the Soviet era and the formation of independence. Almaty: IP «Madiyar», 2024. 584 p. [in Russian]

Analiticheskiy otchet, 2021 – *Analiticheskiy otchet* po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya na temu: «Razvody i ikh posledstviya». [Analytical report on the results of a sociological study on the topic: "Divorces and their consequences". Nur-Sultan: Kazakh Institute of Social Development, 2021. 150 p. [in Russian]

Arons, 1995 – *Arons K.* Razvod: krakh ili novaya zhizn? / Per .s angl. [Arons K. Divorce: Collapse or New life?] Translated from English. Moscow: MIRT, 1995. 448 p. [in Russian]

Baudiyarova, Isayeva, 2016 – *Baudiyarova K.B., Isayeva A.I.* Study of the problem of marriage and family in Kazakhstan [Study of the problem of marriage and family in Kazakhstan]. Almaty: Kazakh University, 2016. 244 p. [in Kazakh]

Beck U., Scott L.., 1994 – *Beck U., Scott L., Giddens A.* Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford: Stanford University Press, 1994. 228 p. [in English]

Brak i razvody (po godam), 2026 – *Brak i razvody (po godam)* [Marriage and divorce (by year)] // Dinamicheskie ryady. Karagandinskaya oblast. Statistika regionov RK. 2026 god. https://stat.gov.kz/ (Karalgan kuni: 04.09.2026) [in Russian].

Chesterton, 2007 – *Chesterton G.K.* The Superstition of Divorce. New York: Cosimo, Inc., 2007. 164 p. [in English]

Etnicheskiy sostav, 2026 – *Etnicheskiy sostav* naseleniya rayonov i gorodov Karagandinskoy oblasti po otsenke na nachalo 2025 goda // Chislennost naseleniya Respubliki Kazakhstan po otdelnym etnosami i vozrastnym gruppam (na nachalo 2025 g.) [Ethnic composition of the population of districts and cities of the Karaganda region as of the beginning of 2025] // Population of the Republic of Kazakhstan by ethnic group and age group (as of the beginning of 2025) // https://stat.gov.kz/ru/ (Data obrashcheniya: 2 fevralya 2026 g.) . [in Russian]

Fagan, Churchill, 2012 – *Fagan F.P., Churchill A.* The Effects of Divorce on Children // Marri Research synthesis. 2012. 48 p.[in English]

Figdor, 1995 – *Figdor G.* Deti razvedennykh roditeley: mezhdu travmoy i nadezhdov [Children of Divorced Parents: Between Trauma and Hope]. Moscow:Nauka,1995.376 p.[in Russian]

Giddens, 1990 – *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 186 p. [In English]

Gritsenko, 1989 – *Gritsenko V.V.* Factory ustoychivosti nationalno-smechannykh i odnonatsionalnykh brakov (po materialam enosotsiologicheskogo issledovanya v g. Arkalyke Kazakhskoy SSR) [Factors of stability of national-mixed and same-ethnic marriages (based on the materials of ethno-sociological research in the city of Arkalyk, Kazakh SSR)]: author's abstract of diss. ... candidate of historical sciences. Moscow, 1989. 21 p. [in Russian]

Kazakhstanskiye sem'i, 2024 – *Kazakhstanskiye sem'i.* National'nyy doklad [Kazakhstani families. National report]. Astana: KIOR, 2024. 239 p. [in Russian]

Kalysh, 2013 – *Kalysh A.B.* Vnutrisemeynyye konlikty i razvody v sovremennom Kazakhstane [Intrafamily conflicts and divorces in modern Kazakhstan]. Almaty: Arys, 2013. 160 p. [in Kazakh]

Kalysh, Baudiyarova, Isayeva, 2016 – *Kalysh A., Baudiyarova K., Isayeva A.* Problemy ustoychivosti i konfliktnosti brakov v Yuzhnom Kazakhstane /Problems of stability and conflict of marriages in South Kazakhstan]. Almaty: Kazak University, 2016. 160 p. [in Russian]

Kent, 1993 – *Kent M.* Strategiya razoda [Divorce Strategy] / Translated from English. St. Petersburg: Lenizdat, 1993. 142 p. [in Russian]

Maslow, 1970 – *Maslow A.H.* Motivation and Personality. New York: Harper and Row, Publishers, 1970. 394 p. [in English]

Neke zhane otbasy, 2011 – *Neke zhane otbasy.* 2009 zhylgy Qazaqstan Respublikasy halqynyn ulttyq sanagynyn qorytyndylary. Statisticheskalyq zhinag [Marriage and family. Results of the 2009 National Population Census of the Republic of Kazakhstan. Statistical collection] / Red. A.A. Smailov. Astana: QR Statistikalyq agenttigi, 2011. 128 b. [in Kazakh].

Obshchiy koeffitsiyent, 2026 – *Obshchy koeftsvent* razvodimosti v Karagandinskoy oblasti. 2023–2025 [Total divorce rate in Karaganda region, 2023–2025] // https://stat.gov.kz/ru/ (Accessed: 20 January 2026). [in Russian]

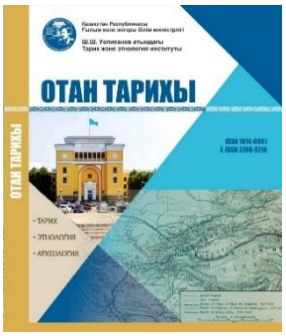
Polev, 2007 – *Polev A.M.* Razod: psikhologicheskiye posedstviya dlya byvshikh suprugov [Divorce: psychological consequences for former spouses]. Moscow: [with. publ.], 2007. 231 p. [in Russian]

Porokhnyuk, 2013 – *Porokhnyuk Y.V.* Evolyutsiya semeynykh tsennostey v protsesse transformatsii traditsionnoy sem'i v rosstyskom i vostochnom obshchestvakh: sotsiologicheskiy analiz [Evolution of family values in the process of transformation of the traditional family in Russian and Eastern societies: sociological analysis] // ASTU Bulletin. Social and Humanitarian Sciences. 2013. No. 1 (55). P. 79-81. [in Russian]

Ulytauskaya oblast', 2023 – *Ulytauskaya oblast'* [Ulytau region] // https://stat.gov.kz/ru/ (Accessed: 20 December 2026). [in Kazakh]

Ulitaw aymagindagi, 2023 – *Ulitaw aymagindagi* jalpi ajiasw körsetkisi. 2022 jilg [Total divorce rate in the Ulytau region. 2022] // National Bureau of Statistics: https://stat.gov.kz/news/2022-zhyl-y-nekeler-men-azhyrasular/ (Accessed: 24 February 2023). [in Kazakh]

Published in the Kazakhstan
Otan tarikhy
Has been issued as a journal since 1998
ISSN: 1814-6961 (Print)
ISSN: 2788-9718 (Online)
2026. Vol. 29. Is. 3. Pp. 1445–1458
Journal homepage:
https://otan.history.iie.kz



ҒТАХР/МРНТИ/IRSTI 03.20
https://doi.org/10.51943/2788-9718_2026_29_3_1445-1458

ЖЕТІСУ ӨҢІРІНДЕГІ ЕГІНШІЛІК ӨНІМДЕРІ ЖӘНЕ ОНЫҢ ТҰРМЫСТА ҚОЛДАНЫЛУЫ

Әмина Жағыппарқызы Ахантаева[1]

[1] Қазақ ұлттық аграрлық зерттеу университеті
(8-үй, Абай даңғылы, 005010 Алматы, Қазақстан Республикасы)
Тарих ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор.
https://orcid.org/0000-0003-1078-5182. E-mail: amina.68.kz@mail.ru

© Ш.Ш. Уәлиханов атындағы ТЭИ, 2026
© Ахантаева Ә.Ж., 2026

Аңдатпа. *Кіріспе.* Жетісуда өсірілген астық өнімдері, бау-бақша және техникалық дақылдары халықтың азық-түлік сұранысын тек қанағаттандырып қана қоймай, айырбас саудасында, тұрмыста және шаруашылықта да кеңінен пайдаланылды. Диқаншылық өнімдерін өсіру ерекшеліктері, тұрмыста қолданылуын тарихи-этнографиялық тұрғыдан зерттеу арқылы қазақтардың шаруашылық мәдениетімен тереңірек танысамыз. *Зерттеудің мақсаты* – XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басындағы Жетісу өңіріндегі егіншілік өнімдерінің негізгі түрлері мен ерекшеліктерін, күнделікті өмірде қолданылуын және әлеуметтік-экономикалық маңызын тарихи-этнографиялық деректер негізінде кешенді зерттейміз. *Міндеттері:* Жетісу өңірінде өсірілген дәнді, көкөніс, бақша және техникалық дақылдардың негізгі түрлерін анықтаймыз; мезгілдік өсіп-жетілуі және күнделікті тұрмыста, тағам, мал азығын қамтамасыз етуін талдаймыз; тамақтану салтындағы дәстүрлі мәдениетке тигізген ықпалын айқындаймыз. *Материалдар мен әдістер.* Зерттеу тарихи-этнографиялық бағытта жүргізілді. Негізгі дереккөздер ретінде XIX ғ. екінші жартысы – XX ғ. басында жарық көрген статистикалық жинақтар, басылымдар, саяхатшылар мен зерттеушілердің еңбектері, автордың өзі жинаған этнографиялық материалдары, мұрағаттық құжаттар пайдаланылды. Зерттеу барысында жүйелеу, талдау және синтездеу әдістері пайдаланылды. *Зерттеу нәтижелері* егіншілік өнімдерінің халық тұрмысындағы қызметі жан-жақты сипатталды. Дәнді дақылдардан ұн, талқан, жарма және түрлі тағамдар дайындалса, көкөніс пен бақша өнімдері күнделікті тағам құрамын толықтырды. Астықтың бір бөлігі келесі жылғы тұқым қорына қалдырылып, артығы айырбас саудасына шығарылды. *Қорытынды.* Зерттеу нәтижесінде Жетісу өңірін мекендеген қазақтар егіншілік тәжірибесін қалыптастырып, дәнді дақылдар, көкөніс, бақша және техникалық дақылдарды кеңінен өсірген. Егіншілік халықтың тұрмыс салтымен, тағам мәдениетімен, еңбек дәстүрімен тығыз байланыста дамыды.

Түйін сөздер: Жетісу, егіншілік, ауыл шаруашылығы, дәнді дақылдар, көкөніс шаруашылығы, тұрмыс, азық-түлік, қазақ халқы.

Алғыс. Мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі Ғылым комитетінің «XIX–XX ғасыр басындағы Жетісу қазақтарының егіншілік мәдениеті: жаңа архив және тарихи-этнографиялық деректер бойынша» гранттық қаржыландыру жобасы аясында дайындалған (ИРН AP23488973).

Дәйексөз үшін: Ахантаева Ә.Ж. Жетісу өңіріндегі егіншілік өнімдері және оның тұрмыста қолданылуы // Отан тарихы. 2026. Т. 29. №3. 1445–1458-бб. [қазақша]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1445-1458

ПРОДУКЦИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ ЖЕТЫСУ И ЕЁ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЕ КАЗАХОВ

Амина Жагиппаровна Ахантаева[1]

[1] Казахский национальный аграрный исследовательский университет
(Республика Казахстан, 005010, Алматы, проспект Абая, дом 8)
Кандидат исторических наук, ассоцированый профессор.
https://orcid.org/0000-0003-1078-5182. E-mail: amina.68.kz@mail.ru

© ИИЭ имени Ч.Ч. Валиханова, 2026
© Ахантаева А.Ж., 2026

Аннотация. *Введение.* Выращиваемые в Жетысу зерновые, плодоовощные и технические культуры не только удовлетворяли продовольственные потребности населения, но и широко использовались в меновой торговле, быту и хозяйстве. Исследование особенностей выращивания земледельческих культур и их применения в быту с историко-этнографической точки зрения позволяет глубже познакомиться с хозяйственной культурой казахов. *Цель исследования* – комплексное изучение основных видов и особенностей сельскохозяйственных культур, их применения в повседневной жизни и социально-экономического значения в регионе Жетысу во второй половине XIX – начале XX века на основе историко-этнографических данных. *Задачи:* определить основные виды зерновых, овощных, бахчевых и технических культур, выращиваемых в регионе Жетысу; проанализировать их сезонное созревание и обеспечение повседневного быта, питания и корма для скота; выявить влияние земледелия на традиционную культуру питания. *Материалы и методы.* Исследование проведено в историко-этнографическом направлении. В качестве основных источников использованы статистические сборники, издания второй половины XIX – начала XX века, труды путешественников и исследователей, полевые этнографические материалы, собранные автором, а также архивные документы. В ходе исследования применялись методы систематизации, анализа и синтеза. *Результаты исследования.* Всесторонне описана функция продуктов земледелия в быту населения. Из зерновых культур готовили муку, талкан, крупы и различные блюда, а овощная и бахчевая продукция дополняла ежедневный рацион. Часть урожая оставляли в качестве семенного фонда на следующий год, а излишки выставлялись на меновую торговлю. *Заключение.* В результате исследования установлено, что казахи, населявшие регион Жетысу, сформировали устойчивый земледельческий опыт и широко выращивали зерновые, овощные, бахчевые и технические культуры. Земледелие развивалось в тесной связи с образом жизни, культурой питания и трудовыми традициями народа.

Ключевые слова: Жетысу; земледелие; сельское хозяйство; зерновые культуры; овощеводство; продовольственное обеспечение; традиционный быт; казахский народ.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Земледельческая культура казахов Жетысу в XIX – начале XX века: по данным новых архивных и историко-этнографических материалов» (ИРН AP23488973).

Для цитирования: Ахантаева А.Ж. Продукция земледелия Жетысу и ее использование в традиционной хозяйственно-бытовой культуре казахов // Отан тарихы. 2026. Т. 29. №.3. С. 1445–1458. [на казахском]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1445-1458

AGRICULTURAL PRODUCTION IN ZHETYSU AND ITS USE IN THE TRADITIONAL HOUSEHOLD CULTURE OF THE KAZAKHS

Amina Zh. Akhantaeva[1]

[1] Kazakh National Agrarian Research University
(8, Abay Ave., 005010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Candidate of historical sciences, associate professor.
https://orcid.org/0000-0003-1078-5182. E-mail: amina.68.kz@mail.ru

© Valikhanov IHE, 2026
© Akhantaeva A.Zh, 2026

Abstract. *Introduction.* Cereal, fruit, vegetable, and industrial crops grown in Zhetysu not only met the food needs of the population but were also widely used in barter trade, everyday life, and household management. Studying the characteristics of crop cultivation and their practical application in daily life from a historical and ethnographic perspective provides a deeper understanding of the Kazakh economic culture. *Aim of the study* is a comprehensive investigation into the main types and characteristics of agricultural crops, their everyday applications, and their socio-economic significance in the Zhetysu region during the second half of the 19th and early 20th centuries, based on historical and ethnographic data. *Tasks:* to identify the main types of cereal, vegetable, melon, and industrial crops cultivated in the Zhetysu region; to analyze their seasonal ripening and role in providing for daily life, nutrition, and livestock feed; to reveal the influence of agriculture on the traditional food culture. *Materials and Methods***.** The study was conducted using a historical and ethnographic approach. The primary sources included statistical collections, publications from the second half of the 19th to the early 20th century, works of travelers and researchers, field ethnographic materials collected by the author, and archival documents. Methods of systematization, analysis, and synthesis were applied throughout the research. *Results.* The role of agricultural products in the daily life of the population is thoroughly described. Flour, talkan, cereals, and various dishes were prepared from grain crops, while vegetable and melon produce supplemented the daily diet. A portion of the harvest was reserved as a seed fund for the following year, and surplus products were brought to barter trade. *Conclusion.* The study established that the Kazakhs inhabiting the Zhetysu region formed stable agricultural practices and extensively cultivated grain, vegetable, melon, and industrial crops. Agriculture developed in close connection with the people's lifestyle, food culture, and labor traditions.

Keywords: Zhetysu; agriculture; agricultural production; grain crops; vegetable cultivation; food security; traditional household culture; Kazakh people.

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of the grant-funded project of the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, titled «The agricultural culture of the Zhetysu Kazakhs in the early XIX–XX centuries: according to new archival and historical-ethnographic data» (IRN AP23488973).

For citation: Akhantaeva A.Zh. Agricultural production in Zhetysu and its use in the traditional household culture of the kazakhs // Otan tarihy. 2026. Vol.29. №.3. Pp. 1445–1458. [in Kazakh]. DOI: 10.51943/2788-9718_2026_29_3_1445-1458

Кіріспе. Жетісу облысының территориясы Орта Азиядағы Ресей империясының шеткері, ең алыс бөлігін алып жатты, ол 40°30'–43°49' солтүстік ендік пен 43°30'–52°40' шығыс бойлық аралығында орналасқан. Шығысы мен оңтүстігінде Жетісу облысы Қытай империясымен, оңтүстік-батысында Ферғана, батысында Сырдария облыстарымен, ал солтүстік-батысы мен солтүстігінде Семей облысымен шектесіп жатыр. Жетісу облысының жалпы аумағы 352 979 шаршы верст[5] (Пішпек, Пржевальскі уездерімен қоса есептелген), оның ішінде 92 688 шаршы верстасын су айдындары (Балқаш, Алакөл, Ыстықкөл және басқа көлдер) алып жатса, 260 291 шаршы верстасы

[5] Верст – бес жүз саженге немесе мың бес жүз аршынға тең орыстың ертедегі ұзындық өлшем бірлігі. Шамамен 1 верст 1066,8 метрге тең.

немесе 18 620 056 десятинасы[6] (бұл жерде қазақ жеріне тиесілі 4 уезддің жерінің аумағы), құрлық жерді алып жатыр (кесте 1).

Кесте 1. Жетісу облысындағы төрт уездің жер көлемі [Обзор, 1907: 2].

Уездер	Десятина	Құрлық аумағы (шаршы верст)	Су айдыны (шаршы верст)	Жалпы аумағы (шаршы верст)
Верный	3 965 104	38 126	11 465	49 591
Қапал	5 527 600	53 150	22 282	75 432
Лепсі	5 832 216	56 079	21 788	77 867
Жаркент	3 295136	31 684	8 300	39 984

Жетісу өңірі – Қазақстандағы ежелгі егіншілік мәдениеті қалыптасқан тарихи аймақ. Өңірдің табиғи-географиялық ерекшеліктері Іле, Қаратал, Ақсу, Лепсі, Тентек және Көксу өзендері суармалы егіншіліктің дамуына қолайлы жағдай туғызды.

Археологиялық зерттеулер Жетісуда егіншілік дәстүрінің сақ, үйсін және түркі дәуірлерінен бастау алатынын дәлелдеп отыр. Қазақ халқының дәстүрлі шаруашылығында мал шаруашылығымен қатар егіншілік те маңызды кәсіптердің бірі болды. Ш. Уәлиханов «... Жалпы дикаңшылық Ұлы жүзде XVII ғасырдың басындағы жаңыс руының негізгі басшыларының бірі Байғабыл заманынан бастап пайда болды» [Валиханов, 1984: 185], – дейді.

XIX ғасырдың I жартысында Жетісу қазақтарының егіншілікпен айналысқаны жөнінде осы өлкеге келген бірқатар зерттеушілер де жазып қалдырған. 1825 жылдары Іле мен Шелек өзендерінің аңғарларында болған Омбы гарнизондық полкінің дәрігері Ф.К. Зибберштейн зерттеу жазбасында: «Бұл өңір шүйгін шөбімен және егіншілікке қолайлы жерлерінің молдығымен ерекшеленеді. Мұндай қолайлылыққа аталған Шелек өзені көп ықпал етеді [Путевые замечания.., 2007: 232].

XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында Жетісу қазақтары егіншілікпен қарқынды айналысып, өз тұрмыстарында түрлі егіншілік өнімдерін кеңінен пайдаланғандығын этнограф-ғалым Н.К. Байғабатова да растайды. Ол: « ... XX ғасырдың басында қазақтар арасында тәлімі (богарлы) егіншілік болғанымен, негізгі орын суармалы егіншілікке тиесілі болғандығын айтады. Өз тұжырымын дәлелдеу үшін автор мынадай деректерді келтіреді: 1911 жылы Верный уезінде барлық егіс алқаптарының 97,7%-ы суармалы болған. Қапал уезінде егіншілікпен айналысқан қазақ шаруашылықтарының 87,5%-ы суармалы егістікке, 7,1%-ы тәлімі (богарлы) егіншілікке, ал қалған 5,4%-ы суармалы және тәлімі егіншілікті қатар жүргізетін аралас шаруашылықтарға тиесілі болған» [Байгабатова, 2003: 174], – дейді.

Материалдар мен әдістер. *«Материалы Семиреченского областного статистического комитета»* – Жетісу облыстық статистикалық комитеті дайындаған ғылыми-статистикалық жинақтар. Олар негізінен 1897–1908 жылдар аралығында жарық көріп, облыстың табиғи-географиялық ерекшеліктері, егіс көлемі, өсірілген дақыл түрлері, өнім мөлшері және жергілікті халықтың шаруашылық жүргізу ерекшеліктері туралы нақты сандық деректер көрсетілген. Сонымен қатар Жетісудағы егіншілік өнімдерінің таралу аймақтарын, олардың өндіріс көлемін және тұрмыстық қолданысын анықтауға мүмкіндік береді. *«Обзор Семиреченской области»* – Жетісу әскери губернаторының жыл сайынғы есебіне қосымша ретінде шығарылған ресми анықтамалық-статистикалық басылым, 1882 жылдан бастап жыл сайын жарияланып, кейінгі сандары 1913 жылға дейін үздіксіз жарық көрген. Көптеген сандары Верный қаласында Жетісу облыстық басқармасының баспаханасында басылған және әскери губернатордың Бүкілресейлік императорға ұсынылатын есебінің қосымшасы ретінде дайындалған. Аталған екі дереккөздің ғылыми құндылығы – олардың ресми мемлекеттік статистикаға негізделуі және өңірдің шаруашылық дамуын жыл сайынғы динамикада көрсетуінде. Бұл материалдар арқылы Жетісу өңіріндегі егіншілік өнімдерінің құрамы, егіс көлемінің өзгерісі, негізгі ауыл шаруашылығы дақылдарының таралуы, суармалы егіншіліктің дамуы, өнімнің халық тұрмысындағы орны мен шаруашылықтағы маңызы туралы нақты тарихи қорытындылар жасауға болады. Сондықтан бұл басылымдар зерттеу тақырыбының деректік негізін құрайтын басты тарихи құжаттар болып табылады.

[6] Десятина – жер көлеміне қатысты орыс халқының ескі өлшем бірлігі. 1 десятина 1,09 гектарға тең.

Зерттеудің маңызды бөлігін XIX–XX ғасырлардағы саяхатшылардың, әскери қызметкерлердің және этнограф-ғалымдардың еңбектері құрайды. Атап айтқанда, Ш. Уәлиханов, Г.В. Гинс, А.Н. Краснов, Л. Костенко, А.М. Никольский және т.б. зерттеушілердің еңбектеріндегі Жетісу өңірінің табиғи жағдайы, егіншілік мәдениеті, ауыл шаруашылығы өнімдері мен олардың тұрмыстық қолданысына қатысты мәліметтер салыстырмалы түрде талданды. Сонымен бірге, қазақстандық А.У. Тоқтабай, Н. Байгабатова, Л. Бисембаева сияқты тарихшылар мен этнологтардың ғылыми еңбектері пайдаланылып, тарихи сабақтастық пен қазіргі ғылыми тұжырымдамалар ескерілді.

Зерттеу барысында архивтік және жарияланған жазба деректермен қатар салыстырмалы этнографиялық материалдар қарастырылды. Басты деректік негізін автордың *«Жетісу өңірі қазақтарының дәстүрлі шаруашылықтары»* тақырыбына сай 2024-2026 жж. ел арасынан жинаған этнографиялық материалдар құрайды. Автор (Ә.А.) қазақ халқының мал, егіншілік шаруашылығына байланысты байланысты әдет-ғұрыптар мен жора-жосындар, аңыз–әпсаналарға байланысты қызықты, этнографиялық деректер, халықтық тәжірибені сипаттап көрсететін материалдар жинақталды.

Әдістемелік тұрғыдан зерттеуде тарихи-салыстырмалы, деректанулық, этнографиялық және жүйелік талдау әдістері қолданылды. Этнографиялық әдіс халықтың дәстүрлі тағам дайындау, астық сақтау, ұн тарту және егін өнімдерін тұрмыста пайдалану тәжірибелерін сипаттауда қолданылды. Жүйелік талдау арқылы егіншілік өнімдерінің өндірілуі, өңделуі және тұтыну арасындағы өзара байланыстар кешенді түрде қарастырылды. Зерттеу нәтижелерін жинақтау кезінде сапалық талдау тәсілі басшылыққа алынды. Әртүрлі дереккөздерден алынған мәліметтер өзара салыстырылып, қайталанатын және бірін-бірі толықтыратын деректер негізінде қорытындылар жасалды. Бұл тәсіл Жетісу өңіріндегі егіншілік өнімдерінің тұрмыстық мәдениеттегі орнын, олардың экономикалық және әлеуметтік маңызын жан-жақты ашуға мүмкіндік берді. Жетісу өңіріндегі егіншілік өнімдері және олардың тұрмыста қолданылуын зерттеу тарихи, этнографиялық және деректанулық әдістерді ұштастырған кешенді әдіснамаға негізделді.

Талқылау. Жетісу қазақтарының шаруашылығы, оның ішінде егіншілігі және оның өнімдерін тұрмыста пайдалануы, әлеуметтік жағдайы, туралы қазақ этнографиясы мен тарихына қатысты мол мұра қалдырған Ш.Уәлихановтың маңызды мәліметтері құнды. Ш. Уәлихановтың «Егіншік туралы», Н.К. Байгабатованың «К вопросу о состоянии земледельческого хозяйства казахов Жетысу в конце XIX – начале XX вв», Л. Бисембаеваның Жетісу қазақтарының жаңа тұрмысқа бейімделуі (XIX ғас. II жартысы-XX ғас. басы) және А.У. Тоқтабай мен Н.А. Досымбетовтың «Traditional Kazakh Agriculture in the Studies of Russian Scientists and Travelers of the 18th–19th Centuries» атты ғылыми зерттеу еңбектерінің Жетісу қазақтарының жер шаруашылығына байланысты тарихи этнографиялық тұрғыдан жазылған құнды мәліметтерді кездестіреміз. Л. Костенконың «Очерки Семиреченского края (Путевые письма)», Г.К. Гинстің «В киргизских аулах: очерки из поездки по Семиречью» және А.М. Никольскийдің «Путешествие на озеро Балхаш и в Семиреченскую область» атты еңбектерінде қазақтардың егіншілігі, олардың пайдаланған тағамдары туралы жазып қалдырған.

Зерттеу нәтижелері. Жетісу өңіріндегі егіншіліктің дамуы, одан алынған өнімдер, оның тұрмыста қолданылуы мәселенің зерттелу деңгейіне тоқталсақ, ең алдымен, XIX ғасырдағы орыс тарихнамасында, XX ғасырдың басындағы еңбектерде, кеңестік тарихи ғылымда және Қазақстан тәуелсіздігі кезеңіндегі зерттеулерде бұл тақырып тың кейбір жекелеген қырлары қарастырылғанымен, ол арнайы ғылыми зерттеу нысанына айналмағанын атап өткен жөн.

Б.з.д. X–IX ғасырларда Қаратал мен Көксу өзендерінің аңғарларындағы Құйған және Талапты қоныстарында тұрғындар теселі егіншілікпен және жайылымдық мал шаруашылығымен айналысқандығын көреміз. « ... Егіншілік әсіресе Көксу, Шу, Талас және Қаратал өзендерінің жағалауларында жақсы дамыған. Мұны тұрғын үйлердің ішінен де, егістік алқаптардан да табылған көптеген келсаптар, кетпендер, орақ сынықтары және астық үккіштер дәлелдейді. Олар әлі күрделі суару жүйелерін сала алмағандықтан, су тасқыны кезінде мезгіл-мезгіл су басатын төменгі өзен табандарын немесе қазіргі уақытта құрғап қалған, Ешкіөлмес тауларынан ағатын шағын жылғаларды пайдаланған» [Летопись, 2012: 22].

Қазба жұмыстары кезінде Жетісу өңірін мекендеген үйсіндер тек мал өсірумен ғана айналыспай кешенді шаруашылық жүргізгені, яғни мал шаруашылығы мен егіншілікті қатар дамытқан, оны тұрақты қоныстары дәлелдейді. Палеоботаникалық зерттеулер нәтижесінде бидай, тары, арпа дәндері, ал Тұзсай қонысынан күріш пен күріш қауызы табылған, бұл бидай сорттарының

бірі тек қолдан суару жүйесі арқылы ғана өсірілуі мүмкін болған. Дәнді дақылдарды ұнтақтау үшін екі жалпақ тастан қол диірмен жасаған [Летопись, 2012: 45].

Моңғол шапқыншылығының нәтижесінде қалалар, суару жүйелері қирап, егістіктер мен бақтар қиратылды, ортағасырлық тарихшы Рашид ад-Дин былай деп жазған: «Іле аңғарында ашаршылық болды, көптеген адамдар қаза тапты».

1259 жылы саяхатшы Чан-Дэ көптеген бекініс дуалдары мен басқа да қираған құрылыстардың бар екенін атап өтіп, «барлық жерде қаңырап бос қалған» деп жазған.

Ал Вильгельм де Рубрук Жетісуда болған кезінде көптеген қалалардың жойылып, егіншіліктің құлдырағанын және өңделетін жерлердің көшпелілердің жайылымына айналғанын көрсеткен. ....моңғолдарға дейінгі дәуірде жоғары деңгейде дамыған оңтүстік-шығыс Қазақстан қалалары – Тальхир, Алматы, Қаялық, Ілебалық, Екі-Оғыз – құлдырай бастады деп жазған [Летопись, 2012: 106].

Қазақ халқының диқаншылығы жөнінде «... 1691 жылғы 9 наурыз бен 29 мамыр аралығында Иркутск воеводасы Леонтий Константинович Кислянский Мәскеу атқыштарының капитаны Осип Бумаковпен бірге Бошухту қонтайшы жіберген қалмақ елшілігін қабылдады. Дипломатиялық келіссөздер барысында олар елшілерден сол кезеңде Тәуке хан билеген Қазақ хандығы туралы сұрастырды. Қалмақ өкілдерінің жауаптарында хандық аумағында егіншілік пен бау-бақша өсірудің дамуы туралы маңызды дерек кездеседі: «...Елшілер былай деді: Қазақ ордасында *(Қазақ хандығы – Автордың ескертпесі)* шағын қалалардың жанында да, ауыл-ауылдарда да астықтың барлық түрін мол егеді... Сондай-ақ қалалар мен ауылдарда бақтар өте көп, ал бақтарда түрлі жеміс-жидектер: алма, жүзім мен шие, қара өрік пен шебуга, үлкен грек жаңғақтары және басқа да жемістер бар...» [Тохтабай, Досымбетов., 2025: 1688].

Жалпы қазақ халқын негізінен көшпелілер құрайды деген көзқарас патшалық Ресей тарапынан қалыптасқан, бірақ төмендегі кестеге қарасақ, екеуінің ара салмағында анау айтарлықтай айырмашылық жоқ екенін көруімізге болады (кесте 2).

Кесте 2. Уездер бойынша өткен жылмен салыстырғандағы отырықшы мен көшпелі халық бөлінісі [Обзор, 1907: 4].

Уездер	Отырықшы халық (1905) ж.	Отырықшы халық (1906) ж.	Көшпелі халық (1905) ж.	Көшпелі халық (1906) ж.
Верный	51 646	56 086	46 436	54 062
Қапал	14 771	14 465	29 848	31 661
Лепсі	21 160	28 014	27 998	30 056
Жаркент	13 039	21 745	9 477	9 309

Бұл кестедегі сандар жәй ойдан алынған сандар емес, арнайы Жетісу әскери губернаторының жыл сайынғы статистикалық комитетін зерттеуі бойынша жасалып, сарапталған есеп.

Жетісу қазақтарының тұрмысында астық өнімдері ерекше орын алды. *Дәнді дақылдар* – егіншілік өнімдерінің ең маңызды тобы. Оларға бидай, арпа, күріш, жүгері, сұлы және тары жатады. А.И. Левшин «... Қазақтар егін арасында қара бидай, бидай, арпа, әсіресе өте көп мөлшерде тары, сондай-ақ азырақ көлемде қарбыз бен қауын өсіреді. Тарының әр сабағынан 50-60 дәннен, ал бидайдан 10-15 дәннен жинап алады» (Левшин, 1996: 380), – дейді. Жетісуда бидай, арпа, тары, сұлы және жүгері кең таралған дақылдар, әсіресе Іле, Верный, Жаркент, Қапал уездерінде суармалы жерлерде бидай мен арпадан мол өнім алып отырған. Қазақтар бидайдан ұн, тарыдан жент жасап күнделікті тағам ретінде пайдаланылған. Ұннан нан, бауырсақ, қаттама, күлше сияқты тағамдар, ал тарыдан жент, талқан, сөк жасалып, ұзақ сақталатын азық ретінде пайдаланған.

Л. Костенко «Очерки Семиреченского края (Путевые письма)» атты еңбегінде қазақтардың егіншілігі туралы былай жазады: «... Халықтың басты шаруашылық кәсібі егіншілік болды. Өңірде жаздық және күздік қара бидай, бидай, сұлы, арпа, тары мен қарақұмық өсірілді. Бұдан басқа, айтарлықтай көлемде картоп егіліп отырды. Өндірілген астықтың негізгі бөлігі халықтың өз азық-түлігі ретінде қажеттеріне жұмсады, бірақ сатуға көрші елдерге сыртқа шығармады. Дегенмен де оның бір бөлігі көшпелі қазақтарға сатылады, ал тағы бір бөлігі спирт және сыра қайнату зауыттарына өткізіледі [Костенко, 1872: 170].

Отырықшы халықтың басым бөлігінің жыл бойғы негізгі азығы бидай наны болғандықтан, олардың азық-түлікпен қамтамасыз етілу деңгейі әрдайым бидай өнімінің мөлшеріне тәуелді болды [Обзор, 1908: 43]. Қазақтар ұннан дайындалатын тағамдарды күнделікті тұрмысында кеңінен пайдаланған. И. Фальктің жазбаларына сәйкес, олар нан, шелпек, көже (бидай көжесі және тары көжесі), бөртеден дайындалатын ботқа (буға піскен тарыдан әзірленетін тағам), қарабыламық және қуырмаш сияқты ұлттық тағамдарды әзірлеген [Фальк, 1999: 132].

XIX ғасырдың соңына дейін Жетісу өлкесінің диқандары астық өнімдерінің дәстүрлі түрлері болып табылатын бидай, тары, арпа және сұлы, жүгері өсірумен айналысса, ғасыр соңынан бастап күріш дақылы кеңінен егіле бастады. Бидайдың екі негізгі түрі – ақ және қызыл бидай – жергілікті климат пен суару жағдайына қарай әртүрлі алқаптарда егілді. Ақ бидай негізінен суғарылмайтын жерлерде өсіріліп, ұнының сапасы жоғары саналды, ал қызыл бидай масақтағы берік құрылымымен және ысырапсыз өнімділігімен ерекшеленді [АӨЖМ]. Жалпы алғанда, бидай әлем бойынша 148 елдің негізгі азық-түлігі ретінде, экономикалық және мәдени маңызы зор дақыл болып табылады. Дүниежүзілік астық өндірісінің шамамен 60 пайызы бидай үлесіне тиеді. Бидайдың жиырмадан астам түрі белгілі, олардың ішінде ең көп таралғаны жұмсақ бидай, ол жер шарының түрлі аймақтарында кеңінен өсіріледі. Бидай дәнінің тағамдық және технологиялық қасиеттері оның әмбебап шаруашылықтық мәнін айқындайды: ол құнарлы әрі қуатты азық болумен қатар, ұзақ сақталады, оңай тасымалданады және өңделіп әртүрлі өнім түрлеріне айналдырылады. Мәселен, бидайдан крахмал, спирт, май, клейковина алынса, оның сабанынан қағаз, картон және тұрмыстық бұйымдар өндіріледі.

Қазақ қоғамында егіншілік өнімдері тұрмыстық мәдениеттің бір бөлігіне айналған. Нан қасиетті тағам ретінде бағаланып, оған ерекше құрмет көрсетілген. «Ас атасы – нан» деген халық даналығы астық өнімдерінің қоғамдағы маңызын көрсетеді.

Астықтан жасалатын «нан» қасиетті тағам. Нанды «нан» деп алғаш атаған кім? Бұл грек сөзінен шыққан атау. Гректер нанды арнаулы қыш құмыраға – «клибаносқа» салып пісірген, кейінірек ежелгі герман, славян және басқа халықтарға таралған «хлайфс» деген гота сөзі содан шыққан. Біздің «хлеб» (нан) деген сөзімізбен үндес байырғы неміс тілінде «хлайб» деген, ал эстондарда – «лайб» деген сөздер бар. Нанның дүниеге келуі – қашан да ғажап. Нан пісірген адамдар әрқашан сыйлы да құрметті болған. Айталық, Грецияда наубайлар ең мәртебелі мемлекеттік қызметке отыруға праволы болған екен [Ас атасы, 1989: 3]. Бір үзім нан үшін адам баласы не істемеген. Нан жарықтықты ата-бабаларымыз да жоғары бағалаған. Олар «жоғарыда құран тұрса, аяғыңның астына нан қойып алуға болмайды, жоғарыда нан тұрса, аяғыңның астына құранды қойып алуға болады» – деген. Сонымен қатар «Шыным осы, нан ұрсын» – деп, ант-су ішкенде де, бір ауыз сөзге сенген. Ертеректе Сыр бойында осы күнгі «Тартоғай» ауылында Әлімбет деген байға ас беріліпті. Қызылқұм елінен Нарбай деген кісі жүйрік атымен келіпті. Сол ат бәйгеде үздік келген екен. Сонда тұрған біреулер «жаусыз ауыл даусыз болған ба, бәйгені айдаладағы құм еліне қалай қиямыз» деген екен. Содан бір топ пәлеқорлар ұйымдасып, «бұл атты құнанында ұрлатып едік» деп аттың шылауынан ұстапты. Сонда Қызылқұмның қалың еліне аты мәлім Құттымұрат деген кісі нан ұстап ортаға шығыпты. Міне, наным, міне жаным, бұл ат Нарбайдың өз аты. Кезінде Үргеніштің базарынан бес қараның пұлын беріп, сатып алғанын көргенмін. Менің сөзіме сенбей, осы ат менікі дейтін адам болса, ортаға шығып нан ұстасын, – дейді. Сонда жалақордың еңсесі түсіп, ортаға шыға алмай шөгіп қалыпты. Мұның өзінен халқымыздың нанды сонау замандардан бері адам жанынан да артық бағалағанын байқауға болады. Аталарымыз «алтын-күміс тас екен, арпа-бидай ас екен – деп, ақшадан да алтыннан да нанды артық көрген. Нансыз өмірдің жоқ екендігін осы сөз арқылы дәлелдеген» [Сыр бойы..., 2026: 121].

Тары – бағалы жармалық дақыл. Оны өзбектер «тарық», түркімендер «дары», түріктер «дара», монғолдар «тары» деп атайды. Қазақтар да «тары» дейді. «Бидайдан бір тамғанда, тарыдан екі тамады» дейді қазақ. Тары… Қазақ халқының ежелден келе жатқан мәдени дақылдарының ішіндегі олардың тіршілігі үшін ең маңызды орын алатыны да, тұрмыстық ерекшеліктеріне ыңғайлысы да тары болған. Өзендер мен көлдерді жағалай қоныс теуіп, жаз айларында қысқа мерзімде пісіп үлгеретін тарыны егіп, өздеріне қыстық азық жинап алуды көшіп-қонып мал баққан қазақтар да өте ерте үйренген [АӨЖМ]. Қазақстан жерінде қоныс тепкен тайпалардың ежелгі мекендері мен қола дәуірінде өмір сүрген сақ тайпалары көсемдерінің обаларын, ерте және орта ғасырлық қалалар мен қорғандарды қазу кезінде тары сабанының және дәндерінің табылуы осының айғағы болса керек.

Әрине, бұл деректерді негізге алып тарының отаны тек Қазақстан жері деген ұғым тумауы керек, кейінгі кезде ғалымдар тарының отаны Қытай, Монғолия және Қазақстанның оңтүстік-шығысы екенін анықтап отыр.

Көшпелілер арасында астық өнімдерінің ішінде ең көп тұтынылғаны – қуырылған тары жармасы еді. Ол құрғақ күйінде де, суға қайнатылып, аздаған сүт қосылған сұйық ботқа түрінде де желінді. Тары болмаған жағдайда оның орнына арпа, бидай, жүгері және тіпті бұршақ та пайдаланылды [Обзор, 1907: 48]. Ш.Уәлиханов: « ... Ұлы жүзде көбіне тары егеді, оны қырғыз-қайсақтар (қазақтар – Ә.Ж.) қыста сүт жоқ кезде пайдаланады» [Валиханов, 1984: 185], – дейді.

Тарының кең таралған түрлері *ақбикеш, ақтары, қызылтары, сарытары, алабүйрек, қырық күндік* болды. Тарыны суармалы жерге, мамырдың аяғынан маусымның соңына дейін егеді. Тарының кеш егілуінің себебі бар, ол бидай мен арпаға қарағанда аз уақытта өсіп-өнеді, қазақтар көбіне қырық күндік тарыны еккен, сол уақыт ішінде тарыны күтіп-баптап, құстардан қорғап, жинап алған.

Арпа мен бидайды егу технологиясы қандай болса тарыны егу жұмыстары да солай жүргізілген. Тары егетін жерді бірінші – арам шөптерден тазалап, бір рет жыртады да дәнді сеуіп, тегістеп тырмалайды. Су жеткілікті болса, жаз мезгілінде бес мәртеге дейін суғаруға болады. Бірінші суғарым тарыны еккеннен кейін 12–15 күннен соң, екінші суғарылым осынша уақыттан кейін жүргізілген, кейде үш мәрте, тіптен су аз болғанда екі рет ғана суғарылған, ал осы кезде егіннің түсімі өте төмен болған. Тары негізінен тамыздың орталарында піседі, пісіп жетілу уақыты бірақ та кейде ерте, кейде кеш қыркүйектің орталарына дейін баратын болған. Піскен тарыны орып, баулап қырмаға тасиды, сол жерде көбіне түйемен, ал өгізбен бастыру өте сирек кездескен. Өгізбен бастырмаудың себебі тарыны тұяқтарымен майдалап тастайтын болған [АӨЖМ].

Тарының құрамында адам организміне қажетті түрлі витаминдер мен белоктар, майлар мен минералды заттар көп. Тарыдан жент, мәйсөк, балсөк т.б. көптеген тағамдар дайындаған. Ал енді тарыны қалай түйіп дайындайды, соған тоқталайық. Осы жерде айта кететін жайт «тарының» дайындалу жолдары мен одан жасалатын тағамдардың жасалу жолдарына ғана тоқталғалы отырмыз. Әр диқан тарысын жинап алған соң, шетінен алып тамақ қылып отырған. Қуырған тарыны «сөк» депте атайды. Тарыны сөкке айналдыру үшін ол жел өтіне суырылып шөп-шаламнан тазартылады (I). Тарыны таза жылы суға бірнеше қайтара жуады. Қазанға су құйып бір қайнатып алынады. Қазандағы тарының қауызы ашыла бастаған кезде оны сүзіп алады. Алдын-ала дайындап қойған шиге немесе таза матаның бетіне жаяды. Әбден дегдіген соң 2–3 кг-дайын қазанға салып қуырады, қуырған кезде былғауышпен күйіп кетпеуі үшін былғап отырады. Қуырған тарыны ыстық күйінде екінші біреулер келіге салып түйеді, сөйтіп қауызынан ажыратады. Түйілген тарыны әбден қауызынан ажырату үшін бірнеше рет түйетін болған, мұны «ақтау» деп те атаған. Ақталған тарыны жел өтіне желпіп суырады, кейде елеуішпен елеп қауызынан ажыратып алатын болған (II). Міне сөкті осылай дайындайтын болған.

Сөкті диірменге тартып талқан жасаған. Сөкті де, талқанды да құрғақ жерде сақтайтын болған. Сөктен алдында айтқандай түрлі тағамдар дайындаған соның бірі «мәйсөк» – 1–2 кг дайын сөкті алып, жақсылап жылы суға жуады, сөйтіп оны орамалдың бетіне дегдітіп қояды, содан кейін ыдысқа салып қажетінше май, қант қосып араластырады. Тағы бір тағамның түрі қауынға жаншылған сөк, әбден піскен қауынды жарып дәнінен ажыратып тіліп-тіліп ыдысқа салады, оның үстіне керегінше сөк салады, сөйтіп қауынға жаншиды, оны «қауынқат» немесе «қауын сөк», «қауын жаншпа» деп атаған. Құрамы 3–4 кг қауынға жарты килограммдай сөк қосуға болады [АӨЖМ].

Сүт тағамдары мен бидай қазақтардың негізгі асы болып табылады. Ешкі, қой және сиыр сүтінен айран (ұйыған сүт) және қатты құрт (ащы ірімшік) дайындалады. Түйе сүтін шайға қосып ішеді. Көже – ең үйреншікті, күнделікті тағам. Оны дайындау үшін бидай дәндерін ағаш келіде түйеді, осылайша дәндер біршама уатылып, жібіген кезде, оларды қазанға көп су құйып қайнатады, бұл сорпаға айран немесе шикі (жаңа сауылған) сүт қосады. Орыстардан алынатын ұн бауырсақ пісіруге жұмсалады, ол – қойдың майына қуырылған қамыр бөліктері [Никольский, 1885: 81].

XIX ғасырдың соңы мен XX ғасырдың басында қант пен нан қазақтар тұрмысына енген таңсық тағамдардың бірі болды. Қазақ ауылдарын аралауға шыққан жергілікті әкімшілік шенеунігі қазақтардың үйіне түсіп, дастархан басында көмекшісінің оларға маңғаздана бір кесек қант пен бір үзім наннан үлестіре бастағанын, бірақ қанша жегілері келіп тұрса да, отағасы басын изеп рұқсат бермей, үй ішіндегілердің ол тағамдарға қол созбағанын жазады. Сонымен бірге бұл тағамдардың бірте-бірте шілдехана, жылдық ас, үйлену тойы сияқты көпшілік жиын той дастарханының да сәніне айнала бастағанынан хабар береді [Бисембаева, 2020: 31].

1909 жылдың жазында Жетісу өңіріне ұзақ іссапар жасаған, орыс заңгер-ғалымы Г.К. Гинс қазақтардың тамақтану салттарын суреттейді: «Мен оянғанда әйелдер әлдеқашан тұрып, айран ішіп отыр екен. Бізге де айран берді, оған қоса сүтке қайнатылған тары ұсынды. Дәмі жақсы болып көрінді. .... Біз бауырсақпен шай іштік. Бауырсақ – қойдың майына пісірілген, көлемі мен пішіні жағынан жастықша тәрізді кәмпиттерді еске түсіретін нан тағамы. Олар қазақтар дастарқан деп атайтын, кілемнің үстіне төселетін ас жаюға арналған матаға шашылып қойылған еді» [Гинс, 1913: 296-298], – дейді.

Енді күріш шаруашылығына тоқталсақ Іле өзенінің төменгі ағысы мен Балқаш маңында күріш егу дәстүрі қалыптасты. Күріш жергілікті халықтың азық-түлік қорын толықтырып, сауда-саттықта да маңызды орын алды.

Жетісу өңірі қазақтары егіс науқанын қай уақытта бастаған деген сұраққа келетін болсақ, наурыз және сәуір айларында сақталған суық ауа райы, сондай-ақ осы айларда жиі жауған қар мен жаңбыр егіс жұмыстарына кедергі келтірген. Соның салдарынан егіс науқаны мамыр айының ортасына дейін, ал Жаркент уезінде маусымның алғашқы күндеріне дейін созылады. Жетісу өлкесінде астықтың қазіргі таңда да өсіріп пайдаланып жүрген түрлерін ертеде де пайдаланған деп айта аламыз. Төмендегі кестеден Жетісу облысы аумағында егілген астық тұқымдарын көреміз (кесте 3).

Кесте 3. Облыстың әрбір уезі бойынша астықтың жекелеген түрлері мен картоптың өнімі төмендегідей мөлшерде (пұтпен[7]) анықталды [Обзор, 1907: 46].

Р/с	Дақыл түрлері	Верный уезі	Қапал уезі	Лепсі уезі	Жаркент уезі
1.	Күздік бидай	242355	1707	3190	825
2.	Жаздық бидай	3159665	1195771	2020035	929286
3.	Күздік қара бидай	42916	6381	8892	169
4.	Жаздық қара бидай	23153	56116	226557	7138
5.	Арпа	385674	28716	156823	367827
6.	Сұлы	1708564	1019647	909771	599880
7.	Тары	844231	882197	630980	151743
8.	Бұршақ	10771	3955	9326	13718
9.	Күріш	43289	–	–	152700
10.	Қарақұмық	516	540	3754	-
11.	Жүгері	9840	-	-	1150
12.	Картоп	359125	125440	112206	76345
13.	Барлығы	6830124	3320472	4081534	2300781
14.	Себілген тұқым	1077963	386857	482686	261074
Тұқымдықты шегергеннен кейінгі өнім		5752161	2933615	3598848	2039607

Енді осы жерде қазақтардың тұтынған тағамдарының сол кездегі бағасын да көрсетіп кетуді жөн санап отырмыз. Мысалыға: шақпақ қанттың 1 пұты 14 сом, күнбағыс майының 1 пұты – 14 тиын, бидай ұнының 1 пұты – 90 тиын, картоптың 1 пұты – 42 тиын болған [Бисембаева, 2020: 31–32].

Бақша және көкөніс дақылдары: Көкөністер дәрумендер мен минералдарға бай болғандықтан адам денсаулығына, дұрыс тамақтануында маңызды орын алады. Картоп, сәбіз, қызылша, пияз, қызанақ, қияр сияқты көкөністер халықтың күнделікті тұтынатын тағамының қатарына жатады, оларды ұзақ мерзімге сақтауға болады. Жетісуда қауын, қарбыз, асқабақ, пияз, сәбіз, қызылша және картоп өсірілді. Әсіресе Жаркент өңірі бақша өнімдерімен танымал болды, бұл дақылдар тағам ретінде ғана емес, халықтық медицинада да кеңінен қолданылған.

[7] Пұт – Ресей империясының дәстүрлі өлшем жүйесінде қолданылған салмақ (масса) бірлігі. Бір пұт 40 фунтқа, яғни шамамен 16,38 килограмға тең. Бұл өлшем Қазақстан аумағында XIX ғасыр мен XX ғасырдың басында астық, ұн және басқа да ауылшаруашылық өнімдерінің салмағын есептеуде кеңінен қолданылған.

Көкөніс өсірумен халық үлкен жауапкершілікпен айналысқан. Өсірілетін көкөніс-бақша дақылдарының ішінде ерекше атап өтуге тұрарлығы – Құлжа (қазіргі Қытайдың Іле өңіріндегі қала жақтан әкелінген қауын тұқымдары) тұқымынан өсірілетін тәтті қауынның ерекше бір түрін айтуға болады. Бұл Жетісу мен Іле өңірі арасындағы ауыл шаруашылығы тәжірибесі мен тұқым алмасуының болғанын көрсетеді. Жетісуда тек дәнді дақылдар ғана емес, көкөніс пен бақша шаруашылығының да жақсы дамығаны, сондай-ақ Құлжа өңірінен әкелінген жоғары сапалы қауын сұрыптарының өсірілгені байқалады» [Костенко, 1872: 170].

Қауын мен қарбыздың кептірілген түрлері қысқы азық ретінде сақталған. Бақша өнімдерінің ішінде әсіресе асқабақ пен қауын ерекше назар аударады. Дереккөздер казақтардың ежелден бері қысқа азық-түлік дайындаудың түрлі әдістерін қолданғанын куәландырады. Дәстүрлі қысқы дайындамалардың бірі – қауынқақ (жұқа тілімдерге кесіліп, күнге кептірілген қауын). Бұл өнім кеңінен танымал және қыс мезгілінде тағам ретінде тұтынылады. Асқабақтар тек тағам ғана емес, ыдыс ретінде де пайдаланылады. Асқабақты қазақтар сүтке қосып қайнатып жеген, олардың дәндерін ішектегі құрттарды түсіру үшін де пайдаланған. Қауындар өздерінің дәмімен танымал және екі түрге бөлінеді. Олардың бір түрінің еті жасыл түсті болып келеді және қабығына дейін тәтті болады. Қауын жергілікті тұрғындардың ең сүйікті тағамдарының бірі саналады және қыс бойы сақталады. Көкөніс пен бақша өнімдері түрлі тағамдарға қосылып, қыс мезгіліне арнап кептірілді немесе арнайы қоймаларда сақталды. Верный уезінде көкөніс шаруашылығы басқа уездерге қарағанда анағұрлым жақсы дамыды. Бұған И.Х. Шнитниковаға тиесілі кептірілген көкөніс пен консерві өндіретін фабриканың көкөніске деген жоғары сұранысы себеп болды. Көкөніс өсіруге қарағанда бақша шаруашылығының (қауын-қарбыз өсірудің) маңызы зор еді. Ол өнімді сатудан жақсы табыс әкелумен қатар, әрбір шаруашылық үшін дерлік міндетті сала саналды, өйткені күзгі егін жинау кезінде қарбыз, қауын және қияр барлық жұмысшылардың негізгі азығы болды.

Бау бақша, жемістер. Г.К. Гинс Жетісу жерін мекендеген қазақтардың тұрмыс тіршілігін, шаруашылығы туралы көрген, білгендерін былайша суреттеп жазып қалдырған: «....Жазықтың кейбір тұстарында қырғыз (қазақ – Ә.Ж.) бақтары қарауытып, шағын дақтар болып көрінеді. Бұл бақтар – егістіктің немесе қыстаудың маңына отырғызылған бірнеше ағаштан ғана тұратын қатар не шағын топ. Бұл егістіктер де, қыстаулар да, бақтар да өзінің қарапайым, алғашқы қалпын сақтаған. Мұндай қырғыздардың (қазақтардың – Ә.Ж.) егістігі енді кездейсоқ әрі жүйесіз емес, қайта бидай өсіруді басты орынға қойған, саналы түрде ұйымдастырылған дұрыс ауыл шаруашылығына айналған. Олар хуторларда тұрады, киіздің орнына үйлер салып, қоныстарының жанына нағыз жеміс бақтарын өсірген..» [Гинс, 1913: 298].

Өңірде бау-бақша шаруашылығының дамытылуы олардан алынатын өнімдерден жасалынған, Жетісу жеріне таңсық, әртүрлі жеміс-жидектерден қайнатпаларды, тәтті нандарды сатылымға шығарды [Бисембаева, 2020: 31–32].

Г.В Гинс қазақтардың бау-бақшамен қалай айналысатыны туралы айтады: «.. Білдебай – үлгілі шаруашылық иесі әрі беделді адам. Ол өз бетінше орысша сауат ашқан, көптеген орыс сөздерін біледі. Өте шебер аңшы, аңшылықты жақсы көретін адам, сондай-ақ бағбан. Оның хуторында жиырма десятина егістікпен қатар бес десятина жеміс бағы бар. – «Қойын бағып қана отырған, жердің өз қолынан кетіп бара жатқанын сезбейтін қырғыз (қазақ – Ә.Ж.) ақымақ. Нағыз байлық – жерде. Артық бір сомымды да малға жұмсамаймын, баққа жаңа ағаш сатып аламын. Көршілерім маған күліп, мазақ етеді, бірақ уақыт өте кімнің дұрыс болғанын көреді», – дейді ол. Білдебай – өте қабілетті адам. Ол орыстардың арасында жүріп, көп нәрсе үйренген» [Гинс, 1913: 296–298], – дейді.

«Талдықорған» қаласының атауының да шығу тегі осы көптеп отырғызылған «тал» яғни бау, ағаш, талдардың көп болуымен тікелей байланысты болуы керек, әр жылдары әртүрлі аталған негізінен тарихи атауы *«Тал қорған»* болған. Қазақтар жер-су аттарын қойғанда сол жердің ерекшеліктерін ескеріп қоятын болған. Кеңестік тарихшылар оған «Гавриловское» атауын бекітті, бірақ Талдықорған ешқашан «Гавриловка» болмаған. Ғасырлар бойы бұл жер «Тал қорған» деп аталып, қыстау орны болған. «Гавриловка» атауының шығу тарихы мынадай. «Мойка» хуторы маңында Гаврилов деген екі ағайынды тұрған. Олардың бірі жүн мен мал терісін сатып алып, терілерді өңдеп, тон тігіп сатумен айналысқан. Екіншісі арзан самогон қайнатқан. Ол кезде бір бөтелке арақтың бағасы 6 рубль тұрған. Бұл ақшаға арық қозыларды емес, төрт жақсы қой сатып алуға болатын. Сондықтан оған қазақтар жан-жақтан келіп тұрған. «Қайда бара жатырсың?» деген сұраққа олар: «Гавриловқа бара жатырмын!» деп жауап берген. Сөйтіп, бұл атау айналадағы

өңірлерге кеңінен тарап кеткен. Алайда бұл жердің байырғы атауы – «Тал қорған» болған [Летопись, 2012: 165].

Барлық жерде бақтардың көп бөлігінің ағаштары күтіп бапталмаған және қураған ағаштары қырқылып тазаланбаған. Соның салдарынан олар алма күйесі, жеміс жемірі (жеміс құрты) сияқты зиянкестердің жаппай шабуылына ұшырап, түрлі саңырауқұлақ ауруларынан зардап шегеді. Алма мен алмұрт ағаштары бұл ауруларға анағұрлым төзімді келеді. Ал сүйекті жеміс ағаштары (өрік, шабдалы, алхоры, шие және т.б.) 1880-жылдары Жетісу бақтарының мақтанышы болғанымен, жылдан-жылға азайып барады. Бұған олардың камедь ағуы, қалталы саңырауқұлақ аурулары және басқа да дерттерге шалдығуы, әрі олармен тиімді күресудің мүмкін еместігі себеп болып отыр.

Әрине, бұған ерекше жағдайлар да бар. Кейбір бақ иелері өз бақтарын ғылыми талаптарға сай күтіп-баптайды, зиянкестерге қарсы белсенді күрес жүргізіп, ағаштарды зиянды жәндіктерді жоятын түрлі ерітінділермен бүркіп залалсыздандырады. Бірақ жекелеген адамдар ғана емес, жалпы барлығы осылай бау-бақшаларын күтіп баптау керек, сонда ғана мәселенің толық шешімі табылады.

Сонымен қатар, қолдан отырғызылған бақтар табиғи жабайы жеміс ағаштарына жақын орналасқан өңірлерде (мысалы, Верный қаласы мен оның маңында) жеке бақтардағы зиянкестермен күрес тек мемлекеттік орман алқаптарында да бір мезгілде осындай шаралар жүргізілген жағдайда ғана тиімді болар еді. Алайда облыстағы орман шаруашылығының сол кездегі жағдайында мұны жүзеге асыру мүмкін емес болатын.

Жемістің мол өнім берусе де олардың бағасы әдеттегі деңгейде болды; тек *«апорт» алмасының* бағасы ғана қымбат болды. Күзде оның ең таңдаулы алмаларды ортадағы делдалдар мың данасын 8 сомнан сатып алды, Ташкентке апарып сатып біршама табысқа жетті. Алманың жаздық сорттары жергілікті жерде бір арбасы 1–2 сомнан сатылды. Қыс айларында баға көтерілді, бөлшек саудада алманың он данасы 30–60 тиыннан, ал алмұрттар 15–40 тиыннан сатылды [Обзор, 1907: 62-63].

Жүзім тек Пішпек, Верный және Жаркент уездерінде ғана өсірілді. Қапал уезінің Сарқан станицасында кейбір шаруалардың жүзім өсіруге жасаған әрекеттері сәтсіз аяқталды. 1905–1906 жылғы қыста бұл станицадағы барлық жүзімдіктер үсіп кетті. Сондықтан олардың иелері жүзімдіктерді қайта қалпына келтіруге ниет білдірмеді, өйткені мұндай шаруашылық жұмсалған шығынды ақтамайды деп санады [Обзор, 1907: 63]. Верный уезінде де жүзім жақсы өсіп, мол өнім берді, әсіресе Верный қаласының шығыс жағында. Өсіріліп жатқан сорттар жергілікті климатқа бейімделмегендіктен, оларды ерте пісетін сорттармен алмастыру қажет болды. Кейбір шаруалар бұған назар аудара бастаған. 1906 жылы жүзім өнімі өткен жылмен салыстырғанда молырақ болғанымен, оның бағасы төмендеген жоқ: Верныйда бір пұты 1 сом 60 тиыннан 4 сомға дейін, ал Жаркентте 40 тиыннан 1 сом 20 тиынға дейін сатылды [Обзор, 1907: 62].

Техникалық дақылдар. XX ғасырдың басында Жетісуда қант қызылшасы мен темекі шаруашылығы дами бастады. Қант қызылшасы қант өндірісінің негізгі шикізаты болып табылады және аймақ экономикасында маңызды орын алады. Техникалық дақылдар мақта, күнбағыс, зығыр, қант қызылшасы болып табылады. Мақтадан тоқыма өнеркәсібіне қажетті шикізат алынса, күнбағыстан өсімдік майы өндіріледі. Егіншілік өнімдері жергілікті базарларда айырбас саудасының негізгі тауарларының бірі болды. Қазақтар астық пен бақша өнімдерін мал өнімдеріне, тұрмыстық заттарға және қолөнер бұйымдарына айырбастап отырған.

Мал азығы ретінде пайдаланылуы. Арпа, сұлы және жүгеріні мал азығына пайдаланып, қыстық жем-шөп қорын дайындауда маңызды рөл атқарды, бұл егіншілік пен мал шаруашылығының өзара байланысын күшейтті. Мал шаруашылығы мен егіншілік бір-бірімен тығыз байланысты дамыған, мал азығын дайындауда егіншілік өнімдері маңызды рөл атқарған.

Өнеркәсіптік мақсатта және халық тұтынатын товар ретінде қолданылуы: Көптеген егіншілік өнімдері өнеркәсіп салаларында шикізат ретінде пайдаланылады. Мақтадан мата, жіп және басқа тоқыма бұйымдары өндіріледі. Халықтық медицинадағы орны, қазақ халқы кейбір дақылдарды емдік мақсатта пайдаланған. Сұлы қайнатпасы асқазан ауруларына қарсы қолданылса, зығыр тұқымы халық медицинасында кеңінен қолданылған. Асқабақ тұқымы да дәстүрлі емдік құралдардың бірі болған.

Орталық статистика комитеті халықты азық-түлікпен қамтамасыз ету деңгейін анықтап, бір адамға жылына 13 пұт қара бидай мөлшерін норма ретінде қабылдайды. Кениг коэффициенті бойынша қара бидай бірлік ретінде алынса, оның қоректік құндылығы 1,031-ге тең болады, яғни бұл 17,003 пұтқа, дөңгелектеп айтқанда 17 пұтқа сәйкес келеді. Осы норманы Жетісу облысына да қолдана отырып, 1907 жылғы өнім бойынша облыстың барлық уездеріндегі қазақтардың өз халқын

азық-түлікпен қамтамасыз етуге де, келесі жылғы егіске тұқым қалдыруға да толық мүмкіндігі болғаны, тіпті сыртқа сатуға едәуір артық өнім қалғаны анықталады [Обзор, 1908: 43].

Майлы және талшықты дақылдар өсіру 1906 жылы майлы және талшықты дақылдар егілген жалпы жер көлемі 8556 десятинаны құрады, бұл 1905 жылмен салыстырғанда 836 десятинаға аз болды (кесте 4).

Кесте 4. Жекелеген дақылдардың уездер бойынша егіс көлемі

Дақыл	Верный уезі 1905-1906 жж.	Қапал уезі 1905-1906 жж.	Лепсі уезі 1905-1906 жж.	Жаркент уезі 1905-1906 жж.
Зығыр	439 → 266	181 → 122	252 →429	585 → 500
қарасора	276 → 291	157 → 121	261 →260	5 → 16
Көкнәр	134 → 17	6 → 4	2 → 7	2 →-
Күнбағыс	1261→1098	262 →286	1287→1414	7 → –
Қыша	897→427	-→3	-	379 → 505
Мақсары	6→8	–	–	–
Барлығы	3013→ 2107	606 → 536	1802 → 2110	978 → 1021

Бұл деректерден шаруашылық тұрғысынан елеулі маңызға тек бірнеше дақылдың ғана ие екендігі байқалады. Олар: *күнбағыс* – орыс тұрғындары одан өсімдік майын алу үшін өсірген; *қыша* – дәл осы мақсатта тараншылар (ұйғыр диқандары) еккен; *зығыр* – оның тұқымына Түркістанда сұраныс болғандықтан өсірілген. *Көкнәр* өсіру негізінен Верный уезінің орыс тұрғындары арасында таралған, бірақ одан алынатын тұқым көбіне өздерінің тұрмыстық қажетіне ғана пайдаланылған. *Мақсарыны өсімдік майын алу үшін* Верный қаласы маңындағы бірнеше шаруашылықта біршама табысты өсірілгенімен, жергілікті топырақтың арамшөпке қатты басып кетуіне байланысты бұл дақыл ерекше күтімді қажет етеді. Сондықтан оның егіс көлемін кеңінен ұлғайту мүмкін болмаған [Обзор, 1907: 49].

Темекі шаруашылығы өнеркәсіптік темекі плантациялары тек Верный қаласының маңында болды. Олар көпес А.С. Гавриловтың мұрагерлері мен өздерінің темекі фабрикалары бар Романенков мещандарына тиесілі еді. 1903–1904 жылдары кейбір шаруалар жоғары сұрыпты темекі өсіруге әрекет жасағанымен, бұл тәжірибе сәтсіз аяқталды. Себебі жоғарыда аталған фабрика иелері олардың өнімін тиімді бағамен сатып алудан бас тартты. Олар фабрикаларға қажетті темекі көлемі өздерінің плантацияларынан алынған өніммен толық қамтамасыз етілгенін мәлімдеді. Мұның шындыққа сай екендігін Гаврилов мұрагерлері мен Романенковтардың өз плантацияларын кеңейтпегендігі дәлелдейді. Барлығы 36 десятинаға ғана темекі еккен. Осы алқаптан: жоғары сұрыпты темекі – 1 200 пұт; төменгі сұрыпты темекі – 800 пұт жиналды. Қапал, Верный, Жаркент және Пішпек уездерінің кейбір ауылдарында, сондай-ақ тараншы және қырғыз болыстарында махорка мен жергілікті тұрғындар шайнауға пайдаланатын жасыл темекі өсірілді. Бірақ бұл кәсіп өнеркәсіптік мақсатта емес, негізінен өз қажеттерін өтеу үшін жүргізілді. Артық қалған өнім ғана сатылымға шығарылды. 1906 жылы аталған барлық уездерде төменгі сұрыпты темекі егістігінің жалпы көлемі 18 десятина болды. Артық өнім базарларда бір пұты 1 сом 20 тиыннан 1 сом 80 тиынға дейінгі бағамен сатылды [Обзор, 1907: 65]. 1906 жылы өңдеуге: 3287 пұт 20 фунт[8] 36 золотник[9] жапырақты темекі қабылданды; одан 2802 пұт 7 фунт 7 золотник (қазіргі өлшем бірлігімен есептегенде 45,9 тонна) дайын өнім шығарылды. Темекі акцизінен 30 171 сом 20 тиын түсті [Обзор, 1907: 69–70].

Верный және Жаркент уездерінде күріштің өнімі әр себілген тұқымнан 10,1 есе, ал Пішпек уезінде 9,6 есе болды. Бұл деректерден облыс бойынша астық дақылдарының түсімі 1906 жылмен

[8] Ресей империя тұсында қолданылған өлшем бірлігі. 1 фунт 409,5 граммға (шамамен 0,41 кг) тең. Бұл өлшем бірлігі Қазақстан аумағында XIX ғасыр мен XX ғасырдың басындағы сауда-саттықта және шаруашылық қатынастарда кеңінен қолданылған.

[9] Золотник – Ресей империясының дәстүрлі өлшем жүйесінде қолданылған салмақ (масса) бірлігі. Бір золотник шамамен 4,266 грамға тең. 96 золотник бір фунтты, ал 3840 золотник бір пұтты құраған. Бұл өлшем көбіне алтын, күміс сияқты бағалы металдарды, дәрі-дәрмектерді және аз мөлшердегі тауарларды өлшеуде қолданылған.

салыстырғанда жоғары болғаны, алайда оның әрбір уезде біркелкі болмағаны байқалады. 1907 жылы халықтың азық-түлікпен қамтамасыз етілуі жан басына шаққандағы пұт есебімен төмендегідей болды (кесте 5).

Кесте 5. Отырық және көшпелі шаруашылықтардың азық-түлікпен қамтамасыз етілуі [Обзор, 1908: 42].

Уезд	Отырықшы халық (пұт)	Көшпелі халық (пұт)
Верный	34,5	21,1
Қапал	41,9	11,2
Лепсі	49,5	13,2
Жаркент	40,9	9,2

Верный қаласының базарында қазан және қараша айларында, яғни астық ең көп жеткізілген кезеңде, бидай ұнының бағасы бір пұтына 55–65 тиын аралығында болды. Ал дән күйіндегі бидай бір ширегі (четверть) үшін 3 сом 60 тиыннан 4 сомға дейін сатылды. Есесіне сұлының бағасы бір ширегіне 2 сомнан 1 сом 50 тиынға дейін төмендеді.

Қорытынды. Қорытындылай келе, Жетісу өңірі – отандық тарихнамада ежелден отырықшы-егіншілік мәдениеті үздіксіз дамыған, өзіндік агротехникалық дәстүрі қалыптасқан стратегиялық маңызды аймақ ретінде айқындалды. Аймақтың қолайлы геоклиматтық жағдайы мен табиғи су жүйелерінің молдығы дәнді-дақылдар (бидай, арпа, тары, күріш), сондай-ақ көкөніс пен бақша шаруашылығының өнімділігін арттыруға қолайлы жағдай туғызды. Бұл дақылдар жергілікті халықтың табиғи-азықтық қажеттілігін өтеп қана қоймай, өңірдегі тұрақты әлеуметтік-экономикалық қатынастардың дамуы мен ішкі-сыртқы сауда айналымының кепілі қызметін атқарды. Жетісудағы егіншіліктің сабақтастық жүйелерінің тарихи эволюциясын зерттеу – қазақ халқының дәстүрлі шаруашылық мәдениетін кешенді түрде қайта таразылауға мүмкіндік береді. Ол көшпелі және отырықшы мәдениеттердің синкретті дамуын, яғни архаикалық дәуірден басталған шаруашылық-мәдени типтердің сабақтастығын анықтаудың негізгі индикаторы болып табылады.

Дерек берушілер

I. Зікірбаев Сайлау. 1937 ж.т. Алматы облысы, Балқаш ауданы, Ақдала ауылы. Руы: Жалайыр-Арықтының.

II. Дәулетқанов Тасболат. 1946 ж.т. Жетісу облысы, Алакөл ауданы, Бұлақты ауылы. Руы: Найман-Қаракерей.

Әдебиеттер

(АӨЖМ) – Автордың өзі жинаған материалдары

Ас атасы, 1989 – Ас атасы – нан. Алматы, 1989. 328 б.

Ахантаева, 2026 – *Ахантаева Ә.Ж.* Сыр бойы қазақтарының егіншілік мәдениеті: тарихи-этнографиялық зерттеу (XIX – XX ғғ. басы). Алматы: Полиграфия, 2026. 198 б.

Байгабатова, 2003 – *Байгабатова Н.К.* К вопросу о состоянии земледельческого хозяйства казахов Жетысу в конце XIX – начале XX вв. // Вестник КазНУ. Серия историческая. 2003. № 4 (31). С. 173–176.

Бисембаева, 2020 – *Бисембаева Л.А.* Жетісу қазақтарының жаңа тұрмысқа бейімделуі (XIX ғас. II жартысы – XX ғас. басы) // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Исторические и социально-политические науки. 2020. Т. 4, № 67. 29–35 б.

Валиханов, 1984 – *Валиханов Ч.Ч.* О хлебопашестве // Собрание сочинений: в 5 томах. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 184–188.

Гинс, 1913 – *Гинс Г.В.* В киргизских аулах // Исторический вестник. 1913. № 10.

Костенко, 1872 – *Костенко Л.* Очерки Семиреченского края (Путевые письма) // Военный сборник. 1872. № 11, 12.

Левшин, 1996 – *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / Под общей редакцией академика М.К. Козыбаева. Алматы: «Санат», 1996. 656 с.

Летопись, 2012 – Летопись Жетысу. Алматы: Асыл сөз, 2012. 328 с.

Никольский, 1885 – *Никольский А.М.* Путешествие на озеро Балхаш и в Семиреченскую область. СПб., 1885. 84 с. + 59 с.

Обзор, 1907 – Обзор Семиреченской области за 1906 год. Верный: Типография Семиреченского областного правления, 1907. [2], 121, [42] с.

Обзор, 1908 – Обзор Семиреченской области за 1907 год. Верный: Типография Семиреченского областного правления, 1908. 116 с.

Путевые замечания, 2007 – Путевые замечания лекаря Омского гарнизонного полка Зибберштейна Ф.К. // История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным казахским степям (XVIII–XIX века). Т. 6. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 222–253.

Фальк, 1999 – *Фальк И.П.* Описание всех национальностей России / Пер. с нем. Алматы: Ғылым, 1999. С. 87–135.

Toktabay, Dosymbetov, 2025 – *Toktabay A.U., Dosymbetov N.A.* Traditional Kazakh Agriculture in the Studies of Russian Scientists and Travelers of the 18th–19th Centuries // Bylye Gody. 2025. Vol. 20 (4).

Informants

I. Zikirbaev Sailau. 1937 zh.t. Almaty oblysy, Balqash audany, Aqdala auyly. Ruy: Zhalaiyr-Aryqtynym.

II. Dauletqanov Tasbolat. 1946 zh.t. Zhetisu oblysy, Alakol audany, Bulaqty auyly. Ruy: Naiman-Qarakerei.

Reference

(AOZhM) – Avtordyң ozı zhinagan materialdary

As atasy, 1989 – As atasy – nan. Almaty, 1989. 328 p.

Ahantaeva, 2026 – *Ahantaeva A.Zh.* Syr boiy qazaqtarynyn eginshilik madenieti: tarihi-etnografialyq zertteu (XIX – XX gg. basy). Almaty: Poligrafia, 2026. 198 p.

Baigabatova, 2003 – *Baigabatova N.K.* K voprosu o sostoyanii zemledel'cheskogo khozyaistva kazakhov Zhetysu v kontse XIX – nachale XX vv. // Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya. 2003. № 4 (31). P. 173–176.

Bisembaeva, 2020 – *Bisembaeva L.A.* Zhetisu qazaqtarynyn zhana turmysqa beiimdelui (XIX gas. II zhartysy – XX gas. basy) // Vestnik KazNPU imeni Abaya. Seriya: Istoricheskie i sotsial'no-politicheskie nauki. 2020. T. 4, № 67. P. 29–35.

Valikhanov, 1985 – *Valikhanov Ch.Ch.* O khlebopashestve // Sobranie sochinenii: v 5 tomakh. T. 1. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoi sovetskoi entsiklopedii, 1985. P. 184–188.

Gins, 1913 – *Gins G.V.* V kirgizskikh aulakh // Istoricheskii vestnik. 1913. № 10.

Kostenko, 1872 – *Kostenko L.* Ocherki Semirechenskogo kraya (Putevye pis'ma) // Voennyi sbornik. 1872. № 11, 12.

Levshin, 1996 – *Levshin A.I.* Opisanie kirgiz-kazach'ikh, ili kirgiz-kaisatskikh, ord i stepei / Pod obshchei redaktsiei akademika M. K. Kozybaeva. Almaty: «Sanat», 1996. 656 p.

Letopis, 2012 – Letopis Zhetysu. Almaty: Asyl soz, 2012. 328 p.

Nikolsky, 1885 – *Nikolsky A.M.* Puteshestvie na ozero Balkhash i v Semirechenskuyu oblast'. SPb., 1885. 84 p. + 59 p.

Obzor, 1907 – Obzor Semirechenskoi oblasti za 1906 god. Vernyi: Tipografiya Semirechenskogo oblastnogo pravleniya, 1907. 121 p.

Obzor, 1908 – Obzor Semirechenskoi oblasti za 1907 god. Vernyi: Tipografiya Semirechenskogo oblastnogo pravleniya, 1908. 116 p.

Putevye zamechaniya, 2007 – Putevye zamechaniya lekarya Omskogo garnizonnogo polka Zibbershteina F.K. // Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov: Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdkakh po yuzhnym kazakhskim stepyam (XVIII–XIX veka). T. 6. Almaty: Daik-Press, 2007. P. 222–253.

Falk, 1999 – *Falk I.P.* Opisanie vsekh natsional'nostey Rossii / Per. s nem. Almaty: Gylym, 1999. P. 87-135.

Toktabay, Dosymbetov, 2025 – *Toktabay A.U., Dosymbetov N.A.* Traditional Kazakh Agriculture in the Studies of Russian Scientists and Travelers of the 18th–19th Centuries // Bylye Gody. 2025. Vol. 20 (4). P. 1652–1662.

СОДЕРЖАНИЕ / МАЗМҰНЫ
ОТАН ТАРИХЫ № 29(3). 2026

Dinasheva L.G., Alimbekuly A.A., Saparbekova B.
HISTORIOGRAPHY OF WRITTEN SOURCES ON THE HISTORY OF KAZAKHSTAN FROM THE 6th TO THE EARLY 13th CENTURIES: EVOLUTION OF TRANSLATIONS, TEXTUAL CRITICISM, AND HISTORICAL-GEOGRAPHICAL INTERPRETATION.....964

Suleimenova D.K., Agatay O.M.
ULUS OF JOCHI AND THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA, 1380–1395 FROM VASSALAGE TO ALLIANCE.....973

Порсин А.А.
ВЛИЯНИЕ КЛИМАТА И ЭПИДЕМИЙ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В КОНЦЕ XIII – НАЧАЛЕ XIV ВВ.....985

Джумагалиев Д.А., Сабитов Ж.М.
«КРИЗИС XIV ВЕКА» И ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ МЕХАНИЗМОВ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «МАДЖМУ АТ-ТАВАРИХ»).....997

Амирбекова С.К., Саркытқан К., Дюсенов Б.Д.
ХОРЕЗМ, МАВЕРАННАХР И ДЕШТ-И КИПЧАК В АРАБСКИХ РУКОПИСЯХ ВАТИКАНСКОЙ АПОСТОЛЬСКОЙ БИБЛИОТЕКИ.....1011

Koshymova A.O., Nogaibaeva M.S.
TOPONYMS IN KAZAKH EPICS: HISTORICAL, TOPONYMIC AND ETHNOCULTURAL ANALYSIS (BASED ON THE POEM “KOBYLANDY BATYR”).....1032

Kambarbekova G.A.
CENTRAL ASIA THROUGH THE LENS OF AN INDIAN TRAVELER: PEOPLE, CUSTOMS, AND TOPONYMY.....1044

Тылахметова А.С., Черниенко И.Б.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХАНА АБИЛМАМБЕТА В ОЦЕНКАХ ИСТОРИОГРАФИИ.....1063

Abenova G.A., Tokishkadirov B.B., Mamyrbekov A.M.
KAZAKH–DZUNGAR RELATIONS IN MODERN HISTORIOGRAPHY.....1079

Beisembayeva A.R.
KAZAKH-DZUNGAR RELATIONS FROM THE SECOND HALF OF THE XVII CENTURY TO THE 1750S: THE SOURCE BASE OF THE RESEARCH.....1092

Galimov Ye.A., Kabuldinov Z.Ye.
UPRISINGS OF THE KAZAKHS OF THE JUNIOR ZHUZ AGAINST THE ABOLITION OF THE AUTHORITY OF SULTAN-RULERS.....1104

Toraigyrov Ye.M.
THE KAZAKH POPULATION AND THE MILITARY-ADMINISTRATIVE POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE ON THE RIGHT BANK OF THE IRTYSH RIVER (SECOND HALF OF THE XVIII CENTURY TO THE EARLY XIX CENTURY).....1117

Төлебаева Ж.М., Хайрулдаева А.М.
ШОҚАН УӘЛИХАНОВ ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ ҚАЗАҚТАР МЕН ОРТА АЗИЯ ХАЛЫҚТАРЫНЫҢ XIX ҒАСЫРДАҒЫ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫ.....1131

Құрманбек Қ., Қайполла Қ., Нұржанбек Н.
ҚАЗАҚ АҒАРТУШЫЛАРЫНЫҢ ЕҢБЕКТЕРІНДЕГІ ШАҒАТАЙ ТІЛІНДЕГІ ДІНИ ТЕРМИНДЕР (Зәкірия бин Ибраһимнің «Мұхтасар ʿилм-И Ңал» еңбегі негізінде).....1143

Ахметова Г.М.
ТОРГОВОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ПРОЦЕССАХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА).....1156

Черниенко Д.А., Тойбаев А.Ж.
ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЖЕТЫСУСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XXI В. (ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ)….....1173

Оразов Р.Е., Тілеубаев Ш.Б., Қоңқабаева А.Н.
ЖЕТІСУ ОБЛЫСЫНДАҒЫ 1916 ЖЫЛҒЫ КӨТЕРІЛІСТІҢ КЕЙБІР АСПЕКТІЛЕРІ.....1195

Abdrakhmanova G.S., Kalenova T.S., Tuleubayev Zh.Z.
THE IDEA OF NATIONAL REVIVAL IN THE WORKS OF THE ALASH FIGURES: A HISTORICAL ANALYSIS.....1213

Жүсіп С.А., Маслов Х.Б.
ЧЕХИЯ МЕН СЛОВАКИЯ ДЕРЕККӨЗДЕРІНДЕГІ ҚАЗАҚ ХАЛҚЫНЫҢ БЕЙНЕСІ: МӘДЕНИЕТ, ҰЛТ ЗИЯЛЫЛАРЫ ЖӘНЕ АЛАШ ОРДА.....1228

Сулейменова Г.Ж., Оразаева Ж.Ж., Аликулова Н.С.
XX ҒАСЫР БАСЫНДА ҚАЗАҚ ӨЛКЕСІНДЕГІ БІЛІМ БЕРУДІҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ, ЖАҢАША ТЕНДЕНЦИЯ, ОҚЫТУ ЖҮЙЕСІНДЕГІ МӘСЕЛЕЛЕР.....1241

Байсалдина Г.Ж., Козыбаева М.М.
1918–1936 ЖЫЛДАРДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ САЙЛАУ ҚҰҚЫҒЫНАН АЙЫРУ САЯСАТЫ: ҚҰҚЫҚТЫҚ НЕГІЗДЕР, ӨҢІРЛІК ПРАКТИКА ЖӘНЕ ӘЛЕУМЕТТІК САЛДАРЛАР.....1254

Shakenov A.
HISTORICAL FIGURES IN RURAL STREET NAMES OF NORTHERN KAZAKHSTAN: FROM SOVIET TO NATIONAL PANTHEON.....1268

Сулейменова А.
1925–1933-ЖЫЛДАРДАҒЫ «КІШІ ҚАЗАН» НАУҚАНДАРЫНЫҢ ҚАЗАҚСТАННЫҢ ШЫҒЫС ӨҢІРЛЕРІНДЕ ЖҮРГІЗІЛУ ТАРИХЫ: АРХИВТІК ДЕРЕККӨЗДЕРГЕ ШОЛУ.....1281

Омарова Г.А., Жеңіс Ж.Ж., Қожаханова Қ.К.
ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ 1931–1933 ЖЫЛДАРДАҒЫ АШАРШЫЛЫҚТЫҢ ӘЛЕУМЕТТІК-ДЕМОГРАФИЯЛЫҚ ЗАРДАПТАРЫ: АЛМАТЫ ОБЛЫСЫ МЕН ҚАЛАСЫ МАТЕРИАЛДАРЫ НЕГІЗІНДЕ.....1301

Әлібек С.Н., Косанбаев С.К., Пазилов Е.Д.
1930-ШЫ ЖЫЛДАРЫ ОҢТҮСТІК ӨҢІРДЕ САЯСИ
ҚУҒЫН-СҮРГІНГЕ ҰШЫРАҒАН ОҚУ-АҒАРТУ
САЛАСЫ ҚЫЗМЕТКЕРЛЕРІНІҢ ҚАСІРЕТТІ ТАҒДЫРЫ.....1316

Issabek M.K., Gündoğdu A.
WOMEN OF SOUTH KAZAKHSTAN IN THE CONTEXT
OF STALINIST REPRESSIONS: THE FATE OF MOTHERS
AND THE FORMATION OF HISTORICAL MEMORY.....1331

Kassymova D.B., Abdrakhmanov B.N., Kenzhegalin A.K.
MIGRATIONS IN THE SYSTEM OF THE SOVIET-CHINESE
BORDER IN THE 1940S: SOCIETAL SECURITY IN THE KAZAKH SSR.....1347

Turgunbayev I.E., Makhayeva A.Sh., Zhanatayeva K.B.
MODERNIZATION IN THE EARLY REPUBLIC OF TÜRKIYE:
INTELLECTUAL EMIGRATION AND THE IDEOLOGICAL TRANSFER.....1360

Сауыркан Е., Каипбаева А.Т.
ТРАНСШЕКАРАЛЫҚ КӨШІ-ҚОН: XX ҒАСЫРДЫҢ
БАСЫНДА ҚЫТАЙ МЕН МОҢҒОЛИЯҒА ӨТКЕН
ҚАЗАҚ БОСҚЫНДАРЫ ЖӘНЕ БАЛАЛАР ТАҒДЫРЫ.....1371

Базарбаев К., Батырбекқызы Г., Эрен Акдениз
ТҮРКИЯ–ҚАЗАҚСТАН ҚАТЫНАСТАРЫНДАҒЫ
ЖҰМСАҚ КҮШ ПЕН ЭТНИКАЛЫҚ СӘЙКЕСТІК ЫҚПАЛЫ.....1388

Zharylgassynova B., Duisenbay D.
AGRICULTURAL CULTURE OF THE KARAKUYS
SETTLEMENT: BASED ON ARCHAEOBOTANICAL
MATERIALS OF THE EARLY IRON AGE.....1405

Турганбаева Л.Р., Агитаев С.С.
АРХИТЕКТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО МАВЗОЛЕЯ
НА ГОРОДИЩЕ КЫШКАЛА (КЫЗЫЛОРДИНСКАЯ ОБЛАСТЬ).....1418

Ерғали Г., Қалыш А.Б., Исаева А.И.
ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ БРАЧНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ
СРЕДИ КАЗАХОВ КАРАГАНДИНСКОЙ И УЛЫТАУСКОЙ ОБЛАСТЕЙ.....1432

Ахантаева Ә.Ж.
ЖЕТІСУ ӨҢІРІНДЕГІ ЕГІНШІЛІК ӨНІМДЕРІ
ЖӘНЕ ОНЫҢ ТҰРМЫСТА ҚОЛДАНЫЛУЫ.....1445

Ш.Ш. Уәлиханов ат. Тарих және этнология институты
Алматы қ., Шевченко көш., 28
Тел/факс: +7 727 261 67 19
e-mail: kazhistory@bk.ru